

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.**

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 30 июня 1845.

Цензоры: А. Мещанинъ и И. Исавоскій.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

*Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.
Gersonus.*

ТОМЪ XII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И К°.

1845.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810575
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

LIBRARY OF CONGRESS
EXCHANGE
EXCHANGED

WORLD WAR
1914-1918
LIBRARY

ОТЧЕТСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

КОРОЛЕВА МАРГО.

Романъ Александра Дюма.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Латинь герцога Гиза.

5/7/16
Въ понедельникъ 18-го августа 1572 года въ Луврѣ былъ большой праздникъ.

Окна стариннаго королевскаго жилища, всегда мрачныя, были ярко освѣщены; сосѣднія площади и улицы, обыкновенно бывшія безлюдными лишь-только пробѣтъ девять часовъ на башнѣ Сен-Жермен-а'Оксерруа, были наполнены народомъ, не смотря на то, что была уже полночь.

Эта грозная, стиснутая, шумящая толпа походила въ темнотѣ ночи на мрачное, волнующееся море; оно разливалось по набереж-

ной, вытекая изъ Улицъ Фоссе-Сен-Жерменъ и Ластрюсъ; волны разбивались въ приливъ у ствнъ Лувра и откатывались съ отливомъ до противоположной отели Бурбонъ.

Не смотря на королевскій праздникъ, а можетъ-быть и именно по причинъ королевскаго праздника, въ этомъ народъ было что-то угрожающее.

Дворъ праздновалъ свадьбу Маргариты-Валуа, дочери короля Генриха II-го и сестры короля Карла IX-го, съ Генрихомъ Бурбономъ, королемъ наваррскимъ. Дѣйствительно, въ этотъ день поутру кардиналъ Бурбонъ благословилъ союзъ новой четы съ торжествомъ, установленнымъ для бракосочетанія французскихъ принцессъ, на возвышеніи, устроенномъ при входѣ въ Церковь-Нотр-Дамъ.

Этотъ бракъ удивилъ всѣхъ и заставилъ крѣпко призадуматься иныхъ, понимавшихъ вещи яснѣе прочихъ. Трудно было понять сближеніе двухъ партій, ненавидѣвшихъ другъ друга отъ всей души, — партій протестантовъ и католиковъ. Спрашивалось, какъ молодой принцъ де-Конде проститъ герцогу Анжу, брату короля, смерть отца своего, котораго убилъ Монтекиу въ Жарнакѣ? Какъ молодой герцогъ Гизъ проститъ адмиралу Колинья убійство своего отца, зарѣзаннаго въ Орлеанѣ Польтро-де-Меромъ? — Этого мало: Жанна-Наваррская, мужественная супруга слабаго Антуана Бурбона, устроившая для своего сына Генриха этотъ царственный бракъ, умерла всего только два мѣсяца назадъ, и о внезапной смерти ея носились странные слухи. Вездѣ говорили шопотомъ, а въ иныхъ мѣстахъ и громко, что Жанна узнала какую-то страшную тайну, и что Катерина Медичи, опасаясь распространенія этой тайны, отравила ее душистыми перчатками: перчатки изготовилъ нѣкто Рене, соотечественникъ Медичи, человекъ очень-искусный въ дѣлахъ такого рода. Этотъ слухъ распространился и утвердился тѣмъ болѣе, что послѣ смерти великой королевы два медика, въ числѣ которыхъ былъ знаменитый Амбруазъ Парѣ, получили, по требованію ея сына, позволеніе вскрыть тѣло, за исключеніемъ только черепа. Жанна-Наваррская была отравлена ядовитымъ запахомъ, и только въ мозгу, единственной части тѣла, исключенной изъ вскрытія, можно было найти слѣды преступленія. Мы говоримъ «преступленія», потому-что въ немъ никто не сомнѣвался.

И это еще не все; король Карлъ настаивалъ на этомъ бракосочетаніи съ твердостью, походившею на упрямство: этотъ бракъ долженъ былъ не только возстановить миръ въ его королевствѣ, но и привлечь въ Парижъ главнѣйшихъ гугенотовъ Франціи. Женитьхъ былъ протестантъ, невѣста католичка: надобно было пре-

сѣтъ разрѣшенія у папы Григорія XIII. Разрѣшеніе не являлось, и эта остановка сильно беспокоила покойную наваррскую королеву. Однажды она высказала Карлу IX свои опасенія относительно этой медлительности, на что король отвѣчалъ:

— Не беспокойтесь, тѣтушка; я уважаю васъ больше папы, и люблю сестру мою больше, нежели боюсь его. Не гусенотъ, но и не дуракъ, и если господинъ этотъ вздумаетъ упрямиться, я самъ возьму Марго за руку и подведу ее къ алтарю съ вашимъ сыномъ.

Эти слова пронеслись изъ Лувра по городу; гугеноты были очень-обрадованы, католики сильно призадумались и не знали, просто ли измѣняетъ имъ король, или играетъ только комедію, которая разрѣшится въ одно прекрасное утро неожиданною развязкою.

Всего болѣе неизвѣстно было поведеніе Карла IX относительно адмирала Колиньи, лѣтъ пять или шесть непримиримо съ нимъ враждовавшаго. Отцѣнивъ голову его въ 150,000 экю золотомъ, король теперь чуть не божился имъ, называлъ его *mon père* и говорилъ во всеуслышаніе, что онъ предоставитъ веденіе войны исключительно ему. Эта перемена въ поведеніи короля дошла до такой степени, что даже Катерина Медичи, до-сихъ-поръ управлявшая дѣйствіями, волею и даже желаніями молодого государя, начала беспокоиться, — и не безъ причины: въ минуту откровенности Карлъ сказалъ адмиралу, говоря о Фландрской войнѣ:

— Тутъ есть еще одно обстоятельство, *mon père*, на которое нельзя не обратить вниманія: надо, чтобъ королева, мать моя, которая, какъ вы знаете, всюду суетъ свой носъ, ничего не знала объ этомъ предпріятіи; мы должны хранить это въ величайшей тайнѣ: она непременно намутитъ и испортитъ все дѣло.

Какъ Колиньи ни былъ благоразуменъ и опытенъ, однакожь не сумѣлъ угадать такой полной довѣрчивости. Не смотря на то, что въ Парижъ пріѣхалъ онъ, полный подозрѣнія, — не смотря на то, что при отъѣздѣ его изъ Шатильйона одна крестьянка бросилась къ ногамъ его, восклицая: «Не ѣзди, отецъ нашъ, не ѣзди въ Парижъ! Ты умрешь, если поѣдешь — ты и всѣ, кто будетъ съ тобою!» — не смотря на все это, подозрѣнія мало-по-малу угасли въ его сердцѣ и въ сердцѣ Телиньи, его зятя, съ которымъ король обходился дружески, называя его *mon cousin*, какъ называлъ адмирала *mon père*, и говоря ему «ты» — что дѣлывалъ онъ только въ-отношеніи лучшихъ друзей своихъ.

Гугеноты, исключая немногихъ раздражительныхъ и недоувѣрчивыхъ головъ, были совершенно успокоены. Смерть королевы наваррской приписали воспаленію легкихъ, и обширныя залы Лувра

ра исполнились храбрыми протестантами, которымъ бракъ молодого проводителя ихъ, Генриха, обещалъ неожиданный возвратъ Свѣстля. Адмиралъ Колиньи, ла-Рошфуко, принцъ Конде-сынъ, Телливиъ, — словомъ, съ начальники протестантской партіи торжествовали могу-щество и хорошій приемъ въ Лувръ именно тѣхъ лицъ, которыхъ за три мѣсяца король Карлъ и королева Катерина хотѣли велѣть повѣсить на висѣлицѣ выше висѣлицы убійцъ. Только маршала Монморанси напрасно искали въ обществѣ его братьевъ; никакія обещанія не могли соблазнить его, ничто не могло обмануть; онъ остался въ замкѣ своемъ Иль-Адапъ, извиваясь скорбью о смерти отца, великаго коннетабля Анна де-Монморанси, убитого изъ пистолета Робертомъ Стюартомъ въ сраженіи при Сен-Дені. Но такъ-какъ съ-тѣхъ-поръ прошло уже больше двухъ лѣтъ, и такъ-какъ чувствительность вовсе не была модною добродѣтелью того времени, то о необыкновенно-долгомъ траурѣ его думали, что хотѣли.

Впрочемъ, все обвиняло маршала Монморанси; король, королева, герцогъ д'Анжу и герцогъ д'Алансонъ какъ-нельзя-лучше угощали своихъ гостей.

Сами гугеноты говорили герцогу д'Анжу заслуженные, впрочемъ, комплименты о сраженіяхъ при Жарнакѣ и Монконтурѣ, выигранныхъ имъ, когда ему не было еще 18-ти лѣтъ; въ этомъ онъ опередилъ Цезаря и Александра, съ которыми его сравнивали, разумѣется, ставя побѣдителей при Иссъ и Фарсалѣ ниже его. Герцогъ д'Алансонъ смотрѣлъ на все это своими ласкающими и лукавыми глазами; королева Катерина сіяла отъ радости и разсыпалась въ комплиментахъ принцу Генриху Конде на-счетъ его недавней женитьбы на Маріи-Клевской; наконецъ, даже Гизы улыбались страшнымъ врагамъ ихъ дома, а герцогъ де-Майеннъ разсуждалъ съ Таванномъ и адмираломъ о войнѣ, которую теперь больше нежели когда-нибудь готовы были объявить Филиппу II-му.

Посреди этихъ группъ прохаживался, слегка наклонивъ голову и вслушиваясь во всякое слово, молодой человекъ лѣтъ девятнадцати, съ провицательнымъ взоромъ, черными, очень-коротко остриженными волосами, густыми бровями, съ орлинымъ носомъ, тонкой улыбкой, молодыми усами и бородой. Этотъ молодой человекъ, о которомъ знали до-сихъ-поръ только по сраженію при Арне-ледюкѣ, гдѣ онъ отличился лично храбростью, былъ любимымъ воспитанникъ Колиньи, герой дня, предметъ всеобщихъ комплиментовъ; три мѣсяца тому назадъ, то-есть когда мать его была еще въ живыхъ, его звали принцемъ беарнскимъ; теперь онъ назывался королемъ наваррскимъ, а послѣ—Генрихомъ IV-мъ.

По-временамъ, мрачное облако быстро пролетало по челу его:

конечно, онъ вспоминалъ, что мать его скончалась всего только мѣсяца два назадъ, а онъ меньше нежели кто-нибудь сомнѣвался въ ея отравленіи. Но это облако было мимолетно и исчезало какъ дрожащая тѣнь; говорившіе съ нимъ и поздравлявшіе его были именно убійцы мужественной Жаанны д'Альбре.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ короля наваррскаго, разговаривалъ съ Тезиньи молодой герцогъ Гизъ, столько же задумчивый и озабоченный, сколько король старался быть веселымъ и простодушнымъ. Онъ былъ счастливѣе Бсарница; двадцати-двухъ лѣтъ, онъ почти поравнялся славою съ отцомъ своимъ, великимъ Франсуа Гизомъ. Онъ былъ высокаго роста, изящной наружности, съ гордымъ взглядомъ, одаренъ естественнымъ величіемъ, невольно-наводившимъ на мысль, когда онъ проходилъ мимо принцевъ, что они передъ нимъ простой народъ. Не смотря на его молодость, католики видѣли въ немъ главу своей партіи, какъ гугеноты въ молодомъ Геприхъ-Наваррскомъ, портретъ котораго мы только-что очертили. Сначала онъ носилъ титуло принца жуанвильскаго; онъ въ первый разъ явился на военномъ поприщѣ при осадѣ Орлеана, подъ начальствомъ своего отца, умершаго на рукахъ его, называя Колиньи своимъ убійцею. Тогда молодой герцогъ далъ, подобно Аннибалу, торжественную клятву отмстить за смерть отца адмиралу и семейству его и преслѣдовать враговъ религіи безъ отдыха и пощады, обѣщая передъ лицомъ Бога быть на землѣ его ангеломъ — истребителемъ до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ истребленъ послѣдній еретикъ. Не безъ удивленія видѣли, что принцъ, всегда вѣрный своему слову, протягиваетъ руку людямъ, которыхъ поклялся считать своими вѣчными врагами, и дружелюбно разговариваетъ съ зятемъ того, въ чьей смерти поклялся умирающему отцу.

Но, мы уже сказали, это былъ вечеръ удивительныхъ событій.

Дѣйствительно, съ знаніемъ будущаго, къ-счастью отнятымъ у человека, съ способностью читать въ сердцахъ, принадлежавшемъ только Богу, привилегированный зритель увидѣлъ бы на этомъ празникѣ любопытнѣйшее зрѣлище, какое только могутъ представить лѣтописи печальной людской комедіи.

Но этотъ зритель не былъ въ залахъ Лувра: онъ съ улицы смотрѣлъ сверкающими глазами и ворчалъ грознымъ голосомъ; этотъ наблюдатель—былъ народъ, съ его инстинктомъ чудесно-изошреннымъ ненавистью; онъ смотрѣлъ, какъ пляшутъ тѣни его непримиримыхъ враговъ, изъяснялъ ихъ чувства такъ вѣрно, какъ только можетъ изъяснять ихъ любопытный передъ балуною залю, герметически-закупоренною. Музыка увлекаетъ танцующаго, между-тѣмъ, какъ любопытный зритель, стоящій внѣ залы, видитъ толь-

ко движеніе и смѣется надъ безсмысленною кукольною пляскою: онъ не слышитъ музыки...

Музыка, увлекавшая за собою гугенотовъ, была — голосъ ихъ гордости.

Блескъ, мерцавшій среди мрака ночи предъ глазами Парижанъ, былъ — молнія ихъ ненависти, озарявшія будущность.

И, однакожь, все улыбалось внутри дворца; въ эту минуту пробѣжалъ даже по заламъ Лувра еще болѣе-сладкій, льстивый говоръ; новобрачная, перемѣнивъ свой торжественный костюмъ, — платье съ шлейфомъ и длинный вуаль, снова появилась въ танцевальной залѣ; съ нею шла прекрасная герцогиня де-Неверъ, ея лучшей другъ, и король Карлъ, братъ ея, велъ ее за руку, представляя ее почетнѣйшимъ изъ гостей.

Эта новобрачная была дочь Генриха II-го, перлъ французской короны, Маргерита Валуа, которую Карлъ IX, отъ избытка родственной любви, не называлъ иначе, какъ сестрица Маргò.

Новую королеву наваррскую встрѣтили съ лестнымъ радушіемъ, и, безъ сомнѣнія, она стояла такого приѣма. Маргеритѣ не было еще двадцати лѣтъ, и она была уже предметомъ похвалъ всѣхъ поэтовъ, сравнивавшихъ ее кто съ Авророю, кто съ Цитерою. Дѣйствительно, при дворѣ, гдѣ Катерина Медичи собрала всѣхъ красивѣйшихъ женщинъ, какихъ только могла отыскать, чтобъ окружить себя хоромъ сиренъ, Маргарита была по красотѣ безъ соперницъ. У нея были черные волосы, свѣжій цвѣтъ лица, сладострастные глаза, отътененные длинными рѣсницами, малиновыя тонкія губы, изящная шея, богатая гибкая талія, дѣтскія ножки, обутыя въ шелковые башмаки. Французы гордились, что на ихъ землѣ расцвѣлъ такой роскошный цвѣтокъ; иностранцы, пробѣжавшіе Францію, возвращались домой, пораженные ея красотой, если имъ удалось только видѣть ее, и изумленные ея познаніями, если говорили съ нею. Маргерита была не только красивѣйшая, но и образованнѣйшая женщина своего времени; всѣ знали и повторяли слова одного ученаго Итальянца, который былъ ей представленъ, и, проговоривъ съ нею цѣлый часъ по-итальянски, по-испански и по-латинѣ, воскликнулъ, уходя, въ восторгѣ: «Видѣть дворъ не видя Маргериты Валуа, значитъ не видать ни Франціи, ни двора!»

Повѣстно, что не было недостатка въ привѣтствіяхъ и поздравительныхъ рѣчахъ Карлу IX и королевѣ наваррской; извѣстно, что гугеноты были искусные ораторы. Въ этихъ рѣчахъ искусно проскользали къ королю намеки на прошедшее, просьбы о будущемъ; на всѣ эти намеки онъ отвѣчалъ съ своею лукавою улыбкою:

— Отдавая сестрицу Маргò Генриху-Наваррскому, я отдаю ее всѣмъ протестантамъ королевства.

Эти слова успокоивали однихъ и заставляли улыбаться другихъ, потому-что тутъ действительно было два смысла: одинъ отеческій, которымъ Карлъ IX и не думалъ отягощать свою голову; другой оскорбительный для новобрачной, ея мужа и самого Карла, потому-что онъ напоминалъ кой-какія глухія сметни, которыми скандальзная хроника двора успѣла уже найти средства замарать брачное платье Маргериты Валуа.

Гизъ, какъ мы уже сказали, разговаривалъ съ Телины; онъ, однакожь, не слишкомъ-внимательно слѣдилъ за разговоромъ; иногда оглядывался и бросалъ взглядъ на группу дамъ, среди которой блистала королева наваррская. Если случалось, что взоръ ея встрѣчался со взоромъ герцога, по прелестному лбу ея какъ-будто пробѣгало облако, озаренное дрожащимъ ореоломъ алмазовъ, окружавшихъ ея голову, и въ нетерпѣливой, встревоженной позѣ ея какъ-будто проглядывало какое-то намѣреніе.

Принцесса Клодія, старшая сестра Маргериты, которая уже нѣсколько лѣтъ была за герцогомъ лотарингскимъ, замѣтила это безпокойство и хотѣла подойти къ сестрѣ, чтобъ узнать причину; но въ это время всѣ отступили, давая дорогу королевы-матери, которая шла, опираясь на руку молодого принца Кондэ, и принцесса очутилась далеко отъ сестры своей. Гизъ воспользовался всеобщимъ движеніемъ и подошелъ къ герцогинѣ де-Неверъ, своей невѣсткѣ, а слѣдовательно и къ Маргеритѣ. Герцогиня лотарингская (де-Лорренъ), неспускавшая глазъ съ молодой королевы, замѣтила, что облако на челѣ ея смѣнилось яркимъ пламенемъ, мелькнувшимъ на щекахъ. Герцогъ, однакоже, подходилъ все ближе и ближе, и когда онъ былъ уже только въ двухъ шагахъ отъ нея, Маргерита, которая какъ-будто не столько видѣла, сколько чувствовала его приближеніе, оборотилась, съ трудомъ придавъ лицу своему выраженіе спокойствія и беззаботности. Герцогъ почтительно поклонился и во время поклона проговорилъ въ-полголоса:

— *Ipse attuli.*

То-есть:

— Я принесъ самъ.

Маргерита въ свою очередь поклонилась герцогу, и, приподымаясь, проронила въ отвѣтъ:

— *Nocti pro me.*

Что значило:

— Ночью, какъ обыкновенно.

Эти сладкія слова, прозвучавшія въ огромномъ накрахмаленномъ воротникѣ королевы, какъ въ говорной трубѣ, слышалъ только тотъ, кому они были сказаны; но какъ ни былъ коротокъ этотъ разговоръ, въ немъ, конечно, было высказано все, что хотѣли ска-

затѣ другъ другу молодые люди. Отвѣтивъ тремя словами на два, Маргерита отошла, еще болѣе задумчивая; герцогъ просіялъ послѣ этого разговора. Человѣкъ, котораго всѣхъ болѣе должна была бы интересоватъ эта сцена, не обратилъ, казалось, на нее ни малѣйшаго вниманія. У короля наваррскаго въ свою очередь были глаза только для одной особы, около которой собирався кружокъ почти-неменьше кружка Маргериты Валуа: это была прекрасная госпожа де-Совъ.

Шарлотта де-Бонн-Самблансэ, внука несчастнаго Самблансэ и жена Симона де-Физа, барона де-Сова, была одна изъ приближенныхъ дамъ къ Катеринѣ-Медичи, одна изъ страшнѣйшихъ помощницъ этой королевы, подносившая врагамъ напитокъ любви, когда не смѣла поднести имъ флорентинскій ядъ. Маленькая блондинка, то живая какъ ртуть, то таюшая отъ меланхоли, всегда готовая къ любви и интригѣ — двумя занятіямъ, въ-продолженіи пятидесяти лѣтъ господствовавшимъ при дворѣ трехъ королей. Женщина во всемъ смыслѣ слова и во всей прелести дѣла, начиная съ голубыхъ, томныхъ или пылающихъ глазъ, до возмутительной ножки, обутой въ бархатъ, госпожа де-Совъ уже нѣсколько мѣсяцевъ завладѣла всеми способностями короля наваррскаго, начинавшаго тогда дебютировать на поприщѣ любви и на поприщѣ политической жизни. Она овладѣла имъ до такой степени, что даже величественная, царская красота Маргериты-Наваррской не пробудила удивленія въ сердцѣ ея супруга. И, странное дѣло! даже Катерина Медичи, эта душа полная мрака и таинственности, настаивая на предположенномъ ею бракѣ дочери своей съ королемъ наваррскимъ, продолжала, ко всеобщему удивленію, почти-явно покровительствовать любовной связи Генриха съ госпожею де-Совъ. Но, не смотря на эту могущественную помощницу Генриха и на зло невзыскательнымъ нравамъ эпохи, прекрасная Шарлотта противилась до-сихъ-поръ. Это неслыханное, невѣроятное упорство еще болѣе красоты и ума ея зародило въ сердцѣ Беарнца страсть, которая, не могши удовлетворить себя, перегарала въ душѣ и истребляла въ сердцѣ молодаго короля и робость, и гордость, и даже полуфилософскую, полулѣнливую безпечность, составлявшую главное основаніе его характера.

Госпожа де-Совъ нѣсколько минутъ какъ вошла въ залу; изъ досады ли, изъ огорченія ли, только она рѣшилась-было сначала не быть свидѣтельницею торжества своей соперницы и, подъ предлогомъ нездоровья, отпустила своего мужа, государственнаго секретаря, въ Лувръ; но Катерина Медичи спросила, почему не пріѣхала ея милая Шарлотта, и узнавъ, что она задержана легкимъ нездоровьемъ, написала ей короткое приглашеніе, которо-

му госпожа де-Совъ поспѣшила повиноваться. Генрихъ былъ сначала опечаленъ ея отсутствіемъ и вздохнулъ вольнѣе, когда увидѣлъ, что господинъ де-Совъ вошелъ одинъ; но въ ту самую минуту, когда онъ, не ожидая никакого явленія, хотѣлъ, вздохнувъ, подойти къ милому созданію, которое былъ осужденъ если не любить, то по-крайней-мѣрѣ считать женою, — въ концѣ залы явилась госпожа де-Совъ; онъ остановился на мѣстѣ какъ прикованный, устремивъ глаза на эту Цирцею, привязавшую его къ себѣ магической цѣпью, и вмѣсто того, чтобы приблизиться къ женѣ, онъ, помедливъ немного, пошелъ къ госпожѣ де-Совъ.

Придворный, замѣтивъ, что король наваррскій, влюбчивость котораго была извѣстна, идетъ къ Шарлоттѣ, не посмѣли мѣшать ихъ свиданію и удалились очень-деликатно, такъ-что въ ту самую минуту, когда Маргерита Валуа и Гизъ обмѣнялись нѣсколькими латинскими словами, Генрихъ, подошедъ къ госпожѣ де-Совъ, началъ просто по-французски, хоть и на гасконскій ладъ, разговоръ, не столь таинственный.

— А! сказалъ онъ: — наконецъ вы являетесь. А мнѣ сказали, что вы нездоровы, и я уже потерялъ надежду васъ видѣть.

— Не хотите ли ваше величество увѣрить меня, отвѣчала госпожа де-Совъ: — что вамъ дорого стоило разстаться съ этой надеждой?

— Надѣюсь, отвѣчалъ Беарнецъ. Не-уже-ли вы не знаете, что вы мое солнце днемъ и звѣзда моя ночью? Я думалъ, что окруженъ непроицаемымъ мракомъ; вдругъ являетесь вы — и все озарилось свѣтомъ.

— Плохую же я оказала вамъ услугу.

— Чтò вы хотите сказать? спросилъ Генрихъ.

— Я хочу сказать, что тотъ, кто владѣеть прекраснѣйшей женщиной Франціи, долженъ желать только одного, чтобы свѣтъ исчезъ и воцарилась тьма, потому-что въ темнотѣ ждетъ васъ блаженство.

— Это блаженство, злая, — вы знаете, оно въ рукахъ одной, которая смѣется надъ бѣднымъ Генрихомъ.

— О! возразила баронесса: — я думаю, напротивъ, она была игрушкою короля наваррскаго.

Генрихъ испугался такого непріязненнаго тона, по обдумалъ, что этотъ тонъ обнаруживаетъ досаду, а досада — маска любви.

— Право, любезная Шарлотта, сказалъ онъ: — вы дѣлаете мнѣ несправедливый упрекъ; не понимаю, какъ такія прекрасныя губки могутъ быть столь жестоки. Не-уже-ли вы думаете, что я жевую? Нѣтъ, чортъ возьми, не я!

— Такъ не я ли? съ колкостью возразила баронесса, если можно

назвать колкостью слова женщины, которая васъ любить и упрекаетъ въ равнодушіи.

— И ваши прекрасные глаза такъ близоруки, баронесса? Нѣтъ, нѣтъ! Не Генрихъ-Наваррскій женится на Маргеритѣ Валуа.

— Кто же? позвольте спросить.

— И, Боже мой! Реформатская вѣра выходить замужъ за нашу, — вотъ и все!

— Полноте, ваше величество, полноте! Вы не обманете меня острымъ словомъ: ваше величество любите принцессу Маргериту, и я нисколько не упрекаю васъ въ этомъ, — сохрани Боже! Такую красавицу любить можно!

Генрихъ задумался на минуту; тонкая улыбка играла на губахъ его.

— Баронесса, сказалъ онъ: — вы, кажется, ищите предлога поссориться со мною; но вы не имѣете на это права: что сдѣлали вы, скажите, чтобъ не допустить меня до женитьбы на Маргеритѣ? Ничего. Напротивъ, вы постоянно лишали меня всякой надежды.

— И къ-счастью, ваше величество, отвѣчала г-жа де-Совъ.

— Какъ?

— Конечно: теперь вы женитесь на другой.

— О! я женюсь на ней, потому-что вы меня не любите.

— Еслибъ я любила васъ, мнѣ пришлось бы умереть не дальше, какъ черезъ часъ.

— Черезъ часъ! Что это значить? Отъ какой же болѣзни?

— Отъ ревности... Черезъ часъ королева наваррская отошлетъ своихъ дамъ, а ваше величество своихъ камердинеровъ и свиту.

— И вы не шутя заняты этою мыслию?

— Я этого не говорю. Я говорю, что еслибъ я любила васъ, эта мысль терзала бы меня ужасно.

— А! воскликнулъ Генрихъ, въ восторгъ отъ этого признанія, которое онъ услышалъ отъ баронессы:—а если король наваррскій не отошлетъ своей свиты сегодня вечеромъ?

— Ваше величество, отвѣчала г-жа де-Совъ, глядя на короля съ изумленіемъ, на этотъ разъ непритворнымъ:—вы говорите всегда вещи невозможныя и, главное, невѣроятныя.

— Что же надо сдѣлать, чтобъ вы повѣрили имъ?

— Надо доказать ихъ на дѣлѣ, а этого вы не можете сдѣлать.

— Могу, баронесса, могу. Клянусь св. Генрихомъ, что докажу! воскликнулъ король, пожирая молодую женщину пылающими отъ любви взорами.

— О! ваше величество! прошептала прекрасная Шарлотта, понижая голосъ и опустивъ глаза... Я не понимаю. Нѣтъ, нѣтъ! вамъ невозможно ускользнуть отъ счастья, которое васъ ожидаетъ.

— Въ этой залѣ четыре Генриха, возразилъ король: — Генрихъ Французскій, Генрихъ Кондэ, Генрихъ де-Гизъ; но есть только одинъ Генрихъ-Наваррскій.

— Что же дальше?

— Дальше? Что, если этотъ Генрихъ наваррскій не разлучится съ вами во всю ночь?

— Въ эту ночь?

— Да; увѣритесь ли вы тогда, что онъ не провелъ ее съ другою?

— А! Если вы это сдѣлаете!.. воскликнула въ свою очередь баронесса.

— Честное слово, что сдѣлаю!

Г-жа де-Совъ подняла глаза, влажные сладострастнымъ общаніемъ и улыбнулась королю, сердце котораго замерло отъ восторга.

— И такъ, что вы скажете въ такомъ случаѣ? спросилъ Генрихъ.

— О! въ такомъ случаѣ, отвѣчала Шарлотта:—въ такомъ случаѣ я скажу, что ваше величество действительно любите меня.

— Хорошо же, вы скажете это! Скажете, потому-что оно действительно такъ!

— Но какъ же это устроить? пролепетала г-жа де-Совъ.

— И, Боже мой! у васъ, конечно, есть какая-нибудь горничная или служанка, въ которой вы увѣрены.

— Да! Дариола предана мнѣ душой и тѣломъ; она готова умереть за меня. Это истинное сокровище!

— Sang diou! Баронесса, скажите ей, что я позабочусь о ея счастьи, когда буду французскимъ королемъ, какъ предсказываютъ мнѣ астрологи.

Шарлотта улыбнулась.

— Чего же желаете вы отъ Дариолы?

— Бездѣлицу—для нея, а для меня все.

— Однако же?

— Ваша комната надъ моею.

— Да.

— Пусть она ждетъ у дверей. Я постучу тихонько три раза; она впуститъ меня, и я докажу вамъ, что хотѣлъ доказать.

Баронесса промолчала нѣсколько минутъ; потомъ, какъ-будто оглядываясь, чтобъ кто-нибудь не подслушалъ, она на минуту остановила глаза свои на группѣ, окружавшей королеву-мать; но какъ ни быстро было это движеніе, Катерина и ея камер-фрау обмѣнялись взглядами.

— О! еслибъ я захотѣла, сказала г-жа де-Совъ голосомъ сирены:—еслибъ я захотѣла заставить ваше величество солгать...

— Попробуйте, попробуйте...

— Признаюсь вамъ, мнѣ этого ужасно хочется.

— Сдайтесь; женщины всего сильнѣе послѣ пораженія.

— Я припомню вамъ, что вы обѣщали Дариоль, когда вы будете королемъ Франціи.

Генрихъ вскрикнулъ отъ радости.

Именно въ то мгновеніе, когда этотъ крикъ вырвался изъ груди Беарнца, королева наваррская отвѣчала герцогу де-Гизу:

— *Noc tu pro nocte* (ночью, какъ обыкновенно).

Генрихъ отошелъ отъ г-жи де-Совъ, столько же счастливый, какъ и герцогъ Гизъ, удалявшійся отъ Маргериты Валуа.

Черезъ часъ послѣ этой двойной сцены, король Карлъ и королева-мать удалились въ свои покои; въ ту же минуту, залы начали пустѣть; стали видны базисы мраморныхъ колоннъ галереи. Адмирала и принца Конде проводили домой четыреста дворянъ сквозь народную толпу, ворчавшую имъ въ-слѣдъ. Потомъ Генрихъ де-Гизъ вышелъ въ свою очередь съ католическими вельможами Лоррени, напутствуемый радостнымъ крикомъ и рукоплесканіями народа.

Что касается до Маргериты Валуа, Генриха-Наваррскаго и г-жи де-Совъ, — они жили въ самомъ Луврѣ.

II.

Комната королевы наваррской.

Герцогъ де-Гизъ проводилъ свою невесту, герцогиню де-Неверъ, домой, въ Улицу-дю-Шомъ, въ домъ, стоявшій прямо противъ Улицы де-Бракъ. Отдавъ ее попеченію ея фрейлишъ, онъ ушелъ въ свою комнату переѣнить костюмъ; надѣлъ ночной плащъ и вооружился острымъ, короткимъ кинжаломъ — оружіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «дворянской чести», которое носили безъ шпаги. Но, снимая кинжалъ со стола, на которомъ онъ лежалъ, герцогъ замѣтилъ записку, втиснутую между лезвіемъ и ножнами.

Онъ развернулъ ее и прочелъ:

«Надѣюсь, что герцогъ де-Гизъ не воротится эту ночь въ Лувръ или, если воротится, то не забудетъ по-крайней-мѣрѣ надѣть добрый панцырь и взять добрую шпагу.»

— А! воскликнулъ герцогъ, обращаясь къ своему слугѣ: — вотъ странное предостереженіе, Робенъ. Скажи, кто входилъ сюда безъ меня?

— Одинъ только человекъ.

— Кто?

— Господинъ дю-Гастъ.

— Да! да! То-то мнѣ показалось, рука знакома. Ты увѣренъ, что дю-Гастъ былъ здѣсь? Ты его видѣлъ?

— Я даже говорилъ съ нимъ.

— Хорошо. Такъ я послѣдую его совѣту. Панцырь и шпагу!

Слуга, привыкшій уже къ подобнымъ переодѣваньямъ, принесъ то и другое. Герцогъ надѣлъ панцырь, стальныя кольца котораго были не толще *основы* (нитокъ) бархата; сверхъ кольчуги исподній камзолъ и сѣрый съ серебрянымъ шитьемъ полукафтанъ. Это былъ его любимый цвѣтъ. Потомъ онъ надѣлъ сапоги, доходившіе до половины ляжекъ, бархатную шапочку безъ перьевъ и аграфа, завернулся въ плащъ темнаго цвѣта, заткнулъ за поясъ кинжалъ, и, отдавъ шпагу пажу, единственному проводнику, которому приказалъ за собою слѣдовать, пошелъ къ Лувру.

Когда онъ выходилъ изъ дома, на башнѣ Сен-Жермен-д'Оксеруа пробило часъ.

Не смотря на поздній часъ ночи и на опасности ночнаго путешествія по улицамъ въ то время, ничего особеннаго не случилось съ прицемъ-искателемъ приключеній. Здоровый и невредимый дошелъ онъ до колоссальной массы стариннаго Лувра; огни погасали во дворцѣ одинъ за другимъ, и самъ дворецъ грозно возвышался среди мрака и тишины.

Передъ королевскимъ замкомъ тянулся глубокой ровъ; къ нему выходили окна комнатъ большей части принцевъ, жившихъ во дворцѣ. Комната Маргериты была въ первомъ этажѣ.

Но этотъ первый этажъ, очень-доступный, еслибъ не было рва, возвышался, благодаря ему, футовъ на тридцать отъ земли, такъ-что ни воръ, ни любовникъ не могли туда забраться. Это не помѣшало, однакожь, герцогу де-Гизу смѣло спуститься въ ровъ.

Въ ту же минуту, послышался шумъ отъ окна, отворяемаго съ *rez-de-chaussée*. Окно было съ желѣзной рѣшеткой; но чья-то рука приподняла часть рѣшетки, отдѣленной отъ окна заранѣе, и спустила сквозь отверстіе шелковую петлю.

— Это вы, Гильйонна? спросилъ въ-полголоса Герцогъ.

— Дѣ! еще тише отвѣчалъ женскій голосъ.

— А Маргерита?

— Она ждетъ васъ.

— Хорошо.

Съ этими словами герцогъ далъ знакъ своему пажу, и тотъ досталъ ему изъ-подъ своего плаща веревочную лѣстницу. Герцогъ вкрѣпилъ конецъ ея къ опущенной петлѣ. Гильйонна встала

лѣстницу къ себѣ, привязала ее накрѣпко, и герцогъ, притянувъ шпагу поясомъ, началъ взбираться, и взобрался благополучно. Рѣшетка опустилась за нимъ, окно было заперто, и пажъ, увѣрившись, что герцогъ благополучно вошелъ въ Лувръ, къ окнамъ котораго онъ двадцать разъ провожалъ его подобнымъ образомъ, завернулся въ плащъ и легъ спать на травѣ во рву подъ тѣнью стѣны.

Ночь была темна, и крупныя, теплыя капли падали съ облаковъ, пропитанныхъ электричествомъ.

Герцогъ пошелъ за своею путеводительницею, — это была не меньше, какъ дочь Жака де-Матиньонъ, маршала Франціи. Это была задушевная повѣренная Маргериты, нескрывавшей отъ нея ничего, и думали даже, что въ числѣ тайнъ, порученныхъ ей неподкупной вѣрностію, были такія ужасныя, что онѣ противъ воли заставляли ее молчать обо всемъ остальномъ.

Ни одной свѣчи не горѣло ни въ комнатахъ, ни въ корридорахъ; только изрѣдка блѣдная молнія озаряла мрачные покои какимъ-то голубоватымъ блескомъ, и исчезала въ то же мгновение.

Герцогъ все шелъ за Гильйонной, держа ее за руку; наконецъ они достигли спиральной лѣстницы, сдѣланной въ стѣнѣ, ведущей къ потайной, незамѣтной двери въ прихожую апартаментовъ, занимаемыхъ Маргеритою.

— Эта прихожая, такъ же какъ и торжественныя залы, корридоры и лѣстница, была погружена въ глубочайшую тьму.

Здѣсь Гильйонна остановилась.

— Принесли ли вы съ собою чего желаетъ королева? спросила она шопотомъ.

— Принесъ, отвѣчалъ герцогъ:—но отдамъ только лично королеву.

— Пойдемте же не теряя ни минуты! произнесъ во мракъ голосъ, заставившій герцога вздрогнуть.—Онъ узналъ голосъ Маргериты.

Въ то же время поднялась шитая золотомъ завѣса изъ фіолетоваго бархата, и герцогъ могъ рассмотреть въ темнотѣ королеву, пришедшую, въ нетерпѣніи, къ нему на встрѣчу.

— Я здѣсь, сказалъ герцогъ, и вошелъ за занавѣсь, который тотчасъ же за нимъ опустился.

Теперь настала очередь Маргериты Валуа быть путеводительницею герцога въ этой комнатѣ, хорошо, впрочемъ, ему извѣстной. Гильйонна, оставшись у дверей, успокоила свою госпожу, приложивъ палецъ къ губамъ.

Маргерита, какъ-будто догадываясь о ревнивомъ безпокойствѣ герцога, довела его даже въ свою спальню. Здѣсь она остановилась.

— Довольны ли вы, герцогъ? спросила она.

Она втокнула герцога въ кабинетъ.

И въ-пору. Дверь едва успѣла затвориться за Гизомъ, какъ король наваррскій съ улыбкою явился на порогъ комнаты въ сопровожденіи двухъ пажей, несшихъ восемь свѣчей изъ розоваго воска въ двухъ канделябрахъ.

Маргерита скрыла свое замѣшательство, дѣлая глубокой реверансъ.

— А вы еще не легли? спросилъ Беарнецъ съ веселымъ, открытымъ выраженіемъ лица. — Не ждали ли вы меня?

— Нѣтъ, отвѣчала Маргерита:—вы вчера еще сказали мнѣ, будто очень-хорошо знаете, что наша женитьба политическій союзъ, и что вы не станете меня принуждать.

— Пусть такъ; только это не мѣшаетъ намъ побесѣдовать другъ съ другомъ.— Гильйонна, затворите дверь и оставьте насъ.

Маргерита встала и протянула руку, какъ-будто приказывая пажа оставаться.

— Прикажете позвать вашихъ женщинъ? спросилъ король. — Я согласенъ, если вамъ это угодно, хоть и признаюсь, лучше бы желалъ переговорить съ вами наединѣ.

Съ этими словами, король наваррскій подошелъ къ кабинету.

— Нѣтъ! сказала Маргерита, быстро заступая ему дорогу:—нѣтъ, это ненужно; я готова выслушать васъ.

Беарнецъ зналъ, что хотѣлъ знать; онъ бросилъ быстрый и проницательный взглядъ на кабинетъ, какъ-будто хотѣлъ проникнуть сквозь закрывавшую его завѣсу въ самую темную глубину его. Потомъ, обративъ взоръ на блѣдную отъ страха жену свою, онъ сказалъ совершенно-спокойнымъ голосомъ:

— Въ такомъ случаѣ, поговоримте о чемъ-нибудь.

— Какъ угодно вашему величеству, отвѣчала она, больше падая, нежели сядя на мѣсто, которое указалъ ей мужъ.

Беарнецъ сѣлъ возлѣ нея.

— Что бы ни говорили многіе, сказалъ онъ: — наша женитьба, я думаю, хорошая женитьба. Я вашъ, а вы моя.

— Но... проговорила въ испугъ Маргерита.

— Следовательно, продолжалъ король, какъ-будто не замѣчая замѣшательства Маргериты:—мы должны вести себя въ-отношеніи другъ къ другу какъ добрые союзники, потому-что дали сегодня въ этомъ союзѣ клятву передъ Богомъ. Не такъ ли?

— Конечно.

— Я знаю вашу прозорливость; знаю, какими пропастями усѣяна придворная почва; я молодъ, и хотя никому не сдѣлалъ зла, но у меня много враговъ. Куда же причислить ту, которая носитъ мое имя и которая поклялась мнѣ въ вѣрности при алтарѣ Божиемъ?

— Можете ли вы думать...

— Я ничего не думаю; я надѣюсь, и хочу увѣриться, что надежда моя не безъ основанія. Дѣло извѣстное: нашъ бракъ — или предлогъ, или ловушка.

Маргерита вздрогнула; эта мысль шевелилась, можетъ-быть, и въ ея душѣ.

— Что же изъ двухъ? продолжалъ Генрихъ. — Король меня ненавидитъ, герцогъ д'Анжу ненавидитъ, герцогъ д'Алансонъ ненавидитъ, Катерина Медичи такъ глубоко ненавидѣла мать мою, что не можетъ не ненавидѣть и меня.

— О! что вы говорите?

— Я говорю правду, отвѣчалъ король: — и желаю бы, чтобъ кто-нибудь насъ слышалъ; иначе, могутъ думать, что я не догадался объ убіеніи Муи и оравленіи моей матери.

— О! живо подхватила Маргерита съ самымъ спокойнымъ и улыбающимся лицомъ: — вы знаете очень-хорошо, что здѣсь только вы да я.

— Потому-то именно я такъ и откровененъ; потому-то я и осмѣливаюсь сказать вамъ, что меня не обмануть ни ласки французскаго, ни ласки лотарингскаго двора.

— Ваше величество!...

— Что жъ тутъ такое? спросилъ Генрихъ, улыбаясь въ свою очередь.

— То, что такіе разговоры очень-опасны.

— Да, не наединѣ, отвѣчалъ король. — И такъ, я вамъ говорю...

Маргерита очевидно была какъ на пыткѣ; она хотѣла бы остановить каждое слово на губахъ короля; но Генрихъ продолжалъ съ своимъ кажущимся простодушіемъ:

— И такъ, я вамъ говорю, что мнѣ грозятъ со всѣхъ сторонъ; мнѣ грозитъ король, герцогъ д'Алансонъ, герцогъ д'Анжу, королева-мать, герцогъ де-Гизъ, герцогъ де-Майеннъ, кардиналъ де-Лорренъ, словомъ, весь міръ. Вы знаете, это чувствуешь какъ-то по инстинкту. Всѣ эти угрозы не замедлятъ превратиться въ настоящее нападеніе, и отъ этого-то я могу защититься съ зацею помощью: васъ любятъ всѣ, которые меня ненавидятъ.

— Меня! сказала Маргерита.

— Да, васъ, повторилъ Генрихъ-Наваррекій съ совершеннымъ простодушіемъ: — да, васъ любитъ король Карль, любитъ (онъ налегъ на это слово) герцогъ д'Алансонъ, любитъ королева Катерина, любитъ, наконецъ, герцогъ де-Гизъ...

— Ваше величество! проговорила Маргерита.

— Что жъ тутъ удивительнаго, что всѣ васъ любятъ? Тѣ, которыхъ я называлъ, ваши братья или родственники. Любятъ своихъ родственниковъ или братьевъ — значитъ жить по закону Божію.

— Но къ чему же все это вѣдетъ?

— Къ тому, что я уже сказалъ вамъ: если вы будете... не говорю мнѣ другомъ, но только союзникомъ, я могу торжествовать; если же вы будете мнѣ врагомъ, я погибъ.

— О! врагомъ вашимъ—никогда! воскликнула Маргерита.

— Но никогда и другомъ?

— Можетъ-быть.

— А союзникомъ?

— Непременно.

И Маргерита отвернулась, протягивая руку королю.

Георихъ взялъ эту руку, поцаловалъ ее, и, не выпуская назадъ больше для того, чтобы наблюдать за женой, нежели изъ нѣжнаго чувства, продолжалъ:

— Я вѣрю вамъ и принимаю васъ въ союзницы. Намъ женили, когда мы не знали и не любили другъ друга; намъ женили не спрашивая нашего согласія. Слѣдовательно, какъ мужъ и жена, мы не обязаны другъ другу ничѣмъ. Вы видите: я предупреждаю ваши желанія и подтверждаю теперь то, что сказалъ вчера. Но политическій союзъ свой мы заключаемъ по доброй волѣ, безъ всякаго принужденія. Мы заключаемъ его какъ двѣ честныя души, обязанныя покровительствовать другъ другу. Не такъ ли?

— Да, отвѣчала Маргерита, стараясь освободить свою руку.

— Итакъ, продолжалъ Беарнецъ, не сводя глазъ съ дверей кабинета: — въ доказательство чистосердечности нашего союза и совершенной довѣренности, я расскажу вамъ во всей подробности планъ, слѣдуя которому надѣюсь торжествовать надъ этого враждою.

— Государь, проговорила Маргерита, въ свою очередь невольно обращая глаза къ кабинету, между-тѣмъ, какъ Беарнецъ, видя, что хитрость его удалась, смѣялся внутренно.

— Вотъ, что я намѣренъ слѣвать, продолжалъ онъ, какъ-будто не замѣчая замѣшательства жены:—я...

— Позвольте мнѣ отдохнуть, громко сказала Маргерита, поспѣшно вставая и схвативъ короля за руку: — душевное волненіе... жаръ... мнѣ душно.

Дѣйствительно, Маргерита была блѣдна и дрожала, какъ-будто готова была упасть на коверъ.

Георихъ пошелъ къ отдаленному окну и раскрылъ его. Окно выходило къ рѣкѣ.

Маргерита пошла за нимъ.

— Тщел! тщел! щепнула она.—Пожалѣйте себя!

— Какъ! сказалъ улыбаясь Беарнецъ: — вѣдь мы, сказали вы, мѣсь одинъ?

— Да; но развѣ вы не знаете, что посредствомъ слуховой трубы, вѣдланной въ потолокъ или стѣну, можно все слышать?

— Правда, правда, сказалъ тихо и поспѣшно Беарнецъ. — Вы не любите меня, это такъ; но вы честная женщина.

— Чтò вы хотите сказать?

— То, что еслибъ вы хотѣли выдать меня, вы позволили бы мнѣ продолжать, потому-что я выдалъ бы себя самъ. Вы остановили меня. Теперь я знаю, что кто-нибудь здѣсь скрывается, что вы невѣрная жена, но вѣрная союзница; а теперь, прибавилъ Беарнецъ улыбаясь: — политическая вѣрность мнѣ нужнѣе супружеской.

— Послушайте...

— Хорошо, хорошо, мы поговоримъ объ этомъ послѣ, когда мы лучше узнаемъ другъ друга, прервалъ ее Генрихъ.

Потомъ, возвысивъ голосъ, онъ продолжалъ:

— Освѣжились ли вы?

— Да, отвѣчала Маргерита: — да, ваше величество.

— Въ такомъ случаѣ я не хочу беспокоить васъ долѣе. Я долженъ былъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе и дружбу; примите же ихъ, они чистосердечны. Отдохните; покойной ночи.

Маргерита взглянула на мужа взоромъ, полнымъ благодарности, и въ свою очередь протянула ему руку.

— Рѣшено, сказала она.

— Союзъ политическій, чистосердечный и честный? спросилъ Генрихъ.

— Чистосердечный и честный.

Беарнецъ пошелъ къ дверямъ, увлекая за собою Маргериту взорами, какъ обвороженную. Когда занавѣска опустилась между ними и спальнею, онъ тиховько и проворно сказалъ:

— Благодарю васъ, Маргерита, благодарю! Вы истинная Француженка. Я ухожу спокойный. За недостаткомъ любви, мнѣ не имѣннть ваша дружба. Я полагаюсь на васъ, какъ вы, съ вашей стороны, можете положиться на меня. Прощайте.

Генрихъ поцаловалъ руку жены своей, слегка сжимая ее; потомъ поспѣшилъ къ себѣ, говоря въ корридорѣ съ самимъ собою:

— Кто бы это, чортъ возьми, былъ у нея? Король, или герцогъ д'Анжу? герцогъ д'Алансонъ или Гизъ? Братъ или любовникъ? Или и то и другое? Право, мнѣ теперь почти досадно, что я назначилъ баронессѣ свиданіе. Но слово дано, и Дариюла ждетъ... быть такъ! Для нея, конечно, не выгодно, что я иду къ ней черезъ спальню жены моей, потому-что — ventre-saint-gris! эта Маргò, какъ зоветъ ее Карлъ, премиленькое созданіе.

И Генрихъ вошелъ по лѣстницѣ, ведущей въ комнаты г-жи де-Совъ. Поступь изобличала его душевное волненіе.

Маргерита слѣдила за нимъ глазами, пока онъ не скрылся изъ вида; потомъ воротилась въ свою комнату. Герцогъ стоялъ въ дверяхъ кабинета: при видѣ его, она почти почувствовала угрызеніе совѣсти.

Герцогъ былъ мраченъ, и наморщенные брови его говорили о горькой думѣ.

— Маргерита сегодня сохраняетъ нейтралитетъ, сказалъ онъ: — черезъ недѣлю Маргерита будетъ врагомъ.

— А! вы подслушивали? сказала Маргерита.

— А что же мнѣ было дѣлать въ этомъ кабинетѣ?

— И вы находите, что я вела себя не такъ, какъ должна была вести себя королева наваррская?

— Нѣтъ, не то; но вы вели себя не такъ, какъ любовница герцога де-Гиза.

— Я могу не любить мужа, отвѣчала королева: — но никто не имѣетъ права требовать отъ меня, чтобъ я его выдала. Скажите по совѣсти, измѣнили ли бы вы тайнамъ принцессы де-Порсианъ, жены вашей?

— Полно-те, оставимъ это! сказалъ герцогъ, покачивая головою. — Я вижу, вы уже не любите меня такъ горячо, какъ любили въ то время, когда рассказывали, что затѣваетъ король противъ меня и моихъ приверженцевъ.

— Король былъ сильный, вы—слабый. Генрихъ теперь слабый, а сильный — вы. Я играю ту же роль, какъ видите.

— Только вы переходите отъ одного знамени къ другому.

— Это право я приобрѣла, спасши вашу жизнь.

— Прекрасно; а такъ-какъ, расставаясь, любовники возвращаютъ другъ другу свои подарки, я спасу вашу жизнь въ свою очередь, и мы поквитаемся.

Съ этими словами, герцогъ поклонился и вышелъ. Маргерита не останавливала его.

Въ передней онъ нашелъ Гильйонну, которая проводила его обратно къ окну съ рѣшеткой. Во рву дожидался его пажъ, и они возвратились домой.

Между-тѣмъ, Маргерита въ раздумьи подошла къ окну.

— Какая свадебная ночь! проговорила она.—Мужъ бѣжитъ отъ меня, и любовникъ меня оставляетъ!

Въ эту минуту, по-ту-сторону рва шелъ, подбоченясь, отъ Турде-Буа къ мельницѣ де-ла-Моннѣ школьникъ, и пѣлъ:

Pourquoi doncques quand je veux
Ou mordre tes beaux cheveux,

Ou baiser ta bouche aimée,
Où toucher à ton beau sein,
Contrefais tu-la nonsain
Dedans un cloître enfermé?

Pourquoi gardes-tu tes yeux
Et ton sein délicieux,
Ton front, ta lèvre jumelle?
En veux-tu baiser Pluton
Là-bas après que Caron
T'aura mise en sa nacelle?

Après ton dernier trépas,
Belle, tu n'auras là-bas
Qu'une bouchette blémie;
Et quand, mort, je te verrai,
Aux ombres je n'avomantai
Que jadis tu fus ma mie!

Doncques tandis que tu vis,
Change, maltresse, d'avis,
Et ne m'épargne ta bouche,
Car au jour où tu mourras
Lors tu te repentiras
De m'avoir été farouche (*).

Маргерита слушала пѣсню съ грустной улыбокѣй; когда голосъ ученика исчезъ въ отдаленіи, она закрыла окно и позвала Гильдонну цѣлочь ей раздѣться.

III.

Король-нобѣтъ.

Сладующіе дни прошли въ праздникахъ, балетахъ, турнирахъ. Объ партіи были слиты воедино. Ласки и радушіе могли, кажутся,

(*) Скажи, зачѣмъ, когда хочу я поиграть твоими кудрями, поцаловать адыя губки, коснуться прекрасной груди твоей, зачѣмъ разыгрываешь ты роль монахини, заключенной въ монастырь?—Къ чему бережешь ты свои глаза, чудесный станъ, чего и дѣвственныхъ губы? Или хочешь ты поцаловать ниц Плутона, когда Харонъ прійметъ тебя въ челнокъ свой?—Нѣтъ, красавица, тѣмъ, въ гробѣхъ, приближивишь твои губки; когда я встрѣчусь съ тобою послѣ смерти, я не признаюсь тѣмъ, что когда-то ты была моею возлюбленною.—Одумайся же, пока еще ты жива, не отказывай мнѣ въ поцалуѣ; когда умрешь, ты будешь раскапываться въ своей жестокости.

отуманить самыхъ бышенныхъ гугенотовъ. Были примѣры самыхъ страшныхъ сближеній: отецъ Коттонъ пироваль и куталь за столомъ съ барономъ Куртомеромъ; герцогъ Гизъ катался по Сенъ съ привцемъ Конде. Король какъ-будто поссорился съ своею обыкновенною меланхоліею и не могъ жить безъ зятя своего, Генриха. Королева была такъ весела, что почти потеряла сонъ.

Гугеноты, смятченные нѣсколько этою новою Капуей, начали надѣвать шелковое платье, выставлять девизы и парадировать предѣ известными балконами, какъ католики. Во всемъ видна была реакція въ пользу реформатской религіи, такъ - что можно было подумать, что весь дворъ собирается сдѣлаться протестантскимъ. Самъ адмиралъ, не смотря на всю свою опытность, вдаея въ обманъ подобно прочимъ, и до такой степени, что забылъ однажды, въ-продолженіе двухчасовой прогулки, свою зубочистку, которою постоянно бывалъ занятъ съ двухъ часовъ пополудни, то-есть, съ того часа, когда вставалъ изъ-за обѣда, до восьми часовъ вечера, когда опять садился ужинать.

Въ тотъ самый вечеръ, когда адмиралъ до такой невѣроятной степени забылъ свои привычки, король Карлъ пригласилъ къ себѣ на завтракъ Генриха-Наваррскаго и герцога де-Гиза. Вставъ изъ-за стола, онъ вышелъ съ ними въ свою комнату и изъяснялъ имъ хитрое устройство капкана на волковъ, собственнаго его изобретенія. Вдругъ онъ прервалъ самъ себя:

— А что адмиралъ? Развѣ онъ не будетъ сегодня вечеромъ? Кто видѣлъ его сегодня и кто можетъ мнѣ сказать о немъ что-нибудь?

— Я, отвѣчалъ король наваррскій:— если ваше величество безпокоитесь о его здоровьи, я могу успокоить васъ: я видѣлъ его сегодня поутру въ шесть часовъ, и вечеромъ въ семь.

— А! сказалъ король, съ произвольнымъ любопытствомъ устремивъ взоры на зятя:— раненъно же вы встаете, Амрію, для молодого мужа.

— Да, отвѣчалъ король беарнскій:— я хотѣлъ узнать у адмирала, который знаетъ все, не ѣдутъ ли кой-какіе дворяне, которыхъ я еще жду.

— Еяе дворяне! Въ день вашей свадьбы ихъ было восемьсотъ, и съ каждымъ днемъ являются новые; это просто нашествіе! свѣтъ сказалъ Карлъ.

Герцогъ де-Гизъ наморщилъ брови.

— Поговариваютъ о походѣ во Фландрію, отвѣчалъ Беарнецъ:— и я собираю вокругъ себя всѣхъ своихъ единоземцевъ, которые, по всему мнѣнію, могутъ быть полезны вашему величеству.

Герцогъ, вспомнивъ о планѣ, о которомъ Генрихъ говорилъ жене своей въ день свадьбы, удвоилъ вниманіе.

— Хорошо! отвѣчалъ король съ лукавой улыбкой:—чѣмъ больше ихъ наберется, тѣмъ для насъ пріятнѣе. Собирайте, собирайте ихъ, Генрихъ. Но кто же эти дворяне? Надѣюсь, люди храбрые?

— Не знаю, ваше величество, стоятъ ли они вашихъ, или дворянъ герцога д'Анжу или Гиза, но я знаю ихъ, и увѣренъ, что они сдѣлаютъ все, что будетъ отъ нихъ зависеть.

— И много вы ихъ ждете?

— Еще человекъ десять, двѣнадцать.

— А какъ ихъ зовутъ?

— Право, не помню; одного только, котораго рекомендовалъ мнѣ Телиньи, какъ благороднѣйшаго, знаю, что зовутъ Ла-Моль; другіе...

— Де-ла-Моль? Не Леракъ ли де-ла-Моль, Провансалець? спросилъ король, имѣвшій обширныя свѣдѣнія въ генеалогіи.

— Именно онъ; вы видите, я набираю даже и въ Провансъ.

— А я, сказалъ съ насмѣшливой улыбкой Гизъ:—я набираю еще дальше короля наваррскаго: я отыскиваю вѣрныхъ католиковъ даже въ Пьемонтѣ.

— Католики или гугеноты, по мнѣ все равно, прервалъ его король:—лишь-бы они были храбры.

Король произнесъ эти слова, равнявшія въ умъ его католиковъ и гугенотовъ, съ такимъ равнодушнымъ выраженіемъ лица, что самъ герцогъ Гизъ удивился.

— Ваше величество занимаетесь нашими Фламандцами, сказалъ адмиралъ, которому король нѣсколько дней тому назадъ далъ позволеніе входить безъ доклада. Входя, онъ услышалъ послѣднія слова короля.

— А, вотъ и адмиралъ, mon père! сказалъ Карлъ:— только-что заговорили о войнѣ и храбрыхъ, и онъ является; желѣзо невольно льнетъ къ магниту. Зять мой Генрихъ и братъ Гизъ ждутъ подкрѣпленія для вашей арміи. Вотъ о чемъ мы говоримъ.

— И подкрѣпленія идутъ, сказалъ адмиралъ.

— Вы получили извѣстія? спросилъ Беарнець.

— Да, и въ особенности о де-ла-Моль; вчера онъ былъ въ Орлеанъ; завтра или послѣ-завтра будетъ въ Парижъ.

— Чортъ возьми! господинъ-адмиралъ долженъ быть колдуномъ, если знаетъ, что происходитъ за тридцать или за сорокъ льѣ. Что касается до меня, я хотѣлъ бы съ такою же точностью знать, что будетъ, или что было подъ стѣнами Орлеана.

Колыньи остался равнодушенъ при этой выходкѣ герцога де-Гиза, который этимъ явно намекалъ на смерть Франсуа де-Гиза, от-

на своего, убитаго при Орлеанъ Польтро де-Меромъ, по наущенію, какъ подосеръвали, адмирала.

— Я всегда колдунъ, отвѣчалъ онъ холодно и съ достоинствомъ: — когда вѣрно хочу узнать, что касается до моихъ дѣлъ или до дѣлъ его величества. Мой курьеръ часъ тому назадъ пріѣхалъ изъ Орлеана и, благодаря почтѣ, проѣхалъ въ день 32 лѣ. Де-ла-Моль ѣдетъ на своихъ и дѣлаетъ въ сутки всего 10 лѣ; следовательно, онъ пріѣдетъ только 24-го. Вотъ и вся магія.

— Bravo, mon père! хорошо сказано, замѣтилъ Карлъ. — Докажите этимъ молодымъ людямъ, что не одни лѣта, но и мудрость убѣдила ваши волосы; пусть же идутъ-себѣ толковать о своихъ турнирахъ и любовныхъ похожденияхъ, а мы останемся поговорить о войнѣ. Хорошіе совѣтники образуютъ хорошаго короля, mon père. Ступайте, господа; мнѣ нужно поговорить съ адмираломъ.

Молодые люди вышли; сперва король наваррскій, за нимъ герцогъ де-Гизъ. Но за дверью каждый съ холоднымъ поклономъ пошелъ своею дорогою.

Колиньи проводилъ ихъ глазами съ какимъ-то безпокойствомъ; всякій разъ, когда сходились эти два человека съ закоренѣлою другъ къ другу ненавистью, онъ опасался, чтобъ не всыхнула новая молнія. Карлъ понялъ его мысль, подошелъ къ нему и, взявъ его за руку, сказалъ:

— Будьте покойны, mon père; я всѣхъ удержу въ повиновеніи и должныхъ границахъ. Я дѣйствительный король съ-тѣхъ-поръ, какъ мать моя не королева; а она перестала быть королевой съ-тѣхъ-поръ, какъ Колиньи сдѣлался моимъ отцомъ.

— О, ваше величество! сказалъ адмиралъ: — королева Катерина...

— Сварливая баба. Съ ней нѣтъ никакой возможности жить въ мирѣ. Ея итальянскіе католики просто бѣшеные; имъ бы только истребить все. А я, напротивъ, не только хочу всѣхъ при-мирить, но и упрочить силу протестантовъ. Остальные слишкомъ-безпутны, mon père, и пачкаютъ меня только своими любовными похождениями и развратомъ. Сказать ли тебѣ откровенно? продолжалъ Карлъ еще съ большею задумчивостью: — Я не довѣряю никому изъ окружающихъ меня, исключая моихъ новыхъ друзей. Честолюбіе Таваина для меня подозрительно. Вельвиль любитъ только хорошее вино и готовъ, я думаю, продать меня за бочку мальвазій. Монморанси думаетъ объ одной охотѣ и проводитъ время въ обществѣ своихъ собакъ и соколовъ. Графъ де-Ретцъ Испанецъ, Гизы Лотарингцы. Я думаю, прости Господи! что во всей Франціи только и есть истинныхъ Французовъ, что я, зять Генрихъ, да ты.

Но я прикованъ къ престолу и не могу командовать арміей. Много-много, если мнѣ позволятъ поохотиться въ Сен-Жерменъ или Рамбулье. Зять-Генрихъ слишкомъ - молодъ и неопытенъ. Къ-тому же, мнѣ кажется, въ немъ много отцовскаго; а отца его, какъ известно, вѣчно губили женщины. Только ты, мой рѣге, храбръ какъ Юлій Цезарь и мудръ какъ Платонъ. И я, право, не знаю, что мнѣ дѣлать. Оставить ли тебя совѣтникомъ, или послать туда генераломъ? Если ты будешь засѣдать въ совѣтъ, кто же будетъ командовать? Если будешь командовать, кто же будетъ моимъ совѣтникомъ?

— Ваше величество, отвѣчалъ Колинъ:—сперва надо побѣдить; совѣтъ найдетъя послѣ побѣды.

— Ты такъ думаешь, мой рѣге? Пусть будетъ по-твоему. Въ понедѣльникъ ты отправишься во Фландрію, а я въ Амбуазъ.

— Ваше величество ѣдете въ Парижа?

— Да. Этотъ шумъ и праздники утомили меня. Я не действитель: я мечтатель. Я родился не королемъ, а повѣтомъ. Пока ты будешь на войнѣ, ты будешь составлять родъ совѣта, который и будетъ управлять дѣлами; и лишь-бы матушка не мѣшалась, все пойдетъ хорошо. Я уже извѣстилъ Ронсара, чтобы онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Амбуазъ; тамъ, вдали отъ шума, отъ свѣта, отъ злыхъ, въ тѣни старыхъ лѣсовъ, на берегу рѣки, при тихомъ журчаніи ручьевъ, мы будемъ бесѣдовать съ нимъ о божественныхъ предметахъ. Вотъ, послушай мои стихи, которыми я приглашаю его къ себѣ. Я написалъ ихъ сегодня утромъ.

Колинъ улыбнулся. Карлъ повелъ рукою по желтому и гладкому какъ слоновою кость лбу, и на-распѣвъ продекламировалъ слѣдующіе стихи:

Ronsard, je connais bien que si tu ne me vois,
Tu oublies soudain de ton grand roi la voix,
Mais pour ton souvenir, pense que je n'oublie
Continuer toujours d'apprendre en poésie,
Et pour ce j'ai voulu t'envoyer cet écrit,
Pour enthousiasmer ton phantastique esprit.

Donc ne t'amuses plus aux soins de ton ménage,
Maintenant n'est plus temps de faire jardinage;
Il faut suivre ton roi, qui t'aime par sus tous,
Pour les vers qui de toi coulent braves et doux,
Et crois, si tu ne viens me trouver à Amboise,
Qu'entre nous adviendra une bien grande noise.

— Bravo, ваше величество, bravo! сказалъ Колинъ:—я конечно больше смыслю въ войнѣ, чѣмъ въ поэзіи; но мнѣ кажется, что

эти стихи стоятъ лучшихъ стиховъ Ронсара, Дора и даже Мишеля де Л'Опиталля, канцлера Франціи.

— Ахъ, мой рѣге! воскликнулъ Карлъ:—еслибъ это была правда! Званіе поэта, скажу тебѣ откровенно, заманчивѣе для меня всего въ мірѣ, и, какъ я писалъ нѣсколько дней назадъ Ронсару:

L'art de faire des vers, dut-on s'en indigner,
Doit être à plus haut prix que celui de régner;
Tous deux également nous portons de couronnes;
Mais roi, je les requs, poète, tu les donnes.
Ton esprit enflammé d'une céleste ardeur,
Eclat par soi-même et moi par ma grandeur.
Si du côté des dieux je cherche l'avantage,
Ronsard est leur mignon et je suis leur image.
Ta lyre, qui ravit par de si doux accords,
Te soumet les esprits dont je n'ai que les corps;
Elle t'en rend le maître et te fait introduire
Où le plus fier tyran n'a jamais eu d'empire.

— Я зналъ, ваше величество, сказалъ Колинни:—что вы бесѣдуете съ музами; но не зналъ, что вы къ нимъ ближе всѣхъ.

— Кромѣ тебя, мой рѣге, кромѣ тебя; и я хочу предоставить тебѣ управленію дѣлами, именно для того, чтобъ бесѣдовать съ ними на свободѣ. Слушай; теперь мнѣ надо отвѣчать на новый меморіалъ, присланный мнѣ этимъ великимъ поэтомъ... Я не могу сообщить тебѣ теперь же всѣ бумаги касательно тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ мы несогласны съ Филиппомъ II. Да и, кромѣ того, есть еще планъ кампаніи, составленный моими министрами. Я все это соберу и отдамъ тебѣ завтра утромъ.

— Въ которомъ часу, ваше величество?

— Въ десять; если случится, что я буду занятъ стихами въ моемъ кабинетѣ... все равно, войди и возьми всѣ бумаги, которыя найдешь вотъ на томъ столѣ, въ этомъ красномъ портфелѣ; цвѣтъ дозволено—ярокъ, ты не ошибешься; а я пойду писать къ Ронсару.

— Прощайте, ваше величество.

— Прощай, мой рѣге.

— Вашу руку.

— Что, что? мою руку? Въ объятія мои, къ моему сердцу, вотъ гдѣ твое мѣсто! Обними меня, старый воинъ.

И Карлъ, обнявъ Колинни, склонившагося въ почтеніи, коснулся губами его съдыхъ волосъ.

Адмиралъ вышелъ, отирая слезу.

Карлъ слѣдилъ за нимъ глазами пока могъ, прислушиваясь, поинтеръ хоть что-нибудь было слышно. Потомъ, когда все исче-

эго и затихло, онъ склонилъ, по старой привычкѣ, голову на шею и медленно пошелъ въ свой оружейный кабинетъ.

Этотъ кабинетъ былъ любимую комнатою короля: здѣсь онъ учился фехтованію у Помпé и поэзіи у Ронсара. Сюда собралъ онъ множество оборонительныхъ и наступательныхъ оружій, лучшихъ какія только могъ отыскать. Всѣ стѣны были покрыты свирями, щитами, кошками, аллебардами, пистолетами и мушкетонами; сегодня еще знаменитый оружейникъ принесъ ему превосходнѣйшую аркебузу (пищаль), на дулѣ которой были врызаны изъ серебра четыре стиха, сочиненные самимъ царственнымъ поэтомъ:

Pour maintenir la foy,
 Je suis belle et fidèle;
 Aux ennemis du roy,
 Je suis belle et cruelle.

Карлъ вошелъ въ кабинетъ, и, закрывъ главный входъ, откуда вышелъ, приподнялъ коверъ, скрывавшій небольшой корридорчикъ. Корридоръ велъ въ маленькую комнату, гдѣ передъ напольнѣмъ столомъ на козляныхъ ножкахъ женщина и молилась.

Король шелъ тихо; коверъ уничтожалъ шумъ шаговъ его, такъ что движеніе его было безмолвно, какъ движеніе тѣни. Женщина, стоявшая на козляныхъ, не слыхала ничего, не оглянулась и продолжать молиться. Карлъ остановился на-минуту, глядя на нее в раздумьи.

Женщинѣ было лѣтъ 34 или 35. Свѣжая красота ея казалась еще свѣжѣе отъ наряда крестьянки изъ окрестностей Ко. На ней была высокая шапка—модный уборъ при французскомъ дворѣ въ царствованіе Изабеллы-Баварской; красный корсажъ былъ весь вышитъ золотомъ, какъ носятъ теперь крестьянки изъ Неттумо и Соры. Комната, которую занимала она уже двадцать лѣтъ, прилежала къ спальнѣ короля и представляла странную смѣсь изящества и простонародности. Дворецъ отразился въ хижинѣ и хижина во дворецъ. В этой комнатѣ было что-то среднее между простотою жилища крестьянки и роскошью будуара знатной дамы. Налой, предъ которой она стояла на козляныхъ, былъ сдѣланъ изъ дуба съ удивительной резьбою и обитъ бархатомъ съ золотою бахрамою, между тѣмъ, какъ библія (эта женщина была реформатка) была изъ числѣ старыхъ полуистрепанныхъ книгъ, какія встрѣчаются въ бѣднѣйшихъ хижинахъ.

Остальное все было въ родѣ этого налая и библіи.

— Мадлонъ! прензнесъ король.

Услышавъ знакомый голосъ, женщина съ улыбкою подняла голову; вставая, она отвѣчала:

— А! это ты, сынъ мой!

— Да, кормилица; поди сюда.

Карлъ опустилъ занавѣску и сѣлъ на ручку кресла. Кормилица мина.

— Чтò тебѣ, Шарло? спросила она.

— Подойди ближе и отвѣчай тише.

Она подошла съ фамильярностью, которая естественно простекаетъ изъ нѣжнаго чувства кормилицы къ питомцу; но языки современниковъ изъясняли это не изъ столь чистаго источника.

— Ну, вотъ я; говорите, сказала она.

— Чтò? здѣсь онъ, котораго я звалъ?

— Уже съ полчаса.

Карлъ всталъ, подошелъ къ окну, посмотрѣлъ, не подсматриваетъ ли кто-нибудь, подошелъ къ двери, приложилъ ухо, желая увѣриться, что никто не подслушиваетъ, обмахнулъ пыль съ оружія, помаскалъ борзую собаку, слѣдившую за нимъ шагъ за шагомъ, останавливавшуюся, когда останавливался ея господинъ, и начинавшую двигаться, когда онъ сходилъ съ мѣста. Потомъ, подошедши опять къ кормилицѣ, онъ сказалъ:

— Хорошо; прикажи ему войти.

Кормилица вышла въ ту же дверь, откуда вошла; король прислонился къ столу, на которомъ лежало множество разныхъ оружій.

Едва онъ успѣлъ подойти къ этому столу, какъ коверъ снова поднялся, и вошелъ тотъ, кого онъ ждалъ.

Это былъ человекъ лѣтъ сорока, съ сѣрыми лукавыми глазами, съ носомъ въ родѣ свиного клюва, съ выдавшимися скулами; лицо его казалось выразить почтеніе, но, вмѣсто того, являлась только лицезѣрная улыбка на поблѣднѣвшихъ отъ страха губахъ.

Карлъ незамѣтно протянулъ за спиною руку и взялся за пистолетъ новаго изобрѣтенія, въ которомъ выстрѣлъ производился не посредствомъ фитиля, а отъ соприкосновенія кремня и стального колеса. Король устремилъ тусклый взглядъ свой на пришедшаго. Разсматривая его, онъ насвистывалъ съ удивительною вѣрностью и даже выраженіемъ одну изъ своихъ любимыхъ охотничьихъ пѣсень.

Черезъ нѣсколько секундъ, въ продолженіи которыхъ лицо незнакомца измѣнялось все больше и больше, король началъ:

— Тебя зовутъ Франсуа де-Лувье-Морвель?

— Такъ точно, ваше величество.

— Командиръ петардщиковъ?

— Такъ точно.

— Я хотѣлъ тебя видѣть.

Морвель поклонился.

— Ты знаешь, продолжалъ Карлъ, налегая на каждомъ словѣ: — что я равно люблю всѣхъ моихъ подданныхъ.

— Знаю, проговорилъ запинаясь Морвель: — что ваше величество отецъ своего народа.

— И что гугеноты и католики равно мои дѣти.

Морвель былъ нѣмъ; но дрожь, пробѣгавшая по тылу его, не ускользнула отъ пронизательнаго взора короля, не смотря на то, что пришедшій былъ почти скрытъ въ темноту.

— Это тебѣ досадно, продолжалъ король: — вѣдь ты ведъ жестокую войну съ гугенотами?

Морвель упалъ на колѣни.

— Ваше величество, прошепталъ онъ: — довѣрьте...

— Вѣрю, продолжалъ Карлъ, пронзая Морвеля все глубже взорами, изъ стеклянныхъ слѣзавшимися почти огненными: — вѣрю, что ты хотѣлъ убить адмирала въ Монкентурѣ; вѣрю, что ты прерянулся, — и перешелъ въ армию герцога д'Анжу, нашего брата; вѣрю, наконецъ, что ты въ другой разъ перешелъ къ принцамъ и записался въ отрядъ Муи де-Сен-Фаля.

— О, государь!...

— Храбрый пикардскій дворянинъ!

— Государь, воскликнулъ Морвель: — не убивайте меня!

— Достойный офицеръ! продолжалъ Карлъ, и на лицѣ его выразилась почти зѣвская жестокость: — онъ принялъ тебя какъ сына, далъ тебѣ кровь, одежду, пищу.

Морвель тяжело вздохнулъ.

— Ты называлъ его, кажется, отцомъ, безопасно продолжалъ король: — и нѣжная дружба связывала тебя съ молодымъ Муи, его сыномъ.

Морвель, стоя на колѣняхъ, сгибался все больше и больше, какъ будто слова Карла давили его; король стоялъ неподвижно и безстрастно, какъ статуя, которой только губы одарены жизнью.

— Кстати! продолжалъ онъ. — Герцогъ де-Гизъ обѣщалъ тебѣ, кажется, десять тысячъ акю за убіеніе адмирала?

Убійца вриникъ къ землѣ.

— Что касается до Муи, твоего добраго отца, однажды ты вохалъ съ нимъ на рекогносцировку къ Шеврѣ. Онъ уронилъ хлыстъ и сошелъ съ лошади, чтобъ поднять его. Ты былъ съ нимъ наединѣ; ты вынулъ пистолетъ, и когда онъ наклонился, ты застрѣлилъ его; потомъ, замѣтивъ, что онъ умеръ, ты ускакалъ на лошади, которую онъ тебѣ подарилъ. Кажется, такъ было дѣло?

Морвель не отвѣчалъ ни слова на это обвиненіе, вѣрное во всѣхъ подробностяхъ, и король опять принялся насмѣивать охотничью дѣсию, съ тою же вѣрностью и тѣмъ же чувствомъ.

— Знаешь ли, господинъ-убійца, началъ онъ опять черезъ минуту:— что у меня сильное желаніе велѣть тебя повѣсить?

— О, ваше величество! воскликнулъ Морвель.

— Молодой Муи еще вчера просилъ меня объ этомъ, и я, вправо, не зналъ, что ему отвѣчать, потому-что просьба его очень-справедлива...

Морвель сложилъ руки.

— Тѣмъ болѣе справедлива, что я, какъ ты самъ говоришь, отецъ моего народа, и что теперь, когда я помирился съ гугенотами, они мнѣ такія же дѣти, какъ и католики.

— Ваше величество! отвѣчалъ Морвель, совершенно-уничтоженный.— Жизнь моя въ вашихъ рукахъ; дѣлайте съ нею, что угодно.

— Ты правъ; я не далъ бы за нее и гроша.

— Но не-уже-ли нѣтъ средства искупить мое преступленіе? спросилъ убійца.

— Я... не знаю. Впрочемъ, будь я на твоемъ мѣстѣ, чего, благодаря Бога, нѣтъ...

— Что же, ваше величество, еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ? пролетѣлъ Морвель, прильнувъ глазами къ губамъ Карла.

— Я думаю, что я выпутался бы... продолжалъ король.

Морвель поднялся на одно колено и уперся рукою о полъ, пристально глядя на Карла, чтобъ увѣриться, не шутитъ ли онъ.

— Конечно, я очень люблю молодаго Муи, продолжалъ король:— но я люблю и брата моего, Гиза, и еслибъ одинъ просилъ меня о пощаду человека, котораго казни требовалъ бы другой, признаюсь тебѣ, я былъ бы въ большомъ затрудненіи. Впрочемъ, по политикѣ и по религіи, я, конечно, долженъ бы былъ предпочесть желаніе Гиза, потому-что де-Муи, хоть онъ и храбрый офицеръ, а все-таки въ сравненіи съ принцемъ лотарингскимъ не важное лицо.

Въ продолженіе этой рѣчи, Морвель медленно становился на ноги, какъ человекъ, оживающій изъ гроба...

Морвель подошелъ на шагъ ближе.

— Вообразите себѣ, ваше величество, говорилъ онъ мнѣ:— что каждое утро, ровно въ 10 часовъ, проходитъ, возвращаясь изъ Лувра, по улицѣ Сен-Жермен-д'Оксерруа, мой смертельный врагъ; я вижу его сквозь рѣшетчатое окно въ нижнемъ этажѣ; это окно въ коннотъ моего стараго учителя, каноника Пьера Пила. Каждый день врагъ мой проходитъ мимо меня, и каждый день я молю чорта, чтобъ онъ унесъ его въ преисподнюю. Скажи, пожалуйста, Морвель, продолжалъ Карлъ:— еслибъ ты былъ чортомъ,— можешь-ли, это было бы пріятно Гизу?

Морвель адски улыбнулся, и блѣдныя еще отъ страха губы его проговорили:

— Но, ваше величество, я не имѣю власти надъ пренесенной

— Однакожь ты спровадилъ туда, если не ошибаюсь, храбраго де-Муи. Пожалуй, ты скажешь, что посредствомъ пистолета... этотъ пистолетъ ужь не у тебя?

— Государь, отвѣчалъ убійца ободрившись:—это все-равно; я изъ пищаля стрѣляю еще лучше, нежели изъ пистолета.

— Э! сказалъ Карлъ: — пистолетъ ли, пищаля ли, что за важность! Братъ Гизъ, я увѣренъ, не станетъ привязываться къ средствамъ.

— Но мнѣ нужно оружіе, на вѣрность котораго я могъ бы полагаться; придется, можетъ-быть, стрѣлять издалека.

— Вотъ здѣсь десять пищалей, отвѣчалъ Карлъ: — изъ нихъ попадаю въ золотой эку на 180 шагахъ. Не хочешь ли попробовать которую-нибудь?

— О! съ величайшимъ удовольствіемъ, ваше величество! воскликнулъ Морвель, подходя къ углу, гдѣ стояла пищаля, принесенная Карлу въ тотъ самый день.

— Нѣтъ, эту не тронь, сказалъ король: — эту я оставляю для себя. На-этихъ-дняхъ у меня будетъ большая охота: такъ онъ мнѣ, я думаю, пригодится. Выбери другую.

Морвель снялъ одну со стѣны.

— Тенерь, ваше величество, кто же этотъ врагъ? спросилъ убійца.

— Почему мнѣ знать, отвѣчалъ Карлъ, уничтожая Морвель взглядомъ, полнымъ презрѣнія.

— Такъ я спрошу у Гиза, проговорилъ Морвель.

Король пожалъ плечами.

— Не спрашивай, сказалъ онъ.—Гизъ все-равно ничего не скажетъ. Отвѣчаютъ ли на такіе вопросы?... Кто не хочетъ, чтобъ ея повѣсили, долженъ самъ догадаться.

— Но по чему же, по-крайней-мѣрѣ, узнать его?

— Я говорю тебѣ, что каждое утро въ десять часовъ онъ проходитъ мимо окна каноника.

— Но мимо этого окна проходятъ многіе. Благоволите, ваше величество, сказать мнѣ только какой-нибудь признакъ.

— Это, пожалуй, легко. Завтра, на-примѣръ, онъ будетъ нести подъ мышкою портфель изъ краснаго савьяна.

— Этого довольно.

— Что? этотъ лихой скакунъ, котораго подарилъ тебѣ де-Муи еще у тебя?

— У меня есть арабская лошадь удивительно-быстрая.

— О! я не боюсь за тебя; только тебѣ не мѣшаетъ знать, что въ монастырѣ есть заднія ворота.

— Благодарю васъ, ваше величество. Теперь, молитесь за меня Богу.

— Какъ, тысячу чертей! скорѣе развѣ сатанѣ; только его покровительство можетъ спасти тебя отъ петли.

— Прощайте, ваше величество.

— Прощай. Кстати! постой, Морвель! Ты знаешь: если почему бы то ни было заговорять о тебѣ прежде десяти часовъ завтрашняго утра, или не заговорять позже, — такъ тутъ въ Луврѣ есть разные *подвалы*...

И Карлъ началъ опять свистѣть очень-спокойно и еще вѣрнѣе свою любимую пѣсню.

IV.

Вечеръ 24-го августа 1572 года.

Читатель, конечно, не забылъ, что въ предъидущей главѣ упомянуто о дворянинѣ де-ла-Моль, котораго съ нетерпѣніемъ ожидалъ Генрихъ-Наваррскій. Этотъ молодой человекъ вѣхалъ, какъ предсказалъ адмиралъ, въ Парижъ Сен-Марсельскими-Воротами ввечеру 24 августа 1572 года, и, съ презрѣніемъ взглянувъ на многочисленныя гостинницы, пестрѣвшія направо и налево красивыми вывѣсками, доѣхалъ на уставшемъ копь своемъ до центра города, миновалъ площадь Моберъ, Пти-Понъ, Мостъ Нотр-Дамъ, набережныя, и остановился въ концѣ улицы де-Бресекъ, названною въ послѣдствіи улицею Арбр-Секъ, имя, котораго мы и теперь будемъ придерживать для большей ясности.

Великолѣпная желѣзная бляха, скрипя на подставкахъ, съ аккомпаньманомъ колокольчиковъ, привлекла его вниманіе; онъ оглянулся налево, остановился, и прочелъ слова: *A la belle étoile*, выставенныя подъ самымъ заманчивымъ для голоднаго путника изображеніемъ: птица жарилась въ темномъ небѣ, а внизу стоялъ человекъ въ красномъ платьѣ, воздвывая къ этой новаго рода звѣздѣ свои руки, кошелекъ и желанія.

— Вотъ, должно быть, хорошая гостинница, подумалъ путникъ. — Хозяинъ вѣрно смышляемый малой. Я слышалъ, что улица Арбр-Секъ въ кварталъ Лувра; и если заведеніе не хуже вывѣски, такъ и въ здѣсь будетъ какъ-нельзя-лучше.

Между-тѣмъ, какъ пріѣзжіи разсуждалъ самъ съ собою, другой человекъ, пріѣхавшій съ другаго конца улицы, то-есть отъ Улицы Сент-Оноре, также остановился и дивился вывѣскѣ гостинницы *A la belle étoile*.

Тотъ, котораго мы уже знаемъ по-крайней-мѣрѣ по имени, былъ верхомъ на бѣлой испанской лошади, въ черномъ кафтанѣ, украшенномъ агатами. На немъ былъ плащъ изъ темно-фіолетоваго бархата, сапоги изъ черной кожи, шпага съ чеканнымъ стальнымъ эфесомъ и такой же кинжалъ. Ему было лѣтъ двадцать-пять; лицо смуглое, глаза голубые, красивые усы, бѣлые зубы, какъ-будто освѣщавшіе его лицо, когда онъ улыбался; улыбка его удивительно-красивыхъ губъ была кротка и грустна.

Другой путешественникъ былъ живою противоположностью перваго. Изъ-подъ шляпы съ откинутыми полями выглядывали густые, курчавые волосы, почти-рыжіе. Сѣрые глаза сверкали при малѣйшемъ душевномъ движеніи такимъ огнемъ, что казались тогда черными. Лицо его было свѣжесерозовое, губы тонкія, зубы превосходные. Словомъ, это былъ настоящій добрый молодецъ: высокъ, плечистъ и румянь. Онъ уже цѣлый часъ глядѣлъ въ окна подъ предлогомъ отыскиванія вывѣски, и женщины посматривали на него въ-продолженіе всего этого времени. Что касается до мужчинъ, они готовы были посмѣяться при видѣ узкаго плаща и сапоговъ какой-то древней формы, — но смѣхъ скоро оканчивался самымъ кроткимъ: *Богъ въ помощь!* когда замѣчали лицо его, принимавшее десять разъ въ минуту различныя выраженія, исключая впрочемъ добродушія, которое характеризуетъ физиономію провинціала въ столицѣ.

Онъ первый обратился къ другому, смотрѣвшему, подобно ему, на гостинницу *A la belle étoile*.

— Кажется, отсюда недалеко до Лувра? спросилъ онъ съ ужаснымъ горскимъ выговоромъ, по которому сейчасъ можно узнать Пьемонтца изъ сотни привѣжихъ: — во всякомъ случаѣ, у васъ, кажется, одинакій со мною вкусъ; это для меня очень-дестно.

— Да, отвѣчалъ другой провансальскимъ нарѣчіемъ, не менѣе ужаснымъ: — эта гостинница, кажется, точно близко отъ Лувра. Впрочемъ, я еще не знаю, буду ли имѣть честь сойтись съ вами во вкусъ. Я еще раздумываю.

— Такъ вы еще не рѣшились? А домъ, однакожъ, довольно-привлекателенъ. Признайтесь, по-крайней-мѣрѣ, что эта картинка не дурна.

— Да, конечно; но это-то и заставляетъ меня сомнѣваться въ дѣйствительности. Парижъ, слышалъ я, полонъ обманщиковъ и ловушекъ, и вывѣска можетъ быть ловушкою не хуже чего другаго.

— По мнѣ все-равно, отвѣчалъ Пьемонтецъ: — если хозяинъ не дастъ мнѣ птицу, зажаренную хуже, чѣмъ на вывѣскѣ, я самъ поставлю ее на вертелъ и дожарю. Войдемте.

— Вы заставляете меня рѣшиться, отвѣчалъ, смѣясь, Прованса-
нцъ: — такъ сдѣлайте одолженіе, не угодно ли вамъ идти впередъ!

— Нѣтъ, сдѣлайте милость. Я не болѣе, какъ вашъ покорнѣй-
шій слуга графъ Аннибалъ де-Коконна.

— А я не болѣе, какъ графъ Жозефъ Бонифасъ де-Лоранъ де-ла-
Моль, — къ вашимъ услугамъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте вашу руку, и войдемъ вѣзгъ.
Слѣдствіемъ этого предложенія было то, что молодые люди со-
шли съ лошадей, бросили поводья конюху, взялись подъ-руку и
пошли къ гостинницѣ, на порогъ которой стоялъ хозяинъ. Но,
противъ обыкновенія этого класса людей, почтенный трактир-
щикъ не обратилъ никакого вниманія на пріѣзжихъ и продол-
жалъ разговаривать съ высокимъ худощавымъ человѣкомъ, заку-
таннымъ въ рыжій плащъ, какъ филинъ въ свои перья.

Оба путешественника близко подошли къ разговаривавшимъ. Ко-
конна не понравилось, что хозяинъ обращаетъ такъ мало внима-
ніи ни него и его товарища, и онъ дернулъ его за рукавъ. Трак-
тирщикъ какъ-будто вскочилъ отъ сна, и отпустилъ своего собе-
седника словами: «до свиданія».

— Что жъ, любезнѣйшій, сказалъ Коконна: — развѣ ты не ви-
дишь, что до тебя есть дѣло?

— Ахъ, извините, господа, отвѣчалъ трактирщикъ. — Я васъ не
видалъ.

— Напрасно; ну, теперь ты насъ видишь, и не угодно ли го-
ворить: «ваше сіятельство», а не просто: «милостивый государь».

Ла-Моль былъ позади, предоставивъ объясниться Коконна,
который взялъ это дѣло на себя. Впрочемъ, по нахмуреннымъ
бровямъ легко было догадаться, что онъ готовъ поспѣшить на по-
мощь, когда наступитъ пора дѣйствовать.

— Такъ что же вамъ угодно, ваше сіятельство? отвѣчалъ хо-
зинъ очень-спокойно.

— Да... вотъ такъ-то лучше; не правда ли? сказалъ Коконна, обо-
рачиваясь къ ла-Молю, который сдѣлалъ утвердительный знакъ
головою. — Его сіятельство и я завлечены вывѣской и желаемъ
идти здѣсь ужинъ и комнату.

— Право, не знаю, что дѣлать, отвѣчалъ хозяинъ: — есть только
одна комната; можетъ-быть, эта для васъ неудобна.

— Ничего! тѣмъ лучше, сказалъ ла-Моль: — мы остановимся въ
другомъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, замѣтилъ Коконна: — я остаюсь; лошадь моя вы-
лезла изъ силъ. Такъ я займу комнату, потому-что вы отказы-
ваетесь.

— А! это другое дѣло! отвѣчалъ хозяинъ съ тѣмъ же дерзкимъ

хладнокровіемъ.—Если вы остаетесь одни, мнѣ вовсе негдѣ помѣститься васъ.

— Это забавно! воскликнулъ Коконна.—Двухъ было много, теперь одного мало! Такъ ты не хочешь впустить насъ?

— Если пошло на то, такъ я вамъ скажу прямо.

— Говори, только скорѣе.

— По-мнѣ лучше не имѣть чести принять васъ.

— Почему? спросилъ Коконна, блѣднѣя отъ гнѣва.

— Потому-что съ вами нѣтъ лакея; если я отдамъ вамъ господскую комнату, у меня останутся двѣ пустыя лакейскія, и врядъ ли кто ихъ займетъ.

— Послушайте, де-ла-Моль, сказалъ Коконна, обращаясь къ своему спутнику:—мнѣ ужасно хочется поколотить этого мошенника. Вы какъ думаете?

— Почему жъ и не такъ? отвѣчалъ ла-Моль, собираясь, подобно Коконна, отподчивать трактирщика хлыстомъ.

Не смотря на эту угрозу, которая вовсе не походила на шутку, хозяинъ несколько не удивился, и, отступивъ только на шагъ, чтобъ быть у себя дома, сказалъ:

— Сейчасъ и видно, что эти господа изъ провинціи. Въ Парижѣ прошла мода бить хозяина, если онъ не хочетъ отдать въ наймы свою комнату. Теперь бьютъ знатныхъ баръ, а не насъ, и если вы зашумите слишкомъ-громко, такъ я кликну сосѣдей, и они поколотятъ васъ, господа дворяне.

— Да онъ, чортъ возьми, просто насмѣхается! воскликнулъ Коконна въ величайшей досадѣ.

— Грегуаръ, подай мою пищаль, сказалъ трактирщикъ своему слугѣ, точно какъ-будто говорилъ:—подай его сіятельству кресла.

— *Trippe del para!* загремѣлъ Коконна, обнажая шпагу:—да погорячитесь же, де-ла-Моль.

— Нѣтъ, пожалуйста, увольте. Покажѣтъ мы будемъ горячиться ужинъ простынетъ.

— Какъ? вы думаете... продолжалъ Коконна.

— Я думаю, что хозяинъ правъ; только онъ не умѣетъ принимать гостей, въ-особенности дворянъ. вмѣсто того, чтобъ грубо объявить, что онъ насъ не впуститъ, ему стоило только учтиво сказать: милости просимъ! и потомъ поставить на счетъ: за господскую комнату, столько-то; за лакейскую, столько-то. Предполагается, что если у насъ нѣтъ лакея, мы найдемъ его.

Съ этими словами де-ла-Моль тихо оттолкнулъ хозяина, который протягивалъ уже руку къ пищали,—пропустилъ Коконна впередъ и вошелъ въ-слѣдъ за нимъ въ гостиницу.

— А все-таки, сказалъ Коконна:—мнѣ не хочется вложить шпагу

въ ножны, не попробовавъ, колетъ ли она не хуже вилокъ этого мошенника.

— Терпѣніе, любезный товарищъ, терпѣніе! отвѣчалъ де-ла-Моль.—Всѣ гостиницы заняты дворянами, прїѣхавшими въ Парижъ на свадьбу, или по случаю предстоящей войны съ Фландріей, и мы не найдемъ другой квартиры. Кромѣ того, можетъ-быть, такъ въ Парижъ обычай принимать прїѣзжихъ.

— Чортъ возьми! какъ вы терпѣливы, де-ла-Моль! проворчалъ Коконна, крутя со злости рыжія усы и уничтожая взорами хозяина.—Однако, смотри, мошенникъ, берегись, если кушанье у тебя дурно, постель тверда, вино моложе трехъ лѣтъ, если прислуга неисправна...

— Полноте, полноте, ваше благородіе, прервалъ его хозяинъ, натачивая на ремѣнь ножикъ:—успокойтесь; вы въ Парижѣ.

Потомъ, покачивая головою, онъ прибавилъ шопотомъ:

— Это долженъ быть какой-нибудь гугенотъ! эти супостаты стали ужасно-дерзки со дня свадьбы ихъ Беарнца съ принцессой Маргъ.

И онъ прибавилъ съ такою улыбкою, что гости его вздрогнули бы, еслибъ замѣтили ее:

— Странно! Чтò, еслибъ именно мнѣ попались теперь гугеноты...
и...

— Чтò жь! Ужинъ будетъ? грубо спросилъ Коконна, прерывая новолгозъ трактирщика.

— Какъ прикажете, отвѣчалъ онъ, какъ-будто мелькнувшая мысль сдѣлала его ласковѣе.

— Да, прикажемъ; и проворнѣе! сказалъ Коконна.

Потомъ, обращаясь къ ла-Молю, онъ продолжалъ:

— Пока намъ приготовить комнату, скажите, пожалуйста, графъ: какъ вы нашли,—Парижъ веселый городъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ ла-Моль.—Всѣ смотрятъ, кажется, какъ-будто звѣри... Можетъ-статься, Парижане боятся грозы. Посмотрите, какъ небо мрачно, и какъ тяжелъ воздухъ.

— Скажите, графъ, вы спрашивали гдѣ Лувръ, кажется?

— Да и вы, помнится, тоже, Коконна?

— Такъ пойдете жь искать его вмѣстѣ.

— Гм! Не поздно ли теперь? спросилъ ла-Моль.

— Поздно ли, нѣтъ ли, а мнѣ надо идти. Мнѣ положительно приказано прїѣхать какъ-можно-скорѣе въ Парижъ и немедленно прїѣздя явиться къ герцогу де-Гизу.

При этомъ имени, хозяинъ подошелъ ближе и сталъ слушать со вниманіемъ.

— Кажется, этотъ негодяй насъ подслушиваетъ, сказалъ Кокон-

на. — Какъ Пьемонтецъ, онъ былъ сварливъ и не могъ простить хозяину гостиницы его грубый пріемъ.

— Да-съ, я васъ слушаю, сказалъ трактирщикъ, протягивая руку къ шапкѣ: — но за тѣмъ, чтобъ услужить вамъ. Я слышу, вы говорите о великомъ герцогѣ де-Гизъ, — я и подошелъ. Чѣмъ могу быть полезенъ? приказывайте.

— А-га! Это, кажется, магическое имя; изъ грубіяна ты вдругъ сдѣлался покорнѣйшимъ слугою. — Что жъ, господинъ... какъ тебя зовутъ?

— Ла-Гюрберъ, отвѣчалъ кланаясь хозяинъ.

— Что жъ, господинъ ла-Гюрберъ, не думаешь ли ты, что моя рука легче руки Гиза, который дѣлаетъ тебя такимъ ласковымъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ ла-Гюрберъ: — она только покороче. Впрочемъ, надо вамъ сказать, прибавилъ онъ: — что этотъ великій Генрихъ нашъ идолъ.

— Какой Генрихъ? спросилъ де-ла-Моль.

— Кажется, есть только одинъ, отвѣчалъ трактирщикъ.

— Какой?

— Генрихъ де-Гизъ.

— Извини, любезнѣйшій; есть еще и другой, о которомъ со-вѣтую тоже не говорить дурнаго: Генрихъ-Наваррскій, кромѣ Генриха де-Конде, который также имѣетъ свои достоинства.

— Этихъ я не знаю, отвѣчалъ хозяинъ.

— Да я ихъ знаю, продолжалъ ла-Моль. — И такъ, какъ я прі-ѣхалъ къ Генриху, королю наваррскому, такъ прошу тебя не отзывать о немъ при мнѣ худо.

Хозяинъ, не отвѣчая ла-Молю, коснулся слегка своей шапки, и подобострастно смотря на Коконна, сказалъ:

— Такъ вы будете говорить съ великимъ герцогомъ де-Гизомъ? Вы очень-счастливы; и конечно вы пріѣхали для...

— Для чего? спросилъ Коконна.

— Для праздника, отвѣчалъ хозяинъ съ странною улыбкою.

— Говори «для праздниковъ». Парижъ, говорятъ, задыхается отъ нихъ. По-крайней-мѣрѣ, только и рѣчи, что о балахъ да каруселяхъ. У васъ веселятся, а?

— До-сихъ-поръ еще такъ, понемногу; а думаю, еще иутнуть.

— Свадьба его величества короля наваррскаго привлекаетъ много народа въ Парижъ, сказалъ ла-Моль.

— Много гугенотовъ, да! грубо отвѣчалъ хозяинъ, и вдругъ прибавилъ, поправляясь: — ахъ, извините! Вы, можетъ-быть, протестанты?

— Я протестантъ? воскликнулъ Коконна. — Я католикъ не хуже святѣйшаго отца папы.

Ла-Гюррьеръ обратился къ ла-Молю, какъ-будто съ вопросомъ; но ла-Моль или не понялъ его взгляда, или счелъ за лучшее не отвѣчать на него.

— Если ты не знаешь его величества короля наваррскаго, ла-Гюррьеръ, можетъ-быть, ты знаешь адмирала. Я слышалъ, что онъ при дворѣ въ силѣ, и такъ-какъ ему говорили обо мнѣ, такъ мнѣ хотѣлось бы узнать, гдѣ онъ живетъ, — если тебѣ не въ тягость сказать мнѣ.

— Онъ жилъ въ улицѣ Бетизи, вотъ здѣсь на право, отвѣчалъ хозяинъ съ внутреннею радостью, отразившеюся и на лицѣ его.

— Какъ жилъ? спросилъ де-ла-Моль. — Такъ онъ переѣхалъ?

— Да, можетъ быть, — на тотъ свѣтъ.

— Что это значитъ? разомъ воскликнули оба пріезжіе:—адмиралъ переселился на тотъ свѣтъ!

— Какъ! господинъ де-Коконнѣ, продолжалъ хозяинъ:—вы изъ гизовскихъ, и не знаете?

— Чего не знаю?

— Что третьяго-дня, проходя по Улицѣ Сен-Жермен-л'Оксеруа, мимо дома каноника Пьера-Пюля, адмиралъ былъ раненъ изъ пачаши.

— И онъ убитъ? воскликнулъ ла-Моль.

— Нѣтъ, выстрѣлъ раздробилъ только руку и оторвалъ два пальца. Впрочемъ, надѣются, что картечь была отравлена.

— Какъ, мерзавецъ! вскричалъ ла-Моль:—надѣются!..

— Я хотѣлъ сказать «думаютъ», подхватилъ трактирщикъ.— Не будемъ спорить за слово: я обмолвился.

И ла-Гюррьеръ, оборотившись спиною къ ла-Молю, съ шутевскою ужимкою высунулъ языкъ передъ Коконнѣ и взглянулъ на него значительно.

— Не-уже-ли? спросилъ Коконнѣ, сияя радостью.

— Не-уже-ли? проговорилъ ла-Моль съ грустью.

— Какъ я имѣлъ честь доложить вамъ, господа, отвѣчалъ трактирщикъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказала ла-Моль:—я иду въ Лувръ не терпя ни минуты. Застану ли я короля Генриха?

— Вѣроятно, потому-что онъ тамъ живетъ.

— И я пойду въ Лувръ, сказала Коконнѣ.—Найду ли я тамъ герцога Гиза?

— Вѣроятно, потому-что онъ только-что пришелъ туда съ двумястами дворянъ,

— Такъ пойдемте, Коконнѣ, сказалъ ла-Моль.

— Пойдемте.

— А ужинъ, господа? спросилъ ла-Гюррьеръ.

— А! Я буду ужинать, можетъ-быть, у короля наваррскаго, отвѣчалъ ла-Моль.

— А я у герцога Гиза, прибавилъ Коконна́.

— А я, сказалъ трактирщикъ, проводивъ глазами гостей:—пойду вычистить шпашакъ, приготовить пищаль, да наточить бердышъ; неизвѣстно, что можетъ случиться.

V.

О Луврѣ въ особенностях и о добродѣтели вообще.

Оба дворянина, освѣдомившись у перваго встрѣчнаго, пошли улицю Аверонъ, потомъ Сен-Жермен-л'Оксерруа и скоро очутились передъ Лувромъ, башни котораго начали сливаться съ ночью тѣнью.

— Что съ вами? спросилъ Коконна́ у ла-Моля, замѣтивъ, что тотъ остановился и съ какимъ-то почтеніемъ смотрѣлъ на подъемные мосты, узкія окна и острыя башни, вдругъ представшіе его взору.

— Право, и самъ не знаю, отвѣчалъ ла-Моль. — Такъ, сердце бьется... Я не большой трусъ, а не знаю отъ-чего этотъ дворецъ кажется мнѣ мраченъ, и даже ужасенъ.

— А мнѣ, сказалъ Коконна́: — тоже не знаю отъ-чего, какъ-то странно-весело. Однакожь я одѣтъ довольно-небрежно, продолжалъ онъ, оглядывая свой дорожній костюмъ.—Да что за бѣда! это придаетъ молодецкій видъ. Къ-тому же, мнѣ вѣрно не терять времени. За это не възыщутъ, потому-что я буквально исполняю приказаніе.

И оба продолжали идти, волнующие различными чувствами.

Лувръ былъ крѣпко оберегаемъ; всѣ караулы были, кажется, удвоены. Это привело сначала молодыхъ людей въ замѣшательство. Но Коконна́, смекнувъ, что имя Гиза дѣйствуетъ на Парижанъ въ родѣ талисмана, подошелъ къ часовому и, ссылаясь на герцога, спросилъ, можетъ ли онъ войти въ Лувръ.

Это имя точно, казалось, подѣйствовало на солдата сильно; однакожь онъ спросилъ у Коконна́, знаетъ ли онъ пароль.

Коконна́ долженъ былъ признаться, что не знаетъ.

— Такъ идите прочь, отвѣчалъ солдатъ.

Въ эту минуту, человекъ, разговаривавшій съ дежурнымъ офицеромъ и во время разговора разслушавшій, что Коконна́ проситъ позволенія войти въ Лувръ, прервалъ свой разговоръ, и, подошедъ къ графу, сказалъ съ сильнымъ нѣмецкимъ выговоромъ:

— Вы къ герцогу Гизу?

— Я хочу съ нимъ говорить, отвѣчалъ Коконна́.

— Невозможно! Герцогъ у короля.

— У меня есть, однакожь, письменное предписаніе явиться въ Парижъ.

— А! у васъ есть письменное предписаніе?

— Да; и я пріѣхалъ очень-издалека.

— А! вы пріѣхали очень-издалека?

— Изъ Пьемонта.

— Хорошо, хорошо! Это другое дѣло. Какъ васъ зовутъ?

— Графъ Аннибалъ де-Коконна́.

— Хорошо! дайте письмо, господинъ Аннибалъ, дайте.

— Право, онъ очень-милъ и любезенъ, подумалъ де-ла-Моль; еслибъ мнѣ найти такого же проводника къ королю Генриху.

— Давайте же бумагу, продолжалъ Нѣмецъ, протягивая руку къ Коконна́, стоявшему въ нерѣшимости.

— Постойте! отвѣчалъ Пьемонтецъ, недоверья по своей полу-итальянской натурѣ.— Не знаю, можно ли... Я не имѣю чести знать васъ, милостивый государь.

— Я Пемъ; я принадлежу герцогу Гизу.

— Пемъ, повторилъ Коконна́:—это имя мнѣ неизвѣстно.

— Это, ваше благородіе, господинъ де-Бемъ, сказалъ часовой:— онъ плохо выговариваетъ по-французски. Отдайте ему бумагу, не бойтесь; я ручаюсь.

— А! господинъ де-Бемъ! воскликнулъ Коконна́.—Боже мой, какъ же знать васъ!.. Извольте, извольте, съ величайшимъ удовольствіемъ. Вотъ предписаніе. Извините, пожалуйста, что я было-привадунался. Вѣрному слугѣ иначе нельзя...

— Хорошо, хорошо, отвѣчалъ Бемъ:— нѣ въ чемъ извиняться.

— Вы такъ обязательны, сказалъ ла-Моль, приближаясь въ свою очередь:—не потрудитесь ли взять и мою бумагу?

— Какъ васъ зовутъ?

— Графъ Леракъ де-ла-Моль.

— Графъ Леракъ де-ла-Моль?

— Да.

— Не знаю.

— Не удивительно, что я не имѣю чести быть вамъ извѣстенъ: я не здѣшній, и такъ же, какъ и Коконна́, пріѣхалъ издалека.

— А откуда?

— Изъ Прованса.

— Тоже съ письмомъ?

— Съ письмомъ.

— Къ герцогу Гизу?

— Нѣтъ, къ его величеству, королю наваррскому.

— Я не слуга короля наваррскаго, отвѣчалъ Бемъ, сдѣлавшись вдругъ очень-холоденъ:—я не могу передать ваше письмо.

И Бемъ, оборотившись къ ла-Молю спиною, пошелъ въ Лувръ, давая Коконнѣ знакъ слѣдовать за нимъ.

Ла-Моль остался одинъ.

Въ это самое время, изъ дверей Лувра, сосѣднихъ съ тѣмъ входомъ, въ который вошли Бемъ и Коконнѣ, вышли педовѣкъ сто дворянъ.

— А! скажешь часовой своему товарищу.— Вотъ Муи съ своими гугенотами; смотри, какъ они веселы. Король вѣрно обѣщалъ мнѣ смерть убійцы адмирала: онъ же убилъ и отца Муи, такъ сынъ одинъ ударомъ отплатитъ за двухъ.

— Снажи, цыкалуйста, сказалъ ла-Моль, обращаясь къ солдату:—ты, кажется, сказалъ, что это де-Муи?

— Да.

— И кто эти господа...

— Еретики?— да.

— Спасибо, отвѣчалъ ла-Моль, не обращая вниманія на выраженія солдата.—Мнѣ только и нужно знать.

Онъ обратился къ предводителю этой толпы.

— Я узналъ, что вы господинъ де-Муи.

— Такъ точно, отвѣчалъ тотъ учтиво.

— Имя ваше извѣстно между приверженцами церкви, и потому смѣю обратиться къ вамъ съ просьбою.

— Чтѣ вамъ угодно?.. Не позволяйте прежде узнать, съ кѣмъ и нѣско часть говорить?

— Съ графомъ Леракъ де-ла-Молемъ.

Молодые люди раскланялись.

— Говорите же, сказалъ де-Муи.

— Я пріѣхалъ изъ Э, и привезъ письмо отъ г. д'Онака, губернатора Прованса. Письмо адресовано на имя короля наваррскаго, и въ немъ есть важныя, нетерпящія отлагательства извѣстія. Какъ вручить мнѣ это письмо? Какъ войти въ Лувръ?

— Нѣтъ ничего легче, какъ войти въ Лувръ, отвѣчалъ де-Муи:—только, кажется, король наваррскій теперь очень-занятъ, и врядъ ли прійметъ васъ. Впрочемъ, если вамъ угодно идти за мною, я доведу васъ до его комнаты. Остальное уже ваше дѣло.

— Благодарю васъ.

— Пойдемте, сказалъ де-Муи.

Де-Муи сошелъ съ лошади, бросилъ поводья слугѣ, подошелъ къ калиткѣ, сказался часовому, ввелъ де-ла-Моля въ замокъ, и, открывъ дверь въ покои короля, сказалъ:

— Вейдите и спросите.

Съ этими словами онъ поклонился и ушелъ.

Ла-Моль, оставшись одинъ, посмотрѣлъ вокругъ. Передняя была пуста; одна изъ внутреннихъ дверей отворена. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и очутился въ корридоръ.

Онъ постучалъ и заговорилъ, — никто не отвѣчалъ. Глубочайшее безмалвіе царствовало въ этой части Лувра.

— Что жь мнѣ говорили о строгомъ этикетѣ? подумалъ онъ: — сюда можно прійдти какъ на площадь и уйти.

Онъ кликнулъ еще разъ, но все по-прежнему оставалось тихо.

— Пойдемъ впередъ, подумалъ онъ: — наконецъ кого-нибудь да встрѣчу же.

И онъ пошелъ по корридору, который все становился темнѣе и темнѣе.

Вдругъ дверь, противоположная той, въ которую онъ вошелъ, растворилась и появилась два пажы со свѣчами въ рукахъ; они освѣщали дорогу женщины высокаго роста, величественной наружности и очень-красивой собою.

Свѣтъ совершенно ослѣпилъ ла-Моля, остановившагося на мѣстѣ.

Женщина тоже остановилась.

— Что вамъ угодно? спросила она молодого человѣка голосомъ, который раздавался въ его ушахъ, какъ очаровательная музыка.

— Извините, отвѣчалъ ла-Моль, потупляя глаза. — Господинъ де-Муи ввелъ меня сюда; я ищу короля наваррскаго.

— Его величество вовсе не здѣсь; онъ, я думаю, у своего шурина. Но, можетъ-быть, за его отсутствіемъ, вы можете объявить королю, что вамъ надо?

— Конечно, отвѣчалъ ла-Моль: — если кто-нибудь сдѣлаетъ мнѣ одолженіе проводить меня къ ней.

— Она передъ вами.

— Какъ? воскликнулъ де-ла-Моль.

— Я королева наваррская, отвѣчала Маргерита.

На лицѣ ла-Моля выразился такой испугъ и удивленіе, что королева улыбнулась.

— Говорите скорѣе, сказала она: — меня ждуть къ королевѣ-матери.

— О! если вамъ не время, позвольте мнѣ удалиться, потому-что невозможно говорить теперь. Я не въ состояніи связать двухъ мыслей... вы поразили меня. Я не разсуждаю; я просто удивляюсь.

Маргерита граціозно подошла къ молодому человѣку, который безсознательно сдѣлалъ очень-тонкій комплиментъ.

— Успокойтесь, сказала она. — Я подожду, и меня подождутъ.

— Извините, ваше величество, я не поклонился вамъ съ тѣмъ

почтениемъ, которое вы имѣете право требовать отъ покорнѣйшаго слуги вашего, но...

— Но вы приняли меня за одну изъ моихъ женщинъ.

— Нѣтъ, ваше величество. Я принялъ васъ за тѣнь прекрасной Діаны де-Пуатье. Говорятъ, она является въ Лувръ.

— Я за васъ не боюсь, сказала Маргерита:—вы при дворѣ уживаетесь... У васъ есть письмо къ королю, говорите вы? Это лишнее. Впрочемъ, все равно; гдѣ оно? Я его отдамъ... Только поспѣшите, пожалуйста.

Въ мгновеніе ока ла-Моль разстегнулъ свой камзолъ и досталъ письмо, завернутое въ шелкъ.

Маргерита взяла письмо и взглянула на почеркъ.

— Вы не графъ ли де-ла-Моль? спросила она.

— Такъ точно... Не-уже-ли я такъ счастливъ, что имя мое извѣстно вашему величеству?

— Я слышала его отъ моего мужа, короля, и отъ брата, герцога д'Алансона. Я знаю, что васъ ждуть.

Она спрятала письмо, теплое еще отъ груди молодого человѣка, въ свой корсажъ, испещренный шитьемъ и брилліантами.

Ла-Моль жадно слѣдилъ глазами за каждымъ движеніемъ Маргериты.

— Теперь, сказала она:—сойдите въ галерею внизъ, и дождитесь, пока прійдетъ кто-нибудь отъ короля наваррскаго или герцога д'Алансона. Мой пажъ проводить васъ.

Съ этими словами, Маргерита пошла дальше. Ла-Моль прижался къ стѣнѣ. Но корридоръ былъ такъ узокъ, а платье королевны наваррской такъ полно, что оно коснулось молодого человѣка. Сильный аромат разливался по пути ея.

Ла-Моль вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, и чувствуя, что готовъ упасть, прислонился къ стѣнѣ.

Маргерита исчезла какъ видѣніе.

— Пойдемте! спросилъ пажъ, которому вѣрно было проводить ла-Моля въ галерею.

— Да, да, отвѣчалъ ла-Моль въ упоеніи. Пажъ указывалъ ему дорогу въ ту сторону, куда скрылась Маргерита, и графъ, спѣша идти, какъ-будто надѣялся увидѣть ее еще разъ.

И дѣйствительно, дошедъ до верхнихъ ступеней лѣстницы, онъ замѣтилъ ее въ нижнемъ этажѣ, и случайно ли, или потому-что шумъ шаговъ его достигъ до ея слуха, Маргерита оглянулась, и онъ увидѣлъ ее еще разъ.

— О! сказалъ онъ, идя въ-слѣдъ за пажомъ.—Это не смертная: это богиня. И, какъ говоритъ Виргилій,

Et vera incessu patuit dea.

— Что жъ вы? спросилъ пажъ.

— Здѣсь, отвѣчалъ ла-Моль:—здѣсь; извините, пожалуйста.

Пажъ пошелъ впередъ, сошелъ въ этажъ ниже, отворилъ дверь, другую, и, остановившись на порогъ, сказалъ:

— Вотъ мѣсто, гдѣ вы должны дожидаться.

— Ла-Моль вошелъ въ галерею, и дверь за нимъ затворилась.

Галерея была почти-пуста; въ ней ходилъ только одинъ человекъ, тоже, по-видимому, кого-нибудь ожидавшій.

Вечеръ уже широкими тѣнями ложился съ высокихъ сводовъ, и находившіеся въ галерей не могли распознать другъ друга, хотя между ними было всего шаговъ двадцать. Ла-Моль подошелъ ближе.

— Прости Господи! проговорилъ онъ, приблизившись на нѣсколько шаговъ.—Да это графъ Коковна!

Пьемонтецъ успѣлъ уже обернуться на шумъ шаговъ и съ такимъ же удивленіемъ смотрѣлъ на ла-Моля.

— Ла-Моль, чортъ возьми! воскликнулъ онъ. — А! да что жъ это я? У короля, — и произношу ругательства! Впрочемъ, король ругается, кажется, не хуже меня, даже въ церкви. Ну-съ! Такъ вотъ мы съ вами въ Лувръ?

— Какъ видите; Бемъ ввелъ васъ.

— Да, прелюбезный Нѣмецъ этотъ Бемъ... А вы, — васъ кто провель?

— Мум... я говорилъ вамъ, что гугеноты не безъ вліянія при дворѣ... Что жъ, видѣли вы Гиза?

— Нѣтъ еще... А вы имѣли аудіенцію у короля наваррскаго?

— Нѣтъ; но за этимъ остановки не будетъ. Меня проводили сюда и велѣли дожидаться.

— Вы увидите, что дѣло идетъ о какомъ-нибудь торжественномъ ужинѣ, и что намъ придется сидѣть рядомъ. Какая странная судьба, въ-самоцъ-дѣлъ! Вотъ уже два часа, какъ случай безпрестанно насъ сводить... Однако, что съ вами? Вы о чемъ-то задумались?

— Я? быстро проговорилъ ла-Моль, вдрогнувъ. (Онъ дѣйствительно все еще не могъ опомниться отъ своего видѣнія.)— Нѣтъ! Это мѣсто, гдѣ мы находимся, пробуждаетъ во мнѣ тысячу размышленій.

— Философскихъ, не правда ли? Со мною точно то же. Когда мы входили, именно въ ту минуту мнѣ приходили на память всѣ наставленія моего учителя. Знаете ли вы, графъ, Плутарха?

— Какъ не знать! отвѣчалъ графъ улыбаясь: — это одинъ изъ моихъ любимыхъ авторовъ.

— Этотъ великій человекъ, продолжалъ Коковна серьезно:—кажется, не ошибся, сравнивая дары природы съ бальзамическими

растениями, которыхъ ароматъ никогда не иссякаетъ и которыми одарены силою исцѣлять раны.

— Вы знаете по-гречески, Коконнѣ? спросилъ ла-Моль, пристально глядя на своего собесѣдника.

— Нѣтъ; но учитель мой зналъ, и совѣтовалъ мнѣ, когда я буду при дворѣ, разсуждать о добродѣтели. «Эте» говорилъ онъ: «выказываетъ человѣка съ хорошей стороны». И я твердо помню его наставленія, говорю вамъ... Кстати, голодны вы?

— Нѣтъ.

— Кажется, вы заглядывались на жиреную птицу въ Belle Etoile? Что до меня—я просто умираю съ голода.

— Вотъ прекрасный случай приложить къ дѣлу ваши положенія о добродѣтели и доказать свое удивленіе къ Плутарху: — великій писатель говоритъ гдѣ-то: полезно упражнять душу въ скорби и желудокъ въ голодъ. *Præron estî tep men puchen edupé ton de gastéga semo askéin.*

— А! такъ вы знаете по-гречески? воскликнулъ въ изумленіи Коконнѣ.

— Да, отвѣчалъ ла-Моль:—мой наставникъ меня выучилъ.

— Въ такомъ случаѣ, счастье ваше, чортъ возьми, обезпечено. Вы будете писать стихи съ Карломъ и говорить по-гречески съ королевой Маргеритой.

— Не считая еще того, прибавилъ ла-Моль, сѣвась:—что я могу говорить по-гасконски съ королемъ наваррскимъ.

Въ эту минуту, дверь въ концѣ галереи, примыкавшемъ къ комнатамъ короля, открылась; раздался звукъ шаговъ, и въ темноту можно было разглядѣть приближеніе какой-то тѣни. Тѣнь превратилась въ тѣло, и это тѣло былъ г. Бемъ.

Онъ взглянулъ обомъ въ лицо, чтобъ узнать того, кого ему было надо, и далъ Коконнѣ знакъ идти за нимъ.

Коконнѣ простылся рукою съ ла-Модемъ.

Бемъ довелъ Коконнѣ до конца галереи, открылъ дверь, и они очутились на первой ступени лестницы.

Здѣсь онъ остановился, оглянулся вокругъ, вверхъ и внизъ, и спросилъ:

— Гдѣ вы живете, господинъ де-Коконнѣ?

— Въ гостиницѣ à la Belle Etoile, въ Улицѣ-д'Арбр-Секъ.

— Хорошо, хорошо! Это два шага отсюда... Ступайте преворнѣ домой, и въ эту ночь...

Онъ снова оглянулся.

— Что же въ эту ночь? спросилъ Коконнѣ.

— Ночью возвратитесь сюда съ бланшетъ крестомъ на шлѣпѣ. Мароль будеть: Гмт. Тес! тише!

— Не въ которомъ же часу прійдти?

— Когда ударятъ въ набатъ.

— Какъ въ набатъ? спросилъ Коконна.

— Да, въ набатъ; вотъ такъ: бумъ! бумъ!

— А! понимаю. Хорошо, отвѣчалъ Коконна.

И, поклонившись Бему, онъ ушелъ, задавая себѣ вопросъ:

— Что онъ хотѣлъ сказать? И съ какой стати ударятъ въ набатъ?.. Все равно, я остаюсь при своемъ мнѣнii: прелюбезный Телесо этотъ Бемъ. Не дождатся ли ла-Моля?... Нѣтъ, онъ вѣрно будетъ ужинать у короля наваррскаго.

И Коконна пошелъ въ Улицу-д'Арбр-Секъ, куда, какъ вѣднть, притягивала его вывѣска à la Belle Etoile.

Между-тѣмъ, отворяясь дверь въ другой части галереи, ведущая въ покои короля наваррскаго, и пажъ, подошедши къ ла-Молю, сказалъ:

— Вы графъ ла-Моль?

— Я.

— Гдѣ вы живете?

— Въ Улицѣ-д'Арбр-Секъ, въ гостиницѣ à la Belle Etoile.

— Хорошо! Это рядомъ съ Лувромъ. Слушайте... Его величество приказалъ вамъ сказать, что не можетъ принять васъ теперь; но, можетъ-быть, онъ прійметъ за вами ночью. Во всякомъ случаѣ, если до завтрашняго утра вы не получите отъ него никакого вѣстiя, приходите въ Лувръ.

— А если часовой не впуститъ?

— Да! правда... Пароль: *Наварра*. Произнесите это слово, и въ двери для васъ отворятся.

— Благодарю васъ.

— Позвольте; мнѣ приказано проводить васъ до калитки, чтобы вы не заблудились въ Луврѣ.

— Да! подумалъ ла-Моль, вышедъ изъ дворца: — а Коконна? онъ вѣрно остался ужинать у Гиза.

На первое лицо, которое онъ встрѣтилъ, входя въ гостиницу ла-Гюрьера, былъ Коконна, сидѣвшiй за гiгантскою яичницею.

— Ого! воскликнулъ Коконна, хохоча во все горло: — вы, какъ жиста, такъ же ужинали у короля наваррскаго, какъ я у герцога Гиза?

— Кажется.

— А голодъ явился?

— Кажется.

— На зло Плутарху?

— Графъ, сказалъ ла-Моль, смѣясь. — Плутархъ говоритъ въ другой мѣстѣ: «ищущiй долженъ дѣлаться съ наймущимъ». Не

раздѣлите ли вы, ради Плутарха, вашей яичницы со мною? За ужиномъ мы побесѣдуемъ о добродѣтели.

— Нѣтъ! пожалуйста, нѣтъ! отвѣчалъ Коконна́. — Это хорошо въ Луврѣ, когда боишься, что подслушаютъ, и когда желудокъ пусть. Садитесь и кушайте.

— Теперь я вижу, что судьба рѣшительно соединила насъ неразрывно. Вы почувте здѣсь?

— Не знаю.

— И я не знаю.

— Во всякомъ случаѣ, я знаю, гдѣ проведу ночь.

— Гдѣ же?

— Тамъ, гдѣ вы; это неизбежно.

И оба начали смѣяться, усердно уничтожая яичницу ла-Гюрьера.

VI.

Уплатенный долгъ.

Если читателю любопытно знать, почему король наваррскій не принялъ ла-Моля, почему Коконна́ не могъ видѣть Гиза, и почему оба они, вмѣсто того, чтобъ лакомиться въ Луврѣ фазанами, куропатками и т. п., принуждены были удовольствоваться яичницею въ гостинницѣ à la Belle Etoile, — мы просимъ его войти съ нами въ старый королевскій дворецъ и послѣдовать за королевой Маргеритой наваррской, которую ла-Моль потерялъ изъ вида при входѣ въ галерею.

Когда Маргерита сходила съ лѣстницы, герцога де-Гизъ, котораго она не видала съ ночи своей свадьбы, былъ въ кабинетѣ короля. Съ лѣстницы, по которой сходила Маргерита, былъ поворотъ. Изъ кабинета, въ которомъ былъ Гизъ, вела дверь; повернуть и дверь оба вели въ корридоръ, а корридоръ въ покои королевы-матери, Катерины-Медичи.

Катерина-Медичи была одна: она сидѣла у стола, облокотившись на молитвенникъ и склонивъ голову на руку, еще замѣчательно-красивую, благодаря косметическимъ средствамъ Флорентинца Ренэ, исправлявшаго при ней двойную должность — парфюмера и отравителя.

Вдова Генриха II была въ трауръ, котораго не снимала со смерти мужа. Теперь ей было около 52-хъ лѣтъ, и, благодаря связей плотоу, она сохранила еще черты своей первой красоты. Комната, подобно костюму королевы, носила на себѣ характеръ вдовства.

Все въ ней было мрачно: стѣны, мѣбель, матерія. Только надъ балдахиномъ, покрывавшимъ королевское кресло, виднѣлось живое изображеніе радуги; съ слѣдующимъ греческимъ девизомъ, даннымъ королемъ Францискомъ I: Phos pherei é de kai aïthzen, т. е. въ ней слиты свѣтъ и чистота.—На креслахъ лежала собачка, подаренная Катериной Генрихомъ наваррскимъ и названная мисологическимъ именемъ Фебы.

Вдругъ, въ ту самую минуту, когда королева совершенно погрузилась въ мысль, заставившую ее медленно улыбнуться, кто-то отворилъ дверь, приподнявъ завѣсу и, показавъ блѣдное лицо свое, сказалъ:

— Дѣла плохи.

Катерина подняла голову и узнала герцога Гиза.

— Какъ! Плохи? повторила она.—Что это значить, Генрихъ?

— То, что король больше нежели когда-нибудь привязанъ къ этимъ проклятымъ гугенотамъ, и если мы будемъ дожидаться его позволенія выполнить свое великое предпріятіе, намъ придется ждать долго, можетъ-быть, вѣчно.

— Что же такое случилось? спросила Екатерина, сохраняя обычное спокойствіе своего лица, которому она такъ хорошо умѣла, смотря по надобности, придавать самыя противоположныя выраженія.

— Сейчасъ я въ двадцатый разъ завелъ съ его величествомъ разговоръ, долго ли будемъ мы терпѣть все эти дерзости, которыя позволяютъ себѣ гугеноты съ-тѣхъ-поръ, какъ ранили адмирала.

— Что жъ отвѣчалъ вамъ сынъ мой? спросила Екатерина.

— Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Господинъ герцогъ! Народъ долженъ подозрѣвать васъ въ убіеніи моего втораго отца, адмирала; защитайтесь, какъ вамъ угодно. Что касается до меня, я защищу самъ себя какъ слѣдуетъ, если меня оскорбятъ...» Съ этими словами онъ отворотился и пошелъ кормить своихъ собакъ.

— И вы не рѣшились остановить его?

— Рѣшился. Но онъ отвѣчалъ мнѣ извѣстнымъ вамъ тономъ, бросивъ на меня тотъ взглядъ, который свойственъ только ему одному: «Герцогъ! собаки мои голодны; нельзя же ихъ заставить ждать: онѣ не люди.» — Я пришелъ извѣстить васъ объ этомъ.

— И хорошо сдѣлали, отвѣчала королева.

— Но что же дѣлать теперь?

— Испытать послѣднее усиліе.

— Кто возьмется за это?

— Я. Король одинъ?

— Нѣтъ. Онъ съ Таванномъ.

— Подождите меня здѣсь. Или, лучше, идите за мною поодаль.

Т. XII. — Отд. I.

Катерина встала и пошла къ комнатѣ, гдѣ на турецкихъ коврахъ и бархатныхъ подушкахъ покоились любимыя собаки короля. На жердяхъ, вдѣланныхъ въ стѣну, сидѣли два или три сокола и маленькая сорока, которою Карлъ IX травилъ маленькихъ птичекъ въ садахъ стараго Лувра и Тюльери, начинавшаго строиться.

Во время этого перехода, королева сложила блѣдное, полное тоски выраженіе лица, и на рѣсницахъ ея блеснула послѣдняя, или лучше сказать первая слеза.

Она тихо подошла къ Карлу, который раздавалъ собакамъ куски пирога, разрѣзаннаго на равныя части.

— Сынъ мой, произнесла Катерина съ такимъ искуснымъ дрожаніемъ голоса, что король вздрогнулъ.

— Что вы? спросилъ Карлъ, быстро оглянувшись.

— Я пришла просить у тебя позволенія удалиться въ который-нибудь изъ твоихъ замковъ; мнѣ все равно куда бы ни было, лишь бы подальше отъ Парижа.

— А зачѣмъ это? спросилъ Карлъ, устремивъ на мать свои стеклянныя глаза, дѣлавшіяся въ извѣстныхъ случаяхъ такъ проныцательными.

— Потому-что каждый день гугеноты дѣлаютъ мнѣ новыя оскорбленія; потому-что не дальше какъ сегодня я слышала, что вы грозили протестантами среди самаго Лувра. Я не хочу дольше быть свидѣтельницею подобныхъ сценъ.

— Да что же дѣлать, матушка, сказалъ Карлъ съ выраженіемъ глубокаго убѣжденія:—хотѣли убить ихъ адмирала. Подлый убійца убилъ уже ихъ храбраго де-Муи. Mort de ma vie! Надобно же, чтобъ было въ королевствѣ правосудіе!

— О, будь покоенъ! за правосудіемъ у нихъ дѣло не станетъ. Если ты откажешь имъ въ правосудіи, они распорядятся сами. Сегодня оплатятъ мнѣ, завтра Гизу, потомъ и тебя.

— Вы думаете? сказалъ Карлъ голосомъ, въ которомъ въ первый разъ послышалось сомнѣніе.

— Не-уже-ли ты не видишь, сказала Катерина, вводя предвѣщавшее стремленію своихъ мыслей:—что дѣло идетъ уже не о смерти Франсуа Гиза или адмирала, не о протестантской или католической религіи, но просто о смѣнѣ сына Генриха II сыномъ Антуана де-Бурбона.

— Полноте, полноте, матушка! вы опять начали преувѣдывать.

— Какое же твое мнѣніе?

— Обождать, матушка, обождать. Вся челоѳическая мудрость заключается въ этомъ словѣ. Величайшій, могущественнѣйшій, въ особенности довѣчайшій челоѳъ тотъ, кто умѣетъ выжидать.

— Такъ жди; но я не буду ждать.

Съ этими словами, Катерина поклонилась и хотѣла выйти.

Карлъ остановилъ ее.

— Что же дѣлать, матушка? спросилъ онъ. — Я справедливъ, это главное, и мнѣ хотѣлось бы, чтобъ всѣ были мною довольны.

Катерина приблизилась.

— Подойдите, графъ, сказала она Таванну, заскавшему сороку: — скажите королю, что, по вашему мнѣнью, долженъ онъ дѣлать.

— Позвольте ли, ваше величество? спросилъ графъ.

— Говори, Таваннъ, говори.

— Что ваше величество дѣлаете на охотѣ, когда на васъ бросается раненный кабанъ?

— Я жду его съ твердостью, отвѣчалъ Карлъ: — и пронзаю его мотъ копьемъ.

— Единственно для того, чтобъ онъ тебя не ранилъ, прибавила Катерина.

— И для забавы, сказалъ король съ улыбкою, говорившею, что смѣлость дошла уже до звѣрства. — Но я не стану забавляться, убивая своихъ подданныхъ: гугеноты мнѣ такіе же подданные, какъ и католіки.

— Въ такомъ случаѣ, сказала Катерина: — твои подданные протестанты сдѣлаютъ то же, что кабанъ, которому не всадили въ горло копыя: они опрокинутъ престолъ.

— О! Вы думаете? спросилъ Карлъ такимъ голосомъ, который мнѣ говорилъ, что онъ плохо вѣритъ въ предсказанія своей матери.

— Развѣ вы не видѣли сегодня Муи съ товарищами?

— Видѣлъ; они только-что ушли отъ меня. Что же требовалъ онъ несправедливаго? Онъ требовалъ смерти убійцы отца его и генерала. Развѣ мы не наказали Монгомери за смерть моего отца и вашего мужа, не смотря на то, что эта смерть была просто случай?

— Довольно, ваше величество, сказала Катерина, обидѣвшись: — не будемъ говорить объ этомъ. Ваше величество находитесь подъ защитою Бога: онъ далъ вамъ и силу, и мудрость, и вѣру. Я же, бывшая женщина, оставленная Богомъ за грѣхи мои, я трещу и отстаю.

Катерина поклонилась въ другой разъ и вышла, давая знакъ герцогу Гизу, вошедшему въ-продолженіе послѣдняго разговора, чтобъ онъ остался и сдѣлать еще одну попытку.

Карлъ проводилъ глазами мать, но не прозвалъ ее назадъ; потомъ началъ заскать своихъ собакъ, насвистывая охотничью пѣсню, и наконецъ вдругъ сказалъ:

— У матушки истинно-царскій духъ; она ни надъ чѣмъ не задумывается. Убить нѣсколько дюжинъ гугенотовъ за то, что они пришли просить о правосудіи! Да развѣ они не имѣютъ на это права?

— Нѣсколько дюжинъ? проговорилъ герцогъ Гизъ.

— А! вы здѣсь? сказалъ король, какъ-будто только-что замѣтилъ его. — Да, нѣсколько дюжинъ; хорошая убыль. Да вотъ, еслибы кто-нибудь пришелъ и сказалъ мнѣ: государь! вы освободитесь отъ всѣхъ вашихъ враговъ разомъ, и завтра нѣкому будетъ упрекнуть васъ въ ихъ смерти,—а! тогда другое дѣло.

— Что же дальше, ваше величество?

— Таваннъ, прервалъ король: — ты утомишь Маргò. Посади ее на мѣсто. Изъ того, что она носить одно имя съ моею сестрою, королевою наваррской, не слѣдуетъ еще, что всѣ должны ласкаться.

Таваннъ посадилъ сороку на жердь и принялся сворачивать и разворачивать уши одной изъ собакъ.

— Но еслибъ вамъ сказали: ваше величество—завтра вы будете избавлены отъ всѣхъ враговъ?

— А заступленіемъ какого святаго совершится это чудо?

— Сегодня 24 августа, слѣдовательно заступленіемъ св. Вароламея.

— Славный святой, сказалъ король:—который позволилъ съ себя живаго содрать кожу.

— Тѣмъ лучше! чѣмъ больше были его страданія, тѣмъ больше долженъ онъ быть сердитъ на своихъ палачей.

— И это вы, милый братецъ, сказалъ король:— вы, свою красную шпажонкою съ золотымъ эфесомъ хотите убить къ завтраму десять тысячъ гугенотовъ? Ха! ха! ха! Mort de ma vie! Какое же вы шутникъ, герцогъ!

И король захохоталъ, но такимъ ложнымъ хохотомъ, что онъ повторило его какимъ-то мрачнымъ звукомъ.

— Ваше величество! одно слово, продолжалъ герцогъ, невольна вдрогнувъ отъ этого смѣха, въ которомъ не было ничего человеческого:—одинъ знакъ, и все готово. У меня есть Швейцарцы, тысяча-сто дворянъ, мѣщане; у вашего величества своя гвардія, друзья католическіе дворяне... насъ двадцать противъ одного.

— Если вы такъ сильны, что же вы жужжите мнѣ въ уши? Распорядитесь безъ меня...

И король опять обратился къ своимъ собакамъ.

Занавѣска поднялась, и опять явилась Катерина.

— Дѣло идетъ на ладъ, сказала она герцогу:—настанвайте, оступать.

И знавьска опять опустилась. Карлъ не видѣлъ, или притворился, что не видѣлъ этого явленія.

— Миѣ надо, однакожь, знать, продолжалъ герцогъ:—пріятны ли будутъ вашему величеству мои распоряженія, если я стану дѣйствовать самъ?

— Право, Генрихъ, вы пристали ко миѣ какъ съ ножомъ къ горлу; однакожь я не поддамся: развѣ я не король?

— Нѣтъ еще, не король; но отъ васъ зависитъ быть королемъ завтра.

— Да... такъ вѣдь этакъ убьютъ, продолжалъ Карлъ:—и король наваррскіаго, и принца Кондэ... у меня въ Лувръ... а?

Потомъ, голосомъ едва-слышнымъ, онъ прибавилъ:

— Въ Лувра, — другое дѣло...

— Сегодня вечеромъ они уйдутъ пировать съ герцогомъ д'Аласономъ, ваше величество.

— Таваннъ! сказалъ король, удивительно-искусно притворившись сердитымъ: — ты только дразнишь собаку. Сюда, Актеонъ, сюда!

И Карлъ вышелъ, не слушая больше ничего; герцогъ и Таваннъ остались въ прежнемъ недоумѣніи.

Между-тѣмъ, сцена совершенно-другаго рода происходила въ покояхъ Катерины, которая, давъ Гизу совѣтъ не плошать, пошла къ себѣ и застала тамъ лица, обыкновенно собиравшіяся къ ней вечеру.

Катерина возвратилась съ такимъ же веселымъ лицомъ, какъ ушла съ мрачнымъ. Мало-по-малу, она очень-ласково отпустила своихъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ; осталась только Маргерита, которая сидѣла на сундукѣ у открытаго окна и глядѣла на небо, погружившись въ размышленія.

Оставшись наединѣ съ дочерью, королева-мать раза два или три открывала ротъ и хотѣла заговорить, но мрачная мысль отталкивала слова въ глубину груди.

Въ это время вошелъ Генрихъ-Наваррскій.

Собачка, спавшая на креслахъ, вскочила и побѣжала къ нему.

— Вы здѣсь? сказала вздрогнувъ Катерина. — Вы ужинаете въ Лувръ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Генрихъ: — мы отправляемся въ городъ съ д'Аласономъ и Кондэ. Я даже думалъ, не у васъ ли они?

Катерина улыбнулась.

— Ступайте, господа, ступайте, сказала она.—Мужчины счастливы, что могутъ такъ выходить. Не правда ли, Маргерита?

— Да, отвѣчала Маргерита:—свобода сладка!

— Не хотите ли вы сказать, что я лишаяю ея васъ? спросилъ Генрихъ, наклоняясь къ женѣ.

— Нѣтъ; и я жалю не о себѣ, но о женщинахъ вообще.

— Вы идете, можетъ-быть, провѣдать адмирала? спросила Катерина.

— Да, можетъ-быть.

— Ступайте; вы подадите этимъ хорошій примѣръ. Завтра увидьте меня о его здоровьѣ.

— Я пойду, если вы одобряете это намѣреніе.

— Я? сказала Катерина: — я ничего не одобряю... Кто это тамъ?.. откажите, откажите.

Генрихъ сдѣлалъ шагъ къ дверямъ, чтобъ исполнить приказаніе королевы, но занавѣсь въ это время приподнялся, и показалась блѣлокурая головка г-жи де-Совъ.

— Ваше величество! парфюмеръ Рене, котораго вы изволили требовать, пришелъ.

Катерина съ быстротою молніи взглянула на Генриха-Наваррскаго. Король слегка покраснѣлъ; потомъ вдругъ ужасно поблѣднѣлъ. Имя, которое произнесли, было имя убійцы его матери. Генрихъ почувствовалъ, что лицо его говоритъ о внутреннемъ волненіи, и облокотился на окно.

Собачка завывала.

— Въ это время, вошли въ комнату двѣ особы: одна, о которой доложили, другая, которая могла войти и безъ доклада.

Одинъ былъ Рене, парфюмеръ. Онъ приблизился къ королеву съ весьма униженнымъ цереміаломъ флорентинскихъ слугъ; въ рукахъ у него былъ ящичекъ; онъ открылъ его: всѣ отвлеченія его были наполнены порошками и флаконами.

Другая особа была принцесса лорренская, старшая сестра Маргериты. Она вошла въ маленькую потайную дверь, ведущую изъ кабинета короля. Принцесса была блѣдна и дрожала; надѣясь, что Катерина, занятая съ госпожою де-Совъ разсматриваніемъ ящичка, принесеннаго Рене, не замѣтила ея, она сѣла возлѣ Маргериты; король наваррскій стоялъ возлѣ жены, склонивъ голову на руку, какъ человекъ, старающійся опомниться отъ внезапнаго ослѣпленія.

Въ эту минуту, Катерина обернулась.

— Маргерита, сказала она: — ты можешь уйти къ себѣ. А вы, Генрихъ, можете отправиться повеселиться въ городъ.

Маргерита встала; Генрихъ повернулся, чтобъ идти.

Принцесса лорренская схватила руку Маргериты.

— Сестра! проговорила она тихо и скоро: — именемъ Гиза, которому вы спасли жизнь и который теперь спасаетъ вашу, заклинаю васъ, не уходите отсюда, не уходите домой!

— А? что говоришь ты, Клодія? спросила Катерина.

— Ничего, матушка.

— Ты что-то шепнула Маргеритъ.

— Я пожелаала ей добраго вечера и передала поклонъ отъ герцогини де-Неверъ.

— А гдѣ эта прекрасная герцогиня?

— Она съ Гизомъ.

Катерина взглянула на дочерей своимъ подозрительнымъ взглядомъ и нахмурила брови.

— Поди сюда, Клодія, сказала королева-мать.

Клодія повиновалась. Катерина взяла ее за руку.

— Что ты ей сказала, болтунья? проговорила она; больно сжимая руку дочери.

Генрихъ, не слыша ничего, но не упустивъ ни одной пайтомины королевы, Клодіи и Маргериты, обратился къ женѣ:—Позвольте мнѣ поцаловать вашу руку.

Маргерита протянула ему дрожащую руку.

— Что она вамъ сказала? спросилъ онъ шепотомъ, наклоняясь къ ея рукѣ.

— Чтобъ я не уходила. Ради Бога, не уходите и вы.

Эти слова блеснули быстро какъ молнія; но этого свѣта было достаточно, чтобъ освѣтить Генриху цѣлый заговоръ.

— Это еще не всё, сказала Маргерита.—Вотъ письмо, привезенное провансальскимъ дворяниномъ.

— Де-ла-Молеми?

— Да.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ, пряча письмо за пазуху. Онъ отошелъ отъ жены, почти-растерявшейся, и положилъ руку на плечо Флорентинца.

— Ну, что, Рене? сказалъ онъ. — Каково идетъ торговля?

— Порядочно, ваше величество, порядочно, отвѣчалъ отравитель съ предательскою улыбкою.

— Я думаю, сказалъ Генрихъ: — когда имѣешь на рукахъ все коронованныя головы во Франціи и за границей.

— Исключая головы короля наваррскаго, дерзко замѣтилъ Флорентинецъ.

— *Ventre-saint-gris!* воскликнулъ Генрихъ: — вы правы; а бѣдная матушка, покупавшая у васъ, еще рекомендовала мнѣ, умирая, парюмера Рене. Завтра, или послѣ-завтра зайдите ко мнѣ и принесите лучшіе духи, какіе есть у васъ.

— Это не мѣшаетъ, смѣясь замѣтила Катерина: — говорятъ...

— Что отъ меня дурно пахнетъ, прервалъ ее Генрихъ, тоже смѣясь. — Кто это вамъ сказалъ? Марго?

— Нѣтъ, отвѣчала Катерина: — г-жа де-Совъ.

Въ эту минуту герцогиня де-Лоррень, не смотря на всѣ свои усилія, не выдержала и зарыдала.

Генрихъ даже не оглянулся.

— Что съ тобою, сестра? воскликнула Маргерита, бросаясь къ Клодii.

— Ничего, отвѣчала Катерина, становясь между ними.—У нея нервическая лихорадка, которую Мазиль совѣтуетъ лечить ароматами.

И она опять и еще съ бѣльшею силою сжала руку своей старшей дочери. Потомъ обратилась къ меньшей:

— Что жъ? ты не слышала, Марго, что я просила тебя уйти домой? Если этого мало, такъ я приказываю.

— Извините, отвѣчала Маргерита блѣдная и дрожащая.—Желаю вамъ спокойной ночи.

— Надѣюсь, что желаніе твое исполнится. Прощай.

Маргерита удалилась невѣрными шагами, тщетно стараясь встрѣтить взглядъ своего мужа, который даже не оглянулся въ ея сторону.

Настала минута молчанія. Катерина не сводила глазъ съ герцогини де-Лоррень, молча, съ сложенными руками, глядѣвшей на мать.

Генрихъ стоялъ спиною, но видѣлъ все въ зеркало, притворяясь, что фабричь усы помадою, которую только-что далъ ему Ренѣ.

— А вы, Генрихъ, сказала Катерина: — уйдете ли вы?

— Да, правда, воскликнулъ король.—Я и забылъ, что герцогъ д'Алансонъ и принцъ Кондѣ ждутъ меня. Этотъ чудесный запахъ просто отуманилъ меня; я все забываю. До свиданія.

— До свиданія! Завтра вы меня извѣстите объ адмиралѣ?

— Непремѣнно. — Что съ тобою, Феба?

— Феба! съ нетерпѣніемъ крикнула Катерина.

— Позовите ее, она не хочетъ меня выпустить.

Королева-мать встала и придержала собачку за шейникъ, покаместъ Генрихъ выходилъ съ такимъ спокойнымъ и веселымъ лицомъ, какъ-будто нисколько не чувствовалъ въ глубинѣ своего сердца, что жизнь его въ опасности.

Собачка, почувствовавъ свободу, бросилась за нимъ; но дверь была уже затворена и она могла только завѣть, уткнувъ морду подъ занавѣсъ.

— Теперь, Шарлотта, сказала Катерина госпожѣ де-Совъ: — позови Гиза и Таванна; они въ образной. Возвратись съ ними и займи герцогиню де-Лоррень: она неадорова.

VII.

Ночь 24 августа 1572 года.

Когда ла-Моль и Коконна окончили свой тощій ужинъ, потому-то дичь гостинницы à la Belle Etoile красовалась только на вывѣскѣ, Коконна протянулъ ноги, облокотился на столъ и, допивая послѣдній стаканъ вина, спросилъ:

— Чтѣ? вы сейчасъ ляжете спать, ла-Моль?

— Да, я думаю, потому-что легко можетъ случиться, что ночью меня разбудятъ.

— Я тоже, отвѣчалъ Коконна:—однако мнѣ кажется, что въ такомъ случаѣ, вмѣсто того, чтобъ ложиться и заставлять ждать тѣхъ, кто за нами пришлетъ, лучше спросимъ карты, и давайте играть. Такимъ образомъ насъ застанутъ готовыми.

— Я охотно бы согласился, отвѣчалъ ла-Моль. — Но у меня нѣтъ денегъ для игры; у меня въ чемоданѣ едва-ли есть экию сто золотомъ. Вотъ все мое богатство. На него я долженъ разжиться.

— Сто экию золотомъ! воскликнулъ Коконна. — И вы еще жалуетесь? Mordi! У меня всего шесть.

— Полно-те, замѣтилъ ла-Моль:—вы при мнѣ вынимали изъ кармана кошелекъ, и онъ показался мнѣ не только довольно-полнымъ, но даже туго-набитымъ.

— А! это назначено на уплату стараго долга, который я обязанъ отдать старинному другу отца моего, такому же, кажется, гугеноту, какъ и вы. Да, продолжалъ Коконна, ударивъ по карману:—здѣсь сто ноблей; но эти сто ноблей принадлежатъ господину Меркандону. Чтѣ же касается до моей собственности, она состоитъ, какъ я уже сказалъ вамъ, всего изъ шести экию.

— Такъ какъ же намъ играть?

— Потому именно я и хочу играть... Впрочемъ, знаете, чтѣ мнѣ пришло на мысль?

— Чтѣ?

— Мы оба приѣхали въ Парижъ съ одинакою цѣлью?

— Да.

— У каждаго изъ насъ есть сильный покровитель?

— Да.

— Вы, конечно, надѣетесь на вашего, какъ я на своего?

— Да.

— Ну, такъ мнѣ пришло въ голову играть сперва на деньги, а потомъ на первую милость при дворѣ, или на первую удачу въ любви.

— Это очень остроумно, сказалъ, улыбаясь, ла-Моль. — Но, признаюсь, я не такой игрокъ, чтобъ рѣшился вѣрить карты или костямъ всю жизнь свою; а для васъ, какъ и для меня, отъ первой милости, вѣроятно, будетъ зависеть участь цѣлой жизни.

— Такъ оставимъ въ сторонѣ первую милость при дворѣ, и будемъ играть на первую ласку любовницы.

— Этому мѣшаетъ только одно обстоятельство, сказалъ ла-Моль.

— Какое?

— То, что у меня нѣтъ любовницы.

— Да и у меня нѣтъ; впрочемъ, я надѣюсь скоро найти. Слава Богу, я созданъ не такъ, чтобъ пугать женщинъ.

— И у васъ не будетъ въ нихъ недостатка, Коконна; но какъ я не очень-сильно вѣрю въ мою любовную звезду, такъ играть съ вами на любовь значило бы обокрасть васъ. Давайте играть на ваши шесть эку; если вы проиграете ихъ и захотите продолжать, — вы дворянинъ, и слово ваше стоитъ золота.

— Извольте, сказалъ Коконна. — Вы правы: слово дворянина стоитъ золота, особенно если этотъ дворянинъ въ милости при дворѣ. Повѣрьте, я немного рискую, предлагая играть съ вами на первую милость при дворѣ.

— Конечно, вы можете проиграть ее, да я-то не могу выиграть. Служа королю наваррскому, я не могу получать милости отъ герцога Гиза.

— А! еретикъ! я тебя почувалъ, проворчалъ хозяйинъ, продолжая чистить старую каску.

Онъ замолчалъ и перекрестился.

— А-га! такъ выходитъ, что вы гугенотъ, продолжалъ Коконна, тасуя поданныя карты.

— Я?

— Да, вы.

— Положимъ, что и такъ, сказалъ ла-Моль улыбаясь. — А вамъ это не нравится?

— Нѣтъ, благодаря Бога. По мнѣ рѣшительно все-равно. Я отъ души ненавижу гугенотство, но не врагъ гугенотамъ; такова ужъ мода.

— Да, отвѣчалъ ла-Моль:—доказательство выстрѣлъ по адмиралу. Угодно вамъ тоже играть на выстрѣлъ?

— Какъ хотите, сказалъ Коконна:—мнѣ лишь бы играть, а на что, все-равно.

— Такъ начнемте, продолжалъ ла-Моль, собирая карты и разбирая ихъ по мастямъ.

— Играйте смѣло; если я проиграю сто эку, завтра по-утру будетъ чѣмъ заплатить.

— Значить, счастье посѣтитъ васъ во снѣ?

— Нѣтъ, я самъ пойду искать его.

— Куда, скажите пожалуйста? И пошелъ бы съ вами.

— Въ Лувръ.

— Вы идете туда ночью?

— Да; ночью у меня назначено свиданіе съ великимъ герцогомъ Гизомъ.

Лишь-только Коконна сказала, что пойдетъ искать счастья въ Лувръ, ла-Гюррьеръ пересталъ чистить дышакъ и сталъ позади ла-Моля, такъ-что тодько Коконна могла его видѣть. Онъ дѣлалъ ему разные знаки, но Пьермонтець, совершенно-занятый игрою и разговоромъ, не замѣчалъ ага,

— Странно! сказалъ ла-Моль: — вы говорили правду, что мы родились подъ одной звездой. У меня тоже назначено сегодня нечто свиданіе въ Лувръ, только не съ Гизомъ, а съ королемъ нарварскимъ.

— А пароль вы знаете?

— Знаю.

— И условную притчу, знаешь?

— Нѣтъ.

— А я знаю; мой пароль...

При слухѣ словакъ, ла-Гюррьеръ сдѣлалъ такой выразительный жестъ, что Коконна, въ самую ту минуту, когда онъ поднималъ голову, чтобъ высказать тайну, остановился какъ ошамелый; мина хозяйна поразила его въ эту минуту гораздо-сильнѣе проигранна трюкъ эю. Замѣтивъ изумленіе, выразившееся на лицѣ его партнера, ла-Моль обернулся, но увидѣвъ за собою только трактирщика, съ сложенными руками, въ каскѣ, которую онъ чистилъ минуту тому назадъ.

— Что съ вами? спросилъ онъ Коконна.

Коконна посмотрѣлъ на хозяйна и на ла-Моля, но отвѣчая имъ слова: онъ рѣшительно не понималъ знаковъ ла-Гюррера.

Ла-Гюррьеръ увидѣвъ, что пора поспѣшить на помощь.

— Я тоже очень люблю игру, сказалъ онъ поспѣшно: — подождите взглянуть какъ вы играете и надѣвъ каску; конечно, это удивило господина... мѣщанинъ въ каскѣ!

— Хороша фигура, нечего сказать! замѣтилъ ла-Моль, громко смѣясь.

— Что же? сказалъ ла-Гюррьеръ, съ удивительною ловкостью притворяясь простодушнымъ и пожимая плечами какъ-будто въ полномъ сознаніи своего ничтожества: — мы не рыцари, и не такъ ловки. Хорошо вамъ, господамъ-дворянамъ, щеголять золочеными ка-

сками и тонкими рапирами,— а намъ лишь—бы въ точности содержать карауль...

— А ты ходишь въ карауль? спросилъ ла-Моль, въ свою очередь тасуя карты.

— Какъ же. Я сержантъ въ отрядѣ городской милиціи.

Сказавъ это, ла-Гюррьеръ, пользуясь тѣмъ, что ла-Моль занятъ былъ слачею, приложилъ палецъ къ губамъ въ знакъ молчанія и отошелъ. Коконна потерялся еще больше.

Все это было, вѣроятно, причиною, что онъ проигралъ вторую ставку такъ же скоро, какъ и первую.

— Теперь вы какъ-разъ проиграли ваши шесть экю, сказалъ ла-Моль.—Хотите отыграться въ счетъ будущихъ благъ?

— Охотно, отвѣчалъ Коконна: — охотно!

— Но скажите, пожалуйста, вы, кажется, говорили, что у васъ назначено свиданіе съ герцогомъ Гизомъ?

Коконна оглянулся къ кухнѣ и увидѣлъ хозяина, который дѣлалъ ему глазами тѣ же знаки.

— Дѣ, сказалъ Коконна: — но теперь еще рано. Кромѣ того, поговоримъ лучше объ васъ, г. де-ла-Моль.

— Я думаю, лучше поговоримъ объ игрѣ, любезный г. де-Коконна; если не ошибаюсь, я долженъ выиграть еще шесть экю.

— *Mordi!* Въ-самомъ-дѣлѣ... мнѣ всегда говорили, что гугеноты счастливы въ игрѣ. Право, мнѣ хочется сдѣлаться гугенотомъ, чортъ меня возьми!

Глаза ла-Гюррера сверкнули какъ два угля; но Коконна, совершенно занятый игрою, ничего не замѣтилъ.

— Сдѣлайтесь, графъ, сдѣлайтесь, сказалъ ла-Моль:—не смотря на странное ваше восклицаніе, васъ пріймутъ съ радостью.

Коконна почесалъ за ухомъ.

— Еслибъ я былъ увѣренъ, что ваше счастье прістекаетъ отъ этого, увѣряю васъ... я, вотъ видите ли, не слишкомъ дорожу католичествомъ, и если король тоже...

— Да и религія-то наша какъ хороша, сказалъ ла-Моль:— проста, чиста!

— И въ модѣ, прибавилъ Коконна: — и приноситъ счастье въ игрѣ; тузы, чортъ возьми, только и существуютъ, кажется, для васъ. А я слѣжу за вами съ самаго начала игры; вы играете честно, не передѣргиваете. Должно быть религія...

— За вами еще шесть экю, спокойно замѣтилъ ла-Моль..

— А! какъ вы меня соблазните, сказалъ Коконна:—если я въ эту ночь не останусь доволенъ Гизомъ...

— Такъ что?

— Такъ завтра попрошу васъ представить меня королю наварр-

скому, и будьте спокойны: если я сделаюсь гугенотомъ, такъ ужъ буду гугенотомъ больше и Лютера, и Кальвина, и Меланхтона, и всѣхъ реформаторовъ въ свѣтъ.

— Тсі сказалъ ла-Моль.—Этакъ вы поссоритесь съ нашимъ хомидомъ.

— Правда, сказалъ Коконна, оглядываясь къ кухнѣ.— Да нѣтъ, онъ насъ не слушаетъ: онъ слишкомъ-занятъ.

— Чѣмъ же онъ такъ занятъ? спросилъ ла-Моль, которому не давно было ла-Гюрьера.

— Онъ разговариваетъ съ... Чортъ бы его взялъ! Это онъ!

— Кто, онъ?

— Это что-то въ родъ ночной птицы, съ которой онъ говорилъ, когда мы пріѣхали; помните, въ рыжемъ плащѣ? Mordii! какъ онъ горячится! — Ла-Гюрьеръ! что вы тамъ рѣшаете судьбу Европы, что ли?

Но на этотъ разъ ла-Гюрьеръ отвѣчалъ такимъ энергическимъ жестомъ, что Коконна, не смотря на всю свою любовь къ картамъ, всталъ и пошелъ къ нему.

— Что вы? спросилъ ла-Моль.

— Вы спрашиваете вина, графъ? сказалъ ла-Гюрьеръ, живо схвативъ Коконна за руку:—сейчасъ подадутъ.—Грегуаръ, подай вина! И онъ шепнулъ ему на ухо:

— Молчаніе! молчаніе, если вамъ дорога жизнь! Отпустите нашего товарища.

Ла-Гюрьеръ былъ такъ блѣденъ и товарищъ его такъ мраченъ, что Коконна почувствовала, какъ дрожь пробѣжала по его телу. Потомъ онъ обратился къ ла-Молью:

— Извините меня, ла-Моль; я проигралъ вамъ пятьдесятъ экую въ двѣ сдачи; сегодня мнѣ не везетъ, боюсь проигратъся.

— Хорошо; какъ вамъ угодно, отвѣчалъ ла-Моль. — Да я не прочь и отдохнуть. Ла-Гюрьеръ!

— Что прикажете, графъ?

— Если за мною прійдутъ отъ короля наваррскаго, разбуди меня. Я не раздѣнусь, такъ буду готовъ.

— Я тоже, сказалъ Коконна: — чтобъ не заставить его высочество дожидаться ни одной минуты, пойду приготовить знакъ. Ла-Гюрьеръ, дайте мнѣ ножницы и листъ бѣлой бумаги.

— Грегуаръ! закричалъ ла-Гюрьеръ:—подай бумаги и ножницы на письмо и конвертъ.

— Рѣшительно, тутъ происходитъ что-то необыкновенное, подумалъ Коконна.

— Спокойной ночи, Коконна! сказалъ ла-Моль.—Сведи-ка меня къ моему комнату, хозяинъ. Прощайте.

И ла-Моль исчезъ вмѣстѣ съ хозяиномъ на поворотѣ лестницы. Тогда таинственный собесѣдникъ трактирщика схватилъ Коконна за руку, и, увлекая его назадъ, сказалъ поспѣшно:

— Вы сто разъ готовы были выдать тайну, отъ которой зависитъ участь королевства. Господь Богъ заградилъ уста вамъ. Еще одно слово—и я застрѣлилъ бы васъ. Теперь мы одни...

— Но кто вы? Какое право имете вы говорить такъ повѣдительно?

— Не удавалось вамъ слышать о Морвель?

— Убійцѣ адмирала?

— И капитана Муи.

— Слышалъ, конечно.

— Такъ знайте же, что Морвель — я.

— О! воскликнула Коконна.

— Слушайте же.

— Морди! конечно, слушаю.

— Тес! сказалъ Морвель, прикладывая палецъ къ губамъ.

Коконна наострилъ уши.

Въ эту минуту стало слышно, какъ трактирщикъ затворяетъ двери въ комнату, потомъ въ корридоръ, и замыкаетъ ихъ. Черезъ минуту онъ возвратился, держа стулъ Коконна и Морвель и сѣлъ самъ.

— Все заперто какъ слѣдуетъ, Морвель. Вы можете говорить.

Одиннадцать часовъ было на башнѣ Сен-Жермен-д'Оксерруа. Морвель счисталъ ударъ молотка, глухо раздававшійся во фракъ ночи, и когда послѣднй ударъ исчезъ въ пространство, онъ сказалъ:

— Добрый ли вы католикъ, г-нъ Коконна?

Коконна, встревоженный всеми этими предосторожностями, отвѣчалъ:

— Я думаю.

— И преданы королю? продолжалъ Морвель.

— Душой и тѣломъ. Вы даже оскорбляете меня, дѣлая мнѣ такой вопросъ.

— Объ этомъ не будемъ спорить; только идите за нами.

— Куда?

— Какое вамъ дѣло! Идите только; дѣло идетъ о вашемъ счастьи, а можетъ-быть, и самой жизни.

— Предваряю васъ, что въ полночь я долженъ явиться въ Лувръ.

— Мы именно туда и идемъ.

— Герцогъ Гизъ ждетъ меня тамъ.

— Насъ тоже.

— Но у меня есть особый пароль, продолжалъ Коконна, доста-

дуя на то, что долженъ раздѣлить честь аудіенціи съ Морвелемъ и ла-Гюрьеромъ.

— И у насъ тоже.

— Но у меня есть еще условный знакъ.

Морвель улыбнулся, досталъ изъ-за пазухи кучу крестовъ, вырезанныхъ изъ бѣлой матеріи и далъ одинъ ла-Гюрьеру, другой Коконнѣ, третій взялъ себѣ. Ла-Гюрьеръ прикрѣпилъ крестъ къ своей каскѣ, Морвель къ своей шапкѣ.

— Такъ свиданіе назначено всѣмъ? воскликнулъ Коконнѣ. — Царь и знаки розданы всѣмъ?

— Да, всѣмъ; то-есть, всѣмъ истиннымъ католикамъ.

— Такъ, значитъ, въ Лувръ праздникъ, царскій пиръ, не правда ли? сказалъ Коконнѣ. — И его хотятъ отпраздновать безъ этихъ собакъ гугенотовъ?.. Превосходно! чудесно! И то довольно поважничали!

— Да, въ Лувръ будетъ пиръ, сказалъ Морвель: — царскій банкетъ; и гугеноты званые гости... Мало того, — имъ-то и зададутъ праздникъ; если вы хотите быть изъ нашихъ, такъ пойдѣте, во-первыхъ, пригласить ихъ главнаго атамана, ихъ Гелеона, какъ они говорятъ.

— Адмирала? спросилъ Коконнѣ.

— Да, старую крысу, по которой я промахнулся какъ дуракъ; а стрѣлялъ еще изъ королевской пищали!

— И вотъ зачѣмъ, господинъ графъ, чистилъ я шпашакъ, точилъ шпашу и ножи, сказалъ задыхающимся голосомъ ла-Гюрьеръ, превратившійся въ война.

При этихъ словахъ, Коконнѣ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ; онъ начиналъ понимать, въ чемъ дѣло.

— Не-уже-ли? вскричалъ онъ. — Этотъ пиръ... этотъ праздникъ...

— Не скоро же вы догадались! подхватилъ Морвель. — Видно, что вамъ не надобно эти еретики, какъ намъ, своими дерзостями.

— И вы взялись идти къ адмиралу, и...

Морвель улыбнулся и подвелъ Коконнѣ къ окну.

— Посмотрите, сказалъ онъ: — видите ли вы на площадкѣ, въ концѣ улицы, за церковью, эту толпу, которая молча строится въ темнотѣ?

— Вижу.

— У нихъ такъ же, какъ у васъ, у ла-Гюрьера и у меня, кресты на шапкахъ.

— Ну!

— Это отрядъ Швейцарцевъ подъ командою Токно; вы знаете, что они за-одно съ королемъ.

— О! сказалъ Коконнѣ.

— Теперь взгляните туда; вонъ толпа дворянъ проходитъ по набережной. Узнаёте ли вы ихъ предводителя?

— Какъ мнѣ узнать его? сказала Коконна, дрожа всѣмъ тѣломъ: — я только сегодня пріѣхалъ въ Парижъ.

— Это тотъ, кто назначилъ вамъ въ полночь свиданіе въ Луврѣ. Онъ будетъ ждать васъ.

— Герцогъ де-Гизъ?

— Онъ самый. Съ нимъ Марсель, бывший, в Шоронъ, теперешній купеческій глава. Они подымутъ на ноги все мѣщанство; а вотъ и капитанъ квартала входитъ въ улицу; смотрите, что онъ станетъ дѣлать.

— Онъ стучитъ въ двери домовъ. Да что это на дверяхъ, въ которыя онъ стучитъ?

— Бѣлые кресты, молодой человекъ, такіе же, какъ на нашихъ шляпахъ. Въ старину предоставляли Господу Богу отличать въ толпѣ своихъ. Теперь мы стали образованнѣе и избавляемъ его отъ этого труда.

— Но изъ каждаго дома, гдѣ онъ стучитъ, выходятъ вооруженные люди.

— Онъ постучится и къ намъ, и мы выйдемъ въ свою очередь.

— И все это поднялось на ноги, чтобъ идти убить стараго гугенота?... Mord! Это стыдно! Это дѣло разбойниковъ, а не солдатъ.

— Молодой человекъ! сказалъ Морвель:—если старѣ вамъ не по сердцу, выбирайте молодѣжь. Ихъ будетъ всякому на долю. Если вы презираете кивжалъ—возьмите шпагу; гугеноты не такой народецъ, чтобъ позволили зарѣзать себя безъ сопротивленія; вы знаете, гугеноты, старики ли, молодые ли, всѣ живучи.

— Такъ, значить, ихъ всѣхъ перебьютъ? воскликнулъ Коконна.

— Всѣхъ.

— По приказанію короля?

— По приказанію короля и герцога Гиза.

— Когда же?

— Когда ударятъ въ колоколъ на башнѣ Сен-Жермен-л'Оксеруа.

— А! Такъ вотъ почему этотъ любезный Нѣмецъ, что служитъ при Гизѣ... какъ-бишь его?..

— Бемъ.

— Да, именно. Такъ вотъ почему Бемъ говорилъ мнѣ, чтобъ я послѣдшилъ при первомъ ударѣ въ набать?

— А вы видѣли Бема?

— Видѣлъ и говорилъ съ нимъ.

— Гдѣ?

— Въ Лувръ. Онъ-то и ввелъ меня, и сказалъ мнѣ цароль, и ...

— Смотрите.

— Mordi! Да это онъ и есть.

— Хотите ли поговорить съ нимъ?

— Не мѣшало бы.

Морвель быстро отворилъ окно. Бемъ дѣйствительно проходилъ мимо десятками съ двумя человѣкъ.

— Гизъ и Лорренъ, сказалъ Морвель.

Бемъ оборотился и, догадываясь, что есть до него дѣло, по-дошелъ.

— А! Это вы, Морвель?

— Да, я; что вы ищете?

— Я ищу гостиницу *te la Pelle Edoile*; хочу предупредить господина Коконна.

— Я здѣсь, господинъ Бемъ, сказалъ молодой человѣкъ.

— А! хорошо! Готовы?

— Готовъ; чего мнѣ дѣлать?

— Это скажетъ вамъ Морвель. Онъ хорошій католикъ.

— Слышите? сказалъ Морвель.

— Слышу, отвѣчалъ Коконна. — А вы куда, господинъ Бемъ?

— Я? спросилъ Бемъ, смѣясь.

— Да, вы?

— Я иду сказать словечко адмиралу.

— Скажите ему два, если надо, прибавилъ Морвель: — и на этотъ разъ, если онъ очнется отъ перваго, такъ не очнется отъ втораго.

— Будьте спокойны, Морвель, будьте спокойны; наставьте только этого молодаго челоуѣка.

— Ладно, отвѣчалъ Коконна. — Коконна славныя борзья, а собаки хорошей породы охотятся по инстинкту.

— Прощайте.

— Идите.

— А вы?

— Начинайте охоту, мы не опоздаемъ на дѣлежъ добычи.

Бемъ удалился, и Морвель затворилъ окно.

— Вы слышали, молодой челоуѣкъ? сказалъ Морвель. — Если у васъ есть личный врагъ, хоть и не совсемъ гугенотъ, все-равно: оставьте его въ списокъ, онъ пойдетъ за-урядъ съ другими.

Коконна, ошеломленный всѣмъ, что слышалъ и видѣлъ, поглядывалъ то на трактирщика, принимавшаго грозныя позы, то на Морвеля, спокойно достававшаго изъ кармана бумагу.

— Что касается до меня, вотъ мой списокъ, сказалъ онъ. — Иста. Если каждый честный католикъ отработаетъ сегодня по-

чью только десятую часть противъ меня, такъ на завтра не останется ни одного еретика въ цѣломъ королевствѣ.

— Тсс! проговорилъ ла-Гюрьеръ.

— Что такое? разомъ спросили Коконна и Морвель.

Раздался первый ударъ колокола Сен-Жермен-д'Оксерруа.

— Сигналъ! воскликнулъ Морвель. — Значить, начали раньше. Говорили, что въ полночь... Тѣмъ лучше!

Дѣйствительно, мрачно раздался звонъ церковнаго колокола. Вскорѣ послышался первый выстрѣлъ, и въ то же мгновеніе множество факеловъ, какъ молнія, освѣтили Улицу-д'Арбр-Секъ.

Коконна провелъ по лбу рукою, влажною отъ пота.

— Началось! воскликнулъ Морвель. — Въ дорогу!

— Минуту! сказалъ трактирщикъ. — Прежде, нежели выступимъ въ походъ, обезпечимъ себѣ квартиры, какъ говорятъ на войнѣ. Я не хочу, чтобъ зарѣзали жену мою и дѣтей, покажьтесь мнѣ и будете дома. Здѣсь есть гугенотъ.

— Ла-Моль! воскликнулъ Коконна, вскочивъ съ мѣста.

— Да, еретикъ самъ залѣзъ въ западню.

— Какъ? сказалъ Коконна: — не-уже-ли вы нападете на своего гостя?

— Для него-то собственно я и точилъ шпагу.

— О! произнесъ Пьемонтець, нахмуривъ брови.

— Я до-сихъ-поръ рѣзалъ только зайцевъ, утокъ и куръ, сказалъ почтенный трактирщикъ: — не знаю, какъ и приступить къ делу, когда надо убить человека. Кстати, попробую на этомъ молодцѣ. Если дѣло пойдетъ и не совсѣмъ-ловко, такъ по-крайней-мѣрѣ не будетъ свидѣтелей, и никто не станетъ надо мной смѣяться.

— Mordit! проговорилъ Коконна: — ла-Моль мой товарищъ; ла-Моль со мною ужиналъ, ла-Моль со мною игралъ.

— Да; но ла-Моль еретикъ, прибавилъ Морвель. — ла-Моль осужденъ, и если ты не убьешь его, такъ другіе убьютъ.

— Не говоря уже о томъ, замѣтилъ хозяинъ: — что онъ выигралъ у васъ пятьдесятъ экю.

— Это правда, сказалъ Коконна: — но онъ выигралъ ихъ честно, я въ томъ увѣренъ.

— Честно ли, нѣтъ ли, вы все-таки должны ихъ заплатить; если я его убью, такъ вы квиты.

— Полно болтать! Скорѣе за дѣло! сказалъ Морвель. — Застрѣли, заколи, пришиби молотомъ, — все равно, только кончай скорѣе, иначе мы не сдержимъ своего слова и опоздаемъ на помощь къ Гизу у адмирала.

Коконна вздохнулъ.

— Я иду! воскликнулъ ла-Гюрьеръ. — Подождите меня.

— *Mordi!* вскричалъ Коконна́.— Онъ станетъ мучить несчастнаго; можетъ-быть, еще обокрадетъ. Пойду-ка и я, чтобъ скорѣе покончить, если надо, да не допустить до грабежа.

Съ этой счастливою мыслію, Коконна́ пошелъ по лѣстницѣ въ слѣдъ за ла-Гюрьеромъ и скоро догналъ его; ла-Гюрьеръ, всходя въ раздумьи, шелъ все тише и тише.

Когда онъ подошелъ къ двери въ сопровожденіи Коконна́, нѣсколько выстрѣловъ раздались на улицѣ. Въ ту же минуту слышалось, что ла-Моль вскочилъ съ постели и пошелъ по комнатѣ.

— Чортъ возьми! проговорилъ ла-Гюрьеръ смутившись:— онъ, кажется, проснулся.

— Да; похоже на то, сказалъ Коконна́.

— И станетъ защищаться?

— Отъ него этого можно ожидать. Чтò, ла-Гюрьеръ, если онъ насъ убьетъ? Вотъ будетъ штука!

— Гм! сказалъ хозяинъ.

Но вспомнивъ, что у него въ рукахъ добрая нищаль, онъ ободрился и вышибъ дверь сильнымъ ударомъ ноги.

Ла-Моль, безъ шляпы, но одѣтый, стоялъ за кроватью и держалъ въ зубахъ шпагу, а въ рукахъ пистолеты.

— А-га! сказалъ Коконна́, расширяя ноздри, какъ настоящій хищный звѣрь, почувшій кровь:— это становится интересно, ла-Гюрьеръ. Впередъ, не робеть!

— А! Меня, кажется, собираются убить, закричалъ ла-Моль съ сверкающими глазами:— и это ты, несчастный?

Ла-Гюрьеръ отвѣчалъ на эти слова тѣмъ, что прицѣлился въ ла-Моля. Но ла-Моль слѣдилъ за всѣмъ, и въ ту минуту, когда выстрѣлъ раздался, онъ бросился на колѣни, и пуля пролетѣла надъ его головою.

— Ко мнѣ! воскликнулъ ла-Моль.— Ко мнѣ, Коконна́!

— Ко мнѣ, Морвель, ко мнѣ! закричалъ ла-Гюрьеръ.

— Ла-Моль! сказалъ Коконна́.— Все, что я могу сдѣлать, это— не нападать на васъ. Кажется, сегодня ночью бьютъ гугенотовъ во имя короля. Защищайтесь сами, какъ знаете.

— А! предатели! убійцы! Такъ-то? Пойдите же!

И ла-Моль, прицѣлившись въ свою очередь, спустилъ курокъ пистолета. Ла-Гюрьеръ, не сводившій съ него глазъ, успѣлъ отскочить въ сторону. Но Коконна́, неожиданшій этой выходки, остался на своемъ мѣстѣ, и пуля зацѣпила его плечо.

— *Mordi!* вскричалъ онъ, скрежеща зубами.— Въ меня? Такъ замышляй же, если ты непременно хочешь!

И выхвативъ шпагу, онъ бросился на ла-Моля.

Конечно, еслибъ Коконна́ былъ одинъ, ла-Моль былъ бы готовъ

защищаться; но за Коконна стоялъ еще ла-Гюрберъ, снова заряжавшій свою пищаль, и на лѣстницѣ раздавались поспѣшные шаги Морвеля, бѣжавшаго на зовъ трактирщика. Ла-Моль бросился въ сосѣднюю комнату и задвинулъ за собою дверь.

— А! негодяй! кричалъ Коконна въ бѣшенствѣ, стуча въ дверь ефесомъ своей шпаги. — Погоди! погоди! Я проколю твое тѣло столько разъ, сколько ты выигралъ у меня эю! Я пришелъ укоротить твои страданія! Я пришелъ, чтобъ тебя не ограбили, а ты, въ знакъ благодарности, всадилъ мнѣ въ плечо пулю? Постой же! постой!

Въ это время, ла-Гюрберъ подошелъ къ двери и разбилъ ее прикладомъ.

Коконна бросился въ комнату, но чуть не ударился носомъ въ стѣну; комната была пуста, окно отворено.

— Онъ вѣрно бросился изъ окна, замѣтилъ хозяинъ: — мы въ четвертомъ этажѣ, и онъ, конечно, убится.

— Или спасся по крышѣ сосѣдняго дома, сказалъ Коконна, вскакивая на окно и собираясь слѣдовать за нимъ по этой опасной дорогѣ.

Но Морвель и ла-Гюрберъ бросились къ нему и отвели его назадъ въ комнату.

— Съ ума вы сошли? спросили она оба. — Вы тутъ убьетесь.

— Вздоръ, отвѣчалъ Коконна: — я горецъ и привыкъ лазить по ледникамъ. Впрочемъ, если кто-нибудь оскорбилъ меня, я готовъ взбѣжать за нимъ на небо, или броситься въ адъ, по какой бы дорогѣ онъ туда ни отправился. Оставьте меня.

— Полно! сказалъ Морвель. — Онъ или убится до смерти, или убѣжалъ далеко. Пойдемте съ нами; если этотъ ускользнулъ, все равно, вы найдете тысячи другихъ.

— Ты правъ, заревылъ Коконна. — Смерть гугенотамъ! Я долженъ отмстить, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Они скатились по лѣстницѣ, какъ лавина.

— Къ адмиралу! закричалъ Морвель.

— Къ адмиралу! повторилъ ла-Гюрберъ.

— Такъ къ адмиралу же, если вы того хотите! вскричалъ Коконна.

Всѣ трое бросились изъ гостиницы, ввѣренной охраненію Грегуара и прочихъ слугъ, и побѣжали къ жилищу адмирала, въ Улицу-Бѣгази. Яркій свѣтъ и шумъ отъ пальбы указывали имъ дорогу.

— Кто это? сказалъ Коконна. — Кто-то безъ камзола и безъ шарфа.

— Кто-нибудь спасается, замѣтилъ Морвель.

— Что жь вы, что жь вы! воскликнулъ Коконна́. — У васъ вѣщали.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Морвель: — я берегу свой зарядъ для лучшей дичи.

— Такъ вы, ла-Гюрьеръ.

— Погодите, сказалъ трактирщикъ, прицѣлывавсь.

— Да, погодите, кричалъ Коконна́: — а между-тѣмъ онъ убѣжитъ.

Онъ бросился за несчастнымъ и скоро догналъ его, потому-что бѣглець былъ уже раненъ. Но въ ту самую минуту, когда онъ, не желая поразить его сзади, закричалъ ему: «Обернись! обернись же!» раздався выстрѣлъ, пуля просвистѣла надъ ухомъ Коконна́, и бѣглець упалъ, какъ заяць, подстрѣленный на бѣгу.

Побѣдный крикъ раздався позади Коконна́. Пьемонтець оглянулся и увидѣлъ ла-Гюрьера, потрясавшаго своимъ оружіемъ.

— А! на этотъ разъ я не промахнулся, сказалъ онъ.

— Да, только ты чуть не прострѣлялъ меня.

— Берегитесь, графъ, берегитесь! кричалъ ла-Гюрьеръ.

Коконна́ отскочилъ назадъ. Раненный приподнялся на одно колено; помышляя только о мщеніи, онъ готовъ былъ поразить Коконна́ кивжаломъ въ то самое время, когда предостерегъ его ла-Гюрьеръ.

— А, змѣя! воскликнулъ Коконна́.

И, бросившись на раненнаго, онъ три раза погрузилъ свою шпагу ему въ грудь по самый ефесъ.

— Теперь къ адмиралу! сказалъ Коконна́, оставляя умирающаго гугенота.—Къ адмиралу!

— А! кажется, вы начинаете входить во вкусъ, сказалъ Морвель.

— Да, сказалъ Коконна́. — Не знаю, опьянѣлъ ли я отъ пороховаго дыма, или кровь моя бурлитъ, только, *mordi!* я нахожу удовольствіе въ рѣзнѣ. Точно охота на людей. На волковъ и медвѣдей я охотился; охотиться на людей еще веселѣе...

И всѣ трое пошли дальше.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

УБИТЫЕ.

Домъ, въ которомъ жилъ адмиралъ, былъ, какъ мы уже сказали, въ улицѣ Бетизи. Это было огромное зданіе; главный корпусъ его возвышался въ глубинѣ двора, и отъ него шли къ улицѣ двѣ флигеля. Во дворъ входили большими воротами и двумя калитками, бывшими въ стѣнѣ, окружавшей все это мѣсто.

Когда наши три путника вошли въ улицу Бетизи изъ улицы Фоссе-Сен-Жермень-д'Оксерруа, они увидѣли, что домъ адмирала окруженъ Швейцарцами, солдатами и вооруженными жителями города. Въ правой рукѣ у всѣхъ были шпаги, копья или пикалы; въ лѣвой, у иныхъ факелы, освѣщавшіе эту сцену дикимъ и дрожащимъ свѣтомъ, скользя по мостовой, по стѣнамъ, или сверкая молніями по оружіямъ этого живаго моря. Вокругъ дома и въ ближайшихъ улицахъ: Тиршапъ, Этьенъ и Бертен-Пуаре, совершалось уже страшное дѣло. Слышались продолжительные вопли, пальба, и изрѣдка, какъ преслѣдуемыя лани, выбѣгали на свѣтъ несчастныя жертвы, полунагія, блѣдныя, окровавленныя.

Въ одну минуту Коконна, Морвель и ла-Гюрьеръ, издали узнаваемые по бѣлымъ крестамъ и встрѣченные криками радости, очутились въ толпѣ, посреди самой давки. Они, конечно, не могли бы пройти; но нѣкоторые узнали Морвеля и очистили ему мѣсто. Коконна и ла-Гюрьеръ проскользнули за нимъ въ-слѣдъ; всѣ трое прошли во дворъ.

Посреди двора, въ который три входа были выломаны, стоялъ человекъ, вокругъ котораго убійцы держались почтительно въ широкое кружкѣ; онъ опирался на обнаженную шпагу и устремилъ глаза на балконъ, возвышавшійся на высоту футовъ пятнадцать надъ главнымъ окномъ дома. Онъ нетерпѣливо топалъ ногою, по-временамъ обращался съ вопросомъ къ близъ-стоявшимъ.

— И все-еще ничего! сказалъ онъ.—Никого... Его предувѣдомили, онъ убѣжалъ. Какъ ты думаешь, дю-Гастъ?

— Невозможно, ваше высочество.

— Почему? Не ты ли сказалъ мнѣ, что, за минуту до нашего прихода, прибѣжалъ, какъ-будто скрывавшійся отъ погони, чело-вѣкъ съ открытой головой и съ обнаженной шпагой; что онъ посту-чался, и ему отворили.

— Такъ точно; но почти въ ту же минуту пришелъ и Бемъ; юрта выломали и домъ окружили. Невзвѣстный вошелъ, но вър-но не вышелъ.

— Если я не ошибаюсь, сказалъ Коконна ла-Гюрьеру: — такъ кто герцогъ Гизъ?

— Онъ. Дѣ, это великій Гизъ ждетъ выхода адмирала, чтобъ сдать ему то же, что адмиралъ сдѣлалъ отцу его. Всякому при-ходить своя очередь, и, слава Богу, сегодня нашъ чередъ.

— Бемъ! Бемъ! закричалъ герцогъ своимъ звонкимъ голосомъ.— Не-уже-ли еще не кончено?

И въ нетерпѣннн онъ началъ выбивать изъ мостовой искры кон-цовъ своей шпаги.

Въ эту минуту, въ домѣ послышался крикъ, потомъ выстрѣлы, потомъ топотъ и звукъ оружія, и вдругъ все опять умолкло.

— Герцогъ хотѣлъ броситься въ домъ.

— Ваше высочество, сказалъ дю-Гастъ, останавливая его: — самъ вашъ требуетъ, чтобъ вы не ходили. Оставайтесь и ждите.

— Ты правъ, дю-Гастъ! благодарю тебя; я подожду... Но я удивляю отъ нетерпѣннн и безвокойства. А! если онъ ускользнетъ!

Вдругъ шумъ шаговъ сталъ ближе... стекла перваго этажа освѣ-тились, какъ пожаромъ. Окно, на которое такъ часто оглядывался герцогъ, открылось, или, лучше сказать, разлетѣлось въ дребезги, и на балконъ явился чело-вѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и бѣлою, окровавленною шею.

— Бемъ! воскликнулъ герцогъ.—Наконецъ-то! Ну что? что?

— Вотъ, смотрите! равнодушно отвѣчалъ Нѣмецъ, нагнувшись и въ то же время подымаясь съ усиліемъ, какъ-будто поднимая значительную тяжесть.

— А другіе? съ нетерпѣннемъ спросилъ герцогъ:—гдѣ другіе?

— Другіе доканчиваютъ другіхъ.

— А ты, ты что сдѣлалъ?

— Увидите. Посторонитесь немного.

Герцогъ отступилъ на шагъ.

Въ эту минуту можно было разглядѣть, что такое подымалъ Бемъ съ такимъ усиліемъ. Это былъ трупъ старика. Онъ поднялъ

его надъ балкономъ, покачалъ въ воздухъ, и бросилъ къ ногамъ герцога.

Глухой шумъ паденія, кровь, далеко брызнувшая изъ трупъ поразили ужасомъ даже герцога. Но это чувство было мимолетно: любопытство взяло верхъ, и всѣ подошли на нѣсколько шаговъ, чтобъ освѣтить и разсмотрѣть жертву.

Увидѣли сѣдые волосы, почтенное лицо, руки, скорченную смертью.

— Адмиралъ! воскликнули вдругъ голосовъ двадцать, и сразу замолкли.

— Да, адмиралъ. Это точно онъ, сказалъ герцогъ, подходя къ трупу, чтобъ молча насладиться зрѣлищемъ.

— Адмиралъ! адмиралъ! повторили въ-полголоса всѣ свидѣтели этой ужасной сцены, тѣснясь другъ къ другу и робко приближаясь къ павшему старику.

— А! Вотъ ты наконецъ! сказалъ торжествуя Гизъ.—Ты велѣлъ убить отца моего,—я мшу.

И онъ осмѣлился наступить на грудь протестантскаго героя. И въ ту же минуту глаза умирающаго открылись съ усиленіемъ окровавленная, раздробленная рука его вздрогнула въ послѣдній разъ, и адмиралъ, не измѣняя своей неподвижности, проговорилъ гробовымъ голосомъ:

— Генрихъ Гизъ! Придетъ день, когда ты также почувствуешь на груди твоей ногу убійцы... Я не убивалъ твоего отца... Будь проклятъ!

Герцогъ, дрожа и блѣднѣя невольно, почувствовалъ, какъ холодъ пробѣжалъ по его костямъ. Онъ повелъ рукою по лбу, какъ будто желая отогнать мрачное видѣніе. Когда онъ опустилъ руку и снова осмѣлился взглянуть на адмирала, — глаза убитаго были закрыты, рука неподвижна, и черная кровь заступила на губахъ его мѣсто словъ, только-что провнесенныхъ.

Герцогъ поднялъ шпагу съ смѣлостью отчаянья.

— Довольны ли вы? спросилъ его Бемъ.

— Доволенъ, отвѣчалъ Генрихъ:—ты отмстилъ...

— За герцога Франсуа, не правда ли?

— За религію, глухо отвѣчалъ Гизъ.—Теперь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Швейцарцамъ, солдатамъ и гражданамъ, наполнявшимъ дворъ:—теперь, друзья мои, за дѣло!

— Здравствуйте, де-Бемъ! сказалъ Коконна, чуть не съ благоговѣніемъ подходя къ Ньмцу, все-еще стоявшему на балконѣ и спокойно отиравшему кровь съ своей шпаги.

— Такъ это вы его спровадили? въ восторгѣ воскликнулъ де-Гюрьеръ.—Какъ это вы сдѣлали?

— Очень-просто, очень-просто. Онъ услышалъ шумъ, отворилъ дверь, а я и просадила его шпагою. Да это еще не все: дѣло дошло, кажется, и до Тельвни. Слышите, какъ онъ кричитъ?

Въ это время, дѣйствительно, послышался вопль отчаянья, и притомъ какъ-будто женскій; красноватый блескъ освѣтилъ одинъ изъ флигелей. Видно было, какъ два человѣка бѣгутъ, преслѣдуемые толпою убійць. Пуля убила одного; другой встрѣтилъ на бѣгу открытое окно, и, не измѣряя высоты, не думая о томъ, что внизу ждутъ его новые враги, смѣло прыгнулъ во дворъ.

— Убейте, убейте его! кричали убійцы, видя, что жертва готова ускользнуть отъ нихъ.

Соскочившій поднялся на ноги, схватилъ выпавшую изъ рукъ шпагу и наклонивъ голову, ринулся, прорываясь посреди убійць. Онъ свалилъ трехъ или четырехъ, одного прокололъ шпагою, и среди грома пистолетныхъ выстрѣловъ и проклятій промахнувшихся солдатъ молніей мелькнулъ мимо Коконна, ждавшаго его у ворота съ кинжаломъ въ рукѣ.

— Попался! крикнулъ Пьемонтець, пронзая руку его тонкимъ клинкомъ кинжала.

— Подлецъ! отвѣчалъ бѣгушій, рубнувъ шпагою по лицу своего непріятели и не могши проколоть его за недостаткомъ мѣста.

— О! тысячу чертей! воскликнулъ Коконна.— Это ла-Моль!

— Ла-Моль! повторили ла-Гюрьеръ и Морвель.

— Это тотъ самый, который предувѣдомилъ адмирала! кричали нѣсколько солдатъ.

— Бей его! Бей! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Коконна, ла-Гюрьеръ и десятокъ солдатъ бросились за ла-Моль; ла-Моль, весь въ крови, дошелъ до степени отчаянной восторженности, послѣдней вспышки силы въ человѣкѣ. Онъ мчался по улицамъ, руководимый инстинктомъ. Раздававшіеся позади его крики и топотъ его враговъ какъ-будто придавали ему крылья. Иногда пуля свистѣла мимо его уха, и, готовый упасть, онъ вдругъ начиналъ бѣжать съ новою силой. Онъ уже не дышалъ, а какъ-то дико хрипѣлъ. Потъ и кровь капали съ волосъ и текли по лицу его. Камзолъ сталъ тѣсень для бѣіи его сердца—онъ сорвалъ его. Шпага стала тяжела для руки его—онъ бросилъ ее. Иногда ему казалось, что шаги за нимъ затихаютъ, и что онъ скоро скроется отъ убійць; но на крикъ отстававшихъ являлись на пути его другіе, бросали свое кровавое дѣло и гнались за нимъ. Вдругъ онъ увидѣлъ влѣвъ тихо-текущую рѣку; какъ загнанный олень онъ почувствовалъ невыразимое желаніе броситься въ воду, но его удержала еще сила разсудка. Направо возвышался Лувръ, мрачный, неподвижный, но глухо шумѣвшій внутри. По подь-

емному мосту входили и выходили люди въ каскахъ и латахъ, холодно отражавшихъ лучи мѣсяца. Ла-Моль вспомнилъ о королѣ наваррскомъ, какъ прежде вспомнилъ о Колиньи. Это были его единственные два защитника. Онъ собралъ послѣднія силы, взглянулъ на небо, молча давая обѣтъ отречься, если спасется, обманулъ ловкимъ поворотомъ своихъ преслѣдователей, бросился прямо къ Лувру, ринулся на мостъ въ толпу солдатъ, получилъ еще легкій ударъ кинжаломъ въ бокъ, и несмотря на клики: бей! бей! раздававшися вокругъ и позади его, не смотря на сопротивление часовыхъ, онъ какъ стрѣла влетѣлъ во дворъ, прыгнулъ въ сѣни, на лѣстницу, во второй этажъ, нашелъ дверь и началъ стучать руками и ногами.

— Кто тамъ? проговорилъ женскій голосъ.

— О! Боже! Боже мой! отвѣчалъ ла-Моль. — Они идутъ... я слышу... они близко!.. я вижу ихъ... это я! я!

— Кто такой? повторилъ тотъ же голосъ.

Ла-Моль вспомнилъ паролъ.

— Наварра! Наварра! закричалъ онъ.

Дверь тотчасъ отворилась; ла-Моль, не видя и не благодаря Гильйонны, ворвался въ прихожую, пробѣжалъ корридоръ, двѣ или три комнаты и достигъ наконецъ четвертой, освѣщенной лампою, висѣвшею съ потолка.

За бархатными, шитыми золотомъ занавѣсами, на рѣзной дубовой кровати, лежала женщина въ ночномъ платьѣ; облокотившись на руку, она въ ужасѣ остановила свои взоры.

Ла-Моль бросился къ ней.

— Они убиваютъ, они рѣжутъ моихъ братьевъ! воскликнулъ онъ. — Они хотятъ зарѣзать и меня. Вы королева... спасите меня!

И онъ бросился къ ногамъ ея, оставляя за собою широкій кровавый слѣдъ.

При видѣ этого блѣднаго, измученнаго, коленнопреклоненнаго передъ нею чловѣка, королева наваррская, легшая въ постель не раздѣваясь въ слѣдствіе предостереженія герцогини Лорренъ, вскочила въ ужасѣ, и, закрывъ лицо руками, начала звать на помощь.

— Не кричите, ради Бога! сказалъ ла-Моль, стараясь приподняться:—я погибъ, если васъ услышатъ; убійцы преслѣдуютъ меня, — они бѣжали за мною по лѣстницѣ. Я ихъ слышу... вотъ они! вотъ они!

— Помогите! закричала Маргерита внѣ себя отъ испуга:—помогите!

— А! такъ это вы убили меня, воскликнулъ ла-Моль въ отчаяніи. — Умереть отъ такого сладкаго голоса, отъ такой нѣжной руки, — я думалъ, что это невозможно!

Въ ту же минуту двери растворились, и въ комнату ринулась толпа запыхавшихся, бѣшеныхъ людей, съ лицами въ крови и порохъ, съ пистолетами, алебардами и шпагами въ рукахъ.

Впереди всѣхъ былъ Коконна; рыжіе волосы его были всклокочены, блѣдные голубые глаза на выкатъ, щека, разрубленная да-Молею, въ крови... на Пьемонтца страшно было смотрѣть — такъ онъ былъ безобразенъ.

— *Mogdi!* закричалъ онъ. — Вотъ онъ! вотъ онъ! А! теперь онъ не уйдетъ!

Да-Молю рглянулся, нѣтъ ли какого-нибудь оружія, — но оружія не было. Онъ взглянулъ на королеву: глубочайшее состраданіе выражалось на лицѣ ея. Онъ понялъ, что только она можетъ спасти его, бросился къ ней и обхватилъ ее руками.

Коконна сдѣлалъ шага три впередъ, и кольнулъ еще разъ концомъ своей длинной шпаги въ плечо да-Моля; алая, горячая кровь брызнула на бѣлое, надушенное платье Маргериты.

Маргерита видѣла, какъ брызнула эта кровь, какъ вздрогнуло тѣло, прильнувшее къ ней, и бросилась съ нимъ за кровать. И дора была: да-Молю, потерявъ послѣднія силы, не могъ ни бѣжать, ни защищаться. Онъ склонилъ блѣдную голову на плечо молодой женщины и руки его судорожно ухватились за ея платье, раздирая тонкій волнистый батистъ.

— Спасите меня! пролепеталъ онъ умирающимъ голосомъ. Бодше онъ не могъ произнести ни слова. Глаза его подернулись мракомъ смерти; отяжелѣвшая голова опрокинулась назадъ, руки опустились, и онъ упалъ на полъ въ крови, увлекая за собою королеву.

Въ эту минуту Коконна, взволнованный криками, опьянѣвшій отъ запаха крови, раздраженный продолжительнымъ бѣгомъ, протянулъ руку къ алькову. Еще минута, и шпага его пронзила бы сердце да-Моля, и, вмѣстѣ съ нимъ, можетъ-быть, и сердце королевы.

При видѣ обнаженнаго клинка и, можетъ-быть, еще болѣе неслыханной дерзости, королева встала и вскрикнула такимъ воплемъ ужаса, негодованія и ярости, что Пьемонтецъ окаменѣлъ отъ неслышаннаго имъ до-сихъ-поръ чувства. Впрочемъ, еслибъ сцена продолжалась между одними и тѣми же лицами, это чувство растаяло бы какъ снѣгъ на апрѣльскомъ солнцѣ.

Но въ это мгновеніе изъ-за потайной двери вбѣжалъ молодой человекъ лѣтъ 16-ти или 17-ти, весь въ черномъ, блѣдный, съ растрепанными волосами.

— Я здѣсь, сестрица, я здѣсь! воскликнулъ онъ.

— Франсуа, Франсуа! спаси меня, сказала Маргерита.

— Герцогъ д'Алансонъ! проговорилъ да-Гюррьеръ, наклоня свою писталь.

— Mordi! французскій принцъ! проворчалъ Коконна, отступая на шагъ.

Герцогъ д'Алансонъ оглянулся вокругъ. Маргерита, съ распущенными волосами, прекрасная еще болѣе, нежели когда-нибудь, стояла прислонившись къ стѣнѣ; ее окружали люди съ яростными взглядами, съ лицами покрытыми потомъ.

— Негодяи! вскричалъ онъ.

— Спасите меня, братецъ! повторила Маргерита. — Они хотятъ убить меня.

На блѣдномъ лицѣ герцога какъ-будто сверкнулъ огонь.

Онъ былъ безоруженъ; но, вѣроятно, полагаясь на свой санъ, онъ подошелъ съ сжатымъ кулакомъ къ Коконна и его товарищамъ, отступившимъ въ страхъ отъ молній, сверкавшихъ въ глазахъ его.

— Посмотрите, какъ убьете вы и французскаго принца? сказалъ онъ.

Они продолжали отступать, и онъ прибавилъ:

— Эй! капитанъ, прикажите перевѣшать этихъ мерзавцевъ!

Коконна, запуганный безоружнымъ юношей, какъ не запугалъ бы его цѣлый отрядъ рейтаровъ или ланцкнехтовъ, добрался уже до порога. Ла-Гюрьеръ сходилъ по лѣстницѣ съ быстротою оленя; солдаты толкались въ прихожей, стараясь уйти какъ-можно-скорѣе; но дверь была слишкомъ-узка для всѣхъ, старавшихся уйти разомъ.

Между-тѣмъ, Маргерита, по какому-то инстинкту, набросила на лежавшаго безъ памяти ла-Моля камчатное покрывало и отошла отъ него подальше.

Когда исчезъ и послѣднiй изъ убійцъ, герцогъ оборотился.

— Не ранена ли ты, сестра? спросилъ онъ, замѣтивъ на Маргеритѣ кровь.

И онъ бросился къ ней съ безпокойствомъ, которое сдѣлало бы честь его нѣжному чувству, еслибъ это чувство не обвиняли въ томъ, что оно не чисто-братское.

— Нѣтъ, кажется, отвѣчала она. — Или если ранена, такъ слегка.

— Но эта кровь, сказалъ герцогъ, ошупывая дрожащими руками Маргериту: — откуда эта кровь?

— Не знаю, отвѣчала молодая женщина. — Одинъ изъ этихъ мошенниковъ схватилъ меня рукою; можетъ-быть, онъ былъ раненъ?

— Коснуться сестры моей! воскликнулъ герцогъ. — О, еслибъ ты только указала на него пальцемъ, еслибъ ты сказала, который именно, еслибъ я зналъ, гдѣ его найти!

— Тсс! сказала Маргерита.

— Это почему? спросилъ Франсуа.

— Потому-что если увидать васъ въ эту пору у меня въ комнть...

— Да развѣ братъ не можетъ прійти къ сестрѣ?

Королева взглянула на брата такъ пристально и грозно, что онъ отступилъ.

— Да, да, Маргерита, ты права, сказалъ онъ. — Я уйду. Но ты не можешь оставаться одна въ эту ужасную ночь. Позвать Гильйонну?

— Нѣтъ, никого не надо; ступай, Франсуа, ступай откуда пришелъ.

Молодой принцъ повиновался. Едва онъ ушелъ, какъ Маргерита услышала за кроватью стонъ; она бросилась къ потаенной двери, задвинула ее задвижкой, потомъ замкнула и другую дверь, — въ ту самую минуту, когда толпа солдатъ, преслѣдовавшая другихъ гугенотовъ, жившихъ въ Луврѣ, пронеслась какъ ураганъ въ конць корридора.

Оглянувшись внимательно вокругъ, чтобъ увѣриться, что она дѣйствительно одна, Маргерита подошла къ алькову, приподняла покрывало, скрывшее ла-Моля отъ глазъ герцога, съ трудомъ вытащила тѣло на середину комнаты и видя, что несчастный еще дышетъ, съѣла возлѣ него, склонила голову на колѣни, и вспрыснула лицо его водою, стараясь привести его въ память.

Теперь только, когда вода смыла пыль, кровь и копотъ отъ пороха съ лица раненнаго, Маргерита узнала красиваго юношу, который, полный жизни и надежды, часа четыре назадъ, просилъ ее о свиданіи съ королемъ наваррскимъ, и оставилъ ее, пораженный ее красотою, въ глубокомъ раздумьѣ.

Маргерита вскрикнула отъ ужаса; она чувствовала къ раненному что-то больше состраданія. Онъ былъ для нея уже не чужой, а почти-знакомый. Подъ заботливою рукою королевы прекрасное лицо ла-Моля скоро очистилось; но оно было блѣдно и истомлено. Маргерита съ смертною дрожью и почти столько же блѣдная, приложила руку къ его сердцу: сердце еще билось. Тогда она взяла съ ближайшаго стола стлянку съ солью и дала ему понюхать.

Ла-Моль открылъ глаза.

— О, Боже мой! прошепталъ онъ. — Гдѣ я?

— Спасены! Успокойтесь, вы спасены! сказала Маргерита.

Ла-Моль съ усиленіемъ обратилъ глаза къ королеви, и, пожирая ее взоромъ, пролепеталъ:

— О, какъ вы прекрасны!

И, какъ-будто ослѣпленный, онъ тотчасъ же опустилъ вѣки и вздохнулъ.

Маргерита слегка вскрикнула. Молодой человекъ поблѣднѣлъ еще болѣе, если это было возможно; съ минуту она считала этотъ вздохъ последнимъ.

— Господи, сжаляся надъ нимъ! сказала она.

Въ это время слышно постучали въ дверь корридора.

Маргерита привстала, поддерживая Ла-Моль подъ плечо.

— Кто тамъ? закричала она.

— Это я, я! отвѣчалъ женскій голосъ. — Герцогиня де-Неверъ!

— Анриетта! воскликнула Маргерита. — О, не бойтесь! нѣтъ опасности; это свои, слышите ли, сударь?

Ла-Моль сдѣлалъ усиліе и привсталъ на колѣно.

— Старайтесь поддержать себя, покажѣтъ я пойду отворить дверь.

Ла-Моль уперся рукою въ полъ и сохранилъ равновѣсіе.

Маргерита сдѣлала шагъ къ двери, но вдругъ остановилась, вздрогнувъ отъ ужаса.

— Ты не одна! сказала она, услышавъ шумъ оружія.

— Нѣтъ, не одна; со мною двѣнадцать человѣкъ гвардіи; ихъ далъ мнѣ Гизъ.

— Гизъ! проговорилъ Ла-Моль. — О, убійца, убійца!

— Тише! сказала Маргерита. — Ни слова!

И она оглянулась, куда бы спрятать раненнаго.

— Шпагу, кинжалъ... шепталъ Ла-Моль.

— Для защиты? бесполезно; развѣ вы не слышали? Ихъ двѣнадцать, а вы одни.

— Нѣтъ, не для защиты; а для того только, чтобъ не достаться имъ въ руки живому.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала Маргерита. — Нѣтъ, я спасу васъ... Вотъ кабинетъ; сюда, сюда!

Ла-Моль, поддерживаемый Маргеритою, наскоро дотащился до кабинета. Маргерита замкнула за нимъ дверь, и пряча ключъ къ себѣ въ кошелекъ, шепнула ему въ щель: — ни крика, ни жалобы, ни вздоха, — и вы спасены.

Потомъ, накинувъ ночной плащъ, она отворила дверь своей пріятельницъ, бросившейся ей въ объятія.

— А! сказала она: — съ вами ничего не случилось, не правда ли?

— Нѣтъ, ничего, отвѣчала Маргерита, закутываясь въ плащъ, чтобъ не замѣтили кровавыхъ пятенъ на ея пеньюарѣ.

— Тѣмъ лучше; но на всякій случай оставляю вашему величеству шесть солдатъ; Гизъ далъ мнѣ ихъ двѣнадцать, чтобъ проводить меня домой; мнѣ не нужно такъ много. Шестъ солдатъ Гиза въ эту ночь надежнѣе пѣлаго полка королевской гвардіи.

Маргерита не смѣла отказаться; она разставила своихъ шесть часовыхъ въ корридоръ и съ благородностью обняла герцогиню де-Неверъ; герцогиня, съ другими шестью солдатами, благополучно пришла въ отель Гиза, гдѣ жила въ отсутствіи своего мужа.

и.

УБИЙЦЫ.

Коконна не бежалъ: онъ отступилъ. Ла-Гюрьеръ тоже не бѣжалъ: онъ умчался. Одинъ исчезъ какъ тигръ, другой какъ волкъ.

Ла-Гюрьеръ былъ уже на Площади-Сен-Жермен-а'Оксерруа, когда Коконна только-что выходилъ изъ Лувра.

Ла-Гюрьеръ, оставшись одинъ съ своею пищалью, среди бѣгущихъ людей, свиста пуль и тѣлъ, падавшихъ изъ оконъ цѣликомъ и кусками, струсилъ и принялъ благоразумное намѣреніе добратъя до своей гостиницы. Но, выходя изъ Улицы-д'Аверонъ въ Улицу-д'Арбр-Секъ, онъ встрѣтился съ отрядомъ Швейцарцевъ и легкой конницы; ими командовалъ Морвель.

— Ну! сказалъ Морвель, самъ себя окрестившій именемъ королевскаго убійцы: — ты уже кончилъ? Ты идешь домой? Куда же ты спровадилъ своего Пьемонтца? Съ нимъ не случилось, надеюсь, никакого несчастія? Онъ велъ себя молодецки.

— Я думаю, что нѣтъ, отвѣчалъ ла-Гюрьеръ: — онъ, вѣроятно, присоединится къ намъ.

— Откуда ты?

— Изъ Лувра, гдѣ, признаться, приняли насъ довольно-грубо.

— Кто?

— Герцога д'Алансонъ. Онъ развѣ не изъ нашихъ?

— Его высочество, герцога д'Алансонъ, не нашъ и ничей; онъ себя на-умѣ и принимаетъ участіе только въ томъ, что касается его лично. Предложи ему распорядиться съ его старшими братьями какъ съ гугенотами, онъ согласится, лишь бы только его не компрометтировали въ дѣлѣ. А ты не пойдешь вотъ съ этими моллами, ла-Гюрьеръ?

— Куда они?

— И! Боже мой! Въ Улицу-Монторгель; тамъ живетъ одинъ мой знакомый протестантскій пасторъ; у него жена и шестеро дѣтей. Эти ребѣнки ужасно плодятся! Любопытно будетъ...

— А ты куда?

— И? у меня есть свое дѣльцо.

— Не ходите же безъ меня, сказалъ голосъ, заставившій Морвеля вздрогнуть. — Вы знаете, гдѣ лучше; такъ я съ вами.

— А! это нашъ Пьемонтецъ, сказалъ Морвель.

— Господинъ де-Коконна, сказалъ ла-Гюрьеръ. — Я такъ и думалъ, что вы идете за мною.

— Натъ, чортъ возьми, за тобою не угонишься; да и кромѣ того, я своротилъ немного съ прямой дороги, чтобъ бросить въ рѣку какого-то бѣшеннаго ребенка, который кричалъ: «бей папистовъ! да здравствуетъ адмиралъ!» Къ-несчастью, онъ, кажется, умѣетъ плавать. Мошенники эти еретики! если хочешь утопить ихъ, такъ надо бросать въ воду, какъ кошекъ, пока они еще слѣпы.

— Вы говорите, что вы изъ Лувра. Такъ вашъ гугенотъ спасся туда? спросилъ Морвель.

— Да.

— Я выстрѣлилъ по немъ въ ту самую минуту, когда онъ подымалъ свою шпагу на дворъ адмирала; не понимаю, какъ я промахнулся.

— О! я не промахнулся, сказалъ Коконна́:—я хватилъ его шпагою въ спину такъ, что клинокъ на пять пальцевъ былъ въ крови. Впрочемъ, онъ при мнѣ бросился въ объятія королевы Маргериты... чудо что за женщина, *mordi!* Однако, признаюсь, мнѣ приятно было бы увѣриться, что онъ умеръ. Молодецъ-то, кажется, золъ, и не забудетъ во всю жизнь. Ты, кажется, говорилъ, что идешь куда-то?

— Такъ вы хотите со мною?

— Я хочу только не оставаться на мѣствъ. *Mordi!* Я убилъ всего только двухъ или трехъ, и плечо у меня болятъ, когда я остываю. Поидемъ!

— Капитанъ, сказалъ Морвель начальнику отряда:— дайте мнѣ трехъ человекъ, а остальныхъ возьмите, чтобъ разсчитаться съ пасторомъ.

Три Швейцарца присоединились къ Морвелю. Впрочемъ, все шло вмѣстѣ до улицы Тиршаузъ; здѣсь легкая конница и Швейцарцы поворотили въ улицу Тоннельерн, а Морвель, ла-Гюррьеръ и Коконна́ съ тремя солдатами прошли улицу ла-Ферронри, Трусс-Вашъ, и вошли въ улицу Сент-Авуа.

— Да куда же къ чорту ведешь ты насъ? спросилъ Коконна́, которому начинало уже надоѣдать такое долгое путешествіе.

— Я веду васъ въ славную и вмѣстѣ съ тѣмъ полезную экспедицію. Послѣ адмирала, Телины и гугенотскихъ принцевъ нельзя предложить ничего лучше. Будьте же терпѣливы. Цѣль нашего путешествія Улица-дю-Шомъ, и мы тамъ будемъ черезъ минуту.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ Коконна́:— Улица-дю-Шомъ, кажется, близъ Тампла?

— Да; а что?

— Такъ; тамъ живетъ старый кредиторъ нашей фамиліи, нѣкто Ламберъ Меркандонъ; отецъ поручилъ мнѣ отдать ему сто ноблей, и они у меня въ карманѣ.

— Что же? сказалъ Морвель: — вотъ превосходный случай попытаться.

— То-есть какъ?

— Сегодня поканчиваютъ старые счеты. Меркандонъ гугенотъ?

— А, понимаю! отвѣчалъ Коконна:—долженъ быть гугенотъ.

— Тсс! Мы пришли.

— Что это за огромный домъ съ павильономъ на улицу?

— Отель Гиза.

— Да, я долженъ былъ прійти сюда, замѣтилъ Коконна:—потому-что явился въ Парижъ по приказанія великаго Гиза. Однако, воп срег, здѣсь ужасно-тихо; чуть слышна пальба; подумаешь, что зашелъ въ провинцію: всѣ, чортъ возьми, спятъ!

Дѣйствительно, въ отели Гиза было тихо, какъ въ обыкновенное время. Всѣ окна были заперты; только въ одномъ мѣстѣ былъ сѣтъ за сторою главнаго окна въ павильонъ.

Морвель остановился немного подалеже отеля Гиза на углу улицъ Пти-Шантье и Катр-Фись.

— Вотъ жилище того, кого мы ищемъ, сказалъ онъ.

— То-есть, кого ты ищешь, сказалъ ла-Гюрьеръ.

— Если ты съ нами, такъ мы его ищемъ.

— Какъ! этотъ домъ, гдѣ спать, кажется, такъ спокойно...

— Именно! Ты, ла-Гюрьеръ, воспользуешься честною физиономіей, по ошибкѣ данною тебѣ небомъ. Постучись. Отдай свою пищаль Коконна: онъ уже цѣлый часъ на нее посматриваетъ. Если тебя впустишь, скажи, что хочешь поговорить съ де-Муи.

— А! понимаю, сказалъ Коконна:—у васъ, кажется, тоже есть кредиторъ въ Тампльскомъ - Кварталѣ.

— Именно, продолжалъ Морвель. — Ты войдешь и притворишься гугенотомъ; ты уведомишь де-Муи обо всемъ, что происходитъ; онъ храбръ, онъ сойдетъ внизъ...

— Потомъ? спросилъ ла-Гюрьеръ.

— Потомъ я попрошу его скрестить со мною шпагу.

— Клянусь честью, это недурно, сказалъ Коконна:—и я точно-точно также сдѣлаю съ Ламберомъ Меркандономъ. Если онъ слышкомъ-старъ, его мѣсто заступитъ кто-нибудь изъ его сыновей или племянниковъ.

Ла-Гюрьеръ, не возражая ни слова, постучалъ въ двери. На шумъ, раздавшійся въ тишинѣ ночи, открылись двери въ отели Гиза, и оттуда выглянуло нѣсколько головъ. Тогда увидѣли, что тамъ тихо, какъ бываетъ тихо въ крѣпости, потому-что домъ наполненъ былъ солдатами.

Головы сейчасть же спрятались, вѣроятно догадавшись, въ чемъ дѣло.

— Такъ онъ живетъ здѣсь, де-Муи? спросилъ Коконна, указывая на домъ, въ который стучался ла-Гюрьеръ.

— Нѣтъ, это домъ его любовницы.

— Mordi! Какъ же ты услужливъ! Доставить ему случай обжигать шпагу въ глазахъ его любезной! Такъ мы будемъ свидетелями и судьями поединка. Впрочемъ, я бы охотнѣе самъ подрался. Плечо у меня горитъ...

— А лицо? спросилъ Морвель. — Вѣдь и ему порядочно досталось.

Коконна испустилъ родъ рева.

— Mordi! сказалъ онъ:—надѣюсь, что онъ умеръ; не то, я готовъ воротиться въ Лувръ и дорѣзать его.

Ла-Гюрьеръ все еще стучалъ.

Вскорѣ отворилось окно въ первомъ этажѣ, и на балконъ вышелъ человекъ въ ночномъ костюмѣ, безъ оружія.

— Кто тамъ? закричалъ онъ.

Морвель далъ знакъ своимъ Швейцарцамъ; они спрятались угломъ, между-тѣмъ, какъ Коконна пригнувъ къ стѣнѣ.

— А, господинъ де-Муи! сказалъ трактирщикъ:—это вы?

— Да, я; что дальше?

— Это онъ, проговорилъ Морвель, дрожа отъ радости.

— Не-уже-ли вы не знаете, что теперь дѣлается? продолжалъ ла-Гюрьеръ. — Католики идутъ рѣзать адмирала, бьютъ нашихъ единовѣрцевъ. Идите на помощь.

— А! воскликнулъ де-Муи: — я подозревалъ, что что-то готовится на эту ночь. Мнѣ не слѣдовало оставлять своихъ храбрыхъ товарищей. Сейчасъ, сейчасъ; подождите немного.

Не затворяя окна, сквозь которое слышался женскій крикъ ужаса и нѣжныя жалобы, Муи искалъ свое платье, плащъ и оружіе.

— Онъ идетъ, онъ идетъ! шепталъ Морвель, блѣдный отъ радости.—Не звать! сказалъ онъ Швейцарцамъ. Онъ взялъ пицаль изъ рукъ Коконна и подулъ на фитиль, чтобъ увѣриться, горитъ ли онъ горитъ.—Вотъ, ла-Гюрьеръ, возьми свою пицаль, сказалъ онъ трактирщику, отошедшему къ товарищамъ.

— Mordi! воскликнулъ Коконна:—вотъ и луна выходитъ изъ-за тучъ полюбоваться на схватку. Дорого бы далъ я, чтобъ Ламбер Меркандонъ былъ теперь секундантомъ у Муи.

— Погодите, погодите, сказалъ Морвель. — Муи одинъ стоить десяти человекъ; намъ и въ шестеромъ трудненько будетъ съ нимъ справиться. Впередъ! сказалъ онъ Швейцарцамъ, давая знакъ полкратиться къ дверямъ, чтобъ поразить Муи при самомъ выходѣ.

— О! сказалъ Коконна, глядя на эти приготовления:—кажется дѣло выйдетъ не такъ, какъ я думалъ.

Послышалось, какъ Муи отмыкаетъ дверь. Швейцарцы вышли изъ засады и стали у порога. Морвель и ла-Гюрьеръ подходили на-цыпочкахъ; Коконна, по остатку благороднаго чувства, остановился на своемъ мѣстѣ. Въ это время, молодая женщина, о которой забыли и думать, явилась на балконѣ и ужасно вскрикнула, затѣвивъ Швейцарцевъ, Морвеля и ла-Гюрьера.

Муи остановился у полурастворенной двери.

— Иди назадъ, назадъ! кричала женщина: — я вижу блескъ шпагъ и свѣтъ фитиля у пичали. Это ловушка.

— О-го! проворчалъ де-Муи: — посмотримъ, что все это значитъ! Онъ затворилъ дверь, задвинулъ ее засовомъ и вошелъ опять наверхъ.

Лишь-только Морвель увидѣлъ, что Муи не выйдетъ, онъ измѣнилъ боевой порядокъ. Швейцарцы были отосланы на противоположную сторону улицы, а ла-Гюрьеръ, съ пичалью въ рукахъ, ждалъ появленія непріятеля въ окнѣ. Онъ ждалъ недолго. Муи вышелъ съ двумя пистолетами такой почтенной длины, что ла-Гюрьеръ, уже прицѣпившись, вдругъ сообразилъ, что пулямъ гугенота такъ же легко слетѣть въ улицу, какъ его пуля на балконъ. Конечно, подумалъ онъ, я могу его убить, — да вѣдь и онъ можетъ меня убить...

И такъ-какъ трактирщикъ сдѣлался солдатомъ только по обстоятельству, то и рѣшился отступить и спрятаться за уголъ Улицы-де-Бракъ, откуда, по отдаленности и темнотѣ, было довольно-трудно отыскать линію, по которой пуля должна была долетѣть до Муи.

Де-Муи оглянулся вокругъ и подходилъ бокомъ, какъ-бы выходя на дуэль; ничего однакожь не было слышно.

— Что жь, господинъ доносчикъ! сказалъ онъ: — чуть ли ты не забылъ пичали у дверей. — Я здѣсь; что тебѣ надо?

— Молодецъ! проговорилъ Коконна.

— Что же! продолжалъ де-Муи. — Друзья или враги, развѣ вы не видите, что я жду?

Ла-Гюрьеръ молчалъ; Морвель не отвѣчалъ; Швейцарцы притали дыханіе.

Коконна обождалъ съ минуту, и видя, что никто не поддерживаетъ разговора, начатаго ла-Гюрьеромъ и продолжаемаго Муи, вышелъ на средину улицы, снялъ шляпу и сказалъ:

— Мы пришли, господинъ де-Муи, не на убійство, какъ вы, можетъ-быть, думаете, а на дуэль... Я секундантъ одного изъ вашихъ непріятелей, который желаетъ честно покончить съ вами старымъ споръ. *Mordil!* Да выходите же, Морвель! Что вы отворотылись? Онъ согласенъ.

— Морвель! вскрикнулъ де-Муи: — Морвель, убійца отца моего! Морвель, королевскій убійца! А! да, я принимаю вызовъ.

И, прицѣлившись въ Морвеля, который шелъ постучаться въ домъ Гиза и потребовать подкрѣпленія, онъ прострѣлъ ему шляпу.

На звукъ выстрѣла и на крикъ Морвеля, солдаты, провожавшіе герцогиню де-Неверъ, вышли изъ отеля Гиза съ тремя или четырьмя дворянами и ихъ пажамъ, и подошли къ дому любовницы де-Муи.

Второй выстрѣлъ убилъ на повалъ солдата, стоявшая близъ Морвеля; Муи, безоружный, или по-крайней-мѣрѣ вооруженный безъ пользы, потому-что пистолеты были разряжены, а шпаги непріятелю недоступны, спрятался за рѣшетку балкона.

Между-тѣмъ, окна въ окрестныхъ домахъ начали отворяться. Смотри по мирному или воинственному духу жителей, они или закрывались въ ту же минуту, или сверкали мушкетами и пищалями.

— Ко мнѣ, храбрый Меркандонъ! закричалъ де-Муи, подавая знаки старику, который выглянулъ изъ окна дома, противоположнаго отеля Гиза, и старался разсмотрѣть, что тутъ происходитъ.

— Вы зовете, де-Муи? воскликнулъ старикъ. — Такъ это на васъ нападаютъ?

— На меня, на васъ, на всѣхъ протестантовъ; вотъ и доказательство.

Дѣйствительно, въ эту минуту де-Муи замѣтилъ, что ла-Гюррьеръ въ него прицѣливается. Выстрѣлъ раздался, но Муи успѣлъ прискрѣсть, и пуля разбила окно надъ его головою.

— Меркандонъ! закричалъ Коконна, дрожавшій отъ радости при видѣ начинающейся тревоги и забывшій о своемъ кредиторѣ. Муи напомнилъ ему о немъ. — Меркандонъ! въ Улицъ-дю-Шомъ, — это долженъ быть онъ. Вотъ его жилище. Прекрасно! каждый изъ насъ разсчитается съ своимъ.

И между-тѣмъ, какъ вышедшіе изъ отеля Гиза ломали входъ въ домъ де-Муи, а Морвель, съ факеломъ въ рукахъ, старался зажечь его; между-тѣмъ, какъ у выбитой двери завязалась страшная битва противъ одного человека, который каждымъ выстрѣломъ и каждымъ взмахомъ шпаги сражалъ по врагу, Коконна вынулъ камень изъ мостовой и старался выломить дверь въ домъ Меркандона. Старикъ, не тревожась его одинокими усиліями, продолжалъ стрѣлять изъ окна.

Пустынный и мрачный кварталъ освѣтился какъ днемъ, и закипѣлъ людьми какъ муравейникъ; изъ отеля Монморанси шест или восемь гугенотскихъ дворянъ съ служителями и друзьями сдѣлали отчаянную вылазку, и, поддерживаемые пальбою изъ оконъ, начали тѣснить команду Морвеля и вышедшихъ къ ней на помощь изъ дома Гиза, такъ-что наконецъ заставили ихъ отступить въ отелю, изъ котораго тѣ вышли.

Коконна́ трудился отъ всего сердца, но дверь все еще была цѣ-
м. Толпа увлекла его въ своемъ быстромъ отступленіи. Присло-
нившись къ стѣнѣ и выхвативъ шпагу, онъ началъ не только за-
щитаться, но и нападать съ такимъ ужаснымъ крикомъ, что гос-
подствовалъ надъ всею схваткою. Онъ рубилъ на-право и на-лѣво,
не разбирая ни враговъ, ни друзей, пока не образовался вокругъ
него довольно-большой свободный кружокъ. Кровь брызгала ему
на руки и на лицо, глаза его выкатывались, ноздри расширились,
зубы скрежетали; шагъ-за-шагомъ онъ снова приближался къ две-
ри, отъ которой его оттерли.

Де-Мун, выдержавъ ужасную битву на лѣстницѣ и въ сѣняхъ,
вышелъ какъ истинный герой изъ горящаго дома. Посреди схват-
ки онъ не переставалъ кричать: «сюда, Морвель! Морвель, гдѣ
ты?» и поносилъ его позорнѣйшими именами. Наконецъ, онъ вы-
шелъ на улицу, поддерживая одною рукою свою любовницу, по-
лувагу и почти безчувственную; въ зубахъ у него былъ кин-
жалъ. Шпага его, сверкающая отъ вращательнаго движенія, опи-
сывала то белые, то красные круги, серебряная свѣтомъ луны
или освѣщаемая мерцаніемъ факеловъ, озарявшихъ на ней теплую
кровь. Морвель бѣжалъ. Ла-Гюррьеръ, отъсѣненный де-Муномъ до
Коконна́, который не узналъ его и встрѣтилъ концомъ шпаги,
молилъ о пощадѣ и того и другаго. Въ эту минуту, Меркандонъ
увидѣлъ его и призналъ въ немъ убійцу по бѣлому шарфу. Вы-
стрѣлъ раздался. Ла-Гюррьеръ вскрикнулъ, развелъ руки, выро-
нилъ пшаль, и стараясь добраться до стѣны, чтобъ хоть за что-
нибудь удержаться, палъ лицомъ на землю.

Де-Мунъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, бросился въ
улицу Парадї и исчезъ.

Гугеноты защищались такъ отчаянно, что служители Гиза скры-
лись обратно въ отель и замкнули дверь, опасаясь, что ихъ ста-
нутъ преслѣдовать и во внутренность дома.

Коконна́, опянявшій отъ крови и шума, дошелъ до той точки
восторженности, когда, въ-особенности для жителей юга, храбрость
переходитъ въ безумство. Онъ ничего не видѣлъ, ничего не слы-
шалъ; замѣтилъ только, что въ ухахъ у него звенѣло уже не
такъ сильно, что руки и лицо по-немногу высыхали, и опустивъ
шпагу, онъ разглядѣлъ, что передъ нимъ только одинъ человекъ
лежитъ лицомъ въ лужѣ крови, а вокругъ горятъ дома.

Отдыхъ былъ не дологъ; когда Коконна́ хотѣлъ подойти къ
лежашему, въ которомъ узналъ ла-Гюррера, двери дома, устояв-
шія противъ его усилій, растворились, и старикъ Меркандонъ съ
сыномъ и двумя племянниками бросился на Пьемонтца, перево-
димаго дыханіе.

— Вотъ онъ! вотъ онъ! вскрикнули они въ одинъ голосъ.

Коконна стоялъ посреди улицы; опасаясь, чтобъ его не окружили четыре челоуѣка, напавшіе на него разомъ, онъ съ ловкостью и силою серны, за которою часто охотился въ горахъ, сдѣлалъ скачокъ назадъ, и очутился у стѣны отеля Гиза. Успокоившись на этотъ счетъ, онъ сталъ въ оборонительное положеніе и принялъ насмѣшливый тонъ.

— А! г. Меркандонъ! вы не узнаете меня?

— Напротивъ, очень узнаю, негодяй, отвѣчалъ старый гугенотъ.

— Ты хочешь убить меня, друга отца твоего.

— И его кредитора, не правда ли?

— Дá, его кредитора; ты самъ это говоришь.

— Именно, отвѣчалъ Коконна:—я пришелъ окончить наши счета.

— Схватимъ, свяжемъ его, сказалъ старикъ молодымъ людамъ, бросившимся по его слову на Коконна.

— Пойдите на минуту! сказалъ Коконна, смѣясь.—Чтобъ схватить кого-нибудь, надо предписаніе, а вы забыли спросить его у профоса.

Съ этими словами, онъ напалъ на бывшаго къ нему ближе прочихъ, и съ первымъ взмахомъ шпаги кисть несчастнаго отдѣлилась отъ руки.

Раненный застоналъ.

Въ эту минуту окно, подъ которымъ стоялъ Коконна, разстроилось съ шумомъ. Коконна сдѣлалъ прыжокъ, опасаясь нападенія съ этой стороны; но вмѣсто врага онъ увидѣлъ женщину, и вмѣсто оружія къ ногамъ его упалъ букетъ.

— Женщина! проговорилъ онъ.

Онъ отдалъ ей честь шпагою, и наклонился, чтобъ поднять букетъ.

— Берегитесь, храбрый католикъ, берегитесь! воскликнула дама.

Коконна всталъ; но второй племянникъ успѣлъ еще ранить его кинжаломъ въ другое плечо.

Дама пронзительно вскрикнула.

Коконна поблагодарилъ ее поклономъ и бросился на втораго племянника; при второмъ выпадѣ молодой челоуѣкъ поскользнулся въ крови. Коконна бросился на него съ быстротою тигра, и пронзилъ грудь его шпагою.

— Bravo! bravo! кричала дама изъ отеля Гиза.—Bravo! я пришла вамъ помощь.

— Не стоить беспокоиться, отвѣчалъ Коконна. — Досмотрите лучше до конца, если это васъ интересуеть; вы увидите, какъ графъ Аннибалъ де-Коконна управляется съ гугенотами.

Въ эту минуту, сынъ стараго Меркандона выстрѣлилъ изъ пи-

столеда почти въ упоръ. Коконна упалъ на одно колѣно. Дама вскрикнула, но Коконна всталъ; онъ упалъ на колѣни только для того, чтобъ избавиться отъ пули, и пуля ударила въ стѣну, фута на два отъ прекрасной зрительницы.

Почти въ то же время изъ окна дома Меркандона послышался яростный вопль, и какая-то старуха, узнавъ въ Коконна по бѣлому кресту и шарфу католика, бросила въ него горшокъ съ цвѣтами; горшокъ ударилъ его выше колѣна.

— Чего лучше! сказалъ Коконна: — одна бросаетъ мнѣ цвѣты, другая горшки. Такъ онъ, пожалуй, разбросаютъ и дома.

— Благодарю васъ, мавенька! сказалъ молодой человѣкъ.

— Ступай-себѣ, жена, сказалъ старикъ Меркандонъ.

— Постойте, Коконна, сказала дама изъ отеля Гиза:—я прикажу стрѣлять изъ оконъ.

— Да это просто женскій адъ, сказалъ Коконна.—Однѣ за меня, другія противъ меня. Mordi! Пора кончить.

Сцена дѣйствительно очень измѣнилась, и дѣло очевидно шло къ концу. Передъ Коконна, правда раненнымъ, но во всей силѣ двадцати-четырехъ лѣтняго юноши, привыкшимъ къ оружію и больше раздраженнымъ, нежели ослабленнымъ тремя или четырьмя полученными царапинами,—оставались только Меркандонъ и сынъ его; Меркандонъ—старикъ лѣтъ шестидесяти или семидесяти; сынъ его дѣтя лѣтъ семнадцати, блѣдный, бѣлокурый, нѣжный; онъ бросивъ разряженный и, следовательно, бесполезный пистолетъ и дрожавшею рукою махалъ шпагою, бывшею вполонину короче шпаги Коконна. Отецъ, вооруженный только кинжаломъ и пустою пищалью, звалъ на помощь. Старуха, въ окнѣ противъ матери молодого человѣка, держала въ рукахъ кусокъ мрамора и готовилась бросить его. Наконецъ, Коконна, подстрекаемый угрозами съ одной стороны и одобреніями съ другой, гордый двойною побѣдою, озаренный заревомъ пожара, разгоряченный мыслью, что сражается въ присутствіи женщины, красота которой говорила о ея высокомъ санѣ,—Коконна, какъ послѣдній Гораций, почувствовалъ, что силы его удвоились, и, видя, что юноша медлитъ, бросился на него и скрестилъ свою страшную шпагу съ его легкимъ оружіемъ. Въ два удара онъ выбилъ шпагу изъ рукъ его. Тогда Меркандонъ старался отъсѣчь Коконна, чтобъ легче можно было попасть въ него камнемъ изъ окна. Коконна, напротивъ, желая отразить двойное нападеніе враговъ: старика Меркандона съ его кинжаломъ и матери молодого человѣка съ камнемъ, готовымъ разожжить ему черепъ, — схватилъ сына въ охапку и началъ заслоняться имъ какъ щитомъ отъ всѣхъ ударовъ, душа его въ своихъ геркулесовскихъ объятіяхъ.

— Помогите! кричалъ молодой человекъ:—онъ раздавить мнѣ грудь; помогите! помогите!

И голокъ его началъ исчезать въ какомъ-то дикомъ хрипѣннѣ.

Тогда Меркандонъ пересталъ угрожать и началъ просить.

— Пощадите! пощадите, Коконна! говорилъ онъ.—Пощадите! это мое единственное дитя!

— Это сынъ мой, сынъ мой! кричала мать:—надежда нашей старости! Не убивайте его, не убивайте!

— А! Право? отвѣчалъ Коконна съ хохотомъ: — не убивать? А что же онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать своею шпагою и пистолетомъ?

— Коконна! продолжалъ Меркандонъ, всплеснувъ руками:—вексель, подписанный вашимъ отцомъ, у меня; я возвращу вамъ его. У меня есть десять тысячъ экю золотомъ, — я отдамъ вамъ ихъ. Драгоцѣнные камни мои—они ваши. Только не убивайте, не убивайте его!

— А я обещаю вамъ любовь мою, сказала въ-полголоса дама изъ отеля Гиза.

Коконна подумалъ съ минуту и сказалъ:

— Вы гугенотъ?

— Дѣ, отвѣчалъ юноша.

— Въ такомъ случаѣ должно умереть, возразилъ Коконна, нахмуривъ брови и занося на грудь своего противника стальное, острое «милосердіе».

— Умереть! воскликнулъ старикъ.—Сынъ мой! умереть!

Раздался вопль матери; онъ былъ такъ болѣзненъ и ужасенъ, что поколебалъ на минуту суровую рѣшимость Пьемонтца.

— Герцогиня! сказалъ отецъ, обращаясь къ дамѣ, глядѣвшей изъ отеля Гиза:—заступитесь за насъ, и имя ваше будетъ вѣчно въ нашихъ молитвахъ.

— Такъ пусть отречется, отвѣчала дама.

— Я протестантъ, сказалъ юноша.

— Такъ умри же! возразилъ Коконна, занося клинокъ.—Умри, если не хочешь принять жизни, предлагаемой тебѣ такими прекрасными устами.

Меркандонъ и жена его видѣли, какъ блеснуло лезвие надъ головою ихъ сына.

— Сынъ мой! Оливье! закричала мать: — отрекись!.. отрекись!

— Отрекись, дитя мое, сказалъ Меркандонъ, упавъ къ ногамъ Коконна. Не оставляй насъ на землѣ однихъ.

— Отремитесь всѣ разомъ, сказалъ Коконна. — За *Credo* — три души и жизнь.

— Согласенъ, сказалъ юноша.

— Согласны, воскликнули Меркандонъ и жена его.

— Такъ на колѣни! сказалъ Коконна́:—и пусть сынъ твой слово-къ-слово повторить молитву, которую я проговорю тебѣ.

Отецъ повиновался первый.

— Я готовъ, сказалъ юноша, —и онъ сталъ также на колѣни.

Коконна́ началъ говорить по-латинѣ *Credo*. Но по случаю ли, съ намѣреніемъ ли, только молодой Оливье сталъ на колѣни близъ того мѣста, гдѣ лежала его шпага. Едва-только замѣтилъ онъ, что можетъ достать оружіе, какъ, продолжая повторять слова Коконна́, протянулъ руку къ шпагѣ. Коконна́ замѣтилъ это движеніе, притворяясь, что ничего не видитъ. Но въ то мгновеніе, когда юноша касался уже рукою ефеса, онъ бросился на него и, опрокинувъ его, закричалъ:

— А! предатель!

И вонзилъ ему кинжалъ въ шею.

Юноша вскрикнулъ, судорожно приподнялся на одно колѣно, и былъ мертвый.

— Палачъ! сказалъ тогда Меркандонъ:—ты рѣжешь насъ, чтобъ украсть сто эку, которые намъ должны.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Коконна́:—и вотъ доказательство.

Съ этими словами, онъ бросилъ къ ногамъ старика кошелекъ, врученный ему, при отъѣздѣ, отцомъ для уплаты долга.

— Вотъ твои деньги, сказалъ онъ.

— Вотъ твоя смерть! крикнула женщина изъ окна.

— Берегитесь, Коконна́, берегитесь! сказала дама изъ отеля.

Но Коконна́ не успѣлъ ни поднять головы, чтобъ разсмотрѣть, въ чемъ опасность, ни остеречься отъ угрозы. Тяжелая масса съ свистомъ раздѣлила воздухъ и упала на шляпу Пьемента, раздробивъ его шляпу; онъ упалъ за смертью, не слыша восклицаній радости и скорби, раздавшихся справа и слѣва.

Меркандонъ въ ту же минуту бросился съ кинжаломъ на павшаго. Но въ это время растворились двери въ отели Гиза, и старикъ, увидѣвъ блескъ алебарды и шпагъ, бѣжалъ, между-тѣмъ, какъ та, которую онъ называлъ герцогиней, озаренная во всей страшной красотѣ своей заревомъ пожара, сверкающая драгоценными камнями и брилліантами, до половины склонилась изъ окна и кричала солдатамъ, указывая на Коконна́:

— Вонъ, вонъ! прямо противъ меня. Въ красномъ камзолѣ. Этотъ, да, да, этотъ!..

III.

СМЕРТЬ, МЕССА ИЛИ БАСТИЛИЯ.

Маргерита, какъ мы сказали, замкнула дверь и возвратилась въ свою комнату. При входѣ, она замѣтила Гильйонну; Гильйонна, съ ужасомъ склонившись къ дверямъ кабинета, смотрѣла на слѣды крови на кровати, мебеляхъ и коврѣ.

— Ваше величество! сказала она, увидѣвъ королеву: — не-уже-ли онъ умеръ?

— Тише! отвѣчала Маргерита такимъ тономъ, который обозначалъ чрезвычайную важность приказанія.

Гильйонна замолчала.

Маргерита достала изъ кошелька небольшой вызолоченный ключъ, отомкнула кабинетъ и указала служанкѣ на молодого человека.

Ла-Моль успѣлъ встать и подойти къ окну. Тутъ случился маленькій кивжалъ, какіе посила въ то время женщины, и онъ схватилъ его, услыша, что отворяютъ дверь.

— Не бойтесь ничего, сказала Маргерита. — Увѣрю васъ, вы въ безопасности.

Ла-Моль опять упалъ на колѣни.

— Вы для меня больше, нежели королева, сказалъ онъ: — вы божество!

— Не тревожьтесь такъ сильно, замѣтила Маргерита:—ваша кровь еще течетъ... посмотри, Гильйонна, какъ онъ блѣденъ... Ну, гдѣ вы ранены?

— Кажется, я раненъ кивжаломъ въ плечо и въ грудь, отвѣчалъ ла-Моль, стараясь, среди общаго страданія всѣхъ членовъ, распознать главнѣйшія мѣста ранъ.—Прочія раны не стоить того, чтобъ обращать на нихъ вниманіе.

— Посмотримъ, сказала Маргерита. — Гильйонна, принеси мою шкатулку съ бальзамами.

Гильйонна повиновалась и принесла шкатулку, вызолоченный ручнойникъ и бѣлье изъ тонкаго голландскаго полотна.

— Помогите мнѣ приподнять его, Гильйонна, сказала королева Маргерита: — приподымаясь самъ, несчастный потерялъ послѣднія силы.

— Но мнѣ совѣстно, ваше величество, проговорилъ ла-Моль: — я никакъ не могу согласиться...

— Вы должны согласиться, чтобъ я перевязала ваши раны, воз-

рица Маргерита:—мы можемъ спасти васъ... позволить вамъ умереть было бы преступленіе.

— Лучше пусть я умру, отвѣчалъ ла-Моль:—чѣмъ вы, королева, запачкаете свои руки моею недостойною кровью... Нѣтъ! Ни за что! ни за что въ свѣтъ!

Онъ почтительно отклонился.

— Вы уже вдоволь запачкали свою кровью кровать и комнату ея величества, улыбаясь замѣтила Гильйонна.

Маргерита закрыла плащомъ свой батистовый ценъюаръ, обрызганный алыми пятнышками. Это движеніе, полное женской стыдливости, напомнило ла-Молю, что онъ держалъ въ рукахъ своихъ и прижималъ къ груди эту любимую всѣми красавицу—королеву; легкій румянецъ пробѣжалъ по щекамъ его при этомъ воспоминаніи.

— Но не можете ли вы предоставить меня попеченіямъ какого-нибудь доктора?

— Католика, не правда ли? спросила Маргерита съ такимъ выраженіемъ, что ла-Моль вздрогнулъ, понявъ его.

— Развѣ вы не знаете, продолжала королева съ очаровательною улыбкою:—что насъ, французскихъ принцессъ, учатъ узнавать силу растений и составлять бальзамы. Мы, какъ женщины и королевы, всегда считали своею обязанностью утолять страданія. И мы стоимъ лучшихъ врачей въ мірѣ: такъ говорятъ, по-крайней-мѣрѣ, ваши льстецы. Не-уже-ли моя извѣстность въ этомъ отношеніи не достигла вашего слуха? Пріймемся за дѣло, Гильйонна.

Ла-Моль хотѣлъ еще сопротивляться; онъ повторилъ, что охотнѣе умереть, нежели допустить королеву до труда, который легко можетъ превратить сострадательность въ отвращеніе. Но этотъ споръ только окончательно истощилъ его силы. Онъ зачатался, закрылъ глаза, и вторично упалъ въ обморокъ.

Маргерита взяла кинжалъ, выпавшій у него изъ рукъ, и проворно разрѣзала снурокъ, стягивавшій камзолъ его; Гильйонна распоролла или лучше сказала разрѣзала рукава его.

Кровь текла изъ плеча и изъ груди. Гильйонна омыла ее полотномъ, омоченнымъ въ свѣжую воду, а Маргерита сондировала раны золотою округленною иглою; самъ Амбруазъ Парэ на могъ бы дѣйствовать въ подобномъ случаѣ деликатнѣе и ловчѣ.

Рана въ плечѣ была глубока; на груди кинжалъ скользнулъ только по ребрамъ и разсѣкъ мускулы. Оружіе не проникло въ крѣпость, которою природа оградила сердце и легкія.

— Рана тяжела, но не смертельна, *aseggrimum humeri vulnus, non autem lethale*, проговорила прекрасная и ученая королева.—Дай мнѣ примочку и приготовь корни, Гильйонна.

Между-тѣмъ, Гильйонна омыла и надушила уже грудь ла-Моля,

такъ же какъ и руки его, очерченныя по образцу древнихъ статуй, плечи, живописно закинутыя назадъ, и шею, отъенную густыми локонами; все тѣло можно было скорѣе принять за статую изъ паросскаго мрамора, нежели за умирающаго отъ ранъ человѣка.

— Бѣдняжка! проговорила Гильйонна, обращая вниманіе не столько на свою работу, сколько на предметъ ихъ заботливости.

— Не-правда-ли, онъ хорошъ? сказала Маргерита съ царскомъ откровенностью.

— Да. Только мнѣ кажется, что лучше поднять его съ пола и положить вотъ на эту постель.

— Это правда, отвѣчала Маргерита.

Объ онъ наклонились и общими силами приподняли и положили ла-Моля на большую софу съ рѣзною спинкою; окно, бывшее прямо противъ софы, отворили, чтобъ освѣжить вокругъ раненнаго воздухъ.

Это движеніе пробудило ла-Моля; онъ вздохнулъ и, раскрывъ глаза, почувствовалъ невѣроятнo-сладкое состояніе, когда раненный, возвращаясь къ жизни, ощущаетъ свѣжесть, вмѣсто пожирающаго жара, и бальзамическій аромать, вмѣсто непріятнаго запаха крови.

Онъ пробормоталъ нѣсколько безсвязныхъ словъ; Маргерита отвѣчала на нихъ улыбкою и приложила палець къ губамъ.

Въ это время послышалось, что гдѣ-то стучать въ дверь.

— Стучать въ потайную дверь, сказала Маргерита.

— Кто бы это былъ? спросила въ испугъ Гильйонна.

— Я узнаю, сказала Маргерита. — Ты останься здѣсь, и не отходи отъ него ни на минуту.

Маргерита вышла въ свою комнату, замкнула дверь кабинета и отворила тайный ходъ, ведшій къ королю и королевѣ-матери.

— Госпожа де-Совъ! воскликнула она, живо отступая назадъ, съ выраженіемъ — если не ужаса, то по-крайней-мѣрѣ ненависти. Женщина никогда не проститъ другой женщиѣ, если она отнимаетъ у нея даже того, кого она вовсе не любитъ.—Госпожа де-Совъ!

— Такъ точно, ваше величество! отвѣчала она.

— Вы — здѣсь?! продолжала Маргерита съ возрастающимъ изумленіемъ, но и съ большимъ величіемъ.

Шарлотта упала на колѣни.

— Простите меня, ваше величество, сказала она. — Чувствую, сколько я передъ вами виновата; но... если вы знали... это не совсѣмъ добровольная вина. Положительное приказаніе королевы-матери...

— Встаньте, сказала Маргерита. — Я не думаю, чтобъ вы при-

или въ надеждѣ оправдаться передо мною. Скажите же, что вамъ угодно?

— Я пришла, отвѣчала Шарлотта, все еще стоя на козлыняхъ и почти съ безумнымъ выраженіемъ глазъ: — я пришла спросить, не здѣсь ли онъ?

— Здѣсь? кто? О комъ говорите вы?.. Право, я не понимаю.

— Я говорю о королѣ.

— О королѣ? Вы преслѣдуете его даже въ мои комнаты! Однакожъ, вамъ очень-хорошо извѣстно, что онъ сюда не приходитъ.

— О, ваше величество! продолжала г-жа де-Совъ, не отвѣчая на эти выходки и даже какъ-будто не чувствуя ихъ.—Дай Богъ, чтобъ онъ былъ здѣсь!.

— Зачѣмъ?

— Боже мой! за тѣмъ, что теперь рѣжутъ гугенотовъ,—а король наваррскій глава ихъ.

— А! воскликнула Маргерита, хватая Шарлотту за руку и заставляя ее встать:—а! я и забыла объ этомъ. Впрочемъ, я не думаю, чтобъ опасность угрожала королю наравнѣ съ прочими.

— Больше! въ тысячу разъ больше! сказала Шарлотта.

— Дѣйствительно, герцогиня де-Лорренъ предостерегала меня. Я сказала ему, чтобъ онъ не выходилъ. Не-уже-ли онъ вышелъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ въ Лувръ. Его нигдѣ не съищутъ. И если онъ не здѣсь...

— Здѣсь его нѣтъ.

— Такъ онъ погибъ! воскликнула Шарлотта въ отчаяніи.—Королева-мать поклялась, что онъ умретъ...

— Умретъ! Вы ужасаете меня! Это невозможно.

— Я говорю вамъ, что никто не знаетъ, гдѣ король наваррскій, возразила Шарлотта съ энергіею, какою можетъ придать только страсть.

— А гдѣ королева-мать?

— Она приказала мнѣ позвать изъ образной Гиза и Таванна, и потомъ отпустила меня. Я... извините... я пошла къ себѣ, и ждала, что онъ придетъ, по-обыкновенію.

— Мужъ мой, не правда ли? спросила Маргерита.

— Онъ не пришелъ. Тогда я начала его искать вездѣ; я спрашивала о немъ у всѣхъ. Одинъ солдатъ отвѣчалъ мнѣ, что, кажется, видѣлъ его въ толпѣ солдатъ, провожавшихъ его съ обозными шпагами, за нѣсколько времени до начала убійства, а убійство началось уже часъ назадъ.

— Благодарю васъ, сказала Маргерита.—Хотя чувство, заставляющее васъ дѣйствовать такимъ образомъ, и оскорбительно для меня, — но я все-таки благодарю васъ.

— Простите меня, сказала Маргерита. — Я возвращусь домой оживленная вашимъ прощеніемъ; я не смѣю слѣдовать за вами даже издалека.

Маргерита протянула ей руку.

— Я пойду къ королевы, сказала она. — Ступайте домой. Король наваррскій подъ моею защитою; я общала быть его союзницею и сдержу слово.

— Но если вы не пройдете къ королевы?

— Тогда пойду къ брату Карлу, и во что бы ни стало, поговорю съ нимъ.

— Идите, идите, сказала Шарлотта, давая дорогу Маргериты:— да сопутствуетъ вамъ Богъ!

Маргерита бросилась въ коридоръ. Дошедъ до конца, она оглянулась, не отстаютъ ли г-жа де-Совъ. Шарлотта шла за нею.

Королева наваррская видѣла, какъ повернула она на лѣстницу въ свое отдѣленіе, и пошла дальше, къ комнатъ Катерины-Медици.

Здѣсь все измѣнилось. Въмѣсто толпы услужливыхъ царедворцевъ, спѣшившихъ съ почтительнымъ поклономъ давать ей дорогу, Маргерита встрѣчала только гвардейцевъ съ багровыми алебардами, въ платьяхъ, обрызганныхъ кровью, дворянъ въ разодранныхъ плащахъ, съ лицами, закопченными порохомъ, приносившихъ и получавшихъ депеши. Одни входили, другіе выходили. Народъ кивалъ въ галереяхъ.

Маргерита продолжала идти впередъ и дошла наконецъ до передней королевы-матери. Но переднюю ограждали два взвода солдатъ и впускали только объявлявшихъ извѣстный пароль. Маргерита тщетно старалась пробраться сквозь эту живую ограду. Она нѣсколько разъ видѣла, какъ растворяются и затворяются двери. Въ эти промежутки можно было разглядѣть Катерину: она, казалось, помолодела среди этой дѣятельности; ей было какъ-будто не больше двадцати лѣтъ: получала, писала письма, распечатывала ихъ, давала приказанія, къ однимъ обращалась съ ласковымъ словомъ, къ другимъ съ улыбкою; и тѣ, которымъ она улыбалась пріятливѣе прочихъ, были болѣе прочихъ покрыты пылью и кровью.

Среди шума, наполнявшаго внутренность Лувра, слышалась съ улицы пальба, становившаяся все сильнѣе и сильнѣе.

— Я никогда не доберусь до нея, подумала Маргерита послѣ трехъ напрасныхъ попытокъ пройти мимо караула. — Чѣмъ терять здѣсь время, пойду лучше къ брату.

Въ эту минуту проходилъ мимо Гизъ; онъ пришелъ извѣстить королеву-мать о смерти адмирала и возвращался къ убійству.

— Генрихъ! воскликнула Маргерита. — Гдѣ король наваррскій? Герцогъ посмотрѣлъ на нее съ улыбкою удивленія, поклонился, и, не отвѣчая ни слова, вышелъ съ своими солдатами.

Маргерита подошла къ капитану, который собирался выйти изъ Лувра и передъ уходомъ велѣлъ своей командѣ заряжать ружья.

— Гдѣ король наваррскій? спросила она.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ. — Я служу не у его величества.

— А! любезный Ренѣ, сказала Маргерита, увидя парфюмера Катерины... — Это вы... вы отъ матушки... не знаете ли, гдѣ мой мужъ?

— Его величество король наваррскій не другъ мой... какъ вамъ должно быть извѣстно. Говорятъ даже, прибавилъ онъ съ судо-рожною улыбкою: — что онъ осмѣливается обвинять меня, будто я, съ вѣдома королевы Катерины, отравилъ его мать.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Маргерита. — Не вѣрьте этому, Ренѣ!

— По мнѣ все равно, отвѣчалъ Ренѣ. — Король наваррскій и его приверженцы не страшны въ настоящую минуту.

И онъ отворотился отъ Маргериты.

— Таваннъ! Таваннъ! сказала Маргерита, обращаясь въ другую сторону. — Одно слово! сдѣлайте милость!

Таваннъ, проходившій мимо, остановился.

— Гдѣ Генрихъ-Наваррскій? спросила Маргерита.

— Я думаю, отвѣчалъ онъ громко: — что онъ въ городѣ съ Алансономъ и Кондѣ.

Потомъ онъ прибавилъ такъ тихо, что только Маргерита могла его слышать:

— Прекрасная королева! если вы хотите увидѣть того, за чьи права я отдалъ бы жизнь свою, постучитесь въ оружейный кабинетъ короля.

— Благодарю васъ, Таваннъ, отвѣчала Маргерита, разслушавъ изъ всего отвѣта его только главнѣйшее извѣстие. — Благодарю васъ! Я пойду туда.

И она пошла, говоря сама-съ-собою:

— Послѣ того, что я ему обѣщала, послѣ того, какъ онъ велѣлъ себя, когда этотъ неблагодарный Генрихъ былъ спрятанъ у меня въ кабинетъ, я не могу допустить его гибели.

Она постучала въ отдѣленіе короля. Его охраняли внутри два отряда солдатъ.

— Къ его величеству теперь нельзя! сказалъ офицеръ, поспѣшно подходя къ ней.

— Но... мнѣ! сказала Маргерита.

— Приказъ отданъ для всѣхъ.

— Мнѣ, королевы наваррской! сестрѣ Карла!

— Извините, ваше величество; я не смѣю дѣлать исключеній.

И офицеръ заперъ дверь.

— О! онѣ погибъ! сказала Маргерита, встревоженная этими пасмурными лицами, одушевленными если не мщеніемъ, то непоколебимостью.— Да, да, теперь мнѣ все понятно... меня употребили какъ приманку... я капканъ, въ который заманили гугенотовъ... О! я войду; пусть они убьютъ меня...

Маргерита, какъ безумная, бѣгала по корридорамъ и галереямъ; вдругъ, проходя мимо одной маленькой двери, она услышала тихое, почти мрачное пѣніе: такъ оно было монотонно. Въ ближней комнатѣ голосъ пѣлъ протестантскій псаломъ.

— Кормилица брата, добрая Мадлень... это она! воскликнула Маргерита, озаренная внезапною мыслью.— Она здѣсь... Богъ христіанскій, помоги мнѣ!

И, полная надежды, Маргерита тихо постучалась въ дверь.

Дѣйствительно, послѣ предостереженія Маргериты, послѣ разговора съ Ренѣ, послѣ ухода королевы-матери, чему такъ сильно противилась бѣдная собачка, Генрихъ-Наваррскій встрѣтилъ нѣсколько католическихъ дворянъ, которые, какъ-будто желая оказать ему честь, проводили его домой. Здѣсь ждали его человекъ двадцать гугенотовъ, и собравшись у него разъ, не хотѣли его оставить: такъ сильно витало надъ Лувромъ предчувствіе этой ночи. Они остались, и никто не смѣлъ ихъ потревожить. Наконецъ, съ первымъ ударомъ колокола, откликнувшимся въ сердцахъ, какъ звонъ по усопшемъ, вошелъ Таваннъ и среди могильнаго молчанія объявилъ Генриху, что король Карлъ желаетъ поговорить съ нимъ.

Нельзя было и думать о сопротивленіи. По галереямъ и корридорамъ Лувра раздались шаги солдатъ, собранныхъ на дворъ и въ комнатахъ въ числѣ почти двухъ тысячъ. Генрихъ, простившись съ друзьями, которыхъ не долженъ былъ опять увидѣть, послѣдовалъ за Таванномъ; Таваннъ провелъ его въ маленькую галерею, смежную съ кабинетомъ короля, и оставилъ его здѣсь одному, безоружнаго, съ сердцемъ, полнымъ подозрѣнія.

Король наваррскій провелъ два смертельные, безконечные часа наединѣ; съ возрастающимъ ужасомъ внималъ онѣ звону колокола и грому пальбы. Сквозь рѣшетчатое окно онѣ видѣлъ, при заревѣ пожара и блескѣ факеловъ, бѣглецовъ и убійцъ ихъ; но онѣ не постигалъ причины этихъ воплей ужаса и смерти: какъ хорошо ни зналъ онѣ Карла, мать его и Гиза, онѣ все-таки не подозрѣвалъ, какая драма разыгрывается въ эту минуту.

Генрихъ не былъ одаренъ физическою храбростью; онѣ былъ одаренъ лучшимъ: нравственною силою. Боясь опасности, онѣ встрѣ-

челъ ее съ улыбкою, — опасность на полѣ битвы, опасность среди дн, лицомъ-къ-лицу, съ рѣзкимъ звукомъ трубъ и глухими раскатами барабана. Но здѣсь онъ былъ безоруженъ, одинъ, въ ширты, сокрытый въ полумракѣ, въ которомъ едва можно было рассмотреть крадущагося врага и грозящее оружіе. Эти два часа были для него, можетъ-быть, самыми ужасными въ его жизни.

Когда тревога усилилась до послѣдней степени и Генрихъ началъ догадываться, что дѣло идетъ, вѣроятно, о систематическомъ убійствѣ, явился капитанъ и проводилъ его черезъ корридоръ въ покои короля. При приближеніи ихъ, двери растворились и опять затворились за ними, какъ-будто силою волшебства. Капитанъ ввелъ Генриха къ Карлу, бывшему въ своемъ оружейномъ кабинетѣ.

Когда они вошли, король сидѣлъ въ большихъ креслахъ, положивъ руки на ручки и опустивъ голову на грудь. При шумѣ входящихъ, Карлъ поднималъ голову, и Генрихъ замѣтилъ, что потъ крупными каплями капалъ съ лица его.

— Здравствуй, Ганріо! сказалъ молодой король довольно-грубо.
— Да-Шатръ, оставь насъ.

Капитанъ вышелъ.

Настала минута мрачнаго молчанія.

Карлъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ вокругъ и увѣрился, что они были одни.

Вдругъ Карлъ IX всталъ.

— Par la mort dieu! сказалъ онъ, хладнокровно откидывая свои бьюкные волосы и отирая лобъ. — Ты радъ, что теперь со мною, не правда ли, Ганріо?

— Конечно, отвѣчалъ Генрихъ: — я всегда считаю за счастье быть съ вами.

— Здѣсь лучше, нежели тамъ? А?... спросилъ Карлъ, слѣдуя больше за собственной мыслью, чѣмъ отвѣчая на комплиментъ Генриха.

— Я васъ не понимаю, отвѣчалъ Генрихъ.

— Посмотри, и ты поймешь.

Карлъ быстро подошелъ, или, лучше сказать, прыгнулъ къ окну. Подозвавъ къ себѣ Генриха, утрашеннаго еще болѣе, онъ показывалъ ему ужасные силуэты убійцъ, топившихъ или рѣзавшихъ на палубѣ шаюпки жертвы, приводимыя къ нимъ ежеминутно.

— Скажите, ради Бога, воскликнулъ Генрихъ блѣднѣя: — что такое дѣлается въ эту ночь?

— Въ эту ночь, отвѣчалъ Карлъ: — меня избавляютъ отъ всѣхъ гусеготовъ. Видите ли вонъ тамъ, надъ отелемъ Бурбонъ, этотъ дымъ и пламя? Это дымъ и пламя жилища адмирала. Видите ли

этой труппы, который добрые католики тащат на старомъ тележкѣ? Это тѣло адмиралева зятя, труппа вашего друга, Теллини.

— Что это значитъ? воскликнулъ Генрихъ, напрасно отыскивая рукою ручку кнѣзжы и дрожа отъ стыда и гнѣва. Онъ чувствуетъ валь, что надъ нимъ насмѣхаются и вѣстать съ тѣмъ грозятъ ему.

— Это значитъ, проговорилъ Карлъ въ ярости и страшно блѣднѣя — это значитъ, что я не хочу больше терпѣть при себѣ Гугенотовъ! слышите ли, Генрихъ? Король ли я? Повелитель ли я?

— Но, ваше величество...

— Мое величество рѣжетъ и бьетъ въ эту минуту всѣхъ, кто не католикъ. Такъ мнѣ угодно. А вы католикъ? воскликнулъ Карлъ, бѣшенство котораго возрастало подобно ужасному приливу.

— Вспомните свои слова, отвѣчалъ Генрихъ: — «что за дѣло до рѣлиги, если мнѣ служить хорошо!»

— А-га! воскликалъ Карлъ съ дикимъ хохотомъ: — ты говоришь, чтобъ я вспомнилъ слова свои? *Verba volant*, какъ говоритъ сестра Марго. А посмотри, вотъ эти, продолжалъ онъ, указывая пальцемъ на городъ: — развѣ они служили мнѣ дурно? Развѣ не были храбры на полѣ битвы, умны въ совѣтѣ, всегда преданы? Все они были полезные подданные; но они были гугеноты, а я хочу только католиковъ.

Генрихъ молчалъ.

— Да пойми же меня, Генрио! вскричалъ Карлъ.

— Я цоная, отвѣчалъ Генрихъ.

— И такъ?

— И такъ, я не вижу, зачѣмъ бы королю наваррскому слѣзять то чего не слѣзали столько простыхъ дворянъ и бѣдняковъ. Эти несчастные умираютъ потому, что имъ предложили то, что ваше величество предлагаете мнѣ, и что они отказались принять, какъ отказываюсь я.

Карлъ схватилъ его за руку и устремилъ на него взоръ, безжизненность котораго превращалась понемногу въ блескъ глазъ хищнаго звѣря.

— А! ты думаешь, что я взялъ на себя трудъ предостеречь католицизмъ этимъ людямъ, которыхъ тамъ рѣжутъ?

— Государь, сказалъ Генрихъ, освобождая свою руку — развѣ вы не умрете въ зарѣ отъякъ вашихъ?

— Да, *par la mort*! а ты?

— И я тоже, отвѣчалъ Генрихъ.

Карлъ заскрежеталъ зубами и дрожащею рукою схватилъ вышитую демашину на столѣ. Генрихъ, прильнувъ къ стѣнѣ, чувствовалъ что холодный потъ выступаетъ у него на лбу; но, благодаря известности котораго онъ вынулъ надъ самимъ собою, иеружность его была сво-

онъ, и онъ слѣдилъ за всеми движеніями страшнаго мейера съ калдымъ вниманіемъ птицы, омороченной змѣею.

Карлъ зарядилъ писталь, и, топнувъ ногою съ епльною яростью, сказалъ, блеснувъ оружіемъ передъ глазами Генриха:

— Хочешь ты быть католикомъ?

Генрихъ молчалъ.

Карлъ потрясъ своды Лувра самымъ ужаснѣйшимъ ругательствомъ, какое когда-либо произносили уста человѣческія, и изъ блѣднаго сдѣлался почти синимъ.

— Смерть, месса, или бастація! кричалъ онъ, прицѣливаясь въ Генриха.

— Не-уже-ли вы убьете мейя, своего зятя? воскликнулъ Генрихъ.

Генрихъ отклонилъ съ несравненною ловкостью ума, одною изъ лучшихъ способностей его организаціи, вопросъ Карла. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ отвѣтъ былъ отрицательный, Генрихъ погибъ бы.

За послѣднею вспышкою ярости слѣдуетъ реакція. Карлъ не потерялъ своего вопроса и, помедливъ съ минуту, съ глухимъ журчаніемъ оборотался къ растворенному окну, прицѣлился въ чело-вѣка, бѣжавшаго по противоположной набережной.

— Надо же мнѣ убить кого-нибудь, сказалъ онъ съ глазами, наполненными кровью, и лицомъ, посинѣвшимъ какъ у трупа. Онъ выстрѣлилъ — и бѣжавшій упалъ.

Генрихъ застоналъ.

Олушеченный страшнымъ рженіемъ, Карлъ асряжалъ и стрѣлялъ безъ остановки, вскрикивая отъ радости всякій разъ, какъ попадалъ въ дѣль.

— Я погибъ, подумалъ Генрихъ: — когда ему нѣмого будѣтъ убить, онъ убьетъ меня.

— Ну что? Конечно? проговорилъ чей-то голосъ незади нятъ.

Эта была Катерина Медичи; она вошла въ комнату неслышно, въ время послѣдняго выстрѣла.

— Нѣтъ, тысяча громовъ! заревѣлъ Карлъ, бросая на полъ свое писталь. — Нѣтъ, упрямецъ... не хочеть!

Катерина ничего не отвѣчала. Она медленно оглянулась въ ту сторону, гдѣ стоялъ Генрихъ, неподвижный, какъ изображенія на картѣ, къ которому онъ прислонился. Потому что она опять посмотрѣла на Карла такимъ взоромъ, который ясно спрашивалъ:

— Такъ зачѣмъ же онъ живеть?

— Онъ живеть... онъ живеть... проговорилъ Карлъ, какъ-вѣзья-лучше понявъ этотъ взглядъ и отвѣчалъ на него немедленно: — Онъ живеть, потому-что онъ... мнѣ родственникъ.

Катерина улыбулась.

Генрихъ замѣтилъ эту улыбку и понялъ, что всего важнѣе побѣдить Катерину.

— Все зависитъ отъ васъ, сказалъ онъ ей: — а не отъ брата Карла. Это ясно. Заключи меня въ западню — ваша мысль. Вы вздумали сдѣлать изъ своей дочери приманку на погибель нашу. Вы разлучили меня съ женою, чтобъ избавить ее отъ скуки присутствовать при моемъ убіеніи.

— Да; только это не удастся! воскликнулъ другой голосъ, странный и запыхавшійся.

Генрихъ узналъ его тотчасъ; Карлъ вздрогнулъ отъ неожиданности, Катерина отъ ярости.

— Маргерита! воскликнулъ Генрихъ.

— Марго! сказалъ Карлъ.

— Дочь! проговорила Катерина.

— Ваши послѣднія слова обвиняли меня, сказала Маргеритъ Генриху: — вы правы и неправы. Меня дѣйствительно употребилъ какъ средство къ вашей гибели. Но я этого не знала. Я сама обременена жизнью случаю, можетъ-быть забывчивости моей матери. И какъ-скоро я узнала, что вы въ опасности, я вспомнила свой долгъ. А долгъ жены разделять участь мужа. Васъ изгоняютъ? Я иду съ вами въ изгнаніе. Заключаютъ въ тюрьму? я за вами. Убиваютъ я умру.

И она протянула мужу руку, которую онъ схватилъ если не съ любовью, то съ признательностью.

— А! бѣдняжка Марго! сказалъ Карлъ: — ты сдѣлала бы гораздо-лучше, еслибъ посоветовала ему сдѣлаться католикомъ.

— Ваше величество! отвѣчала Маргерита съ врожденнымъ величіемъ. — Ради самого-себя не требуйте низкаго поступка отъ члена вашей фамиліи.

Катерина значительно взглянула на Карла.

— Братецъ! воскликнула Маргерита, понявшая страшную пантомиму Катерины такъ же, какъ и Карлъ: — подумайте! Вы сами сдѣлали его моимъ мужемъ.

Карлъ IX, подъ вліяніемъ повелительнаго взора Катерины и умоляющаго Маргериты, былъ съ минуту въ нерѣшимости; но конецъ Оромазъ взялъ верхъ.

— Марго права, сказалъ онъ, склоняясь на ухо Катеринѣ: Гапріо зять мой.

— Да, отвѣчала Катерина, также наклонясь къ его уху. — Да, но еслибъ онъ не былъ зятемъ!

IV.

ДЕРЕВО НА КЛАДБИЩЬ-НЕВИННЫХЪ.

Возвратясь къ себѣ, Маргерита напрасно старалась отгадать, что такое шепнула Катерина на ухо Карлу.

Часть утра прошла въ заботахъ о ла-Молѣ, другая въ бесплодныхъ стараніи разгадать эту загадку.

Король наваррскій остался пѣнникомъ въ Луврѣ. Гугенотовъ преслѣдовали еще съ большимъ жаромъ. Страшную ночь смѣнило дневное убійство, еще болѣе отвратительное. Колокола звонили уже не тревогу, а Te Deum. Торжественные звуки мѣли, раздавались среди убійства и пожаровъ, были еще печальнѣе при свѣтѣ солнца, чѣмъ похоронный звонъ прошедшей ночи. Это еще не все; случилось странное явленіе: боярышникъ, цвѣтшій весною и, какъ обыкновенно, утратившій свое душистое убранство въ іюнь, снова расцвѣлъ ночью. Католики, видя въ этомъ явленіи чудо, и приписывая его благоволенію Бога, шли въ процессіи, съ крестомъ и хоругвями, къ Кладбищу-Невинныхъ (Cimetière des Innocens), гдѣ росъ этотъ боярышникъ. Такой знакъ небеснаго одобренія удвоилъ рвеніе убійць. Въ городѣ на каждой улицѣ, въ каждомъ переулкѣ, на каждой площади продолжали разыгрываться сцены смертоубійства; Лувръ былъ общею могилою всѣхъ протестантовъ, находившихся въ немъ въ минуту даннаго сигнала. Остались живы только король наваррскій, принцъ Кондэ и ла-Молъ.

Успокоившись на счетъ ла-Моля, раны котораго, какъ замѣтила она еще наканунѣ, были тяжелы, но не смертельны, Маргерита думала только объ одномъ: какъ спасти жизнь мужа, которая все еще была въ опасности. Конечно, первое чувство, пробудившееся въ супругѣ, было чувство состраданія къ человѣку, которому она поклялась, по выраженію самого Беарнца, если не въ любви, то по-крайней-мѣрѣ въ союзъ. Но за этимъ чувствомъ пролило въ сердце королевы и другое, не столько безкорыстное.

Маргерита была честолюбива; выходя за Генриха Бурбона, она почти навѣрное рассчитывала на санъ королевы. Наварра, разрываемая по кускамъ съ одной стороны французскими, съ другой испанскими королями, такъ-что уменьшилась уже до половинны, могла сдѣлаться дѣйствительнымъ королевствомъ, принявъ въ подданство всѣхъ гугенотовъ Франціи, если Генрихъ осуществитъ надежды, которыя подавало его мужество при тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда ему до-сихъ-поръ удавалось обнѣжать

шпагу. Благодаря своему тонкому и образованному уму, Маргерита все это предвидѣла и сообразила. Съ потерю Геуриха, она лишилась не только мужа, но и престола.

Среди этого раздумья, Маргерита вдругъ услышала, что кто-то стучитъ въ ютаиную дверь. Она вздрогнула, потому что только трое входили въ эту дверь: король, королева-мать и герцогъ д'Алансонъ. Она растворила дверь въ кабинетъ, дала знакъ Гильберту и ла-Моллю, чтобъ они молчали, и вошла отожкнуть тайный входъ. Это былъ герцогъ д'Алансонъ.

Накаунтъ онъ исчезъ. Была минута, когда Маргеритѣ пришла было въ голову просить его заступиться за короля саваррского; но страшная мысль остановила ее въ этомъ намѣреніи. Бракъ былъ совершенно противъ его желаній; Франсуа не нравился Генрида и сохранялъ нейтралитетъ въ отношеніи къ Беарнцу потому только, что былъ убѣжденъ, что онъ и Маргерита остались чужды другъ другу. Знакъ привязанности Маргериты къ своему мужу могъ бы, съаодательно, вместо того, чтобъ удалить, приблизить къ груди Геуриха одинъ изъ трехъ угрожающихъ ему кинжаловъ.

Маргерита вздрогнула, увидѣвъ герцога, какъ не вздрогнула бы ни видъ Карла, или матери. Впрочемъ, по наружности герцога не было заметно, чтобъ въ городъ или въ Дувръ происходило что-нибудь необыкновенное: онъ былъ одѣтъ со всегдашнимъ своимъ изысканствомъ; отъ платя и бѣлья его вѣяло ароматами, которыхъ не терпѣлъ Карлъ IX и которые постоянно употреблялъ онъ и герцогъ д'Анжу. Только опытный глазъ Маргериты могъ замѣтить, что, не смотря на его блѣдность и дрожаніе рукъ, прекрасныхъ какъ руки женщины, въ сердцѣ его было радостное чувство.

Онъ вошелъ, какъ входилъ всегда, и подошелъ поцаловать сестру. Но, вмѣсто того, чтобъ подставить ему щеку, какъ слѣдъ бы она съ Карломъ или герцогомъ д'Анжу, она наклонилась и положила ему лобъ.

Герцогъ вдохнулъ и приложилъ блѣдныя губы свои ко лбу Маргериты; потомъ сѣлъ и началъ рассказывать сестрѣ кровавыя подробности прошедшей ночи: медленную, ужасную смерть адмирала, мгновенную смерть Телии, прострѣленную пулею и умирающаго въ адно мгновеніе. Онъ останавливался на кровавыхъ подробностяхъ этой ночи съ любовью, какую питали къ убійствамъ онъ и братья его. Маргерита не прерывала его.

Наконецъ, рассказавъ все, онъ замолчалъ.

— Вы пришли не только за тѣмъ, чтобъ рассказать это, но правда ли? спросила Маргерита.

Герцогъ улыбулся.

— Вы еще что-нибудь хотите сказать?

— Нѣтъ, отвѣчала она:—я жду.

— Чего?

— Не говорили ли вы мнѣ, милая Маргерита, продолжалъ герцогъ, придвигая стулъ къ сестрѣ:—что выйдете за Генриха-Наваррскаго противъ желанія?

— Да, конечно. Я вовсе не знала принциа бейарскаго, когда его предложили мнѣ въ женяхи.

— А съ-тѣхъ-поръ, какъ вы узнали его, не говорили ли вы, что не чувствуете къ нему никакой любви?

— Говорила; это правда.

— По вашему мнѣнію, этотъ бракъ былъ для васъ несчастіемъ?

— Любезный Франсуа, отвѣчала Маргерита:—если бракъ не высшійшее блаженство, онъ почти-всегда величайшее горе.

— Да; такъ я жду, какъ вамъ сказалъ.

— Чего же вы ждете? говорите.

— Чтобъ вы изъявили мнѣ свою радость.

— Чему жъ мнѣ радоваться?

— Неожиданному случаю возвратить себѣ свободу.

— Свободу! повторила Маргерита, желая заставить его договорить.

— Безъ сомнѣній, вашу свободу; васъ разведутъ съ Генрихомъ-Наваррскимъ.

— Разведутъ! проговорила Маргерита, устремивъ взоръ на принца.

Герцогъ попробовалъ выдержать этотъ взглядъ; но скоро глаза его съ замѣшательствомъ обратились въ другую сторону.

— Разведутъ? повторила Маргерита:—посмотримъ... Пожалуйста, расскажите мнѣ это подробно; какъ же это хотятъ насъ развести?

— Ну, проговорилъ герцогъ:— Генрихъ—гугенотъ.

— Конечно; да вѣдь онъ этого не скрывалъ; это знали, когда вымалили меня замужъ.

— Да, сестрица, сказалъ герцогъ съ невольнымъ выраженіемъ радости на лицѣ:—но съ-тѣхъ-поръ, что дѣлалъ Генрихъ?

— Вы знаете это лучше всякаго другаго; онъ почти весь день проводитъ съ вами то за игрою, то на охотѣ.

— Да, дни, конечно, отвѣчалъ герцогъ:— дни; а ночи?

Маргерита замолчала и въ свою очередь потушила глаза.

— Ночи? продолжалъ герцогъ.—Ночи?

— Ну? сказала Маргерита, чувствуя, что надобно же что-нибудь сказать.

— Ну... онъ проводитъ ихъ у г-жи де-Совъ.

— Почему вы это знаете?

— Знаю, потому-что это меня интересовало, отвѣчалъ молодой принцъ, блѣднѣя и обрывая кружего съ рукавовъ своихъ.

Маргерита начинала догадываться, что сказала Катерина на-ухо Карлу. Но она притворилась ничего-непонимающею.

— Зачѣмъ вы говорите мнѣ все это, братецъ? отвѣчала она съ искусно-разыгранною грустью. — Развѣ затѣмъ, чтобъ напомнить, что никто меня здѣсь не любитъ, никто не дорожитъ мною, — даже и тѣ, кого природа дала мнѣ въ защитники, церковь въ мужья?

— Вы несправедливы, живо возразилъ герцогъ, придвигаясь еще ближе:—я люблю васъ и покровительствую вамъ.

— Братецъ, сказала Маргерита, глядя на него пристально:—вы имѣете сказать мнѣ что-нибудь отъ королевы-матери.

— Я? вы ошибаетесь, сестрица, клянусь вамъ. Изъ чего можете вы это заключать?

— Изъ того, что дружба ваша съ моимъ мужемъ рушилась. Вы оставляете сторону короля наваррскаго.

— Сторону короля наваррскаго? съ изумленіемъ повторилъ герцогъ.

— Да, конечно. Будемъ говорить откровенно, Франсуа. Вы двадцать разъ соглашались, что можете возвыситься или даже удержаться только поддерживая другъ друга. Этотъ союзъ...

— Сдѣлался невозможенъ, сестрица, прервалъ ее герцогъ.

— Почему?

— Потому-что король имѣетъ свои виды на вашего мужа... Извините, я ошибся, назвавъ его вашимъ мужемъ. Я хотѣлъ сказать: на Генриха-Наваррскаго. Матушка угадала все. Я присталъ къ сторонѣ гугенотовъ, думая, что они въ силѣ. Теперь гугенотовъ бьютъ, и черезъ недѣлю ихъ и пятидесяти не останется въ цѣломъ королевствѣ. Я жалъ руку королю наваррскому, потому-что онъ былъ... вашъ мужъ. Теперь онъ уже не мужъ вашъ. Что вы на это скажете, вы—не только первѣйшая красавица, но и первѣйшая умница во Франціи?

— Скажу, отвѣчала Маргерита:— что знаю брата Карла. Я видѣла его вчера въ одномъ изъ тѣхъ припадковъ ярости, которые укорачиваютъ жизнь его десятками лѣтъ; скажу еще, что эти припадки, къ-несчастью, возвращаются все чаще и чаще, такъ-что по всей вѣроятности братъ нашъ Карлъ проживетъ недолго. Скажу, наконецъ, что король польскій умеръ, и что на его мѣсто очень-серьезно подумываютъ избрать французскаго принца. При такихъ обстоятельствахъ, не слѣдуетъ покидать союзника, который, въ минуту битвы, можетъ поддержать насъ силою цѣлаго народа и королевства.

— А вы, отвѣчалъ герцогъ:—не измѣняете ли вы мнѣ гораздо-больше, предпочитая иностранца брату?

— Изъяснитесь, какъ и въ чемъ я вамъ измѣнила?

— Вчера вы просили короля за жизнь короля наваррскаго.

— Ну? сказала Маргерита съ притворнымъ равнодушіемъ.

Герцогъ вдругъ всталъ, прошелся раза два по комнатѣ, и взявъ вотомъ Маргериту за руку. Рука ея была холодна.

— Прощайте, сестрица, сказалъ онъ: — вы не хотѣли понять меня; видите же только себя во всѣхъ несчастіяхъ, которыя могутъ случиться.

Маргерита поблѣднѣла и осталась неподвижною на своемъ мѣстѣ. Герцогъ уходилъ; она не просила его воротиться. Но едва исчезъ онъ изъ виду въ корридоръ, какъ вдругъ воротился самъ.

— Послушайте, Маргерита, сказалъ онъ: — я забылъ вамъ сказать одно: завтра, въ этотъ часъ, короля наваррскаго не будетъ въ живыхъ.

Маргерита вскрикнула. Мысль, что ею воспользовались, какъ средствомъ къ убійству, ужасала ее до глубины души.

— И вы не помѣшаете этому? спросила она. — Вы не спасете своего лучшаго, вѣрнѣшаго союзника?

— Со вчерашняго дня союзникъ мой не король наваррскій.

— Кто же?

— Гизъ. Истребляя гугенотовъ, Гиза сдѣлалъ королемъ католиковъ.

— И сынъ Генриха II признаетъ королемъ своимъ лотарингскаго герцога!

— Вы сегодня не въ-духъ, Маргерита, и ничего не понимаете.

— Признаюсь, я напрасно стараюсь угадать вашу мысль.

— Сестрица, ваше происхожденіе не хуже происхожденія принцессы де-Порсианъ; Гизъ не безсмертнѣе Генриха-Наваррскаго. Предложите же три вещи, всѣ очень-возможныя: во-первыхъ, что Гиза выберетъ въ короли польскіе; во-вторыхъ, что вы любите меня такъ, какъ я васъ; тогда... я король французскій... а вы... вы... королева католиковъ.

Маргерита закрыла лицо руками, пораженная глубиною взгляда этого юноши, котораго никто при дворѣ не считалъ особенно-прозорливымъ.

Черезъ минуту она спросила: такъ вы не ревнуете къ герцогу Гизу, какъ къ королю наваррскому?

— Что сдѣлано, то сдѣлано, глухо отвѣчалъ герцогъ.—Если я имѣлъ причины ревновать къ Гизу, я ревновалъ.

— Вашъ планъ прекрасенъ; только одно можетъ помѣшать его исполненію, сказала Маргерита, вставая.

— Что такое?

— То, что я не люблю уже Гиза.

— Такъ кого же вы любите?

— Никого.

Герцогъ посмотрѣлъ на Маргериту съ изумленіемъ, какъ чело-вѣкъ, который ровно ничего не понимая, и выходя съ вздохомъ, потирая лобъ ледяною рукою своею.

Маргерита осталась одна въ раздумь. Положеніе ея начало рѣсодваться передъ ея глазами ясно и опредѣленно; ночь св. Варо-ломея была слѣдствіемъ повелѣнія короля; исполнителями были королева-мать и герцогъ Гизъ. Гизъ и д'Алансонъ соединились, чтобъ извлечь изъ этого событія какъ-можно-больше пользы. Смерть короля наваррскаго была естественнымъ слѣдствіемъ этой катастрофы. Послѣ его смерти завладѣютъ его королевствомъ. Маргерита останется вдовою безъ престола, безъ могущества, видя передъ собою только монастырь, гдѣ не будетъ даже имѣть грустнаго утѣщенія оплакивать супруга, который некогда не былъ ея мужемъ.

Въ это время, пришли спросить ее отъ имени королевы-матери, не хочетъ ли она со всемъ дворомъ отправиться къ чудесному древу на Кладбищѣ Неринныхъ.

Первою мыслью Маргериты было отказаться отъ этой каваль-кады. Но ей пришло въ голову, что при этомъ случаѣ она можетъ узнать что-нибудь новое объ участи короля наваррскаго. Она от-вѣчала, что охотно будетъ сопутствовать ихъ величествамъ,

Черезъ пять минутъ пажъ извѣстилъ ее, что поѣздъ готовъ гре-нуться съ мѣста. Маргерита дала Гильйоннѣ знакъ позаботиться о раненномъ, и вышла.

Король, королева-мать, Таванпъ и главнѣйшіе католики были уже на лошадяхъ. Маргерита быстро оглянула все общество, со-стоящее челоѣкъ изъ двадцати: короля наваррскаго тутъ не было.

Но г-жа де-Совъ была здѣсь; она обмѣнилась съ нею взглядомъ, и Маргерита поняла, что любовница мужа ея хочетъ ей что-то сказать.

Поѣздъ двинулся по улицѣ Ластрюсъ и Сент-Оноре. Увидѣвъ короля, королеву Катерину и главнѣйшихъ католиковъ, народъ собрался и сопровождалъ ихъ, безпрестанно прибывая и крича: «да здравствуетъ король! смерть гугенотамъ!»

Народъ кричалъ, махая окровавленными щрагами и дымящими-ся пищалями, свидѣтелями участія его въ ужасномъ событіи.

Въ концѣ Улицы-де-Прувель, поѣздъ встрѣтилъ толпу людей, тащившихъ обезглавленный трупъ. Это было тѣло адмирала. Они тащили его повѣсить за ноги въ Монферканъ.

Кавалькада вышла на Кладбище-Невинныхъ воротами, противоположащими улицѣ де-Шапъ, теперешней де-Дешаржёръ. Духовенство, извѣщенное о посѣщеніи короля и королевы-матери, ожидало ихъ съ приветвенною рѣчью.

Г-жа де-Совъ воспользовалась минутою, когда Катерина слушала обращенное къ ней слово, приблизилась къ Маргеритѣ и попросила позволенія поцаловать ей руку. Маргерита подала ей руку, и Шарлотта, цалуя ее, всунула за рукавъ королевы свернутую записочку.

Какъ быстро и скрытно ни удалилась г-жа де-Совъ, Катерина это замѣтила и оборотилась въ ту самую минуту, когда она цаловала руку королевы.

Объ женщины замѣтили взглядъ, пронзившій ихъ какъ молнія, но обѣ сохранили хладнокровіе. Шарлотта удалилась отъ Маргериты и заняла свое мѣсто при Катеринѣ.

Отвѣтивъ на сказанное ей привѣтствіе, Катерина съ улыбкою сдѣлала пальцемъ знакъ королевы наваррской, чтобъ она приближалась.

Маргерита повиновалась.

— А-га! сказала королева-мать своимъ итальянскимъ выговоромъ:—у тебя дружба не-на-шутку съ Шарлоттой!

Маргерита улыбнулась съ самымъ горькимъ выраженіемъ лица.

— Да, отвѣчала она:—зѣя ужалила меня въ руку.

— О-го! замѣтила Катерина съ улыбкою:—да ты чуть ли не ревнуешь.

— Вы ошибаетесь, отвѣчала Маргерита.—Я столько же ревную короля наваррскаго, сколько онъ меня любить. Только я умѣю различать друзей отъ враговъ. Я люблю тѣхъ, кто меня любитъ, и ненавижу тѣхъ, кто меня ненавидитъ. Иначе была ли бы я вашей дочерью?

Катерина улыбнулась такъ, чтобъ дать понять Маргеритѣ, что если она что-нибудь и подозрѣвала, то это подозрѣніе вовсе исчезло.

Въ эту минуту новые пріѣзжіе привлекли вниманіе высокихъ мѣстителей. Герцогъ Гизъ прибылъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ дворянъ, разгоряченныхъ еще недавнимъ убійствомъ. Они шли за богато-убранными носилками; носилки остановились противъ короля.

— Герцогиня де-Неверъ! воскликнулъ Карлъ.—Поздравляю васъ, прекрасная и суровая католичка! Я слышалъ, вы стрѣляли изъ оковъ на гугенотовъ, и даже убили одного камнемъ.

Герцогиня покраснѣла.

— Ваше величество, сказала она тихо, пролегла передъ Кар-

домъ кожно: — напротивъ, я имѣла счастье пріютить раненнаго католика.

— Хорошо, хорошо. Можно служить мнѣ двойкимъ образомъ: истребляя моихъ враговъ, или помогая друзьямъ. Всякій дѣлаетъ что можетъ; я увѣренъ, что еслибъ вы могли, вы сдѣлали бы больше.

Между-тѣмъ, народъ, видя согласіе Карла съ Лотарингцами, кричалъ безъ умолку: «да здравствуетъ король! да здравствуетъ герцогъ Гизъ!»

— Вы съ нами въ Лувръ, Анриетта? спросила королева-мать герцогиню.

Маргерита толкнула локтемъ свою пріятельницу; Анриетта показала этотъ знакъ и отвѣчала:

— Нѣтъ, ваше величество: — если вы этого не прикажете. У меня есть дѣло въ городъ съ королевой наваррской.

— Какое дѣло? спросила Катерина.

— Мы хотимъ посмотреть рѣдкія и очень-любопытныя греческія книги, найденныя у одного стараго протестантскаго пастора, отвѣчала Маргерита.

— Вы лучше отправились бы посмотреть, какъ бросаютъ послѣднихъ гугенотовъ съ моста о-Муленъ въ Сену, сказалъ Карлъ. — Вотъ мѣсто настоящихъ Французовъ.

— Мы поѣдемъ туда, если это угодно вашему величеству, отвѣчала герцогиня де-Неверъ.

Катерина недоувѣрчиво взглянула на обѣихъ пріятельницъ. Маргерита замѣтила это, и начала съ безпокойствомъ оглядываться.

Это безпокойство, истинное или притворное, не ускользнуло отъ Катерины.

— Чего ты ищешь? спросила она.

— Я ищу... Я не вижу, отвѣчала Маргерита.

— Чего ты ищешь? Чего не видишь?

— Де-Совъ, отвѣчала Маргерита. — Что? она возвратилась въ Лувръ?

— Я говорила, что ты ревнуешь! шепнула Катерина на ухо своей дочери.—О bestial.. Что жь, Анриетта, продолжала она, пожимая плечами:—возьмите съ собою королеву наваррскую.

Маргерита еще притворилась, что разглядываетъ вокругъ, и потомъ, наклонясь къ уху Анриетты, сказала:

— Увези меня поскорѣе. Мнѣ надо сообщить тебѣ чрезвычайно важныя вещи.

Герцогиня поклонилась Карлу и королевы-матери. Потомъ почтительно обратилась къ королевы наваррской:

— Не угодно ли вашему величеству съестъ въ мои носилки?

— Охотно. Только вы уж доставите меня и обратно въ Лувръ.

— Экипажъ мой, и прислуга, и я сама къ услугамъ вашего величества, отвѣчала герцогиня.

Королева Маргерита сѣла въ носилки и сдѣлала знакъ герцогини; она вошла и почтительно заняла мѣсто спереди.

Катерина и ея спутники возвратились въ Лувръ тою же дорогой. Забыли, что королева-мать все время говорила что-то на ухо Карлу, указывая на г-жу де-Совъ.

И всякій разъ, какъ она указывала на нее, Карлъ смѣялся по-своему: то-есть этотъ смѣхъ былъ хуже всякой угрозы.

Что касается до Маргериты, едва только она почувствовала, что носилки тронулись съ мѣста и что ей нѣчего больше опасаться наблюдательности Катерины, она достала изъ рукава записку г-жи де-Совъ и прочла слѣдующее:

«Я получила приказаніе отослать сегодня ввечеру королю на-варрскому два ключа: одинъ отъ той комнаты гдѣ онъ запертъ, «другой отъ моей. Когда онъ прійдетъ ко мнѣ, мнѣ приназано «удержать его у себя до шести часовъ утра.

«Обдумайте, ваше величество, рѣшитесь, не считайте жизни моей «за ничто».

— Тутъ нѣтъ сомнѣнія, сказала Маргерита:— этой несчастной женщиной хотятъ воспользоваться, чтобъ погубить всѣхъ насъ. Посмотримъ, однакожь, легко ли сдѣлать изъ королевы Марго, какъ говорить братъ Карлъ, монахиню.

— Отъ кого же это письмо? спросила герцогиня де-Неверъ, указывая на записку, которую Маргерита перечитывала съ величайшимъ вниманіемъ.

— А! герцогиня! Я много кое-чего должна рассказать тебѣ, отвѣчала Маргерита, разрывая бумажку на тысячу кусковъ.

v.

Признанія.

— Во-первыхъ, куда мы ѣдемъ? спросила Маргерита.— Надѣюсь, не на мостъ о-Муленъ? Я уже довольно насмотрѣлась на рѣзню со вчерашняго дня.

— Я осмѣлилась отвезти ваше величество...

— Во-первыхъ, и прежде всего, мое величество проситъ тебя забыть мое величество... Итакъ, мы ѣдемъ...

— Въ отель Гиза, если вы согласны.

— Почему ж! Подлежь къ тебѣ, Анриетта. Вѣдь герцога Гиза тамъ нѣтъ? и мужа твоего нѣтъ?

— Нѣтъ! воскликнула герцогиня съ сверкающими отъ радости глазами. — Нѣтъ ни Гиза, ни мужа, никого нѣтъ! Я свободна, свободна какъ воздухъ, какъ птица, какъ облака... Свободна, милая королева, слышите ли? Понимаете ли вы, какое счастье заключать въ себя это слово: свободна?.. Иду, куда хочу, приказываю что хочу. О! бѣдная королева! вы не свободны! отъ-того вы и задыхаете...

— Ты идешь, куда хочешь; приказываешь, что хочешь. Неужели въ этомъ состоитъ все? И ты только въ этомъ отношеніи пользуешься своею свободою? Нѣтъ, для такой свободы ты слишкомъ весела.

— Ваше величество обѣщали подать примѣры откровенности.

— Опять мое величество! этакъ мы поссоримся, Анриетта. Развѣ ты забыла нашъ уговоръ?

— Нѣтъ. Я ваша почтительная слуга при людяхъ, твоей прямой другъ наединѣ. Не такъ ли? не правда ли, Маргерита?

— Да, да, отвѣчала королева улыбаясь.

— Прочь фамильная вражда и вѣроломство любви; все прямо, откровенно, сердце на ладонь; словожъ, союзъ оборонительный и наступательный, — съ цѣлью схватить шалету, если удасться, замѣрное счастье.

— Такъ, такъ, Анриетта; и въ знакъ возобновленія союза обними меня.

И обѣ милыя головки, одна блѣдная и грустная, другая румяная, блондуристая и веселая, склонились другъ къ другу и соединились устами, какъ соединялись мыслями.

— Итакъ, у тебя есть новости? спросила герцогиня, съ любопытствомъ глядя на Маргериту.

— Эти два дня развѣ не полны новостей?

— О! я говорю о любви, а не о политикѣ. Когда будемъ однихъ лѣтъ съ твоей матушкой Катериной, тогда пожалуй. Покаместъ, намъ еще по двадцати лѣтъ. Оставимъ же политику. Ну? что же новаго? Ужъ не вышла ли ты замужъ не шутя?

— За кого? спросила Маргерита смѣясь.

— А! ты меня успокоиваешь атимъ отвѣтомъ.

— Да, только то, что тебя успокоиваетъ, меня ужасаетъ. Я должна выйти замужъ.

— Когда?

— Завтра.

— Вотъ еще! Право? Бѣднѣе! И это необходимо?

— Необходимо.

— *Mordi!* какъ говорить одинъ мой знакомый. Это неприятно.

— У тебя есть знакомый, который говоритъ *mordi!* спросила, снись, Маргерита.

— Да.

— Кто же это?

— Ты все дѣлаешь вопросы, когда сама должна разсказывать. Докончи, и тогда я начну.

— Вотъ, въ двухъ словахъ, въ чемъ дѣло: король наваррскій влюбленъ, и не хочетъ имѣть со мною никакого дѣла. Я не влюблена, но мнѣ тоже нѣтъ до него дѣла. Однакожь мы оба должны исполнить свои желанія еще до завтра, по-крайней-мѣрѣ хотъ притворно.

— Что жь! Измѣни ихъ ты, и ты можешь быть уверена, что в онъ исполнить.

— Въ томъ-то и дѣло, что это невозможно; я меньше нежели когда-нибудь расположена измѣнить наши отношенія.

— То-есть, отношенія къ мужу — не больше, падъюсь?..

— Меня, видишь ли, мучить сомнѣнiе.

— На счетъ чего?

— На счетъ религiи. Ты какъ, — полагаешь различiе между католиками и протестантами?

— Въ смелѣ политикѣ?

— Да.

— Конечно.

— А въ-отношенiи любви?

— Любви? Мы, женщины, такiя язычницы, что допускаемъ всѣ возможныя соиты; что касается до боговъ, мы признаемъ ихъ много...

— Въ лицѣ одного, не правда ли?

— Да, отвѣчала герцогиня съ сверкающимъ въ глазахъ изычствомъ: — да, того, котораго зовутъ *Eros, Cupido, Amor*; того, что съ колчанемъ, повязкой и крыльями... *Mordi!* да здравствуетъ влюбленность!

— Впрочемъ, у тебя совершенно-особая манера молиться; ты бросаешь камнями въ гугенотовъ.

— Пусть-себѣ говорятъ.. Ахъ, Маргерита! какъ измѣняются лучшiя мысли, лучшiя дѣла въ устахъ черни!

— Черни!.. Да, кажется, тебя поздравлялъ съ этимъ подвигомъ братъ Карлъ?

— Твой братъ Карлъ большой охотникъ; онъ трубитъ въ рогъ цѣлый день, и отъ этого очень-худъ... такъ-что я не приписываю ему его complimentовъ. Впрочемъ, я ему отвѣчала, твоему брату Карлу. Развѣ ты не слышала моего отвѣта?

— Нѣтъ; ты говорила такъ тихо...

— Твѣ лучше,—я сообщу тебѣ больше новостей. Ну, доканчивай же свое призваніе.

— Вотъ видишь ли...

— Ну?

— Если камень, о которомъ говорилъ мой братъ, историческій камень, сказала со смѣхомъ Маргерита: — такъ лучше я ничего не скажу.

— Хорошо, воскликнула Авриэтта: — ты выбрала гугенота. Не тревожься же. Чтобъ успокоить твою совѣсть, общаю тебѣ братья и себѣ гугенота при первой оказіи.

— Но на этотъ разъ ты, кажется, выбрала католика?

— Mordi! воскликнула герцогиня.

— Хорошо; понимаю, понимаю.

— Каковъ же нашъ гугенотъ?

— Я не выбирала его; этотъ молодой человѣкъ не имѣетъ и, конечно, не будетъ имѣть для меня никакого значенія.

— Но все-таки, каковъ онъ? Это не мѣшаетъ тебѣ описать его; ты знаешь, какъ я любопытна.

— Молодой человѣкъ, прекрасный собою, какъ Низусъ Бенвенуто Челлини... онъ, избѣгая погони, спасся въ моей комнатѣ.

— А! а не ты его пригласила?

— Бѣдняжка! Не смѣйся такъ, Авриэтта; теперь онъ еще между жизнью и смертью.

— Такъ онъ болѣнъ?

— Онъ тяжело раненъ.

— Это пребезпокойная вещь—раненный гугенотъ... особенно въ настоящее время; что жъ ты съ нимъ дѣлаешь, съ этимъ гугенотомъ, который не имѣетъ и, конечно, не будетъ имѣть для тебя никакого значенія?

— Онъ въ моемъ кабинетѣ; я спрятала его и хочу спасти.

— Онъ хорошъ собою, молодъ, раненъ... Ты спрятала его въ своемъ кабинетѣ, ты хочешь спасти его? Этотъ гугенотъ будетъ очень-неблагодаренъ, если въ немъ не пробудится никакого чувства признательности.

— Оно уже пробудилось... и, кажется, сильнѣе, нежели я желала бы.

— И онъ тебя занимаетъ... бѣдняжка?

— Дѣ, по чувству челоѣколюбія, не больше.

— Челоѣколюбія! бѣдная королева! эта-та добродѣтель и губить насъ, женщинъ!

— Ты понимаешь, что король, герцогъ д'Алансонъ, королева-мать, мужъ мой каждую минуту могутъ войти ко мнѣ въ комнату.

— И ты хочешь попросить меня, чтобъ я спрятала твоего гу-

гюгета, не правда ли... то-есть, покажишь онъ болвнѣ, и съ условіемъ возвратитъ тебѣ его, когда онъ будетъ здоровъ?

— Насмѣшница! сказала Маргерита. — Нѣтъ, клянусь тебѣ, что я не соображаю такъ далеко впередъ. Не можешь ли ты только спрятать его, сохранить жизнь его, которую я спасла? Признаюсь, ты меня очень одолжила бы этимъ. Ты свободна въ отелѣ Гиза; у тебя нѣтъ ни братьевъ, ни мужа, который бы за тобою подсматривалъ, и промѣ того есть еще за твоею комнатою кабинетъ, какъ у меня, съ тою только разницею, что никто не имѣетъ права входить въ него. Одолжи мнѣ этотъ кабинетъ для моего гюгета. Когда онъ выздоровѣетъ, ты отворишь ему кѣтку, и птица улетитъ.

— Одно только мѣшаетъ этому, милая королева: кѣтка занята.

— Какъ? Ты развѣ тоже кого-нибудь спасла?

— Именно это и отвѣчала я твоему брату.

— А! понимаю. Такъ вотъ-почему ты говорила такъ тихо, что я не могла разслушать.

— Слушай, Маргерита: это чудесная исторія, ничѣмъ не хуже твоей. Оставивъ тебѣ шесть солдатъ, я возвратилась съ шестью остальными въ отель Гиза и смотрѣла, какъ грабятъ и жгутъ домъ, отдаленный отъ отеля брата только улицею Катр-Фисъ. Вдругъ слышу женскій крикъ и брань мужчинъ. Я выхожу на балконъ, и первое, что я замѣтила, была шпага, которая, казалось, блескомъ своего движенія озаряла всю сцену. Я любовалась этимъ бѣшеннымъ оружіемъ: ты знаешь, я охотница до хорошихъ вещей!.. Естественно, я начала разглядывать двигавшую его руку и тѣло, которому принадлежала эта рука. Среди битвы и кликовъ, я разглядываю наконецъ этого человека, и вижу героя, королева! Аякса Теламонида! Слышу голосъ, голосъ стентора! Я прихожу въ восторгъ, дрожу, трепещу при каждомъ грозящемъ ему ударѣ, при каждомъ визгѣ его сабли; въ четверть часа я испытывала ощущеніе, какого не знала до-тѣхъ-поръ, возможности котораго никогда и не полагивала. Я онѣмѣла, едва дышала, впиалась въ это зрѣлище; вдругъ герой мой исчезъ.

— Какъ?

— Подъ камнемъ, которымъ бросила въ него какая-то старуха. Тогда даръ слова возвратился ко мнѣ, какъ къ Киру, и я закричала: «эй! на помощь!» Солдаты наши вышли, взяли его, и отвезли въ комнату, которую ты просишь для твоего protégé.

— Да! я понимаю эту исторію, и тѣмъ лучше, милая Анріетта, что эта исторія почти та же, что и моя.

— Съ тою только разницею, что я оказываю этимъ услугу ко-

ведю и религии, и мнѣ не нужно отсылать отъ себя Аннибале де Коконна.

— Его зовутъ Аннибалъ де-Коконна? сказала Маргерита съ хотомъ.

— Ужасное имя, не правда ли? отвѣчала Анриэтта. — А онъ достоинъ его. Что за боецъ, тогда! сколько онъ пролилъ крови! На дѣль маску; мы прибыли.

— Зачѣмъ же надѣвать маску?

— Затѣмъ, что я хочу показать тебѣ моего героя.

— Онъ хорошъ собою?

— Онъ показатся мнѣ прекрасенъ во время битвы. Правда, это было ночью, при свѣтѣ факеловъ. Сегодня утромъ, при дневномъ свѣтѣ, онъ, признаться, немного подурнѣлъ. Впрочемъ, я думаю, ты останешься имъ довольна.

— Такъ моего пациента нельзя помѣстить въ отели Гиза? Жаль сюда, конечно, всего позже пришли бы искать гугенота.

— Нисколько. Я велю перенести его сегодня вечеромъ сюда одинъ будетъ лежать въ углу направо, другой въ углу налево.

— Но если они узнаютъ, что одинъ изъ нихъ протестантъ, а другой католикъ, вѣдь они съядятъ другъ друга.

— О, этого бояться нечего! Коконна такъ раненъ въ лицо, что почти ничего не видитъ; твой гугенотъ раненъ въ грудь такъ, что почти не можетъ двигаться. Кроме того, скажи ему, чтобъ онъ молчалъ на-счетъ религии, и дѣло обойдется...

— Изволь.

— Войдемъ же. Это рѣшено.

— Благодарю тебя, сказала Маргерита, пожимая руку Анриэтты.

— Вѣдь, сказала герцогиня: — вы опять дѣлаетесь королевогомъ, позволите же мнѣ прислуживать вамъ, какъ королевѣ наваррской.

Герцогиня, вышедъ изъ носилокъ, почти стала на козлы, чтобъ помочь выйти Маргеритѣ; потомъ, указавъ ей на дверь, у которой стояли двое часовыхъ съ пистолетами, пошла поодаль за королевою, сохраняя почтительную наружность, пока ихъ могли видеть. Пришедъ въ свою комнату, герцогиня заперла дверь и позвала свою горничную, провинную Сицилянку.

— Мика, спросила она ее по-итальянски: — что графъ?

— Ему лучше.

— А что онъ дѣлаетъ?

— Генеръ, кажется, завтракаетъ.

— Возвращеніе аппетита хорошій признакъ, замѣтила Маргерита.

— Да! вѣдь ты ученица Амбруаза Парэ. Ступай, Мика.

— Ты ее отыскаешь?

— Да; надо же кому-нибудь сторожить.

Мика вышла.

— Теперь что ты хочешь? Пойди къ нему, или позвать его сюда?

— Ни то, ни другое; мнѣ хотѣлось бы увидѣть его такъ, чтобъ онъ не видалъ меня.

— Къ-чему это? ты въ маскѣ.

— Онъ можетъ узнать меня по волосамъ, по рукамъ, по какой-нибудь бездѣлушкѣ.

— О, какъ ты стала благоразумна съ-тѣхъ-поръ, какъ вышла мужъ!

Маргерита улыбулась.

— Ни это есть только одно средство, продолжала герцогиня.

— Какое?

— Посмотрѣть на него въ замочную скважину.

— Пожалуй. Веди же.

Герцогиня взяла Маргериту за руку, подвела ее къ двери, завѣшенной ковромъ, стала на колѣно и приложила глазъ къ замку.

— Какъ-разъ! Онъ встѣ и сидитъ лицомъ сюда. Смотри.

Маргерита смѣшила герцогиню и, въ свою очередь, взглянула въ замочную скважину. Коконна сидѣлъ за богатымъ столомъ и, не смотря на свои раны, вѣлъ пресравно.

— Ахъ! Боже мой! воскликнула Маргерита, вскакивая съ мѣста.

— Что такое? спросила герцогиня съ изумленіемъ.

— Невозможно! нѣтъ! Да, это онъ!

— Кто онъ?

— Тсс! проговорила Маргерита, схвативъ герцогиню за руку: — это тотъ самый, который хотѣлъ убить моего тугенота, вбѣжалъ за нимъ даже въ мою комнату, ранилъ его даже въ мои руки. О, Анриэтта, какое счастье, что онъ меня не видѣлъ!

— Ну, ты сама видѣла его въ дѣлѣ, — не правда ли, хорошъ?

— Не знаю; я смотрѣла на того, кого онъ преслѣдовалъ.

— И его зовутъ?

— Ты не произнесешь его имени при немъ?

— Нѣтъ, будь увѣрена.

— Леракъ де-ла-Моль.

— А каковъ онъ тебѣ кажется?

— Ла-Моль?

— Нѣтъ, Коконна.

— Признаюсь тебѣ, сказала Маргерита: — я нахожу, что...

Она остановилась.

— Вижу, сказала герцогиня: — что ты на него зла за раны твоего тугенота.

— Кажется, отвѣчала Маргерита смѣясь: — мой гугенотъ не остался у него въ долгу: этотъ рубецъ на щекѣ...

— Такъ, значитъ, они некалталась и ны можемъ померить из Пришла мнѣ твоего гугенота.

— Нѣтъ, не теперь; послѣ.

— Когда же?

— Когда ты дашь своему другу комнату.

— Какую же?

Маргерита посмотрѣла на свою пріятельницу; Анриэтта, помогая съ минутой, тоже на нее посмотрѣла и начала смѣяться.

— Пусть будетъ такъ, сказала герцогиня. — И такъ, союзъ крѣче прежняго?

— Чистосердечная дружба навсегда, отвѣчала королева.

— А пароль, условный знакъ, если мы понадобится друг другу?

— Тройное имя твоего тройнаго бога: Egos, Cupido, Amor.

Съ этими словами онѣ разстались, обнявшись въ другой разъ пожавъ другъ другу руку въ двадцатый.

VI.

Случается, что ключи открываютъ не тѣ двери, для которыхъ они сдѣланы.

Королева наваррская, возвратясь въ Лувръ, застала Гильйонну въ большой тревогѣ. Г-жа де-Совъ приходила во время ея отсутствія. Она принесла ключъ, присланный къ ней королевой-матерью. Это былъ ключъ отъ комнаты, въ которой былъ запертъ Генрихъ. Ясно, что Катеринѣ надо было, для достиженія какой-то цѣли, чтобъ Беарнецъ провелъ эту ночь у г-жи де-Совъ.

Маргерита взяла ключъ и начала ворочать его въ рукахъ. Она велѣла пересказать себѣ все, что говорила г-жа де-Совъ, взвѣсивъ въ умъ своемъ каждое ея слово, и думала, что догадалась о намереніи Катерины.

Она взяла перо и написала на бумажкѣ:

«Приходите сегодня ввечеру, вмѣсто г-жи де-Совъ, къ королеву въ наваррской.»

«Маргерита.»

Она свернула эту бумажку, спрятала ее въ бородку ключа

приказала Гильйоннъ съ наступленіемъ ночи подсунуть ключъ въ дверь Генриха.

Окончивъ это дѣло, Маргерита вспомнила о раненномъ; она затворила все двери, вошла въ кабинетъ, и къ крайнему удивленію своему увидѣла, что ла-Моль одѣтъ въ свое платье, разорванное и измятое кровью.

Увидѣвъ ее, онъ хотѣлъ встать, но не могъ удержаться на ногахъ, зашатался и упалъ на каване, изъ котораго сдѣланы для него постель.

— Что это значитъ? спросила Маргерита:—почему вы такъ худо исполняете предписанія доктора? Я приказала вамъ оставаться въ покоѣ, а вы, вмѣсто того, чтобъ повиноваться, поступаете наоборотъ.

— Я не виновата, отвѣчала Гильйонна. — Я просила, умоляла графа, чтобъ онъ не дѣлалъ этого дурачества; но онъ объявлялъ мнѣ, что ничто не удержитъ его долѣе въ Луврѣ.

— Вы хотите оставить Лувръ! сказала Маргерита, съ удивленіемъ глядя на ла-Моля, потупившаго глаза. — Это невозможно! Вы не въ силахъ ходить; вы блѣдны и слабы; смотрите, какъ дрожитъ у васъ колѣни. Еще сегодня утромъ изъ раны въ плоть было кровотеченіе.

— Ваше величество! отвѣчалъ онъ. — Сколько вчера я просилъ васъ дать мнѣ убѣжище, столько умоляю васъ сегодня отпустить меня.

— Я не понимаю этой безразсудной рашимости; это хуже неблагодарности.

— Нѣтъ, я не неблагодаренъ. Вѣрьте, что въ сердцѣ моемъ есть чувство признательности, которое не исчезнетъ во всю жизнь мою.

— Оно проживетъ недолго, если вы исполните свое намѣреніе, сказала Маргерита, тронутая выраженіемъ его голоса, неизменно сомнѣваться въ искренности словъ. — Или ваши раны раскроются и вы изойдете кровью, или въ васъ узнаютъ гугенота, и вы не сдѣлаете за-живо и ста шаговъ.

— Я долженъ, однакожь, оставить Лувръ, отвѣчалъ ла-Моль.

— Долженъ! повторила Маргерита, устремивъ на него свои влажные взоры и слегка блѣднѣя.—Да! понимаю; извините. Конечно, въ Лувра есть кто-нибудь, кто жестоко беспокоится о вашемъ отсутствіи. Вы правы, ла-Моль; это очень-естественно, я понимаю. Зачѣмъ вы не сказали этого тотчасъ? И какъ мнѣ самой не пришло этого въ голову! Кто дастъ другому убѣжище, тотъ обязанъ заботиться о сердечныхъ связяхъ гостя, какъ и перевязывать его раны, врачевать душу, какъ врачуетъ тѣло.

— Вы странно ошибаетесь, возразилъ ла-Моль.—Я почти оди-

ночь на свить, и совершенно-одиночка въ Парижѣ; гдѣ меня никто не знаетъ. Мой убійца—первый человекъ, съ которымъ я разговаривала въ этомъ городѣ, и вы первая женщина, съ которой я живу счастьемъ разговаривать.

— Такъ заманъ же вы хотите уйти? спросила Маргерита съ удивленіемъ.

— Потому-что ваше величество не отдыхали прошедшую ночь, а въ эту...

Маргерита покраснѣла.

— Гильионна, сказала она:—ночь уже настала; не пора ли отнестъ ключи?

Гильионна улыбнулась и вышла.

— Но что жъ вы станете дѣлать, продолжала Маргерита:—если у васъ нѣтъ въ Парижѣ ни друзей, ни знакомыхъ?

— Я найду ихъ, ваше величество:— во время бѣгства я вспомнилъ мать свою, католичку, и мнѣ почудилось, что она бѣжитъ передо мною по дорогѣ къ Лувру, съ крестомъ въ рукахъ; тогда я думалъ бѣжать принять исповѣданіе моей матери, если Богъ сохранитъ мою жизнь. Богъ сдѣлалъ больше: Онъ послалъ мнѣ ангела, ради котораго самая жизнь стала мнѣ мила.

— Но вы не можете ходить, вы не сдѣлаете и ста шаговъ, и упадете безъ чувствъ.

— Я пробовалъ сегодня утромъ ходить влѣвъ въ кабинетъ; я хожу медленно, и мнѣ это больно, правда; но лишь-бы добраться до луврской площади, а тамъ—будь, что будетъ!

Маргерита склонила голову на руку и крѣпко задумалась.

— А король наваррскій? спросила она съ намбреніемъ:— вы о немъ уже не говорите. Переменная вѣру, развѣ вы перемѣнили и желаніе быть въ его службѣ?

— Ваше величество! отвѣчалъ ла-Моль:—вы коснулись истинной причины моего ухода... Я знаю, что король наваррскій въ величайшей опасности, и что даже вамъ, французской принцессѣ, едва удастся спасти его своимъ мекровительствомъ.

— Какъ? Что вы хотите сказать? О какой опасности говорите вы?

— Изъ этого кабинета слышно все, отвѣчалъ ла-Моль перешептываясь.

— Это правда, сказала про себя Маргерита:— Гизъ уже говоритъ мнѣ объ этомъ.

Потомъ она продолжала вслухъ:

— Ну! Что же вы слышали?

— Во-первыхъ, разговоръ вашъ съ вашимъ братомъ, сегодня ночью.

— Съ Франсуа? сказала Маргерита краснѣя.

— Да, съ герцогомъ д'Алансономъ; потомъ, когда вы ушли, разговоръ Гильйонни съ г-жею де-Совъ.

— И эти-то два разговора...

— Такъ точно, ваше величество. Вы всего только съ недвлю нѣи змужемъ; вы любите своего мужа. Онъ прїѣдетъ въ свою операль; какъ приходили герцогъ д'Алансонъ и г-жа де-Совъ. Онъ ставтъ говорить вамъ о своихъ тайнахъ. Я не долженъ ихъ слышать. Я буду нескромнѣнъ; а я не могу... я не долженъ... я не хочу быть нескромнѣннѣи.

Голосъ, которымъ ла-Моль произнесъ эти послѣднїя слова, и зажитательство его, вдругъ открыли глаза Маргеритѣ.

— А! сказала она: — вы слышали все, что говорено было де-спѣ-воръ въ этой комнатѣ?

— Слышалаъ.

Это слово произнесъ онъ едва слышно.

— И вы хотѣте увидѣти сегодня ввечеру, сегодня ночью, чтобъ не слышать больше?

— Сѣю же минуту, если ваше величество позволите.

— Видннжн! проговорила Маргерита съ страннымъ выраженїемъ состраданїя.

Удивленннй такимъ кроткимъ отвѣтомъ, вмѣсто котораго ждалъ какого-нибудь суроваго слова, ла-Моль робко поднялъ голову; взоръ его встрѣтился со взоромъ Маргериты и прильнулъ къ нему съ какою-то магнетическою силою.

— Такъ вы чувствуете, что не можете быть хранителемъ тайны, ла-Моль? кротко спросила Маргерита. Склонившнсь на спинку кресла и полускрытая въ тѣни густой завѣсы, она наслаждалась счастьемъ свободно читать въ душѣ молодаго человека, будучи сама для него недоступна.

— У меня жалкая натура, сказалъ ла-Моль:—я не доверяю никому-себѣ, и счастье другаго мнѣ досадно.

— Чье счастье? спросила Маргерита улыбаясь.—Да! счастье короля наваррскаго... Бѣдннй Генрихъ!

— Вы видите, что онъ счастливъ! живо сказалъ ла-Моль.

— Счастливъ?

— Да, потому-что ваше величество сожалѣете о немъ.

Маргерита взяла свой кошелекъ и обрывала съ него золотое шнпе.

— Такъ вы не хотѣте видѣти короля наваррскаго? сказала она.

— Вы такъ рѣшились?

— Я боюсь безнокнать его величество въ настоящую минуту.

— А брата моего, герцога д'Алансона?

— О, воскликнулъ ла-Моля: — его я хочу видѣть еще меньше короля наваррскаго.

— Потому-что?.. спросила Маргерита, тронутая до такой степени, что голосъ ея дрожалъ.

— Потому-что я уже слишкомъ-плохой гугенотъ, и не могу быть преданъ королю наваррскому; а какъ католикъ я еще не такъ хорошъ, чтобъ быть въ числѣ друзей герцога д'Алансона и Гиза.

На этотъ разъ, Маргерита должна была потушить взоры; этотъ отвѣтъ отозвался въ глубинѣ ея сердца. Она не могла опредѣлить, приятны ли, или неприятны были для нея слова ла-Моля.

Гильйонна воротилась. Маргерита посмотрѣла на нее вопросительно. Гильйонна также отвѣчала взглядомъ утвердительно: она передала ключъ королю наваррскому.

Маргерита еще разъ взглянула на ла-Моля; онъ склонилъ голову на грудь и былъ блѣденъ, какъ человекъ, который страдаетъ душевно и телесно.

— Вы горды, сказала она:—и я не рѣшюсь сдѣлать вамъ предложеніе, отъ котораго вы, конечно, откажетесь.

Ла-Моля всталъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и хотѣлъ поклониться въ знакъ повиновенія. Но острая, жгучая боль выжала на глазахъ его слезу, и чувствуя, что готовъ упасть, онъ схватился за завѣсу.

— Видите ли, сказала Маргерита, подбѣгая къ нему и удерживая его въ своихъ рукахъ:—видите ли, что я вамъ еще нужна?

Едва-замѣтное движеніе скользнуло на губахъ ла-Моля.

— Да! прошепталъ онъ: — вы мнѣ необходимы, какъ воздухъ, которымъ я дышу, какъ свѣтъ, который вижу.

Въ эту минуту раздались три удара въ дверь.

— Слышите? сказала съ испугомъ Гильйонна.

— Уже! проговорила Маргерита.

— Прикажете отворить?

— Постой. Можетъ-быть это король наваррскій.

— О! воскликнулъ ла-Моля, силы котораго возвратились при этихъ словахъ, сказанныхъ, впрочемъ, Маргеритою такъ тихо, чтобъ только Гильйонна могла ихъ услышать.—Умоляю васъ на колѣняхъ! позвольте мнѣ уйти... живому или мертвому! Сжальтесь... Вы не отвѣчаете. Хорошо же! Я заговорю, и тогда, надвюсь, вы меня выгоните!

— Молчите, несчастный! сказала Маргерита, находившая безконечное наслажденіе въ упрекахъ молодаго человѣка.—Молчите!

— Ваше величество, отвѣчалъ ла-Моля, не слыша въ голосъ Маргериты ожидаемой суровости:—повторяю вамъ, что отсюда все слышно. Не заставляйте меня умереть смертью, какой не выдумалъ бы и жесточайшій палачъ.

— Молчите! повторила Маргерита.

— Вы безжалостны! Вы не хотите меня выслушать. Да поймите же, что я васъ лю...

— Молчите же, когда я вамъ говорю! прервала его Маргарита, зажимая ему ротъ рукою, которую онъ схватилъ и прижалъ къ губамъ.

— Но... проговорилъ ла-Моль.

— Замолчите же наконецъ, дитя! Какъ смѣете вы не слушаться своей королевы?

Потомъ, бросившись изъ кабинета, она заперла за собою дверь и, прислонившись къ стѣнѣ, прижала руку къ трепещущему сердцу.

— Отвори, Гильйонна! сказала она.

Гильйонна вышла и черезъ минуту изъ-за завѣсы показалось умное, немножко-безпокойное лицо короля наваррскаго.

— Вы призвали меня? сказалъ онъ Маргеритѣ.

— Да. Получили вы мою записку?

— И, признаюсь вамъ, не безъ удивленія, отвѣчалъ Генрихъ, осматриваясь съ недоувѣрчивостью, которая, впрочемъ, скоро исчезла.

— И не безъ безпокойства, не правда ли? прибавила Маргерита.

— Сознаюсь и въ этомъ. Однакожь, будучи окруженъ непримиримыми врагами, и друзьями, можетъ-быть еще болѣе-опасными, я вспомнилъ, что однажды въ глазахъ вашихъ сверкало чувство великодушія, именно въ вечеръ нашей свадьбы; вспомнилъ, что въ другой разъ, я видѣлъ въ этомъ взорѣ мужество,—это было вчера, въ день, назначенный для моей смерти.

— Ну? сказала Маргерита, улыбаясь, между-тѣмъ, какъ Генрихъ старался проникнуть до глубины ея сердца.

— Помня все это и прочитавъ ваше приглашеніе, я сказалъ себѣ въ ту же минуту: безъ друзей, безоружному, нѣжному королю наваррскому остается только одно средство—умереть со славою, умереть смертью, которая осталась бы въ лѣтописяхъ: пусть выдастъ его жена, — и я пришелъ сюда.

— Вы заговорите другое, узнавъ, что все совершающееся въ эту минуту—дѣло любящей васъ особы... и любимой вами.

Генрихъ чуть не отступилъ при этихъ словахъ, и сѣрые, быстрые глаза его вопросительно глянули на королеву изъ-подъ черныхъ бровей.

— Успокойтесь! сказала улыбаясь Маргерита.—Я не имѣю привилегіи считать себя этой особой.

— Но вѣдь вы прислали мнѣ этотъ ключъ; это ваша рука.

— Моя; это я писала, дѣйствительно. Что касается до ключа,

это другое дѣло; довольно съ васъ будетъ знать, что онъ перешелъ черезъ руки четырехъ женщинъ, пока дошелъ до васъ.

— Четырехъ женщинъ! воскликнулъ Генрихъ въ смущенiи.

— Да, черезъ руки четырехъ женщинъ, потеряла Маргерита.

— Черезъ руки королевы-матери, г-жи де-Совъ, мои и Гильйонны. Генрихъ началъ разгадывать загадку.

— Поговоримъ же о дѣлѣ, сказала Маргерита: — и, главное, откровенно. Правда ли, какъ носится слухъ, что вы готовы перейти къ католицизму?

— Это ложный слухъ. Я еще не соглашался.

— Однако вы уже рѣшились?

— То-есть, я еще думаю. Что прикажете дѣлать! Въ двадцать лѣтъ, почти на престолѣ... ventre saint-gris! есть вещи, которыя этого стоить.

— И между-прочимъ жизнь? Не правда ли?

Генрихъ не могъ не улыбнуться.

— Вы не высказываете всей своей мысли, замѣтила Маргерита.

— Недомолвки для союзниковъ. Мы, какъ вамъ известно, не больше, какъ союзники. Еслибъ вы были и союзницей моей... и...

— И женой, не такъ ли?

— Ну, да... и женой.

— Тогда?

— Тогда дѣло другое, я, можетъ-быть, и настаивалъ бы на томъ, чтобъ остаться королемъ гугенотовъ, какъ они говорятъ... А теперь... я долженъ удовольствоваться жизнью.

Маргерита посмотрѣла на Генриха такъ странно, что въ менте-свѣтлой душѣ этотъ взглядъ пробудилъ бы подозрѣнiе.

— И вы увѣрены въ результатѣ? спросила она.

— Да, почти, отвѣчалъ Генрихъ. — Вы знаете, что теперь ни въ чемъ нельзя быть увѣрену.

— Дѣйствительно, вы высказываете столько умѣренности и безкорыстiя, что, отказавшись отъ короны, отъ религiи, вѣроятно откажетесь, — такъ, по-крайней-мѣрѣ, надѣются, — и отъ союза съ французской принцессой.

Въ этихъ словахъ заключалось такое глубокое значенiе, что Генрихъ вздрогнулъ. Но, подавивъ это движенiе съ быстротою молнiи, онъ отвѣчалъ:

— Помните, что я лишень теперь свободной воли. Я слышу то, что прикажетъ мнѣ король французскiй. Что касается до меня, еслибъ меня спросились въ этомъ дѣлѣ, которое касается моего престола, чести и жизни, я не основывалъ бы правъ своихъ на нашень принужденномъ бракѣ, — по мнѣ, лучше бы зарыться охотникомъ въ какой-нибудь замокъ, или монахомъ въ монастырь.

Это примиреніе съ своею судьбою, это отреченіе отъ всего мірскаго ужаснули Маргериту. Она подумала, что, можетъ-быть, этотъ разводъ былъ дѣло рѣшеное между Карломъ, ея матерью и королемъ ваварренскимъ. Она—сестра одного и дочь другой; не развѣ это превышаетъ имъ обречь ее на жертву? Опытность говорила ей, что на этихъ отношеніяхъ нельзя основывать своей безопасности. Честнолюбіе заговорило въ сердцѣ молодой женщины, или, лучше сказать, молодой королевы.

— Ваше величество, сказала Маргерита насмѣшливымъ тономъ: — немного, кажется, вѣрите въ звезду, сіяющую надъ головою каждаго короля?

— Это отъ-того, что я никакъ не могу разглядѣть свою звезду среди тучь, собравшихся теперь надо мною.

— А еслибъ дыханіе женщины разогнало эти тучи, и звезда заблестѣла бы ярче прежняго?

— Это довольно-трудно.

— Сомнѣваетесь вы въ существованіи такой женщины?

— Нѣтъ, я сомнѣваюсь только въ ея могуществѣ.

— Вы хотите сказать въ ея доброй волѣ?

— Я сказалъ въ «могуществѣ» и повторяю это слово. Женщина дѣйствительно бываетъ сильна тогда только, когда любовь и интересы соединены въ ней въ одинаковой степени. Если одно изъ этихъ чувствъ преобладаетъ, она, какъ Ахиллъ, доступна оружію. А на любовь этой женщины, если не ошибаюсь, я не могу разсчитывать.

Маргерита молчала.

— Послушайте, продолжалъ Генрихъ: — при послѣднемъ ударѣ колокола на башнѣ Сен-Жермен-л'Оксерруа, вы должны были вѣдунуть, какъ возвратитъ себя свободу, которой васъ лишили, чтобъ истребить моихъ приверженцевъ. Я долженъ былъ подумать, какъ спасти свою жизнь. Это было главное... Мы тутъ теряемъ Наварру, знаю. Но Наварра не важная вещь въ-сравненіи съ свободою и правомъ громко говорить въ своей комнатѣ, чего вы не смѣли дѣлать, когда васъ слушали изъ этого кабинета.

Маргерита не могла не улыбнуться. Король наваррскій всталъ, чтобъ уйти; былъ уже двѣнадцатый часъ, и все спало или притворилось спящимъ въ Луврѣ.

Генрихъ сдѣлалъ три шага къ двери. Потомъ онъ вдругъ остановился, какъ-будто только теперь вспомнилъ обстоятельство, пришедшее его къ королеву.

— Да! сказалъ онъ: — не имѣете ли вы мнѣ сообщить чего-нибудь, или не хотите ли дать мнѣ возможность поблагодарить васъ за отсрочку, которой я обязанъ вашему вчерашнему присут-

ствію въ кабинетъ короля? Вы кстати пришли, этого нельзя отрицать; вы явились на сцену какъ древнее божество, именно въ пору, чтобъ спасти мнѣ жизнь.

— Несчастный! воскликнула Маргерита, схвативъ мужа за руку. — Какъ вы не видите, что ничто не спасено — ни свобода, ни корона, ни жизнь ваша?.. Слѣпой! Безумный! Вы приняли письмо мое за простое назначеніе свиданія? Вы думали, что Маргерита, оскорбленная вашею холодною, хотѣла поправить дѣла?

— Признаюсь, отвѣчалъ Генрихъ, удивляясь.

Маргерита пожала плечами съ неизъяснимымъ выраженіемъ.

Въ эту минуту послышалось, что кто-то царапаетъ за потаенною дверью.

Маргерита увлекла короля къ этой двери.

— Слушайте, сказала она.

— Королева-мать выходитъ изъ своихъ комнатъ! прошепталъ испуганный голосъ. Генрихъ сейчасъ же узналъ по немъ г-жу де-Совъ.

— Куда идетъ она? спросила Маргерита.

— Къ вашему величеству.

Удаляющійся шумъ шелковаго платья извѣстилъ, что г-жа де-Совъ ушла.

— О! проговорилъ Генрихъ.

— Я была въ этомъ увѣрена, сказала Маргерита.

— Я тоже этого боялся, прибавилъ Генрихъ: — и вотъ доказательство.

Быстро открылъ онъ свой черный бархатный камзолъ, и Маргерита увидѣла, что на немъ надѣта тонкая стальная кольчуга; длинный миланскій кинжалъ блеснулъ въ рукъ его, какъ змѣя на солнцѣ.

— Очень-нужны тутъ кинжалъ и латы, воскликнула Маргерита. — Спрячьте его. Королева идетъ, это правда; но она одна.

— Однакоже...

— Это она, я слышу; тише.

И она шепнула что-то на ухо Генриху. Генрихъ сейчасъ же спрятался за пологомъ кровати.

Маргерита съ быстротою молніи бросилась къ кабинету, гдѣ была ла-Моль, отворила дверь, и, схвативъ его въ темнотѣ за руку, сказала:

— Молчаніе! молчаніе!

Возвратившись въ свою комнату, она распустила свою прическу, разрѣзала кинжаломъ всѣ шнурки одежды и бросилась къ себѣ на постель.

Ключъ уже ворочался въ это время въ замкъ. У Екатерины были ключи ко всѣмъ дверямъ въ Лувръ.

— Кто тамъ? спросила Маргерита, между-тѣмъ, какъ королева-мать ставила у дверей четырехъ караульныхъ, пришедшихъ съ нею.

Маргерита, какъ-будто испугавшись такого неожиданнаго посѣщенія, выскочила изъ-за занавѣсъ въ бѣломъ пеньюарѣ, и увидѣвъ Катерину, подошла поцаловать ей руку съ такимъ выраженіемъ удивленія, что обманула даже Флорентинку.

VII.

ВТОРАЯ СВАДЕБНАЯ НОЧЬ.

Королева-мать оглянулась быстро. Бархатныя туфли лежали возлѣ кровати, платья Маргериты были разбросаны по стульямъ, сама она протирала глаза; все это увѣрило Катерину, что дочь ея спала, когда она пришла.

Катерина улыбнулась, какъ женщина, достигнувшая своей цѣли, и, подвигая кресло, сказала:

— Сядемъ и поговоримъ, Маргерита.

— Я васъ слушаю.

— Пора, сказала Катерина, томно закрывая глаза, какъ человекъ, погруженный въ глубокое размышленіе или старающійся притвориться: — пора тебѣ понять, Маргерита, сколько братъ твой и я желаемъ твоего счастья.

Начало было ужасно для того, кто зналъ Катерину.

— Что-то она мнѣ скажетъ? подумала Маргерита.

— Конечно, выдавая тебя замужъ, продолжала Флорентинка:— мы исполнили требованіе политики. Важные интересы часто заставляютъ правителей дѣйствовать такъ, а не иначе. Но, признаюсь, мы не думали, чтобъ отвращеніе короля наваррскаго къ молодой, прекрасной, обольстительной Маргеритѣ было до такой степени глубоко.

Маргерита встала и, закрывая на себѣ ночное платье, сдѣлала матеря торжественный реверансъ.

— Я только сегодня вечеромъ узнала, сказала Катерина:— иначе я неговорила бы съ тобою раньше, — что мужъ твой и не думаетъ исполнять своей обязанности въ-отношеніи къ хорошему женщину, и еще болѣе, въ-отношеніи къ французской принцессѣ.

Маргерита вздохнула; Катерина, ободренная этимъ цѣлымъ согласіемъ, продолжала:

— Дѣйствительно, король наваррскій публично содержитъ одну изъ моихъ фрейлинъ, обожаетъ ее до непристойности и презираетъ любовь женщины, съ которою благоволили его соединить; это несчастіе, котораго мы, бѣдные всемогущіе, не можемъ отвратить, но за которое послѣдній дворянинъ въ королевствѣ наказалъ бы его, вызвавъ его лично, или велѣвъ вызвать его своему сыну.

Маргерита склонила голову.

— Уже давно замѣтила я по твоимъ краснымъ глазамъ, по горькимъ вздохамъ твоимъ при видѣ г-жи де-Совъ, что сердечная рана твоя, не смотря на весь усилія, не можетъ зажить.

Маргерита вздрогнула; пологъ кровати слегка заколебался; но, къ-счастью, Катерина этого не замѣтила.

— Эту рану, продолжала она съ возрастающею нѣжностью: — эту рану должна вылечить рука матери. Тѣ, которые, думая составить твое счастье, выдали тебя замужъ и заботятся о тебѣ, замѣчаютъ, что Генрихъ-Наваррскій каждую ночь попадаетъ не въ ту комнату: тѣ, которые не могутъ допустить, чтобъ такой корешка ежеминутно оскорблялъ твое званіе презрѣніемъ къ тебѣ и совершенною беззаботностью на-счетъ потомства; тѣ, наконецъ, которые видятъ, что при первомъ благопріятномъ случаѣ этотъ дерзкій человекъ вооружится противъ нашей фамиліи и выгонитъ тебя изъ своего дома,—не имѣютъ ли они права предупредить его и упрочить твою будущность достойнымъ тебя образомъ?

— Не смотря на эти замѣчанія, отвѣчала Маргерита: — полныя материнской любви и которыя я вполне умѣю цѣнить, позвольте мнѣ замѣтить, что король наваррскій мужъ мой.

Катерина сдѣлала жестъ негодованія, и, приблизившись къ Маргеритѣ, сказала:

— Онъ твой мужъ! Да развѣ для того, чтобъ быть мужемъ и женой, достаточно, чтобъ васъ благословила церковь, и развѣ освященіе этого союза заключается только въ словахъ священника? Онъ твой мужъ! Да! еслибъ ты была г-жа де-Совъ, ты могла бы сдѣлать мнѣ такой отвѣтъ. Но, противъ нашего ожиданія, съ-тѣхъ-дору, какъ ты дала Генриху-Наваррскому право называть тебя своею женою, онъ отдалъ права жены другой, и въ эту самую минуту, продолжала Катерина, возвышая голосъ:—пойдемъ, пойдемъ со мною! Этотъ ключъ открываетъ дверь въ комнату г-жи де-Совъ, тамъ ты увидишь.

— О, тише! пожалуйста, тише! сказала Маргерита:—вы не только ошибаетесь, но...

— Но?

— Не разбудите еще моего мужа.

Съ этими словами, Маргерита встала съ сладострастною граціей и подлесши свѣчу изъ розоваго воска къ постели, она откинула пологъ и указала пальцемъ на гордый профиль, черные волосы и незакрытый ротъ короля наваррекаго; онъ спалъ, казалось, глубоко съномъ.

Блѣдная, съ помутившимся взоромъ, отступивъ на шагъ, какъ-будто передъ ней раскрылась пропасть, Катерина не вскрикнула, а какъ-то глухо простонала.

— Вы видите, что до васъ дошли ложныя извѣстія, сказала Маргерита.

Катерина бросила взглядъ на Маргериту, потомъ на Генриха. Она соединила въ умъ своемъ этотъ блѣдный лобъ, эти глаза, окруженные легкимъ желтоватымъ кругомъ, съ улыбкою Маргериты, и закусил тонкія губы свои въ нѣмой ярости.

Маргерита позволила матери смотрѣть нѣсколько минутъ на эту картину, производившую на нее дѣйствіе головы Медузы. Потомъ опустила занавѣсъ, и на цыпочкахъ подошла къ Катеринѣ:

— И такъ, вы говорили?.. сказала она, садясь на свое мѣсто.

Флорентинка нѣсколько минутъ наблюдала эту наивность молодой женщины; потомъ, какъ-будто острые взоры ея притупились о спокойствіе Маргериты, и она отвѣчала:

— Ничего.

И большими шагами вышла изъ комнаты.

Какъ-только шумъ шаговъ затихъ въ отдаленіи, пологъ кровати снова раскрылся, и Генрихъ, съ сверкающимъ взоромъ, спертымъ дыханіемъ, дрожащею рукою, — сталъ на колѣни передъ Маргеритою. На немъ были только броня и кольчуга, такъ-что Маргерита, держащая ему руку отъ всего сердца, не могла не засмѣяться его костюму.

— Чѣмъ я васъ отблагодарю, Маргерита?

И онъ началъ целовать ея руку, и поцелуи начали восходить къ плечу.

— Не-уже-ли вы забыли, сказала она, тихо отступая:— что въ этотъ самый часъ блѣдая женщина, которой вы обязаны жизнью, страдаетъ за васъ? Г-жа де-Совъ, прибавила она въ-полголоса:— принесла въ жертву свою ревность и прислала васъ ко мнѣ, — а вы жертвуете ревностью она, можетъ-быть, пожертвуетъ и жизнью. Вы лучше встѣхъ извѣстно, что гнѣвъ моей матери ужасенъ.

Генрихъ раздрогнулъ, всталъ и хотѣлъ выйти.

— Нѣтъ! сказала Маргерита съ удивительнымъ кокетствомъ.— Безпокойтесь, впрочемъ, моего. Ключъ вамъ вручили безъ всяка-

го наставленія. Подумаютъ, что вы просто на этотъ вечеръ предпочли меня.

— И я васъ предпочитаю, Маргерита; согласитесь только забыть...

— Тише! пожалуйста, тише! прервала его королева, парадирова слова, сказанныя ею за нѣсколько минутъ матери.— Васъ слышать изъ кабинета, и такъ-какъ я еще не совсѣмъ-свободна, то и пишу васъ говорить не такъ громко.

— О! сказалъ Генрихъ, полусмѣясь.— Это правда; я и забылъ, что, вѣроятно, не мнѣ назначено доиграть конецъ этой занимательной сцены. Этотъ кабинетъ...

— Войдемте туда, сказала Маргерита. — Я хочу имѣть честь представить вашему величеству храбраго дворянина, раненнаго во время убійствъ; онъ пришелъ даже въ Лувръ, чтобъ извѣстить васъ объ угрожающей вамъ опасности.

Королева подошла къ двери. Генрихъ шелъ за женою. Дверь отворилась, и Генрихъ остановился въ изумленіи, увидя мужчину въ этомъ кабинетѣ, предназначенномъ для всѣхъ неожиданностей.

Ла-Моль былъ пораженъ еще болѣе, неожиданно очутившись передъ королемъ наваррскимъ. Генрихъ иронически взглянулъ на Маргериту; она глядѣла на него равнодушно.

— Дошло до того, сказала Маргерита: — что я боюсь, какъ бы не убили его даже въ моей комнатѣ. Онъ въ вашей службѣ, и я взяла его подъ свое покровительство.

— Ваше величество! сказалъ молодой человѣкъ.— Я графъ Леракъ де-ла-Моль, котораго вы ждали и котораго рекомендовалъ вамъ несчастный Телиньи, убитый возлѣ меня.

— Да! отвѣчалъ Генрихъ.— Королева вручила мнѣ письмо. Но у васъ должно быть еще письмо отъ лангедокскаго губернатора.

— Такъ точно, ваше величество. Мнѣ вельно отдать вамъ его немедленно по приѣздѣ.

— Зачѣмъ же вы не отдали?

— Я пришелъ въ Лувръ вчера ввечеру; но ваше величество были заняты и не могли принять меня.

— Правда. Но почему же вы не переслали письмо черезъ другаго?

— Д'Оріакъ приказалъ мнѣ отдать его вамъ лично. Въ немъ, сказалъ онъ:—заключается такое важное извѣстіе, что его нельзя довѣрить обыкновенному посланному.

— Да, сказалъ король, читая письмо:—онъ увѣдомляетъ меня, чтобъ я оставилъ дворъ и удалился въ Беарнъ. Д'Оріакъ, не смотря на то, что католикъ, мой добрый пріятель; какъ губернаторъ, онъ, конечно, узналъ, что затѣваютъ. *Ventre-saint-gris!* Какъ-таки не отдать мнѣ этого письма дня три тому назадъ!

— Я уже имѣлъ честь доложить вашему величеству, что при всей воспышности я прїѣхалъ только вчера.

— Досадно, досадно! возразилъ Генрихъ:—теперь мы были бы уже въ безопасности въ ла-Рошелль, или гдѣ-нибудь въ чистомъ волѣ съ двумя или тремя тысячами конницы.

—Что сдѣлано, то сдѣлано, сказала Маргерита въ-полголоса:—и нѣсто того, чтобъ терять время, жалѣя о прошедшемъ, не лучше ли употребить его съ возможною пользою для будущаго?

— А вы на моемъ мѣстѣ имѣли бы какую-нибудь надежду? сказалъ Генрихъ съ вопрошающимъ взглядомъ.

— Да, конечно, я считала бы дѣло за игру въ три взятки, изъ которыхъ проиграна еще только одна.

— А! сказалъ Генрихъ тихо:—еслибъ я былъ увѣренъ, что вы со мною въ половинѣ!

— Еслибъ я хотѣла пристать къ вашимъ противникамъ, кажется, я не ждала бы такъ долго.

— Это правда, отвѣчалъ Генрихъ:— я неблагоприятенъ, и, какъ вы говорите, все можно поправить еще теперь.

— Желая вашему величеству всевозможнаго счастья, сказалъ ла-Моля:—но теперь у насъ нѣтъ уже адмирала.

Генрихъ улыбнулся съ лукавою миною простолюдина, которую носили при дворѣ только тогда, когда онъ сдѣлался французскимъ королемъ.

— Но, продолжалъ онъ, внимательно глядя на ла-Моля и обращаясь къ Маргеритѣ:— онъ не можетъ оставаться здѣсь, не безпокоя васъ до крайности, и его каждую минуту могутъ открыть. Что вы намѣрены съ нимъ сдѣлать?

— Нельзя ли его удалить изъ Лувра? Я съ вами совершенно-согласна.

— Это трудно.

— Нельзя ли найти ему мѣсто въ домѣ вашего величества?

— Вы говорите, какъ-будто я все еще король гугенотовъ и, въ особенности, какъ-будто у меня есть еще народъ. Вы знаете, что я въ половину обратился.

Всякая другая воспышшила бы сказать: онъ католикъ. Но королева хотѣла заставить Генриха попросить ее о томъ, чего сама желала. Что касается до ла-Моля, то онъ, видя, что Маргерита молчитъ на-счетъ его католицизма и не зная куда ступить на скользкой придворной почвѣ, тоже молчалъ.

— Что же это, сказалъ Генрихъ, снова пробѣгая письмо:—про-мисскій губернаторъ пишетъ, что мать ваша была католичка, и что по этому-то онъ къ вамъ такъ и привязанъ.

— Да и мнѣ, сказала Маргерита:—говорили вы объ обѣтѣ перет-

мѣнить религію. Я что-то неясно помню; объяснитесь, граф. Кажется, и вы этого хотѣли и король желаетъ.

— Да. Но ваше величество такъ холодно приняла слова и сказала ла-Молю, что я не смѣлъ...

— Это потому-что дѣло вовсе до меня не касается. Объясните его королю.

— Говорите, что это за обѣтъ? спросилъ Генрихъ.

— Меня преслѣдовали убійцы, сказала ла-Молю. Я былъ оруженъ, полумертвъ отъ этихъ двухъ ранъ; мнѣ почудилась, что тѣнь моей матери, съ крестомъ въ рукахъ, указываетъ мнѣ дорогу къ Лувру. Тогда я далъ обѣтъ, что если спасусь, приму крестъ моей матери, которой Богъ позволилъ выйти изъ могилы, чтобъ быть моею путеводительницею въ эту ужасную ночь. Богъ привелъ меня сюда. Здѣсь мнѣ покровительствуютъ король и королева наваррскіе. Жизнь моя спасена чудеснымъ образомъ. Мне остается только исполнить обѣтъ. Я готовъ сдѣлаться католикомъ.

Генрихъ нахмурилъ брови. Будучи скептикомъ, онъ очень внималъ, какъ можно отречься по расчету, но сильно сомнѣвался въ отреченіи въ слѣдствіе вѣры.

— Король не хочетъ принять подъ свое покровительство моего кліента, подумала Маргерита.

Ла-Молю чувствовалъ свое неловкое и смѣшное положеніе. Маргерита, съ женскою ловкостью, избавила его отъ этой непріятности.

— Мы забыли, сказала она:—что раненному нуженъ отдыхъ. Сама чуть держусь на ногахъ. Видите; онъ блѣднѣетъ?

Дѣйствительно, ла-Молю блѣднѣлъ. Но онъ блѣднѣлъ отъ словъ Маргериты, которыя изъяснилъ по-своему.

— Что жъ! сказалъ Генрихъ:— это очень-просто. Развѣ мы не можемъ оставить ла-Моля?

Молодой человѣкъ устремилъ на Маргериту умоляющій вѣзръ, и не смотря на присутствіе двухъ вѣнчаныхъ особъ, съелъ, лишивъ всѣхъ смѣль.

Маргерита поняла любовь этого взгляда и отчаяніе движенія.

— Вамъ слѣдуетъ оказать этому молодому человѣку, который рисковалъ жизнью за короля, спѣша сюда уведомить васъ о смерти адмирала и Телины, когда самъ былъ раненъ,—вамъ слѣдуетъ оказать ему, говорю я, честь, за которую онъ останется благодарнымъ на всю жизнь.

—Что такое? спросилъ Генрихъ.—Прикажите, я готовъ исполнить.

— Ла-Молю проведетъ эту ночь у ногъ вашего величества; вы будете спать вѣтъ здѣсь. Я, съ позволенія моего супруга, позволю Гильйонну и лягу у себя; увѣряю васъ, я устала не меньше другихъ.

Генрихъ былъ уменъ, можетъ-быть даже слишкомъ; друзья и враги обвиняли его въ этомъ въ-послѣдствіи времени. Онъ понялъ, что Маргерита, изгоняя его изъ супружескаго ложа, имѣла на это право въ-слѣдствіе его собственнаго къ ней равнодушія. Кроме-того, Маргерита отмстила ему за это равнодушіе спасеніемъ его жизни. Отвѣтъ его былъ не самолюбивъ.

— Великъ ла-Моль былъ въ состояніи перейти ко мнѣ въ комнату, я предложилъ бы ему собственную постель.

— Да, отвѣчала Маргерита: — только ваша комната не можетъ служить вамъ защитою, и благоразуміе требуетъ, чтобъ ваше величество пробыли здѣсь до утра.

Не дожидаясь его отвѣта, она позвала Гильйонну, велѣла приготовить ему подушки и въ ногахъ его постлать постель ла-Молю, который былъ такъ доволенъ этой честью, что можно было побойться, что раны его зажили.

Маргерита поклонилась королю и, возвратясь въ свою комнату, зашнуровала всѣ двери и легла.

— Завтра, подумала она:—ла-Моль долженъ имѣть покровителя въ Луврѣ, и тотъ, кто сегодня притворяется глухимъ, завтра будетъ раскаяваться.

Потомъ она дала Гильйоннѣ знакъ подойти.

— Гильйонна, сказала она:—надо, чтобъ завтра, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, братъ мой д'Алансонъ пришелъ сюда до восьми часовъ.

Два часа пробило во дворцѣ.

Ла-Моль поговорилъ съ королемъ немного о политическихъ событіяхъ. Генрихъ скоро заснулъ и храпѣлъ, какъ-будто спалъ на своей кожаной беарнискій постели.

Ла-Моль заснулъ бы, можетъ-быть, не хуже короля, но Маргерита не спала; она ворочалась съ-боку-на-бокъ, и этотъ шумъ мешалъ ему заснуть.

— Онъ такъ молодъ, говорила Маргерита среди своей бессонницы:—онъ такъ робокъ; можетъ-быть, даже,—это любопытно,—онъ будетъ смѣшонъ; а впрочемъ у него прекрасные глаза... и чувственная талія. Что, если онъ трусь! — Онъ бѣжалъ... теперь онъ раскаивается... досадно; а начало было недурно. Пусть же дѣлаются своими порядкомъ; предоставимъ ихъ тройному божеству этой душеньки Анриэтты.

И къ утру Маргерита заснула, шепча: Eros, Cupido, Amor.

Воля женщины — воля судьбы.

Маргерита не обманулась: злость, пробужденная въ сердце Катерины этою комедіей, которой завязку она видѣла, по развѣ которой измѣнить не могла, должна была излиться на кого бы ни было. Катерина пошла не домой, а прямо къ г-жѣ де-Совѣ.

Шарлотта ждала двухъ: думала, не прійдетъ ли Генрихъ, — боялась, чтобъ не пришла Катерина. Она лежала въ постели поодѣтая; Дарьиола сторожила; вдругъ она услышала, что поворачаютъ ключомъ въ замкъ. Потомъ раздались тяжелые шаги, медленно ступавшіе по коврамъ. Это не была легкая, поспѣшная походка Генриха. Шарлотта боялась, какъ бы не помѣшали Дарьио прійти извѣстить ее; она ждала, облокотясь на руку и прислушиваясь.

Поднялась занавѣсъ, и передъ испуганною женщиною явилась Катерина.

Катерина, по-видимому, была спокойна; но г-жа де-Совѣ, привыкшая наблюдать за нею въ продолженіи двухъ лѣтъ, тотчасъ увидѣла, сколько мрачныхъ мыслей и, можетъ-быть, жестокаго мнѣнія скрывается подъ такою оболочкою.

Увидѣвъ Катерину, она хотѣла прыгнуть съ постели; но королева сдѣлала ей пальцемъ знакъ остаться, и бѣдная Шарлотта осталась какъ прикованная къ своему мѣсту. Она собиралась всѣми силами души встрѣтить приближающуюся бурю.

— Переслали вы ключъ королю наваррскому? спросила Катерина безъ малѣйшаго измѣненія въ голосъ. Только губы ея поспѣшно бѣгали больше и больше.

— Переслала, ваше величество, отвѣчала г-жа де-Совѣ, напоисно стараясь придать своему голосу такую же твердость.

— И вы его видѣли?

— Кого? спросила Шарлотта.

— Короля наваррскаго.

— Нѣтъ, ваше величество; но я его жду; я даже думала, что это онъ, когда услышала, что отмыкаютъ дверь.

При этомъ отвѣтѣ, обличавшемъ въ г-жѣ де-Совѣ или совершенную невинность, или глубокое притворство, Катерина невольно дрожала. Пухлая, короткая кисть ея руки скорчилась.

— А между-тѣмъ, ты очень-хорошо знала, сказала она съ своею злобною улыбкой: — ты очень-хорошо знала, Carlotta, что король наваррскій не прійдетъ сегодня ночью.

— Я это знала? воскликнула Шарлотта съ превосходно-разъяснительнымъ изумленіемъ.

— Да, знала.

— Если онъ не прійдетъ, возразила молодая женщина, вздрогнувъ отъ одного такого предположенія: — значить, онъ умеръ.

Шарлотта агала отважно: она знала, что страшное мщеніе ждетъ ее, если откроютъ ея маленькую измѣну.

— Ты, ты не писала королю наваррскому, Carlotta mia? спросила Катерина съ тою же молчаливою и злою улыбкой.

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчала Шарлотта очень-наивно: — вы, помнится, и не приказывали этого.

Съ минуту продолжалось молчаніе. Катерина глядѣла на г-жу де-Совь, какъ змѣя глядитъ на птичку, которую хочетъ обморочить.

— Ты думаешь, что ты хороша собою, сказала она потомъ: — думаешь, что очень-ловка, не правда ли?

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчала Шарлотта: — я знаю только, что вы бывали ко мнѣ очень-снисходительны, когда дѣло касалось моей красоты и ловкости.

— Такъ знай же, сказала Катерина, одушевляясь: — что ты ошибалась, если думала это, и что я агала, если говорила тебѣ это; ты глупа и глупа въ-сравненіи съ моею дочерью, Марго.

— Это правда, отвѣчала Шарлотта: — я не осмѣлюсь этого отказать, особенно передъ вами.

— И король наваррскій предпочитаетъ дочь мою, продолжала Катерина. — Кажется, ты не этого хотѣла, и не такъ мы условились?

Шарлотта заплакала на этотъ разъ безъ принужденія.

— Я очень-несчастлива, если это правда, сказала она.

— Это такъ, сказала Катерина, вонзая въ Шарлотту взоры свои, какъ двойной кинжалъ.

— Но почему же вы такъ думаете? спросила г-жа де-Совь.

— Ступай къ королеву наваррской, разза, и ты увидишь, что твой любезный тамъ.

Шарлотта вздохнула.

Катерина пожала плечами.

— А что, ты ревнива? спросила королева.

— Я? отвѣчала Шарлотта, призывая на помощь всѣ силы души, готовая покинуть ее.

— Да, ты! Любопытно бы мнѣ посмотрѣть на ревность Француженки.

— Но какъ вы хотите, ваше величество, чтобъ я ревновала не къ самолюбію? я люблю короля наваррскаго сколько нужно для славы вашего величества.

Катерина посмотрела на нее задумчиво.

— Да, может-статься, ты говоришь и правду, сказала она.

— Ваше величество читаете въ моемъ сердцѣ.

— И это сердце мнѣ предано?

— Прикажіте, и вы увидите.

— Ну! если ты готова пожертвовать собою для меня, Шарлотта мнѣ надо, чтобъ ты все еще была очень влюблена въ Герриха, главное, очень-ревнива, ревнива какъ Итальянка.

— Но какъ же Итальянки бываютъ ревнивы?

— Я тебѣ это скажу, отвѣчала Катерина и вышла такъ же медленно и неслышно, какъ и вошла.

Шарлотта, встревоженная свѣтлымъ взглядомъ этихъ глазъ острыхъ и сверкающихъ какъ глаза кошки, не произнесла ни слова; она даже не смѣла почти дышать и вдохнула только, услышавъ уже, что дверь опять затворилась и когда Дарьяола пришла сказать ей, что страшное видѣніе действительно нечеловѣчно.

— Дарьяола, сказала Шарлотта:—придвинь ко мнѣ кресло и переночуй на немъ воякъ меня. Мнѣ страшно остаться одной.

Дарьяола повиновалась; но, не смотря на близость служанки свѣтъ лампы, которую она не велѣла гасить, Шарлотта тоже заснула только съ разсвѣтомъ. Металлическій гудосъ Катерины безпрестанно раздавался у нея въ ушахъ.

Маргерита, хотя и заснула уже на зарѣ, пробудилась при первомъ звукѣ трубъ и лае собакъ. Она цѣлѣнно встала и начала надѣвать шегольской утренній костюмъ. Она позвала своихъ служанокъ и велѣла впустить обыкновенныхъ придворныхъ короля наваррскаго. Потомъ, отворивъ дверь, за которою были заключены король и де-ла-Мель, взоромъ приветствовала де-ла-Мель и сказала своему мужу:

— Этого мало, что мы увѣрили мать мою въ томъ, чего итѣмъ вы должны еще увѣрить весь свой дворъ въ нашемъ совершенномъ согласіи. Но успокойтесь, прибавила она смѣясь:—и не забудьте словъ моихъ, которымъ обстоятельства придадутъ торжественное значеніе. Сегодня я въ послѣдній разъ подвергаю васъ этому жестокому испытанію.

Король наваррскій улыбнулся и приказалъ ввести придворныхъ.

Когда они желали ему добраго утра, онъ какъ-будто тогда только замѣтилъ, что плащъ его остался на постели королевы. Онъ извинился, что принимаетъ ихъ такъ за-просто, взявъ плащъ изъ рукъ покрасившей Маргериты и пристегнулъ его къ плечу. Потомъ, обращаясь опять къ придворнымъ, спросилъ, что новаго.

Маргерита тайкомъ замѣчала, какое удивленіе вызоветъ на ли

на присутствующих эта короткость ее с Генрикомъ. Въ это время вошелъ швейцаръ съ двумя или тремя дворянами, и доложилъ о приездѣ герцога д'Алансона.

Гильионнъ стояло только извѣстять его, что король наваррскій привалъ ночь у Маргериты.

Франсуа вошелъ такъ быстро, что чуть не сбилъ съ ногъ тѣхъ, которые шли передъ нимъ. Первый взглядъ его былъ брошенъ на Генриха; только второй достался на долю Маргериты.

Генрихъ отвѣчалъ ему лживымъ поклономъ. На лицѣ Маргериты выразилось совершеннѣйшее спокойствіе.

Герцогъ окинулъ комнату наблюдательнымъ взоромъ. Онъ замѣтилъ, что постель въ безпорядкѣ, подушки смяты, шляпа короля брошена на стулъ.

Онъ поблѣднѣлъ, но оправился въ ту же минуту.

— Придете вы играть сегодня съ королемъ, Генрихъ? спросилъ онъ.

— Король дѣлаетъ мнѣ честь приглашаетъ меня? спросилъ Генрихъ: — или вы отъ себя спрашиваете?

— Нѣтъ; король объ этомъ не говорилъ, сказалъ герцогъ въ изыскательствѣ. — Но вѣдь вы всегда съ нимъ играете.

Генрихъ улыбулся. Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ въ послѣдній разъ игралъ съ королемъ, произошло такъ много важнаго, что несколько не было бы удивительно, еслибъ Карлъ перемѣнилъ своихъ партнеровъ.

— Прийду, отвѣчалъ Генрихъ улыбаясь.

— Приходите, сказалъ герцогъ.

— Вы уже идете? спросила Маргерита.

— Да, сестрица.

— Развѣ вамъ некогда?

— Нѣкогда.

— Но если я васъ остановлю на несколько минутъ?

Подобная просьба отъ Маргериты была такая рѣдкость, что братъ смотрѣлъ на нее то блѣднѣя, то краснѣя.

— Что-то она ему скажетъ? подумалъ Генрихъ, удивленный поведениемъ герцога.

Маргерита, какъ-будто отгадавъ мысль своего мужа, обратилась къ нему.

Вы можете идти къ его величеству, сказала она съ очаровательною улыбкою. — Тайна, которую я хочу открыть моему брату, вамъ уже извѣстна; вы уже отказались вчера отъ исполненія моей просьбы по этому предмету. Я не хочу надѣлать вамъ повтореніемъ прошлой просьбы, которая была, кажется, вамъ неприятна.

— Что такое? спросилъ Франсуа, глядя на обонхъ съ удивленіемъ.

— А! воскликнулъ Генрихъ, краснѣя отъ досады.—Я знаю, чтѣ вы хотите сказать. Право, мнѣ жаль, что я не живу больше свободы. Я не могу предложить г. де-ла-Молю покровительства, которое нисколько его не защититъ; я не прочь, однакоже, рекомендовать послѣ васъ герцогу человека, въ которомъ вы принимаете такое участіе. Можетъ-быть, прибавилъ онъ, чтобъ придать еще больше силы этимъ словамъ:—можетъ-быть, герцогъ найдетъ даже удобнымъ, чтобъ ла-Моль остался... здѣсь... вблизи васъ... это будетъ лучше всего, не правда ли?

— Прекрасно, подумала Маргерита:—вдвоемъ они сдѣлаютъ то, чего не хочетъ сдѣлать ни одинъ изъ нихъ самъ-по-себѣ.

Она велѣла отворить дверь кабинета, позвать раненнаго, и обратилась къ Генриху:

— Вы должны объяснить брату, почему мы интересуемся г-мъ де-ла-Молемъ.

Генрихъ, попавъ въ сѣлокъ, въ двухъ словахъ разсказалъ д'Алансону, полупротестанту изъ оппозиціи, такъ же, какъ самъ онъ былъ полукатоликъ изъ благоразумія, какъ де-ла-Моль пріѣхалъ въ Парижъ, привезъ ему письмо отъ д'Орлюка и былъ раненъ.

Когда герцогъ обернулся, ла-Моль, вышедшій между-тѣмъ изъ кабинета, стоялъ передъ нимъ.

Франсуа, увидѣвъ передъ собою блѣднаго, красиваго молодого человека, вдвойнѣ-увлекательнаго красотою и блѣдностью, почувствовалъ новыя опасенія въ глубинѣ своего сердца.

Маргерита разомъ задѣла его ревность и самолюбіе.

— Я ручаюсь, сказала она: — что этотъ молодой человекъ будетъ полезенъ тому, кто сумѣетъ употребить его въ дѣло. Если вы его пріймете къ себѣ, онъ найдетъ въ васъ могучаго начальника, а вы въ немъ вѣрнаго слугу. Въ настоящее время, не худо окружать себя приверженцами, особенно, прибавила она такъ тихо, что ее могъ слышать только герцогъ:—кто честолюбивъ и имѣетъ несчастіе быть только третьимъ изъ французскихъ принцевъ.

Она приложила къ губамъ палецъ, желая дать знать герцогу, что не договорила еще важнѣйшей части своей мысли.

— Кромѣ того, прибавила она: — можетъ-быть, вы не найдете удобнымъ, какъ думаетъ Генрихъ, чтобъ этотъ молодой человекъ оставался такъ близко отъ моей комнаты...

— Сестрица, живо отвѣчалъ герцогъ: — если ла-Молю только угодно, онъ черезъ полчаса будетъ переведенъ ко мнѣ, гдѣ ему, кажется, нѣчего опасаться. Лишь-бы онъ меня любилъ, я буду его любить.

Франсуа лгалъ, потому-что въ глубинѣ своего сердца ненавидѣлъ уже ла-Моля.

— Хорошо; значитъ, я не ошиблась, проговорила Маргерита, видя, что Генрихъ нахмурилъ брови. — Чтобъ вести васъ куда угодно, надо водить одного посредствомъ другаго. Анриетта похвалить меня.

Черезъ полчаса, ла-Моль, получивъ наставленія отъ Маргериты и поцаловавъ край ея платья, выходилъ довольно-легко для рваннаго по лѣстницъ, ведущей въ отдѣленіе д'Алансона.

Прошло два-три дня. Согласіе между Генрихомъ и его женою устанавливалось, по-видимому, все болѣе и болѣе. Генриху позволили не отречься всенародно, но онъ отрекся въ-присутствіи королевскаго духовника и каждое утро посѣщалъ мессу въ Лувръ. Ввечеру онъ при всѣхъ уходилъ въ комнату жены, говорилъ съ нею нѣсколько минутъ и потомъ уходилъ черезъ потайную дверь къ г-жѣ де-Севъ, которая извѣстила его о посѣщеніи Катерины и о грозившей ему опасности. Генрихъ, получая свѣдѣнія съ двухъ сторонъ, удивлялъ осторожность въ-отношеніи королевскато матери, тѣмъ болѣе, что лицо ея начало по-немногу проясняться. Онъ замѣтилъ даже однажды утромъ на блѣдныхъ губахъ ея благосклонную улыбку. Въ этотъ день, онъ только съ величайшими усиліями рѣшился съѣсть что-нибудь, кромѣ яицъ, которыя самъ приказалъ сварить, и пилъ только воду, которую при немъ доставили изъ Сены.

Убійства продолжались, хотя уже и съ меньшимъ жаромъ. Гугенотовъ истребили такое множество, что ихъ почти уже не оставалось. Большая часть была убита, многіе бѣжали, нѣкоторые спрятались. Отъ-времени-до-времени въ разныхъ частяхъ города подымалась тревога: это значило, что отыскивали какого-нибудь гугенота. Убійство совершалось больше или меньше всенародно, смотря по тому, гдѣ бывалъ отысканъ несчастный: въ какомъ-нибудь углу безъ выхода, или въ такомъ мѣстѣ, откуда могъ бѣжать. Въ послѣднемъ случаѣ, это было торжество для всего квартала; католики, вмѣсто того, чтобъ насытиться истребленіемъ враговъ, стали еще кровожаднѣе, и чѣмъ меньше оставалось жертвъ, тѣмъ жесточе они ихъ преслѣдовали.

Карлу очень полюбилась охота за гугенотами. Когда онъ не могъ уже охотиться самъ, онъ наслаждался, прислушиваясь къ шуму чужой охоты.

Однажды, возвращаясь отъ игры, онъ вошелъ къ матери съ радостною физиономіею, въ сопровожденіи своихъ придворныхъ.

— Матушка, сказалъ онъ, цалуя Флорентинку, которая между-тѣмъ уже силлась разгадать его радость: — славная новость! Знаете ли что? Знаменитый трупъ адмирала, который считали уже пропавшимъ, найденъ.

— Право? спросила Катерина.

— Да. Вы думали, такъ же, какъ и я, что собаки его съѣли! Начуть не бывало! Мой добрый народецъ выдумалъ славную шутку: онъ повѣсилъ его на монфоконской висѣлицѣ.

De haut en bas Gaspard on a jeté,
Et puis de bas en haut on l'a monté.

— Чтò жъ изъ этого? спросила Катерина.

— Мнѣ ужасно хочется увидѣть его еще разъ мертвымъ, сказалъ Карлъ. — Погода теперь прекрасная; все какъ-будто цвѣтеть. Воздухъ свѣжъ и ароматенъ, да и самъ я здоровъ, какъ никогда еще не былъ. Хотите, матушка, съѣздить въ Монфокошь?

— Я поѣхала бы охотно, только я назначила свиданіе, котораго не хотѣлось бы отложить. Да и кромѣ того, отправляясь посѣтить столь важную особу, какъ адмиралъ, я должна взять съ собою весь дворъ. Наблюдатели могутъ при этомъ случаѣ сдѣлать любопытнымъ наблюденія. Мы увидимъ, кто поведетъ и кто останется.

— Вы правы; отложимъ это до завтра,—оно лучше. Такъ пригласите же кого угодно, а я приглашу своихъ... или нѣтъ, лучше не приглашать никого. Скажемъ только, что ѣдемъ туда; тогда всякій будетъ воленъ ѣхать съ нами или нѣтъ. Прощайте, матушка; пойду потрубить въ рогъ.

— Ты истомишься, Карлъ. Амбруазъ Парé безпрестанно твердитъ тебѣ это, и онъ правъ. Это занятіе тебѣ не по силамъ.

— Ва! ба! отвѣчалъ Карлъ. — Я очень былъ бы радъ, еслибъ зналъ навѣрное, что умру только отъ этого. Тогда я похоронилъ бы всѣхъ, и даже Ганрію, который, какъ увѣряетъ Нестрадамъ, будетъ моимъ наследникомъ.

Катерина нахмурила брови.

— Не вѣрь, сынъ мой, сказала она: — вещамъ по-видимому невозможнымъ, а между-тѣмъ береги себя.

— Я съиграю только двѣ-три пѣсни; надо же повеселить собакъ; бѣднѣжки, какъ не околѣютъ отъ скуки! Ихъ надобно бы пустять на гугенота: это ихъ позабавитъ.

Карлъ вышелъ отъ матери, пришелъ въ свой оружейный кабинетъ, взялъ рогъ и затрубилъ такъ сильно, что это сдѣлало бы честь самому Роланду. Непонятно, какъ изъ этого слабаго, блѣднаго тѣла и блѣдныхъ губъ вырывалось такое сильное дыханіе.

Катерина дѣйствительно кого-то ждала. Съ минуту послѣ ухода Карла, явилась одна изъ ея женщинъ, и сказала ей что-то на ухо. Королева встала, улыбнулась, поклонилась придворнымъ и вышла за вѣстницею.

Флорентинецъ Ренé, съ которымъ король наваррскій обещался

такъ дипломатически въ самый вечеръ св. Вароламея, вощелъ въ образную королевы.

— А! это вы, Ренé! сказала Катерина.— Я ждала васъ съ нетерпѣніемъ.

Ренé поклонился.

— Получили вы вчера мою записку?

— Имѣлъ честь.

— Что жь? повѣрили вы гороскопъ, составленный Руджіери, который такъ хорошо согласуется съ предсказаніемъ Пострадама, утраивающаго, что всѣ три сына мои будутъ царствовать?.. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ дѣла очень измѣнились, Ренé, и я подумала: дѣло возможное, что судьба сдѣлалась благопріятна.

— Ваше величество, отвѣчалъ Ренé, покачивая головою: — вы червь-хорошо знаете, что событія не измѣняютъ судьбы; напротивъ того, судьба управляетъ событіями.

— Не тамъ не мѣйте вы повторили жертву, не правда ли?

— Да, ваше величество; мой долгъ повиноваться!..

— Что жь вышло?

— То же, что и прежде.

— Какъ? черный ягненокъ опять прокричалъ три раза?

— Да.

— Въ знакъ трехъ ужасныхъ кончинъ въ моей фамиліи? проговорила Катерина.

— Увы! отвѣчалъ Ренé.

— Что еще?

— Въ внутренности его опять, какъ и въ первыхъ двухъ опытахъ, нашли страшную аномалію: печень лежала на-оборотъ.

— Это означаетъ перемѣну династіи. Вѣчно, вѣчно и вѣчно! промучала Катерина. Надо однакожъ это перемѣнить, Ренé.

Ренé покачалъ головою.

— Я скажу уже вашему величеству, что судьба управляетъ.

— Ты такъ думаешь?

— Да.

— Помнишь ты гороскопъ Жанны д'Альбрé?

— Помню.

— Повтори его вкратцѣ; я забыла.

— *Vives honorata*, сказалъ Ренé: — *morieris reformidata, regina amplificabere*.

— Это, кажется, значить, сказала Катерина: — *будешь жить съ честью*, а ей не доставало и необходимѣйшаго, *бѣднѣе живи!* Ты умрешь *страшномъ*, а мы сивались надъ ней! Ты *будешь выше*, члвкъ была *королевою*, и вотъ она умерла и величіе ея поконится въ гробницѣ, на которой забыли даже написать ея имя!

— Ваше величество не такъ переводите слова: *vives honoꝛata*. Королева наваррская дѣйствительно жила въ чести; она въ-продолженіи цѣлой жизни пользовалась любовью своихъ дѣтей и уваженіемъ приверженцевъ, любовью и почтеніемъ тѣмъ-болѣе чистосердечными, что она была бѣдна.

— Согласно на-счетъ этого выраженія; но *moꝛietis reformidata*? Посмотримъ, какъ ты это изъяснишь.

— Какъ изъясню? Нѣтъ ничего легче: «ты умрешь страшною».

— Что жь? Развѣ ея боялись?

— Боялись такъ, что она и не умерла бы, еслибъ ваше величество ея не боялись. Наконецъ: *ты будешь выше, чѣмъ была королевой*; и это правда: въ замѣнъ тлѣнной короны, она получила, можетъ-быть, какъ королева и мученица, небесную корону, и, кромѣ того, кто знаетъ, какая участь суждена на землѣ ея потомству?

Катерина была чрезвычайно-суевѣрна; хладнокровіе Ренé ужаснуло ее еще больше, нежели постоянство явленій при гаданіяхъ. Дурныя обстоятельства были для нея поводомъ смѣло перемѣнить дѣла, и она безъ явнаго перехода прямо спросила Ренé:

— Нѣтъ ли духовъ изъ Италіи?

— Есть, ваше величество.

— Пришли мнѣ ящикъ.

— Какихъ?

— Такихъ, какъ тѣ...

Катерина остановилась.

— Какъ тѣ, которые особенно любила королева наваррская? спросилъ Ренé.

— Имено.

— Приготовлять ихъ не нужно, не правда ли? Ваше величество теперь умѣете это дѣлать сами не хуже меня.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? спросила Катерина. — Правда, опыты удаются.

— Больше ничего не прикажете, ваше величество? спросилъ парфюмеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, въ раздумьѣ отвѣчала Катерина. — Кажется, ничего. Если въ жертвоприношеніяхъ окажется что-нибудь новое, ты мнѣ скажешь. Оставь-ка ягнать, да пріймись за щипать.

— Измѣнивъ жертвы, едва-ли мы измѣнимъ предсказанія.

— Дѣлай, чтó я говорю.

Ренé поклонился и вышелъ.

Катерина съ минутою оставалась на своемъ мѣстѣ въ раздумьѣ. Потомъ встала, вошла въ свою комнату, гдѣ ждали ее придворныя дамы, и извѣстила всѣхъ о завтрашней поѣздкѣ въ Монфокопъ.

Эта вѣсть была въ тотъ вечеръ предметомъ разговоровъ во дворцѣ и въ городѣ. Дамы начали заботиться о своихъ нарядахъ, мужчины приготавливали оружіе и нарядныхъ коней. Купцы закрыли лавки, а чернь добывала кое-гдѣ гугенотовъ, припасенныхъ на всякій случай; теперь они должны были служить приличною свитой тѣлу адмирала.

Вечеръ и большая часть ночи прошли въ тревогѣ.

Ла-Моль провелъ самый скучный день, и этому дню предшествовали три или четыре такіе же. Д'Алансонъ, повинуясь желанію Маргериты, помѣстилъ его у себя, но съ-тѣхъ-поръ не видалъ его. Ла-Моль былъ какъ покинутое дитя, лишенное нѣжной заботливости двухъ женщинъ, и воспоминаніе объ одной изъ нихъ неотступно преслѣдовало его. Присланный ею Амбруазъ Парё извѣщалъ его о ней; но эти извѣстія, доставляемыя человѣкомъ лѣтъ 50, который не зналъ, или притворялся, что не знаетъ, какъ интересуютъ его малѣйшія подробности о Маргеритѣ, были очень-недостаточны. Правда, Гильйонна посѣтила его однажды сама-отъ-себя, желая навѣдаться о его здоровьѣ. Ея посѣщеніе, какъ солнечный лучъ, озарило его темницу, и Ла-Моль былъ какъ-будто ослѣпленъ имъ; онъ все ждалъ вторичнаго появленія, хотя прошло уже два дня, и она не являлась.

Когда ему сказали, что завтра весь дворъ собирается поѣхать въ Монфоконъ, онъ просилъ у д'Алансона позволеніе имѣть честь сопутствовать ему.

Герцогъ не позаботился даже, по силамъ ли это больному; онъ просто отвѣчалъ:

— Пожалуй! пусть дядусть ему лошадь.

Ла-Моль только этого и желалъ. Парё пришелъ по обыкновенію перевязать его раны. Ла-Моль сказалъ, что ему необходимо должно ѣхать, и просилъ его покрѣпче наложить повязки. Обѣ раны, впрочемъ, закрылись, и только плечо еще немного болѣло. Онъ былъ красенъ, какъ бываетъ всегда заживающее тѣло. Парё паложилъ на нихъ наведенную камедью тафту, бывшую очень-употребительною въ то время, и сказалъ, что дѣло обойдется благополучно, если Ла-Моль не будетъ дѣлать особенно сильныхъ движеній.

Ла-Моль былъ въ восторгѣ. За исключеніемъ слабости и иногда легкаго головокруженія отъ потери крови, онъ чувствовалъ себя какъ-нельзя-лучше. Кромъ того, Маргерита, конечно, будетъ участвовать въ поѣздкѣ; онъ ее увидитъ: помня, какъ благотельно подѣйствовало на него свиданіе съ Гильйонной, онъ не сомнѣвался, что свиданіе съ Маргеритой подѣйствуетъ еще сильнѣе.

Деньги, полученные имъ при отъѣздѣ въ Парижъ, Ла-Моль употребилъ на покупку лучшаго камзола изъ бѣлаго атласа и шитаго

платье, какіе только могъ достать ему модный портной. Онъ же доставилъ ему и кожаные надушенные сапоги, какіе носили въ то время. Все это принесли ему по утру только получасомъ позже назначеннаго срока; стало-быть, нѣ на что было роптать. Ла-Моль поспѣшно одѣлся, поглядѣлъ въ зеркало, намелъ, что онъ одѣтъ порядочно, причесанъ и надушенъ какъ слѣдуетъ. Потомъ, быстро прошедши нѣсколько разъ по комнатамъ, онъ увѣрился, что, не считая сильной боли, тревожившей его по-временамъ, душевное счастье заставитъ молчать тѣлесныя страданія.

Между-тѣмъ, какъ эта сцена происходила въ Лувръ, другая въ томъ же родѣ разыгрывалась въ отелѣ Гиза. Человѣкъ высокаго роста, рыжезолосый, разсматривалъ передъ зеркаломъ красный рубецъ, непріятно-намѣнявшій его лицо. Онъ чесалъ и помадилъ свои усы, и среди этого занятія бранилъ рубецъ, который, на зло всѣмъ косметическимъ средствамъ, извѣстнымъ въ то время, упорно проявлялся на своемъ мѣстѣ. Онъ въ три слоя покрылъ его бѣлыми и румянами—все не помогало. Вдругъ ему пришла въ голову счастливая мысль; лѣтнее солнце палило прямо во дворъ; онъ сошелъ, взялъ шляпу въ руки и, закрывъ глаза и закинувъ голову, ходилъ минутъ съ десять, добровольно подвергаясь жару лучей.

Черезъ десять минутъ, благодаря солнцу, лицо его сдѣлалось такъ ярко, что теперь уже красный рубецъ отсталъ отъ румянца и казался блѣднымъ. Онъ былъ этимъ очень-доволенъ и посредствомъ румянъ привелъ его въ совершенную гармонию со всѣми остальными. Потомъ онъ надѣлъ великолѣпное платье, принесенное ему портнымъ, когда онъ его еще и не спрашивалъ. Одѣтый, распомаженный и вооруженный съ ногъ до головы, онъ вторично вышелъ и началъ ласкать вороного коня, красота котораго была бы единственная, еслибъ въ одномъ ераженіи сабля рейтара не сдѣлала на немъ шрама, подобнаго тому, который былъ на лицѣ вздока.

Впрочемъ, въ восторгѣ отъ своей лошади и отъ самого-себя, дворянинъ, котораго читатель, конечно, узналъ безъ труда, сидѣлъ уже на конѣ четвертью часа раньше всѣхъ. Дворъ отелѣ огласился ржѣніемъ, на которое отвѣчали по-мѣрѣ-того, какъ вздокъ овладѣвалъ конемъ, *merci*, произнесенные на всѣ возможные манеры. Черезъ нѣсколько минутъ, лошадь, совершенно-усмиренная, признала законную власть вздока; но побѣда была одержана не безъ шума; и шумъ этотъ (вздокъ, можетъ-быть, и рассчитывалъ на него) привлекъ къ окну даму, которой наездникъ низко поклонился и получилъ въ отвѣтъ пріятливую улыбку.

Черезъ пять минутъ, герцогиня де-Наверъ позвала своего управителя.

— Подвезли ли графу Кокоиннѣ завтракъ какъ слѣдуетъ?

— Подавали; онъ сегодня кушалъ еще съ большимъ аппетитомъ. Цетомъ она обратилась къ своему папу:

— Господинъ д'Аргюзонъ, победите въ Лувръ; да, пожалуйста, присматривайте за графомъ Коконнэ; онъ раненъ и еще слабъ. Мнѣ очень не хочется, чтобъ съ нимъ случилось что-нибудь неприятное. Гугеноты станутъ смѣяться; они злы на него съ вареоломеевской вочи.

Герцогиня съѣла на лошади и съ радостнымъ лицомъ отправилась въ Лувръ, куда всѣ собирались.

IX.

Тѣло мертваго врага всегда хорошо пахнетъ.

Въ два часа по-полудни повзды, блестящій золотомъ, драгоценными каменьями и великолѣпными одеждами, появился отъ угла Кладбища-Невинныхъ въ Улицъ-Сен-Дени, развиваясь на солнцѣ между двумя рядами мрачныхъ домовъ, какъ огромная эмва съ блестящими кольцами.

Никакая группа, какъ бы богата ни была она, не можетъ дать понятія объ этомъ зрѣлищѣ. Шелковыя, богатые, блестящія одежды, замыданныя, какъ великолѣпная мода, Францискомъ I своимъ наследникамъ, не превратились еще въ узкія, мрачныя платья, какія носили при Генрихѣ III. Костюмъ Карла, не столько богатый, но, можетъ-быть, изящнѣй больше костюма предшествовавшей эпохи, отличался своею гармоніею. Намъ, въ наше время, нѣ съ чѣмъ сравнить этого повзды; мы, относительно параднаго великолѣпія, заключены въ границахъ симметріи и мундира.

Пажи, мелкіе дворяне, собаки и лошади по бокамъ и въ концѣ, составляли настоящее войско. За нимъ тянулся народъ, или, лучше сказать, народъ былъ вездѣ.

Народъ былъ впереди, съ боковъ, сзади.

Поутру, Карлъ, въ присутствіи Катерины и герцога Гиза, объявилъ Генриху-Наваррскому, какъ о дѣлѣ очень-обыкновенномъ, что они хотятъ посѣтить монфоковскую висѣлицу, или, лучше сказать, обезображенное тѣло адмирала, на ней висѣщее. Первою мыслью Генриха было отказаться отъ этой повздки. Того только и ждала Катерина. При первыхъ словахъ его, выразившихъ эту мысль, она и герцогъ Гизъ обмѣнялись взглядомъ и улыбкой. Генрихъ все видѣлъ, понялъ, и тотчасъ же поправился:

— Впрочемъ, почему же и не поѣхать? сказалъ онъ. — Я теперь католикъ; надо же сдѣлать что-нибудь для новой религіи.

Потомъ, обращаясь къ Карлу, продолжалъ:

— Ваше величество можете считать на меня; мнѣ всегда пріятно сопутствовать вамъ куда бы то ни было.

Онъ быстро оглянувся, чтобъ счесть, сколько нахмурилось бровей.

На него, этого сына безъ матери, короля безъ королевства, гугенота-католика, смотрѣли съ большимъ любопытствомъ, чѣмъ на всѣхъ участниковъ поѣзда. Зрители легко узнавали его по длинной, характеристической наружности, по простымъ приѣмамъ, по короткости съ низшими, — короткости, доходившей почти до степени, неприличной королю, — короткости, которая пронестекала изъ горскихъ привычекъ его юности и которую онъ сохранилъ до своей смерти. Нѣкоторые изъ зрителей кричали ему:

— Въ мессу, Ганрію, въ мессу!

Генрихъ отвѣчалъ:

— Былъ вчера, былъ сегодня и буду завтра. *Ventre saint-gris!* Кажется, этого довольно.

Что касается до Маргериты, она была такъ прекрасна и свежа, что вокругъ нея слышался ропотъ удивленія, нѣкоторые звуки котораго, впрочемъ, надо признаться, относились и къ герцогинѣ неверской. Она ѣхала рядомъ съ королевой на бѣлой лошади, бѣшено крутившей голову, какъ-будто гордившейся своею ношею.

— Что новаго? спросила ее Маргерита.

— Ничего, сколько мнѣ извѣстно, отвѣчала она громко.

И потомъ прибавила шопотомъ:

— А гугенотъ, что съ нимъ?

— Я нашла для него почти безопасное убѣжище, отвѣчала Маргерита. — А твой великій челоуѣкоубійца? Чтò ты изъ него слѣдала?

— Онъ хотѣлъ непременно участвовать въ поѣздѣ; онъ на боевомъ конѣ герцога де-Невера точно на слонѣ. Ужасный всадникъ! Я позволила ему явиться, потому-что, конечно, твой гугенотъ остался дома, и нѣчего опасаться ихъ встрѣчи.

— О! еслибъ онъ и былъ здѣсь... но его, кажется, нѣтъ, такъ все-таки нѣчего опасаться. Мой гугенотъ предобрый малый, и только голубь, а не коршунъ; онъ воркуетъ, но не кусается. Да и знаешь ли что? прибавила она, слегка пожавъ плечами. — Мы, можетъ-быть, только думали, что онъ гугенотъ, а онъ браминъ, и его религія запрещаетъ ему проливать кровь.

— Но гдѣ же д'Алансонъ? спросила Анриэтта. — Я его что-то не вижу.

— Онъ вѣрно еще подѣдетъ; сегодня утромъ у него болѣла глаза, и онъ хотѣлъ остаться; но такъ-какъ извѣстно, что онъ, только чтобъ не быть одного мнѣнія съ Карломъ и братомъ сво-

изъ Генрихомъ, стоитъ за гугенотовъ, ему замѣтили, что король можетъ истолковать его отсутствіе въ худую сторону, — и онъ рѣшился ѣхать. Да вотъ, посмотри, тамъ что-то кричатъ. Это вѣрно онъ выѣзжаетъ изъ Монмартрскихъ-Воротъ.

— Точно онъ, я узнаю его, сказала Анриэтта. — Онъ сегодня особенно красивъ. Съ некотораго времени, онъ тщательно занимается своимъ туалетомъ: должно быть, влюбленъ. Посмотри, какъ хорошо быть принцемъ крови: несется-себѣ на всѣхъ, и всѣ даютъ ему дорогу.

— Да этакъ онъ насъ задавитъ, сказала Маргерита. — Велите перегородиться вашей свѣтѣ, герцогиня; посмотрите, вонъ этотъ, если онъ не дастъ дорогу, его убьютъ.

— А! это мой герой, воскликнула герцогиня. — Смотри, пожалуйста!

Коконна дѣйствительно выхалъ изъ ряда, чтобъ приблизиться къ герцогинѣ де-Неверь. Но въ ту самую минуту, когда онъ перешагивалъ черезъ наружный бульваръ, отдѣлявшій улицу отъ Сен-Денискаго-Предмѣстья, другой человекъ, изъ свиты д'Алансона, напрасно старавшійся удержать несущую его лошадь, на всемъ скаку толкнулъ Коконна. Коконна чуть не слетѣлъ съ колоссальнаго коня своего; шляпа его зашаталась; онъ удержалъ ее и оглянулся съ яростью.

— Боже мой! воскликнула Маргерита, наклоняясь къ уху герцогини. — Это ла-Моль!

— Этотъ блѣдный, хорошенькій собою? отвѣчала Анриэтта, не могла противиться первому впечатлѣнію.

— Да, да, этотъ самый; онъ чуть не свалилъ Пьемонтца.

— О! сказала герцогиня: — теперь произойдутъ ужасныя вещи! Они смотрятъ другъ на друга, они узнаютъ другъ друга.

Дѣйствительно, Коконна узналъ ла-Моля и выпустилъ отъ удивленія изъ рукъ поводья: онъ думалъ, что убилъ его, или по-крайней-мѣрѣ надолго лишилъ возможности возобновить битву. Ла-Моль тоже узналъ Коконна и почувствовалъ, что лицо у него вспыхнуло. Въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ, въ теченіи которыхъ выразились всѣ таившіяся въ нихъ чувства, они измѣряли другъ друга глазами, такъ-что обѣ женщины вздрогнули. Потомъ ла-Моль, оглянувшись вокругъ, и конечно понявъ, что здѣсь не мѣсто объясниться, прищипорилъ свою лошадь и присоединился опять къ д'Алансону. Коконна простоялъ еще съ минуту на мѣстѣ, закручивая усы до глазъ; потомъ, видя, что ла-Моль удаляется не говоря ни слова, тронулся съ мѣста.

— А! произнесла Маргерита съ болезненнымъ чувствомъ. — Такъ я не ошиблась... Нѣтъ! Это уже слишкомъ.

И она укусила губу до крови.

— А онъ недурень себою, сострадательно замѣтила герцогиня.

Въ эту минуу, д'Алансонъ занявъ свое мѣсто за королеву и королевой-матерью, такъ-что его свита, слѣдуя за нимъ, должна была проѣхать мимо Маргериты и герцогини де-Неверъ. Ла-Моль, проѣзжая мимо ихъ, снявъ шляпу, поклонился королеву очень низко и остался съ открытою головою, ожидая, что она на него взглянетъ.

Но Маргерита гордо отвернулась.

Ла-Моль, конечно, замѣтилъ на лицѣ ея выраженіе презрѣнія, и поблѣднѣлъ еще больше. Онъ долженъ былъ даже схватиться за гриву, чтобъ не упасть съ лошади.

— Да посмотри же на него, жестокая! сказала Анриэтта.—Ему съдается дурно...

— Только этого и не доставало, замѣтила Маргерита съ уничтожающею улыбкою.—Нѣтъ ли съ тобой спирта?

Герцогиня де-Неверъ ошибалась. Ла-Моль оправился и присоединился къ свитѣ д'Алансона.

Поездъ между-тѣмъ подавался все впередъ. Вдали нарисовался мрачный силуэтъ вислицы, поставленной и обиваемой Ангерридомъ де-Мариньи.

Солдаты пошли впередъ и образовали около нея обширный кругъ. При ихъ приближеніи, вороны поднялись съ вислицы и разлетѣлись съ жалобнымъ карканьемъ.

За монфоковскую вислицю находили обыкновенно убѣжище собаки, привлеченныя обильною пищею, и разбойники-философы, приходившіе сюда размышлять о превратностяхъ судьбы.

Но въ этотъ день не было, по-видимому, по-крайней-мѣрѣ въ Монфокоу, ни собакъ, ни разбойниковъ. Солдаты разогнали собакъ и воровъ, а воры выжиались въ толпу погрѣть руки.

Поездъ приближался. Впереди вѣхали король и Катерина; за ними герцогъ д'Анжу, герцогъ д'Алансонъ, король наваррскій, Гизъ и ихъ свита; потомъ Маргерита, герцогиня де-Неверъ и всѣ женщины, составлявшія такъ-называемый летучій эскадронъ королевы. Позади были пажы, прислуга, народъ, всего тысячь десять чело-вѣкъ.

На главной вислицѣ висѣла безобразная масса, черныи трупъ, покрытый запекшеюся кровью и грязью, поблѣвшій кое-гдѣ отъ свѣжихъ слезъ пыли. Трупъ былъ безъ головы. Онъ повисшею былъ за ноги. Впрочемъ, чернь, всегда необрътательная, замѣнила голову пучкомъ соломы и привѣлаа къ нему маску; какой-то наскѣпникъ, знавшій, какъ видно, привычки адмирала, воткнулъ маску въ ротъ зубочистку.

Странно и мрачно было это зрѣлище: роскошные кавалеры и дамы проходили въ процессіи, какъ на картинѣ Гойя, среди почернѣвшихъ скелетовъ и висѣлицъ. Чѣмъ живѣе была веселость посѣтителей, тѣмъ болѣе противорѣчила она мрачному молчанію и холодной безчувственности этихъ труповъ, предметовъ насмѣшки, заставлявшихъ вздрагивать даже тѣхъ, которые надъ ними спылись. Многіе съ трудомъ выносили это зрѣлище, и въ группѣ гугенотовъ отличался блѣдностью Генрихъ, немогшій вынести этой сцены, какъ ни владѣлъ самими-собою и какъ щедро ни одарила его природа даромъ притворства. Онъ сказалъ, что для него невыносимъ смрадъ этихъ человѣческихъ остатковъ, и подъѣхавъ къ Карлу, который рядомъ съ Катериной остановился передъ трупомъ адмирала, сказалъ:— Не находите ли вы, ваше величество, что трупъ этотъ пахнетъ такъ дурно, что здѣсь нельзя оставаться дольше?

— Ты думаешь, Ганріо? сказалъ Карлъ, съ глазами сверкающими дикою радостью.

— Да.

— Ну, я съ тобою не согласенъ... тѣло мертваго врага всегда хорошо пахнетъ.

— Ваше величество, замѣтилъ Таваннь:— вы знали, что мы идемъ съ визитомъ къ адмиралу; напрасно вы не пригласили Пьерра Ронсара: онъ на мѣсть сочинилъ бы эпитафію старому Гаспару.

— Это можно сдѣлать и безъ него, отвѣчалъ Карлъ:—мы и сами составимъ эпитафію... Вотъ, на-примѣръ, не угодно ли, господа, выслушать, прибавилъ онъ, подумавъ съ минуту.

Ci-gît, — mais c'est mal entendu, —

• Pour lui le mot est trop honnête,

Ici l'amiral est pendu

Par les pied, à faute de tête.

— Bravo! bravo! воскликнули въ одинъ голосъ католики. Гугеноты молчали, нахмуривъ брови.

Что касается до Генриха, онъ разговаривалъ съ Маргеритою и герцогинею де-Неверъ, и притворился, что ничего не слышалъ.

— Поѣдьте, поѣдьте! сказала Катерина, которую этотъ смрадъ начиналъ уже беспокоить, не смотря на то, что она была равнодушна какъ-нельзя-больше.—Какъ здѣсь ни пріятно, а воротиться надо. Простимся съ адмираломъ и поѣдемъ въ Парижъ.

Она сдѣлала головою ироническій жестъ, какъ-будто прощаясь съ прітелемъ, и, занявъ мѣсто въ головѣ колоцны, выѣхала на дорогу, между-тѣмъ, какъ свита въѣзжала передъ трупомъ Колigny.

Солнце садилось.

Толпа пошла за прочими, желая до конца насладиться зрѣлищемъ поѣзда. Воры пошли за толпою, такъ-что черезъ десять минутъ послѣ отъѣзда короля не осталось ни души возлѣ трупа адмирала, освѣщеннаго лучами заходящаго солнца.

Мы ошиблись, говоря, что не осталось ни души. Всадникъ на вороной лошади, который, въ присутствіи высшихъ особъ, не могъ, вѣроятно, порядочно рассмотреть обезображенное, почернѣвшее тѣло, остался на мѣстѣ; онъ съ любопытствомъ разсматривалъ цѣпи, крюки, столбы, словомъ всю висѣлицу, которая, конечно, казалась ему, недавно пріѣхавшему въ Парижъ и незнакомому со всеми усовершенствованіями столицы, образцомъ страшно-отвратительнаго.

Нѣ для чего говорить читателю, что это былъ Коконнѣ. Опытный глазъ женщины напрасно искалъ его въ свитѣ.

Коконнѣ въ экстазѣ дивился произведенію Ангерранда де-Мариньи.

Но его искала не одна женщина. Другой всадникъ, въ бѣломъ шелковомъ камзолѣ и съ красивымъ перомъ, оглянувшись впередъ и въ сторону, рѣшился оглянуться наконецъ назадъ, и увидѣлъ на красномъ горизонтѣ неба силуэтъ Коконнѣ и силуэтъ его испанской лошади.

Онъ оставилъ поѣздъ, своротилъ на тропинку и, сдѣлавъ полукругъ, возвратился къ висѣлицѣ.

Почти въ то же время герцогиня де-Неверъ приблизилась къ Маргеритѣ и сказала:

— Мы обѣ ошиблись; Пьемонтецъ остался назадъ, и ла-Моль повернулъ къ нему.

— *Mordi!* воскликнула Маргерита смѣясь:—значитъ, что-нибудь да будетъ. Признаюсь, мнѣ пріятно бы переимѣнить о немъ мнѣніе.

Маргерита оглянулась и увидѣла маневръ ла-Моля.

Настала очередь обѣихъ дамъ отдѣлиться отъ поѣзда; случай былъ благопріятный: всѣ поворачивали въ это время мимо дороги, огороженной плетнемъ, которая по-немногу вела опять къ висѣлицѣ. Герцогиня шепнула на ухо своему капитану нару словъ. Маргерита сдѣлала знакъ Гильйоннѣ, и всѣ четверо пустились по дорогѣ и спрятались за кустомъ, какъ-можно-ближе къ тому мѣсту, гдѣ должна была происходить сцена, которой свидѣтелями онъ такъ сильно желали быть. Отсюда до Коконнѣ, дѣлавшаго выразительные жесты передъ адмираломъ, было шаговъ тридцать.

Маргерита сошла съ лошади; герцогиня и Гильйонна сдѣлали то же. Капитанъ взялъ поводья четырехъ лошадей, и самъ сошелъ.

Свѣжая густая трава послужила дамамъ софою, какой иногда наврасно желаютъ принцессы.

Прогѣсокъ позволялъ имъ видѣть все происходившее.

Ла-Моль описалъ кругъ. Онъ шагомъ подъѣхалъ къ Коконнѣ садъ, и протянувъ руку, ударилъ его по плечу.

Пьемонтецъ оглянулся.

— А! Такъ это не сонъ? Вы еще живы?

— Да, да, еще живъ, отвѣчалъ ла-Моль. — Это не ваша вина, знаю; но все-таки я живъ.

— Mordi! Я васъ узнаю, не смотря на вашу блѣдность. Въ послѣдній разъ, какъ мы видѣлись, вы были краснѣе.

— Да и я васъ узнаю, не смотря на этотъ желтый рубецъ на лицѣ. Вы были блѣдны, когда я васъ угостилъ имъ.

Коконнѣ закусилъ губы; но, рывшись, кажется, продолжать разговоръ ироническимъ тономъ, сказалъ:

— Не правда ли, ла-Моль, очень-любопытно, особенно для гугенота, посмотреть, какъ виситъ адмиралъ на этомъ крючкѣ? а гдѣ есть же люди, которые утверждаютъ, что мы перерѣзали всѣхъ, даже до грудныхъ гугенотенковъ!

— Графъ! Я уже не гугенотъ; я имѣю счастье быть католикомъ.

Коконнѣ захохоталъ.—Вы обратились? Нѣчего сказать, ловко!

— Я далъ обѣтъ сдѣлаться католикомъ, если спасусь, продолжалъ ла-Моль тѣмъ же серьезнымъ и учтивымъ тономъ.

— Это очень-благоразумный обѣтъ; позвольте имѣть честь поздравить васъ; не сдѣлали ли вы еще какого-нибудь?

— И очень, отвѣчалъ ла-Моль, спокойно лаская свою лошадь.

— Какой же? спросилъ Коконнѣ.

— Повѣсить васъ вотъ на этомъ гвоздикѣ; видите? онъ такъ, кажется, и ждетъ васъ.

— Какъ? такъ-таки живѣемъ?

— Нѣтъ! посадивъ васъ сперва шпагою.

Коконнѣ побагровѣлъ; зеленые глаза его вспыхнули.

— Дá, такъ вотъ на этотъ гвоздь?

— Дá, на этотъ гвоздь.

— Не доросли еще, отвѣчалъ Коконнѣ.

— Ничего. Я стану на вашу лошадь. Вы думаете, любезный Аннибалъ де-Коконнѣ, что можно безнаказанно убивать людей подл благороднымъ предлогомъ, что васъ сто противъ одного? Нѣтъ! Люди сходятся иногда и одинъ-на-одинъ, и, кажется, теперь случилось то же. Я охотно бы всадилъ въ дрянную вашу голову пулю; да я промахнусь: рука еще дрожитъ отъ вашихъ подлыхъ ударовъ.

— Дрянную голову! заревѣлъ Коконнѣ, соскакивая съ лошади. Долой! Раздѣлаемся!

И онъ схватилъ шпагу.

— Кажется, твой гугенотъ назвалъ его дрянною головою, щепнула герцогиня на ухо Маргеритѣ. — Находишь ты, что онъ дурень собою?

— Онъ чудо какъ хорошъ! сказала смѣясь Маргерита. — Я должна признаться, что ла-Моль отъ ярости не знаетъ, что говоритъ. Тише! посмотримъ.

Ла-Моль спокойно сошелъ съ лошади, обнажилъ шпагу и сталъ въ оборонительное положеніе.

— Ой! простоналъ онъ, протягивая руку.

— Охъ! сказалъ Коконна, заноса свою. Оба они были ранены въ плечо, и быстрое движеніе причиняло имъ боль.

Смѣхъ, худо подавленный, послышался въ кустѣ. Женщины не могли удержаться, видя, какъ бойцы съ гримасою потирають себѣ плеча. Коконна и ла-Моль услышали этотъ смѣхъ; они не знали, что есть свидѣтели, и, оглянувшись, узнали своихъ дамъ.

Ла-Моль опять сталъ въ оборонительную позицію, а Коконна выналь съ самымъ выразительнымъ *orgia*!

— Да такъ они зарѣжутъ другъ друга, если мы не вмѣшаемся. Довольно пошутили. Эй, господа!

— Оставь ихъ, сказала Анриэтта; она видѣла Коконна въ битвѣ и надѣялась, что онъ такъ же легко справится съ ла-Модемъ, какъ съ племянниками и сыномъ Меркандона.

— А, право, они чудо-какъ хороши, сказала Маргерита. — Смотри! Такъ и пышать.

Битва, начавшаяся съ насмѣшекъ, сдѣлалась молчаливою, какъ только скрестились клинки. Оба бойца не доверяли своимъ силамъ, и при каждомъ живомъ движеніи принуждены были подавлять болѣзненную ужимку, вызываемую старыми ранами. Впрочемъ, ла-Моль, съ полуоткрытымъ ртомъ и твердо-устремленными на врага взглядами, подвигался понемногу впередъ, а Коконна, нашедъ въ немъ искуснаго бойца, подавался назадъ, по-немногу, правда, но все-таки подавался. Оба они такимъ-образомъ приближались ко рву, за которымъ были зрители. Здѣсь, какъ-будто отступленіе было только слѣдствіемъ расчета и желанія приблизиться къ своей дамѣ, Коконна остановился и, выждавъ слишкомъ смѣлое нападеніе ла-Моля, рубнулъ съ быстротою молніи. На блѣдомъ камзолѣ ла-Моля тотчасъ же появилась алая полоса.

— Смѣлый! воскликнула герцогиня.

— Бѣдный ла-Моль! проговорила Маргерита.

Ла-Моль слышалъ эти слова и бросилъ на Маргериту одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые пронзаютъ сердце сильнѣе шпаги.

Въ эту минуту, обѣ женщины вскрикнули разомъ. Конецъ шпаги ла-Моля явился въ крови за спиною Коконна.

Онъ одинъ изъ бойцовъ, однакожь, не упалъ. Оба они стояли и смотрѣли другъ на друга съ открытымъ ртомъ. Каждый чувствовалъ, что при малѣйшемъ движеніи потеряетъ равновѣсіе. Наконецъ, Пьемонтець, раненный тяжею своего противника и чувствуя, что лишается силъ вмѣстѣ съ кровью, упалъ на ла-Моля, обхвативъ его рукою, а другою стараясь достать свой кинжалъ. Ла-Моль съ своей стороны собралъ послѣднія силы, занесъ руку и эссомъ шпаги ударилъ Коконна по лбу. Коконна упалъ оглушенный. Но, падая, онъ увлекъ за собою и противника, и оба скатились въ ровъ.

Маргерита и герцогиня, видя, что они умираютъ и стараются еще добить другъ друга, бросились къ нимъ съ капитаномъ. Но прежде, нежели они добѣжали, руки бойцовъ опустились, глаза закрылись, и, уронивъ оружія, они судорожно вытянулись.

Кровавая лужи окружала ихъ.

— Храбрый, храбрый ла-Моль! воскликнула Маргерита, будучи не въ состояніи скрывать долѣе свое удивленіе. — Прести мое похоронено!

Глаза ея наполнились слезами.

— Увы! проговорила герцогиня. — Мужественный Аннибалъ...

— Скажите, видѣли ли вы когда-нибудь такихъ безстрашныхъ львовъ?

И она зарыдала.

— Славные удары! замѣтилъ капитанъ. — Эй! да поскорѣ же! Эти слова относились къ ѣхавшему на красной телегѣ. Онъ пѣлъ и пѣлъ старую пѣсню, припомнивъ ее, вѣроятно, по случаю уда, совершившагося на Кладбищѣ-Невинныхъ.

Bel aubespin fleurissant,
Verdissant,
Le long de ce beau rivage,
Tu es vêtu jusqu'au bas
Des longs bras
D'un lambrusche sauvage.

Le chantre rossignolet,
Nouvelet,
Courtisant sa bien aimée,
Pour ses amours alléger
Vient loger
Tous les ans sous la ramée.

Or, vis gentil aubespın,
Vis sans fin;

Vis, sans que jamais tonnerre,
 Ou la cognée, ou les vents,
 Ou le temps,
 Те puisse guer rag...

— Да двигайся же, когда тебя говорят! повторилъ капитанъ.
 — Развѣ ты не видишь, что имъ надо помочь?

Человѣкъ въ телегѣ, котораго отталкивающая наружность и грубая физиономія странно противорѣчили безконечной пѣснѣ, остановилъ лошадей, сошелъ и, наклонившись къ павшимъ, сказалъ:

— Славныя раны! я, впрочемъ, дѣлаю почище.

— Кто же ты? спросила Маргерита, чувствуя какой-то непобѣдимый ужасъ.

— Я, отвѣчалъ онъ, кланяясь до земли: — я Кабошъ, палачъ парижскаго округа; я прѣхалъ развѣсить около адмирала его товарищей.

— А я королева наваррская; брось свои трупы, положи въ телегу попоны нашихъ лошадей и вези за нами потихоньку раненныхъ въ Лувръ.

КОРОЛЕВА МАРГО́.

Романъ Александра Дюма.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

СОБРАТЬ АМБРУАЗА ПАРЕ.

Певозка, въ которую положили Ла-Моля и Коконна́, ѣхала въ Парижъ въ-слѣдъ за свидѣтелями битвы. У Лувра она остановилась; вслѣдствію щедро заплатили. Раненныхъ велѣно было перенести къ д'Алансону, и послано за Амбруазомъ Парё.

Коконна́ и Ла-Моль были еще безъ чувствъ, когда пришелъ врачъ.

Ла-Моль былъ раненъ легче: ударъ пришелся ему подъ правое плечо, но ни одинъ важный органъ не былъ поврежденъ. У Коконна́ было проколото легкое, и пламя свѣчи дрожало отъ дыханія, выходящаго изъ раны.

Парё не отвѣчалъ за Коконна́.

Герцогиня де-Неверъ была въ отчаяніи; надѣясь на силу, ловкость и мужество Пьемонтца, она остановила Маргериту, когда та хотѣла прекратить поединокъ. Она охотно велѣла бы перевезти Коконна́ въ отель Гиза и ухаживать за нимъ теперь, какъ и прежде; но, при настоящихъ событіяхъ, мужъ ея каждую минуту хотѣлъ призвать изъ Рима, и ему показалось бы страннымъ, что Коконна́ скрытъ, чужой принять у него въ домъ.

Хотѣла скрыть причину ранъ, Маргерита велѣла отнести обонхъ своему брату, гдѣ одинъ изъ нихъ, какъ извѣстно, уже жилъ нѣсколько времени; она сказала, что они упали съ коней во время дуэлки; но капитанъ, бывшій свидѣтелемъ ихъ поединка, разсказалъ истину.

Парь равно заботился объ обоихъ; раненные переходили разные фазы выздоровленія, зависѣвшіе отъ свойства ихъ ранъ. Моль, раненный легче, очнулся первый. Коконна вынесъ жесткую горячку, и возвращеніе его къ жизни ознаменовалось всѣми признаками самаго страшнаго бреда.

Хотя Ла-Моль и лежалъ въ одной комнатѣ съ Коконна, но, и шедъ въ себя, онъ не замѣтилъ своего сотоварища, или по-куней-мъръ не изъяснилъ этого никакимъ знакомъ. Коконна, напротивъ, раскрывъ глаза, устремилъ ихъ на Ла-Моля и притомъ такимъ выраженіемъ, что, казалось, потеря крови несколько усмиривъ въ немъ страстей огненнаго темперамента.

Коконна думалъ, что онъ во снѣ видитъ врага, котораго убиваетъ, два раза; только сонъ продолжался слишкомъ-долго. Снилось, что Ла-Моль лежитъ такъ же, какъ и онъ; что ему докторъ также перевязываетъ раны; потомъ замѣтилъ, что Ла-Моль приподымается на своей постели, тогда-какъ онъ самъ еще прижатъ къ мѣсту слабостью и страданіемъ; наконецъ, Ла-Моль всталъ съ кровати, началъ ходить, опираясь на руку доктора, потомъ тростью, потомъ одинъ. Коконна, постоинно въ бреду, смотрѣлъ на эти различные періоды выздоровленія Ла-Моля то безжизненнымъ, то яростнымъ, но всегда угрожающимъ взглядомъ.

Въ пламенной душѣ Пьемонтца истина страшно мѣшалась съ мечтами. Ла-Моль былъ для него мертвъ, даже дважды мертвъ, и въ всемъ томъ онъ узнавалъ тѣнь этого Ла-Моля, лежащую на востелѣ подобно тому, какъ лежитъ онъ самъ; потомъ онъ видѣлъ, какъ тѣнь встала, ходила и — о, ужасъ! — подходила къ его кровати. Тѣнь, отъ которой Коконна готовъ былъ бѣжать въ преисподнюю, подошла прямо къ нему и остановилась, устремивъ на него взоры, у его изголовья. Въ чертахъ ея выразилось даже чувство страданія, которое Коконна принялъ за адскую насмѣшку.

Тогда въ душѣ его, страдающей, межить-быть, больше не зародилось славное желаніе отомстить. Коконна началъ думать исключительно объ одномъ: какъ бы достать какое-нибудь оружіе прозвѣстовать нѣтъ жестоко-мучившую его тѣнь или тѣло Ла-Моля. Платье его лежало на креслѣ; потомъ его унесли: оно было вачкано кровью, и его сочли за лучшее удалить отъ глазъ раненаго. Но на креслѣ остался книжаль его; никто не предполагалъ, чтобъ ему скоро пришла охота употребить его въ дѣло. Коконна увидѣлъ этотъ книжаль; три ночи сряду, пользуясь своимъ Ла-Моля, онъ старался протянуть къ нему руку; три раза у него не получалось силъ, и онъ падалъ въ обморокъ. Наконецъ, на четвертую ночь, онъ досталъ оружіе, уцѣпился въ него концаями дрожащихъ пальцевъ и, застоявъ отъ боя, спряталъ его подъ подушку.

На другой день онъ увидѣлъ нѣчто неслыханное дѣло: тѣмъ же ла-Моля, съ каждымъ днемъ приобретающая, по-видимому, новую силу, тогда-какъ онъ, постоянно занятый ужаснымъ владычествомъ слабѣя, замышляя, какъ бы освободиться отъ этого призрака, — тѣмъ же ла-Моля въ задумчивости пропала раза два или три изъ комнаты; потомъ, набросивъ плащъ, надвѣвъ шпагу и шляпу, отворила дверь и вышла.

Коконна вздохнулъ вольнѣе; онъ думалъ, что избавился отъ видѣнія. Часа два или три кровь ровнѣе обращалась въ его жилцахъ, и онъ почувствовалъ свѣжесть, какой не было въ немъ съ самой минуты поединка. Отсутствіе ла-Моля въ продолженіи однихъ минутъ возвратило бы память Коконна; въ восемь дней безъ него онъ, можетъ-быть, совсѣмъ бы оправился. Къ-несчастью, ла-Моля возвратился черезъ два часа.

Это поразило Пьемонтца, какъ ударъ кинжала, и хотя ла-Моля возвратился не одинъ, Коконна ни разу не взглянулъ на его спутника.

А спутникъ стоилъ того, чтобъ на него взглянуть.

Это былъ человекъ лѣтъ сорока, небольшого роста, сильный; черные волосы его падали до бровей, и борода, противъ тогдашней моды, покрывала всю нижнюю часть лица его; впрочемъ онъ, кажется, мало заботился о модѣ. На немъ было что-то въ родъ кожаного камзола, въ бурыхъ ниткахъ, красные штаны, грубые кожаные башмаки выше косточекъ, шапка одного цвѣта съ штанами и поясъ съ висящимъ на немъ ножомъ.

Эта странная особа, присутствіе которой въ Лувръ казалось аномаліей, бросила плащъ свой на кресло, и довольно-грубо подошелъ къ постелю Коконна. Но глаза больного какъ-будто волшебной силой были прикованы къ ла-Молю, стоявшему вдали. Присшедшій посмотрѣлъ на больного и, покачавъ головой, сказалъ:

— Долго же вы дожидались.

— Я не могъ выйти раньше, отвѣчалъ ла-Моля.

— Могли бы прислать за мною.

— Кого?

— И то правда. Я забылъ, гдѣ мы. Я говорилъ вѣдь этимъ дамамъ, да онъ не хотѣли меня слушать. Если бъ послушались меня, а не этого осла Парё, такъ вы уже давно могли бы повеселиться вмѣстѣ, или опять, пожалуй, подраться. Впрочемъ, посмотримъ. Полагаю, онъ, что ему говорятъ?

— Плохо.

— Помажьте языкъ.

Коконна показалъ ла-Молю языкъ съ такою страшною гримасой, что неизвѣстный опять покачалъ головою.

— О-го! проговорилъ онъ:—контракція мускуловъ!—Тутъ нечего терять времени. Сегодня вечеромъ я пришлю вамъ питье; пусть онъ приметъ его въ три приема, каждый черезъ часъ. Разъ въ полночь, другой въ часъ, третій въ два часа.

— Хорошо.

— Но кто же будетъ подавать ему питье?

— Я.

— Вы?

— Да.

— Вы даете честное слово?

— Даю.

— А если какой-нибудь медикъ вздумаетъ взять хоть каплю, чтобъ разложить ее и узнать, изъ чего составлено питье?

— Въ такомъ случаѣ я вылью все до послѣдней капли.

— Тоже честное слово?

— Клянусь вамъ.

— Съ кѣмъ же пришлю я вамъ лекарство?

— Съ кѣмъ хотите.

— Но мой посланный...

— Что?

— Какъ проберется онъ до васъ?

— Я это предвидѣлъ. Пусть скажетъ, что онъ отъ Ренé, парюмера.

— Отъ Флорентинца, что живетъ на мосту Сен-Мишель?

— Именно. Онъ во всякое время дня и ночи имѣетъ право свободно входить въ Лувръ.

Незнакомецъ улыбнулся.

— Дѣйствительно, сказалъ онъ:—королева-мать одолжена ему многимъ. И такъ, я пришлю отъ имени парюмера Ренé. Мнѣ позволительно разъ воспользоваться его именемъ: онъ часто исполнялъ мою обязанность, не имѣя на то никакого права.

— Такъ я на васъ ужь надѣюсь.

— Будьте увѣрены.

— Что касается до платы...

— О! объ этомъ мы поговоримъ съ Коконнá, когда онъ выздоровѣетъ.

— И будьте спокойны: онъ, кажется, въ состояннiи вознаградить васъ щедро.

— Я тоже думаю. Но, прибавилъ онъ съ странною улыбкою:—такъ-какъ люди, имѣющие со мною дѣло, бываютъ обыкновенно мало ко мнѣ признательны, такъ я нисколько не удивлюсь, если Коконнá, выздоровѣвъ, не позаботится вспомнить обо мнѣ.

— Хорошо! хорошо! сказалъ ла-Моль, улыбаясь въ свою очередь:—въ такомъ случаѣ я помогу его памяти.

— Пусть такъ! Черезъ два часа вы получите питье.

— До свиданья.

— Что вы говорите?

— До свиданья.

Онъ улыбнулся.

— У меня привычка всегда говорить: прощайте. Итакъ, прощайте, господинъ де ла-Моль. Черезъ два часа питье будетъ здѣсь. Вы можете: принять его въ полночь, въ три приѣма, каждый черезъ часъ.

Съ этими словами, онъ вышелъ, и ла-Моль опять остался наединѣ съ Коконнѣ.

Коконнѣ слышалъ весь этотъ разговоръ, но ничего не понималъ. До него долетали только несвязные слова и звуки. Изъ всего разговора у него осталось въ памяти только слово «полночь».

Онъ продолжалъ пристально смотреть на ла-Моля: ла-Моль то задумывался, то ходилъ по комнатѣ.

Неизвестный докторъ сдержалъ слово и въ назначенный часъ прислалъ питье. Ла-Моль поставилъ его на серебряную канделябру и легъ.

Это нѣсколько успокоило Коконнѣ; онъ тоже повремено закрывъ глаза, но лихорадочное забвеніе его было только слѣдствіемъ его бреда на-яву. То же видѣніе преслѣдовало его и во снѣ; сквозь горячія рѣсницы онъ видѣлъ все ла-Моля, насмѣхающагося и громящаго, и чей-то голосъ безпрестанно повторялъ у него надъ ухомъ: полночь! полночь! полночь!

Вдругъ среди тишины ночи раздался бой часовъ;—пробило полночь. Коконнѣ открылъ свои горячіе глаза, жаркое дыханіе выступило его губы; неутолимаи жажда налила его горло; маленькая ночная лампада разливала слабый полусвѣтъ, и тысячи видѣній зашевелились передъ Коконнѣ.

Тогда онъ замѣтилъ, что ла-Моль встаетъ съ постели, и прошелъ два раза по комнатѣ, подходитъ къ нему съ поднятымъ кулакомъ. Коконнѣ протянулъ руку къ кинжалу, схватилъ его рукоять и приготовился поразить своего врага.

Ла-Моль все приближался.

Коконнѣ шепталъ:

— А! это ты, все ты, вѣчно ты! Подойди. А! Ты грозный, ты показываешь мнѣ кулакъ, ты съѣдешься, — подходи, подходи! Такъ, такъ, шагъ за шагомъ, сюда, сюда, — я тебя зарьжу.

И дѣйствительно, дополняя жестомъ эту угрозу, Коконнѣ, въ ту минуту, какъ ла-Моль наклонился къ его кровати, выхватилъ изъ-подъ одеяла кинжалъ. Но усиліе, съ которымъ Пьермонтенъ приводился, уничтожило его силы; рука, протянутая къ ла-Молю,

остановилась на полдорогѣ; кинжалъ выпалъ, и умирающій опрокинулся на наголовье.

Ла-Моль тихонько приподнялъ ему голову и поднесъ къ губамъ его чашку.

Эту-то чашку принялъ Коконнѣ въ бреду своемъ за поднятый кулакъ.

Но, коснувшись благодѣтельнаго напитка, оживившаго его губы и грудь, Коконнѣ пришелъ немного въ себя; онъ почувствовалъ во всемъ тѣлѣ какое-то пріятное ощущение, взглянулъ на ла-Моля, державшаго его на рукахъ, и изъ глазъ его, нахмуренныя до сихъ поръ яростью, выкатилась слеза.

— Mordil произнесъ Коконнѣ, опускаясь на изголовье. — Если вы выздоровѣете, ла-Моль, вы будете моимъ другомъ.

— Вы выздоровѣете, отвѣчалъ ла-Моль: — если выпьете три такіа чашки, и перестанете воображать себѣ Богъ-знаетъ что.

Черезъ часъ, ла-Моль, въ тонкости моринудъ приказанію невѣстнаго доктора, всталъ, опять налилъ чашку лекарства и поднесъ его Коконнѣ. Но на этотъ разъ Пьемонтца не подстерегалъ врагъ, уже съ кинжаломъ въ рукѣ: онъ встрѣтилъ его съ открытыми объятіями и съ жадностью проглотилъ питье; за тѣмъ онъ заснулъ, къ первый разъ довольно-спокойно.

Братій пріемъ подѣйствовалъ также удачно. Грудь больного начала дышать правильнѣе; окостенѣлые члены его сдѣлались мягче, влага проступила на горячей кожѣ, и когда на другой день Парѣ пришелъ навѣстить больного, онъ улыбнулся съ довольнымъ видомъ и сказалъ:

— Съ этой минуты я отвѣчаю за г. Коконнѣ; это одно изъ удачливѣйшихъ моихъ леченій.

Блаженіемъ этой полудраматической, полупуштовской сцены было то, что дружба Коконнѣ и ла-Моля, начавшаяся въ гостиницѣ à la Belle Etoile и прерванная событіями варвародемевской ночи, возобновилась теперь съ новою силою.

Какъ бы то ни было, раны начали наконецъ заживать. Ла-Моль выздоравливалъ прежде и продолжалъ ухаживать за больнымъ; онъ не хотѣлъ оставить комнаты, пока Коконнѣ не выздоровѣетъ окончательно. Онъ помогалъ ему приподыматься на постели, когда тотъ былъ еще очень-слабъ; потомъ помогалъ ему ходить, — словомъ, помогалъ ему во всемъ, къ чему влекла его нѣжная натура. Заботы его и сильное сложеніе Пьемонтца были причиною такого быстраго выздоровленія, какого никто не ожидалъ.

Впрочемъ, одна мысль тревожила молодыхъ людей: въ бреду горела каждому изъ нихъ казалась, что къ кровати подходила женщина, предметъ его страсти. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ оба они

пришли въ память, ни Маргерита, ни герцогиня де-Неверъ не явились въ комнату. Впрочемъ, это было понятно: одна—жена короля ваваррскаго, другая—свояченица Гиза, — могли ли онѣ публично показывать, что интересуются простыми дворянами? Нѣтъ! Такъ должны были отвѣчать себѣ Ла-Моль и Кокоинна. Но отсутствіе ихъ было для нихъ тѣмъ не менѣе больно; можетъ—статься, обѣ ищутъ и забыли...

Капитанъ, бывшій при послѣднѣхъ, приходилъ, правда, не разъ поклониться е имъ здоровью, — только отъ себя. И Гильйонна приходила, тоже отъ себя. Но Ла-Моль не смѣлъ заговорить съ ней о Маргеритѣ, какъ Кокоинна не смѣлъ спросить капитана о припадкѣ де-Неверъ.

II.

Мертвецы.

Въ продолженіи нѣкотораго времени, оба молодые человека хранятъ тайну, заключенную въ сердцахъ каждаго изъ нихъ. Наконецъ, въ минуту откровенности, мысль, исключительно занимавшая ихъ сердца, была высказана: это признаніе еще болѣе скрѣпило ихъ дружбу, потому—что дружба можетъ существовать только тамъ, гдѣ есть полная довѣренность.

Они были влюблены до безумія, — одинъ въ принцессу, другой въ королеву.

Для бѣдныхъ вздыхателей было что-то ужасное въ почти-незамѣримомъ пространствѣ, отдѣлявшемъ ихъ отъ предмета ихъ желаній. Но надежда такъ глубоко врождена человѣческому сердцу, что, не смотря на всю глупость подобныя мечтаній, они все-таки выдерживаютъ.

Впрочемъ, на мѣрѣ выдворенія, оба они очень занимались своимъ наружностью.

Всакій, даже самый равнодушный къ физическимъ преимуществамъ, обращается въ извѣстныхъ обстоятельствахъ съ нѣмыми вопросами къ зеркалу, мѣняется съ нимъ различными знаками и жестами наконецъ отъ этого навѣренцаго очень-довольный сводитъ разговоръ. Наши же герои были не изъ числа тѣхъ, которые зеркало говорятъ горькія истины. Ла-Моль — худой, блѣдный, имѣлъ много благородства въ своей наружности. Въ румяной цвѣтѣ Кокоинна выражалась сила. Болѣзнь послужила ему даже въ пользу. Онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ; знаменитый рубецъ, мучив-

шій его когда-то сходствомъ своимъ съ радугой, исчезъ, вѣроятно предвѣщая, подобно небесному явленію, длинный рядъ ясныхъ дней и ночей.

Раненымъ оказывали самую заботливую внимательность; кажды изъ нихъ, въ тотъ день, когда могъ встать съ постели, нашел на близъ - стоящемъ креслѣ шлафрокъ, а потомъ, когда могъ совершенно одѣться, и полный костюмъ. Мало того: въ карманъ лежало по туго-набитому кошельку; но Коконна и Ла-Моль, разумѣется, удержали ихъ при себѣ только для того, чтобъ при первомъ случаѣ возвратитъ неизвѣстному покровителю.

Этотъ покровитель не могъ быть герцогъ, у котораго они жили потому-что онъ не только ни раза не пришелъ ихъ навѣстить, и даже и не освѣдомлялся о ихъ здоровьѣ.

Въ сердцѣ каждаго изъ нихъ жила тѣмная надежда, что этотъ неизвѣстный покровитель—женщина, которую онъ любитъ.

Раненные съ безпримѣрнымъ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда имъ можно будетъ выйти. Ла-Моль, выздоровѣвшій скорѣе Коконна, уже давно могъ бы выйти; но безмолвное условіе какъ будто связывало его съ судьбою друга. Они согласились воспользоваться первымъ выходомъ для посѣщенія трехъ особъ.

Во-первыхъ—неизвѣстнаго доктора, котораго спасительное питье произвело такое замѣтное улучшеніе въ горящей груди Коконна.

Во-вторыхъ, они хотѣли зайти въ гостиницу покойнаго Ла-Гюрьера, гдѣ остались ихъ чемоданы и лошади.

Въ-третьихъ, къ Флорентинцу Ренѣ, который былъ не только парфюмеромъ, но и червочнижникомъ, продавалъ не только косметическія средства и яды, но составлялъ зелья и дѣлалъ предсказанія.

Наконецъ, послѣ двухъ мѣсяцевъ страданія и затворническаго жизни, этотъ давно-желанный день наступилъ.

Нѣсколько разъ, въ порывѣ нетерпѣнія, они хотѣли ускоритъ этотъ срокъ; но караулъ у дверей постоянно заграждалъ имъ выходъ; имъ было сказано, что ихъ выпустятъ не иначе, какъ съ разрѣшенія Амбруаза Парѣ.

И вотъ, однажды этотъ искусный докторъ, убѣдившись, что если они еще и не совершенно выздоровѣли, то по-крайней-мѣр на дорогѣ къ совершенному исцѣленію, далъ имъ позволеніе выйти. Часа въ два по-полудни, въ одинъ изъ прекрасныхъ осеннихъ дней, какими изумляетъ иногда Парижъ своихъ жителей, друзья опираясь другъ другу на руку, вышли изъ Лувра.

Ла-Моль взялъ на себя быть путеводителемъ; Коконна безпримѣнно согласился. Онъ зналъ, что другъ поведетъ его къ неизвѣстному доктору, котораго непатентованный напитокъ былъ

чѣть его въ одну ночь, тогда-какъ лекарства Парѣ медленно его убивали. Онъ раздѣлилъ бывшія при немъ деньги на двѣ равныя части. Изъ двухъ-сотъ поблѣй, сто назначилъ онъ въ награду эскулапу. Коконна не боялся смерти, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очень не прочь пожить. По-этому онъ собирался щедро наградить своего спасителя.

Ла-Моль пошелъ по Улицѣ-Ластрюсъ, потомъ Сент-Оноре, потомъ Трувелль и вскорѣ вышелъ на площадь де-Галль. Близъ стариннаго фонтана, на томъ мѣстѣ, которое теперь называется Carreau des Halles, было восьмиугольное каменное возвышеніе; на немъ стояла деревянная башенка съ остроконечною крышею и скрпящимъ на ней флюгеромъ. Въ этой башнѣ было восемь отверстій, въ которыхъ двигалось нѣчто въ родѣ деревяннаго колеса, называвшаго голову и руки осужденныхъ, поставленныхъ въ отверстія.

Это странное зданіе, которому не было подобнаго въ окрестности, называлось позорнымъ столбомъ.

У подошвы башни выросъ, какъ грибокъ, безобразный, кривой ляминка.

Это было жилище палача.

У столба стоялъ преступникъ и показывалъ проходящимъ языкъ. Это былъ воръ, промышлявшій около монфоконской висѣлицы и печально пойманный на дѣлѣ.

Коконна думалъ, что товарищъ привелъ его посмотреть на это любопытное зрѣлище, и вмѣшался въ толпу любителей, отвѣчавшихъ на гримасы осужденнаго кликами и бранью. Коконна былъ отъ природы жестокъ, и зрѣлище это очень его забавляло. Только онъ желалъ, чтобъ вмѣсто брани пустили камни въ преступника, смѣшаго показывать языкъ благороднымъ господамъ, почтившимъ его своимъ приходомъ.

Когда башенка повернулась на своей оси, чтобъ доставить пріятное зрѣлище и другой части площади, толпа двинулась по тому же направленію. Коконна хотѣлъ пойдти за толпой, но Ла-Моль остановилъ его и сказалъ въ-полголоса:

— Мы не затѣмъ сюда пришли.

— А затѣмъ же? спросилъ Коконна.

— Увидишь.

Они говорили другъ-другу ты съ той самой ночи, когда Коконна слылся зарѣзать Ла-Моля.

Ла-Моль подвелъ Коконна прямо къ окошку въ домикъ у башни, гдѣ стоялъ облокотясь какой-то человекъ.

— А! Это вы, господа! сказалъ онъ, снимая красную шапку и обнажая черные волосы, низходившіе до бровей. — Милости просимъ.

— Кто это? спросилъ Коконна, стараясь припомнить прошлое; ему казалось, что онъ видѣлъ эту голову во время своей горячки.

— Это твой спаситель, отвѣчалъ ла-Моль:— тотъ, который пріи-
малъ тебя въ Луврѣ спасительное питье.

— О! Въ такомъ случаѣ, другъ мой...

И онъ протянулъ ему руку.

Но докторъ, вмѣсто того, чтобъ отвѣчать ему недобрымъ же жестомъ, выпрямился и очутился отъ пришедшихъ дальше, чѣмъ былъ тогда, когда находился въ наклоненномъ положеніи.

— Благодарю за честь! сказалъ онъ Коконна.—Вы меня вѣрно не знаете, а то не сдѣлали бы этого.

— Будьте хоть самимъ чортомъ, отвѣчалъ Коконна:—я вамъ обязанъ, потому-что безъ васъ меня не было бы въ живыхъ.

— Я не совсемъ чортъ, отвѣчалъ человекъ въ красной шапкѣ:—впрочемъ, многіе охотнѣе встрѣтились бы съ чортомъ, нежели со мною.

— Кто же вы? спросилъ Коконна.

— Я Кабошъ, палачъ парижскаго округа.

— А! произнесъ Коконна и принялъ руку.

— Вотъ видите! сказалъ Кабошъ.

— Такъ нѣтъ же. Я подамъ вамъ руку, или пусть чортъ меня возьметъ. Протяните вашу...

— Право?

— Давайте всю.

— Вотъ она.

— Раздвиньте ее... еще... вотъ такъ! И Коконна досталъ изъ кармана горсть золота, назначенную для неизвѣстнаго доктора и подожгилъ ее въ руку палача.

— Рука безъ денегъ была бы для меня пріятнѣе, сказалъ Кабошъ, покачивая головою.—Золота у меня довольно, но никто не хочетъ пожать мнѣ руку. Ну, да все равно! Да благословитъ васъ Богъ!

— Такъ это вы, сказалъ Коконна, съ любопытствомъ глядя на палача:—снимаете головы и ломаете члены. Очень-радъ съ вами познакомиться.

— Я не все это дѣлаю лично; какъ у васъ, у господъ, лакеи исполняютъ то, чего вы не хотите дѣлать сами, такъ и у меня помощники занимаются черною работою и оправдываются съ мужичьемъ. Если же случится имѣть дѣло съ дворянами, какъ вы, на-примѣръ, и вашъ товарищъ, тогда, разумѣется, другое дѣло. Я считаю за честь лично исполнить всѣ мелочи казни, отъ веревки до постыдной.

Коконна почувствовала, что невольный холод пробѣжалъ по ее членамъ, какъ-будто сталь коснулась его шеи.

Ла-Моль почувствовала то же, не постигая тому причины.

Но Коконна подавилъ ощущение, котораго стыдился, и, желая шуткою проститься съ Кабошемъ, сказала:

— Смотрите же! чуръ сдержатъ слово! Когда прійдетъ моя очередь изобразиться на вистълицу Ангеррана де-Марицьи, или на эшафотъ Неира, вы лично обо мнѣ позаботитесь?

— Извольте.

— Принимаю обѣщаніе; вотъ рука моя, сказалъ Коконна.

И онъ протянулъ ему руку; палачъ коснулся ея робко, хотя ему очевидно хотѣлось пожать ее безъ церемоній.

Коконна слегка поблѣднѣла отъ этого прикосновенія, но улыбка не исчезла съ лица его. Ла-Моль былъ не въ духѣ, и видя, что толпа снова приближается къ нимъ въ-слѣдъ за оборотомъ башенки, дернулъ его за плащъ.

Коконна, желавшій не меньше ла-Моля окончить эту сцену, въ которую завлекла его живость характера, кивнулъ головою и удалился.

Подосесть къ кресту дю-Трагуаръ, ла-Моль сказалъ:

— А согласишь, что здѣсь дышишь свободнѣе, нежели на Галльской-Площади.

— Правда; я, впрочемъ, все-таки радъ, что познакомился съ Кабошемъ. Друзей нигдѣ не мѣшаетъ мѣсть.

— Даже и подъ вывѣскою à la Belle Etoile, замѣтилъ смѣясь ла-Моль.

— О! Что касается до бѣдняжки ла-Гюрьера, онъ умеръ. Я шель, какъ вспыхнулъ огонь у пикали, слышалъ, какъ ударился пуля будто въ колоколь на Нотр-Дамъ, и когда я ушелъ, онъ лежалъ въ лужѣ крови, вытекшей изъ его носа и рта. Положимъ, онъ и другъ, только другъ на томъ свѣтѣ.

Разговаривая такимъ-образомъ, они вышли въ улицу Арбр-Секъ и приблизились къ гостиницѣ à la Belle Etoile. Вывѣска была на томъ же мѣстѣ и по-прежнему манила къ себѣ путника своею анигматическою легендою.

Коконна и ла-Моль ожидали, что найдутъ въ этомъ домѣ печаль и отчаянье, вдову и дѣтей въ траурѣ; но, къ величайшему удивленію ихъ, въ немъ царствовала прежняя дѣятельность. Г-жа ла-Гюрьеръ была очень-весела, а дѣти рѣзались больше, нежели когда-нибудь.

— А, мажъница! сказалъ ла-Моль. — Она вѣрно одѣтъ выцѣла за-нуть.

Потомъ, обратившись къ новой Арсеннатъ, онъ продолжалъ:

— Мы, сударыня, знакомые несчастнаго ла-Гюрьера. Мы остались здѣсь пару лошадей и два чемодана, и теперь пришли за ними.

Хозяйка старалась припомнить ихъ лица, но потомъ отвѣчала: — Я не имѣю чести васъ знать; позвольте, я позову мужа... Грегуаръ позвонитъ его.

Грегуаръ вышелъ изъ первой кухни, общаго павдемоніума, и вторую; здѣсь, при жизни ла-Гюрьера, готовились кушанья, которыя онъ считалъ достойными, чтобъ заняться ими лично.

— Чортъ возьми! проговорилъ Коконна́:—мнѣ ужасно-досадно, что тутъ веселятся, когда должны бы горевать. Бѣдняжка ла-Гюрьеръ!

— Онъ хотѣлъ убить меня, сказалъ ла-Моль:—но я прощаю ему отъ всего сердца.

Едва только ла-Моль произнесъ эти слова, какъ къ нему вышелъ человекъ съ кострюлкою въ рукѣ, иѣшая въ ней деревяною ложкою лужъ.

Ла-Моль и Коконна́ вскрикнули отъ изумленія.

Вышедшій поднялъ голову, вскрикнулъ тоже, и выронилъ изъ рукъ кострюлю. Только ложка осталась у него въ рукахъ, и, махая ею какъ кропиломъ, онъ произнесъ: *In nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti!*

— Ла-Гюрьеръ! воскликнули вмѣстѣ молодые люди.

— Коконна́! Ла-Моль! отвѣчалъ ла-Гюрьеръ.

— Такъ вы живы? спросилъ Коконна́.

— И вы въ живыхъ? спросилъ трактирщикъ.

— Какъ же я видѣлъ, что вы пали? продолжалъ Коконна́:—я слышалъ стукъ пули, которая раздробила вамъ что-то,—не знаю, что именно. Я оставилъ васъ въ лужѣ крови; а кровь текла у васъ изъ носа, изъ рта, даже изъ глазъ.

— Все это правда, господинъ Коконна́; но пуля стукнула въ шинякъ, и, къ-счастью, на немъ же и расплющилась. Впрочемъ, ударъ все-таки былъ силенъ. Вотъ доказательство.

Съ этими словами, онъ снялъ шапку и открылъ лысую какъ ладонь голову.

— Вы видите, прибавилъ онъ:—на мнѣ не осталось ни волоса.

Молодые люди захохотали, увидѣвъ эту смѣшную фигуру.

— А! вы смѣетесь? сказалъ ла-Гюрьеръ.—Значитъ, у васъ нѣтъ ничего худаго на умѣ?

— А вы, ла-Гюрьеръ, тоже исцѣлялись отъ воинственной горячки?

— Да, господá, да; и теперь...

— Что жь теперь?

— Теперь я даю объѣтъ не видеть другаго огня, кромѣ огня въ моей печи.

— Bravo! сказалъ Коконна.— Вотъ что благородно, такъ благородно. Теперь,—мы оставили у васъ въ конюшнѣ пару лошадей и два чемодана въ комнату.

— Ахъ, зорть возьми! проговорилъ трактирщикъ, почесывая за ушко.

— Что?

— Пару лошадей, вы говорите?

— Да, на конюшнѣ.

— И два чемодана?

— Да, въ комнату.

— Вотъ видите ли... вѣдь вы думали, что я умру?

— Думали.

— Признайтесь же, что если вы ошиблись, такъ и я съ своей стороны могъ ошибиться.

— Считая насъ мертвыми?

— Вотъ видите ли,—и такъ — какъ вы умерли безъ завѣщанія...

— Ну, такъ что же?

— Такъ я думалъ,—я ошибся, теперь я это вижу...

— Чтò же вы думали?

— Я думалъ, что могу вамъ наследовать.

— А! а! воскликнули молодые люди.

— Тѣмъ не менѣе, однакожь, я очень-радъ, что вижу васъ въ живыхъ, господа.

— Такъ лошадей-то вы продали? спросилъ Коконна.

— Увы! отвѣчалъ ла-Гюрьеръ.

— А чемоданы? сказалъ ла-Моль.

— О, чемодановъ я не продавалъ! отвѣчалъ ла-Гюрьеръ: — а только поклажу.

— Каковъ мошенникъ? спросилъ Коконна, обращаясь къ ла-Моль.— Какъ ты думаешь, не выпотрошить ли его?

Эта угроза, казалось, сильно подѣйствовала на ла-Гюрьера; онъ рѣшился сказать:

— Дядю, надѣюсь, господа, можно уладить.

— Послушай, отвѣчалъ ла-Моль:—я больше всѣхъ имѣю право на тебя жаловаться.

— Конечно, ваше сіятельство; я помню, что въ глупую минуту имѣлъ дерзость грозить вамъ.

— Да, пулей, которая просвистѣла на вершокъ отъ моей головы.

— Вы думаете?

— Совершенно увѣренъ.

— Если вы въ этомъ такъ увѣрены, отвѣчалъ ла-Гюрьеръ, съ

невинною физиономією подымая свою кострюлю:—я не смѣю вамъ протнворъчитьъ.

— Да; что касается до меня, сказалъ ла-Моль:—такъ я ничего не требую.

— Какъ!..

— Только...

— Только что? спросилъ ла-Гюрьеръ.

— Только, чтобъ ты угощалъ обѣдомъ меня и моихъ пріятелей, когда намъ случится быть въ этомъ кварталѣ.

— Извольте! воскликнулъ восхищенный ла-Гюрьеръ. — Готовъ служить!

— Итакъ, это рѣшено?

— Съ моимъ удовольствіемъ... А вы, господинъ Коконн? вы тоже сѣглатны?

— Да, только съ условіемъ, такъ же, какъ ла-Моль.

— Съ какимъ?

— Чтѣбъ ты заплатилъ господину ла-Молю пятьдесятъ экю, которые я ему проигралъ и далъ тебѣ на сохраненіе.

— Мнѣ, когда же?

— За четверть часа до продажи моей лошади и чемодана.

Ла-Гюрьеръ кивнулъ головою.

— Понимаю, сказалъ онъ, подошелъ къ инкафу, досталъ 50 экю и отдалъ ихъ ла-Молю.

— Хорошо, хорошо! сказалъ онъ. — Приготовь-ка намъ теперь позавтракать. А 50 экю отдай Грегуару.

— Вы, господа, ведете себя по-царски, сказалъ ла-Гюрьеръ.— Готовъ служить вамъ върой и правдой.

— Въ такомъ случаѣ, подавай завтракъ, да не скупись.

Потомъ, взглянувъ на часы, онъ прибавилъ:

— Твоя правда, ла-Моль; намъ приходится ждать еще три часа; здѣсь можно провести ихъ не хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь. Да, кстати же, мы тутъ; если не ошибаюсь, на полдорогѣ къ мосту Сен-Мишель.

И молодые люди сѣли за тотъ же столъ и въ той же комнатѣ, гдѣ сидѣли вечеромъ 24 августа 1572 года, и гдѣ Коконнъ предложилъ ла-Молю играть на первую любовницу.

Къ чести нашихъ героевъ, должно прибавить, что теперь они не думали сдѣлать другъ другу подобнаго предложеніе.

III.

ЖИЛИЩЕ РЕНЕ, ПАРФЮМЕРА КОРОЛЕВЫ-МАТЕРИ.

Въ эпоху нашего повѣствованія только пять мостовъ связывали обѣ части города; мосты эти были отчасти каменные, отчасти деревянные, и всѣ примыкали къ Ситѣ. Они назывались: Мостъ о-Менъ, о-Шанжъ, Нотр-Дамъ, Пети-Понъ и Сен-Мишель.

Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ сообщеніе было необходимо, были устроены паромы, кое-какъ замѣнявшіе собою мосты.

Эти пять мостовъ были застроены домами, какъ, на-примѣръ, и теперь ещё застроенъ Понте-Веккіо, во Флоренціи.

Мостъ Сен-Мишель былъ выстроенъ изъ камня, въ 1373 году; не смотря на его кажущуюся прочность, разлитіе Сены разрушило его отчасти 31 января 1408 года; въ 1416 году его вновь выстроили изъ дерева, но вода снесла его опять въ ночи 16 декабря 1547; около 1550 года, то-есть за 22 года до эпохи разсказанныхъ нами событій, его опять выстроили изъ дерева, и хотя его пора было бы починить, однакожь онъ все еще держался довольно-прочно.

Посреди домовъ, тянувшихся вдоль моста, замѣтно было доечастное строеніе съ широкою крышею, нависшею на него, какъ рѣшца на огромный глазъ. Красноватый свѣтъ исходилъ изъ открытаго окна, бывшаго надъ окномъ и дверью въ подвальномъ этажѣ, герметически затворенными. Глаза проходящихъ останавливались на этомъ свѣтѣ и низкомъ, широкомъ фасадѣ дома, выкрашенномъ голубою краскою съ богатою золотою каймою. Родъ фриза, отдѣлявшаго нижнее строеніе отъ перваго этажа, былъ составленъ изъ множества чертиковъ въ самыхъ странныхъ положеніяхъ; между фризомъ и окномъ перваго этажа виднѣлась полоса, окрашенная такою же голубою краскою, съ слѣдующею надписью:

«РЕНЕ, ФЛОРЕНТИНЕЦЪ, ПАРФЮМЕРЪ КОРОЛЕВЫ-МАТЕРИ».

Двери этого жилища были, какъ мы уже сказали, крѣпко заперты; но страшная знаменитость жильца защищала ихъ отъ ночнаго нападкена еще лучше крючковъ и засововъ. Проходившіе по мосту въ этомъ мѣстѣ, почти всегда отходили отъ дома въ другую сторону, какъ-будто опасаясь, чтобъ ароматы Рене не проникли до нихъ сквозь стѣну.

Когда Рене выходилъ на мосту Сен-Мишель, даже соседи его сразу и слѣва убрались, одинъ за другимъ изъ квартиръ своихъ,

такъ-что оба сосѣдніе съ Рене дома опустѣли. Впрочемъ, не тѣря на это запустѣніе, запоздалые прохожіе видѣли сквозь за- тѣя ставни этнхъ домовъ свѣтъ и слышали какіе-то звуки, пѣ- жіе на жалобы. Это доказывало, что какія-то существа пе- щаютъ странное жилище. Неизвѣстно только было, къ этому ми- ру принадлежать они.

Это было причиною, что сосѣди двухъ опустѣвшихъ домовъ думывали иногда, не лучше ли и имъ, подобно сосѣдямъ, убраться подалше?

Такая страшная слава давала Рене возможность имѣть въ св- квартирѣ огонь долше назначеннаго часа.

Такъ-какъ мы предполагаемъ, что философія XVIII столѣ- тья уничтожила въ нашемъ читателѣ вѣру въ магію и маговъ, то пригласаемъ его войти съ нами въ это жилище, распростра- шее около себя такой ужасъ въ эпоху суевѣрія.

Лавка въ нижнемъ этажѣ темна и пуста до восьми часовъ вече- рѣ въ это время закрываютъ ее и не отворяютъ до слѣдующаго дня. Здѣсь продаются духи, мази и косметическія средства всѣхъ сортовъ составленныя искуснымъ химикомъ. Два ученика помогаютъ ей при этой розничной продажѣ, но они не спятъ въ этомъ домѣ: ночь проводятъ они въ Улицѣ-де-Каландрѣ. Вечеромъ, они выходятъ незадолго до того, какъ запирается лавка; поутру прогуливаются передъ лавкой, пока она не отворится.

Итакъ, эта лавка теперь темна и безмолвна.

Въ лавкѣ, довольно-широкой и глубокой, двѣ двери: каждая ведетъ на лѣстницу. Одна лѣстница идетъ въ самой стѣнѣ, — эт- боковая; другая, наружная, видна съ набережной, что теперь на- бережная des Augustins, и съ берега, гдѣ теперь набережная Ор- февръ.

Обѣ лѣстницы ведутъ въ комнату перваго этажа.

Эта комната одинаковой величины съ комнатою въ нижнемъ этажѣ. Только занавѣсъ, висящій по направленію моста, разделяетъ ее въ двѣ половины. Въ глубинѣ перваго отдѣленія дверь, ведущая къ наружной лѣстницѣ. Съ боку втораго отдѣленія другая дверь ведетъ къ потайной лѣстницѣ; но двери этой невидно, пото- му-что она закрыта высокимъ рѣзнымъ шкафомъ. Только Катери- на и Рене знаютъ о ея существованіи; сюда входитъ Катерина и отсюда выходитъ; здѣсь, приложивъ глазъ или ухо къ шкафу въ которомъ продѣланы отверстія, она слышитъ и видитъ все, что впроеходитъ въ комнату.

Въ этомъ второмъ отдѣленіи есть еще двѣ другія боковыя д- ври, нисколько-нескрытыя. Одна ведетъ въ маленькую комнату освещенную сквозь крышу; все убранство ея состоитъ изъ печи

вазъ, ретортъ и тому подобнаго: это лабораторія алхимика. Другая ведетъ въ комнату еще болѣе странную: здѣсь вовсе нѣтъ стѣн, нѣтъ ни ковровъ, ни мѣбели, — есть только родъ каменнаго алтара. Полъ состоитъ изъ каменной плиты, наклоненной отъ центра комнаты къ стѣнамъ; вдоль стѣнъ пробѣгаетъ жолобокъ и оканчивается воронкой, черезъ отверстіе которой виднѣется мрачныя юда Сены. На вбитыхъ въ стѣну гвоздяхъ висятъ инструменты странной формы, но всѣ острые, какъ иголка или какъ бритва; одни блестятъ какъ зеркало, другіе мутно-сѣроватаго или темнаго цвѣта. Въ углу бьются двѣ черныя курицы, связанныя другъ съ другомъ за ноги: здѣсь святилище гаданій.

Возвратимся въ среднюю комнату, раздѣленную на два отдѣленія.

Сюда-то вводятъ обыкновенныхъ посѣтителей; здѣсь египетскіе муміи съ золотыми повязками, крокодилъ съ разверстою пастью, мертвыя головы съ пустыми глазами и оскалившимися зубами, наконецъ старинныя, обглоданныя мышами книги, развлекаютъ вниманіе зрителя и не позволяютъ мыслямъ стремиться по прямой дорогѣ. За занавѣсомъ стоятъ стеклянки, ящички, кружки страннаго вида; все это освѣщено двумя маленькими серебряными лампами, совершенно-похожими одна на другую и какъ-будто похищенными изъ какой-нибудь церкви Санта-Марія Новелла или Деа-Серви во Флоренціи. Благовонное масло, горя въ лампахъ, изливаетъ желтоватый свѣтъ съ высоты свода.

Ренѣ, одинъ, сложивъ накрестъ руки и покачивая головою, ходитъ большими шагами по второму отдѣленію средней комнаты. Послѣ долгаго и мрачнаго раздумья онъ останавливается противъ песочныхъ часовъ.

— А! сказалъ онъ. — Я забылъ перевернуть ихъ; песокъ, можетъ-быть, уже давно пересыпался.

Потомъ, взглянувъ на мѣсяцъ, выходившій изъ-за чернаго облака надъ верхушкою колокольни Нотр-Дамъ, онъ продолжалъ:— Девять часовъ. Если она прійдетъ, то прійдетъ, какъ обыкновенно, черезъ часъ или черезъ полтора. На все довольно будетъ времени.

Въ эту минуту, на мосту послышался какой-то шумъ. Ренѣ приложилъ ухо къ отверстію длинной трубы, которой противоположной конецъ выходилъ на улицу въ видѣ мѣдной головы.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, это не она, и не онъ. Это мужскіе шаги; они остановились у моихъ дверей... идутъ сюда.

Послышались три удара.

Ренѣ быстро сошелъ внизъ. Впрочемъ, не отворяя еще дверей, онъ сталъ прислушиваться.

Три удара повторились.

— Кто тамъ? спросилъ Ренé.

— Развѣ непременно надо объявить имена? спросилъ чей-то голосъ.

— Непременно, отвѣчалъ Ренé.

— Въ такомъ случаѣ, я графъ Аннибалъ де-Коконна, сказалъ тотъ же голосъ.

— А я Леракъ де-ла-Моль, прибавилъ другой голосъ.

— Погодите немножко, господа. Сейчасъ.

Ренé отодвинулъ задвижки, отворилъ пришедшимъ дверь, и заперъ ее за ними только на замокъ. Потомъ повелъ ихъ по наружной лѣстницѣ во второе отдѣленіе.

Ла-Моль, входя, тихонько перекрестился; онъ былъ блѣденъ, руки его дрожали.

Коконна осматривалъ все вещи одну за другою и, встрѣтивъ, между прочимъ, дверь, ведущую въ комнату, хотѣлъ отворить ее.

— Извините! произнесъ Ренé важнымъ голосомъ, останавливая Коконна: — дѣлающіе мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, остаются только въ этой комнатѣ.

— А! Это дѣло другое; отвѣчалъ Коконна: — къ-тому же, мы жетелся присѣсть.

И онъ сѣлъ на стулъ.

Настала минута глубокаго молчанія. Ренé ждалъ, что кто-нибудь изъ молодыхъ людей начнетъ объясненіе. Среди общей тишины слышенъ былъ свистъ отъ дыханія Коконна, невполнѣ еще выздоровѣвшаго.

— Ренé! сказалъ онъ наконецъ. — Вы человекъ искусный: скажите, пожалуйста, останусь ли я навсегда калекой, то-есть, съ одышкой, такъ-что не могу ни вздти верхомъ, ни владѣть оружіемъ?

Ренé приложилъ ухо къ груди Коконна и началъ внимательно прислушиваться къ движенію легкихъ.

— Вы выздоровѣете, графъ.

— Право?

— Увѣрю васъ.

— Это меня радуетъ.

Опять воцарилось молчаніе.

— Не желаете ли вы еще что-нибудь узнать?

— Желаю, отвѣчалъ Коконна: — я желаю узнать, точно ли я влюбленъ?

— Вы влюблены, отвѣчалъ Ренé.

— Почему вы это знаете?

— Потому-что вы объ этомъ спрашиваете.

— Mordil! Чуть ли это не правда! Но въ кого?

— Въ ту, которая теперь кстати и некстати восклицаетъ: morgi! жъ вы.

— Право, Ренé, вы ловкйй человекъ! сказалъ изумленный Коконна. — Теперь твоя очередь, ла-Моль.

Ла-Моль покраснелъ и смѣшался.

— Чтò за чортъ! говори же! сказалъ Коконна.

— Говорите, сказалъ Флорентинецъ.

— Я, проговорилъ ла-Моль дрожащимъ голосомъ:—я не спрòшу васъ, влюбленъ ли я, потому-что знаю это очень-хорошо и не стану обмануть себя; но скажите, буду ли я любимъ? Все, что вышло мнѣ сначала надежду, приводитъ меня теперь въ отчаянiе,

— Но, можетъ-быть, вы не сдѣлали всего, что надо.

— А чтò же тутъ дѣлать? Я думаю, слѣдуетъ только доказать важнiемъ и преданностью, что я люблю ее глубже и истинно?

— Вы знаете, сказалъ Ренé: — что эти доказательства имѣютъ иногда очень-мало силы.

— Такъ должно, значить, отчаяваться?

— Нѣтъ, надо обратиться къ наукъ. Въ человѣческой натурѣ снъ антипатiи, которая можно побѣдить, есть и симпатiи, которые можно пробудить насильно. Желъзо не магнитъ; но если оно нагрѣто, оно также притягиваетъ къ себѣ желъзо.

— Конечно, конечно, сказалъ ла-Моль:—но я не люблю заговаривать.

— А! въ такомъ случаѣ, нѣ зачѣмъ было и приходить.

— Полно ребячиться, сказалъ Коконна. — Ренé, не можете ли вы мнѣ показать чорта?

— Нѣтъ, не могу.

— Жаль; мнѣ хотѣлось бы сказать ему слова два: это, можетъ-быть, придадо бы смѣлости ла-Молю.

— Такъ и быть! сказалъ ла-Моль. — Безъ обиняковъ: мнѣ горько о восковыхъ подобiяхъ любимой особы? Средство ли это?

— И вѣрнѣйшее.

— И это нисколько не повредитъ здоровью любимой особы, укоротитъ ея жизни?

— Нисколько.

— Такъ испытаетъ его.

— Хочешь, чтобъ я началъ? спросилъ Коконна.

— Нѣтъ, отвѣчалъ ла-Моль: — я началъ и кончу самъ.

— Вы сильно, страстно желаете знать истину, ла-Моль? спросилъ Флорентинецъ.

— До смерти, отвѣчалъ ла-Моль.

Въ эту минуту, кто-то постучался въ дверь съ улицы; но стукъ

былъ такъ тихъ, что его слышалъ одинъ Ренé, и то вѣрою потому только, что ждалъ его.

Предлагая пустые вопросы ла-Молю, онъ безъ всякаго принужденія приблизилъ ухо къ слуховой трубѣ и слышалъ чей-то лосъ, приковавшій къ себѣ все его вниманіе.

— Теперь обдумайте свое желаніе, сказалъ онъ: — и назовите любимую особу.

Ла-Моль сталъ на козлы, какъ-будто обращаясь къ божествамъ Ренé, вышелъ въ первое отдѣленіе, безъ шума скользнулъ лѣстницъ; черезъ минуту, легкіе шаги раздались въ лавкѣ.

Ла-Моль, вставая, опять увидѣлъ передъ собою Ренé; въ руки у Флорентинца была маленькая восковая фигура, посредственнаго отдѣлки, въ коронѣ и мантии.

— Вы все-таки хотите, чтобъ царственная особа любила васъ, спросилъ парфюмеръ.

— Да; пусть утрачу я жизнь, пусть погублю душу,—все равно отвѣчалъ ла-Моль.

— Хорошо, сказалъ Флорентинецъ, обмочивъ концы своихъ пальцевъ въ воду въ какомъ-то кувшинѣ; онъ обрызгалъ ею лоду фигурки, произнося латинскія слова.

Ла-Моль вздрогнулъ; онъ чувствовалъ, что совершается преступленіе.

— Что это вы дѣлаете? спросилъ онъ.

— Я крещу эту фигурку именемъ вашей любезной.

— Но какая цѣль?..

— Цѣль — возбудить симпатію.

Ла-Моль открылъ ротъ, желая прекратить дальнѣйшее дѣйствіе насмѣшливымъ взглядъ Коконнэ остановилъ его.

Ренé, замѣтившій это движеніе, остановился.

— На это необходима полная воля, сказалъ онъ.

— Продолжайте, отвѣчалъ ла-Моль.

Ренé написалъ на красной полоскѣ бумаги какіе-то кабалистическіе знаки, продѣлъ бумажку въ ушко стальной иглы, и вонзилъ фигурку въ сердце.

Странное дѣло! изъ раны показалась капелька крови. Въ слѣдствіе Ренé сжегъ бумажку.

Жаръ иглы растопилъ около нея воскъ и высушилъ каплю крови.

— Итакъ, сказалъ Ренé: — силою симпатіи ваша любовь проникаетъ въ сердце любимой вами женщины и зажжетъ въ немъ взаимное чувство.

Коконнэ, какъ вольнодумецъ, потихоньку подсмѣивался; но ла-Моль, влюбленный и суевѣрный, почувствовалъ, что холодный испугъ выступаетъ у него на лбу.

— Приложите теперь свои губы къ губамъ статуйки и произнесите:

— Маргерита, я люблю тебя! Ко мнѣ, Маргерита!

Ла-Моль повиновался.

Въ это время послышалось, что отворились двери во второй кабинетъ, и раздался шелестъ легкихъ шаговъ. Коконна, любопытный и недоверчивый, выхватилъ кинжалъ; онъ опасался, что если начнетъ приподнять занавѣску, то Ренё опять его остановитъ, и потому сдѣлалъ въ ней прорывъ кинжаломъ и приложилъ къ нему пл. Въ ту же минуту онъ вскрикнулъ отъ изумленія, и на его рты ствѣчали крикомъ два женскіе голоса.

— Что тамъ? спросилъ ла-Моль, чуть не выронивъ изъ рукъ окую фигуру, которую Ренё успѣлъ взять у него.

— Герцогиня де-Неверъ и королева Маргерита здѣсь, отвѣчалъ Коконна.

— Ну, что, невѣрующіе? спросилъ Ренё съ мрачною улыбкою.

— Вы и теперь сомнѣваетесь еще въ силѣ симпатій?

Ла-Моль окаменѣлъ при видѣ королевы; Коконна потерялся на минуту, увидѣвъ герцогиню. Онъ вообразилъ себя, что колдовство Ренё вызвало духъ Маргериты; другой, видя полурасстворенную дѣву, въ которую проскользнули милыя тѣни, скоро объяснилъ себя это чудо самымъ естественнымъ образомъ.

Между-тѣмъ, какъ ла-Моль крестился, Коконна, имѣвшій время надумать себя философскихъ вопросовъ и отогнать злаго духа кропиломъ, называемымъ невѣріемъ, Коконна замѣтилъ въ прорывѣ иназвѣски изумленіе герцогини и довольно-саркастическую улыбку Маргериты. Онъ понялъ, что минута была рѣшительна, и что за друга можно сказать то, чего не скажешь за самого-себя. Онъ прямо подошелъ не къ герцогинѣ, а къ Маргеритѣ, и ставъ на колѣно, воскликнулъ голосомъ, которому свистъ отъ его раны придавалъ какую-то особенную силу выраженія:

— Ваше величество! Ренё, по просьбѣ друга моего, ла-Моля, вызвалъ въ эту самую минуту вашу тѣнь. Къ величайшему удивленію моему, тѣнь ваша явилась въ сопровожденіи дорогаго ми неня тѣла. Тѣнь ея величества королевы наваррской! Не угодно ли сказать тѣлу вашей спутницы, чтобъ оно перешло на другую сторону занавѣски?

Маргерита засмѣялась и сдѣлала герцогинѣ знакъ перейти, куда говорилъ Коконна.

— Ла-Моль, другъ мой! сказалъ Коконна. — Будь краснорѣчивъ, какъ Демосеенъ, какъ Цицеронъ, какъ л'Опиталь! Увѣрь герцогиню де-Неверъ, что я преданнѣйшій, вѣрнѣйшій слуга ея! Не забудь — дѣло идетъ о моей жизни!

— Но... проговорилъ ла-Моль.

— Дѣлай, что я говорю. Вы, Ренé, смотрите, чтобъ никто помѣшалъ намъ.

Ренé повиновался.

— Mordi! сказала Маргерита: — вы сметливы. Извольте, я вас слушаю; что хотите вы сказать мнѣ?

— Я долженъ сказать вамъ, что тѣнь моего друга (это тѣнь; казательство: онъ не можетъ выговорить ни слова) — такъ я долженъ объявить вамъ, что эта тѣнь умоляетъ меня воспользоваться моею тѣлесною способностью внятно произносить слова, и сказать вамъ:—Прекрасная тѣнь! Бѣдный ла-Моль лишился и тѣла и дѣханія изъ-за вашихъ суровыхъ взглядовъ. Еслибъ вы были вами, я скорѣе попросилъ бы Ренé запрянуть меня въ какую-нибудь сѣдянку, а ужъ ни за что не рѣшился бы сказать этого дочке Генриха II-го, сестрѣ Карла IX-го, супругѣ короля наварресскаго. Тѣни не причастны земной гордости и не сердятся за то, что полюбятъ. Попросите же ваше тѣло хоть немного полюбить душу ла-Моля, бѣдную, страждущую душу, — душу, обиженную сперва дружбою, которая нѣсколько разъ пронзала его шпагой; душою, опаленною огнемъ вашихъ глазъ, огнемъ, который въ тысячу разъ употребительнѣе огня преисподней. Сжальтесь надъ бѣдною душою. Полюбите немножко того, кто нѣкогда былъ прекраснымъ ла-Мольемъ, и если вы лишены слова, улыбнитесь, привѣтствуйте его рукою. Душа моего друга очень-понятлива, она сейчасъ пойметъ васъ. Улыбнитесь же, — или mordi! я прокалю шпагою Ренé, чтобъ онъ заставилъ такъ кстати-вызванную тѣнь вашу сдѣлать что-нибудь не очень для нея приличное.

Коконна произнесъ эту рѣчь съ позою Энея, низходящаго в адъ; Маргерита не могла удержаться отъ громкаго смѣха и, сохранивъ приличное царской тѣни молчаніе, протянула къ Коконну руку.

Онъ учтиво взялъ ея руку и воскликнулъ:

— Тѣнь моего друга! Прійди сюда немедленно!

Ла-Моль, дрожа, въ замѣшательствѣ, подошелъ.

— Хорошо, сказалъ Коконна, взявъ его за затылокъ: — теперь наклони свое смуглое безтѣлесное лицо къ духовной близнѣ этой ручки.

И Коконна, подкрѣпивъ слова свои жестомъ, соединилъ красивую ручку съ губами ла-Моля; онъ продержалъ ихъ такъ съ минуту, и ручка вовсе не старалась освободиться изъ плѣна.

Маргерита не переставала улыбаться; но герцогиня, пораженная неожиданною встрѣчею съ молодыми людьми, не улыбалась. Къ тому же, она почувствовала первое движеніе ревности: Коконна

не долженъ былъ, по ея мнѣнію, до такой степени забывать свои дѣла изъ-за чужихъ.

Ла-Моль замѣтилъ, какъ нахмурила она брови, какъ грозно сверкнули ея глаза, и, не смотря на собственное упоеніе, понявъ, какой опасности подвергается другъ его, — догададся, что можно сдѣлать для его спасенія.

Онъ всталъ и оставилъ руку Маргериты въ рукѣ Коконнѣ; потомъ подошелъ къ герцогинѣ, взялъ ее за руку, и ставъ на кофѣно, произнесъ:

— Прекраснѣйшая, достойнѣйшая любви женщина! Я говорю о живыхъ женщинахъ, а не о тѣняхъ, прибавилъ онъ, съ улыбкою оглянувшись на Маргериту. — Позвольте мнѣ, освобожденной отъ своей земной оболочки, исправить отсутствіе тѣла, увлекающагося матеріальною дружбою. Коконнѣ человекъ твердый и смѣлый; тѣло, можетъ-быть, очень-красивое собою, но брѣнное, какъ все тѣло. *Omnis caro foenum*. Не смотря на то, что онъ съ утра до вечера читаетъ мнѣ панегирики въ вашъ счетъ, не смотря на то, что онъ въ вашихъ глазахъ наносилъ изумительные удары врагамъ, — онъ, этотъ боецъ, столь краснорѣчиво говорящій къ тѣни, не смѣетъ обратиться къ женщинѣ. Вотъ почему онъ прибѣгъ къ тѣни королевы, и поручилъ мнѣ заговорить съ вашимъ прекраснѣйшимъ тѣломъ, — сказать вамъ, что онъ повергаетъ къ стопамъ вашей свое сердце и душу, проситъ подарить его божественнымъ взглядомъ, сдѣлать ему изящною рукою знакъ приблизиться, сказать ему гармоническимъ голосомъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя навсегда остаются въ памяти; въ противномъ случаѣ, онъ проситъ меня вторично пронзить его моею шпагою, — а шпага моя не тѣнь; это настоящій клинокъ. Онъ не можетъ жить, если вы не позволите ему жить исключительно для васъ.

Коконнѣ произнесъ свою рѣчь съ силою и жаромъ; Ла-Моль выскзалъ въ своихъ словахъ много чувства и умиленія.

Глаза Анриэтты, внимательно выслушавшей Ла-Моля, обратилась на Коконнѣ; она хотѣла увидѣть, согласуется ли лицо его съ любовною рѣчью его друга. Вѣроятно, она осталась доводѣна выраженіемъ его лица: покраснѣвъ, съ стѣсненнымъ дыханіемъ, она сказала ему улыбаясь:

— Это правда?

— *Mordi!* воскликнулъ Коконнѣ, очарованный ея взглядомъ. — Правда ли! Дá, правда, клянусь жизнью и смертью!

— Такъ подойдите же, сказала Анриэтта, протягивая ему руку.

Коконнѣ бросилъ въ воздухъ свой бархатный беретъ, и въ одинъ скачокъ очутился возлѣ герцогини. Ла-Моль, подозванный Маргеритою, сдѣлалъ съ своимъ товарищемъ любовное *chassez-croisez*.

Въ эту минуту, Ренé появился у дверей въ глубинѣ комнаты.
— Тише! сказалъ онъ такимъ голосомъ, что весь пылъ любви вдругъ угасъ:—тише!

И въ толщѣ стѣны послышался скрипъ желѣза, поворачиваемаго въ замкъ, и визгъ двери на петляхъ.

— Но, кажется, никто не имѣетъ права войти сюда, когда мы здѣсь? гордо сказала Маргерита.

— Даже и королева-мать? шопотомъ спросилъ Ренé.

Маргерита въ то же мгновеніе бросилась по наружной лѣстницѣ увлекая за собою ла-Моля; Анриэтта и Коконна послѣдовали за ними.

Всѣ четверо улетѣли, какъ улетаютъ съ вѣтки дерева испуганныя птички.

IV.

Черныя куры.

Объ парочки успѣли улетѣть только-что во-время. Въ ту самую минуту, когда Коконна и герцогиня де-Неверъ выходили изъ комнаты, Катерина отмыкала замкъ во второй двери, и при входѣ въ комнату могла слышать скрипъ лѣстницы подъ ногами уходящихъ.

Она оглянулася внимательно, и, устремивъ потомъ подозрительный взоръ на Ренé, почтительно передъ ней склонившагося, спросила:

— Кто здѣсь былъ?

— Влюбленные, которые успокоились, когда я сказалъ имъ, что они любятъ другъ друга.

— Оставимъ ихъ въ покоѣ, сказала Катерина, пожимая плечами.—Никого здѣсь больше нѣтъ?

— Никого, исключая вашего величества и меня.

— Слышали вы то, что я говорила?

— На-счетъ черныхъ куръ?

— Да.

— Онѣ готовы, ваше величество.

— Ахъ, еслибъ вы были Еврей! проговорила Катерина.

— Я—Еврей? зачѣмъ?

— Вы могли бы прочесть драгоценныя писанія Евреевъ о жертвоприношеніяхъ. Я велѣла перевести для себя одну изъ этихъ книгъ; тамъ сказано, что Евреи не искали предзнаменованій, подобно Римлянамъ, въ сердцахъ или въ печени: они искали ихъ въ расположе-

ни мозга и въ очертаніи буквъ, начертанныхъ на немъ всемогущею рукою судьбы.

— Да, ваше величество, я слышалъ то же самое отъ одного стараго раввина, моего хорошаго знакомаго.

— Эти буквы, продолжала Катерина: — разоблачаютъ цѣлую жизнь. Только халдейскіе мудрецы совѣтуютъ...

— Что же они совѣтуютъ? спросилъ Ренé, видя, что Катерина остановилась.

— Совѣтуютъ дѣлать опыты надъ человѣческимъ мозгомъ, который больше развитъ и въ которомъ больше симпатія съ волею гадателя.

— Ваше величество очень-хорошо знаете, что это невозможно, заиѣлъ Ренé.

— По-крайней-мѣрѣ, трудно; еслибъ мы знали это въ вавилонскую ночь... вотъ была богатая жатва, Ренé! Но при первомъ осужденномъ... я объ этомъ подумаю. Пока удовольствуемся тѣмъ, что теперь возможно. Комната для жертвоприношеній готова?

— Готова, ваше величество.

— Пойдемъ.

Ренé зажегъ свѣчу, составленную изъ различныхъ веществъ; она распространяла то тонкій, то смиранный запахъ, доказывавшій разнородность ея состава. Освѣщая дорогу Катеринѣ, онъ первый вошелъ въ комнату.

Катерина сама выбрала изъ множества инструментовъ ножъ изъ стали, а Ренé пошелъ за одною изъ лежавшихъ въ углу куръ.

— Какъ же мы распорядимся?

— Посоветуемся съ печенью одной и съ мозгомъ другой курицы. Если результатъ обоихъ опытовъ будетъ одинъ и тотъ же, надобно будетъ имъ повѣрить; особенно, если они будутъ согласны съ предшествовавшими.

— Съ чего же мы начнемъ?

— Съ печени.

— Хорошо, сказалъ Ренé. Онъ привязалъ курицу на маленькій алтарь за два кольца, вдѣланные съ двухъ концовъ его, такъ-что животное, лежа на спинѣ, могло только биться, не двигаясь съ мѣста.

Катерина разсѣкла грудь его однимъ ударомъ. Курица вскрикнула три раза и издохла.

— Опять крикнула три раза, проговорила Катерина:—три знака смерти. — Потомъ она вскрыла ея тѣло.

— И печень обращена влѣво, продолжала она:—постоянно влѣ-

во. Тройная смерть и въ-слѣдъ за тѣмъ паденіе. Не ужасно ли это, Ренé?

— Посмотримъ, что скажетъ второй опытъ.

Ренé отвязалъ тѣло курицы, бросилъ его въ уголь, и пошелъ за другою. Но другая курица, предчувствуя судьбу свою, старалась ускользнуть отъ смерти бѣгая вокругъ комнаты. Наконецъ она прижалась въ уголь, но она перелетѣла черезъ голову Ренé и погибла на лету магическую свѣчу, бывшую въ рукъ Катерины.

— Видите, Ренé, сказала Катерина.—Такъ угаснетъ родъ нашъ. Смерть дохнетъ на него, и онъ исчезнетъ съ лица земли. Три сына, однакоже, три сына!.. проговорила она печально.

Ренé взялъ погасшую свѣчу и вышелъ зажечь ее въ другую комнату.

Когда онъ возвратился, курица лежала забившись головою въ воронку.

— На этотъ разъ я предупрежу крикъ, сказала Катерина. — Отсыжку ей голову съ-разу.

И дѣйствительно, когда курицу привязали, Катерина однимъ ударомъ снесла ей голову. Посреди послѣднихъ судорогъ клювъ три раза открылся и закрылся.

— Видишь ли, сказала въ ужасъ Катерина:—она не могла крикнуть, она зѣвнула три раза. Три, и вѣчно три! Они умрутъ все трое. Посмотримъ теперь на мозгъ.

Катерина срезала поблѣднѣвшій гребень животного, осторожно вскрыла черепъ, и, раздвинувъ его такъ, чтобы можно было видѣть возвышенія мозга, старалась найти въ кровавыхъ чертахъ мозговой оболочки изображеніе какой-нибудь буквы.

— Опять! сказала она: — опять! И теперь еще яснѣе, дежел когда-нибудь! Подойди, посмотри.

Ренé подошелъ.

— Что это за буква? спросила Катерина, указывая на мозгъ.

— Это Г, отвѣчалъ Ренé.

— Сколько разъ повторяется она?

Ренé стелъ.

— Четыре раза, сказалъ онъ.

— Ну, что, не правда ли? Это значитъ: Генрихъ IV... О! сказала она, бросая ножъ:—я проклята въ моемъ потомствѣ.

Ужасенъ былъ блѣдный видъ этой женщины, озаренной тусклымъ пламенемъ свѣчи.

— Онъ будетъ царствовать, сказала она съ улыбкою отчаянія.— онъ будетъ царствовать!

— Онъ будетъ царствовать, повторилъ Ренé въ глубокомъ раздумьѣ.

Но мрачное выраженіе скоро исчезло съ лица Катерины при сѣтъ мысли, блеснувшей въ душѣ ея.

— Ренé, сказала она, протягивая руку къ Флорентинцу, но не подымая головы своей, поникшей на грудь. — Ренé, слышалъ ли ты ужасную исторію о перузскомъ докторѣ, который, посредствомъ ядовитой помады, разомъ отравилъ и дочь свою и ея любовника?

— Слышалъ, ваше величество.

— И этотъ любовникъ былъ...? продолжала Катерина задумчиво.

— Король Владиславъ.

— Да, правда. Знаешь ты подробности этой исторіи?

— У меня есть старая книга; тамъ все описано.

— Такъ пойдемъ въ другую комнату; ты одолжишь мнѣ эту книгу.

Оба вышли изъ коморки, и Ренé замкнулъ дверь за собою.

— Прикажете, ваше величество, распорядиться на-счетъ новыхъ жертвоприношеній? спросилъ Флорентинецъ.

— Нѣтъ, Ренé, нѣтъ; теперь я достаточно убѣждена. Подождемъ, пока можно будетъ употребить въ дѣло голову какого-нибудь осужденнаго, и въ день казни ты условившись съ палачемъ.

Ренé поклонился въ знакъ согласія, подошелъ со свѣчою въ рукахъ къ книжнымъ полкамъ, сталъ на стулъ, взялъ книгу и подалъ ее королевѣ.

Катерина раскрыла ее.

— Что это такое? спросила она. — «О способѣ воспитанія кречетовъ и соколовъ, и о лучшихъ средствахъ дѣлать ихъ смѣлыми и всегда готовыми на охоту».

— Ахъ, извините, ваше величество! я ошибся. Это охотничье сочиненіе, написанное однимъ луккскимъ ученымъ для знаменитаго Кастручіо Кастракани. Оно стояло рядомъ съ той книгой, и въ одинаковомъ переплетѣ. Я ошибся. Впрочемъ, это драгоценная книга; ея всего только и существуетъ три экземпляра: одинъ принадлежитъ венеціанской библіотекѣ, другой былъ купленъ вашимъ предкомъ Лаврентіемъ и подаренъ Петромъ Медичи королю Карлу VIII во время его пребыванія во Флоренціи, — а это третій.

— Уважаю его за рѣдкость, сказала Катерина: — но онъ мнѣ не нуженъ, и я возвращаю его тебѣ.

Она протянула правую руку къ Ренé за другую книгую, отдавая въ то же время рѣдкій экземпляръ.

На этотъ разъ, Ренé не ошибся, доставая книгу. Ренé сошелъ со скамейки, прорылся немного въ книгъ и вручилъ ее королевѣ открытую.

Катерина сѣла къ столу; Ренé поставилъ передъ нею магическую свѣчу и при свѣтъ ея голубоватаго пламени Катерина вполголоса прочла нѣсколько строкъ.

— Хорошо, сказала она, закрывая книгу. — Вотъ все, что хотѣла знать.

Она встала, оставивъ книгу на столѣ, и отошла съ родившеюся въ головѣ ея мыслью.

Ренé ждалъ почтительно, держа въ рукахъ свѣчу, новыхъ приказаній или новыхъ вопросовъ.

Катерина сдѣлала нѣсколько шаговъ, склонивъ голову, и молча приложивъ къ губамъ палецъ.

Вдругъ она остановилась передъ Ренé и, устремивъ на него требивый взоръ, сказала:

— Признайся, что ты составилъ для нея какое-нибудь зелье?

— Для кого? спросилъ вздрогнувъ Ренé.

— Для госпожи де-Совъ.

— Я, ваше величество? Никогда.

— Никогда?

— Клянусь вамъ.

— Тутъ, однакожъ, не безъ колдовства; онъ влюбленъ въ нее какъ дуракъ, — а вѣдь не славится своимъ постоянствомъ!

— Кто, ваше величество?

— Онъ, проклятый Генрихъ, — тотъ, который будетъ наследникомъ нашихъ трехъ сыновей, тотъ, котораго будутъ звать Генрихомъ IV, и который, однакожъ, сынъ Жанны д'Альбре.

Катерина вздохнула при этихъ словахъ, такъ-что Ренé вздрогнулъ. Онъ вспомнилъ о знаменитыхъ перчаткахъ, которыя приготовилъ, по приказанію Катерины, для королевы наваррской.

— Такъ онъ все-еще къ ней ходитъ? спросилъ Ренé.

— Дá, отвѣчала Катерина.

— А я думалъ, что онъ совсемъ обратился къ женѣ.

— Комедія, Ренé, комедія! Не знаю, съ какою цѣлью, но всѣ стараются обмануть меня. Даже дочь моя Маргерита противъ меня; можетъ-быть, и она рассчитываетъ на смерть своихъ братьевъ и надѣется быть французской королевой.

— Дá, можетъ-быть, повторилъ Ренé, погруженный въ задумчивость, какъ эхо отвѣчая на страшное предположеніе Катерины.

— Впрочемъ, посмотримъ, сказала она, и пошла къ двери въ глубинѣ комнаты; она была увѣрена, что они одни, и потому ей не зачѣмъ было идти по потайной лѣстницѣ.

Ренé пошелъ впередъ, и черезъ нѣсколько минутъ они очутились въ лавкѣ парфюмера.

— Ты обѣщалъ мнѣ доставить новыя косметическія средства

для рукъ и губъ, Ренé. Теперь настала зима, а кожа моя, ты знаешь, чувствительна къ холоду.

— Я объ этомъ уже позаботился, ваше величество, и завтра же доставлю ихъ.

— Завтра ты меня не заставишь раньше девяти или десяти часовъ вечера. Двѣмъ я говѣю.

— Я явлюсь въ Лувръ въ девять часовъ.

— У госпожи де-Совъ прекрасныя руки и губы, равнодушно мыслитъ Катерина: — чѣмъ она ихъ притираетъ?

— Руки?

— Да, во-первыхъ, руки.

— Гелиотропомъ.

— А губы?

— Для губъ она будетъ употреблять новозобрѣтенный мною мѣлъ; завтра я хотѣлъ доставить по баночкѣ этого средства и ей и вашему величеству.

Катерина на минуту задумалась.

— Впрочемъ, она хороша собою, сказала она, отвѣчая на собственную мысль, и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что Беарнецъ любитъ въ нее.

— А главное, она предана вашему величеству, сказалъ Ренé: — во-крайней-мѣрь, мнѣ такъ кажется.

Катерина усмѣхнулась и пожала плечами.

— Развѣ влюбленная женщина можетъ быть предана кому-нибудь, кромѣ предмета своей страсти? Ты далъ ей какое-нибудь зелье, Ренé!

— Клянусь вамъ, что нѣтъ!

— Довольно, оставимъ это. Покажи же мнѣ этотъ новый опіатъ, который освежитъ ея губы.

Ренé подошелъ къ полкѣ и показалъ Катеринѣ шесть серебряныхъ баночекъ одинаковой формы, стоявшихъ рядомъ.

— Вотъ единственное средство, о которомъ она меня просила, сказалъ Ренé. — Правда, я составилъ его собственно для нея; у нея такія нѣжныя губы, что равно сохнутъ отъ солнца и отъ вѣтра.

Катерина открыла одну баночку; она была наполнена мазью прелестнаго кармазиннаго цвѣта.

— Ренé, сказала она: — дай мнѣ мазя для моихъ рукъ; у меня ея уже нѣтъ, такъ я возьму теперь съ собою.

Ренé взялъ свѣчу и пошелъ въ сосѣднее отдѣленіе отыскивать требуемое. Между-тѣмъ, онъ замѣтилъ, что Катерина быстро схватила одну баночку и спрятала подъ мантию. Онъ уже такъ при-

выкъ къ подобнымъ похищеніямъ королевы-матери, что притворился, будто ничего не замѣтилъ. Педавая ей мазь, онъ сказалъ — Извольте, ваше величество.

— Благодарю! сказала она.

Потомъ, помолчавъ съ минуту, прибавила:

— Отнеси этотъ опіать къ госпожѣ де-Совѣ не раньше, какъ двѣй черезъ восемь или десять. Я сама прежде хочу его попребовать.

И она собралась уйдти.

— Прикажете проводить васъ, ваше величество?

— Только до конца моста, отвѣчала Катерина. — Тамъ ждутъ меня носилки.

Они вышли и скоро поравнялись съ угломъ Улицы-де-Барильеръ, гдѣ ждали Катерину четверо придворныхъ верхомъ и носилки безъ герба.

Возвратившись домой, Ренé прежде всего перечелъ бабочки съ опіатомъ.

Одной не доставало,

У.

Жилище г-жи де-Совѣ.

Катерина не обманулась въ своихъ подозрѣніяхъ. Генрихъ принялся за старое и каждый вечеръ уходилъ къ г-жѣ де-Совѣ. Сначала, онъ дѣлалъ это съ величайшею осторожностью; но потомъ недовѣрчивость его мало-по-малу ослабѣла, и онъ распорядился довольно-небрежно, такъ-что Катеринѣ не трудно было увѣриться, что Маргерита только называлась королевой наваррской, а что въ сущности ея была г-жа де-Совѣ.

При началѣ нашей повѣсти, мы сказали нѣсколько словъ о комнатѣ г-жи де-Совѣ; но дверь, отворенная Дариолою для Генриха, закрывалась за нимъ герметически, такъ-что комната эта, театръ таинственной любви Беарнца, совершенно намъ неизвѣстна.

Это жилище было въ родѣ тѣхъ квартиръ, какія отводятся для лицъ, которыхъ желаютъ имѣть всегда подъ рукою. Оно было меньше и не такъ удобно, какъ квартира, нанятая въ городѣ. Обиталище г-жи де-Совѣ было, какъ уже извѣстно читателю, во второмъ этажѣ, почти надъ отдѣленіемъ Генриха; дверь изъ него вела въ корридоръ, освѣщенный въ концѣ черезъ стрельчатое окно. Даже и въ самые ясные дни года, свѣтъ плохо проникалъ

в его маленькія стекла, оправленные свинцовымъ переплетомъ. В время зимы, уже съ трехъ часовъ пополудни надобно было зажигать лампу; а такъ-какъ въ лампу вливали, лѣтомъ и зимою, постоянно одинаковое количество масла, то она и угасала въ девять часовъ вечера. Мракъ покровительствовалъ любовникамъ зимою.

Нилснкая передняя, обитая шелковою матеріею съ крупными желтыми цвѣтами, пріемная, обтянутая голубымъ бархатомъ, спальня съ кроватью, украшенною витыми столбиками и вишневыми шелковыми занавѣсами, съ зеркаломъ въ серебряной рамѣ и двумя картинами, изображающими любовь Венеры и Адониса — таково было жилище (теперь назвали бы его гнѣздомъ) фрейлины Катерины Медичи.

Внимательный наблюдатель замѣтилъ бы еще противъ туалета со стѣны его принадлежностями, въ темномъ углу комнаты, маленькую дверь: она вела въ молельню, гдѣ, на двухъ ступеняхъ, стояла икона. Въ этой молельнѣ висѣли на стѣнѣ, какъ будто въ искупленіе двухъ упомянутыхъ миеологическихъ картинъ, три или четыре произведенія самаго фанатическаго спиритизма. Между ними, на вызолоченныхъ гвоздяхъ, висѣло женское оружіе; въ эту эпоху таинственныхъ интригъ, женщины носили оружіе, какъ мужчины, и нерѣдко владѣли имъ такъ же ловко.

Вечеру, на другой день послѣ описанныхъ нами происшествій въ жилищѣ Ренѣ, г-жа де-Совъ сидѣла въ спальнѣ и говорила Генриху о своихъ опасеніяхъ и любви своей, приводя въ доказательство преданность, выказанную ею въ ночь, слѣдовавшую за избіеніемъ протестантовъ, — ночь, которую Генрихъ провелъ у жены своей.

Генрихъ, съ своей стороны, благодарилъ ее. Г-жа де-Совъ была въ этотъ вечеръ очаровательна въ простомъ батистовомъ пенюарѣ, и Генрихъ былъ очень-признателенъ.

Но онъ былъ дѣйствительно влюбленъ и, слѣдовательно, сдѣлался нечестителемъ. Г-жа де-Совъ, всею душою предавшаяся любви, которая началась по приказанію Катерины, внимательно смотрѣла на Генриха, желая замѣтить, согласны ли глаза его съ словами.

— Будьте откровенны, Генрихъ, говорила она.—Когда вы провели ночь въ кабинетѣ королевы паваррской, и да-Моль лежалъ у вашихъ ногъ, не жалѣли вы, что онъ между вами и спальней королевы?

— Да, отвѣчалъ Генрихъ: — потому-что я неизбежно долженъ былъ пройти черезъ эту комнату, чтобъ прійти сюда, гдѣ мнѣ такъ хорошо, гдѣ я такъ счастливъ въ эту минуту...

Г-жа де-Совъ улыбулась.

— И послѣ того вы туда не заходили?

— Заходилъ, когда говорилъ вамъ объ этомъ.

— И никогда не зайдете не сказавши?

— Никогда.

— Побожитесь?

— Отъ-чего жь бы не побожиться, еслибъ я былъ еще гуге томъ! Но...

— Но что?

— Но католическая религія, которой догматы я теперь изучаю, запрещаетъ божиться.

— Гасконецъ! сказала г-жа де-Совъ, качая головою.

— А если я, въ свою очередь, стану предлагать вамъ вопросъ Шарлотта, будете вы отвѣчать?

— Конечно. Мнѣ нѣчего отъ васъ скрывать.

— Посмотримъ. Объясните, пожалуйста, хорошенько, какъ случилось, что послѣ упорнаго сопротивленія вашего до моей женитьбы, вы вдругъ сдѣлались не такъ жестоки ко мнѣ, неволному Беарнцу, смѣшному провинциалу, бѣдняку-государю, который не въ состояніи поддержать блеска своей короны?

— Генрихъ, вы требуете отъ меня разрѣшенія загадки, которое вотъ уже три тысячи лѣтъ какъ отыскиваютъ философы всѣхъ странъ. Не спрашивайте женщины, Генрихъ, почему она васъ любитъ; удовольствуйтесь вопросомъ: любите ли вы меня?

— Любите ли вы меня, Шарлотта? спросилъ Генрихъ.

— Люблю, отвѣчала она съ обворожительной улыбкой, опуская руку свою въ руку Генриха.

Генрихъ пожалъ ее.

— Что жь, сказалъ онъ, продолжая свою мысль: — что если отгадалъ это слово, которое философы тщетно ищутъ три тысячи лѣтъ; отгадалъ, по-крайней-мѣрѣ, въ-отношеніи васъ, Шарлотта?

Г-жа де-Совъ покраснѣла.

— Вы любите меня, продолжалъ Генрихъ:— слѣдовательно, мнѣ не о чемъ больше просить васъ, и я считаю себя счастливѣйшимъ человекомъ въ мірѣ. Но, вы знаете, для счастья всегда чего-нибудь да не достаетъ. Адамъ, среди рая, не былъ вполне счастливъ, и отдалъ несчастнаго яблока, вселившаго въ насъ это непреодолимое любопытство, которое каждого изъ насъ заставляетъ гоняться всю жизнь за чѣмъ-то неизвѣстнымъ. Скажите, Екатерина ли приказала вамъ сначала любить меня?

— Говорите тише, Генрихъ, когда вы говорите о королевѣ-матери.

— О! сказалъ Генрихъ такъ непринужденно и добродушно, что

обмануль даже г-жу де-Совъ:—прежде, когда мы были не въ ладахъ, конечно, я могъ не довѣрять ей; но теперь, женившись на ея дочери...

— На Маргеритъ! прервала его Шарлотта, покраснѣвъ отъ ревности.

— Говорите тише и вы въ свою очередь, сказалъ Генрихъ. — Теперь, когда я сдѣлался мужемъ ея дочери, мы друзья какъ-велика-больше. Чего хотѣли? Чтобъ я сдѣлался католикомъ, кажется? Что же, благодать низошла и на меня; заступленіемъ св. Варооломея я обращенъ. Мы живемъ теперь доброй семьей, какъ братья и христіане.

— А королева Маргерита?

— Королева Маргерита? сказалъ Генрихъ:—она связь, которая соединяетъ всѣхъ насъ.

— Но вы говорили мнѣ, Генрихъ, что королева наваррская была великодушна ко мнѣ за то, что я была предана ей. Если вы сказали мнѣ правду, если это великодушіе, за которое я ей столько благодарна, не выдумка, то это условная связь, которую легко разорвать. Вы не можете полагаться на такую опору, потому-что ваша кажущаяся короткость ни на кого не сдѣлала особеннаго впечатлѣнія.

— И, однакожь, я опираюсь на нее; на этомъ изголовьѣ покоюсь уже три мѣсяца.

— Въ такомъ случаѣ, вы меня обманули, воскликнула г-жа де-Совъ.—Маргерита дѣйствительно жена ваша.

Генрихъ улыбнулся.

— Вотъ эти-то улыбки и выводятъ меня изъ терпѣнія, сказала Шарлотта: — хоть вы и король, а, право, мнѣ приходится иногда страшная охота выцарапать вамъ глаза...

— Такъ выходитъ, что эта кажущаяся короткость сдѣлала свое впечатлѣніе; есть минуты, когда вы хотите вырвать мнѣ глаза, потому-что считаете ее не притворствомъ.

— Генрихъ! Генрихъ! Нѣтъ возможности узнать ваши мысли.

— А моя мысль вотъ какая: сперва Катерина приказала вамъ любить меня, потомъ то же самое приказало вамъ ваше собственное сердце, и теперь когда вы слышите оба голоса, вы внимаете только голосу своего сердца. Я люблю васъ тоже, люблю отъ всей души, и потому-то именно, если у меня будутъ тайны, я не довѣрю ихъ вамъ, разумѣется, чтобъ не компрометтировать насъ... дружба королевы измѣнчива; это дружба... тещи.

Шарлотта не этого добивалась; ей казалось, что завѣса, становившаяся каждый разъ непроницаемѣе, когда она хотѣла проникнуть въ глубь этого бездоннаго сердца, какъ стѣна отдвинула ее

теперь отъ ея любовника. Слезы выступили у ней на глазахъ и его отвѣтъ; часы пробили десять, и она сказала:

— Мнѣ пора отдохнуть. Завтра я должна явиться на службу къ королевѣ-матери очень-рано.

— Такъ вы прогоняете меня на этотъ вечеръ?

— Генрихъ, мнѣ грустно, я буду неласкова, и вы меня разлюбите. Вы видите: лучше вамъ уйти.

— Извольте, я уйду, если вы этого требуете, Шарлотта; одно, *ventre saint-gris!* вы позволите мнѣ быть при вашемъ туалетѣ?

— Такимъ-образомъ вы заставите, я думаю, ждать королеву Маргериту.

— Шарлотта! возразилъ Генрихъ серьезно:—мы условились в то время, когда не говорить о королевѣ наваррской, а сегодня вечеромъ, какъ жетса, только и было рѣчи, что о ней.

Г-жа де-Совъ вздохнула и сѣла противъ туалета. Генрихъ взял кресло, придвинулъ его къ ней, и оперся на него колыбомъ.

— Полно, милая Шарлотта; я хочу видѣть, какъ вы наряжаетесь именно для меня. Господи! сколько тутъ духовъ, порошковъ, сткляночекъ и банокъ!

— Кажется, много, отвѣчала Шарлотта:—а между-тѣмъ, это очень-мало: со всѣмъ этимъ я еще не нашла средства исключительно царствовать въ сердцѣ вашего величества.

— Оставимъ политку. Что это за тоненькая кисточка? Не для окрашиванія ли бровей моего олимпійскаго Юпитера?

— Да, ваше величество.

— А эти маленькія грабли изъ слоновой кости?

— Это, чтобъ раздвѣлять волосы.

— А эта серебряная коробочка съ чеканною крышечкой?

— Это подарокъ Рене; это знаменитый опіатъ, который онъ обѣщаль мнѣ такъ долго; онъ умягчитъ губы, которыя вашему величеству угодно находить довольно-нѣжными.

И Генрихъ, въ подтвержденіе словъ Шарлотты, приложилъ губы свои къ ея губамъ.

Шарлотта протянула руку къ коробочкѣ, о которой шла рѣчь и хотѣла, вѣроятно, показать Генриху употребленіе ея, какъ вдругъ тихій ударъ въ двери раздался въ передней. Любовники вздрогнули.

— Стучатся, сказала Дариола, выглядывая изъ-за занавѣски.

— Узнай кто, и прійди сказать, сказала графиня.

Генрихъ и Шарлотта взглянули другъ на друга съ безпокойствомъ; Генрихъ думалъ уже спрятаться въ модельню, гдѣ не разъ находилъ убижище; но въ это время вошла Дариола.

— Это Рене, сказала она.

При этомъ имени, Генрихъ невольно наморщилъ брови и заку-
силъ губу.

— Прикажете отказать? спросила Дариола.

— Нѣтъ, сказалъ Генрихъ: — Ренé не дѣлаетъ ничего необду-
мливо; если онъ пришелъ къ вамъ, такъ имѣетъ на это достаточ-
ную причину.

— Хотите спрятаться?

— Ни за что. Ренé знаетъ все; онъ знаетъ, что я здѣсь.

— Но развѣ его посѣщеніе не будетъ для васъ непріятно?

— Для меня? спросилъ Генрихъ, напрасно стараясь притворить-
ся равнодушнымъ: — нисколько! Мы чуждались другъ друга, это
правда; но съ вареоложеевской ночи сошлись.

— Проси, сказала г-жа де-Совъ Дариоль.

Черезъ минуту вошелъ Ренé и разомъ оглянулъ всю комнату.

Г-жа де-Совъ все еще сидѣла передъ туалетомъ.

Генрихъ сѣлъ на софу. Онъ сидѣлъ въ тѣни, а Шарлотта на
свѣтѣ.

— Я пришелъ просить у васъ извиненія, сказалъ Ренé съ учти-
вою короткостью.

— Въ чемъ? снисходительно спросила Шарлотта.

— Въ томъ, что такъ давно обѣщавъ потрудиться для этихъ
прекрасныхъ губъ, и...

— И исполнили свое обѣщаніе только сегодня, не такъ ли?
прервала его Шарлотта.

— Сегодня! повторилъ Ренé.

— Да, только сегодня, и то вечеромъ, получила я отъ васъ
эту коробочку.

— Дѣйствительно! сказалъ Ренé, съ страннымъ выраженіемъ
гляда на маленькую коробочку съ опіатомъ, стоящую на туалетѣ
г-жи де-Совъ, и совершенно-сходную съ тѣми, которыя были у
него въ магазинѣ.

— Я отгадалъ, проговорилъ онъ: — вы уже употребляли ее?

— Нѣтъ еще; я только-что хотѣла попробовать, когда вы вошли.

Лицо Ренé приняло задумчивое выраженіе, неускользнувшее отъ
Генриха, который, впрочемъ, рѣдко что пропускалъ.

— Чтó съ вами, Ренé? спросилъ онъ.

— Ничего, ваше величество, отвѣчалъ парфюмеръ. — Я жду,
чтобъ ваше величество сказали мнѣ что-нибудь.

— Полноте, сказалъ Генрихъ улыбаясь. — Надобно ли говорить
вамъ, что я считаю за удовольствіе васъ видѣть?

Ренé посмотрѣлъ вокругъ, обошелъ комнату, какъ-будто стараясь
ощупать глазами и ушами занавѣски и двери, — потомъ остановился
такъ, чтобъ разомъ видѣть Генриха и Шарлотту, и сказалъ:

— Этого я не знаю.

Благодаря удивительному инстинкту, который, подобно шестому чувству, былъ для Генриха путеводителемъ въ-продолженіи первой половины его жизни среди окружавшихъ его опасностей,— Генрихъ догадался, что тутъ происходитъ что-то странное, что-то въ родъ борьбы въ душѣ парфюмера. Онъ обратился къ нему, оставаясь въ тѣни, тогда-какъ лицо Ренé было вполнѣ освѣщено.

— Вы въ этотъ часъ здѣсь, Ренé? сказалъ онъ.

— Можетъ-быть, я имѣлъ несчастіе помѣшать вашему величеству? отвѣчалъ Ренé, дѣлая шагъ къ дверямъ.

— Нѣтъ. Только мнѣ хотѣлось бы узнать одно.

— Что такое?

— Думали вы найдти меня здѣсь?

— Я былъ въ этомъ увѣренъ.

— Стало-быть, вы меня искали?

— По-крайней-мѣрѣ, мнѣ пріятно было встрѣтить ваше величество.

— Вы хотите что-нибудь сказать мнѣ? спросилъ Генрихъ.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ Ренé.

Шарлотта покраснѣла; она боялась, не вздумаетъ ли Ренé объяснить Генриху ея прошедшее поведеніе въ-отношеніи къ нему. Она притворилась, что, занимаясь туалетомъ, ничего не слышала, и, прерывая ихъ разговоръ, сказала:

— Право, Ренé, вы прелюбезный человѣкъ!

Съ этими словами, она открыла серебряную коробочку.

— Что за цвѣтъ! продолжала она. — Кстати, вы здѣсь, такъ я при васъ же сдѣлаю честь вашему произведенію.

И она взяла на кончикъ пальца розовую мазь, чтобъ намазать ею губы.

Ренé задрожалъ.

Баронесса, улыбаясь, поднесла мазь къ губамъ.

Ренé поблѣднѣлъ.

Генрихъ не пропустилъ ни одного изъ этихъ движеній.

Рука Шарлотты была только на нѣсколько линій отъ губъ, какъ вдругъ Ренé схватилъ ее въ ту самую минуту, когда Генрихъ всталъ съ намѣреніемъ сдѣлать то же.

Генрихъ опять тихонько опустился на софу.

— Позвольте одну минуту, сказалъ Ренé съ принужденною улыбкою.—Этотъ опіатъ не слѣдовало бы употреблять безъ предварительнаго наставленія.

— А кто же дастъ мнѣ это наставленіе?

— Я.

— Когда?

— Какъ только кончу то, что мнѣ нужно сказать его величеству.

Шарлотта устремила на него глаза свои, не понимая этого таинственнаго разговора; коробочка съ опіатомъ осталась въ одной рукѣ ея, а частичка розовой мази на палецъ другой.

Генрихъ всталъ, и съ мыслью, въ которой, какъ во всѣхъ мысляхъ молодаго короля, были двѣ стороны, одна поверхностная, другая глубокая,—подошелъ къ Шарлоттѣ, взявъ ея руку, на которой была мазь, и хотѣлъ поцаловать.

— Пойдите! живо проговорилъ Ренé. — На минуту! Не угодно ли вамъ вымыть руки вотъ этимъ неаполитанскимъ мыломъ? я забылъ прислать вамъ его вмѣстѣ съ опіатомъ и принесъ теперь лично.

Вынувъ изъ серебряной обертки зеленоватый кусокъ мыла, онъ положилъ его въ позолоченный тазъ, налилъ воды, и, ставъ на колено, подалъ его г-жѣ де-Совъ.

— Право, я не узнаю васъ, Ренé, сказалъ Генрихъ:— вы переодеваете всѣхъ придворныхъ любезниковъ.

— Какой чудесный запахъ! воскликнула Шарлотта, растирая на прекрасныхъ рукахъ своихъ пѣну неаполитанскаго мыла.

Ренé до конца выполнилъ обязанности *cavalier servente*: онъ подалъ баронессѣ салфетку тонкаго голландскаго полотна.

— Теперь, если угодно, можете, сказалъ онъ, обращаясь къ Генриху.

Шарлотта подала свою руку Генриху; онъ поцаловалъ ее, и между-тѣмъ, какъ Шарлотта оборотилась, чтобъ послушать, что скажетъ ему Ренé, онъ сѣлъ на свое прежнее мѣсто, будучи совершенно убѣжденъ, что въ душѣ Флорентинца происходитъ что-то необыкновенное.

— Ну, что жь? спросила Шарлотта.

Флорентинецъ собрался, казалось, со всеми силами души и обратился къ Генриху.

VI.

ВЫ БУДЕТЕ КОРОЛЕМЪ.

— Ваше величество, сказалъ Ренé Генриху:— я пришелъ поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ, которымъ уже давно занимаюсь.

— О духахъ? спросилъ Генрихъ улыбаясь.

— Да... о духахъ, отвѣчалъ Ренé дѣлая страшный знакъ согласія.

— Говорите; я васъ слушаю; этотъ предметъ всегда интересовалъ меня.

Ренé посмотрѣлъ на Генриха, стараясь, мимо словъ, проникну въ мысль его; но видя, что это напрасный трудъ, продолжалъ

— Одинъ изъ моихъ друзей пріѣхалъ изъ Флоренціи. Онъ много занимался астрологіей.

— Да, знаю, замѣтилъ Генрихъ: — это страсть Флорентинцевъ

— Онъ составилъ, вмѣстѣ съ первѣйшими учеными въ мірѣ гороскопы главнѣйшихъ особъ въ Европѣ.

— А-га! сказалъ Генрихъ.

— И такъ-какъ домъ Бурбоновъ считается въ числѣ первыхъ потому-что происходитъ отъ графа де-Клермона, пятого сына Лодовика-Святого, то ваше величество, конечно, догадываетесь, что вы не были забыты.

Генрихъ началъ слушать еще внимательнѣе.

— И вы помните этотъ гороскопъ? спросилъ онъ, стараясь улыбнуться равнодушно.

— Вашъ гороскопъ не изъ тѣхъ, которые забываются, отвѣчалъ Ренé.

— Право? сказалъ Генрихъ съ ироническимъ жестомъ.

— Да, ваше величество; этотъ гороскопъ говоритъ, что вамъ суждена самая блестящая судьба.

Глаза Генриха невольно сверкнули молніей, тотчасъ же угасли въ туманъ равнодушія.

— Всѣ эти итальянскіе оракулы льстятъ, сказалъ Генрихъ: — кто льститъ, тотъ лжетъ. Не предсказывали ли они мнѣ, что буду командовать арміями?

И онъ захохоталъ. Но наблюдатель, занятый собою меньше нежели Ренé, увидѣлъ бы принужденность этого смѣха.

— Ваше величество, холодно замѣтилъ Ренé: — гороскопъ обѣщаетъ больше.

— Что жъ онъ предвѣщаетъ? что, предводительствуя этими арміями, я буду выигрывать сраженія?

— Больше, ваше величество.

— Вы увидите, если я не буду завоевателемъ!

— Вы будете королемъ.

— *Ventre-saint-gris!* сказалъ Генрихъ, подавляя сильное біеніе сердца. — Да развѣ я уже не король?

— Ваше величество! Пріятель мой знаетъ, что обѣщаетъ. Вы не только будете королемъ, но будете и царствовать.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Генрихъ тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ: — вашему пріятелю нужны десять тысячъ экю золотомъ, не такъ ли, Ренé? Такое пророчество очень-честолюбиво въ настоящему положенію дѣлъ; я не богатъ, Ренé, и дамъ вашему

другу пять тысяч теперь, а пять остальных, когда пророчество исполнится.

— Не забудьте, прибавила баронесса:—что вы кое-что обещали уже в Дариолѣ:—не раздавайте слишком-много обещаній.

— Ваше величество, сказалъ Ренé:—позвольте досказать...

— А! Такъ это еще не все! отвѣчалъ Генрихъ.—Продолжайте! Если я буду императоромъ, я дамъ вдвое.

— Пріятель мой возвратился съ этимъ гороскопомъ изъ Флоренціи, повѣрилъ его въ Парижѣ, нашелъ одни и тѣ же выводы, и сообщилъ мнѣ одну тайну.

— Тайну, которая интересуетъ ея величество? поспѣшно спросила Шарлотта.

— Думаю, отвѣчалъ Флорентинецъ.

— Онъ ищетъ словъ, подумалъ Генрихъ: — должно быть, это трудно вымолвить.

— Такъ говорите, продолжала баронесса: — въ чемъ же дѣло?

— Дѣло идетъ, отвѣчалъ Флорентинецъ, взвѣсивая каждое слово: — о всѣхъ этихъ слухахъ объ отравленіяхъ, которые съ нѣкотораго времени пронеслись при дворѣ.

При этомъ оборотъ разговора, вниманіе Генриха увеличилось; но во наружности его это едва было примѣтно.

— И вашъ другъ, сказалъ онъ:—знаетъ кое-что новое объ этихъ отравленіяхъ?

— Да, ваше величество.

— Какъ же вы довѣряете мнѣ чужую тайну, Ренé, особенно такую важную тайну? сказалъ Генрихъ самымъ естественнымъ тономъ.

— Пріятель мой желаетъ спросить совѣта у вашего величества.

— У меня?

— Что жъ тутъ удивительнаго? вспомните стараго акціумскаго солдата, который просилъ у Августа совѣта по своему процессу.

— Августъ былъ адвокатъ, Ренé, а я не адвокатъ.

— Когда пріятель сообщилъ мнѣ свою тайну, ваше величество принадлежали еще къ кальвинистской партіи; вы были ея первымъ предводителемъ, а Кондэ вторымъ.

— Что жъ дальше?

— Пріятель мой надѣялся, что ваше вліяніе на Кондэ отвлечь отъ него непріязненное расположеніе, которое принцъ Кондэ питалъ къ нему.

— Объясните мнѣ это, Ренé, если хотите, чтобъ я понялъ, сказалъ Генрихъ безъ малѣйшаго измѣненія въ голосѣ или чертахъ лица.

— Вы поймете меня съ перваго слова: пріятель мой знаетъ въ обстоятельство покушенія отравить принца Кондэ.

— Такъ его хотѣли отравить? спросилъ Генрихъ съ превосходно-разъиграннымъ удивленіемъ. — Право? Когда же это?

Ренé пристально посмотрѣлъ на короля и отвѣчалъ только:

— Восемь дней тому назадъ.

— Кто-нибудь изъ враговъ?

— Дá, врагъ, котораго ваше величество знаете, и который знаетъ ваше величество.

— Точно, кажется, я что-то объ этомъ слышалъ; но я не знаю подробностей, которыя, говорите вы, пріятель вашъ хочетъ съобщить мнѣ.

— Кондэ попотчивали душистымъ яблокомъ; но, къ-счастью докторъ его былъ при немъ, когда подали ему плодъ. Онъ взялъ его изъ рукъ посланнаго и понюхалъ, чтобъ узнать его качество. Черезъ два дня, въ награду за свою преданность, или неблагоратное уміе, онъ получилъ на лицѣ гангренозную опухоль, кровотеченіе и рану, разъявшую ему лицо.

— Къ-несчастью, отвѣчалъ Генрихъ:—я теперь вполонину калека, и не имѣю уже никакого вліянія на Кондэ. Напрасно ваш пріятель адресовался ко мнѣ.

— Ваше величество могли быть ему полезны не только заступленіемъ у Кондэ, но и у принца Порсіанъ, брата того, который былъ отравленъ.

— Знаете ли, Ренé, сказала Шарлотта:—ваши исторіи въ камерскомъ духъ. Вы просите очень-некстати. Теперь поздно, — разговоръ вашъ—гробовой разговоръ. Право, духи ваши гораздо лучше.

И Шарлотта снова протянула руку къ коробочкѣ съ опіатомъ.

— Прежде, нежели вы попрубуете эту мазь, сказалъ Ренé: — послушайте, какъ жестоко могутъ пользоваться обстоятельствами злые люди.

— Рѣшительно, вы сегодня страшны, сказала баронесса.

Генрихъ нахмурилъ брови; онъ понялъ, что Ренé ведетъ рѣчь къ чему-то, о чемъ онъ еще не догадался, и рѣшился довести разговоръ до конца.

— Такъ вамъ извѣстны подробности отравленія принца де-Порсіана?

— Дá, отвѣчалъ Ренé.—Всѣмъ было извѣстно, что ночью возлѣ его постели горитъ лампа. Отравили масло, и онъ задохся въ ядовитыхъ испареніяхъ.

— Стало-быть, тотъ, кого вы называете вашимъ другомъ, знаетъ не только подробности отравленія, но и виновника его?

— Да, и потому-то онъ желалъ узнать отъ васъ, имѣете ли вы столько вліянія на принца де-Порсіанъ, чтобъ уговорить его простить убійцу его брата.

— Къ-несчастію, отвѣчалъ Генрихъ: — я еще вполнину гугенотъ, и не имѣю никакого вліянія на принца де-Порсіанъ. Напрасно вашъ пріятель адресовался ко мнѣ.

— Но что вы думаете о расположеніи принца Кондэ и де-Порсіана?

— Какъ мнѣ это знать, Ренé? Богъ, которому я служу, не далъ мнѣ привилегіи читать въ сердцахъ.

— Ваше величество можете обратиться съ вопросомъ сами къ себѣ, спокойно возразилъ Флорентинецъ.— Въ жизни вашего величества не случилось ли чего-нибудь столь мрачнаго, что можетъ служить пробкою милосердія, какъ ни былъ бы жестокъ этотъ оселъ великодушія?

Эти слова были произнесены такимъ голосомъ, что даже Шарлотта вздрогнула. Намекъ былъ такъ прямъ, что молодая женщина отвернулась, покраснѣвъ, чтобъ избѣжать встрѣчи со зоркимъ Генрихомъ.

Генрихъ сдѣлалъ надъ собою страшное усиліе, прояснилъ лицо, бывавшее во время рѣчи Ренé выраженіе угрозы, и перешелъ отъ основной скорби, сжимавшей его сердце, въ неопредѣленное раздумье.

— Мрачное событіе въ моей жизни... сказалъ онъ: — нѣтъ, Ренé, нѣтъ; отъ молодости остались въ памяти моей только шалости и безнечность, перемѣшанные съ жестокою нуждою, общимъ всѣхъ ульомъ.

Ренé въ свою очередь подавилъ движеніе въ душѣ своей и обращалъ вниманіе то на Генриха, то на Шарлотту, какъ-будто желая возбудить одного и удержать другую; Шарлотта, обратившись къ туалету, чтобъ скрыть свое смущеніе, опять протянула руку къ карбончикъ съ опіатомъ.

— Однакожь, сказалъ Ренé: — еслибъ вы были братомъ принца де-Порсіана, или сыномъ Кондэ, еслибъ отравили вашего брата или отца...

Шарлотта слегка вскрикнула и опять поднесла опіатъ къ губамъ. Ренé видѣлъ это движеніе. Но онъ не остановилъ ея теперь ни словомъ, ни рукою, а только воскликнулъ:

— Во имя неба, отвѣчайте, ваше величество! Что сдѣлали бы вы на ихъ мѣстѣ?

Генрихъ собрался съ мыслями, отеръ дрожащею рукою холодный потъ со лба, и вставъ, отвѣчалъ среди общаго глубокаго молчанія:

— Еслибъ я былъ на ихъ мѣстѣ и зналъ навѣрно, что я король, то-есть представитель Бога на землѣ, я сдѣлалъ бы то же, что сдѣлалъ бы Богъ,—я простилъ бы.

— Постоите! воскликнулъ Ренé, выхвативъ коробочку изъ рукъ г-жи де-Совъ.—Отдайте мнѣ эту коробочку. Мальчикъ мой ошибся. Завтра я пришлю вамъ другую.

VII.

НОВООБРАЩЕННЫЙ.

На слѣдующій день, назначена была охота въ Сен-Жерменскомъ Лѣсу.

Генрихъ приказалъ, чтобъ въ восемь часовъ поутру была осѣдлана маленькая беарнская лошадь, которую онъ хотѣлъ дать г-жѣ де-Совъ, но предварительно желалъ самъ попробовать. Въ три четверти восьмого, лошадь была готова; ровно въ восемь, Генрихъ вышелъ.

Лошадь, не смотря на небольшой ростъ свой, была горяча, мотала гривой и била копытами. Было холодно, и тонкій слой льда покрывалъ землю.

Генрихъ хотѣлъ пройти черезъ дворъ къ конюшнѣ, гдѣ ждалъ его конюшій съ лошадью; но, проходя мимо швейцарскаго солдата, стоявшаго на часахъ и отдававшаго ему честь, онъ услышалъ эти слова:

— Да хранитъ Господь его величество, короля наваррскаго!

Беарнецъ вздрогнулъ при такомъ привѣтствіи; особенно поразило его звукъ голоса.

Онъ оглянулся и отступилъ на шагъ.

— Де-Мун! сказалъ онъ.

— Такъ точно, ваше величество, де-Мун.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Я ишу васъ.

— Зачѣмъ?

— Мнѣ надо поговорить съ вашимъ величествомъ.

— Несчастный! сказалъ король, подходя къ нему ближе.—Развѣ ты не знаешь, что рѣскуешь голову?

— Знаю.

Генрихъ немного поблѣднѣлъ; онъ зналъ, что раздѣляетъ опасность, которой подвергался отважный юноша. Съ безпокойствомъ оглянулся вокругъ, и отступилъ во второй разъ, такъ же проворно, какъ и въ первый.

Онъ замѣтилъ у окна герцога д'Алансона.

Измѣнивъ тотчасъ же пріемы, Генрихъ взявъ мушкетъ изъ рукъ де-Муи, и, дѣлая видъ, какъ-будто экзаменуетъ его, сказалъ:

— Ты, конечно, не безъ важной причины бросился въ западню?

— Нѣтъ, ваше величество. Вотъ уже восемь дней, что я подстерегаю васъ. Вчера только узналъ я, что сегодня утромъ вы идёте пробовать лошадь, и сталъ здѣсь на часахъ.

— Но какимъ же образомъ ты въ этомъ костюмѣ?

— Капитанъ отряда протестантъ и мой пріятель.

— Вотъ твой мушкетъ; стань во фронтъ. За нами наблюдаютъ. Иди назадъ, я постараюсь переговорить съ тобою. Но если не заговорю, не останавливай меня. Прощай.

Де-Муи началъ ходить, а Генрихъ пошелъ къ лошади.

— Чтò это за хорошенькая лошадка? спросилъ д'Алансонъ изъ кн.

— Да вотъ хочу попробовать, отвѣчалъ Генрихъ.

— Это не мужская лошадь.

— Она и назначена для хорошенькой женщины.

— Не проболтайте, Генрихъ; мы увидимъ эту хорошенькую даму на охотѣ, и если я не узнаю чей вы рыцарь, такъ узнаю, и-крайней-мѣрѣ, чей конюшій.

— Не узнаете, отвѣчалъ Генрихъ съ своимъ притворнымъ прополушемъ. — Хорошенькая дама нездорова и не можетъ выйти сегодня утромъ.

И онъ сѣлъ на коня.

— Бѣдная г-жа де-Совъ! сказалъ смѣясь д'Алансонъ.

— Вы сами проболтались, Франсуа.

— Чтò же съ ней случилось? продолжалъ герцогъ.

— Не знаю, право, отвѣчалъ Генрихъ, галопируя вокругъ двора: — Дариола говорила, что у ней тяжесть въ головѣ, какое-то разслабленіе во всемъ тѣлѣ.

— И это вамъ помѣшаетъ быть съ нами? спросилъ герцогъ.

— Нѣтъ? Почему же? Вы знаете, что я страстный охотникъ, и что меня ничто въ мірѣ не удержитъ.

— А на этой охотѣ васъ не будетъ, возразилъ герцогъ, отворившись отъ окна и переговоривъ нѣсколько словъ съ кѣмъ-то, кого Генрихъ не могъ видѣть: — его величество прислалъ сказать вамъ, что охоты сегодня не будетъ.

— А! произнесъ Генрихъ съ досадою. — Отъ-чего?

— Кажется, получены очень-важныя письма отъ герцога де-Невера. Король, королева-мать и братъ мой д'Анжу сошлись на совѣтъ.

— Ужъ не новости ли изъ Польши? подумалъ Генрихъ, и прикрикнулъ громко:

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ нѣ для чего долѣе рисковать собою на этой гололедницѣ. До свиданія.

Онъ остановился передъ Муи.

— Позови кого-нибудь изъ своихъ товарищей на смѣну, сказалъ онъ. — Помоги конюшему разсѣлать лошадь и отнеси сѣдло къ золотыхъ-дѣлъ-мастеру; онъ не успѣлъ докончить на немъ золото-нашивки къ нынѣшнему дню. Ты прійдешь съ отвѣтомъ ко мнѣ.

Де-Муи поспѣшилъ повиноваться, потому-что д'Алансонъ отошелъ отъ окна, и очевидно подозрѣвалъ что-то.

Дѣйствительно, едва только Муи успѣлъ отворить калитку, какъ появился д'Алансонъ. На мѣстѣ Муи стоялъ настоящій Швейцарецъ.

Д'Алансонъ внимательно посмотрѣлъ на новаго часоваго, потомъ обратился къ Генриху:

— Вы вѣдъ не съ нимъ говорили? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, тотъ изъ монаховъ; я его опредѣлялъ въ швейцарскую команду. Я кое-что приказалъ ему, такъ онъ пошелъ исполнить.

— А! сказалъ герцогъ, какъ-будто удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ. — А что Маргерита?

— Я иду теперь къ ней.

— Такъ вы ея не видали со вчерашняго дня?

— Нѣтъ. Я заходилъ къ ней ночью, часовъ въ одиннадцать; но Гильйонна сказала, что она устала и спитъ.

— Вы не застанете ее: она вышла.

— Дѣ, можетъ-быть; ей надо было ѣхать въ монастырь де-д'Анносіадъ.

Разговора невозможно было продлить, потому-что Генрихъ рѣшился, кажется, только отвѣчать.

Они разошлись.

Вскорѣ потомъ кто-то постучался въ спальню Генриха.

— Кто тамъ? спросилъ онъ.

— Я принесъ отвѣтъ отъ золотыхъ-дѣлъ-мастера, сказалъ голосъ де-Муи.

Генрихъ, видимо тронутый, впустилъ молодаго человѣка и заперъ за нимъ дверь.

— Это вы, де-Муи? сказалъ онъ. — Я думалъ, что вы одумаетесь.

— Я обдумывалъ дѣло три мѣсяца сряду; теперь пора дѣйствовать.

Движеніе Генриха выказало его безпокойство.

— Не бойтесь ничего, ваше величество. Мы одна, и я поспѣшу, потому-что минуты дороги. Ваше величество однимъ словомъ

можете возвратить намъ все, чего лишили насъ и нашу вѣру соборія этого года. Будемъ говорить ясно, коротко и откровенно.

— Я слушаю, отвѣчалъ Генрихъ, видя, что невозможно избѣ-
жить объясненія.

— Правда ли, что ваше величество отреклись отъ протестант-
ской религій?

— Правда.

— Да; но на словахъ, или въ душѣ?

— Человѣкъ всегда благодаритъ Бога, когда Онъ спасаетъ ему
жизнь, отвѣчалъ Генрихъ, изворачивая вопросъ, что обыкновенно
дѣлалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ:—а Богъ видимо сохранилъ
васъ среди ужасной опасности.

— Признайтесь въ одномъ, ваше величество.

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что отреченіе ваше—дѣло расчета, а не убѣжденія.
Вы отреклись, чтобъ король позволялъ вамъ жить...

— Что бы ни было причиною моего обращенія, я все-таки ка-
нѣтъ.

— Да; но останетесь ли вы имъ навсегда? Развѣ вы не восполь-
зуетесь первою возможностью возвратить себѣ свободу существова-
нія и совѣсти? Теперь представилась эта возможность: ла-Рошелль
ждала, Руссильйонъ и Беарнъ ждутъ только одного слова, чтобъ
дѣйствовать. Въ Гиеннѣ все жаждетъ войны. Скажите только, что
вы католикъ по принужденію, и я отвѣчаю за будущее.

— Людей моего происхожденія не принуждаютъ. Если я что сдѣ-
лалъ, то сдѣлалъ добровольно.

— Но, ваше величество, замѣтилъ молодой человѣкъ съ сердцемъ,
отвѣщеннымъ отъ этого неожиданнаго противорѣчія:—вы забываете,
что, поступая такимъ-образомъ, вы оставляете насъ... вы измѣняете
намъ?

Генрихъ слушалъ равнодушно.

— Да, продолжалъ де-Муи:—вы измѣняете намъ, ваше величе-
ство: многіе изъ насъ прибыли сюда съ опасностью жизни для спа-
сенья вашей чести и свободы. Мы приготовили все, чтобъ доста-
вить вамъ престолъ; слышите ли? Не только свободу, но и могу-
щество, тронъ на-выборъ; черезъ два мѣсяца, отъ васъ будетъ за-
вѣсть быть королемъ наваррскимъ или французскимъ...

— Де-Муи, сказалъ Генрихъ съ невольно-сверкнувшимъ взо-
ркомъ:—я въ безопасности, я католикъ, я мужъ Маргериты, я братъ
Барда, я зять Катерины. Вступая въ эти отношенія, я рассчитываю
на выгоды, но не забылъ и того, къ чему онъ меня обязыва-
етъ.

— Но чему же вѣрить, ваше величество? Мнѣ сказали, что ваше

супружество только форма, что сердце ваше свободно, что ненависть Катерины...

— Ложь! ложь! поспешно перервалъ его Генрихъ. — Васъ безстыдно обманули, другъ мой. Маргерита дѣйствительно жена моего Катерина мнѣ мать; Карлъ властелинъ моей жизни и моего сердца.

Де-Муи вздрогнулъ; на губахъ его скользнула почти-презрительная улыбка.

— Итакъ, сказалъ онъ, опустивъ руки и стараясь взорами проникнуть въ эту темную душу:—этой отвѣтъ долженъ я передать моимъ братьямъ? Я скажу имъ, что король наваррскій подалъ руку и отдалъ сердце тѣмъ, которые насъ перерѣзали; скажу имъ, что онъ сдѣлался льстецомъ королевы-матери и другомъ Морвеля.

— Любезный де-Муи! Король сейчасъ выйдетъ изъ совѣта, мнѣ надо идти спросить его, почему онъ отложилъ такое важное дѣло, какъ охота. Прощайте; поступите по-моему, любезный другъ: бросьте политику, обратитесь къ королю и посѣщайте мессу.

Съ этими словами, Генрихъ проводилъ, или лучше сказать, отпустилъ до дверей молодого человека, въ которомъ изумленіе уже начало уступать мѣсто ярости.

Едва только переступилъ де-Муи черезъ порогъ, какъ, будучи не въ состояніи противиться желанію выместить свою досаду на чемъ бы то ни было, снялъ свою шляпу, бросилъ въ ноги, и началъ топтать, какъ топчетъ быкъ плащъ матадора.

— Жалкій человекъ! воскликнулъ онъ. — Право, я не прочь чтобъ меня здѣсь убили, лишь-бы навсегда запятнать его моею кровью.

— Тише, де-Муи! шепталъ чей-то голосъ въ полурастворенную дверь.—Васъ можетъ услышать кто-нибудь и кромѣ меня.

Де-Муи быстро оглянулся и увидѣлъ герцога д'Алансона; окутавшись въ плащъ, онъ выставилъ блѣдное лицо свое въ корридоръ, желая увѣриться, что здѣсь никого нѣтъ, кромѣ его и де-Муи.

— Герцогъ д'Алансонъ! воскликнулъ де-Муи. — Я погибъ!

— Напротивъ того, возразилъ герцогъ:—можетъ-быть, вы нашли именно того, чего искали; доказательство: я не хочу, чтобъ васъ тутъ убили, какъ вы желаете. Повѣрьте, ваша кровь можетъ быть употреблена лучше.

Съ этими словами, герцогъ растворилъ двери настежь.

— Это комната двухъ моихъ придворныхъ, сказалъ онъ:—здѣсь насъ никто не потревожитъ, и мы можемъ говорить свободно. Войдите.

— Я здѣсь, отвѣчалъ ошеломленный заговорщикъ.

Онъ вошелъ, и герцогъ замкнулъ дверь такъ же проворно, какъ замкнулъ двери Генрихъ при входѣ де-Муи.

де-Муи вознегъ въ ярости, въ бѣшенствѣ; но холодный и немилосердный взоръ французскаго принца произвелъ на гугенотскаго принца мало-по-малу дѣйствию заколдованнаго стекла, отъ котораго происходить опьянѣнiе.

— Ваше высочество, если не ошибаюсь, хотѣли говорить со мною.

— Да. Не смотря на вашъ маскарадъ, я думалъ, что узналъ васъ, когда на часахъ отдавали вы честь Генриху, я убѣдился въ томъ исполнѣ. Ну, что, де-Муи? Вы не довольны королемъ наваррскимъ?

— Ваше высочество!...

— Говорите смѣло. Вы, можетъ-быть, и не подозреваете, что я изъ числа друзей вашихъ.

— Вы, ваше высочество?

— Да, я. Говорите же.

— Не знаю, что вамъ сказать, ваше высочество. То, о чемъ я хотѣлъ говорить съ королемъ наваррскимъ, касается интересовъ, о которыхъ вы не раздѣляете. Впрочемъ, прибавилъ де-Муи возможнѣйшимъ тономъ: — дѣло шло о пустякахъ.

— О пустякахъ?

— Да, ваше высочество.

— О пустякахъ, за которые вы готовы были пожертвовать жизнью, обращаясь въ Лувръ, гдѣ, какъ вамъ извѣстно, голова ваша оцѣнена на вѣсь золота. Повѣрьте мнѣ, всѣ очень-хорошо знаютъ, что вы имѣли съ королемъ наваррскимъ и принцемъ Кондѣ, одинъ изъ смѣлѣйшихъ предводителей гугенотовъ.

— Если вы вѣрите этому, поступите со мною какъ слѣдуетъ выступить брату короля Карла и сыну королевы Катерины.

— Зачѣмъ же, когда я вамъ сказалъ, что я изъ числа вашихъ друзей? Говорите правду.

— Клянусь вамъ, ваше высочество...

— Не клянитесь; реформатская религiя запрещаетъ клятвы, особливо ложныя.

де-Муи нахмурилъ брови.

— Говорю вамъ, что мнѣ все извѣстно, сказалъ герцогъ.

де-Муи молчалъ.

— Вы сомнѣваетесь? продолжалъ д'Алансонъ съ настойчивостью.

— Значитъ, васъ надо убѣдить. Судите же сами, ошибаюсь ли я. Предлагали ли вы брату моему Генриху сію минуту, вонъ тамъ, герцогъ указалъ по направленiю комнаты Генриха, — помощь вашу вашимъ приверженцевъ, чтобъ снова утвердить его на наваррскомъ престолѣ?

де-Муи съ изумленiемъ глядѣлъ на герцога.

— Это предложеніе онъ отвергъ съ ужасомъ?

Де-Муи былъ окончательно пораженъ.

— Не призвали ли вы тогда на помощь воспоминанія старинной дружбы, общей религіи? Не польстили ли вы ему блестящей надеждой, такой блестящей, что она чуть не ослѣпила его, надеждой получить корону Франціи? Хорошо ли я знаю дѣла, скажите! Это ли предлагали вы Беарнцу?

— Да, правда, отвѣчалъ де-Мум: — правда до такой степени, что я думаю теперь, не сказать ли вашему высочеству, что вы лжете! Зажечь битву на смерть и смертью одного изъ насъ сейчасъ уничтожить возможность разглашенія этой ужасной тайны...

— Тише, мой храбрый де-Муи, тише! сказалъ д'Алансонъ, не мѣняясь въ лицѣ, не дѣлая ни малѣйшаго движенія въ отвѣтъ на угрозу.—Тайна лучше будетъ сохранена между нами, если мы останемся въ живыхъ. Выслушайте меня и перестаньте тревожить себя своей шпaги. Въ третій разъ повторяю вамъ, что передъ ми другъ. Отвѣчайте же мнѣ, какъ другу. Скажите, король аварскій отказался отъ вашего предложенія?

— Да; я признаюсь въ этомъ, потому-что это признаніе можетъ выдать только меня.

— Не вы ли воскликнули, вышедши отъ него и топчa ногу свою шляпу, что онъ жалкій человекъ, недостойный быть вашимъ предводителемъ?

— Да, я говорилъ это.

— А! наконецъ-то вы признаётесь!

— Признаюсь.

— И вы все еще этого мнѣнія?

— Больше, нежели когда-нибудь.

— Ну, такъ спрашиваю васъ, де-Муи: я, я, третій сынъ Генриха II-го, я, французскій принцъ крови, гожусь ли я быть предводителемъ вашихъ солдатъ? Говорите: считаете ли вы меня сколько честнымъ, что можно полагаться на мое слово?

— Вы, ваше высочество, вы предводитель гугенотовъ?

— Почему же нѣтъ? Теперь вѣкъ обращеній. Генрихъ сдѣлалъ же католикомъ: я могу сдѣлаться протестантомъ.

— Конечно, ваше высочество, — и я жду, чтобъ вы объяснили мнѣ...

— Нѣтъ ничего проще; въ двухъ словахъ я объясню вамъ политику всѣхъ. Братъ мой Карлъ убиваетъ гугенотовъ, чтобъ пастьствовать на-просторъ. Братъ д'Анжу позволяетъ убивать ихъ, потому-что онъ наследникъ Карла, а Карлъ, какъ вамъ известно, часто бываетъ болѣнъ. Но я... совсемъ-другое дѣло: я никогда не буду царствовать, по-крайней-мѣрѣ во Франціи, потому-что

много еще два старшіе брата; ненависть матери и братьевъ выкинетъ меня отъ престола еще больше, нежели законъ природы; я не могу рассчитывать ни на родственное расположеніе, ни на славу, ни на царство; а у меня такое же благородное сердце, какъ и у другихъ братьевъ моихъ. Что жь, де-Муи! Я хочу шпагой выиграть себѣ королевство... во Франціи, которую они обливаютъ кровью... Вотъ чего я хочу, де-Муи. Слушайте! Я хочу быть королемъ наваррскимъ не по рожденію, а по избранію. Замѣьте, вы ничего не можете на это возразить; я не похититель: если откажется отъ вашихъ предложеній и, предавшись своей слабости, высокомерно признаетъ, что Наваррское-Королевство — мечта. Съ Генрихомъ-Бернарскимъ у васъ ничего нѣтъ; со мною — у васъ есть шпага и имя. Франсуа д'Алансонъ защититъ моихъ своихъ товарищей или соумышленниковъ, — назови ихъ, какъ хотите. Что вы скажете на это предложеніе, де-Муи?

— Скажу, что вы меня изумили, отвѣчалъ де-Муи.

— Де-Муи! де-Муи! Намъ придется побѣдить много препятствій. Будьте же съ самаго начала такъ въискательны къ сыну и сыну короля, который самъ идетъ вамъ на встрѣчу.

— Ваше высочество! Дѣло было бы рѣшено, еслибъ я одинъ выдерживалъ свои намѣренія; но у насъ есть совѣтъ, и какъ ни жестоко это предложеніе, можетъ-быть, именно по этому-то предводителю партіи и не примутъ его безъ условій.

— Это другое дѣло; вы отвѣтили какъ благородный и умный человекъ. По моему поступку, вы тоже можете заключать о моей добросовѣстности. Обращайтесь же со мною, какъ съ человекомъ, котораго уважаете. Могу ли я рассчитывать на удачу, де-Муи?

— Такъ-какъ ваше высочество требуетъ моего мнѣнія, то увѣряю васъ честно, что съ той минуты, какъ король наваррскій отказался отъ сдѣланнаго мною предложенія, всѣ вѣроятности успѣха на вашей сторонѣ. Но, повторяю вамъ, мнѣ необходимо говорить съ нашими предводителями.

— Переговорите же. Только... когда получу я отвѣтъ?

Де-Муи молча посмотрѣлъ на герцога; потомъ, какъ-будто рѣшившись на что-то, отвѣчалъ:

— Вашу руку, ваше высочество. Рука французскаго принца кровью должна коснуться моей, чтобъ я былъ увѣренъ, что меня не выдадутъ.

Герцогъ не только протянулъ ему свою руку, но и пожалъ руку де-Муи.

— Теперь я спокоенъ, сказалъ молодой гугенотъ. — Если насъ выдадутъ, я скажу, что вы въ сторонѣ. Безъ этого вы были бы обречены.

— Зачѣмъ говорите вы мнѣ это, де-Муи, не отвѣчая еще вопросу, когда принесете мнѣ отвѣтъ вашихъ предводителей?

— Потому-что, спрашивая, когда я доставлю отвѣтъ, вы и съ тѣмъ спрашиваете, гдѣ эти предводители; и если я отвѣчу: сегодня ввечеру, — вы будете знать, что они скрываются въ Парижѣ.

Произнося эти слова, де-Муи съ недověрчивостью устремилъ испательный взглядъ на острые глаза герцога.

— Полноте, сказалъ д'Алансонъ: — вы еще сомнѣваетесь. правда, съ перваго раза я не могу требовать отъ васъ полной вѣрности. Со-временемъ вы узнаете меня лучше. Общность интересовъ свяжетъ насъ тѣснѣе и уничтожитъ въ васъ подозрѣніе. И такъ, сегодня ввечеру?

— Да, ваше высочество; долго откладывать нельзя. Сегодня ввечеру. Но гдѣ?

— Въ Лувръ, здѣсь, въ этой комнатѣ; это вамъ съ-руки?

— Но эта комната занята? спросилъ де-Муи, указывая на стоявшія тутъ кровати.

— Да, двумя изъ моихъ придворныхъ.

— Ваше высочество! Мнѣ, кажется, неблагоприятно будетъ вратиться въ Лувръ.

— Отъ-чего?

— Отъ-того, что другіе могутъ меня узнать такъ же, какъ и въ Врочемъ, я возвращусь въ Лувръ, если вы мнѣ дадите то, о чемъ я васъ попрошу.

— Чтò такое?

— Билетъ для свободнаго входа и выхода.

— Де-Муи! отвѣчалъ герцогъ: — паспортъ отъ моего имени, захваченный у васъ, погубитъ меня и не спасетъ васъ. Я могу быть вамъ полезенъ только съ тѣмъ условіемъ, что при комъ бы то было, мы рѣшительно незнакомы другъ съ другомъ. Малѣйшее сообщеніе съ вами, если о немъ узнаетъ матушка или кто-нибудь изъ моихъ братьевъ, будетъ стоить мнѣ жизни. Собственный интересъ мой служить вамъ защитою. Свободный въ сферѣ моихъ дѣйствій, сильный, покаместъ я не разгаданъ, я ручаюсь вамъ все,—не забудьте это. Обратитесь къ вашему мужеству; отважьтесь полагаясь на мое слово, на чтò отваживались, полагаясь на слово моего брата. Приходите сегодня вечеромъ въ Лувръ.

— Но какъ же прійти мнѣ? Въ комнатахъ я не могу явиться въ этомъ костюмѣ. Онъ годился для переднихъ и для двора. Можетъ быть еще хуже; все меня здѣсь знаютъ, и онъ не скроетъ меня.

— Я самъ объ этомъ думаю... постойте... кажется—да, точно Герцогъ оглянулся, и глаза его остановились на парадномъ ко-

ла-Моля, дежавшемъ на постели. Тутъ былъ великолѣпный, золотомъ, плащъ вишневаго цвѣта, берётъ съ бѣлымъ цѣпкомъ, перекрѣпленный золотымъ и серебристымъ шнуркомъ, камзолъ вишневаго цвѣта, съ золотымъ шитьемъ.

— Видите ли вотъ этотъ плащъ, этотъ камзолъ и это перо? Это все ла-Моля, одного изъ монаховъ придворныхъ, шеголя лучшаго во дворѣ. Оно надѣлано при дворѣ много шума, и ла-Моля узналъ немъ за сто шаговъ. Я дамъ вамъ адресъ портнаго, который шилъ его: за двойную цѣну у васъ будетъ такое же платье на вечеромъ. Вы не забудете имя ла-Моля?

ла-Моля только герцогъ договорилъ эти слова, какъ въ корридорѣ раздались шаги, и кто-то началъ отмыкать дверь.

— Кто тамъ? воскликнулъ герцогъ, бросившись къ двери и захвативъ рывкомъ.

— Странный вопросъ, отвѣчалъ голосъ за дверью. — Да вы-то вы такъ забавно! Приходящъ домой, а въ домъ спрашиваютъ: кто тамъ?

— Это вы, ла-Моля?

— Конечно, я. А вы кто?

Между-тѣмъ, какъ ла-Моля изъявлялъ свое удивленіе, что домъ его занятъ, и старался узнать, кто этотъ новый постоялецъ, держа одну руку на задвижкѣ, а другую на замкѣ, быстро оборотился къ де-Муи.

— Знаете вы ла-Моля? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— А онъ васъ знаетъ?

— Не думаю.

— Хорошо; впрочемъ, притворитесь, будто смотрите въ окно. де-Муи молча повиновался, потому-что ла-Моля началъ выходить въ терція и стучалъ изо-всей-мѣчи.

Герцогъ еще разъ взглянулъ на де-Муи и видя, что тотъ стоитъ въ виду спящаго, отвернулъ дверь.

— Герцогъ! воскликнулъ ла-Моля, отступая отъ изумленія. — Видите, ваше высочество!

— Ничего, господинъ де-ла-Моля. Мнѣ понадобилась ваша комната, чтобъ кое-съ-къмъ переговорить.

— Извольте, ваше высочество, извольте. Позвольте только, сдѣлать одолженіе, взять мнѣ плащъ и шляпу съ постели; я и то другое потерялъ сегодня ночью на Гревской-Набережной.

— Точно, отвѣчалъ герцогъ, подавая ему вещи собственноручно. — вы довольно растрепаны: должно-быть имѣли дѣло съ упорными разбойниками.

Каждый человѣкъ улыбулся и вышелъ переодѣться въ перед-

нию, нисколько не заботясь о томъ, что дѣлаетъ герцогъ въ комнатѣ.

Де-Муи подошелъ къ герцогу, и оба внимательно стали слушать скоро ли переодѣнется и уйдетъ ла-Моль. Но онъ, переодѣвшись самъ вывелъ ихъ изъ затрудненія: онъ подошелъ къ двери и зашелъ:

— Извините, ваше высочество,—вы не встрѣчали Коконна?

— Нѣтъ; впрочемъ, онъ сегодня поутру долженъ быть на жбѣ.

— Такъ его, видно, зарѣзали, что ли, сказалъ ла-Моль и себя, удаляясь.

Герцогъ слушалъ, какъ удалялись шаги; потомъ отворилъ дверь и, уводя за собою де-Муи, сказалъ:

— Посмотрите, какъ онъ идетъ; старайтесь перенять эту не draжаемую походку.

— Постараюсь какъ могу, отвѣчалъ де-Муи. — Къ-несчастью не волокита, а солдатъ.

— Во всякомъ случаѣ, я жду васъ передъ полуночью въ этотъ корридоръ. Если комната моихъ придворныхъ будетъ свободна, прийму васъ въ ней; если нѣтъ, мы найдемъ другую.

— Хорошо, ваше высочество.

— И такъ, до двѣнадцатаго часа?

— До двѣнадцатаго часа.

— Не забудьте сильно размахивать правой рукой, когда будете идти: это привычка ла-Моля.

VIII.

Улица-Тизонъ и Улица-Клош-Персѣ.

Ла-Моль выбѣжалъ изъ Лувра и бросился отыскивать Коконна.

Первою его заботою было поспѣшить въ Улицу-д'Арбр-Секъ ла-Гюрьера; ла-Моль помнилъ, что не разъ повторялъ своему варишу латинскую поговорку, въ которой доказывалось, что Амур Вакхъ и Церера божества первѣйшихъ необходимостей; онъ надѣялся, что Коконна, слѣдуя латинской пословицѣ, расположился въ гостиницѣ à la Belle Étoile послѣ ночи, равно бурной для нихъ обонхъ.

Ла-Моль никого не нашелъ у ла-Гюрьера; ему только довольно радушно предложили завтракъ, который онъ и съѣлъ съ большимъ

считаютъ, не смотря на свое безпокойство. Успокоивъ желу-
дѣкъ мѣсто души, ла-Моль пошелъ вверхъ по Сень, какъ извъ-
стный супругъ, отъискивавшій жену свою утопленницу. Пришелъ
на Гревскую-Набережную, онъ узналъ мѣсто, гдѣ его остановили
на три или четыре тому назадъ, и нашелъ на мѣстѣ битвы обрыв-
окъ пера съ своей шляпы. Чувство собственности врождено че-
ловеку. У ла-Моля было съ десятокъ перьевъ, одно лучше друга-
го не смотря на то, онъ остановился, поднялъ этотъ обрывокъ и
выстрѣлъ на него съ сожалѣніемъ. Въ это время, послышались тя-
желые шаги, и грубый голосъ потребовалъ, чтобъ онъ посторо-
жился. Ла-Моль поднялъ голову и увидѣлъ носилки; впереди шли
два пажы, сзади оруженосецъ.

Ла-Моль какъ-будто узналъ эти носилки и поспѣшилъ посторо-
житься.

Онъ не обманулся.

— Мосьё де-ла-Моль? прозвнесъ въ носилкахъ сладкій голосъ, и
была, вѣжная какъ атласъ ручка отодвинула занавѣску.

— Дѣ, это я, отвѣчалъ ла-Моль кланяясь.

— Мосьё де-ла-Моль, съ перомъ въ рукахъ... продолжала дама
въ носилкахъ: — вы влюблены, и попали здѣсь на потерянный
слѣдъ?

— Дѣ, я влюбленъ, и очень-сильно; но теперь я попалъ на соб-
ственный свой слѣдъ, — хоть и не того искалъ; позвольте узнать
о здоровьѣ вашего величества?

— Благодарю васъ, слава Богу; я еще никогда, кажется, не
была такъ здорова; вѣроятно, это отъ-того, что я не ночевала
дома.

— Не ночевали дома! повторилъ ла-Моль, странно глядя на Мар-
гериту.

— Да, да; что жь тутъ удивительнаго?

— Позволено ли узнать, въ какомъ монастырѣ?

— Конечно, тутъ нѣтъ тайны. Въ Монастырѣ Благовѣщенія. Но
что вы тутъ дѣлаете? Вы, кажется, разстроены?

— Я ищу моего пропавшаго товарища и нашелъ перо.

— Его перо? Вы пугаете меня; это мѣсто нехорошо.

— Успокойтесь, ваше величество; это мое перо. Я потерялъ его
часу въ шестомъ утра, спасаясь отъ четырехъ разбойни-
ковъ, которые, кажется, во что бы то ни стало хотѣли убить
меня.

Маргерита подавила невольное движеніе ужаса.

— Расскажите, сказала она.

— Это очень-просто. Было, какъ я уже имѣлъ честь доложить
вашему величеству, часовъ пять утра.

— И въ это время вы уже вышли?

— Я еще не возвращался домой, ваше величество.

— А! возвращаться домой въ шестомъ часу утра, сказала Маргерита съ злобною улыбкою, которую Ла-Моль нашелъ очаровательною: — возвращаться домой такъ поздно! Вы заслужили казаніе.

— Я и не жагуюсь, отвѣчалъ Ла-Моль, почтительно кланаясь. — Еслибъ меня зарѣзали, я и тогда считалъ бы себя гораздо счастливѣе, нежели заслуживаю. Но поздно ли, рано ли возвращался я домой, только въ это время изъ улицы Ла-Мортелли выскочили четыре негодяя и бросились за мною съ предлинными кухонными ножами. Оно смѣшно, конечно; но такъ было. Я даже женѣ былъ бѣжать, потому-что забылъ шпагу въ томъ домѣ, гдѣ ночевалъ.

— Понимаю, сказала Маргерита съ неподражаемою наивностію: — вы возвращаетесь теперь за шпагой?

Ла-Моль посмотрѣлъ на Маргериту, какъ-будто какое-то сомнѣніе потревожило его душу.

— Я дѣйствительно пошелъ бы за нею и очень-охотно, потому что это превосходный клинокъ. Да не знаю, гдѣ этотъ домъ.

— Какъ? Вы не знаете дома, гдѣ ночевали?

— Пусть истребитъ меня сатана, если я хоть подозрѣвалъ, гдѣ этотъ домъ!

— Странно. Да это цѣлый романъ!

— Именно, настоящій романъ.

— Разскажите же его.

— Онъ немного-длинненъ.

— Что за нужда! Мнѣ теперь есть время.

— И, главное, романъ очень-невероятный.

— Ничего, разсказывайте; я очень-легковѣрна.

— Вы приказываете, ваше величество?

— Да, если на это нужно приказаніе.

— Я повинуюсь. Вчера ввечеру мы ужинали у Ла-Гюрьера...

— Во-первыхъ, что это за Ла-Гюрьеръ?

— Ла-Гюрьеръ, отвѣчалъ Ла-Моль, опять сомнительно посмотрѣвъ на Маргериту: — хозяинъ гостиницы à la Belle Étoile, въ Улицѣ-д'Арбр-Секъ.

— Хорошо; ее видно отсюда... Итакъ, вы ужинали у Ла-Гюрьера, конечно, съ пріятелемъ вашимъ Коконна?

— Да, съ Коконна; вдругъ входитъ человекъ и вручаетъ намъ по запискѣ.

— Одиваковой?

— Совершенно.

— И въ которой было написано...

— Только по одной строчкѣ: «Васъ ждутъ въ Улицѣ-Сент-Антуанъ, противъ улицы де-Жуи».

— И ничего имени не было подписано? спросила Маргерита.

— Нѣтъ; только три слова, три чудныя слова, которыя трижды обѣщали одно и то же, та-есть тройное счастье.

— Что жь это за слова?

— Egos, Cupido, Amor.

— Дѣйствительно, слова недурныя. Сдержали они обѣщаніе?

— Больше, во сто разъ больше! съ энтузіазмомъ воскликнула ла-Моль.

— Продолжайте; мнѣ любопытно знать, что ожидало васъ въ Улицѣ-Сент-Антуанъ.

— Дѣв дуэнья съ платками въ рукахъ. Мы должны были по-тѣмъ завязать себѣ глаза. Ваше величество догадаетесь, что мы и упрямылись. Мой проводникъ повелъ меня направо, проводникъ Коконна повелъ его направо, и мы разстались.

— Что жь потомъ? спросила Маргерита, рѣшившись, по-видимому, разспросить все до конца.

— Не знаю, куда увели моего товарища, — въ адъ, можетъ-быть. Но касается до меня, меня привели въ рай.

— И васъ выгнали, конечно, изъ этого рая за неумѣренное любопытство?

— Именно. Вы удивительно отгадываете! Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня, чтобъ увидѣть, гдѣ я, какъ вдругъ въ четыре часа съ коловиною вошла та же дуэнья, опять завязала мнѣ глаза, взяла съ меня обѣщаніе не приподымать повязки, вывела меня вонъ, провела шаговъ сто и взяла клятву, что я не прежде сниму повязку, пока насчитаю пятьдесятъ. Я счелъ это число — и очутился въ Улицѣ-Сент-Антуанъ, противъ улицы де-Жуи... Нашедъ мнѣ кусокъ своего пера, продолжалъ ла-Моль: — я затрепеталъ отъ восторга и поднялъ его, чтобъ спрятать въ пащеты этой блаженной почы. Одна только мысль возмущаетъ мое счастье: что случилось съ моимъ товарищемъ?

— Такъ онъ не возвращался въ Лувръ?

— Нѣтъ. Я искалъ его вездѣ, гдѣ только онъ могъ быть: въ Étoile d'Or и въ сотнѣ другихъ мѣстъ, но нигдѣ нѣтъ ни Аннибала, ни Коконна.

Эти слова ла-Моль произнесъ съ особеннымъ жестомъ, такъ-что подъ распахнувшагося плаща можно было замѣтить, что камушекъ на немъ порванъ и подкладка выглядываетъ въ дыры.

— Да вы ошпананы, сказала Маргерита.

— Именно ошпанъ, отвѣчалъ ла-Моль, намекая на опасность которой подвергался. — Посмотрите.

— Какъ же это вы не перемѣнили платья? Вѣдь вы заходите въ Лувръ?

— У меня въ комнатахъ кто-то былъ.

— У васъ въ комнатахъ былъ кто-то? сказала Маргерита съ личайшимъ изумленіемъ. — Кто же это?

— Его высочество.

— Тс! сказала Маргерита.

Молодой человѣкъ повиновался.

— Qui ad lecticam meam stant? спросила она.

— Duo pueri et unus eques.

— Optime barbari! продолжала она. — Dic, Moles, quem invenisti in cubiculo tuo?

— Franciscum ducem.

— Agentem?

— Nescio quid.

— Quo cum?

— Cum ignoto (*).

— Странно, сказала Маргерита. — Итакъ, вы не отыскали Конианна? продолжала она, очевидно не думая о томъ, что говоритъ.

— И это меня ужасно беспокоитъ.

— Я не хочу васъ отвлекать дольше отъ поисковъ, но не знаю отъ-чего мнѣ кажется, что онъ найдется самъ-собою. Впрочемъ все равно; ищите.

И королева приложила палецъ къ губамъ. Маргерита не догадалась ему никакой тайны, не сдѣлала никакого признанія; следовательно, этотъ знакъ не означалъ «молчите», а что-нибудь другое. Такъ изъяснялъ его ла-Моль.

Носилки тронулись, и ла-Моль, продолжая свои поиски, пошелъ по набережной до Улицы-Лон-Понъ, ведшей въ Улицу-Сент-Антуанъ.

Противъ Улицы-де-Жуи онъ остановился.

Здѣсь-то, наканунъ вечеромъ, дуэнь завязали глаза ему и Конианну.

(*) — Кто возлѣ моихъ носилокъ?

— Два пажы и конюшій.

— Варвары! Скажи, ла-Моль, кого нашелъ ты въ своей спальнѣ?

— Герцога Франсуа.

— Что онъ тамъ дѣлалъ?

— Не знаю.

— Съ кѣмъ?

— Съ кѣмъ-то неизвѣстнымъ.

ковня. Онъ повернулъ влѣво и отсчиталъ двадцать шаговъ; повторилъ то же движеніе и очутился прямо противъ дома или, лучше сказать, противъ стѣны, за которою возвышался домъ. Посреди стѣны была калитка съ навѣсомъ, убитымъ толстыми гвоздями, и съ бойницей.

Этотъ домъ находился въ Улицѣ-Клош-Персѣ, маленькой и узкой, начинавшейся отъ Улицы-Сент-Антуанъ и выходившей въ Улицу-Руа-де-Сисиль.

— *Par-la-sangbleu!* воскликнулъ ла-Моль: — вотъ оно, это мѣсто, я готовъ присягнуть! Выходя, я протянулъ руку и попалъ какъ разъ вотъ на эти гвозди. Потомъ сошелъ двѣ ступеньки. Человѣкъ, кричавшій «помогите!», — тотъ, котораго убили въ Улицѣ-Руа-де-Сисиль, пробѣгалъ въ ту самую минуту, когда я ступилъ на первую ступеньку. Посмотримъ.

Ла-Моль постучалъ въ калитку.

Она отворилась, и оттуда выглянулъ какой-то усатый сторожъ.

— *Was ist das?* спросилъ онъ.

— А! а! сказалъ ла-Моль: — кажется, Швейцарецъ. Мнѣ хотѣлось бы взять свою шпагу, любезный; я забылъ ее ночью въ этомъ мѣстѣ.

— *Ich verstehe nicht,* отвѣчалъ сторожъ.

— Шпагу, повторилъ ла-Моль.

— *Ich verstehe nicht,* повторилъ сторожъ.

— Которую я здѣсь оставилъ, — шпагу, которую я здѣсь бота-вилъ...

— *Ich verstehe nicht.*

— Здѣсь, вотъ въ этомъ домѣ, гдѣ я ночевалъ.

— *Gehe zum Teufel!*

И онъ захлопнулъ дверь.

— *Mordieu!* воскликнулъ ла-Моль: — еслибъ эта шпага была у меня въ рукахъ, я съ удовольствіемъ просадилъ бы ею этого болвана... Ну, да еще успѣю!

Ла-Моль прошелъ до Улицы-Руа-де-Сисиль, повернулъ направо, сдѣлалъ шаговъ пятьдесятъ, повернулъ опять направо и очутился въ Улицѣ-Тизонъ, маленькой, параллельной съ Улицею-Клош-Персѣ и во всемъ съ нею сходной. Мало того: прошедь не больше тридцати шаговъ, онъ опять встрѣтилъ калитку съ убитымъ гвоздями навѣсомъ и съ бойницами, — стѣну и двѣ ступени. Точно какъ-будто Улица-Клош-Персѣ повернулась еще разъ взглянуть на ла-Моля.

Тогда ему пришло въ голову, что онъ легко могъ ошибиться въ поворотѣ направо или навлѣво, и подошелъ къ калиткѣ, чтобы

и здѣсь постучать и попытаться войти. Но на этотъ разъ, и смотря на стукъ его, дверь даже не отворилась.

Ла-Моль обошелъ домъ раза два или три, и остановился на очень естественной мысли, что у этого дома было два выхода, одинъ въ Улицу-Клош-Персе, другой въ Улицу-Тизонъ.

Но это разсужденіе, при всей своей основательности, не возвращало ему шпаги и не говорило, гдѣ его товарищъ.

Ему вздумалось-было купить другую шпагу и заколоть мерзавца-сторожа, который рѣшился говорить только но-нѣмецки. Но онъ обдумалъ, что если этотъ сторожъ былъ выбранъ Маргеритой и служилъ ей, значитъ, она имѣла на это достаточныя причины, ей неприятно было бы лишиться его.

А Ла-Моль ни за что въ свѣтъ не рѣшился бы сдѣлать неприятность Маргеритѣ.

Опасаясь уступить искушенію, онъ часа въ два по-полудни пошелъ искать въ Луэръ.

Комната его не была занята, и онъ вошелъ свободно. Намысливъ на немъ дѣйствительно былъ ужасно оборванъ, нитки замѣтила королева, и онъ подошелъ прямо къ постели, чтобы надѣть другой перловый. Но къ величайшему изумленію своему, первая вещь, которая попала ему на глаза, была шпага, забытая имъ въ Улицѣ Клош-Персе.

Ла-Моль взялъ ее въ руки и началъ осматривать ее всѣхъ сторонъ: шпага точно была его.

— Ужъ не замѣшалось ли тутъ колдовство? подумалъ онъ, и потомъ прибавилъ съ улыбкою: — что, еслибъ и Коконна нашлась какъ эта шпага.

Часа два или три спустя послѣ путешествія Ла-Моля вокругъ дома съ двойнымъ выходомъ, дверь въ улицу Тизонъ отворилась. Было часовъ пять вечера, стало-быть, совершенно-темно.

Женщина въ длинной мантильѣ, обложенной мехомъ, вышла въ сопровожденіи служанки, въ эту дверь, отворенную ей дуэньей лѣтъ сорока. Потомъ она быстро прошла до Улицы-Руа-дѣ-Сисьянъ, постучалась въ маленькую дверь въ отелѣ д'Аржансонъ, вошла и вышла въ главный выходъ этой отелѣ въ улицу Виль-Рю-дю-Тампль. Оттуда она прошла до отелѣ Гиза, отворила бывшимъ способомъ ключомъ маленькую дверь, — и скрылась.

Черезъ полчаса, изъ той же двери того же домика вышелъ молодой человекъ съ завязанными глазами. Какая-то женщина довела его до угла улицы Жофруа-Ланье и Мортеллари. Тутъ она попросила его сосчитать пятьдесятъ и потомъ снять повязку.

Молодой человекъ въ точности исполнилъ ея требованія, сосчиталъ до пятидесятя и снялъ платокъ.

— Mordi! воскликнулъ онъ, оглядываясь.—Хоть убей, не знаю, где я! Шестъ часовъ! продолжалъ онъ, услышавъ бой часовъ на башнѣ Нотр-Дамъ. — Что-то случилось съ бѣднымъ ла-Модемъ? Пошлешь въ Лувръ; тамъ, можетъ-быть, что-нибудь о немъ знаютъ.

Съ этими словами Коконна побѣжалъ по улицѣ Мортеллеря, и достигъ Лувра такъ же скоро, какъ порядочная лошадь; на бѣгу онъ толкнулъ и сбилъ съ ногъ не одного гражданина, мирно прогуливавшагося около лавокъ площади Бодоле.

Во дворцѣ онъ началъ разспрашивать швейцара и часового. Швейцаръ сказалъ, что, кажется, ла-Моль воротился въ Лувръ по-утру, и вслѣдъ не выходилъ. Часовой стоялъ всего только полтора часа и съесть мѣсть и ничего не видѣлъ.

Онъ бѣгомъ добѣжалъ до комнаты, быстро отворилъ дверь, на немъ здѣсь только разорванный камзолъ ла-Моля, что и удвоило его безпокойство.

Тогда онъ вспомнилъ о ла-Гюррьерѣ и побѣжалъ къ нему. Ла-Гюррьеръ видѣлъ ла-Моля; ла-Моль у него завтракалъ. Коконна совершенно успокоился, и, чувствуя голодь, спросилъ ужинать.

Коконна былъ именно въ томъ состояніи, которое необходимо, чтобъ приятно покушать: онъ былъ спокоенъ духомъ и голоденъ. Ужинъ его продлился до восьми часовъ. Подкрѣпившись двумя бутылками анжуйскаго вина, которое очень пришлось ему по вкусу, онъ снова пустился отыскивать ла-Моля, надѣлая встрѣчныхъ тѣлканій соразмѣрно своему чувству дружбы, усиленному добрымъ ужиномъ.

Такъ прошелъ часъ; въ часъ Коконна обѣжалъ всѣ улицы, соединяя съ Гревской-Набережной, угольную пристань, улицу Сент-Антуанъ, и улицы Тизонъ и Клош-Персѣ, куда, думалъ онъ, ла-Моль, можетъ-быть, возвратился. Наконецъ, онъ вспомнилъ, что есть мѣсто, которое ла-Моль не можетъ миновать, именно: входъ въ Лувръ; онъ рѣшился стать у входа и ждать, пока онъ воротится.

Онъ былъ уже шаговъ за сто отъ Лувра и помогалъ подняться дѣвушкѣ, мужа которой сбилъ съ ногъ на Площади Сен-Жермен-д'Оксерруа, какъ вдругъ замѣтилъ передъ собою на горизонтѣ, при яркомъ свѣтѣ фонаря у подземнаго моста Лувра, вишневыи плащъ и бѣлое перо своего друга. Онъ видѣлъ, какъ онъ отвѣчалъ на честь отланную ему часовымъ, и исчезъ въ калиткѣ.

Знаменитый вишневыи плащъ надѣлалъ въ свѣтъ столько шума, что нельзя было обмануться.

— Mordi! воскликнулъ Коконна.—Это онъ, навѣрно,—онъ пришелъ домой. Эй! ла-Моль! Чортъ возьми! А кажется, у меня хороній голосъ. Отъ-чего же это онъ не слышитъ? Но, къ-счастію, ноги у меня не хуже; я догоню.

Коконна бросился со всѣхъ ногъ, и въ минуту достигъ Лувра по какъ онъ имъ спѣшилъ, а вишневый плащъ, тоже по-видимому спѣшившій, исчезъ въ сѣняхъ въ ту самую минуту, какъ онъ ступилъ на дворъ.

— Ла-Моль! кричалъ Коконна, продолжая бѣжать:—постой! это я, Коконна. Кой чортъ ты спѣшишь? Ужь не спасаешься ли ты отъ кого?

Дѣйствительно, вишневый плащъ не взомель, а взлетѣлъ во второй этажъ.

— А! ты не хочешь подождать! воскликнулъ Коконна.—А! ты сердился на меня! убирайся же къ чорту, *mordi!*

Коконна провожалъ бѣглеца этими восклицаніями съ низу лестницы; онъ пересталъ бѣжать за нимъ, но слѣдилъ глазами. Плащъ достигъ до этажа, гдѣ были покои Маргериты. Вдругъ изъ отдѣленія королевы вышла женщина и схватила вишневый плащъ за руку.

— О-го! продолжалъ Коконна.—Чуть ли это не Маргерита. Его ждали. Это другое дѣло; теперь я понимаю, почему онъ не отвѣчалъ мнѣ.

И онъ прилегъ къ периламъ, глядя сквозь ихъ отверстіе.

Наверху обмѣнялись нѣсколькими словами вполголоса, и вишневый плащъ вошелъ за королевой въ ея покои.

— Такъ и есть, сказалъ Коконна.—Я не ошибся. Бываютъ минуты, когда присутствіе лучшаго друга несносно, а Ла-Моль именно въ такихъ обстоятельствахъ.

Коконна тихо пошелъ по лестницѣ и сѣлъ на бархатную скамью на площадкѣ.

— Быть такъ! сказалъ онъ.—Будемъ ждать, а не преслѣдовать. Впрочемъ, онъ, должно быть, у королевы наваррской: такъ придется долго прождать... А холодно, *mordi!* Все равно, можно дожидаться его и у себя въ комнатѣ. Надо же ему когда-нибудь воротиться домой.

Едва только договорилъ онъ эти слова и хотѣлъ исполнить свое намѣреніе, какъ надъ головою его раздался легкій шумъ шаговъ и звуки любимой пѣсни его друга; Коконна тотчасъ оглянулся въ ту сторону. Это былъ Ла-Моль. Сходя съ верхняго этажа, гдѣ была его комната, онъ увидѣлъ Коконна, и началъ шагать черезъ четыре ступени. Черезъ минуту, онъ бросился въ его объятія.

— *Mordi!* Это ты! воскликнулъ Коконна. — Откуда же ты вышелъ?

— Изъ Улицы-Клош-Персе.

— Нѣтъ. Я не о томъ спрашиваю...

— О чемъ же?

- Отъ королевы-то откуда?
- Отъ королевы?
- Да, наваррской.
- Я у ней не былъ.
- Полно!
- Ты бредишь, thou chét Аннибаль. Я прямо изъ своей комнаты, гдѣ прождалъ тебя часа два.
- Изъ своей комнаты?
- Да.
- Такъ я не за тобою гнался по Луврской-Площади?
- Когда?
- Да вотъ теперь.
- Нѣтъ.
- И не ты исчезъ минутъ съ десять тому назадъ?
- Нѣтъ.
- И не ты взбѣжалъ по этой лѣстницѣ, какъ-будто за тобой шли цѣлый легіонъ чертей?
- Нѣтъ.
- Merdi! воскликнулъ Коконнѣ.—Славное же вино у ла-Гюръ! Говорю тебѣ, что я узналъ твой вишневый плащъ и бѣлое перо въ воротахъ Лувра, что я преслѣдовалъ ихъ до этой лѣстницы, а что твой плащъ, твое перо и твою руку, этотъ живой мапникъ, ждала здѣсь какая-то дама; подозреваю, что это королева Маргерита. Она увлекла его вотъ въ эту дверь, которая, кажется, ведетъ къ королеви наваррской.
- Mordieu! воскликнулъ ла-Моль блѣднѣя:—не-уже-ли измѣна?
- Я не ошибаюсь.
- Ла-Моль съ минуту стоялъ въ перьшимости, сжавъ руками голову, удерживаемый почтеніемъ и тревожнымъ ревностью. Но ревность взяла верхъ; онъ бросился къ двери и началъ стучать изо всей силы.
- Этакъ насъ арестуютъ, сказалъ Коконнѣ:—да все равно, это довольно-забавно. Скажи, пожалуйста, ла-Моль, въ Лувръ водятся лешовые?
- Не знаю, отвѣчалъ онъ, блѣдный какъ перо на его шляпѣ.
- Впрочемъ, мнѣ давно хотѣлось увидѣть лешоваго, и вотъ прекрасный случай,—я не упущу его.
- Я тебѣ не помѣха, сказалъ Коконнѣ:—только стучи не такъ сильно, а то онъ озлится.
- Ла-Моль, при всемъ своемъ бышенствѣ, понялъ справедливость этого замѣчанія и продолжалъ стучать тише.

IX.

ВИШНЕВЫЙ ПЛАЩЪ.

Коконна не обманулся. Дама, остановившая челоузка въ вишневоу плащѣ, была королева наваррская. Что до кавалера, читатель конечно, уже догадался, что это былъ храбрый де-Мун.

Узнавъ королеву, онъ тотчасъ понялъ, что тутъ какое-то недоразумѣнiе, но не смѣлъ произнести ни слова, опасаясь, чтобы она не вскрикнула и такимъ образомъ не выдала его. Онъ предпочелъ войти за нею во внутренность ея отдѣленiя, чтобы имѣть право сказать ей: «молчанiе за молчанiе».

Королева слегка сжала руку того, кого въ полумракѣ приняла за ла-Моля, и наклонившись къ его уху, сказала по-латыни:

— Войдите, другъ мой, я одна.

Де-Мун молча пошелъ за нею; но едва только дверь за нимъ затворилась, и онъ очутился въ передней Маргериты, освѣщенной лучше гѣстницы, какъ она увидѣла, что это вовсе не ла-Моль.

Легкій крикъ, котораго такъ опасался де-Мун, вырвался изъ груди Маргериты.

— Де-Мун! сказала она, отступая на шагъ.

— Точно я, ваше величество; умоляю васъ, дозвольте мнѣ идти моею дорогою и не говорите никому, что я въ Лувръ.

— Такъ я ошиблась!.. проговорила Маргерита.

— Да, я понимаю, отвѣчалъ де-Мун. — Вы приняли меня за короля наваррскаго; мы одного роста, носимъ одинаковое перо, и многие, желая мнѣ польстить, говорятъ, что наши манеры очень сходны.

Маргерита пристально посмотрѣла на де-Мун.

— Знаете вы по-латыни? спросила она.

— Зналъ когда-то, но забылъ.

Маргерита улыбнулась.

— Вы можете быть увѣрены въ моемъ молчанiи, сказала она. — И такъ, какъ и думаю, что мнѣ извѣстна особа, которой вы ищете въ Луврѣ, я провожу васъ къ ней въ безопасности.

— Извините, ваше величество; вы, вѣроятно, ошибаетесь; вамъ вовсе неизвѣстно...

— Какъ! развѣ вы не къ королю наваррскому?

— Мнѣ очень-жаль, что я долженъ просить васъ всего болѣе скрывать мое присутствiе въ Луврѣ отъ его величества.

— Послушайте, сказала Маргерита въ изумленiи:—до-сихъ-порту

и считала васъ однимъ изъ непоколебимѣйшихъ предводителей гугенотовъ, однимъ изъ вѣрнѣйшихъ приверженцевъ моего судруга; и-уже-ли я ошибалась?

— Нѣтъ, ваше величество; еще сегодня поутру былъ я вѣрнѣйшимъ.

— Что же измѣнило васъ съ-тѣхъ-поръ?

— Избавьте меня отъ отвѣта на этотъ вопросъ, ваше величество, и позвольте удалиться.

Де-Муи сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери.

Маргерита остановила его.

— Но если я осмѣлюсь попросить васъ объясниться? На мое слово можно, кажется, положиться.

— Я *долженъ* молчать, ваше величество. Есть, стало-быть, неотражымыя причины, если я не отвѣчаю вашему величеству.

— Однакожь...

— Вы можете погубить меня, ваше величество, но не можете требовать, чтобъ я измѣнилъ новымъ друзьямъ своимъ.

— А старые? не-уже-ли они потеряли всѣ права свои на насъ?

— Тѣ, которые остались вѣрными, нѣтъ; но тѣ, которые остались не только насъ, но и самихъ-себя, — тѣ потеряли эти права.

Маргерита была въ безпокойномъ раздумьѣ; она, конечно, предлагала бы еще не одинъ вопросъ, — но въ это время приближалась Гильдонна.

— Король наваррскій! сказала она.

— Откуда онъ идетъ?

— Изъ потайнаго корридора.

— Проводи его въ другую дверь.

— Нельзя. — Слышите? тамъ стучать.

— Кто это?

— Не знаю.

— Посмотри и скажи мнѣ.

— Смѣю замѣтить вашему величеству, сказала де-Муи: — что если король наваррскій увидитъ меня въ Луврѣ въ это время и въ этомъ костюмѣ, — я погибъ.

Маргерита схватила де-Муи за руку и подвела къ знаменитому кабинету.

— Войдите сюда, сказала она. — Здѣсь вы такъ же скрыты и безопасны, какъ у себя дома. За васъ ручается мое слово.

Де-Муи поспѣшно бросился въ кабинетъ, и только-что успѣлъ отворить за собою дверь, какъ Генрихъ вошелъ.

На этотъ разъ, Маргерита не была встревожена; она была только мрачна, — и любовь была за сто лѣтъ отъ ея мыслей.

Генрихъ вошелъ съ мелочною недовѣрчивостью, которая даже

я въ минуты безопасности заставляла его присматривать за всѣ мелочами; онъ еще больше былъ наблюдателемъ въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Онъ тотчасъ замѣтилъ облако на челѣ Маргериты.

— Вы были заняты? спросилъ онъ.

— Я? Да... я мечтала.

— И вы правы, это вамъ очень къ-лицу. Я тоже мечталъ; вы ищете уединенія, а я, напротивъ, пришелъ подѣлиться съ вами моими мечтами.

Маргерита пригласила его съѣсть, и сама съѣла на тонкій, рваный столъ изъ чернаго дерева.

Съ минуту супруги молчали. Генрихъ заговорилъ первый.

— Я вспомнилъ, сказалъ онъ:—что мечты мои о будущемъ сходны съ вашими въ томъ отношеніи, что хотя мы и не имѣемъ ничего общаго, какъ мужъ и жена, но желаемъ соединить судьбу свою.

— Это правда.

— Кажется, я не ошибся также, предполагая, что какой бы планъ ни составилъ я для общаго нашего возвышенія, я найду в васъ не только вѣрную, но и дѣятельную союзницу?

— Да; и я прошу васъ только объ одномъ: приступите какъ можно-скорѣе къ дѣлу и дайте мнѣ возможность тоже дѣйствовать.

— Очень-радъ, что вы такихъ мыслей. Надѣюсь, вы ни на минуту не сомнѣвались, что я не теряю изъ вида плана, задуманнаго мною въ тотъ самый день, когда, благодаря вашему заступленію я почти увѣрился, что жизнь моя въ безопасности.

— Ваша безпечность не больше какъ маска, — такъ я думаю и вѣрю не только въ предсказанія астрологовъ, но и въ вашъ геній.

— Что же вы сказали бы, еслибы кто-нибудь вздумалъ мѣшкать исполненію нашихъ плановъ и угрожалъ поставить насъ въ беззащитное положеніе?

— Я сказала бы, что готова бороться вмѣстѣ съ вами, тайно или явно ли, — и съ кѣмъ бы то ни было.

— Вы во всякое время можете войти къ брату вашему д'Алансону, не правда ли? Онъ къ вамъ доверчивъ и питаетъ живую дружбу. Смѣю ли просить васъ узнать, нѣтъ ли у него тайнаго свиданія съ кѣмъ-нибудь въ эту самую минуту?

Маргерита вздрогнула.

— Съ кѣмъ? спросила она.

— Съ де-Мунъ.

— Зачѣмъ? спросила Маргерита, подавляя душевное движеніе.

— Затѣмъ, что если это правда, такъ мы можемъ проститься съ

на нашими планами,—по-крайней-мѣрѣ, я прошусь съ своими.
— Говорите тише, сказала Маргерита, дѣлая ему знакъ и указывая пальцемъ на кабинетъ.

— О! Опять кто-то? Право, въ этомъ кабинетѣ такъ-часто бываютъ гости, что къ вамъ нѣтъ возможности входить.

Маргерита улыбнулась.

— И все это ла-Моль? спросилъ Генрихъ.

— Нѣтъ, это де-Муи.

— Огъ! воскликнулъ Генрихъ съ изумленіемъ и радостью:— такъ и не у д'Алансона? Позовите же его; я хочу говорить съ нимъ...

Маргерита подошла къ кабинету, отворила дверь, взяла де-Муи за руку и прямо подвела его къ королю.

— А! сказалъ молодой гугенотъ съ упрекомъ, но больше съ руганьемъ, нежели съ горькимъ выраженіемъ голоса:— вы вѣрите, не смотря на свое обещаніе,—это дурно. Что бы вы скажи, еслибъ я захотѣлъ отмстить, объявивъ...

— Вы не станете мстить, де-Муи, прервалъ его Генрихъ, пожавъ ему руку:— или, по-крайней-мѣрѣ, прежде выслушаете меня... Присмотрите, пожалуйста, прибавилъ онъ, обращаясь къ королю:— чтобъ никто насъ не подслушалъ.

Едва говорилъ Генрихъ эти слова, какъ приближалась Гильйонна, встревоженная, и шепнула что-то на ухо Маргеритѣ. Маргерита вскочила съ мѣста и убѣжала съ Гильйонной въ переднюю. Генрихъ, между-тѣмъ, нисколько не заботясь о томъ, что заставило ее выйти, осматривалъ постель, занавѣсы, ощупывалъ стѣны. Де-Муи, раздраженный всеми этими предосторожностями, попробовалъ, сорвана ли выдвигается изъ ноженъ его шпага.

Маргерита, вышедъ изъ спальни, бросилась въ прихожую и очутилась лицомъ-къ-лицу съ ла-Модемъ, который, не смотря ни на какія просьбы Гильйонны, хотѣлъ, во что бы то ни стало, войти въ Маргеритѣ.

За нимъ стоялъ Коконна, готовый толкнуть его впередъ, или открывать отступление.

— А! это вы, ла-Моль! Что съ вами? Вы блѣдны, вы дрожите...

— Господинъ де-ла-Моль до того стучалъ въ двери, сказала Гильйонна:— что, не смотря на приказаніе вашего величества, я пригнана была отворить ему.

— Что это значитъ? строго спросила Маргерита. — Правда это, господинъ де-ла-Моль?

— Я хотѣлъ предостеречь ваше величество, что кто-то чужой, шпіонскій, можетъ-быть разбойникъ, вошелъ къ вамъ въ мою комнату и моей шляпѣ.

— Вы съ ума сошли, отвѣчала Маргерита: — зашь плащъ, да и шляпа, если не ошибаюсь, тоже, хотя вы и говорите королевой.

— Извините! сказалъ ла-Моль, быстро снимая шляпу. — дѣтель Богъ, это не отъ непочтенія.

— Нѣтъ, отъ невѣрія, не такъ ли?

— Что дѣлать! отвѣчалъ онъ. — Когда у вашего величества и чина, когда онъ зашелъ туда въ моемъ костюмѣ, можетъ-быть подь моимъ именемъ...

— Мужчина! сказала Маргерита, легонько сжавъ руку влюбнаго ла-Моля: — мужчина! вы очень-скромны... Взгляните сквозь завѣску, — и вы увидите двоихъ.

И Маргерита раздвинула шитый золотомъ пологъ двери. Моль увидѣлъ Генриха разговаривающаго съ человѣкомъ въ черномъ плащѣ. Коконнѣ, тревожимый любопытствомъ, какъ-будто касалось лично его, несмотря на то же и узналъ де-Мунъ, какъ-будто окаменѣли.

— Теперь, надюсь, вы успокоились, сказала Маргерита: станьте же у дверей моей комнаты, ла-Моль, и, ради Бога, что-нибудь не вошелъ. Если кто-нибудь будетъ идти по лѣстницѣ дайте знать.

Ла-Моль, цокорный какъ ребенокъ, выпрыгнулъ; онъ и Коконнѣ смотрѣли другъ на друга съ удивленіемъ.

— Де-Мунъ! воскликнулъ Коконнѣ.

— Генрихъ! проговорилъ ла-Моль.

— Де-Мунъ, въ твоемъ вишневомъ плащѣ и шляпѣ съ бѣлымъ перомъ.

— Да! Но... если дѣло идетъ не о любви, то, конечно, какой-нибудь заговоръ.

— А! Merdi! Завхали въ политику! презорчалъ Коконнѣ. — К счастью, что не замѣшана еще герцогиня де-Неверъ!

Маргерита возвратилась въ комнату и съела возлѣ разговаривавшихъ. Отсутствіе ея продолжалось не больше минуты, и она и рошо употребила это время. Гильйонна поставлена сторожить тайнаго входа, ла-Моль и Коконнѣ у главнаго, — значить, все бы въ безопасности.

— Могутъ ли насъ какія-бы то ни было образомъ сминуть спросилъ Генрихъ.

— Эта комната обита тюфяками, и двойные панели совершенно уничтожаютъ отраженіе звуковъ, отвѣчала Маргерита.

Генрихъ обратился къ де-Мунъ; какъ-будто, не смотря на упрямство Маргериты, опасеніе его не могло исчезнуть, онъ спросилъ де-Мунъ въ-подголоса:

- Затѣмъ вы сюда пришли?
- Сюда? отвѣчалъ де-Мун.
- Да, сюда, въ эту комнату.
- Ни затѣмъ, сказала Маргерита: — я ввела его.
- Такъ вы знали?..
- Я обо всемъ догадываюсь.
- Видите, де-Мун: догадываться можно.
- Де-Мун, продолжала Маргерита: — былъ сегодня поутру у Франсуа, въ комнатѣ двухъ его придворныхъ.
- Видите, де-Мун, повторилъ Генрихъ: — все известно.
- Это правда, отвѣчалъ де-Мун.
- Я былъ увѣренъ, замѣтилъ Генрихъ: — что д'Алансой ухаживалъ за васъ.
- Вы сами виноваты, ваше величество. Затѣмъ вы такъ упорно отказались отъ моихъ предложеній?
- Вы отказались! воскликнула Маргерита. — Я предчувствовала, что не обманулась!
- Право, ваши восклицанія заставляютъ меня улыбаться, сказалъ Генрихъ, качая головою. — Какъ! Входить ко мнѣ человекъ и начинать говорить мнѣ о престолѣ, о возмущеніи, о революціи, говорить это мнѣ, Генрику, государю, терпящему только съ тѣмъ, чтобъ онъ велъ себя скромно, гугеноту, пощаженному съ тѣмъ, чтобъ онъ прикидывался католикомъ, — и хотѣть, чтобъ я принялъ его предложенія, когда они высказаны въ комнатѣ безъ двойныхъ завѣлокъ и необитой тюфяками? *Ventre saint-gris!* Вы дѣти вы безумные!
- Но развѣ ваше величество не могли подать мнѣ надежду, какъ не словомъ, то по-крайней-мѣрѣ какимъ-нибудь знакомъ?
- Чѣмъ вамъ говорилъ мой шуринъ? спросилъ Генрихъ.
- Это не моя тайна.
- И! Боже мой, сказалъ Генрихъ съ нетерпѣніемъ: — я не спрашиваю васъ, какія онъ вамъ дѣлалъ предложенія, я спрашиваю васъ только, слушалъ ли и слышалъ ли онъ?
- Да, слушалъ и слышалъ.
- Слушалъ и слышалъ? Вы сами съ этимъ согласны, де-Мун. Какой же вы заговорщикъ! Произнеси я хоть одно слово, и вы погибли. Я не зналъ, но подозревалъ, что онъ подслушиваетъ, — слышитъ ли, или кто-нибудь другой: герцога д'Анжу, Карла, королеву-мать. Вы не знаете луврскихъ стѣнъ, де-Мун; для нихъ избита поговорка: «у стѣнъ есть уши». Зная эти стѣны, что бы вы стали говорить? Полноте, Мун! не высококаго же вы мнѣнія о важности короля наваррскаго, и я удивляюсь, какъ вы, ставя во мнѣ умъ своемъ такъ невысоко, предлагаете ему корону...

— Но, ваше величество, повторилъ де-Муи: — отказываясь от этой короны, вы все-таки могли сдѣлать мнѣ какой-нибудь знакъ. Я не отчаялся бы, не считъ бы всего потеряннымъ.

— *Ventre saint-gris!* воскликнулъ Генрихъ: — если онъ слышалъ онъ точно также могъ и видѣть; знакъ могъ погубить насъ не хуже слова. Даже и теперь, продолжалъ онъ, оглядываясь во все стороны: — когда я говорю такъ тихо, что слова мои слышны, и жетса, только намъ тронимъ, — даже и теперь я боюсь, чтобы подслушали, какъ я говорю: де-Муи, повтори мнѣ твои предположенія.

— Но теперь я уже въ союзѣ съ д'Алансономъ, провансесъ и отчаяніемъ де-Муи.

Маргерита выразила жестомъ досаду.

— Значить, теперь поздно? сказала она.

— Напротивъ! возразилъ Генрихъ. — Поймите же, что даже и въ этомъ случаѣ видно покровительство Бога. Останься и мнѣ въ союзѣ, де-Муи; этотъ герцогъ наше спасеніе. Неужели ты думаешь, что король наваррскій можетъ ручаться за ваши головы? Несчастный! Я дамъ перерезать всѣхъ васъ до единого, и малѣйшему подозрѣнію. Но французскій принцъ крови — дѣло другое. Требуй отъ него поруки, де-Муи, требуй залога безопасности! А ты, я думаю, спроста, предался отъ всей души, и готовъ былъ удовольствоваться словомъ?

— Вѣрьте, ваше величество, что въ руки герцога бросило меня отчаяніе, овладевшее мною послѣ вашего отказа. Кромѣ того, страхъ быть выданнымъ... онъ зналъ нашу тайну.

— Теперь ты знаешь его тайну и воспользуйся этимъ, де-Муи. Чего онъ хочетъ? быть королемъ наваррскимъ? Объяви ему вѣру. Оставитъ дворъ? Доставь ему средства бѣжать; трудись для него, какъ трудился бы для меня, ворочай этимъ щитомъ такъ, чтобы на него падали все удары, которые направлены на насъ. Когда надо будетъ бѣжать, мы убѣжимъ вдвоемъ. Когда надо будетъ сражаться и царствовать, я буду одинъ.

— Не доверяйте герцогу, сказала Маргерита: — это мрачная зоркая дума, незнакомая ни съ ненавистью, ни съ дружбою, все да готовая обращаться съ друзьями какъ съ врагами, и съ врагами какъ съ друзьями.

— Онъ ждетъ васъ, де-Муи?

— Да.

— Гдѣ?

— Въ комнатахъ своихъ придворныхъ.

— Въ которомъ часу?

— До полуночи.

— Теперь еще нѣтъ одиннадцати; время не потеряно, ступайте!

— Мы беремъ съ васъ честное слово, сказала Маргерита.

— Полноте, сказалъ Генрихъ съ доврчивостью, которую такъ хорошо умѣлъ выказывать известнымъ людямъ въ известныхъ обстоятельствахъ:—съ де-Муи объ этомъ нечего толковать.

— Вы правы, ваше величество, отвѣчалъ де-Муи.—Но мнѣ нужно ваше слово, чтобъ я могъ сказать предводителямъ, что получили его. Вы вѣдь не католикъ, не правда ли?

Генрихъ пожалъ плечами.

— Вы не отказываетесь отъ наваррской короны?

— Я не отказываюсь ни отъ какой короны; предоставляю себѣ выбрать лучшую, то-есть ту, которая будетъ мнѣ и вамъ больше съ-руки.

— А если между-тѣмъ васъ арестуютъ, общаете ли вы не отринуть ничего, даже еслибъ осмѣлились пыткой оскорбить королевское величество?

— Клянусь въ томъ Богомъ.

— Еще одно слово. Какъ мнѣ съ вами увидѣться?

— Завтра я доставлю вамъ ключъ къ моей комнатѣ; вы можете войти когда и сколько разъ вамъ угодно. За присутствіе ваше и Лувръ будетъ отвѣчать д'Алансонъ. Теперь выйдите по маленькой лѣстницѣ; я проведу васъ. Королева между-тѣмъ впустилъ сюда такой же вишневыи плащъ: онъ только-что былъ въ прихожей. Никто не долженъ знать, что васъ два экземпляра... Не такъ ли, де-Муи? Не такъ ли, Маргерита?

Съ этими словами, Генрихъ засмѣялся.

— Да, отвѣчала она:—ла-Моль въ службѣ брата.

— Такъ постарайтесь завербовать его къ намъ, сказалъ Генрихъ серьезно.—Не жалуйте ни золота, ни обѣщаній. Вся моя сокровища къ его услугамъ.

— Хорошо, отвѣчала Маргерита съ улыбкой, какая встрѣчается только у женщины Боккаціо:—я постараюсь содѣйствовать ему всѣми силами, если вы этого желаете.

— Хорошо; а вы, де-Муи, идите къ герцогу и затяните его въ плетлю.

Х.

МАРГЕРИТА.

Въ продолженіи этого разговора, ла-Моль и Коконна стояли на часахъ; ла-Моль былъ немного-грустенъ, Коконна безпокоенъ.

Ла-Моль имѣлъ время одуматься, и Коконна не мало помогъ ему въ этомъ.

— Что ты объ этомъ думаешь? спросилъ Ла-Моль Коконна.

— Я думаю, отвѣчалъ Пьемонтецъ, что тутъ не безъ приключеній интриги.

— И ты готовъ, при случаѣ, сыграть въ ней роль?

— Выслушай меня со вниманіемъ, отвѣчалъ Коконна:— и не вѣдайся жонни словами. Во всей этой королевской путаницѣ мы только тѣни: гдѣ король наваррскій потеряетъ клочекъ своего пера, или д'Алансонъ кусокъ плаща, тамъ мы утратимъ жизнь. Дурачься изъ любви, но ради политики—не совѣтую.

Это былъ мудрый совѣтъ. Ла-Моль выслушалъ его съ грустнымъ видомъ человека, который чувствуетъ, что колеблется между благоразуміемъ и дурачествомъ, и съблаетъ глупость.

— Но я люблю королеву, Аннибалъ; и, къ счастью или къ несчастью, люблю ее всею душою. Ты скажешь: глупость! Полюбить такъ; а сумасшедшій. Но ты, мудрецъ, не долженъ страдать ради моихъ глупостей и раздѣлять мое несчастье. Ступай къ герцогу и не вдайся въ опасности.

Коконна подумалъ съ минуту; потомъ поднялъ голову и отвѣчалъ:

— Ты совершенно-правъ; ты влюбленъ, поступаешь же какъ влюбленный, Я честолюбивъ, и по-моему жизнь дороже женской удыбки. Я не стану рисковать жизнью безъ условій. Старайся и ты, бѣдный Медоръ, сдѣлать условія.

Коконна пожалъ руку Ла-Молью и ушелъ.

Минуты черезъ двѣ, дверь отворилась, и Маргерита, осторожно выглянувъ, взяла Ла-Моль за руку и, не говоря ни слова, увела его въ глубину своей комнаты. Она сама тщательно заперла все двери, и Ла-Моль могъ догадаться, что разговоръ будетъ важный.

Возвратившись въ комнату, она остановилась, съѣла на стулѣ изъ чернаго дерева и взяла Ла-Моль за руки.

— Теперь мы одни; сказала она:—поговоримъ же серьезно.

— Серьезно? спросилъ Ла-Моль.

— Или отъ души... это лучше, можетъ-быть? Въ задушевномъ разговорѣ могутъ заключаться важныя вещи, особенно въ разговорѣ королевы.

— Поговоримте же... объ этихъ важныхъ вещахъ. Только съ условіемъ, чтобъ ваше величество не сердились за глупости, которыя я скажу.

— Я буду сердиться только за одно, Ла-Моль: если вы вздумаете называть меня ваше величество. Для васъ, другъ мой, я просто Маргерита.

— Да, Маргерита!.. сказалъ молодой человекъ, пожирая ее глазами.

— Вотъ это такъ, отвѣчала она:—такъ, вы ревнивы?

— До безумія.

— Вотъ еще!

— Говорю вамъ, до безумія.

— Къ кому же вы ревнивы?

— Ка всьмъ.

— Однакожь?

— Во-первыхъ, нъ королю.

— Я думала, что на этотъ счетъ вы можете быть спокойны: вы ни видели и слышали.

— И къ де-Муи, котораго видѣлъ сегодня по-утру въ первый разъ, а который ввечеру уже такъ близокъ къ вамъ.

— Де-Муи?

— Да.

— Отъ-чего же вы подозреваете де-Муи?

— Пислушайте: я узналъ его по росту, по цвѣту волосъ, по сильному чувству ненависти. Онъ былъ сегодня поутру у д'Аланна.

— Какое же отношеніе имѣетъ это ко мнѣ?

— Не знаю; но во всякомъ случаѣ будьте откровенны. Такая жесть, какъ моя, имѣетъ по-крайней-мѣрѣ право на откровенность, а недостаткомъ другаго чувства. И у вашихъ ногъ. Если то, что вы чувствовали ко мнѣ, только мимолетный капризъ сердца, я возвращаю вамъ ваше слово, ваши обѣщанія; поблагодарю герцога д'Алансона за его ласки и откажусь отъ его службы. Я пошлю въ ла-Рошелль на встрѣчу смерти, если любовь не уничтожитъ меня на полудорожѣ.

Маргарита съ улыбкою выслушала эти страстные слова, и, задумавъ сложить голову на руку, сказала:

— Вы любите меня?

— Больше жизни, больше вѣчнаго спасенія! Но вы, вы—не любите меня...

— Безумецъ! проговорила она.

— Да! всеякнула ла-Моль, все еще у ногъ ея:—я говорю вамъ, что я безумный.

— Итакъ, для васъ важнее всего — любовь?

— Единственная цѣль моей жизни.

— Пусть такъ! Остальное будетъ дѣломъ постороннимъ. И такъ, вы меня любите; вы хотите остаться со мною?

— Я только объ одномъ молю Бога: чтобъ Онъ не разлучалъ меня съ вами.

— Мы не разстанемся; вы мнѣ нужны, ла-Моль.

— И вамъ нужны? Солнцу нужны свѣтящійся червякъ?

— Если я скажу вамъ, что люблю васъ, будете ли вы мною преданы?

— Да развѣ я вамъ не преданъ уже всею душою?

— Да, но вы еще сомнѣваетесь...

— Я виноватъ, я неблагодарный, я безумецъ,—вы сами созились въ этомъ. Но зачѣмъ былъ у васъ сегодня вечеромъ де-М? Зачѣмъ видѣлъ я его поутру у д'Алансона? Къ-чему этотъ вышвѣй плащъ, бѣлое перо, это подражаніе моей походкѣ?

— Несчастный! Вы говорите, что ревнуете, и не догадали въ чемъ дѣло! Знаете ли, ла-Моль, что герцогу собственноручно закололъ бы васъ завтра же, еслибъ зналъ, что вы теперь здѣ у ногъ монаха, и что я, вмѣсто того, чтобъ прогнать васъ, говорю вамъ: останьтесь, ла-Моль; я люблю васъ. Слышите ли: я люблю васъ!.. Повторяю вамъ: онъ васъ закололъ бы!

— Великій Боже! воскликнулъ ла-Моль, съ ужасомъ глядя на Маргериту.—Возможно ли?

— Въ наше время и при этомъ дворѣ все возможно, другъ мой. Одно слово: де-Муи, одѣтый въ вашъ плащъ, и въ вашей шляпѣ приходилъ въ Лувръ не ко мнѣ. Онъ приходилъ къ д'Алансону. Я не знала объ этомъ, приняла его за васъ, привела сюда и заговорила съ нимъ, думая, что это вы. Онъ узналъ нашу тайну, ла-Моль; стало-быть, его надо приласкать.

— По-моему, лучше убить его, сказалъ ла-Моль:—это короче вѣрнѣе.

— А по-моему пусть лучше останется онъ живъ. Узнайте все, ла-Моль. Жизнь его для насъ не только полезна, но и необходима. Выслушайте меня, и когда будете отвѣчать, обдумайте каждое слово. Любите ли вы меня до такой степени, что порадуетесь, если я действительно сдѣлаюсь королевой, то-есть, государыней и стоящаго королевства?

— Я люблю васъ столько, что желаю всего, что вы желаете, еслибъ даже исполненіе этого желанія было несчастіемъ всей моей жизни.

— Хотите ли вы помочь мнѣ осуществить это желаніе? Васъ оно сдѣлаетъ еще счастливѣе.

— Я лишуся васъ, сказалъ ла-Моль, закрывая лицо руками.

— Нѣтъ, напротивъ; изъ перваго слуги моего вы сдѣлаете первымъ подданнымъ. Вотъ все.

— О! прочь расчеты... прочь честолюбіе... не унижайте чувства которое я къ вамъ питаю. Преданность, одна преданность!

— Благородная душа! сказала Маргерита. — Я принимаю твою преданность и съумѣю оцѣнить ее.

Она протянула ему руки, и ла-Моль сжалъ ихъ въ своихъ рукахъ.

— Теперь я начинаю понимать этот таинственный планъ, ска-
жалъ де-Моль:—о которомъ гугеноты поговаривали еще до варооло-
вской ночи. Для исполненія его я былъ вызванъ въ Парижъ,
такъ же, какъ и многіе другіе, болѣе-достойные меня. Вы желаете,
что воображаемое наваррское королевство сдѣлалось действитель-
нымъ: король наваррскій настаиваетъ на этомъ. Де-Мунъ съ вами
въ разговоръ, не такъ ли? Но какую же роль играетъ тутъ герцога
Дамасонъ? Гдѣ тутъ для него престолъ? Я не вижу. Или герцога
нѣтъ сильно... къ вамъ привязанъ, что помогаетъ вамъ даромъ, не
требуетъ ничего въ вознагражденіе опасности, которой подвергается?

— Герцога, другъ мой, вступилъ въ заговоръ собственно для
самого-себя. Пусть заблуждается: его жизнь отвѣчаетъ за нашу.

— Но я у него въ службѣ, какъ могу я взмѣнить ему?

— Измѣнить? Въ чемъ же? Что онъ вамъ довѣрилъ? Не онъ ли
далъ вамъ, давъ де-Муи вашу плащъ и шляпу, какъ средства
спасенія до него? Вы у него въ службѣ? говорите вы. Но развѣ
вы не были еще прежде момье? Доказалъ ли онъ вамъ дружбу
такъ сильно, какъ я доказала любовь мою?

де-Моль всталъ, блѣдный и какъ пораженный громомъ.

— Коконна говорилъ правду, подумалъ онъ. — Интрига ому-
тываетъ меня. Она меня задушитъ.

— Что же вы скажете? спросила Маргерита.

— Вотъ мой отвѣтъ: говорить, — я слышалъ это еще на дру-
гомъ концѣ Франціи, когда ваше славное имя, молва о красотѣ
вашей коснулись моего сердца, какъ желаніе чего-то неизвѣстнаго,
— говорятъ, что вы иногда любили, и что любовь ваша всегда
была пагубна для предмета любви, такъ-что всѣхъ ихъ похитила
смерть. Завидуя, конечно, ихъ счастью...

... Не прерывайте меня, Маргерита! Говорятъ также, что вы
храните сердца этихъ вѣрныхъ друзей въ золотыхъ ящикахъ;
что иногда вы дарите эти грустные останки воспоминаніемъ и
любимымъ взглядомъ. Вы вздыхаете, глаза ваши помутнились, —
это правда. Пусть же я буду самый любимый, самый счастливый
изъ всѣхъ любимцевъ. Вы пронзили сердца другихъ и храните ихъ;
меня вы удостоиваете бѣльшей чести,—вы играете моею головою...
Поклянись же мнѣ передъ образомъ Бога, спасаго мнѣ жизнь,
поклянись, Маргерита, что если я умру за васъ (предчувствіе
говоритъ мнѣ это), вы сохраните мою голову, отдѣленную съкирой
палача, и будете иногда дарить ее взглядомъ. Поклянись, Мар-
герита, и обещаніе такой награды сдѣлаетъ меня вѣрнымъ, вѣр-
нымъ, непоколебимымъ, всѣмъ, что будетъ нужно, — но совершенно-
преданнымъ, каковъ долженъ быть вашъ любимецъ и соумышлен-
никъ.

— Что за мрачное безумство!

— Появляйтесь...

— Поклясться?

— Да; на этомъ серебряномъ крестѣ. Клянитесь!

— Хорошо. Если твое мрачное предчувствіе, чего Боже сохрани исполнится, клянусь тебѣ вѣнчъ престомъ, что ты не разстанешься со мною, пока я жива. И если я буду въ состояніи спасти тебя отъ опасности, въ которую ты бросаешься для меня, для меня одной, — я это знаю, — по-крайней-мѣрѣ, я обещаю утѣшить бедную душу твою исполненіемъ твоего желанія.

— Еще одно слово, Маргерита. Теперь я могу умереть, — обозначить на-счетъ смерти; но могу и остаться въ живыхъ: планъ нашъ можетъ удался. Король наваррскій можетъ сдѣлаться королемъ, вы королевой, — и тогда король возьметъ васъ съ собою. Обещъ, давшии вами быть чуждыми другъ другу, рушится — и тогда я сдѣлаюсь для васъ чуждъ. Милая Маргерита, вы успокоили меня на-счетъ смерти, — успокойте же и на-счетъ жизни!

— Не бойся ничего, сказала Маргерита, снова протягивая руку къ кресту: — если я уѣду, ты послѣдуешь за мною; а если король не захочетъ вѣсть тебя — я останусь.

— Но вы не посмѣете противиться ему?

— Ты не знаешь Генриха, милый Ясентъ, сказала Маргерита: — Генрихъ думаетъ теперь только объ одномъ: какъ бы сдѣлаться королемъ, и за это онъ готовъ пожертвовать всемъ, чѣмъ только владѣетъ, а тѣмъ болѣе тѣмъ, чѣмъ не владѣетъ... Прощай.

Съ этого вечера, ла-Моль былъ уже не простыми любимцемъ, и могъ заносить голову, которой, живой или мертвой, была обильна такая прекрасная будущность.

Однакомъ, чело его иногда сіяло, щеки блѣднѣли, и мрачное раздумье виднѣлось на бровяхъ челоука, прежде столь весело, теперь столь счастливаго!

хъ.

Дѣсица Божія.

Генрихъ, уходя отъ г-жи де-Совъ, сказалъ ей:

— Ложитесь въ постель, Шарлотта. — Притворитесь, будто вы очень-нездоровы, и не принимайте къ себѣ завтра никого, пока живъ бы предложомъ кто ни явился.

Шарлотта послушалась, не старалась объяснять себѣ причину этого наставленія. Она уже начала привыкать къ странностямъ Генриха.

Кромѣ того, она знала, что сердце Генриха заключаетъ въ себѣ тайны, которыхъ онъ никому не открываетъ; что въ умъ его таятся тайны, о которыхъ онъ боится проговориться и во снѣ. Она позволилась всѣмъ его прихотямъ, будучи увѣрена, что самыя странныя требованія его имѣютъ какую-нибудь цѣль.

Итакъ, она уже съ вечера начала жаловаться Дариолъ на тяжесть въ половѣ и потемнѣніе въ глазахъ. Эти припадки назначилъ Геццигъ.

На другой день, она притворилась, что хочетъ встать, но едва только спустила съ кровати ногу, какъ почувствовала необыкновенную слабость и легла опять.

Эта болѣзнь, о которой Генрихъ разсказалъ уже д'Алансону, была первой новостью, сообщенною Катеринѣ, когда она очень-спокойно спросила, почему г-жи де-Совъ вѣтъ при ея туалетѣ?

— Она больна, отвѣчала принцесса де-Лорренъ, бывшая подлѣ королевы.

— Больна? повторила Катерина, и ни одинъ мускулъ на лицѣ ея не выказалъ, какъ интересуется ее это извѣстіе. — Что за лѣнница!

— Нѣтъ, ваше величество, продолжала принцесса. — Она страдаетъ на сильную головную боль и такъ слаба, что не можетъ ступить на ноги.

Катерина ничего не отвѣчала, но, чтобъ лучше скрыть свою радость, отвернулась къ окну. Она увидѣла Генриха, шелшаго по двору, послѣ разговора съ де-Мун; она встала, чтобъ видѣть его лучше, тронувшая совѣстью, которая всегда шевелится въ сердцѣ, какъ бы въ свѣдѣніи о ея преступленіи, спросила у своего казначея:

— Не правда ли, что онъ сегодня блѣднѣе обыкновеннаго?

Ничуть не бывало; Генрихъ былъ покоенъ душою, но здоромъ какъ-нибудь-лучше.

Мало-по-малу, всѣ бывшіе при туалетѣ королевы разошлись, исключая трехъ или четырехъ самыхъ приближенныхъ. Катерина, въ истеричномъ отпущеніи и нѣтъ, сказавъ, что хочетъ отдохнуть дна.

Когда всѣ до одного удалились, она замкнула дверь, подошла къ тайному шкафу, вдланному въ стѣну, подавила пружину и вынула книгу, которой истертые листы доказывали, что она часто была въ употребленіи.

Она положила книгу на столъ, раскрыла и склонила голову на спину.

— Такъ и есть! проговорила она, читая: — головная боль, всеобщая слабость, боль въ глазахъ, опухоль неба. До-сихъ-поръ говорили еще только о слабости и головной боли... другіе припадки не замедлятъ.

Она продолжала:

— Потомъ воспаленіе переходитъ въ горло, въ желудокъ; не начинаетъ горѣть, и мозгъ наконецъ какъ-будто лопається.

Она повторила тихонько прочитанное, потомъ продолжала голоса:

— На лихорадку шесть часовъ; на общее воспаленіе двѣнадцать на гангрену двѣнадцать; на агонію шесть; всего тридцать-шесть совѣ.

— Теперь положимъ, что всасываніе совершится нѣсколько ленью, — вмѣсто тридцати-шести часовъ будетъ сорокъ, даже рокъ-восемь; да! сорока-восеми часовъ довольно! Но какъ онъ на ногахъ, Генрихъ? Онъ крѣпкаго сложенія; можетъ-быть, выпилъ воды, поцаловавъ ее, и отеръ губы?..

Катерина съ нетерпѣніемъ дожидалась обѣда. Генрихъ ежедневно обѣдалъ за столомъ короля. Онъ явился и сегодня, жаловался тяжесть въ головѣ, ничего не ѣлъ, и ушелъ тотчасъ послѣ обѣда, говоря, что не спалъ половину ночи и очень усталъ.

Катерина замѣтила невѣрную поступь Генриха и велѣла сидѣть за нимъ. Ей доложили, что онъ пошелъ къ г-жѣ де-Совѣ.

— Онъ пошелъ навстрѣчу смерти, подумала она: — отъ котораго ускользнулъ-было случайно.

Король наваррскій дѣйствительно пошелъ къ г-жѣ де-Совѣ, только затѣмъ, чтобъ попросить ее продолжать свою роль.

На другой день, онъ цѣлое утро вробылъ у себя и не явился къ обѣду. Г-жѣ де-Совѣ, какъ говорили, становилось все хуже хуже, и вѣсть о болѣзни Генриха, разглашенная самою Катериной, пронеслась въ Лувръ какъ предчувствіе, котораго никто не могъ себѣ объяснить.

Катерина торжествовала: она еще наканунѣ утромъ услала Пародать помощь одному изъ ея служителей, который заболѣлъ въ Сен-Жерменѣ. Къ Генриху и г-жѣ де-Совѣ должно было пригласить кого-нибудь изъ ея приверженцевъ; онъ скажетъ то, что онъ ему прикажетъ. Еслибъ даже, противъ всякаго ожиданія, въ дѣлѣ замѣшался какой-нибудь другой докторъ, и еслибъ вѣсть объ отравѣ встревожила дворъ, при которомъ уже не разъ разглашались подобныя вѣсти, она много рассчитывала на то, что при дворѣ говорили о ревности Маргериты. Читатель припомнитъ, что Катерина на всякій случай громко разсуждала объ этой ревности, выказывавшейся при многихъ случаяхъ, и между-прочимъ во время прогулки на кладбище къ чудесному боярышнику, когда она въ присутствіи многочисленнаго собранія, сказала своей дочери:

— Ты ужасно ревнива, Маргерита!

И так съ минуты на минуту ждала, что отворится дверь, как только слуга вбѣжитъ блѣдный и воскликнетъ:

— Ваше величество! король наваррскій умираетъ, и г-жа де-Совъ скончалась!

Пробило четыре часа вечера. Катерина раздавала въ своемъ кабинетѣ крошки бисквитовъ рѣдкимъ птицамъ, которыхъ кормила собственноручно. Лицо ея было спокойно, или, лучше сказать, равнодушно, какъ всегда, но сердце сильно билось при малѣйшемъ шумѣ.

Вдругъ дверь отворилась.

— Ваше величество, сказалъ дежурный канитанъ:— король наваррскій...

— Болѣнъ? быстро прервала его Катерина.

— Нѣтъ, слава Богу! его величество, кажется, совершенно-здоровъ.

— Такъ что жь?

— Онъ пришелъ къ вамъ.

— Что ему нужно?

— Онъ принесъ вамъ какую-то рѣдкую обезьяну.

Въ это время, вошелъ Генрихъ; въ рукахъ у него была корзина, въ которой сидѣла маленькая обезьяна.

Генрихъ улыбался и, кажется, исключительно былъ занятъ животною; впрочемъ, онъ успѣлъ быстро окинуть взоромъ Катерину и все ее окружавшее. Одного взгляда было довольно для его проницательнаго глаза. Катерина была очень-блѣдна и сидѣлась еще блѣднѣе, когда замѣтила, что на щекахъ Генриха играетъ здоровый румянецъ.

Королева-мать была поражена. Она машинально приняла подарокъ Генриха, смутилась, сказала что-то на счетъ свѣжести его лица и прибавила:

— Мнѣ тѣмъ пріятнѣе видѣть васъ здоровымъ, что я слышала, будто вы заболѣли; да, кажется, вы сами жаловались при мнѣ на недорозовье. Теперь я понимаю, продолжала она, стараясь улыбнуться:— это былъ только предлогъ вырваться на свободу.

— Я дѣйствительно былъ очень-болѣнъ, сказалъ Генрихъ:— но мнѣ помогло лекарство, очень-употребительное у насъ въ горахъ; мнѣ сообщила его покойная матушка.

— Вы дадите мнѣ рецептъ, не правда ли? сказала Катерина, и этотъ разъ улыбалась непритворно, но съ худо-скрытою ироніею.

— Какое-нибудь противоядіе, думала она:— посмотримъ... или нѣтъ: видя, что де-Совъ заболѣла, онъ вѣрно началъ подозревать. Право, подумаешь, что этого чловѣзка хранить десница Божія!

Катерина съ нетерпѣніемъ дождалась ночи. Г-жа де-Совъ не

являлась. За игрою, Катерина осъединилась о ней, ей казалась, что ей все хуже. Въ-продолженіи цѣлаго вечера, она сидѣла въ покойствѣ, и всѣ со страхомъ спрашивали другъ друга, что мысли могли бы тревожить это обыкновенно-неподвижное лицо.

Всѣ удалились. Катерина раздѣлась и легла; когда всѣ въ дѣрзъ улеглись, она встала, надѣла длинный черный шлафрокъ, взяла лампу, отыскала ключъ отъ комнаты г-жи де-Совъ, и пошла къ ней.

Предвидѣлъ ли Генрихъ это посвященіе? Былъ ли онъ занятъ собой? Былъ ли гдѣ-нибудь спрятанъ? Неизвѣстно; только Шарота была одна.

Катерина осторожно отомкнула дверь, прошла черезъ переднюю, вошла въ салонъ, поставила на столъ лампу, потому-что въ кабинетѣ больной горѣлъ ночникъ, и какъ тѣнь скользнула въ спальню.

Дариола спала возлѣ своей госпожи въ широкихъ креслахъ.

Кровать совершенно была закрыта пологомъ.

Дыханіе молодой женщины было такъ легко, что съ минутою Катерина думала, что она вовсе не дышитъ.

Наконецъ, она услышала легкій вздохъ; съ злобною радостью раздвинула она занавѣсъ, чтобъ лично удостовѣриться въ дѣйствительности страшнаго яда; она дрожала, ожидая увидѣть синеваго блѣдность или румянецъ смертельной лихорадки на лицѣ умирающей; но, вмѣсто того, увидѣла, что г-жа де-Совъ спитъ очень-спокойно; глаза ея были тихо закрыты бѣлыми вѣками, розовыя губы полураскрыты, голова покоилась на изящно-округленной рукѣ; улыбка играла на устахъ ея: ей, конечно, снилось что-нибудь пріятное.

Катерина невольно вскрикнула отъ удивленія, и разбудила на минуту Дариолу.

Королева спряталась за пологъ кровати.

Дариола открыла глаза, отиѣченные сномъ. Не отыскивая даже причины своего пробужденія, она снова опустила вѣки и заснула.

Тогда Катерина вышла изъ-за занавѣсы и, осмотрѣвъ другія части комнаты, замѣтила на столѣ бутылку испанскаго вина, влады, пастеть и два стакана. Ясно, что Генрихъ ужиналъ здѣсь и былъ совершенно-здоровъ.

Катерина подошла къ туалету и взяла серебряную коробочку, въ которой еще оставалось дѣв треть жала. Это была та самая коробочка, или по-крайней-мѣрѣ совершенно-схожая съ той, которую она ей послала. Она взяла на кончикъ золотой иглы кусочекъ мази величинною съ горошину, возвратилась къ себѣ и поподчивала этимъ обезьяну, которую принесъ ей Генрихъ. Животное жадно проглотило мазь и, свернувшись въ корзинкѣ, заснуло. Катерина подождала съ четверть часа.

— Отъ половинной доши собака моя Брюно взохла въ одну ми-

ду, сказала она. — Меня обманули... Ужь не Рене ли? Рене! Это возможно. Такъ Генрихъ? О, судьба! Это ясно: онъ долженъ нарваться, и потому не можетъ умереть.

— Но, можетъ-быть, надъ нимъ безсилны только адъ: посмотримъ, что скажетъ жельзо.

Астерина легла, витая въ умъ своею новою мыслью; къ утру жить, конечно, былъ готовъ: она позвала капитана, вручила ему письмо, и приказала отдать его лично тому, къ кому оное было адресовано.

Письмо было къ Луи де-Мервюлю, капитану королевскихъ неправыхъ, въ Улицъ Соризе, банъ Арсенала.

III.

Письмо изъ Рима.

Пршло нѣсколько дней. Однажды утромъ, къ Лувру прибыли послы, въ сопровожденіи нѣсколькихъ придворныхъ герцога Гим; король наваррской доложилъ, что герцогиня де-Неверъ желаетъ имѣть честь представиться ей.

У Маргариты была въ это время г-жа де-Созъ. Баронесса въ первый разъ вышла послѣ притворной своей болѣзни. Она знала, что королева очень беспокоилась на-счетъ ея положенія, о которомъ разсуждали при дворѣ цѣлую недѣлю, — и пришла поблагодарить ее за вниманіе.

Маргарита поздравляла ее съ выздоровленіемъ отъ этой странной болѣзни, которой важность она, какъ французская принцесса, считала очень-корошо.

— Надюсь, теперь вы явитесь на большую охоту? сказала она.

— Разъ ее отложили, но она окончательно назначена завтра. Для насъ теперь прекрасная погода. Солнце обогрѣло землю, и охотники угадаютъ, что день будетъ очень-удачный.

— Не знаю, буду ли я въ состояніи, отвѣчала баронесса.

— Не! принудите себя. У меня, какъ вамъ извѣстно, воинственный духъ, и я позволила королю наваррскому располагать маленькою беарнскою лошадию, которая была приготовлена для меня. Она вамъ очень пригодится. Вы не слышали объ ней?

— Слышала; но я не знала, что она назначена для васъ; итакъ, я не приняла бы ее.

— Изъ гордости?

— Напротивъ, изъ почтенія.

— Такъ вы будете?

— Благодарю васъ за честь. Буду, потому-что вы приказыва

Въ эту минуту, доложили о приѣздѣ герцогини де-Неверъ. Этотъ имени, Маргерита сдѣлала движеніе радости; баронесса дядлась, что онъ имѣютъ кое-что сообщить другъ другу и вст

тебъ проститься.

— И такъ, до завтра? сказала Маргерита.

— До завтра, ваше величество.

— А пророс, прибавила Маргерита: — вы вѣдь знаете, что свидѣтеляхъ я васъ ненавижу, потому-что страшно-ревнива.

— А наединѣ? спросила г-жа де-Совъ.

— О! наединѣ, я не только прощаю вамъ, но даже благодарю васъ.

— Такъ позвольте, ваше величество...

Маргерита протянула ей руку: баронесса поцаловала ее съ легкостью серны, герцогиня де-Неверъ обмѣнялась съ Маргеритой официальными привѣтствіями; сопровождавшіе ее придворные между-тѣмъ удалились.

— Гильйонна! воскликнула Маргерита, когда затворилась за нами дверь:—Гильйонна, смотри, чтобъ никто не помѣшалъ намъ.

— Да, прибавила герцогиня:—намъ надо переговорить объ очень важныхъ дѣлахъ.

Она взяла стулъ и сѣла безъ церемоній, будучи увѣрена, что никто не помѣшаетъ имъ быть другъ съ другомъ запросто.

— Ну! сказала Маргерита съ улыбкою:—что нашъ великій бо-ецъ?

— Милая королева, божусь тебѣ, это лицо мнѣологическое. Ос-троуміе его неподражаемо и безконечно. У него бываютъ такіе выволки, что хотъ мертвого расмѣшать. Впрочемъ, это самыи страшный язычникъ въ образъ католика. Я къ нему ужасно привязалась; а что твой Аполлонъ?

— Увы! сказала Маргерита со вздохомъ.

— Что за улы? это меня пугаетъ. Не-уже-ли онъ слишкомъ почтителенъ и сентименталенъ, твой ла-Моль? Въ такомъ случаѣ я должна сознаться, что онъ живая противоположность Коконна.

— Нѣтъ, онъ бываетъ иногда въ ударѣ, сказала Маргерита:—это улы относится только ко мнѣ.

— Что же это значить?

— То, что я боюсь его любить.

— Право?

— Честное слово.

— О! тѣмъ лучше! Какъ приятно, моя милая, моя ученая коро-

на, отдыхать сердцемъ послѣ занятій ума! Знаешь ли, Маргерита, я предчувствую, что мы проведемъ чудесный годъ?

— Ты думаешь? А я напротивъ; не знаю отъ-чего, только для меня какъ-будто все подернуто крѣпомъ. Эта политика ужасно раздражаетъ меня... Кстати, узнай, пожалуйста, дѣйствительно ли Аннибалъ такъ преданъ моему брату, какъ кажется. Узнай же, — это важно.

— Онъ преданъ кому-нибудь, или чему-нибудь! По всему видно, что ты его не знаешь такъ хорошо, какъ я. Если онъ посвятитъ себя чему-нибудь, такъ это своему честолюбію — и только. А братъ твой, можетъ ли онъ обещать ему много? Если да, такъ помни, онъ будетъ ему преданъ; но въ такомъ случаѣ, пусть твой братъ, хоть онъ и французскій принцъ, остережется не исполнить своихъ обещаній, — или горе ему!

— Право?

— Я тебѣ говорю. Да, Маргерита, бываютъ минуты, когда и тигръ, котораго я приласкала, пугаетъ даже меня. Намедни я ему говорю: берегитесь, Аннибалъ, не обманите меня; если вы меня обманете!.. И я говорила ему это глядя на него своими зелеными глазами, о которыхъ Ронсаръ сказалъ:

La duchesse de Nevers
Aux yeux verts,
Qui, sous leur paupière blonde,
Lancent sur nous plus d'éclairs
Que ne font vingt Jupiters
Dans les airs
Lorsque la tempête gronde.

— Что жь онъ?

— Я думала, что онъ скажетъ: «мнѣ обмануть васъ? никогда!» и т. п. Знаешь ли, что онъ мнѣ отвѣчалъ?

— Нѣтъ.

— Судя же; онъ отвѣчалъ: «Берегитесь и вы, если вздумаете обмануть меня...» и съ этими словами онъ погрозилъ мнѣ не только глазами, но и пальцемъ, съ его заостреннымъ ногтемъ, почти польстивъ. Онъ былъ такъ страшенъ, что, признаюсь тебѣ, я вздрогнула; а ты, ты знаешь, не трусиха.

— И онъ осмѣлился грозить тебѣ?

— Mordi! Вѣдь я же грозила ему. Если разсудить хорошенько, онъ правъ. Ты видишь, онъ преданъ только до известной степени, или, лучше сказать, до неизвестной степени.

— Въ такомъ случаѣ, посмотримъ, сказала Маргерита въ раздумьи: — я поговорю съ ла-Модемъ. Ты ничего больше не хотѣла сказать мнѣ?

— Нѣтъ, хотѣла сообщить тебѣ очень-интересную вещь; я и не за тѣмъ и прѣѣхала, да ты заговорила объ еще-болѣе интересномъ. Я получила письмо...

— Изъ Рима?

— Да, мужъ прислалъ курьера.

— По польскому дѣлу?

— Да. Оно идетъ какъ-нельзя-лучше. Черезъ нѣсколько дней ты, вѣроятно, избавишься отъ твоего брата д'Анжу.

— И такъ, папа утвердилъ его избраніе?

— Да.

— И ты не сказала мнѣ этого! Сообщи же скорѣе подробно.

— Я не знаю дальше никакихъ подробностей. Впрочемъ, послышь тебѣ дамъ письмо мужа. Вотъ оно. Нѣтъ, это стихи Аннибалла — ужасные стихи, да что дѣлать, онъ другихъ не сочиняетъ. Вотъ Нѣтъ, это опять не то: это запяточка; пожалуйста, попроси Моля передать ему. Вотъ, наконецъ, письмо.

И герцогиня подала его Маргеритѣ.

Маргерита поспѣшно раскрыла и прочла его. Въ немъ дѣйстви- тельно не заключалось никакихъ особенныхъ подробностей.

— Какъ же ты получила это письмо?

— Черезъ курьера. Мужъ приказалъ ему захватить прежде отель Гиза, а потомъ уже въ Лувръ, и вручить мнѣ письмо предъ короля. Я знала, какъ важно для васъ это извѣстіе, и проси мужа распорядиться такъ. Ты видишь, онъ послушался: онъ похожъ на это чудовище, Коконна! Теперь во всемъ Парижѣ знаютъ эту новость только ты, я, да король; развѣ человекъ, который гнался за курьеромъ...

— Что за человекъ?

— Ужасная должность! Вообрази себѣ, что этотъ несчастный курьеръ прѣѣхалъ усталый, разбитый, весь въ пыли; онъ скандалъ семь сутокъ не останавливаясь, день и ночь.

— Но что же за человекъ, о которомъ ты говорила?

— Дай срокъ. За нимъ постоянно слѣдовалъ человекъ упрямо-паружности, перемѣнялъ лошадей тамъ же, гдѣ и онъ, и не оставалъ отъ него въ-продолженіи четырехъ-сотъ лѣтъ; бѣдняжка курьеръ каждую минуту ждалъ, что ему всадятъ въ затылокъ пистолетъ. Оба они въ одно время подѣхали къ Сен-Марсельской-Заставѣ, вмѣстѣ промчались по улицѣ Муфетаръ и вмѣстѣ прѣѣхали къ Ситѣ. Но съ Моста-Нотр-Дамъ нашъ курьеръ поворотилъ направо, а тотъ налѣво по площади Шателё, и потомъ по набережной въ Лувру.

— Благодарю тебя, милая Анрѣтта! Ты права, эта новость очень интересна. Но къ кому же другой-то курьеръ?.. Я это узнаю. Теперь

ны меня. Сегодня вечеромъ, въ улицѣ Тизонъ, не такъ ли? А игра на охоту? Только, пожалуйста, возьми лошадь погорячѣе, чтобъ она тебя унесла, и чтобъ такимъ образомъ мы могли одиѣ ѣхать въ сторону. Сегодня ввечеру я скажу тебѣ, что надо дѣлать отъ Коконнѣ.

— Не забудь же мое письмецо.

— Нѣтъ, будь спокойна. Онъ получитъ его во-время.

Герцогиня вышла, и Маргерита тотчасъ послала за Генрихомъ. Онъ сейчасъ же явился, и она дала ему письмо герцога де-Невера.

— О-го! сказалъ онъ.

Потомъ Маргерита рассказала ему о двухъ курьерахъ.

— Я видѣлъ, какъ онъ вошелъ въ Лувръ, сказалъ Генрихъ.

— Можетъ-быть, онъ къ королевы-матери?

— Нѣтъ, я въ этомъ увѣренъ; на всякій случай я сталъ въ брелоръ, и никто тамъ не проходилъ.

— Такъ онъ...

— Къ брату вашему д'Алансону? Не такъ ли?

— Да; но какъ это узнать?

— Нельзя ли послать за кѣмъ-нибудь изъ его придворныхъ, и...

— Правда, я пошлю за ла-Модемъ. Гильйонна! Гильйонна!

Гильйонна вошла.

— Мнѣ надо сейчасъ же поговорить съ ла-Модемъ. Съищи его попроси сюда.

Гильйонна вышла. Генрихъ сѣлъ къ столу, на которомъ лежала замѣтная книга съ гравюрами Альбрехта Дюрера; онъ такъ углубился въ разсматриваніе ея, что вовсе не слышалъ, какъ вошелъ ла-Моль.

Ла-Моль, увидѣвъ короля въ комнатѣ Маргериты, остановился въ корогъ; онъ онемѣлъ отъ изумленія и поблѣднѣлъ отъ безпокойства.

Маргерита подошла къ нему.

— Не знаете ли вы, спросила она его: — кто сегодня дежуритъ у д'Алансона?

— Коконнѣ, отвѣчалъ онъ.

— Узнайте отъ него, пожалуйста, вводилъ ли онъ къ герцогу ла-Моль, покрытаго пылью, какъ-будто явившагося прямо съ чуждой дороги?

— Онъ, боюсь, не скажетъ; вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ онъ находится очень молчаливъ.

— Право? За это письмецо, я думаю, онъ что-нибудь скажетъ.

— Отъ герцога? Пожалуйста; съ этимъ письмомъ я сдѣлаю все. Онъ ушелъ.

— Завтра мы узнаемъ, знаетъ ли д'Алансонъ о польскомъ, спокойно сказала Маргерита, обращаясь къ мужу.

— Эгогъ ла-Моль премилый услужникъ, сказалъ Беарнеп своею оригинальною улыбкою.—Я его не забуду!

XX.

Отъездъ.

На другое утро, когда прекрасное, но не палющее зимнее солнце взошло изъ-за холмовъ, окружающихъ Парижъ, на дворе уже два часа какъ все было въ движеніи.

Превосходная варварійская лошадь, на тонкихъ ногахъ, потныхъ стѣю жила, была приготовлена для Карла IX; въ терпѣніи была она копытами, фыркала и вострила уши; но Карлъ былъ еще въ большемъ нетерпѣніи: Катерина остановила его галерею, чтобъ переговорить, какъ она сказала, о важномъ дѣлѣ.

Катерина была блѣдна, безстрастна и холодна, какъ все Карлъ кусалъ отъ нетерпѣнія ногти и билъ хлыстомъ вару бимыхъ собакъ, одѣтыхъ въ кольчуги, чтобъ клыки кабановъ могли вредить имъ.

— Заметь, Карлъ, говорила Катерина:—кромѣ тебя и меня, кто еще не знаетъ о будущемъ прибытіи польскихъ пословъ. А роль наваррскій ведетъ себя, какъ-будто это ему извѣстно. смотря на его отреченіе, которому я никогда не вѣрила, у него есть сношенія съ гугенотами. Замѣтилъ ты, какъ съ нѣкотораго времени онъ началъ часто выходить? У него и деньги появились чего никогда не было; онъ покупаетъ лошадей, оружіе, и въ длинные дни съ утра до вечера упражняется въ фехтованіи.

— Ужь не думаете ли вы, что онъ хочетъ убить меня, или та д'Анжу? сказалъ Карлъ съ нетерпѣніемъ. — Въ такомъ случаѣ ему надо будетъ еще поучиться, потому-что не дальше какъ вчера я прорѣзалъ у него въ камзолѣ одиннадцать новыхъ перъ моею рапирой. Что касается до брата д'Анжу, вы знаете, что фехтуетъ еще лучше меня, или, какъ говорятъ по-крайней-мѣрѣ, не хуже.

— Послушай, Карлъ, продолжала Катерина:—не принимай слегка, что говорятъ тебѣ мать. Послы скоро пріѣдутъ; ты увидишь, что какъ-только они лягутся, Генрихъ всеми силами посяетъ привлечь къ себѣ ихъ вниманіе. Онъ хитеръ, вкрадчиво кромѣ того, жена, Богъ ее знаетъ почему, помогаетъ ему: она

съ ними перешептываться, заговорить по-латинѣ, по-гречески, по-венгерски,—мало ли еще что! Говорю тебѣ, Карлъ,—а ты слышишь, что я никогда не ошибаюсь:—говорю тебѣ, что тутъ что-то гроеся.

Въ это время, раздался бой часовъ. Карлъ пересталъ слушать и въ началъ считать удары.

— *Mort de ma vie!* воскликнулъ онъ: — ужь семь часовъ! часъ — это восемь; часъ на сборъ къ мѣсту; охота начнется не позже девяти! Право, матушка, вы отнимаете у меня ужасно много времени. Прочь, Риск-Ту... *mort de ma vie!* прочь, говорю тебѣ!

Бабака извагнула отъ удара плетью, которымъ Карлъ отъѣхалъ отъ ласки.

— Рази Бога, выслушай меня, Карлъ! продолжала Катерина.— Скажи на звось свою судьбу и судьбу Франціи! Охота, охота, говоришь ты... Охотиться ты еще успѣешь, когда исполняешь обязанности короля.

— Объяснитесь же скорѣе, сказалъ Карлъ, блѣдный отъ нетерпѣнн. — Вы только портите кровь во мнѣ. Право, я васъ иногда не могу понять.

И онъ остановился, хлопая хлыстомъ по сапогу.

Катерина смекнула, что минута благоприятна, и что ее не надо тускать.

— Мы знаемъ навѣрное, сказала она:—что де-Мунъ возвратился въ Парижъ. Морвель видѣлъ его. Для кого же быть ему здѣсь, не для короля наваррскаго? Этого, кажется, достаточно, чтобъ считать его болѣе-подозрительнымъ, нежели когда-нибудь.

— Вы опять нападаете на бѣднаго Гапріо. Вамъ хочется, чтобъ убить его, не правда ли?

— О, нѣтъ!

— Изгнать? Но какъ же вы не понимаете, что въ изгнаніи онъ будетъ гораздо-опаснѣе, нежели здѣсь, въ Луврѣ, на-глазяхъ, гдѣ каждый поступокъ его намъ извѣстенъ?

— Да я и не хочу, чтобъ ты изгнать его.

— Чего жь вы хотите? говорите скорѣе!

— Я хочу, чтобъ его спрятали въ безопасное мѣсто, пока будутъ здѣсь Поляки; въ Бастилію, напримѣръ.

— Нѣтъ! воскликнулъ Карлъ. — Сегодня мы охотимся за кабаномъ; Гапріо одинъ изъ лучшихъ охотниковъ. Безъ него что за охота! *Mordieu!* Вы, кажется, только и думаете, какъ бы мнѣ отговорьчить.

— Да я не требую, чтобъ его арестовали сегодня утромъ, другъ

мой... Послы придут не раньше, какъ завтра или послѣ-завтра. Арестуемъ его послѣ охоты... вечеромъ... ночью.

— Это другое дѣло. Хорошо, мы еще поговоримъ. Послѣ охоты, посмотримъ. Прощайте! Сюда, Риск-Ту! Ты тоже на охоту идешь?

— Карлъ! сказала Катерина, останавливая его за руку, и възбѣсить его новою постановкой: — я думаю лучше всего сейчасъ подписать приказаніе арестовать, а исполнить его вечеромъ или ночью.

— Написать приказъ, да идти еще за печатью, и подписать, когда меня ждутъ на охоту? Да я никогда не заставлялъ себя ждать. Подите!

— Я не хочу тебя задерживать; я все предвидѣла; зайди ко мнѣ.

И Катерина, проворно, какъ-будто ей было всего лѣтъ двадцать, отворила дверь въ кабинетъ свой и указала королю на чернильное перо, пергаментъ, печать и зажженную свѣчу.

Король взявъ пергаментъ и быстро пробѣжалъ его:

— «Приказаніе, и проч., и проч., взять подъ стражу и отвезти въ Бастилію брата нашего Генриха-Наварррскаго.»

— Хорошо; сказалъ онъ подписывая приказъ. — Вотъ и дѣло кончилось. Прощайте.

Онъ бросился изъ кабинета въ сопровожденіи своихъ собакъ, былъ очень-радъ, что такъ легко отдѣлался отъ Катерины.

Карла ждали съ нетерпѣніемъ; все знали его аккуратность охоты, и удивлялись его отсутствію. Когда онъ вышелъ, охотники привѣтствовали его громкими кликами и звуками роговъ, которыми ржаніемъ, собаки лаемъ. Этотъ шумъ и гамъ вызвалъ румянецъ на его блѣдныя щеки; сердце его забило сильнѣе, и Карлъ въ минуту сталъ молодъ и счастливъ.

Король на-скоро раскланялся съ блестящимъ обществомъ, собравшимся на дворѣ; онъ кивнулъ головою д'Алансону, привѣтствовалъ рукою Маргериту и прошелъ мимо Генриха, какъ-будто не замѣчая его. Онъ вскочилъ на лошадь; лошадь сдѣлала нѣсколько скачковъ, но вскорѣ почувствовала, какой на ней ѣздокъ, и усмирилась.

Звуки роговъ раздались снова, и король выѣхалъ изъ Лувра въ сопровожденіи д'Алансона, короля наварррскаго, Маргериты, герцога де-Неверъ, г-жи де-Соръ, Таланна и азиатскихъ приволачныхъ.

Дэ-Модъ и Коконна, само-собой разумѣется, участвовали на охотѣ.

Что касается до герцога д'Анжу, онъ уже три мѣсяца былъ при дворе въ Рошеле.

Когда еще ждали короля, Генрихъ подѣхалъ къ жерѣ своей; вѣчая на его привѣтствіе, она шепнула ему на ухо:

— Курьеръ изъ Рима былъ введенъ къ д'Алансону самимъ Кони: посланный Невера явился къ королю четвертью часа позже.

— Такъ онъ знаетъ все? сказалъ Генрихъ.

— Долженъ все знать, отвѣчала Маргерита:— посмотрите, какъ у него блестятъ глаза, хоть онъ и мастеръ притворяться.

— Надѣюсь, *ventre saint-gris!* проговорилъ Беарнецъ:— онъ охотникъ сегодня за тройною добычею: за Франціею, Польшею и Наваррою, не считая кабана.

Онъ поклонился жонѣ, возвратился на свое мѣсто и подавалъ ей собѣ одного изъ своихъ слугъ, родомъ Беарнца, котораго прежде служила предкамъ Генриха въ продолженіи цѣлаго столѣтія, вѣрнѣе онъ употреблялъ обыкновенно по любовнымъ дѣламъ своимъ.

— Ортошъ, сказалъ онъ ему:— возьми этотъ ключъ и отнеси его къ брату г-жи де-Совъ, знаешь, что живетъ на углу улицы Катрфецъ; скажи ему, что она желаетъ поговорить съ нимъ сегодня вечеру. Пусть войдетъ ко мнѣ въ комнату, и если меня не будетъ, пусть подождетъ; если я запоздаю, пусть покаместъ ляжетъ и мою кровать.

— Отвѣта не ждать?

— Никъ; скажи только, засталъ ли его. Ключъ отдать ему лично, понимаешь?

— Понимаю, ваше величество.

— Чашей! Выѣзжая изъ Парижа, я подзову тебя поправить что-нибудь у сѣдла; ты отстанешь и исполнишь порученіе очень-просто. Въ Бюди ты опять къ намъ пристанешь.

Слуга поклонился и отошелъ.

Прѣехали Улицу-Сент-Оноре, потомъ Сен-Дени, и въехали въ предмѣстье; въ улицѣ Сен-Лоранъ лошадь Генриха разнуздалась, Ортошъ подбѣжалъ, и все было сдѣлано, какъ сказалъ Генрихъ. Онъ поѣхалъ дальше съ прочими по Улицѣ-Реколле, а вѣрный слуга пошелъ по Улицѣ-Тамплъ.

Когда Генрихъ опять присоединился къ королю, Карлъ былъ занятъ чрезвычайно-интереснымъ разговоромъ съ д'Алансономъ о возрастѣ подсмотрѣннаго кабана, о мѣстѣ, гдѣ онъ залегъ, и не замѣтилъ, или притворился, что не замѣтилъ отсутствія Генриха.

Между-тѣмъ, Маргерита издали наблюдала за всеми; ей показалося, что братъ ея какъ-будто смущается, встрѣчаясь взорами съ Генрихомъ. Герцогиня де-Неверъ была чрезвычайно-весела, потому-что Коконна былъ въ уларѣ и тѣшилъ дамъ.

La-Moyle уже два раза нашелъ случай поцаловать бѣлый, шитый

золотомъ шарфѣ Маргериты; все это было сдѣлано съ обыкновенною ловкостью влюбленнаго, такъ-что это замѣтилъ человѣкъ или четыре, не больше.

Около четверти девятаго прѣехали въ Бондѣ.

Первою заботою Карла было узнать, тутъ ли кабанъ. Кабанъ жаль въ своемъ логовищѣ, и охотникъ, подсмотрѣвшій его, отчалъ за него.

Завтракъ былъ готовъ. Король выпилъ стаканъ венгерскаго и пригласилъ дамъ сѣсть за столъ; а самъ, въ нетерпѣннѣи, пошелъ осматрѣть псарни и не велѣлъ разсѣдывать свою лошадь.

Между-тѣмъ, прѣехалъ герцогъ Гизъ. Онъ былъ вооруженъ, какъ будто собрался не на охоту, а на битву; съ нимъ было человекъ 20 или 30 свиты, подобно ему вооруженныхъ. Онъ тотчасъ осведомился, гдѣ король, пошелъ къ нему, и возвратился, разговаривая съ нимъ.

Ровно въ девять часовъ король самъ подалъ знакъ въ рогахъ, всѣ съѣли на копей и поѣхали къ сборному мѣсту.

Дорогою, Генрихъ нашелъ случай еще разъ подъѣхать къ жемчужнице.

— Чтò? Узнали вы что-нибудь новое? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; только Карлъ что-то странно на васъ поглядываетъ.

— Я самъ это замѣтилъ.

— Приняли вы предосторожности?

— На мнѣ кольчуга, и я взялъ съ собою превосходный испанскій охотничій ножъ, острый, какъ бритва; онъ рубитъ дублоны.

— Такъ съ Богомъ! сказала Маргерита.

Охотникъ, указывавшій дорогу, остановился: подъѣхали къ логовищу.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

МОРВЕЛЬ.

Между-тѣмъ, какъ веселая, безпечная молодѣжь золотымъ вихремъ летѣла по дорогѣ къ Бондѣ, Катерина свернула драгоценный пергаментъ, подписанный Карломъ, и велѣла позвать къ себѣ въ кабинетъ человѣка, къ которому, нѣсколько дней назадъ, дежурный капитанъ отнесъ отъ нея письмо въ улицу Серизе, близъ арсенала.

Широкая повязка изъ тафты закрывала одинъ глазъ вошедшаго; крѣпкий носъ выглядывалъ между выдавшихся скулъ, и нижняя часть лица обросла сѣватою бородой. Онъ былъ закутанъ въ длинный широкій плащъ, подъ которымъ, какъ можно было догадаться, скрывался цѣлый арсеналъ. Сверхъ того, съ боку у него висѣла длинная и широкая шпага. Одна рука его была спрятана и нѣтъ-будто приросла подъ плащомъ къ рукояткѣ длиннаго кинжала.

— А! вотъ вы, сказала королева, садясь:—вы знаете: послѣ варшавской ночи, въ которую вы оказали намъ столько услугъ, я бычала не оставлять васъ въ бездѣйствіи. Теперь прекрасный случай; поблагодарите же меня: объ этомъ я постаралась.

— Почтительнѣйше благодарю ваше величество, отвѣчалъ онъ съ какою-то дерзко-униженною миной.

— Прекрасный случай! Такого не представится другой разъ въ моей жизни. Воспользуйтесь имъ.

— Я жду, ваше величество. Боюсь только, судя по предсказанію...

— Что порученіе довольно-мирно? А кто хочет повышенія, то не прочь погрѣть руки? Знайте же, что такому порученію позавидовалъ бы самъ Таванъ или Гизъ.

— Какого рода ни было бы это порученіе, я готовъ исполнить приказаніе вашего величества.

— Такъ читайте.

Она подала ему пергаментъ.

Онъ прочелъ его и поблѣднѣлъ.

— Какъ! воскликнулъ онъ. — Приказаніе арестовать короля и варрсаго!

— Что жъ тутъ необыкновеннаго?

— Ваше величество... короля! Не знаю, право... я плохой царедворецъ.

— Моя довѣренность дѣлаетъ васъ первымъ изъ всѣхъ царедворцевъ.

— Благодарю, ваше величество.

— Такъ вы исполните?

— Если ваше величество приказываете, — развѣ это не долгъ мой?

— Да, я приказываю.

— Я повинюсь.

— Какъ же вы распорядитесь?

— Не знаю, ваше величество; мнѣ бы хотѣлось услышать, что вы скажете.

— Вы боитесь шума?

— Признаюсь...

— Возьмите двѣнадцать человекъ, на которыхъ можно положиться; если надо — и больше.

— Понимаю. Но гдѣ же найти короля наваррсаго?

— Гдѣ для васъ удобнѣе?

— Въ такомъ мѣстѣ, которое само-по-себѣ служило бы мнѣ и защитою, если можно.

— Да, въ какомъ-нибудь изъ королевскихъ дворцовъ; что вы скажете, напримеръ, на счетъ Лувра?

— О! Если позволите, я сочту это великою милостію.

— Такъ возьмите его изъ Лувра.

— Гдѣ же именно?

— Въ его собственной комнатѣ.

Морвель поклонился.

— Когда, ваше величество?

— Сегодня вечеромъ, или лучше ночью.

— Слушаю, ваше величество. Позвольте спросить еще одно.

— Что такое?

— Въ какой степени долженъ я оказывать почтеніе къ его сану?

— Почтеніе!.. Санъ!.. Да развѣ вы не знаете, что французскій король никому не обязанъ почтеніемъ въ своемъ королевствѣ, потому-что никто не равняется съ нимъ саномъ?

Марсель опять поклонился.

— Однакожъ я настою на одномъ, сказалъ онъ: — если только позволите, ваше величество.

— Позволяю.

— Если король не признаетъ подлинности приказа; оно, конечно, вѣроятно, однакожъ...

— Напротивъ, это вѣрно.

— Онъ не признаетъ его?

— Безъ-сомнѣнія.

— И, слѣдовательно, не захочетъ повиноваться?

— Да.

— И станеть противиться?

— Вѣроятно.

— Чортъ возьми! Въ такомъ случаѣ...

— Въ какомъ случаѣ? спросила Катерина съ своимъ неподвижнымъ взоромъ.

— Въ случаѣ, если онъ станеть сопротивляться, чтѣ прикажете дѣлать?

— А чтѣ вы дѣлаете, когда у васъ въ рукахъ королевскій приказъ, то-есть, когда вы представитель короля, и вамъ противятся?

— Если меня почтять такимъ приказомъ, и приказъ относится къ простому дворянину, я убью его.

— Я ужъ вамъ сказала, — и кажется, не такъ давно, чтобъ вы могли забыть, — что французскій король не признаетъ никакого сана въ своемъ королевствѣ; это значитъ, что только французскій король — король, и что передъ нимъ важнѣйшія лица — просто дворяне.

Марсель поблѣднѣлъ, — онъ началъ цѣпикомъ.

— О! сказалъ онъ: — убить короля наваррскаго?

— Кто вамъ говоритъ: убить его? Гдѣ приказаніе убить? Королю угодно, чтобъ его отвели въ Бастилію; въ палатѣннѣ ничего больше не содержится. Пусть отдается подъ арестъ — и только; но такъ-какъ онъ не позволяетъ арестовать себя, будетъ сопротивляться, вздумаетъ убить васъ...

Марсель поблѣднѣлъ.

— Вы станете защищаться, продолжала Катерина. — Нельзя же позволить зарезать себя ни за что; а во время защиты надо ли чтѣ можетъ случиться? Вы цѣпикомъ меня?

— Понимаю, ваше величество.

— Вы, вѣроятно, хотите, чтобъ послѣ словъ: *приказъ арестовать*, я прибавила собственною рукою: *живаго или мертваго?*

— Признаюсь, ваше величество, это разсѣяло бы мои сомнѣнія.

— Если вы думаете, что безъ этого нельзя исполнить моего порученія, — нѣчего дѣлать.

Катерина пожала плечами, развернула пергаментъ, и написала: «живаго или мертваго».

— Теперь все ли по вашему сдѣлано?

— Все, ваше величество; но позвольте мнѣ распорядиться исполненіемъ совершенно по моему усмотрѣнію.

— Въ какомъ отношеніи? Развѣ то, что я говорила, повредитъ исполненію?

— Вы изволили говорить, чтобъ я взялъ двѣнадцать человѣкъ?

— Да, оно вѣрно...

— Позвольте взять только шесть.

— Зачѣмъ?

— Зачѣмъ, что если, какъ легко можно предположить, съ ними случится несчастье, шести человѣкамъ можно простить, что они боялись упустить арестанта; а двѣнадцати не извинительно, если они подымутъ руку на короля, когда изъ нихъ не погибло по крайней мѣрѣ половины.

— Хорошъ король, признаюсь, безъ королевства!

— Королевскій санъ даетъ рожденіе, а не королевство.

— Дѣлайте, какъ хотите. Только я должна вамъ сказать, что мнѣ не хочется, чтобъ вы вышли изъ Лувра.

— Какъ же собрать людей?

— Да у васъ есть же родъ сержанта; развѣ вы не можете поручить этого ему?

— У меня есть слуга; онъ вѣренъ, и помогалъ уже мнѣ въ подобныхъ предпріятіяхъ.

— Пошлите за нимъ и уговоритесь. Вы знаете королевскій оружейный кабинетъ? Тамъ вамъ дадутъ завтракать; тамъ вы отдадите свои приказанія. Это мѣсто ободритъ васъ, если вы упали духомъ. Когда король воротится съ охоты, вы прійдете въ мою модельню и дождетесь тамъ назначеннаго часа.

— Но какъ намъ войти въ его комнату? Онъ, конечно, что-нибудь подозрѣваетъ, и запрется.

— У меня есть второй ключъ ко всѣмъ дверямъ; съ дверей Генриха сняли замокъ. Прощайте, Морвель, до скораго свиданія. Я веду проводить васъ въ оружейный кабинетъ. Не забудьте, что королевскій приказъ, во что бы то ни стало, долженъ быть

исполненъ; тутъ не принимаются никакія извиненія; пораженіе, даже просто неудача, окомпрометтируетъ честь короля. Это важно!

И Катерина, не давая Морвелю времени отвѣчать ей, позвала Васю, капитана гвардіи, и велѣла ему проводить Морвеля въ оружейный кабинетъ.

— *Mordieu!* говорилъ Морвель, следуя за нимъ: — я возвышаюсь въ іерархіи убійства: отъ простаго дворянина къ капитану; отъ капитана къ адмиралу; отъ капитана къ королю безъ короны...

II.

Охота.

Охотникъ, высмотрѣвшій кабана и увѣрившій короля, что звѣрь живъ еще на томъ же мѣстѣ, не ошибся. Едва-только спустился облакъ, какъ она бросилась въ чашу, и изъ глубины ея показался мѣръ необыкновенной величины.

Звѣрь ударился прямо и перебѣжалъ дорогу шагахъ въ пятидесяти отъ короля; за нимъ гналась только спугнувшая его собака. Случились первыя своры, и собакъ двадцать бросилось за кабаномъ.

Охота была страстью Карла. Чуть только звѣрь перебѣжалъ дорогу, какъ онъ бросился за нимъ, трубя въ рогъ; въ слѣдъ ему поехали д'Алансонъ и Генрихъ, которому Маргерита знакомъ дала мѣсть, чтобъ онъ не отставалъ отъ Карла.

Всѣ прочіе послѣдовали за королемъ.

Тогда королевскіе лѣса были не то, что теперь: не парки, прозанные проезжими дорогами. За ними почти вовсе не ухаживали. Короли и не думали еще дѣлаться негоціантами и не дѣлили лѣсовъ своихъ на роши, заѣски и т. п. Деревья были посажены не учеными лѣсоводами, а рукою случая, бросавашаго зерно по волѣ ветра, и росли не однородными полосами, а смѣшанно, какъ теперь въ лѣственныхъ лѣсахъ Америки. Словомъ, въ тогдашнихъ лѣсахъ водилось много вепрей, оленей, волковъ и разбойниковъ. Тропинкою съ двѣнадцатью перерѣзывало бондійскій лѣсъ, и вокругъ него тянулась дорога, связывая эти тропинки, какъ ободъ спицы колеса.

Продолжая это сравненіе, скажемъ, что ступица представляла единственныя перекрестокъ, въ центрѣ лѣса, куда собирались заблудившіеся охотники, чтобъ снова броситься оттуда въ ту сторону, гдѣ появится звѣрь.

Через четверть часа, случилось то, что обыкновенно случается въ подобныхъ случаяхъ: охотники встрѣтили на своемъ пути нѣкоторые-непобѣдимыя препятствія, голоса собакъ исчезли въ отдаленіи, и самъ король выѣхалъ на перекрестокъ, произнося сгоряча разныя ругательства.

— Ну, что, д'Алансонъ? Что, Генрію? Вы, *mordieu*, равнодуны и спокойны, какъ монахини, идущія за игуменьей. Это не называется охотиться. Вы, д'Алансонъ, точно будто прямо изъ-баки съ духами; отъ васъ такъ несетъ, что если вы проѣдете между звѣремъ и собаками, такъ онъ потеряютъ слѣдъ. А вы, Генрію, гдѣ ваше копье и пицаль?

— Къ-чему тутъ пицаль, ваше величество? отвѣчалъ Генрихъ. — Я знаю, вы любите застрѣлить звѣря, когда онъ схватится съ собаками. А копьемъ я владѣю плохо: это оружіе не употребительно насъ въ горахъ; мы ходимъ на медвѣдя просто съ кинжаломъ.

— *Par la mordieu!* Воротясь въ свои Пиренеи, вы должны прислать мнѣ цѣлую подводу медвѣдей; это должна быть чудесная охота: схватиться одинъ-на-одинъ съ звѣремъ, которому ничего не стѣбитъ задушить васъ... Слушайте! Чуть ли это не собаки! Нѣтъ это мнѣ послышалось.

Король взялъ рогъ и затрубилъ. Ему отвѣчали тѣмъ же изъ разныхъ мѣстъ. Вдругъ выѣхалъ охотникъ и затрубилъ другое.

— Напали! напали! кричалъ король.

И онъ пустился вскачь со всеми охотниками, которые собрались около него.

Охотникъ не ошибся. Чѣмъ больше король подавался впередъ, тѣмъ явственнѣе слышался лай собакъ, которыхъ было спущено уже до шестидесяти. Своры спускали одну за другою, какъ только звѣрь пробѣгалъ мимо. Король завидѣлъ его опять и бросился за нимъ въ чащу; труби изъ всѣхъ силъ.

Принцы слѣдовали за нимъ нѣсколько времени. Но у короля была такая сильная лошадь и уносила его по такой ужасной дорогѣ, сквозь такіа чаща, что сперва женщины, потомъ герцогъ Гизъ и его свита, потомъ и д'Алансонъ съ Генрихомъ принуждены были отстать отъ него. Таваннъ скакалъ за нимъ еще нѣсколько минутъ; но наконецъ и онъ отсталъ.

Всѣ, кромѣ Карла и нѣсколькихъ охотниковъ, которые ни за что не хотѣли отстать отъ короля, помня обѣщанную награду, начали опять съезжаться къ перекрестку.

Генрихъ и д'Алансонъ вѣхали рядомъ по длинной аллеѣ. Гизъ и свита его остановились шаговъ за сто. Женщины были уже на перекресткѣ.

— Не правда ли, сказалъ д'Алансонъ, мигнувъ на Гиза: — что

кого человека съ его желѣзной свитой можно принять за настоящаго короля? Насъ, несчастныхъ, онъ едва удостоиваетъ взгляда.

— Да зачѣмъ бы ему обращаться съ нами лучше родныхъ? отвѣчалъ Генрихъ. — Что мы при французскомъ дворѣ? Пльнники, шиты нашей партіи.

Герцогъ вздрогнулъ при этихъ словахъ и посмотрѣлъ на Генриха какъ-будто вызывая его объясниться больше; но Генрихъ и неуже сказалъ много — и молчалъ.

— Что вы хотите сказать, Генрихъ? спросилъ Франсуа, видимо жалуя, что онъ заставляетъ его-самого предлагать вопросы.

— Я говорю, сказалъ Генрихъ: — что эти вооруженные люди, которыхъ дѣло состоитъ, кажется, въ томъ; чтобъ не упустить насъ изъ вида, очень-похожи на стражу, готовую помѣшать бѣгству двухъ пльнниковъ.

— Бѣгству? Какъ это? Почему? спросилъ герцогъ, превосходно притворяясь изумленнымъ.

— Что за чудесный конь у васъ, Франсуа! отвѣчалъ Генрихъ, продолжая разговоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ договаривая свою мысль.

— Я увѣренъ, что на немъ можно проскакать семь льѣ въ часѣ, до полудня. Погода прекрасная; такъ и хочется пустить коня. Посмотрите, какая гладкая дорога. И это васъ не соблазняетъ, Франсуа? Что касается до меня, признаюсь, шпоры у меня такъ и зудятъ.

Франсуа не отвѣчалъ ничего. Онъ то краснѣлъ; то блѣднѣлъ; хотѣлъ какъ-будто началъ прислушиваться къ охотѣ.

— Вѣсть изъ Польши произвела свое дѣйствіе, подумалъ Генрихъ: — а у него есть свой планъ. Ему очень-хочется, чтобъ я бѣжалъ; только я безъ него не тронусь.

Едва окончилъ онъ эту мысль, какъ появилось нѣсколько вѣнцовъ браценныхъ; они были при дворѣ уже мѣсяца два или три, и встали теперь принцамъ съ особенно-привѣтливою улыбкою.

Видно ясно, что д'Алансону стѣяло только сказать слово или сделать знакъ, и человекъ тридцать или сорокъ всадниковъ, собранныхъ около нихъ, будутъ содѣйствовать ихъ бѣгству. Но онъ отворотился и затрубилъ сборъ.

Всадники, между-тѣмъ, какъ-будто полагали, что герцогъ не рискуетъ, опасаясь присутствія гизовцевъ; они понемногу вѣселились между ними и принцами и выстроились съ ловкостью, изобличавшею въ нихъ привычку къ манѣврамъ. Дѣйствительно, чтобъ добраться до Генриха и д'Алансона, надо было пробиться сквозь ихъ толпу, — а передъ принцами разстилалась далекая, широкія дорога...

Вдругъ, шагахъ въ десяти отъ короля наваррскаго выѣхалъ изъ

чаши деревьевъ другой всадникъ, котораго они еще не видали. Генрихъ старался рассмотреть, кто это такой, какъ тотъ приподнял свою шляпу, и Генрихъ узналъ въ немъ виконта Тюоренна, одного изъ протестантскихъ предводителей, о которомъ полагали, онъ въ это время былъ въ Пуату.

Виконтъ осмѣлился даже сдѣлать знакъ, который значилъ:

— Вдѣте вы?

Но Генрихъ, посмотрѣвъ на безстрастное лицо и мутный взглядъ герцога, повернулъ раза два или три головою, какъ-будто нечего сидитъ на немъ галстухъ.

Это былъ отрицательный отвѣтъ. Виконтъ понялъ его, прикрикнувъ коня и исчезъ въ чащу.

Въ ту же минуту, послышался шумъ приближающейся охоты въ концѣ аллеи показался вепрь, за нимъ собаки, потомъ, и дикій охотникъ, Карлъ, безъ шляпы, трубившій въ рогъ, какъ внаследшій; за нимъ промчались два-три охотника. Тавантъ исчезъ.

— Король! воскликнулъ д'Алансонъ, и бросился по его слѣдамъ.

Генрихъ, успокоенный близостью друзей, сдѣлалъ имъ знакъ удалиться и подъѣхалъ къ дамамъ.

— Ну, что? спросила Маргерита, подъѣзжая къ нему.

— Ничего, отвѣчалъ онъ:—охотился за кабаномъ.

— И только?

— Да; вѣтеръ съ другой стороны со вчерашняго утра; да кажется, это и предсказывалъ.

— Эта переменѣ вѣтра неблагопріятна для охоты, не правда ли?

— Да; это иногда уничтожаетъ всѣ распоряженія, и надо и думать новый планъ.

Опять послышался лай собакъ, быстро приближавшійся; встали головы и наострили уши.

Почти въ ту же минуту показался кабанъ и, вмѣсто того, что уилти въ лѣсъ, онъ побѣжалъ по дорогѣ прямо къ перекрестку гдѣ стояли дамы, придворные и охотники, оставшіе отъ охоты.

За нимъ, чуть не вѣдвнвшись въ его шерсть, слѣдовали тридцать или сорокъ самыхъ сильныхъ собакъ; шагахъ въ двадцать Карлъ, съ обнаженною головою, безъ плаща, съ платьемъ, разорваннымъ вѣтвями, съ окровавленнымъ лицомъ и руками.

Съ нимъ было всего только два охотника.

Король оставлялъ свой рогъ только за тѣмъ, чтобъ голосомъ трубить звѣря, и потомъ опять принимался трубить. Весь міръ истекъ для него. Упавъ его лошадь, онъ воскликнулъ бы, какъ Ричардъ III: «корону за лошадь!»

Но лошадь была такъ же горяча, какъ и съдокъ; ноги ея едва касались земли, она дышала огнемъ.

Кабанъ, собаки, король мелькнули какъ призракъ.

— Hallali! Hallali! закричалъ король, проѣзжая мимо, и снова нырнулъ за рогъ.

Въ вѣсколькихъ шагахъ отъ него промчались д'Алансонъ и два пика; лошади другихъ отстали.

Онъ бросился по ихъ слѣдамъ, потому-что кабанъ очевидно хотѣлъ былъ остановиться.

Не прошло и десяти минутъ, какъ кабанъ бросился съ дороги; но, выбѣжавъ въ пролѣсокъ, онъ прислонился къ камню и обернулся мордой къ собакамъ.

На крикъ Карла всѣ съѣхались.

Пшла самая интересная минута охоты. Звѣрь рѣшился, кажется, вышатаяться отчаянно. Собаки, раздраженные долгимъ бѣгомъ, бросились на него съ яростью, удвоенною крикомъ короля.

Охотники стали въ кругъ. Король нѣсколько впереди; за нимъ Алансонъ съ пищалью и Генрихъ съ ножомъ своимъ.

Алансонъ спялъ пищаль съ крючка и зажегъ фитиль; Генрихъ шаровалъ, легко ли вынимается ножъ.

Тѣмъ, презирая всѣ эти охотничьи занятія, стоялъ поодаль съ косою святой.

Въ другой сторонѣ образовалась другая группа изъ дамъ.

Всѣ охотники устремили глаза на вепря съ тревожнымъ ожиданьемъ.

Въ сторонѣ стоялъ охотникъ, едва удерживая пару огромныхъ собакъ, свѣтыхъ въ кольчугу; онѣ выли и рвались къ вепрю, такъ-что едва держались.

Звѣрь защищался на славу. На него разомъ папало собакъ со всехъ сторонъ въ шетинистую шкуру; но вепрь съ каждымъ взмахомъ клыковъ взбрасывалъ на воздухъ собаку футомъ на десять, и собака, падая назадъ съ растерзаннымъ животомъ, опять бросалась въ схватку. Карлъ, съ разтрепанными волосами, съ пылающимъ взоромъ, наклонившись къ шеѣ дымящагося коня своего, трубилъ какъ бѣшеный.

Меньше, нежели въ десять минутъ, двадцать собакъ уже было бито.

— Бульdogовъ! закричалъ Карлъ:—бульdogовъ!

Охотникъ спустилъ свору, и собаки врѣзались въ середину схватки, такъ-что все разлетѣлось въ сторону, и впились каждая въ одно плечо кабана.

Кабанъ щелкнулъ зубами отъ боли и ярости.

— Bravo, Дурданъ! Bravo, Рискту! кричалъ Карлъ. — Ату его!

— Копье! копье!

— Не хотите ли мою пищаль? спросилъ д'Алансонъ.

— Нытъ, нытъ! Пуля не чувствуешь какъ входитъ, — что за вольствие! Копье дьло другое. Копье! копье!

Королю подали копье.

— Берегитесь, братецъ! сказала Маргерита.

— Не промахнитесь! прибавила герцогиня де-Неверъ.

— Будьте спокойны, герцогиня, отвѣчалъ Карлъ.

И, оставивъ копье въ упоръ, онъ бросился на вепря; собаки жали его за уши, и онъ не могъ увернуться отъ удара. Но, видя блескъ копья, онъ покачнулся въ сторону, и оружіе, вмѣсто того, чтобъ пронзить его грудь, скользнуло по плечу и раздробилось о камень, къ которому звѣрь прислонился.

— Mille noms de diable! закричалъ король. — Промажъ!.. Копье!

Отгвѣхавъ опять, онъ бросилъ въ сторону сломанное копье.

Но въ ту же самую минуту, кабанъ, какъ-будто предвидя съ участью и желая избѣгнуть ея, рванулся, освободилъ свои окровавленные уши изъ зубовъ собакъ, и съ налитыми кровью глазами, поднявшеюся щетиной, пыша какъ кузнечный мѣхъ, шелкая зубами, ринулся внизъ головою къ лошади короля.

Карлъ былъ хорошей охотникъ и предвидѣлъ это нападеніе; онъ поднялъ лошадь на дыбы, но не разсчелъ силы руки и затянулъ поводья. Лошадь опрокинулась.

Зрители вскрикнули отъ ужаса; нога короля запуталась въ стѣни.

— Бросьте поводья! закричалъ Генрихъ.

Король бросилъ поводья, схватился лѣвою рукою за седло, правую хотѣлъ достать охотничій ножъ; но ножъ былъ придавленъ тяжестью его тѣла, и Карлъ никакъ не могъ его вынуть.

— Кабанъ! кабанъ! воскликнулъ Карлъ. — Ко мнѣ, д'Алансонъ! Ко мнѣ!

Лошадь, почувствовавъ свободу, какъ-будто поняла опасность въ которой находится съдокъ; она уже привстала на три ноги, когда король обратился съ восклицаніемъ къ д'Алансону. Генрихъ увидѣлъ въ эту минуту, что герцогъ страшно поблѣднѣлъ, и проложился изъ пищаля, но пуля ударила не въ кабана, который былъ уже въ двухъ шагахъ отъ Карла, но въ колено лошади, которая тотчасъ же упала.

Въ ту же самую минуту кабанъ разрезалъ клыкомъ сапогъ Карла.

— О! прошепталъ д'Алансонъ: — кажется, д'Анжу французскій король, а я польскій.

Дѣйствительно, кабанъ терзалъ ногу Карла; вдругъ Карлъ почувствовалъ, что кто-то приподымаетъ его за руку, — потомъ свернулъ острый клинокъ въ нѣсколько разъ погружаясь до рукоятки

мъ шело звѣря, между-тѣмъ, какъ рука въ желѣзной перчаткѣ плюнула его морду.

Карлъ, высвободившій ногу при движеніи лошади, тяжело припался и, увидѣвъ, что весь облатъ кровью, поблѣднѣлъ какъ вѣрещъ.

— Ничего, ничего, ваше величество! сказалъ Генрихъ, стоя на коленяхъ и удерживая вепръ, пораженнаго въ самое сердце:—вы живы.

Потомъ онъ всталъ, бросивъ свой ножъ, и кабанъ палъ; изрылъ потокъ крови.

Карлъ, окруженный испуганными лицами, слыша крики ужаса, которые могли бы встревожить самое хладнокровное мужество, хотѣлъ былъ упасть возлѣ издыхающаго звѣря. Но онъ оправился; оборотился къ Генриху и пожалъ ему руку со взоромъ, въ который первый разъ въ жизни блеснуло живое чувство.

— Благодарю, Ганрію, сказалъ онъ.

— Что съ вами, братецъ? спросилъ подходя д'Алансонъ.

— А! Это ты, д'Алансонъ? сказалъ король. — Ну что, славный стрѣлокъ, гдѣ твоя пуля?

— Должно быть, расплющилась на вепръ, отвѣчалъ герцогъ.

— Посмотрите, пожалуйста, воскликнулъ Генрихъ, превосходно притораясь удивленнымъ: — ваша пуля разбила ноги лошади его величества. Странно!

— Генрихъ! сказалъ король:—правда ли это?

— Можетъ-статься, отвѣчалъ герцогъ въ замѣшательствѣ: — у меня очень дрожала рука.

— Для хорошаго стрѣлка это странный выстрѣлъ, сказалъ Карлъ, нахмуривъ брови:—Благодарю тебя еще разъ, Ганрію. Походите домой, господѣ; довольно.

Маргерита подѣхала поздравить Генриха.

— Да, да, поздравляй его, Марго, сказалъ Карлъ:—и отъ чистаго сердца: безъ него, короля французскаго звали бы теперь Карлъ III.

— Герцогъ д'Анжу и безъ того врагъ мой, сказалъ Беарнецъ:—теперь онъ разсердится на меня еще больше. Но какъ быть? Какъ дѣлается, что можетъ; спросите у д'Алансона...

Онъ наклонился, вытащилъ свой охотничій ножъ изъ груди вѣра, и погрузилъ его два или три въ землю, чтобъ отереть рану.

III.

БРАТСТВО.

Спасая жизнь Карла, Генрихъ спасъ больше нежели просъ жизнь челоуѣка; онъ остановилъ перемену государей въ трехъ королевствахъ.

Еслибъ Карлъ IX былъ убитъ, герцогъ д'Анжу сдѣлался бы королемъ французскимъ, д'Алансонъ, по всей вѣроятности, полскимъ. Что касается до Наварры, то д'Анжу былъ въ связи г-жею де-Колдѣ и, вѣроятно, наваррская корона наградила бы мужа за услужливость жены.

Во всемъ этомъ не было бы ничего для Генриха. Онъ очутилъ бы во власти другаго государя, — и только мѣсто Карла, который терпѣлъ его, заступилъ бы д'Анжу, у котораго была одна голова и одно сердце съ Катериной, который поклялся въ его смерти, и, конечно, сдержалъ бы свое слово.

Все это разомъ пришло ему въ голову, когда кабанъ бросился на Карла; мы видѣли, что было слѣдствіемъ мысли, что съ жизнью Карла связана его собственная жизнь.

Карла спасла преданность, источника которой онъ не могъ постигнуть.

Но Маргерита поняла все и удивлялась странному мужеству Генриха, сверкающему, подобно молніи, только во время бури.

Къ несчастію, избавиться отъ власти д'Анжу было еще не все надо было самому сдѣлаться королемъ; надо было поспорить з Наварру съ д'Алансономъ и Колдѣ; надо было, главное, оставить этотъ дворъ, гдѣ тропинки вели между пропастей, — и притомъ надо было оставить его подъ покровительствомъ французскаго принца.

Генрихъ, возвращаясь изъ Бондї, обдумывалъ свое положеніе. Когда прїѣхали въ Лувръ, планъ у него былъ готовъ.

Не переодѣваясь, весь въ пыли и крови, пошелъ онъ къ д'Алансону; онъ нашелъ его очень-встревоженнымъ; герцогъ большими шагами ходилъ по комнатамъ.

Увидѣвъ Генриха, д'Алансонъ сдѣлалъ особенное движеніе.

— Дѣ, я понимаю, сказалъ Генрихъ, взявъ его за обѣ руки: — вы сердитесь на меня за то, что я первый замѣтилъ, что ваша пуля раздробила лошади ногу, вмѣсто того, чтобъ убить кабаня какъ вы хотѣли. Что дѣлать! Я не могъ удержаться отъ движенія. Впрочемъ, король замѣтилъ бы это и безъ того; не правда ли?

— Разумѣется, разумѣется, проговорилъ герцогъ. — Впрочемъ, я не могу приписать этого доноса ничему другому, какъ злому намѣренію съ вашей стороны; слѣдствіемъ этого, вы сами видите, было то, что Карлъ подозрѣваетъ во мнѣ умыселъ.

— Мы сейчасъ поговоримъ объ этомъ обстоятельстве. Что касается до моего злаго намѣренія, я нарочно пришелъ къ вамъ, чтобъ сослаться на собственный вашъ судъ.

— Хорошо; говорите, я слушаю.

— Когда я выскажу вамъ все, Франсуа, вы увидите, злы ли мои намѣренія; довѣренность, которую я хочу оказать вамъ, исключаетъ всякое благоразуміе, всякую осторожность. Когда я скажу вамъ то, что хочу сказать, вы можете погубить меня однимъ словомъ.

— Что же это такое? спросилъ герцогъ, начиная тревожиться.

— И при всемъ томъ, продолжалъ Генрихъ: — я долго не рѣшался говорить вамъ объ этомъ, особенно послѣ сегодняшней вашей глухоты или недогадливости.

— Не понимаю, право, что вы хотите сказать, Генрихъ! сказалъ д'Алансонъ блѣднѣя.

— Ваши интересы слишкомъ-близки для меня. — Я долженъ предупредить васъ, что гугеноты сдѣлали мнѣ предложенія.

— Предложенія? какія?

— Одинъ изъ нихъ, де-Муи де-Сен-Фаль, сынъ храбраго де-Муи, убитаго Морвелемъ, вы знаете...

— Да.

— Ну, такъ онъ пришелъ ко мнѣ, рискуя своею жизнью, за тѣмъ, чтобъ доказать мнѣ, что я въ плѣну.

— Скажите! Что же вы ему отвѣчали?

— Вы знаете, что я искренно люблю Карла, спасаю мнѣ жизнь, и что королева Катерина замѣнила мнѣ мать. Я отказался отъ всѣхъ его предложеній.

— А что онъ вамъ предлагалъ?

— Гугеноты хотятъ возстановить наваррскій престолъ, и такъ какъ онъ принадлежитъ мнѣ по наслѣдству, они предложили мнѣ его.

— Да; и г. де-Муи получилъ отъ васъ, вмѣсто согласія, отказъ?

— Формальный; но послѣ... продолжалъ Генрихъ.

— Вы пожалѣли? прервалъ его д'Алансонъ.

— Нѣтъ, я только замѣтилъ, если не ошибаюсь, что де-Муи, довольный мною, обратился къ другому.

— Къ кому же? живо спросилъ Франсуа.

— Не знаю. Можетъ-быть, къ принцу Кондѣ.

— Да, это очень-легко можетъ быть!

— Впрочемъ, я безошибочно могу узнать, кого онъ выбреть въ предводителя.

Франсуа поблѣднѣлъ.

— Но гугеноты раздѣлены между собою, продолжалъ Генрихъ и де-Муи, какъ ни храбръ и благороденъ, представитель той ко половины ихъ. Другая половина, которую пренебрегать нельзя, не потеряла надежды возвести на престолъ Генриха-Наваррскаго, который не рѣшился съ перваго раза, но потомъ могъ еще одуматься.

— Вы думаете?

— Я съ каждымъ днемъ удостоверяюсь въ этомъ больше и больше. Отрядъ всадниковъ, прикнувшій къ намъ на охоту, замѣтили вы, изъ какихъ людей онъ состоялъ?

— Изъ обращенныхъ.

— Узнали вы ихъ начальника, который дѣлалъ мнѣ знаки?

— Да; виконтъ Тюреннъ.

— И поняли вы, чего онъ хотѣлъ?

— Да; они предлагали вамъ бѣжать.

— Значить, ясно, что есть другая партія, которая хочетъ того, чего хочетъ де-Муи, — да, и очень-сильная партія, говорившая вамъ. Для успѣха необходимо соединить эти двѣ партіи, Тюреннъ и де-Муи. Заговоръ развивается; войска назначены; ждутъ только сигнала. Положеніе важно, и я долженъ быстро на что-нибудь рѣшиться; но я колеблюсь между двумя рѣшеніями, о которыхъ пришелъ посоветоваться съ вами, какъ съ другомъ.

— Скажите лучше, какъ съ братомъ.

— Да, какъ съ братомъ.

— Говорите же, я васъ слушаю.

— Во-первыхъ, я долженъ раскрыть передъ вами состояніе моего духа. Во мнѣ нѣтъ ни желанія, ни честолюбія, ни способностей; я просто мирный деревенскій дворянинъ; ремесло заговорщика, въ моихъ глазахъ, не вознаграждается даже почти-вѣрною перспективою престола.

— Вы клеветаете на себя. Я вамъ не вѣрю.

— А между-тѣмъ это до такой степени правда, что еслибъ меня былъ истинный другъ, я отрекся бы въ его пользу отъ власти, которою хочетъ облечь меня моя партія; — но, прибавилъ Генрихъ со вздохомъ; — у меня нѣтъ такого друга.

— Можетъ-быть, и есть. Я увѣренъ, что вы ошибаетесь.

— Нѣтъ, ventre-saint-gris! Кромѣ васъ, никто ко мнѣ не привязанъ; если предоставить это предпріятіе самому-себѣ, оно падетъ и изобличитъ какого-нибудь... недостойнаго человека. Лучше, я думаю, открыть все королю. Я никого не назову, — въ катастрофа будетъ предупреждена.

— Боже! воскликнулъ д'Алансонъ, будучи не въ-состояніи скрыть своего ужаса. Что вы это говорите? Вы единственная надежда вашей партіи со смерти адмирала; вы, обращенный гугенотъ, обращенный плохо (такъ позволительно по-крайней-мѣрѣ думать), вы занесете ножъ на своихъ братьевъ? Генрихъ! Генрихъ! Знаете ли, что вы готовите всѣмъ кальвинистамъ новую иеромеевскую ночь? Знаете ли вы, что Катерина ждетъ только благоприятнаго случая, чтобъ дорѣзать всѣхъ, оставшихся въ живыхъ?

Герцогъ дрожалъ; красныя пятна выступили у него на лицѣ; онъ хвѣлъ Генриху руку, умоляя его отказаться отъ этого пагубнаго ширенія.

— Какъ! сказалъ Генрихъ съ удивительнымъ простодушіемъ:— вы думаете, что это повлечетъ за собою столько несчастій? Но, лишь слово съ короля, я думаю, можно быть покойнымъ насчетъ безсудныхъ.

— Слово короля Карла... развѣ не давалъ онъ его адмиралу? Уильяму вамъ самимъ? Говорю вамъ, Генрихъ, если вы это сдѣлаете, вы погубите всѣхъ ихъ; не только ихъ, но и всѣхъ, кто былъ съ ними въ прямыхъ или посредственныхъ сношеніяхъ.

Генрихъ подумалъ съ минуту.

— Будь я важнымъ лицомъ при дворѣ, сказалъ онъ:— я поступилъ бы иначе; на вашемъ мѣстѣ, на-примѣръ, Франсуа, на мѣстѣ французскаго принца крови, вѣроятнаго наследника престола...

Франсуа иронически покачалъ головою.

— Что же бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? спросилъ онъ.

— На моемъ мѣстѣ я сдѣлался бы главою заговора. Имя и весь румянецъ бы за жизнь заговорщиковъ, и я извлекъ бы пользу, во-первыхъ, для себя, а тамъ, можетъ-быть, и для короля. Безъ этого, нѣтъ предпріятіе можетъ причинить величайшее зло Франціи.

Франсуа выслушалъ эти слова съ радостью; лицо его прояснилось.

— Думаете ли вы, сказалъ онъ:— что это средство возможно, и что оно избавитъ насъ отъ всѣхъ этихъ несчастій?

— Я думаю, отвѣчалъ Генрихъ.— Гугеноты васъ любятъ; наша страданія наружность, ваше возвышенное положеніе, доброе расположеніе, которое вы всегда имъ оказывали, — все побуждаетъ ихъ служить вамъ.

— Но партія раздѣлена. Ваши захотятъ ли быть моими?

— Я берусь примирить ихъ съ вами двумя средствами.

— Какими?

— Во-первыхъ, довѣренностью, которую имѣютъ ко мнѣ предводители моей партіи; во-вторыхъ, боязнью, что вы, зная ихъ, пѣ-
ченно...

— Кто же назоветъ мнѣ ихъ?

— Я, ventre-saint-gris!

— Вы слышите это?

— Послушайте, Франсуа, я уже сказалъ вамъ, что люблю васъ только васъ... можетъ-быть, отъ-того, что васъ преслѣдуютъ такъ же, какъ и меня; да и жена моя горячо къ вамъ привязана.

Франсуа покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Повѣрьте мнѣ, продолжалъ Генрихъ:—возьмитесь за это дѣло, царствуйте въ Наваррѣ; оставьте мнѣ только мѣстечко за вашимъ столомъ и лѣсъ, гдѣ я могъ бы охотиться,—я буду счастливъ.

— Царствовать въ Наваррѣ; но если...

— Если герцога д'Анжу изберутъ въ короли польскіе, не такъ ли? Я договариваю вашу мысль...

Герцогъ взглянулъ на Генриха съ какимъ-то ужасомъ.

— Послушайте, Франсуа, продолжалъ Генрихъ: — отъ васъ то, что не ускользаетъ, и я разсуждаю именно на основаніи этого предположенія: если герцогъ д'Анжу будетъ избранъ королемъ польскимъ и братъ Карлъ,—чего Боже сохрани!—скончается, то отъ Парижа всего двѣсти лѣй, а отъ Парижа до Кракова четыреста,—и вы поспѣете сюда получить наслѣдство какъ-разъ къ тому времени, какъ король польскій узнаетъ о кончинѣ брата. Тогда, если вы будете довольны мною, вы дадите мнѣ Королевство-Наваррское, и оно будетъ только цвѣткомъ въ вашей коронѣ; такимъ образомъ, я согласенъ приять его. Худшее, что можетъ васъ постигнуть,—это остаться тамъ и быть родоначальникомъ новой династии королевей, живя со мною и съ моею женою; тогда—какая здѣсь, что вы?—бѣдный, преслѣдуемый принцъ, третій сынъ короля, рабъ двухъ старшихъ, которые вольны запереть васъ въ Бастилію, когда имъ вздумается.

— Да, да; я это самъ чувствую и такъ глубоко, что, право, для меня непонятно, какъ вы отказались отъ этого плана. Не-ужели у васъ тутъ ничего не бьется?

Герцогъ приложилъ руку къ сердцу Генриха.

— Есть тяжести, отвѣчалъ Генрихъ: —которыя не по силамъ для чинныхъ рукъ. Я не хочу пробовать поднимать эту тяжесть; трудъ уничтожаетъ во мнѣ желаніе.

— Итакъ, вы серьезно отказываетесь?

— Я сказалъ это де-Муи и повторяю вамъ.

— Но въ подобныхъ обстоятельствахъ словъ мало; надо доказательство.

Генрихъ вздохнулъ, какъ борецъ, который чувствуетъ, что противникъ его подается.

— Я могу вамъ доставить ихъ сегодня вечеромъ; въ девять часовъ, списокъ предводителей и планъ всего предпріятія будутъ у васъ.

Франсуа горячо пожалъ руку Генриха.

Въ эту минуту, вошла Катерина, безъ доклада, какъ и всегда шла.

— Выстѣ? сказала она улыбаясь. — Добрые братья!

— Нальюсь, сказалъ Генрихъ съ величайшимъ хладнокровіемъ, — ни-тѣмъ, какъ герцога блѣднѣлъ отъ страха.

Потомъ онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, чтобъ дать Катеринѣ возможность поговорить съ сыномъ.

Королева достала изъ кошелька богатый аграфъ.

— Этотъ аграфъ получила я изъ Флоренціи, сказала она: — возьми его себѣ, Франсуа, и носи на перевязи шагаи.

Потомъ она прибавила въ-полголоса:

— Если ты сегодня вечеромъ услышишь шумъ въ комнатѣ Генриха, не трогайся съ мѣста.

Франсуа пожалъ руку матери и сказалъ:

— Позвольте показать ему этотъ чудесный подарокъ?

— Даже подари его ему отъ своего и моего имени; я уже зашила ему такой же аграфъ.

— Слышите, Генрихъ, сказалъ Франсуа: — матушка подарила мнѣ этотъ аграфъ, — и онъ тѣмъ драгоцѣннѣе для меня, что она дозволила передать его вамъ.

Генрихъ пришелъ въ восхищеніе и разсыпался въ благодарности.

— Я вѣсело-нездоровъ и пойду отдохнуть, сказала Катерина, когда восторгъ его нѣсколько утихъ. — Карлъ тоже не оправился еще отъ паденія и лежитъ. Мы будемъ ужимать каждый у себя. Ахъ, я забыла поблагодарить васъ: вы спасли короля и будете награждены.

— Я уже вознагражденъ, отвѣчалъ Генрихъ, кланяясь.

— Чувствомъ исполненнаго долга? сказала Катерина: — этого довольно. Повѣрьте, я и Карлъ постараемся не остаться у васъ въ долгу.

Генрихъ поклонился и вышелъ.

— А! подумалъ онъ, уходя: — теперь, мой милый братецъ, я увижу, что не уйду безъ тебя. У заговора было сердце, теперь у него есть голова, а что всего лучше, такъ это то, что эта голова стѣкаетъ за мою. Только надо быть осторожнѣе: Катерина даетъ мнѣ подарокъ, обѣщаетъ награду: — тутъ что-нибудь да кроется. Поговорю вечеромъ съ Маргеритой.

Признательность Карла IX.

Морвель пробылъ часть дня въ оружейномъ кабинетѣ короля. Когда приближался часъ возвращенія съ охоты, Катерина велѣла перейти ему съ пришедшими къ нему на помощь людьми въ модельню.

Кормилица извѣстила Карла, что какой-то человекъ пробылъ него въ кабинетѣ часть дня; Карлъ сначала очень разсердился такую дерзость, но когда кормилица, по его приказанію, описала примѣты этого человека и прибавила, что это тотъ самый, котораго она ввела къ нему однажды вечеромъ по его собственному приказанію, король узналъ Морвеля и, вспомнивъ о приказѣ, въ нужденномъ у него матерью, понялъ все.

— О! сказалъ онъ:—въ тотъ самый день, когда онъ спасъ мою жизнь!.. Минута выбрана дурно.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, хотѣлъ идти къ матери, но вдругъ остановился.

— Моргей! сказалъ онъ:—заговорить съ ней объ этомъ, а значитъ завязать безконечный споръ. Лучше пусть каждый дѣлаетъ съ своей стороны молча.

— Кормилица! запри все двери и скажи королевы Елизаветы (*), что я несомнѣнно-здоровъ послѣ паденія, и эту ночь буду спать спокойно.

Кормилица повиновалась, и такъ-какъ не настала еще часть дня вышнеленія его намаренія, то Карлъ сѣлъ писать стихи.

За этимъ занятіемъ время проходило для него всего скорѣе. Прошло девять часовъ, а онъ думалъ, что нѣтъ еще семи. Онъ слышалъ удары и при последнемъ изъ нихъ всталъ.

— Чортъ возьми! сказалъ онъ:—какъ-равъ пора.

Надевъ плащъ и шляпу, онъ вышелъ въ потайную дверь, которою не знала даже Катерина, и пошелъ прямо въ комнату къ Генриху. Генрихъ, ушедъ отъ д'Алансона, зашелъ къ себѣ только по необходимости и тотчасъ же опять вышелъ.

— Онъ вѣрно пошелъ ужинать къ Марго, подумалъ король:—они сегодня были что-то очень-дружны.

И онъ отправился въ комнату Маргериты.

Маргерита пригласила къ себѣ герцогиню де-Неверъ, Коконна

(* Карлъ былъ женатъ на Елизаветѣ-Австрійской, дочери Максимилиана.

Моля и угощала ихъ разными лакомствами. Карлъ постучался въ дверь. Гильйонна отворила; но, увидѣвъ короля, испугалась до такой степени, что едва могла поклониться и, вмѣсто того, чтобы сказать извѣстить о приходѣ высокаго гостя, только вскрикнула и пропустила Карла мимо себя.

Король прошелъ переднюю и, руководимый громкимъ смѣхомъ, шелъ до столовой.

— Бѣдный Ганрію! подумалъ онъ: — веселится-себѣ, не подозревая никакого зла.

— Это я, сказалъ онъ, приподнимая пологъ дверей и выставивъ изъ себя лицо.

Маргерита ужасно вскрикнула. Это смѣющееся лицо сдѣлало на нее впечатлѣніе медузиной головы. Она сидѣла прямо противъ двери и тотчасъ узнала Карла.

Малые люди сидѣли къ нему спиною.

— Кто величество! вскрикнула она съ ужасомъ.

Она встала.

Умъ ихъ головы закружились. Одинъ Коконна не смѣшался. Онъ тоже всталъ, но съ такою ловкою неловкостью, что, вставая, опрокинулъ столъ и все, что на немъ было: посуду и свѣчи.

Въ одно мгновение въ комнату стало совершенно-темно и воцарилась глубокое молчаніе.

— Бѣги! шепнулъ Коконна Ла-Молю. — Смѣлѣй!

Ла-Моль не заставилъ повторить себѣ это два раза, бросился къ двери, руками ошупывалъ дорогу и ретировался въ хорошо-извѣстный ему кабинетъ.

Но, проходя черезъ спальню, онъ столкнулся съ кѣмъ-то, вошедшимъ въ потайную дверь.

— Что это значитъ? сказалъ Карлъ, стоя въ потьмахъ. Голосъ его начиналъ принимать грозное выраженіе нетерпѣнія. — Развѣ я какое-нибудь страшилнце, что при моемъ появленіи все идетъ кверху дномъ? Гдѣ ты, Ганрію? Отвѣчай.

— Мы спасены, проговорила Маргерита, хватая за руку, какъ гнала, Коконна. — Король думаетъ, что мужъ мой участвуетъ въ фрушкѣ.

— И я не разувѣрю, будьте спокойны, отвѣчалъ Генрихъ, такъ тихо.

— Боже! воскликнула Маргерита, поспѣшно бросая руку, которую держала.

— Тише! сказалъ Генрихъ.

— Mille noms du diable! Чего вы тамъ перешептываетесь? спросилъ Карлъ. — Генрихъ, отвѣчай, гдѣ ты?

— Здѣсь, отвѣчалъ голосъ короля наваррскаго.

— Diable! воскликнулъ Коконна, удалившійся съ герцога де-Неверъ въ уголь:—исторія запутывается!

— Мы погибли вдвойнѣ, сказала Анріэтта.

Коконна, смѣлый до безразсудства, разсчелъ, что когда-ни прійдется же зажечь свѣчу и подумалъ, что тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Онъ оставилъ руку герцогини, отъискалъ на полу подпалъ, пошелъ и зажегъ свѣчу.

Комната освѣтилась.

Карлъ бросилъ вокругъ себя вопросительный взглядъ.

Генрихъ стоялъ возлѣ жены; герцогиня, одна, стояла въ углу. Коконна, посреди комнаты, держалъ свѣчу и освѣщалъ всю комнату.

— Извините, братецъ, сказала Маргерита:—мы васъ не ждали.

— Вы насъ ужасно перепугали, ваше величество! прибавила герцогиня.

— Что касается до меня, сказалъ Генрихъ, тотчасъ догадавшись, въ чемъ дѣло:—я до того испугался, что, вставая, опрокинулъ столъ.

Коконна посмотрѣлъ на Генриха взоромъ, который выражалъ удивленіе.

— Ай-да мужъ! мигомъ смекнулъ!

— Что за суматоха? спросилъ Карлъ. — Ужищъ твой пропадетъ. Ганрію. Пойдемъ со мною, ты докончишь его въ другомъ мѣстѣ. Я угощаю тебя сегодня вечеромъ.

— Какъ, ваше величество, сказалъ Генрихъ:— вы дѣлаете мнѣ честь?

— Да, мое величество дѣлаетъ тебѣ честь увести тебя изъ комнаты. Одожди мнѣ его, Марго, до завтрашняго утра.

— Мое позволеніе для васъ излишне, отвѣчала Маргерита:— я вѣрю, что вы будете довольны.

— Ваше величество, сказалъ Генрихъ:— я забѣгу къ себѣ въ комнату переѣмъ плащъ и сейчасъ возвращусь.

— Не нужно, Ганрію; годится и этотъ.

— Но, ваше величество...

— Говорятъ тебѣ, нѣ уходи, mille noms d'un diable! Не слышишь ты, что-ли? Пойдемъ.

— Идите, идите, сказала вдругъ Маргерита, сжимая руку мужа. По странному взгляду Карла она догадалась, что происходитъ что-то необыкновенное.

— Я готовъ, отвѣчалъ Генрихъ.

Карлъ обратилъ взоръ свой на Коконна, который продолжалъ зажигать свѣчи.

— Кто это? спросилъ онъ Генриха, взявъ Коконна за руку. Ужъ не ла-Моль ли?

— Кто бы это ему сказалъ про ла-Моля? подумала Маргерита.

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ Генрихъ: — господина де-Моля здѣсь нѣтъ, и мнѣ очень-жаль этого. Я имѣлъ бы честь представить его вашему величеству вмѣстѣ съ его другомъ, графомъ Коконна; они неразлучны, и оба въ службѣ д'Алансона.

— А! да! знаменитаго стрѣлка! сказалъ Карлъ.—Хорошо.

Потомъ, нахмуривъ брови, онъ прибавилъ:

— Этотъ господинъ де-ла-Моль, кажется, гугенотъ?

— Обращенный, ваше величество, и я отвѣчаю за него, какъ за сына.

— Если ты отвѣчаешь за кого-нибудь, Ганрио,—послѣ твоей седмицей услуги я не имѣю права въ томъ сомнѣваться. А хочешь бы увидѣть этого ла-Моля. Ну; да въ другой разъ.

И плывъ комнату въ послѣдній разъ, Карлъ обнялъ Маргю и увелъ короля наваррскаго, держа его подъ руку.

Умръгъ Лувра Генрихъ хотѣлъ остановиться поговорить съ женою.

— Полно, выходи скорѣе, сказалъ ему Карлъ.—Говорятъ тебя, что воздухъ въ Луврѣ для тебя нездоровъ; повѣрь же мнѣ, чортъ съ нимъ!

— Ventre-saint-gris? проговорилъ Генрихъ. — Что же де-Мун будетъ дѣлать въ моей комнатѣ одинъ? Какъ-бы этотъ воздухъ не былъ для него еще вреднѣе.

— Да! сказалъ король, когда они перешли черезъ подъемный мостъ:—такъ это тебѣ ничего, Ганрио, что придворные д'Алансона волочатся за твоей женой?

— Блѣ это, ваше величество?

— Да, этотъ Коконна, кажется, дѣлаетъ ей глазки.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Гм! Сказали...

— Чистѣйшая ложь; Коконна дѣлаетъ глазки, это правда, только не ей, а герцогинѣ де-Неверъ.

— Что и говорить!

— Силу увѣрить ваше величество.

Карлъ началъ громко смѣяться.

— Ха! ха! ха! Постою же! Прійдетъ герцогъ Гизъ опять разсказывать мнѣ басни, я расскажу ему подвиги его сестрицы! Впрочемъ, правду сказать, я не помню хорошенько, о комъ онъ мнѣ говорилъ: о Коконна, или ла-Моль.

— И въ томъ и въ другомъ случаѣ это неправда. Я ручаюсь за чистоту жены моей.

— Хорошо, Ганрио, хорошо. Ты молодецъ, и, кажется, напоследокъ, я не буду въ состояннмъ обойтись безъ тебя.

Съ этими словами, король свиснулъ сѣдобнымъ образомъ, и въ

ту же минуту изъ-за угла Улицы-де-Бова вышли четыре челова. Они присоединились къ королю, и всѣ отправились въ середъ города.

Пробило десять часовъ.

— Что жь! сказала Маргерита, когда ушли король и мужъ ея: сядемъ опять за столъ?

— Нѣтъ, отвѣчала герцогиня: — я очень перепугалась. Здравствуетъ домикъ въ Улицѣ-Клош-Персе! Въ него не войдъ безъ осады, и гарнизонъ можетъ обнажить шпаги. Что это вы идете подъ стульями и въ шкафахъ, Коконна?

— Я иду да-Моля.

— Поищите около моей комнаты, сказала Маргерита: — тамъ кабинетъ...

— Прекрасно, отвѣчалъ Коконна.

Онъ вошелъ въ комнату.

— Ну, что? спросилъ его голосъ въ темнотѣ.

— Да что! Подали десертъ.

— А король наваррскій?

— Онъ ничего не видѣлъ.

— А король Карлъ?

— Король, это другое дѣло: онъ увелъ мужа.

— Право?

— Не шутя. Еще больше: онъ сдѣлалъ мнѣ честь и взглянулъ на меня мелькомъ, узнавъ, что я въ службѣ у д'Алансона, потомъ взглянулъ косо, узнавъ, что я твой другъ.

— Такъ ты думаешь, что ему худо обо мнѣ говорили?

— Напротивъ, я боюсь, не слишкомъ ли хорошо. Но дѣло въ томъ; кажется, дамы хотятъ совершить путешествіе къ Улицѣ-Ру-де-Сивиль, и намъ надо проводить ихъ.

— Невозможно! Ты самъ знаешь!

— Какъ невозможно?

— Разумѣется! Мы сегодня на дежурствѣ.

— *Mordi!* Правда! Я вѣчно забываю, что изъ дворянъ мы имеемъ честь превратиться въ лакеевъ.

Друзья пошли объяснить королевѣ и герцогинѣ, что имъ необходимо быть по-крайней-мѣрѣ при раздѣваньи д'Алансона.

— Хорошо, сказала герцогиня: — мы съ своей стороны отправимся.

— Можно спросить куда? сказалъ Коконна.

— О! вы слишкомъ-любопытны. *Quere et invenies.*

Молодые люди раскланялись и поспѣшили къ д'Алансону. Герцогъ, казалось, ожидаетъ ихъ въ своемъ кабинетѣ.

— А! Вы запоздали, герцогъ! сказалъ онъ.

— Еще только десять часовъ, ваше высочество, отвѣчалъ Ко-

герцогъ поглядывая на часы.

— Правда, сказалъ онъ.—А въ Лувръ уже все улеглись.

— Такъ точно, ваше высочество; прикажете ввести придвор-

ныхъ?

— Нѣтъ; отпустите ихъ.

Любые люди исполнили приказаніе герцога и возвратились.

— Ваше высочество, вѣроятно, сказалъ Коконнѣ:—садете за ра-

бу, или ляжете?

— Нѣтъ, господа; вы свободны до завтра.

— Дворъ, кажется, не ночуетъ сегодня дома, шепнулъ Кокон-

нѣ и уху ла-Молю.

Они избѣжали на лѣстницу, взяли свои плащи и шпаги и брѣ-

ска въ слѣдъ за дамами. Они догнали ихъ на углу Улицы-

Кант-Оноре.

▼.

Богъ располагаетъ.

Глубочайшая тишина царствовала въ Лувръ.

Маргерита и герцогиня де-Неверъ отправились въ Улицу-Тизодъ.

Коконнѣ и ла-Моль посвѣщали за ними. Король и Генрихъ были

въ герцогѣ. Герцогъ д'Алансонъ остался дома, въ тревожномъ ожи-

даніи событій, о которыхъ намекнула Катерина. Катерина легла,

и де-Совъ, сидя у ея изголовья, читала ей итальянскія сказ-

ки, очень-смѣшившія королеву.

Катерина уже давно не была въ такомъ хорошемъ расположеніи

духа. Она съ аппетитомъ поуживала въ кругу своихъ дамъ, по-

говаривалась съ медикомъ, свела дневной счетъ, заказала молебенъ

за успѣхъ какого-то важнаго предпріятія, необходимаго для бла-

гополучія ея дѣтей, какъ она говорила... Катерина имѣла привыч-

ку, чисто-лорентинскую, заказывать молебны о дѣлахъ, извѣ-

стныхъ только ей, да Богу.

Она опять видѣлась съ Ренѣ и выбрала у него новые духи.

— Узнайте, сказала Катерина:— дома ли королева наваррская,

если дома, попросите ее прійти посидѣть со мною.

Нѣтъ вышелецъ, и черезъ минуту возвратился съ Гильйонной.

— Я спрашивала королеву, а не служанку ея, сказала Катерина.

— Я сочла долгомъ лично доложить вашему величеству, сказа-

ла Гильйонна: — что королева наваррская вышла съ герцоги де-Неверъ.

— Такъ поздно? спросила Катерина нахмуривъ брови. — Это?

— На опыты алхиміи, отвѣчала Гильйонна: — въ отелі Г въ павильонъ г-жи де-Неверъ.

— А когда она будетъ назадъ? спросила Катерина.

— Опыты будутъ продолжаться долго, отвѣчала Гильйонна вѣроятно, ея величество до утра пробудеть у герцогини.

— Она счастлива, королева наваррская! сказала Катерина. — ей есть друзья, и она королева; носить корону и не имѣть никакихъ данныхъ. Она очень-счастлива!

Слушатели внутренно улыбулись на эту выходку.

— Впрочемъ, такъ-какъ она вышла... продолжала Катерина: вѣдь она, говоришь ты, вышла?

— Съ полчаса назадъ.

— Все къ-лучшему; ступай.

Гильйонна поклонилась и вышла.

— Продолжай читать, Карлотта.

Г-жа де-Совъ начала опять чтеніе.

Минуть черезъ десять, Катерина прервала ее:

— Постой! кстати, вели выслать изъ галереи стражу.

Это былъ знакъ, котораго ожидалъ Морвель.

Приказъ королевы былъ исполненъ, и г-жа де-Совъ продолжала повѣсть.

Она читала уже съ четверть часа безъ остановки, какъ вдругъ ужасный, продолжительный вопль достигъ даже до комнаты королевы. Волосы встали дыбомъ на присутствующихъ.

Немедленно вслѣдъ за тѣмъ раздался пистолетный выстрѣлъ.

— Что это? спросила Катерина. — Что ты перестала читать Карлотта?

— Развѣ ваше величество не слышали? отвѣчала она, блѣдная.

— Что такое?

— Этотъ крикъ...

— И пистолетный выстрѣлъ? прибавилъ капитанъ.

— Крикъ, пистолетный выстрѣлъ, повторила Катерина: — я ничего не слышала. Впрочемъ, развѣ это рѣдкость въ Луврѣ? Читай, Карлотта.

— Послушайте, ваше величество, отвѣчала г-жа де-Совъ, между тѣмъ, какъ Пансэ взялся за эфесъ шпаги и стоялъ на мѣстѣ, не смѣя выйти безъ позволенія королевы: — слышите: шаги! проклятія!

— Прикажете узнать, ваше величество? спросилъ капитанъ.

— Не надо. Оставайтесь, сказала Катерина. — Кто будет защищать нас в случае тревоги? Верно, какие-нибудь пьяные Швейцары подрались...

Свойство королевы такъ разительпо противорѣчило съ ужасомъ, овладѣвшимъ всѣми бывшими при ней, что г-жа де-Совъ, въ ин робка была, устремила на нее вопросительный взглядъ.

— Тамъ какъ-будто кого-то убиваютъ? воскликнула она.

— Кого же?

— Короля наваррскаго. Шумъ въ сторонѣ его компаты.

— Дура! проговорила королева, которой губы, не смотря на все вѣтхое владѣть собою, странно шевелились, потому-что она читала молитву. — Дура! Вездѣ видятъ своего наваррскаго короля.

— Господи! вскричала г-жа де-Совъ, падая въ кресло.

— Конечно, сказала Катерина. — Надѣюсь, продолжала она, обращаясь къ капитану: — что завтра вы строго велите наказать виновныхъ за этотъ беспорядокъ. Продолжай читать, Карлотта.

Катерина сама припала къ изголовью и осталась неподвижна, какъ-будто отъ изнеможения; присутствующіе замѣтили, что по лицу ея катились крупныя капли пота.

Г-жа де-Совъ повиновалась формальному приказанію; но только слухъ и голосъ исполняли повелѣніе: мысль ея летала далеко, и въ воображеніи ея представлялась опасность, грозившая любимому человеку. Чувство и приличіе боролись въ ней такъ сильно, что черезъ нѣсколько минутъ голосъ ея сталъ едва-слышимъ; книга выпала изъ рукъ, и она упала въ обморокъ.

Вдругъ раздался шумъ еще болѣе прежняго; въ корридорѣ послышались тяжелые, поспѣшныя шаги, и въ-слѣдъ за тѣмъ два выстрѣла. Катерина, удивляясь, что борьба продолжается такъ долго, встала въ свою очередь, блѣдная, съ сверкающимъ взоромъ, и въ ту минуту, когда капитанъ хотѣлъ выбѣжать, схватила его за руку, говоря:

— Оставайтесь все здѣсь! Я сама пойду посмотрѣть, что тамъ тамъ.

Вотъ что происходило.

де-Муи получилъ поутру ключъ отъ Ортона. Въ бороздкѣ ключа онъ нащупалъ свернутую бумажку и досталъ ее булавкою.

Это былъ пароль для входа въ Лувръ ночью.

Кромѣ того, Ортонъ изустно передалъ ему слова Генриха, тогдашн. приглашеніе прійти къ нему въ Лувръ въ десять часовъ.

Въ девять часовъ съ половиною, де-Муи надѣлъ панцырь, въ бороздкѣ котораго имѣлъ уже не разъ случай увѣриться; сверхъ панцыря надѣлъ и застегнулъ камзолъ, взялъ шпагу, заткнулъ за поясъ пистолета и поверхъ всего набросилъ знаменитый плащъ ла-Моля.

Мы видели, что Генрихъ, не зѣхая еще домой, задумалъ съйти Маргериту и какъ онъ пришелъ къ ней во-время, такъ сталкнуться въ-потымакъ съ ла-Моелемъ и зайти къ нему передъ ролею въ столовой. Это происходило именно въ ту минуту, гда де-Муи, благодаря сообщенному ему паролю и знаменитъ выписанному плану, входилъ въ Лувръ.

Онъ прямо прошелъ къ королю наваррскому, подражалъ, какъ умѣлъ, походкѣ ла-Моля. Въ передней нашелъ онъ ожидавши его Ортона.

— Его величество вышелъ, сказалъ ему горецъ! — но онъ не казалъ вести васъ къ нему и проситъ васъ дожидаться. Если замедлитъ, вы знаете — онъ просилъ васъ лечь на его постель.

Де-Муи вошелъ, не распрашивая ни о чемъ болыпе. Не теряя времени, де-Муи взялъ перо и, подошедъ къ превосходн картѣ Франція, вѣсившей на стѣнѣ, началъ считать и отъ станціи отъ Парижа до По.

Но это занятіе было кончено въ четверть часа, и онъ не зналъ чѣмъ ему заняться.

Де-Муи прошелся раза два или три по комнатѣ, потѣрь глазъ вънулъ, сѣлъ, всталъ, опять сѣлъ. Наконецъ, пользуясь позволеніемъ Генриха, положилъ на ночной столикъ пистолеты, поставилъ лампу, легъ на постель, положилъ возлѣ себя обнаженную шпагу и будучи увѣренъ, что его не застанутъ въ-распяхъ, потому-что въ передней есть слуга, крѣпко заснулъ: онъ хранилъ на славу, и отъ его отношеній могъ происходить даже съ Генрихомъ-Наваррскимъ.

Въ это время, шесть человекъ, со шпагами въ рукахъ и кинжаломъ за поясомъ, осторожно прокрались въ корридоръ; выходившій однимъ концемъ въ отделение Катерины, а другимъ въ отделение Генриха.

Одинъ шелъ впередъ. Кромѣ обнаженной шпаги и широкаго какъ охотничій ножъ, кинжала, при немъ были еще пистолеты прикрѣпленные къ поясу серебряными пряжками.

Это былъ Морвель.

Пришедъ къ дверямъ Генриха, онъ остановился.

— Ты вѣрно знаешь, что часовые изъ корридора вышли спросилъ онъ у другаго, который былъ, по-видимому, главнымъ изъ его подчиненныхъ.

— Не всталъ ни одного, отвѣчалъ онъ.

— Хорошо, сказалъ Морвель. — Теперь остается узнать только одно: дома ли тотъ, кого намъ нужно.

— Не это комната короля наваррскаго, сказалъ чернявый, естъ набухшая рука Морвели.

— Кто же говорить, что нѣтъ? отвѣчалъ Морвель.

Примедію переглянулись съ умвлениємъ; сержантъ отступилъ шагъ.

— О-го! сказалъ опъ:—арестовать кого-нибудь въ такое время, Журъ, въ комнатѣ короля наваррскаго!

— Что жъ вы скажете, если я вамъ объявлю, что мы арестуемъ сего короля наваррскаго?

— Скажу, что это не шутка, и что безъ приказа, подписаннаго имъ Карломъ...

— Читайте, сказалъ Морвель.

Онъ досталъ и подаль ему приказъ.

— Хорошо, сказалъ сержантъ, прочитавъ:—мнѣ нечего бояться смерти.

— Готовы вы?

— Готовъ.

— А вы? спросилъ Морвель, обращаясь къ прочимъ.

Онъ почтительно поклонился.

— Такъ слушайте же, продолжалъ Морвель:—мы распорядимся вотъ какъ: двое изъ васъ останутся у тѣхъ дверей, дѣе у дверей спальни и двое войдутъ со мной.

— Почему? спросилъ сержантъ.

— Не забудте, что вамъ приказано не допустить арестанта до случая или сопротивленія; за отступление отъ этого повелѣнія — смерть.

— Неймъ; тутъ нечего разсуждать, сказалъ сержантъ другому человеку, который долженъ былъ идти съ нимъ въ спальню.

— Притисните ясно.

— Совершенно, прибавилъ Морвель.

— Бедняжка наваррскаго короля! сказалъ одинъ изъ нихъ: — надо, ужъ ему на роду написано не ускользнуть.

— И здѣсь написано, сказалъ Морвель, взявъ изъ рукъ сержанта пергаментъ и спрятавъ его за пазуху.

Морвель всунулъ въ замокъ ключъ, полученный отъ Катерины, оставивъ двухъ человекъ у наружной двери, вошелъ съ Катериной остальными въ переднюю.

— А-га! сказалъ Морвель, услышавъ громкое храпаніе: — кто-то здѣсь.

Отворъ, думая, что вошелъ король, поспѣшилъ ему на встрѣчу. Другъ очутился лицомъ-къ-лицу съ пятью вооруженными людьми.

При видѣ злобщей физіономіи Морвеля, верный слуга отступилъ на шагъ и, ставъ передъ второю дверью, сказалъ:

— Кто вы? Что вамъ надо?

— Известенъ король! отвѣчалъ Морвель:—Гдѣ король наваррскаго?

— Король наваррскаго?

— Да, король паваррскій.

— Его нѣтъ дома, сказалъ Ортопъ, защищая входъ: — вы можете войти безъ него.

— Предлогъ, ложь, возразилъ Морвель. — Прочь!

Бегарницы упрямы; Ортопъ заворчалъ, какъ горскій пестъ, и, робля, отвѣчалъ:

— Вы не войдете, говорю я вамъ. Короля нѣтъ дома.

И онъ уцѣпился за дверь.

Морвель далъ знакъ; люди бросились на горца и оторвали отъ косяка, за который тотъ держался. Ортопъ открылъ-было ротъ чтобъ крикнуть, но Морвель закрылъ ему ротъ рукою.

Ортопъ жестоко укусилъ убійцу; Морвель съ глухимъ стономъ отнялъ руку и ударилъ его эфесомъ въ голову. Ортопъ зашатался и упалъ крича: «Разбой! разбой!»

Голосъ его замолкъ; онъ лишился чувствъ.

Убійцы перешагнули черезъ его тѣло; двое остались у двери спальни и трое остальныхъ вошли.

Свѣтъ лампы освѣщалъ кровать. Пологъ былъ закрытъ.

— О-го! Онъ уже не храпитъ, кажется, сказалъ сержантъ.

— Берите! сказалъ Морвель.

Съ этимъ словомъ, за занавѣсю раздался звукъ, похожій болѣе на рыканіе льва, чѣмъ на человѣческое восклицаніе; пологъ быстро распахнулся, и убійцы увидѣли человека въ кирасѣ, и шпикакъ, закрывавшемъ голову до глазъ, съ двумя пистолетами въ рукахъ и шпагою на козлякахъ.

Едва только Морвель узналъ черты лица де-Муи, какъ волосы его стали дыбомъ. Онъ страшно поблѣднѣлъ, пѣна показавшаяся рта его, и онъ отступилъ на шагъ, какъ-будто передъ нимъ явилась тѣнь.

Де-Муи всталъ и сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Злодѣи! проговорилъ онъ глухимъ голосомъ: — ты пришелъ убить меня, какъ убилъ моего отца!

Только двое вошедшихъ съ Морвелемъ услышали эти слова; въ то же время де-Муи прицѣлился въ лобъ Морвелю. Морвель упалъ на колѣни въ ту самую минуту, когда де-Муи спускалъ курокъ, выстрѣлъ раздался, и одинъ изъ пришедшихъ съ Морвелемъ, стоявшій за нимъ, палъ, пораженный въ сердце. Морвель въ ту же минуту отвѣчалъ выстрѣломъ на выстрѣлъ; но пуля расплюскалась на кирасѣ де-Муи.

Де-Муи, измѣривъ разстояніе, однимъ ударомъ шпаги разсекъ черепъ другаго солдата и обратился на Морвеля.

Битва была жестока, но не продолжительна. Холодная ста

рвнула въ горло Морвелю; онъ захрипѣлъ, упалъ навзпичь, и она уронила шляпу. Лампа погасла.

Палзуясь темнотою, де-Муи, сильный и проворный, какъ герой шера, бросился, наклонивъ голову, въ переднюю, сбиль съ ногъ него, оттолкнувъ другаго, мелькнулъ какъ молнія между сторожскими наружную дверь, выстрѣлилъ на удачу два раза изъ пистолета, и былъ спасенъ: у него оставался еще заряженный пистолетъ и его ужасная шага.

Съ минуты, де-Муи не зналъ, спастись ли ему къ д'Алансону, или къ которому, показалось ему, открылась, или попробовать бежать изъ Лувра. Онъ рѣшился на послѣднее, бросился опять внизъ, прыгнувъ съ десяти ступеней, добѣжалъ до воротъ, скакнувъ черезъ нихъ и закричалъ, убѣгая:

— Наверхъ! Тамъ рѣжутъ отъ имени короля!

Возвзвусь изумленіемъ стражи, онъ вслезъ въ Улиць-дю-Кокъ, и выслушивъ ни одной царянины.

Это происходило въ ту самую минуту, когда Катерина остановилась Писсе словами:

— Оставайтесь всѣ здѣсь. Я сама пойду посмотреть, что тамъ такое.
— Но, ваше величество, опасность велитъ мнѣ идти за вами.
— Оставайтесь! повторила Катерина еще болѣе-повелительнымъ тономъ. — Королей защищаетъ сила могущественнаго человѣческой шага.

Капитанъ остался.

Катерина взяла лампу, надѣла бархатныя туфли, вышла изъ комнаты въ корридоръ, полный дыма, и приблизилась къ комнатѣ Генриха.

Тамъ было тихо.

Катерина подошла къ наружной двери, переступила черезъ порогъ, и увидѣла, во-первыхъ, Ортона, лежащаго безъ чувствъ.

— А! во-первыхъ, слуга! сказала она. — Дальше, конечно, найдется и господинна. — И она вошла въ другую дверь.

Тутъ она споткнулась о что-то тѣло — опустила лампу: это былъ солдатъ съ разрубленной головой. Онъ былъ совершенно мертвъ.

За три шага отъ него лежалъ сержантъ, пораженный въ сердце. Онъ вѣшалъ послѣднее дыханіе.

Наконецъ, передъ кроватью, лежалъ третій; блѣдный какъ смерть. Онъ руками текла изъ двойной раны въ его горло, и онъ напрасно старался приподняться.

Это былъ Морвель.

Холодъ пробѣжалъ по жилкамъ Катерины; она увидѣла, что кро-

вать пуста; оглянула всю компату, и между лежавшими здесь вами не нашла того, которого ожидала.

Морвель узналъ Катерину; глаза его вытянулись, и онъ прохвѣлъ къ ней руку съ выраженіемъ отчаянія.

— Ну, гдѣ онъ? сказала она въ-голоса. — Что съ нимъ? Несчастный! Не-уже-ли ты его выпустилъ?

Морвель хотѣлъ что-то сказать, но, вмѣсто словъ, падалъ телѣсъ изъ раны; красная пѣна выступила у него на губахъ, и покачалъ головою въ знакъ бесплія и боли.

— Да говори же, сказала Катерина; — говори! Хотя одно слово.

Морвель указалъ на свою рану, и опять послышался какой-то цѣлѣбный звукъ. Въ-сѣдѣ за тѣмъ онъ лишился чувствъ.

Катерина посмотрѣла вокругъ; ее окружали трупы и умирающіе; кровь рѣкою текла по комнатѣ, и мертвая тишина царствовала въ комнатѣ.

Она еще разъ обратилась къ Морведю, но онъ и не шевельнулся. Изъ-за его кармана выглядывала бумага: это былъ приказъ арестовать Генриха. Катерина взяла его и спрятала у себя.

Въ эту минуту она услышала, что кто-то позади ея шевельнулся; она оглянулась и увидѣла на порогѣ герцога д'Алансона, который не вытерпѣвъ, пришелъ на шумъ, и остановился отъ изумленія.

— Ты здѣсь? сказала она.

— Да. Что тутъ происходитъ? отвѣчалъ онъ.

— Иди домой, Франсуа; ты довольно-рано узнаешь эту новость.

Но д'Алансонъ зналъ больше, нежели предполагала Катерина. Какъ только послышались нервные шаги въ корридоръ, онъ началъ прислушиваться. Видя, что въ комнату Генриха входятъ вооруженные люди, онъ догадался, что это значитъ, и радовался, что рука, и сильнѣе его руки, избавитъ его отъ такого опаснаго друга.

Вскорѣ потомъ выстрѣлы и шаги бѣгушаго еще болѣе привлекли его вниманіе, и онъ увидѣлъ, какъ въ просвѣтъ лѣстницы исчезъ красивый плащъ, слишкомъ-хорошо ему знакомый.

— Де-Муи! воскликнулъ онъ. — Де-Муи у Генриха! Нѣтъ, это невозможно! Не-уже-ли ждѣ ла-Моль?..

Онъ началъ тревожиться, вспоминая, что ла-Моль рекомендовалъ ему сама Маргерита и, желая увѣриться, точно ли онъ это пробѣжалъ, поспѣшилъ въ его комнату. Комната была пуста, но въ углѣ она видѣла знаменитый вишневый плащъ. Волненіе его исчезло: это былъ не ла-Моль, а де-Муи.

Бѣдный, боясь, чтобъ гугенота не схватили, и чтобъ онъ не выдалъ тайны заговора, герцогъ носилъ къ воротамъ Луверна. Тамъ узналъ онъ, что вишневый плащъ спасся, крича, что въ Лувернѣ рѣжутъ во имя короля.

— Онь ошибся, подумалъ д'Алансонъ: — рѣжутъ во имя матушки. Возвратившись на поле битвы, онъ засталъ тутъ Катерицу; блушную, подобно гвѣзѣ, между трупами.

По приказанію матери, онъ воротился домой, притворяясь спящимъ и послушнымъ.

Катерица, въ отчаяніи отъ этой новой неудачи, кликнула своего штана, велѣла прибрать тѣла, приказала отнести Морведа, который былъ только раненъ, домой, и не будить короля.

— Онъ опять увернулся! преговорила она, возвращаясь въ свою комнату съ опущенною головою. — Надъ нимъ десница Божія! Онъ смѣетъ царствовать... будетъ!

Открыла дверь своей комнаты, она приняла веселый видъ.

— Чѣмъ тамъ? спросили въ-полголоса присутствующіе. Только де-Совъ, сливкомъ-испуганная, молчала.

— Ничего, отвѣчала Катерица. — Шумъ, и только.

— О! воскликнула г-жа де-Совъ, указывая пальцемъ на слѣды королевы: — каждый шагъ вашего величества оставляетъ за собою кровавый слѣдъ!

и.

Ночь королей.

Карлъ шелъ рука-объ-руку съ Генрихомъ, въ сопровожденіи четверти придворныхъ и двухъ факельщиковъ.

— Когда я выхожу изъ Лувра, сказалъ бѣдный король: — во мнѣ является такое же чувство, какъ-будто я вхожу въ прекрасный садъ; я дышу вольнѣе, я живу, свободенъ...

Генрихъ улыбнулся.

— Вашему величеству жить бы въ монахъ Бварцскихъ горахъ, началъ онъ.

— Да, понимаю, что ты не прочь бы туда вернуться; но если мнѣ уже черезъ-чуръ туда захочется, прибавилъ Карлъ смѣясь: — не три, возьми предосторожности, — я тебѣ совѣтую это. Матушка моя любитъ тебя такъ-горячо, что ни за что не захочетъ съ тобою остаться.

— Чтѣ вы будете дѣлать сегодня вечеромъ, ваше величество? спросилъ Генрихъ, отклоняя опасный разговоръ.

— Я хочу познакомить тебя кой съ кѣмъ, Гауріо; ты скажешь мнѣ свое мнѣніе.

— Какъ прикажете, ваше величество.

— Направо, направо! Мы идемъ въ Улицу-де-Баррь.

Король прошёл уже Улицу-де-ла-Савонри, какъ вдругъ, сторонѣ отелп Кондэ, замѣтили двухъ человекъ закутанныхъ плащи и вышедшихъ изъ потайной двери тихо и осторожно.

— О-го-го! сказалъ король Генриху, смотрѣвшему, по обыкновенію, молча: — это стоить вниманія.

— Отъ-чего вы такъ думаете?

— Это сказано не для тебя; ты увѣренъ въ своей женѣ, но Кондэ не увѣренъ въ своей; или, если увѣренъ, такъ онъ ошибается; чортъ возьми!

— Отъ-чего же вы думаете, что они были у г-жи де-Кондэ?

— У меня есть предчувствіе. Неподвижность ихъ... замѣтилъ, какъ они остановились въ дверяхъ, увидѣвъ часъ; особенной люстрой платя на томъ, что поменьше ростомъ... Pardieu! Это было бы довольно-забавно!

— Что?

— Такъ, мнѣ пришло кое-что на мысль; подойдемъ ближе.

Онъ пошелъ прямо къ двумъ незнакомцамъ, которые, видя, что идутъ прямо къ нимъ, съѣлали нѣсколько шаговъ, чтобъ удалиться.

— Пойдите, господа! сказалъ король.

— Намъ вы это говорите? спросилъ голосъ, заставившій взглянуть Карла и его спутника.

— Что, Генрію? Узнаешь ты теперь этотъ голосъ?

— Еслибъ братъ вашъ, герцогъ д'Анжу, не былъ при Рошеллѣ, я готовъ бы былъ побожиться, что это его голосъ.

— То-то и дѣло, что онъ не при Рошеллѣ.

— Но кто же это съ нимъ?

— Ты не узнаешь?

— Нѣтъ.

— А, кажется, у него такой ростъ, что ошибаться трудно. Пойдите, сейчасъ увидите. Господа! Развѣ вы не слышите?

— Что вы, дозоръ, что ли, что вздумали насъ останавливать? спросилъ тотъ, который былъ выше ростомъ.

— Считайте насъ хоть дозоромъ, если угодно, только остановитесь, когда вамъ приказываютъ.

— Потомъ, наклонясь къ уху Генриха, онъ прибавилъ: — Сейчасъ начнется изверженіе волкана.

— Васъ восьмеро, продолжалъ тотъ же человекъ, освобождая изъ-подъ плаща руку и раскрывая лицо: будь васъ хоть сотня, чортъ!

— А! герцогъ де-Гизъ! сказалъ Генрихъ.

— Это вы? наконецъ-то признались! прибавилъ король.

— Король! воскликнулъ герцогъ.

Что касается до спутника Гиза, онъ при этихъ словахъ завернулся въ плащъ и сдѣлался неподвиженъ; снявъ сначала изъ пояса пистолетъ.

— Я былъ съ визитомъ у г-жи де-Кондэ! сказалъ Гизъ.

— Да... и взялъ съ собою одного изъ придворныхъ; кого?

— Вы его не знаете, ваше величество.

— Такъ познакомимся.

Король пошелъ прямо къ неизвѣстному и велѣлъ факельщику выйти.

— Извините! проговорилъ герцогъ д'Анжу, раскрывая плащъ и шиваясь съ худо-скрытою досадою.

— А! это вы, Генрихъ?... Да нѣтъ, это невозможно, я ошибаюсь... Братъ д'Анжу прежде всего посѣтилъ бы меня. Ему очень-очень извѣстно, что для принцевъ крови только одна дорога въ Парижъ: черезъ ворота Лувра.

— Извините, ваше величество! сказалъ д'Анжу.

— Да, а что у васъ за дѣла въ отелѣ Кондэ? спросилъ король итѣпливѣе тономъ.

— Вы сами это сказали, ваше величество, замѣтилъ король наирректнѣе и, наклонившись къ его уху, докончилъ фразу громкимъ шепотомъ.

— Это что? спросилъ гордо Гизъ: онъ, подобно всѣмъ прочимъ, привыкъ обращаться съ Генрихомъ довольно-грубо. — Почему бы мнѣ не посѣтить своей свояченицы? Вѣдь герцогъ д'Алансонъ посѣщаетъ же свою неѣтку?

Генрихъ слегка покраснѣлъ.

— Какую свояченицу? спросилъ Карлъ. — У него только одна: королева Елизавета.

— Извините, ваше величество, я долженъ былъ сказать: сестру Маргериту; мы встрѣтили ее съ полчаса назадъ въ носилкахъ, въ сопровожденіи двухъ шеголей.

— Право? сказалъ Карлъ. — Что ты на это скажешь, Генрихъ?

— Что королева наваррская имѣетъ полное право идти, куда ей угодно. Только врядъ-ли она вышла изъ Лувра.

— А я въ этомъ увѣренъ, отвѣчалъ Гизъ.

— И я тоже, прибавилъ д'Анжу: — носилки остановились въ Улицѣ-Клош-Персэ.

— Такъ вѣрно ваша свояченица не эта, сказалъ Генрихъ, указывая на отелъ Кондэ: — а та, — онъ указалъ въ сторону отела Гиза, — съ нею; мы оставили ихъ вмѣстѣ, а вы знаете, что онѣ неразлучны.

— Я не понимаю, что ваше величество хотите сказать, отвѣчалъ Гизъ.

— А это очень-ясно, замѣтилъ король.— И вотъ почему во всемолокъ были два щеголя.

— Что же! сказала Гизъ:—если королева и сводчанцы не шалвають, прибѣгнемъ, для прекращенія безпорядка, къ правосудію короля.

— И, Боже мой! сказала Генрихъ:—оставимъ лучше г-жъ Клодъ и де-Неверъ въ покоѣ; король не беспокоится на счетъ сестры своей... а я имѣю полную довѣренность къ жемъ.

— Нѣтъ, возразилъ Карлъ:—я хочу дознаться истины; только слѣдуемъ все сами. Носилки остановились въ улицѣ Клош-Персе; говорите вы?

— Да, ваше величество.

— Вы узнаете мѣсто?

— Да, ваше величество.

— Такъ пойдете; и если надо будетъ зажечь домъ, чтобъ узнать кто въ немъ, мы зажжемъ его.

Съ этимъ не очень-утѣшительнымъ намѣреніемъ для всѣхъ, къ кому касалось, четыре важнѣйшія лица христіанскаго міра пошли по Улицѣ-Сент-Антуанъ.

Они пришли въ Улицу-Клош-Персе. Карлъ хотѣлъ кончить это дѣло семейнымъ образомъ и отослалъ своихъ проводниковъ, приказавъ имъ въ шесть часовъ утра дожидаться его у Бастиліи.

Въ Улицѣ-Клош-Персе были только три дома; поискать было бытъ легче, что въ два дома ихъ тотчасъ же впустили.

Что касается до третьяго, это другое дѣло: его стерегъ сторожъ Нѣмецъ, очень-щеговорчивый. Парижу какъ-будто было суждено представить въ эту ночь самыя замѣчательныя примѣры вѣрности.

Сколько ни грозилъ Гизъ на самомъ чистомъ саксонскомъ нарѣчій, сколько золота ни предлагалъ д'Анжу, какъ ни уверялъ даже Карлъ, что онъ начальникъ дѣзора, Нѣмецъ не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Видя, что они настаивають, онъ выставилъ въ скважину конецъ пищали; — эта угроза возбудила въ приходившихъ только смѣхъ. Генрихъ-Наваррскій стоялъ молчаливо, какъ-будто это дѣло несколько его не интересовало. Пищаль могла двигаться въ сторону и была, следовательно, опасна только для слѣпаго, который сталъ бы прямо противъ нея.

Видя, что привратника нельзя ни застрашать, ни подкупить, Гизъ притворился, будто уходитъ съ своими товарищами. Но онъ нечезла не надолго. На углу Улицы-Сент-Антуанъ герцогъ шелъ, что ему было надо: камень, каніе двигали 3,000 лѣтъ тому назадъ Аякъсъ Теламонъ и Дюмедъ. Онъ извалялъ его на плечи и далъ товарищамъ знакъ идти за нимъ. Въ это время, сторожъ, видя, что негодяи удалились, затворилъ дверя, но не успѣлъ

она задвинула ее засовомъ. Герцогъ воспользовался минутой: онъ бросилъ камнемъ въ дверь; петли сорвались вихоть съ частью стѣны, въ которую были вѣланы. Дверь распахнулась и свалила съ ногъ Марго: крикъ ея былъ сигналомъ, пробудившимъ вниманіе гарсона, который безъ этого, конечно, засталъ бы въ расплахъ.

Ла-Моль переводилъ въ эту самую минуту съ Маргеритой или же Теокрита, а Коконна, подъ предлогомъ, что и онъ Грекъ, шелься Генриэттой сиракузское лицо. Ученый и вѣдущій разсудокъ вдругъ были прерваны.

Ла-Моль и Коконна немедленно покосились, открыли глаза, выскочили на балконъ, разглядѣли въ полумракѣ четырехъ чело-вѣкъ и начали бросать въ нихъ все, что имъ попадалось подъ руку. Карлъ, самый ревностный изъ осаждающихъ, получилъ въ лицо ударъ серебряною кружкой, въ герцога д'Анжу золотая была съ апельсиновымъ компотомъ, въ Гиза жаркое изъ дичи.

Только Генрихъ не былъ раненъ. Онъ потихоньку допрашивалъ стража, котораго Гизъ привязалъ къ двери, и который постыж-но отпиралъ:

— Ich verstehe nicht.

Женщины ободряли осажденныхъ и подбавляя имъ разныхъ вещей какъ градъ сыпавшійся на враговъ.

— *Par la mort du diable!* воскликнулъ Карлъ, когда табуретъ упалъ ему въ лицо на самый носъ. — Отворотъ сію минуту, или я всю всѣхъ перевешать!

— Братъ! сказала Маргерита тихонько Ла-Моль. — Карлъ! сна-чи онъ тихонько Андриэтта. — Король! король! шепнула она Ко-конна, который ташилъ уже къ окну сундукъ, особенно желая воспотчивать Гиза. — Король, говорю я вамъ!

Коконна оставилъ сундукъ и посмотрѣлъ вѣдуть съ замол-ченіемъ.

— Король? повторилъ онъ.

— Да, король.

— Такъ назадъ.

— Ла-Моль и Маргерита уже исчезли; пойдете.

— Куда?

— Идѣйте, говорю вамъ.

Андриэтта схватила Коконна за руку и увлекла сквозь потаен-ную дверь въ сосѣдній домъ. Всѣ четверо, замкнувъ за собою дверь, бѣжали въ калитку на улицу Тизонъ.

— Гарнизонъ, кажется, сдается, сказалъ Карлъ.

Подождали нѣсколько минутъ; все было тихо.

— Это какая-нибудь кутерьма, сказалъ Гизъ.

— А впрямь, что услышишь голосъ его величества, и спаслись бствомъ, замкнуть д'Анжу.

— Да ждъ нтъ надобно же прйдти мимо насъ, возразилъ Карлъ.

— Да, отвчалъ д'Анжу: — если у дожа не два выхода.

— Герцогъ, сказалъ король: — возьмите камень и вышибте вторую дверь.

Герцогъ подумалъ, что тутъ нтъ необходимости прибгать такимъ средствамъ; онъ замѣтилъ, что вторая дверь слабѣе первой и сбилъ ее просто ударомъ ноги.

— Факелы! факелы! крикнулъ король.

Слуги подбѣжали, факелы были погашены, но съ ними было что надо, чтобъ зажечь ихъ. Подали огня. Карлъ взялъ одинъ факель и подалъ другой герцогу д'Анжу.

Гизъ шелъ впереди, со шпагою въ рукахъ.

Генрихъ заключалъ шествіе.

Пришли въ первый этажъ.

Въ столовой были развалины ужина, болѣею частію послѣднего на оборону. Полсвѣчники лежали на полу, мебель въ безпорядкѣ и вся посуда разбита въдребезги.

Прошли дальше, въ салонъ. Здѣсь такъ же, какъ и въ первой комнатѣ, не нашли ничего, почему можно бы было догадаться, кто пировалъ тутъ. Греческія и латинскія книги, нѣсколько музыкальныхъ инструментовъ, вотъ и все.

Спальня была еще нѣмѣе. Лампа горѣла въ алебастровомъ шарѣ, спущенномъ съ потолка; но въ эту комнату, по-видимому, никто не входилъ.

— Тутъ долженъ быть другой выходъ, сказалъ король.

— Вѣроятно, отвчалъ д'Анжу.

— Но гдѣ? спросилъ Гизъ.

Начали искать вездѣ и не нашли.

— Гдѣ сторожъ? спросилъ Карлъ.

— Я привязалъ его къ рѣшеткѣ, отвчалъ Гизъ.

— Разспросите его.

— Онъ не станетъ отвѣчать.

— Вотъ еще! погрѣть ему неможно ноги, такъ заговорать.

Генрихъ поспѣшно взглянулъ въ окно.

— Его тамъ нтъ, сказалъ онъ.

— Кто же его отвязалъ? спросилъ Гизъ.

— Mort-diable! воскликнулъ король. — Такъ мы ничего не узнаемъ!

— Вы видите, ваше величество, сказалъ Генрихъ: — ничто не доказываетъ, чтобъ жена моя и свояченица герцога были здѣсь.

— Это правда, отвчалъ Карлъ: — говорится же, что три вещи

и оставляютъ за собою слѣда: птица въ воздухъ, рыба въ водѣ, женщина — нѣтъ, я ошибаюсь, — мужчина — уло.

— Итакъ, намъ лучше всего... прервала его Генрихъ.

— Да, продолжалъ Карлъ: — намъ позаботиться о моемъ ушибѣ, итъ, д'Анжу, смѣть аперльсинный спронъ, а вамъ, Гизъ, вывести шлю отъ жаркаго.

Онъ вышелъ, не притворивъ даже за собою дверей.

Когда они пришли въ Улицу-Сент-Антуанъ, король спросилъ у д'Анжу в Гиза:

— Куда вы, господа?

— Мы идемъ къ Нантулье, ваше величество; онъ ждетъ насъ къ ужину. Ваше величество пойдете съ нами?

— Нѣтъ, мы въ другую сторону. Возьмите, если угодно, одного изъ новхъ факельщиковъ.

— Нѣтъ, благодарю покорно, ваше величество, поспѣшно отвѣчалъ д'Анжу.

— Онъ боятся, чтобъ за нимъ не присматривали, шепнулъ Карлъ на ухо Генриху.

Видя, взявъ его подъ-руку, онъ продолжалъ:

— Пойдемъ; я угощу тебя ужиномъ.

— Такъ мы не возвратимся въ Лувръ? спросилъ Генрихъ.

— Нѣтъ, говорю я тебѣ, упрямецъ; пойдемъ со мною, говорить тебѣ.

И онъ увелъ его въ Улицу-Жофоруа-Лантѣ.

VII.

АПАГРАММА.

Въ Улицу-Жофоруа-Лантѣ, по самой ея серединѣ, выходила Улицу-Гарни-стор-д'О, которую пересѣкала, на другою концъ, Улицу-де-Барръ.

Тутъ, въ нѣсколькихъ шагахъ изъ Улицы-ла-Мортельри, возвышался небольшой удивительный домикъ посреди сада, окруженнаго высокимъ стѣною.

Карлъ досталъ изъ кармана ключъ, отперъ дверь, пропустилъ въ нее Генриха и факельщика и замкнулъ ее за собою.

Только одно небольшое окно было освѣщено. Карлъ, улыбаясь, указалъ на него Генриху.

— Не волнуйся, ваше величество, сказалъ Генрихъ.

— Сейчас поймешь, отвѣчалъ онъ.

Генрихъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Карла; голосъ и манера короля приняли какое-то мягкое выраженіе, столько несродное обыкновенною его физиономіею, что Генрихъ съ трудомъ могъ узнать его.

— Гапріо, сказалъ король: — я говорю тебѣ, что когда выйдешь изъ Лувра, я какъ-будто выхожу изъ престоупней; выйдешь сюда, я вхожу въ рай.

— Я счастливъ, отвѣчалъ Генрихъ:—что ваше величество намъ меня достойнымъ взять съ собою на небо.

— Дорога узка, сказалъ король, всходя на тѣсной лѣстницѣ: но это только для того, чтобъ сравненіе было полно.

— Какой же ангелъ охраняетъ входъ въ этотъ рай?

— Увидишь, отвѣчалъ Карлъ; и, сдѣлавъ Генриху знакъ; что онъ шелъ за нимъ тише, отворилъ дверь, потомъ другую и остановился на порогѣ.

— Смотри! сказалъ онъ.

Генрихъ подошелъ и устремилъ глаза на одну изъ лучшихъ картинъ, какія только видѣлъ.

Женщина лѣтъ восемнадцати или девятнадцати спала, склонивъ голову на постель спящаго ребенка. Она прильнула губами къ его щекамъ и держала ихъ въ обѣихъ рукахъ. Бѣлокурые волосы падали ей на плеча, какъ золотыя вѣдны.

— Кто это прелестное созданіе? спросилъ Генрихъ.

— Ангелъ моего рая, Гапріо; единственное существо, которое любить во мнѣ меня лично.

Генрихъ улыбнулся.

— Дѣ, меня; она любила меня, когда еще не знала, что я король.

— А съ-тѣхъ-поръ, какъ знаетъ?

— Съ-тѣхъ-поръ, отвѣчалъ Карлъ со вздохомъ, доказывавшимъ что иногда эта кровавая корона была для него тяжкимъ бременемъ — съ-тѣхъ-поръ она любитъ меня по прежнему; суди же послѣ этого.

Кароль подошелъ и поцаловалъ ее въ щеку какъ-можно-тише. Молодая женщина, однакожь, проснулась.

— Карлъ! пробормотала она, открывая глаза.

— Ты видишь, она называетъ меня просто Карломъ; королева говоритъ мнѣ: «ваше величество».

— О! Вы не одни!.. воскликнула она.

— Нѣтъ, малая Марія. Я привелъ къ тебѣ другаго короля; онъ счастливъ меня, потому-что у него нѣтъ короны, — и несчастливъ, потому-что у него нѣтъ Маріи Тушѣ.

— Это король наваррскій? спросила Марія.

— Именно. Подойди сюда, Гапріо.

Генрихъ подошелъ, и Карлъ взялъ его за правую руку.

— Посмотри на эту руку, Марія, сказалъ онъ: — это рука доброго брата и честнаго друга. Безъ этой руки...

— Что?

— Безъ этой руки, Марія, слышь нашъ былъ бы сегодня спретою.

Марія вскрикнула, упала на колѣни, схватила руку Генриха и целовала ее.

— Хорошо, Марія, хорошо, сказалъ Карлъ.

— Чѣмъ же вы отблагодарили его?

— Тѣмъ же.

Генрихъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Карла.

— Когда-нибудь ты узнаешь, что я хочу сказать, Гаврію. Теперь, смотри.

Онъ подошелъ къ кровати дитяти.

— Еслибъ этотъ мальчикъ спалъ въ Луврѣ, а не здѣсь, въ этомъ бедномъ домикѣ, много измѣнилось бы въ настоящемъ и, можетъ-быть, въ будущемъ (?).

— Ваше величество, сказала Марія:—по-моему, пусть онъ лучше лежитъ; здѣсь спитъ онъ покойнѣе.

— Не будемъ же мѣшать ему, отвѣчалъ король:—спадко спать, когда насъ не тревожатъ сновидѣнія.

— Прикажете? спросила Марія, протягивая руки къ одной изъ дверей.

— Да, сказалъ Карлъ. — Пойдемъ ужинать.

— Попросите короля, вашего брата, позвать меня, сказала Марія.

— Въ чемъ?

— Я уснула, сказала она, обращаясь къ королю на паркету. — Карлъ хочетъ, чтобъ ему никто не прислуживалъ, кромѣ меня.

— Ventre-saint-gris! воскликнулъ Генрихъ:—очень вѣрю!

Онъ вошелъ въ столовую; заботливая мать укрыла маленькаго Карла теплымъ одеяломъ; ребенокъ не проснулся, благодаря крѣпости сна, которой завидовалъ отецъ его.

Марія тоже вошла въ столовую.

— Здѣсь только два прибора, сказалъ Карлъ.

— Позвольте мнѣ вамъ прислуживать.

— Видишь, Гаврію, ты принесть мнѣ несчастію.

(?) Въ санонъ-дѣлѣ, еслибъ этотъ ребенокъ, въ послѣдствіи знаменитый герцогъ Бургундскій, умершій въ 1650 году, былъ законнымъ сыномъ Карія, онъ унаследовалъ бы Гаврію III, Генриха IV, Людовика XIII и XIV. Кто былъ бы изъ нихъ?... Умъ терзается во мракѣ такого вопроса.

— Какъ, ваше величество?

— Да развѣ ты не слышишь?

— Прости, Карлъ, прости.

— Прощаю; но садись здѣсь, возлѣ меня, между нами.

— Повинуюсь, отвѣчала Марія.

Она принесла приборъ, сѣла между двухъ королей и начала ѣсть.

— Не правда ли, Ганрио, сказалъ Карлъ:—хорошо, если естъ святѣ мѣстечко, гдѣ можно ѣсть и жить, не заставляя никого бѣдовать напередъ нашу пищу?

— Я больше нежели кто-нибудь понимаю ваше счастье, отвѣчалъ Генрихъ.

— Скажи же ей, что если она хочетъ, чтобъ счастье наше продолжалось, пусть не мѣшается въ политику; она не должна являться ко двору; въ-особенности, не должна знакомиться съ моею террю.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ Генрихъ:—королева Катерина такъ горячо любитъ ваше величество, что способна ревновать васъ к кому бы то ни было.

— Марія! сказалъ король:—вотъ одинъ изъ самыхъ тонкихъ ироническихъ людей при дворѣ,—а это много значить! Онъ провѣлъ всѣхъ; можетъ-быть, только я одинъ понялъ его; не говорю, чтобъ я разгадалъ его сердце,—но умъ.

— Вы преувеличиваете одно, замѣтилъ Генрихъ:—и сомнѣваетесь въ другомъ.

— Я ничего не преувеличиваю, Ганрио. Онъ особенно ловко составляетъ анаграммы. Попроса его составить анаграмму моего имени, я увѣренъ, что онъ это сдѣлаетъ.

— Что можно найти въ имени такой бланной женщины, какъ она? Какая мысль выйдетъ изъ имени Маріи Тушѣ?

— Это слишкомъ-легко, сказалъ Генрихъ.

— А! Ужъ и готово? сказалъ Карлъ.—Видишь ли...

Генрихъ досталъ изъ кармана свои таблетки, оторвалъ листокъ и подъ словами

«Marie Touchet»,

написалъ:

«Je charme tout».

Потомъ онъ подалъ листокъ Маріи.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! воскликнула она.—Это невѣроятво!

— Что онъ выдумалъ? спросилъ Карлъ.

— Не смѣю повторить.

— Въ имени Маріи Тушѣ, сказалъ Генрихъ:—заключается буква въ букву, сдѣлавъ, по обыкновенію, изъ i j, —фраза: je charme tout

— Точно, буква въ букву! Пусть же это будетъ твоимъ девизомъ, Марія. На одинъ девизъ не былъ заслуженъ такъ, какъ жить. Спасибо, Ганрію. Я велю выложить этотъ девизъ для тебя въ брилліантовъ, Марія.

Ужикъ кончился. Два часа пробило на башнѣ Нотр-Дамъ. — Теперь, сказалъ Карлъ:— въ награду за его любезность, дай адрессо; пусть поспитъ въ немъ до завтра. Только подальше, потому-что онъ страшно храпитъ. Если ты проснешься раньше меня, разбуди меня. Въ шесть часовъ мы должны быть въ Бастиліи. Прощай, Ганрію. Распорядись какъ знаешь. Но, приблизь онъ, подходя къ нему и положивъ ему на плечо руку: — желаю тебя жизнью, не выходи отсюда безъ меня.

Ганрію подозрѣвалъ такъ много, что, конечно, не рѣшился бы двинуться.

Карлъ вошелъ въ свою комнату, а Генрихъ, неизвѣженный горемъ, расположился въ креслахъ и скоро оправдалъ предосторожность, съ которою Карлъ просилъ его спать подальше.

На другой день на разсвѣтъ, Карлъ разбудилъ его. Онъ не раздвинулся и былъ готовъ. Король былъ счастливъ и веселъ, какъ никогда не бывалъ въ Луврѣ. Часы, которые проводилъ онъ въ томъ маленькомъ домикѣ въ Улицѣ-де-Барръ, были лучшими часами его жизни.

Оба они прошли черезъ спальню. Марія еще поклонилась; ребенокъ свалъ въ своей колыбели. Они улыбались.

Карлъ посмотрѣлъ на нихъ съ невыразимою нѣжностью. Потомъ обратился къ Генриху:

— Ганрію! Если ты узнаешь когда-нибудь, какую услугу оказалъ я тебѣ сегодня ночью, и если я буду въ несчастіи, вспомни объ этомъ ребенкѣ.

Потомъ, не давая Генриху времени сдѣлать какой-нибудь вопросъ, онъ подаловалъ Марію и сына, проговоривъ:

— До свиданья!

И вышелъ.

Генрихъ шелъ за нимъ въ раздумьѣ.

Лошади дожидались ихъ уже у Бастиліи. Карлъ знакомъ пригласилъ Генриха съѣсть на лошадь, съѣлъ самъ, выѣхалъ садомъ де-л'Арбалетъ, и поѣхалъ по наружнымъ бульварамъ.

— Куда мы? спросилъ Генрихъ.

— Мы побѣдемъ посмотреть, для одной ли г-жи де-Кондэ пригласилъ герцогъ д'Анжу, и есть ли въ сердцѣ его столько же честилюбія, сколько любви.

Генрихъ ничего не понялъ изъ этихъ словъ и молча ѣхалъ за Карломъ.

Дохватъ до болотъ, они могли изъ-за налесады видѣть все, называлось тогда Сеп-Лоранскии-Предмѣстіи. Сквозь сѣв-утренній туманъ Карлъ указалъ Генриху на людей, окутанныхъ въ широкіе плаща и мѣховыя шапки. Они ѣхали верхомъ реди тяжело-нагруженнымъ фургономъ. Лица ихъ, по ширь и близенію, становились виднѣе, и между ними можно было рассмотреть челоѣка въ темномъ длинномъ плащѣ, въ шляпѣ французскаго покроя. Онъ ѣхалъ тоже верхомъ и разговаривалъ начальникомъ поѣзда.

— И такъ и думалъ! сказалъ Карлъ.

— Если не ошибаюсь, этотъ всадникъ герцога д'Анжу, и только Генрихъ.

— Да, это онъ. Посторонись нешного, Гаврию, чтобъ онъ не замѣтилъ.

— Но что это за люди въ сѣрыхъ плащахъ и мѣховыхъ шапкахъ? И что въ этомъ фургоны?

— Это польскіе посланники, отвѣчалъ Карлъ:— а въ фургоны корона.—Теперь, прибавилъ онъ, пуская лошадь вскачь по дорожкѣ Тампаю:—поѣдемъ, Гаврию; я видѣлъ все, что мнѣ было надъ

VIII.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ЛУВРЬ.

Когда Катерина подумала, что въ комнатѣ Генриха все ужъ кончено, — что убитыхъ приняли, Морвеля перенесли домой, ковры вымыли, — она отпустила своихъ жепщицъ и попробовала бѣснуть. Была уже полночь. Но душевное волненіе ея было слишкомъ-сильно, и разочарованіе слишкомъ-жестоко. Этотъ ненавидимый Генрихъ, постоянно ускользящій отъ ея рукъ, былъ какъ будто хранимъ какою-то невидимою силой. Катерина упорствовала называть ее случаемъ, но что-то въ глубинѣ ея сердца говорило ей, что эта сила — предопредѣленіе. Мысль, что молва о новомъ покушеніи, распространилась въ Лувръ и въ Лувра, усилить и Генрихъ и гугенотамъ упованіе на будущее, приводила ее въ отчаяніе; еслибъ случай, съ которымъ она боролась такъ неудачно, выдалъ ей въ эту минуту ея врага, она, конечно, прѣзрительно сама своимъ маленькимъ флорентинскимъ кинжаломъ обредела бы судьбы, столько покровительствовавшей Генриху.

Часы ночи, долгіе для того, кто ждетъ и не спитъ, были одними за другимъ, — и Катерина не могла сомкнуть глазъ. Во встрѣженіи

итъ ужъ онъ развивался въ нѣкой мѣрѣ новыхъ плановъ. Наконецъ, вставъ, она встала, одѣлась сама и пошла къ комнатѣ Карла.

Часы, привыкшіе къ ея появленію во всякое время дня и ночи, пропустили ея. Она прошла переднюю и дошла до оружейнаго кабинета. Здѣсь нашла она кормилицу, которая не спала.

— Что сынъ мой? спросила Катерина.

— Онъ не велѣлъ входить въ его комнату до восьми часовъ, величество, а теперь еще нѣтъ восьми.

— Это запрещеніе не касается до меня, кормилица.

— Приказъ отдавъ для всѣхъ, ваше величество.

Катерина улыбулась.

— Да, знаю, продолжала кормилица! — что никто не смѣетъ ни противиться вашему величеству, — и потому я умоляю васъ не просить блѣдой женщины, и не идти дальше.

— Я должна поговорить съ нимъ.

— Я открою дверь только по формальному приказанію вашего министра.

— Отворяй, я приказываю.

Повелительный голосъ Катерины уважали въ Луврѣ, или, лучше сказать, боялись его больше, чѣмъ голоса самого Карла. Кормилица имѣла ей ключъ, но это было бесполезно. Катерина достала другой изъ своего кармана, и отомкнула дверь.

Комната Карла была пуста, постель не взмита; пара собакъ, лежащихъ на медвѣжьей шкурѣ, встала и начала ласкаться къ королю.

— А! проговорила она, нахмуривъ брови: — онъ вышелъ. Подожду.

Она въ раздумьѣ села къ окну, выходящему во дворъ Лувра; въѣздъ былъ главный входъ во дворецъ.

Часа два просидѣла она блѣдая и неподвижная, какъ мраморная статуя. Вдругъ она увидѣла, что въ Луврѣ въѣзжаетъ отрядъ кавалеровъ, и впереди ихъ Карлъ и Генрихъ. Черезъ нѣсколько минутъ, въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги.

— Генеръ, говорилъ голосъ Генриха: — мы возвратились въ Лувръ: — скажите же, зачѣмъ вы увели меня оттуда и какую услугу оказали мнѣ?

— Ничъ, ничъ, Гапрю, отвѣчалъ Карлъ со смѣхомъ. — Когда забудь, можетъ-быть, ты узнаешь; покажься это тайна. Знай только, что теперь мнѣ придется, вѣроятно, сильно поспорить изъ-за тебя съ ватушкой.

Договаривая эти слова, Карлъ приподнял пологъ двери, и вступилъ лицомъ-къ-лицу съ Катериной.

За нимъ выглядывало блѣдное лицо Генриха.

— А! вы здѣсь! сказалъ Карлъ, нахмуривъ брови.

- Да, отвѣчала Катерина. Мнѣ надо съ тобою поговорить.
 — Со мною?
 — Съ тобою однимъ.
 — Что дѣлать! сказать Карлъ, обращаясь къ своему зятю.
 Отъ этого не избавишься; такъ чѣмъ скорее, тѣмъ лучше.
 — Я оставляю васъ, сказалъ Генрихъ.
 — Да, оставь насъ; ты католикъ, Генрихъ, такъ следи за н
 къ обѣднѣ; я буду слушать проповѣдь.

Генрихъ поклонился и вышелъ.

Карлъ предупредилъ вопросы, которые хотѣла ему слы Катерина.

— Вы ждете меня, чтобъ бранить, не правда ли? скаж онъ, стараясь обратить все въ шутку.—Я разстроилъ вашъ малень кій планъ. Mort d'un diable! Право, я не могъ согласиться, что увели въ Бастилю человека, который спасъ мнѣ жизнь. Не х тѣлъ ссориться и съ вами, — я добрый сынъ. Къ-тому же, пр бавилъ онъ въ-полголоса:—Богъ наказываетъ тѣхъ, кто ссорится матерью: примѣръ—братъ мой Францискъ Н. Простите же я пр знайтесь, что шутка была забавна.

— Вы ошибаетесь, отвѣчала Катерина:—дѣло идетъ не о шутк

— О шуткѣ! Вы согласитесь съ этимъ, или пусть меня черп возьметъ!

— Вы, своей ошибкой, разстроили планъ, который помелъ б насъ къ важнымъ открытіямъ.

— Да, планъ! Неудавшійся планъ не смутитъ васъ: вы сейча же выдумаете двадцать другихъ,—и я готовъ помочь вамъ въ и исполненіи.

— Теперь помощь ваша опоздала: онъ предвѣренъ и буде остерегаться.

— Приступимъ прямо къ дѣлу. Что вы имѣете противъ Генрих

— Онъ заговорникъ.

— Да, понимаю; это ваше вѣчное обвиненіе; да кто же составляетъ заговоры въ этомъ милостивомъ королевскомъ жилищ которое зовется Лувромъ?

— Но онъ больше всѣхъ, и тѣмъ опаснѣе, что никто этого и подозрѣваетъ. Есть только одно средство доказать мнѣ, что я ои баюсь.

— Какое?

— Спроси у Генриха, кто былъ у него въ комнатѣ сегодня ночью.

— У него въ комнатѣ... сегодня ночью?

— Да. И если онъ тебѣ скажетъ...

— Ну?

- Я готова признаться, что ошибалась.
- Но если это была женщина? Нельзя же требовать...
- Женщина?
- Да.
- Женщина, которая убила двух солдат и смертельно ранила Морвеля!
- А! такъ дѣло было не шуточное; и кровь пролили?
- Трое остались на мѣсть битвы.
- А тотъ, кто угостилъ ихъ?
- Ушелъ здоровъ и невредимъ.
- Клянусь Гогомъ и Магогомъ, храбрый человекъ! Вы правы: вы хотите узнать, кто это такой.
- Впередъ говорю вамъ, что вы этого не узнаете, по-крайней-мѣрѣ отъ Генриха.
- Но отъ васъ. Не могъ же онъ убѣжать безъ всякаго слѣда; оставилъ хоть платье.
- Замѣтили только красивый вишневый плащъ.
- Вишневый плащъ! Я знаю только одинъ вишневый плащъ, который можетъ броситься въ глаза.
- Именно. Подожди меня здѣсь; я узнаю, исполнили ли мое приказаніе.

Катерина вышла, и Карлъ остался одинъ; онъ въ разсвѣтѣ ходилъ назадъ-и-впередъ, насвистывая охотничью пѣсню, засунувъ одну руку за пазуху и опустивъ другую, которую собаки лизали, такъ-только онъ останавливался.

Генрихъ, между-тѣмъ, съ безпокойствомъ вышедши отъ Карла, пошелъ не обыкновеннымъ корридормъ, а маленькою потайною кѣлишницею, о которой уже не разъ была рѣчь, и которая вела во второй этажъ. Не прошелъ онъ и четырехъ ступеней, какъ увидалъ на поворотѣ какую-то тѣнь. Онъ остановился и взялся за шпатель; но въ то же время увидѣлъ, что это женщина и мягкій, знакомый ему голосъ сказалъ, схвативъ его за руку:

— Слава Богу! вы здоровы и невредимы! А я ужасно за васъ болала: Богъ услышалъ мою молитву.

— Что такое? спросилъ Генрихъ.

— Узнаете, когда придете домой. Не безпокойтесь объ Ортононѣ, — онъ у меня.

Женщина быстро скрылась, мелькнувъ мимо Генриха, какъ-будто встрѣтилась съ нимъ нечаянно.

— Странно! подумалъ Генрихъ. Что бы могло случиться?—Что стало съ Ортономъ?

Г-жа де-Совъ не могла, къ-несчастью, слышать этого вопроса. Она была уже далеко.

Вдругъ вверху лѣстницы показалась другая тѣнь, но это былъ мужчина.

— Тихе! сказалъ онъ.

— А, это вы, Франсуа?

— Не называйте меня по имени.

— Что тутъ случилось?

— Идите домой и узнайте; потому выйдите въ корридоръ, осмотритесь хорошенько не подсматриваетъ ли кто-нибудь, и войдите ко мнѣ.

И онъ исчезъ съ лѣстницы, какъ исчезаютъ въ театрѣ изъ виду сцену.

— *Ventre-saint-gris!* проговорилъ Беарнецъ: — загадка продолжится: разгадка у меня. — пойдемъ же туда.

Впрочемъ, Генрихъ шелъ не безъ душевнаго волненія. Все что сто отражалось въ этой душѣ, гладкой, какъ зеркало, и вся славянинское имъ предвѣщало какое-то несчастіе.

Онъ подошелъ къ двери своей комнаты и слушалъ. Тамъ было тихо. Впрочемъ, Шарлотта сказала ему, чтобы онъ шелъ домой: следовательно, ему нечего было опасаться. Онъ быстро взглянулъ переднюю: она была пуста; но ничто еще не говорило ему о происшедшемъ.

— Дѣйствительно, сказалъ онъ: — Ортоа цѣтъ.

Онъ вошелъ въ слѣдующую комнату.

Здѣсь все объяснилось.

Не смотря на то, что воды не жалѣли, большія красноватыя пятна видѣлись на полу; одинъ стулъ сломанъ, подоги кроватки разрублены шпагами, пуля разбила венеціанское зеркало, чья-то рука оставила кровавый слѣдъ на стѣнѣ. Все доказывало, что дѣло происходило битва на смерть.

Генрихъ осмотрѣлъ всѣ эти подробности, повелъ рукою до лѣва и проговорилъ:

— Теперь понимаю, какую услугу оказалъ мнѣ король. Одинъ изъ тѣхъ убить меня... А! де-Мун! Что стало съ де-Муном? Ужъ не убили ли его эти негодяи?..

Такъ же пламенно желая услышать новости, какъ д'Алансонъ желалъ сообщить ихъ, — Генрихъ, въ послѣдній разъ мрачно взглянувъ на окружавшіе его предметы, бросился изъ комнаты въ корридоръ; увѣрившись, что въ немъ никого нѣтъ, и, тщательно затворивъ за собою дверь, поспѣшилъ къ герцогу.

Герцогъ ожидалъ его въ первой комнатѣ. Онъ быстро схватилъ Генриха за руку и увлекъ его, приложивъ палецъ къ губамъ, въ маленькій кабинетъ, совершенно-отдѣльный, гдѣ ихъ никто не могъ подслушать.

- Ахъ, братецъ, что за ужасная ночь! снѣзалъ онъ.
- Что же тутъ было? спросилъ Генрихъ.
- Васъ хотѣли арестовать.
- Меня?
- Да, васъ.
- За что?
- Не знаю. Гдѣ вы были?
- Король увелъ меня вчера вечеромъ съ собою въ городъ.
- Такъ онъ зналъ объ этомъ, сказалъ д'Алансонъ. — Но кто же могъ быть, если васъ не было дома?
- Да развѣ у меня быть кто-нибудь? спросилъ Генрихъ, какъ-бы ничего не зная.
- Да, былъ. Услышавъ шумъ, я поспѣшилъ въ вамъ на помощь, и было уже поздно.
- Кто арестовалъ? спросилъ съ безпокойствомъ Генрихъ.
- Нѣтъ, онъ спасся, опасно ранивъ Морвела и убивъ двухъ охот.
- А кто-нибудь де-Муи? воскликнулъ Генрихъ.
- Такъ это былъ де-Муи? живо спросилъ д'Алансонъ. Генрихъ замѣтилъ, что сдѣлалъ ошибку.
- Такъ я, по-крайней-мѣрѣ, предполагаю, сказалъ онъ. — Я назначилъ ему свиданіе, чтобъ условиться на счетъ вашего бѣгства и выдать ему, что уступилъ вамъ всѣ права на престолъ.
- Если узнаютъ, мы погибемъ, сказалъ д'Алансонъ блѣвнѣе.
- Да, Морвелъ скажетъ.
- Морвелъ раненъ въ горло; я разсѣкнута въ мажоръ, вчерашній рана, — раненъ вѣсьма днѣи онъ на мажоръ проконд-ш и слова.
- Восемь дней! Этого спячкомъ-довольно, чтобъ де-Муи былъ въ безопасности.
- Впрочемъ, вѣдь, можетъ-быть, это былъ и не де-Муи.
- Вы думаете?
- Да; онъ исчезъ очень-скоро, и замѣтили только, исчезавшій шумъ.
- Дафстентальдо, видный планъ больше идетъ какому-нибудь юбанику, нежели солдату, де-Муи никогда не станутъ подосрѣ въ волъ виднымъ планцемъ.
- Нѣтъ, Ужъ скорѣе...
- Онъ не договорилъ.
- Скорѣе де-Моля, докончилъ Генрихъ.
- Конечно; я самъ, когда онъ бѣжалъ, не зналъ съ минуту и кого его принять.
- Не зналъ? Что же, и въ самомъ-дѣлѣ, это могъ быть де-Моля.

— Онъ ничего не знаетъ, спросилъ герцога.

— Рѣшительно ничего; по-крайней-мѣрѣ, ничего важнаго.

— Я начинаю убѣждаться, что это точно былъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, это очень огорчить королеву; она приметъ въ немъ большое участіе.

— Участіе, говорите вы?

— Безъ-сомнѣнія. Вы развѣ забыли, что она вамъ его и рекомендовала?

— Да, точно, отвѣчалъ герцогъ глухимъ голосомъ:— и въ то время хотѣлось бы услужить ей, и доказательство: я вѣдалъ его планъ къ бѣгству, опасаясь, чтобъ онъ не изблѣчилъ его.

— Вы поступили очень-благоразумно; теперь я готовъ не только держать пари, готовъ присягнуть, что это былъ онъ.

— Даже и передъ судомъ?

— Да. Онъ вѣрно приходилъ за чѣмъ-нибудь отъ Маргериты.

— Будь я удѣренъ, что вы подтвердите мое показаніе, я готовъ почти обвинить его передъ судомъ.

— Конечно, въ такомъ случаѣ, я не стану говорить противъ васъ.

— А королева?

— Да, королева!

— Надо узнать, что она сдѣлаетъ.

— Я беру это на себя.

— Ей не слѣдовало бы противорѣчить вамъ; онъ проситъ васъ, храбрецомъ, и это ему не дорого будетъ стоить.

Генрихъ съ улыбкою поклонился герцогу, осторожно выйдя въ корридоръ и, увѣрившись, что никто не подсматриваетъ, проворно вышелъ и исчезъ на потайной лѣстницѣ, ведущей въ жилище Маргериты.

Королева наваррская была не спокойна своего мужа. Ее сильно тревожила ночная экспедиція короля, герцога д'Анжу, Гиза и Генриха. Конечно, доказательствъ не было; сторожъ, котораго она заставила ла-Моль и Коконна, утверждалъ, что ничего не сказалъ. Но такія особы, конечно, шли не на удачу и знали, куда и за чѣмъ идти. Маргерита провела остатокъ ночи у герцогини де-Невер и возвратилась домой на разсвѣтѣ. Она тотчасъ легла, но не могла заснуть и вздрагивала при малѣйшемъ шумѣ.

Въ такомъ расположеніи духа она вдругъ услышала стукъ въ потайную дверь, велѣла Гильйоннѣ узнать, кто тамъ, и впустила.

Генрихъ остановился въ дверяхъ; ничто не выказывало въ немъ оскорбленнаго мужа. Обычная улыбка играла на его губахъ, и ни одинъ мускулъ не говорилъ, сколько различныхъ чувствъ пережилъ онъ въ немного часовъ.

Онъ посмотрѣлъ на Маргериту, какъ будто спрашивая, позволаетъ

думала переговорить съ нею немедленно. Она поняла этотъ взглядъ и рѣшила Гильйоннѣ удалиться.

— Я знаю вашу привязанность къ друзьямъ, сказала Генрихъ: — такъ, что пришла сообщить вамъ неприятную новость.

— Какую? спросила Маргерита.

— Одинъ изъ лучшихъ нашихъ слугъ теперь въ очень-занятныхъ обстоятельствахъ.

— Кто?

— Этотъ любимый графъ де-ла-Моль.

— Графъ де-ла-Моль! Какъ это?

— Да по случаю происшествій этой ночи.

Маргерита, не смотря на все умѣнье владѣть собою, не могла не вскрикнуть.

Вконецъ, собравшись съ силами, она спросила:

— Какихъ происшествій?

— Не-уже-ли вы не слышали, какой шумъ происходилъ сегодня въ Луврѣ?

— Нѣтъ, не слышала.

— Такъ поздравляю васъ, сказалъ Генрихъ очень-наивно: — это дѣлаетъ, что у васъ прекрасный сонъ.

— Что же такое случилось?

— Добрая наша матушка дала Морвелю и шести солдатамъ позволеніе арестовать меня.

— Васъ?

— Да, меня.

— За что?

— Кто жь это разгадаетъ? Кто прочтетъ причины въ глубинѣ души? Я уважаю эти причины, но не знаю ихъ.

— И васъ не было дома?

— Нѣтъ, случайно; вы отгадали, меня не было дома. Вчера вечеромъ король пригласилъ меня съ собою; но въ моей комнатѣ на-мѣсто другаго.

— Кого же?

— Должно быть, ла-Моля.

— Ла-Моля! повторила Маргерита въ изумленіи.

— Tuidieu! Этотъ Провансалець молодець! Знаете ли, онъ ранилъ Морвеля и убилъ двухъ солдатъ.

— Ранилъ Морвеля и убилъ двухъ солдатъ?.. Не можетъ быть..

— Не-уже-ли вы сомнѣваетесь въ его храбрости?

— Нѣтъ; но ла-Моль не могъ быть у васъ.

— Отъ-чего?

— Отъ-того... отъ-того... сказала Маргерита съ замѣшательствомъ:

— Онъ былъ въ другомъ мѣстѣ.

— А! Если онъ можетъ доказать это, тогда другое дѣло: скажете, гдѣ онъ былъ, и дѣло кончено.

— Гдѣ былъ? жива повторила Маргарита.

— Конечно. Его сегодня же арестуютъ и допрашиваютъ. Но, къ счастью, есть доказательства...

— Доказательства!.. Какія?

— Человекъ, защищавшійся такъ отчаянно, былъ въ вишневомъ плащѣ.

— Но вишневый плащъ не у одного де-Моль... я знаю одного человека...

— Я тоже знаю... Но вотъ что случится: если въ моей комнатѣ былъ не де-Моль, такъ другой, — а этотъ другой вы знаете кто...

— Боже!

— Въ томъ-то и бѣда. Вы видите его такъ же, какъ и я, и можете это доказывать. Проговоривъ же теперь, какъ люди, которые разсуждаютъ о лучшемъ, что есть въ мирѣ, — о престолахъ и сочайшемъ сокровищѣ жизни... Если де-Моль уходитъ, мы выйдемъ.

— Дѣ, это ясно.

— А де-Моль не изобличитъ никого, если только неспособенъ думать, какую-нибудь исторію — сказать, напримѣръ, что вѣселся съ дамами... мало ли что!

— Если вы опасаетесь только этого, будьте покойны, что бы чего не скажетъ.

— Какъ! Еслибъ даже пришлось умереть?

— Онъ будетъ молчать.

— Вы въ этомъ уверены?

— Ручаюсь.

— Въ такомъ случаѣ, все къ лучшему, сказалъ Генрихъ, вставъ.

— Вы уже уходите? жива спросила Маргарита.

— Дѣ, Боже мой! Мнѣ только объ этомъ и надо было поговорить съ вами.

— И вы...

— Постараюсь выдутьъ всѣхъ изъ этой надпрятной исторіи. Исторію запутаю, какъ вишневый плащъ.

— Бѣдняжка! проговорила Маргарита, ломая руки.

— Правда, этотъ любезный де-Моль вредный слуга, сказалъ Генрихъ, уходя изъ комнаты.

IX.

Д о п р о с ь.

Карль возвратился домой въ веселомъ расположеніи духа; но, поговоривъ десять минутъ съ матерью, онъ какъ-будто передалъ сморъ веселость, взявъ въ замѣнъ ея гнѣвъ и блѣдный цвѣтъ лица.

— Де-ла-Моль, говорилъ Карль:—де-ла-Моль! Надобно позвать Гейриха и д'Алансона. Гейриха, потому-что этотъ молодой человекъ былъ гугенотомъ, — д'Алансона: потому-что онъ у него въ долгу.

— Позови, если хочешь, отвѣчала Катерина: — то-дыко ты отъ ничего не узнаешь. Гейрихъ и Франсуа, кажется, заключили между собою союзъ тѣснѣе, нежели ты предполагаешь. Допрашивай ихъ, значить пробудить въ нихъ подозрѣніе; лучше, я думаю, узнать медденно, въ-продолженіи нѣсколькихъ дней. Если ты не виновнымъ вздохнуть, если они подумаютъ, что укрылись въ твоей прощательности, они станутъ смѣлѣе, и намъ легче будетъ поймать ихъ; тогда мы узнаемъ все.

Карль хохоталъ въ нерѣшимости, прижавъ руку къ сердцу, уязвленному подозрѣніемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ наконецъ:—я не хочу ждать. Сверхъ того, эти волокиты съ каждымъ днемъ становятся отважнѣе; не знаю, какъ сегодня ночью, двое изъ нихъ осмѣлились противиться... Если де-ла-Моль не виноватъ, тѣмъ лучше; но мнѣ хочется знать, гдѣ онъ былъ сегодня ночью, когда въ Луврѣ были шенки шумъ, а въ улицѣ Клон-Персе не было никого. Пусть позвонятъ Катерина, а потомъ Гейриха; я допрошу ихъ по-одиночкѣ. Вы же оставайтесь здѣсь, матушка.

Катерина съела. Ея сильный, непоколебимый духъ могъ изъ всякаго происшествія извлечь для себя пользу. Каждый ударъ давалъ ему или искру. Искра освѣщаетъ, звукъ указываетъ дорогу.

Видѣвъ д'Алансона; разговоръ съ Гейрихомъ привелъ его къ своему сужденію, и онъ былъ довольно покоенъ.

Видѣвъ его бѣгомъ очень-положительно. Мать предупредила его, но онъ оставался у себя, и онъ вовсе не зналъ происшедшаго. Но комната его выходила въ тотъ же корридоръ, куда и шата Гейриха, и онъ слышалъ сперва стукъ, какъ-будто выламываютъ дверь, потомъ клики и выстрѣлы. Тогда онъ рѣшился

открыть свою дверь и увидать багряного человека на красном плаще.

Карль и Катерина обмѣнялись взглядомъ.

— Въ красноватомъ плащѣ? спросилъ король.

— Въ красноватомъ плащѣ, повторилъ Д'Алансонъ.

— И этотъ красноватый плащъ не даетъ вамъ никакого помя?

Д'Алансонъ призвалъ на помощь всѣ силы души, чтобъ съ какъ-можно-естественнѣе.

— Я долженъ признаться вашему величеству, что съ перваго взгляда мнѣ показалось, что я узналъ вишневыя платья одного моихъ придворныхъ.

— Какъ его зовутъ?

— Де-ла-Моль.

— Зачѣмъ же онъ не былъ при васъ, какъ того требовала обязанность?

— Я отпустилъ его.

— Хорошо; идите.

Герцогъ пошелъ къ двери, въ которую вошелъ.

— Нѣтъ, не туда, сказалъ Карль: вотъ сюда. Онъ указалъ на дверь, которая вела въ комнату кормилицы.

Карль не хотѣлъ, чтобъ герцогъ встрѣтился съ Генрихомъ. Онъ не зналъ, что они уже видѣлись и въ несколько минутъ успѣли во всемъ условиться.

По знаку Карла, вошелъ Генрихъ.

Генрихъ не ждалъ вопроса.

— Ваше величество, сказалъ онъ: — прислали за мною очень-кстати, потому-что я самъ хотѣлъ идти къ вамъ просить о правосудии.

Карль нахмурилъ брови.

— Да, о правосудии, продолжалъ Генрихъ. — Во-первыхъ, благодарю ваше величество, что вы взяли меня вчера съ собою; теперь знаю, что вы спасли мнѣ эту жизнь; но въ чемъ же я провинился, что меня хотѣли убить?

— Васъ не хотѣли убить, а арестовать, поспѣшно отвѣчала Катерина.

— Положимъ, что и такъ, сказалъ Генрихъ. — За какое же преступленіе арестовать меня? Если я виноватъ, такъ виноватъ сегодня по-утру столько же, сколько былъ и вчера ввечеру. Скажите моему величеству, въ чемъ состоитъ мое преступленіе?

Карль взглянулъ на мать, не зная, что отвѣчать.

— Вы принимаете у себя подозрительныхъ людей, сказала Катерина.

— Не так ли? Не так ли?

— Да.

— Назовите же имя, кто, судя по всему, был одним из вас...

— Конечно, Генрихъ въ драгъ, требовать, объяснения, сказалъ...

— И я требую его! сказалъ Генрихъ, чувствуя превосходство своего положения: — требую его у брата Карла, у матери Катерины. Развѣ я не вѣлъ себя какъ добрый мужъ съ-тѣхъ-поръ, какъ женился на Маргеритѣ? — спросите у нея; — какъ добрый католикъ? — спросите у моего духовника; какъ добрый родственникъ? — спросите у всѣхъ, кто былъ вчера на охотѣ.

— Это правда, Гаурио, сказалъ король: — да что дѣлать, утверждать, что ты составляешь заговоръ.

— Противъ кого?

— Противъ меня.

— Еслибъ я составлялъ заговоръ противъ васъ, мнѣ стоило бы только предоставить все случаю, когда лошадь ваша не могла встать съ помощью ногей, и когда разъяренный заяръ бѣжалъ прямо на васъ.

— *Mort diable!* Вѣдь онъ правъ, матушка.

— Но кто же былъ у васъ сегодня ночью?

— Я не хочу отвѣчать за другихъ, когда столь немногіе могутъ отвѣчать за самихъ-себя. Я вышла въ семь часовъ вечера; въ десять братъ Карлъ увелъ меня съ собою; я не оставлялъ его во всю ночь. Я не могъ въ одно и то же время быть вѣсть съ его величествомъ и знать, что дѣлается у меня.

— Тѣмъ не менѣе правда, что одинъ изъ вашихъ людей убилъ двухъ солдатъ его величества и ранилъ Морвеля.

— Одинъ изъ моихъ людей! Кто же это? назовите его...

— Всѣ обвиняютъ господина де-ла-Моля.

— Ла-Моль не у меня въ службѣ, а у герцога д'Алансона, которую рекомендовала его ваша дочь.

— Все равно; только ла-Моль ли былъ у тебя въ комнатѣ, Гаурио?

— Какъ мнѣ это знать? Не говорю ни да, ни нѣтъ; ла-Моль прекрасный слуга, очень преданъ королевы Маргеритѣ и часто приходитъ ко мнѣ то отъ нея, то отъ д'Алансона. Я не могу сказать, что это не онъ былъ.

— Это былъ онъ, сказала Катерина: — его узнали по вѣшнему плащу.

— Такъ у ла-Моля вѣшечный плащъ?

— Да.

— И человекъ, такъ хорошо одѣланный жюке солдатъ в М веля...

— Былъ въ вишневомъ плащѣ? спросилъ Генрихъ.

— Именно, отвѣчалъ Карлъ.

— Мнѣ нечего на это возразить, сказала Беарнезъ. — Только кажется, что въ такомъ случаѣ следовало бы призвать не то котораго вовсе не было дома, и ла-Моля, который, какъ вы говорите, былъ у меня въ комнатѣ. Впрочемъ, я долженъ замѣтить вашему величеству одно...

— Что такое?

— Еслибъ я, увидѣвъ приказъ, подписанный вами, началъ защищаться, а не повиноваться, я былъ бы виноватъ и заслужилъ бы строгое наказаніе; но защищался не я, а кто-то неизвестно до котораго это повелѣніе вовсе не касалось. Его хотѣли арестовать несправедливо, и онъ защищался, даже сдѣлалъ ошибку; но онъ былъ правъ.

— Однакожѣ... прѣговорила Катерина.

— Въ приказѣ было сказано, чтобы арестовать меня?

— Да, отвѣчала Катерина: — его величество самъ подписалъ его.

— Но кромѣ того, было ли сказано, чтобы въ случаѣ моего отсутствія арестовать кого найдутъ въ моей комнатѣ?

— Нѣтъ, отвѣдала Катерина.

— Въ такомъ случаѣ, если не докажутъ, что этотъ человекъ в заговоръ со мною противъ его величества, онъ правъ.

— Хотѣвъ, оборотись къ Карлу, Генрихъ продолжалъ:

— Я не уйду изъ Лувра. По вашему слову, я готовъ удалиться въ какую угодно тюрьму. Но пока не докажутъ противнаго, имѣю право называться и называюсь первымъ подданнымъ братомъ вашего величества.

Генрихъ поклонился и вышелъ съ видомъ достоинства, каковаго прежде въ немъ не замѣчали.

— Bravo, Генрио! сказалъ Карлъ, когда Генрихъ ушелъ.

— Bravo! Потому-что онъ побѣдилъ насъ? спросила Катерина.

— Почему же нѣтъ? Когда мы бьемся на рапирахъ, и онъ даетъ мнѣ ударъ, развѣ я не говорю: «bravo!» Напрасно вы его такъ презираете, матушка.

— Я не презираю его, а боюсь, сказала Катерина, сжимая руку Карла.

— Напрасно! Генрихъ мнѣ другъ; онъ сказалъ правду: еслибъ онъ замыслилъ что-нибудь противъ меня, ему следовало бы только предоставить все случаю.

— Да, чтобъ личный врагъ его, д'Анневиъ, сдѣлался королемъ.

— Почему бы Генрихъ не спасъ мнѣ жизнь, но онъ самъ съ...

— Не волнуйтесь! Я не хочу, чтобы это оскорбляло. Что касается до ла-Моля, я поговорю съ д'Алансономъ: онъ у него въ службѣ.

Это значило, что Карль отпускаетъ мать. Она ушла, стараясь удержать въ немъ шаткнй еще подозрѣннй. Ла-Моль былъ такъ смущенъ, что не могъ удовлетворять ея планамъ.

Катерина застала у себя въ комнатѣ Маргериту.

— А! это ты? сказала она. — А я послала за тобою вчера вечеромъ.

— Знаю; но меня не было дома.

— А сегодня поутру?

— Сегодня поутру, какъ вы видите, я пришла сказать вашему министру, что вы готовы сдѣлать величайшую несправедливость!

— Какую?

— Вы хотите велѣть арестовать графа де-ла-Моля.

— Ты ошибаешься; я никого не велю арестовать: король велитъ мнѣ я.

— Не станешь привязываться къ словамъ въ важныхъ обстоятельствахъ. Ла-Моль арестуютъ, не правда ли?

— Можетъ-быть.

— И онъ обвиненъ въ томъ, что былъ сегодня ночью въ комнатѣ короля наваррскаго, убилъ двухъ солдатъ и ранилъ Морвеля?

— Да, онъ въ этомъ обвиненъ.

— И несправедливо: онъ невиновать.

— Невиновать! сказала Катерина, вскочивъ отъ радости и предвзвудъ, что Маргерита что-нибудь ей откроетъ.

— Да, невиновать, повторила Маргерита. — Онъ не можетъ быть виноватъ, потому-что его не было у короля.

— А гдѣ же онъ былъ?

— У меня.

— У тебя!

— Да, у меня.

За это признаніе, Катерина должна бы была прозрѣть взорами испанскую принцессу, но она только сложила на груди руки.

— Если же ла-Моль арестуютъ и стануть допрашивать... сказала она, помолчавъ съ минуту.

— Онъ скажетъ гдѣ онъ былъ и съ кѣмъ, отвѣчала Маргерита, и она была уверена въ противномъ.

— Въ такомъ случаѣ, ты права; его не должно арестовать.

Маргерита вздрогнула: ей показалось, что въ тонѣ, съ которымъ Катерина произнесла эти слова, заключался какой-то таинственный и страшный смыслъ. Но ей нечего было говорить, потому-что прѣдсказаніе было уже принято.

— Такъ если это не ла-Моль былъ у короля, сказала Катерина то кто-нибудь другой?

Маргерита молчала.

— Знаешь ты его?

— Нѣтъ, отвѣчала Маргерита дрожащимъ голосомъ.

— Будь откровенна не вполонину.

— Повторяю вамъ, что не знаю, сказала Маргерита, невѣжливо.

— Хорошо, равнодушно произнесла Катерина.— Узнаютъ! И успокойся; мать стережетъ честь твою.

Маргерита вышла.

— А! воскликнула Катерина:— они за-одно; Генрихъ и Маргарита въ заговоръ. Мужъ слѣпъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ жена на него! Ловко, дѣти мои! и вы, конечно, думаете, что вы очень сильны; но сила ваша въ союзѣ, и я уничтожу васъ по-одина. Придетъ же день, когда Морвель заговорить или будетъ въ состояніи написать нѣсколько буквъ; въ этотъ день мы узнаемъ. Да, только виновный до-тѣхъ-поръ спасется. Лучше всего раздвинуть ихъ сейчасъ же.

И, въ слѣдствіе этой мысли, Катерина опять пошла въ комнату Карла; тамъ застала она д'Алансона.

— А! это вы? сказалъ Карлъ, нахмуривъ брови.

— Зачѣмъ же не прибавить: опять? Это слово заключалося вашей мысли.

— Чтѣ у меня въ мысли, то принадлежитъ только мнѣ, сказалъ король довольно-грубо.— Что вамъ угодно? Говорите скорѣе.

— Вы правы, Карлъ, а вы, д'Алансонъ, ошибались.

— Въ чемъ? спросили они оба.

— У Генриха въ комнатѣ былъ не ла-Моль.

— А! сказалъ, поблѣдивъ, герцогъ.

— Кто же? спросилъ Карлъ.

— Еще неизвѣстно; но мы узнаемъ, когда Морвель будетъ въ состояніи говорить. Оставимъ же это дѣло и возвратимся къ Молю.

— Что же объ немъ толковать, если не онъ былъ у короля вавресскаго?

— Онъ не былъ у короля, сказала Катерина:— онъ былъ у королевы.

— У королевы! повторилъ Карлъ, громко захохотавъ.

— У королевы! сказалъ герцогъ, и поблѣдивъ какъ мертвецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Карлъ.— Гизъ сказалъ мнѣ, что истина тѣмъ носилки Маргериты.

— Ну, да, сказала Катерина:— у нея есть домъ въ городѣ.

- Въ Улицъ-Клош-Персе! воскликнулъ король.
- Кажется, тамъ, отвѣчала Катерина.
- Нѣтъ, это уже слишкомъ! сказалъ д'Алансонъ.—И самой речею имѣдовать мнѣ его!
- Такъ, значить, это онъ, сказалъ король:—защищался противъ насъ сегодня ночью, и бросилъ мнѣ въ голову серебряной кружкой.
- Негодяй! проговорилъ Франсуа.
- Вы правы, дѣти мои, сказала Катерина, какъ-будто не понимая, какія чувства волновали герцога и короля. — Вы правы; малодѣльная нескромность съ его стороны можетъ погубить доброе имя французской принцессы! Стоить ему только напиться.
- Или разхвастаться, прибавилъ Франсуа.
- Конечно, конечно, сказалъ Карлъ.— Однако, мы не можемъ представить это дѣло суду — развѣ Генрихъ подастъ жалобу.
- Сынъ мой, сказала Катерина, положивъ руку на плечо Карла— послушай хорошенько, что я тебѣ скажу. Преступленіе сдѣланное, и могутъ выйдти сплѣтни. Но за подобное оскорбленіе королевскаго величества наказываетъ не судъ и не палачъ; будь вы просто дворяне, мнѣ нечего бы вамъ говорить, вы не трусы; но санъ нашъ не позволяетъ вамъ вызвать его на поединокъ. Подумайте же: какъ отомстить.
- Mort de tous les diables! воскликнулъ Карлъ: — вы правы, я объ этомъ подумую.
- Я помогу вамъ, сказалъ герцогъ.
- А я, сказала Катерина, снимая шелковый снурокъ, три раза расхлывавшій станъ ея:—я ухажу, оставляя вамъ вотъ эту вещь— какъ моего представителя.
- Она бросила снурокъ къ ногамъ ихъ.
- Повнимаю, сказалъ Карлъ.
- Этотъ снурокъ... сказалъ герцогъ, поднимая его.
- Это наказаніе и молчаніе, договорила Катерина. — Только не смѣло бы сговориться и съ Генрихомъ.
- Она ушла.
- Нѣтъ ничего легче, сказалъ д'Алансонъ:—если Генрихъ узнаетъ, что жена обманываетъ его... Такъ вы согласны съ мнѣніемъ шушки? спросилъ онъ, обращаясь къ королю.
- Совершенно согласенъ, сказалъ Карлъ, нисколько не подозревая, что вонзаетъ кинжалъ въ сердце д'Алансона.
- Онъ позвалъ дежурнаго офицера и велѣлъ попросить Генриха; но, одумавшись, сказалъ:
- Нѣтъ, я самъ пойду къ нему. Ты, д'Алансонъ, уведоми Анжу и Гиза.

И онъ пошелъ по маленькой лестницѣ во второй этажъ, комнату Генриха.

X.

Планы мщениа.

Генрихъ воспользовался свободною минутою и побѣжалъ къ пожѣ де-Совъ. Тамъ нашелъ онъ Ортона, совершенно-пришедшій въ память; но Ортонъ могъ ему сообщить только, что къ нему явились какіе-то люди и что предводитель ихъ ударилъ его саблею по головѣ. Объ Ортонѣ никто не заботился; Катерина видѣла его въ обморокъ и сочла за убитаго. Онъ очнулся, когда она уже ушла, а капитанъ, которому поручено было прибраться, еще не приходилъ.

Генрихъ попросилъ госпожу де-Совъ оставить Ортона у себя, такъ какъ онъ не получитъ извѣстій о де-Муи, который не замедлитъ извѣстить его о мѣстѣ, гдѣ скрылся. Тогда онъ пошлетъ Ортона съ отвѣтомъ и, вмѣсто одного, ему можно будетъ разсчитывать на двухъ предавннхъ людей.

Генрихъ возвратился домой и ходилъ взадъ и впередъ въ раздумьѣ, — какъ вдругъ отворилась дверь, и вошелъ король.

— Ваше величество! воскликнулъ Генрихъ, бросаясь къ нему навстрѣчу.

— Это я... Право, Ганрію, ты славный малой, и я люблю тебя часъ-отъ-часу больше.

— Ваше величество слишкомъ-милостивы...

— У тебя только одинъ недостатокъ, Ганрію.

— Какой? Не тотъ ли, въ которомъ ваше величество упрекаютъ меня уже не разъ, — именно, что я предприняваю псовую охоту соколиной?

— Нѣтъ, нѣтъ, Ганрію, я говорю о другомъ.

— Изъяснитесь, сказалъ Генрихъ, замѣтивъ, что Карлъ хорошеетъ расположеніи духа:—и я постараюсь исправиться.

— У тебя хорошіе глаза, а ты не видишь лучше.

— Не-уже-ли я близорукъ, и самъ того не зная?

— Хуже, Ганрію, хуже: ты слѣпъ.

— Право? А можетъ-быть, это несчастіе случается со мною только тогда, когда я закрываю глаза?

— Дѣ, это отъ тебя станется. Во всякомъ случаѣ, я тебя не открою.

Я слушаю, ваше величество.

— Когда Гизъ вчера вечеромъ сказалъ, что встрѣтилъ женою твою въ сопровожденіи какого-то любезника, ты не хотѣлъ верить

— Какъ повѣрить, чтобъ сестра вашего величества была такъ недоброжелательна!

— Когда онъ сказалъ, что она отправилась въ Улицу-Клош-Персе... ты и этому не повѣрилъ?

— Какъ предположить, ваше величество, чтобъ французская принцесса такъ рисковала своею репутаціей?

— Когда мы осаждали домъ въ Улицу-Клош-Персе, при чемъ я тебя пустилъ серебряною кружкой, въ д'Анжу апельсиннымъ цукеромъ, а въ Гиза жаркимъ, ты видѣлъ двухъ женщинъ и двухъ мужчинъ?

— Я ничего не видѣлъ, ваше величество. Вы припомните, конечно, что я допрашивалъ сторожа.

— Да; но я видѣлъ.

— А! если ваше величество видѣли, это другое дѣло.

— Я видѣлъ двухъ женщинъ и двухъ мужчинъ. Теперь я знаю широкое, что одна изъ женщинъ была Марго, и одинъ изъ мужчинъ — да-Моль.

— Такъ какъ же это? Если да-Моль былъ въ улицу Клош-Персе, стало-быть, его не было здѣсь.

— И его действительно здѣсь не было. Но теперь дѣло идетъ не о томъ, кто здѣсь былъ—это узнаютъ, когда болванъ Морвелъ идетъ въ состояніи говорить или писать. Рѣчь идетъ о томъ, что Марго тебя обманываетъ.

— Ни въ вѣрѣе языкамъ!

— Говорю тебѣ, что ты не близорукъ, а слѣпъ. Mortdiable! Не вѣришь ли ты наконецъ, упрямецъ? Повторяю тебѣ: Марго тебя обманываетъ, и мы сегодня же вечеромъ задушимъ предметъ ея стра-

Теперь же отскочилъ отъ изумленія и дико посмотрѣлъ на Карла.

— Прощайся, что въ душѣ ты не претивъ. Марго, конечно, расчленилась какъ сто тысячъ вороновъ; но тѣмъ хуже. Я не хочу, чтобъ ты былъ несчастливъ. Пусть д'Анжу обманываетъ Кондэ, мнѣ все равно: Кондэ мой врагъ. Но ты, ты братъ мой; больше, нежели мать,—ты другъ мой.

— Но, ваше величество...

— Я не хочу, чтобъ тебя обижали; ты и то ужъ давно служишь грушкою для этихъ волокитъ, которые являються сюда изъ провинціи подбирать крохи и ухаживать за нашими женами. Тебя обманули, Ганріо: ате можетъ случиться со всякимъ; но, клянусь, я ставлю тебѣ случай отмстить на славу! Завтра же заговорятъ: можно быть, Карлъ крѣпко любитъ Ганріо: сегодня ночью задушили да-Моля.

— Вы въ-самомъ-дѣлѣ рѣшились на это?

— Рѣшился; мы раздѣляемся съ молодчикомъ сами: я, д'Ан д'Алансонъ и Гизъ. Король, два принца и владѣтельный герц не считая тебя.

— Какъ не считая меня?

— Дѣ, и ты будешь съ нами.

— Я!

— Дѣ, ты; мы его придушимъ, а ты кольни-ка его кинжал по-королевски.

— Вы слишкомъ-внимательны ко мнѣ, ваше величество; вот вы знаете...

— И! *corne du diable!* онъ, должно быть, расквастался. Онъ т дѣло ходитъ къ ней то въ Лувръ, то въ Улицу-Клош-Персѣ. вмѣстѣ сочиняють стихи. Хотѣлось бы прочесть, должно б видѣли. Смотри же, возьми кинжалъ повострѣе.

— Если обдумать хорошенько, ваше величество...

— Что?

— Вы поймете, что мнѣ не годится участвовать въ такой эк дици. Личное присутствіе мое кажется неприличнымъ. Дѣло каса ся меня такъ близко, что изъ этого непременно выведутъ ключевіе о моей жестокости. Вы мстите за честь сестры хвасту который осмѣлился оклеветать жену мою; это очень-просто и безчестить Маргериты, въ невинности которой я увѣренъ; но ес я самъ буду участвовать въ этомъ дѣлѣ, правосудіе превратится мстительность. Это будетъ не казнь, а убійство; жена моя явит уже не оклеветанною, а виновною.

— Умно сказано, Гаврію! Я сейчасъ только говорилъ матушк что ты сметливъ, какъ бѣсъ.

Карлъ ласково посмотрѣлъ на Генриха, отвѣчавшаго поклоно на комплиментъ.

— А, впрочемъ, ты, я думаю, радъ, сказалъ Карлъ:—избавит отъ этого любезника?

— Все, что вы ни дѣлаете, ваше величество, къ лучшему.

— Хорошо, хорошо. Я самъ займусь твоимъ дѣломъ; будь спо коенъ, я сдѣлаю его не хуже тебя.

— Я вполнѣ въ этомъ увѣренъ.

— Когда приходитъ онъ обыкновенно къ женѣ твоей?

— Часовъ около девяти вечера.

— А уходитъ?

— До моего прихода; я его никогда не застаю.

— То-есть?

— Часовъ въ одиннадцать.

— Хорошо; сегодня прійди къ ней въ ночь—дѣло будетъ ур кончено.

Карл дружески пожалъ руку Генриха, повторишь увѣренія въ признанности и ушелъ, насвистывая свою любимую охотничью жию.

— *Ventre-saint-gris!* сказалъ Генрихъ, провожая короля глазами: — ты я крѣпко ошибаюсь, или вся эта чертовщина изобрѣтеніе ко-рочки-матери. Она ужъ не знаетъ, что выдумать, чтобъ поссорить мнѣ съ женою!

И Генрихъ засмѣялся, какъ смѣялся онъ, когда никто не могъ ни слышать, ни видѣть.

Въ тотъ же день, часовъ въ семь вечера, молодой человекъ въ крѣпкой наружности душился и помадился передъ зеркаломъ, ве-реще напивая какую-то пѣсенку.

Всталъ него, на постели, спалъ, или, вѣрнѣе, потягивался дру-гой молодой человекъ.

Одинъ былъ ла-Моль, которымъ такъ много занимались въ-про-шломъ лня, а теперь, можетъ-быть, еще больше, тогда-какъ онъ мнѣ не подозрѣвалъ. Другой — Коконна.

Дѣйствительно, онъ не слышалъ грома и не видѣлъ молніи шу-маншей надъ нимъ грозы. Возвратившись въ три часа утра, онъ про-ждалъ до трехъ часовъ по-полудни, строя воздушные замки на вѣтровой почвѣ будущаго; потомъ всталъ, провелъ часъ на ку-шнѣ, пообѣдалъ у ла-Гюрьера и, возвратившись опять въ Лувръ, скакачивалъ свой туалетъ, собираясь идти къ Маргеритѣ.

— Такъ ты говоришь, что ты обѣдалъ? спросилъ Коконна звая.

— Да, и съ большимъ аппетитомъ.

— Зачѣмъ же ты меня не взялъ съ собою, эгоистъ?

— Ты спалъ такъ крѣпко, что мнѣ не хотѣлось будить тебя. Но равно, ты поужинаешь вмѣсто того, чтобъ пообѣдать. Не за-будь только спросить у ла-Гюрьера анжуйскаго вина, что онъ по-судитъ на-дняхъ.

— А хорошо?

— Спроси только, самъ увидишь.

— А тѣ, куда?

— Я? спросилъ ла-Моль, удивляясь, что Коконна предлагаетъ ему такой вопросъ: — куда? къ королеви.

— Знаешь что? продолжалъ Коконна: — я пойду обѣдать въ мнѣ домикъ въ Улицѣ-Клошъ-Персѣ, дождать вчерашнее? Тамъ еще осталось аликантѣ очень-недурное.

— Это неблагоуразумно, послѣ происшествій сегодняшней ночи. Впрочемъ, ты знаешь, мы дали слово не возвращаться туда одни. Да-ка мнѣ плащъ.

— Да, правда, я и позабылъ. Да гдѣ же, чортъ возьми, твой плащъ? А, вотъ онъ.

— Нѣтъ; это черный; дай, пожалуйста, красный. Онъ бо нравится королеву!

— Ищи же его самъ, сказала Коконна, оглянувшись во стороны:—я его не вижу.

— Какъ? да гдѣ же онъ?

— Должно быть ты продалъ...

— Зачѣмъ? У меня есть еще шесть эю.

— Такъ надѣнь мой.

— Да! желтый плащъ сверхъ зеленого платья, чтобъ прятаться въ попугаю.

— Ты слишкомъ-разборчивъ: Дѣлай какъ знаешь.

Ла-Моль, перерывъ все, началъ уже бранить воровъ, которіе проникаютъ даже въ Лувръ, какъ вдругъ вошелъ пажъ д'Алансона съ знаменитымъ плащемъ въ рукахъ.

— А! вотъ онъ наконецъ! вскрикнулъ ла-Моль.

— Вѣго высочество бралъ его, чтобъ развѣшить паря, котораго онъ держалъ на счетъ его цѣнта.

— Да я спрашивалъ его потому только, что хотѣлъ видѣть, сказалъ ла-Моль:—если онъ еще нуженъ его высочеству...

— Нѣтъ, отвѣчалъ пажъ.

Пажъ вышелъ, ла-Моль надѣлъ плащъ.

— Такъ какъ же ты рѣшился? спросилъ онъ у Коконна.

— Не знаю.

— Застану я тебя вечеромъ здѣсь?

— Какъ тебѣ сказать?..

— Да не-уже-ли ты не знаешь, что будешь дѣлать черезъ два часа?

— Знаю, а можетъ-быть, меня заставятъ дѣлать другое.

— Кто? герцогиня?

— Нѣтъ, д'Алансонъ.

— Дѣйствительно, съ нѣкотораго времени, я замѣчаю, онъ преслѣдуетъ тебя своею дружбою.

— Да.

— Значитъ, ты пойдешь далеко.

— Конечно! младшій принцъ! далеко выведетъ!

— Ну, ему такъ хочется сдѣлаться старшимъ, что Господь-Богъ сотворитъ; можетъ-быть, для него чудо. Такъ ты не знаешь, гдѣ будешь вечеромъ?

— Не знаю.

— Убирайся же къ чорту! Прощай.

— Этотъ ла-Моль ужасный человекъ! сказалъ Коконна.—Вѣдь говори ему, гдѣ будешь! А какъ знать? Что-то хочется спать.

И онъ опять легъ.

Ла-Моль поспѣшилъ къ комнатѣ королевы.

Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ д'Алансона.

— А! это вы, Ла-Моль? сказалъ онъ.

— Я, ваше высочество, отвѣчалъ Ла-Моль, почтительно кланясь.

— Вы идете изъ Лувра?

— Нѣтъ, ваше высочество. Я иду къ ея величеству королевы маррской.

— А когда вы отъ нея воротитесь?

— Ваше высочество имѣете что-нибудь приказать мнѣ?

— Теперь нѣтъ, но мнѣ надо поговорить съ вами ввечеру.

— Въ которомъ часу?

— Отъ девяти до десяти.

— Я буду имѣть честь явиться къ вашему высочеству.

— Я жду васъ.

Ла-Моль поклонился и пошелъ дальше.

— Этотъ герцогъ, подумалъ онъ: — бываетъ иногда бѣднѣе кривца... странно!

Онъ присутствовалъ въ королевѣ. Гильйонна, казалось, ждала его, и тѣмъ же проводила къ Маргеритѣ.

Королева была занята утомительною работою: передъ нею лежалъ испачканный листъ бумаги и томъ Исократы. Она бѣжала Ла-Молью знакъ, что хочетъ окончить параграфъ; потомъ, дописавъ, бросила перо и пригласила его сѣсть вблизи себя.

Ла-Моль никогда еще не былъ такъ хворобъ, такъ веселъ.

— Рѣчь Исократы! сказалъ онъ, взглянувъ на книгу. — Бачемъ это вамъ? А! вы пишете что-то по-латинѣ: Ad Sarmatiae legatos reginae Margaritae concio.

— Такъ вы произнесете къ этимъ варварамъ латинскую рѣчь?

— Нечего дѣлать; если они не говорятъ по-французски.

— Да, какъ же вы готовите отвѣтъ, не зная еще, что они вамъ скажутъ?

— Другая увѣрила бы васъ, что она говоритъ безъ приготовленія; я васъ не хочу обманывать: мнѣ сообщили уже ихъ рѣчь; и я готоваю отвѣтъ.

— Значитъ, они скоро прѣйдутъ?

— Они уже прѣехали сегодня утромъ.

— Никто, однако, этого не знаетъ.

— Они incognito. Торжественный въездъ назначенъ; кажется, послѣ-завтра. Впрочемъ, вы увидите, прибавила она не безъ пантомимы:— моя рѣчь сложена по-цицероновски. Но оставимъ эти мелочи. Поговоримъ лучше о томъ, что съ вами случилось.

— Со мной?

— Да.

— Что же со мною случилось?

— Полноте! какъ ни храбритесь, а вы все-таки немножко-б
дны.

— Да, я переспалъ, виноватъ.

— Ну, я все знаю.

— Такъ сообщите, пожалуйста, и мнѣ; я ничего не знаю.

— Отвѣчайте прямо. Что спрашивала у васъ матушка?

— У меня? Развѣ она хотѣла со мною говорить?

— Какъ? Развѣ вы ея не видѣли?

— Нѣтъ.

— А короля Карла?

— Нѣтъ.

— А короля наваррскаго?

— Нѣтъ.

— Но д'Алансона? Его вы видѣли?

— Да, сейчасъ встрѣтилъ въ корридоръ.

— Что онъ вамъ говорилъ?

— Что имѣетъ кое-что приказать мнѣ часу въ десятомъ.

— И больше ничего?

— Ничего.

— Странно!

— Что жъ тутъ страннаго, скажите?

— Что вы ничего не знаете.

— Развѣ что-нибудь случилось?

— Несчастный! Вы цѣлый день висѣли надъ пропастью!

— Я?

— Да, вы.

— Какъ такъ?

— Слушайте. Сегодня ночью хотѣли арестовать короля наварр
скаго, и застали въ его комнату де-Мун. Онъ убилъ троихъ
убѣжалъ; заметили только его вишневыи плащъ.

— Ну?

— Этотъ плащъ обманулъ уже разъ меня: теперь онъ обманулъ
другихъ. Васъ подозреваютъ, васъ даже обвинили въ этомъ трѣ
номъ убійствѣ. Поутру хотѣли арестовать васъ, судить... кто зна
етъ! можетъ-быть и осудить. Вы не захотѣли бы объявить, рад
своего счастья, гдѣ вы были? Не такъ ли?

— Объявить, гдѣ я былъ? Выдать васъ? Нѣтъ! Вы правы: я
весело умру, чтобъ избавить васъ отъ слезъ.

— Увы! А я очень бы плакала!

— Какъ же утихла эта буря?

— Отгадайте.

— Не знаю.

— Было только одно средство доказать, что не вы были въ
жизни Генриха.

— Какое?

— Сказать, гдѣ вы были.

— Ну?

— Я сказала.

— Кому?

— Матушкѣ.

— И она...

— И она знаетъ, что я люблю васъ.

— О! сдѣлавъ для меня такъ много, вы можете требовать отъ
меня всего. Вашъ поступокъ, Маргерита, великъ и прекрасенъ!
Жизнь моя принадлежитъ вамъ!

— Надѣюсь; потому-что я вырвала ее у тѣхъ, которые хотѣли
стѣть ее у меня. Теперь вы спасены.

— И вами, обожаемая королева! воскликнулъ ла-Моль.

Громкій шумъ заставилъ ихъ вздрогнуть. Ла-Моль въ ужасъ от-
ступилъ назадъ; Маргерита съ крикомъ устремила глаза на разби-
тое окно.

Камень, величиною въ яйцо, влетѣлъ въ это окно и катился еще
въ полу.

Ла-Моль тоже увидѣлъ разбитое стекло и догадался о причинѣ
шума.

— Чтѣ за дерзость! воскликнулъ онъ, бросаясь къ окну.

— Пойдите, сказала Маргерита: — къ камню, кажется, что-то
привязано.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ-будто бумажка.

Маргерита бросилась къ камню и сняла съ него тонкую полоску
бумаги, опоясывавшую его посерединѣ.

Бумажка была привязана ниткой, конецъ которой выходилъ въ
разбитое окно.

Маргерита развернула бумажку и прочла.

— Несчастный! воскликнула она.

Она подала записку ла-Молю, блѣдному и неподвижному, какъ
статуя Ужаса.

Ла-Моль, съ сердцемъ, сжатымъ болѣзненнымъ предчувствіемъ,
прочелъ:

«Ла-Моля ждутъ съ длинными шпагами въ корридорѣ, вѣдущемъ
къ д'Алансову. Можетъ-быть, онъ сочтетъ за лучшее спастись въ
то окно и присоединиться къ де-Муи въ Нантъ...»

— Ихъ шпаги не длиннѣе моей, сказалъ ла-Моль.

— Да, только ихъ десять противъ одной.

— Какой же другъ бросилъ намъ записку?

Маргерита взяла записку изъ рукъ молодого человека и жадно на нее взглянула.

— Почеркъ короля наваррскаго! сказала она. — Если онъ пренебрегаетъ, значитъ, опасность дѣйствительна. Вѣдите, ла-Моль бѣгите! Я васъ прошу объ этомъ.

— Но какъ бѣжать?

— Въ окно; тутъ сказано: «въ окно».

— Прикажите,—и я спрыгну, хотя бы разбился въ дребезги

— Пойдите, пойдите. На ниткѣ висить, кажется, какая тяжесть.

— Посмотришь.

Она притянула предметъ, висѣвшій на ниткѣ, и съ невыразимой радостью увидѣла лѣстницу, сплетенную изъ волосъ и шелка.

— Вы спасены! сказала Маргерита.

— Небо сотворило чудо!

— Нѣтъ; прѣстолъ, вѣдь помогъ король наваррскій.

— А если это ловушка? Если эта лѣстница порвется подъ ногами? Вы признались сегодня въ любви ко мнѣ...

Маргерита, на лицо которой радость вызвала всегдашній румянецъ, опять страшно поблѣднѣла.

— Вы правы. Это дѣло возможное, сказала она, и бросилась къ двери.

— Что вы хотите дѣлать? спросилъ ла-Моль.

— Увѣриться лично, дѣйствительно ли васъ ждутъ въ корридорѣ?

— Нѣтъ, ни за что! Гнѣвъ ихъ можетъ обратиться на васъ.

— А что они сдѣлаютъ французской принцессѣ и королеви? дважды неприкосновенна.

Маргерита произнесла эти слова съ чувствомъ достоинства. ла-Моль ясно понялъ, что ей нѣчего опасаться и что онъ долженъ позволить ей дѣйствовать, какъ она хочетъ.

Маргерита поручила ла-Молю надзору Гильдонны, представивъ ему, смотря по обстоятельствамъ, бѣжать или ожидать ея возвращенія. Она вышла въ корридоръ, который велъ въ библиотеку, разные приемныя залы, а въ самомъ концѣ примыкалъ къ отелю кенійю короля, королевы-матери и потаенной лѣстницѣ, ведшею къ д'Алансону и Генриху. Хотя было еще не позже девяти, всѣ лампы были погашены, и, исключая слабого свѣта, выходившаго изъ-за поворота, въ корридорѣ царствовала совершенная темнота. Маргерита шла впередъ твердыми шагами; прошедъ около третьей части корридора, она услышала, что кто-то тихонько перешептывается. Но говоръ прекратился въ ту же минуту, какъ-будто въ-сдѣйстви-

что-то повелѣнія, и воцарилась прежняя тишина и мракъ. Слабый свѣтъ сдѣлался еще слабѣе.

Маргерита продолжала идти прямо на встрѣчу опасности, если та опасность действительно существовала. Она была, по-видимому, спокойна, хотя скорченныя пальцы и доказывали ея нервное раздраженіе. Мрачная тишина все увеличивалась; тѣнь, какъ-будто съ руки, заслоняла дрожащій, отдаленный свѣтъ.

Вдругъ, когда она дошла до поворота, кто-то сдѣлалъ шагъ впередъ, раскрылъ ручной фонарь и сказалъ: вотъ онъ!

Маргерита стояла лицомъ-къ-лицу противъ брата Карла. За нимъ стоялъ герцогъ д'Алансонъ, съ шелковымъ снуркомъ въ рукѣ. Поцѣлы виднѣлись тѣни двухъ другихъ человѣкъ; свѣтъ отражался только отъ обнаженныхъ шпагъ въ ихъ рукахъ.

Маргерита окинула взоромъ всю картину. Она сдѣлала надъ собою страшное усиліе, и отвѣчала Карлу улыбаясь:

— Вы хотѣли сказать: вотъ она!

Карлъ отступилъ на шагъ. Прочіе оставались неподвижны.

— Это ты, Марго, сказалъ онъ: — куда тѣ идешь въ такое время?

— Да развѣ такъ поздно? спросила она.

— Я спрашиваю тебя, куда тѣ идешь?

— За рѣчами Цицерона; кажется, я оставила ихъ у матушки.

— И безъ свѣчи?

— Я думала, что корридоръ освѣщенъ.

— Ты изъ своей комнаты?

— Да.

— Чѣмъ же ты занята сегодня ввечеру?

— Я przygotowляю рѣчь къ польскимъ посланникамъ. Вѣдь завтра назначено представить въ советъ всѣ рѣчи нашему величеству:

— А не помогаетъ ли тебѣ кто-нибудь?

Маргерита собрала всѣ свои силы.

— Да, отвѣчала она: — ла-Моль; онъ очень-ученъ.

— Такъ ученъ, сказалъ д'Алансонъ: — что я просилъ его, когда онъ кончитъ занятія съ вами, прійти ко мнѣ и помочь мнѣ.

— И вы ждали его? спросила Маргерита самымъ естественнымъ тономъ.

— Да, отвѣчалъ герцогъ съ нетерпѣніемъ.

— Такъ я вамъ пришлю его; мы кончили.

— А книга-то? сказалъ Карлъ.

— Я пошлю за нею Гильйонну.

Братья обмѣнялись знакомъ.

— Ступай, сказалъ Карлъ: — а мы, господа, пойдемте дальше.

— Вы ищете чего-нибудь? спросила Маргерита.

— Краснаго человѣка, отвѣчалъ Карлъ.—Вы не знаете, что кой-то красный человѣкъ посѣщаетъ Лууръ? Вотъ, д'Алансонъ вѣрждаетъ, что видѣлъ его, и мы его отыскиваемъ.

— Желаю вамъ успѣха, сказала Маргерита.

Она ушла, и уходя оглянулась еще разъ. На стѣнѣ отража четыре человѣческія тѣни, одна возмѣ другой, какъ-будто сѣялась.

Въ одну секунду она очутилась у своихъ дверей.

— Отвори, Гильйонна, отвори!

Гильйонна отворила.

Маргерита бросилась въ комнату. Ла-Моль ждалъ ее спокойно со шпагою въ рукахъ.

— Бѣгите! сказала она. — Бѣгите, не теряя ни минуты! Ождутъ васъ въ корридорѣ, чтобъ убить.

— Вы приказываете? спросилъ ла-Моль.

— Да. Мы должны разстаться, чтобъ опить когда-нибудь удрѣться.

Во время отсутствія Маргериты, ла-Моль прикрѣпилъ лѣстницу къ рѣшеткѣ окна; онъ вскочилъ на окно, и не начиная еще спускаться, нѣжно поцаловалъ руку королевы.

— Если эта лѣстница не что иное, какъ ловушка, если я умру за васъ, Маргерита, вспомните о своемъ обѣщаніи!

— Это не обѣщаніе, это обѣтъ, ла-Моль! Не бойтесь ничего. Прощайте.

Ла-Моль не слѣзъ, а соскочилъ внизъ по лѣстницѣ.

Въ то же время постучались у дверей.

Маргерита проводила ла-Моля взоромъ по опасной дорогѣ и оглянулась назадъ только тогда, когда увѣрилась, что онъ благополучно сталъ на землю.

— Ваше величество! сказала Гильйонна.

— Чтò тамъ?

— Король стучится.

— Отвори.

Гильйонна повиновалась.

Всѣ четверо явились на порогѣ.

Карлъ вошелъ.

Маргерита поспѣшила ему на встрѣчу съ улыбкою.

Король быстро оглянулся во всѣ стороны.

— Чего вы ищете? спросила она.

— Я... ищу... я ищу—согоеuf! Я ищу ла-Моля!

— Ла-Моля?

— Да; гдѣ онъ?

Маргерита взяла брата за руку и подвела къ окну.

Для человека верхомъ вскачь удалялись со двора; одинъ изъ нихъ снялъ свой шарфъ и въ знакъ прощанія махалъ въ полумрачнѣею тканью. Это были ла-Моль и Ортонъ.

Маргерита указала на нихъ Карлу.

— Что это значить? спросилъ король.

— Это значить, отвѣчала Маргерита: — что г. д'Алансонъ можетъ спрятать свой снурокъ въ кармаиъ, а д'Анжу и Гизъ вложить шпиги въ ножны, потому-что имъ не дождаться ла-Моля въ корридоръ.

XI.

Атриды.

Возвратившись въ Парижъ, герцога д'Анжу еще не видѣлся на свободѣ съ Катериною.

Онъ былъ ея любимымъ сыномъ, и это свиданіе было для него истинною обязанностью этикета, не тягостнымъ церемоніаломъ, не сладкимъ исполненіемъ сыновняго долга. Если онъ и не любилъ своей матери, то по-крайней-мѣрѣ былъ совершенно увѣренъ въ ея къ нему любви.

Катерина дѣйствительно предпочитала его прочимъ сыновьямъ своимъ за храбрость.

Катерина одна знала о возвращеніи д'Анжу въ Парижъ. Карлъ случайно встрѣтилъ его близъ отеля Кондэ, когда тотъ выходилъ изъ дома. Карлъ ожидалъ его только на другой день; д'Анжу надѣялся скрыть отъ него цѣль, съ которою пріѣхалъ днемъ раньше, именно: свиданіе съ Марією клевскою, принцессою де-Кондэ, и свиданіе съ польскими послами.

Объ этомъ-то послѣднемъ дѣлѣ, д'Анжу надо было поговорить съ матерью.

Когда герцогъ д'Анжу, давно-ожидаемый, вошелъ къ матери, Катерина, всегда холодная и безстрастная, Катерина, со времени отъѣзда любимаго сына страстно обнимавшая одного Колиньи наканунѣ его смерти, встрѣтила сына съ отверстыми объятіями и прижала его къ груди съ жаромъ, какого трудно было ожидать отъ ея высохшаго сердца.

Потомъ она отошла отъ него, посмотрѣла еще разъ и опять бросилась обнимать.

— Небо позволило мнѣ безъ свидѣтелей обнять мать мою, сказалъ герцогъ:— утѣште же несчастнѣйшаго человека въ мірѣ.

— Что съ тобою? спросила Катерина.

— Дѣла вамъ извѣстныя. Я люблю, я любимъ; но самая эта любовь, которая составила бы счастье другаго, составляетъ все мое горе.

— Объяснись.

— Эти посланники... отъезд мой...

— Да, они пріѣхали, и ты скоро долженъ будешь отправить

— Спѣшить не для чего, но братъ этого захочетъ. Онъ не можетъ видеть меня. Я затемняю его, онъ хочетъ отъ меня избавиться. Катерина улыбнулась.

— Доставляя тебѣ престолъ, несчастный вѣдуносецъ!

— Что за дѣло, матушка! Мнѣ не хочется уѣхать. Мнѣ, французскому принцу, воспитанному въ странѣ самой образованной, вблизи лучшей изъ матерей, любимому прекраснѣйшею изъ женщинъ, вѣхать въ снѣга, на конецъ свѣта, умирать медленною смертью среди этихъ дикарей, напивающихся съ утра и цѣнящихся достоинствомъ короля своего, какъ достоинствомъ бочки, по тому что въ ней содержится! Нѣтъ! я не хочу вѣхать... я умру!

— И эта настоящая причина? Говори откровенно.

Генрихъ протушилъ взоры, какъ-будто не смѣлъ даже матери своей признаться въ томъ, что происходило въ душѣ его.

— Нѣтъ ли другой причины, спросила Катерина: — не столько романтической, но болѣе-основательной... болѣе-политической?

— Не я виновата, если эта мысль закралась въ мою душу и держится въ ней крѣпче, нежели слѣдовало бы; не вы ли сами говорили мнѣ, что гороскопъ, составленный при рожденіи Карла предсказываетъ ему раннюю смерть?

— Да; но гороскопъ можетъ и лгать. Я сама готова теперь поверить, что всѣ эти гороскопы вздоръ.

— Однакоже, вѣдь его гороскопъ предсказывалъ это?

— Въ его гороскопъ упомянуто о четверти вѣка; но не сказано жизни или царствованія.

— Сдѣлайте же такъ, чтобъ я остался. Брату почти двадцать четыре года; черезъ годъ вопросъ будетъ рѣшенъ.

Катерина сильно задумалась.

— Да, сказала она: — это было бы лучше, еслибъ было возможно.

— Подумайте, что за несчастіе, если я променяю французскую корону на польскую. Терзаться тамъ мыслью, что я могъ бы царствовать въ Луврѣ, среди образованнаго, изящнаго двора, вблизи лучшей въ мірѣ матери, совѣты которой избавили бы меня отъ половины трудовъ и заботъ, и которая, привыкнувши раздѣлять бремя правленія съ отцомъ моимъ, конечно, не отказалась бы раздѣлять его и со мною. О! я былъ бы великимъ монархомъ!

— Полно! полно! сказала Катерина, для которой эта будущность была также сладчайшею надеждою. — Не оглядываясь. Не думалъ ли ты о средствахъ устроить это дѣло?

— Конечно, думалъ, и именно потому-то вѣрнѣе днями двумя раньше; братъ думаетъ, что я послѣдилъ для принцессы Диде. Я видѣлся съ Ласко, главнѣйшимъ изъ посланниковъ, и поговорилъ съ нимъ и при первомъ свиданіи постарался сдѣлать такъ, чтобъ только можетъ пробудить въ нихъ ненависть ко мнѣ. Конечно, я успѣлъ.

— Это дурно. Интересъ Франціи долженъ стоять выше личнаго разсчета.

— Но развѣ интересы Франціи требуютъ, чтобъ въ случаѣ необходимости съ братомъ Карломъ взошелъ на престолъ герцогъ д'Алансонъ или король наваррскій?

— Король наваррскій? Нѣтъ, никогда! проговорила Катерина съ тревожнымъ безпокойствомъ.

— Да и братъ д'Алансонъ не лучше и любить васъ не больше Гиза.

— Что же сказалъ Ласко?

— Ласко самъ задумался, когда я началъ требовать, чтобъ онъ просилъ аудиенціи. О, еслибъ онъ могъ написать въ Польнѣ, чтобъ тамъ уничтожили это избраніе!

— Невозможно! Опредѣленіе народнаго собранія свято.

— Да нельзя ли дать имъ, наконецъ, вмѣсто меня, брата?

— Это если не невозможно, по-крайней-мѣрѣ трудно.

— Все равно! Попробуйте, поговорите съ королемъ; сложите все на любовь мою къ Кондэ; скажите, что я влюбленъ до безумія, что я просто сумасшествую. Кстати же, онъ встрѣтилъ меня съ Гизомъ при выходѣ изъ отеля Кондэ; Гизъ славно помогаетъ мнѣ въ этомъ случаѣ.

— Да, для образованія лиги. Ты этого не видишь, а я вижу.

— Вижу очень-хорошо, и все-таки пользуюсь имъ. Чего же лучше, какъ человекъ служить намъ, служба себѣ?

— А что говорилъ король, встрѣтившись съ вами?

— Онъ, кажется, повѣрилъ моимъ словамъ, — то-есть, что любовь привлекла меня въ Парижъ.

— И онъ не спрашивалъ, какъ ты провелъ остатокъ ночи?

— Спрашивалъ. Я ужиналъ у Нантулье и ужасно шумѣлъ, чтобъ всѣ объ этомъ заговорили, и чтобъ король не сомнѣвался, что я дѣйствительно былъ тамъ.

— Такъ онъ не знаетъ, что ты видѣлся съ Ласко?

— Рѣшительно не знаетъ.

— Тѣмъ лучше. Я поговорю ему за тебя; но ты знаешь, на его грубую натуру ничье вліяніе не можетъ подѣйствовать сильно.

— Какое счастье, великъ ли остался! Я полюбилъ бы васъ еще больше, если возможно.

— Если ты останешься, тебя опять ушлютъ на войну.

— Лишь бы не оставлять Франціи.

— Тебя убьютъ.

— Нѣтъ! отъ ранъ не умираютъ... умираютъ отъ скорби, скуки. Но Карлъ не позволить мнѣ остаться, онъ ненавидитъ и

— Онъ завидуетъ тебѣ. Кто жъ тебѣ велитъ быть храбрымъ и стливымъ? Зачѣмъ, двадцати лѣтъ отъ роду, ты выигрываешь сраженія, какъ Цезарь и Александръ? Не открывайся, однакоже, ни му; притворись покорнымъ и ухаживай за Карломъ. Сегодня идетъ совѣтъ для разсматриванія рѣчей, предназначенныхъ для ремоніи; разыгрывай польскаго короля, а остальное жее дѣ Кстатя, что ваша вчерашняя экспедиція?

— Не удалась. Его предувѣдомили, и онъ вылетѣлъ въ окно

— Узнаю же я когда-нибудь, что за злой духъ уничтожаетъ мои планы... теперь я только подозреваю,—и горе ему!

— Итакъ? спросилъ герцогъ.

— Предоставь это дѣло мнѣ.

Она нѣжно поцаловала его въ глаза и проводила изъ своего кабинета.

Вскорѣ за тѣмъ принцы посѣтили Катерину. Карлъ былъ очень въ-духъ: смѣлость сестры восхитила, а не разсердила его. Онъ былъ собственно золъ на ла-Моля, и ждалъ его въ корридорѣ и безъ удовольствія потому только, что это походило нѣсколько на охоту.

Д'Алансоу, напротивъ, былъ разстроенъ. Нерасположеніе его къ ла-Молю превратилось въ ненависть съ той минуты, когда онъ узналъ, что сестра любитъ его.

Маргерита была нѣсколько задумчива. Ей было о чемъ вспоминать и за чѣмъ наблюдать.

Польскіе послы прислали рѣчи, которыя намѣревались произнести.

Маргерита, которой вовсе не говорили о вчерашней сценѣ, какъ будто она никогда не происходила, прочла свой отвѣтъ, и, кроме Карла, всѣ представили также свои отвѣты. Карлъ предоставилъ Маргеритѣ отвѣчать, что она хочетъ. На-счетъ выраженій въ рѣчи д'Алансона былъ онъ очень-разборчивъ, и еще злѣе пиналъ на рѣчи д'Анжу; тутъ онъ, кажется, рѣшился все перемарать и передать.

Это засѣданіе раздражило умы, хотя и не произвело еще никакой вспышки. Генрихъ д'Анжу долженъ былъ почти за-ново передѣлать всю свою рѣчь, и вышелъ, чтобъ немедленно этимъ заняться. Маргерита, не получавшая отъ Генриха никакихъ извѣстій послѣ записки, влетѣвшей въ окно, пошла домой, въ надеждѣ, что

и пойдет съ нею повидаться. Д'Алансонъ примѣтилъ какое-то внимательство во взоръ д'Анжу, замѣтилъ, что онъ значительно раздвинулся съ Катериною, — и пошелъ тоже домой, чтобъ наединѣ разгадать, что тутъ за новая интрига. Карлъ хотѣлъ идти въ кузницу и собственноручно доковать охотничье копье; его останавливала Катерина.

Карлъ остановился и посмотрѣлъ на нее пристально.

— Что еще? спросилъ онъ.

— Одно слово. Мы забыли его, а оно имѣетъ свою важность. Надо назначить день для публичной аудіенціи.

— Да, правда, сказалъ король садясь: — поговоримъ. Когда вы желаете назначить его?

— Я думала, что въ вашемъ молчаніи, въ этой кажущейся заботливости, есть глубокий расчетъ.

— Нѣтъ. Но почему вы такъ думаете?

— Потому, что мнѣ кажется, посламъ не надо давать поводъ думать, что мы нетерпѣливо готовы схватиться за ихъ корону.

— Напротивъ; они же спѣшили сюда изъ Варшавы... Надо отдать имъ честь за честь, учтивость за учтивость.

— Вы можете быть правы въ одномъ отношеніи, такъ же какъ и въ другомъ, могу не ошибаться. Такъ вы думаете, что надо испугать?

— Да; а вы развѣ несогласны?

— Вы знаете, что мои мнѣнія постоянно имѣютъ цѣлью сохраненіе нашей славы; скажу вамъ, что если вы станете спѣшить, васъ легко могутъ обвинить въ желаніи поскорѣе воспользоваться этимъ случаемъ и избавить домъ свой отъ расходовъ, которыхъ неизбежно требуетъ присутствіе вашего брата, но которые онъ, безъ сомнѣнія, вознаграждаетъ заслугами и преданностью.

— Я столько дамъ брату при его отъѣздѣ изъ Франціи, что никто не посмѣетъ и подумать объ этомъ.

— Я сдаюсь; у васъ на всѣ возраженія готовъ отвѣтъ... Но пусть воинственный народъ судить о могуществѣ по наружнымъ знакамъ, и чтобъ принять его пословъ какъ слѣдуетъ, вамъ надо выставить на показъ довольно войска; а его, я думаю, теперь немного собрано въ Иль-де-Франсъ?

— Извините; я предвидѣлъ это обстоятельство и позаботился уже объ этомъ. Два батальона вызваны изъ Нормандіи, одинъ изъ Гіенны; изъ Бретани прибыли вчера стрѣлки; сегодня прійдутъ въ Парижъ легкая конница изъ Турени. Всѣ думаютъ, что сегодня тутъ подѣ командою всего полка четыре, а я сейчасъ же могу выставить двадцать тысячъ.

— А! сказала Катерина съ удивленіемъ: — такъ оставока то за однихъ, да это недолго.

— За чьимъ же?

— За деньгами. Ядумаю, теперь ихъ у васъ не Богъ-знаетъ ско-

— Напротивъ; у меня въ Бастиліи 1,400,000 экю; въ собственной кассѣ оказалось на-двухъ 800,000 экю, которые жать въ подвалахъ Лувра; и, въ случаѣ надобности, Наву дастъ мнѣ еще 300,000 экю.

Катерина наморщилась; Карлъ бывалъ до-сихъ-поръ толъ вспыльчивъ, но не предусмотрителенъ.

— Вы все обдумали, это удивительно! сказала она. — Если то ко портные, швеи и брильянтички поспѣшатъ своею работою, можете дать аудиенцію раньше шести недѣль.

— Шести недѣль! воскликнулъ Карлъ. — Портные, швей брильянтички работаютъ съ того дня, какъ мы узнали о избрѣ брата. По нуждѣ все можетъ быть готово хоть сегодня; въ четыре дня навѣрное все будетъ кончено.

— Вы спѣшите больше, нежели я ожидала.

— Честь за честь, я вамъ уже сказалъ.

— Хорошо. Такъ вамъ лестна эта честь, оказавшая Франціи?

— Конечно.

— И видѣть французскаго принца на престолѣ Польши залъ пламеннѣйшее желаніе?

— Да.

— Следовательно, для васъ важно себѣгис, фактъ, а не лицъ и кто бы тамъ ни царствовалъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, собоюеи! Оставовимся на этомъ. Поляки хоро-ню выбрали. Это воинственная нація; они избираютъ себя въ го судари полководца, — это логически! Д'Анжу созданъ для нихъ Герой Жарнака и Монконтуря приходится имъ какъ перчатка въ руку... Кого же имъ дать? Д'Алансона, труса? Хорошаго они бу дуть мнѣнія о домѣ Валуа! Д'Алансонъ убѣжить отъ первой пу-ли, которая просвиститъ надъ его ухомъ; д'Анжу — другое дѣло въчно со шпагою въ рукахъ, вѣчно идетъ впередъ! Бей, руби кола! Онъ на это ловкій человекъ! У него они будутъ драгис круглый годъ. Онъ плохой питухъ, это правда; но онъ хладис кровно позволять ихъ убивать, — и достаточно. Тамъ онъ будетъ въ своей сферѣ. Въ поле! На битвѣ. Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ побѣдитель! Три раза въ годъ его будутъ провоглад шать императоромъ. Чего же лучше для Франціи и чести домъ Валуа? Можетъ-быть, его и убьютъ, но ченге таюи! славная смерть!

Катерина вздрогнула; глаза ея сверкнули.

— Скажите, что вы хотите удалить Генриха д'Анжу; скажите, что не любите своего брата.

Карль захохоталъ.

— Вы угадали, что я хочу удалить его? Вы угадали, что не люблю его?... Да? еслибъ это и была правда! Любить его, да что же? Что, вы хотите смѣяться?

— Но мѣръ того, какъ онъ говорилъ, на блѣдныхъ щекахъ его являлся лихорадочный румянецъ.

— А онъ меня любитъ? Вы любите? Любилъ ли меня кто-нибудь, исключая шовхъ собакъ, Маріи Тушѣ и кормилицы? Нѣтъ, не люблю моего брата. Я люблю только самого-себя, слышите ли? Не пытаю и ему любить только самого-себя.

— Такъ-какъ вы открываете мнѣ свое сердце, отвѣчала Катерина, одушевляясь въ свою очередь: — я должна вамъ раскрыть мое. Вы дѣйствуете, какъ король слабый, окруженный дурными советниками; вы отсылаете брата, естественную подпору престола, защита, во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго быть вашимъ наследникомъ, и предоставляете корону вашу на произволъ судьбы; вы сами сознаете, что д'Алансонъ молодежь, неспособенъ, слабъ, болѣе нежели слабъ, — малодушень! А Беарнецъ стоитъ на сторожѣ, понимаете?

— Mort de tous les diables! Что мнѣ за дѣло, что будетъ, когда меня не будетъ? Беарнецъ на сторожѣ, говорите вы? Согвоени! Такъ лучше! Я сказалъ, что никого не люблю... я ошибся... я люблю Генрию. Да, я люблю его: онъ смотритъ прямо, и рука у него горяча; а вокругъ меня только лукавые взоры и ледяныя руки. Онъ не способенъ измѣнить мнѣ, въ этомъ я готовъ поклясться. Къ-тому же, я долженъ вознаградить его за сдѣланную ему обиду: у него отравили, на-примѣръ, мать; говорить, будто кто-то изъ моей фамиліи отравилъ ее... Впрочемъ, я здоровъ. Если же захочу, я призову его, не отпущу отъ себя, буду есть только изъ его рукъ, и, умирая, сдѣлаю его королемъ французскимъ и наваррскимъ. Ventre du rare! Онъ будетъ плакать на моемъ гробѣ, а не смѣяться, подобно моимъ братьямъ!

Эти слова какъ громъ поразили Катерину. Она какъ-будто оканувшись, дико посмотрѣла на Карла и, помолчавъ съ минуту, сказала:

— Генрихъ-Наваррскій! Генрихъ-Наваррскій король французскій и сынъ мой! святая Мадонна! Увидимъ! Такъ для этого-то вы хотите удалить моего сына?

— Вашего сына... а я-то кто же? не сынъ ли волчицы, какъ Ронюль? восседянуль Карль, дрожа отъ гнѣва и съ сверкающими взорами.—Вашего сына! Да, вы правы; король французскій не сынъ мнѣ. У французскаго короля нѣтъ ни братьевъ, ни матерей; у него есть только подданные. И ему нѣ къ чему имѣть чувства, — у него есть воля! Онъ можетъ обойтись и безъ любви; но онъ хочетъ повиновенія...

— Вы худо истолковали мои слова; я назвала моимъ сыномъ того, который долженъ ухъать. Въ эту минуту, я люблю его боль-

ше другихъ, потому-что скорѣе другихъ могу потерять его. Пуступленіе ли, если мать желаетъ не разставаться съ сыномъ?

— А я говорю вамъ, что вы разстанетесь: онъ уйдетъ въ Францію, уйдетъ въ Польшу черезъ два дня; если же вы придете хоть словечко, онъ уйдетъ завтра же; если вы не перестанете смотрѣть такъ грозно, я задушу его сегодня же вечеромъ, какъ вчера вы хотѣли, чтобъ задушили любимца вашей дочери. Такъ *этой* не ускользнетъ отъ меня подобно Ла-Моллю!..

Катерина склонила голову, но подняла ее почти тотчасъ же.

— Бѣдное дитя мое! сказала она. — Братъ хочетъ убить тебя. Ничего! будь спокоенъ! Мать тебя защититъ.

— Вы смѣете! воскликнулъ Карлъ. — Клянусь же, онъ умретъ и не ввечеру, а сейчасъ же, сію минуту... Кинжалъ! ножъ!

Карлъ оглянулся, отыскивая глазами какое-нибудь оружіе; онъ замѣтилъ маленькій кинжалъ за поясомъ Катерины, выхватилъ его изъ ноженъ и выбѣжалъ изъ комнаты поразить д'Анжу, какъ только его встрѣтитъ. Но въ передней силы его вдругъ оставили чрезмерное раздраженіе разрѣшилось слабостью. Онъ протянулъ руку, выронилъ клинокъ, вскрикнулъ жалобно — и упалъ.

Кровь потекла изо рта и ноздрей.

— Боже! воскликнулъ онъ. — Они убьютъ меня! Кто мнѣ! кому!

Катерина, слыдя за нимъ, видѣла, какъ онъ упалъ. Она посмотрѣла на него съ минутой безстрастно, не трогаясь съ мѣста; потомъ, опомнившись, не изъ материнской любви, но по затруднительному положенію короля, отворила дверь и закричала:

— Королю дурно. Помогите!

Множество слугъ, офицеровъ, придворныхъ, вдругъ собралось около короля. Но поспѣвшіе всѣхъ прибѣжала женщина, растолкала толпу, и приподняла Карла, блѣднаго какъ смерть.

— Кормилица! Меня хотятъ убить! преговорилъ король, обливаясь кровью.

— Тебя убить, Карлъ мой? сказала она, оглянувъ всѣхъ такимъ взоромъ, передъ которымъ отступила даже Катерина. — Кто хочетъ убить тебя?

Карлъ вздохнулъ и вовсе лишился чувствъ.

— А! Король болѣвъ не на шутку! сказалъ Парѣ, за которымъ тотчасъ же послали.

— Теперь, волею или неволею, а аудіенція будетъ отложена, подумала неукротимая Катерина.

Она оставила короля и пошла къ д'Анжу, который съ нетерпѣніемъ ждалъ въ ея моленной, чѣмъ кончится столь важный для него разговоръ.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПИСЬМА ОБЪ ИЗУЧЕНИИ ПРИРОДЫ.

Письмо третье ().*

ГРЕЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Востокъ не имѣлъ науки; онъ жилъ фантазіей и никогда не устанавливалъ на столько, чтобъ привести въ ясность свою мысль, тамъ же разивалъ ее нвукообразно; онъ такъ расплывался въ безконечную тьму, что не могъ дойти до какого-нибудь самоопредѣленія. Востокъ жиститъ ярко, особенно издали; но человекъ тонетъ и пропадаетъ въ томъ блескѣ. Азія — страна дисгармоніи, противорѣчій; она нигдѣ, ни въ чемъ не знаетъ мѣры, — а мѣра есть главное условіе согласнаго развитія. Жизнь восточныхъ народовъ проходила или въ броженіи страшныхъ переворотовъ, или въ косномъ покоѣ однообразнаго повторенія. Восточный человекъ не понималъ своего достоинства; отъ-того онъ былъ или въ прахѣ валяющійся рабъ, или необузданный деспотъ; тамъ мысль его была или слишкомъ-скромна, или слишкомъ-высокома — то перехватывала за предѣлы себя и природы, то, отрекаясь отъ человеческого достоинства, погружалась въ животность. Религіозная и политическая жизнь Азіатцевъ полна безпокойнымъ метаньемъ и мер-

(* Письма два письма напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» вышеупомянутого года (томъ XXXIX).

твоей тишиною; она колоссальна и ничтожна, бросает взгляды в тельной глубины и ребяческой тупости. Отношение личности къ месту провидится, но неопредѣленно; содержаніе восточной мысли нтъ изъ представленій, образовъ, аллегорій, изъ самаго щепетил. рационализма (какъ у Китайцевъ) и самой громадной поэзіи, въ рой фантазія не знаетъ никакихъ предѣловъ (какъ у Индійцевъ). тинной формы Востокъ никогда не умѣлъ дать своей мысли и не потому-что онъ никогда не уразумѣвалъ содержанія, а только ра выми образами мечталъ о немъ. Объ естествовѣдѣніи и думать не его взглядъ на природу приводилъ къ грубѣйшему пантеизму, и совершеннѣйшему презрѣнію природы. Среди хаоса вносказаній, еовъ, чудовищныхъ фантазій, блестятъ по-временамъ яркія мысли хватывающія душу, и образы чуднаго изящества; они искупаютъ гое и надолго держатъ душу подъ своимъ чарамъ. Къ числу ихъ надлежитъ превосходное мѣсто, избранное нами эпиграфомъ (*). Его водить Колебрукъ изъ индусскихъ философскихъ книгъ. Что мо быть граціознѣе этого образа пестрой, страстной баядеры, отдающ очамъ зрителя? Она неволью напоминаетъ иную баядеру, пляшущ увлекающую Магадеви. Стихи, выписанные нами изъ Гёте, будто мыкаютъ первый образъ; но индійское воззрѣніе до этого не дошло оно остановилось въ своемъ мнѣн, на томъ, что определенное, су только назначено *миновать*; оно не увлекло ни Магадеви, ни браи какого-нибудь, — баядера показалась и ушла; у Гёте, она исторгнута всей блестящей красотъ своей отъ гибели: въ вѣчной мысли есть ми и временному —

Und in seinen Armen schwebet
Die Geliebte mit hervor!

Первый свободный шагъ въ элементъ мышленія совершился, ко человекъ сталъ на благородную европейскую почву, когда онъ выи нулся изъ Азіи: Іонія — начало Греціи и конецъ Азіи. Лишь-тои люди устроились на этой новой землѣ, какъ начали порывать связи связывавшія ихъ на Востокъ; мысль стала сосредоточиваться изъ ф. тастической распущенности, искать выхода изъ смутнаго стремленія моопредѣленіемъ, самообузданіемъ. Въ Греціи человекъ ограничивае для того, чтобъ развить всю безграничность своего духа, дѣлается оп дѣленнымъ для того, чтобъ выйти изъ неопредѣленнаго состоя дремоты, въ которое повергаетъ человека безхарактерная многостор. ность. Вступая въ міръ Греціи, мы чувствуемъ, что на насъ въ. нымъ воздухомъ — это Западъ, это Европа. Греки первые нач. трезвляться отъ азіатскаго омыанія и первые ясно посмотрѣли жизнь, нашла въ ней; она совершенно дома на землѣ — покойны, св. лы, люди. Въ «Иліадѣ», въ «Одиссеѣ» мы можемъ узнать знакомое, р. ственное, а не въ «Магабгаратѣ», не въ «Саконталѣ». Мнѣ всякій ра

(*) Въ началѣ стихъ клеветъ.

является тяжело и неловко, когда читаю восточныя поэмы; это не та среда, въ которой свободно дышетъ человекъ; она слишкомъ-просторна и въ тоже время слишкомъ-узка; ихъ поэмы — давящія сновидѣнія, послѣ которыхъ человекъ просыпается, задыхаясь въ лихорадочномъ состоянн, и еще ему кажется, что онъ ходитъ по косому полу, около котораго мертавы стѣны и мелькають чудовищныя образы, не несущи ничего внимательнаго, ничего роднаго. Чудовищныя фантазіи восточныхъ расцвѣденія были такъ же противны Грекамъ, какъ чудовищныя разнмъ живыхъ—нибудь менноновъ въ семьдесятъ метровъ ростомъ; Греки тогда не смѣшивали высокаго съ огромнымъ, изящнаго съ подавляющимъ; Греки вездѣ побуждали отвлеченную категорію количества—нашихъ нараэонскихъ, въ статуяхъ Праксителя, въ герояхъ поэмъ и вѣстныхъ образахъ Олимпійцевъ. Они постигли, что тайна изящнаго — въ высокой соразмѣрности формы и содержанія внутренняго и внешнего; они поняли, что въ природѣ все развитое блеститъ не огромнмъ чрева, а совсѣмъ напротивъ, сосредоточивается до крайне-необходимого соответствія наружнаго внутреннему; гдѣ наружное слишкомъ-велико — внутреннее бѣдно: моря, горы, степи велики, а конь, олень, голубь, райская птичка малы. Мысль высокой, музыкальной, ограниченной, и именно потому безконечной, соразмѣрности—чуть-ли не главная мысль Греціи, руководившая ее во всемъ; она-то проявилась въ этомъ извѣстномъ созвучіи всѣхъ сторонъ аэпической жизни, которое покрываетъ насъ своею художественною прелестью. Идея красоты была для Грековъ безусловною идеею; она снимала въ-самомъ-дѣлѣ противоположность духа и тѣла, формы и содержанія; изъяская свои статуи, Грекъ всакий разъ изъяскалъ примирительное сочетаніе тѣхъ началъ, которые необузданно поддавались распаленной фантазіи на Востокъ. Мнръ греческій, въ извѣстномъ очертанн, изъ котораго онъ не могъ выйти, не перейдя себя, былъ чрезвычайно-полонъ; у него въ жизни была какаа-то *слитность*, то неуловимое сочетаніе частей, та гармонія и въ предѣлы которыхъ мы склоняемся, созерцая прекрасную женщину; въ этой слитности, до этой виртуозности въ жизни, наукѣ, учрежденнхъ новый мнръ не дошелъ: это тайна, которую онъ не умѣлъ похитить изъ греческихъ саркофаговъ. Есть люди, которымъ греческая жизнь кажется, именно по соразмѣрности своей, по родству съ природою, по естественной ясности, плоскою и неудовлѣтворительною; они пожимають руками, говоря о веселомъ Олимпѣ и его разгульныхъ жителяхъ; они развращаютъ Грековъ за то, что Греки наслаждались жизнью въ то время, когда надобно было мѣять и мучить себя мнимыми страданіями; они не хотятъ забыть, что Греки равно поклонялись свѣтлому челу красавицы и дивическому поступку гражданина, тѣлесной ловкости атлета и діалектики софиста; они ставятъ гораздо-выше ихъ мрачныхъ Египтянъ, да Персовъ; объ Индіи и говорятъ нечего: съ шлегелевой легкой руки, въ двадцать не знали границъ индуопочитанію. Это ничего не доказываетъ; вы можете еще такихъ людей найти, которымъ вообще все доровое противно,—такія искаженныя организаціи, которыя только неестественное наслажденіе считаютъ за истинное; это дѣло психической

патологія. Для насъ, напротивъ, все величіе греческой жизни — в простотѣ, скрывающей глубокое пониманіе жизни; она спокойно утечетъ между двумя крайностями — между погруженіемъ въ чувственную непосредственность, въ которой теряется личность, и потерей ствительности во всеобщихъ отвлеченіяхъ. Воззрѣніе Грековъ намъ жется матеріальнымъ въ сравненіи съ схоластическимъ дуализмомъ съ трансцендентальнымъ идеализмомъ Ньйцевъ; въ сущности егоре должно назвать реализмомъ (въ широкомъ смыслѣ слова), а реализмъ у нихъ является прежде всѣхъ мудрцовъ и ученій. Въре предопредѣленіе, въ судьбу есть въра эмпирія, реализма; она основана безусловномъ признаніи дѣйствительности міра, природы, жакто, что есть, не случайно; оно предопредѣлено, оно неизмѣнимо, должно быть». Такая въра въ судьбу есть, съ тѣмъ вмѣстѣ, въра добжитіе, въ разумъ *νῆπιηλια*. Мысль (легко освободившаяся отъ ие политеизма) съ первыхъ шаговъ должна была дойти до созерцанія судьбы закономъ животворящимъ, началомъ (вусь) всего сущаго; а этомъ началѣ легко воздвигалась вся великая наука ихъ. Мысль Грековъ, никогда недоходившее до последней крайности распадѣнія природой или существующимъ, до непримиримаго противорѣчія безусловнаго съ условнымъ, не вмѣло за то въ себя ничего судорожнаго; оно не считало своего дѣла святотатственнымъ обличеніемъ тайны, преступнымъ пытаніемъ заповѣднаго, чернокнижіемъ, нечистой связью съ тивой силою; напротивъ, оно походило на ясный взглядъ проснушаго человека, который радостно приводитъ въ сознаніе окружающій міръ съ перваго шага понимаетъ, что онъ для того и призванъ, чтобы вивать и возвести въ мысль; интересъ его безкорыстенъ, чистъ, и потому онъ смѣлъ, гордъ; онъ не трепещетъ, какъ адептъ среднихъ-вѣковъ этотъ тать, подсматривающій тайну природы; самыя цѣли ихъ разнородны: одинъ хочетъ знать, хочетъ истины; другой — власти надъ естественнымъ для одного, природа имѣетъ объективное значеніе, а другой только то и добивается, чтобы передѣлать ее, чтобы изъ камня было золото, чтобы земля была прозрачна. Разумѣется, въ этомъ себѣлюбивомъ притязаніи видно свое величіе эпохи, и въ уродливой формѣ средневѣковой алхиміи есть сторона, по которой адептъ выше Грека. Духъ не ставилъ еще самъ предметомъ для Грека; онъ еще не довлѣлъ себѣ безъ природы и, стало-быть, онъ ее не ставилъ, а принималъ ее, какъ роковое событіе; ключъ къ истинѣ не лежалъ внутри человека; этимъ-то ключомъ и считалъ себя алхимикъ. Грекъ не могъ отдѣлаться отъ внешней необходимости; онъ нашелъ средство быть нравственно-свободнымъ признавая ее; этого мало: надобно было самую судьбу превратить въ свободу, надобно было все побѣдять разуму; надобно было выстраивать эту побѣду; но Греки не умѣли страдать; они принимали легко самыя тяжелые вопросы. Неоплатоники поняли это и пошли по яному пути, чего не доставало греческому воззрѣнію, сдѣлалось началомъ и токою отправленія, — но ужъ было поздно. Съ неоплатониковъ начался идеализмъ, какъ господствующее направленіе, какъ единое истинное мышленіе; мысль стала иначе, утратила дѣйствительность и реализмъ

книго-греческой философіи. Соединеніе этихъ сторонъ, быть-можетъ, главная задача грядущей науки (*).

Итакъ званія есть сознательное противоположеніе себя предмету и стремленіе сваять эту противоположность мыслию. Ионійская философія предлагаетъ намъ въ богатомъ и широкомъ развитіи этотъ моментъ. Врожденное сознаніе останавливается предъ природой и ищетъ подыти ея многообразіе единству, чему-нибудь всеобщему, царящему во частнымъ. Это первая потребность человека, когда онъ просыпается отъ неопредѣленныхъ сновидѣній чувственно-непосредственнаго міра, когда онъ перестаетъ удовлетворяться фантазіями и, недоумывая, жаждетъ не образовъ, а пониманія; но этого всеобщаго единства человекъ не ищетъ сначала ни въ себѣ, ни въ духовномъ элементѣ вообще, а въ самомъ предметѣ, и притомъ какъ сущаго,—онъ еще не привыкъ къ непосредственности, что не можетъ разомъ оторваться отъ нея. Предметъ его знанія также непосредственный, данный эмпиріей—природа. Для того, чтобъ себя поставить предметомъ, надобно много шить мыслию, надобно, между-прочимъ, усомниться въ полной дѣйствительности природы. Практически, бессознательно человекъ поступилъ, какъ власть-нмущій надъ окружающимъ міромъ или, лучше, надъ окружающими его частностями,—отрицалъ ихъ самобытность; но теоретически, общимъ образомъ, сознательно онъ не совершилъ еще этого шага. Напротивъ, у человека есть врожденная вѣра въ эмпиризмъ и въ природу, такъ-какъ врожденная вѣра въ мысль; отдаваясь этой вѣрѣ въ физическій міръ, человекъ въ немъ ищетъ «начала всѣхъ вещей», т. е. единства, изъ котораго все происходитъ, къ которому все стремится,—всеобщее, обнимающее всѣ частности. Откуда было Ионійцамъ вѣять такую дерзость, чтобъ обратиться къ груди своей и въ ней искать этого начала? Вспомните, что едва Гёте чрезъ тысячелѣтіе осмѣлился сдѣлать вопросъ: «зерно природы не лежитъ ли въ сердца человека?»—и его не поняли современники! Ионійцы съ отроческою простотою въ самой природѣ искали *начала*; они его искали какъ сущее между существующими, какъ высшую вещественность, составляющую основу прочихъ вещей; ихъ непривыкнувшій къ отвлеченіямъ умъ не могъ иначе удовлетворяться, какъ естественною видностью начала. Ни знаніе, ни мышленіе никогда не начинаются съ полной истины,—она ихъ надъ; мышленіе было бы ненужно, еслибъ были готовые истины, — итъ вѣтъ; но развитіе истины составляетъ ея организмъ, безъ котора-

(*). Влагая главные моменты греческой философіи, я слѣдовалъ «Лекціямъ Гегеля объ исторіи древней философіи». Всѣ мѣста, цитованныя мною изъ Платона, Аристотеля, взяты оттуда. Исторія древней философіи у него отдѣлана до высокаго художественнаго совершенства; кажется, нельзя того же сказать объ его исторіи новой философіи: она бѣдна и мѣстами одностороння, даже пристрастна (напр., какъ мало оцѣнитъ полноту Канта!). Знакомые съ германской философіей увидятъ въ самомъ изложеніи древней философіи нѣкоторыя довольно-важныя отступленія отъ «Лекцій объ исторіи философіи». Я во многихъ случаяхъ не хотѣлъ повторять чисто-абстрактныхъ и пропавшихъ идеализмомъ мнѣній германскаго философа, тѣмъ болѣе, что въ этихъ случаяхъ онъ былъ невѣренъ себѣ и платилъ дань своему вѣку.

что она действительна. Мышлением истина развивается изъ блѣдноты отвлеченнаго, односторонняго опредѣленія до самаго полнаго, конкретнаго, многосторонняго, достигая этой полноты рядомъ самоопредѣленій, непрерывно углубляющихся въ разумъ предмета. Первое, начатое опредѣленіе, самое внешнее, самое неразвитое—зерно, возмозможность сосредоточенность, въ которой потеряны различія; но съ каждымъ шагомъ дальнѣйшаго самоопредѣленія, истина находитъ больше органовъ для своего идеальнаго бытія: такъ разумъ въ поворожденіи становится дѣйствительностью только тогда, когда органы маленчато достаточно разовьются, окрепнутъ, возмужаютъ, когда его мозгъ сделается способенъ вынести разумъ. Но гдѣ же въ природѣ, въ этомъ безпрерывномъ круговоротѣ измѣненій, въ которомъ двухъ разъ не встрѣтишь одну и ту же черту, гдѣ въ ней найти всеобщее начало, по крайней мѣрѣ такую сторону ея, которая всего ближе выражала бы мыслительства и покоя въ безпокойномъ многообразіи физическаго міра? Ничего не могло быть естественнѣе, какъ принятіе воды за это начало: она имѣетъ опредѣленную, стоячей формы; она вездѣ, гдѣ есть жизнь; она вѣчно движется и вѣчно спокойна—

Wasser umflüget
Ruhig das All!

Безъ-сомнѣнія, Фалесъ, признавая началомъ всему волю, имѣлъ въ ней больше, нежели эту волю, текущую въ ручьяхъ. Для него, вода не только вещество, отличное отъ другихъ веществъ земли, воздуха, и вообще текучій растворъ, въ которомъ все распускается, изъ котораго все образуется; въ воду оседаетъ твердое, изъ нея испаряется легкое. Для Фалеса она, вѣроятно, была и образъ мысли, въ которой свято хранится все сущее: только въ этомъ значеніи—широкомъ, полномъ смыслѣ, эмпирическая вода, какъ начало, получаетъ истинно-философскій смыслъ. Вода Фалеса,—существующая стихія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мысль представляетъ первое мерцаніе и просвѣчиваніе идеи сквозь грубую физическую кору, отъ которой она еще не освободилась. Это дѣтское предвѣднѣе единства бытія и мышленія, это фетишизмъ въ сферѣ логики и фетишизмъ превосходный. Вода — спокойная, глубокая среда, вѣчно дѣлательная раздвоеніемъ (сгущаясь, испаряясь),—вѣрнѣйшій образъ понятія, расторгающагося на противоположныя опредѣленія и служащаго связью имъ. Само собою разумѣется, что вода не соответствуетъ тому понятію всеобщей сущности, которое съ нею сопрягалъ Фалесъ; но Фалесъ не такъ важно истинное понятіе воды, какъ именно это понятіе о водѣ: изъ это понятія о водѣ мы узнаемъ его понятіе о началѣ. Въ время неразвитости мышленія, методы, языка, подъ односторонними опредѣленіями кроется несравненно-больше, нежели сколько лежитъ въ строгомъ прозаическомъ смыслѣ высказанныхъ словъ. Мы часто будемъ видѣть, какъ изъ-за неловкаго выраженія проглядываетъ глубокое созерцаніе, и потому весьма-важно усвоить себѣ смыслъ, въ которомъ сама система понимала свои начала. Сказать просто: Фалесъ считаетъ всему началомъ воду, а Пифагоръ число, не заботясь о томъ, что для одного

оставила вода, а для другаго число, значитъ выдать ихъ за полу-
 предельныхъ или за тупоумныхъ. Выраженіе «глоссологія» измѣняетъ
 ихъ; они больше мысли хотять втѣснить въ образъ, ими избранный, не-
 мнѣ онъ можетъ впитать въ себя; но отъ-этого нельзя отрицать или
 обходить тою стороною ихъ мысли, которая, если не нашла досто-
 вѣрнаго выраженія, то навѣрное оставила мощный слѣдъ. Такъ въ
 животныхъ низшей организаціи замѣчаемъ мы указанія, намеки, такъ-
 сказать, на тѣ части и органы, которые вполнѣ развиваются только въ
 высшихъ животныхъ; ненужная, по-видимому, неразвитость есть не-
 обходимое условіе будущаго совершенства. Каждая школа подъ своимъ
 именемъ разумѣла больше формально-высказаннаго, и потому считала
 за начало безусловнымъ, себя въ обладаніи всею истиною — и была
 истина права; напротивъ, слѣдующее за ней воззрѣніе видѣть обыкно-
 венно только формально-высказанное и стремится снять односторон-
 ность, изъясняющую притязаніе на всеобщность, какой-нибудь новой
 притязанностью съ тѣмъ же притязаніемъ; завязывается безпощадная
 борьба, и нападающій тупо не догадывается, что въ-самомъ-дѣлѣ про-
 должителіи момента обладали истиною, но въ несоответственной формѣ;
 остатки же формы замѣнялъ живымъ духомъ своимъ. Съ своей сто-
 роны, проходящій моментъ также мало понимаетъ, что выталкивающій
 его имѣетъ права на то во имя той стороны истины, которою онъ об-
 ладаетъ. Эмпирическимъ носителемъ іонійской мысли о единствѣ не
 была одна вода; она такъ рѣзко индивидуальна, что не можетъ
 удовлетворять всемъ требованіямъ всеобщаго начала. Воздухъ, какъ
 въ первоисточникѣ безвидный, разрѣженный, былъ также принимаемъ
 некоторыми изъ іонійцевъ за начало. Наконецъ, они сдѣлали по-
 пытку совсѣмъ оторваться отъ естественной сущности и перейти въ
 сферу такъ отвлеченій, которыя составляютъ пропелея логики; они от-
 рывали прямо конечное въ пользу безконечной основы въ родѣ матеріи,
 вещества пынѣшнихъ физиковъ; безконечное Анаксимандра было впе-
 чательнѣе, лишнее всякаго качественнаго опредѣленія: таковъ былъ
 первый, полудѣтскій, но твердый шагъ науки. Расходящіяся гометри-
 ческія представленія приводятся къ единству, единство это ищется въ
 природѣ, самобытность частнаго не признается состоятельной предъ
 всеобщимъ началомъ, какъ бы это начало ни было опредѣлено: такое
 ищется единству и всеобщему—настоящій элементъ мышленія. Не-
 много дальновидности надобно было имѣть, чтобъ понять, что противъ
 этого единства полѣтѣнъ не устоитъ. Судьба Олимпа была рѣшена въ
 ту минуту, какъ Фалесъ обратился къ природѣ; отъяскивая въ ней истину,
 онъ, какъ и другіе іонійцы, выразилъ свое воззрѣніе независи-
 мо отъ языческихъ представленій. Жрецы поздно выдумали наказывать
 Анаксгора и Сократа; въ элементъ, въ которомъ двигались іонійцы,
 не было зародышъ смерти элевзинскихъ и всѣхъ языческихъ таинствъ.
 Кто упрекнетъ іонійцевъ въ томъ, что они, принимая за начало эмпи-
 рическую стихію, показали недостаточное понятіе объ элементѣ мысли,
 — будетъ правъ; но, съ другой стороны, пусть онъ одѣшитъ чосто-
 ральный греческій тактъ, заставившій ихъ искать свое начало въ са-

мой природѣ, а не внѣ ея, искать безконечное въ конечномъ, мѣ въ бытіи, вѣчное во временномъ. Почва наукообразная была пріотена вни, *сущее начало* не могло на ней удержаться; но она была собна къ развитію; это была начальная ступень: ступившему на раскрывалась цѣлая лѣстница.

Прежде, нежели мышленіе перешло отъ чувственныхъ и сущи опредѣленій безусловнаго къ опредѣленіямъ отвлеченно-логически оно естественнымъ образомъ должно было попытаться выразить б условное промежуточнымъ моментомъ, найти истину между крайносми сущаго и отвлеченнаго. Эта готовность осуществлять всякую возиность принадлежитъ безпокойному и вѣчно-дѣятельному характеру изни, какъ въ историческомъ мірѣ, такъ и въ физическомъ; органичское развитіе вещества не оставляетъ втунѣ ни одной возможности, призывавъ ея къ жизни. Между чувственными опредѣленіями и опреленіями чисто-логическими, Пифагоръ нашелъ нѣчто постоянное, связующее ихъ, принадлежащее имъ обомъ, не чувственное и не мысличисло. Смыслъ и, слѣдственно, крѣпость мысли пифагорейской о видна; все сущее, принимаемое обыкновенно за дѣйствительность, откинуто, и на мѣсто эмпирическаго существованія поднято и призыва за истину нѣчто невещественное, мыслимое, но притомъ далеко не субъективное, а такъ-сказать, мыслимое, снимаемое съ вещественнаго. «Пифагорейцы» говоритъ Аристотель: «принимали устройство вселенной согласную систему чиселъ и ихъ отношеній». Они исторгли *востолное отношеніе* изъ вѣчной переменности феноменальнаго бытія, и овъ-самомъ-дѣлѣ царить надъ всемъ сущимъ. Математическое мирозерцаніе, основанное пифагорейцами и получившее богатое развитіе иновѣйшія времена, потому и сохранилось чрезъ весь вѣкъ, что въ немъ есть сторона глубоко-истинная; математика стоитъ между логикою и эмпиріей, въ ней уже признава объективность мысли и логичность с бытія; ея враждебное отношеніе къ философій формально не имѣетъ никакого основанія. Само собою разумѣется, что отношеніе предметов моментовъ, фазъ, гармоническіе законы, ихъ связующіе, ряды, копрыми они развиваются, не исчерпываютъ *всего* содержанія ни природни мысли. Пифагорейцы не замѣчали, что подъ числомъ разумали и сравненно-болѣе, нежели сколько лежало въ понятіи числа; они не замѣчали, что въ числѣ остается нѣчто мертвое, безстрастное, превебргающее конкретнымъ содержаніемъ, равнодушная мѣра. Для нихъ и рядокъ, согласіе, гармоническое числовое сочетаніе удовлетворяли всѣмъ требованіямъ, но удовлетворяли потому, что они собственно не останавливались на чисто-математическихъ опредѣленіяхъ; гениальность учителя и пламенная фантазія учениковъ приносили всю полноту содержания, недостававшего началамъ. Это иллогическое дополненіе мы постоянно будемъ встрѣчать во всей греческой философій; это, такъ сказать, перехватывающая субъективность гевія Грековъ, а съ другой стороны—неспособность ихъ къ чистымъ отвлеченіямъ. На этой неощишимости Грековъ отъ реализма и на провидѣніи истины болѣе, нежели на сознаніи, основана полнота распада личности съ природою

двигать міръ. Число, оставленное само на себя, не могло удержаться на той высотѣ, на которую его поставили пифагорейцы: «оно не носило себя начала самодвиженія», какъ замѣтилъ Аристотель. Но для нихъ единица была не только арифметическая единица, первый членъ, шагъ, рядъ, міра, — для нихъ она была, вмѣстѣ съ тѣмъ, безусловнымъ единствомъ, могуществомъ и возможностью самораздвоенія, живородящей монадой, гермафродитомъ, въ себя хранящимъ свое раздвоеніе и не теряющимъ своего единства при развитіи въ многообразіе. Они были такъ проникнуты порядкомъ, согласіемъ, гармоніею, числовымъ ритмомъ, вездѣсущимъ ритмомъ, что для нихъ вселенная представлялась статико-музыкальнымъ цѣлымъ. И кто откажетъ въ величій ихъ представленію десяти небесныхъ сферъ, расположенныхъ по строгому порядку, не только въ извѣстномъ отношеніи къ величинѣ и скорости, а и въ музыкальномъ отношеніи; ринутые въ свое вѣчное движеніе, своимъ орбитамъ свои, она издають согласные звуки, сливающиміся въ цѣль величественный, вселенскій хоралъ. По-видимому, удаленное отъ насъ возгласное, воззрѣніе математики очень-близко ко всему фантастическому и мистическому. Безумнѣйшіе мистики всѣхъ вѣковъ опирались на Пифагора и создавали свою науку чиселъ; въ математическомъ мірѣ имъ есть что-то сумрачно-величавое, аскетическое, плотоумерщавшее: оно-то, вмѣсто реальныхъ страстей, и располагаетъ фантазію въ астрологію, кабалистику, и проч.

Еще шагъ мысли по этому пути обобщенія — и она должна была погрузить послѣднія пути и авиться въ своей области, т. е. оторваться не только отъ чувственнаго, отъ числоваго, но и вообще отъ всякаго дѣйствительнаго опредѣленія, — пожертвовать полнотою многообразія отвлеченному единству всеобщаго. Такой шагъ, съ одной стороны, освобождаетъ мысль отъ всего, ограничивающаго ее, съ другой — ведетъ къ величайшимъ отвлеченностямъ, въ которыхъ все пропадаетъ, въ которыхъ потому и свободно, что пусто. Отрывать предметъ отъ односторонности реальныхъ опредѣленій, значить, съ тѣмъ вмѣстѣ, дѣлать его неопредѣленнымъ; чѣмъ общѣ сфера, тѣмъ она кажется ближе къ истинѣ, тѣмъ болѣе устранено усложняющихъ односторонностей: на-самомъ-дѣлѣ не такъ; сдвигая плечу за плечо, человекъ думаетъ дойти до зерна, а между-тѣмъ, снявъ послѣднюю, онъ вѣрять, что предметъ совсѣмъ исчезъ; у него ничего не остается, кромѣ сознанія, что это не ничего, а результатъ снятія опредѣленій. Очевидно, что такимъ путемъ до истины не дойдешь. По-несчастію, этой очевидности не хотѣли видѣть; напротивъ, обобщая категоріи, очищая предметъ отъ всѣхъ его опредѣленій, качественныхъ и количественныхъ, съ торжествомъ останавливаются на отвлеченнѣйшемъ признаніи тождества его съ собою, и призракъ чистаго бытія принимаютъ за истину дѣйствительно-сущаго; чистое бытіе становится въ родъ духа, улетѣвшаго изъ усопшаго и витающаго надъ трупомъ, безъ силы его оживить. Для логическаго процесса, для феноменологическаго движенія мысли не можетъ быть лучшаго предположенія, лучшей точки отправленія, какъ чистое бытіе, — начало не можетъ быть ни опредѣленнымъ, ни вмѣющимъ посредства:

чистое бытіе именно неопредѣленная непосредственность, — наконецъ въ началѣ не можетъ быть действительной истины, а одна возможность. Дайте какое хотите опредѣленіе, какое хотите развитіе чистому бытію, — оно сдѣлается бытіемъ опредѣленнымъ, действительнымъ и измѣнитъ характеру начала, возможности. Чистое бытіе — пропасть, которой потонули все опредѣленія действительнаго бытія (а между тѣмъ, они-то одни и существуютъ), не что иное, какъ логическая абстракція, такъ-какъ точка, линія—математическія абстракціи; въ началѣ логическаго процесса, оно столько же бытіе, сколько небытіе. Но надобно думать, что бытіе опредѣленное возникаетъ въ-самомъ-дѣлѣ изъ чистаго бытія, — развѣ изъ понятія рода возникаетъ существующій индивидуумъ? мысль начинается съ этихъ абстракцій, и движеніе ея необходимо обличаетъ отвлеченность ихъ и отказывается отъ нихъ вслѣдствіе дальнѣйшимъ движеніемъ. Мысль въ началѣ логическаго процесса именно способность отвлеченнаго обобщенія; конечное и опредѣленное достигаетъ въ мысли безконечности, неопредѣленной сначала, опредѣляющейся цѣлымъ рядомъ формъ, которыя, наконецъ, получаютъ полную опредѣлительность и такимъ образомъ замыкаютъ безконечное и конечное созвательнымъ единствомъ.

Чистое бытіе было принято за истину, за безусловное эдеатиканство: отъ абстракціи чистаго бытія приняли за действительность, *больше действительную*, нежели бытіе опредѣленное, за верховное единство, царящее надъ многоразличіемъ. Такое логическое, холодное, отвлеченное единство безотрадно; въ немъ гибнетъ всякое различіе, всякое движеніе; это вечный покой, нѣмая безграничность, пилить на морѣ, летаргическій сонъ, наконецъ смерть, небытіе. Въ-самомъ-дѣлѣ, эдеатики отрицали всякое движеніе, не признавали истины многоразличія — это индѣизмъ и вѣдантизмъ въ философій. Бытіе свидѣтельствуетъ только о томъ, что оно *есть*; меньше, больше ничего нельзя сказать о предметѣ, какъ то, что онъ есть, — это повтореніе слова «омъ! омъ!» браминномъ, достигшимъ желанной близости къ Вишну, ставшимъ на краю пропасти, къ которой онъ опять стремился, чтобъ освободиться отъ своей индивидуальности. Бытію, для того только, чтобъ быть, нѣтъ нужды въ движеніи; для деятельности надобно, чтобъ бытію чего-нибудь не доставало, чтобъ оно стремилось къ чему-нибудь, боролось съ чѣмъ-нибудь, чего-нибудь достигало бы. Но то, къ чему можетъ бытіе стремиться, было бы вѣчно, — стало-быть, его не было бы. Эдеатики очень-последовательно отрицали движеніе и небытіе. «Бытіе» говорилъ Парменидъ: «есть, а небытія вовсе нѣтъ». Верные реальному такту Грековъ, эдеатики вѣроятно шли до послѣдняго логическаго вывода; ихъ языкъ не повернулся бы признаться, что чистое бытіе тождественно небытію; какъ то инстинктъ шенгаль имъ, что какъ хочешь абстрагируй, но субстратъ, но вещества не уничтожишь, что бытіе самообдѣльшее его существо, но за то и самоотъемлемѣйшее, что его на-самомъ-дѣлѣ уничтожить нельзя, *некуда дѣтъ*; отвернуться только можно отъ него, но не узнать его въ видоизмѣненіяхъ. Въ XVIII столѣтіи, на эту мысль неопредѣленности вещественнаго бытія — попалъ знаменитый Лавуазье. «Выс-

«количества» сказалъ онъ: «не можетъ никогда утратиться, количество матеріи постоянно; отвлекаясь отъ качественныхъ измѣненій, мы остаемся при неизмѣнномъ вѣсѣ». На этой адеатико-левикиповской мысли останавливаясь, онъ взялъ химическіе вѣсы въ руки, — и вы знаете великіе результаты, до которыхъ онъ и его послѣдователи достигли. Долго бороться на страшной всеобщности чистаго бытія мысль человѣческая не могла. Успокоившись въ отвлеченномъ просторѣ чистаго бытія, мы не поняли наконецъ, что этотъ просторъ — совершеннѣйшее безразличіе, безразличіе сходное съ предположеніемъ силы расширительной, дѣйствующей на свободу въ шелинговомъ построеніи физическаго міра: она до того расширяется, не встрѣчая препятствій, что ей тутъ ужъ поздно ее спасать силой сжимательной. Но дѣло въ томъ, что чистое бытіе, такъ же, какъ и безусловное расширеніе, вовсе не действительны; это координаты, употребляемые геометромъ для опредѣленія точки, — координаты, нужные ему, а не точка; проще: чистое бытіе — подмостка, по которой отвлеченное мышленіе поднимается къ реальному. Не только небытія вовсе нѣтъ, но и чистаго бытія нѣтъ, — а есть бытіе, опредѣляющееся, совершающееся въ непрерывномъ процессѣ, котораго отвлеченные и противоположные моменты (бытіе и небытіе), врознь, другъ безъ друга, существуютъ только въ феноменологій сознанія, а не въ мірѣ эмпирико-дѣйствительномъ; эти моменты, отвлеченные отъ процесса, связующаго ихъ, разъяты, — призрачны, невозможны, и истинны только какъ переходныя ступени логическаго движенія; въ существованіи своемъ, напротивъ, они дѣйствительны, и потому нерасторгаемо простираются другъ другу. Бытіе дѣйствительное не есть мертвая косность, непрерывное возникновеніе, борьба бытія и небытія, непрерывное стремленіе къ опредѣленности съ одной стороны и такое же стремленіе отъ нея отъ всякой задерживающей положительности. Геніальное: «все течетъ!» произнеслось Гераклитомъ, — и расплавленный кристаллъ истиннаго бытія устремился вѣчнымъ потокомъ. Гераклитъ поднималъ и бытіе и небытіе — перемѣнявъ, движенію: *все течетъ!* ничто не стоитъ неподвижно, одинаково; все — быстро ли, тихо ли — движется, колеблясь, превращаясь, колеблясь между бытіемъ и небытіемъ. «Воды» говоритъ Гераклитъ: «похожи на стремящійся потокъ; два раза нельзя наступить въ одну и ту же воду» (*). Для него безусловный процессъ восхожденія естественнаго многообразія къ единству; для него дѣйствительное — не страдательная покорность отвлеченной вещественности, не субстратъ движенія, не бытіе движимаго, а то, что необходимо движетъ его, то, что его измѣняетъ. Бытіе у Гераклита движетъ само-въ-себѣ свое отрицаніе, оно неотъемлемо, присуще ему; въ его демоническое начало, сопровождающее его всегда и вездѣ, безусловно противоположное ему, снимающее сотворенное имъ, мѣ-

(*) Тѣмъ же говоритъ Лейбницъ: «только кажется постоянными; они похожи на поплавокъ, плавающій на волнахъ, — на то же самое корабль, который Лейбницъ постоянно чинилъ».

шающее уснуть, окрѣпнуть въ неподвижности. Бытіе живо движени-
 съ одной стороны, жизнь есть не что иное, какъ движеніе безпрер-
 ное, неостанавливающееся, дѣятельная борьба и, если хотите, дѣл-
 ное примиреніе бытія съ небытіемъ, и чѣмъ упорнѣе, злѣе эта бор-
 тѣмъ ближе они другъ къ другу, тѣмъ выше жизнь, развиваемая
 борьба эта вѣчно у конца и вѣчно у начала, — непрерывное извѣ-
 дѣствіе, изъ котораго они выйти не могутъ. Это — бѣличье ко-
 жизни. Животный организмъ представляетъ постоянную борьбу съ с-
 тію, которая всякій разъ восторжествуетъ; но торжество это опять
 пользу опредѣленнаго бытія, а не небытія. Многоначальныя тканя,
 которыхъ составлено живое тѣло, безпрестанно разлагаются на дву-
 чальныя (т. е. на неорудныя, минеральныя), и безпрестанно вновь
 разуются; голодъ возобновляетъ требованія свои, потому-что безп-
 рывно утрачивается матеріалъ; дыханіе поддерживаетъ жизнь и со-
 гаетъ организмъ; организмъ непрерывно вырабатываетъ сожигаем-
 Не кормите животнаго — у него кровь и мозгъ сгорятъ... Чѣмъ бо-
 развита жизнь, чѣмъ въ высшую сферу перешла она, тѣмъ отчаян-
 борьба бытія и небытія, тѣмъ ближе они другъ къ другу. Камень
 раздо-прочнае звѣря; въ немъ бытіе преобладаетъ надъ небытіемъ, о
 мало нуждается въ средѣ, его окружающей, онъ безъ большихъ ус-
 лій, извнѣ на него дѣйствующихъ, не измѣнитъ ни формы, ни соста-
 онъ почти не носитъ въ себя-самомъ причину своего разложенія —
 отъ-того онъ упоренъ; малѣйшее прикосновеніе къ мозгу животнаго
 этой сложной, рыхлой, нетвердѣющей массѣ, повергаетъ его мертвымъ
 малѣйшее неравновѣсіе въ сложномъ химизмѣ крови — и животное ст-
 даетъ, по своему нормальному состоянію, мучится и умираетъ, если
 можетъ побѣдить, т. е. возстановитъ норму. Страдательное, тяжелое б-
 тіе тѣснитъ своей грубой опредѣленностью жизнь: жизнь камня — пост-
 ланный обморокъ; она тамъ свободнѣе, гдѣ ближе къ небытію; она с-
 ба въ высшихъ проявленіяхъ, она тратитъ, такъ-сказать, вещество
 ность на достиженіе той высоты, на которой бытіе и небытіе при-
 ряются, подчиняются высшему единству. Все прекрасное пѣжно, е-
 существуетъ; это цвѣты, умирающіе отъ холоднаго вѣтра въ то время
 какъ суровый стебель крѣпнетъ отъ него, но за то онъ и не бла-
 ухаеть и не пѣветъ пестрыхъ лепестковъ; мгновенія блаженства ед-
 мелькаютъ, — но въ нихъ заключается цѣлая вѣчность... Возникновеніе
 дѣятельный процессъ себяопредѣленія, его противоположные моменты
 (бытіе и небытіе), утрачиваютъ въ немъ свою мертвую косность, при-
 надлежащую отвлеченному мышленію, а не дѣйствительному;
 смерть не ведетъ къ чистому небытію, такъ и возникновеніе не бе-
 ся изъ чистаго небытія, — возникаетъ бытіе опредѣленное изъ бытія о-
 дѣленнаго, которое становится субстратомъ въ-отношенія къ высш-
 моменту. Возникнувшее не кичится тѣмъ, что оно есть: это слишкомъ
 бѣдно, это подразумевается; оно не выставляетъ истинной своей с-
 тождества съ собою, свое бытіе, а напротивъ, раскрываетъ себя
 процессомъ, низводящимъ свое бытіе на значеніе момента. Гераклитъ
 вѣлъ, что истина есть именно существованіе двухъ противоположн-

шатовъ; онъ понялъ, что они сами-по-себѣ не истинны и невозможны, но въ нихъ истинно одно стремленіе тотчасъ перейти въ противоположное. Для него, жившаго за 500 лѣтъ до Р. Х., мысль эта была такъ ясна, что онъ не могъ въ существованіи, въ бытіи видѣть что-нибудь постоянное, кромѣ того начала, которое переходитъ въ противоположное и, съ другой стороны, стремится изъ многообразія къ единству; онъ понялъ это, не смотря на то, что движеніе—собственно было для него событіе неотразимое, событіе роковое; признавая его, онъ почувствовалъ необходимость, отъ которой ключа у него не было. Отъ-чего и ученые мужи нашего времени такъ удивились, такъ тупо не поняли, какъ мысль Гераклита явилась не какъ гениальная догадка, а какъ точное слово методы, проведенной строго, отчетливо, наукообразно? Выраженіе что-ли крутое и отвлеченное: «бытіе есть небытіе» — поразило или, можетъ-быть, ихъ близость въ возникновеніи напугала? Но выраженіе, вырванное изъ живаго развитія, понять нельзя, особенно когда не хотятъ ни знать путей, ни сосредоточить на немъ всего вниманія. Безъ вниманія все неясно,—ни логики не поймешь, ни въ вѣсть не войдешь играть. Практически мы именно гераклитовски смотримъ на вещи; только во всеобщей сферѣ мышленія не можемъ понять того, что даемъ. Не споконъ ли въка сознавали люди, что не мертвая кость сущаго предмета, не его тождество съ собою—полная истина его? Во всемъ живомъ, на-прим., развѣ мы видимъ что-нибудь, кромѣ процесса вѣчнаго преображенія, живущаго, по-видимому, въ одной переменной? Кости—самое твердое бытіе организма, а мы ихъ даже живыми не считаемъ.

Мы забыли, что элеатки, принявъ за основаніе чистое бытіе, не могли смелости признаться, что оно тождественно небытію. Такъ и Гераклитъ, поставившій истинною сущаго начало движущее (сущность), не смелъ до уничтоженія бытія въ силѣ, въ причинѣ движенія, въ субстанции. Греки не распадались такъ глубоко съ эмпирическимъ воззрѣніемъ: когда ихъ мысль приходитъ къ крайнимъ абстракціямъ, тотчасъ являютъ у нихъ взвѣсные образы, фантастическія представленія, подражающія имъ на берегу пропасти. Такъ у Гераклита, вмѣсто послѣднихъ безжалостныхъ выводовъ субстанціального отношенія, вы встречаете время и огонь наглядными представителями процесса движенія. Въ-самомъ-дѣлѣ, время—образъ безусловнаго возникновенія; сущность его состоитъ только въ томъ, чтобъ быть и вмѣстѣ съ тѣмъ не быть; во времени не прошедшее и будущее, а настоящее дѣйствительное; но оно существуетъ только для того, чтобъ не существовать, оно тотчасъ прошло, оно сейчасъ наступитъ, — оно есть въ этомъ движеніи, какъ единство двухъ противоположныхъ моментовъ. Огонь въ природѣ соответствуетъ также превосходно его мысли: огонь сожигаетъ противоположное собою, безусловное безпокойство, безусловное распуцѣніе существующаго, переходимость другаго и самого-себя. Гераклитъ искалъ видѣть огонь; для него вода—потухшій огонь, земля—окрѣпнувшая вода; но земля снова распускается въ моряхъ, испаряется иидъ въ

воздухъ, гдѣ воспламеняется и творитъ воду. Итакъ, вся природа — таморфоза огня. Самыя звѣзды для Гераклита не олажды—ковчеп мертвыя массы: «вода испаряется и осаждается темнымъ процессомъ «свѣтлымъ; темный даетъ землю, свѣтлый поднимается въ воздухъ, «горается въ солнечной атмосферѣ и производитъ метеоры, планеты «звѣзды»; и такъ, онъ возникають слѣдствіемъ того же живаго и подвижнаго, движенія, «все растворяется внутреннею враждою и смятеніемъ къ высшему единству дружбы и гармоніи». «Вселенная «вѣчно-живой огонь, душа ея — пламень, загорающійся и тухнущій «своему закону». Итакъ, мало того, что онъ понялъ природу процессомъ: онъ понялъ ее самодеятельнымъ процессомъ. Однако, изъ этого движенія ничего не исторгается, нѣтъ единства, которое ставилось временнымъ круженіемъ и обличалось бы результатомъ его и его началомъ. Начало движенія у Гераклита — роковая, тягостная необходимая поддерживающая себя въ многообразіи, неизвѣстно для чего врывающаяся себя, какъ неотразимая сила, какъ событіе, но не какъ свободная сознательная цѣль. Цѣли движенію вообще Гераклитъ не далъ; его движеніе конкретнѣе элеатическаго бытія, но оно абстрактно; оно требуетъ цѣли, постояннаго. Прежде, нежели мы скажемъ, какое начало и какую цѣль движенію далъ Анаксагоръ, мы должны показать другой выходъ изъ чистаго бытія, прямо-противоположный Гераклиту, и крайней-мѣрѣ по формальному выраженію: ибо, съ общей точки зрѣнія атомизмъ, о которомъ мы говоримъ, представляеть только дополняющій моментъ, необходимый и неминувый динамизму. Атомизмъ и динамизмъ повторяють полярную борьбу бытія и небытія на более-опредѣленномъ и сжатомъ полѣ. Главная мысль атомизма состоитъ въ отрицаніи чистаго бытія въ пользу бытія опредѣленнаго; злѣсь не отвлеченное бытіе принимается за истину частныхъ, а частное, сама-по-себѣ замкнутая, за истину бытія: это возвращеніе изъ сферы отвлеченной въ сферу конкретную, возвращеніе къ дѣйствительному, эмпирическому, существующему. Дѣйствительнымъ признается единичность, и отбрасывающаяся на распушеніе въ абстрактныхъ категоріяхъ, протестующая противъ элеатическаго чистаго бытія во имя автономіи опредѣленнаго бытія; частное существуетъ для себя и само есть подтвержденіемъ своей качественной и количественной дѣйствительности. Левкиппъ и Демокритъ положили начало этому ученію; съ-тѣхъ-поръ оно шло по параллельной линіи съ главнымъ потокомъ науки, и не сближалась съ нимъ (*); оно твердо оперлось на вѣрное, хотя одностороннее пониманіе природы, и принесло большую пользу естественной наукѣ. Атомизмъ, основанный на признаніи частности, противоположность являетъ неоспоримую неопредѣлимость, личность, такъ-сказать, каждой отдельной точки едванству бытія и движенія, объемлющему ихъ. Въ высшей степени обобщается, въ природѣ все молекулярно, даже то, что намъ кажется совершенно-неизмѣющимъ частей и различія. Движеніе Гераклита

(*) Разъ только въ методологіи Деблана?

необходимости, т. е. фатализму; атомъ имѣетъ цѣль самъ-въ-себѣ, въ своемъ существованіи; онъ существуетъ для себя и достигаетъ своей сосредоточенности; атомизмъ выражаетъ повсюднѣйшій эгоизмъ природы; для него одно стремленіе существовать и истинно — это стремленіе природы къ индивидуализаціи; она представляется ему безусловной разнорядностью, какъ она и есть; но онъ не видитъ, что высшая, сосредоточеннѣйшая личность (человѣкъ) и есть, не смотря на атомизмъ свой, всеобщая, родовая личность, что ея эгоизмъ, ея сосредоточенность есть вмѣстѣ съ тѣмъ и лучезарная любовь. Идеализмъ съ своей стороны не видитъ, что родъ, всеобщее, идея, дѣйствительно не могутъ быть безъ индивидуала, атома; пока идеализмъ не пойметъ этого, атомизмъ не сдѣлается ему; пока тотъ или другой будутъ хотѣть исключительнаго призванія, до-тѣхъ-поръ они останутся въ борьбѣ. Динамизмъ и атомизмъ принадлежатъ къ тѣмъ безвыходнымъ антиноміямъ невольнаго развитія науки, которыя намъ встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Очевидно, что вступающія съ той и съ другой стороны; очевидно даже, что противоположныя воззрѣнія почти одно и то же говорятъ, — у однихъ только истина поставлена на голову, а у другихъ на ноги; противорѣчіе выходитъ видимо-невидимое, а между-тѣмъ, такъ и тянется въ одного момента въ другой; но истину, какъ единство односторонности, какъ снятіе противорѣчія, не любятъ умы, хвастающіеся ясностью. Конечно, односторонность проще: чѣмъ бѣднѣйшую сторону предмета мы возьмемъ, тѣмъ она очевиднѣе, яснѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ неопаснѣе и бесполезнѣе; чѣмъ можетъ быть очевиднѣе формулы $A=A$, и чѣмъ можетъ быть пошлѣе? Возьмите простѣйшую формулу уравненія первой степени съ однимъ неизвѣстнымъ, — она будетъ гораздо-сложнѣе, но зато въ ней заключается мысль, средство опредѣленія искомаго. Принять ту или другую сторону въ антиноміяхъ совершенно ни на чемъ не основано; природа на каждомъ шагѣ учитъ насъ понимать противоположное въ сочетаніи; развѣ у ней безконечное отдѣлено отъ конечнаго, вѣчное отъ временнаго, единство отъ разнообразія? Строгое требованіе «того или другаго» очень-похоже на требованіе: «кошелекъ или лезвѣ!» Храбрый человѣкъ смѣло отвѣтитъ: «ни того, ни другаго, потому-что нѣтъ необходимости для вашего каприза жертвовать тѣмъ или другимъ». Возвращаясь къ Денкипу, замѣтимъ, что для него атомъ не былъ безразличною, мертвою точкой: онъ принималъ полярность великаго и пустоты (опять бытіе и небытіе) и взаимодействіе атомовъ; тутъ онъ и его послѣдователи теряются во внешнихъ объясненіяхъ, принимаютъ случайность, среднѣвѣную и расторгавшую атомы, — случайность дѣлается какой-то свершенной силой, неудовлетворяющей требованіямъ ума.

Анаксагоръ поставилъ началомъ мысль. Разумъ, всеобщее дѣлается источникомъ, дѣятельнымъ двигателемъ; *нусъ* — та дѣятельность, которая въ несовершенствѣ и бессознательно является природою, и которая во всей чистотѣ раскрывается въ сознаніи, въ мышленіи. Въ природѣ *нусъ* проявляется частностями, сущими во времени и пространствѣ; въ сознаніи онъ достигаетъ своей всеобщности и вечности. Анаксагоръ —

«первый трезвый мыслитель» — по выражению Аристотеля, если не прямо высказалъ, что вселенная есть умъ, одъйствворяющійся вачнымъ процессомъ, то онъ повялъ его самодвижущейся душою. Цель движенія: «исполнить все благое, заключенное въ душѣ». Замѣтимъ, такъ, что цель не есть что-либо постороннее мысли; мы привыкли обыкновенно ставить цель съ одной стороны, а достигающаго съ другой; но цель, взятая во всеобщности, сама заключена въ достигающемъ, вмѣ одъйстворяется, — существованіе предмета находится подъ вліаніемъ его цели. Леобразности: то исполнилось, что было; то развивается, что содержится. Живое сохраняется потому, что оно само-себѣ цель; оно и не знаетъ о своихъ целяхъ, оно вмѣетъ земныя стремленія, желанія; эти желанія его — твердыя целеобразныя опредѣленія; какъ бы животное относилось къ окружающей средѣ, — результатомъ ихъ столкновенія и взаимодѣйствія будетъ животный организмъ: оно только себя производитъ. Въ целеобразномъ движеніи результатъ есть начало, исполненіе предшествующаго. Такимъ началомъ принялъ Анаксагоръ разумъ, законъ, и его положилъ въ основу бытію и движенію. Хотя онъ и развилъ всего спекулятивнаго содержанія своего начала, но тамъ же и шагъ, сдѣланный имъ для развитія мышленія, необъятенъ; ели вусъ, заключающій въ возможности все благое, умъ, самосохраняющійся въ своемъ развитіи, вмѣющій въ себѣ мѣру (опредѣленіе), торже ственно воцаряется надъ бытіемъ и управляетъ движеніемъ. У Ювнїи цевъ мы видѣли безусловнымъ началомъ сущее — эмпирическое бытіе поставленное абсолютнымъ; потомъ оно опредѣлилось, какъ чистое бытіе, отвлеченное отъ сущаго, не эмпирическое, не реальное, а логическое, отвлеченное; далѣе, оно представляется, какъ движеніе, какъ полярный процессъ. Но такое движеніе могло быть безвыходнымъ круговоротомъ, безцельнымъ движеніемъ и болѣе ничего, безотраднымъ рядомъ возникновеній, перемѣнъ, перемѣнъ этихъ перемѣнъ, — и такъ и безконечность. Анаксагоръ, ставя началомъ всеобщее, умъ внутри самаго существованія, бытія, движенія, находитъ міродержавную цель, какъ скрытую мысль всемірнаго процесса. Эта скрытая мысль бытія — та же кваска, то начало броженія, движенія, безпокойства, возмущающаго волнующаго бытіе для того, чтобы сдѣлаться открытою мыслию. Въ сознаніи, мы опять встрѣчаемъ демоническое начало, присущее косной вещественности, которое дѣлается уже не демоническимъ, а разумнымъ и это разумное облачается истанкою, совершеніемъ бытія, небытія, движенія, возникновенія. Не надобно думать, что чрезъ это пожертвованіе бытію, и что наука перешла въ сознаніе, какъ въ противоположный элементъ, — тогда всеобщее потеряло бы свое спекулятивное значеніе, стало бы сухою абстракціею; такого рода идеалистическая односторонность принадлежитъ болѣе новой философіи, нежели древней. Гераклитъ и Анаксагоръ коснулись того предѣла, далѣе котораго греческая мысль не шла; они бѣдно и неполно усвоили мысли ту почву, та основанія на которыхъ гиганты греческой науки возросли свое возрѣніе. Почва осталась; движеніе Гераклита и вусъ Анаксагора не исчерпали всего содержания; но отъ нихъ не отречется Аристотель; совсѣмъ напротивъ

и у него пойдутъ краугольными камнями колоссальнаго зданія, возмужаго имъ. Нельзя не замѣтить строго-логической стройности историческаго мышленія у Грековъ, у этихъ избранныхъ дѣтей человѣчества. Элеатическое воззрѣніе неминуемо вело къ гераклитову движенію; движеніе также неминуемо вело къ разумной субстанціи, къ дѣли; во ставило вопросъ — и Анаксагоръ не замедлилъ дать отвѣтъ; вотъ это преемственное развитіе, идущее отъ одного самоопредѣленія истинны и другому въ органической связи и живомъ сочлененіи, называютъ эрадоричнымъ и произвольнымъ замѣненіемъ одного философскаго воззрѣнія другимъ!

Когда мысль человѣческая достигла до этой степени сознанія и силы, когда она окрѣпла въ ней, узнала свою несокрушимую мощь, — явилось въ греческомъ мірѣ зрѣлище блестящее, увлекательное, торжественно юношескаго упоенія въ наукъ. Я говорю объ оклеветанныхъ и измѣненныхъ софистахъ. Софисты — пышные, великодушные цвѣты богатства греческаго духа, выразили собою періодъ юношеской самонадѣянности и удалства; вы въ нихъ видите человѣка, только-что освободившагося изъ-подъ опеки и неполучившаго еще опредѣленнаго назначенія: онъ предается всѣмъ сердцемъ чувству своей воли, своего совершенства, и въ этомъ увлеченіи свидѣтельствуетъ, что онъ еще несовершеннолѣтній; юноша созналъ ужасную власть, находящуюся въ его распоряженіяхъ, ничто не связываетъ его гордаго сознанія, онъ гордится своимъ достоинствомъ, всѣмъ на свѣтъ, т. е. всѣмъ важнымъ для современнаго собственника, и въ то время, какъ тотъ печально качаетъ головой, глядя на его расточительность, юноша презрительно смотритъ на него, держащагося за свои точимыя молью богатства; онъ похвалитъ мѣткость и несостоятельность всего окружающаго; онъ опирается на одно — на свою мысль; это его копье, его щитъ: таковы софисты. Чтѣ за роскошь въ ихъ діалектикѣ! чтѣ за безпощадность! чтѣ за раздѣльность! какая симпатія со всѣмъ человѣческимъ! Чтѣ за матерское владѣніе мыслию и формальной логикой! Ихъ безконечные споры — эти безкровные турниры, гдѣ столько же граціи, сколько силы, были молодецкимъ гарцованьемъ на строгой аренѣ философій; это была юность науки, ея майское утро. Сократъ и Платонъ были врагами софистовъ по праву; они, съ ихъ точки зрѣнія, отреклись отъ нихъ и повели мысль къ болѣе-глубокому сознанію. Но порицатели софистовъ, въ вѣка-въ-вѣкъ повторяющіе плоскія обвиненія, свидѣтельствуютъ только свою ограниченность и сухой прозаизмъ своего разсужденія; они стоятъ на той узенькой точкѣ зрѣнія жанлисовской, не очень-просвѣтленной морали, которую такъ любили добрые аббаты-депутаты нашего прошлаго вѣка, — тѣ самые, которые безпощадно журили Александра-Великаго за пристрастіе къ горячительнымъ напиткамъ, и Юлія-Цезаря — за пристрастіе къ властолюбивымъ мечтамъ. Съ этой точки зрѣнія, ни софистовъ, ни Александра-Македонскаго оправдать нельзя, — но зачѣмъ же не предоставить ея исключительно исправительнымъ судьямъ, занимающимся мелкими проступками и уличными безпорядками? Чтѣ ея употреблѣніе при обсуживаніи всемірно-историческихъ собы-

тѣхъ.. Вмѣсто того, чтобъ останавливаться на опроверженіи обывальскихъ и жалкихъ мнѣній, представимъ себѣ лучше эпоху Поэмленіи Фистовъ въ Греціи.

Сущее оказалось нестрашнымъ для мысли; оно уже давно и потекло по волю какой-то необъяснимой необходимости; раздается, что эта необходимость (цѣль ли, причина ли — все равно — разумъ. Яркая мысль эта брошена отвлеченно, безъ содержанія, безконечная форма, какъ личная догадка; но между-тѣмъ, за раздумьемъ признана власть безмѣрная. Все сущее, отдѣльное, частное для Анагора — моментъ; въ его нусъ термется все опредѣленное, егѣ сущее сама негация, какъ и быть должно; бытіе отразилось въ себѣ, отрекѣ отъ видоизмѣняющейся внѣшности и остановилось на сущности, на истинѣ; сущность же опредѣлялась мыслью, и, слѣдственно, ей надлежитъ безусловная власть отрицанія, власть развѣдающей кислоты, которая все разложитъ, со всѣмъ соединится, чтобъ все улечь; вѣдь, мысль сознала себя могуществомъ, предъ которымъ исчезаетъ всякая состоятельность, не ею поставленная. Все твердое въ бытіи, понятіяхъ, въ правахъ, въ законахъ, въ повѣркахъ — все начинало колебаться и измѣнять себѣ; все, до чего касается горячая струя истины мысли, обличается шаткимъ и несамобытнымъ, и мысль, какъ ній смерти, какъ ангелъ истребленія, весело губитъ и ликуетъ на руинахъ, не давъ себѣ времени подумать, чѣмъ ихъ замѣнить. Это раздолье негации, эту-то мысль, сокрушающую твердое, казнящую мое, выразили собою софисты. У нихъ была страшная откровенность, страшная многосторонность; они популярны, ринуты въ жизнь, не чужды всѣхъ вопросовъ площади и науки; они ораторы, политическіе люди, народныя учителя, метафизики; ихъ умъ былъ гибокъ и ловокъ, ихъ языкъ неустрашимъ и дерзокъ. Отъ-того смѣло и открыто высказали они то, что Греки тайкомъ дѣлали въ практической жизни, такъ какъ даже отъ себя, боясь изслѣдовать — хорошо или нѣтъ такъ поступать и не имѣя силы не поступать противно положительному закону. Софистовъ обвинили въ безнравственности, потому-что они давали гласность сокрытому во тьмѣ, потому-что они высказали семейную тайну греческой жизни. Въ практическихъ сферахъ, въ своихъ дѣйствіяхъ человекъ рѣдко такъ отвлеченъ, какъ въ образѣ мыслей, — тутъ онъ безсознательно-многостороненъ, ибо онъ весь тутъ. Грекъ времени Пелла не могъ привольно жить въ тѣхъ нормахъ жизни, которыя ему были завѣщаны, какъ святое преданіе предковъ, какъ неизмѣнный бытъ для него; завѣщанная жизнь эта была, въ-самомъ-дѣлѣ, преступна и «Иліадъ», въ софокловыхъ трагедіяхъ, — но они ее переросли и голыми руками и грудью; они чувствовали это, но по какому-то тайному соглашенію не признавались въ этомъ; нарушая всякій день завѣщанный бытъ, они готовы были камнями побить того дерзновеннаго, который смѣлъ бы слово противъ него, который называлъ бы ихъ поступокъ и притворный бытъ его не преступленіемъ. Это одна изъ тѣхъ притворныхъ дѣяльностей, которыя человекъ дѣлаетъ безпрестанно, воображая, что это очень-нравственно. Грекъ, признавая святость преданія на словахъ

отказался отъ исполненія обязанностей на каждомъ шагѣ, но онъ былъ это какъ преступникъ, какъ возмущавшійся рабъ, украдкой. Вся ихъ сущность, и въ-послѣдствіи Сократа, состояла въ томъ, что они вошли въ сферу всеобщаго сознанія то, что каждый представлялъ себѣ, какъ частный случай и отступленіе, что они мысля подтвердили актъ нравственной свободы, что они трусость передъ гомерическимъ предіемъ признали трусостью; они смѣло направили свою мысль противъ всего существовавшаго и все подвергли разбору; ины наука, съ той высоты, на которую достигла, оборотилась вдругъ назадъ ко всей земной суммѣ истинъ, принимаемыхъ и передаваемыхъ общественымъ мнѣніемъ; случилось то, чего можно было ожидать: язычество и и древне-эллинское воззрѣніе не вынесли ея медузна взгляда: они отпали отъ него; не громкій олимпійскій смѣхъ раздавался тогда, а тихій смѣхъ челоука, упоеннаго побѣдой; на первую минуту, софисты можетъ-быть, и увлеклись суетно сознаніемъ этой страшной мощи разума; они забылись за своей веселой сатурналіей, они тѣшились своей мощью, — это былъ моментъ поэтическаго наслажденія мышленіемъ; и пылая мысль они метали искры во все стороны и радостно видѣли ихъ несостоятельность положительнаго, и не было препонъ ихъ игрѣ. Не будемъ сътовать на нихъ; скоро явится трагическое лицо въ исторіи разума и иное призваніе мысли; онъ (*) обуздаетъ нравственнымъ началомъ разгульную мысль и обречетъ себя на великую жертву для великой побѣды... Софисты приготовили къ этому моменту своихъ согражданъ; они бросили свѣтъ мысли на все отношенія людскія; ими наука открыто перешла въ жизнь, они научили челоука во всемъ опираться на одного себя, все относить къ себѣ, себя понимать самобытною точкою, около которой крутятся, въ вихрь видоизмѣненной, все на свѣтъ. Но во имя чего считать себя этимъ средоточіемъ? вопросъ существенный и неминуемый; этого вопроса, прямо текущаго изъ ихъ началъ, софисты не рѣшили, т. е. не рѣшили тѣ софисты, которыхъ исторіи такъ называть; ибо его-то и задалъ себѣ великій софистъ—Сократъ, стоявшій на одной точкѣ съ ними, но ушедшій дальше, нежели все они, объемомъ мысли и величіемъ характера. Это не мѣша въ разгуль: это мужъ, остановившійся и ищущій опоры на всю жизнь, — мужъ твердаго шага и удивительной мощи. Сократъ нанесъ существующему порядку въ Греціи тяжелѣйшій ударъ, нежели все софисты; онъ дальше пошелъ; нежели они, и потому-то онъ и былъ ихъ врагомъ. Софисты — блестящая жиронда, а Сократъ — монтаньяръ, но монтаньяръ нравственный и чистый; софисты имѣли бездну личнаго, случайнаго въ своемъ воззрѣніи; у нихъ мысль не нашла еще себя твердой опоры (какъ всегда въ рефлексіи); они испытывали, такъ-сказать, формальную власть мысли, они брались все доказывать, все оправдывать; это ничего не значить: въ самомъ дурномъ поступкѣ есть возможность найти одну хорошую сторону — но это недостаточно для оправданія и наводитъ только на то, что чисто-отвлеченныхъ поступ-

(*) Сократъ.

ковь такъ же не бываетъ, какъ чисто-одностороннихъ событій. Истина твердая основа лежитъ въ томъ объективномъ началѣ мышленія, иная софистамъ до Сократа не раскрывалась. Сократъ засталъ логическое развитіе на сознаніи несостоятельности вѣшняго противъ мнѣ и на призваніи человека (какъ мыслящей личности) истиною. Человекъ, какъ частная индивидуальность, гибнетъ, увлекая съ собою мысль; Сократъ спасъ мысль и ея объективное значеніе отъ личнаго сльдственно, случайнаго элемента. Онъ высказалъ сущностью не частное я, а всеобщее, какъ благое, въ себя почившее сознаніе, независимое отъ сущей дѣйствительности. Мысль Сократа точно такъ же и точно такъ же разлагаетъ, какъ мысль Протагора, сказавшаго, что человекъ есть мѣрило всему, что въ немъ опредѣленіе, почему сущее существуетъ и несущее не существуетъ; но Сократъ сознаетъ въ общемъ движеніи и покойное начало; это начало, сущность вѣчно-хранящая и опредѣляющаяся цѣлю—есть истинное и благое. Это благое, эта существенная цѣль не существуетъ, какъ нѣчто готовое; человекъ долженъ создать себя свое вѣчное и непреходящее содержаніе, долженъ развить его сознаніемъ, для того, чтобы быть свободному въ немъ такъ, истина объективнаго развивается у Сократа мышленіемъ. Это положеніе безконечной субъективности человека и совершенной свободы самопознанія—тотъ великій камень, который Сократъ положилъ при закладкѣ великаго зданія, досель-недостроеннаго; камень этотъ вмѣстѣ съ тѣмъ пограничный столбъ: одна половина его уже лежитъ не на эллинской почвѣ, принадлежитъ уже не древнему міру.

У Сократа нѣтъ системы, а есть метода; это какой-то живой, вѣчно-дѣятельный органъ мышленія человѣческаго; его метода состоитъ въ развитіи самомышленія; съ какой стороны ни попался бы ему предметъ, онъ, начиная со всей односторонности общаго мѣста, дойдетъ до многосторонней истины и нигдѣ не терлетъ своихъ основныхъ мыслей, которыя проводитъ по всѣмъ областямъ, практическимъ и теоретическимъ. Человекъ долженъ изъ себя развить, въ себя выйдти понять то, что составляетъ его назначеніе, его цѣль, конечную дѣлу міра, онъ долженъ собою дойти до истины—вотъ мета, къ которой Сократъ достигаетъ во всемъ. При этомъ по дорогѣ само собою обличается, что по мѣрѣ того, какъ мышленіе достигаетъ внутренней объективности, случайное, личное гибнетъ и терлется; истина дѣлается вѣчно-числополагаемымъ мышленіемъ. Вся его разговоры—безпрерывная борьба съ существующимъ; онъ возсталъ противъ святохраняемыхъ аѳонскихъ преданій во имя другаго святаго права—права вѣчной ответственности, аутономіи мышленія; онъ научилъ опасаться готовыхъ мнѣній, истинъ, полагаемыхъ за вѣдѣнное, о которыхъ и не говорятъ, какъ о давновознаемомъ, и на которыя каждый смотритъ по-своему, и ображая, что его мнѣніе и есть всеобщее; онъ осмѣлился поставить истину выше Аѳонъ, разумъ выше узкой національности; онъ относительно Аѳонъ сталъ такъ, какъ Петръ I относительно Руси. Торжественнѣйшая сторона Сократа—онъ самъ, его величавое, трагическое лицо, его практическая дѣятельность, его смерть; онъ типъ и предст

нѣтъ той слитности въ древней жизни, о которой мы упоминали нѣсколько разъ, — человекъ, живущій безпрестанно въ общественномъ разворота, художникъ, воинъ, судья, участникъ во всѣхъ теоретическихъ и практическихъ вопросахъ своего вѣка и вездѣ ясный, равный себѣ, жаждущій блага и все покоряющій разуму, т. е. все освобождающій въ нравственномъ сознаніи.

Тогда наука черпалась изъ жизни и вмѣстѣ погружалась въ нее. Дѣятельность философа въ Греціи не ограничивалась школой, въ стѣнахъ которой могли цѣлые вѣка длиться споры, прежде нежели кто-нибудь услышать ихъ за стѣною — тамъ философомъ былъ по превосходству учитель народа, совѣтователь его: Эмпедоклу и Гераклиту предлагали корону; Зенонъ погибъ въ геройской борьбѣ; уваженіе къ Пифагору доходило до поклоненія; Периклъ ходилъ по площади афинской съ своей женою, вымаливая прощеніе Анаксандору; Филиппъ-Македонскій благословлялъ судьбу, что сынъ его родился въ вѣкъ Аристотеля; Платона Афиняне называли божественнымъ. Философы древняго міра тогда стали отходить отъ дѣлъ площади, когда съ гордымъ взглядомъ разглядѣли смертельную болѣзнь, пожиравшую древній порядокъ вещей. И потому Сократъ былъ столько же государственное лицо, сколько мыслитель, и судился какъ гражданинъ, имѣвшій огромное вліяніе и отрицавшій неприкосновенную основу афинской законности, на основаніи права изслѣдованія; въ этомъ вся трагическая судьба Сократа (и онъ самъ ее понималъ превосходно, какъ доказывалось въ разговоры въ тюрьмѣ, изъ которой онъ не хотѣлъ бѣжать), что онъ имѣлъ праведникъ въ глазахъ человечества и преступникъ въ глазахъ Афинъ. Изъ этого противорѣчія, столь рѣзкаго и громкаго, ясно выдѣляется, что греческая жизнь начинала тогда разлагаться подъ вѣрнымъ своей односторонности, національное не было уже современно, если судъ народный могъ быть прямо противоположенъ суду разума. Отъ-того-то Сократъ и вышелъ противъ Афинъ, отъ-того-то и спасти нельзя было ихъ казню его; напротивъ, ею признали его побѣду. Афиняне вскорѣ сами увидѣли это; слабые гонители всегда догадываются въ другой день казни, что она вредна.

Переворотъ, сдѣланный Сократомъ въ мышленіи, состоялъ именно въ томъ, что мысль стала сама себя предметомъ; съ него начинается сознаніе, что истина не есть сущность *такъ какъ она есть сама-по-себѣ*, а *такъ какъ она въ сознаніи; истина есть узнаваемая сущность*. Обратите все вниманіе ваше на это: c'est le mot de l'énigme всей философіи. Мысль послѣ Сократа болѣе сосредоточивается, углубляется въ себя и въ то же время, чтобъ сознательно развить единство себя и своего предмета, природа перестаетъ быть *независимою* отъ мысли. Такъ далеко, впрочемъ, взглядъ самого Сократа не простирался; одна изъ односторонностей его, особенно бросающихся въ глаза въ эллинскомъ мірѣ, состояла въ пренебреженіи ко всему внѣ философіи и особенно къ естественной наукѣ. Сократъ повторялъ часто, а за нимъ выраженіе это обратилось въ пословицу, что все его знаніе состоитъ въ томъ, что онъ ни-

чего не дѣлаетъ — и былъ правъ: мощной диалектикой онъ распустилъ все достояніе преемственно-образовавшихся мнѣній, слившихся за нѣе, — это отрицательное освобожденіе мысли отъ сущаго содержанія еще не истинное содержаніе ея; онъ узналъ въ сознаніи и мысли чуждую форму истины, но она не имѣла еще у него дѣйствительнаго исполненія. Прошедшее было имъ побѣждено, но на свѣжій могилѣ не успѣло развиться новое, хотя колыбель его и была готова. Отъ этого-то и непонятное появленіе демона у Сократа; онъ является, являясь, — зываемый неполнотою его воззрѣнія; при дѣйствительной полнотѣ держанія, демона было бы не нужно, — ему не было бы мѣста (*).

Односторонность Сократа не восполнилась его первыми послѣдователями; не мегарскую школу, не киренаиковъ звала его великая тѣнь, она вызывала изящный, свѣтлый образъ Платона, — и онъ дѣлалъ наконецъ, совершителемъ сократовыхъ начинаній.

Сократъ, провозглашая право самосознательнаго разума, понималъ сущность и цѣлю самосознающей воли; Платонъ съ самаго начала долагаетъ мысль сущностью вседенной и стремится покорить ей все сущее, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ нужно... Я сказалъ выше, что Платонъ, положенный Сократомъ, выходилъ одной стороною изъ древняго міра: еще болѣе должно разумѣть это о платоновомъ возрѣніи; въ немъ является въ-первыѣ то, что мы называемъ *романтизмомъ* элементарнымъ; онъ былъ поэтъ-идеалистъ, въ немъ видна та струя, которая, при извѣстныхъ условіяхъ, неминуемо должна была развиться въ неоплатинизмъ александрійскій. Платонъ считалъ духовный міръ наукою единственно-истиннымъ, въ противоположность прізрачному міру сущаго; міръ этотъ раскрывается человеку мышленіемъ, которое рядомъ востановляетъ и развиваетъ истину, уснувшую и забытую въ душѣ, предельно тѣлесному бытію; однажды-приведенный въ сознаніе, проснувшійся идеальный міръ оказывается истинною міра реальнаго, его совершеніемъ и пребываетъ въ вѣдчавомъ покоѣ, отрицавшись отъ суеты вѣщнаго бытія и сохраняя его въ себѣ святѣмъ; такъ родъ — истина вѣдчавая, всеобщее — истина частнаго, такъ идеал — истина вседенной. Платонъ находитъ временное, тѣлесное бытіе *преградой* безусловному знанію; говоря это, онъ, кажется, забываетъ, что, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ есть и неминуемое условіе бытія и знанія. Но не подумайте, что этотъ романтическій элементъ для, лучше выразиться, элементъ, вмѣщающій въ себя нечто романтическое, — есть исчерпывающее опредѣленіе новой мысли, — далеко нѣтъ! вспомните лучше, что древніе называли его творцомъ диалектики: вотъ гдѣ его сила и мощь, вотъ чѣмъ до

(*) Аристотель съ удивительною проникательностью указалъ на абстрактность Сократа: «Сократъ лучше Пифагора говорить о добродѣтели, но не правъ; онъ считаетъ добродѣтель знаніемъ. Вѣдчавое знаніе имѣетъ логосъ (разумное основаніе), и состоитъ же только въ мышленіи; онъ всѣ добродѣтели полагаетъ въ вѣдчавомъ и свѣтломъ *алогическую сторону души*: именно — страстность, чувства, характеръ; добродѣтель не есть наука; Сократъ сдѣлалъ изъ добродѣтели логосъ; мы же говоримъ: «она съ логосомъ! Она не вѣдчавое, но и не можетъ быть безъ вѣдчаваго». Аристотель опредѣлялъ добродѣтель «единствомъ разума съ неразумностью».

онъ до глубокомысленной спекуляціи своей, которая во всемъ была долю идеализма, какъ печать его личности и личности эпохи, но не стъснила имъ мощной, свободной мысли. Платоніе сравниваютъ съ Шеллингомъ: мы сами это сдѣлали въ пер- сьмь, — и точно, поэтическая мысль Платона, любившая обле- въ роскошныя ризы аллегорій и миеовъ, имѣетъ наибольше въ новомъ мѣрѣ съ шеллинговымъ поэтическимъ привидѣніемъ и его страстнымъ придыханіемъ къ ней; но у Платона передъ дерзватный шагъ: это его изумительная, всепокоряющая діал- га, еще болѣе сознаніе полное, отчетливое діалектической методы ище логическаго движенія. Шеллингъ готовое содержаніе своей и излагаетъ въ схоластической формѣ, — Платонъ въ разговорахъ ку діалектикой достигаетъ до истины: у него истина неотъемлема методы. Онъ самъ превосходно изложилъ въ своей книгѣ «О Рес- нѣ» развитіе знанія: начальная степень, или точка отправленія ло- каго движенія составляетъ у него непосредственное воззрѣніе, чув- ства сознательность, переходящая въ чувственное представленіе, въ называется *мивніемъ*; вторая степень знанія между мивніемъ и —это сфера разсуждающаго познаванія, разсудка, рефлексіи, до- ре общихъ и отвлеченныхъ началъ, принятіе ипотезъ, произ- стъ объясненій (въ этомъ моментъ находятся все физическія и до положительныя науки въ наше время); отсюда начинается соб- разо-научкообразное знаніе; но тутъ оно еще не можетъ быть до- ступно: разсудочныя науки *никогда не достигаютъ* діалектической яс- сти, ибо — говоритъ Платонъ — онъ идутъ отъ гипотезъ и не восхо- дятъ въ своемъ разсужданіи до безусловнаго начала, но разсужда- ютъ, сдвываясь на предположеніяхъ: у нихъ, кажется, мысль не въ мивнѣ ихъ, а то бы ихъ предметы сами были мысли. Способъ ге- ній и близкихъ ей наукъ называется онъ разсудочнымъ и полага- ютъ разсужденіе находится между разумнымъ и чувственнымъ со- знаніемъ. Наконецъ, третья степень у него — мышленіе само въ себя, ииющее мышленіе; оно принимаетъ предположенія не за начало, а ступку отправленія, отъ которыхъ идутъ пути къ началу, немью- чую никакихъ предположеній. Платонъ эту степень называетъ діалек- тикой. Въ обыкновенномъ сознаніи нашемъ, непосредственно-дѣйстви- тельнымъ считается данное чувственнымъ созерцаніемъ и разсудочныя сужденія этого даннаго; Платонъ вездѣ, во всѣхъ разговорахъ стре- нитъ раскрыть недействительность и несущественность одного чувствен- наго и разсудочнаго, несостоятельность ихъ противъ умозрительнаго и ииарнаго. Въ этихъ борьбахъ вы видите, что огонь негачіи обра- щается и въ его жилахъ, что наслѣдіе софистовъ оставалось и въ его ствѣ, и не только оставалось, а выросло въ гигантскую силу; но ха- рактеръ его генія не былъ отвлеченно-разрушающій, — совсѣмъ напро- тивъ, примиряющій. Онъ исторгаетъ изъ преходящаго непреходящее, стъ частнаго — всеобщее, изъ невлимыхъ — родъ, не для того только, стъ, указавъ дѣйствительность и истину всеобщаго надъ частнымъ, стъ его яви и уничтожить индивидуальное, сущее, частное: нѣтъ,

онъ исторгаетъ родовое для того, чтобъ спасти его отъ круговорота в меннаго существованія, еще болѣе, сдѣлать то, чего природа не може сдѣлать безъ мысли человеческой—примирить ихъ. Здѣсь Платонъ—скульптивный философъ, а не романтикъ. Всеобщее, родовое, схваченное въ мысли, Платонъ называетъ идеей; достигаая до нея, онъ стремится дать опредѣленіе, и здѣсь его діалектика дѣлается примирительницей, самой-себѣ снимаетъ противорѣчія, указывая ея. Опредѣленность не состоитъ въ томъ, что единое остается самимъ-собою въ многообразіи чувственное, многообразное, конечное, относительно-существующее и другихъ не есть истинное: оно—неразрѣшенное противорѣчіе, разрешающееся только въ идею; но идея не вне предмета: она то, что стремится къ себепредѣленію различіемъ, и то, что пребываетъ свободнымъ и единымъ въ этомъ различіи. «Трудное и истинное» говоритъ Платонъ: «состоитъ въ томъ, чтобъ показать въ другомъ то же самое въ томъ же самомъ—другое, и притомъ такъ, чтобъ оно въ-отношеніи къ другому было то же самое.» Великая мысль! А подумайте, какіе свистками толпа приняла бы мыслителя, который явился бы въ наше время съ такою странною рѣчью для обыкновеннаго сознанія... Уваженіе, хранящееся изъ вѣка въ вѣкъ къ древнимъ философамъ, основанное на томъ, что ихъ никто не читаетъ; еслибъ добрые люди когда-нибудь ихъ развернули, они убѣдились бы, что Платонъ и Аристотель точны такіе же были поврежденные, какъ Спиноза и Гегель, говорили темнымъ языкомъ и притомъ нелѣпости. Большинство нашего времени (разумно сознающихъ себя грамотными) такъ отвыкло или такъ не привыкло къ опредѣленіямъ мысли, что оно, только бессознательно употребляя ихъ—не возмущается. Намъ не удивляетъ, напр., что человекъ въ физиологическомъ отношеніи недѣлимое, цѣлостъ, а въ анатомическомъ—многочисленная куча самыхъ разнообразныхъ частей, что тѣло наше—вмѣстѣ и наше я и наше другое; никого не удивляетъ процессъ возникновенія, непрерывно совершающійся около насъ, въ глухая борьба бытія съ небытіемъ, безъ которой было бы одно безразличіе; никого не удивляетъ эта вѣчность мимолетнаго, которую мы окружены. Назовите то, что добрые люди видятъ и чувствуютъ ежедневно, словами,—они не поймутъ васъ и никогда не узнаютъ въ вашихъ словахъ близкихъ знакомыхъ. Я увѣренъ, что многіе были бы глубоко скандализованы, узнавъ послѣдніе выводы, до которыхъ Платонъ вездѣ пробивается, вооруженный своей безпощадной діалектикой и своимъ гениемъ, глубоко—раскрывающимъ сокровенную истину. Для Платона безусловное то, что разомъ конечно и безконечно, мощное, полное силы и духа, то, что *можетъ вынести* отъ себя противоположное; тѣло (само-по-себѣ) гибнетъ, встрѣчая противоположеніе, но духъ можетъ сдерживать всякое противорѣчіе; онъ живетъ въ немъ, онъ безъ него отвлечененъ; одно безконечное, само-по-себѣ (и это прямо высказалъ Платонъ) ниже ограниченнаго и конечнаго потому-что оно неопредѣлено. Конечное вмѣстѣ цѣль и мѣру, а безконечно-отвлеченное бытіе, опредѣленное—не есть *только* внѣшнее, и именно единое въ многообразіи; оно одно дѣйствительно, и, приход

въ отношеніи, оно возвышается надъ конечнымъ и даетъ средѣ вѣчнаго созерцанія и созерцанія, даде котораго платонова мысль не идетъ, или въ котораго она не хочетъ выйти. Въ этомъ последнемъ словѣ Платона, въ этомъ царствѣ почившей и себя-созерцающей идеи — все прекрасное и все одностороннее его воззрѣнія. Онъ и въ историческомъ отношеніи къ своимъ предшественникамъ представляетъ свѣтлое спокойное море, въ которое все они влекутъ воды свои; онъ исполняетъ, такъ—сказать, ихъ судьбу, успокоиваетъ ихъ въ обширныхъ вѣдѣніяхъ своихъ. Парменидъ, Гераклъ, Пифагоръ, Анаксагоръ, софисты, Сократъ равно нашли мѣсто въ платоновой мысли, и между его мыслью была его мысль. Ръки потерялись въ морѣ, хотя онъ и нехъ и хотя его не было бы безъ нихъ. Но, продолживъ сравненіе: море это безконечно широко, берега исчезаютъ—въ этомъ-то водѣ; вода и воздухъ—такія стихіи, въ которыхъ для человека чего-то недостаетъ: онъ любитъ землю, разнообразіе жизни, а не стихійную конечность, которая поражаетъ, долго поражаетъ,—но при которой жить нельзя. Въ этой ширинѣ, теряющей берега, сила Платона, но онъ успокоился въ блаженствѣ созерцанія и думалъ забыть ихъ... Думалъ! А фантастическіе образы и представленія, въсплывшіе въ душѣ его, врываются въ его діалектику, выказывающіе страстные порывы свои въ покойныхъ волнахъ чистаго мышленія—зачѣмъ они? Какая діалектическая необходимость въ нихъ? Не по логической необходимости всплывали они въ душѣ Платона, такъ-какъ не по ней являлся демонъ Сократа; они являлись въ замѣну утраченнаго временнаго, она носила тотъ ликъ красоты, котораго не имѣетъ отвлеченная мысль и который дорогъ человеку; они ими нарушили величавое спокойствіе чистаго мышленія, и Платонъ радовался этому нарушенію—такъ, какъ облака веселятъ мореходца, прерывая спокойную и вѣчную лазурь.

Воззрѣніе Платона на природу было больше поэтико-созерцательное, нежели спекулативно-научнообразное. Онъ начинаетъ съ представленія (Титанъ); демиургъ приводитъ въ порядокъ и устройство хаотическое вещество, онъ оживляетъ его, даетъ ему мировую душу: «жедая сдѣлать міръ подобнымъ себѣ, демиургъ въ средоточіи міра постановилъ, душу міра проникнувшую всюду» (*). Вселенная для Платона—еди-

(*). Кстати упомянуть здѣсь о богопознаніи древняго міра: это слабѣйшая сторона философовъ; не даромъ нео-платоникъ бросилъ всѣ прежніе вопросы и занялся исключительно теодицеей. Языческій міръ былъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно неудовлетеленъ; при представленіяхъ политеизма мышлящему человеку оставалось было невозможно; нельзя было, въ-самомъ-дѣлѣ, удовлетвориться Олимпомъ добрыми Греками, жившими на немъ. Ксенофонтъ элеатикъ говоритъ: «еслибы были и львы имѣли руки, они непремѣнно валяли бы своихъ боговъ, такъ какъ имъ, какъ образцу съ себя». Но оставъ отъ традиціонныхъ представленій, Греки не могли слѣдить философскаго пониманія съ религіознымъ, ни разномъ пожертвованіемъ; они могли жить, оставаясь при неопредѣленномъ, шаткомъ, колеблющемся примитивн азычествѣ суррогатомъ мысли; отъ-того ни нусь, ни душа міра, ни демиургъ, ни самая энтелехія Аристотеля не удовлетворяютъ ихъ вполне. У нихъ религія является всякій разъ случайно, deus ex machina; они вдругъ дѣлаютъ

ное; существование и умное животное, «животное это одно; если бы и было два или несколько, то они были бы между собою соотношены, если бы части и составили бы опять одно». Первоначальными силами Платонъ принимает огонь и землю: «между ними (какъ со противоположностями) должна быть связь, ихъ соединяющая — величайшая изъ всякъхъ связей — та, которая себя и то, что ею соединяется, связываетъ въ одно высшее единство (какъ, напримеръ, умъ и различіе)». Вы видите, что эта высокая мысль о связи заключаетъ въ себя уже возможность развиться въ понятие, въ идею, въ субъектъ мысли. Эта мысль Платона (какъ и многія другія его мысли и мысли его оповещивающія) до нашего времени повторилась безцѣльно и безцѣльнѣе, какъ бы, кажется, никакъ не оправдана. Физическій міръ имѣетъ своими крайними пределами твердое и живое (землю и огонь); «твердому нужна среда, ибо оно имѣетъ не только ширину, но и глубину; потому сирмирутъ поставили между землею и огнемъ воздухъ и воду, и при этомъ такъ, что огонь относится къ воздуху такъ, какъ воздухъ къ воде, а вода къ земле». Эта двойственность среды даетъ Платону основаніе назвать словомъ всего естественнаго *четыре*, — то самое число, которое Проклоръ считалъ действительно-полнымъ. Разумное заключеніе, следовательно, имѣетъ въ себя три момента, именно потому, что среда, разходящаяся въ природѣ, сводится въ разумномъ единствѣ; примирительная среда въ природѣ двойственна; она представляетъ противорѣчіе такъ, какъ оно есть въ природѣ, непримиримымъ. «Вселенная старобразна; элементы, ее составляющіе, даны ей богами въ такой соразмерности, что она никогда не можетъ выйти изъ своего равновѣсія. Сверхъестественность ея заключаетъ въ себя все формы; она гадаетъ, ибо не выходитъ изъ себя, не имѣетъ отличія отъ другаго. Имѣетъ внешнее различіе — характера конечнаго: видимость не для себя, а для другаго предмета, — вселенная же все предметы; такъ въ ней есть опредѣлительность, различіе, ограниченіе и небытіе; но ни что съ тѣмъ, все это въ ней расплываемо, сие единство, и потому остается такимъ различіемъ, которое не выходитъ изъ себя. Вотъ считалъ взятое отъ сущности вѣчно-тождественной съ собою, подлинно имѣетъ отъ сущности тѣлесной и делимой; въ этомъ сочетаніи соединилась природа себя тождественная съ другою, съ природою себя «различной и это сочетаніе — живую душу поставилъ онъ соединяющею средою между расторгеннымъ». Обратите вниманіе на выраженіе Платона; съ другою; онъ не называетъ, чему оно другое, и въ этомъ — то главное спекулятивное значеніе его выраженія; это другое не по сравненію

— отъ чистаго мышленія въ религиозное представленіе, оставилъ ихъ во всемъ непримиримомъ противорѣчій. Тутъ одинъ изъ предѣловъ греческаго воззрѣнія; ищите полнаго отвѣта о божественномъ отъ язычника: принадлежитъ ли онъ, отвѣтъ ли, — онъ въ обоихъ случаяхъ неправъ. Цицерону приходило въ голову мысль формально примирить древнюю религію съ философіей; интересы его были не религиозныя и не философскія, — онъ былъ государственный человѣкъ, и для общественной пользы писалъ прозаическіе трактаты de natura deorum, и безъ всякаго чуждаго излагалъ въ диссертационномъ переводѣ великую науку Грековъ.

но, а само-по-себѣ. Эти три сущности обидѣтъ онъ еще высшимъ сдѣланомъ, въ которомъ онѣ сохранили свое различіе, пребывая тождественными въ немъ. Царство идеѣ стоитъ въ своей вѣчности неподвижнымъ идеаломъ, стремящемуся міру; оно имѣетъ образъ или отпечатокъ свой въ мірѣ конечномъ и отдаленномъ времени; но этотъ исторгившійся чрезъ временное къ вѣчности міръ въ свою очередь имѣетъ, въ противоположность себѣ, еще другой, которому переходимость и изменчивость — сущность. И такъ, вѣчный міръ, поставленный во время, осуществляется двумя формами въ мірѣ примиренія съ собою и въ мірѣ блуждающаго себя-различія. Мы имѣемъ изъ всего этого три опредѣленные момента: во-первыхъ, аморфизмъ, безвидность, сплавъ принять всякій видъ, вещество, матерія, среда воспринимания, питающая, всеобщая кормилица, собою выкармливающая птица для самобытнаго бытія; ею одѣлывается форма, она въ переходитъ въ нее, — это страдательная матерія, всему дающая возможность. При ея помощи возникаютъ явленія вѣшняго бытія, сущности, въ которыхъ двойство непримиримо; но то, что происходитъ, не есть уже чисто-матеріальное, а всеобщее, идеальное... Раскрывая природу, Платонъ не смѣшиваетъ въ ней двухъ началъ: «необходимаго и божественнаго», соподчиненнаго и царящаго, основаннаго на взаимодействіи и на себя-самомъ; безъ необходимаго нельзя выйти къ божественному — въ этомъ его видимое значеніе, — но именно божественнаго въ немъ-самомъ. Такъ онъ и въ человѣкѣ различаетъ принадлежащее (божественное) его безсмертной душѣ отъ принадлежащаго его смертной душѣ (необходимаго); вся страсти принадлежатъ душѣ смертной, и для того «чтобъ она не возмутила ни души божественную, Богъ отдалить ее выеи отъ безсмертной души, отъ дѣлителей груди и головы. Сердцу онъ приобщилъ лёгкія, безпримесны, мягкія, чтобъ облегчить его, когда оно обнимается пламенемъ груди; лёгкія водреваты какъ губка, такъ устроены, чтобъ впитать въ себя воздухъ и влагу и охлаждать ими жгучій зной сердца. Распространяясь далѣе объ устройствѣ тела, Платонъ говоритъ о печени (*): «неразумная сторона души — разума не слушаетъ, для того создана печень, воспринимающая исходящую силу разума и отражающая, подобно зеркалу, вмѣсто первообразовъ прізраки и страсти; такъ какъ этихъ виднѣй та, чтобъ неразумную сторону человека сделать чрезъ посредство сна соучастницей виднѣй. Подобно сему боги дали душѣ возможность волхвованія и пророчанія; что волхвованіе и предсказываніе дано именно неразумной сторонѣ души, ясно видно изъ того, что ни одинъ человекъ, обладающій совершенно умомъ, не предсказываетъ, а дѣлаютъ это люди или въ состояніи сна, или когда бурныя и восторженностию человекъ выводится изъ обыкновеннаго

(* Дрекии придавали печени довольно-страшное физиологическое значеніе: они ее считали источникомъ сна, вѣроятно, основываясь на изобиліи крови въ этомъ органѣ. Зато дѣло идетъ вовсе не о мнѣніи Платона о печени, а о томъ, что онъ говорилъ по ея поводу.

«состоянія. При прорипаніяхъ надобно съ сознательный умъ другаго «чтобъ понять высказанное; ибо бредящій не понимаетъ своего бредящаго». «Прежніе мыслители справедливо говорили, что дьяніе и сознание принадлежатъ только разсуждающему человѣку.» Я не могъ удержаться, чтобъ не выписать этого мѣста. Какой глубокой тактъ истинны рукою дѣлалъ мысль древнихъ философовъ! вы видите здѣсь, что Платонъ ясно и отчетливо понималъ, что нормальное состояніе тѣлеспонно-и-духовнаго здороваго человѣка несравненно-выше, нежели всякое аномальное, таланитическое, магнетическое сознаніе. Въ наше время вы встрѣтите множество людей, придающихъ себѣ видъ глубокомыслия и притомъ убѣжденныхъ, что ясновидѣніе выше, чище, духовнѣе простаго и обикновеннаго обладанія своими умственными способностями, такъ-какъ найдете мудрецовъ, считающихъ высшей истиной то, чего словами выразить нельзя, что, следовательно, до того лично, случайно, что утверждается при обобщеніи словомъ.

Воззрѣніе Платона на природу не можетъ, впрочемъ, быть общимъ представителемъ древняго воззрѣнія на естествознаніе; его стремленіе къ покоящейся идее, въ которой временное потухло, романическая струна, звучавшая въ его душѣ, его близость къ Сократу — все это вмѣстѣ препятствовало ему остановиться долго на природѣ. По-этому, опредѣливъ самымъ общимъ образомъ моментъ, выраженный Платономъ, мы перейдемъ къ послѣднему и полнѣйшему представителю эллинической науки.

Аристотель — въ высшемъ смыслѣ слова эмпирикъ; онъ все беретъ изъ подлежащей, окружающей его среды, беретъ какъ частное, беретъ тактъ какъ оно есть; но однажды-взятое изъ опыта не ускользаетъ изъ мощной десницы его, взятое имъ не сохранить своей самобытности, какъ противорѣчіе мысли; онъ не оставляетъ предмета до-тѣхъ-поръ, пока не выпытаетъ весь его опредѣленія, пока сокровенная сущность его не раскроется свѣтлой, ясной мыслию, а посему эмпирикъ Аристотель съ тѣмъ вмѣстѣ въ высочайшей степени спекулятивный мыслитель. Гегель замѣтилъ, что эмпирическое, взятое изъ своего синтеза, есть само спекулятивное понятіе: вотъ до этого пониманія и добивается современная наука. Но понятіе не прежде раскрывается, какъ перейдя весь путь мысли, и Аристотель весь предметы, подвергавшіеся страшной разлагательной силѣ его прогнавъ по немъ, или, говоря языкомъ старой химіи, сублимировавъ ихъ въ мысль. Аристотель начинаетъ съ эмпирическаго даннаго, съ неотривимаго фактическаго событія — это его точка отправления; не причина а начало (initium), первое, предшествующее, и, какъ первое, — оно у него необходимо, неминуемо; это эмпирическое онъ увлекаетъ въ процессъ мышленія, расплавляетъ его огнемъ своего анализа и возводитъ съ себою на вершину самосознанія; для него нѣтъ косныхъ опредѣленій нѣтъ ничего неподвижнаго, твердаго, почившаго, нѣтъ мертвыхъ философовъ; онъ бѣжитъ покоя, а не жаждетъ его, — въ этомъ-то и состоитъ его шагъ впередъ отъ Платона. Идея не могла навсегда остаться лазурью, успокоившейся отъ тревоженій временнаго, созерданіемъ, входящимъ свое блаженство въ отсутствіе или измѣнѣ всего частнаго

И смотря на свой квізятоскій характеръ, у Платона, она въ сущности была раскрыта дальнѣйшими самоопредѣленіями, — но еще мнѣсь: Аристотель ринулъ ее въ дѣятельный процессъ, и все твердое, казавшееся твердымъ, увлеклось мировымъ движеніемъ, ошло, оно возвратилось къ временному, не утративъ вѣчнаго. Идея по себѣ, въ своей всеобщности, еще недѣйствительна, она только всеобщность, приложение дѣйствительности, заключеніе ея, если хотите, — но не она дѣйствительность. Идея, исторгнувшаяся изъ круговорота дѣятельности, помимо, его представляетъ нечто недостаточное, косное и лѣнивое: одна дѣятельность даетъ полную жизнь; но она не легко уловима и выхватить всеобщее отвлеченнымъ несравненно-легче, движеніе сложно само-по-себѣ, оно раздвоено, распадается на два противоположные моменты, оно понятно одному сильному, быстрому вниманію, его надобно ловить на-лету; отвлеченное покойно, покорно разсудку, оно не торопится, какъ все мертвое; Гамлетъ справедливо увѣрялъ короля, что не спѣшитъ торопиться къ трупу Полонія, что онъ подождетъ; мертвая абстракція существуетъ только въ умѣ чловѣка; самодвиженія въ ней нѣтъ (если мы отдѣлимъ отъ нея неумолимую діалектическую потребность ума выйти изъ абстракціи).

Аристотель ищетъ истину предмета въ его цѣли; по цѣли стремится онъ опредѣлить причину; цѣль предполагаетъ движеніе; цѣлеобразное движеніе — развитіе, развитіе — осуществленіе себя несовершеннѣйшимъ образомъ, «одѣйствованіе благаго на сколько можно». «Всякая вещь и вся природа имѣетъ цѣлью благае». Эта цѣль — дѣятельное начало, логосъ, безпокоящій всеобщую почву (субстанціальность); оно пробуждаетъ ее къ стремленію, оно достигаетъ ею и въ ней совершеніи себя, оно ринулось съ нею вмѣстѣ въ движеніе, но владѣетъ имъ для того, чтобъ спасти всеобщее въ потокъ переменъ; такое движеніе — не просто видоизмѣненіе, а дѣятельность; дѣятельность — тоже непрерывная переменна, но сохраняющаяся въ ней; въ простой переменѣ ничего не сохраняется: тамъ вѣчего беречь. Движеніе, переменна, дѣятельность предполагаютъ поприще, страдательность, на которой онъ совершается; этотъ субстратъ — косное, отвлеченное вещество; все сущее непрерывно одною стороною вещественно; но вещество само-по-себѣ — только возможность, расположеніе, страдательная, отвлеченная, всеобщая готовность; оно даетъ дѣятельности опредѣленную возможность, практическую состоятельность; вещество — условіе, *conditio sine qua non* развитія. Отсюда два аристотелевскіе момента: *динамиа* и *энергіа*, возможность и дѣйствительность, субстратъ и форма, сливающаяся въ томъ высшемъ единствѣ, гдѣ цѣль есть съ тѣмъ вмѣстѣ и осуществленіе (*энтелехія*). Динаміа и энергіа — тезисъ и антитезисъ процесса дѣятельности; онъ неразрывны, онъ только истинны въ своемъ существованіи; другъ безъ друга онъ абстрактны (нельзя довольно-часто повторять этого; грубѣйшія ошибки происходятъ именно отъ удержанія въ несвойственномъ разединеніи матеріи и формы); вещество безъ формы, косное, отвлеченное отъ дѣятельности — не истина, а логическій моментъ, одна сторона истины; форма съ своей стороны не-

возможна безъ вещества; нѣтъ дѣятельности безъ возможности иначе она была бы чистѣйшій *non sens*. Въ дѣятельности она и да неразрывна, нѣтъ нѣтъ вронзы, процессъ жизни состоитъ изъ взаи дѣйствія ихъ и изъ ихъ присущности:—вотъ въ этомъ-то дѣятельно стремлящемся къ самосовершенію процессѣ и старается Аристотель у вить идею во всемъ ея разгарѣ. Идея Платона, какъ-бы совершенная окончившая въ себѣ отрицаніе, примиренная, пребываетъ въ величавомъ покоѣ; Платонъ собственно держится сущности, но сущность ма-по-себѣ, отвлеченная отъ бытія, не есть еще ни дѣятельность ни дѣятельность: она точно такъ же влечетъ къ проявленію, какъ проявленіе къ сущности. У Аристотеля сущность неразрывна съ бытіемъ отъ-того она и не покоина; у него идея, несовершенство въ отвлеченной безусловности, а такъ, какъ она совершается въ природѣ, исторіи, т. е. въ дѣятельности. Послѣдуй за его развитіемъ. Полное и истинное единство дѣятельности и возможности — въ идеѣ; низшихъ сферахъ онѣ разъединены, противоположны и только стремятся къ своему примиренію. Все осязаемое представляетъ конечную сущность, въ которой вещество и образъ раздѣлены, вѣнны другъ другу—въ этомъ весь смыслъ конечнаго и вся ограниченность его; эта сущность подавлена дѣятельностью, сносить ее, но не становится она переходить изъ одной формы въ другую и постояннымъ остается одно вещество — почва переменъ, страдательное долготерпѣніе; определенность и форма находятся въ отрицательномъ отношеніи къ веществу, моменты распадаются, и нѣтъ мѣста полной гармоніи въ этомъ чувственномъ сочетаніи. Когда же дѣятельность содержитъ въ себѣ то что должно быть, имѣетъ въ себѣ цѣль стремленія, тогда движеніе становится дѣяніемъ—энергія является какъ умъ; вещество дѣлается субъектомъ, живымъ носителемъ переменъ; форма становится сочетаніемъ и единствомъ двухъ крайностей: матеріи и мысли, всеобщаго страдательнаго и всеобщаго дѣятельнаго. Въ чувственной сущности дѣятельное начало еще отвлечено отъ вещества, нусъ побуждаетъ эту отвлеченность, но ему (уму) нужно вещество, онъ предполагаетъ его, иначе него нѣтъ земля подъ ногами; умъ или нусъ здѣсь—понятіе животворщее и разчленяющееся въ своемъ воплощеніи. (Аристотель называетъ нусъ въ этомъ моментѣ душою, логосомъ, самодвижущимся и самоставящимся.) Наконецъ, полное, совершеннѣйшее развитіе — слитіе динаміи, энергіи и интеллекта: въ немъ все примирено, возможность вьется съ тѣмъ и дѣятельность, неподвижность — вѣчное движеніе, вѣчная непереходимость временнаго, разумъ самосознающій, *actus purus*! Можетъ быть, замѣтите вы, — Аристотель ставитъ всему началомъ *страдательное* вещество. Нѣтъ! Ибо страдательное вещество — призракъ, отвлеченіе, имѣющее только маску дѣятельнаго, матеріальнаго; могъ бы взять началомъ такой спекулятивный гений, какъ Аристотель, неисполненную возможность, школьную абстракцію. Вотъ что онъ говоритъ многое возможное не достигаетъ дѣятельности, стало-быть, возможное—начало (*πρότερον*); но если принять началомъ одну возможность, то надобно допустить случай не одѣйствованія ея, въ-слѣдствіи

ничего могло ничего не быть»: Такая спекулятивная желанность опровергла видна, въ глазахъ его реализма, неложное предположеніе. Даже въ обратнѣ: «Нить, не съ одного хаоса; не съ ночи, продолжавшейся безконечное время, какъ объясняютъ наши жрецы-теологи, начало бы; откуда взялось бы что-нибудь, если бы въ самой действительности не было причинъ? Энергія есть бытше и первое (вспомните, какъ часто Августинъ дѣлитъ хронологическое первенство и первенство сущности, (prioritas dignitatis). Вещественность страдательна; чистая сущность предупреждаетъ возможность, не по времени, а по сущности». Палеобразность выставляетъ, обличаетъ это переицтво!

Ирши себя, Аристотель начинаетъ физика съ движенія и его мѣры (пространство и время) и переходитъ отъ всеобщаго къ общему и частностямъ вещественнаго міра; не теряя нигдѣ нтъ вышнюю мысль—живаго теченія, процесса. Мало того, что онъ принимаетъ, какъ жизнь—въ этомъ основа его естествознанія, въ жизнь принимаетъ за единую, имѣющую цѣль въ себя; тѣже-одно съ собою; движеніемъ она не съ другою переходитъ, но развивается перемѣны изъ своего содержанія, пребывая въ нихъ и сохраняя ихъ. Все находится во взаимномъ соотношеніи; плавающее, летающее, ползающее, — все это не чуждо другъ другу; они сами представляютъ свои отношенія, сводящіяся къ одному единству». Систематическаго порядка въ аристотелевой физикѣ нтъ: онъ выводитъ одну сторону предмета за другою, одно опредѣленіе за другимъ, безъ внутренней необходимости, развивая каждое до спекулятивнаго понятія, но не свѣтъ нтъ. У него одна связь—та, которая въ самой природѣ—жизнь и движеніе; но для науки этого мало: жизнь еще не вся полнота символической идеи.

Присутная къ идеѣ природы, Аристотель сначала разсматриваетъ предметъ, нтъ причину, для чего-нибудь дѣйствующую, имѣющую цѣль-образное стремленіе, — потомъ уже переходитъ къ необходимости и ея осуществленію. Обыкновенно дѣлаютъ наоборотъ: обращаются сначала къ необходимому и существеннымъ считаютъ не то, что опредѣлено нтъ, а что вышло изъ внешней необходимости; долгое время все знаніе природы сводили на одно раскрытіе необходимости. Аристотель начинаетъ съ идеальнаго момента природы; для него цѣль—«внутренняя опредѣленность самаго предмета». «Въ ней заключена дѣятельность природы, ея самосохраненіе, постоянное, безпрерывное, и, следовательно, зависящее не отъ случая и удачи». Цѣль равно ставитъ представляющее и послѣдующее, причину и произведеніе; подобно ей все частныя дѣйствія отнесены къ единству, такъ-что производимое есть именно природа вещи. «Ничто становится, какимъ оно предсуществовало». «Кто принимаетъ случайное образованіе, тотъ снимаетъ природу, ибо начало ея состоитъ въ томъ, что она себя приводитъ въ движеніе; природа есть то, что достигаетъ своей цѣли». Природа вещь—движущее, само-съ-собою тождественное, которое само себя, такъ-скажемъ, отпалаиваетъ, т. е. осуществляетъ; но то, что осуществляется, то возникаетъ—то было въ основѣ: это цѣль, родъ, предсуществованіе.

жизнь, какъ возможность. Отъ цѣли переходить Аристотель къ средству: «Ласточка» говоритъ онъ: «вьетъ гнѣздо, паукъ плететь паутину, дерево вращается въ землю — въ нихъ-самихъ находится причина такого дѣйствования». Инстинктъ заставляетъ ихъ искать обитанія среды съ самосохраненіемъ; средство—не что иное, какъ особое представленіе цѣли, жизнь—цѣль самой-себя, она достигается, и производитъ и хранитъ вызванный организмъ свой. Растеніе, живот становится *такимъ*, потому-что оно въ водѣ или на воздухѣ — тутъ вдругъ. Эта способность видоизмѣняться, принадлежащая живому, — просто случайность и слѣдствіе одной внешней среды: она возбуждается внешнимъ условіемъ, но одѣйствовывается на столько, на сколько отвѣтствуетъ внутреннему понятію животного. «Иногда природа не достигаетъ того, чего хочетъ; ея ошибки—уроды; но ошибаться можетъ тотъ, кто дѣлаетъ съ цѣлью». Природа имѣетъ при себѣ свои средства и эти средства — сама цѣль; «она похожа на человека, котораго самъ себя лечитъ». Говоря о необходимости, Аристотель превосходяще побуждаетъ мысль внешней необходимости въ развитіи природы слѣдующимъ примѣромъ: «Можно предположить, что домъ необходимо возвысился, потому-что тяжелѣйшія части его внизу, а легкія вверхъ — такъ-что, слѣдуя своей природѣ, фундаментъ опустился ниже земли, а сверхъ земли улеглись бревна... конечно, в это отношеніе было бы рассчетъ, однако не въ слѣдствіе его воздвигнули домъ. Такъ и во всемъ, для чего-нибудь существующемъ: оно, т. е. существующее, не безъ того, что необходимо его природѣ, но и не потому. Такая необходимость относится къ предмету, какъ вещественность вообще; въ матеріи необходимость, а въ основѣ — цѣль, и то и другое начало, и цѣль — высшее». Она двигающее, которому необходимое — необходимо она не покоряется ему, а совсѣмъ напротивъ, держитъ его въ своей власти, не даетъ ему вырваться изъ цѣлебобразности и удерживаетъ внешнюю силу необходимости.

Я оставляю прекрасные выводы Аристотеля пространства и времени единственно изъ болѣзни, что они вамъ покажутся слишкомъ абстрактными, и перейду къ его психологій (которую, впрочемъ, можно называть и физиологій). Не думайте, что тутъ пойдетъ собственно метафизика души, что онъ, какъ схоластики, поставитъ передъ собою душу и пресерьёзно начнетъ разбирать, что она за вещь такая, простая или сложная, духовная или вещественная, — нѣтъ, такими абстрактными игрушками спекулятивный духъ Аристотеля не могъ заниматься: его психологій разсматриваетъ дѣятельность въ живомъ организмѣ — не болѣе. Съ самаго приступа онъ проводитъ яркую черту между своимъ воззрѣніемъ и дуализмомъ метафизики; онъ говоритъ, что душу разсматриваютъ, какъ отдѣляемое отъ тѣла въ мышленіи съ логической стороны ея, и какъ нераздѣльное съ тѣломъ въ чувствахъ — физиологически, и тотчасъ присовокупляетъ, въ видъ объясненія: «Съ одной стороны гнѣвъ, на-примѣръ, разсматривается, какъ порывъ и кипѣніе крови, съ другой стороны — какъ желаніе справедливаго вознагражденія: это похоже на то, еслибъ одинъ домъ разсматривать со стороны

представляемой имъ защиты отъ дождя и вѣтра, другой, со стороны матеріала, изъ котораго онъ построенъ, одинъ со стороны формы, другой—со стороны вещества и необходимости.» Душа есть энергія перехода изъ возможности въ дѣйствительность, сущность органическаго тѣла, его *εἶδος*, чрезъ посредство котораго она по возможности становится тѣломъ одушевленнымъ; душа достигаетъ формы, наиболее соответствующей себѣ: для того она и дѣятельна. «Нельзя спрашивать», говоритъ Аристотель, «тѣло и душа одно ли, или разное, такъ—какъ слѣдуетъ спросить: воскъ и его форма одно ли.» Совсѣмъ не въ томъ интересъ отношенія души къ тѣлу, что они тождественны или нѣтъ; главный вопросъ, по Аристотелю, состоитъ въ томъ, *тождественна ли возможность съ органомъ*. Вещественная сторона представляетъ только возможность, не реальность души; субстанція глаза — видѣніе: лишите его способности зрѣнія, — вещество можетъ остаться то же, но смыслъ различенъ; глазъ, его составная часть, актъ видѣнія принадлежать единой личности, и въ ней полная истина ихъ, а не врознь: такъ душа и тѣло составляютъ живую неразрывность. Душу Аристотель опредѣляетъ тремя: какъ питающуюся, какъ чувствующую и какъ разумную, соответственно тремъ главнѣйшимъ функциямъ души и имъ соответствующимъ царствамъ жизни: растительному, животному и человѣческому; въ человѣкѣ соединяется растительная и животная натура въ высшемъ единствѣ. Переходя къ взаимному отношенію трехъ душъ, Аристотель говоритъ: «растительная и чувственная душа находятся въ мыслящей, питающаяся душа составляетъ природу растений; растительная душа — первая степень дѣятельности, находится и въ чувствующей душѣ, но такъ, какъ возможность ея.» Она въ ней непосредственное по себѣ бытіе; всеобщее, существенное не ей принадлежитъ, но безъ нея быть не можетъ; она изъ подлежащаго дѣлается сказуемымъ, изъ высшей дѣятельности нисходитъ на значеніе субстрата, носителя. То же отношеніе животнорастительной души къ мыслящей: высшее бытіе животного нисходитъ въ мыслящемъ существѣ *въ одно изъ его естественныхъ опредѣленій*, въ его всеобщую возможность, но то и другое покорено ею для себя—бытіемъ (т. е. интелекціей). Какая изумительная вѣрность и какая глубина въ этомъ взглядѣ на природу! Аристотель не только далеко оставилъ за собою Грековъ, но и почти всѣхъ новыхъ философовъ. Послѣдуемъ за нимъ далѣе въ разборъ функций души.

«Чувствованіе — вообще возможность, но эта возможность съ тѣмъ единствомъ дѣятельность. Первая переменна чувствующаго происходитъ отъ производящаго впечатлѣніе; но когда оно произведено, тогда мы обладаемъ впечатлѣніемъ, какъ знаніемъ», и въ этой страдательной сторонѣ чувствованія, возбуждаемой вѣншиимъ, находитъ Аристотель его различіе съ сознаніемъ. Причина этого различія состоитъ въ томъ, что чувствующая дѣятельность имѣетъ предметомъ частнос, а знаніе — всеобщее, которое само нѣкоторымъ образомъ составляетъ сущность души. Отъ-того всякій можетъ думать, когда хочетъ, и мышленіе свободно; чувствовать же — не въ волю челоука: для чувствованія необходимъ производитель. Чувство въ возможности — то, что ощущаемое въ

дѣйствительности; оно страдательно, пока не приведетъ себя въ уровень впечатлѣннѣмъ; но, выстрадавъ, оно готово и дѣлается тождественно по ощущаемому. «Какъ *сущіе*, звукъ и слухъ разны, но въ основѣ сво «они одинаковы»; дѣятельность слуха — ихъ единство, чувствованіе е форма ихъ тождественности, силтіе противоположности предмета и гага; чувство воспринимаетъ ощущаемыя формы безъ матеріи: та воскъ прппимаетъ печать, захватывая не металлъ, а только его форму. Это сравненіе Аристотеля подало поводъ къ безконечнымъ толкамъ: душа, какъ о пустомъ пространствѣ (*tabula rasa*), наполняемомъ одми въшними впечатлѣннми; по такъ-далекѣ сказанное сравненіе идеть; воскъ въ-самомъ-дѣлѣ отъ печати ничего не прппимаетъ; выдѣленная форма, какъ въшнее очертаніе его, нисколько ему не существенно; въ душѣ, напротивъ, форма прппимается самой сущностью е претворяется сю, такъ-что душа представляетъ живую и усвоенную себѣ совокупность всего ощущаемого. Прппманіе души дѣятельно; прппивъ, она снимаетъ страдательность, освобождается отъ нея (*); реалексія сознанія снова поставляетъ различіе; но различіе, пмьющее о момента внутри сознанія, ощущаемое въ-отношеніи къ мышленію представляетъ его непосредственность, его вещественную, матеріальную часть, безъ которой оно невозможно, въшнюю пскру, зажигающую мышленіе; однажды-вызванная мысль остановиться не можетъ, она и можетъ относиться къ своему предмету бездѣятельно, ибо она только есть дѣятельность; предметъ мысли самъ является въ формѣ мысли лишней объективности ощущаемого, и оба терпна движенія въ не-

(*) Здѣсь по неволѣ вспоминается споръ, долго тянувшійся между идеалистами и эмпириками о началѣ вѣдѣнія. Одни началомъ ставили сознаніе, другіе — опытъ. Спорили, писали томы и были очевидно неправы, потому-что обѣ стороны прппимали отвлеченіе за истину. Лейбницъ, своимъ гениальнымъ «*visi intellectus*» указалъ на разрѣшеніе спора; но его не поняли, находили, что это діалектическая уловка, искаженіе вопроса, и требовали лаконически то или другое: первенство опыта, или сознанія, *la bougie ou la vie!* Теперь этотъ вопросъ никого не занимаетъ; очевидность истины съ той и другой стороны и невозможность удержаться въ одномъ опредѣленіи, не перейдя въ другое, прямо ведетъ къ заключенію, что истина состоитъ въ единствѣ односторонностей, неисчерпывающихъ ея вразѣ, необходимыхъ другъ для друга. И чего добивались спорившіе? для чего имъ хотѣлось утвердить ничтожное хронологическое первенство за опытомъ, или за сознаніемъ? Вѣроятно, они думали на этомъ первенствѣ основать майоратъ, не замѣтивъ, что вѣдѣнію бы пользу ни разрѣшили вопроса, — побѣда досталась бы противникамъ. Если начало знанія — опытъ, то знаніе дѣйствительное должно доказать, что предположеніе, предупреждающее его, не есть знаніе, что отъ него должно отречься, потому-что оно не знаніе; начало, въ-самомъ-дѣлѣ, тотъ моментъ знанія, въ которомъ оно равно познанію, — одна возможность знанія, снимаемая развитіемъ. Знаніе равно невозможно безъ опыта и безъ смысла. Если феноменально опытъ предшествуетъ сознанію, то это не больше значитъ, какъ то, что онъ слушать въшнимъ условіемъ для обличенія предшествующаго ему разумѣнія, которое осталось бы одною возможностью, невозбужденное опытомъ. Подобныя абстракціи, удерживаемыя въ противорѣчашей полярности, ведутъ къ антиноміямъ, въ которыхъ безконечно повторяется противорѣчіе, съ монотонностью, приводящей въ отчаяніе, и указующей на какую-то пеладность въ самомъ вопросѣ. Въ этихъ антиноміяхъ безпрерывно вращается разсудочная наука. Мы съ вами еще не разъ встрѣтались.

сиди. Для мысли нѣтъ другого бытія, какъ дѣятельное для-себя-бытія, она *вовсе не имѣетъ по-себя-бытія*, ея по-себя-бытіе, матеріальное существованіе, есть именно *ея другое*. «Разумъ во всемъ у себя, онъ не мыслитъ; но онъ не имѣетъ дѣйствительности безъ мышленія, онъ ничего прежде, нежели мыслитъ», онъ живъ въ дѣятельности. Книга — книга съ бѣлыми листами, на которыхъ, *съ-самомъ-дѣль*, *ничего не написано*. Этого примѣра такъ же не позволяя, какъ примѣра о *книгѣ*, дѣятельность *тутъ принадлежитъ самой книгѣ*, а внѣшнее только *слово*; разумѣется, разумъ — бѣлый листъ прежде мышленія; разумъ — душа всего мыслимаго, но онъ ничего безъ мышленія; мыслитъ же онъ онъ самъ, — внѣшность не умѣетъ писать на бѣломъ листѣ, она *фигура* только писаря. «Разумъ страдательнъ», говоритъ Аристотель, *чувствъ и въ представленіи*, но въ *этомъ по-себя-бытіи* его, онъ *еще не развитъ*; ну съ себя думаетъ чрезъ воспріятіе мыслимаго, это *мыслимое становится*, съ тѣмъ вмѣстѣ, возбуждающе (касающееся), *что создается въ то время, какъ касается*. Разумъ — дѣятельность; то *чувствъ*, то дѣятельно, что *ощетъ*, что *просвѣтъ*; цѣль, искомое, *на-ощетъ*, *пребываютъ въ покое*, но въ мышленіи *предметъ самъ мы-ощетъ*, самъ *произведеніе мышленія*, къ себѣ *стремится*, *отъ-того* *онъ безконеченъ и свободенъ и тождествененъ съ своею дѣятель-ощетъ*, *отъ-того онъ не имѣетъ другой дѣйствительности, кромѣ для-ощетъ*.» Если мы ну съ возьмемъ за способность *внѣшняго знанія*, *это за дѣятельность*, и мышленіе *полчимъ результаты* такого *знанія*, *то мышленіе будетъ хуже того, чего достигаетъ*, — бѣдною и *скупно* воспроизводящею способностью. Свой разборъ мышленія Аристотель *включаетъ слѣдующими, чисто-эллиническими словами*: «Въ системѣ міра *какъ дакъ короткій срокъ пребыванія—жизнь*; даръ *этотъ прекрасный и вѣчный*. Бодрствованіе, чувствованіе; мышленіе — *высшія блага; наслажденія наслажденія*. Мышленіе, *нѣмощное предметомъ себя*, *пре-ощетъ* предметъ въ себя, такъ-что мышленіе и мыслимое *сли-ощетъ*, и предметъ становится *ея дѣятельностью и энергіей*. Такое мышленіе — *вѣрхъ блаженства и радость въ жизни; доблестнѣйшее за-ощетъ* *человѣка*. Энергію мышленія онъ ставитъ *вплне мыслимаго*; *и всего живое мышленіе — высшее состояніе великаго процесса все-ощетъ* *жизни*. Вотъ вамъ Грекъ во всей мощи и красѣ своего разви-ощетъ». Это послѣднее торжественное слово *плагическаго мышленія* древ-ощетъ; это рубежъ, далѣе котораго *эллинискій міръ* не могъ идти, оста-ощетъ *самимъ-собою*.

И — РЪ.

Осень, 1844.

КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЬЕРА.

Статья третья.

Переморы: Заботы о египетской армии. Графъ Сен-Жульенъ. Предвидѣнная статья мира. Сѣверный нейтралитетъ. Испанскій дворъ. Верте въ Мадридѣ. Предложенія вѣнскаго кабинета. Требования перваго консула о переморіи на моряхъ. Страхъ Австріи. Гогенлиндская конвенція. Контентель въ Люневиллѣ. Празднество 1-го валаки вѣра. Перенесеніе останковъ Тюркена. Партія. Роли Фуше, Талейрана и Камбасереса. Семейство Бонапартъ. Письма Людовика XVIII, и статьи на нихъ перваго консула. Заговоръ Черакки и Арены. Памелли Фонтана. — **Гогенлиндскіе:** Конгрессъ въ Люневиллѣ. Возобновленіе военныхъ дѣйствій. Моро и эрцгерцогъ Іоаннъ. Сраженіе при Гогенлинденѣ. Штейерское переморіе. Макдональдъ на Альпахъ. Переправа Брюна черезъ Миввию. Триевская переморіе. Возобновленіе переговоровъ въ Люневиллѣ. Люневилльскій пертъ. — **Асская мѣщина:** Замыселъ противъ перваго консула. Взрывъ въ улицѣ Сен-Никвезъ. Грязь перваго консула. Ссылка террористовъ. Низкій поступокъ Фуше. Открытіе истинныхъ виновниковъ преступленія. Казнь Карвона и Сен-Рихна. Строгое осужденіе Токино-Декрѣна, Арены и др. Внутренніе дѣла. Дорога. Сен-Кентенскій каналъ. Мосты черезъ Сену. Дорога черезъ Семплонъ. Странковичинья обители на горѣ Семни Семплонъ. — **Нейтралныя державы:** Флорентинскій трактатъ. Португалія. Адмиралъ Гантонъ. Общая коалиція противъ Англіи. Бѣдствія Англіи. Внутренніе дѣла. Состояніе. Ниттъ. Георгъ III. Нильсонъ. Коингагенъ. Расторженіе коалиціи. Открытіе въ Лондонѣ переговоровъ о мирѣ. Успѣхи Франціи со дня 18 вѣрмера.

Между-тѣмъ, какъ Озирисъ везъ въ Европу вѣсть о томъ, что произошло на берегахъ Нила, изъ Англіи были отправлены приказанія совершенно-противоположныя посланнымъ прежде. Замѣчанія сэра Спенсера-Смита были приняты въ Лондонѣ. И потому правительство ратовало за англійскую конвенцію и повелѣло лорду Кейту привести ее въ исполненіе. Но это уже было поздно, какъ мы видали; въ это время, конвенція была уничтожена оружіемъ, и Французы, снова овладѣвъ Египтомъ, не хотѣли уже больше его покинуть.

Первый консулъ съ радостью узналъ объ упроченіи своего завоеванія. Къ-несчастью, вѣсть о смерти Клебѣра дошла до него почти въ то же время, какъ и вѣсть о его подвигахъ. Грусть Бонапарте была жива и чистосердечна. Онъ радко притворялся, и то только тогда, когда бывалъ къ тому вынуждаемъ долгомъ или большими выгодами, но всегда съ усиліемъ, потому-что живость его характера дѣлала для него такое притворство труднымъ. Но въ тѣсномъ кругу своего семейства и приближенныхъ онъ сбрасывалъ съ себя всякую личину; здѣсь обнаруживалъ онъ и свою привязанность и свою ненависть съ крайнею пылкостью. Въ этой-то искренней бесѣдѣ онъ глубоко скорбѣлъ о смерти Клебѣра. Онъ не жалѣлъ въ немъ, какъ въ Дезэ, друга, но жалѣлъ великаго генерала, полководца искуснаго, болѣе-способнаго, нежели кто-либо другой, упрочить водвореніе Французовъ въ Египтъ,—водвореніе, которое онъ считалъ лучшимъ изъ своихъ подвиговъ, но которое однимъ только окончательнымъ успѣхъ могъ превратить изъ блистательной попытки въ великое, прочное предпріятіе.

Время, подобно рѣкѣ, уносящей все, что люди бросаютъ въ ее быстрые воды, время унесло эти отвратительныя выдумки, порожденныя тогда ненавистью партій. Однакоже, будетъ назидательно привести здѣсь одну изъ нихъ, хотя она уже совершенно забыта. Агенты партіи роялистовъ распространили слухъ, и англійскіе журналы повторили его, что Дезэ и Клебѣръ, помрачавшіе собою перваго консула, были умерщвлены по его приказанію—одинъ на поляхъ Маренго, другой въ Канра. Было не мало жалкихъ безумцевъ, которые повѣрили этому, а теперь почти стыдно вспоминать объ этихъ предположеніяхъ.

Первый консулъ отдалъ уже настоятельныя приказанія флотамъ, стоявшимъ въ Брестѣ и Рошфора, готовиться къ выступленію въ Средиземное Море. Испанская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Гравинны, должна была, вѣсть съ французскою, выйти изъ годовой блокады въ Брестѣ. Къ этому соединенному флоту, состоявшему изъ 40 большихъ военныхъ кораблей, должны были прикнудить французскіе корабли изъ Лорьяна, Рошфора, Тулона, испанскіе изъ Ферроля, Кадикса, Картагены. Различныя движенія этого флота должны были быть направлены такъ, чтобъ обмануть Англичанъ, привести ихъ въ недоуманіе, а тамъ временемъ адмиралъ Гантомъ, взявъ съ собою лучшіе на ходу корабли, долженъ былъ ускользнуть и перевезти въ Египетъ 6,000 отборнаго войска, множество ремесленниковъ и огромное количество военныхъ припасовъ и снарядовъ. Испанія охотно склонилась на это предложеніе. Она представляла въ возраженіе на этотъ планъ только нѣкое состояніе обоихъ флотовъ. Первый консулъ сдѣлалъ все, что было возможно, къ уничтоженію этого возраженія, и скоро корабли обоихъ флотовъ были снабжены всѣмъ необходимымъ. Въ ожиданіи, онъ хотѣлъ, чтобъ египетская армія всякіе пять или шесть дней получала отъ него извѣстія. Онъ далъ приказаніе, чтобъ изъ всѣхъ портовъ Средиземнаго-Моря, въ томъ числѣ и испанскихъ и итальянскихъ, были отправлены бриги, простые купеческія суда съ ядрами, бомбами, свинцомъ, порохомъ, ружьями, саблями, лѣсомъ для дѣланія всякихъ ново-

золь, медякаментами, хиною, зерновымъ хлѣбомъ, винами, наконецъ съ бѣлымъ тѣмъ, чего не было въ Египтъ. Онъ приказалъ, сверхъ-то чтобъ всякое изъ этихъ малыхъ судовъ несло съ собою нѣсколько месленниковъ, каменьщиковъ или кузнецовъ, нѣсколько канонировъ, нѣсколько отборныхъ кавалеристовъ. Онъ заключилъ даже условія алжирскими купцами, чтобъ они отправили въ Египетъ грузы вина, который вуждалась армія. По его приказанію, была набрана труппа комедіантовъ, былъ изготовленъ театръ, и все это должно было быть отправлено въ Александрію. Сдѣлана была подписка на лучшіе парижскіе журналы для главныхъ офицеровъ армій, чтобъ дать имъ возможность знать все, что происходило въ Европѣ. Словомъ, ничѣмъ не было пренебрежено, что могло поддержать духъ солдатъ и поставить ихъ въ непрерывное сношеніе съ родною (*).

Безъ-сомнѣнія, многія изъ этихъ судовъ должны были попасться въ руки Англичанъ, но большее число могло дохвать и дохвало действительно, потому-что обширный берегъ Дельты не могъ быть совершенно запертъ. Подобнымъ успѣхомъ не могла увѣичаться попытка снабдить продовольствіемъ Мальту, которую Англичане держали въ строгой блокадѣ. Они употребляли всевозможныя усилія овладѣть этимъ островомъ Гибралтаромъ; они знали, что здѣсь блокада могла имѣть верныя успѣхъ, потому-что Мальта—скала, которая снабжается хлѣбомъ только морскимъ путемъ, тогда-какъ Египетъ—обширная страна, питающая даже своихъ соседей. Такимъ-образомъ, они съ величайшею настойчивостью облегли это мѣсто и заставляли его испытывать всю ужасы года. Храбрый генералъ Вобузъ, съ гарнизономъ въ 4,000 человекъ, выстоялъ ихъ нападеній, но съ отчаяніемъ видѣлъ, что съ-часу-начать уменьшается продовольствіе.

Первый консулъ также много заботился объ избраніи полководца, способнаго начальствовать египетскою арміею. Потеря Клеберъ приводила его въ отчаяніе. Еслибъ Дезе остался въ Египтѣ, зло могло бы быть легко поправлено. Но Дезе возвратился и умеръ. Оставшіеся не были достойны такого начальствованія. Раньё (Reynier) былъ хороший офицеръ, воспитанный въ школѣ рейнской арміи, ученый, опытный, но холодный, нерешительный, безъ вліянія надъ войсками. Мену былъ очень образованъ, храбръ лично, энтузіастъ въ дѣлѣ экспедиціи, но неспособенъ управлять арміею, и къ-тому же онъ сдѣлался смѣшнымъ, женившись на Турчанкѣ и сдѣлавшись самъ мухаммеданомъ. Онъ сталъ называться Абдала-Мену, что казалось солдатамъ очень забавнымъ и ослабляло то уваженіе, которымъ главнокомандующій долженъ быть окруженъ. Генералъ Ланбессъ, храбрый, сметливый, полный жара, который онъ умѣлъ передавать другимъ, въ глазахъ перваго консула заслуживалъ предпочтеніе, хотя онъ и не имѣлъ довольно благоразумія. Но генералъ Мену принялъ начальствованіе по старшинству. Невозможно было быть увѣреннымъ, что повелѣніе, отправленное

(*). Вся эти подробности извлечены изъ огромной корреспонденціи перваго консула съ алжирскими войсками и морскаго министерства.

и Египетъ, доидеть туда непременно; Англичане могли перехватить и посланіе и, передавъ его не слово-въ-слово, могли чрезъ то заставить сомнѣваться на-счетъ его содержанія, а это могло поставить въ затруднительное положеніе касательно выбора главнокомандующаго, по-томъ несогласіе между генералами и привести въ смятеніе колонию. Но, опъ оставилъ дѣла въ томъ же положеніи и утвердилъ Мену, предполагая, впрочемъ, его до такой степени неспособнымъ, какъ онъ былъ на-самомъ-дѣлѣ.

Теперь надо возвратиться въ Европу, чтобъ быть свидѣтелями того, что происходило на этомъ театрѣ великихъ мировыхъ событій. Письмо, отправленное первымъ консуломъ съ самаго поля Маренго къ германскому императору, дошло до него съ вѣстью о потерянномъ сраженіи. Министръ Тугута былъ сильно ослабленъ, потому-что его непредусмотрительности приписывали все бѣдствія. Однакоже, къ этимъ ошибкамъ, уже столь важнымъ, Австрія теперь присоединила и еще не менее важную, именно, она еще тѣснѣе соединилась съ Англичанами, подъ вѣдомствомъ маренгскаго пораженія. До-сихъ-поръ вѣнскій кабинетъ не хотѣлъ принимать англійскихъ субсидій, но теперь считалъ своимъ долгомъ немедленно заглянуть потерю этой кампаніи, или для того, чтобъ въ возможности заключить болѣе-выгодный миръ съ Франціей, или для того, чтобъ быть въ возможности снова вступить съ нею въ войну, еслибы ея притязанія были слишкомъ-велики. И потому, опъ выдалъ 2,500,000 фунтовъ стерлинговъ (62 милліона рублей). За эту сумму онъ обязался не заключать мира съ Франціею прежде февраля будущаго (1801) года, и если заключить, то не иначе, какъ чтобъ тотъ миръ былъ общій и для Англій и для Австріи. Этотъ трактатъ былъ заключенъ 20 іюня, въ тотъ самый день, какъ прибыло въ Вѣну известіе о событіяхъ въ Италіи. Игакъ, Австрія связала свою судьбу съ судьбою Англій еще на семь мѣсяцевъ; но она надѣялась провести лѣто и переговоры и до зимы не начинать непріязненныхъ дѣйствій.

Императоръ отправилъ свой отвѣтъ на письмо перваго консула съ тѣмъ же офицеромъ, который привезъ ему это письмо, т. е. съ графомъ Сен-Жульяномъ, къ которому онъ имѣлъ большое довѣріе. На этотъ разъ, отвѣтъ былъ прямо адресованъ генералу Бонапарту. Онъ заключалъ въ себя ратификацію обоихъ перемирій, заключенныхъ въ Германи и Италіи, и приглашеніе объясниться со всею откровенностью объ условіяхъ будущихъ переговоровъ.

Сен-Жульянъ прибылъ 21 іюля 1800 года (2 термидора VIII г.) въ Парижъ и былъ принятъ съ большою радостью. До него давно уже по-бывали во Франціи послы императора. Въ немъ приветствовали представителя великаго государя и вѣстника мира. Мы уже сказали, какъ сильно желалъ первый консулъ окончить войну. Никто не оспаривалъ у него славы побѣды; но онъ жаждалъ теперь иной славы, менѣе-блестательной, но болѣе-новой и въ настоящее время болѣе-выгодной для его власти,—славы примирить Францію съ Европою. Въ этой пламенной душѣ желанія были настоящими страстями. Онъ искалъ тогда мира такъ же, какъ въ-послѣдствіи искалъ войны.

Талейранъ, который не менѣе нетерпѣливо желалъ того же, потопился сдѣлать заключеніе, что Сен-Жульянъ имѣлъ тайное полномочіе вступить въ переговоры, и предложилъ ему не ограничивать простыми разговорами, а начертать съ-обща предварительныя статьи мира. Сен-Жульянъ возражалъ, что не имѣетъ никакой власти приступить къ составленію трактата. Талейранъ отвѣчалъ ему, что писмо императора достаточно его въ томъ уполномочиваетъ, и что если онъ хочетъ условиться въ предварительныхъ статьяхъ и подписать ихъ подъ условіемъ дальнейшей ратификаціи, то французскій кабинетъ, и простому письму императора, будетъ считать его достаточно-аккредитованнымъ. Сен-Жульянъ, человекъ военный, повсе неопытный въ дипломатическихкихъ пріемахъ, простодушно признался Талейрану въ своемъ недоумѣніи, въ своемъ взнаніи формъ и спросилъ его, что бы онъ сдѣлалъ на его мѣстѣ. «Я бы подписалъ» отвѣчалъ Талейранъ.—Ну, хорошо, сказалъ Сен-Жульянъ:—я подпишу предварительныя статьи, которыя не должны имѣть значенія иначе, какъ послѣ ратификаціи моего государя.—«Это само собою разумѣется» возразилъ Талейранъ: «только ратификованныя обязательства между націями бываютъ действительны».

Въ основаніе переговоровъ былъ принятъ кампо-форміоскій трактатъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Сен-Жульянъ, увлекаемый за предѣлы благоразумія желаніемъ играть значительную роль, по-временамъ чувствовалъ безпокойство на-счетъ странной смѣлости, которую онъ себѣ позволилъ. 28 іюля 1800 года (9 термидора VIII г.), эти знаменитыя статьи были подписаны въ отелі министерства иностранныхъ дѣлъ, къ великой радости Талейрана, который, видя, что Сен-Жульянъ такъ хорошо приготовленъ на всѣ вопросы, вѣрилъ не-на-шутку, что онъ имѣлъ тайныя инструкціи вступить въ переговоры. Между-тѣмъ, на дѣлѣ ничего этого не было, и Сен-Жульянъ потому только такъ хорошо посвященъ былъ во всѣ обстоятельства дѣла, что въ Вѣнѣ хотѣли ему дать возможность вывѣдать у перваго консула мнѣніе относительно условій будущаго мира. Французскій министръ не умѣлъ проникнуть въ это обстоятельство и, желая составить актъ, который походилъ бы на трактатъ, впалъ чрезъ то въ важную ошибку.

Сен-Жульянъ желалъ отвезти самъ въ Вѣну эти предварительныя статьи, безъ-сомнѣнія, чтобъ изъяснить императору причины своего страннаго поведенія. Онъ отправился изъ Парижа въ сопровожденіи Дюрюка, котораго первый консулъ посылалъ теперь въ Австрію, какъ уже посылалъ его въ Пруссію, чтобъ видѣть тамъ дворъ вблизи и дать ему выгодное понятіе объ умѣренности и политикѣ новаго правительства. Дюрюкъ заслуживалъ посланій этого рода.

Чудные успѣхи Французовъ въ Италіи и Германіи естественно должны были имѣть значительное вліяніе не только на Австрію, но и на всѣ европейскіе дворы.

Одно обстоятельство должно было окончателно присоединить политику съверныхъ державъ къ политикѣ перваго консула и доставить ему союзниковъ въ дѣлѣ, для котораго онъ особенно нуждался найдти ихъ. Англичане совершили новыя насилія относительно нейтральныхъ

государствъ. Для нихъ было нестерпимо, чтобъ Русскіе, Датчавр, Швецы, Американцы посѣщали спокойно всѣ порты вселенной и своимъ алгошъ прикрывали торговлю Франціи и Испаніи.

Нейтральныя государства говорили, что война, которую вели между собою нѣкоторыя націи, вовсе не должна стѣснять ихъ собственныхъ дѣлъ, и что они имѣли право заниматься торговлею, которой лишали себя добровольно воюющія державы. Въ—слѣдствіе того, они присвоили себе право посѣщать свободно всѣ порты вселенной, даже производить торговлю между портами воюющихъ державъ, ходить, на-примѣръ, изъ Франціи и Испаніи въ Англію, изъ Англіи во Францію и Испанію и, что было наиболее оспориваемо, ходить изъ колоній въ метрополию, изъ Мехики, на-примѣръ, въ Испанію, чтобъ привозить туда металлы, комръе, безъ ихъ помощи, не могли бы никогда прійти въ Европу. Они утверждали, что *флагъ покрываетъ грузъ*, т. е. что флагъ державы, чуждой военныхъ дѣйствій, избавляетъ отъ всякихъ преслѣдованій грузъ, перевозимый на ея корабляхъ.

Однакожь, нейтральныя государства признавали, что они не должны перевозить груза, годнаго для войны, потому—что было бы совершенно противно идеѣ нейтралитета доставлять одной изъ воюющихъ державъ оружіе противъ другой. Но нейтральныя государства подразумевали заъ этимъ ограниченіемъ только предметы, приготовленные для военныхъ дѣйствій, какъ-то: ружья, пушки, военные снаряды, всякіе предметы для экипированія и пр.; а подъ запрещеннымъ продовольствіемъ они разумели только то именно, которое готовится для потребленія въ войскъ, на-пр., сухари; но привозъ на-пр. хлѣба вообще не могъ быть запрещенъ.

Что до мѣсть, въ которыя не имѣли права приходить нейтральные корабли, это были только порты, находившіеся въ настоящей блокадѣ и стерегомые морскою силою, имѣвшею возможность взять ихъ или принудить къ сдачѣ голодомъ. Но для этого требовалось, чтобъ блокированіе было предшествуемо формальными деклараціями, чтобъ блокированіе было дѣйствительное, т. е. производилось достаточными къ тому средствами, а не было простымъ предлогомъ запереть портъ.

Во избѣжаніе контрабанды, нейтральныя государства соглашались на то, чтобъ купеческія суда всѣхъ націй подвергались осмотру, но съ тѣмъ существеннымъ исключеніемъ, чтобъ торговые корабли были изъяты отъ этого осмотра, когда они конвоировались военнымъ кораблемъ. Военный или государственнй флагъ, по ихъ словамъ, долженъ былъ внушать къ себѣ довѣріе на—слово, когда онъ свидѣтельствовалъ честию своей націи, что, во—первыхъ, конвоируемыя имъ суда принадлежатъ его націи, и во—вторыхъ, что они не везутъ никакихъ запрещенныхъ предметовъ. Въ противномъ случаѣ, говорили они, простой рейсирующій бранъ могъ остановить цѣлый конвой, а съ этимъ конвоемъ—военный флотъ, можетъ—быть, даже адмирала. И кто знаетъ, какой—нибудь корсаръ могъ бы остановить или адмирала Суффрена, или лорда Нельсона!

Эта система нейтралитета поддерживалась огромным большинством наций, но была решительно оспариваема Англиею.

Вотъ въ чемъ преимущественно заключался интересъ, скрывавшій подъ софизмами британскихъ публицистовъ. Англія хотѣла воспрепятствовать тому, чтобъ Испанцамъ не были доставляемы драгоцѣнные мексикскіе металлы, главный источникъ ихъ богатства; Французамъ сахаръ, кофе, безъ которыхъ они не могли обходиться; а тѣмъ и другимъ льнопенька, сѣверное желѣзо, необходимыя для нихъ оловя. Она хотѣла имѣть возможность заморить ихъ голодомъ, въ случаѣ неурожая, какъ и сдѣлала, на-пр. въ 1793 г.; она хотѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ, и дорвать торговлю всѣхъ націй, такъ, чтобъ война, которая для торгвыхъ народовъ есть истинное бѣдствіе, сдѣлалась бы для ея торговля, какъ и было дѣйствительно, временемъ монополіи и чрезвычайнаго благоденствія. Въ-отношеніи къ Американцамъ, она имѣла еще болѣе коварный замыселъ: она хотѣла захватить всѣхъ ихъ матросовъ подъ предлогомъ, что они Англичане: это было легко сдѣлать по сходству языковъ.

Въ 1780 г., во время сѣверо-американской войны, Императрица Екатерина II образовала вооруженный нейтралитетъ противъ притязаній Англіи, желавшей господствовать на моряхъ. Первый консулъ пользовался благорасположеніемъ къ нему Императора Павла, возростающимъ раздраженіемъ нейтральныхъ государствъ, неслыханнымъ насиліемъ Англичанъ, употреблялъ всевозможныя старанія къ составленію такой же лиги и въ 1800 году.

Датскій фрегатъ *Фрея*, конвоировавшій нѣсколько датскихъ же купеческихъ судовъ, былъ встрѣченъ въ Ла-Маншѣ англійскою эскадрой Начальникъ *Фрей*, капитанъ Крабъ, не хотѣлъ допустить англійскаго адмирала до осмотра своего конвоя. Англичане употребили недостойно насиліе. Крабъ храбро защищался противъ шести военныхъ кораблей *Фрея* была взята и отведена въ Англію. Датское правительство громко жаловалось на оскорбленіе чести своего флага. Лондонскій кабинетъ вмѣсто того, чтобъ дать удовлетвореніе, имѣлъ страшную дерзость считать себя обиженнымъ и отправилъ къ Копенгагену сильную эскадру требовать удовлетворенія. Къ-несчастью, Данія была захвачена невзначай: Зундъ не былъ защищенъ; Копенгагенъ могъ подвергнуться бомбардированію, и Данія должна была подписать конвенцію. Императоръ Павелъ съ негодованіемъ услышалъ о такомъ нарушении народнаго права и велѣлъ немедленно наложить эмбарго на англійскія суда, находившіяся въ портахъ Россіи, доколѣ не объявится совершенно замыселъ англійскаго правительства. Итакъ, на сѣверѣ все благопріятствовало планамъ перваго консула. Дѣла шли не хуже и на югъ Европы, т. е. въ Испаніи. Тамъ гнала огнь исхожденія одна изъ прекраснѣйшихъ мѣдиныхъ земнаго шара, къ великому нарушенію европейскаго равновѣсія къ великой скорби благородной націи, негодовавшей на ту роль, которую ее заставляли играть въ свѣтъ. Первый консулъ, въ неутомимомъ умѣ своемъ обнимавшій разомъ всѣ предметы, уже направлялъ на Испанію усилія своей политики.

Печальная, но вѣрная картина, которую мы собираемся представить, совершенно необходима для уразумѣнія великихъ событій этого вѣка.

Король, королева испанскіе, Килъзъ-Мира, уже давно занимали собою вниманіе Европы. Всякій сказалъ бы, что знаменитый домъ Бурбоновъ былъ осужденъ судьбою, въ концѣ этого вѣка, потерять королевскую власть во Франціи, Неаполѣ, Испаніи: ибо въ этихъ трехъ королевствахъ три слабые короля отдали свой скипетръ на посмѣшище и презрѣніе свѣта, вручивъ его тремъ королевамъ или легкомысленнымъ, или жестокимъ.

Король Испаніи, Карлъ IV, былъ человекъ честный, — не такой крутой, какъ Лудовикъ XVI, болѣе-пріятный въ обращеніи, но менѣе-образованный, и характера еще болѣе-слабого. Онъ вставалъ очень-рано утромъ, не за тѣмъ, чтобъ заниматься королевскими обязанностями, а чтобъ выслушать нѣсколько объѣдовъ и потомъ отправиться въ свои мастерскія, гдѣ, вѣсть съ токарями, кузнецами, оружейниками, съшивъ съ себя платье, онъ занимался въ ихъ сообществѣ разными работами. Очень любя охоту, онъ, однакожь, предпочиталъ оружейное ремесло. Изъ мастерскихъ своихъ переходилъ онъ въ конюшни, чтобъ самому присматривать, какъ ухаживаютъ за его лошадьми, и съ противоположнымъ панибратствомъ обращался съ своими конюхами. Проведя такимъ образомъ первую половину дня, онъ обѣдалъ одинъ, безъ королевы, безъ дѣтей, и посвящалъ другую половину дня охотѣ. Нѣсколько сотенъ лошадей и слугъ приводилось въ движеніе для этой ежедневной потѣхи, которая была господствующею страстью короля. Возвращаясь, какъ молодой человекъ, онъ возвращался во дворецъ, съ четверть часа проводилъ съ своими дѣтьми, полчаса занимался подписываніемъ бумагъ по дѣламъ, рѣшеннымъ королевою и министрами, садился играть съ нѣсколькими вельможами своего двора, иногда дремалъ съ ними до ужина, послѣ того ложился спать, всегда въ одинъ и тотъ же часъ. Такова была его жизнь; въ-продолженіе цѣлаго года въ ней не было ни малѣйшаго измѣненія, исключая святой - недели, которая была посвящалась на религиозные обряды. Впрочемъ, будучи человекомъ честнымъ, вѣрнымъ своему слову, кроткимъ, человеколюбивымъ, добрымъ, онъ былъ причастенъ соблазнамъ своего двора, ошибкамъ своего правительства только тѣмъ, что допускалъ совершать ихъ, не видя ихъ, и не вѣря имъ во все продолженіе своего многолѣтняго царствованія.

Помѣвъ него, королева, сестра герцога пармскаго, воспитанница Консальяка, который написалъ для нея и ея брата прекрасныя сочиненія о воспитаніи, вела жизнь совершенно-различную, которая принесла ей очень-мало чести славному философу, наставнику ея юности, еслибы философы могли отвѣчать за своихъ учениковъ. Ей было подлѣ пятьдесятъ лѣтъ, и она сохранила еще нѣкоторые остатки красоты, которыми существованіе старалась промѣнить посредствомъ безконечныхъ увлеченій. Выслушавшая, подобно королю, ежедневно объѣды, она употребляла на корреспонденцію со многими людьми, и въ-особенности съ Килъзъ-Мира, то время, которое Карлъ IV посвящалъ своимъ

мастерскимъ и конюшнямъ. Въ этой корреспонденціи она сообщила Князю-Мира о дѣлахъ придворныхъ и государственныхъ, и получала отъ него, въ замѣнъ того, донесенія о мелочахъ и соблазнительныхъ новостяхъ Мадрида. Она оканчивала свое утро, посвящая часть своимъ дѣтямъ и часть правительственнымъ занятіямъ. Все къ подписанію короля шло чрезъ ея руки. Въ полдень она обѣдала одна, подобно тому какъ и король; остальное время дня было посвящаемо пріемамъ, въ чемъ она отличалась большою граціею, и Князю-Мира, которому ежедневно уделяла по нѣсколько часовъ.

Князь-Мира не былъ уже болѣе министромъ въ то время, о которомъ говоримъ мы; по тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ первенствующую власть въ королевствѣ. Этотъ человекъ странный, неспособный, нечувствительный, пустой, но красивый тобою, чего бываетъ достаточно для успѣха при испорченномъ дворѣ, наглый властелинъ королевы Луизы, царствовалъ уже двадцать лѣтъ надъ этою пустою и суетною душою. Скучая эту высокою благосклонностью, онъ раздѣлялъ ее охотно съ неизвѣстными любимицами, предавался тысячь безпутствъ о которыхъ онъ рассказывалъ своей вѣнчанной рабынѣ, находя удовольствіе приводить ее въ отчаяніе своими рассказами, даже обращался съ нею, какъ говорили, самымъ грубымъ образомъ,—и между-тѣмъ, онъ сохранялъ полную власть надъ этою принцессою, которая не умѣла ему противиться, и которая не могла быть счастливою, если не видѣла его всякій день. Въ Испаніи ничего не дѣлалось иначе, какъ по его волѣ; онъ располагалъ всеми государственными доходами, и имѣлъ у себя огромныя суммы наличныхъ денегъ, тогда-какъ въ казны оставались только ассигнаціи, которыхъ цѣнность упала въ-половину. Нація почти привыкла къ этому зрѣлищу; она негодовала развѣ тогда только, когда новый чрезвычайный соблазнъ выводилъ краску на лицо бѣдныхъ Испанцевъ, которыхъ героическое сопротивление скоро показало, что они были достойны много правительства. Въ ту минуту, какъ Европа оглашалась событіями, происходившими на берегахъ Понту Дуная, испанскій дворъ былъ пораженъ неслыханнымъ соблазномъ, который долженъ былъ истощить терпѣніе націи. Князь-Мира женился на родственницѣ королевской фамиліи. Родился плодъ отъ этого союза. Король и королева, желая сами быть восприемниками новорожденнаго отъ купели, приступили къ тому со всемъ церемоніаломъ, употребляемымъ при крещеніи инфантовъ. Самые высшіе сановники должны были служить при этомъ обрядѣ. Этому дѣтяти въ пеленкахъ пожалованы были первыише ордена и великолѣпные подарки. На этотъ разъ всеобщее негодованіе дошло до высшей степени, и всякій Испанецъ считалъ себя лично-оскорбленнымъ этимъ соблазномъ. Посреди всѣхъ этихъ мерзостей, одинъ король, окруженный безпрерывною бдительностью своей супруги, ничего не видѣлъ, ничего не подозрѣвалъ. Этотъ бѣдный и добрый король приводилъ иногда въ смущеніе присутствующихъ слѣдующими странными словами: «Мой неаполитанскій братъ очень глупъ, что позволяетъ женѣ водить себя за носъ». Надо прибавить, что принцъ астурийскій, въ-послѣдствіи Фердинандъ VII, воспитанный

да отъ двора, и притомъ съ невароятною жестокостью, гнушался
дворянина, котораго преступное вліяніе было ему известно.

Второй король Карлъ IV питалъ, хотя издалека, за-глаза, друже-
ское расположеніе къ первому консулу. «Генераль Бонапарте—ве-
дый человекъ!» повторялъ онъ безпрестанно. Королева говорила
ему, но холодно, потому-что Князь-Мира, осуждавшій иногда дѣй-
ствительнаго придворнаго, при которомъ онъ уже не былъ первымъ ми-
нистромъ, казался, отрицалъ склонность, обнаруживаемую къ француз-
скому правительству. Первый консулъ послалъ въ подарокъ временщи-
ку великолѣпное оружіе, изготовленное на версальскомъ заводѣ. Та-
кимъ званіемъ знаменитѣйшей особы въ Европѣ задѣло за-живо тщесла-
ва Князя-Мира, и онъ склонился на сторону Франціи.

Второй король изъявилъ желаніе получить такое же оружіе. Послѣдній
хотѣлъ сделать самое великолѣпное, которое онъ и принялъ съ истин-
ною радостью. Королева также пожелала украшеній, и госпожа Бона-
парте, славившаяся своимъ вкусомъ, послала ей все, что только Па-
ри производилъ въ этомъ родѣ самага изыскавшаго и самага изящ-
наго. Карлъ IV, щедрый какъ Кастильянецъ, не хотѣлъ отстать, и
срочно оплатилъ истинно по-царски. Онъ изъ своихъ конюшени-
ковъ отдалъ лучшихъ на всемъ полуостровѣ лошадей, сперва шесть, по-
томъ двѣнадцать, потомъ шестнадцать. Онъ бы не остановился и на
двадцать, еслибъ не умѣрилъ его жара. Онъ самъ цѣлые два мѣсяца вы-
биралъ лошадей, и никто лучше его не могъ бы выполнить этого дѣ-
ла, потому-что онъ былъ настоящій знатокъ. Онъ отправилъ во Фран-
цію съ этими лошадьми лучшихъ изъ своихъ конюховъ, одѣвъ ихъ въ
величавыя ливреи.

Все это очень нравилось первому консулу, и онъ считалъ полезнымъ
показывать Европѣ, и даже Франціи, что преемники Карла V, потомки
Людвика XIV, поставляютъ себя за честь быть съ нимъ въ личныхъ
сношеніяхъ. Но онъ искалъ болѣе-прочныхъ выгодъ въ своихъ ди-
пломатическихъ сношеніяхъ и метилъ въ болѣе-важную цель.

Король и королева испанскіе страстно любили дочь свою, инфанту
Марію-Луизу, вышедшую замужъ за наследнаго пармскаго принца. Ко-
ралева, сестра царствующаго пармскаго герцога, отдала дочь за своего
князя и сосредоточила на этой четѣ всю свою любовь, потому-
что имѣла сильную привязанность къ дому, отъ котораго сама проис-
ходила. Она мечтала для этого дома объ усиленіяхъ въ Италіи, и
такъ-какъ Италія зависѣла отъ побѣдителя при Маренго, то на него-то
она возлагала всю свою надежду для достиженія своихъ цѣлей. Первый
консулъ, свѣдавъ объ этомъ, не пренебрегъ такимъ благопріятнымъ
случаемъ и отправилъ въ Мадригъ своего вѣрнаго Бертье, человека,
имѣвшаго наиболѣе участія въ его славѣ, потому-что Бертье былъ
тогда Пармениономъ новаго Александра.

Заключенъ былъ трактатъ, которымъ первый консулъ обѣщалъ парм-
скому герцогу увеличить его владѣнія въ Италіи территорією съ 1,200
кв. миль; сверхъ-того, упрочить за нимъ королевскій титулъ и выхло-
потать признаніе этого новаго титула со стороны европейскихъ госу-

дарей, въ эпоху всеобщаго мира. За это, Испанія должна была уступить Франціи Луизиану, въ томъ пространствѣ, какъ эта область была уступлена Лудовикомъ XV Карлу III, и, сверхъ-того, дать ей шесть совершенно-вооруженныхъ линейныхъ кораблей.

Последнее условіе, имѣвшее цѣлю причудить Португалію прервать союзъ съ Англіею, представляло мало затрудненій, потому-что оно такъ же соответствовало видамъ Испаніи, какъ и видамъ Франціи.

Въ это же время, Франція примирилась съ Северо-Американскими Штатами; также пачато было сближеніе Французской-Республики съ римскими дворами.

Между-тѣмъ, графъ Сен-Жульенъ приближался къ Вьну, въ сопровожденіи Дюрока. Они прибыли въ главную квартиру 4 августа 1800 г. (16 термидора VIII г.); но Дюрокъ былъ задержанъ и не могъ пересѣчь границы, назначенной перемиріемъ. Императоръ былъ очень удивленъ и очень-недоволенъ страннымъ поступкомъ Сен-Жульена. Он боялся быть окомпрометтированнымъ передъ Англіею, которая помогала ему своими деньгами и которая была очень-подозрительна. Сен-Жульенъ сосланъ былъ въ одну изъ отдаленнѣйшихъ областей имперіи. Предварительныя статьи были объявлены заключенными агентомъ, имѣвшимъ политическаго характера и полномочія. Дюрокъ долженъ былъ отправиться обратно въ Парижъ.

Между-тѣмъ, надо было опасаться, что первый консулъ, въ негодованіи, тотчасъ покинетъ Парижъ, станетъ во главу арміи республики и пойдетъ на Вьну. И потому, Австрія, съ согласія Англіи, предложила первому консулу немедленно открыть конгрессъ; въ самой Франціи, въ Шелестадтѣ или Люпвиллѣ, какъ ему будетъ угодно. Все это сопровождалось выраженіями, которыя могли успокоить бурный характеръ чловѣка, управлявшаго тогда Франціею.

Первый консулъ соглашался допустить къ переговорамъ о мирѣ Англію, подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ заключено было также перемиріе и на моряхъ. Еслибъ Англія согласилась на это, то для Франціи выгоды перемирія на моряхъ много бы превосходили неудобства континентальнаго перемирія, потому-что французскіе флоты, плававши свободно, могли бы тогда снабжать продовольствіемъ Мальту и перевезти въ Египетъ солдатъ и военные припасы. Надо, впрочемъ, сказать, что перемиріе на моряхъ было нечто очень-новое и очень-неупотребительное въ народномъ правѣ.

Первый консулъ соглашался на нѣкоторыя видоизмѣненія въ этомъ перемиріи, соглашался даже, чтобъ Египетъ оставался въ блокадѣ, и требовалъ, чтобъ шесть фрегатомъ могли выйти изъ Тулона, идти въ Александрію и возвратиться оттуда, не подвергаясь осмотру. Лондонскій кабинетъ не хотѣлъ и слышать о такомъ условіи.

Быль сентябрь 1800 г.; протекло уже много мѣсяцевъ въ пустыхъ переговорахъ со времени побѣдъ при Маренго и Гогштедтѣ, и первый консулъ не хотѣлъ болѣе терять времени въ бездѣйствіи.

Между-тѣмъ, первый консулъ все это время занимался окончательною организаціею своихъ армій. Германскій императоръ, съ своей сто-

ны, употреблялъ въ дѣло съ величайшею дѣятельностью субсидій, дѣланныхъ Англіею. Все шло въ движеніе отъ Вѣны до Мюнхена. Франціи, не смотря на свою опытность и твердость на полѣ битвы, рѣшилась опалѣ Меласа. Самъ эрцгерцогъ Фердинандъ, служившій въ его начальствомъ, былъ удаленъ. Эрцгерцогъ Іоаннъ, молодой принцъ, очень-образованный, очень-храбрый, но безъ опытности въ военномъ дѣлѣ, съ головою, полною теорій, съ воображеніемъ, пораженнымъ подвигами генерала Бонапарте, и хотѣвшій подражать ему во что бы ни стало, получилъ главнокомандованіе императорскими арміями. Это была одна изъ тѣхъ попытокъ, на которыя охотно рѣшались въ минуты отчаянія. Императоръ отправился лично къ арміи, чтобъ сдѣлать ей смотръ, и одушевить ее своимъ присутствіемъ.

Посмотрѣвъ на все внимательно, онъ увидѣлъ, что ничто не было таково, что армія еще вовсе не оправилась, въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи, для того, чтобъ начать непріязненные дѣйствія. Въ слѣдствіе того, 20 сентября (въ 3-й дополнительный день VIII г.) заключено было въ деревнѣ Гогенлинденъ, предназначенной искорѣ сдѣлаться знаменитою, — новое продолженіе перемирія на полтора мѣсяца, за то французской арміи были сданы мѣста: Филиппбургъ, Ульмъ и Гогольштадтъ.

Тутъ принужденъ былъ оставить свой постъ, но онъ все еще сохранилъ довольно-большое вліяніе на австрійскій кабинетъ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ сдѣланъ Лербахъ; а на мѣсто его для люневильскаго конгресса былъ избранъ Лудвигъ Кобентцель, любимый генераломъ Бонапарте, бывшій уполномоченнымъ при заключеніи кампюверенскаго трактата.

Самъ Французамъ Ульма, Ингольштадта и Филиппбурга пришла очень-жгучая къ празднованію перваго вандемьера. Она должна была возбудить надежды на миръ, представивъ очевидную крайность Австріи. Въ этотъ праздникъ, одинъ изъ двухъ, сохранившихся конституціей, торжествовалась годовщина основанія республики. Первый консулъ хотѣлъ, чтобъ этотъ праздникъ былъ отправленъ съ несмѣннымъ блескомъ, какъ и день 14 іюля, когда такъ жгучи подоспѣли знамена, отбитыя въ полководческую кампанію, и память Вашингтона; онъ хотѣлъ, чтобъ этотъ праздникъ отличался характеромъ столь же патриотическимъ, но болѣе-сдержаннымъ, отъ всехъ тѣхъ, которые праздновались во время революціи, и въ-особенности, чтобъ онъ былъ изъятъ отъ всего смѣшнаго, блестящаго съ подражаніемъ древнимъ обычаямъ въ новыя времена. Все народы празднуютъ свои победы при водножій алтарей. Но алтари во Франціи въ это время не было! Тѣ, которые были воздвигнуты Богомъ Разума, во время терроризма, тѣ, которые теософянтропы вѣшали невинно цѣпами во время безчиннаго правленія директоровъ, давно уже казались смѣшными. А древній католическій алтарь же не былъ возстановленъ... Съ тѣхъ-поръ, оставался только церемоніи нѣсколько академическія, совершавшіяся подъ куполомъ Дома Национальдовъ: блестящія рѣчи, какія, на прим., могъ произносить Фонтанъ; или патриотическія пѣсни, какія умѣли сочинять Мюль и

Лесюбрь. Первый консуль чувствовалъ все это, и потому старъ замнѣть религіозный характеръ характеромъ глубоко-моральнымъ.

Во время нарушенія святыхъ гробницъ Сен-Дені, тѣло Тюренна и дено было совершенно-сохранившимся. Посреди неистовствъ черни, вольное чувство уваженія спасло эти останки отъ общаго оскверненія. Сначала перенесенные въ Ботанической-Садъ, они были потомъ вынесены Александру Ленуару, который поставилъ ихъ въ Музей Малыхъ Августинцевъ. Здѣсь-то прахъ Тюренна былъ выставленъ на показъ, бо для удовлетворенія любопытства, нежелавъ уваженія пародовъ. Первый консуль возмнилъ мысль помѣстить въ Домъ-Инвалидовъ, подъ охраніе этихъ ветерановъ, останки великаго человека. Почтить знаменитаго генерала и слугу старой монархіи, значило сблизить славу Людовика XIV со славою республики. Это перенесеніе должно было совершиться въ послѣдній дополнительный день VIII года, а на завтра, 1-го вандемьера IX года (23 сентября), долженъ былъ быть заложенъ первый камень памятника Клеберу и Дезэ. Первый консуль слѣдовалъ въ Парижъ, чтобъ всѣ департаменты прислали ему представителей, которые, своимъ присутствіемъ, дали бы этимъ празднествамъ характеръ только парижскій, но и національный.

Въ пятый дополнительный день VIII г., всѣ власти отправились въ Музей Малыхъ-Августинцевъ къ колесницѣ, на которой было положено тѣло Тюренна. На этой колесницѣ, запряженной четырьмя быками, лежала шпага героя монархіи, сохранившаяся въ фамиліи Буайоновъ, и доставленная правительству для этой благородной церемоніи. Четыре старые генерала, изуродованные на службѣ республики, держали кисти колесницы; впереди пѣгая лошадь, подобная той, на которой часто ѣзжалъ Тюренномъ, взнузданная и остывшая, какъ лошадь того времени, и ведомая негромъ, вѣрно воспроизводила нѣсколько образъ того вѣка, которому воздавали почести. Тѣло Тюренна съ большою ревносіею, при звукахъ торжественной музыки, было положено въ гробницу, гдѣ оно покоится и нынче, гдѣ вскоре долженъ былъ совершиться съ Тюренномъ и его соотечественникомъ по славы, знаменитый и добродетельный Вобанъ, и гдѣ нѣкогда долженъ былъ соединиться съ нимъ творецъ великихъ, нами повѣствуемыхъ дѣяній.

Вечеромъ того дня дано было даромъ для народа въ столицѣ представленіе *Гартюфа* и *Сиды*. Первый консуль присутствовалъ на этомъ представленіи...

На другой день, первый консуль отправился, въ сопровожденіи всѣхъ властей и представителей отъ департаментовъ, на Площадь-Побѣды. Здѣсь долженъ былъ возвыситься памятникъ въ египетскомъ стилѣ, предъ которымъ значенный принять смертные останки Клебера и Дезэ, которыхъ первый консуль хотѣлъ положить другъ возлѣ друга. Онъ заложилъ первый камень и потомъ отправился верхомъ въ Домъ-Инвалидовъ. Здѣсь министръ внутреннихъ дѣлъ, братъ его Люсиавъ, произнесъ о состояніи республики рѣчь, произведшую живое впечатлѣніе. Едва подувшвару плесканія правтвствовали оратора, сблизившаго настоящій вѣкъ съ домомъ Людовика XIV: «Всякій бы сказалъ» произнесъ онъ: что

она встрѣчаются и подають другъ другу руку на этой великой гробнице! Ораторъ указалъ на гробницу Тюренна...

Во время этой церемоніи, первый консулъ получилъ телеграфическую вѣсть о гогенлинденскомъ перемиріи и слѣдъ Филиппбурга, Ульма, Кинштадта. Онъ передалъ брату своему Люсіану ноту, которая была прочтена всѣмъ присутствовавшимъ и встрѣчена болѣе-громкими рукоплесканіями, нежели академическая рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ. Крѣпъ былъ въ какомъ-то восторгѣ отъ этого извѣстія. Не боялся даже войны; оправдано довѣріе къ генію перваго консула и къ мужеству французскихъ войскъ, еслибъ понадобилось продолжать войну; но всѣ столькожъ битвъ, послѣ столькожъ волненій, желалъ насладиться въ мирѣ пріобрѣтенною славою и занимавшеюся зарею благоденствія.

Первый консулъ, довольный уваженіемъ всей Франціи, мало заботился о болтовнѣ и замыслахъ окружавшихъ его партій. Не то, чтобы онъ былъ нечувствителенъ къ этимъ пустымъ рѣчамъ людей праздныхъ, но въ настоящее время онъ былъ такъ-занятъ своимъ дѣломъ, что не могъ обращать много вниманія на эти рѣчи. Не болѣе тревожилъ его и заговоры противъ сего особы: на нихъ смотрѣлъ онъ, какъ на одинъ изъ тѣхъ шансовъ, которые встрѣчалъ на поляхъ битвъ съ равнодушіемъ фаталиста. Впрочемъ, онъ ошибался насчетъ предвѣщавшихъ ему опасностей. Исторгнувъ 18 брюмера власть у партіи революціонеровъ, имѣя теперь эту партію главнымъ врагомъ своимъ, онъ приписывалъ ей все, что ни случалось. Роялисты были въ его глазахъ, по-крайней-мѣрѣ тогда, преслѣдуемою партією, которую надо было вымѣть изъ угнетенія. Онъ хорошо зналъ, что между ними есть замѣта; но привыкъ ожидать всякаго насилія только со стороны революціонеровъ. Одинъ изъ его совѣтниковъ, при всемъ томъ, старался искоренить это заблужденіе: то былъ Фушѣ, министръ полиціи.

Въ этомъ правительствѣ, сосредоточившемся почти въ одномъ чело-вѣкѣ, всѣ министры были незамѣтны, исключая двухъ — Фушѣ и Тамірана.

Министръ полиціи, хотя находившійся подъ верховнымъ и бдительнымъ надзоромъ перваго консула, имѣлъ въ то время страшную власть. Фушѣ, призванный къ этому посту, старый ораторіанецъ и старый членъ Конвента, былъ человекъ смысленный и хитрый, ни добрый, ни злой, хорошо-знавшій людей, особенно дурныхъ, и презиравшій ихъ; онъ употреблялъ суммы полиціи на содержаніе агентовъ, которые участвовали во всѣхъ смятеніяхъ, и на то, чтобы наблюдать за ними; всегда былъ готовъ дать кусокъ хлѣба или мѣсто всякому, кто былъ промѣнъ политическими тревоженіями, и такимъ образомъ пріобрѣталъ въ правительствѣ друзей, и особенно пріобрѣталъ ихъ самому-себѣ, окружалъ себя людьми обязанными, которые никогда не упускали случая угодничать его обо всемъ, о чемъ желалъ онъ знать; имѣлъ такихъ обязанныхъ, приверженныхъ къ себѣ людей во всѣхъ партіяхъ, даже между роялистами, съ которыми умѣлъ ладить и которыхъ умѣлъ сдерживать встать; всегда зналъ обо всемъ во-время, никогда не преувеличивалъ опасности; вѣрно отличалъ онъ безразсуднаго отъ человека, ко-

торого надо было действительно опасаться, умѣлъ предостерегать ного, преслѣдовать другаго, — словомъ, превосходно отпиривалъ свою обязанность. Онъ былъ бы великимъ мистромъ, еслибъ имѣлъ бо- возвышеннѣя побужденія, еслибъ его снисходительность имѣла дру- принципъ, а не равнодушіе къ добру и злу, еслибъ его дѣятельно имѣла другое побужденіе, кромѣ страсти во все вмѣшиваться, чтѣ да- ло его подозрительнымъ первому консулу и выставило его часто и- стымъ интригантомъ. Первый консулъ пользовался Фушѣ, но довѣря- ему, и потому часто старался замѣнить или повѣрять его, да- денгъ своему секретарю Бурьенну, коменданту Парижа Миоратт, особенно своему адъютанту Саварі. Но Фушѣ всегда умѣлъ показа- неловкость и ребячскіе промахи этихъ господъ и доказать, что о- одинъ хорошо знаетъ все.

Фушѣ, хороше-вняя нравственное состояніе революціонеровъ, не- реставалъ повторять, что опасность, еслибъ она и была, — была- екорѣе со стороны роялистовъ, нежели со стороны революціонеро- Первый консулъ признавалъ заслуги этого челоуька, не любя его.

Талейранъ, происходившій отъ знатнаго рода, предназначенный- рожденію своему къ военному званію, осужденный на духовное зва- несчастнымъ случаемъ, лишившимъ его употребленія ноги, неимѣя- вовсе никакого расположенія къ этой возложенной на него обязаннос- бывшій постепенно прелатомъ, придворнымъ челоуькомъ, революціо- ромъ, эмигрантомъ, потомъ, въ заключеніе всего, министромъ вностр- ныхъ дѣлъ во время директоріи, — Талейранъ сохранилъ въ себя кое-ч- отъ всѣхъ этихъ состояній: въ немъ впадѣнъ былъ епископъ, вельможа, - волюціонеръ. Не имѣя никакого самостоятельнаго образа мыслей, обла- только природною умѣренностью, противившеюся всякимъ преувѣлч- ніямъ; усвоивъ себя тотчасъ идеи тѣхъ, которымъ онъ хотѣлъ нравити- али по склонности, или по расчету; выражался чуднымъ языкомъ, п- надлежавшимъ тому обществу, котораго наставникомъ былъ Вольтер- готовый на отвѣты живые, колкіе, дѣлавшіе его страшнымъ сто- ко же, сколько онъ былъ пріятелемъ; попеременно то ласк- вый, то пренебрежительный, то сообщительный, то непроницаемъ- непривужденный, полный достоинства, хромой и потерявшій чрезъ то г- жин, наконецъ челоуькъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ, каково мог- произвести только революція, онъ былъ самымъ обольстительнымъ д- вломатомъ, но въ то же время неспособнымъ управлять дѣлами н- ликаго государства, потому-что для управленія необходимы: во- взглядъ и трудъ, а онъ не имѣлъ ни того, ни другаго, ни трет- яго. Первый консулъ употреблялъ его только для сношеній съ ин- странными министрами по своимъ указаніямъ, чтѣ Талейранъ и выис- налъ съ неподражаемымъ искусствомъ. При всемъ томъ, онъ имѣ- и нравственное достоинство, именно любилъ миръ и выказывалъ это- правленіе челоуька, любяшаго войну. Одаренный изящнымъ вкусомъ- варнымъ тактомъ, даже полезною лѣнью, онъ могъ оказать истинны- услуги, только противопоставляя обилію рѣчей, пера и дѣйствій перва- консула свою воздержность, свою точную во всемъ мѣру, даже сво-

способность ничего не делать. Но онъ имѣлъ мало вліянія на своего действительнаго вѣстателя, и потому пользовался властію еще менѣе, чѣмъ Фушэ.

Впрочемъ, Талебранъ говорилъ совершенно-противное тому, что говорилъ Фушэ. Любя старыи образъ правленія, исключая лицъ и смѣшанныхъ предразсудковъ прежняго времени, онъ совѣтовалъ снова устроить-можно-скорѣе монархію, или что-нибудь ей подобное, пользуясь славою перваго консула за недостаткомъ королевской крови, и приговаривалъ, что если хотять заключить въ скоромъ времени прочный миръ съ Европою, то надо спѣшить ей уподобиться. И, въ то время; когда министръ Фушэ, во имя революціи, совѣтовалъ не идти слишкомъ далеко, Талебранъ совѣтовалъ, во имя Европы, не идти такъ медленно. Первый консулъ по достоинству цѣнилъ и того, и другаго, и ни одному изъ нихъ не ввѣрялся совершенно. Полной его довѣренности пользовался только сотоварищъ его, Камбасересъ. Не имѣя блистательнаго ума, Камбасересъ былъ одаренъ рѣдкимъ здравымъ смысломъ и имѣлъ безпредѣльную привязанность къ первому консулу. Провѣдая дѣлать своей жизни въ страхъ, во время гонителей всякаго рода, онъ съ любовью любилъ могучаго властелина, даващаго ему возможность думать на свободу. Онъ противорѣчилъ первому консулу, но не иначе какъ на-единѣ и когда чувствовалъ, что было еще время поправить ошибку. Но консулъ Камбасересъ имѣлъ много странностей: былъ физически-тщеславенъ съ низшими, ежедневно прогуливался въ Палеатинѣ въ смѣшно-великокошнй одеждѣ, и славился обжорствомъ, вошедшимъ въ пословицу.

Первый консулъ охотно прощалъ своему сотоварищу все это и находилъ въ немъ необыкновенный здравый смыслъ, приверженность къ себѣ; смѣялся надъ его странностями, но всегда съ осторожностью, и оказывалъ ему величайшую изъ почестей—только ему одному говорилъ все, только и интересовался, что его мнзніемъ. И потому одинъ только Камбасересъ имѣлъ большое вліяніе на перваго консула. Безъ сомнѣнія, Камбасересъ былъ не гений, а только благоразуміе; для того же, чтобы создать великое государство, необходимы и другіе.

Чтобы имѣть вѣрное понятіе о людяхъ, окружавшихъ перваго консула, надо сказать нѣсколько словъ и о его семействѣ. У него было четверо братьевъ: Іосифъ, Люсіанъ, Лудовикъ и Іеронимъ. Мы незнакомы, въ свое время, съ двумя послѣдними. Іосифъ и Люсіанъ для насъ только имѣли тогда сколько-нибудь значенія. Іосифъ, старшій изъ братьевъ, женился на дочери богатаго и почтеннаго марсельскаго негодяя. Онъ былъ скромнѣе, довольно-хитеръ, пріятель въ обхожденіи, и менѣе прочихъ наскучалъ брату. Ему-то первый консулъ предоставлялъ честь вести переговоры о мирѣ между республикою и государствомъ стараго и новаго свѣта. Онъ поручилъ ему заключить переговоры, который Франція готовилась заключить съ Америкой, и назначилъ его уполномоченнымъ въ Люневиль, стараясь такимъ образомъ играть для него роль, которая поправилась бы Франціи.—Люсіанъ,

бывшій въ настоящее время министромъ внутреннихъ дѣлъ, былъ ловакъ умный, но ума неровнаго, безпокойнаго, непокорнаго, имѣвшій довольно таланта, хотя онъ имѣлъ его на столько, чтобы купить то, чего ему не доставало въ-отношеніи здраваго смысла. Они дѣйствили склонности перваго консула достигнуть верховной власти и причина этому понятна. Геній перваго консула, его слава, принадлежали ему лично: только одно качество могло перейти на чинъ его семейства, — это качество принцевъ крови, которыми бы сдѣлалась, еслибъ генераль Бонапарте предпочелъ величество государя званію перваго сановника республики. Его братья были изъ числа людей, которые наименѣ воздерживались утверждать, что истинный образъ правленія былъ только переходный, выдуманннй за тѣмъ, чтобы похвалить революціоннымъ предразсудкамъ, но они полагали, что если надо основать что-нибудь прочное, необходимо дать власти элементъ сосредоточенности, единства и продолжительности. Изъ всего этого легко было вывести заключеніе. Первый консулъ, какъ всѣмъ извѣстно, не имѣлъ дѣтей, что приводило въ затрудненіе тѣхъ, которые мечтали уже о преобразованіи республики въ монархію. Хотя въ будущемъ, это немнѣе наследниковъ могло быть личною выгодною для братьевъ перваго консула, теперь это было аргументомъ противъ ихъ предначертаній, и они часто укоряли г-жу Бонапарте въ несчастную причину котораго ей приписывали. Находясь съ нею въ ссорѣ изъ зависти къ ея вліянію, они мало щадили ее въ разговорахъ съ ея мужемъ, и безпрестанно громко повторяли, что первому консулу необходимо нужна супруга, которая дала бы ему дѣтей, что въ этомъ заключается не частный, а общественный интересъ, и что рѣшимость въ этомъ отношеніи неизбежна, если хотятъ упрочить будущность Франціи. Итакъ, по-видимому, столь счастливая супруга перваго консула была въ эту минуту далека отъ счастья.

Принцъ, бывшій въ-послѣдствіи Лудовикомъ XVIII, въ то время находившійся въ изгнаніи, сдѣлалъ странную и мало-обдуманную попытку. Многіе роялисты, чтобы изъяснить и извинить свое примиреніе съ новымъ правительствомъ, дѣлали видъ, что вѣрятъ, или въ-самомъ-дѣлѣ вѣрили, будто генераль Бонапарте хотѣлъ возвратити Бурбонскую династію. Лудовикъ, одаренный тактомъ и умомъ, поступилъ неловко, написавъ собственноручно нѣсколько писемъ генералу Бонапарте, которые доказывали только одно: обыкновенныя мечты эмиграціи. Вотъ первое изъ этихъ писемъ.

20 февраля 1800 года.

«Такіе люди, какъ вы, государь мой, чѣмъ бы ни казались имъ изъ ступки, по-видимому, никогда не внушаютъ безпокойства. Вы получили для себя высокое мѣсто, и я этимъ очень-доволенъ. Лучше, чѣмъ я знаю, вы знаете, что необходимы сила и могущество, чтобы сдѣлать великую дѣлю счастливою. Спасите Францію отъ ея собственныхъ

исполнить—вы исполните первѣйшее желаніе моего сердца; возвратите ей короля ея, и грядущія поколѣнія благословятъ вашу память. Вы всегда будете такъ необходимы для государства, что я никогда не буду въ силахъ заплатить самыми важными мѣстами долгъ моихъ предковъ и мой собственный.

«Лудовикъ.»

Первый консуль былъ очень изумленъ, получивъ это письмо, и оставилъ въ нерешимости, не зная, что отвѣчать. Принцъ, вѣтеринарный, въ эмигрантъ, написалъ другое письмо. Вотъ оно:

«Уже давно, генераль, вы должны знать, что я уважаю васъ. Если бы сомнѣваетесь, что я съумѣю васъ отблагодарить, назначьте себѣ что, устройте судьбу друзей своихъ. Что до моихъ правилъ, я — французъ; милосердый по характеру, я буду такимъ и по разуму.

«Вѣтъ, побѣдитель при Лоди, Кастильйоне, Арколе, покоритель Италіи и Египта не можетъ предпочитать славу суетную знаменитости! Матушкѣ, вы теряете драгоценное время: мы можемъ устроить споминаніе Франціи; я говорю, мы, потому-что нуждаюсь для этого въ Бонапартѣ и потому-что онъ не могъ бы совершить этого безъ меня.

«Генераль, Европа смотритъ на васъ, васъ ждетъ слава, и я нетерпѣливо желаю дать миръ моему народу.

«Лудовикъ.»

На этотъ разъ, первый консуль счелъ необходимымъ дать отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

Парижъ, 20 фрюктидора VIII года (7 сентября 1800).

«Я получилъ, милостивый государь, ваше письмо; благодарю васъ за высказанное вами благородное на мой счетъ мнѣніе.

«Вы не должны желать возвращенія во Францію: вамъ пришлось бы пройти по пяти-стамъ тысячамъ труповъ.

«Пожертвуйте своими личными выгодами спокойствію и счастію Франціи; исторія почтетъ васъ за это.

«Я не нечувствителенъ къ несчастіямъ вашей фамиліи; я съ удовольствіемъ буду способствовать пріятности и тишинѣ вашего убѣжища.

«Бонапартѣ.»

Изъ этихъ словъ можно уже было заключить нечто, и личныя намеренія перваго консула сдѣлались чрезъ нихъ болѣе-очевидными. Покушенія партій противъ рождающейся власти всегда способствуютъ ея успѣхамъ и даютъ ей смѣлость дерзать на все, о чемъ она только мыслитъ.

Разглагольствователи-патріоты, болѣе-шумные и гораздо-менше опасные, нежели агенты роялизма, часто собирались у Демервиля, пустаго говоруна, служившаго прежде въ Комитетъ-Общественнаго-Благосостоянія и бывшаго теперь безъ мѣста. Къ нему являлись Корсиканецъ Арена, одинъ изъ членовъ Пятисотеннаго-Совета, бѣжавшихъ къ окну въ

день 18 брюмера; Топпино-Лебрёнъ, живописецъ не безъ таланта, ученикъ Давида, и нѣсколько Итальянцевъ, изъ которыхъ самый шумный былъ скульпторъ Черанки. Искали Брута, чтобъ вразить новаго Цезаря. Наконецъ, избрали для этой роли какого-то отставнаго военнаго по имени Гарреля, который струсилъ и измѣнилъ безумцамъ. Полиція, однакоже, не перестала разжигать пламень, дала денегъ Гаррелю. Это дѣйство условлено было совершить въ Театръ Оперы, называвшемся тогда Театромъ-Искусствъ, въ тотъ день, когда первый консулъ долженъ былъ прѣхать на представленіе новой оперы. Полиція, предупредительная, приняла всевозможныя предосторожности. Заговорщики дѣйствительно явились на сборное мѣсто, но не всѣ, и то безъ оружія. Вѣдущіе были только подосланные для вида самую полицію. Черанки и Арена были схвачены тутъ же; другіе были переловлены въ домахъ, гдѣ искали себя спасенія.

Это происшествіе надѣлало такой шумъ, какого не заслуживало. Все было увѣрено въ важности заговора; общее негодованіе и участіе въ разсудкахъ депутаций отъ всѣхъ властей и во множествѣ адресовъ, полученныхъ первымъ консуломъ.

Первый консулъ, однакоже, не хотѣлъ, чтобъ вѣрили, что его жизнь зависитъ отъ перваго встречнаго, и считалъ полезнымъ внушить всѣмъ, что, окруженный маревскими гренадерами, онъ недоступенъ ударамъ убійцы.

Между-тѣмъ, партизаны перваго консула поговаривали, одни изъ убѣжденія, другіе, чтобъ польстить своему владыкѣ, — что необходимо для утвержденія счастья Франціи нѣчто болѣе-прочное, нежели эфемерная власть одного человека, могущаго погибнуть отъ книжала убійцы. Появился очень-странный, но очень-замѣчательный безымянный памфлетъ, который приписывали Люсиану Бонапарте, но который, по необыкновенному изяществу языка, по классическому знанію исторіи, долженъ былъ быть приписанъ своему настоящему автору, т. е. самому де-Фонтану. Этотъ памфлетъ произвелъ тогда сильное движеніе въ умѣхъ. Онъ обозначаетъ одинъ изъ шаговъ, сдѣланныхъ генераломъ Бонапарте на пути къ верховной власти. Заглавіе его было: «Параллель между Цезаремъ, Кромвелемъ, Монкомъ и Бонапарте». Авторъ сравнивалъ сперва генерала Бонапарте съ Кромвелемъ и не находилъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ этимъ главнымъ лицомъ англійской революціи. «Кромвель» говорилъ онъ: «былъ фанатикъ, кровожадный вождь бунтовщиковъ, царубійца, побѣдитель только на гражданской войнѣ, завоеватель нѣсколькихъ городовъ и провинцій Англіи; варваръ, варваръ, разорившій Оксфордскій и Кембриджскій Университеты. То былъ искусный злодѣй, а не герой. Что до Монка, то есть ли что-нибудь общее у этого робкаго человека, у этого переметчика всѣхъ партій, презнавшаго цѣли, куда онъ шелъ, случайно способствовавшаго монархіи, съ генераломъ Бонапарте, съ этимъ умомъ столь твердымъ, такъ ясно сознававшимъ, чего онъ хотѣлъ?.. Титулъ герцога Альбемарля могъ удовлетворить тщеславіе генерала Монка; но не-уже-ли

верять, чтобъ маршальскій жезлъ или коннетабльская шпага могли доминировать человека, *предъ которымъ смолкла Европа?..*»

Отвергнувъ вся эти сравненія, авторъ не находилъ въ исторіи никого сходнаго съ Бонапарте, кромѣ Цезаря. Онъ признавалъ въ немъ не же военный геній, то же политическое величіе, но находилъ въ немъ некоторое несходство: Цезарь, во главѣ римскихъ демагоговъ, сметалъ партію людей честныхъ и разрушилъ республику; генералъ Бонапарте, напротивъ, возвысилъ во Франціи партію людей честныхъ и низложилъ партію злыхъ.

Все это была правда: подвигъ, предпринятый доселѣ генераломъ Бонапарте, былъ нравственнѣе цезарева.

Если всѣхъ этихъ сравненій, надо было сдѣлать заключеніе... «Счастлива была бы республика» восклицалъ авторъ: «еслибъ Бонапарте былъ божествомъ! Но гдѣ» присовокуплялъ онъ: «гдѣ его наследники? гдѣ предки, могущія поддержать его благія дѣла и увѣковѣчить его геній? Если тридцати милліоновъ людей зависить отъ жизни одного человека Французы, что стало бы съ вами, еслибъ вдругъ погребальный крикъ возвѣстилъ вамъ, что этотъ человекъ болѣе не существуетъ?»

Авторъ изслѣдовалъ здѣсь различныя шансы, которые могли предстать по смерти генерала Бонапарте... *Французы! вы спите на краю пропасти!*... Таковы были послѣднія слова этого страннаго сочиненія.

Все высказанное здѣсь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ льстивыхъ выказаній, было истинно; но эти истины были преждевременны. Люсианъ, вѣдѣвъ внутреннѣе дѣло, употребилъ вся средства къ распространенію этого сочиненія по всей Франціи. Pamphletъ произвелъ большой эффектъ. Въ основаніи, онъ говорилъ то, о чемъ все думали; но онъ требовалъ отъ Франціи признанія, которое сдѣлать ей не позволяла чести-законная гордость. Восемь лѣтъ назадъ, была уничтожена четырехдѣсяти-лѣтняя власть короля, и теперь такъ скоро Франція должна была признаться у ногъ тридцатилѣтняго генерала, что она обманулась, и молить его воскресить эту власть въ его особѣ! Правда, всякому дано ему власть равную власти королей, но надо было по крайней-мѣрѣ спасти видимыя приличія, хоть для сохраненія національнаго достоинства.

Продолженіе перемирія, купленное Австрією уступкою Филиппбурга, Альма и Ингольштадта, было на исходе, а переговоры, начатыя въ Люневиллѣ, представляли много затрудненій къ заключенію мира. Между-тѣмъ, положено было снова начать непріязненные дѣйствія 28 ноября (7 Фримера IX г.). Кобентцель и Юсифъ Бонапарте оставались въ Люневиллѣ, выжидая событій, которыя должны были произойти разойти на Дунаѣ, Иннѣ, Альпахъ и Эцѣ.

Первый консулъ расположилъ пять армій на этомъ обширномъ театръ войны. Онъ не принималъ ни надъ одною изъ нихъ главнокомандованія; но на всякій случай его эскадрижи находились въ Дижонѣ, чтобъ могъ оттуда вѣхать всюду, куда потребуетъ необходимость.

Эти пять армій были: армія Ожеро, на Майнѣ, состоявшая изъ 20

тысячь человекъ; армія Морó, на Иннъ, изъ 130 тысячь; Макдонада, въ Граубинденъ, изъ 15 тысячь; Брюна, на Минчіо, изъ 125 тысячь человекъ, и корпусъ Мюрата, шедшаго въ Италію съ 10 тысячами амьенскихъ гренадеръ. Если къ этому числу присоединить тысячь, находившихся въ Египтѣ и колоніяхъ, 60 тысячь внутри на берегахъ Франціи, то выйдетъ, что республика, въ правленіе ея ваго консула, имѣла подъ ружьемъ почти до 400 тысячь войска. Артилерія была хорошо устроена и многочисленна. У Морó было 200 орудій, у Брюна 180.

Двѣ главныя арміи, Морó и Брюна, должны были пробиться, первая за Иннъ, другая за Минчіо. Обѣ онѣ равнялись противопоставленнымъ имъ непріятельскимъ войскамъ въ численной силѣ, но безъпревосходили ихъ въ силѣ нравственной. Между ними лежала цѣль Альповъ, образующихъ въ этомъ мѣстѣ Тиролю. Австрійцы имѣли корпусу въ нѣмецкомъ и итальянскомъ Тироля. Генераль Макдональсъ съ 15 тысячь человекъ, которымъ дали грозное названіе второй резервной арміи, долженъ былъ занимать собою вниманіе обонхъ этихъ корпусовъ. Австрійцы опасались чего-нибудь въ родѣ чуднаго перехода чрезъ Сен-Бернаръ. И потому Морó и Брюнъ, обезопасенные со стороны Альповъ, могли всею массою своихъ силъ идти впередъ. Небольшая армія Ожерó прикрывала во Франконіи и Швабіи лѣвый флангъ тыла Морó, а Мюратъ прикрывалъ правый флангъ и тылъ Брюна противъ инсургентовъ Средней-Италіи, протягъ Неаполитандецъ, Агличанъ и проч.

Первый консулъ вынужденъ былъ на такіа благоразумныя предосторожности, потому-что исполнителями его плановъ были Брюнъ и Морó. Морó, лучший изъ обонхъ и одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ, и былъ, однакожь, способенъ совершить то, что самъ первый консулъ, сделавшись императоромъ, совершилъ въ 1805 г., когда, собравъ значительную силу на Дунаѣ, и оставивъ меньшую силу въ Италиі, онъ подобно молніи, устремился на Вѣну, не беспокоясь ни о своихъ флангахъ, ни о тылѣ, и полагая свою безопасность въ сокрушительной силѣ ударовъ, наносимыхъ имъ главному непріятелю.

Эригерцогъ Іоаннъ начальствовалъ надъ австрійскою дунайскою арміею. 1-го декабря (10 фримера IX г.), онъ направилъ большую часть своей арміи на лѣвое крыло Французовъ: сорокъ тысячь напало и двадцать-шесть тысячь; Морó, видя превосходство Австрійцевъ, имѣлъ благоразуміе отступить въ величайшемъ порядкѣ; онъ удалился въ центръ обширнаго гогенлинденскаго лѣса. Эригерцогъ Іоаннъ, упоенный первымъ успѣхомъ, рѣшился напасть на армію Морó. 3-го декабря (18 фримера) совершилась знаменитая битва при Гогенлинденѣ. Дело завязалось рано утромъ. Генералы Ней, Ришпансъ, Лекурбъ, Дюканъ, соревновали другъ другу въ искусствѣ и отважности, и способствовали успѣху соображеній Морó. Дивизіи Ней и Ришпанса обошедшія въ тылъ Австрійцевъ, рѣшили побѣду. Торжество Французовъ было полное. Австрійская армія еще болѣе встратила затрудненій выйти изъ лѣса, нежели сколько преодоляла ихъ, проникая туда

Карпус бродили, не зная куда бѣжать, попадали въ руки побѣдоносной арміи и полагали оружіе. Было уже пять часовъ; ночь набрасывала свои тѣни на поле битвы. Французы убили или ранили отъ 7 до 8 тысячъ непріятелей, взяли 12 тысячъ пленныхъ, захватили 300 повозокъ, сбавили 87 орудій, — такіе результаты на войнѣ очень-рѣдки. И такъ, австрійская армія потеряла въ одинъ день 20 тысячъ солдатъ, почти всю свою артиллерію, обозы, и, что еще важнѣе, всю свою нравственную силу.

Это сраженіе — одно изъ славнѣйшихъ, данныхъ генераломъ Морó, конечно одно изъ величайшихъ въ тотъ вѣкъ, который былъ свидѣлемъ столькихъ чудныхъ битвъ. Говорили ошибочно, что при Магено побѣдителемъ былъ не генералъ Бонапарте, а кто-то другой, и что это былъ генералъ Келлерманнъ. Можно было бы сказать, съ большо-большимъ основаніемъ, что кто-нибудь другой былъ побѣдителемъ при Гогенлинденѣ, а не генералъ Морó, и что это былъ генералъ Рашинъ; потому-что тотъ по нѣскольکو-неопредѣленному приказу совершилъ прекраснѣйшій маневръ. Но, хотя менѣе-несправедливое, это мнѣніе было бы все-таки несправедливымъ. Оставимъ каждому право собственности на имя его и не будемъ подражать этимъ печальнымъ усиліямъ зависти которая всюду отъспкиваетъ побѣдителя пнаго, кромѣ самого побѣдителя.

Послѣ этой важной побѣды должно было живо преслѣдовать австрійскую армію, идти на Вьну.

Французы перешли Иннъ. Австрійскія войска отступали предъ ними. Морó шелъ на Штейеръ, чтобъ перейти въ этомъ пунктѣ Энсъ.

Юный эрцгерцогъ Іоаннъ, совершенно-упавшій духомъ отъ такихъ страшныхъ исудачъ, былъ замѣненъ эрцгерцогомъ Карломъ, съ котораго силы наконецъ опали, предложивъ ему совершенно-невозможную задачу — спасти австрійскую армію.

Между-тѣмъ, Французы стояли уже у воротъ Вьны. Многіе изъ генераловъ совѣтовали Морó завоевать Вьну. «Лучше» говорилъ онъ: «завоевать миръ... Я не получаю вѣстей ни отъ Макдональда, ни отъ Брюна; не знаю, успѣлъ ли одинъ изъ нихъ проникнуть въ Тироль, другой смогъ ли перейти Минчіо! Ожеро очень-далеко отъ меня, въ худомъ положеніи; я, можетъ-быть, доведу Австрійцевъ до отчаянія, стараюсь ихъ унижить. Лучше остановиться и удовольствоваться миромъ, потому-что за него мы только и сражаемся.»

25 декабря (4 нивоза IX г.) Морó согласился заключить въ Штейерское перемиріе, котораго условія были слѣдующія. Непріязненные дѣйствія должны были прекращены въ Германіи. Генералъ Брюнъ и Макдональдъ должны были получить приглашеніе заключить подобное перемиріе для армій граубюнденской и итальянской. Французамъ отдана вся долина Дуная, въ томъ числѣ и Тироль, и сверхъ того некоторые укрѣпленныя мѣста. Австрійскіе магазены были отданы въ ихъ распоряженіе. Ни французская, ни австрійская арміи не могли отступать отъ себя войскъ въ Италію, еслибъ случилось, что на перемиріе не согласился бы генералы, дѣйствовавшіе въ этой странѣ.

Во время этихъ событій въ Германіи, непріязненные дѣйствія продолжались на Альпахъ и въ Италіи.

Первый консулъ далъ приказаніе Макдональду идти чрезъ Альпы на Итальянскій-Тироль, въ обходъ Австрійцамъ, дѣйствовавшимъ на равнинахъ Италіи. Никакія возраженія, представлявшія высоту горъ, жестокость времени года, не могли поколебать перваго консула. Онъ вторялъ только одно, что всюду, гдѣ два человека могутъ вступить, есть возможность пройти цѣлой арміи, и что чрезъ Альпы легче перейти во время морозовъ, нежели во время таянія снѣговъ, какъ онъ самъ переходилъ чрезъ Сен-Бернаръ. Это было разсужденіе человека съ непреклонною волею, которыйи хочетъ, во что бы то ни стало, достигъ своей цѣли. Самое дѣло доказало, что въ горахъ зима представляла опасности по-крайней-мѣрѣ равныя весеннимъ, и что, сверхъ-того, она осуждала людей на ужасныя страданія.

Генераль Макдональдъ выполнилъ приказаніе со всею энергіею своего характера.

Выждавъ успѣховъ Макдональда, Брюнъ совершилъ переправу чрезъ Минчио въ двухъ пунктахъ: при Поццоло и Маццебано; но эта переправа стоила Французамъ много крови, которую бы пощадилъ проливать бесполезно генералы Бонапарте и Морё. Лекурбъ иначе переходилъ рѣки въ Германіи.

Австрійская армія, подъ начальствомъ графа Белларгарда, была отъсечена Брюномъ, соединившимся съ Макдональдомъ, къ Веронѣ; изъ Вероны она отступила къ Тревизъ, гдѣ и было заключено перемиріе, 16 января. Брюнъ, вопреки даннымъ ему инструкціямъ, не потребовалъ уступки Мантуи.

Тѣмъ временемъ, Міолисъ съ 3,500 людьми разбилъ въ Тосканѣ, при Сіенѣ, 16,000 вторгнувшихся туда Неаполитанцевъ; а Мюратъ, перешедшій Пьемонтъ и занявшій Папскую-Область, былъ готовъ войти въ Неаполь. Тогда было заключено третье перемиріе, въ-слѣдствіе котораго неаполитанскіе порты были заперты для Англичанъ.

Такимъ образомъ, война была кончена. Первый консулъ, узнавъ о сраженіи при Гогенлиденѣ, обнаружилъ самую чистосердечную радость. Въ этой кампаніи, онъ главнѣйше негодовалъ на бесполезное пролитіе крови при Поццоло, и въ-особенности на жестокую ошибку Брюна, который не потребовалъ себя Мантуи. Первый консулъ отказалъ ратификовать тревизскую конвенцію, и объявилъ, что онъ дастъ приказаніе снова приняться за непріязненные дѣйствія, если Мантуя не будетъ немедленно сдава Французамъ.

Между-тѣмъ, Юсіфъ Бонапарте в Кобентцель находилсь въ Люневиллѣ, выжидая, чѣмъ кончатся событія, происходившія на Дунай и Эчь. Кобентцель употреблялъ всевозможныя успія выиграть побольше для своего отечества, но слышалъ только неизмѣнный ультиматумъ перваго консула: Рейнъ, Эчь.

26 декабря 1800 г., была возобновлена на сѣверъ знаменитая противъ Англіи декларация 1780 года. Пруссія присоединялась къ этой сѣверной лигѣ. Все это благоприятствовало видамъ перваго консула, и потому

ребованія его возрастали больше и больше. Наконецъ Кобентцель вынужденъ былъ на большія прогивъ прежняго уступки, и такимъ образомъ февраля 1800 года былъ заключенъ въ Люневилль знаменитый трактатъ, которымъ была окончена война второй коалиціи, и вторично сплелъ Франціи лѣвый берегъ Рейна, и вмѣстѣ съ тѣмъ дано ей господство въ Италіи.

Генералъ Бонапарте былъ облеченъ властію 9 ноября 1799 г. (18 жюльера VIII г.); теперь было 9-е февраля 1801 г. (20 плювиоза IX г.); следовательно, прошло всего годъ и три мѣсяца, и уже Франція, отчаянно перестроенная внутри, совершенно-побѣдоносная извнѣ, была вперѣ съ материкомъ, въ союзъ противъ Англіи съ сѣверомъ и югомъ Европы. Испанія готовилась выступить противъ Португаліи; неаполитанская королева была у ногъ Французовъ; римскій дворъ трактовалъ и Парижъ о томъ, какъ уладить дѣла религіозныя.

Въ то время, какъ внѣшнее положеніе Франціи со-дня-на-день становилось блестящее, внутреннее ея состояніе представляло зрѣлище чини ужасное: послѣднія консульскія издыхающихъ партій. Предъ нами являлась уже картина разбоевъ, свирѣпствовавшихъ по большимъ дорогамъ, и отчаянныхъ скопищъ, державшихъ даже на убіеніе перваго консула. То были неизбежныя слѣдствія старинныхъ раздоровъ. Обезпеченные крамольники, отчаявшись одолѣть гренадеровъ консульской партіи, пытались извести страшными средствами непобѣдимаго виновника ихъ пораженія.

Разбой еще-болѣе усилились съ приближеніемъ зимы. Нельзя было проздать по дорогамъ, не подвергаясь опасности быть ограбленными или убитыми. Первый консулъ сформировалъ для преслѣдованія этихъ шайкъ многіе небольшіе военные отряды, за которыми слѣдовали военные комиссіи. Разбойники, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, были судимы въ сорокъ-восемь часовъ и разстрѣливаемы.

Но въ это время злодеи другаго рода замыслили различными и еще-болѣе-страшными средствами разрушить консульское правительство. Между-тѣмъ, какъ производилось судебное слѣдствіе надъ Демервилемъ, Черакки и Ареною, ихъ единомышленники-революціонеры все составляли замыслы одинъ другаго безумнѣе. Они задумали умертвить перваго консула въ его ложѣ въ Театръ-Оперы, и едва осмѣлились, какъ они уже видѣли, взяться за кипжаль. Теперь они замыслили другое. То они хотѣли произвеста безпорядокъ при выходѣ изъ одного изъ театровъ, и во время этого безпорядка заколоть перваго консула; то хотѣли похитить его на дорогѣ въ Мальмезонъ, и потомъ убитъ. Все это, какъ истые клубные разглагольствователи, они говорили вслѣдъ за всеуслышаніемъ, такъ-что полиція обстоятельно знала обо всѣхъ ихъ предначертаніяхъ. Но они только говорили, и никто изъ нихъ не былъ такъ смѣлъ, чтобъ отважиться на что-нибудь подобное. Фушѣ нисколько не болелся ихъ, но тѣмъ не менѣе слѣдилъ за ними неустоимо. Одна-кожъ, между многочисленными выдумками, одна была страшнѣе всѣхъ прочихъ и чрезвычайно исполошила полицію. Нѣкто, по имени Швалье, мастеровой на оружейныхъ заводахъ, основанныхъ въ

Парижъ во время Конвента, былъ захваченъ во время своихъ заплыва надъ устройствомъ ужасной машины. То былъ бочонокъ, начиненный порохомъ и картечью, къ которому было приложено ружейное дуло куркомъ. Эта машина очевидно назначалась на пагубу первого консула. Изобрѣтатель былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму. Это изобрѣтеніе надвѣвало шума и обратило вниманіе всехъ на людей, которыхъ называли тогда якобинцами и террористами. Первый консулъ, какъ мы уже сказали, раздѣлялъ въ этомъ отношеніи ошибочное мнѣніе публики и потому все, что бы ни случилось худого, относилъ къ революціонерамъ, и добирался до нихъ. Напрасно Фушѣ старался обратить ея вниманіе на роялистовъ. Но для измѣненія мыслей первого консула необходимы были неопровержимые факты. Къ-несчастію, уже готовились представиться самые ужасные.

Жоржъ, возвратившись изъ Лондона въ Морбиганъ, сыпалъ деньгами, благодаря щедрости Англичанъ. Онъ подослалъ въ Парижъ несколько убійць для умерщвленія первого консула. Между ними находились Лимоланъ и Сен-Режанъ, оба закаленные въ ужасахъ гражданской войны; второй изъ нихъ былъ морской офицеръ, имѣвшій какія свѣдѣнія въ артиллеріи. Къ этимъ двумъ людямъ присоединили третій, по имени Карбонъ, достойный слуга этихъ великихъ преступниковъ. Фушѣ наблюдалъ за ними зорко. Но по неловкости двухъ сидѣвшихъ за ними агентовъ, онъ упустилъ ихъ изъ вида. Между-тѣмъ какъ полиція старалась напасть опять на ихъ слѣдъ, эти злодѣи облекли себя самымъ густымъ мракомъ невѣдственности. Не разглаговствуя подобно якобинцамъ, не повѣряя никому своей тайны, они готовили ужасное злодѣйство. Машина Швалье внушила имъ мысль известить первого консула посредствомъ бочонка, начиненнаго порохомъ и картечью. Они рѣшились поставить этотъ бочонокъ на тележку, а ее помѣстити въ одной изъ узкихъ улицъ, которыя вели тогда на Карусельную Площадь, и по которымъ первый консулъ часто ѣзжалъ въ каретѣ. Они купили лошадь, тележку, и наняли сарай, выдавая себя за заѣзжихъ купцовъ. Эти три человека выбрали, для выполненія своего замысла, день, когда первый консулъ долженъ былъ ѣхать въ Театръ-Оперы слушать въ первый разъ дававшуюся ораторію Гайана, *Сотвореніе Мира*. Это было 3 нивоза (24 декабря 1800 г.). Сен-Режанъ долженъ былъ поджечь порохъ въ бочонкѣ, а оба другіе стали на-сторожъ въ виду Тюльери, чтобъ извѣстить его, лишь-только завидятъ карету первого консула. Сен-Режанъ имѣлъ жестокость поручить пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ стеречь лошадь, запряженную въ эту ужасную машину. Къ счастью, отрядъ гренадеровъ слѣдовалъ за каретою первого консула, вмѣсто того, чтобъ ѣхать передъ нею. Сообщники не извѣстили во время Сен-Режана, или струсивъ, или не узнавъ экипажа первого консула. И самъ Сен-Режанъ увидѣлъ карету тогда уже, когда она нѣсколько миновала машину. Кучеръ первого консула, который былъ очень-ловокъ и который обыкновенно ѣздилъ съ нимъ очень-скоро, имѣлъ время проѣхать одинъ изъ поворотовъ Улицы-Сен-Никезъ, какъ вдругъ раздался взрывъ. Потрясеніе было ужасно; карета едва не опрокинулась;

из стекла были разбиты въ дребезги, картечь исковеркала фасадъ со-
мнѣнныхъ домовъ. Одинъ изъ конныхъ гренадеровъ былъ тяжело раненъ
множество убитыхъ и умирающихъ вдругъ наполнило сосѣднія ули-
цы. Первый консулъ продолжалъ путь, и пріѣхалъ въ Театръ-Оперы.
Лицо его было спокойно и не выражало ни малѣйшаго волненія по-
реди чрезвычайнаго безпокойства, которое обнаруживалось въ залахъ
и въ сосѣднихъ сторонахъ.

Онъ оставался въ театрѣ несколько минутъ, и тотчасъ же возвра-
тился въ Тюльери. Досель-сдерживаемый имъ гнѣвъ разразился вполне.
Онъ во всемъ обвинялъ революціонеровъ, которыхъ честилъ якобин-
цами, террористами, сентабристами. Фушэ вспоминалъ объ агентахъ
Ларка, потерянныхъ изъ вида полиціею, и не колебался, мысленно,
присылать имъ злодѣяніе.

Люди разсудительные видѣли уже, что левъ во гнѣвъ своемъ пере-
скакиваетъ чрезъ границу законовъ; но толпа требовала казней. Роялисты
обвинили въ преступленіи революціонеровъ, а революціонеры — рояли-
стовъ. Тѣ и другіе говорили это искренно, потому-что преступленіе
стало непонимаемою тайною виновниковъ его.

Между-тѣмъ, какъ Фушэ занимался отъискиваніемъ настоящихъ пре-
ступниковъ, весь спрашивали, чѣмъ можно предупредить на будущее
время попытки въ такомъ же родѣ.

Для дѣла снуста послѣ этого происшествія, изданы были два закона.
Однимъ изъ нихъ повелѣно было преступленія, совершенныя противъ
целей правительства, судить военнымъ судомъ; другимъ присвоена
была первому консулу власть удалять изъ Парижа людей, которыхъ
прѣбываніе въ столицѣ сочтется опаснымъ, и наказывать ихъ ссылкой
изъ Франціи, если они будутъ пытаться ускользнуть изъ мѣста первого
своего изгнанія. Первый консулъ хотѣлъ во что бы то ни стало из-
бавиться отъ безпокойныхъ, — отъ этихъ, по словамъ его, безумцевъ,
и отъ бунтующихъ, построенныхъ батальоннымъ карре противъ всѣхъ
властей. «Необходимо» говорилъ онъ: «громкое, скорое отмщеніе;
любовна казнь примѣрная!»

Между-тѣмъ, начали уже сомнѣваться на-счетъ истинныхъ виновни-
ковъ преступленія. Министръ Фушэ и префектъ полиціи Дюбуа не пе-
реставали производить дѣятельныя разысканія, и эти разысканія не
остались безуспѣшны. Сильный взрывъ уничтожилъ почти все орудія
шпионажа. Дѣвочка, которой Сен-Режанъ отдалъ стеречь лошадей, была
разорвана на части; остались только ноги этой несчастной. Шины отъ
колесъ тележки были отброшены на далекое разстояніе. Собрали какіе
могли остатки отъ тележки и лошади, республиковали объ нихъ въ
журналахъ и создали всѣхъ парижскихъ барышниковъ лошадины. По
счастливному случаю, первый владѣлецъ лошади узналъ ее тотчасъ,
указалъ на торговца, которому онъ ее продалъ; а тотъ разсказалъ, что
перепродалъ ее двумъ незнакомымъ людямъ, называвшимъ себя зазѣ-
чными купцами; онъ описал ихъ самымъ обстоятельнымъ образомъ.
Совершенно-сходныя показанія представили и хозяинъ сарая, отдавав-
шій его въ наемъ на несколько дней для постановки тележки, и бо-

чарь, продавшій бочонокъ и набивавшій на него желъзные обручъ. На очную ставку со всѣми этими людьми было выведено изъ тюрьмы болѣе двухъ-сотъ революціонеровъ, арестованныхъ по этому случаю. Ни одинъ изъ нихъ не былъ признанъ.

Фушэ, который, не зная всей истины, зналъ, однакожъ, ее отчасти, одолеваемый со всѣхъ сторонъ, имѣлъ слабость склониться на сторону, направленную, правда, противъ людей, запятанныхъ кровью, все-таки невиновныхъ въ преступленія, за которое хотѣли ихъ наказателецъ. Изъ всѣхъ, принимавшихъ участіе въ этомъ актѣ проскрипціи онъ былъ больше всѣхъ невиннымъ; но на него нападали со всѣхъ сторонъ, его обвиняли въ потворствіи революціонерамъ, и онъ не имѣлъ твердости воспротивиться. Онъ самъ представилъ въ государственны совѣтъ рапортъ, на который послѣдовала резолюція консуловъ. В этомъ рапортѣ было, между-прочимъ, сказано: *Всѣ эти люди не были взяты съ кинжаломъ въ руку, но вообще извѣстно, что всѣ они способы и настриты его и за него взятыся.*

Первый консулъ не хотѣлъ, чтобъ ихъ обвинили въ преступленіи 3-го цивила, потому-что они не были въ томъ уличены. «Ихъ съслаютъ», говорилъ онъ: «за 2 сентября, 31 мая, преріальскіе дни, заговоръ Габёфа, за все, что они сдѣлали, за все, что они могли бы сдѣлать.»

За этимъ рапортомъ слѣдовалъ списокъ ста-тридцати человекъ, осужденныхъ въ ссылку; изъ которыхъ изъ нихъ придано было прозвище *октябристовъ*.

Эти несчастные, на пути въ Нантъ, едва могли быть спасены отъ ярости народа въ городахъ, чрезъ которые слѣдовали. Подъ вліяніемъ такихъ-то чувствъ происходило осужденіе Черакки, Арены, Демерилла и Типо-Дабрайа. И они четверо были приговорены къ смерти 9 января (10 января), а 31 января казнены.

Тамъ временемъ, ужасная тайна адской машины прояснилась мало-по-малу. Фушэ отправилъ къ Жоржу агентовъ, для разузнанія, что стало съ Карбономъ и гдѣ онъ теперь живетъ. Карбонъ былъ схваченъ и донесъ на Лимолана и Сен-Режана. Лимоланъ успѣлъ ухватъ за границу. Сен-Режанъ былъ найденъ больной, въ-слѣдствіе полученныхъ имъ при взрывѣ ранъ. Карбонъ и Сен-Режанъ были немедленно казнены.

Заключительные обвинители революціонеровъ, враги Фушэ, были въ большомъ смущеніи. Вѣрность взгляда проницательнаго министра политикъ была признана, и Фушэ опять вошелъ въ милость у перваго консула.

Скорбныя чувства, которыхъ причиною была эта машина, названная въ-слѣдствіи *адскою*, вскорѣ исчезли передъ радостью, произведенною людовильскимъ миромъ.

Посреди военныхъ и политическихъ занятій, первый консулъ не переставалъ, какъ мы уже замѣчали неоднократно, обращать вниманіе на дороги, каналы, мосты, промышленность и торговлю.

Дороги были въ самомъ жалкомъ положеніи; суммы, ассигнованныя

и ихъ исправленіе, были недостаточны. Первый консулъ включилъ въ бюджетъ IX года новыя суммы, взятыя изъ капиталовъ государственнаго казначейства, на продолженіе экстра-ординарныхъ начатыхъ уже поправокъ. Каналь, называющійся нынче Сен-Кентенскимъ, соединяющій Сену и Уазу съ Соомою и Шельдою, т. е. соединяющій Эльгію съ Франціею, не былъ приводимъ къ окончанію. Первый консулъ самъ отправился на место работъ, и рѣшилъ недоумѣніе инженеръ. Положено было приступить къ постройкѣ трехъ мостовъ чрезъ Сену, изъ которыхъ одинъ, ведущій къ Ботаническому-Саду, былъ иманъ въ-послѣдствіи аустерлицкимъ. Въ то же время, первый консулъ занимался дорогою чрезъ Симплонъ — первымъ проектомъ своей жизни, проектомъ всегда дорогимъ его сердцу, наиболѣе-достоинымъ въ будущемъ стать на ряду съ воспоминаніями о Риволи и Маренго. Имянынъ, что первый консулъ, основавъ Цизальпинскую-Республику, хотѣлъ приблизить ее къ Франціи дорогою, которая, начинаясь у Лива или Дижона, шла на Женеву, проходя къ Валлису, выходя на Лан-Маджіоре и Миланъ, дала бы Франціи возможность во всякое время явиться посреди Верхней-Италіи съ пятьюдесятью тысячами воиновъ и со стами орудіями.

За недостаткомъ подобной дороги, должно было переходить чрезъ Сен-Бернаръ. Теперь, когда итальянская республика возстановлялась по левальскому конгрессу, нужно было, чѣмъ когда-нибудь, устроить новый путь сообщенія между Ломбардіею и Франціею. Первый консулъ отдалъ приказаніе немедленно начать необходимыя работы. Генералъ Тюрро, который, какъ мы видали, сходилъ съ Малаго-Сен-Бернара съ легіонами конскриптовъ въ то время, какъ первый консулъ сдѣлался съ Вольшаго-Сен-Бернара съ войсками, закаленными въ бояхъ, генералъ Тюрро получалъ приказаніе перенести свою главную квартиру въ Домо-д'Оссоло, къ самому подножію Симплона. Этотъ генералъ долженъ былъ служить прикрытіемъ рабочимъ и пособлять имъ руками своихъ солдатъ.

Въ этому великодушному творенію первый консулъ хотѣлъ присоединить и другое, въ воспоминаніе перехода чрезъ Альпы. Иноки обители на Большомъ Сен-Бернарѣ оказали французской арміи истинныя услуги. Первый консулъ сохранилъ за это живѣйшую признательность. Онъ хотѣлъ основать двѣ подобныя же обители, одну на горѣ Сени, другую на Симплонѣ, для содѣйствія въ благотворительныхъ подвигахъ монастырю Вольшаго-Сен-Бернара.

Въ это же время, его занимала еще благозвѣстная мысль, — мысль дать Франціи гражданскій кодексъ (le code civil). Изданіе этого кодекса первый консулъ поручилъ многимъ извѣстнымъ юристамъ, Порталису, Тронше, Виго-де-Преамнѣ. Этотъ трудъ былъ приведенъ къ окончанію и рассмотрѣнъ предварительно въ трибуналахъ и государственномъ совѣтѣ. Положено было представить его законодательному сословію въ следующемъ засѣданіи, въ X году.

Такимъ-образомъ, все организовывалось въ одно время, съ тѣмъ единствомъ, которое обширный умъ вноситъ въ свои творенія, съ быстротой,

тою, которую может придавать пламенная воля, имѣющая самыхъ редкихъ исполнителей. Геній, творившій все это, былъ безъ сомнѣнія необыкновененъ; но надо сказать, необыкновенны были и самыя обстоятельства. Генералу Бонапарте предназначено было двинуть Францію въ Европу, и рычагомъ назначена ему победа; ему дано было начертать французской націи кодексъ, и въ то время вся умы готовы были принять его законы; онъ долженствовалъ быть строителемъ дорогъ, каналовъ и мостовъ, и вѣному было мѣшать ему въ полученіи необходимыхъ средствъ даже другіе народы отдавали въ его распоряженіе свою казну, напримеръ итальянцы, чтобъ способствовать прорытію Симплона, и чтобъ давать вклады на содержаніе обитателей, созданныхъ на вершинѣ Альповъ. Причина этому—то, что Провидѣніе ничего не дѣлаетъ въ-половину: великому генію оно назначаетъ великій подвигъ, а на великій подвигъ готовитъ великаго генія.

Первый консулъ съ нетерпѣніемъ желалъ познать сладствія люневильскаго мира; эти сладствія должны были состоять въ заключеніи мира съ государствами твердой земли, доселѣ еще несблизвившимся республикою, и въ принужденіи ихъ запереть свои порты для Англіи въ возстановленія противъ нея всѣхъ силъ нейтральныхъ государствъ въ соединеніи Франціи съ этими державами, чтобъ предпринять какую-нибудь большую операцію противъ территоріи и торговли Великобританіи и въ добытіи, наконецъ, всюю сложностью этихъ средствъ, мира на моряхъ, совершенно-необходимаго для континентальнаго мира.

Мы уже видали, что, въ-сладствіе подвиговъ Мюрата, Неаполь заключилъ перемиріе, исключавшее Англичанъ изъ портовъ Обвѣхъ-Сидилій. Наконецъ, былъ заключенъ во Флоренціи миръ, которымъ Неаполь уступилъ Франціи свою часть острова Эльбы; другая принадлежала Тосканѣ. Первый консулъ хотѣлъ пріобрести для Франціи весь этотъ островъ. По одной изъ секретныхъ статей мира, неаполитанское правительство обязалось содержать на свой счетъ французскую дивизію отъ 12 до 15 тысячъ человекъ, предназначавшуюся первымъ консуломъ и помощью Египту.

Испанскій дворъ, восхищенный условіями люневильскаго трактата по которымъ Тоскана была предоставлена юному пармскому инфанту съ королевскимъ титуломъ, — день-отъ-дня становился преданнѣе первому консулу. Люсианъ Бонапарте явился въ Мадридъ и сблизился съ Княземъ-Мира, который обрадовался расположенію къ себѣ Бонапарте, объявилъ, что до него, то онъ готовъ содѣйствовать первому консулу въ его видахъ противъ Португаліи. Онъ требовалъ, чтобъ въ Испаніи была прислана двадцати-пяти-тысячная дивизія, потому-что сама Испанія не была въ состояніи выставить болѣе двадцати тысячъ: такъ въ то время была истощена эта монархія. Присутствіе французскихъ силъ могло встревожить короля и королеву, и потому Князь-Мира требовалъ, чтобъ эти войска были ввѣрены начальству испанскаго генерала. Области Португаліи, которыя будутъ завоеваны, должны были оставаться залогомъ въ рукахъ Испаніи до заключенія общаго мира; а между-тѣмъ всѣ португальскіе порты должны были быть заперты для Англичанъ.

Карлъ IV не согласился ни на какія завоеванія отъ своего зятя, а только брался заставить его расторгнуть союзъ съ Англіей. Эти виды и соответствовали видамъ Князя-Мира, который, какъ говорили въ Лиссабонѣ, желалъ выгадать для себя владѣніе въ Португаліи. Но, какъ бы то ни было, онъ долженъ былъ покориться — и былъ назначенъ генерал-ссимусомъ.

Такимъ образомъ, вся Европа содѣйствовала планамъ перваго консула. При такомъ положеніи дѣлъ, Англія должна была воспѣвать всюду: въ Средиземное-Море — блокировать Египетъ; въ Гибралтарскій-Проливъ — держать французскіе флоты; къ берегамъ Португаліи — на помощь угрожаемой союзницѣ; передъ Рошфоръ и Брестъ — блокировать французско-шпанскую эскадру, готовую выйти въ море; на сѣверъ, въ Балтійское-Море — воспрепятствовать соединенію противъ нея нейтральныхъ государствъ. Ей надо было, наконецъ, поспѣть и въ Индію, чтобъ и тамъ κραсть за собою свое владѣтельство и покоренныя страны.

Первый консулъ хотѣлъ воспользоваться этою единственною минутою, когда британскія силы, дежавувавшія быть всюду, должны были въ необходимости быть разсыяны. Ему въ-особенности хотѣлось послать помощь Египту. Онъ смотрѣлъ на колонію, основанную на берегахъ Египта, какъ на лучшее изъ своихъ твореній.

Испанскій и голландскій флоты соединились съ французскимъ. Многочисленныя экспедиціи должны были въ одно и то же время на различныхъ пунктахъ привлечь вниманіе Англичанъ, привести ихъ въ недоумѣніе, и хоть одной изъ нихъ, воспользовавшейся этимъ смущеніемъ врага, могло удалиться достигнуть береговъ Египта. Чтобъ употребить въ пользу неблагоприятное время года, затруднявшее непріятельскія предпріятія предъ Брестомъ, первый консулъ хотѣлъ, чтобъ эскадра адмирала Гантома отправилась до весны (*). Его приказанія въ этомъ отношеніи были ясны; но ему было не легко вверить въ своихъ адмираловъ отвагу, одушевлявшую его сподвижниковъ на твердой землѣ. Адмиралъ Гантомъ казался ему сильнымъ и счастливымъ, потому-что онъ такъ чудодѣйственно перевезъ его самого изъ Александріи въ Фрежюсъ. Но онъ жестоко обманывался. Этотъ офицеръ, морякъ очень-опытный, хорошо знавшій побережья Леванта, храбрый въ дѣлѣ, былъ, впрочемъ, человекъ ума нетвердаго, и не могъ выносить тяжесть бремени, лишь только его облекали большою ответственностью. Экспедиція была готова: на корабли посадили многія семейства должностныхъ людей, сказавъ имъ, что они отправляются въ Сен-Доминго; однакожь, все еще не раз-

(*) Эта эскадра состояла изъ семи кораблей, самыхъ скорыхъ на ходу, изъ двухъ фрегатовъ и одного брига. На нихъ находилось пять тысячъ десанта, сварады и всякаго рода и европейскія произведенія, которыхъ наиболѣе должны были послужить въ Египтъ. Нагрузка была уже окончена, но первый консулъ приказалъ перегрузить суда снова, по новому способу. Онъ хотѣлъ, чтобъ на каждомъ кораблѣ находилось полное собраніе предметовъ, приготовленныхъ для колоніи, а не все одиакъ предвидѣть, за тѣмъ, чтобъ, въ случаѣ, если одинъ изъ кораблей будетъ влѣтъ непріятельству, экспедиція не лишилась бы съ тѣмъ вмѣстѣ всего этого предмета.

шались пуститься въ путь. Саварі, дѣйствуя по приказаніямъ перваго ко сула, побѣждалъ вся трудности, и принудилъ Гантома отправиться. Англіійскіе крейсера замѣтили это движеніе, дали знать объ отъѣздѣ Французовъ вскадръ, производившей блокаду, и Гантомъ принужденъ былъ возвратиться, показывая видъ, что это было не что иное, какъ просто экзерциціи.

Наконецъ, 23 января (3 февраля), въ ужасную бурю, разсыпанную и пріятельскихъ крейсеровъ, онъ поднялъ паруса, и, не смотря на величайшія опасности, счастливо вынелъ изъ брестскаго порта, держа путь къ Гибралтарскому-Проливу. Помощь Гантома была тѣмъ болѣе важна, что знаменатая эскадрилья, состоявшая изъ 15 или 18 тысячъ Англичанъ, направлялась въ то время къ Египту. Она стояла на рейдѣ Мокри, противъ Родоса, выжидая времени, удобнаго для высадки, и окончанія приготовленій, дѣлаемыхъ Турками.

Давно было повеленіе, чтобъ ни одинъ изъ четырнадцати столичныхъ журналовъ ничего не говорилъ о движеніи, замѣчаемомъ во французскихъ портахъ, и чтобъ касательно этого предмета все они закрывали вѣдѣнія только изъ одного оффиціального журнала, *Монитера*.

Теперь перенесемъ на северъ и посмотримъ, что происходило тамъ между Англіею и нейтральными государствами.

Величайшія опасности скопились въ это время надъ главою британскаго правительства. Наконецъ, разразилась война между этимъ правительствомъ и прибалтійскими державами.

На декларацію нейтральныхъ государствъ Англія отвѣтила наложеніемъ амбарго на русскія, шведскія и датскія суда. Она исключила изъ этой мѣры одну торговлю Пруссіи, потому-что еще надеялась отторгнуть ее отъ коаліціи, и потому-что эта держава имѣла подъ своею рукою Ганноверъ.

Такимъ-образомъ, Англія находилась въ одно и то же время въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Франціею и Испаніею, своими старыми непріятельницами, и Россіею, Швеціею, Пруссіею, своими старыми союзницами; отъ нея отступились Австрія по люневильскому миру, Неаполь по флорентинскому трактату. Португалія, ея послѣднее пребываніе на материкѣ, также скоро должна была быть отъ нея отторгнута. Положеніе Англіи сдѣлалось похоже на положеніе Франціи въ 1793 г. Ей предстояло бороться съ цѣлою Европою. Къ довершенію бѣдствія Англія была жертвою страшнаго голода. Все это было дѣломъ управленія Питта и генія генерала Бонапарте. Питтъ, нехотѣвшій вступитъ въ переговоры до Маренго, генералъ Бонапарте, обезоружившій часть Европы своими побѣдами и возстановившій другую противъ Англіи силою своей полтики, были, неоспоримо, и тотъ и другой, виновниками этой изумительной перемѣны судьбы.

Англія въ такомъ тяжеломъ положеніи не упала духомъ. Два года неурожая были причиною голода. Къ тому же присоединилась война съ приморскими державами, отъ которыхъ Англія, особенно отъ прибалтійскихъ, получала обыкновенно хлѣбъ. Вся налоги представляли въ этотъ годъ страшный дефицитъ. Налогъ на доходы (*income-tax*), на

ми съ предметовъ потребления, угрожали неделикою отъ 75 до 100 милліонъ рублей (отъ 3 до 4 милліонъ фунтовъ стерлинговъ). Для покрытия обыкновенныхъ расходовъ, необходимъ былъ заемъ отъ 625 до 650 милліонъ (отъ 24 до 26 милліонъ фунтовъ стерлинговъ). Въ началѣ Пятта, что отъ войны съ революціонерною Франціею, ушла сумму долга болѣе, чѣмъ 7 милліонами 500 милліонами рублѣ—свыше 309 милліонъ фунтовъ стерлинговъ.

Но должно сказать, что Англія представляла собою истинный феноменъ обогащенія, пропорціональнаго увеличенію издержекъ. Кромѣ покоренія Индіи, доконченнаго уничтоженіемъ Типо-Самба, кромѣ завладѣнія частію французскихъ, испанскихъ и голландскихъ колоній, къ которому присоединилось и приобритеніе острова Мальты, Англія захватила въ свои руки торговлю цѣлаго свѣта. По официальнымъ документамъ, ввозъ товаровъ, простиравшійся въ 1781 г., къ концу американской войны, до 318 милліонъ рублей (12,724,000 фунтовъ стерлинговъ), а въ 1792 г., при началѣ войны съ революціонною Франціею, въ 491 милліонъ (19,659,000 фунтовъ стерлинговъ), въ 1799 г., возвысилась до 748 милліонъ рублей (29,945,000 фунтовъ стерлинговъ). Вывозъ мануфактурныхъ произведеній Англіи, въ 1781 г. простиравшійся до 190 милліонъ (7,633,000 фунтовъ стерлинговъ), въ 1792 г. до 622 милліонъ (24,905,000 фунтовъ стерлинговъ), возвысилась въ 1799 г. до 849 милліонъ (33,991,000 фунтовъ стерлинговъ). Такимъ образомъ, все утроилось со времени американской войны, а почти удвоилось со времени войны съ революціонною Франціею. Доходъ съ налоговъ на потребленіе возросъ со 183 милліонъ рублей (7,320,000 фунтовъ стерлинговъ) до 389 милліонъ рублей (15,587,000 фунтовъ стерлинговъ).

Нитъ, въ силу британской имперіи вопросы вдвое или втрое все-гда двадцать лѣтъ, и если Англія въ настоящее время чувствовала себя стѣсненною, это было стѣсненіе, которое испытываетъ богачъ. Правда, Англія имѣла долгъ болѣе чѣмъ въ 12 милліонъ, ежегодно должна была уплачивать за него 500 милліонъ; въ этомъ году ей следовало перасходовать 1,700 милліонъ, и для покрытія этихъ издержекъ сдѣлать заемъ въ 600 милліонъ. Все это, безъ сомнѣнія, громадно-много, въ особенности если вспомнить данности тогдашняго времени; но Англія имѣла и силы, пропорціональныя этимъ требованіямъ. Хотя она не была континентальною державою; у ней было войско 302 тысячи человекъ, изъ которыхъ 193 регулярнаго войска. У ней было 814 военныхъ судовъ всякой величины и въ числѣ ихъ 120 линейныхъ кораблей, 250 фрегатовъ, на которыхъ было 120 тысячъ матросовъ. Къ этимъ колоссальнымъ матеріальнымъ средствамъ Англія присоединила множество отличнѣйшихъ морскихъ офицеровъ, и во главу ихъ великаго морскаго, Нельсона. Онъ былъ характера страннаго, грутаго; ему нельзя было вѣрять начальствованія тамъ, гдѣ, кромѣ войны, на немъ лежала бы политика. Но посреди опасности это былъ герой; тутъ онъ показывалъ столько же ума, сколько и отважности. Англичане справедливо гордятся его славою.

Англія и Франція наполнили настоящій вѣкъ своейъ страшиной перничаемъ. Минута, до которой мы дошли въ нашемъ рассказѣ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ борьбѣ, которую она выдерживала другъ противъ друга. Обѣ она сражались въ-продолженіе восьми лѣтъ Франція, съ финансовыми средствами гораздо-менше-обширными, и можетъ-быть, болѣе-прочными, потому-что они основывались на территоріальномъ доходѣ, противостояла Европѣ, распространяла свою территорію до Рейна и Альповъ, приобрѣла себе господство въ Италіи и рѣшительное вліяніе на материкъ. Англія, съ произвѣдствъ всесвѣтной торговли, съ сильнымъ флотомъ, приобрѣла себе на моряхъ политическій перевѣсъ, приобретенный Франціею на твердой землѣ. Хитрою своею политикою, своими субсидіями, она устремляла европейскія державы на свою соперницу, и въ то время, какъ она была ей служажою, она захватила колоніи всѣхъ націй, утѣсняла нейтральныя госуларства, мстила за успѣхи Франціи на твердой землѣ невольнымъ владычествомъ на моряхъ; и, однакоже, будучи побѣдоносною на этомъ элементѣ, она все-таки не могла воспрепятствовать Франціи основать Египтъ славную колонію, угрожавшую самой англійской Индіи.

Англія пожинала плоды принятой ею политики; она удвоила свои колоніи, торговлю, доходы, флотъ, но удвоила также и свой долгъ, свои издержки, своихъ враговъ, и представляла бокомъ-о-бокъ съ огромнымъ богатствомъ отвратительную нищету народа, умирающаго отъ голода. Противъ Англіи соединялись всѣ прочія европейскія державы имѣвшія флоты; черезъ это она имѣла противъ себя 166 кораблей, что было гораздо-превосходившее британскую морскую силу. Но для Англіи было весьма-выгодно то, что она имѣла противъ себя коалицію; да къ тому же, флотъ ея былъ лучше и опытнѣе союзническаго. Однако же, опасность для ней была велика, вотому-что, еслибъ, во время этой борьбы, генералъ Бонапарте успѣлъ переплыть съ арміею проливъ, Англія погибла бы.

Старое счастье Питта, подобно судьбѣ Тугута, перекло передъ рожающею звездою молодого генерала Бонапарте. Питту досталась на долю рядкая участь, неизмѣнная въ этотъ вѣкъ себя равной, кромѣ судьбы Фридриха-Великаго. Ему было отъ роду всего сорокъ-три года, а онъ уже семнадцать лѣтъ властвовалъ, и властвовалъ неограниченно, въ странѣ свободной. Но его счастье уже состарилось, а счастье Бонапарте, напротивъ того, было юно; оно только-что рождалось.

Въ Великобританіи, народъ, доведенный до страшнаго голода, былъ всюду въ возстаніи, грабилъ роскошныя жилища британской аристократіи и опустошалъ въ городахъ лавки хлѣбниковъ или магазины продовольствія. Общій голосъ обвинялъ Питта въ настоящихъ бдствіяхъ. Противъ него возсталъ оппозиція; во главѣ ея — Фоксъ, Шерменъ, Тирнэ, лорды Грей и Голлендъ, вызывавшіе его на отвѣтъ передъ лицомъ Англіи, приведенной въ ужасъ множествомъ своихъ враговъ и смущенной криками голоднаго народа, вотще требовавшаго себя хлѣба.

На все это Питтъ отвѣчалъ слабо. Онъ все повторялъ своей любимой доводъ, что еслибъ онъ не велъ войны, англійская конституція должна

или бы погибнуть; и онъ приводилъ въ примѣръ Венецію, Неаполь, Испанію, Швейцарію, Голландію, духовныя владѣнія въ Германіи, иль-будто можно было возвратитъ, чтобы то, что случилось съ республиканскими державами итальянскими и германскими, могло случити и съ могущественною Англіею и ея либеральною конституціею. Онъ отвѣчалъ, и на этотъ разъ съ бѣльшимъ основаніемъ, что если Франція много усилалась на твердой землѣ, зато Англія много усилилась на морѣ; что ея флотъ покрытъ славой; что хотя долгъ ея весьма увеличился, за то также удвоилось ея богатство, и что, въ этихъ отношеніяхъ, Англія была могущественнѣе теперь, нежели до начала войны. Онъ былъ непреклоненъ, говоря о правахъ нейтралитета. Довести, говорилъ онъ, Англія эти начала, и тогда кака-нибудь военская шлобка въ состояніи будетъ конвонировать торговлю цѣлаго свѣта.

Вліяніе Питта видимо ослабло. Вся чувствовали, что онъ, упорствуя продолжать войну, упустилъ два случая выгодно заключить миръ: напутіи битвы при Маренго, и наканунѣ сраженія подъ Гогенлинденомъ. Упустить удобный случай, для политиковъ, равно какъ и для полководцевъ, — несчастіе несправимое. Онъ чувствовалъ себя, и другіе видѣли, что онъ побѣжденъ геніемъ генерала Бонапарте.

Нало отдать справедливость ему и Англіи, что мѣры, принятыя въ время ужаснаго голода, были въ высочайшей степени благоразумны. Измѣнены были значительныя времена за ввозъ хлѣба; запрещено было ввезти изъ хлѣба живю; приходы давали вспомоствованіи не деньгами, что увеличало бы цѣну на хлѣбъ, а съчастными припасами, на-прим.: солониною, овощами и т. п. Издана была отъ короля прокламація въ-всѣмъ классамъ, пользовавшимся довольствомъ и которые могли изобразить свою нищу; эта прокламація предлагала имъ уменьшить возможности въ своихъ домахъ потребленіе хлѣба. Наконецъ, отправлены многочисленныя флоты добывать рисъ въ Индіи, рожь въ Америкахъ и въ странахъ, омываемыхъ Средиземнымъ-Моремъ. Старались промышлять хлѣбъ и изъ Франціи, производя контрабанду на берегахъ Бретани и Ванден.

Между-тѣмъ, посреди этого бѣдствія, Питтъ изготавлялъ все, чтобы предпринять смѣлую кампанію въ Балтійское-Море, лишь-только позволитъ время года. Онъ хотѣлъ сначала поразить Данію, потомъ Швецію, и наконецъ устремиться къ берегамъ Россіи. Но вскорѣ возникло неудовольствіе между королемъ и министромъ, и 8 февраля 1801 г., Питтъ получалъ отставку. Эта отставка, послѣ семнадцати-лѣтняго управленія министерствомъ, при обстоятельствахъ столь чрезвычайныхъ, прозвѣдала хваильшее мнѣніе. Въ этомъ стали подозрѣвать скрытый замыселъ Питта, а съ-тѣхъ-поръ утвердилось общественное мнѣніе, разглашенное послѣдствіями историками, что Питтъ, видя наступившую необходимость мирнаго мира, согласился удалиться отъ дѣлъ на нѣсколько мѣсяцевъ, и тамъ, чтобы этотъ миръ былъ заключенъ другими, а чтобы возвратиться самому къ кормилу правленія, когда уже мнѣтъ эта мнунтная необходимость. Такія-то побужденія толпа приписываетъ людямъ, дѣй-

ствующимъ на политическомъ воярищѣ, а ивители, плохо посвященны въ дѣло, повторяютъ эти рачи такъ, какъ имъ удалось ихъ слышать. Питтъ не предвидѣлъ ни амьскаго мира, ни его непродолжительности (4); сверхъ-того, онъ не считалъ мира несообразнымъ съ своимъ присутствіемъ у кормила правленія, потому что согласился на перемиры въ Лилль въ 1797 г., и еще недавно назначилъ Гренвилла Люневилля. Питтъ взялъ отставку, къ великому отчаянію короля, большому неудовольствію министерской партіи, къ ужасу Англіи, идущей съ сильнѣйшимъ беззаконствомъ, что люди новыя и неопытныя приступаютъ къ кормилу правленія. Питтъ былъ замѣненъ своимъ креатурою, Аддингтономъ. Лордъ Гауксбѣри, въ послѣдствіи лордъ Ливингуль, заманилъ лорда Гренвилла, министра иностранныхъ дѣлъ. То были люди умные, умеренные, но мало способные, — оба бывшіе друзья Питта, и въ продолженіи некотораго времени действовавшіе по его указаніямъ. И это-то обстоятельство, болѣе всякаго другаго, содействовало къ утвержденію мнѣнія, что удаленіе Питта было притворно.

Эти сильныя волненія потрясли слабый разумъ Георга III-го. Новое припадокъ безумія лишилъ его возможности почти въ-продолженіе цѣлаго мѣсяца управлять государствомъ. Питтъ получилъ отставку. Аддингтонъ и Гауксбѣри были уже назначены министрами, но еще не вступили въ отправленіе своихъ должностей. Питтъ, хотя и не оставилъ быть министромъ, былъ настоящимъ правителемъ Англіи во время этого кризиса, продолжавшагося почти цѣлый мѣсяцъ, и получилъ въ власть съ всеобщаго согласія. Въ это время, въ портахъ снѣргландскія англійскіе флоты, в адмиралы Паркеръ и Нельсонъ вышли изъ Ярмута съ 47 кораблями, держа путь къ Балтикѣ.

Въ половинѣ марта, король наконецъ оправился, и Питтъ удалился. Питтъ чувствовалъ, что звезда его блѣднѣла передъ раджающею звездою, предназначенною бросить совершенно-новой свѣтъ, нежели какому блистала его собственная. Хотя въ-послѣдствіи онъ снова приступилъ къ дѣламъ, чтобъ скончать посреди ихъ вѣкъ свой, однако настоящая кончина его должна считаться съ этого дня. Питтъ, послѣ семнадцати-лѣтняго управленія, оставилъ свою страну болѣе-богатою, чѣмъ прежде, но и болѣе-обремененною долгами. Это былъ совершенный ораторъ, какъ органъ правительства, глава партіи, но мало-просвѣщенный государственный человекъ, совершавшій большія ошибки и исполненнѣйшій предвзвѣтъ ко въ своей націи. Это былъ Англичанинъ, наиболее ненавидѣвшій Францію.

Хотя Аддингтонъ и лордъ Гауксбѣри не могли сравниться съ Питтомъ, однако движеніе уже началось, и британскій корабль еще не успѣвъ нѣсколько времени бытъ свой, приданный корабль его рукою папшаго министра. Англійскій флотъ шелъ въ Балтику рѣшать великій

(4) «Я узналъ» говоритъ Тьеръ: «приводимыя здѣсь подробности отъ многихъ со-временниковъ Питта, очень-близкихъ къ нему, принимавшихъ участіе въ министерскихъ дѣлахъ того времени и занимающихъ еще и теперь важныя посты въ Англіи.»

иречь о правах нейтральных государств, и армия, перевозимая на кораблях адмирала Кейта, ахала на Востокъ отнимать Египетъ Французъ.

Адмиралъ Паркеръ былъ главнокомандующимъ балтійскимъ флотомъ. Нельсонъ находился при немъ на случай, когда придется дать сраженіе.

Чтобъ проидти изъ Каттегата въ Балтику, надо проехать проливъ Зундъ, отдѣляющій берега Даніи отъ береговъ Швеціи. Между Гельсингборъ и Гельсингборомъ онъ имеетъ въ ширину 2,300 туазонъ. Изъ пролива глубже со стороны Швеціи, и потому, поставивъ по тому берегу баттарей, можно было бы затруднить провозъ для Англичанъ. Но шведскій берегъ не былъ защищенъ въ это время, да не былъ защищенъ и прежде. Дѣйствительно, онъ не представляетъ много порта, гдѣ могли бы приставать купеческія суда. Въ Зундѣ есть одинъ портъ Гельсенёръ, принадлежащій Даніи: отъ-этого-то защищенъ былъ только одинъ датскій берегъ; на немъ была построена сильная крѣпость Кроненбургъ. Отъ-этого также произошло обыкновеннѣе считать за провозъ черезъ Зундъ Датчанамъ, а не Шведамъ. Императоръ, Густавъ-Адолфъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ членовъ лиги, хотѣлъ построить на берегу Швеціи укрѣпленія, но въ это время года такое предпріятіе было рѣшительно невозможно, потому-что железо не имѣло силъ, оледенѣлой морозомъ. Впрочемъ, еслибъ и оба берега были защищены, то все проливъ такъ широкъ, что англійскіе корабли, держась вдали, не могли бы сильно пострадать отъ непріятельскихъ ядеръ.

Кромѣ Зунда, есть и еще два прохода въ Балтику: это два морскіе пролива, отдѣляющіе, одинъ островъ Зеландъ отъ острова Фіоніи, другой островъ Фіонію отъ берега Ютландіи, в извѣстные подъ именемъ Большаго и Малаго Бельтовъ. Но они были для Англичанъ не такъ удобны, какъ Зундъ, по своимъ отмычкамъ и потому, что здѣсь англійскіе корабли подвергались бы гибельному дѣйствію датскихъ баттарей.

Датчане сосредоточили свою защиту не въ Зундѣ, а передъ самымъ Копенгагеномъ.

Опасный Нельсонъ разгромилъ датскій флотъ. Датчане защищались мужественно, но надо было опасаться за самый Копенгагенъ, и потому они воспылали заключить перемиріе на три съ половиною мѣсяца. Императоръ Павла перемиреніе положеніе дѣлъ. Нельсонъ, оставивъ Копенгагенъ, не зналъ объ этомъ; иначе, это событіе увеличало бы его притязанія. Адмиралъ Паркеръ немедленно ратификовалъ это перемиріе.

Англичане рѣшились смягчить свои требованія касательно права нейтралитета, и вся непріязненныя дѣйствія на Балтійскомъ-Морѣ были приостановлены. Англія склонялась къ примиренію съ Франціею, которая въ-продолженіи десяти лѣтъ потрясала Европу и уже угрожала британской территоріи. Англійское правительство хотѣло теперь, пользуясь благоприятными обстоятельствами, загладить ошибки, происшедшія отъ упорной политики Питта.

Первый консулъ, мечтавшій только о томъ, чтобъ сдержать обеща-

ніе, данное Франціи—доставить ей порядок и миръ, первый консулъ радостію принялъ предложеніе англійскаго кабинета и поручилъ французскому уполномоченному въ Лондонъ, Отто, начать переговоры съ лордомъ Гауксбери. Дѣйствительно, эти переговоры начались въ первыхъ числахъ апрѣля 1801 г. (въ срединѣ жерминаля IX года).

Съ 18 брюмера VIII г. (9 ноября 1799 г.), по жерминаль IX года (апрѣль 1801 г.) прошло всего около полутора года, и Франція, и миръ со всѣмъ материкомъ, въ чистосердечныхъ и откровенныхъ переговорахъ съ Англіею, готова была, наконецъ, въ первый разъ по пріествіи десяти лѣтъ стяжать общій миръ на сушѣ и на морѣ. Условіе этого общаго мира, допущенное всѣми договаривавшимися сторонами было сохраненіе завоеваній Франціи.

ПИСЬМА ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ПРИРОДЫ.

Письмо четвертое.

(Последняя эпоха древней науки.)

Возрѣніе Аристотеля не достигло такой наукообразной формы, которая бы, находя все въ себѣ и въ методѣ, поставила бы его независимо отъ самого Аристотеля; оно не достигло той зрѣлой самобытности, чтобы смѣло оторваться отъ лица, и, слѣдственно, не могло перейти во всей полнотѣ къ его преемникамъ,—перейти, какъ такое наследіе, которое стоило бы только развивать и вести стройно впередъ. Въ наукѣ Аристотеля, какъ въ царствѣ ученика его, Александра-Македонскаго, имѣлось животнообразное, средоточіе, къ которому все относилось, — не было полной принадлежностью ни науки, ни царства; имъ не доставало всего того, что въ нихъ привносила гениальность исполненна мысли и исполненна воли. Возможность имперіи Александра лежала въ современныхъ ему обстоятельствахъ, но дѣйствительность ея была въ немъ; со смертію его она распалась; послѣдствія ея были вѣрны и обстоятельны въ лицѣ, но царство, какъ органическое цѣлое, какъ социальная индивидуальность, не могло удержаться. Также точно ученіе Платона и по предшественниковъ представляло Аристотелю возможность подняться на ту высоту, на которую его возвелъ его гений; но гениальность была личное; нельзя требовать, чтобы каждый перипатетикъ, на-прям., имѣлъ бы такой талантъ, который поднималъ бы его на тотъ пьедесталъ, на которомъ стоялъ Аристотель, потому-что онъ былъ гений. Слѣдствіемъ всего этого было формальное, подавторитетное изученіе самого Аристотеля, вмѣсто усвоенія духа животнообразнаго его науки. Ученики его тогда только могли бы понять, усвоить себѣ возрѣніе Аристотеля, когда бы они такъ стали на его почву, чтобы вовсе не заботились о его словахъ, а вели бы далѣе самое дѣло; но для этого надобно было, чтобы доля, принадлежавшая гениальной личности, перешла въ безличность метода, т. е. людямъ надобно было прожить еще два тысячи лѣтъ. Въ наше время, подвигъ Гереля состоитъ именно въ томъ, что онъ науку такъ воплотилъ въ методу, что стоитъ понять его методу, чтобы почти

вовсе забыть его личность, которая часто безъ всякой нужды вынуждаетъ свою германскую физиономію и профессорскій мундиръ Берскаго-Университета, не замѣчая противорѣчія такого рода личнаго ходокъ съ средою, въ которой это дѣлается. Но это появленіе личнаго мнѣнія у Гегеля до такой степени неважно и неумѣстно, что никто (порядочныхъ людей) не останавливается передъ ними, а его же мнѣнію бьютъ на голову тѣ выводы, въ которыхъ онъ является не ономъ науки, а человѣкомъ, неумѣющимъ освободиться отъ паутины чужихъ и временныхъ отношеній; изъ его началъ смѣло падаютъ тѣ его непослѣдовательности—съ твердымъ сознаниемъ, что падаютъ *него*, а не *противъ него*. Чѣмъ болѣе вліяніе лица, чѣмъ болѣе вынуждается печать индивидуальности частной, тѣмъ труднѣе разобрать ней черты родовой индивидуальности, а наука-то и есть родовое мнѣніе; потому она и принадлежитъ каждому, что она не принадлежитъ никому.

Звѣрное начало, тонкое вліяніе духа глубокаго и полнаго живымъ вниманіемъ, носившееся надъ твореніями Аристотеля, тотчасъ низвергается, попавшись въ холодильникъ разсудочнаго пониманія его послѣдователей. Слова его повторялись съ грамматическою вѣрностью,—но была маска, снятая съ мертваго, представившая каждую черту, каждую морщину трупна и утратившая теплоту, колеблющаяся формы жизни. Аристотель не могъ привить свою философію такъ въ кровь своихъ современниковъ, чтобъ сдѣлать ее ихъ плотью и кровью; ни его послѣдователи не были готовы на это, ни его метода: онъ изъ простой эмпиры поднимаетъ предметъ свой до многосторонней спекуляціи и истощаетъ его, идетъ за другимъ; онъ, какъ рыболовъ, безпрестанно погружаетъ голову въ воду, чтобъ исторгнуть оттуда что-нибудь, вывести на свѣтъ воздухъ и усвоить себя; совокупность этихъ усвоеній даетъ тѣ его науки, но средство этого претворенія — опять его личность, обладающая своей мощью недостаткомъ метода, ибо *открытая* метода — просто формальная логика; скрытое начало, связующее всѣ творенія Аристотеля, если и просвѣчиваетъ, то, навѣрное можно сказать, нигдѣ не выражено въ наукообразной формѣ; — отъ-того-то ближайшіе послѣдователи, усвоивъ себя то, что передавалось наукообразно, утратили то, что принадлежало орлиному взгляду генія. Неполнота или недостатокъ великаго мыслителя облачаютъ не въ немъ, а въ послѣдователяхъ потому-что они держатся въ неотступной и строгой вѣрности буквальному смыслу словъ, тогда-какъ геніальная натура, по внутреннему устройству души своей, переходитъ во всѣ стороны за формальные пределы, хотя бы они были поставлены ея собственной рукой; это перехватываніе за пределы односторонности, даже современности, и составляетъ яркое величіе генія. Аристотель, такъ же, какъ и Платонъ, не тускли въ философскихъ школахъ, слѣдовавшихъ за ними; они оставались какъ-то освѣжающими выше тѣни, недосыгаемыми; высокими отъ которыхъ всѣ ведутъ свое начало, къ которымъ всѣ хотятъ прильнуть, но которыхъ никто не понимаетъ въ самомъ дѣлѣ. Послѣ многихъ отпадшихъ школъ академическихъ и перипатетическихъ, и

сдѣлавшихъ ничего важнаго, является неоплатонизмъ наследникомъ всей древней мысли, исполненіемъ Платона и Аристотеля. Неоплатонизмомъ перешла древняя мысль въ новый міръ, — но это было болѣе переселеніе душъ, нежели развитіе: мы увидимъ это сейчасъ. Какъ лицо, какъ самъ онъ, Аристотель былъ схороненъ подъ развалинами древняго міра — такъ-поръ, пока Аравитянинъ не воскресилъ его и не привелъ въ Европу, погрязавшую во мракъ невѣжества, — средневаковой міръ, съ какой-то любовью накладывавшій на себя всякія цѣпи, съ восторжествомъ склонился подъ авторитетъ рѣшительно-непонятаго Аристотеля. При всемъ этомъ, *doctores searphici et angelici*, увижаясь передъ Аристотелемъ, сдѣлали изъ него схоластическаго скучнаго, іезуитическаго патера-формалиста. И бѣдный старикъ долженъ былъ разлить всю ненависть воскреснувшей мысли, съ лютеровскимъ яримъ гнѣвомъ возставшей противъ схоластики и романтическихъ оковъ (*). Собственно отъ Аристотеля до «великаго возстановленія» наукъ въ XVI столѣтіи (*instauratio magna*), наукообразнаго движенія не было, не смѣли на то, что человечество въ этотъ промежутокъ сдѣлало колоссальныя шаги, которые привели его къ новому міру мышленія и дѣланія. Изъ нашей цѣли, мы, ничего не теряя, могли бы перешагнуть отъ Аристотеля къ Бэкону, — но позвольте самымъ сжатымъ образомъ сказать несколько словъ объ этомъ времени, промежуточномъ между влассической эпохой, окончившейся Аристотелемъ, и новой, начавшейся съ Бэкона и Декарта и возмужавшей въ лицъ Спинозы.

Наука Грековъ, вступая въ послѣднюю фазу свою, ищетъ *очевиднаго*, одно очевидное принимаетъ за истину. Требованія ея становятся яснѣе и съ тѣмъ вмѣстѣ, плоче; она цѣлью своихъ изысканій ставитъ внѣшній критеріумъ истины, ищетъ его въ личномъ мышленіи: — конечно, критеріумъ только и можно найти въ мышленіи, но въ мышленіи, освобожденномъ отъ личнаго характера. Отъыскиваніе критеріума, т. е. воззрѣніа, съ разсудочной точки зрѣнія — неразрѣшимая задача; умъ, от-

(*) Предупреждая возраженіе какаго-нибудь филолога, считаю нужнымъ замѣтить, что мы разумѣемъ судьбу Аристотеля на западѣ. Въ Восточной-Имперіи, вплоть до самыхъ Турковъ, водились люди, читавшіе древнихъ философовъ, въ томъ числѣ Аристотеля, и смотрѣвшіе на него съ своей точки зрѣнія, — исторія науки, собственно, до этого дѣла пѣтъ; исторія вообще не обязана заниматься всѣмъ, что дѣлаютъ люди и что они вездѣ дѣлаютъ. Все, что выпадаетъ изъ общаго русла или не впадаетъ въ него, что замираетъ въ стѣнчести, или, усталое, падаетъ на полъ, — то, что случайно, частно, — тогда только имѣетъ право на историческое значеніе, когда оно не безслѣдно; въ противномъ случаѣ, исторія забываетъ — и въ этомъ не менѣе милосердіе ея! Исторія Китая, обыкновенно, преподается короче, нежели исторія каждаго города Италіи: не-уже-ли вы думаете, причина этому пристрастіе или близость? Въ такомъ случаѣ, Плутархъ до высочайшей степени пристрастенъ или близокъ? Въ такомъ случаѣ, Плутархъ до высочайшей степени пристрастенъ или близокъ? Почему онъ писалъ біографіи Перикла, Аликмиды и проч., а не каждаго афинскаго гражданина? или почему въ своихъ біографіяхъ онъ не разсказываетъ, какъ у его героев рѣзались зубы, какъ ихъ отнимали отъ груди, какъ они въ болѣзненномъ и старческомъ бреду они капризничали, охали и проч.? Исторія, какъ Французская Академія, никому сама не предлагаетъ мѣста въ себѣ, а разсуждаетъ права тѣхъ, которые сами стучались въ дверь ея.

рашившіея отъ предмета и опредѣлившіея себя отрицательно, можетъ понять истину, какъ свой законъ, но никогда не пойметъ этого закона истинною предмета. И именно, въ этомъ отчужденномъ, сосредоточенномъ въ себя состояніи мысли, когда у ней терается земля подъ ногами и чувствуется какая-то пустота внутри, возникаетъ потребность строгаго догматизма, мышленіе хотеть въ немъ окопаться, укрѣпиться противъ всякаго нападенія, не зная, что худшій врагъ уже въ груди ея. Да и какъ было не искать людямъ неприкосновенной твердыни внутри себя и въ теоретическомъ мірѣ, когда все окружающее начало ломиться и оказываться ложнымъ или дряхлымъ. Светлая эпоха греческой жизни приходила тогда къ концу; година, исполненная тяжкихъ страданій и униженій, настаивала для Греціи; побѣдители востока и имѣли силы защищаться противъ суроваго запада. Въ жизни греческой такъ тѣсно соединялись все элементы, что ни искусство, ни наука и могли, не измѣнившись, пережить гражданское устройство; для ихъ науки нужны были Аѳины, Аѳины, вѣрующіе въ себя... ну, просто, нужна была юношеская беззаботность, позволяющая предаваться мысли, — могла ли она остаться около того времени, какъ послѣдній царь македонскій съ поникнувшимъ челомъ шелъ по римскимъ улицамъ, поклонившійся къ торжественной колесницѣ побѣдителя? Когда это случилось разлагающій мѣдъ давно развѣдалъ Элладу; ни въ науку, ни въ государство, ни въ людей не было вѣры; объ Олимпѣ и говорить нечего — ея не отвергали изъ какой-то учтивости, да стращали имъ толпу. Вотъ въ это время, а не во время софистовъ, въ-самомъ-дѣлѣ, явилось безобразное зрѣлище риторовъ-диалектиковъ, говорившихъ въ проповѣдывавшихъ безъ всякихъ убѣжденій: это было какое-то холодное адвокатство въ науку, двуличное и коварное, мгновенное и пустое; едва изрѣдка появлялись искры, напоминавшія острый, поэтический, легкій и глубокий аѳинскій умъ. Явленіе это болѣе принадлежитъ общественной жизни нежели науку, оно было — отраженіемъ гражданского растлѣнія въ сферѣ мышленія. Но въ той же самой сферѣ явилось и самое энергическое противодѣйствіе общественной безнравственности — стоицизмъ. Ученіе стоиковъ по преимуществу нравственное; оно прямо идетъ къ вопросамъ жизненнымъ, стремится дать совѣтъ, укрѣпить грудь противъ ударовъ судьбы, возбудить гордое сознаніе долга и заставить всѣхъ жертвовать ему, — что другое могли проповѣдывать люди мысли, передъ глазами которыхъ разыгрывался послѣдній замыкающій актъ трагедіи, гдѣ гибнулъ цѣлый міръ и изъ-за видимыхъ развалинъ этого міра трудно было разсмотрѣть будущее, тихо и незаметно водворявшееся, — перелъ этимъ страшнымъ зрѣлищемъ агоніи, исполненной старческаго безсильнаго разврата, истощенія, гадкой въ своемъ циническомъ работѣ льпіи? — философу оставалось скрестить руки на груди и мужественно стать протестомъ, своимъ неучастіемъ заклеймить общество, громко обличить его позоръ, и когда нѣтъ надежды спасти его, употребить все силы, чтобъ спасти нѣсколько лицъ, оторвать ихъ отъ зараженной среды и пробудить нравственное чувство въ ихъ груди. Стоики обрекли себя на это. Но такое ученіе печально, угрюмо, «не жертвуетъ

градиль», — оно учить умирать, учить цѣною головы подтверждать живую, быть непреклонно-твердымъ въ несчастіяхъ, побуждать страданія, пренебрегать наслажденіями:— все это добродѣтели, но добродѣтели чело­вѣка въ несчастномъ положеніи; все это слишкомъ-мрачно, чтобъ быть нормальнымъ. Рука стойка, всегда готовая прервать нить собственной жизни, была безстрашно-жестка: она до всего касалась пер­стами грубыми, — и нѣжное, едва-уловимое благоуханіе, въ которомъ, какъ въ своей атмосферѣ, является все эвническое, — исчезаетъ отъ ихъ прикосновенія, или не существуетъ для него. Римскій духъ, практиче­скій, опредѣленный, разкій и холодный, началъ тогда проникать всюду, началъ становиться всемірнымъ, господствующимъ дыханіемъ; на римской почвѣ стойки развились вполне; въ Греціи они были болѣе поретки; здѣсь они отворяли себѣ жалы и приготавливали въ собствен­номъ саду костры; въ нихъ именно преобладалъ римскій элементъ: умы это-энергическіе и озлобленные, груди твердыя, но наболѣвшія, юны практическіе, но чрезвычайно-односторонніе и формальные,—пра­вила ихъ просты, чисты,—но въ своей абстрактной чистотѣ она, какъ кислородъ, не составляютъ здоровой среды дыханія именно потому, что имъ примѣси, которая бы смягчала разкую чистоту. Нравоученія стои­ковъ имѣли цѣлью образовать *мудраго*; они вѣрны только въ возмож­ность добродѣтели частнаго лица; они искали развить нравственное толь­ко въ лицѣ мудраго, а не въ республикѣ, какъ Платонъ; они первые изъяснили колоссальную мысль, что мудрый не связанъ внѣшнимъ за­кономъ, ибо онъ въ себѣ носитъ живой источникъ закона и не пови­нненъ давать отчетъ кому-либо, кромѣ своей совѣсти—мысль глубокая и многозначительная, но такая, которая высказывается только въ тѣ эпо­хи, когда мыслители люди разглядываютъ обличившуюся во всемъ без­образіи жи несоответственность существующаго порядка съ сознаніемъ; такая мысль есть полнѣйшее отрицаніе положительнаго права; между­тѣмъ, освобождая такимъ-образомъ мудраго, стойки излагали свою нрав­ственность сентенціями, т. е. готовыми статьями своего кодекса. Сентен­ціи въ философіи нравственности безобразны; она унижаютъ чело­вѣка, выражая верховное недоверіе къ нему, считая его несовершенно­мысленнымъ, или глупымъ; сверхъ-того, онъ бесполезны, потому-что всегда слишкомъ-общы, никогда не могутъ охватить всѣхъ обстоятельствъ, вхо­дящихъ въ данномъ случаѣ, а внѣ данныхъ случаевъ—она не нужна; наконецъ, сентенція—мертвая буква; она не даетъ выхода изъ себя для исключительныхъ обстоятельствъ, и когда являются эти обстоя­тельства,—сила вещей отбрасываетъ отвлеченное правило, ломаетъ его, такъ раму, неимѣющую мощи сдерживать содержаніе. Человѣкъ нравствен­ный долженъ носить въ себѣ глубокое сознаніе, какъ слѣдуетъ поступить во всякомъ случаѣ, и вовсе не какъ рядъ сентенцій, а какъ всеобщую цѣль, изъ которой всегда можно вывести данный случай; онъ импровизируетъ свое поведеніе. Но стойки — формалисты и недоверчивые; съ юридической точки зрѣнія смотрѣли на нравственный вопросъ и состав­ляли моральныя сентенціи; ихъ ученіе стремилось явнымъ образомъ окрѣпить, оцѣнить въ оконченной догматикѣ.

И въ то же самое время, какъ мрачный, аскетическій стоицизмъ со своими самоубійствами и суровыми правилами овладевалъ умами, распространилось съ такой же быстротою другое ученіе, явно противоположное стоицизму (по выраженію): эпикуреизмъ—последняя попытка, чистое—греческая, светло и отчасти дешево прикинуть мысль съ жизнью себя съ окружающимъ. «Цѣль жизни, ея истина—сознательное, полное наслажденіе собою, блаженство; въ немъ добро, въ немъ прекрасное, къ нему должно стремиться, снимая все мѣшающее, какъ зло». Итакъ блаженство—вотъ критеріумъ Эпикура. Ничто не можетъ быть нелѣпѣе, какъ вѣчные рассказы добрыхъ людей о томъ, что Эпикуръ проповѣдывалъ цѣлью жизни грубое и животное удовлетвореніе страстей: это такъ же ограничено и плоско, какъ воображать, что Гераклитъ только плакалъ, а Демокритъ—только хохоталъ, что софисты были шарлатаны и мошенники... Все это принадлежитъ особому воззрѣнію на философію, очень-похожему на то воззрѣніе, которымъ изъ ряда вонъ вырываютъ балъ. Блаженство, безъ всякаго сомнѣнія, цѣль жизни; все живое и сознающее имѣетъ неотъемлемое право на наслажденіе жизнью; но вопросъ: въ чемъ состоитъ блаженство человѣка? Для звѣря оно—въ сытости и въ слѣдованіи естественнымъ побужденіямъ; для звѣря-человѣка точно также; но не надобно забывать, что человѣкъ звѣрь не въ нормальномъ состояніи: это такое же уродство, какъ человѣкъ, который бы отрекся отъ всего физическаго, какъ отъ недостойнаго себя; для человѣка нѣтъ блаженства въ безнравственности: въ нравственности и добродѣтели только и достигаетъ онъ высшаго блаженства: потому-то человѣку и совершенно-естественно любить добродѣтель, любить нравственность. Моралистамъ хочется непременно понуждать человѣка къ добру, заставлять его поступать нравственно, такъ какъ врачъ заставляетъ принимать отвратительную горечь; они въ томъ то и находятъ достоинство, чтобъ человѣкъ *нехотя* исполнялъ обязанности; имъ не приходитъ въ голову, что если эти обязанности истинны и нравственны, то каковъ же тотъ человѣкъ, которому исполненіе ихъ противно? не приходитъ въ голову требованіе—привернуть сердце и разумъ такъ, чтобъ человѣкъ исполненіе дѣйствительнаго долга не считалъ за тяжкую ношу, а находилъ въ немъ наслажденіе, какъ въ образѣ дѣйствія, наиболѣе-естественномъ ему и признанномъ его разумомъ. Если добродѣтель только понудительная обязанность, внѣшнее вѣзловіе, то ее нельзя любить; можно ей жертвовать, можно покориться ей—но не болѣе; можно, наконецъ, быть по расчету добродѣтельнымъ, ожидая возмездія: здѣсь опять цѣль—блаженство, но ниже, корыстное понятое; возмездіе соприсвосущно самой добродѣтели, нравственное дѣланіе есть уже награда совершившаяся, блаженство само-по-себѣ. Иначе мы впадемъ въ то сомнѣніе, которое такъ мило выражено Шиллеремъ:

GEWISSENSCHAUFEL.

Gerne dien' ich den Freunden, doch thu' ich es leider mit Neigung,
Und'so wurmt es mir oft, dass ich nicht tugendhaft bin.

Entscheidung.

Da ist kein anderer Rath, da musset suchen, sie zu verachten,
Und mit Abscheu als dann thun, wie die Pflicht dir gebent (*).

Тотъ, кто находитъ въ добродѣтели наслажденіе, можетъ сказать, какъ Эпикуръ: «должно предпочитать разумное несчастье безумному счастью», — и это очень-просто, потому-что безумное счастье — немощь для человека: для того, чтобы имъ наслаждаться, онъ долженъ отречься отъ верховной сущности своей — разума. Всякій безнравственный поступокъ, сдѣланный сознательно, отрицаетъ разумъ, оскорбляетъ его, угрызение совѣсти напоминаетъ человеку, что онъ поступалъ какъ рѣбъ, какъ животное, и нѣтъ блаженства при этомъ укоряющемъ голося. Стоицизмъ больше формально противоположенъ эпикуреизму, нежели въ самомъ дѣлѣ; развѣ онъ не потому хотѣлъ быть самоотверженнымъ, что въ самоотверженіи видѣлъ болѣе-человѣчественное удомствореніе, нежели въ слабодушномъ потворствѣ и распущенности характера; стоицизмъ выразилъ только свое воззрѣніе иначе, освѣтилъ его съ противоположной стороны; вызванный, какъ реакція, какъ протестъ, онъ круто и аскетически принялся исправлять нравы, онъ былъ похожъ на строгій и суровый католицизмъ, явившійся послѣ Лютера. Эпикуреизмъ, совсѣмъ напротивъ, вѣрный греческому гению, понималъ роскошно, человѣчественно-просто вопросъ стоицизма и не разсѣкъ два человѣческой на страшную противоположность долга и влеченія, исправляя ихъ другъ на друга, а стремился ихъ примирить въ блаженствѣ, удовлетворяющемъ и долгу и страстямъ; для него исполненіе долга неразрывно съ наслажденіемъ, то-есть, естественно и разумно. Состояніе нравственного дуализма противорѣчитъ значенію самопознающаго существа, — нелѣпость, похожая на то, еслибъ звѣрь, чувствуя потребность насыщенія, раздиралъ собственную грудь; простая, органическая цѣлебность громко вопіетъ противъ стоическаго унынія, сжестота зубовъ; такой аскетизмъ и гоненіе всего естественнаго ведетъ прямо къ оргигеновскимъ поправкамъ физическаго. Замѣйте, что частота нравовъ эпикуровыхъ учениковъ вошла въ послѣдству, и она очень-понятна: человеку, признающему свои права на наслажденіе, легко понимать права наслажденій надъ собою; ему не страшны страсти; онъ не врагами, не ночными татами пробираются въ его сердце: онъ знакомъ съ ними и знаетъ ихъ мѣсто. Тотъ, кто дѣлаетъ цѣлью одно обузданіе страстей, тотъ даетъ страстямъ силу и высоту, которыхъ онъ не имѣютъ вовсе, — онъ ихъ ставитъ соперникомъ разуму. Страсти крадутъ и растутъ именно отъ-того, что имъ придаютъ огромную мѣжность. Лукрецій говоритъ, что иногда надобно уступать потребности

(*) Сомнѣніе.

Отъто служу я друзьямъ моимъ, но по несчастью имъ это пріятно: меня частѣе
прекаютъ совѣтъ въ безнравственности за это.

Разсужденіе.

Дѣлать тутъ ничего, старайся ихъ ненавидѣть, и дѣлай съ отарашеніемъ то,
что тебѣ въсвѣщаетъ долгъ.

наслаждения для того, чтобы она не безпрестанно насъ занимала. Эпикуръ, столь противоположный стоицамъ, послѣдними словами своего учения сталъ рядомъ съ ними: «свобода отъ божовъ и желаній» говоритъ онъ «есть высшее блаженство». При этомъ, замѣтите, оба школа даютъ личности человека несравненно-важнѣйшее значеніе, нежели въ предшествовавшія имъ философскія ученія, — это преддверіе признанія безконечности человѣческаго духа, которое должно было развиться въ новомъ мірѣ. — Вы можете мнѣ возразить, что эпикуреизмъ, однако, способствовалъ къ распространенію чувственности и матеріализма въ Римѣ. Да. Но въ какую эпоху? въ ту, въ которую Римъ былъ разраженъ до обоготворенія Клавдіевъ, Каллигулъ, и проч. Люди искали за бытсѣя, отвернуться отъ гражданскаго міра, отъ предчувствій и воспоминаній и не толковали эпикуреизмъ по-своему.

Эпикуреизмъ имѣлъ большое вліяніе на естествовѣдѣніе; Эпикуръ былъ атомистъ и эмпирикъ — почти такъ же, какъ естествоиспытатель прошлаго вѣка и отчасти нашего. Не смотря на большую смѣлость его онъ такъ же не выдержалъ своего воззрѣнія до конца, какъ вся Греція какъ самыя стоики, которые, ставъ въ противоположность съ вѣрваніями языческаго міра, принимали какой-то фатализмъ и каіи-т мистическія вліянія. Эпикуръ принимаетъ нелѣпость случайнаго соединенія атомовъ, какъ причину возникновенія сущаго, и прекрасно говоритъ о высшемъ существѣ «которому ничего не недостаетъ, неразрушимомъ, непреходящемъ и котораго надобно чтить не по вѣншимъ причинамъ, а потому, что оно по сущности своей достойно», и проч. — Это свидѣтельствовало бы только, что онъ чувствовалъ предѣлы своего воззрѣнія, онъ провидѣлъ верховное начало, царящее надъ физическимъ многообразіемъ; но сверхъ этого онъ толкуетъ о какихъ-т соподчиненныхъ богахъ, тѣлахъ, служащихъ вѣчными идеалами людямъ. Какъ онъ мирилъ съ этимъ сонмомъ боговъ случайность возникновенія — непонятно, да вѣроятно онъ и самъ не понималъ какъ. Философы-денсты XVIII вѣка, вообще натуралисты, на всякомъ шагѣ представляютъ примѣры всеовершеннѣйшей противоположности своихъ физическихъ теорій съ какими-то попытками d'une religion raisonnée naturelle, philosophique. Не смотря на эту непослѣдовательность вліяніе эпикуреизма было значительно. Эпикурейцы принимали фактъ и опытъ не только за точку отправленія, но и за непреложный критеріумъ. Они были эмпирики и шли къ истинѣ инымъ путемъ: обыкновенно мыслители только одной ногой упирались въ фактъ и тотчасъ переходили къ всеобщему и отвлеченному, низводя потомъ логическое многообразіе, — эпикурейцы оставались при эмпирическомъ; этотъ путь въ односторонности своей не можетъ выпутаться изъ эмпирии и дойти до всеобъемлющихъ синтетическихъ мыслей, но онъ имѣетъ въ себѣ такую неотразимость, такую непреложную очевидность и осязаемость что тотчасъ дѣлается доступенъ, популяренъ, практиченъ. Не смотря на тапы и идеалы, эпикуреизмъ былъ послѣдній ударъ на смерть язычества. Стоицизмъ могъ перейти въ мистицизмъ, — платонизмъ въ-самомъ-дѣлѣ перешелъ въ него. Аристотеля можно было перетолковать

— эпикуреизма ни подь какимъ видомъ: онъ простъ, положительъ. Тутъ за что и бранили его такъ злобно; онъ вовсе не былъ ни развратенъ, ни богоотступниче всѣхъ прочихъ философскихъ ученій въ Греціи; а и что намъ за дѣло заступаться за языческую правотѣрность? всѣ философы очень подозрительны со стороны политеизма, хотя въ нихъ и всѣхъ, и въ Эпикурѣ точно также, есть остатки его. Проклятая положительность и опытный путь — вотъ что озлобило людей въ родѣ Цицерона.

Противъ догматизма эпикурейскаго и стоическаго вскорѣ повѣялъ ливъ воздухъ скептицизма, — и послѣднія мысля древней философіи, ставшая старчески-упрямыми въ своей догматикѣ, рушились пердъ его мощью и разсыпались въ вечернемъ туманѣ, павшемъ на греко-римскій міръ. Скептицизмъ, естественное послѣдствіе догматизма: догматизмъ вызываетъ его на себя; скептицизмъ — реакція. Философскій догматизмъ, какъ все косное, твердое, успокоившееся въ домыслѣ собою, — противенъ вѣчнодѣятельной, стремящейся натурѣ чловѣка; догматизмъ въ наукѣ не прогрессивенъ; совсѣмъ-напротивъ, онъ заставляетъ живое мышленіе осѣсть каменной корой около своихъ началъ; онъ похожъ на твердое тѣло, бросаемое въ растворъ для того, чтобъ заставить кристаллы низвергнуться на него; — но мышленіе чловѣческое вовсе не хочетъ кристаллизоваться, оно бѣжитъ косности и покоя, оно видать въ догматическомъ успокоеніи отдыкъ, усталъ, шконецъ ограниченность; въ-самомъ-дѣлѣ, догматизмъ необходимо имѣть *готовое абсолютное*, впередъ идущее, и удерживаемое въ однопорозности какого-нибудь логическаго опредѣленія; онъ удовлетворяется своимъ достояніемъ, онъ не вовлекаетъ началъ своихъ въ движеніе, напротивъ, это неподвижный центръ, около котораго онъ ходитъ по кругу. Какъ только мысль начинаетъ разглядывать эту гранитную немѣлживность, — духъ чловѣчскій, этотъ *actus purus*, это движеніе по превосходству, возмущается и устремляетъ всѣ усилія свои, чтобъ смыть, разбить этотъ подводный камень, оскорбляющій ее, — и не было еще примѣра, чтобъ упорно стоящій въ наукѣ догматизмъ вынесъ такой испоръ. Скептицизмъ, какъ мы сказали, — противодѣйствіе, вызываемое полузаконной догматикой философіи; онъ самъ-по-себѣ невозможенъ тамъ, гдѣ невозможны твердыя мысля, принятіе на авторитетъ, стремленіе сдѣлать изъ науки, вмѣсто текущаго живаго мышленія, сухія нормы въ родѣ XII таблицъ. Но до-тѣхъ-поръ, пока наука не пойметъ себя именно этимъ живымъ, текучимъ сознаниемъ и мышленіемъ рода чловѣческаго, которое, какъ Протей, облекается во всѣ формы, но не остается ни при одной, — до-тѣхъ-поръ, пока въ науку будутъ врыватья готовыя истины, которыхъ принятіе ничѣмъ не оправдано, которыя взяты съ улицы, а не изъ разума, не только врываются, но и находятъ мѣсто и право гражданства въ ней, — до-тѣхъ-поръ, время-отъ-времени, злой и рѣзкій скептицизмъ будетъ поднимать свою голову Секста-Эмпирика, или Юма, и убивать своей ироніей, своей негацией *всю науку*, за то, что она не *всѣ наука*. Сомнѣніе — вѣчно-припаянный элементъ ко всѣмъ моментамъ развивающагосд

научнообразного мышления, — мы его встречаемъ вместе съ наукою въ Греціи, и послѣдовательно будемъ встрѣчаться съ нею при всякой попыткѣ философскаго догматизма; онъ провожаетъ науку черезъ всѣхъ

Характеръ скептицизма, которымъ заключилось мышленіе древняго міра, весьма-замѣчательнъ; направленный противъ догматизма въ двухъ формахъ, онъ совершилъ de facto то, чего домогался догматизмъ: онъ отрѣшилъ личность отъ всего сущаго, освободилъ ее отъ всего положительнаго и такимъ-образомъ откровенно призналъ безконечную ея достоинство. Скептицизмъ освободилъ разумъ отъ древней науки, которая воспитала его; но это освобожденіе отнюдь не было гармоническое, сознательное провозглашеніе его правъ, его автономіи: это было освобожденіе реакціонное, освобожденіе 93 года, освобожденіе отъ древняго міра, расчищавшее мѣсто міру грядущему. Скептицизмъ отрывался отъ самаго страшнаго сознанія, какое только можетъ посѣтить человеческую душу; онъ не только сомнѣвался въ возможности знать истину, но просто и не сомнѣвался въ невозможности знать ее; онъ былъ увѣренъ, что бытіе и мышленіе равно не имѣютъ повара, что это несомнѣримыя данныя, можетъ-быть, даже мнимыя. Вместо критеріума, онъ поставилъ *кажется*, и горько улыбаясь, успокоился въ немъ; однажды убѣдившись въ неспособности разума подняться до истины, скептики не хотѣли и пытаться, а только доказывали, что попытки другихъ неслѣпны. — Но не варьте этому равнодушію: это отчаянное равнодушіе безпомощности, съ которымъ вы смотрите только успахаго друга; вы должны примириться съ тѣмъ, что его нетъ, что хочешь дѣлай — не поможешь; скрывая сердце, вы идете къ своимъ дѣламъ. Какъ ни храбрись Секстъ-Эмпиріакъ (*), человеку не легко примириться съ невѣріемъ въ себя, съ достовѣрностью неабсолютности своего разума; самый смѣхъ скептиковъ, иронія ихъ, показываютъ, что на душѣ ихъ не такъ-то было легко. Не все смѣются отъ веселья.

Противъ скептицизма древній міръ рѣшительно не имѣлъ орудія, потому-что скептицизмъ былъ върнѣе себя, нежели вся философская система древняго міра. Одинъ скептицизмъ не запятналъ себя въ древнемъ мірѣ безхарактернымъ и легкомысленнымъ потворствомъ язычеству; онъ не отворялъ съ такою легкостью дверей своихъ всякаго рода представленіямъ, которыя на время облегчаютъ неразрѣшимый вопросъ и пускаютъ нездоровые соки во весь организмъ. Дѣйствитель

(*). Секстъ-Эмпиріакъ жилъ во II вѣкѣ послѣ Р. Х. Человѣкъ ума необязательнаго, и чисто-отрицательнаго, онъ не только все отрицалъ, но еще хуже, онъ принималъ все въ его діалектикѣ есть какая-то иронія, повергающая въ отчаяніе; онъ отвергаетъ каузальность, на-пр., но потомъ говоритъ: стало-быть, есть достаточная причина отвергать причину какъ причину — но если такъ, то и причина отвергать каузальность несостоятельна. Онъ, какъ Кантъ, выставилъ рядъ антиномій — и всё ихъ оставилъ автономіями. Последнимъ словомъ своимъ онъ сказалъ: «Тогда только тревожность души успокоится и водворится счастливая жизнь, когда бѣгущему отъ зла или стремящемуся къ добру укажутъ, что нѣтъ ни добра, ни зла». — Послѣ такихъ словъ міръ, который привелъ къ нимъ, долженъ пересоздаться.

ная наука могла бы снять скептицизмъ, отречься отъ самаго отрицанія; для нея скептицизмъ—моментъ: но древняя наука не имѣла этой силы; она чувствовала грѣхи свои и не смѣла прямо выступить противъ скептицизма, уличавшаго ее въ несостоятельности. Она освободила разумъ отъ нея и повергла его въ какую-то пустоту, въ которой вовсе не было содержанія: все поглотилось разверзшеюся пропастью отрицательнаго мышленія. Скептицизмъ раскрывалъ безконечную субъективность безъ всякой объективности. Вѣрный себѣ, онъ не высказалъ своего послѣдняго слова — и хорошо сдѣлалъ: его бы не поняли. Скептики искали успокоенія въ своей собственной личности; сомнѣніе во всезнаніи, сомнѣвался въ разумѣ, въ истинѣ, они указывали каждому, какъ на послѣднее убѣжище, какъ на якорь спасенія — на свою личность; но не прямо ли это вело къ положенію самопознанія, какъ сущности? не показываетъ ли это, что въ концѣ древняго міра духъ человѣческой, утративъ довѣріе къ міру, къ праву, къ политеизму, къ наукѣ, провидѣлъ, что въ одномъ углубленіи въ себя можно найти явную весть утратамъ?—Это пророческое предсознаніе безконечнаго достоинства челоука, едва мерцающее въ скептицизмѣ, явившемся цѣлѣ пластическую, художественную науку Греціи, далеко перехватывало за предѣлы тогдашняго состоянія мысли. Челоуку надобно было востри двумя тысячелѣтіями приготовиться, чтобъ вынести сознаніе своего величія и достоинства.

Послѣ горячешнаго и безумнаго времени первыхъ цезарей, настало для Рима время нѣсколько-спокойное; старикъ, вставшій съ одра смерти, почувствовалъ, что онъ въ болѣзни не только не утратилъ всѣхъ силъ, а приобрѣлъ новыя: онъ не замѣчалъ, что это послѣднее упрямство жизни, напряженіе, за которымъ неминуемо слѣдуетъ гробъ. Все шло въ порядокъ, и жизнь имперіи развертывалась величаво, мощественно; прокладывая свои каменные дороги и воздвигая вѣчные дворцы, она могла еще плѣнить поддальной красотой своей Гиббона. Правда, что-то предчувствовалось, какой-то лихорадочный трепетъ времени-отъ-времени пробѣгалъ по членамъ всей имперіи; на границахъ собирались какія-то дикія, долговолосыя и бѣлокурыя толпы; рабы смотрѣли на своихъ господъ съ большей ненавистью, нежели на этихъ варваровъ; люди, одаренные зоркими глазами, видѣли несотразиимость грозы — но такихъ людей бываетъ немного. Официально, Римъ стоялъ сильно и тяготѣлъ надъ всѣмъ древнимъ міромъ; официально, онъ былъ еще *вѣчный городъ*; тупое довѣріе къ неизбежности существующаго порядка еще владело большинствомъ умовъ. Весь древній міръ собрался въ Римъ, какъ въ одинъ узелъ, въ одинъ царящій органъ: отъ-того именно Римъ и утрачиваетъ свою особность и дѣлается представителемъ не себя, а цѣлой вселенной; всѣ жизненныя силы покоренныхъ имъ народовъ текли въ него; онъ какъ-бы для того содѣлалъ ихъ, чтобъ можно было, по извѣстному поэтическому выраженію Калпулы—однимъ ударомъ снести голову древнему міру. Суровый Римъ могъ покорить вселенную, приладить свой умъ къ чужой мысли, свою душу къ чужому искусству, — но продолжать греческой

жизнь не могъ; въ его душѣ какъ-то печально сочеталась отвлеченность и практическій смыслъ, въ его душѣ была безконечная мощь вмѣстѣ съ нею пустота, ничѣмъ-ненаполняемая — ни победами, ни юридической казустикой, ни утонченной игрой, ни развратомъ тиранин и кровавыхъ зрѣлищъ. Жизнь Греціи не перешла въ Италію. Des Lebens May blüht einmal und nicht wieder!

Въ противоположность граждански-политическому центру въ Римѣ въ Александріи сосредоточилась полнѣйшіе и послѣдніе представители древней мысли; тамъ матеріально, здѣсь интеллектуально собирались дружины древняго міра подъ ветхія свои знамена — не для того, чтобы победить, а для того, чтобы склонить ихъ наконецъ передъ новымъ знаменіемъ. — Вопросъ, поглотившій все вопросы въ неоплатонизмъ состоялъ въ опредѣленіи отношеній частнаго къ всеобщему, міра явленій къ началу являющемуся, человека къ Богу.

Вы видите изъ прошлаго письма, что греческая мысль, какъ-то ставилась лицомъ-къ-лицу съ этимъ вопросомъ, оказывалась несостоятельною; какъ-только она поднималась на эту высоту, у ней всякій разъ кружилось въ головѣ, и она начинала бредить и поддаваться языческимъ представленіямъ. Неоплатонизмъ серьезно и шире всталъ за эти вопросы; онъ принялъ въ себя много юданческаго, вообще восточнаго, и сочеталъ эти элементы, неизвѣстные греческой наукѣ, съ глубокимъ изученіемъ Пифагора, Платона и Аристотеля; онъ съ самаго начала почти не стоитъ на языческой почвѣ, не смотря на то, что высшій представитель его, Проклъ, съ упрямствомъ удерживаетъ греческое многобожіе. Политензмъ обоготворялъ, олицетчалъ разныя силы природы, давалъ имъ образъ человѣчскій, и этимъ образомъ давалъ характеръ той естественной силы, которой живымъ представителемъ являлся образъ. Неоплатоники отвлеченные моменты логическаго процесса, моменты міроваго развитія представляли фазами безусловнаго духа, безтѣлеснаго, соприсносущаго міру, замкнутаго въ себя; они понимали его «живымъ въ движеніи вещества», по превосходному державинскому выраженію. — Грубо-понятій неоплатонизмъ — своего рода язычество, своего рода антропоморфизмъ, но не художественный, а мистическій; они собственно не хотятъ кумира, но принявъ іероглифическій языкъ, они такъ затемняютъ смыслъ своей рачи что трудно догадаться, что у нихъ символъ, и что представляемое, — тѣмъ болѣе трудно, что они всеми силами стараются показать свою преданность язычеству, и понимая разныя отвлеченныя истины подъ именами боговъ и богинь, сбиваютъ съ толку (*); неоплатоники дѣлали опыты рационально оправдать язычество, наукой доказать абсолютность его — и, разумѣется, только нанесли новый ударъ древней религіи; если ужь однажды замѣшаны были разумъ и наука въ дѣло фантастическихъ представленій, то можно было ждать, что они облачатъ ихъ недействительность. Философія что бы ни принялась оправдывать, оправдываетъ

(*) У Прокла это всего лишь; онъ былъ посвященъ во все таинства и удивлялъ жрецовъ своими теологическими тонкостями.

алко разумъ, т. е. себя. Точка отправления Прокла — восторженная зерцальность; человекъ жизнию, настроеніемъ духа долженъ приготовить себя къ восторженности, возводящей его на высоту зерцальности, съ которой только возможно видѣніе безусловнаго. Казульное, какъ оно есть само-по-себѣ, отвлеченное отъ условнаго, знать нельзя; оно въ себя осящущееся, отвлеченное единство, — оно дѣлается понятнымъ, обнаруживаясь, происходя, развиваясь. Развитие единнаго не есть необузданное себлестраиваніе, теряющееся въ ариметической безконечности, нѣтъ—оно, развиваясь, остается самъ-собою. Взаимодействіе этой полярности, предѣль, мѣра—пересѣчь въ средоточію. Отсюда Проклъ выводитъ свои три момента: *Единство*, *Безконечность*, *Мѣра*. Нельзя не замѣтить, что при всей силѣ и высотѣ этого воззрѣнія, оно отправляется не отъ логическаго предшествоващаго, а отъ непосредственнаго видѣнія, даннаго восторженностью; его мѣль верна, но метода не наукообразна, не оправдана. Религія идетъ къ безусловной истинѣ: ей не нужно такого оправданія; но неоплатоникъ хотѣли науки—я какъ наука, ихъ воззрѣніе, при всей высотѣ еей, не совсѣмъ состоятельно.

Неоплатонизмъ всѣми сторонами души своей, всѣми симпатіями, нежеланіемъ мысли относительно временнаго, выходитъ изъ древней мысли и вступаетъ въ міръ христіанскій; но, не смотря на это, неоплатоникъ не хотѣли принять христіанства: она мечтали новое вино налить въ старыя мѣха. Неоплатонизмъ — отчаянный опытъ древняго разума дѣлать своими средствами, опытъ величественный, но неудачный. Неужели неоплатоническимъ отвлеченнымъ, труднымъ, запутаннымъ языкомъ, ихъ философскимъ электизмомъ, ихъ теургической гностикой и любовью къ сверхъестественному можно было остановить паденіе Рима, остановить эпикуреизмъ, остановить скептицизмъ, и наконецъ, неужели ихъ языкомъ можно было говорить съ народами? Неоплатонизмъ блѣднѣетъ передъ христіанствомъ, какъ все отвлеченное блѣднѣетъ передъ полнымъ жизни. Во всѣхъ этихъ ученіяхъ вѣсть правдѣе, но во всѣхъ *чего-то* не достаетъ, — того властнаго глагола, той молнии, которая сплавляетъ изъ отрывчатыхъ и полувысказанныхъ началъ единое цѣлое. У неоплатониковъ—почти какъ у нынѣшнихъ мечтателей социалистовъ—пробиваются великія слова: примиреніе, обновленіе, *παύλις*, *αποκαταστασις*, *παντων*, но они остаются отвлеченными, недобопонятными, такъ—какъ ихъ теодицея; неоплатонизмъ былъ для ученыхъ, для немногихъ. «У насъ (т. е. у христіанъ) дѣти теперь», говоритъ Тертуліанъ: «больше знаютъ о Богѣ, нежели ваши мудрецы». Борются съ христіанствомъ было безумно; но гордая философія, точно такъ же, какъ гордый Римъ, не обратила сначала вниманія на это. Страннее было: Римъ какъ-будто утратилъ, въ гнусную эпоху лихихъ цезарей, весь свой умъ и впадалъ въ жалкое старчество людей, которые дѣлаются ничтожными и суетными на краю могилы; проповѣдываніе Евангелія уже раздавалось на площадяхъ его, а римская аристократія и вслѣдствіи съ улыбкой смотрѣли на бѣдную ересь назарейскую и писали подлые панегирики, пошлыя мадригалы, не замѣчая, что рабы,

были, все труждающиеся и обремененные, слушали новую вѣсть не купленія. Тацитъ не повалъ сначала и Плавій не поналъ потомъ, что совершалось передъ ихъ глазами. Неоплатоники видѣли такъ же, какъ стоики и скептики, странное состоявіе гражданскаго порядка и нравственнаго быта, но увлеченные созерцательностью, они не могли стотавляя удариться въ невѣріе, въ чувственность; несостоятельность міра положительнаго привела ихъ къ презрѣнію всего временнаго, естественнаго, къ отвѣскавію другаго міра внутри себя—независимаго безусловнаго; этотъ міръ, при глубокѣмъ и страстномъ вниканіи въ него, велъ къ признанію одного отвлеченнаго и духовнаго за истину (*) на это духовное было и шире и выше понятіе яма, нежели всей предшествующей мыслию; одно оно исполняло то, къ чему они стремились одно христіанство соответствовало неоплатонизму; а между-тѣмъ, неоплатоники не только были язычниками по привычкѣ, или потому-что родившись язычниками, изъ *ложкаго стыда* хотѣли остаться ями, — нѣтъ, они въ-самомъ-дѣлѣ воображали, что многи язычества лучша плоть для истины. Люди, склонные все матеріальное считать призракомъ, въ самомъ началѣ сдѣлали такую грубую ошибку, что потомъ имъ легко было принимать послѣдствія, вовсе немѣдущія изъ ихъ началъ, и мириться со всемъ тѣмъ, съ чѣмъ не хотѣли мириться. Но что же имъ отречься отъ стараго, умершаго возрѣвнн? То, что это все не такъ легко, какъ кажется.

Побѣжденное и старое не тотчасъ сходитъ въ могилу; долговѣчность и упорность отходящаго основаны на внутренней хранительной силѣ всего сущаго: ею защищается до-нельзя все однажды призванное къ жизни; всемірная экономія не позволяетъ ничему сущему сойти въ могилу прежде истощенія всѣхъ силъ. Консервативность въ историческомъ мірѣ такъ же вѣрна жизни, какъ вѣчное движеніе и обновленіе; въ ней громко высказывается мощное одобреніе существующаго, признаніе его правъ; стремленіе впередъ, напротивъ, выражаетъ неудовлетворительность существующаго, исканіе формы, болѣе соответствующей новой степеня развитія разума; оно ничѣмъ не довольно, негодуешь; смутно въ существующемъ порядкѣ; а историческое движеніе тѣмъ временемъ идетъ діагональю, повинуясь обѣимъ силамъ, противопоставленнымъ другъ другу, и тѣмъ самымъ спасаюсь отъ односторонности. Воспоминаніе и надежда, *status quo* и прогрессъ—антиномія исторія, а въ ея берега—*status quo* основанъ на фактическомъ признаніи, что каждая осуществившаяся форма—действительный сосудъ жизни, побѣда ослр-

(*) Вотъ что говоритъ Поренрій о своемъ учителѣ: «Нельзя намъ казался существомъ вышшимъ, онъ стѣмнлся своего тѣла, не любилъ говорить ни о своей семьѣ, ни о родителяхъ, ни объ отцнвѣ. Никогда не дозволялъ онъ, чтобы его тѣло было повторено живописцемъ или ваятелемъ; когда Аврелій просилъ его позволенія срисовать его, онъ отвѣтилъ ему: — Не довольно ли, что мы принуждены таскать съ собою тѣло, въ которомъ заключены природою, не-уже-ли намъ еще оставлять изображеніе творца, какъ-будто видъ ея имѣеть въ себѣ что-либо величественное? Это часте-романтическое извращеніе!»

жизнь, истина, доказанная непреложно бытіемъ; онъ основанъ на вѣр-
 ной мысли, что человечество въ каждый историческій моментъ обла-
 даетъ всею полнотою жизни, что ему нѣчего жать будущаго, чтобы
 пользоваться своими правами. Консервативное направленіе будить въ
 душѣ святыя воспоминанія, близкія и родныя, зоветъ возвратиться въ
 родительскій домъ, гдѣ такъ юно, такъ беззаботно текла жизнь, забы-
 ли, что домъ этотъ сдѣлался тѣсень и полуразвалился; оно отправляет-
 ся отъ золотаго вѣка. Совершенствованіе идетъ къ золотому вѣку, про-
 тестуетъ противъ признанія опредѣленнаго за безусловное; видитъ въ
 ктвнѣ былаго и сущаго истину относительную, неимѣющую права на
 ничное существованіе, и свидѣтельствующую о своей ограниченности
 именно своей преходимостью; оно хранитъ также въ себя бывшее, но не
 хочет его сдѣлать мѣтой его мечты — въ будущемъ, въ святомъ упо-
 миніи. Мірѣ языческій, исключительно національный, непосредствен-
 ный, былъ всегда подъ обаятельной властію воспоминанія; христіанство
 поставило надежду въ число краеугольныхъ добродѣтелей. Хотя надеж-
 да вскій разѣ побѣдитъ воспоминаніе, тѣмъ не менѣе борьба ихъ бы-
 ваетъ зла и продолжительна. Старое страшно защищается, и это понятно;
 какъ жизни не держаться ревниво за достигнутыя формы? Она новыхъ еще
 не знаетъ, она сама эти формы; сознать себя прошедшимъ — самоотвер-
 женіе, почти-невозможное живому: это самоубійство Катона. Отходящій
 юрлодкѣ вещей обладаетъ полнымъ развитіемъ, всестороннимъ приложе-
 ніемъ, прочными корнями въ сердцѣ; юное, напротивъ, только возникаетъ;
 оно сначала является всеобщимъ и отвлеченнымъ, оно бѣдно и наго;
 старое богато и сильно. Новое надобно создать въ потѣ лица, а ста-
 рое оно продолжаетъ существовать и твердо держится на костыляхъ
 привычки. Новое надобно изслѣдовать; оно требуетъ внутренней рабо-
 ты, пожертвованій; старое принимается безъ анализа, оно готово—ве-
 лико право въ глазахъ людей; на новое смотреть съ недоверіемъ, по-
 тому-что черты его юны; а къ драхлымъ чертамъ стараго такъ при-
 выкли, что онѣ кажутся вѣчными. Силѣ, чары воспоминанія могутъ
 иногда пересилить увлеченія маящей надежды; хотѣть прошедшаго во
 что бы то ни стало, въ немъ видѣть будущее. Таковъ, напримеръ,
 Юліанъ-Отступникъ. Въ его время, вопросъ о бытіи и не-бытіи дре-
 внаго міра уже страшно постановился; не знать его было нельзя. Три
 возможныхъ рѣшенія представлялись: язычество, т. е. бывшее, воспоми-
 наніе; отчаяніе, т. е. скептицизмъ—ни бываго, ни будущаго, и нако-
 нецъ, принятіе христіанства и съ тѣмъ вмѣстѣ выходъ въ новый гряд-
 ущій міръ, съ оставленіемъ мертвымъ хоронять мертвыхъ. Юліанъ
 былъ горячій мечтатель, человекъ съ энергической душой, сначала
 былъ вѣра весь отданный греческой наукѣ, потомъ въ дальней Лютеціи
 мыслитъ рѣшеніемъ тяжкаго вопроса о современности, — онъ рѣшилъ
 что въ полнѣ прошедшаго. Замѣтимъ, между прочими, что на средо-
 вѣіе неоплатонизма, на Юліанъ, не жили въ Византіи: они могли
 мечтать о мнѣовавшихъ правахъ, о возстановленіи древняго порядка
 иль нѣтъ новой столицы, нѣтъ города, которымъ Константіанъ отрека-
 етъ язычества и отъ неразрѣннаго съ язычествомъ быта древней сто-

лицы. Теоретически казалось возможным не только воскресить былое, но, воскрешая, просвѣтлить его. Юліанъ былъ человекъ нравовъ строгихъ и высокихъ доблестей. Въ лицѣ его древній міръ очистился, просіялъ, какъ-будто сознательно приготовляясь къ честной и безпостыдной кончинѣ. Воля его была тверда, благородна, умъ гениальный. Всѣмъ тщетно! Воскресить прошедшее было просто невозможно. Мало зрѣлицъ болѣе-торжественныхъ и успокоительныхъ, какъ безсвѣіе такитъ гигантовъ, какъ Юліанъ, противъ духа времени; по ихъ силѣ и по безсилію дѣйствія можно легко измѣрить всю несостоятельность нескороненнаго прошедшаго противъ нарождающагося будущаго. Конечно, воспоминанія Аѳинъ и Рима, грустныя и упрекающія, являлись на опу- ставшихъ стѣнахъ и мощно звали къ себѣ; конечно, жаль было пре- красный міръ, уходившій въ гробъ — намъ вчуже жаль его до слезъ, но что же дѣлать противъ совершившагося событія? Его смерть была трагическій фактъ, котораго не принять нельзя было людямъ, присут- ствовавшимъ при похоронахъ. Не споримъ, своего рода мрачная поэзія окружаетъ людей прошедшаго; есть что-то трогательное въ ихъ по- грѣбальной процессіи, идущей вспять, въ ихъ вѣчно-неудачныхъ опы- тахъ воскресить покойника. Вспомните о Евреяхъ, ожидающихъ до се- го дня возстановленія царства израильскаго, борящихся до сихъ поръ противъ христіанства... Что можетъ быть печальнѣе положенія Еврей- въ Европѣ—этого человека, огрицающаго всю широкую жизнь около себя на основаніи неподвижныхъ преданій! груди его не кому распахнуться, потому-что все сочувствовавшее съ нимъ умерло, вѣка тому назадъ; онъ съ ненавистью и съ завистью смотритъ на все европейское, зналъ, что не имѣетъ законнаго права ни на какой плодъ этой жизни и въ то же время не умѣетъ обойтись безъ удобства европеизма... Всякій рѣзкій переворотъ долго послѣ себя оставляетъ представителей враждующихъ сторонъ. Вы найдете жидовскую неподвижность и въ Сен-Жерменскомъ-Предмѣстьи, въ нашихъ старыхъ и новыхъ раскольникахъ... Неоплатоника была въ томъ же самомъ положеніи; они, какъ мы сказали, всѣмъ слоесъ своего ума, всѣмъ ученіемъ своимъ вышли изъ древняго міра и натягивали ка- кое-то близкое сродство съ нимъ, котораго вовсе не было въ ихъ душахъ; они своего рода рационализмомъ дошли до аллегорическаго оправданія язычества, и вообразили, что они вѣрятъ въ него. Они хотѣли какимъ- то философски-литературнымъ образомъ воскресить умершіи порядки вещей. Они обманывали себя болѣе, нежели другихъ. Они въ прошед- шемъ видѣли собственно будущій идеалъ, но облеченный въ ризы про- шедшаго. Еслибъ, въ-самомъ-дѣлѣ, давно-прошедшій бытъ могъ вос- креснуть на мигъ, во время познаго разгара неоплатонизма, поклон- ники его содрогнулись бы передъ нимъ, не потому, что онъ былъ дурень въ свое время, а потому-что его время уже миновало; пото- му-что онъ представлялъ вовсе не ту среду, которая была нужна для современнаго человека, — что сдѣлалъ бы Проклъ и Плотинъ въ су- ровомъ времени пуническихъ войнъ? Но тѣмъ не менѣе люди, предла- щіеся былому, глубоко страдаютъ; они столько же вышли изъ окружа- ющаго, какъ и тѣ, которые живутъ въ одномъ будущемъ. Страданіи

они необходимо сопровождают всякій переворотъ: последнее время предъ вступленіемъ въ новую фазу жизни тягостно, невыносимо для кляга мыслящаго; все вопросы становятся скорбны, люди готовы принять самыя нещныя разршенія, лишь бы успокоиться; фанатическія вэрованія идутъ рядомъ съ холоднымъ невэріемъ, безумныя надежды объ-руку съ отчаяніемъ, предчувствіе томить, хочется событій, а въ-видимому ничего не совершается (*)... Это — глухая, подземная работа, пробивающаяся на свѣтъ, мучительная беременность, время тягостна страданій; оно похоже на переходъ по степи, безотрадный, неприющій — ни тѣни для отдыха, ни источника для оживленія; плоды, вѣтые съ собою, гнилы, плоды встречающіеся кислы. Бѣдныя промышленныя поколѣнія — они погибаютъ на волю-дорогѣ обыкновенно, умираясь лихорадочнымъ состояніемъ; поколѣнія выморочныя, неприщажшія ни къ тому, ни къ другому міру — они несутъ всю тягость ша прошедшаго и отлучены отъ всѣхъ благъ будущаго. Новый міръ вбудеть ихъ, какъ забываетъ радостный путникъ, прѣхавшій въ свою шью, верблюда; который несъ все достояніе его и палъ на пути. Счастливы тѣ, которые закрыли глаза, видя хоть издали деревья обывоващаго края; большая часть умираетъ или въ безумномъ бреду, или устремля глаза на давящее небо и лежа на жесткомъ, каленомъ пескѣ... Дремиій міръ, въ послѣдніе вѣка своей жизни, испыталъ всю горечь этой чши; круче и сѣльнѣе переворота въ исторіи не было; спасти могло илио христіанство; а оно такъ рѣзко становилось въ противоположность съ міромъ языческимъ, ниспровергая все прежнія вэрованія, убэжденія то, что трудно было людямъ разомъ оторваться отъ прошедшаго. На-любо было переродиться, по словамъ Евангелія, отказаться отъ всей сшны важитыхъ нствѣвъ и правилъ,—это чрезвычайно-трудно; практическая, обыдѣнная мудрость несравненно-глубже пускаетъ корни, нежели само положительное законодательство. А между-тѣмъ, новый міръ только и могъ начаться съ такого разрыва; неоплатоника были реформаторы, они хотѣли побѣдить да подновить новое зданіе; они хотѣли, не жертвуя старымъ, воспользоваться новымъ — и имъ не удалось. «Кто отца своего любитъ болѣе меня, тотъ недостоинъ меня.» Древняя мысль сначала аристократически не знала христіанства; когда же она поняла его, — испуганная, вступила съ нимъ въ борьбу; она истощала все средства, чтобъ безуспѣшно противодѣйствовать ему: она была умна, но безсильна и несовременна. Пять столѣтій выдержала она себя; наконецъ, въ 529 году, Юстиніанъ изгналъ всѣхъ языческихъ философовъ изъ предѣловъ имперіи и закрылъ послѣднюю не-

(*) Посмотрите, какія страшныя слова вырываются иногда у Плинія, у Лукана, у Сенеки. Вы въ нихъ найдете и апотеозу самоубійству, и горькіе упреки жизни, и желаніе смерти, да какой смерти — «смерти съ упованіемъ уничтоженія!» — «Смерть единственное вознагражденіе за несчастіе рожденія, и что намъ въ ней, если она влдетъ къ безсмертію? Лишенные счастья не рождаются, не-уже-ли мы лишены счастья уничтоженія?» (Hist. Nat.) Это говоритъ Плиній. Какая усталъ пала на душу людей этихъ, какое отчаяніе придавало ихъ!

эплатоническую школу; семь послѣднихъ представителей древней науки были въ Персію; Персъ Хозрой выпросилъ имъ позволеніе возвратиться на родину, и они вѣтерались безвѣстными скитальцами, она шла уже аудиторіей своихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, распростираясь страшный моръ; казалось, физическіе элементы, самъ нашъ земной участвуетъ въ послѣднемъ актѣ этой трагедіи; люди умираютъ тысячами, города пустыя, судорожно и болезненно сжималось сердце оставшихся, — въ этихъ еуфоргахъ умираетъ древній міръ. Императоръ Левъ Исавръ попробовалъ уничтожить его духовное завѣщаніе: онъ сжегъ огромную бібліотеку въ Византіи и запретилъ преподавать въ школахъ что-либо, кроме риторіи.

Новый міръ, торжественно и глубокознаменательно вступившій въ стѣны Рима въ лицѣ авеста Павла, предъавшаго передъ имъ римъ Нерономъ — побѣдилъ.

Вы можете меня упрекнуть, что, общая писать объ изученіи природы, я доселѣ всего меньше говорилъ о естествознаніи, — но упрекъ вашъ врядъ ли будетъ справедливъ. Цель моихъ писемъ вовсе не та, чтобъ знакомить васъ съ фактической частью естественныхъ наукъ; мнѣ хотѣлось одного: по мѣрѣ возможности показать, что антагонизмъ между философіей и естествознаніемъ становится со всякимъ днемъ все больше и невозможнее; что онъ держится на взаимномъ непониманіи, что эмпірія такъ же истинна и дѣйствительна, какъ идеализмъ, что спекуляція есть ихъ единство, ихъ соединеніе. Для достиженія предположеннаго цѣли, мнѣ казалось (*) необходимымъ раскрыть, откуда развился антагонизмъ естествознанія съ философіей, а это само-собою вело къ опредѣленію науки вообще и къ историческому очерку ея. Въ логикѣ, наукѣ, выходящей готовой, какъ вооруженная Паллада изъ головы Юпитера; ея не достаетъ рожденія и ребячества; въ исторіи она вырастаетъ изъ едва замѣтнаго зародыша. Не зная эмбріологіи науки, не зная судьбы ея, трудно понять ея современное состояніе; логическое развитіе не передастъ съ тою жизненностью и очевидностью положенія науки, какъ исторія. Логика на все смотритъ съ точки вѣчной — отъ того все относительное и историческое теряется въ ней. Логика, раскрывая нелѣпость, думаетъ, что она сняла ее; исторія знаетъ, какими крупными корнями нелѣпость прирастаетъ къ землѣ — и она одна можетъ ясно раскрыть состояніе современной борьбы.

Но упрекъ былъ бы и съ другой стороны несправедливъ; мы говорили только о древнемъ мірѣ, а въ древнемъ мірѣ все наукообразное развитіе сосредоточивалось въ философіи. Въ строгомъ смыслѣ слова древній міръ не имѣлъ науки о природѣ; въ немъ было благоразуміе

(*) См. начало втораго письма.

стремленіе все узнать, объяснить явленія, понять окружающее; Плиніи дооритъ, что незнаніе природы — гнусная неблагодарность; но древніе естествоиспытатели чаще всего ограничивались этимъ благороднымъ стремленіемъ и поверхностными теоріями. Древній міръ не умѣлъ наблюдать, не умѣлъ пытаться явленія и ихъ допрашивать; отъ-того естествознаніе его состояло изъ общихъ взглядовъ вѣрности поразительной и изъ частныхъ фактовъ большею частію отрывочныхъ и худо обслѣженныхъ (*); для него наука была дилеттантизмомъ, художественной потребностью, а не жгучей жаждой истины; отъ-того Плинію, какъ и Липсію, довлѣетъ сочувствіе съ природой и поэтическое созерцаніе и. *Historia Naturalis* Плинія даетъ примѣры на каждомъ шагѣ; начнетъ и онъ описывать небо — онъ останавливается съ итальянскимъ пристрастіемъ къ солнцу и называетъ его божествомъ *всевидящимъ* и *всемилостивымъ*, божествомъ всеоживляющимъ, божествомъ, удаляющимъ грустные помыслы; обратится ли онъ къ землѣ — опять вдохновеніе (и нѣсколько реторики): онъ ее называетъ матерью кроткой, милосердой, которая кормитъ насъ, даетъ защиту, опору и послѣ смерти скрываетъ въ своихъ недрахъ бренные остатки. «Воздухъ реветъ бурей и стѣсняется въ тучи, вода лется дождями, цѣпещетъ градомъ, несется потоками, а земля — *at haec benigna mitis, indulgens usuique mortalia semper ancilla, quae coacta general!* Она на все наши нужды явится отъвѣтъ; она произвела даже ядовитыя растенія для того, чтобъ человекъ, наскучившій жизнью, могъ легко прекратить ее, не бросаясь со скаль» (*Histor. Natur. Lib. II, LXIII*).

Не изучать природу, а наслаждаться поэтическимъ пониманіемъ ея — вотъ чего хотѣлось древнимъ. Впрочемъ, обращаясь назадъ, мы встрѣчаемъ, какъ великое исключеніе, того же колоссальнаго человека, который во всеу великій представитель древняго міра — Аристотеля. Его общій взглядъ на природу мы знаемъ; но онъ великъ и какъ наблюдатель, — онъ оставилъ превосходныя монографіи. Известно, что Александръ-Македонскій на походахъ своихъ не забывалъ высылать цѣлыя отряды воиновъ на ловлю звѣрей и отправлялъ ихъ къ Аристотелю: такимъ-образомъ онъ первый занимался сравнительной анатоміей; онъ вымышлялъ уже о стройномъ рядѣ развитія животнаго царства; его раздѣленіе, какъ мы имѣли случай замѣтить, осталось до-сихъ-поръ. Вглядѣвъ Аристотеля въ естествознаніи, какъ и вездѣ, спекулативенъ и до чрезвычайности реаленъ; принимая природу за процессъ, за дѣятельность, одѣйствующую возможность, заключенную въ ней, Аристотель равно-далекъ отъ идеальности Платона и отъ матеріализма Демокрита, хотя въ немъ есть оба эти элемента. Въ послѣдователяхъ его, особенно занимавшихся естествознаніемъ, начинается замѣтно преобладать матеріализмъ; такъ, на-примѣръ, *Стратонъ* стремился все сущее объяснить одними физическими средствами; онъ отвергалъ всякую

(*) Одна отрасль естествознанія, тѣсно связанная съ математикой и заставлявшая не только наблюдать — астрономія, развила въ наиболѣе-научкообразную форму при Пифагорѣ и Птоломейхъ, — отъ-того «*Алмагеста*» и устояла до самаго Коперника.

за-природную причину; целесообразность мірозданія казалась ему вымысломъ или, по-крайней-мѣрѣ, предположеніемъ, неимѣющимъ доказательствъ. Всѣ явленія и ихъ связь принималъ онъ за слѣдствіе случайнаго взаимодействія основныхъ свойствъ природы, заключенныхъ въ вѣчной матеріи. Міръ чувствованій—точно также проявленіе естественной силы, особымъ образомъ опредѣленной въ организмъ, котораго вѣщественные элементы сочетались первоначально безъ цѣли, а потомъ воспользовались представившимися условіями, чтобы развиться до возможнаго предѣла; достигнувъ его, организмъ не развивается, а поворачиваетъ себя для сохраненія рода (*). Самыми полными представителями этого воззрѣнія, сдѣлавшагося подѣ-конецъ общимъ воззрѣніемъ древнихъ натуралистовъ, могутъ быть Лукрецій и Плиній-Младшій. Греческая мысль сдѣлалась въ некоторыхъ областяхъ общае и яснѣе, перейдя на римскую почву. Лукрецій, въ началѣ своей знаменитой поэмы «De rerum natura», говоритъ съ той же ироніей о темнотѣ греческихъ философовъ, съ какою нынѣ говорятъ Французы о германской наукѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Лукрецій ясенъ и увлекателенъ; въ немъ эпикурейское воззрѣніе созрѣло, согрѣтое огненной кровью поэта, и пышно расцвѣло. Съ перваго взгляда кажется страннымъ сочетаніе поэзіи съ эпикурейскимъ матеріализмомъ; но вспомнимъ, что этому челоуку съ горячимъ сердцемъ и съ реальными страстями предстоялъ выборъ между падающимъ язычествомъ, темнымъ аскетизмомъ неоплатониковъ и свободнымъ взглядомъ тогдашняго матеріализма. Сказки и мифы граціозны и милы, особенно для насъ, знающихъ, что это сказки; въ время Лукреція онѣ становились противны; противодѣйствіе язычества было въ модѣ, въ хорошемъ тонѣ; напрасно Цицеронъ краснорѣчиво хотѣлъ талейрановски пройти между философіей и язычествомъ, примирить ихъ внѣшнимъ образомъ и сочетать въ насильственный и невозможный бракъ; Юлій Цезарь въ засѣданіи сената открыто сказалъ, что не вѣрять въ безсмертіе души, а потому Сенека повторилъ это сцену. Извѣстно, какъ строгъ былъ, въ-отношеніи къ мнѣніямъ, древній греко-римскій міръ, особенно во время Лукреція; спустя полвѣка послѣ него, цезари догадались, что имъ надобно поддерживать всю вѣстность своей язычество. Калпгула въ томъ же сенатѣ разсказывалъ о тѣхъ вѣщественныхъ вѣдѣніяхъ и былъ горячій поклонникъ кумировъ; о гонимыхъ, назначенныхъ ему луною, и проч.; Еліогабалъ еще болѣе. Лукрецій начинаетъ à la Hegel съ бытія и небытія, какъ съ дѣятельныхъ началъ взаимодействующихъ и сосуществующихъ; эти логическія абстракціи выражены у него языкомъ атомистовъ: атомы и пустота—во полюсы, вотъ крайности, стремящіяся къ равновѣсію. Атомы несуть въ безконечной пустотѣ, встрѣчаются, летятъ вмѣстѣ, проникаютъ другъ въ друга, сочетаются въ тѣла въ то время, какъ другіе тер-

(*) Buhle. Geschichte der Phil. seit der Wiederherstellung der Wissenschaften 1800. T. I.

ются въ неизмѣрпной пустотѣ (*). Возникаютъ цѣлые міры тамъ, гдѣ встрѣчаются условія возникновенія, и гибнутъ міры тамъ, гдѣ эти условія нарушены; но эта гибель и это возникновеніе относятся только къ частямъ; совокупность же всего сущаго, все обнимая въ себя, вѣчна и вѣчна: «стрѣла пущенная можетъ летѣть цѣлые вѣка и все такъ же быть далскою отъ конца вселенной, какъ въ первую минуту, когда она пущена»; вселенная живетъ въ этихъ видоизмѣненіяхъ, это ея жизнь, ея развитіе, которыя и составляютъ ея цѣль. Милое физическое невѣжество иногда невольно срываетъ улыбку, когда читаешь Лукреція, котораго доля жи и истины уже очевидна изъ сказаннаго; но чаще онъ дышетъ пламенемъ, струящимся черезъ всю поэму; такого сочувствія съ жизнью отъ Лукреція до Гёте вы не встрѣтите. Да и только въ древнѣмъ мірѣ могла прійти въ голову и такъ, исполнится мысль — взлѣзть космологію и физику въ поэмъ, стихами! Это потому, что они именно съ пластической стороны смотрѣли на все, тѣмъ болѣе на природу. Любовь къ жизни, любовь къ наслажденію и мудрая мѣра въ нихъ, презрѣніе смерти (**), и какой-то братски-родственной взглядъ на все живое, вотъ философія Лукреція. Онъ бросился въ физику, потому что язычество съ своимъ фатумомъ и съ своими олимпійцами подозрительнаго поведенія не удовлетворяли; онъ торжественно въ каждой пѣснѣ провозглашаетъ, что Эпикуръ величайшій изъ Грековъ, что съ него началась нравственность, нравственность сознательная, человѣческая, второй мѣшали всякія привидѣнія языческой религіи (**); что съ-тѣхъ-поръ нравственность имѣетъ мѣрило въ самомъ человѣкѣ, и проч. Ставъ на эту точку, гонимый своимъ огненнымъ сердцемъ, разумеется, онъ шелъ до всякихъ крайностей, но по дорогѣ встрѣтилъ и высказалъ фразу прекраснаго. Одно изъ лучшихъ мѣстъ въ его поэмѣ—это его космогія; онъ рассказываетъ развитіе планеты отъ стихійной борьбы до того уравновѣшеннаго состоянія, когда показались растенія; потомъ составляетъ особенно-развившіяся растенія скучать своей привязанностью къ землѣ и оторваться отъ стебля: это животное — и наконецъ человекъ, родившійся прямо изъ земли на стеблѣ. Хотя все это нѣсколько-смѣшно, но поэтически мудрено себя представить переходъ отъ растеній къ животнымъ, какъ представляя цвѣтокъ, оторвавшійся отъ стебля и полетѣвшій бабочкой; замѣтьте, что Лукрецій при этомъ упоминаетъ, что необходимыя условія возникновенія органической жизни—теплота и влага. Отвергая безсмертіе души, онъ принимаетъ какую-то

(*) Кстати замѣтить здѣсь, что древніе были самые плохіе химики (въ теоретическомъ смыслѣ); однако они предвидѣли и догадывались о химическомъ средствѣ; они понимали, что извѣстныя вещества съ другими соединяются, имѣютъ къ нимъ сроднѣность, съ другими нѣтъ (гомеомерію).

(**) Лукрецій, между-прочимъ, въ утѣшеніе умирающихъ, говоритъ, что всѣ мертвыя — ровесники, ибо для нихъ нѣтъ времени.

(***) Вспомните краснорѣчивыя страницы августиновой de Civitate Dei и его обличенія всей суеверности и непослѣдовательности языческой религіи, всей уродливости ея нравственности.

зеприую душу, которая такъ легка и жидка, что какъ вылетитъ, такъ и пропадетъ въ безконечной пустотѣ; составныя части ея бываютъ разны: такъ у льва душа захватила въ себя огню, а у оленя холодага вѣтра! Теперь земной шаръ старѣется, и отъ-того онъ утратилъ способность производить новые роды, а только поддерживаетъ прежніе. Онъ произвелъ ихъ въ свою юность, когда внутри его кипѣли въ преизбытокъ силы; тогда даже являлись уродливыя существа, которымъ въ-послѣдствіи природа отказала въ правѣ на жизнь (и такъ Лукреціи предполагалъ ископаемыя животныя?).

Historia Naturalis Плинія, — энциклопедія, задуманная и выполненная колоссально, представляетъ общій сводъ знаній космологическихъ, физическихъ, географическихъ и проч. Это сочиненіе показало бы рубежъ далье котораго знаніе природы не шло въ римскомъ мірѣ, еслибъ слѣдомъ за нимъ не явился Галенъ; но Галенъ занимался исключительно медициной, и потому его открытія, сверхъ собственно-патологическихъ, все относятся къ физиологій и анатоміи; о нервной системѣ до Галена имѣли очень-сбавчивое понятіе, называли часто нервами связки, сухія жилы; наконецъ и въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ узнавали ихъ, имъ приписывали невярно и смутно ихъ отправленія. Галенъ первый показалъ, что нервы влдутъ изъ мозга, что въ нихъ и въ мозгу причина сочувствованія, что нервъ заставляетъ по волѣ сжиматься мышцы, и слѣдовательно есть органъ, управляющій движеніемъ. Онъ доказалъ это тѣмъ, что мышцы лишаются свойствъ движенія, если перерезать управляющій нервъ, и именно лишаются ниже перерѣза, т. е. въ части, разобщенной съ мозгомъ. Съ-тѣхъ-поръ стали душу, т. е. семясто искать исключительно въ головномъ мозгу (*). Воззрѣніе Плинія вообще идетъ изъ тѣхъ же началъ, какъ воззрѣніе Лукреціи, но онъ богаче свѣдѣніями и болѣе послѣдователенъ своему взгляду; его взглядъ определенъ всчерпывающимъ образомъ имъ самимъ. «Вселенная», говоритъ онъ, «вмѣстѣ съ небомъ, покрывающимъ ее со всѣхъ сторонъ, представляется вѣчнымъ, безпредѣльнымъ существомъ, непроншедшимъ, непереходящимъ. Изслѣдованіе того, что въ вселенной, людямъ бесполезно, да, и сверхъ-того, оно неудобопонятно для ума человеческого; вселенная свята, вѣчна, неизмѣрима, вся во всемъ, сама все. Она конечна и похожа на безконечное, правильна во всѣхъ явленіяхъ своихъ и похожа на лишенную правильности (необходима и по-видимому случайна); она все обнимаетъ видимое на свѣтѣ и во тѣмъ спрятанное; она произведеніе сущности вещей и въ то же время сама сущность вещей».

(*) Галенъ первый замѣтилъ, что артеріи наполнены кровью, а не воздухомъ; при разсѣченіи труповъ, разумѣется, артеріи всякой разѣ представлялись пустыми и до Галена полагали, что въ нихъ обращается воздухъ. Между-прочимъ, Галенъ говоритъ: «еслибъ людямъ удалось узнать составъ воздуха, объяснилась бы животная теплота: «горѣніе поддерживается тѣмъ же, чѣмъ жизнь». Это предвѣліе кислорода! Въ XVI вѣкѣ Цизалпинъ издумалъ доказывать, что центръ нервной системы въ сердцѣ, а Цизалпинъ былъ очень и очень-ученый докторъ. Вотъ каковы были средствія для существованія!

Не надобно однако думать, что Платонъ очень-глубокомысленно понималъ то, что высказалось такъ поэтически. Онъ далеко отстаетъ отъ Аристотеля,—мысль потеряла свою свѣжесть и ясность, она слишкомъ блекла въ риторическія формы, была слишкомъ-вышняя. Платонъ, и-прим., не могъ уразумѣть намека цинцогорейца на Аристотеля о тѣлѣ, а говорить, что легкія тѣла стремятся вверхъ, тяжелыя внизъ, инаютъ другъ другу. и на взаимномъ противодѣйствіи остаются въ равновѣсіи: такъ земной шаръ не падаетъ отъ-того, что атмосфера его поддерживаетъ. Какъ могъ обширный умъ его удовлетвориться такими живыми объясненіями—это столько же недоумато, какъ разные анекдоты, приводимые имъ, среди дѣльныхъ зоологическихъ описаній, на-прим. рыба *chineis*, которая остаивается на кораблѣ дѣйствіемъ своихъ мышцъ, въ андрогинахъ, переходящихъ изъ пола въ полъ, о женщинахъ, роющихъ слона, объ астомахъ, питающихся воздухомъ. Древніе съ дѣтскою доверчивостію вѣрили и опыту и преданію, принимая фактическій міръ за такую же дѣйствительность, какъ міръ мысли, какъ міръ традицій, и ставя легенды въ число фактовъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, единство бытія и мышленія, факта и памяти, составляло непосредственное знаніе ихъ, мышавшее рефлексіи и анализу, невозволявшее возникнуть истинной наукѣ и совершенно-свойственное артистическому впечатленію; отъ-того-то они такъ часто путаютъ эмпирію съ діалектикой, итъ съ преданіемъ, ставя ихъ на одну доску, переходя произвольно отъ одного къ другому.

В — ВЪ.

1844 г.,
декабрь.

КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЪРА.

Статья четвертая.

Оставленіе Египта Французами: Начало переговоровъ въ Лондонѣ. Завоеванія Англіи и Франціи на сушь и морь. Притязанія обѣихъ сторонъ. Первый консулъ побуждаетъ Испанію скорѣе дѣйствовать настоятельно противъ Португаліи, и дѣлаетъ новыя усилія для вспоможенія Египту. Нерѣшительность и неудача Гантома. Состояніе Египта по смерти Клебера. Неспособность Мину. Высадка Англичанъ въ Абукирскомъ рейдѣ. Генераль Фрианъ. Безполезное сраженіе 13 марта. Слѣдствія раздора между генералами. Сраженіе при Канонѣ. Оставленіе позиціи при Раманіѣ. Слѣдствія Кабра генераломъ Бельяромъ. Мину, запертый въ Александрію, мечтаетъ о славной геройской оборонѣ, половной оборонѣ Массены. Египетъ окончательно потерянъ для Французовъ. — **Всеобщій миръ:** Последняя неудача Гантома. Битва при Алджезирасъ. Лиссабонскій дворъ смирится съ подвигомъ Князя-Мира. Возрастающее вліяніе Франціи. Превынаніе фантомовъ въ Парижѣ. Переговоры въ Лондонѣ. Безуміе Князя-Мира и наказаніе за то Испаніи. Булонская флотилія. Заключеніе мира подъ видомъ предварительныхъ статей. Восторгъ въ Англіи и Франціи. Конгрессъ въ Амьенѣ. Миръ съ разными державами. Празднованіе мира, 18 врюмера. Приемъ во Франціи лорда Корнуоллеса. Бавенгъ въ лондонскомъ Сити. — **Конкордаты:** Намѣреніе некакого консула возстановить католическую веру. Условія начертаннаго имъ проекта. Піи VII. Монсеньоръ Спінна. Кардиналъ Консалви въ Парижѣ. Переговоры его съ аббатомъ Бернѣй. Торжественная ратификація Конкордата. Кардиналъ Канрара—легатъ *a latere*. Нѣкоторыя замедленія, воспріятыя въ празднованію примиренія Франціи съ церковью въ день 18 врюмера.

Цѣль, которую поставилъ себѣ первый консулъ, принявъ верховную власть, вскорѣ должна была быть достигнута, потому—что спокойствіе царствовало уже во Франціи, и приближалось время къ заключенію всеобщаго европейскаго мира. Такимъ-образомъ, менѣе, нежели въ два года, юный Бонапарте выполнялъ свой благородный подвигъ и сдѣлалъ свое отечество счастливѣйшею, могущественнѣйшею изъ всѣхъ державъ вселенной. Но должно было довершить это великое дѣло, должно было въ-особенности заключить миръ съ Англіею, потому—что,

мала эта держава не положила оружія, море оставалось бы запертымъ, и, что всего важнѣе, могла бы снова возгораться континентальная война въ—слѣдствіе всемогущаго дѣйствія британскихъ субсидій. Изъ этого нужно было не только ловко вести переговоры въ Лондонѣ, а также дѣлательно приняться за войну съ Португаліею, и отстоять ихъ противъ британскихъ силъ, потому—что исходъ событій въ нѣтъ обѣихъ странахъ долженъ былъ имѣть великое вліяніе на будущій трактатъ. Сверхъ-того, первый консулъ дѣлалъ слишкомъ-очевидныя приготовления въ Булони и Калѣ, давая тѣмъ уразумѣть, что главное предпріятіе, экспедиція противъ Англіи, о которой долго уламъ Директорія, входятъ въ его соображенія и не превышаетъ его желаній. Многочисленные корпуса шли въ эту часть Франціи, и у береговъ Нормандіи, Пикардій и Фландрій собрано было множество канонерскихъ шлюбокъ, крѣпко построенныхъ, сильно вооруженныхъ, могшихъ помѣстити на себя войска и совершить переездъ черезъ Па-де-Кале.

Между—тѣмъ, французскій уполномоченный Отто и лордъ Гауксбери вели переговоры въ Лондонѣ. Притязанія обѣихъ сторонъ были слишкомъ-велики; та и другая сторона выжидала благоприятнаго для себя момента военныхъ дѣйствій. Для узнанія этого результата необходимо было съ мѣсяць или съ два времени. Итакъ, стараясь всеми силами прерывать переговоры, вмѣстѣ съ тѣмъ стали выигрывать время, выжидая къ чему служило разнообразіе и многосложность предметовъ, подлежащихъ разсужденію.

«Все зависить», писалъ Отто: «отъ двухъ обстоятельствъ: будетъ ли англійская армія разбита въ Египтѣ? пойдетъ ли Испанія на Португалію? Спѣшите, достигните обѣихъ этихъ результатовъ, или одного изъ нихъ, и вы заключите славный миръ. Но я долженъ вамъ сказать» присовокупляя овъ, что «если англійскіе министры очень боятся нашихъ солдатъ египетской арміи, за то вовсе не боятся рѣшимости испанскаго двора.»

И первый консулъ дѣлалъ непрерывныя усилія, чтобъ пробудить лживый испанскій дворъ и заставить его содѣйствовать двумъ своимъ важнымъ предначертаніямъ, состоявшимъ въ томъ, чтобъ, съ одной стороны, захватить въ свои руки Португалію, съ другой направити къ Египту морскія силы обѣихъ націй. Люсианъ Бонапартъ, посланный въ Мадридъ, ревностно стараясь сравняться въ дипломатическихъ успѣхахъ съ Иосифомъ, дѣлательно способствовалъ въ Испаніи политикѣ своего брата. Правда, что онъ пріобрѣлъ тамъ вліяніе, благодаря своему имени, благодаря своей счастливой смѣлости, съ какою онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на бывшихъ тогда министровъ, и обратился прямо къ настоящему главу правленія, т. е. къ Князю—Мира. Люсианъ говорилъ испанскому двору: вы желаете мира, вы хотите, чтобъ онъ былъ выгоденъ, вы хотите заключить его не потерявъ ни одной изъ своихъ колоній; и такъ, помогите намъ захватить въ залогъ португальскія области, которыя послужатъ намъ къ исторженію отъ Англіи большей части ея морскихъ завоеваній. Къ Кня-

зо-Мира Люсианъ обратился съ другими доводами, болѣе-дѣйствительными. «Вы здѣсь все», говорилъ онъ временщику: «мой братъ знаетъ это онъ приишетъ вамъ безусловность своихъ предположеній на миръ. Друзьями или врагами хотите имѣть насъ, Бонапарте?

Наконецъ, всяческія убѣжденія подѣйствовали на Князя-Мира. Притовленія къ войнѣ были ускорены по-возможности; на это были употреблены все силы монархін. Кто бы повѣрялъ, что эта великая благородная нація, которой слава наполнила ея и которой патриотизмъ проявился вскорѣ потомъ съ тѣмъ блескомъ,—кто бы повѣрялъ, что она едва-едва могла собрать двадцать-пять тысячъ челоуѣкъ воиска, что, имѣя великолѣпные порты, множество кораблей, остатки славаго царствованія Карла III, она затруднилась заплатить за работу нѣсколькимъ ремесленникамъ, которые бы починили эти суда и сдѣлали ихъ годными къ плаванію; что она находилась, наконецъ, въ невозможности снабдить продовольствіемъ флотъ свой? Кто бы повѣрялъ, что пятнадцать испанскихъ кораблей, запертые въ-продолженіи двухъ лѣтъ въ Брестъ, составляли всю морскую силу этого государства? Недостатокъ въ металлахъ, въ-сладствіе прерванія сношеній съ Мексикою, заставлялъ прибѣгнуть ея къ системѣ бумажныхъ денегъ, а эти бумажныя денги страшно упали въ цѣнности. Тогда было сдѣлано воззваніе къ духовенству, которое не имѣло въ настоящую минуту суммъ бывшихъ необходимо-нужными, но которое пользовалось бѣльшимъ кредитомъ, нежели самое правительство; и, при помощи этого кредита можно было окончить начатыя приготвленія.

На подкрѣпленіе испанскому корпусу пришла французская дивизія подъ начальствомъ Сен-Сира.

Войска обѣихъ націй тронулись въ походъ, и Князь-Мира оставилъ Мадридъ, имѣя въ головѣ самыя оболѣстительныя мечтанія о славе. Дворъ и самъ Люсианъ должны были соизувствовать ему. Первый консулъ предписалъ французскимъ войскамъ самую строгую дисциплину; онъ предписалъ имъ выслушивать объявію всякое воскресенье, словенно всемъ согласоваться съ испанскими обычаями. Онъ хотѣлъ, чтобъ видѣ Французовъ, вмѣсто того, чтобъ отталкивать Испанцевъ, еще болѣе сблизилъ ихъ съ Франціею.

Съ этой стороны, все шло по желанію перваго консула. Онъ успалъ также склонить Испанію отдать въ его полное распоряженіе все свои корабли, которые самамъ Французамъ пришлось вооружить и снабдить продовольствіемъ и даже экипажемъ (*). Впрочемъ, первый консулъ боясь нескромности Испаніи, скрывалъ отъ нея подъ разными другими предлогами свой планъ отправить въ Бриспетъ экспедицію подъ начальствомъ Гантома.

(*) «Донесенія адмирала Дюмануэра» говоритъ Тьеръ, «посланнаго первымъ консуломъ къ Испаніи для вооруженія флота и принятія надъ нимъ начальствованія,—донесенія эти, сохранившіяся доселѣ въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, представляютъ любопытную картину того, чѣмъ можетъ сдѣлаться великое государство въ чуждыя руки.»

Чтобъ вынудить у Испаніи эти слабыя пособія, первый консулъ вышлѣ въ-отношеніи къ ней все свои обѣщанія съ замѣчательною оцнотью, и даже превзошелъ ихъ. По его милости, пармскій домъ алуцель, вмѣсто своего герцогства; прекрасную Тосканскую-Область, по его же ходатайству получилъ на это согласіе Австріи. Тосканское-герцогство, сверхъ того, получило названіе Этрурскаго-Королевства, даръ царствующій герцогъ пармскій, государь набожный, врагъ кого воваго, былъ, какъ мы уже сказали, братъ испанской королевы. Его сынъ, молодой человекъ, очель-дурно воспитанный, женился на принцѣ и жмилъ въ Эскуриаль. Для этихъ-то двухъ молодыхъ супруговъ рдизначали Этрурское-Королевство. Между-тѣмъ, первый консулъ, ѣздавшій это королевство только въ обмѣнъ на Герцогство-Пармское, ижеъ былъ отдать одно по упраздненіи другаго; но это упраздненіе илю случиться только или по смерти стараго царствующаго герцога, ил въ-слѣдствіе его отреченія; но старый герцогъ не хотѣлъ и умирать, ни отречься. Первый консулъ, презрѣвъ выгоду, которую онъ могъ бы имѣть, избавившись отъ такого гостя въ Италіи, жмислся терпѣть его въ Пармѣ, и посадить немедленно инфантовъ и противъ этрусскій. Онъ только требовалъ, чтобъ они явились въ Палакъ принять корону изъ его рукъ, какъ некогда монархи-подаиные рнимали, въ древнемъ Римѣ, корону изъ рукъ народа-царя. Итакъ, и юные принцы оставили Мадридъ и отправились въ Парижъ, въ то жое время, какъ ихъ родители ѣхали въ Бадайосъ, чтобъ слылатъ ювольствіе временщику, который хотѣлъ показаться имъ во всемъ шескѣ своего величія, во главѣ войска.

Таковы-то были уступки, посредствомъ которыхъ первый консулъ надѣялся пробудить рвеніе испанскаго двора, и тѣмъ заставить его дѣйствовать своимъ намѣреніямъ.

Въ это время, на Египетъ были обращены все усилія, все заботы; о итъ одномъ были все страхи, все надежды двухъ великихъ воюющихъ шцій, Франція и Англіи. Казалось, эти двѣ націи прежде, чѣмъ по-жмать оружіе, вступятъ еще разъ въ борьбу, чтобъ со славою и въ возможно-большую для себя выгодою окончить страшную войну, оба-равшею кровью вселенную въ-продолженіе десяти лѣтъ.

Мы уже видѣли, какъ адмиралъ Гантомъ вышелъ наконецъ изъ Бре-ста, въ бурную погоду. Эскадра его, состоявшая изъ семи кораблей, двухъ фрегатовъ, одного брига, везшихъ 4 тысячи войска и огромное коли-чество военныхъ припасовъ, шла въ боевомъ порядкѣ. Впередѣ адми-ралскій корабль *Нераздѣльный (l'Indivisible)*; за нимъ шель *Страшный (le Formidable)*, на которомъ развѣвался флагъ контр-адмирала Линуа. Но вскорѣ, посреди мрака и бури, эскадра была разсыяна. На другой день на разсвѣтъ, Гантомъ, плывшій на «Нераздѣльномъ», легъ въ дрейфъ, на-мѣсь собрать свою дивизію; но, боясь возвращенія Англичанъ, которые ю-сихъ-поръ еще не показывались, и рассчитывая на то, что всѣмъ кораблямъ назначено сборное мѣсто, онъ поплылъ къ этой условленной точкѣ свиданія. Это сборное мѣсто находилось въ пятидесяти лѣ къ западу отъ мыса Сен-Висена, наиболее выдающагося въ всѣхъ мы-

совъ южнаго берега Испаніи. Одинъ только французскій фрегатъ Храпость (*la Brocoure*) повстрѣчался съ англійскимъ фрегатомъ Согласіе (*la Concorde*), который наблюдалъ за ходомъ французской дивизіи, и англійскій фрегатъ не хотѣлъ сдѣлаться въ abordажъ и ушелъ на всѣхъ парусахъ.

Вскорѣ всѣ корабли собрались въ условенномъ мѣстѣ и поплыли къ Гибралтару, избѣжавъ такимъ чуднымъ образомъ опасности и отъ моря и отъ непріятеля. Эскадра была исполнена жара; она начинала догадываться, куда шли, и всякій желалъ выполнить славное назначеніе — спасти Египеть.

Надо было спѣшить, потому-что въ это время флотъ адмирала Кейта стоявшій въ макрійской бухтѣ, на берегу Малой-Азіи, ждалъ только послѣднихъ приготовленій Турковъ, всегда очень-медлительныхъ, чтобъ выйдти въ море и перевезти англійскую армію къ устьямъ Нила. И такъ, надобно было опередить его, и обстоятельства, казалось, способствовали тому самымъ благопріятнымъ образомъ. Англійскій адмиралъ Сен-Венсенъ, распорядившій брестскою блокадою, слишкомъ-поздно уведомленный объ уходѣ Гантома, послалъ за нимъ въ погоню адмирала Кэльдера, съ силою, равною французской дивизіи, т. е. съ кораблями и 2 фрегатами. Англичане, немогшіе себя представить, чтобъ французская дивизія дерзнула проникнуть въ Средиземное-Море, среди столькохъ крейсеровъ, обманутые сверхъ-того всеми донесеніями были увѣрены, что Французы отправились къ Сен-Доминго. И потому адмиралъ Кэльдеръ шелъ къ Канарскимъ-Островамъ, чтобъ оттуда поплыть къ Антильскимъ. Вѣтры не очень были попутны Гантому, но ему благопріятствовалъ случай, потому-что англійскій адмиралъ Варрэнъ, безпрестанно крейсировавшій между Гибралтаромъ и Магономъ, имѣлъ у себя всего 4 корабля, такъ-какъ всѣ прочія англійскія силы были отаны адмиралу Кейту, для перевозки арміи въ Египеть. Къ-несчастію, Гантомъ не зналъ этихъ подробностей, и тяжелая отвѣтственность, лежавшая на немъ, невольно приводила его въ смущеніе, котораго никакія ядра не производили въ его неустрашимомъ сердцѣ. Наконецъ, ему удалось пройтти проливъ и вступить въ Средиземное-Море. Ему должно было теперь какъ-можно-скорѣе пуститься на востокъ. И действительно, адмиралъ Варрэнъ стоялъ въ магонскомъ рейдѣ, а адмиралъ Кейтъ еще не покидалъ прибрежій Малой-Азіи. Словательно, берега Египта были свободны, и теперь можно было подать французской арміи помощь, которой она ждала съ нетерпѣніемъ, и которой ей было возвѣщено уже съ давняго времени. Но Гантомъ, тревожимый судьбою своей эскадры, и еще-болѣе участію большого числа находившихся на ней солдатъ, смущался при видѣ самыхъ незначительныхъ встрѣчавшихся ему судовъ. Предполагая между собою и Египтомъ непріятельскую эскадру, которой тутъ не было, онъ въ-особенности ужасался состоянія своихъ кораблей, и боялся, въ случаѣ, еслибъ пришлось ускорить ходъ передъ превосходнѣйшимъ непріятелемъ, не быть въ возможности этого сдѣлать съ оспасткою, пострадавшею отъ бури и на-скоро исправленною въ морѣ. И такъ, онъ потерялъ всякую

тврениость. Недовольный неисправнымъ ходомъ фрегата *Храбрость*, онъ рѣшился отослать его отъ себя въ Тулонъ. Но, вмѣсто того, чѣмъ бы просто отправить его въ этотъ портъ, а самому продолжать плыть поль африканскаго берега съ запада на востокъ, онъ имѣлъ оплошность выдаться на сѣверъ, и стать почти въ воду Тулона. Онъ хотѣлъ спасти одинъ этотъ фрегатъ отъ англійскихъ крейсеровъ, и чрезъ то поощрилъ всему предпріятію. Благодаря этой ошибкѣ, онъ былъ замѣченъ адмираломъ Варреномъ, который послышавъ выйдти изъ Магона. Известно неустрашимый капитанъ Бержрѣ, который ближе другихъ подошелъ къ англійской эскадрѣ, увѣрялъ Гантома, что у Англичанъ всего 4 корабля и 2 фрегата: Гантому казалось, что передъ нимъ 7 или 8 вѣрительскихъ кораблей, и онъ, растерявшись совершенно, вошелъ въ Тулонъ. Здѣсь ожидали его другія безпокойства: то былъ страхъ подвергнуться гнѣву перваго консула, приведеннаго въ негодованіе тѣмъ, что онъ испортилъ такую важную экспедицію въ самую минуту успѣха.

Дѣйствительно, тѣмъ временемъ, какъ Гантомъ лавировалъ между африканскимъ берегомъ и Магономъ, два фрегата, вышедшіе изъ Тулона съ снарядами и 440 человекъ войска, достигли Александріи, не встрѣтивъ ни одного англійскаго корабля. Два другіе фрегата, отправившіеся изъ Рошфора, перешли Океанъ и проникли чрезъ проливъ въ Средиземное-Море, не испытавъ никакой неудачи. Къ-несчастію, они разлучились другъ съ другомъ: одинъ изъ нихъ, безъ всякой непріятной встрѣчи, прибылъ въ Александрію; другой, настигнутый ночью англійскимъ фрегатомъ, вступилъ съ нимъ въ бой: находившіеся на французскомъ фрегатѣ 300 человекъ десанта, вѣшавшіеся въ бой, не смотря на свое мужество, произвели только ужасный беспорядокъ, и фрегатъ былъ взятъ Англичанами. Однакожъ, изъ четырехъ фрегатовъ, трое достигли безъ всякаго приключенія египетскаго берега, который былъ свободенъ отъ непріятеля: такъ трудны встрѣчи на неизмѣримыхъ водахъ; такъ важна бываетъ отвага моряка, рѣшающагося рискнуть своимъ флагомъ для выполненія великаго долга!

Гантомъ вошелъ въ Тулонъ 19 февраля (30 плювиоза), удрученный усталостью, пожираемый безпокойствомъ, испытывая, какъ писалъ онъ первому консулу, все муки разомъ. Такъ и должно было быть, потому-что онъ погубилъ дѣло первостепенной важности. Первый консулъ, по природѣ раздражительный, мало сдерживалъ свой гнѣвъ, когда кто разрушалъ его предначертанія. Но онъ зналъ людей: онъ зналъ, что во время ихъ дѣйствія должно обнаруживать имъ знаки неблаговоленія, потому-что этимъ можно привести ихъ еще въ большее смущеніе, а не ободрить; онъ зналъ, что Гантомъ имѣетъ нужду быть ободреннымъ, поддержаннымъ, а не приведеннымъ въ отчаяніе гнѣвомъ, котораго всѣ боялись тогда, какъ величайшаго изъ несчастій. И потому, вовсе не обременяя его своими упреками, онъ отправилъ къ нему своего адъютанта Лакюэ, чтобъ утѣшить и ободрить упавшаго духомъ адмирала, дать въ его распоряженіе войска, припасы, денегъ, и настоять, чтобъ онъ снова вышелъ въ море.

Гантомъ былъ человекъ храбрый, хорошій морякъ и превосходный солдатъ. Но его нравственное состояніе въ это время доказываетъ, отвѣтственность приводитъ людей въ трепетъ болѣе, нежели самая опасность жизни. Ободренный первымъ консуломъ, Гантомъ приступилъ къ дѣлу, но потерялъ много времени, какъ въ исправленіи аваріи на своихъ корабляхъ, такъ и въ ожиданіи попутныхъ вѣтровъ. Однакожь, оставалось еще нѣсколько благопріятныхъ минутъ. Адмиралъ Кернъ направлялъ путь къ Неаполю и Сициліи. Адмиралъ Кейтъ приближался, правда, къ Абукиру съ англійскою арміею; однако, не было возможно обмануть его бдительность и высадить французскія войска на ту сторону Абукира, т. е. у Дамьетты, или по сю сторону, двадцати или двадцати-пяти миль къ западу отъ Александріи, что дозволяло бы французскимъ солдатамъ достигнуть Египта посредствомъ нѣсколькихъ маршей черезъ пустыню.

Между-тѣмъ, какъ первый консулъ настаивалъ, чтобъ Гантомъ вышелъ снова въ море, новые приказы торопили снаряженіе эскадры въ Родосъ, Ферроль и Кадиксъ, чтобъ подать Египту помощь всаими путями разомъ. Наконецъ, Гантомъ, оживленный увѣщаніями первого консула, къ которымъ присоединились многочисленныя изъявленія благоволенія, поднялъ паруса 19 марта (28 вантоза). Но лишь-только вышелъ въ море, корабль «Конституція» съелъ на мель; надо было ждать два дня, чтобъ стащить его. 22 марта (1 жерминала), эскадра снова сплалась съ семью семью кораблями, многими фрегатами, и поплыла къ Сардиніи, бывъ замѣчена Англичанами.

Очень-желательно было, чтобъ эти усилія имѣли успѣхъ, по крайней мѣрѣ отчасти, потому-что французская египетская армія, предоставленная своимъ собственнымъ средствамъ, имѣла противъ себя соединенныхъ солдатъ востока и запада. При всемъ томъ, даже оставаясь при своихъ собственныхъ силахъ, она могла побѣдить великое множество непріятелей, какъ и побѣдила на поляхъ Абукира и Геліополя, елибъ только она имѣла искуснаго вождя. Къ-несчастью, во главѣ ея не было болѣе генерала Бонапарте. Дезе и Клебѣръ уже не существовали.

Теперь должно дать понятіе о состояніи Египта послѣ смерти Клебѣра. Бывъ свидѣтелемъ того, какъ армія великаго визиря была разсѣяна въ одинъ мигъ, и какъ возстаніе трехъ-сотъ тысячъ жителей Каира было укрощено въ нѣсколько дней горстью солдатъ, Египтяне считали Французовъ непобѣдимыми и печатали ихъ водвореніе на берегахъ Нила приговоромъ судьбы. Къ-тому же, они начали свѣдѣваться съ своими европейскими гостями и находить, что новое иго гораздо-менѣе тягостно, нежели старое, потому-что они платили налоговъ гораздо-менѣе, чѣмъ при мамелюкахъ, и не подвергались во время взятія ширн палочнымъ ударамъ, какъ это случалось въ правленіе ихъ сверженныхъ единоверцевъ. Мурадъ-Бэй, вождь мамелюковъ, рыцарь по характеру, другъ Французовъ, владѣлъ Верхнимъ-Египтомъ на правѣ феодаломъ. Французы могли положиться на этого вѣрнаго вассала, и имъ достаточно было взять въ Верхнемъ-Египтѣ всего одну бригаду

въ 2,500 человекъ, что было чрезвычайно-важно по малочисленности французскихъ войскъ.

Французская армія, съ своей стороны, раздѣлявшая заблужденія своего полководца въ эпоху ан-аршской конвенціи, и вмѣстѣ съ нимъ жглевшая эти заблужденія на равнинахъ Геліополя, созивала свою ошибку и на мало не располагала снова власть въ нее. Кроме того, императоръ Бонапартъ находился теперь во главѣ правленія, и армія по-прежнему тогда причина его отъезда, не почитала его уже бытаскомъ, а, напротивъ, смотрѣла на него съ доверчивостью и надеждою.

Солдаты жили въ полномъ изобиліи; штелись часто дичиною въсто голланды. Не доставало сукна; но въ такомъ жаркомъ климатѣ, этотъ недостатокъ, для некоторой части одежды, могъ быть пополненъ бу-жикными тканями, которыми изобиловалъ Египетъ. Для остальной оде-ды были взяты все разныхъ цвѣтовъ сѣква, привезенныя на востокъ для продажи. Отъ этого произошла пестрота въ одежду; но, какъ бы и ни было, солдатъ былъ одѣтъ и имелъ красивый видъ. Ученый инженеръ Контъ оказалъ арміи большія услуги: онъ привезъ съ собою множество различныхъ ремесленниковъ, организованныхъ на военную югу. При ихъ помощи, онъ устроилъ въ Египтѣ мануфактуры для ткацка, ва-ленія и стрижки суконъ; и такъ-какъ не было недостатка въ шерсти, то штелись въ скоромъ времени обойтись совершенно безъ европейскихъ швей. То же было и съ порохомъ. Заводы, основанныя Шампні въ Каирѣ, изготовляли пороха въ достаточномъ количествѣ для потребно-стей войны. Внутренняя торговля видимо возстановилась. Караваны штевали шовилаться изъ центра Африки. Арабы съ береговъ Чернаго-Моря приходили къ суэзскому и воесийскому портамъ, гдѣ провозили шее, ароматы, финики на египетскую пшеницу и рисъ. Греки, пользу-ясь турецкимъ флагомъ, и будучи болѣе ловки, нежели англійскіе крей-серы, привозили въ Дамьетту, Розетту и Александрію масло, вино и разные състные припасы. Словомъ, въ настоящее время не было ни въ чемъ недостатка, а для будущаго приготавливались большія средства. Офицеры, видя, что окончательное занятіе Египта было деломъ рѣше-нымъ, старались устроиться тамъ съ возможно-мѣньшими неудобствами. Жилие въ Александріи, или Каирѣ, — а ихъ было болѣе число, — была себе тамъ удобныя помещенія. Сирияки, Греченны, Египтяны, оле, купленные у торговцовъ невольниками, другія, следуя добро-вольной склонности, раздѣляли съ ними ихъ жилища. Грусть была не-бывала. Два инженера построили въ Каирѣ театръ, и сами офицеры иг-дали тамъ французскія пьесы. Солдаты жили не хуже своихъ началь-никовъ, и, благодаря этой способности французскаго характера съмытъ-ся со всякою націею, они курили табакъ, пили кофе въ обществѣ съ Турками и Арабами.

Финансовыя средства Египта, бывшія въ хорошемъ порядкѣ, позво-ляли удовлетворять всѣмъ нуждамъ арміи. Во время владычества мей-монковъ, съ Египта взымалось отъ тридцати-шести до сорока милліоновъ рублей. Теперь Египетъ выплачивалъ отъ двадцати до двадцати-пяти милліоновъ, и къ-тому же жилище теперь не сопряжалось проше-

ми жестокостями. Эти доходы отъ двадцати до двадцати-пяти миллионовъ были достаточны для расходовъ колоніи. Со-временемъ, когда было надѣяться откладывать ежегодно остатокъ отъ трехъ до четырехъ миллионовъ, чрезъ что могъ бы составиться запасный капиталъ для удовлетворенія экстраординарныхъ издержекъ и для производствъ построекъ, служащихъ къ пользѣ или защитѣ. Армія состояла еще изъ двадцати-пяти или двадцати-шести тысячъ человекъ, считая въ томъ числѣ власти, равно женъ и дѣтей многихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Собственно солдатъ въ томъ числѣ было двадцати-три тысячи человекъ, изъ которыхъ шесть тысячъ инвалидовъ, бывшихъ однакожь, въ состояніи защищать цитадели, и семнадцать или восемнадцать тысячъ въ полномъ здравіи, годныхъ нести самую трудную службу. Кавалерія была превосходна: она равнялась съ мамелюками въ храбрости и превосходила ихъ дисциплиною. Полевая артиллерія отличалась быстротою своихъ движеній. Полки, въ которыхъ, вмѣсто лошадей, были употреблены дромадеры, достигъ высшей степени совершенства. Они мчался по степямъ съ необычайною скоростью и совершенно отгонялъ Арабовъ отъ грабежа. Уроны среднимъ числомъ были значительны, потому-что тогда считалось всего 600 больныхъ и 26,000 человекъ. Однакожь, при продолжительной войнѣ, могъ оказатся недостатокъ въ людяхъ; но Греки съ охотою шли въ солдаты, Котты также. Самые негры, купленные за очень-незначительную цѣну, замѣчательные по своей преданности, доставляли собою превосходныхъ рекрутовъ. Армія, со-временемъ, могла набрать въ свои ряды отъ десяти до двѣнадцати тысячъ вѣрныхъ и храбрыхъ солдатъ. Уверенная въ своей храбрости и воинской опытности, она не сомнѣвалась, что ей удастся отбросить въ море Турковъ или Англичанъ, которыхъ бы послали противъ нее изъ Азіи или Европы. Эти восемнадцать тысячъ при хорошемъ начальствованіи, соединенныя кстатѣ и двинутыя масса на вновь-высвѣдшіяся войска, навѣрное должны были во что бы то ни стало удержать за собою берега Египта. Но для того необходимо было, чтобы она была хорошо направлена: это было условіе успѣха для египетской арміи, равно какъ и для всякой другой.

Пусть представать себя, что Клебѣръ, или, еще лучше, Дезе управляетъ бы Египтомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ! Кто усомнится, что тотъ или другой изъ нихъ превратилъ бы эту страну въ цвѣтущую колонію, основалъ бы тамъ чудную имперію! Здоровый климатъ, безъ великихъ лихорадокъ, неистощимо-плодородная почва, покорные и какъ бы крапкіе земля поселенцы, добровольные рекруты,—какое превосходство въ условіяхъ сравнительно съ нынѣ-основываемою африканскою колонією Франціи!

Но, вмѣсто Клебѣра, вмѣсто Дезе, Мену сдѣлался главнокомандующимъ, по старшинству. Это было непоправимое несчастье для колоніи и ошибка со стороны перваго консула, который не завѣдалъ его никакъ другимъ. Мы уже сказали о причинѣ, побудившей перваго консула поступить такимъ-образомъ; но эта причина не могла бы повѣдѣть его, еслибъ онъ могъ знать совершенную неспособность Ме

у въ военномъ отношеніи. Одно обстоятельство склонило его въ пользу этого генерала, именно: всѣмъ-извѣстное рвеніе Мену относительно сохраненія и колонизаціи Египта. Мену былъ уменъ, образованъ, чень-трудолюбивъ, имѣлъ всѣ качества администратора, но у него не было ни единого изъ качествъ полководца. Не имѣя ни опытности, ни метрости взгляда, ни рѣшимости, онъ, въ довершеніе всего, обрѣтенъ рылою въ физическомъ отношеніи: онъ былъ тученъ, имѣлъ очень-дальное зрѣніе и дурно вѣдѣлъ верхомъ. Это былъ вождь плохо-выбранный для начальствованія надъ такими проворными, такими отважными воинами. Сверхъ-того, онъ вовсе не имѣлъ характера, и при такомъ жалкомъ главнокомандующемъ, генералы арміи, ссорясь между собою, вскорѣ дѣлались жертвою роковыхъ раздоровъ.

При генералѣ Бонапарте, въ Египтѣ былъ одинъ духъ, одна воля. При Клеберъ, не долгое время существовали двѣ партіи, колонисты и антиколонисты. Но, послѣ отмщенія позора, славнаго отмщенія на равнинахъ Геліополя, насталъ порядокъ, исполненный единства. Лишь-малю Мену принялъ начальствованіе, единство исчезло.

Манія уподобить колонию метрополию овладѣла Мену, какъ и всѣми мало-просвѣщенными колонизаторами, которые болѣе стремятся дѣлать зло, нежели хорошо. Въ довершеніе всего, Мену учредилъ при себѣ советъ, составленный не изъ четырехъ или пяти главнѣйшихъ офицеровъ, а по-крайней-мѣрѣ изъ пятидесяти военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ разныхъ ранговъ. Это былъ настоящій парламентъ; созванія его прекратились скоро, потому-что казались всѣмъ смѣшными. Наконецъ, Мену сталъ издавать арабскій журналъ, который доводилъ до свадбннхъ Египтянъ и арміи повелѣнія и распоряженія французскаго начальства.

Между-тѣмъ, солдаты мало занимались этими нововведеніями. Они или призываючи, смѣялись надъ Мену, но любили его добродушіе и цѣнили заботливость о нихъ. Туземцы были покорны и находили, при томъ, что иго Французовъ гораздо-сноснѣе ига мамлюковъ. Однакожъ, были люди гораздо-болѣе раздражительные, именно-недовольные въ арміи. Для того, чтобъ Мену не подвергался ихъ порицаніямъ, надо было, чтобъ онъ рѣшительно ничего не дѣлалъ, чтобъ онъ не давалъ своими распоряженіями никакой пищи ихъ язвительной критикѣ, и тогда они стали бы порицать его бездѣйствіе. Но Мену былъ одержимъ манією все организовывать. Партія недовольныхъ воспользовалась этимъ и дошла даже до того, что условлено было втайнѣ изложить главнокомандующаго: намѣреніе безразсудное, исполненіе котораго неспровергло бы колонию и превратило бы египетскую армію въ преторіанское войско. Пытались склонить на свою сторону офицеровъ во многихъ дивизіяхъ; но нашли ихъ нѣсколько-нерасположенными къ возмущенію, и отказались отъ своего намѣренія. Ренье и Дама увлекли Давюсса; всѣ вмѣстѣ увлекли въ свою партію Белльера и Вердье, и за исключеніемъ одного Фриева, всѣ дивизионные генералы составили вскорѣ эту роковую оппозицію. Два старые члена Конвента, которыхъ генералъ Бонапарте привезъ съ собою въ Египетъ, чтобъ запатъ ихъ

праздность, Тальянъ и Иснаръ, находились въ Каирѣ, и, возвратившись къ своимъ стариннымъ привычкамъ, явились самыми пламенными патриотами. За невозможностью изложить главнокомандующаго, что было признано невыполнимымъ, генералы придумали отправить къ нему депутацію, съ представленіемъ замѣчаній на его маршъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, конечно, заслуживали порицанія. Эта депутація явилась передъ Мену невзначай; онъ выслушалъ ее съ большимъ неудовольствіемъ, однако не безъ достоинства, и обещалъ воспользоваться которыми изъ сдѣланныхъ ему замѣчаній. Эта выходка произвела войска настоящій скандалъ и была жестоко порицаема. Впрочемъ Иснаръ и Тальянъ пострадали за всѣхъ, и были отправлены въ Европу.

Въ это-то время, прибыло повелѣніе перваго консула, которое окончательно утверждало Мену въ званіи главнокомандующаго. Это волеизъявленіе верховной власти пришло очень-кстати и возвратило къ до некоторой степени довольныхъ. Впрочемъ, вскорѣ новыя смуты привели въ прежнее состояніе. Въ такихъ-то жалкихъ расприхъ эти измученные грустью изгнанія, поощренныя къ раздору слабостями военачальника, провели время, протекшее послѣ битвы при Геліополѣ до настоящей минуты, т. е. цѣлый годъ: драгоценное время, которое должно было бы прожить въ согласіи, чтобъ чрезъ то приготовить побѣдить страшнаго непріятеля, готоваго сойти на берегъ Египта.

Нилъ убывалъ; воды входили въ свое русло; орошенныя земли начали высыхать. Настало время для высадки. Былъ февраль 1801 года (вандемьеръ IX г.). Англичане и Турки располагали снова напасть на колонію. Великій визирь, тотъ самый, котораго Клеберъ разбилъ при Геліополѣ, стоялъ въ Газѣ, между Палестиною и Египтомъ, не осмѣлившись послѣ своего пораженія появиться въ Константинополѣ, имѣвъ въ своемъ войска не болѣе 10 или 12 тысячъ человекъ, пожравшихъ чумою, жившихъ грабежемъ и долженствовавшихъ ежедневно сражаться съ горцами Палестины, возставшими на такихъ незваныхъ гостей. Онъ былъ страшенъ не надолго. Капитанъ-паша, врагъ визиря, любя месть султана, крейсировалъ съ несколькими кораблями между Сиріею и Египтомъ. Онъ желалъ возобновить эль-аршскую конвенцію, надеясь на силу оружія, чтобъ покорить имъ Египетъ и очень не любилъ Англичанамъ, которыхъ крѣпко подозревалъ въ желаніи выторговать эту прекрасную страну у Французовъ, чтобъ самимъ овладѣть ею. Наконецъ, 18 тысячъ человекъ, состоящихъ изъ Англичанъ, Гессенцевъ, Швейцарцевъ, Мальтійцевъ, Неаполитанцевъ, находившихся подъ командою все англійскихъ офицеровъ и подчиненныхъ превосходной дисциплины, приближались на эскадрѣ адмирала Кэйта къ Египту, подъ главнымъ начальствомъ отличнаго генерала, сэра Ральфа Абера-Кромби.

Къ этимъ 18 тысячамъ европейскаго войска должны были присоединиться 6,000 Албанцевъ, которыхъ капитанъ-паша везъ въ это время на своей эскадрѣ, 6,000 сипаевъ, отправленныхъ изъ Индіи Чернымъ Моремъ, и около 20,000 плохихъ солдатъ, которые скоро должны были примкнуть къ десяти-тысячному войска великаго визиря въ Палестину.

Тяжелым образомъ, египетская армія имѣла противъ себя около 60,000 солдатъ. Она могла имъ противопоставить только 18,000 дѣйствующаго войска. Однакожь, этого было достаточно и даже слишкомъ, еслибъ главное начальствованіе было искусно.

Во-первыхъ, не было никакой опасности быть захвачену невзначай, потому-что извѣщенія приходили со всѣхъ сторонъ, какъ изъ архипелага чрезъ посредство греческихъ судовъ, такъ и изъ Верхняго-Египта чрезъ Мурада-Бѣя, и даже изъ самой Европы чрезъ частыя экспедиціи перваго консула. Вся эти извѣщенія давали знать о блискомъ походѣ, предпринимаемомъ въсѣхъ мусульманами и Европейцами. Мену́, глухой и доходящимъ до него предостереженіямъ, не дѣлалъ въ эту критическую минуту ничего, что слѣдовало бы дѣлать и чего ясно требовало положеніе дѣлъ.

Здравая политика требовала прежде всего старательно поддерживать дружественное расположеніе Мурада-Бѣя, который, находясь въ Верхнемъ-Египтѣ, предпочиталъ Французовъ Туркамъ и Англичанамъ. Поступки Мему́, напротивъ, могли оттолкнуть отъ Французовъ ихъ вѣрнаго союзника. Здравая политика требовала еще, чтобъ главнокомандующій воспользовался недоуверчивостію Турковъ къ Англичанамъ и, не возобновляя скандинавско-арипской конвенціи, обезоружилъ бы ихъ посредствомъ притворныхъ переговоровъ, которые, занявъ ихъ, замедлили бы ихъ усилія. Мену́ и объ этомъ средствѣ думалъ не болѣе, какъ и о прочихъ. Что касается до мѣръ административныхъ и военныхъ, которыхъ требовали обстоятельства, онъ не умѣлъ ни одной изъ нихъ принять кстати. Нужно было, во-первыхъ, устроить въ Александрію, Розетту, Амьеттѣ, Раманіѣ, всюду, гдѣ могла быть собрана армія, большіе военные запасы, что легко было исполнить въ такой плодородной странѣ, какъ Египетъ. Мену́ отказался это сдѣлать, потому-что никакъ не хотѣлъ обратить на этотъ предметъ ничего изъ суммъ, выплачиваемыхъ аккуратно въ жалованье, и потому-что трудность дѣлать новыя долги только-что позволяла ему выполнять этотъ расходъ. Необходимо было ремонтировать кавалерію и артиллерію, важнѣйшіе роды войскъ противъ десантной арміи, которая обыкновенно не содержитъ въ себѣ ни той, ни другой. Онъ отказался выполнить и это, по тѣмъ же финансовымъ причинамъ, и простеръ свою непредусмотрительность даже до того, что выбралъ это время для охолощенія артиллерійскихъ лошадей, которыя были все жеребцы и которыя, по своей излишней горячности, были не очень-сподручны.

Наконецъ, Мену́ не изъявлялъ согласія на выводъ войскъ въ лагерь, что было необходимо для здоровья солдатъ въ это время года, еслибъ даже и никакая опасность не угрожала Египту. Между-тѣмъ, оказались некоторые признаки чумы. Расположить войска лагеремъ и вывести ихъ изъ города было настоящею необходимостію, даже независимо отъ потребности сдѣлать ихъ болѣе-подвижными. Армія, разсыпанная по гарнизонамъ или бесполезно скученная въ Каирѣ и занятая взимающею миря, вѣдь не была готова къ военнымъ дѣйствіямъ. И, однакоже, хорошо распоряджая оставшимися у него 23 тысячами человекъ,

изъ которыхъ 17 или 18 тысячъ годны были къ строевой службѣ, Мену вѣдалъ возможность всюду съ выгодною защитить Египетъ. Онъ могъ быть атакованъ съ трехъ пунктовъ: со стороны Александріи, потому-что не-вдалекъ оттуда находился абукирскій рейдъ, всегда предпочтительно предъ другими пунктами выбираемый для высадокъ; со стороны Дамьетты, другаго мѣста, годнаго для приставанія кораблей, хотя менѣе удобнаго, нежели Абукиръ; наконецъ, со стороны сирійской границы, гдѣ находились визирь съ осколками своей арміи. Изъ этихъ трехъ пунктовъ, только одинъ былъ серьезно угрожаемъ, а именно Александрія и абукирскій рейдъ, что было легко предвидѣть, потому-что объ этомъ думали и говорили все въ арміи. Плоскій берегъ Дамьетты, напротивъ, былъ нелегко доступенъ для кораблей и въ столь немногихъ пунктахъ соединялся съ Дельтою, что непріятельская армія, еслибъ она тутъ вышла на берегъ, легко могла бы попасть въ блокаду и вскорѣ была бы принуждена съѣхать обратно на корабли. Поэтому, было невѣроятно, чтобъ Англичане явились со стороны Дамьетты. Со стороны Сирія, визирь долженъ былъ внушать мало страха: онъ былъ такъ слабъ, такъ живо помнилъ пораженіе при Геліополѣ, что не могъ быть зачинщикомъ. Онъ не хотѣлъ двигаться впередъ, пока Англичане не успѣютъ высадиться на берегъ. Итакъ, единственною предметомъ заботъ главнокомандующаго должна была быть англійская армія, которая, какъ видно было изъ донесеній, должна была высадиться скоро. Въ этомъ положеніи, следовало оставить сильную дивизію вокругъ Александріи, т. е. отъ 4 до 5 тысячъ человекъ дѣйствующей арміи, независимо отъ моряковъ и депо, назначенныхъ оберегать форты. Въ Дамьеттѣ довольно было имѣть 2,000 человекъ. Для наблюденія сирійской границы достаточно было драмадерскаго полка. Трехтысячный гарнизонъ въ Каирѣ, къ которому могли примкнуть двѣ тысячи человекъ изъ Верхняго-Египта, и который могъ быть подкрѣпленъ нѣсколькими тысячами Французовъ изъ запасныхъ депо, — этотъ гарнизонъ былъ достаточно, и даже слишкомъ, для удержанія въ повиновеніи народонаселенія столицы, на случай, еслибъ визирь показался подъ ея стѣнами. Эти разныя назначенія заняли отъ 11 до 12 тысячъ человекъ изъ 17 или 18 тысячъ дѣйствующей арміи. Оставался отборный шеститысячный резервъ, который должно было расположить лагеремъ, въ равномъ разстояніи отъ Александріи и Дамьетты. И дѣйствительно, существовалъ пунктъ, который соединялъ въ себя все желаемыя условія, именно Раманізъ: мѣсто здоровое, на берегу Нила, не вдалекъ отъ моря, удобное для продовольствія войска, лежащее на разстояніи однихъ сутокъ отъ Александріи, двухъ сутокъ отъ Дамьетты и трехъ или четырехъ отъ сирійской границы. Подобная сила могла бы всюду отбить попытки непріятели.

Мену не думалъ ни объ одномъ изъ этихъ способовъ и не только не думалъ, но даже отвергъ совѣты всѣхъ хотѣвшихъ заставить его подумать объ этомъ. Надо отдать справедливость: многіе генералы, и въ-особенности Раньё, болѣе другихъ привычныи къ большимъ военнымъ диспозиціямъ, говорили ему объ угрожавшей опасности и

совѣтовали, какія должно принять мѣры; но генералы вышли изъ мѣры и главнокомандующаго въ-слѣдствіе своей несвоевременной оппозиціи, и нынче, когда они были правы, ихъ не болѣе слушали, какъ и тогда, когда они были виноваты.

Храбрый Фріанъ, чуждый роковымъ раздорамъ арміи, ревностно занялся приготовленіемъ обороны Александріи. Онъ имѣлъ всего-навсего не болѣе 2,000 человекъ. Онъ долженъ былъ часть изъ нихъ отлѣпить для охраненія главныхъ прибрежныхъ пунктовъ, каковы абукирскій фортъ, посты Эдко и Розетты. По занятіи этихъ мѣстъ, у него оставалось не болѣе 1,200 человекъ. Къ-счастью, фрегатъ, прибывшій изъ Рошфора, привезъ подкрѣпленіе въ 300 человекъ, съ значительнымъ количествомъ снарядовъ. Благодаря этому непредвидѣнному приращенію, генералъ Фріанъ могъ располагать 1,500 человеками. Можно представить себѣ, какъ важна была бы въ эту минуту эскадра Гантона, еслибъ, немного попадѣясь на счастье, этотъ адмиралъ привезъ 4,000 отборныхъ солдатъ, бывшихъ на корабляхъ его!

Генералъ Фріанъ, при своемъ стѣсненномъ положеніи, ограничился только требованіемъ еще двухъ батальионовъ и одного кавалерійскаго полка. Само дѣло доказало въ-послѣдствіи, что этой силы было бы достаточно; но онъ былъ чрезвычайно-смѣлъ, при такихъ обстоятельствахъ, рѣшившись понадѣяться на подкрѣпленіе какой-нибудь тысячи человекъ. Должно сказать вообще, что самоуверенность арміи много способствовала ея гибели. Она привыкла сражаться въ Египтѣ одинъ противъ четверыхъ, иногда противъ восьмерыхъ, и не составила себѣ зарпой идеи о средствахъ Англичанъ въ дѣлѣ высадки войскъ. Она думала, что Англичане никогда не будутъ въ состояніи высадиться на берегъ разомъ болѣе нѣсколькихъ сотенъ человекъ, безъ артиллеріи и кавалеріи, и воображала себѣ, что ей легко удастся прогнать ихъ штыками. Это была роковая, пагубная мечта. Не менѣе того, это подкрѣпленіе, котораго требовалъ себѣ Фріанъ, какъ ни было оно слабо, могло бы спасти все. Объ этомъ можно будетъ судить изъ хода самыхъ событій.

28 февраля 1801 г. (9 вантоза IX г.) была примѣчена недалеко отъ Александріи англійская лодка, которая, казалось, занималась рекогносцировкой. Погнались за нею, взяли ее, равно какъ и находившихся на ней офицеровъ, которые имѣли порученіе сълать приготовленія къ высадкѣ. Въ-слѣдъ за тѣмъ явился въ виду Александріи англійскій флотъ, состоявшій изъ 70 судовъ; но, за вѣтрами не могли подойти къ берегу, онъ держался въ открытомъ морѣ. Судьба представляла еще шансъ къ спасенію Египта отъ Англичанъ, ибо казалось вѣроятнымъ, что изъ высадка послѣдуетъ не прежде нѣсколькихъ дней. Извѣстіе, доставленное Фріаномъ въ Кавръ, прибыло туда 4 марта (13 вантоза) пополуночи. Еслибъ Мену тотчасъ же рѣшился на какую-нибудь скорую и благоразумную мѣру, все было бы поправлено. Еслибъ онъ обратилъ всю армію къ Александріи, кавалерія прибыла бы туда въ четверо сутокъ, пѣхота въ пять, т. е. 8 или 9 марта (17 или 18 вантоза) можно было бы сосредоточить на абукирскомъ берегу 10 тысячъ человекъ. Можетъ-быть, въ это время Англичане успѣли бы уже высадить свои

войска, но они никакимъ образомъ не имѣли бы еще времени выгрузить военные припасы, укрѣпить свою позицію, и Французы пришли бы еще довольно въ пору, чтобъ опрокинуть ихъ въ море. Ревель, находившійся въ Каирѣ, въ тотъ же день написалъ къ Мену письмо, дѣльно советуя ему не обращать большаго вниманія на визира, который очевидно не будетъ зачинщикомъ, не обращать большаго вниманія на Дамьетту, со стороны которой нѣчего было опасаться, и поспѣшно идти со всею массою своихъ силъ къ Александріи. Ничего не могло быть справедливѣе. Во всякомъ случаѣ, ничего не теряли двинувшись на Раманію, потому-что, еслибъ, пришедши въ это мѣсто, узнали, что опасность угрожаетъ со стороны Дамьетты или со стороны Сиріи, то всегда могли бы легко перенестись на тотъ или другой изъ этихъ пунктовъ. Черезъ это не теряли ни одного дня, а между-тѣмъ, были бы близко къ Александріи, гдѣ, по-вѣяному, была настоящая опасность. Но надо было рѣшиться тотчасъ же и выступить въ ту же ночь. Мену не хотѣлъ ничего слышать и сдѣлался настойчиво-самостоятеленъ въ своихъ приказахъ, оставшись по-прежнему шаткимъ въ своихъ идеяхъ. Не умѣя отличить действительно-угрожаемаго пункта, онъ отправилъ къ Дамьеттѣ подкрѣпленіе къ генералу Рампону, послалъ Ревель съ его дивизією въ Белбеясъ, стать противъ визира со стороны Сиріи. Дивизію Ланюсса онъ двинулъ къ Раманію. Да и при всёмъ томъ, онъ послалъ эту дивизію не исполнѣ, ибо удержалъ въ Каирѣ 88-ю полубригаду. Генералъ Ланюссъ имѣлъ приказаніе идти въ Раманію, и, сообразно съ тѣми свѣдѣніями, которыя получитъ здѣсь, двинуться изъ Раманію въ Александрію. Самъ Мену остался въ Каирѣ, съ значительнѣйшею частью своихъ силъ, выжидая дальнѣйшихъ извѣстій, стоя въ позиціи, столь удаленной отъ побережья. Поступить безтолковѣе и бездарнѣе было невозможно.

Тѣмъ временемъ, событія шли съ большою быстротою. Англійскій флотъ состоялъ изъ 7 линейныхъ кораблей, многихъ фрегатовъ, бригговъ, и большихъ судовъ Ост-индской-Компаніи. На немъ находилось значительное количество шлюбокъ. Какъ уже сказано выше, лордъ Кэйтъ командовалъ морскими силами, сэръ Ральфъ Аберкромби сухопутными. Мѣсто, выбранное ими для высадки, было то же, которое всегда выбиралось и прежде, т. е. абукирскій рейдъ. Сюда пристала французская эскадра въ 1798 году; здѣсь была она истреблена Нельсономъ; здѣсь турецкая эскадра высадки храбрыхъ янычаровъ, опрокинутыхъ въ море генераломъ Бонапарте въ славный день победы при Абукирѣ. Англійскій флотъ, продержавшись по-необходимости въ морѣ нѣсколько сутокъ (остановка гибельная для Англичанъ и очень-благоприятная для Французовъ, еслибъ Мену сумѣлъ ею воспользоваться), англійскій флотъ сталъ на абукирскомъ рейдѣ 6 марта (15 вантаза), въ разстояніи 5 льё отъ Александріи.

Нижній-Египетъ, подобно Голландіи, или Венеціи, есть страна лагунъ. Онъ представляетъ, какъ всѣ страны этого рода, особый характеръ, въ который надобно вникнуть, чтобъ понять, какія военныя операціи могутъ быть произведены на этомъ театрѣ. Большія рѣки при

впаденіи въ море образуютъ песчаныя отмели, расположенныя вокругъ ихъ устья. Эти отмели происходятъ отъ песковъ, которую наноситъ река, которыхъ не принимаетъ въ себя море, и которые, находясь подъ вліяніемъ этихъ двухъ противоположныхъ силъ, тянутся параллельно берегу. Онѣ наносятся постепенно до уровня воды, потому, во время прилива, выходятъ на поверхность, и представляютъ собою длинныя песчаныя прибрежья, омываемыя извнѣ прибоемъ морскихъ волнъ, и внутри орошаемыя рѣчными водами, которыя стѣсняются этими преградами въ своемъ теченіи. Нилъ, впадая въ Средиземно-Море, образуетъ передъ своими многочисленными рукавами обширный полукругъ этихъ песчаныхъ отмелей. Этотъ полукругъ, тянущійся по-крайней-мѣрѣ на семьдесятъ лѣтъ, отъ Александріи до Пелузы, имѣетъ переправы только у Розетты, Бюрлоса, Дамьетты, самой Пелузы, переправы, чрезъ которыя воды Нила впадаютъ въ море. Орошаемый съ одной стороны Средиземнымъ-Моремъ, онъ орошается съ другой стороны озерами Маретисъ и Мадіэ, озеромъ Эдко, озерами Бюрлосъ и Мензалэ. Всякая высадка въ Египетъ должна быть необходимо произведена на одной изъ этихъ песчаныхъ отмелей. Слѣдуя примѣру и необходимости, Англичане избрали отмель, образующую александрійское прибрежье. Эта отмель имѣетъ около пятнадцати лѣтъ, простираясь между Средиземнымъ-Моремъ съ одной стороны, озерами Маретисъ и Мадіэ съ другой, имѣетъ на одной изъ своихъ оконечностей городъ Александрію, а съ другой представляетъ входящій внутрь полукругъ, который упирается въ Розетту. Этотъ-то входящій внутрь полукругъ и образуетъ абукирскій рейдъ. Одна изъ сторонъ этого рейда была защищена абукирскимъ фортомъ, построеннымъ Французами и обстрѣливающимъ своимъ баттареемъ окружающее прибрежье. Далѣе, тянулись вокругъ всего берега песчаные холмы, переходившіе по ту сторону рейда въ песчаную и сплошную равнину. Генералъ Бонапарте далъ приказаніе построить укрѣпленіе на этихъ холмахъ. Еслибы это было выполнено, всякая высадка была бы рѣшительно невозможна. Англійскій флотъ, построаясь въ два линіи, сталъ посреди рейда. Онъ выжидалъ на якорь, чтобъ утихившеся волненіе позволило спустить въ море шлюпки. Наконецъ, 8 числа утромъ (17 вентоза), лишь-только стихло, лордъ Кейтъ посадилъ 5,000 отборнаго войска на 320 шлюбокъ. Эти шлюпки, расположенныя въ два ряда, приближались на гребль, подъ командою капитана Кохрена, имѣя на правомъ и лѣвомъ крыль по дивизіи канонерскихъ лодокъ, производившихъ сильную канонаду.

Генералъ Фриапъ, имѣя у себя всего 1,500 человекъ; стоялъ нѣсколько отступивъ отъ берега, для укрытія своихъ войскъ отъ выстрѣловъ англійской артиллеріи. Нѣсколько аванпостовъ стояли у самаго моря; французская артиллерія обстрѣливала берегъ ядрами.

Англичане приближались; солдаты лежали на днѣ шлюбокъ, матросы, стоя, усильно дѣйствовали веслами, съ хладнокровнымъ мужествомъ выдерживая огонь непріятельской артиллеріи; одни валились, другіе тотчасъ же замѣщали ихъ. Вся эта масса шла къ берегу, движима какъ-бы одною волею. Наконецъ, она пристаетъ къ берегу; англійскіе солдаты

ты поднимаются со дна шлюбокъ и устремляются на землю. Они строятся и бѣгутъ къ песчанымъ возвышенностямъ, облежавшимъ рейтъ. Генералъ Фріанъ, извѣщенный объ этомъ отступавшими аванпостами, приходитъ насколько уже поздно. Онъ дѣйствуетъ мужественно, но всѣ успія его напрасны. Еслибъ въ эту рѣшительную минуту генералъ Фріанъ имѣлъ тѣ два пѣхотные батальйона и кавалерійскій полкъ, которыхъ онъ просилъ себя столько разъ, дѣло могло бы быть окончено, и Англичане были бы опрокинуты въ море.

Этотъ бѣдственный день 8 марта (17 вантаза) повлекъ за собою потерю Египта. Храбрый генералъ Фріанъ, можетъ-быть, избралъ первую позицію слишкомъ-далеко отъ берега; можетъ-быть, также, онъ слишкомъ понадеялся на превосходство своихъ солдатъ и слишкомъ-легкомысленно предположилъ, что Англичане могутъ высадиться разомъ только въ незначительномъ числѣ. Но эта самоуверенность была очень-извинительна, и, къ-тому же, оправдана, потому-что имѣя онъ только однимъ или двумя батальйонами больше, Англичане были бы опрокинуты, и Египетъ спасенъ. Но что сказать о томъ главнокомандующемъ, который, въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ предостерегаемый со всѣхъ сторонъ объ угрожающей опасности, не сосредоточилъ своихъ силъ въ Раманіа, что дало бы ему возможность къ этому рѣшительный день собрать передъ Абукиромъ десять тысячъ человекъ? который, получивъ въ Каирѣ еще 4 марта положительное извѣщеніе, не двинулъ войскъ, могшихъ прибыть въ самое утро 8 числа, и, следовательно, пришедшихъ бы въ-время для отраженія Англичанъ? Что сказать также объ адмиралѣ Гантомъ, могшемъ высадить въ Александрію четыре тысячи человекъ въ тотъ самый день, какъ фрегатъ изъ Рошфора привезъ 300 человекъ, сражавшихся на абукирскомъ берегу? Что сказать обо всѣхъ этихъ нерѣшимостяхъ, небрежностяхъ, ошибкахъ всякаго рода, какъ не то, что бывають дни, когда все сбрасается грозною тучею на потерю сраженій и гибель государства?..

Битва была страшно-кровавопролитна. Англичане считали у себя 1,100 человекъ убитымъ или ранеными изъ тѣхъ 5,000, которые высадились на берегъ. Уронъ Французовъ простирался до 400 человекъ изъ 1,500. Дѣло было жаркое. Генералъ Фріанъ отступилъ къ стѣнамъ Александріи, и тотчасъ же повѣстилъ Мену и стоявшихъ по близости генераловъ, чтобъ шли къ нему на помощь.

Однакожь, все могло быть еще поправлено, еслибъ сумѣли воспользоваться оставшимся еще временемъ, силами, которыя еще имѣли въ своихъ рукахъ, и затруднительнымъ положеніемъ Англичанъ, высадившихся на эту песчаную отмель.

Англичанамъ предстояло, во-первыхъ, высадить на берегъ все свое войско, потомъ выгрузить на берегъ военныя припасы, — дѣло, требовавшее много времени. За тѣмъ, они должны были двинуться вдоль этой песчаной отмели, чтобъ подступить къ Александріи, имѣя съ правой руки море, съ лѣвой озера Мадіа и Марсотиа; правда, они были подкрѣплены своими канонерскими лодками, но не имѣли ни кавале-

рія, или другой полевой артиллерія, кромѣ той, которую могли влечь на себя. Очевидно, ихъ движенія должны были быть медленны, и вскорѣ очень-затруднены, когда они очутятся передъ Александріей, ибо они будутъ принуждены, чтобъ выйти изъ этой западни, или взять приступомъ этотъ городъ, или идти по узкимъ плотинамъ, посредствомъ которыхъ устроено сообщеніе съ внутренними областями Египта. Для того, чтобъ остановить ихъ, не надо было вступать съ ними въ частыя и нравныя сраженія, которыя только ободряли ихъ, обезкураживали французское войско и ослабляли его и безъ того немногочисленныя силы. Даже безъ сраженій можно было навѣрное, ставъ въ выгодной позиціи, преградить имъ дорогу. И такъ, въ этихъ обстоятельствахъ осталось одно: выжидать, чтобъ Мену́, котораго ослѣпленіе теперь уже было побуждено фактами, соединилъ все войско подъ стѣнами Александріи.

Генералы Ланюссъ и Фрианъ опасались, чтобъ Англичане не овладѣли дорогою въ Раманіэ, по которой долженъ былъ прійти Мену́. По знатію этой дороги непріателемъ, Французамъ все-таки оставался путь, правда, долгій и трудный, особенно для артиллеріи, по тинистымъ степямъ озера Марейтисъ. Во всякомъ случаѣ, эти генералы не имѣли достаточной причины вступать въ сраженіе, имѣя вся шансы противъ себя.

Тамъ не менѣе, генералы Фрианъ и Ланюссъ, преувеличивая опасность, которой подвергались ихъ сообщенія, рѣшились (12 марта) сразиться; но, сойдя съ выгодной позиціи и имѣя дѣло съ превосходнѣйшимъ непріателемъ, припуждены были отступить на прежнее мѣсто.

Это была напрасная потеря пяти или шести сотъ человекъ,—потеря очень-чувствительная для Французовъ, потому-что они не получали, подобно Англичанамъ, подкрѣпленій. Уронъ Англичанъ простирался до 1,400 человекъ.

Рѣшено было ждать Мену́, который наконецъ рѣшился двинуть армію къ Александріи. Онъ велъ съ собою главную массу своихъ силъ, оставивъ, впрочемъ, бесполезно до 2,000 человекъ въ Дамьеттской-Области, въ окрестностяхъ Белбенса, Салаіэ, въ самомъ Каирѣ и въ Верхней-Египтѣ. Нѣ зачѣмъ было принимать столько предосторожностей противъ Египтянъ, которые въ это время вовсе не имѣли мысли о возстаніи. Ихъ должно было опасаться тогда только, когда бы Французы были разбиты рѣшительно.

Мену́, прибывъ въ Раманіэ, понялъ всю важность опасности. Онъ увидѣлъ собственными глазами, какую тяжкую сдѣлалъ ошибку, допустивъ Англичанъ стѣть на твердую землю.

Между-тѣмъ, Англичане получили нѣкоторыя подкрѣпленія и большое количество военныхъ припасовъ. Они утвердились на тѣхъ же песчаныхъ высотахъ, которыя занимали 13 марта Ланюссъ и Фрианъ. Вытѣснить ихъ оттуда было очень-трудно.

Къ-тому же, Англичане были несравненно-превосходнѣе числомъ. У нихъ было до 18 тысячъ человекъ противъ 10 тысячъ: Фрианъ и Ланюссъ имѣли теперь всего-на-все 4,500 человекъ; Мену́ пре-

вель съ собою по большой мѣрѣ 5,000. Вся шансы, которые Французы въ первое и второе дѣло имѣли въ свою пользу, были теперь противъ нихъ. Однакожь, очень-естественно было рѣшиться вступить въ бой. И дѣйствительно, послѣ попытки опрокинуть Англичанъ въ море, сперва съ 1,500 человекъ, потомъ съ 5,000, было бы дѣломъ необыкновеннымъ не попытаться теперь того же съ войскомъ въ 10,000 человекъ, которое составляло почти все, что только можно было собрать на одномъ пунктѣ.

Нельзя не сказать, что можно было дѣйствовать и иначе, и особенно еслибъ поступить такъ послѣ высадки Англичанъ на берегъ и до бесполезнаго сраженія, даннаго генералами Ланюссонъ и Фрианомъ: именно, оставить Англичанъ на занимаемомъ ими пути; быстро привести Александрию въ возможность обороняться; вѣрять ей защиту морякамъ, запаснымъ депо, подкрѣпленнымъ 2,000 солдатами дѣйствующей арміи; потомъ вывести войска изъ всѣхъ постовъ, исключая Каира, гдѣ слѣдовало оставить трехтысячный гарнизонъ, расположивъ его въ цитадели; наконецъ, съ остальною арміею, т. е. съ 9 или 10 тысячами человекъ, стать въ открытомъ полѣ, будучи на готовъ броситься или на Турковъ, еслибъ они вторглись изъ Сиріи, или на Англичанъ, еслибъ они сдѣлали хоть одинъ шагъ внутрь страны по узкимъ плотинамъ, проходящимъ по Нижнему-Египту. Черезъ это Англичане очутились бы въ настоящей блокадѣ и вѣроятно должны были бы опять съѣсть на свою эскадру. Но для выполненія этого, потребенъ былъ генералъ больше-способный, нежели Мену, больше-опытнѣй, нежели онъ въ искусствѣ двигать войсками. Нуженъ былъ, наконецъ, главнокомандующій совсѣмъ-непохожій на того, который, имѣя въ началѣ кампаніи вся шансы въ свою пользу, дѣйствовалъ такимъ образомъ, что имѣлъ теперь все шансы противъ себя.

Между-тѣмъ, сразиться теперь съ Англичанами было очень-естественною рѣшимостью, которая послѣдовательно согласовалась со всѣмъ что дѣлалось съ самаго открытія кампаніи. Однакожь, Французамъ надобно было спѣшить, отваживаясь на такую рѣшительную мѣру, чтобъ не дать времени подоспѣть Туркамъ, шедшимъ изъ Сиріи.

Для того, чтобъ дать сраженіе, необходимо было условиться въ планѣ. Мену былъ неспособенъ составить его и былъ съ своими генералами не въ такихъ отношеніяхъ, чтобъ ему ловко было прибѣгнуть къ ихъ совѣтамъ. Не смотря на то, начальникъ штаба, Лагранжъ, обратился съ просьбою начертать планъ къ генераламъ Ланюссу и Рэнъе, которые, составивъ этотъ планъ съобща, представили его на утвержденіе Мену. Тотъ одобрилъ его почти-манивально.

Близъ развалинъ древняго Канопа (*Canopus*), завязалась эта рѣшительная битва, утромъ 21 марта (30 вантоза). Французы сражались храбро, но некому было направлять ихъ дѣйствія. Въ самую важную минуту битвы, Мену, неспособный командовать, расхаживалъ только по полю сраженія, не отдавая никакихъ приказаній.

Какое зрѣлище представляетъ война, когда жизнь людей, когда участь Государствъ бываютъ вѣрены такимъ бездарнымъ полководцамъ!

Нельзя было сказать, чтобъ сраженіе было проиграно, потому-что неприятель не сдѣлалъ ни шага впередъ; но оно было уже проиграно, если не было совершенно выиграно, ибо нужна была рѣшительная побѣда, чтобъ отъѣхать Англичанъ къ Абукиру и принудить ихъ съѣсть на свою эскадру. Уропы съ той и другой стороны были велики. У Англичанъ выбыло изъ строя около 2,000 человекъ, и между-прочимъ храбрый генералъ Аберкромби перенесенъ на корабль при послѣднемъ издѣланіи. Французы потеряли не меньше. Генералы Лаюссъ и Руазъ были убиты, еще три генерала тяжело ранены.

Теперь Французамъ не оставалось уже никакой надежды принудить неприятеля оставить Египетъ. Между-тѣмъ, скоро должны были подойти Турки, шедшіе изъ Сиріи; капитанъ-паша, вѣхавшій на турецкой эскадрѣ, и готовившійся высадить у Абукира 6,000 Албанцевъ; накопецъ 6,000 сипаевъ, которые должны были высадиться у Коссеира, на берегу Верхняго-Египта. Чтò можно было предпринять посреди такого множества неприятелей съ арміею, которая, лишь-только дѣла колонія шла плохо, всегда съ ропотомъ говорила, что экспедиція была цинтательнымъ безумствомъ, и что бесполезно приносить храбрыхъ солдатъ въ жертву чистой химеры?

Хотя послѣ этихъ трехъ дѣлъ, 8, 13 и 21 марта, французская армія лишилась около 3,500 человекъ, однако все-таки можно было, искусно и быстро маневрируя, разбить визиря, когда онъ выйдетъ изъ Сиріи, капитана-пашу, когда онъ попытается прорваться чрезъ Розетту, Англичанъ, когда они захотятъ по узкимъ перешейкамъ двинуться внутрь Египта. Но все это надо было совершить не болѣе какъ съ 7,000 или 8,000 человекъ. Съ генераломъ самымъ рѣшительнымъ и отчаяннымъ успѣхъ подобнаго предпріятія былъ бы хотя сомнителенъ, однако возможенъ: чего было ждать отъ Мену и его сподвижниковъ?

Между-тѣмъ, оставалась еще надежда. То былъ Гантомъ съ своими кораблями и десантными войскомъ. Прибытіе въ эту минуту 4,000 человекъ могло спасти Египетъ.

Но Гантомъ, хотя болѣе-способный, нежели Мену, не лучше его дѣйствовалъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. Исправивъ въ Тулонѣ аварію, потерпѣнную по выходѣ изъ Вреста, онъ вышелъ, какъ мы видели, изъ Тулона, 19 марта (28 вантаза), вторично возвратился туда по случаю несчастія съ кораблемъ «Конституція», и снова вышелъ въ море 22 марта (1 жерминаля), держа путь къ Сардиніи. Ужь онъ былъ въ пятнадцать льѣ отъ мыса Карбонари, конечнаго пункта Сардиніи, готовый вступить въ каналъ, отдѣляющій Сицилію отъ Африки. Къ-несчастью, по неосторожности одного капитана, два корабля столкнулись другъ съ другомъ и получили значительныя поврежденія. Испуганный этими аваріями, Гантомъ не считалъ себя въ возможности держаться дальше въ морѣ, и возвратился въ Тулонъ 5 апрѣля (15 жерминаля), авъ недѣли спустя послѣ канопскаго сраженія.

Въ Египетъ ничего не знали объ этомъ, и все еще вѣтали надежду. При видѣ всякаго паруса, бѣжали къ берегу увѣряться, не Гантомъ ли

это? Въ такомъ томительномъ ожиданіи, не предпринимали ничего оставаясь въ бѣдственномъ бездѣйствіи. Къ довершенію несчастія Мурадъ-Бэй, неизменный другъ Французовъ, умеръ въ это время от чумы и оставилъ своихъ мамлюковъ Осману-Бэю, на дружбу котораго Французы не могли рассчитывать. Чума начала свирѣпствовать и Каиръ. Все шло какъ-нельзя-хуже и вело къ роковой развязкѣ.

Англичане, съ своей стороны, опасаясь находившейся передъ ними армія, не хотѣли отваживаться на удачу. Они лучше желали идти тихо но вѣрно. Особенно поджидали они, чтобъ ихъ союзники, Турки, которыми они не слишкомъ доверяли, имѣли возможность прійти къ нимъ на подмогу. Прошелъ мѣсяць со времени высадки, а они еще ничего не предпринимали, кромѣ того, что взяли збукирскій фортъ, который оборонялся храбро, но палъ подъ разрушительнымъ огнемъ ихъ эскадры. Наконецъ, Англичане и Турки, овладѣвъ однимъ изъ устьевъ Нила, — этимъ путемъ они могли получать продовольствіе, имѣя такимъ образомъ доступъ внутри Египта, — вздумали воспользоваться своими успѣхами, но не спѣша, потому-что они еще простояли болѣе трехъ недель до выступленія впередъ. Для проворнаго и сметливаго противника, это былъ очень-удобный случай побить ихъ. Еслибъ генераль Мену употребилъ въ дѣло протекшій мѣсяць, т. е. окружилъ Александрію необходимыми укрѣпленіями, такъ чтобъ тамъ можно было оставить немного войска, еслибъ онъ вывелъ излишнее войско изъ Каира, то могъ бы противопоставить Англичанамъ отъ 8,000 до 9,000 человекъ. Этого числа было достаточно для того, чтобъ отъяснить непріятеля къ устью Нила, поднять упавшій духъ арміи, снова привести въ покорность уже-волновавшихся Египтянъ, замедлить движеніе визиря, снова поставить Англичанъ въ блокадное состояніе на александрійскомъ берегу, и наконецъ возвратитъ на свою сторону счастье. Этотъ благоприятный случай былъ послѣдній. Мену совѣтовали выполнить это, но робкій, онъ вполнѣнну только послѣдовалъ данному совѣту.

Французы отступили къ Раманіэ; этотъ пунктъ не представлялъ особыхъ удобствъ къ оборонѣ; но если надо было гдѣ-нибудь отчаянно сопротивляться, то здѣсь, въ Раманіэ, потому-что потерявъ эту позицію, корпусъ генерала Лагранжа былъ бы отрезанъ отъ Александрии и принужденъ отступить къ Каиру. Когда французская армія и въ соединенныхъ силахъ не могла противостоять Англичанамъ, то было совершенно-невозможно, чтобъ она, разрываемая на-двое, могла оказать значительное сопротивленіе. Въ такомъ случаѣ, ей не оставалось ничего болѣе, какъ подписать капитуляцію. И такъ, съ потерей Раманіэ, Французы окончательно теряли весь Египетъ. При Раманіэ генераль Лагранжъ съ 4,000 человекъ былъ предоставленъ самому-себѣ; къ нему не шелъ Мену съ обѣщанными 2,000, ни генераль Белляръ, который, имѣя въ Каирѣ до 3,000 человекъ, не получилъ приказанія идти на Раманіэ. Имѣя противъ себя около 12,000 человекъ, Лагранжъ не отважился вступить въ сраженіе, оставилъ Раманіэ и, отступивъ къ Каиру, былъ отрезанъ отъ своихъ сообщеній.

Съ этого дня, въ Египтѣ не произошло болѣе ничего достойнаго

критики, или даже вивманія. Всюду встречаемъ самую постыдную слабость съ самою плачевною бездарностью. Безъ сомнѣнія, эти слова относятся къ главнымъ командирамъ, а не къ солдатамъ и простымъ офицерамъ, всегда храбрымъ и готовымъ умереть.

Въ Каирѣ, равно какъ и въ Александріи, не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ сдать въ капитуляцію. Здѣсь можно было показать еще одну заслугу — медлить сдаваться. Черезъ это, по-видимому, спасаютъ, кажется, только свою честь, а часто, на дѣль, спасаютъ и отечество! Массена, продливъ оборону Генуи, сдѣлалъ возможною побѣду при Маренго. Генералы, занимавшіе Каиръ и Александрію, продливъ свое безнадежное сопротивленіе, могли еще съ большою пользою содѣйствовать успѣшности важныхъ переговоровъ Франціи съ Англіей. Они не знали этого, правда; и вотъ почему, въ невѣдѣніи тѣхъ услугъ, которыя можно оказать, продливъ оборону, должно внимать голосу чести, которая велитъ сопротивляться до послѣдней крайности. Несчастнѣйшій изъ этихъ двухъ генераловъ, находившихся въ блокадѣ, — несчастнѣйшій, потому что онъ сдѣлалъ наиболѣе ошибокъ, — Мену, упорствуя медлить сдачею Александріи, былъ еще полезенъ, какъ увидимъ вскорѣ, ли интересовъ Франціи. Это было позже его утѣшеніемъ, его извѣщеніемъ прелъ первымъ консуломъ.

Когда войска, отступившія изъ Раманіа, прибыли въ Каиръ, надо было подумать, что предпринять. Генералъ Белльяръ былъ, по старшинству, главнокомандующимъ. Это былъ человекъ нерѣшительный. Въ Каирѣ оставалось около 7 тысячъ войска, годнаго дѣйствовать, и отъ 5 до 6 тысячъ человекъ больныхъ, раненныхъ и войсковою прислуги. Чума свирѣпствовала, не было ни денегъ, ни продовольствія, и предстояло защищать городъ необъятной окружности. Семи тысячъ человекъ было мало для обороны на такомъ протяженіи. Стѣны никакъ не могли противостать искусству европейскихъ инженеровъ. Въ цитадель не могли помѣститься 12,000 Французовъ, и она никакъ не могла устоять противъ англійскихъ осадныхъ орудій. Очевидно, оставалось одно изъ двухъ: или смѣло спуститься въ Нижній-Египетъ и соединиться съ Мену въ Александрію, или удалиться въ Дамьетту, что было и вѣрнее и легче. Въ этомъ пунктѣ, 7 тысячъ солдатъ египетской арміи долго могли защищаться противъ вавое или втрое-превосходнѣйшаго испріятеля. Такъ-какъ дѣло теперь шло только о томъ, чтобы сдать на капитуляцію, то Дамьетта могла отдалить этотъ жалкій результатъ, по-крайней-мѣрѣ еще на полгода; инженерный офицеръ д'Опуль (*d'Haupoul*) предложилъ этотъ мудрый совѣтъ; но чтобы послѣдовать ему, надо было выйти изъ Каира, — а генералъ Белльяръ рѣшился остаться въ этой столицѣ Египта, не зная самъ, что онъ тамъ будетъ дѣлать. Левымъ берегомъ Нила Англичане и Турки шли отъ Раманіа къ Каиру; правымъ берегомъ, великій визирь, съ плохимъ восточнымъ войскомъ отъ 25 до 30 тысячъ человекъ, шелъ со стороны Сирія и также приближался къ Каиру белбенскою дорогою. Генералъ Белльяръ, вспомнивъ трофеи Геліополя, вышелъ противъ Турковъ съ 6,000 войска. Турки, на этотъ разъ хорошо управляемые, не хотѣли вступить съ нимъ въ

геліопольскую битву: ихъ надо было настичнуть въ самомъ лагерѣ ихъ въ Белбеяса. Бельяръ боялся, чтобъ въ его отсутствіе Англичане Турки не ворвались въ Каиръ. Такимъ-образомъ, вышедъ изъ Каира зная зачѣмъ, генералъ Бельяръ возвратился туда безъ всякаго результата, между-тѣмъ, какъ народъ смотрѣлъ на него, какъ на побѣжденнаго.

Французская армія, питая отвращеніе къ тѣмъ униженіямъ, на которыя осуждала ее неспособность, бездарность генераловъ, возвратилась къ образу мыслей, бывшему причиною эль-арипской конвенціи. Она утѣшалась въ своихъ несчастіяхъ, мечтая о возвращеніи во Францію. Еслибъ полководецъ рѣшительный и искусный подалъ собою примѣръ, какой данъ былъ въ Генуѣ Массеною, она послѣдовала бы этому примѣру. Но нельзя было ждать ничего подобнаго отъ генерала Бельяра. Онъ предложилъ непріятелю заключить перемиріе на что тотъ и согласился охотно, потому-что Англичане искали званіе блеска, нежели пользы. Генералъ Бельяръ собралъ военный совѣтъ, въ которомъ многіе генералы поражали горькими упреками безумное поведеніе командира каирской дивизіи. Но сражаться теперь было бы жестокостью въ-отношеніи къ арміи. Французы имѣли передъ собою 40,000 непріятелей, не считая снайперовъ, которые, высадившись въ Коссеверъ, шли внизъ по Нилу съ мамелюками, отправившимися отъ дружбы съ Французами по смерти Мурада-Бѣя. А за собою Французы должны были страшаться народонаселенія полуварварскаго, въ 300,000 душъ достигнутаго чумою, угрожаемаго голодомъ и уже готоваго возмутиться. Выдержать приступа было невозможно: надо было сдаться на капитуляцію.

Непріятельскіе генералы съ радостью приняли французскихъ комиссаровъ: такъ еще боялись они, даже и въ эту минуту, перемены счастья. Они согласились на условія самыя выгодныя для французской арміи. Было положено, что она выступитъ изъ Каира со всѣми военными почестями, съ оружіемъ и обозами, съ артиллеріею, лошадыми наконецъ со всѣмъ тѣмъ, что у ней было, что она будетъ перевезена во Францію и содержима во время переезда на-счетъ Англій. Египтяне, которые бы захотѣли послѣдовать за арміею, получили на то позволеніе. Кроме того, они имѣли право продать свои имущества.

Эта капитуляція была подписана 27 іюня 1801 г. и ратификована 28 іюня (8 и 9 мессидора IX года). Гордость старыхъ египетскихъ и итальянскихъ солдатъ страдала жестоко. Они готовились возвратиться во Францію не такъ, какъ возвратились въ 1798 г., послѣ побѣдъ при Кастильйонѣ, Арколѣ и Риволи, гордые своею славою и заслугами, оказавшимися республикѣ: они готовились возвратиться туда побѣжденные, но все же возвращались во Францію, и при этой мысли сердца, изнывавшія въ долговременной разлукѣ съ родиной, наполнялись невольною радостью, которая заставляла ихъ забывать всѣ превратности судьбы. Солдаты были внутренно-довольны, хотя и не сознавались въ томъ; но это довольство видно было на ихъ лицахъ. Одни военачальники были мрачны, домысливая объ осужденіи, которому они подвергнутся за

поступки свои отъ перваго консула. Дешени, посланные за капитуляціею, были исполнены самаго униженнаго душевнаго безпокойства. Для доставленія этихъ депешей выбраны люди, которые, за личныя свои дѣйствія, не могли подвергнуться порицанію: то были инженеръ д'Опуль и директоръ пороховыхъ заводовъ Шампій, бывшіе столь-полезными членами.

Мену былъ запертъ въ Александрію, и, подобно Бельяру, ему осталось только сдаться. Онъ только и могъ теперь сдѣлать. Чума уже поразила нѣсколько жертвъ въ Александрію; не было продовольствія въ-слѣдствіе непростительной ошибки, что не заготовлено запасовъ на случай осады. Множество солдатъ умирало ежедневно отъ цынги.

Несчастный Мену, приведенный такимъ образомъ въ бездѣйствіе, имѣя досугъ подумать о своихъ ошибкахъ, окруженный всеобщимъ негодованіемъ, утѣшался, однакожъ, мыслью о геройскомъ сопротивленіи, подобномъ бывшему при осадѣ, выдержанной Массеною въ Генуѣ. Онъ началъ объ этомъ къ первому консулу и предсказывалъ ему достопамятную оборону. Генералы Дамá и Рэннэ оставались безъ войскъ въ Александрію. Они выражали здѣсь свое неудовольствіе и не умѣли вести себя правильно, даже и въ эти послѣднія минуты. Мену приказалъ арестовать ихъ ночью съ большою гласностью, и потомъ отвезти во Францію. Эта строгость не въ пору произвела немного эффекта. Армія, по своему здравому смыслу, порицала Рэннэ и Дамá, но вовсе не уважала Мену. Единственная пощадá ему со стороны ея состояла въ томъ, что она не питала къ нему ненависти. Холодно выслушивая его прокламаціи, въ которыхъ онъ разглагольствовалъ о рѣшимости своей скорѣе умереть, нежели сдаться, она была готова, еслибъ то было нужно, драться до-нельзя, но ужъ не върнула болѣе въ необходимость этой жертвы. Она хорошо понимала, какое должны были имѣть послѣдствіе происшествія въ Каирѣ, и предвидѣла близкую капитуляцію; въ Александрію, подобно тому, какъ въ Каирѣ, утѣшались въ своихъ бѣдствіяхъ надеждою снова увидѣть вскорѣ Францію.

Съ этого дня, ничѣмъ важнымъ не ознаменовалось болѣе пребываніе Французовъ въ Египтѣ, и экспедиція была нѣкоторымъ образомъ кончена. Эта экспедиція, считавшаяся одними за чудо смѣлости и искусства, почиталась, напротивъ того, другими за блистательную химеру; эти другіе были люди, желавшіе взвѣшивать все на вѣсахъ холоднаго разсудка.

Послѣднее сужденіе, при всемъ кажущемся благоразуміи, въ основаніи мало-разумно и мало-справедливо.

Наполеонъ, въ-продолженіе своей долгой и чудной карьеры, ничево не создалъ въ умѣ своемъ болѣе-великаго и могшаго сдѣлаться болѣе истинно-полезнымъ. Безъ сомнѣнія, если вспомнить, что Французы не удержали за собою ни Рейна, ни Альповъ, то можно сказать, что и Египетъ, еслибъ Франція владѣла имъ и пятнадцать лѣтъ, былъ бы позже отнятъ у нея, какъ отняты и континентальныя ея границы. Но, разсуждая такимъ образомъ, можно бы прійти къ вопросу о томъ, не было ли и самое приобрѣтеніе рейнской линіи безуміемъ и химерою?

Чтобъ обсудить это дѣло здраво, необходимо предположить на время, что эти долги войны консульства и имперіи окончились иначе, нежели какъ онѣ дѣйствительно кончились, и спросить, не было ли бы въ этомъ случаѣ завоеваніе Египта возможнымъ, могло ли оно быть предметомъ желанія Франціи, и не было ли бы для Европы важныхъ послѣдствій? Сдѣлавъ такой вопросъ, нельзя усомниться въ отвѣтъ. Известно, что Англія почти рѣшилась, въ 1801 году, покориться необходимости — уступить Франціи Египетъ, требуя за это вознагражденія. Эти вознагражденія, о которыхъ было сообщено французскому уполномоченному, вовсе не были вѣроятны. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, во время послѣдовавшаго за тѣмъ морскаго мира, о заключеніи котораго мы скажемъ скоро, первый консулъ, предвидя его недолговѣчность, послалъ бы въ устья Нила огромныя пособія въ людяхъ и военныхъ припасахъ, и что армія, отправленная въ Сен-Доминго, куда пошла искать себѣ вознагражденія за потерянный Египетъ, могла бы на долгое время оборонить эту новую французскую колонію въ Африкѣ отъ всякихъ нападѣній. Такой генералъ, какъ Десанъ (Desaix), или Сен-Сиръ, соединяя съ опытностью въ военномъ дѣлѣ искусство администратора, имѣя подъ рукою, кромѣ 22,000 человекъ, оставшихся въ Египтѣ отъ первой экспедиціи, 30,000 человекъ, напрасно погибшихъ на Сен-Доминго, находясь такимъ-образомъ съ 50,000 Французовъ съ огромнымъ количествомъ военныхъ припасовъ въ отменно-здоровомъ климатѣ, на землѣ неистощимо-плодородной, обрабатываемой поселянами, покорными всѣмъ владыкамъ и непривыкшими носить ружья у плуга, — такой генералъ, какъ Десанъ или Сен-Сиръ, смогъ бы съ подобными средствами побѣдоносно защитить Египетъ и основать тамъ превосходную колонію.

Успѣхъ былъ неоспоримо возможенъ. Надо прибавить, что въ борьбѣ на морѣ за выгоды торговли, въ борьбѣ, которую выдерживали другъ противъ друга Франція и Англія, попытка первой изъ нихъ была въ некоторомъ родѣ необходима по силѣ обстоятельствъ. И дѣйствительно, Англія завоевываетъ себѣ материкъ Остидіи и такимъ-образомъ пріобрѣтаетъ первенство на моряхъ Востока. Франція, бывшая доселѣ ея соперницею, могла ли уступить ей безъ спора подобное первенство? Неизбѣжно было, чтобъ она попыталась вступить въ борьбу въ этихъ странахъ Востока, на этомъ обширномъ поприщѣ честолюбивыхъ морскихъ державъ, и чтобъ попыталась сдѣлать здѣсь пріобретеніе которое могло бы уравновѣшивать владычія Англичанъ. На всемъ земномъ шарѣ нельзя было найти страны, которая лучше соответствовала бы этой цѣли, какъ Египетъ. Черезъ него торговля Востока могла бы перейти снова въ Средиземное-Море, которое было тогда въ рукахъ Французовъ; словомъ, онъ стоялъ Индіи, и во всякомъ случаѣ былъ путемъ въ нее. Итакъ, завоеваніе Египта было бы для Франціи неоправданною заслугою. О, еслибъ, въ порывахъ своего безграничнаго воображенія, Наполеонъ не предпринималъ ничего болѣе-дерзновеннаго!

Между-тѣмъ, какъ египетская армія изнемогала, не имѣя искуснаго вожда и не получая помощи, адмиралъ Гантомъ пытался въ трети

разъ выйти изъ Тулона; первый консулъ едва далъ ему время испрavitъ аварію, происшедшія отъ столкновенія двухъ кораблей, и принудилъ его немедленно выйти въ море. Гантомъ получилъ приказаніе, — провзжая мимо Эльбы, произвести демонстрацію на Порто-Феррайо, чтобъ тамъ облегчить занятіе этого острова французскими войсками. Первый консулъ непрямьно хотѣлъ отвоевать этотъ островъ, который, по трактатамъ съ Неаполемъ и Этруріей, былъ уступленъ Франціи, и на которомъ находился небольшой гарнизонъ, вполонину тосканскій, вполонину англійскій. Адмиралъ повиновался: явился передъ Эльбою, бросилъ нѣсколько ядеръ въ Порто-Феррайо, и прошелъ мимо, чтобъ не подвергать себя поврежденіямъ, которыя поставили бы его въ невозможность выполнить свое назначеніе. Еслибъ онъ пошелъ теперь прямо, онъ могъ бы еще быть полезенъ египетской арміи, потому-что, какъ мы видали, позиція въ Раманіо была оставлена только 10 мая (20 флореала). Впрочемъ, не надо было терять ни минуты. Но какая-то неизбежная судьба вмѣшивалась во всѣ дѣйствія адмирала Гантома. Мы видали, какъ, вышедъ счастливо изъ Бреста, еще счастливѣе пошелъ въ Средиземное-Море, онъ вдругъ потерялся, лишился присутствія духа, принялъ четыре корабля за восемь, и вошелъ въ Тулонъ. Мы видели, какъ онъ, оставивъ этотъ портъ въ мартъ мѣсяцъ, ускользнулъ отъ адмирала Варрѣна, прошелъ южную оконечность Сардиніи, и остановился еще разъ, въ-слѣдствіе столкновенія двухъ кораблей. Но это не было предѣломъ его несчастій. Едва удалился онъ отъ Эльбы, заразительная болѣзнь въ сильной степени открылась на эскадрѣ его. Адмиралъ Гантомъ счелъ безразсуднымъ и бесполезнымъ везти съ собою въ Египетъ такое множество больныхъ, и потому рѣшился раздѣлить эскадру. Ввѣривъ контр-адмиралу Линуа начальство надъ тремя кораблями, онъ помѣстилъ на нихъ больныхъ матросовъ и солдатъ, и отправилъ ихъ въ Тулонъ; самъ же продолжалъ плаваніе къ Египту только съ 4 кораблями и 2 фрегатами, на которыхъ находилось всего 2,000 человекъ. Но теперь было поздно, потому-что май былъ въ половинѣ, а въ это время французская армія уже погибла, ибо генералы Белльяръ и Мену были разлучены другъ съ другомъ, въ-слѣдствіе оставленія Раманіо. Адмиралъ Гантомъ не зналъ этого. Ему удалось наконецъ пристать къ африканскому берегу, въ разстояніи нѣсколькихъ переходовъ къ западу отъ Александріи. Французы, высадившіяся на берегъ, были встрѣчены отъ туземцевъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Младшій братъ перваго консула, Иеронимъ Бонапарте, находился посреди этого десантнаго войска. Надо было разрушить стоявшій тутъ городокъ Дерна. Идти къ Александріи, не имѣя ни воды, ни състныхъ припасовъ и сражаясь на каждомъ шагу, было бы безумною и бесполезною отвагою: изъ 2,000 едва-ли бы дошла до конца пути и тысяча. Не стоило губить такого множества храбрыхъ изъ-за такой незначительной помощи. Впрочемъ, происшествіе, которое легко было предвидѣть, покончило всѣ недоумѣнія. Адмиралу показалось, что приближается англійскій флотъ; тутъ уже было не до разсужденій: онъ

обрубилъ канаты, не имѣя времени поднять якорей, поднялъ парусы и не былъ настигнутъ непріателемъ.

Фортуна, которая плохо служила ему, потому-что она помогаетъ только отважнымъ, ввѣряющимся ей, Фортуна послала, однако, ему утѣшеніе. Близъ Кандіа онъ повстрѣчалъ англійскій корабль, взялъ его и вошелъ въ Тулонъ съ этимъ трофеемъ, слабымъ возмездіемъ за столько неудачъ. Первый консулъ, снисходительный къ людямъ, которые перешли съ нимъ большія опасности, благосклонно принялъ это возмездіе и республиковалъ о немъ въ «Монитёръ».

Между-тѣмъ, контр-адмиралъ, Линуа, оставивъ въ Тулонъ привезенныхъ имъ больныхъ матросовъ и солдатъ, немедленно отправился, по приказанію перваго консула, въ Кадиксъ, для соединенія съ эскадрами адмираловъ Дюмануара, Брюи и испанскими кораблями изъ Ферроля. Черезъ это могъ составиться флотъ болѣе нежели въ двадцать кораблей, который назначался для доставленія въ Египетъ огромныхъ пособій. Въ Франціи еще не было извѣстно, что въ Египтъ было все кончено, и что тамъ оставалось защищать только Александрію. Спасти этотъ послѣдній пунктъ не было, впрочемъ, неважнымъ дѣломъ.

Адмиралъ Линуа поспѣшно отправился къ Кадиксу; но свѣдавъ, что англійскій гибралтарскій флотъ крейсируетъ предъ этимъ портомъ, сталъ на якорь въ испанскомъ портѣ Алджезирасъ, находящемся насупротивъ Гибралтара. Близъ Гибралтарскаго-Пролива, гористые берега Испаніи образуютъ губу, вмѣющую видъ лошадиной подковы, которой отверстіе обращено на югъ. На одной изъ сторонъ этой губы находится Алджезирасъ, на другой Гибралтаръ. Въ простую зрительную трубку изъ Алджезираса ясно видно, что дѣлается въ Гибралтарѣ. 6 іюля 1801 года (17 мессидора IX г.), англійскій контр-адмиралъ Сомаресъ пришелъ отъ Кадикса предъ Алджезирасъ.

Битва при Алджезирасъ покрыла славою эскадру адмирала Линуа: здѣсь три французскіе корабля бились съ шестью англійскими и разрушили два изъ нихъ: одинъ изъ этихъ двухъ кораблей остался въ рукахъ Французовъ. Адмиралъ Сомаресъ былъ въ бѣшенствѣ и клялся отмстить Французамъ, лишь-только они выйдутъ изъ Алджезираса.

Французско-испанская эскадра, состоявшая изъ шести кораблей, и трехъ фрегатовъ, соединилась съ эскадрою Линуа: они выступили изъ Алджезираса въ Гибралтарскій-Проливъ. Адмиралъ Сомаресъ пустился за ними въ погоню, съ пятью кораблями и нѣсколькими фрегатами: пожиремый жаждою мести, онъ поставилъ на своихъ корабляхъ печи для раскалыванія ядеръ. Онъ выжидалъ минуты напасть на аррьергардъ.

Въ темную ночь, два испанскіе корабля (составлявшіе вмѣстѣ съ *Св. Антоніемъ*, французскимъ кораблемъ—аррьергардъ), не обознали другъ друга и сдѣялись съ остервенѣніемъ, какъ врагъ съ врагомъ. Въ слѣдствіе ожесточенной взаимной канонады, и тотъ и другой были объаты страшнымъ пламенемъ, озарившимъ море своимъ заревомъ. Въ это время, роковой обманъ разсѣялся, но уже поздно: *Сан-Карлосъ* взлетѣлъ на воздухъ съ ужаснымъ трескомъ. Нѣсколько минутъ спустя, взлетѣлъ на воздухъ и другой корабль *Св. Герменегильда*.

Пользуясь этимъ временемъ, адмиралъ Сомаресъ устремился на корабль *Св. Антоній*, разгромилъ его и увелъ съ собою. Французскіе и испанскіе адмиралы находились, по обычаю испанскаго флота, на одномъ кораблѣ. Они были въ ужасной тревогѣ, не могли за мракомъ ночи ни различить, что происходило на морѣ, ни сдѣлать какія-нибудь распоряженій.

Французская эскадра приближалась къ Кадиксу.

Страшный (le Formidable), адмиральскій корабль Линяу, отогналъ отъ эскадры; его окружили три англійскіе корабли и одинъ фрегатъ; храбрый капитанъ Труль отбился мужественно отъ столь-многочисленныхъ неприятелей и съ торжествомъ вошелъ въ Кадиксъ.

Испанцы дивились по-справедливости этимъ подвигомъ. Но они печальлись о гибели *Сан-Карлоса* и *Св.-Герменгильды*.

Между-тѣмъ, событія въ Португаліи представляли нить утѣшеніе.

Князь-Мира перешелъ границу и сталъ осаждать португальскіе города полевою артиллеріею, за недостаткомъ осадныхъ орудій. Онъ уже успѣлъ овладѣть всею областью Алентехо. Французы еще не переступили португальской границы, и если Испанцы одни могли дойти до ливихъ результатовъ, то было очевидно, что, въ соединеніи съ Французами, они въ несколько дней могли бы овладѣть Лиссабономъ и Эврто. Португальскій дворъ отправилъ своего уполномоченнаго къ Князю-Мира въ Бадахось, съ извѣстіемъ о готовности своей принять какія-либо условія, какія только угодно будетъ соединеннымъ арміямъ. Таковы были событія въ концѣ іюня и началѣ іюля.

Битвы при Алажезирасъ и Кадиксъ, короткая кампанія въ Португаліи вознаграждали некоторымъ образомъ за событія въ Египтѣ. Впрочемъ, въ Европѣ не знали еще ни сраженія при Капоъ, ни уже-подписанной капитуляціи въ Канръ, ни о неизбежности сдачи Александріи на капитуляцію. Въ то время, извѣстія не передавались по морю съ такою быстротою, какъ нынче: надо было по-крайней-мѣрѣ высадить, чтобъ узнать въ Марсели событіе, случившееся на берегахъ Нила. Изъ египетскихъ дѣлъ знали только о высадкѣ Англичанъ и первыхъ стычкахъ на прибрежьи Александріи, и вовсе не ожидая того, что сбылось на самомъ дѣлѣ, были въ сильномъ недоумѣніи насчетъ окончательнаго результата борьбы. Въсь Франція при производившихся переговорахъ ни мало не уменьшился; напротивъ, онъ увеличивался отъ того вліянія, которое день-отодня приобрѣтала Франція въ Европѣ.

Но прежде, нежели пустимся снова въ лабиринтъ этихъ обширныхъ переговоровъ, гдѣ дѣло шло о величайшихъ интересахъ вселенной, можно упомянуть о событіи, занимавшемъ въ это время парижское общество и дополняющее собою чудное зрѣлище, которое представляла тогда Франція, управляемая консулами.

Царскіе инфанты, назначенные царствовать въ Тоскану, покинули Мадридъ въ то время, какъ королевскій дворъ отправился въ Бадахось, и прибыли къ пиренейской границѣ. Первый консулъ почиталъ очень

важнымъ заставить ихъ явиться въ Парижъ прежде, чѣмъ отравитъ во Флоренцію, для принатія новаго этрускаго трона. Вся контрасти правилась живому и сильному воображенію генерала Бонапарте. Онъ любилъ это истинно-римское зрѣлище, зрѣлище короля, созданнаго имъ самимъ, его республиканскими руками; онъ особенно любилъ показывать, что не страшится ни мало присутствія Бурбона, и что его собственная слава ставила его выше всякаго сравненія съ древнею династією, которой мѣсто занималъ онъ. Онъ любилъ также на-показъ свату, выставлать въ этомъ Парижѣ, еще недавно бывшемъ театромъ кровопролитной революціи, великолѣпіе, изящный блескъ, достойные королей. Все это еще болѣе должно было показать, какая важная перемѣна совершилась во Франціи при его благотворномъ правленіи.

Эта предусмотрительная заботливость, внимательная даже къ малѣйшимъ мелочамъ, которую онъ умѣлъ вносить въ важныя военныя соображенія, не была имъ забываема при торжественныхъ церемоніяхъ, въ которыхъ должны были играть роль его особа и его слава. Онъ самъ занимался распорядкомъ малѣйшихъ подробностей, заботился, чтобъ все было на своемъ мѣстѣ, и это было необходимо при совершенно-новомъ общественномъ порядкѣ, созданномъ на развалинахъ разрушеннаго міра.

Три консула долго толковали между собою, какимъ образомъ будутъ приняты во Франціи король и королева этрускіе. Для предупрежденія многихъ затрудненій, было рѣшено, что ихъ примутъ волею вымышленнымъ именемъ графа и графини ливорнскихъ.

Первый консулъ самъ укрощалъ немного-усиленное рвеніе префектовъ и не хотѣлъ, чтобъ изъ этого королевскаго посѣщенія дѣлалось слишкомъ-важное дѣло. Юные вѣнценосцы прибыли въ Парижъ въ іюнь, чтобъ провести тамъ цѣлый мѣсяць. Они должны были помѣститься въ домъ испанскаго посланника. Было условлено, что ихъ величества, предупреждая перваго консула, первые сдѣлаютъ ему визитъ, и что онъ отдастъ имъ этотъ визитъ на другой день. Второй и третій консулы, которые не могли считаться въ той же степени представителями Франціи, должны были первые сдѣлать визитъ инфантамъ. На другой день по пріѣздѣ, графъ и графиня ливорнскіе отправилась въ Мальмезонъ, въ сопровожденіи испанскаго посланника, графа Азары. Первый консулъ принималъ ихъ во главѣ этого совершенно-военнаго двора, который онъ себя создалъ. Графъ ливорнскій, нѣсколько-смущенный его осанкою, съ наивностію бросился въ объятія перваго консула. Бонапарте обращался съ этими юными супругами съ отеческою добротою и нѣжною заботливостію, сквозь которыя промелькивало, однакожъ, все превосходство его могущества, славы и лѣтъ.

Первый консулъ долженъ былъ въ Театръ-Оперы представить графа и графиню ливорнскихъ парижской публикѣ. Въ день, назначенный для этого представленія, онъ былъ нездоровъ. Консулъ Камбасересъ занялъ его мѣсто и повезъ инфантовъ въ Театръ-Оперы. Вошелъ въ консульскую ложу, онъ взялъ графа ливорнскаго за руку и пред-

ставилъ публикъ, которая отвѣчала единодушными рукоплесканіями, но безъ всякаго злобнаго или оскорбительнаго намѣренія. Между-тѣмъ, люди праздные, привыкшіе ломать голову надъ самыми утонченными истолкованіями, по случаю самыхъ обыкновенныхъ происшествій, истолковывали тысячами способами прибытіе въ Парижъ испанскихъ принца и принцессы. Желавшіе только острить, говорили, что консулъ Камбасересъ представляетъ Франціи Бурбоновъ. Роялисты говорили, что генералъ Бонапарте хочетъ такимъ образомъ приготовить возвращеніе старинной династіи. Республиканцы, напротивъ, утверждали, что онъ хотѣлъ этими царственными торжествами приучить Францію къ установленію монархіи, но въ свою собственную пользу.

Министры получили приказаніе давать празднества высокимъ путешественникамъ. Талейранъ не нуждался въ этомъ приказаніи. Образецъ вкуса и изящества во время прежняго правленія, онъ былъ этимъ образцомъ еще болѣе по праву во время новаго порядка вещей; онъ далъ въ іюль Нёльи великолѣпный праздникъ, на который явилось избраннѣйшее французское общество. Ночью, посреди блестящей иллюминаціи, внезапно появился городъ Флоренція, представленный съ изумительнымъ искусствомъ. Тосканскій народъ плясалъ и пѣлъ на знаменитой площади Палаццо-Веккіо и подносилъ цвѣты юнымъ государямъ и триумфальные вѣнки первому консулу. Это великолѣпіе стоило значительныхъ суммъ. То была расточительность директоріи, но соединенная съ изяществомъ другаго времени и съ этимъ благопріятіемъ совершенно-новымъ, которое грозный владыка старался впечатлѣть въ нравы революціонной Франціи. Военный министръ, въ-слѣдъ за министромъ иностранныхъ дѣлъ, далъ военный праздникъ, на которомъ были отпразднована годовщина маренгскаго сраженія. Министръ внутреннихъ дѣлъ, второй и третій консулы также съ великолѣпіемъ приняли къ себѣ высокихъ путешественниковъ, и въ-продолженіе цѣлаго мѣсяца столица не отдыхала отъ непрерывныхъ удовольствій. Первый консулъ не хотѣлъ, однакожь, чтобъ инфанты присутствовали на республиканскихъ торжествахъ іюля, и сдѣлалъ необходимыя распоряженія, чтобъ они оставили Парижъ до наступленія годовщины 14-го іюля.

Посреди этихъ блестящихъ праздниковъ, онъ пытался давать нѣкоторые совѣты царственной четвѣ, готовившейся управлять Тоскою. Но онъ былъ пораженъ неспособностью молодаго принца, который, когда былъ въ Мальмезонѣ, предавался въ адъютантской залѣ забавамъ, приличнымъ только ребенку. Одна принцесса понимала и прілежно вслушивалась совѣты перваго консула. Онъ дѣлалъ неблагоприятныя предсказанія на-счетъ этихъ новыхъ государей, даваемыхъ одной изъ частей Италіи, и хорошо понималъ, что ему часто придется вмѣшиваться въ дѣла ихъ королевства. Генералъ Кларкъ былъ данъ менторомъ этимъ гостямъ подъ титуломъ французскаго министра при особѣ короля этрурскаго.

Посреди этого обширнаго движенія дѣлъ, посреди этихъ праздниковъ, которые и сами почти были дѣломъ, не перерывался ходъ переговоровъ о мирѣ на моряхъ.

Переговоры, начатые въ Лондонѣ между лордомъ Гауксбѣри и французскимъ уполномоченнымъ Отто, сдѣлались публичными. И та и другая сторона желали заключить миръ, ибо первый консулъ предвидѣлъ что-то недоброе отъ событій, происходившихъ на берегахъ Нила, а британское правительство все опасалось неожиданнаго похода со стороны египетской арміи. Новое англійское министерство въ-особенности желало мира, какъ главнѣйшей опоры своего существованія. И дѣйствительно, продолжайся война, тогда весь несравненно-болѣе желали бы видѣть во главѣ правленія Питта, нежели какого-нибудь Аддингтона.

Заключивъ миръ съ Россіею, получивъ первый успѣхъ въ Египтѣ, Англія изъ этого улучшенія своего состоянія хотѣла только извлечь скорѣйшій миръ съ Франціею. Она предлагала ей вывести войска обѣихъ націй изъ Египта и отдать его Портъ.

Англія требовала себя острова Цейлона, какъ необходимаго дополненія къ Индостану, одного изъ острововъ, Тринидада или Мартиники по выбору Франціи, и острова Мальты.

Первый консулъ объявилъ рѣшительно, что Англія должна удовольствоваться однимъ Цейлономъ; что онъ ни за что не уступитъ Мальты, и что Тринидадъ принадлежитъ Испаніи, его союзницѣ, которой выгоднѣе онъ будетъ защищать, какъ свои собственныя.

Къ этимъ дипломатическимъ объясненіямъ онъ присовокупилъ декларацию, обнародованную въ *Монитёръ*, равно какъ и подробное извѣщеніе о вооруженіяхъ, готовившихся на булонскомъ берегу.

Дѣйствительно, въ Булони была собрана значительная флотилія. Первый консулъ еще не рѣшился тогда, — какъ рѣшился позже (*), на высадку въ Англію; онъ хотѣлъ только напугать Англичанъ. Полный довѣренности къ своимъ сотоварищамъ, Камбасересу и Лебрёну, онъ признался имъ, что съ находившимися въ то время въ Булонѣ силами онъ не имѣетъ никакого средства отважиться на высадку — одну изъ труднѣйшихъ военныхъ операцій; что онъ хотѣлъ этимъ дать знать Англіи о чемъ теперь идетъ дѣло, т. е. о прямомъ наступательномъ дѣйствіи, для успѣха котораго онъ, генераль Бонапартъ, не пожалѣетъ рискнуть своею жизнью, своею славою, и что если ему не удастся получить отъ британскаго кабинета удовольренія, то онъ пріиметъ свои мѣры, пополнитъ булонскую флотилію такъ, чтобъ на ней могли помѣститься 100,000 войска, и самъ съѣдетъ на эту флотилію, попытаться счастья въ этой страшной, но рѣшительной операціи.

На англійскомъ берегу также дѣлались приготовленія, чтобъ отразить вторженіе непріятеля.

(*). Должно отличать эту первую попытку, въ 1801 г., отъ большаго предпріятія, завѣстнаго подъ столь-славнымъ названіемъ «булонскаго лагеря» относящагося къ 1804 году.

Все опасались прерванія переговоровъ; первый консулъ не уступалъ ни на шагъ.

Но между-тѣмъ, какъ онъ такъ благородно отстаивалъ испанскія колоніи, Князь-Мира, своими безумными поступками, снялъ съ него обязанность дружбы въ-отношеніи къ Испаніи.

Испанское правительство начало опасаться присутствія въ Испаніи 25,000 французскихъ войскъ. Князь-Мира поспѣшилъ заключить съ Португаліею самый ничтожный миръ. Черезъ это вся кампанія очутилась пустымъ провозженіемъ времени, придуманнымъ для разсѣянія скуки временщика, пресыщеннаго милостями королевы и искавшаго военной славы смѣшными путями, какъ и подобало его безумной легкомысленности.

Князь-Мира внушалъ королевской фамиліи подозрѣнія на счетъ пребыванія Французовъ въ Испаніи. Предполагали со стороны первого консула замыслы, которыхъ у него не было тогда и въ помышленіи, а которые пришли ему въ голову потомъ, послѣ неслыханныхъ событій, которыхъ ни онъ и никто другой не-могъ тогда предвидѣть. Въ эту минуту, онъ хотѣлъ только одного: исторгнуть у Англій однимъ остроумъ больше, — и этотъ островъ былъ испанскій.

Принявъ условія, предложенныя лиссабонскимъ дворомъ, состоявшія единственно въ уступкѣ Olivenсы Испанцамъ, улетѣ двадцати миліонами франковъ Французамъ, и въ исключеніи англійскаго флага изъ портовъ Португаліи, Князь-Мира постарался заготовить двѣ копіи трактата; одну изъ нихъ должна была поднестъ Испанія, другую Франція. Князь-Мира подписалъ копію, назначенную для его двора, въ Бадахосѣ, потому-что все происходило въ этомъ городѣ. Вскорѣ она была ратификована королемою, который находился тутъ же. Люсіанъ подписалъ съ своей стороны копію, назначенную для Франціи, и отправилъ ее на ратификацію къ своему брату.

Первый консулъ получилъ это посланіе въ самый разгаръ лондонскихъ переговоровъ. Легко можно представить себѣ его раздраженіе. Онъ предался сильнѣйшему гнѣву на своего брата Люсіана.

Между-тѣмъ, онъ надѣялся, что этотъ трактатъ еще не былъ ратификованъ. Нарочные курьеры были отправлены въ Бадахосъ объявить, что Франція несогласна на ратификацію, и предупредить ратификацію со стороны Испаніи. Но было уже поздно. Люсіанъ былъ въ сильномъ смущеніи отъ затруднительной, даже унижательной роли, доставшейся ему въ Испаніи вмѣсто блистательной роли, какую онъ надѣялся тамъ разыгрывать. Онъ отвѣтилъ на гнѣвъ брата припадкомъ дурнаго расположенія духа, припадкомъ довольно-часто случавшимся съ нимъ, и отправилъ просьбу объ увольненіи къ министру иностранныхъ дѣлъ. Съ своей стороны, Князь-Мира сдѣлался дерзостно-высокомеренъ; онъ позволилъ себѣ рѣчи, которыя были смѣшны и безумны въ-отношеніи къ такому человѣку, какъ тотъ, кто управлялъ тогда Франціею. Онъ объявлялъ, что переходъ новыхъ французскихъ войскъ черезъ Пириней сочтется нарушеніемъ территорій. Сверхъ-того, онъ потребовалъ

возвращенія испанскаго флота, запертаго въ Брестъ, и немеленнаго ключенія всеобщаго мира, чтобъ прекратить какъ-можно-скорѣе сдѣлавшійся тягостнымъ для мадритскаго двора.

Первый консулъ, раздраженный этимъ въ высочайшей степени, казалъ отвѣчать немедленно, что Французы останутся на полуостровѣ до заключенія особеннаго мира Франціи съ Португаліей; что если этимъ неприличнымъ рѣчамъ осмѣлятся присоединить хоть одинъ пріазненный поступокъ, тогда пробьетъ послѣдній часъ испанской нархіи.

Въ наказаніе Испаніи, первый консулъ рѣшился пожертвовать Англии островомъ Тринидадъ. При всемъ томъ, онъ приказалъ французскому уполномоченному Отто стараться наставлять, чтобъ Англичане извѣстнаго Тринидада, французскій островъ Табаго.

Къ-несчастью, странное поведеніе Кнзя-Мира много ослабило французскаго уполномоченнаго. Вскорѣ прибывшее за тѣмъ извѣстіе о капитуляціи Каира еще болѣе обезсильило его. Между-тѣмъ, сопротивленію Мену въ Александріи еще благопріятствовало притязаніемъ Французской флотиліи должна была принадлежать честь окончить затрудненія этихъ долгихъ переговоровъ.

Въ Англіи, умы не переставали тревожиться отъ приготовленій, делаемыхъ на берегахъ Ла-Манша. Чтобъ разуварить ихъ, англійскіе адмиралтейство вызвало изъ Балтики Нельсона и вручило ему власть надъ флотомъ. Предпримчивый духъ англійскаго моряка возмужалъ надѣяться, что онъ однимъ смѣлымъ ударомъ уничтожитъ французскую флотилію. 4-го августа (16 термидора), Нельсонъ въ-продолженіе шестнадцати часовъ бомбардировалъ французскую флотилію, но и причинилъ ей значительнаго вреда и долженъ былъ съ досадою отступить, поклявшись отмстить чрезъ нѣсколько дней. 16-го августа (3 термидора) онъ, съ болѣе сильными противъ прежняго силами, сдѣлалъ съ французскою флотиліею въ аборажъ. Англичане были прогнаны, потерпѣвъ значительный уронъ. Англія была сильно поражена этими событіями на морѣ.

Наконецъ, первый консулъ поручилъ Отто уступить Тринидадъ. Эта уступка и двѣ булонскія битвы положили конецъ нерѣшимости британскаго кабинета.

Въ-слѣдствіе того, согласились немедленно освѣтить великіе уже полученныя результаты, и отложить до дальнѣйшихъ переговоровъ затрудненія касательно формъ и подробностей. Для этого придумали начертать предварительныя статьи мира, и, въ-слѣдъ за подписаніемъ этихъ предварительныхъ статей, возложить на уполномоченныхъ начертанію окончательнаго трактата. Впрочемъ, первый консулъ назначилъ дипломатамъ опредѣленный срокъ. Теперь былъ сентябрь въ половинѣ (въ исходѣ фривидоръ IX года); срокъ былъ данъ по 2 октября (10 вандемьера X года).

Было положено, что Англія возвратитъ Франціи и ея союзницамъ т. е. Испаніи и Голландіи, всѣ сдѣланныя ею морскія завоеванія,

исключеніемъ острововъ Цейлона и Тринидада, которые были отданы ей окончательно.

И такъ, Англія сохранила за собою свои завоеванія въ Восточной-Индіи; островъ Цейлонъ, отнятый ею у Голландцевъ, необходимое юювленіе къ этому обширному индійскому матеріку; наконецъ, островъ Тринидадъ, взятый ею въ Антильскихъ-Островахъ у Испанцевъ. Она возвратила Капъ, Демерари, Бербису, Ессеквибо, Суринамъ Голландцамъ; Мартинику и Гваделупу Французамъ; Минорку Испанцамъ; Мальту, ордену св. Іоанна-Іерусалимскаго. Англія очистила также Порто-Феррайо, который, вмѣстѣ со всемъ островомъ Эльбою, возвращается Французамъ. Въ вознагражденіе, Французы должны были оставить неаполитанскія владѣнія, т. е. Тарентскій-Заливъ.

Наконецъ, Египетъ былъ оставленъ войсками обѣихъ націй и возвращается Портъ.

Такимъ образомъ, Англія, въ этой десятилѣтней борьбѣ, удержала за собою Индію, не допустивъ Франціи, чрезъ пріобрѣтеніе Египта, уравновѣсить ея вліяніе на Востокъ. Но за то Франція измѣнила въ свою пользу видъ европейскаго материка: она отвоевала себѣ границу Альпю и Рейна, навсегда отдала Австрію отъ своихъ предѣловъ чрезъ пріобрѣтеніе Нидерландовъ, отняла у этой державы вѣчный предметъ ея алчныхъ стремленій, т. е. Италію, которая почти вся перешла подъ владычество Франціи. Она господствовала теперь въ Швейцаріи, Голландіи, Испаніи и Италіи.

Вотъ чѣмъ пожертвовала Англія, подписавъ предварительныя статьи лондонскаго трактата, за цѣну, правда, индійскаго материка. Франція могла согласиться на это. Вся союзныя съ нею державы возвратили себѣ почти все, потерянное ими въ-слѣдствіе войны.

Таковы были результаты этого мира, славнѣйшаго, можетъ-быть, изъ всѣхъ, какіе когда-нибудь заключала Франція. Весьма-естественно, что французскій уполномоченный съ нетерпѣніемъ жаждалъ окончить это дело. Наступило уже 30 сентября, а еще встрѣтились нѣкоторые недоразумѣнія по редакціи трактата. Наконецъ, 1 октября вечеромъ, наканунѣ роковаго срока, назначеннаго первымъ консуломъ, Отто съ радостью подписался подъ предварительными статьями мира; радость его была велика, безпримѣрна, потому-что никогда ни одинъ уполномоченный не утверждалъ своею подписью столько величія за своимъ отечествомъ.

Вѣсть объ этомъ событіи пришла въ Мальмезонъ 3 октября. Въ то время, трое консуловъ присутствовали въ правительственномъ совѣтѣ. По вскрытіи депешей, бросили занятія, стали обниматься. Первый консулъ, охотно оставлявшій всякое притворство съ лицами доверенными, обнаружилъ чувствованія, которыми былъ исполненъ. Столько результатовъ, полученныхъ въ столь короткое время, — порядокъ, победа, миръ, лавныя Франціи егѣ гениемъ и упорнымъ трудомъ въ два года, — вотъ подвиги, которыми онъ могъ по справедливости гордиться и быть счастливымъ!

Это известіе тотчасъ было отправлено въ Парижъ для обнародованія. Къ вечеру, пушечные выстрѣлы возвѣстили народу о радостномъ событіи; предварительныя статьи мира были оглашены во всеуслышаніе на всѣхъ площадяхъ, на всѣхъ театрахъ. Восторгъ Французовъ былъ понятенъ, потому-что миръ съ Англіею былъ настоящимъ всеобщимъ миромъ; онъ упрочивалъ спокойствіе материка, уничтожалъ поводъ къ европейскимъ коалиціямъ и открывалъ цѣлый міръ для торговли и промышленности Франціи.

Первый консулъ немедленно ратификовалъ предварительный трактатъ, и отправилъ своего адъютанта Лористона въ Лондонъ съ этою ратификаціею. Въ Англіи восторгъ доходилъ до неистовства. Воображала себя, что всѣ бѣдствія голода, дороговизны, кончатся разомъ. Мечтали о благахъ невѣдомыхъ, несбыточныхъ. Бываютъ дни, когда народы, подобно отдельнымъ людямъ, утомленные взаимною ненавистью, чувствуютъ нужду, хоть во мгновениномъ, хоть въ обманчивомъ примиреніи. Въ эту минуту, къ несчастію, столь быстротечную, англійскій народъ почти любилъ Францію; онъ обожалъ героя, мудреца, ея правившаго; онъ кричалъ съ восторгомъ: *да здравствуетъ Бонапарте!*

Такова человѣческая радость: она бываетъ жива, глубока только подъ условіемъ невѣднія будущаго. Благодарность премудрости Провидѣнія, неоткрытаго людямъ книги судьбы! Какой бы ужасъ оледенѣлъ сердца всѣхъ, еслибъ вдругъ спалъ покровъ, скрывавшій будущее, и Англичане и Французы могли бы увидѣть передъ собою пятнадцать лѣтъ лютой ненависти, ожесточенной брани, материкъ и моря, обогрѣныя кровью обонкъ народовъ! И Франція... какъ бы омутилась она, еслибъ въ то время, какъ она считала себя великою, великою павала, еслибъ тогда увидѣла она, на одной изъ страницъ этой страшнѣйшей книги судьбы, трактаты 1815 года! И этотъ герой, побѣдоносный и мудрый, который управлялъ ею, какъ былъ бы онъ изумленъ, праведенъ въ ужасъ, еслибъ, посреди своихъ славнѣйшихъ подвиговъ, могъ увидѣть свои огромныя ошибки; еслибъ, посреди своего чистѣйшаго благополучія, онъ увидѣлъ свое страшное паденіе, свое мученичество! О! по-истинѣ, Провидѣніе, по глубинѣ премудрости своихъ предначертаній, во благо открыло человѣку только настоящее; этого довольно для его слабаго сердца! И мы нынѣ, зная все, и что происходило тогда и что совершилось въ послѣдствіи, постараемся забыть на минуту, чтобъ понять, чтобъ раздѣлить эти живыя, глубокія ощущенія.

Полковникъ Лористонъ прибылъ въ Лондонъ, въ отель французскаго уполномоченнаго, Отто. Въѣхавъ съ нимъ онъ садится въ карету, чтобъ ѣхать къ Лорду Гауксбѣри для обмена ратификацій. Народъ выпрагаетъ лошадей и съ радостными кликами везетъ на себя карету къ лорду Гауксбѣри, а оттуда къ первому министру Аддингтону, и наконецъ въ адмиралтейство къ лорду Сен-Винсенту. Эта конвульсивная радость продолжалась нѣсколько дней.

Фактъ достойный примѣчанія, что, нѣсколько часовъ спустя послѣ подписанія предварительныхъ статей, прибылъ изъ Египта курьеръ, привезшій извѣстіе о сдачѣ Александріи, случившейся 30 августа 1801 г. (12 Фруктидора). «Этотъ курьеръ», сказалъ лордъ Гауксбери французскому уполномоченному Отто: «прибылъ къ намъ восемь часовъ спустя послѣ подписанія трактата: тѣмъ лучше! еслибъ онъ прибылъ ранее, мы общественнымъ мнѣніемъ были бы принуждены имѣть большія притязанія, и переговоры были бы безъ сомнѣнія прерваны. Лучше миръ, нежели однимъ островомъ больше или меньше». Этотъ министръ, честный человекъ, говорилъ правду. Но это обстоятельство служитъ доказательствомъ, что сопротивление Александріи было полезно, и что всегда, даже въ отчаянномъ случаѣ, должно внимать голосу чести, который заставляетъ сопротивляться до послѣдней крайности.

Было положено, что уполномоченные съѣдутся въ городѣ Амьенѣ, пункта, находящемся между Лондономъ и Парижемъ, для начертанія тѣмъ окончательнаго трактата. Британскій кабинетъ съ своей стороны избралъ для этого дѣла стараго и почтеннаго моряка, лорда Корнуоллиса. Въ его лицѣ оказана была блистательная и заслуженная почеть «лоту», который, въ этой борьбѣ, доставилъ Англій славу. Лордъ Корнуоллисъ долженъ былъ прежде явиться въ Парижъ, чтобъ привѣтствовать перваго консула, и оттуда уже отправиться на мѣсто переговоровъ.

Первый консулъ, съ своей стороны, избралъ брата своего Юсефа, котораго любилъ больше прочихъ, и который по пріятной своей наружности и по кротости характера былъ особенно способенъ разыгрывать роль примирителя, которая и была обыкновенно ему предоставляема.

Немедленно за тѣмъ были заключены переговоры о мирѣ, начатые съ различными государствами, и еще доселѣ небывшіе конченными. Первый консулъ владелъ искусствомъ производить сильныя эффекты на воображеніе людей, потому-что самъ имѣлъ сильное воображеніе. Онъ на-скоро рѣшилъ весь недоразумѣнія, затрудненія со всеми дворами, и хотѣлъ осыпать Францію всевозможными пріятными для нея событіями, однимъ въ-слѣдъ за другимъ, и привести ее въ восторгъ, именемъ самыми небывалыми результатами.

Люсианъ Бонапарте былъ уполномоченъ заключить въ Мадридѣ миръ съ Португалією. Франція была вознаграждена за военныя издержки и приобрѣла въ-которыя выгоды для своей торговли и промышленности. Условно было запереть португальскіе порты для военныхъ купеческихъ кораблей Англій, до заключенія мира.

Оставленіе Французами Египта оканчивало весь недоразумѣнія съ Оттоманскою-Портою. Галейранъ заключилъ съ посломъ турецкаго султана предварительныя статьи мира, по которымъ Египетъ долженъ былъ

быть возвращены Порту и восстановлены старинныя сношенія Франціи съ этою державою; равнымъ образомъ, должны были воспріять свою силу предшествовавшіе трактаты касательно торговли и мореплаванія.

Подобныя договоры были заключены съ Тунисомъ и Алжиромъ.

Въ-слѣдъ за тѣмъ заключенъ миръ съ Баваріею, который былъ столящимъ возобновленіемъ трактатовъ вестфальскаго и тѣшенскаго.

Наконецъ, въ довершеніе дѣла этого всеобщаго примиренія, трактатъ между Россіею и Франціею былъ заключенъ въ Парижѣ русскимъ посломъ, графомъ Марковымъ, и Талейраномъ. Франція уже оставила Египетъ; императоръ Александръ, по договору, заключенному въ Санктпетербургѣ съ Англіею (5 іюня 1801 г.), отказался отъ Мальты, не правя санъ великаго-магистра; оставленіе Французами тарентскаго рейда обезопасило Неаполитанское-Королевство; по вновь-заключенному трактату, Франція обязалась вознаградить сардинскаго короля за Пьемонтъ и, въ согласіи съ Россіею, устроить дѣла Германіи и Италіи.

Эти различныя трактаты, которые пополняли собою всеобщее замѣненіе, были подписаны почти въ одно время съ лондонскими предварительными статьями. Французы были въ восторгѣ; было рѣшено большимъ торжествомъ отпраздновать всеобщій миръ. Торжество было назначено 18 брюмера. Нельзя было лучше выбрать дня, потому—что вся эти славныя результаты слѣдовало приписать революціи 18 брюмера. На этомъ празднествѣ долженъ былъ присутствовать и лордъ Корнуаллисъ. Онъ прибылъ въ Парижъ 16 брюмера (7 ноября) съ множествомъ своихъ соотечественниковъ. 18 брюмера Парижъ былъ наполненъ Англичанами, которые негерпѣливо желали увидѣть эту обновленную Францію, вдругъ сдѣлавшуюся столь блестящею, особенно же увидѣть человека, бывшаго въ эту минуту удивленіемъ Англіи и всего свѣта. Знаменитый Фоксъ былъ въ числѣ Англичанъ, давно уже желавшихъ посѣтить Францію. Въ этотъ день, запрещено было ѣздить въ экипажахъ. Исключеніе было сдѣлано для одного лорда Корнуаллиса. Толпы народа съ уваженіемъ разступались предъ этимъ почтеннымъ представителемъ англійскихъ войскъ, готовившемся заключить миръ между двумя могущественными націями. Онъ былъ изумленъ, нашедъ эту Францію столь несходною съ тѣми отвратительными картинами, какія писали въ Лондонѣ эмигранты. Вся его соотечественники раздѣляли то же чувствованіе и выражали его съ самымъ восторгомъ.

Во время этого парижскаго празднества, роскошный пиръ данъ былъ въ лондонскомъ сити, на которомъ, посреди живѣйшихъ восклицаній, были провозглашены слѣдующіе тосты:

За здравіе короля Великобританіи!

За здравіе принца валлійскаго!

За свободу, благоденствіе соединенныхъ королевствъ Великобританіи и Ирландіи! •

За здравіе перваго консула Бонапарте, за свободу и счастье Французской Республіки!

Шумныя и единодушныя восклицанія сопровождали этотъ послѣдній тостъ.

Итакъ, Франція заключила миръ почти со всеми державами вселенной. Оставалось заключить еще одинъ миръ, болѣе-трудный, можетъ-быть, нежели предшествовавшіе, потому-что онъ требовалъ совершенно-новаго генія, а не генія битвъ, и этого мира очень желали, ибо онъ долженъ былъ дать успокоеніе душамъ гражданъ, поселить единство въ семействахъ: чо былъ миръ республики съ церковью. Теперь время приступить къ разсказу объ этомъ событіи.

Первый консулъ желалъ, чтобъ въ день годовщины 18 брюмера, въ который назначено было праздновать примиреніе Франціи съ Европою, могло быть отпраздновано и примиреніе Франціи съ церковью. Онъ употребилъ всевозможныя успія, чтобъ переговоры съ римскимъ дворомъ были окончены во-время, и чтобъ религіозныя церемоніи присоединились къ этимъ народнымъ празднествамъ.

Революція въ-отношеніи къ религіи очевидно переступила предѣлы справедливости и разума. Первый консулъ приступилъ съ мудростью и искусствомъ къ перестройкѣ тогдашняго порядка вещей.

Человѣкъ имѣетъ живую потребность въ религіозномъ вѣрованіи. Всюду и всегда, въ древности, какъ и въ новѣйшія времена, въ странахъ образованныхъ, какъ и въ странахъ дикихъ, находимъ его при подножій алтарей. Во Франціи, въ девяносто-третьемъ году, человѣкъ отрекся отъ древней религіи своихъ предковъ, и, давъ обѣтъ ничему не вѣрить, нѣсколько дней спустя, уличилъ себя во лжи, и безумное служеніе Богини-Разума, отправляемое близъ эшафота, доказало, что этотъ обѣтъ былъ такъ же суетенъ, какъ и нечестивъ.

Возстановить во Франціи католическую вѣру, вѣру Лудовика-Святого, Карла-Великаго и Кловиса, могъ только человѣкъ, покрытый такою славою, какъ генералъ Бонапартъ. Желая утвердить порядокъ въ государствѣ и семействахъ и удовлетворить нравственной потребности души, онъ рѣшился водворить католическую религію по-прежнему, за исключеніемъ политическихъ правъ, которыя онъ считалъ несовмѣстимыи съ настоящимъ состояніемъ французскаго общества.

При побужденіяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя руководили имъ, нужно ли развѣскивать, дѣйствовалъ ли онъ по внушенію религіознаго убѣжденія, или только изъ политическихъ видовъ и по честолюбію? Онъ дѣйствовалъ по мудрости, т. е. въ-слѣдствіе глубокаго познанія человеческой природы, — и этого довольно. Остальное остается тайною, въ которую можетъ стараться проникнуть любопытство, всегда естественное, когда дѣло идетъ о великомъ человѣкѣ, но которая не имѣетъ большой важности. Однакожъ, въ этомъ отношеніи должно сказать, что мораль-

ное настроеніе генерала Бонапарте располагало его къ идеямъ религіознымъ. Высокій умъ болѣе поражается, соразмѣрно высокой своей природѣ, красотами мірозданія. Только разумнѣе открываетъ разумъ въ порядкѣ природы, и великій человекъ способнѣе всякаго другаго прозрѣть Бога въ его твореніяхъ. Генераль Бонапарте охотно вступалъ въ пренія о вопросахъ философскихъ и религіозныхъ съ Монжемъ, Лагранжемъ, Лапласомъ, учеными, которыхъ уважалъ и любилъ, и часто приводилъ въ смущеніе, въ ихъ, невѣрующихъ, опредѣлительностью и оригинальною силою своихъ доказательствъ. Къ этому надо еще присовокупить, что онъ былъ возвращенъ въ странъ дикой и религіозной, на глазахъ набожной матери, и видъ стариннаго католическаго алтаря возбуждалъ въ немъ воспоминавія дѣтства, всегда столь сильно-дѣйствующія на чувствительное и сильное воображеніе. Что до честолюбія, котораго некоторые клеветники выставляли единственною пружиною его поступковъ въ этомъ случаѣ, онъ не имѣлъ тогда инаго, кромѣ желанія дѣлать добро во всемъ; безъ сомнѣнія, должно простить ему, если онъ видѣлъ передъ собою увеличеніе власти, какъ возмездіе за благо, которое хотѣлъ совершить.

Подвигъ, предпринятый имъ; легкій по-видимому, потому-что дѣло шло объ удовлетвореніи слишкомъ-дѣйствительной общественной потребности, былъ, однакожь, очень-труденъ. Люди, окружавшіе его, были почти всѣ безъ исключенія мало расположены къ возстановленію древняго богослуженія; и эти люди, гражданскіе сановники, полководцы, литераторы и ученые, были творцы французской революціи, съ которыми онъ долженъ былъ закончить ея дѣло, загладивъ ея ошибки и освѣтивъ окончательно ея разумные и законные результаты. Ученые, какъ, наприм., Лапласъ, Лагранжъ, и особенно Монжъ, говорили первому консулу, что онъ увязать передъ Римомъ достоинство своего правленія и своего вѣка. Рёдереръ, самый жаркій монархистъ того времени, тотъ, который хотѣлъ какъ-можно-скорѣйшаго и какъ-можно-полнѣйшаго возвращенія къ монархіи, неохотно смотрѣлъ на это предложеніе возстановить древнее богослуженіе. И самый Талейранъ, такъ сильно-жаждавшій сблизить настоящее съ прошедшимъ, и Францію съ Европою, хотѣлъ только, чтобы прекращено было преслѣдованіе священниковъ; но вовсе не желалъ возстановленія католической церкви, съ ея правилами и ея дисциплиною. Противъ этой мѣры были также и товарищи по оружію генерала Бонапарте, генералы, сражавшіеся подъ его начальствомъ, невмѣвшіе по-большой-части первоначальнаго основательнаго воспитанія, болящіеся, не смотря на свою славу, сдѣлаться смѣшными. Наконецъ, братья генерала Бонапарте, жившіе въ большой дружбѣ съ книжными людьми того времени, напитанные сочиненіями послѣдняго вѣка, и неподозрѣвавшіе дѣйствительной потребности, почувствованной уже народными массами, сильно отсовѣтовывали ему это дѣло, на которое они смотрѣли какъ на безразсудную и преждевременную реакцію.

Итакъ, первый консулъ былъ осаждаемъ совѣтами всевозможныхъ родовъ. Одни говорили ему, чтобъ онъ не вмѣшивался въ дѣла религіозныя, ограничился только прекращеніемъ преслѣдованія священниковъ, и предоставилъ присяжнымъ (*assermentés*) и неприсяжнымъ (*non-assermentés*) вѣдаться другъ съ другомъ, какъ имъ угодно. Другіе, признавая опасность, могущую произойти отъ равнодушія и бездѣйствія, совѣтовали ему воспользоваться представляющимся случаемъ и сдѣлаться немедленно главою французской церкви, не оставляя бже въ рукахъ чуждой власти великой власти религіи. Третьи, наконецъ, предлагали ему ввести во Францію протестантство, и говорили, что стоило только ему-самому сдѣлаться протестантомъ, и всѣ съ потою послѣдуютъ его примѣру.

Первый консулъ противился всѣми силами и ума своего и краснорѣчія этимъ пошлымъ совѣтамъ. Онъ составилъ себѣ религіозную бібліотеку изъ немногихъ, но самыхъ избранныхъ книгъ, относившихся во-большой-части къ исторіи церкви и въ-особенности къ отношеніямъ церкви къ государству; онъ приказалъ перевести для себя латинскія сочиненія Боссюэта по этому предмету, пожиралъ все это въ короткія минуты, оставшіяся ему отъ государственныхъ дѣлъ, и, дополнивъ своимъ геніемъ то, чего не зналъ, онъ, подобно тому, какъ и при составленіи гражданскаго кодекса, изумлялъ всѣхъ вѣрностью, обширностью, разнообразіемъ своихъ знаній въ исторіи церкви. По своему обыкновенію, когда какая-нибудь мысль сильно занимала его, онъ говорилъ о ней ежедневно съ своими товарищами, съ министрами, членами государственнаго совѣта или законодательнаго сословія, наконецъ со всѣми, чьимъ мнѣніемъ дорожилъ. Онъ опровергъ одну н-сладъ за другою предлагаемыя ему ошибочныя системы, и опровергъ ихъ доводами точными, опредѣлительными.

Первый консулъ составилъ проектъ примиренія Французской Республики съ римскою церковью, поставивъ въ основаніе договора съ римскимъ дворомъ начала, положенныя самою революціею. Новое духовенство не должно было быть политическою властью, не должно было имѣть собственности: оно должно было заниматься только отправленіемъ богослуженія, получало отъ правительства содержаніе, было назначаемо имъ, утверждаемо папою. Предназначалось основать шестьдесятъ епарцій, вмѣсто прежнихъ ста-пятидесяти-восьми. Духовное вѣдомство въ политическомъ отношеніи подлежало гражданской власти; право суда надъ духовенствомъ предоставлялось государственному совѣту, вмѣсто уничтоженныхъ парламентовъ. Таковъ былъ планъ перваго консула. Это была гражданская конституція, утвержденная въ 1790 году, съ тѣми видоизмѣненіями, которыя могли склонить римскій дворъ принять эту реформу.

При выполненіи этого плана надо было заняться устройеніемъ перехода отъ настоящаго порядка къ будущему, который хотѣли основать.

Какъ поступить относительно уже существующихъ духовныхъ властей? Какъ уладиться съ этими духовными всевозможныхъ родовъ, епископами, или простыми священниками, изъ которыхъ одни *присяжные* и преданные делу революціи, отправлявшіе въ церквахъ богослуженіе всенародно; другіе *неприсяжные*, эмигранты, или возвратившіеся на родину тайно, отправлявшіе свои требы, и по-большой-части враждебные правительству? Генераль Бонапартъ придумалъ систему, принятіе которой встрѣтило въ Римѣ сильное затрудненіе, ибо, въ-теченіе восьмидесяти лѣтъ, церковь никогда не дѣлала того, что ей теперь предлагалось. По этой системѣ, должно было уничтожить всѣ существующія епархіи. Для этого надо было, чтобы папа потребовалъ отъ всѣхъ духовныхъ властей ихъ отреченія отъ должностей своихъ. Еслибъ они отказались выполнить это требованіе, онъ самъ низложилъ бы ихъ; а тогда должно было приступить къ раздѣленію Франціи на шестьдесятъ новыхъ епархій, изъ которыхъ сорокъ-пять епископствъ и пятнадцать архіепископствъ. Для замѣщенія ихъ, первый консуль долженъ былъ назначить шестьдесятъ прелатовъ, взятыхъ безъ различія изъ числа присяжныхъ и неприсяжныхъ, но болѣе изъ числа послѣднихъ, которые были многочисленнѣе и находились въ болѣе-уваженіи у христіанъ. Эти прелаты, назначенные первымъ консуломъ, должны были быть утверждены папою и немедленно вступить въ отправленіе своихъ должностей, подѣ наблюденіемъ гражданской власти и государственнаго совѣта.

Содержаніе, соответственное ихъ пуждамъ, должно было быть определено имъ по бюджету государства. Но за то папа обязанъ былъ признать законнымъ отчужденіе церковныхъ имуществъ; запретить всякія завыщанія въ пользу священниковъ, примирить съ Римомъ духовныхъ, вступившихъ въ бракъ; словомъ, способствовать правительству положить конецъ всемъ бѣдствіямъ того времени.

Этотъ планъ былъ полонъ, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ подробностей, превосходитъ для настоящаго и для будущаго. Первый консуль отставалъ свой планъ съ непобѣдимую твердостью и терпѣніемъ, въ-продолженіе одной изъ самыхъ продолжительныхъ и самыхъ трудныхъ негодіацій, какія только извѣстны въ исторіи церкви. Никогда святская и духовная власти не встрѣчались въ болѣе-важныхъ обстоятельствахъ, никогда не имѣли она болѣе-достоинныхъ представителей.

Этотъ молодой человекъ, столь разумный, имѣвшій столь далекіе виды, но столь пылкій въ своихъ стремленіяхъ, этотъ молодой человекъ, управлявшій тогда Франціею, былъ, по волю Провидѣнія, поставленъ на сценѣ міра предѣ лицо первосвященника, исполненнаго радкой добродѣтели, одареннаго привлекательною наружностью и ангельскимъ характеромъ, но способнаго скорѣе пріять мученичество, нежели допустить посягательство на интересы веры или римскаго двора. Его лицо, живое и кроткое вмѣстѣ, ясно выражало нѣсколько-восторженную чувствительность

души его. Имъя около шестидесяти лѣтъ, слабый здоровьемъ, хотя онъ жилъ в долго, всегда съ склоненною головою, съ взглядомъ острымъ и пронизательнымъ, съ рѣчью трогательною и пріятною, онъ былъ достойнымъ представителемъ не той властительной религіи, которая, при Григоріи VII, господствовала и была достойна этого господствованія надъ варварскою Европою, но той преслѣдуемой религіи, которая, не имѣя въ рукахъ своихъ громовъ церкви, не могла дѣйствовать на людей вною силою, кромѣ силы кроткаго убѣжденія.

Тайное влеченіе привязывало его къ генералу Бонапарте. Они встрѣтились другъ съ другомъ, какъ мы уже сказали выше, во время итальянскихъ войнъ, и, вмѣсто этихъ неустовыхъ вонтедей, изрыгнутыхъ французскою революціею, которыхъ описывали въ Европѣ осквернительными алтарей, убійцами священниковъ-эмигрантовъ, Пій VII, бывший тогда нмольскимъ епископомъ, встрѣтилъ молодаго чловька — итальянаго, говорившаго, какъ и онъ самъ, по-итальянски, обнаруживавшаго самыя умѣренныя чувствованія, поддерживавшаго порядокъ, заставлявшаго чествовать алтари. Впечатлѣніе, произведенное этими первыми каменными отношеніями, никогда не изгладилось изъ сердца первосвященника и имѣло вліяніе на всѣ поступки его относительно генерала, сдѣлавшагося консуломъ и императоромъ: поразительное доказательство, что во всѣхъ дѣлахъ, ничтожныхъ и важныхъ, добро никогда не пропадаеть. Дѣйствительно, позже, когда конклавъ собрался въ Венеціи, для избранія пресмика Пію VI, скончавшемуся пльвникомъ въ Валансъ, воспоминаніе о первыхъ дѣйствіяхъ генерала итальянской арміи имѣло вліяніе на избраніе новаго папы.

По просьбѣ перваго консула, папа отправилъ въ Парижъ монсиньора Спінну, генуэзскаго священника, хитраго лицемеря, алчнаго, чтобъ договориться о дѣлахъ какъ политическихъ, такъ и религіозныхъ. Сначала, монсиньоръ Спінна не принялъ никакого оффиціального титула: до такой степени римскій первосвященникъ, не смотря на свою склонность къ генералу Бонапарте, боялся сдѣлать гласными свои сношенія съ Французскою-Республикою. Но вскорѣ, вида прибытіе въ Парижъ, вслѣдъ за находившимся уже тамъ прусскимъ и испанскимъ министрами, уполномоченныхъ всѣхъ европейскихъ дворовъ, папа пересталъ колебаться, и дозволилъ монсиньору Спіннѣ принять оффиціальный характеръ, и обнаружить цѣль своего посольства.

Для веденія переговоровъ съ монсиньоромъ Спінною, первый консулъ избралъ, какъ мы уже говорили, извѣстнаго аббата Бернью, примирителя Ванден. Монсиньоръ Спінна, выслушавъ условія, предложенныя первымъ консуломъ, называлъ ихъ чрезмѣрными, противными вѣрѣ, и утверждалъ, что римскій первосвященникъ никогда не рѣшится согласиться на нихъ.

По приказанію перваго консула, начертанъ былъ проектъ конкордата, который и былъ отправленъ въ Римъ, такъ-какъ монсиньоръ Спінна, хотя имѣвшій всѣ полномочія, отказался подписать его, ссылаясь на

то, что въ дѣлѣ религіи только самъ папа, окруженный кардиналами, можетъ принять трактатъ.

Передъ отсылкою въ Римъ проекта конкордата, первый консулъ отправилъ въ Италію благочестивый даръ, знаменитое деревянное ивмліе Богородицы изъ Церкви-Лореттской-Божьей-Матери, похищенное во время директоріи изъ самой Лоретты и хранившееся въ Парижѣ въ Національной Библіотекѣ.

Папа принималъ конкордатъ лучше, нежели ожидали. Этотъ достойный первосвященникъ думалъ, что при некоторыхъ измѣненіяхъ въ редакціи, онъ сможетъ уловетворить перваго консула, что считалъ очень-важнымъ, потому-что возстановленіе религіи во Франціи было въ его глазахъ самымъ главнымъ, самымъ существеннымъ изъ всѣхъ дѣлъ церквей.

Вскорѣ римскій дворъ отправилъ къ первому консулу контр-проектъ конкордата, по которому религія должна была быть объявлена религіею государства (*religion de l'État*). Впрочемъ римскій проектъ былъ почти во всемъ сходенъ съ французскимъ. Важнѣйшимъ изъ затрудненій было изложеніе старыхъ епископовъ, которые отказались бы сами просить объ увольненіи себя.

Но между-тѣмъ, какъ въ Римѣ проходило такъ много времени, то во взаимныхъ переговорахъ между кардиналами, то въ переговорахъ между кардиналомъ Консальви, государственнымъ секретаремъ, и Какѣ (*Casault*), французскимъ посланникомъ при римскомъ дворѣ, — первый консулъ терялъ всякое терпѣніе. Онъ началъ опасаться, чтобъ римскій дворъ не затѣялъ интригъ или съ эмигрантами, или съ иностранными дворами, а особенно съ Австріею. Къ его природной недоувѣрчивости присоединились внушенія враговъ религіи, старавшихся уверить, что его обманываютъ, и что онъ, столь проникательный, столь искусный будетъ проведенъ хитрыми Итальянцами. Онъ мало былъ расположенъ вѣрить, чтобъ кто-нибудь былъ хитрее его, однако захотѣлъ бросить лотъ въ то море, которое всѣ считали очень-глубокимъ, и въ тотъ самый день, какъ курьеръ, везшій папскія депеши, выѣзжалъ изъ Рима, онъ позвалъ къ себѣ, въ Мальмезонъ, аббата Бернье, монсеньора Спину и Талеярана, и объявилъ, что не имѣетъ болѣе довѣренности къ римскому дворѣ, что обойдется и безъ него. Впрочемъ, онъ прибавлялъ, что, по-прежнему, уважаетъ папу, и приписывалъ всю эту медлительность кардиналу Консальви и окружавшимъ первосвященника.

Первый консулъ достигъ своей цѣли, потому-что несчастный Спина оставилъ Мальмезонъ въ настоящемъ помѣшательствѣ и поспѣшилъ въ Парижъ, чтобъ отправить своему дворѣ депеши, исполненныя ослѣдшаго имъ самымъ ужаса.

Талеяранъ, съ своей стороны, писалъ Какѣ депешу, сообразную съ разговоромъ въ Мальмезонѣ.

Какѣ получалъ приказаніе черезъ пять дней выѣхать изъ Рима во Флоренцію, если проектъ конкордата не будетъ немедленно утвержденъ, или будетъ утвержденъ съ измѣненіями.

Папа былъ очень опечаленъ извѣстіемъ о такомъ провѣдѣніи. Кардиналъ Консалви, въ особенности, видя себя ясно-обозначеннымъ въ дѣлахъ перваго консула, виновникомъ всѣхъ проволочекъ, едва не умеръ отъ страха. Впрочемъ, онъ мало былъ виноватъ въ этомъ случаѣ, и вся медлительность происходила отъ обветшалыхъ формъ канцеляріи, старѣйшей въ свѣтъ. Какъ предложилъ панъ и кардиналу Консалви мысль, которая сначала ихъ удивила и привела въ смущеніе, но которая потомъ показала имъ единственнымъ путемъ спасенія. «Вы не топите» говорилъ онъ: «утвердить конкордаты, присланный изъ Парижа, во всѣхъ его выраженіяхъ; ну! пусть самъ кардиналъ отправится во Францію, облеченный отъ васъ полномочіемъ. Онъ дастъ первому консулу узнать себя, внушить ему къ себѣ довѣріе, и чрезъ то добьется до необходимыхъ измѣненій въ редакціи. Онъ отстранитъ своимъ присутствіемъ потерю времени, которая въ особенности неприпѣва для нетерпѣливаго характера главы нашего управленія».

Эта неумолимая партія, составленная не только изъ эмигрантовъ, но изъ всѣхъ людей, ненавидѣвшихъ въ Европѣ французскую революцію, та партія, которая желала бы вѣчной войны съ Франціею, которая со скорбію видѣла окончаніе гражданской войны въ Вандеѣ и съ меньшею скорбію приближавшійся конецъ раскола, осаждала Римъ письмами, распускала по немъ равныя вѣсти, покрывала его статьи пасквилами. Въ одномъ изъ этихъ пасквиловъ, на-примѣръ, говорилось, что Пій VI для спасенія взры лишился престола, а Пій VII изъ удержанія за собою престола, губить взру (*). Впрочемъ, ничто не могло поколебать первосвященника въ его рѣшительности спасти церковь. Кардиналъ Консалви былъ его повѣреннымъ, другомъ; растаться съ нимъ было для него очень-трудно. Кардиналъ, въ свою очередь, ужасался мысли—идти въ Парижъ, въ эту революціонную пучину, похвалю, какъ говорила ему, такъ много жертвъ. Онъ трепеталъ при одной мысли явиться предъ этого страшнаго генерала, бывшаго въ одно и то же время предметомъ удивленія и страха, и котораго монсеньоръ Спінна описывалъ ему особенно-раздраженнымъ противъ государственнаго секретаря. Наконецъ, кардиналъ рѣшился, но такъ, какъ рѣшаются идти на смерть. «Если ужъ жертва необходима» говорилъ онъ, «я жертвую собою, и вѣруюсь Провидѣнію». Онъ имѣлъ даже неосторожность писать въ Неаполь письма, сообразныя съ этими словами, письма, которые достались французскому посланнику въ Неаполь и были сообщены имъ первому консулу. Къ-счастью, тотъ счелъ ихъ болѣе-слабыми, нежели оскорбительными.

Отъѣздъ Какъ и его удаленіе во Флеранцію могло быть весьма-неблагопріятно истолковано для Рима и Неаполя. Папа боялся этого. И по-

(*) Pio VI per conservar la fede
Perde la sede.

Pio VII per conservar la sede
Perde la fede.

тому было условлено, чтобъ Какò и кардиналъ Консальви отправились вмѣстѣ, и вмѣстѣ доѣхали до Флоренціи.

6-го іюня (17 преріала), Консальви и Какò выѣхали изъ Рима вмѣстѣ, въ одной каретѣ. Кардиналъ всюду показывалъ народу Какò, говорилъ: «вотъ французскій министръ»; старался дать знать, что между Франціею и Римомъ не было разрыва. Какò остался во Флоренціи, а кардиналъ Консальви съ трепетомъ отправился въ Парижъ.

Между-тѣмъ, первый консулъ успокоился, получивъ изъ Рима проектъ, и увидѣвъ, что перемины относились болѣе къ формѣ, нежели къ сущности. Онъ видѣлъ, что дѣло должно было уладиться скоро къ великой славы его правленія. И потому, онъ принялъ очень-ласково перваго министра римскаго двора.

Католическая религія была названа «религіею большинства Французовъ». Всѣ прочія условія, предложенныя первымъ консуломъ, остались неизмѣненны.

По обыкновенію, предоставляя своему старшему брату заключать всѣ важные акты, первый консулъ и теперь назначалъ уполномоченными Іосифа Бонапарте, государственнаго совѣтника Крете, и наконецъ, аббата Бернье, который заслуживалъ этой чести за понесенныя имъ труды и за оказанное искусство при этихъ продолжительныхъ и до-стопримѣчательныхъ переговорахъ. Папа имѣлъ уполномоченными кардинала Консальви, монсеньора Спину и отца Казелли, ученаго Итальянца, прибывшаго съ римскою легаціею, для вспомошествованія ей своими теологическими знаніями. 15-го іюля 1801 г. (26 мессадоре) былъ подписанъ этотъ важный трактатъ, въ-послѣдствіи названный «конкордатомъ». Надо было еще дожидаться ратификаціи этого акта папою, потомъ получить буллы, долженствовавшія сопровождать его обнародованіе, равно какъ папскія грамоты къ старымъ духовнымъ властямъ, въ-слѣдствіе которыхъ тѣ должны были сложить съ себя санъ свой; надо было сдѣлать новое раздѣленіе на епархіи, избрать шестьдесятъ новыхъ прелатовъ. Первый консулъ, всегда спѣшившій достигнуть до результата, желалъ, чтобъ все это было окончено какъ-можно-скорѣе, чтобъ въ одно и то же время отпраздновать и миръ съ европейскими державами и миръ съ церковью. Исполненіе такого желанія было трудно. Тѣмъ не менѣе спѣшили закончить всѣ подробности по этому дѣлу, чтобъ какъ-можно-менѣе замедлить дѣло возстановленія религіи.

Папа былъ въ восхищеніи при возвращеніи въ Римъ кардинала Консальви и французскаго министра Какò. Созванная имъ конгрегация кардиналовъ одобрила конкордатъ, и папа, не смотря на стѣснительное состояніе своихъ финансовъ, хотѣлъ, чтобъ церемонія ратификаціи была сопровождена торжественностью. Легатомъ во Францію онъ избралъ искуснѣйшаго при римскомъ дворѣ дипломата, кардинала Капрару, человека знатнаго происхожденія (онъ былъ изъ фамиліи Монтекукулли), извѣстнаго по своему образованію, по своей опытности и умеренности. Первый консулъ самъ изъявлялъ желаніе имѣть при своей особѣ этого «князя церкви». Папа успѣшилъ удовлетворить этому желанію.

и употребилъ даже великія усилія, чтобъ побѣдить сопротивленіе дядна, бывшаго въ преклонныхъ лѣтахъ, больного, и мало-расположеннаго снова начать трудную карьеру своей первой молодости. Однакожъ, это отвращеніе было побѣждено настоятельными убѣжденіями росващенника и великими интересами церкви. Папа хотѣлъ облечь дядна Капрару самымъ высокимъ дипломатическимъ саномъ при орѣ римскомъ, саномъ легата *a latere*. Такой легатъ облачается всѣмъ полномочіемъ: ему всюду предшествуетъ крестъ. Снова была собрана великая консисторія, и въ присутствіи всѣхъ кардиналовъ, всѣхъ иностранныхъ министровъ, кардиналъ Капрара получилъ серебряный крестъ, который долженъ былъ быть предносимъ передъ нимъ въ этой субликанской Франціи, уже съ давнихъ поръ отвыкнувшей отъ католическихъ торжественныхъ процессій.

Все было подготовлено такъ, чтобъ кардиналъ Капрара въѣхалъ въ Парижъ вночью. Для него былъ приготовленъ тамъ великолѣпнѣйшій салъ на счетъ французскаго правительства.

Кардиналъ былъ принятъ, какъ иностранный посолъ, а не какъ представитель церкви. Принятіе его въ этомъ характерѣ было отложено времени окончательнаго возстановленія религіи. Въ этотъ же день можно было избрать новыхъ епископовъ, пропѣть *Te Deum*; тогда кардиналъ-легатъ долженъ былъ дать присягу первому консулу.

Первый консулъ желалъ, чтобъ возстановленіе религіи послѣдовало тоже 18 брюмера, въ день, назначенный для празднованія всеобщаго мира. Но еще не отъ всѣхъ прежнихъ духовныхъ властей мучены были отзывы объ увольненіи, безъ чего нельзя было приступить къ избранію новыхъ епископовъ. Впрочемъ, блескъ праздника 18 брюмера могъ заставить перваго консула забыть о томъ, чего еще не доставало для полноты торжества. Папа, всегда готовый дать то, чего желалъ человекъ, котораго онъ называлъ своимъ любимымъ сыномъ, далъ буллу, которую утверждались новыя епархіи, и оставилъ, чего прежде не дѣлалось, легату власть утверждать новыхъ епископовъ. За такія снисхожденія онъ желалъ одного, что и ручалъ устроить искусству кардинала Капрары, чтобъ его пощадилъ неприятной обязанности утверждать лица конституціональнаго думства.

Ничто болѣе не препятствовало уже обнародованію великаго религіознаго акта, совершеннаго съ такими трудами. Но теперь была дущена благопріятная минута. Засѣданіе X года открылось, по обыкновенію, съ 1 фримера (22 ноября 1801 г.). Трибунатъ, законодательное сословіе, сенатъ были собраны: возникло сильное сопротивленіе, и слышались непристойныя рѣчи противъ конкордата. Первый консулъ хотѣлъ, чтобъ такими буйными криками была возмущена торжественная церемонія, и положилъ выждать время, когда удастся ему смирить и сокрушить трибунатъ, чтобъ отпраздновать возстановленіе религіи. Теперь причиною медленности былъ онъ самъ, и римскій дворъ въ свою очередь готовился торопить его окончаніемъ начатаго.

Впрочемъ , внезапныя затрудненія , встрѣчь съ которыми онъ подвергся , доказывали важность и большую смѣлость его рѣшима. Не только противъ конкордата возникла сильная оппозиція , и противъ самаго гражданскаго кодекса , и противъ некоторыхъ трактатовъ , утверждавшихъ миръ вселенной. Гордый своими дѣяніями , сильный общественнымъ одобреніемъ , первый консулъ рѣшился дойти до послѣдней крайности. Онъ только и говорилъ , что сокрушить республиканскія собранія , которыя будутъ ему противиться. Такимъ образомъ , человѣческія страсти готовились всколебать своимъ буйствомъ славнѣйшія дѣянія великаго человека и великой эпохи.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБЗОРЪНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА МАЙ 1845 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— Государь Императоръ, по положенію особаго комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія предположеній о пополненіи накопившихся въ некоторыхъ губерніяхъ податныхъ недоимокъ, посредствомъ хлѣбнаго сбора, въ 12-й день минувшаго марта Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Учрежденіе хлѣбныхъ сборовъ въ уплату недоимокъ допустить съ тѣмъ, чтобъ поставка хлѣба производилась по добровольно-изъявленному желанію тѣхъ, на комъ недоимка числится и была для нихъ обязательно только на одинъ годъ, на который они произвели поставку обязались; 2) на первый случай ограничиться обращеніемъ поступающаго за недоимку хлѣба на текущее продовольствіе войскъ, квартирующихъ въ избранныхъ для сей цѣли губерніяхъ, для чего и производить хлѣбные сборы мукою и крупною мѣзъ сушенаго или сыро-мошнаго хлѣба, безъ различія, въ пропорціи, какая требуется для ежегоднаго потребленія тѣхъ войскъ; 3) учрежденіе хлѣбныхъ за недоимку сборовъ, съ обращеніемъ оныхъ на продовольствіе войскъ, допустить на первый разъ, въ видъ опыта, по одной Полтавской, или въ двухъ малороссійскихъ, и уже наиболѣе въ трехъ: Полтавской, Харь-

ковской и Курской Губерніяхъ; 4) принимать отъ поставщиковъ пріемный по возвышенной цѣнѣ, прибавляя къ дѣйствительной третью часть оной, т. е. если цѣна за четверть одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ, то принимать въ двухъ рубляхъ; 5) премію сію предоставить въ видѣ Монаршей милости и снисхожденія къ стѣсненному положенію затруднительнымъ способамъ сбыта продуктовъ тѣхъ губерній; 6) сверхъ того, за перевозку на мѣсто пріема и соединенные съ тѣмъ расходы назначить въ вознагражденіе, определяя за каждое разстояніе въ 2 версты восьмую долю той возвышенной цѣны, т. е. буде пріемная цѣна составила въ два рубля, то за доставку, на разстояніи 25 верстъ назначать двадцать пять копеекъ, за перевозъ отъ 26 до 50 верстъ пятьдесятъ коп., отъ 51 до 75 верстъ семьдесятъ пять коп., отъ 76 далее версты одинъ рубль. — Сумму за перевозку провіанта, поставщику причитающуюся, прилагать къ пріемной и обращать въ погашеніе числящейся на немъ недоимки; 7) при установленіи пріемныхъ цѣнъ принимать въ основаніе не справочныя, а дѣйствительныя, изъяски заемыя въ каждомъ уездѣ особыми мѣстными изслѣдованіями; 8) провіантъ доставлять поставщикамъ прямо въ полки и команды, въ тѣхъ губерніяхъ квартирующіе, узаконенныхъ качествъ и въ предписанной пропорціи, а военнымъ начальникамъ принимать оный безъ малѣйшаго задержанія и притѣсненій, на основаніи правилъ, особо для сего начертанныхъ; 9) расчетъ Военнаго Министерства по сей операціи съ Министерствомъ Финансовъ производить на правилахъ, имѣвшихъ дѣйствіе во время послѣднихъ турецкой и польской кампаній; 10) погашеніе накопившихся податныхъ недоборовъ поставкою провіанта, распространить на тѣ токмо недоимки, кои образовались по 1 января 1845 года; недоимки же, кои возникли въ—послѣдствіи, взыскивать по всеобщей строгости законовъ; 11) для развитія всѣхъ изложенныхъ правилъ установленія цѣнъ, росписанія селеній и пріемныхъ пунктовъ, куда съ оныхъ провіантъ имѣеть быть доставляемъ, учета платежей и недоимки, и вообще для правильнаго и успѣшнаго производства хлѣбныхъ сборовъ, въ каждой изъ означенныхъ губерній учредить особые комитеты изъ чиновниковъ мѣстныхъ и командироваемаго отъ военнаго вѣдомства, подъ председательствомъ начальника губерніи. Комитеты сіи имѣють въ дѣйствіяхъ своихъ руководствоваться особо для нихъ начертанными правилами; и 12) дѣйствія губернскихъ комитетовъ открыть немедленно, дабы оные имѣли достаточно времени войти во всѣ подробности операціи и съ наступленіемъ осени приступить къ производству хлѣбныхъ сборовъ.

— Высочайше повелѣно: 1) по случаю скуднаго урожая хлѣба въ остзейскихъ губерніяхъ, разрѣшить безпошлинный привозъ изъ—за границы въ рижскій и перновскій порты, срокомъ по 1 іюля текущаго года, яровой ржи, пшеницы, ячменя, овса, картофеля, гороха и вики, съ тѣмъ однакожь, чтобъ вывозъ сихъ родовъ хлѣба моремъ изъ означенныхъ двухъ портовъ въ другіе русскіе порты въ—теченіе всей навигаціи 1845 года былъ воспрещенъ; и 2) по случаю значительнаго возвышенія цѣнъ на хлѣбъ, угрожающаго затрудненіемъ въ продо-

количество Псковской-Губерніи, достигнутой въ 1844 году неурожасемъ, допустить безпошлинный привозъ для Псковской-Губерніи къ нарвскому порту по 1 іюля нынѣшняго 1845 года слѣдующихъ родовъ иностраннаго хлѣба: ржи, ячменя, овса и пшеницы, какъ въ зернѣ, такъ равно въ мукѣ и крупѣ, съ тѣмъ, чтобъ хлѣбъ сей изъ Нарвы былъ доставляемъ въ Псковъ, посредствомъ нарвско-псковскаго пароходства, подъ таможеннымъ надзоромъ. (Высоч. повел. объявл. 8 апрѣля).

— Высочайше-утвержденнымъ въ 9 день апрѣля мнѣніемъ Государственнаго Совета повелѣно: 1) для ближайшаго надзора за архивомъ, состоящимъ при здѣшнихъ департаментахъ Сената, опредѣлить особаго инспектора подъ главнымъ завѣдываніемъ обер-прокурора Перваго Департамента Сената; 2) въ должность инспектора опредѣлить одного изъ чиновниковъ, состоящихъ здѣсь за оберъ-прокурорскими столами, по усмотрѣнію министра юстиціи; 3) для усиленія средствъ здѣшняго сенатскаго архива, увеличить число чиновниковъ оного, положенное по штату, однимъ младшимъ секретаремъ и двумя архивариусами, съ назначеніемъ первому жалованья по 343 руб. 10 коп. и столовыхъ по 142 руб. 96 коп. и двумъ послѣднимъ жалованья по 285 руб. 92 к. и столовыхъ по 57 руб. 18 к. сер. каждому въ годъ, и съ предоставленіемъ въ отношеніи классовъ должностей и разрядовъ мундировъ и пенсій тѣхъ же правъ, какими пользуются равныя съ ними лица въ канцеляріи сенатскаго архива; 4) потребную на сей предметъ издержку 1,172 руб. 26 коп. сер. отнести на счетъ суммъ, ассигнуемыхъ по сѣкъ Министерства Юстиціи на разныя присутственныя мѣста и чины по особымъ въ прежнихъ годахъ назначеніямъ. 5) По окончаніи производимаго нынѣ разбора дѣлъ упраздненнаго Государственнаго Архива, хранящихся въ подвальныхъ комнатахъ, и по отдѣленіи совершенно испльвшихъ отъ сохранившихся въ цѣлости, первыя истребить; изъ числа же послѣднихъ дѣла судебныя переслать въ Москву, для храненія въ тамошнихъ архивахъ, а принадлежащія другимъ вѣдомствамъ передать въ оныя по принадлежности; тѣ же дѣла, отъ принятія коихъ подлѣжащія министерства откажутся, или которыя будутъ совершенно неужны ни для какихъ справокъ или соображеній, также истребить, распорядивъ таковыя мѣры и на тѣ дѣла постороннихъ вѣдомствъ, которыя нынѣ находятся въ самомъ сенатскомъ архивѣ, и наконецъ, принадлежащія собственно сему послѣднему дѣла прежняго времени, произвожившіяся за сто лѣтъ и болѣе тому назадъ, отправлять постепенно, по мѣрѣ возможности, для дальнѣйшаго храненія въ Московскій Сенатскій Архивъ.

— Обнародовано Высочайше-утвержденное въ 6 день минувшаго января положеніе объ астраханскомъ казачьемъ войскѣ.

II. Губернскія учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— По уваженію тому, что производство дѣлъ по постройкамъ и почитанію закладъ, питейному сбору принадлежащихъ, по случаю заготовленія съ 1843 года всего количества вина отъ казны, значительно уве-

личилось и гребуетъ въ настоящее время особаго вниманія и попеченія, — разрешено учредить временно на три года въ швейцарскомъ отелѣ Сакштетербургской Казенной Палаты еще одинъ столъ, состоящій: изъ столоначальника, его помощника, въ званіи старшаго, и трехъ писцовъ, одного высшаго, одного средняго, и одного низшаго окладомъ производствомъ имъ положеннаго штатомъ 1828 года содержанія, съ уравненіемъ ихъ, какъ по классамъ должностей, такъ и по размерамъ пенсій, съ прочими таковыми же чиновниками, съ тѣмъ, что если по истеченіи сего срока окажется въ упомянутомъ столѣ постоянная надобность, то представить Министру Финансовъ о продолженіи существованія оного войдти съ представленіемъ по установленному порядку въ Государственный Советъ (Высоч. повел. объявл. 28 апрѣля).

— Постановлено, что личные дворяне и почетные граждане обязаны для производства золотыхъ въ Сибири промысловъ имѣть установленныя для второй купеческой галлѣи свидѣательства. (Высоч. утв. и Гос. Сов. 9 апрѣля).

— Высочайше повелѣно, что въ закавказскомъ-краѣ, къ присутствію въ узадномъ судѣ командировка въ мѣсто члена земскаго суду помощникъ узаднаго начальника, или узадный поочетитель государственныхъ имуществъ, или наконецъ городничій, смотря потому, кто изъ нихъ во время сей командировки менѣе другихъ обремененъ стеченіемъ занятій по своей должности, по ближайшему усмотрѣнію узаднаго начальника, къ которому судъ и имѣетъ относиться. Но подобныя командировки должны ограничиваться тѣми только случаями, когда присутствіе третьяго члена требуется, по непреодолимому обстоятельству, какъ то: при внезапной болѣзни, командировка члена, или когда сей послѣдній не можетъ участвовать въ рѣшеніи какого дѣла; въ другихъ же случаяхъ, при увольненіи въ отпускъ, или продолжительной командировкѣ, равно болѣзни, необщадющей скорого выздоровленія губернское и областное правленіе обязаны для временнаго присутствія въ судѣ назначать особаго чиновника, по своему усмотрѣнію, употребляя для сего преимущественно состоящихъ при немъ кандидатовъ и судейскихъ и полицейскихъ мѣста (Ук. Прав. Сен. 30 апрѣля).

— Высочайше повелѣно: 1) въ удовлетвореніе просьбы помещиковъ Московской-Губерніи о дозволеніи имъ курить вино изъ картофеля, разрешать устройство въ сей губерніи для винокурения собственно изъ картофеля на первый разъ двадцати заводовъ; 2) при винокурении на сихъ заводахъ дозволить употреблять хлѣба не болѣе одной двенадцатой части противъ картофеля, по вѣсу, а въ-замѣнъ дровъ употребленныхъ оныхъ исключительно однаго торова, въ-слѣдствіе сего и самое учрежденіе оныхъ заводовъ допустить не иначе, какъ въ ближайшемъ, по возможности, разстояніи отъ мѣстъ, изобилующихъ тороомъ; 3) ограничить на означенныхъ заводахъ винокурение такъ, чтобъ на каждомъ изъ нихъ выкуривалось не болѣе десяти тысячъ и не менѣе двухъ тысячъ ведеръ полугара; 4) въ-отношеніи къ порядку учрежденія заводовъ, надлежитъ, чтобъ на нихъ не производилось противозаконное винокурение, къ которому отнести употребленіе дровъ вмѣсто торова, и большаго ко-

дательства хлѣба противъ определенной пропорціи, а также въ отноше-
 ни изыскація за нарушение узаконеній о выдачѣ пшты, распростра-
 нить на вышеупомянутые заводы тѣ же правила, какія вообще поста-
 новлены въ законахъ на счетъ всѣхъ прочихъ винокуренныхъ заво-
 довъ въ великороссійскихъ губерніяхъ; если же обыкновенный надзоръ
 и сими заводами Казенной Палаты окажется неудовлетворительнымъ,
 то Министерству Финансовъ изыскать къ тому другія ближайшія мѣ-
 ры. 5) За свѣтъ, если устройство заводовъ на вышеизложенныхъ осно-
 вныхъ окажется действительно полезнымъ и соответствующимъ цели
 учрежденія, то предоставить московскому губернскому начальству
 о дальнѣйшемъ распространеніи принимаемыхъ нынѣ мѣръ войти въ
 свое время съ особымъ представленіемъ (Высоч. повел. объявл. 19 апр.).

— Отмѣнена въ портовомъ городѣ Херсонѣ выдача отъ таможенной
 градской полиціи билетовъ судохозяевамъ и лѣсопромышленникамъ на
 отправляемые оттуда въ разные порты и за границу лѣса; при чемъ
 эти судохозяева и лѣсопромышленники обязаны подвергать сіи матеріа-
 лы осмотру таможенной заставы, на основаніи особыхъ, существую-
 щихъ для того правилъ (Высоч. повел. объявл. 24 апрѣля).

— Для усиленія штата градской полиціи въ Камышинѣ, Саратовской-
 Губерніи, разрѣшено прибавить къ имѣющемуся нынѣ при городничемъ
 шурталному надзирателю другаго такого же, съ жалованьемъ по пяти-
 дести семи рублей пятнадцати копѣекъ серебромъ въ годъ, на счетъ
 расходовъ города Камышина (Высоч. повел. объявл. 24 апрѣля).

— Саратовской-Губерніи, при Царевской Ратушѣ, открыть словесный
 судъ (опред. Прав. Сен. 2 апр.).

— Въ 15-й день марта воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на
 дозволеніе отставному штаб-ротмистру Студзинскому съ товариществомъ
 учредить и содержать въ теченіи десяти лѣтъ вольныя почты по трак-
 ту отъ Москвы чрезъ Тулу, Орелъ и Курскъ до Харькова, безъ всякой
 платы отъ земства, но съ выдачею Студзинскому въ ссуду на три го-
 да, безъ процентовъ, подъ залогъ рубль за рубль, шестидесяти тысячъ
 рублей серебромъ, съ возложеніемъ на него установленныхъ обязанно-
 стей по содержанію почты.

— Въ Рязанской-Губерніи, на трактѣ отъ Рязани до Суйска, и ме-
 жду Рязанью и Зарайскомъ, учреждены четыре новыя почтовые стан-
 ціи въ слѣдующихъ мѣстечкахъ: первая въ деревнѣ Раки, на 17 $\frac{1}{2}$ вер-
 стахъ отъ Рязани; вторая въ деревнѣ Окуловой, на 19 верстахъ отъ
 деревни Раки и 17 $\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Суйска; третья въ деревнѣ Багра-
 новой, въ 20 верстахъ отъ Рязани, и четвертая въ деревнѣ Астра-
 льевой, на 19 верстахъ отъ Баграилова и 17 верстахъ отъ Зарайска.

— Высочайше повелѣно во 2-й день апрѣля: 1) званіе окружныхъ
 лѣсанчухъ вовсе упразднить, предоставивъ лѣсничимъ имѣть непосред-
 ственныя сношенія съ палатами государственныхъ имуществъ; а для
 общаго надзора за лѣсничествомъ опредѣлить во всѣхъ губерніяхъ
 окружныхъ лѣсныхъ ревизоровъ; 2) лѣснымъ ревизорамъ предоставитъ
 чины отъ капитана до полковника включительно; 3) всѣмъ мѣстнымъ
 лѣснымъ офицерамъ дать одно названіе лѣсничихъ, и предоставить имъ

чины отъ прапорщика до капитана включительно; 4) жалованье и прочее содержаніе лѣсничимъ распределять по чинамъ; отводъ земельныхъ участковъ назначать: прапорщикамъ, подпоручикамъ и поручикамъ по 10, а штабе-капитанамъ и капитанамъ по 15 десятинъ каждому; 5) въ канцеляріи лѣсничихъ определять, по усмотрѣнію Министерства Государственныхъ Имуществъ, писцовъ изъ крестьянскихъ мальчиковъ или питомцевъ воспитательныхъ домовъ, по мѣрѣ ихъ приготовленія въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Государственныхъ Имуществъ; 6) для увеличенія числа лицъ, необходимыхъ для завѣдыванія лѣсами при развитіи лѣснаго хозяйства, въ помощь лѣсничимъ определять тамъ, гдѣ надобность того потребуетъ, обученныхъ лѣснымъ наукамъ кондукторовъ, выпускаемыхъ изъ егерскаго училища, давъ имъ названіе подлѣсничихъ; 7) вмѣстѣ съ окружными лѣсничими упразднить и состоящихъ при нихъ писмоводителей, а отпускавшуюся на нихъ сумму присоединить къ штатной суммѣ корпуса лѣсничихъ, для содержанія подлѣсничихъ и писцовъ при лѣсничихъ.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Въ измѣненіе ст. 9984 Уст. о Служ. по Определенію отъ Правительства постановлено: присутствующимъ членамъ и прочимъ класснымъ чиновникамъ всѣхъ мѣстъ и вѣдомствъ, а равно канцелярскимъ чиновникамъ и служителямъ жалованье выдается по минованіи каждаго мѣсяца. Но за послѣдній мѣсяцъ года, для удобнѣйшаго окончанія счетовъ, оно выдается не по прошествіи мѣсяца, а въ концѣ онаго (Высоч. утв. мн. Гос. Сов. 9 апр.).

— Въ дополненіе статей 59 и 126 Уст. о Пенс. и Единовр. Пособ. (т. III, изд. 1842 г.) постановлено, что содержащееся въ сихъ статьяхъ правило о назначеніи пенсій и единовременныхъ пособій въ определенныхъ Пенсіоннымъ Уставомъ случаяхъ, по окладамъ, производившимся до 1 января 1839 года, распространяется въ равной силѣ и на всѣ вообще оклады съ 1839 года по новымъ узаконеніямъ и штатамъ противъ прежнихъ уже возвышенныя, или которые въ послѣдствіи возвышены будутъ (Высоч. утв. мн. Гос. Сов. 10 мая).

— Должность помощника архиваріуса и казначея Канцеляріи Комитета Министровъ отнесена къ VIII классу (Высоч. повел. 30 апрѣля).

IV. Законы относительно состояній.

— Высочайше повелѣно: 1) Армянамъ, перечисленнымъ съ казачьихъ земель на земли вѣдомства Кавказской Палаты Государственныхъ Имуществъ при заштатномъ городѣ св. Петра, сдѣлать надлежащій разборъ и тѣхъ изъ нихъ, которыхъ Высочайше-дарованная 28 октября 1799 года дербентскимъ и маскурскимъ Армянамъ грамота застала на мѣ-

стать поселенія, надѣляя 30-ти-десятинною пропорціею земли на душу, обложить платежѣмъ только по 5 коп. серебромъ съ десятины, освободить ихъ отъ рекрутской повинности и дозволить, составивъ изъ себя особое общество, имѣть, на основаніи т. II Учрежд. объ Управл. Изврод. ст. 457 свой судъ. Что касается до находящихся въ Кавказской-Области потомковъ сихъ Армянъ, равно до перешедшихъ въ Россію послѣ привилегіи 1799 года, то, за неизмѣнѣмъ ими правъ, принадлежащихъ тѣмъ, кои водворились въ нашихъ вѣдѣлахъ до состоянія сей привилегіи, предоставить, если будутъ нуждаться въ землѣ, просить о надѣленіи ихъ 15-ти-десятинною пропорціею и подвергнуть платежу податей съ душъ, на основаніи т. V Учрежд. о Подат., ст. 789 и прилож. къ ст. 775, не изъема и отъ взноса рекрутскихъ складочныхъ денегъ, по силѣ т. IV Уст. Рекрут., ст. 9. По случаю же помешаннаго или разстройства при переселеніи, даровать имъ на основаніи послѣдствѣннаго по сему дѣлу во 2-й день декабря 1834 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, льготы, предоставляемыя переселенцамъ изъ государственныхъ крестьянъ, не распространяя, однакожь, сего на тѣхъ, кои не подвергаются никакимъ обязанностямъ, кромѣ платежа по 5 коп. сер. въ годъ съ десятины; 2) относительно принадлежащихъ Армянамъ, переселившимся на земли при городѣ св. Креста, садовъ на прежнемъ жительствѣ, имъ уже объявлено по распоряженію главноуправляющаго Грузіею, что сады ихъ могутъ безпрепятственно оставаться въ ихъ владѣніи съ свободнымъ правомъ распорядиться ими, и если Армяне сіи по добровольному соглашенію не успѣютъ продать ихъ казакамъ, то предоставляется продать и стороннимъ лицамъ свободнаго состоянія, которыя сохраняютъ то же право свободнаго владѣнія. За симъ назначить Армянамъ четырех-годовичный срокъ для продажи оставшихся послѣ нихъ садовъ, объявивъ имъ, что сады, въ-теченіе этого срока не-проданные, поступятъ въ казачье вѣдомство, безъ всякаго ихъ за то вознагражденія (Высоч. повел. 9 апрѣля).

— По предмету освобожденія отъ городскихъ службъ нѣкоторыхъ учредителей фабрикъ, постановлено, что правоъ этого освобожденія пользуются лишь первые учредители несуществовавшихъ въ Россіи важныхъ и полезныхъ государству фабрикъ и заводовъ, которые таковыми будутъ признаны Министерствомъ Финансовъ и получать на то надлежащее отъ оного свидѣтельство, но и въ семъ случаѣ только лично и до-тѣхъ-поръ, пока фабрики сіи и заводы будутъ находиться въ томъ, или лучшемъ видѣ, какъ при выдачѣ упомянутаго свидѣтельства (Высоч. утв. мн. Гос. Сов. 26 марта).

V. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

— Въ поясненіе подлежащихъ узаконеній постановлено, что передача въ острѣйскихъ губерніяхъ по подпискамъ заемныхъ обязательствъ,

обезпеченныхъ впотекою, остается на прежнемъ основаніи (Высоч. утвержд. мнѣн. Гос. Сов. 26 марта).

— Въ дополненіе къ статьямъ 1339 и 1347 Св. Зак. Гражд. т. X, изд. 1842 г. постановлено: 1) въ обезпеченіе казенныхъ подрядовъ и поставокъ, собственно на мѣстныхъ надобности закавказскаго края, принимаются слѣдующія имѣнія: а) въ городахъ: Старой Шемахѣ, Баку, Дербентѣ, Нухѣ, Шушѣ и Кубѣ, каменные зданія, развѣтъ подъ оныя лишь жилые дома и лавки, построенныя изъ дикаго камня или жженого кирпича на извести и на глинѣ, съ земляными плоскими или тесовыми на стропилахъ крышами, и б) во всѣхъ городахъ и уѣздахъ Каспійской Области фруктовые и шелковичные сады, наравнѣ съ садами виноградными и всѣми другими незаселенными удобными землями. 2) Оцѣнку поименованныхъ залоговъ производить тѣмъ порядкомъ, какой постановленъ для оцѣнки имѣній, представляемыхъ на выдачу ссудъ изъ Грузино-Имеретинскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія (Ук. Прав. Сен. 10 мая).

— Постановлено: 1) что члены судебныхъ мѣстъ закавказскаго края имѣютъ право перемѣнять данныя ими резолюціи до пропуска ихъ прокурорами, по протестамъ прокуроровъ, или и по собственному усмотрѣнію; по пропускѣ же журналовъ прокурорами перемѣнять свою резолюцію они уже не въ правѣ; и 2) что такъ-называемыя выписки, подъ которыми излагаются рѣшенія, на точномъ основаніи 22 ст. Уст. о Пошл. (т. V) должны быть писаны на простой бумагѣ, со взъисканіемъ за оную гербовыхъ пошлинъ съ тѣхъ лицъ, которыя окончательными рѣшеніями обвинены будутъ (Ук. Прав. Сен. 18 мая).

VI. Законы уголовныя.

— Постановлено, чтобъ не подвергать денежному взъисканію за утраченныя образцы депозитныхъ и кредитныхъ билетовъ, если виновные въ томъ не будутъ изобличены въ похищеніи ихъ съ намѣреніемъ выпустить оныя въ обращеніе вмѣсто наличныхъ денегъ; заведенныя же въ такихъ неумышленныхъ утратахъ дѣла прекратить (Ук. Прав. Сен. 27 апр.).

==

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА МАЙ 1845 ГОДА.

Продное просвѣщеніе и благотворительность.—Высочайше утверждёнъ 20 прошедшаго марта уставъ Женскаго Благотворительнаго Общества въ городѣ Николаевѣ. Представляемъ изъ сего извлеченіе. Общество состоитъ изъ особъ женскаго пола, посвящающихъ труды свои для призрѣнія находящихся въ городѣ Николаевѣ безпріютныхъ сиротъ этого пола и бѣдныхъ вдовъ, нуждающихся въ средствахъ къ содержанию своихъ семействъ. Каждая дама, обязавшаяся вносить въ пользу общества ежегодно не менѣе пяти рублей серебромъ, или жертвовать какое-либо рукодѣлье, стоющее этой суммы, принимаетъ званіе члена общества. Способы общества состоятъ: а) изъ ежегодныхъ денежныхъ приношеній, вносимыхъ членами; б) изъ денегъ, выручаемыхъ посредствомъ продажъ, или разыгрыванія въ лотерею, на основаніи существующихъ о лотереяхъ правилъ, разныхъ рукодѣлій, жертвуемыхъ членами, а равно отъ даваемыхъ въ пользу общества концертовъ, спектаклей и другихъ увеселеній и в) изъ добровольныхъ приношеній стороннихъ лицъ, не принадлежащихъ къ обществу. Обществу дозволяется принимать приношенія отъ лицъ мужскаго пола, не причисляя ихъ къ своимъ членамъ. Управление дѣлами общества ввѣрится дирекція, которая состоитъ изъ директриссы, принимающей званіе председательницы общества, вице-директриссы, трехъ помощницъ директриссы и секретаря. Къ предметамъ занятій дирекціи принадлежитъ: а) пріемъ отъ членовъ общества ежегодныхъ взносовъ и жертвуемыхъ ими рукодѣлій, а равно стороннихъ приношеній и вообще денегъ, поступающихъ въ пользу общества; б) храненіе въ цѣлости капитала общества; в) выдача пособій лицамъ, отъ коихъ поступили о томъ просьбы, или коимъ сама дирекція признаетъ нужнымъ оказать вспоможеніе; г) помѣщеніе въ учебныя заведенія пансіонерокъ общества; д) ассигнованіе всѣхъ расходовъ изъ капитала общества и подписываніе всякаго рода бумагъ по дѣламъ его. Оказываемыя обществомъ благотворенія заключаются: въ выдачу единовременныхъ и постоянныхъ денежныхъ вспоможеній бѣднымъ вдовамъ и ихъ семействамъ и въ содержаніе и образованіе сиротъ женскаго пола, безъ различія ихъ званій и вѣроисповѣданія. На счетъ суммъ общества содержатся пансіонерки въ учрежденныхъ въ городѣ Николаевѣ частномъ пансіонѣ и городскомъ двѣдичьемъ училищѣ. Помѣщеніе въ эти заведенія пансіонерокъ общества, имѣющихъ отъ 7 до 12 лѣтъ, производится по жребію. Изъятіе изъ этого правила допускается только для круглыхъ безпріютныхъ сиротъ. При выпускѣ пансіонерокъ изъ заведеній выдается имъ изъ суммъ общества, по мѣрѣ его способствъ, единовременное денежное пособие. Устройство прочнымъ

образомъ участіи выпущенныхъ изъ заведеній круглыхъ безпріютныхъ сиротъ, остается совершенно на заботливости общества.

— Московскій Попечительный Комитетъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества выдалъ пенсіонерамъ своимъ, получающимъ ежемѣсячное отъ него пособіе, за минувшіе мѣсяцы декабрь 1841 года, январь, февраль, мартъ и апрель сего года 28 438 руб. 95 коп. асс.

— По установленію замѣна разсылки визитныхъ билетовъ извѣстнымъ приношеніемъ въ пользу дѣтскихъ пріютовъ, собрано въ эпохи новаго года и минувшаго свѣтлаго Христова воскресенія 1,395 руб. 26¼ коп. серебромъ.

— Высочайше повелѣно учредить въ Саратовѣ мѣстный совѣтъ нахождающагося тамъ Маріинскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ, съ подчиненіемъ сего заведенія, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 1-й день января сего года положенія, Главному Совѣту Женскихъ Ученыхъ Заведеній.

— Высочайше повелѣно: 1) воспитанниковъ мѣжевыхъ ротъ, удостоившихъ по экзамену чина 14 класса, отправлять, безъ производствъ въ чинъ, на сѣмку въ одну изъ ближайшихъ къ Санктпетербургу губерній для практическихъ занятій, съ производствомъ имъ содержанія по званію класснаго топографа 2-го разряда; и 2) удостоивать ихъ полученія чина 14 класса послѣ лѣтнихъ практическихъ занятій перваго года, по совокупномъ соображеніи балловъ, полученныхъ въ институтѣ въ теоретическомъ образованіи, и отъ начальства корпуса топографовъ объ успѣхахъ въ практической сѣмкѣ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ІЮНЬ 1845 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено, что выдаваемые Герольдією Царства Польскаго тамошнимъ жителямъ свидетельства объ окончательномъ признаніи ихъ въ дворянствѣ, признаются за достаточное доказательство о дворянскомъ этихъ лицъ происхожденіи; но если, получивъ такія свидетельства, жители Царства желаютъ вступить на службу въ Имперію, то они должны представить особое еще свидетельство отъ главнаго въ Царствѣ Польскомъ начальства, или того правительственнаго мѣста, или лица, на которое выдача таковыхъ свидетельствъ будетъ возложена, что препятствій къ опредѣленію ихъ на службу въ Имперію не встрѣчается. (Высоч. утв. Мил. Гос. Совѣта 16 апрѣля.)

— Въ Высочайшемъ манифестѣ, данномъ въ 11-й день іюня, изображено: «Издреле въ Россіи дворянство пріобрѣталось службою; но условія пріобрѣтенія онаго по временамъ измѣнялись, съ измѣненіемъ морадка военной и гражданской службы. Императоръ Петръ-Первый, установивъ въ государствѣ новыя чины, присвоилъ имъ и новыя права. Онъ повелѣлъ, чтобъ всѣ чины военной службы, начиная съ перваго обер-офицерскаго званія, и всѣ гражданскіе первыхъ восьми классовъ пользовались потомственно дворянскими правами. Постановленіе это подтверждено и Императрицею Екатериною-Второю. Но не только въ отдаленное, болѣе чѣмъ цѣлымъ вѣкомъ, время Петра-Перваго, но даже и въ царствованіе Екатерины-Второй, войско русское было малочисленно и гражданское управленіе требовало несравненно менѣ чиновниковъ, такъ-что лица, носившія званіе 8-го класса, занимали должности, имѣвшія значительный кругъ дѣйствія. Нынѣ, когда, съ распространеніемъ предѣловъ государства и народонаселенія и введеніемъ лучшаго устройства по всѣмъ частямъ управленія, необходимость заставить увеличить число служащихъ какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ, чрезвычайное отъ того умноженіе дворянскаго сословія не можетъ не обращать особеннаго вниманія Нашего. Имѣя постоянную цѣлю поддерживать дворянство, оказавшее столько заслугъ престолу, на той степенн, на которой оно поставлено государственны-

ми учрежденіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая никому заградить путь къ достиженію трудами и дарованіями дворянскихъ преимуществъ. Мы признали за благо, не лишая, впрочемъ, никого принадлежащаго ужъ ему званія по дѣйствовавшимъ доселѣ узаконеніямъ, пріобрѣтеніе дворянства потомственного перевести на чины высшіе, дающіе действительную возможность оказывать заслуги, достойныя столь важной награды. Соответственно сему постановляемъ на будущее время: 1) поступившій не изъ дворянъ въ военную службу, при производствѣ на действительной службѣ въ первый офицерскій чинъ, получаетъ права личнаго дворянства; дослужившійся же до штаб-офицерскаго чина пріобрѣтаетъ дворянство потомственное. Лица недворянскаго происхожденія, получающія означенные офицерскій или штаб-офицерскій чинъ при отставкѣ изъ военной службы или при переходѣ изъ оной въ гражданскую, пользуются правами: перваго личнаго почетнаго гражданства и послѣдняго личнаго же дворянства. 2) Правила эти распространяются на равной мѣрѣ и на служащихъ въ войскахъ, командахъ и вѣдомствахъ, въ которыхъ служба, по содержанію 23-й и 24-й статей Свода Законовъ о Состояніяхъ (Т. IX изд. 1842 г.) въ отношеніи пріобрѣтенія дворянства сравнена съ действительною воинскою полевой службою. 3) Не-дворяне, поступающіе въ гражданскую службу, при производствѣ на оной въ чинъ 14-го класса, получаютъ право личнаго почетнаго гражданства, а при производствѣ въ 9-й классъ вступаютъ въ права личнаго дворянства; дослужившіеся до чина 5-го класса пріобрѣтаютъ дворянство потомственное. Лица, получающія чины 9-го и 5-го классовъ въ отставку, оставляются при тѣхъ правахъ, которыми пользовались по прежнимъ ихъ чинамъ на действительной службѣ; увольняемая же отъ службы съ чиномъ 14-го класса считаются личными почетными гражданами. 4) Личные дворяне, поступающіе какъ въ военную, такъ и гражданскую службу, достигаютъ дворянства потомственного съ полученіемъ тѣхъ же чиновъ, которые выше означены; но и въ низшихъ чинахъ продолжаютъ пользоваться правами, принадлежащими имъ по ихъ званію. 5) Возведеніе за сими въ личное и потомственное дворянство тѣхъ изъ служащихъ, которые, не достигнувъ установленныхъ для того чиновъ, способностями, отличіями по службѣ, безкорыстіемъ и доброю нравственностью обратятъ на себя Высочайшее вниманіе, зависитъ отъ непосредственнаго усмотрѣнія и благоизволенія Императорскаго Величества. 6) Вся тѣ, которые, по дѣйствовавшимъ доселѣ узаконеніямъ, пріобрѣли уже службою личное или потомственное дворянство, сохраняютъ и на будущее время права свои ненарушимо. Равномѣрно права личнаго или потомственного дворянства даруются и тѣмъ лицамъ, которые получаютъ чины 14-го или 8-го класса, хотя и послѣ обнародованія настоящаго манифеста, но за выслугу, прежде состоянія онаго, определенныхъ къ пожалованію въ эти чины сроковъ, по надлежашемъ удостоеніи своего начальства. Сила сего правила относительно пріобрѣтенія дворянства потомственного распространяется и на военныхъ унтер-офицеровъ, которые также будутъ произведены, по удостоенію своего начальства, въ военные офицеры.

хотя и послѣ изданія сего манифеста, не за выслугу, ао воспоследованіи онаго, узаконенныхъ для производства сроковъ.

— Обнародовано Высочайше утвержденное въ 14-й день февраля положеніе о наиказскомъ линейномъ казачьемъ войскѣ.

— Обнародовано Высочайше утвержденное наставленіе о порядкѣ ревизіи податныхъ тетрадей сельскихъ сборщиковъ и шнуровыхъ книгъ юлостныхъ правленій по части денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Разрѣшено учредить въ пользу городовъ Твери, Рыбинска, Вышневолоцка, Новой-Ладоги и Опеченскаго-Песаса пошлинный сборъ съ договоровъ и условий, свидѣтельствуемыхъ у судоходныхъ маклеровъ, на томъ самомъ основаніи и въ томъ же размѣрѣ, какъ это Высочайше утвержденнымъ мнзніемъ Государственнаго Совѣта 16 октября 1844 г. определено для Нижняго-Новгорода. (Выс. утв. 9 апрѣля мн. Гос. Сов.)

— Въ строительные комитеты городовъ: Старой-Русы, Елисаветграда и Умани повелѣно назначить въ каждый по одному архитектору, которые должны, сверхъ сего, исполнять и всѣ обязанности, относящіяся къ городскимъ архитекторамъ. (Высоч. повел. обн. мая 19.)

— Старорусскому и Елисаветградскому Городовымъ Магистратамъ дозволено совершать крѣпостные акты на томъ самомъ основаніи, какъ предоставлено Царицынскому Городовому Магистрату 597 ст. X т. Св. Зак. Гр. изд. 1842 г. (Ук. Пр. Сов. 22 мая.)

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода положеній о трактирныхъ заведеніяхъ Т. XII и Устава объ Акцизѣ съ Табаку Т. V поставлено: 1) на одинаковомъ основаніи съ городскими трактирными заведеніями разрѣшить различную продажу табаку, т. е. подачу трубокъ съ табакомъ и сигаръ по одиначкѣ въ помещеній и пачекъ съ банкетными, во всѣхъ вообще трактирныхъ заведеніяхъ заштатныхъ городовъ и селеній въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ Уставъ объ Акцизѣ съ Табаку имѣетъ въ себѣ отношеніи свое дѣйствіе (1-е Прим. къ ст. 1-й Уст. въ Первомъ Продолженіи къ Св. Зак. изд. 1842 г.) силу 5-го пункта 37-й ст. означеннаго Устава распространить на всѣ трактирные заведенія въ столицахъ, городахъ и селеніяхъ въ тѣхъ же губерніяхъ находящіяся, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: а) на право продажи табаку и сигаръ для употребленія на мѣстѣ установивъ особыя свидѣтельства для трактировъ, кафе-ресторантовъ, гостиницъ, рестораций, кофейныхъ домовъ, кухмистерскихъ столовъ, буфетовъ, кавалерскихъ, харчовень и верчемъ, въ столицахъ въ 15 р., въ губернскихъ и верховныхъ городахъ въ 10 р., а въ уездныхъ и заштатныхъ городахъ, равно въ мѣстечкахъ и селеніяхъ въ 5 р. с. б) Свидѣтельства эти (которыя отъ Министерства Финансовъ будутъ особо напечатаны и разосланы въ казенныя палаты) выдавать содержателямъ трактирныхъ заведеній на правахъ, въ 33-й ст. Уст. объ Акцизѣ съ Табаку поставленныхъ, съ обязанностью ихъ, какъ торговцевъ, вести,

по силѣ 35-й статьи, книги и записки, которыя своевременно должны подлежать освидѣтельствуванію со стороны лицъ, назначенныхъ наблюдѣніе за правильною продажей табаку; в) за продажу табака и сигаръ на выносъ, или безъ свидѣтельства, назначенныхъ въ томъ подослать въ сканіямъ, определеннымъ въ ст. 61, 65 и 72-й того же устава. (Выс. утв. 30 апреля Мн. Гос. Сов.)

— Высочайше утвержденъ въ 22-й день мая дополнительный временной штатъ для Московской Таможни, которымъ назначены: два помощника пакгаузнаго надзирателя, одинъ столоначальникъ, одинъ загстемпельмейстеръ и три канцелярскіе служителя.

— Высочайше утверждены въ 18 день мая положеніе и штатъ Московскаго Уезднаго Казначейства съ тѣмъ, чтобъ потребная по новому штату добавка 7021 р. 98 коп. сер. отнесена была на счетъ остатковъ отъ суммъ, назначенныхъ по предшедшимъ государственнымъ распискамъ на усиленіе контрольных частей казенныхъ палатъ и подкрѣпленіе уездныхъ казначействъ.

— Въ поясненіе 474 ст. Уст. о Питейн. Сб. и Акц. (т. V. изд. 1842 г.) постановлено, что содержатели реновыхъ погребовъ во владѣльческихъ городахъ, въ коихъ не существуютъ казеннаго питейнаго откупа, не обязаны брать установленныхъ упомянутою статьею Свода Законовъ свидѣтельствъ на продажу изъ погребовъ хлѣбныхъ и виноградныхъ ведокъ; но по силѣ 255 ст. Устава Торговаго (т. XI. изд. 1842 г.) не освобождаются, однако, отъ уплаты определеннаго свидѣтельствъ на право торговли. (Высоч. утв. 16 апр. мн. Госуд. Сов.)

— Учреждены станціи: *Въ Полтавской-Губерніи* на трактахъ между городами: Ромнами, Лохвицею и Тератинымъ, между Гадячемъ и Лохвицею, между Лубнами и Золотоношею и между Переяславомъ и Золотоношею восемь почтовыхъ станцій, въ слѣдующихъ мѣстахъ: первая въ слободѣ Андрейшевкѣ, въ двадцати-пяти съ половиною вер. отъ Ромненъ и Лохвицы; вторая въ селѣ Чернухахъ, въ двадцати-семи съ половиною вер. отъ Лохвицы и въ двадцати-деяти вер. отъ Паргана; третья въ с. Середнякахъ, на двадцати-четырехъ съ половиною вер. отъ Гадяча, въ двадцати-пяти съ четвертью вер. отъ Лохвицы; четвертая въ д. Черевкахъ, въ разстояніи семнадцати три четверти вер. отъ Лубенъ; пятая въ с. Савинцахъ на шестнадцати съ половиною вер. отъ Черевокъ; шестая въ с. Богодуховкѣ, въ двадцати-двухъ вер. отъ Савинцевъ и въ двадцати-четырехъ вер. отъ Золотоноши; седьмая въ с. Хощахъ, въ двадцати-двухъ съ половиною вер. отъ Перелеява, и восьмая въ с. Песчаномъ, въ двадцати-трехъ три четверти вер. отъ Хощахъ, и въ шестнадцати вер. отъ Золотоноши, и *въ Орловской-Губерніи* между городами Мценскомъ и Болховымъ въ с. Тельгемъ, отстоящая въ семнадцати три четверти вер. отъ Мценска и въ двадцати-шести съ четвертью вер. отъ Болхова.

— Учреждены Орловской-Губерніи въ г. Дмитровкѣ три въ году ярмарки; одна съ 30 января, подъ именемъ Трехъ-Святительской, на 8 дней, другая съ 23 апреля, подъ именемъ Георгіевской, на 10 дней и третья съ 22 октября, подъ названіемъ Казанской, на 10 дней.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Должности архитекторовъ, определенныхъ въ строительные комитеты городовъ: Старой-Русы, Елисаветграда и Умани, причислены для производства въ чинъ въ IX классу, но пенсіямъ къ VIII и мундиру въ III разряду подданныхъ вѣсть Военному Министерству.

IV. Законы гражданскіе.

— Въ законѣ 257 ст. Св. Уст. Тор. т. XI (изд. 1842 г.) постановлено: 1) жалобы на неправильныя дѣйствія торговыхъ депутацій по изыманіямъ въ казну и по опредѣленію рода торговли поступаютъ въ палаты; по вѣдѣніямъ же собственно въ городскіе доходы, равно въ тѣхъ случаяхъ, когда таковыя вѣдѣнія сопряжены въ то же время съ платежемъ въ казну гильдейскихъ повинностей, или имѣютъ связь съ опредѣленіемъ самого рода торговли, разбираются въ губернскихъ или областныхъ правленіяхъ, по предварительномъ изъясненіи оныхъ заключеній отъ подлежащихъ думъ или заменяющихъ ихъ вѣсть; въ случаяхъ же прикосновенности дѣлъ къ гильдейскимъ повинностямъ или опредѣленію рода торговли, и отъ казенныхъ суммъ. При несогласіи преемствъ съ палатами, дѣла, по установленному порядку, поступаютъ на разрѣшеніе Правительствующаго Сената; 2) жалобы на торговыхъ депутацій могутъ быть приносимы какъ въ казенныя палаты, такъ и въ губернскія и областныя правленія, но дѣла, какъ въ четырехнедельный срокъ со дня формальнаго объявленія участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ постановленій торговыхъ депутацій; по истеченіи же срока, они нигдѣ не принимаются. (Выс. пов. объяв. 5 мая.).

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено, что дѣла по искамъ Польскаго Банка, какъ установленія правительственнаго, должны быть производимы въ присутственныхъ мѣстахъ иерархическимъ порядкомъ, предписаннымъ для производства дѣлъ, сопряженныхъ съ личными интересами, на томъ же основаніи, какъ сіе постановлено Высочайше-утвержденнымъ 18 марта 1835 года мнѣніемъ Государственнаго Совета въ отношеніи дѣлъ объ имуществѣхъ, принадлежащихъ римско-католическимъ монастырямъ и церквамъ, въ Царствѣ Польскомъ находящимся. (Высоч. утв. 30 апрѣля Ми. Гос. Сов.).

V. Законы уголовныя и рекрутскіе.

— Отъ Правительствующаго Сената предписано уголовнымъ палатамъ, чтобъ она въ производствѣ дѣлъ объ ослушаніи мастеровыми мнѣній противъ своего заводоуправленія и вообще по жалобамъ заводоуправленія на заводскихъ рабочихъ поступала по правиламъ, въ ст. 352, 1,500 и 1,501 т. 7 и 1,786 т. 15 Св. Зак. (изд. 1842 г.) изложенныхъ. (Ук. Прав. Сен. 29 мая.).

— Въ измѣненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: 1) Денежныя взиманія, опредѣленные въ статьяхъ 588 и 589 Уст. Рекр. налагаются на рекрутскіе участки и начальствующія лица, въ тѣхъ статьяхъ означенныя, самими рекрутскими присутствіями. Сими вѣдѣніямъ не должны быть подвергаемы участки, или ихъ начальство, въ томъ случаѣ, когда она въ представленіи своихъ рекрутъ сля-

довами назначеніямъ высшей власти, а не своимъ собственнымъ. Въ всѣхъ сихъ взысканіяхъ по ведомству государственныхъ нуждъ подъ именемъ участка должны быть разумѣмы лишь выборные, составляющіе сельскій сходъ, распорядяющій дѣлами рекрутскими. Янымъ недостаткомъ роста считать, при сихъ взысканіяхъ, не метchetti вершка противу указанной мѣры, а 2) независимо отъ губерскихъ рекрутскихъ присутствій предоставлять палатамъ государственныхъ нуждъ предварительно принимать и разсматривать акты желающихъ наняться у казны въ рекруты, дѣлать чрезъ своего врандающаго въ годности сихъ охотниковъ къ службѣ осмотра, и вообще оказывать имъ надлежащее къ приему содѣйствіе. (Высоч. утв. 3 марта Мн. Гос. Совета).

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ІУНЬ 1845 ГОДА.

Благотворительность. — Обнародованъ Высочайше-разсмотрѣнный уставъ попечительства о бѣдныхъ въ Москвѣ, составленнаго преимущественно изъ особъ женскаго пола. Оно состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. Отличительная цель сего учрежденія состоитъ въ томъ, чтобъ открывать людямъ, по-истинѣ нуждающихся въ помощи, особенно стѣсняющихся просить покаянія и оказывать имъ, сообразно обстоятельствамъ и по мѣрѣ возможности, такого рода пособія, которыя приносили бы имъ существенную, прочную пользу, и не могли быть употребляемы во зло по легкомыслию, или предосудительнымъ привычкамъ. Попечительство, не расточая безсчетовъ денежныхъ вспоможеній, старается замѣнять ихъ другими более надежными средствами къ возстановленію упадшаго состоянія людей, претерпѣвающихъ бѣдность, какъ-то: доставлять выгодныя занятія и матеріалы для работъ, определять нуждающихся къ должностямъ, воспитывать и обучать дѣтей, снабжать больныхъ медицинскими пособіями, призрѣвать престарѣлыхъ, раздавать въ нужномъ случаѣ необходимыя предметы для продовольствія, одѣвнія, или производства ремесла и проч. Въ-слѣдствіе сего основнаго правила, всякій разъ, когда по крайности обстоятельствъ денежная помощь будетъ оказываться необходимою, она назначается предпочтительно въ видѣ ссуды, на известный срокъ, дабы возбудить въ нуждающихся людяхъ собственную заботливость объ улучшеніи своего состоянія, не допуская ихъ до безпечной, опасной увѣренности во всегдашнемъ постороннемъ пособіи. Для руководства всѣми дѣйствіями попечительства учреждается советъ, подъ председательствомъ дамы, по назначенію Ея Императорскаго Величества. Московскій военный генерал-губернаторъ, въ качествѣ ближайшаго покровителя сего общепользнаго учрежденія, есть почетный президентъ совета. Въ советѣ присутствуютъ дѣйствительные члены женскаго пола. Эти члены суть попечительницы о бѣдныхъ въ отдельныхъ частяхъ города Москвы. При советѣ находится канцелярія подъ начальствомъ правителя дѣлъ. Въ каждой частіи города учреждается

себѣ отдаленіе попечительства подъ председательствомъ попечительницы о бѣдныхъ той части. Въ запискахъ сихъ отдаленій участвуютъ дѣны, принимающія на себя званіе и обязанности помощницъ, насколько сотрудничаютъ и агентамъ. Сотрудниками отдаленій могутъ быть приходскіе священники той же части, равнообразно чиновники, медики и содержатели аптекъ, тамъ же или по близости имѣющіе свое жительство. Въ агенты отдаленій опредѣляются лица изъ купеческаго и другаго званія. Попечительство имѣетъ своихъ почетныхъ членовъ и благотворителей. Почетные члены избираются совѣтомъ изъ пользующихся общимъ уваженіемъ особъ, отъ которыхъ попечительство можетъ имѣть дѣятельнаго въ своихъ подвигахъ участія совѣтомъ, покровительствомъ или пожертвованіями. Благотворителями попечительства имѣются лица, оказавшія значительныя пособія къ достиженію общеполовой его цѣли. Средства къ исполненію человеколюбивыхъ намѣреній попечительства заключаются въ упованіи на помощь Божію и извѣстную благотворительность московскихъ жителей всѣхъ состояній. Изъ лица, составляющія попечительство, обязаны прилагать стараніе о сборѣ пожертвованій въ пользу онаго. Пожертвованія могутъ состоять не только изъ денежныхъ суммъ, но и изъ всякихъ вещей, приносимыхъ отъ добраго сердца на помощь бѣдствующихъ нашихъ согражданъ. Преимущественно приглашаются благотворительные люди къ приношенію състныхъ припасовъ, драгъ, платя, бѣлья и обуви, или такихъ предметовъ, изъ которыхъ можно изготовлять бѣлье, одежду и обувь имѣющимъ въ томъ настоятельную нужду. Лица, составляющія отдаленія попечительства по городскимъ частямъ, употребляютъ особенное стараніе присматривать между торговцами такихъ расположенныхъ къ богоугодной щедрости людей, которые приняли бы на себя обязанность, въ нужныхъ случаяхъ, отпускать бѣднымъ семействамъ по заказкамъ или билетамъ отдаленія необходимую ежедневную порцію състныхъ припасовъ: печеный хлѣбъ, крупу, мясо, овощи,—безъ платы или по умереннымъ ценамъ. Къ подобному отпуску лекарствъ бѣднымъ людямъ, пользующимся на квартирахъ медиками отдаленій, приглашаются содержатели аптекъ въ тѣхъ же частяхъ. Къ умноженію средствъ для вспоможенія бѣднымъ, попечительство употребляетъ и другіе дозволенные въ подобныхъ случаяхъ способы: составляетъ въ пользу ихъ лоттерей, учреждаетъ концерты и т. п. Дозволяется совѣту открывать въ пользу попечительства подписку въ періодическихъ изданіяхъ хурамовъ и проч. О поступающихъ въ распоряженіе попечительства приношеніяхъ печатается для общаго свѣдѣнія объявленіе въ ведомостяхъ, издаваемыхъ въ московской столицѣ. О важнѣйшихъ пожертвованіяхъ доводится до Высочайшаго свѣдѣнія Ея Императорскаго Величества съ ходатайствомъ о Всемилостивѣйшемъ вниманіи на оныя и причисломъ вознагражденіи для поощренія общепользныхъ дѣйствій.

Промышленность. — Въ Астрахани 19-го мая, на элпнгъ тамошняго порта спущены были два желѣзные парохода, предназначенные для плаванія по Каспійскому-Морю.

— Пермской-Губерніи, въ суксунскомъ горномъ заводе, принадлежащемъ Павлу и Петру Григорьевичамъ Демидовичамъ, спущенъ желѣзный пароходъ, первый выстроенный на Уралѣ. Пароходъ сей построенъ единственно для испытанія возможности перевозки металловъ и товаровъ съ тамошнихъ пристаней и изъ Сибири въ желѣзныхъ судахъ буксирюемыхъ пароходами. Если опыты сей достигнутъ своей цѣли, то можно сказать, будетъ имѣть самыя важныя результаты для отечественной торговли, ибо: 1) избавитъ отъ необходимости истреблять ежегодно столь значительное число лучшаго лѣса; 2) ускоритъ и одешевитъ перевозку товаровъ и металловъ; 3) освободитъ огромное число людей отъ этой работы, возвратитъ ихъ къ хлѣбопашеству и другимъ работамъ въ самое удобное для нихъ время и, наконецъ, что еще важнее, 4) отвратитъ, столь значительное и неизбежное число несчастій постигающихъ ежегодно несколько судовъ, при разбитіи которыхъ нередко лишаются жизни судорбочіе, а промышленники подвергаются значительнымъ убыткамъ.

— Выдана привилегія московскимъ купцамъ Крумбигелю и Шенфельду на аппараты для добыванія и очищенія эфирныхъ маселъ и на устройство горюлокъ для оныхъ. По объясненію выгоды этого изобретенія суть: 1) свѣтъ при этомъ освѣщеніи не только болѣе и пріятнее, но и ярче всякаго другаго; 2) лампы скоро и удобно зажигаются и тушатся; 3) не требуютъ ни поправки, ни чистки; 4) горючій матеріалъ не мараетъ, не дѣлаетъ никакихъ пятенъ, даже на самыхъ чуждыхъ тканяхъ; 5) лампы приспособляются по произволу какъ самаго малаго, такъ и самаго большаго свѣта; 6) по яркости свѣта и дешевизнѣ горючаго вещества оны удобны для освѣщенія фабрикъ и улицъ, ибо къ сему можетъ быть употребленъ очищенный деготь изъ каменнаго угля, который до сего времени почти не имѣетъ никакого употребленія; 7) матеріалы, нужныя для приготовленія горючаго вещества, находятся въ Россіи, стоятъ менѣе растительныхъ маселъ, и вполне замѣняютъ получаемое изъ-за границы деревянное масло.

IV.

ДОБРОУХОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

П О Ч В А.

Происхожденіе ея; улучшенія физическое и химическое; удобренія и унавоживаніе; унавоживаніе сѣмянъ.

Статья четвертая и послѣдняя.

Толченныя кости всѣхъ трехъ видовъ составляютъ отличное удобреніе, которое дѣйствуетъ въ продолженіи пяти лѣтъ.

Оны разбиваются, толкутся особой машиной или ручной работой, т. е. первоначально рубятъ ихъ топоромъ на крупныя куски, а потомъ уже разбиваютъ молоткомъ.

Опытныя сельскіе хозяева замѣчаютъ, что гораздо-удобнѣе раздробить кость совершенно-сухую и горячую, нежели свѣжую и сырую, — по-этому они совѣтуютъ просушивать кости въ печи и потомъ разбивать ихъ горячія.

Либихъ, очень-ученый химикъ, но Нѣмецъ, совѣтуетъ подготавливать костяной навозъ слѣдующимъ образомъ: «истереть кости

на машинѣ въ самый тонкій порошокъ и варить нѣкоторое время съ сѣрной кислотой, разведенной тремя или четырьмя частями воды; потомъ остатокъ распустить во 100 частяхъ воды и это жидкостью поливать почву прежде запашки. Свободная кислота соединяется здѣсь съ основаніями, съ щелочами почвы; а средніе фосфорно-кислыя соли, составляющія кость, располагаются въ почвѣ единообразно; опыты, которые дѣланы были съ жидкими костянымъ навозомъ, показываютъ, что онъ особенно благотворно дѣйствуетъ на хлѣбъ и овощи.

На желатинныхъ фабрикахъ теряется ежегодно огромное количество раствора земляныхъ солей въ хлористо-водородной кислотѣ. Интересно было бы опредѣлить, можетъ ли этотъ растворъ совершенно замѣнить кости. Нѣтъ сомнѣнія, что хлористо-водородная кислота свободная соединится здѣсь съ известью (если она находится въ почвѣ) и образуетъ растворимую соль—хлористый кальцій, который, какъ известно, благотворно дѣйствуетъ на растительность. Въ-самомъ-дѣлѣ, хлористый кальцій притягиваетъ къ себѣ съ необыкновенной силой сырость изъ воздуха и можетъ совершенно замѣнить гипсъ, употребляемый также, какъ вещество удобряющее; подобно гипсу, хлористый кальцій разлагается въ соприкосновеніи съ углекислымъ аммоньякомъ на нашатырь и углекислую известь. Растворъ костей въ хлористо-водородной кислотѣ, если разлить его по поверхности почвы осенью или зимою, передастъ и фосфорно-кислую соль и поможетъ удержать весь аммоньякъ, который падаетъ на землю вмѣстѣ съ дождемъ.

Костяной навозъ употребляется во Франціи; въ Германіи онъ не въ ходу; въ Англіи онъ особенно въ большой славѣ и въ очень-значительномъ употребленіи. Англичане не довольствуются огромнымъ количествомъ костей, получаемыхъ на собственныхъ скотобойняхъ, но еще выписываютъ ихъ изъ Россіи и обѣихъ Индій. Четыре четверика толченыхъ костей обходится англійскимъ сельскимъ хозяевамъ слишкомъ 15 руб. ассигн. Они употребляютъ ихъ отъ 60 до 160 четвериковъ слишкомъ на десятиину, но этотъ навозъ дѣйствуетъ съ одинаковою силою десять и двадцать-пять лѣтъ и чудовищно умножаетъ всѣ посѣвы, особенно злаковые. Замѣчено, что равная примѣсь по объему древесной золы или селитры увеличиваетъ благотворное вліяніе костяного навоза.

Костяной навозъ подъ картофель бросается въ ямки вмѣстѣ съ посѣвомъ; онъ засѣвается также вмѣстѣ съ сѣменами; потомъ въ почву проходятъ граблями или каткомъ, чтобъ прикрыть и навозъ и посѣвъ землею.

Если костяной навозъ въ мелкошъ порошокѣ, гораздо-лучше покрыть имъ самыя растенія.

Навозы жидкіе. — Кровь и моча различныхъ животныхъ, растворы оленно-кислыхъ, стеарино-кислыхъ и другихъ жирныхъ солей, остающіеся при выдѣлываніи стеариновыхъ и простыхъ салныхъ свѣчей, вещества болѣе или менѣе жидкія, наполняющія кишки, и вообще вся жидкости органическія — при вавственныхъ обстоятельствахъ образуютъ отличнѣйшіе навозы:

Такимъ-образомъ, въ окрестностяхъ Парижа есть обширный лугъ, куда стекаетъ мыльная вода изъ прачечныхъ, кровь и разная вода съ скотобовней; теперь онъ даетъ въ лѣто пять отличнѣйшихъ сѣнокосовъ, тогда-какъ прежде давалъ только одинъ, и то плохой.

Богатыя пажити фламандскія и бельгійскія еще лучше доказываютъ выгоды, которыя можно извлечь изъ жидкихъ азотистыхъ навозовъ, болѣе или менѣе смѣшанныхъ съ водою. Вотъ какимъ образомъ получаютъ и употребляютъ ихъ въ этихъ странахъ.

Подъ землею устроиваются резервуары, выложенные камнемъ, и въ нихъ проводятся чрезъ трубы жидкости изъ хлѣбовъ, конюшенъ, отхожихъ мѣстъ, помойныхъ ямъ. Резервуары эти устроиваются ближе къ дорогамъ, которыя ведутъ на пашню. Здѣсь эти разнородныя жидкости совершенно защищены отъ воздуха и теплоты, — слѣдственно, отъ всѣхъ непремѣнныхъ условий гніенія.

Когда хотятъ употреблять этотъ жидкій навозъ для орошенія пашни, его достаютъ изъ резервуара чрезъ особенную крышку, устроенную сверху, разводять въ пяти или шести частяхъ воды и разливаютъ въ бочки, которыя уже возятъ по пашнѣ. Навозная жижа вытекаетъ здѣсь прямо чрезъ трубку, покрытую отверстиями, или сначала изъ трубки въ деревянный жолобокъ, а съ жолобка уже прямо на землю.

Последнее дѣлается, когда жижа довольно-мутна и не отстоялась.

Такимъ-образомъ орошаютъ поля засѣянные и луга тотчасъ послѣ покоса. Этотъ жидкій навозъ дѣйствуетъ хотя непродолжительно, но необыкновенно-сильно; молодые растенія всходятъ, развиваются и быстро достигаютъ того времени, когда атмосфера становится для нихъ главнымъ источникомъ пищи. Навозную жижу также, не разводя водою, располагаютъ въ небольшомъ количествѣ возлѣ растеній, однакожъ, не касаясь ихъ стебля, потому-что тогда она дѣйствуетъ еще сильнѣе и даже разрушительно. Если же растенія рядовыя, то цѣльный жидкій навозъ, неразведенный водою, разливается между рядами въ ямы.

Орошеніе мочою или помоями — одними и смѣшанными съ масляными выжимками, требуетъ слѣдующихъ предосторожностей.

Если этотъ навозъ разлить по землѣ, до посѣва уже вспаханной и взбороненной, то необходимо выбрать для этой операціи такое, даже немного-дождливое время и взборонить землѣ еще разъ послѣ унавоживанія, чтобъ она сама-по-себѣ смѣшалась с навозомъ какъ-можно-тѣснѣе, а сѣмена не были бы съ нимъ и прямою соприкосновеніемъ.

Съ тою же цѣлю, когда орошаютъ почву послѣ бороньбы и посѣва, необходимо сѣмена легонько прикрывать землею, и для того вся поверхность въ два раза легонько укатывается каткомъ; этотъ тонкій сжатый слой земли предохраняетъ большее число сѣменъ отъ соприкосновенія съ сильнымъ навозомъ, который можетъ загубить ростокъ и остановить прозябаніе.

Въ Швейцаріи готовятъ еще особенный жидкій навозъ извѣстный подъ именемъ навозной жижи (*lisière*). Вотъ его описаніе, которое заимствуемъ мы изъ брошюры Декандоля о швейцарскихъ навозахъ.

Въ конюшняхъ, сзади стойла, устраивается глубокая канавка куда стекаетъ моча животныхъ; сюда же проводится вода изъ ближайшаго колодца; къ этой жидкости примѣшиваютъ и твердые испраженія. Канавка чистится нѣсколько разъ въ день и навозъ свозится въ яму, гдѣ онъ запасается на цѣлую недѣлю. Этотъ навозъ долженъ оставаться, по-крайней-мѣрѣ, цѣлый мѣсяцъ; по этому, при немного-значительномъ скотномъ заведеніи, необходимо имѣть по-крайней-мѣрѣ пять ямъ.

Но навозы жидкіе, или слишкомъ разведенные водою не могутъ быть употреблены на всѣхъ мѣстностяхъ съ одинаковою экономіею; сверхъ того, они имѣютъ еще другія неудобства, которыхъ впрочемъ, можно избѣгать при новѣйшихъ улучшеніяхъ, какъ мы увидимъ далѣе.

Вмѣсто-того, чтобъ жидкій навозъ разводить водою, гораздо лучше посредствомъ выпариванія привести его въ меньшій объемъ, отъ-чего онъ гораздо-медленнѣе разлагается и дѣйствуетъ хотя не такъ быстро, но за то однообразно и равномерно.

Между всѣми жидкими унавоживающими веществами, животныя испраженія заслуживаютъ особенное наше вниманіе. Вотъ какимъ образомъ, высушиваются (приводятся въ меньшій объемъ) они издавна въ большихъ городахъ. За городомъ, подальше отъ жилья, выбирается какое-нибудь старое зданіе, даже полуразвалившееся, — все равно, были бы только четыре стѣны да кровли; въ немъ устраиваются обширные, но не глубокіе бассейны, внутри выложенные камнемъ или глиной. Такихъ бассейновъ должно быть по-крайней-мѣрѣ пять, и всѣ они располагаются этиками одинъ надъ другимъ. Каждую ночь вся нечистота отхожихъ мѣст

сливается въ верхній бассейнъ; когда уже онъ совершенно наполненъ до краевъ, поднимають затворку, сдѣланную съ боку, и самая жидкая часть, плавающая сверху, стекаетъ во второй бассейнъ. Подобная операція повторяется послѣдовательно нѣсколько разъ, пока наполнится второй бассейнъ и осадутъ въ немъ изъ жидкости твердыя частицы; тогда совершенно-такимъ же способомъ жидкость, плавающая сверху во второмъ бассейнѣ, переводится въ третій, гдѣ опять она раздѣляется на твердый осадокъ и жидкую массу, которая переходитъ въ четвертый бассейнъ. Изъ пятого бассейна жидкость уже мало-по-малу сливается въ проточную воду, или въ сточную яму, или проводится въ артезианскій колодезь.

Когда твердаго осадка въ верхнемъ бассейнѣ накопится значительно, затворка открывается опять, чтобъ жидкость съ него стекла лучше, а въ это время новая нечистота сливается въ другіе бассейны, устроенные такъ же въ томъ зданіи въ видѣ этажей нѣсколько съ боку отъ первыхъ. Твердый осадокъ долгое время бываетъ такой же вязкій, какъ и тѣсто; въ этомъ видѣ его вынимаютъ желѣзными черпалами и раскладываютъ на укатанной, убитой земляной площадкѣ нѣсколько-наклонной, такъ, чтобъ дождевая вода не оставалась долго на ней, а могла стекать. Отъ времени до времени твердый калъ переворачиваютъ лопатами, чтобъ воздухъ со всѣхъ сторонъ провѣтривалъ его. Эту продѣлку повторяютъ до-тѣхъ-поръ, пока вся вода отдѣлится отъ кала посредствомъ этого добровольнаго выпариванія, и онъ самъ превратится въ порошокъ. Въ этомъ видѣ животныя испражненія называются *пудретомъ*.

Пудреть сохраняютъ въ сараяхъ сколько-возможно защищая его отъ дождя, или складываютъ въ плотныя пирамидальныя кучи; вода дождевая трудно проникаетъ здѣсь внутрь и сливается быстро по бокамъ.

Вся операція, которую мы сейчасъ описали, очень-проста сама-по-себѣ, но она сопряжена съ значительными неудобствами. Простушваніе это, если вести его правильно, тянется отъ четырехъ до шести лѣтъ, смотря по состоянію атмосферы; въ этотъ огромный промежутокъ времени, отъ соприкосновенія съ воздухомъ и водою, въ животныхъ испражненіяхъ возбуждается постоянное броженіе, отдѣляются кругомъ на нѣсколько верстъ испаренія зловредныя, отвратительнаго запаха, которыя уносятъ съ собою большую часть газовъ, питающихъ растенія, что для земледѣльца составляетъ чистую, невознаградимую потерю.

Употребленіе пудрета въ земледѣліи не представляетъ никакого особаго затрудненія.

Пудреть разсыпается по почвѣ, во время заправки, въ количествѣ

девяти или двенадцати четвертей (двадцать или тридцать гектолитровъ) на десятину (гектаръ). Этотъ навозъ сильно дѣйствуетъ на первую растительность и особенно помогаетъ развитію зеленыхъ частей растенія; но онъ скоро истощается и не оказываетъ уже никакого вліянія на хлѣба во время ихъ цвѣтенія и оплодотворенія.

Если разсыпать по лугу отъ семи съ половиною до одиннадцати съ половиною четвертей (отъ восемнадцати до двадцати-четырехъ гектолитровъ) пудреты, онъ замѣтно оживитъ растительность, но придастъ также растеніямъ очень-непріятный вкусъ.

Мочевинно-кислая соль (Urate).—Такъ называютъ смѣсь мочи съ гипсовымъ порошкомъ, или мѣломъ, или мергелемъ. Этотъ порошковый навозъ довольно-сильнъ; но онъ недолго сохраняетъ свою дѣятельность, и понятно почему навозъ этотъ скоро истощается: моча сама-по-себѣ содержитъ сухаго дѣйствующаго вещества не болѣе четырехъ процентовъ; остальные девяносто-шесть составляютъ воду. Въ мочевиной же кислой соли мочи находится только пятьдесятъ частей, такимъ образомъ дѣйствующаго вещества въ этой унавоживающей смѣси будетъ отъ 1,5 до 2 процентовъ не болѣе; иногда еще и менѣе, если она долгое время была подъ вліяніемъ воздуха и воды.

Жидкіе употребительные навозы начинаютъ дѣйствовать слабѣе, когда растительность быстро развивается; они разлагаются медленно и испареній отдѣляютъ тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе развиваются поглощающія поверхности растеній; но въ первое время эти зловредныя испаренія отдѣляются въ огромномъ количествѣ и переходятъ въ растеніе со всеми свойствами и, главное, съ отвратительнымъ своимъ запахомъ: въ доказательство приведемъ слѣдующіе три примѣра.

Если жидкимъ навозомъ, каломъ, разведеннымъ водою или мочою, полить раза три-четыре растенія во время ихъ развитія, мы найдемъ, что сокъ ихъ пріиметъ сильный, зловредный запахъ, свойственный именно калу.

То же самое явленіе представляетъ и грязь и испорченная кровь, и чѣмъ болѣе развиты зеленыя части у растеній, тѣмъ сильнѣе этотъ отвратительный запахъ и вкусъ.

Если луга унавоживать пудретомъ, кормовыя травы тоже займутъ его запахъ.

Но эти важныя неудобства жидкихъ вонючихъ навозовъ, какъ мы увидимъ сейчасъ, можно очень-легко уничтожить.

Еще въ 1822 г. Пайенъ предложилъ въ мемуарѣ объ угляхъ (*mémoire sur les charbons*), увѣнчанномъ Парижскимъ Обществомъ Аптекарей (*Société de Pharmacie de Paris*), употреблять, какъ веще-

тво унавоживающее, углистый остатокъ, получаемый при рафинированіи сахара (*residu des raffineries*). Для рафинирования, т. е. чищенія сахара, идетъ, какъ извѣстно, животная кровь, и въ этомъ глестомъ остаткѣ свернувшаяся кровь составляетъ всего 0,10 или 0,15 не болѣе по вѣсу. Гніеніе нисколко неслабило этого навоа; напротивъ, присутствіе 0,85 или 0,90 обугленныхъ неорганическихъ продуктовъ видимо замедляло разложеніе азотистаго вещества.

Французскіе сельскіе хозяева отозвались на важное предложеніе Ланена, и весь остатокъ послѣ рафинирования сахара, которые продали до-сихъ-поръ совершенно-даромъ, употреблены были теперь съ пользою. Вскорѣ потомъ, этотъ побочный продуктъ сахарнаваренныхъ заводовъ наводнилъ всю европейскія страны, и теперь Франція употребляетъ его для унавоживанія своей почвы и отправляетъ за границу слишкомъ 10,000,000 пудъ ежегодно.

Во Франціи, этотъ животный уголь идетъ особенно для западныхъ департаментовъ, которые нуждаются болѣе всего въ веществахъ унавоживающихъ. Пашни, бывшія годъ и два изъ трехъ гдѣ подъ паромъ, засеваются теперь ежегодно и даютъ двойные, тройные урожаи противъ прежняго.

Вотъ мѣра дѣятельности животнаго угля: она поразительна съ перваго взгляда до невѣроятности; но точныя наблюденія, которыя производились на обширныхъ размѣрахъ, подтверждаютъ это показаніе, что пятнадцать частей сухой крови, входящія въ составъ его, дѣйствуютъ сильнѣе четырехъ-сотъ частей чистой жидкой крови и ста частей сухой.

Такимъ-образомъ, органическое вещество въ соединеніи съ углемъ дѣйствуетъ въ шесть разъ болѣе, нежели одно само-по-себѣ. Этотъ фактъ объясняетъ ужасное потребление остатковъ углистыхъ отъ рафинировки сахара и значительную цѣнность ихъ сравнительно съ чистою высушеною кровью. Сверхъ того, остатки эти легче и удобнѣе разбрасываются по пашнѣ, и такимъ-образомъ сберегается ручная работа; въ-самомъ-дѣлѣ, достаточно раскидать ихъ слѣдомъ за постромъ и потомъ пашню взборонить.

Плодотворное дѣйствіе углистыхъ остатковъ одинаково-постоянно при всѣхъ обстоятельствахъ.

И такъ, уголь продолжаетъ и увеличиваетъ дѣйствіе сухой крови; но этого еще мало: здѣсь не заканчивается его полезное вліяніе; уголь играетъ еще ролю посредника между съменемъ, зерномъ и навозомъ, поглощая изъ него газы и теплоту, которые передаются развивающемуся растенію. Въ-самомъ-дѣлѣ, если посвятить нѣсколько растений въ двухъ горшкахъ въ чистомъ толченомъ углѣ, поливать ихъ водою и прибавлять къ одному горшку ежедневно

$\frac{1}{100}$ часть чистаго угля, а къ другому столько же угля провятаннаго газами, отдѣляющимися при броженіи животныхъ веществъ, мы замѣтимъ, что въ этомъ послѣднемъ горшкѣ растительность будетъ полная, густая; напротивъ, въ первомъ слабая, истощенная.

Скоро сахароваренные заводы перестали удовлетворять возрастающему требованію французскихъ и заграничныхъ сельскихъ хозяевъ; тогда Сальмонъ придумалъ выдѣлывать навозъ искусственный, подобный углистымъ остаткамъ, но еще болѣе-дѣятельный и болѣе-постоянный. Онъ смѣшивалъ различные остатки органическихъ азотныхъ тѣлъ въ мелкомъ порошокѣ съ прокаленною углистою землею, которая, по причинѣ своего губчатого сложенія—слѣдствія прокаливанія, сильно поглощала и газы и сырость.

Этотъ новый искусственный навозъ, известный подъ именемъ *животной черни*, дѣйствовалъ въ десять разъ сильнѣе сравнительно съ твердымъ высушеннымъ каломъ-пудротомъ.

Животная чернь превращаетъ въ удобреніе всѣ навозы жидкіе, заключающіе въ себѣ достаточно азотистыхъ органическихъ веществъ, всѣ остатки животныхъ, и дѣйствуетъ гораздо-сильнѣе, нежели эти навозы сами-по-себѣ; мало того: зловонія, которыя отдѣлялись и отдѣляются отъ нихъ всегда, въ животной черни насыщаются углемъ,—а это важная статья для народнаго здоровья въ мѣстностяхъ населенныхъ.

Вотъ самое производство животной черни:

Всѣ части животныя—мягкія, жидкія, свѣжія, полусгнившія, предварительно только обращены въ мелкій порошокъ, смѣшиваются сколько-возможно тѣснѣе съ землею или всякимъ другимъ веществомъ также измельченнымъ и прокаленнымъ, которому, слѣдственно, мы придали такимъ-образомъ и углистый видъ, и губчатое сложеніе, и способность вбирать въ себя сырость и газы.

Когда смѣсь составлена (углистой земли берется половина во вѣсу), приготовленіе навоза кончено, въ органическихъ собственно веществахъ приостанавливается самопроизвольное разложеніе; они не измѣняются, точно такъ же, какъ кости, рога, превращенныя въ порошокъ. Сѣрнисто-водородный газъ, соединенный съ аммоніакомъ, который есть обыкновенный продуктъ гніенія, самопроизвольнаго разложенія тѣлъ органическихъ, поглощается въ этой смѣси губчатымъ, углистымъ веществомъ: такъ-что если мы въ жидкую смѣсь опустимъ серебряную пластинку, которая, навѣстно, тускнѣетъ всегда въ соприкосновеніи съ вонючимъ сѣрнистымъ водородомъ, то замѣтимъ, что пластинка эта не утратитъ совершенно своего первобытнаго блеска; а погрузите ее въ одно гнѣющее органическое вещество, въ гнилыя яйца, на-примѣръ, — она въ нѣсколько секундъ потрѣпѣтъ.

Животная чернь такимъ-образомъ соединяетъ въ себѣ всѣ качества отличнаго навоза; она мелко раздѣлена и медленно разлагается. Послѣ приготовленія тотчасъ же можно и употребить ее въ дѣло, привести въ соприкосновеніе съ посявомъ, съ корешками, перышками зерна — первообразами корня и стебля растенія въ зародышномъ состояніи.

Животная чернь разлагается, сказали мы, очень-медленно, и уступаетъ очень-трудно губчатымъ конечностямъ корня газообразные и вообще растворимые продукты, питающіе растенія; по-этому она никогда не истощается и совершенно удовлетворяетъ развитію однолѣтнихъ растеній.

Дѣйствуетъ животная чернь собственно на хлѣбныя растенія, когда они въ цвѣту, — когда совершается, слѣдственно, таинственный процессъ оплодотворенія; отъ этого и зерно родится обильнѣе и лучше, нежели подѣ влияніемъ навоза обыкновеннаго, содержащаго въ себѣ, даже сравнительно, вдвое-болѣе вещества органическаго, но которое быстро разлагается и испаряется въ газяхъ, составляющихъ совершенную потерю для сельскаго хозяйства. Мало того, эти газы служатъ еще къ чистому его ущербу, потому-что придаютъ корнямъ, листьямъ, плодамъ и вообще съѣдобнымъ частямъ растенія непріятный вкусъ и запахъ; напротивъ, всѣ ароматическія начала животной черни—растенія ассимилируютъ, употребляютъ для своего собственнаго развитія.

Лука естественные и искусственные, унавоженные шестью и дѣтью четвертями (12 и 15 гектолит.) животной черни въ сырое время, послѣ перваго весенняго дождя (а для этой полевой работы это лучшее время), даютъ самый обильный и самый вкусный урожай. Факты эти засвидѣтельствованы многими французскими сельскими хозяевами, которые употребляютъ этотъ навозъ.

Хотя девяти четвертей (15 гектолитровъ) животной черни совершенно достаточно для унавоживанія десятины, — иногда, впрочемъ, особенно для садоводства, количество это удесятяряли, напримеръ, чтобъ принялись молодые, плодовые деревья.

Животную чернь передъ самымъ употребленіемъ необходимо разбить лопатою; иногда даже, чтобъ она ровнѣе раздѣлилась въ почву, ее смѣшиваютъ съ землею въ равныхъ объемахъ.

Подѣ хлѣба, ячменя, овса, свеклу, рѣпу, маисъ, коноплю, ленъ животную чернь раскидываютъ непосредственно послѣ посява, и потомъ пашню боронятъ.

Подѣ картофель же, артишоки, горохъ, бобы—животную чернь кладутъ горстями въ ямки рядомъ или около грядъ.

Животная чернь, смѣшанная съ десятью частями чернозема по

объему, составляет отличный навозъ для унавоживанія садовой земли.

Во всѣхъ этихъ употребленіяхъ не замѣчено ни одного изъ недостатковъ, которые представляютъ обыкновенныя сильно-дѣйствующіе навозы и которые рассмотрѣны нами выше.

Но вотъ еще побочныя выгоды, доставляемыя земледѣлю животною чернью:

Съ этимъ навозомъ нѣчего бояться миллионовъ вредныхъ насекомыхъ, которыя заносятся на пашню вмѣстѣ съ обыкновеннымъ навозомъ.

Присутствіе угля сверхъ того, представляетъ препятствіа нападеніямъ мелкихъ животныхъ, которыя очень-часто опустошали поля, унавоженные сухою кровью и мясомъ. Такъ извѣстно, когда въ первый разъ пробовали въ Америкѣ удобрить кровью сахарныя плантаціи, тысячи крысъ, привлеченныя запахомъ животного вещества, подточили своими зубами всѣ корни, и огромная потеря была въ замѣтъ ожидаемаго обильнаго урожая.

Когда распространилось употребленіе животной черни, промышленники стали поддѣлываться подъ этотъ полезный продуктъ и старались со средствами болѣе-дешевыми выработать различныя искусственныя унавоживающія смѣси, которыя бы дѣйствовали подобно животной черни. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ только о попыткахъ дѣлать животную чернь изъ золы и торфа.

Понятно, что, замѣняя углистое, землистое вещество, прокаляваемое нарочно въ закрытыхъ сосудахъ, которое составляетъ главную массу животной черни, золою, остающеюся послѣ сожженія дерева, каменнаго угля и торфа, можно сдѣлать значительную экономію; но здѣсь утрачиваются также и выгоды, которыя представляетъ животная чернь и которыя окупаютъ всѣ издержки приготовленія и часто дальняго провоза.

Въ-самомъ-дѣлѣ, зола обладаетъ способностью уничтожать зловоніе въ гораздо-меньшей степени, нежели углистое вещество, о которомъ мы говорили; къ золѣ можно примѣшать животнаго гнѣющаго вещества въ меньшей пропорціи, и то еще разлагается гораздо-быстрѣе, дѣйствуетъ, слѣдственно, не такъ продолжительно и не съ такою пользою: потому-что оно въ своихъ химическихъ превращеніяхъ опережаетъ самое развитіе растений. Органическое, гнѣющее вещество можетъ даже имѣть вредить, сообщая непріятный вкусъ.

Другая причина низкаго достоинства этого новаго искусственнаго навоза заключается въ различномъ качествѣ золы; а качество золы зависитъ отъ многихъ условій, именно отъ свѣжести дѣла, отъ времени сожженія, отъ состава торфа, каменнаго угля; камен-

угольная зола заключаетъ въ себѣ, кромѣ-того, множество маленькихъ зернышекъ съ стеклянною поверхностью, которыя застилаютъ губчатая части корней.

Такимъ-образомъ, очень-рѣдко эти различные сорта золы въ соединеніи съ животными веществами могутъ улучшить почву и доставить большія выгоды земледѣльцамъ. Впрочемъ, на нѣкоторыя тугія почвы дѣйствуетъ хорошо смѣсь золы съ животными испраженіями.

Двадцати и четырнадцати четвертей (25 и 30 гектолитровъ) *мыльной животной черни* совершенно достаточно на десятину тугой почвы. Надобно избѣгать, чтобъ сѣмена и этотъ навозъ были въ прямомъ непосредственномъ соприкосновеніи; по-этому предварительно послѣ посѣва необходимо машиню укатать или взборонить, а потомъ уже раскидать навозъ. Или навозъ прежде посѣва зарыть въ землю бороною, или расположить его рядомъ съ растеніями, однако такъ, чтобъ онъ не касался ихъ стебля.

Торфяная чернь. — Торфъ непрѣкаленный, смѣшанный съ третью или четвертью кала (по вѣсу) пробовали такъ же употреблять, какъ навозъ. Очень-вѣроятно, гдѣ добываніе и провозъ торфа ничего не стоить, смѣсь эта можетъ быть употреблена съ пользою; но она слишкомъ разрыхляетъ почву, а этого главнаго неудобства легко избѣгнуть,—торфъ только надобно смѣшивать съ богатымъ навозомъ такъ, чтобъ получаемая смѣсь имѣла по-возможности меньшій объемъ. Впрочемъ, это улучшение — только одно предположеніе, и мы на него не слишкомъ налагаемъ, пока оно не подтвердится точными опытами и на большихъ размѣрахъ.

Другія подражанія животной черни можно считать чистыми поддѣлками. Такимъ-образомъ, спекулянты, чтобъ увеличить количество этого навоза, примѣшиваютъ къ нему вещества по виду только похожія, но гораздо-меньшей цѣнности и которыя не содержатъ въ себѣ ни крови, ни какихъ-либо другихъ животныхъ тѣлъ.

Земледѣльцамъ необходимо умѣть открывать эту поддѣлку, что не представляетъ большихъ затрудненій. Особенно легко узнать черную землю изъ Пикардіи, которая вообще употребляется въ этого рода поддѣлкахъ и нарочно даже привозится въ Бретань. Вещество это, иначе называемое также черною или кошачьяною золою, находится въ изобиліи во многихъ мѣстностяхъ; оно состоитъ изъ глины, сѣрнистаго желѣза, сѣрнокислаго желѣза, глинозема, углистыхъ и смолистыхъ органическихъ веществъ; съ водою оно даетъ растворъ кислый, сильно окрашивающій лакмусовую бумажку.

Чтобъ доказать обманъ, стоитъ только накалить навозъ до-красна и потомъ остудить.

Если навозъ чистый, онъ превратится въ мелкій порошокъ однообразнаго сѣроватаго цвѣта; если же онъ содержитъ въ себѣ черную землю, то послѣ накаливанія соберется комками и мѣстами будетъ красноватаго цвѣта.

Къ животной черни подмѣшиваютъ также угольный мусоръ, который всегда находится гдѣ сберегаютъ древесный или каменный уголь. Вообще эту примѣсь легко открыть съ перваго взгляда по буроватому цвѣту съ легкимъ желтоватымъ или бѣловатымъ оттѣнкомъ, а потомъ на ошупь этотъ подмѣшанный навозъ очень грубъ. Животная чернь чистая, напротивъ, темнобураго однотоннаго цвѣта и совершенно незамѣтно стирается между пальцами.

Зернистая чернь. — Нѣсколько лѣтъ уже на сахароваренныхъ заводахъ употребляется для процѣживанія сиропа, уже очищеннаго, зернистый животный уголь; его называютъ зернистою чернью. Исключая сахара, онъ не содержитъ въ себѣ никакихъ органическихъ азотистыхъ веществъ. Слѣдственно, зернистая чернь не есть навозъ, и примѣшиваніе ея къ углистымъ остаткамъ отъ рафинированія сахара есть чистая поддѣлка; къ-счастью, открыть ее легко по зернистому сложенію этой примѣси.

Хлѣвные навозы. — Всѣ хлѣвные навозы можно раздѣлить на двѣ категоріи: 1) навозы горячіе и 2) навозы свѣжіе. Эти послѣдніе происходятъ преимущественно отъ сочной водянистой пищи, которую въ такомъ изобиліи уничтожаютъ коровы. Въ-самомъ-дѣлѣ, этихъ животныхъ, когда и пройдетъ время пастбища, кормятъ свеклою или ея выжимками, получаемыми на свеклосахарныхъ заводахъ, картофелемъ или его обивками, остающимися при выдѣлываніи крахмала. Испражненія коровъ, слѣдственно, содержатъ въ себѣ много воды, которая ихъ разжижаетъ, придаетъ имъ губчатое сложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ способность удерживать сырость и освѣжать землю кругомъ корней.

Другіе навозы, которые происходятъ отъ сухой зерновой и травянистой пищи, а именно, испражненія лошадей, куръ, индѣекъ, и проч., называются горячими. Они высыхаютъ скорѣе и поглощаютъ воды болѣе, нежели свѣжіе навозы при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ.

Легко понять, что горячіе навозы болѣе-приличны влажнымъ, холоднымъ почвамъ, а навозы свѣжіе идутъ предпочтительно для унавоживанія сухихъ, песчаныхъ и горячихъ почвъ.

Впрочемъ, и тѣ и другіе навозы могутъ быть съ пользою употреблены безъ различія на всѣхъ почвахъ, особенно если предвѣрительно удобрить ихъ.

Иначе, еще можно раздѣлить навозы, и это дѣленіе тоже очень правильное, категорическое: — *навозы продолжительные*, въ которыхъ

броженіе только зачинается; они занимаютъ много пространства, очень-объемисты и дѣйствуютъ долговременно; — *навозы жирные*, гдѣ броженіе уже значительно подвинулось; они очень-тяжелы, вязки, такъ-что разрѣзываются даже заступомъ; дѣйствіе ихъ довольно-сильно, но непродолжительно. Навозы продолжительные приличны почвамъ жирнымъ, глинистымъ и холоднымъ; а жирные навозы идутъ болѣе для почвъ тощихъ, легкихъ, песчаныхъ, горячихъ.

Хлѣбные навозы собираются вообще среди двора фермы, который обыкновенно обнесенъ бываетъ жильемъ, конюшнями, такъ-что въ немъ поддерживается постоянно ровная температура, и навозъ не такъ быстро сохнетъ и испаряется.

Этотъ дворъ дѣлается всегда съ небольшимъ едва-замѣтнымъ углубленіемъ, такъ-что вода, стекающая съ кровель, застываетъ на немъ, и навозъ всегда смоченъ.

Много вреднаго имѣетъ эта обыкновенная уборка навоза. Вода навозная подступаетъ часто къ дверямъ жилья и конюшенъ, и въ лѣтнее время привлекаетъ множество насѣкомыхъ, которыя мучить скотину; а атмосфера всегда сырая и наполнена зловредными газами, постоянно отдѣляющимися при гніеніи.

Чтобъ избѣгнуть всѣхъ этихъ неудобствъ, необходимо вырыть сзади конюшенъ въ тѣни, на сѣверъ, широкіе рвы, куда складывается навозъ твердый и смачивается жидкостями, стекающими изъ стойлъ.

Здѣсь можно раздѣлить и свѣжіе и горячіе навозы, — свиной, коровій или бычій, лошадиный, бараній, и проч., а не смѣшивать ихъ, какъ это дѣлаетъ большая часть сельскихъ хозяевъ.

Это раздѣленіе навозовъ, впрочемъ, совершенно-лишнее на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ на-примѣръ, во Фландріи, лошади, коровы питаются одною пищею большую часть года, а именно: лѣтомъ — клеверомъ, ячменемъ, а зимою рубленою соломою, солодомъ. Отъ этого, навозъ коровій не такъ свѣжъ, а навозъ лошадиный не такъ горячъ, какъ въ странахъ, гдѣ различный кормъ и для лошадей и для коровъ.

Впрочемъ, вообще испражненія животныя, смѣшанныя съ подстилкою и съ остатками пищи скота, и навозы птичьи имѣютъ свойства различныя: *навозъ свиной* наименѣе-горячій и самый жидкій; потомъ слѣдуетъ *навозъ коровій* и *бычій*: всего приличнѣе употреблять ихъ для тощихъ, легкихъ и сухихъ почвъ. Слѣдующее мѣсто, по силѣ дѣйствія, занимаютъ испражненія *лошадиныя*, потомъ *бараньи*, и наконецъ *куринныя* и *голубиныя*, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить.

Навозы хлевные перевозятся на пашню въ телегахъ и складываются въ кучи; потомъ разбрасываютъ ихъ вилами по полю ровво, односторонно, запахиваютъ въ землю и укатываютъ каткомъ или заборониваютъ, чтобъ они лучше раздѣлялись и тѣснѣе соединились съ почвою.

Во Фландріи, навозы свозятся на поля въ самый день, когда земля пашется. Такимъ-образомъ, тамъ въ одинъ день оканчивается все унавоживаніе: навозъ перевозится, раскидывается по полю и запахивается.

Когда поле слишкомъ-велико, его разбиваютъ на участки, и каждый участокъ унавоживается непременно въ одинъ день. Тамшніе сельскіе хозяева думаютъ, и совершенно-справедливо, что навозъ теряетъ большую часть своей цѣны, если онъ остается долгое время подъ дождемъ и солнечнымъ зноемъ и когда его употребляютъ задолго до посѣва. По-этому, они и сѣютъ въ тотъ же день, когда почва унавожена.

Впрочемъ, посѣвъ можно отложить на нѣсколько дней, только бы навозъ, тотчасъ же послѣ того, какъ его раскидаютъ, прикрыть землю; такимъ-образомъ можно удержать въ почвѣ большую часть питательныхъ газовъ и жидкихъ растворимыхъ частей, которыя, въ-послѣдствіи, потребить растительность.

Голубиный калъ. Этотъ навозъ почти нисколько не заключаетъ въ себѣ соломы; здѣсь одни чистыя испражненія, смѣшанныя только съ остатками перьевъ, которые сами-по-себѣ содержатъ въ себѣ большое количество азота. Этотъ навозъ самый богатый изъ хлевныхъ, но онъ дѣйствуетъ гораздо-слабѣ остатковъ животныхъ.

Умные земледѣльцы знаютъ очень-хорошо отличныя качества голубиного кала и привозятъ его издалека. На большихъ фермахъ Па-де-Калѣ устроены обширныя голубятни въ 600 и 650 голубей, которыя ходятъ въ наймы погодно по 100 рублей. Такая голубятня въ годъ даетъ большой возъ кала, который такимъ-образомъ обходится во сто рублей.

Воза голубиного кала совершенно-достаточно для удобренія 1,759 квадратныхъ саженъ (80 аровъ), слѣдственно, унавозить имъ десятину стодитъ 125 рублей, не считая издержекъ провоза, на котораго тоже надобно положить около 75 рублей.

Голубиный калъ употребляется собственно для растений промышленныхъ, каковы ленъ, табакъ, и проч.

Калъ птицъ прибрежныхъ. На островахъ Тихаго-Океана находятъ огромныя пласты кала, которые отложены тамъ въ-теченіи нѣсколькихъ столѣтій прибрежными птицами. Пласты эти состоятъ изъ гниющихъ органическихъ веществъ и содержатъ въ себѣ также

ного мочевои кислоты. Южная-Америка и Перу производят этимъ навозомъ обширный торгъ.

Очень-вѣроятно, что гуано,—такъ называютъ этотъ въковой навозъ,—представляетъ большую аналогію съ голубинымъ каломъ, о которомъ мы сейчасъ говорили. Вотъ какъ описываютъ Гумбольдтъ и Бонпланъ мѣсторожденіе гуано:

«Гуано находится въ изобиліи въ Южномъ-Морѣ, на островахъ Шанше близъ Пелко, и также на островахъ болѣе-южныхъ, Ило, Пида и Арика. Жители Шансаля производятъ торгъ этимъ навозомъ и вѣзятъ нарочно за нимъ въ эти мѣстности; на каждую лодку нагружаютъ они его 1,500 и 2,000 кубическихъ футовъ. Гуано образуетъ пласты въ пятьдесятъ и шестьдесятъ футовъ толщины, которые разрабатываются какъ желѣзные, окряпыя рудники. Множество птицъ, преимущественно цапли, феникоптеры населяютъ эти острова, и ночью спятъ тамъ обыкновенно. Впрочемъ, изъ ихъ испражнений въ три вѣка едва-ли можетъ составить пластъ толщиною въ четыре-пять линій.

«Гуано, можно сказать, главная причина плодородія пустынныхъ береговъ Перу. Пятьдесятъ лодокъ, такъ-называемыя *гуанеросалы*, постоянно вѣзятъ за этимъ навозомъ и складываютъ его вѣзъ на берегу. На четверть мили кругомъ слышенъ его запахъ. Перевозчики уже привыкли къ духу аммоньяка; но мы задыхались подвѣзжая близко къ мѣсторожденіямъ гуано. Гуано—отличнейшій навозъ для манса, и Индійцы научили употребленію его Испанцевъ, но излишекъ его вредитъ растенію, именно сожигаетъ корни».

По возвращеніи въ Европу, Гумбольдтъ передалъ небольшое количество гуано Фуркруа и Вокелену для химическаго анализа.

Исследования ихъ показываютъ, что этотъ навозъ есть не что иное, какъ испражненія птицъ. Впрочемъ, выше мы представили анализы гуано. Что касается до употребленія его, мы отсылаемъ читателей нашихъ къ «Отеч. Запискамъ» 1843 г., гдѣ подробно, въ отдѣленіи Ученыхъ Извѣстій, рассмотрѣно это полезное удобреніе.

Глина болотная и прудовая. На днѣ стоячихъ водъ отлагается обыкновенно значительный осадокъ, который состоитъ изъ множества разнородныхъ веществъ органическаго происхожденія, каковы суть различныя растенія, насѣкомыя, зерна, перья, пыль придорожная и вообще всѣ легкія частицы, заносимыя сюда вѣтромъ. Къ этимъ веществамъ присоединяются еще помой; наконецъ, здѣсь же оставляютъ рыбы и прибрежныя птицы свои испражненія.

Съ перваго взгляда трудно определить общія свойства этой разнородной смеси, но подожительно извѣстно только, что со дна этой

грязной тины отдѣляется сѣрнистый водородъ; этотъ признакъ уже достаточно свидѣтельствуетъ, что грязный разнородный осадокъ можетъ служить хорошимъ навозомъ.

Если прибавить къ этой грязи известное количество известнаго, чтобъ насытить свободную сѣрнисто-водородную кислоту, — можеть разрушить слишкомъ тѣсную связь въ разлагающихся органическихъ остаткахъ и подвинуть химическій процессъ гніенія. Трудно опредѣлить количество известнаго, необходимой для насыщениа кислоты во всякомъ случаѣ, замѣчу, излишекъ этого дѣятеля никогда не вредить. Известь, кромѣ того, что помогаетъ разложенію грязной тины, еще ускоряетъ ея высыханіе. Когда навозная смѣсь совершенно-суха, ее обращаютъ въ порошокъ и въ этомъ видѣ уже рассыпаютъ по почвѣ прежде первой заправки. На десятину идетъ отъ двадцати-четырехъ до сорока-восьми четвертей этого навоза.

Грязь. Въ населенныхъ городахъ, особенно по близости къ рынкамъ, въ узкихъ улицахъ, постоянно каждый день собираютъ огромное количество грязи, которая также содержитъ въ себѣ множество органическихъ остатковъ.

Эта навозная смѣсь складывается большими кучками и оставляется обыкновенно на одинъ или на два года; все это время отдѣляетъ онъ отвратительный запахъ, что оставляетъ порядочную неприятность для сосѣдей и производитъ значительную потерю питательныхъ газовъ. По истеченіи этого срока, кучи уменьшаются въ объемъ въ половину и въ треть.

Тогда навозъ этотъ разбрасывается по полю до первой заправки такъ, чтобъ при паханіи зарыть его плугомъ въ землю. Обыкновенно, на десятину кладутъ тридцать-шесть возовъ грязи.

Впрочемъ, грязь въ такомъ видѣ, какъ ее употребляютъ для удобооживанія, имѣетъ всѣ дурныя свойства зловонныхъ навозовъ.

По-этому, гораздо-лучше смѣшать ее, когда еще она свежа, съ гашеною известью. Грязь и известь на этотъ конецъ располагаются въ перемежку слоями. Известь здѣсь ускоряетъ разложеніе, насыщаетъ свободныя кислоты и, слѣдственно, даетъ возможность употреблять навозъ по-крайней-мѣрѣ черезъ мѣсяць.

Еще лучше, вмѣсто известнаго, употребляютъ углистый порошокъ, поглощающій газы; этотъ навозъ тогда имѣлъ бы всѣ достоинства животной черни.

Главную массу хлѣбныхъ навозовъ составляетъ подстилка, сѣпанная съ испраженіями скотины. Въ голодное время, соломою, которую подстилаютъ, обыкновенно кормятъ животныхъ, и тогда, вмѣсто ея, полъ конюшенъ и хлѣвовъ покрываютъ сухою землею,

которая, вбирая въ себя и животныя испражненія и газообразныя испаренія, составитъ такимъ образомъ очень-хорошій навозъ.

Эта метода представляетъ еще и ту выгоду, что здѣсь почва въ одно время и удобряется и унавоживается.

Для этого только стоить стойло усыпать землею, которая бы была свойства противоположныя удобряемой почвѣ.

Съ этою же цѣлью составляютъ такъ-называемыя компосты—смѣсь навозовъ съ различными веществами.

Компостъ для унавоживанія и удобренія глинистой, плотной почвы предлагаетъ Шапталъ приготовить слѣдующимъ образомъ: хлѣбный навозъ лошадиный, или овецій, кладется сверху на слой мусора и прикрывается различнымъ соромъ, топшашъ, сухимъ, известковымъ мергелемъ, сѣномъ, соломою; на этотъ разнородный, промежуточный ярусъ уже накладывается опять хлѣбный навозъ. Прежде всего обнаруживается броженіе въ слояхъ навоза, и навозная жижа смѣшивается съ другими веществами. Когда разложеніе ювинется значительно, слои всѣ перемѣшиваются между собою, компостъ готовъ и перевозится на пашню.

Для почвъ легкихъ, известковыхъ, компостъ составляется такимъ же образомъ изъ веществъ глинистыхъ, каковы: горшечная глина, жирный мергель, и навозовъ холодныхъ, болотной и прудовой тины; броженіе здѣсь продолжаютъ до-тѣхъ-поръ, пока весь компостъ не обратится въ вязкое, клейкое тѣсто.

Въ двадцать-четыре часа можно приготовить отличный навозъ изъ зеленой негодной травы, которая выпольвается, и известки порошокъ, перестилая оба эти вещества въ перемежку слоями; слой травяной дѣлается толстый, въ футъ по-крайней-мѣрѣ; а слой известковый гораздо-тоньше. Главное въ приготовленіи этого компоста—остановить произвольное самовозгараніе, которое происходитъ отъ сильнаго разгоряченія массы. На этотъ конецъ ее прикрываютъ землею и дерномъ.

Вотъ еще способъ приготовленія и сохраненія навозовъ по методу Да-Ольми. По близости къ скотному двору устраивается четверугольная, довольно-обширная ставка, куда складывается навозъ. Обыкновенно она закрывается деревянною дверью. Возлѣ ставки выкапывается колодезь, глубиною слишкомъ сажень и шириною полтора аршина: въ немъ готовится такъ-называемый навозный щелокъ изъ воды, гашеной известки и золы. Когда вода достаточно пропитается соляными частицами, что легко узнать по блѣднѣющему ея цвѣту и по большой плотности, навозъ въ ставкѣ складывается въ кучи толщиной въ пять и шесть футовъ, которыми поливаются этою соляною водою изъ обыкновенной лейки.

По окончании этой операции, все кучи покрываются довольно-толстымъ слоемъ земли.

Этотъ компостъ надобно осторожно свозить на поля и закрывать его досками, чтобъ не отдавалось слишкомъ—много питательныхъ газовъ; на пашни земледельцы должны тотчасъ, безъ отлагательства, употреблять его въ дѣло.

Трудно, даже невозможно составить строгую, точную сравнительную таблицу различныхъ навозовъ по цѣнности и полезному ихъ дѣйствию, потому-что нѣтъ постоянныхъ элементовъ, которые можно бы принять здѣсь въ основаніе. Такимъ-образомъ, цѣнность навозовъ бываетъ различна, смотря по цѣнѣ провоза; а это зависитъ отъ разстояній, отъ торговыхъ сношеній, отъ времени года, отъ состоянія дорогъ.

Въ большихъ городахъ хлѣбные навозы — продукты второстепенные. Лошадь своею двигающею силою, а корова молокомъ приносятъ такъ уже значительныя выгоды, и хлѣбные навозы сами-по-себѣ не стоятъ ничего; провозъ только набавляетъ цѣну.

Другое дѣло въ деревнѣ: молоко тамъ гораздо-дешевле, поля обрабатываемыя ближе, и рогатый скотъ, такъ-сказать, составляетъ средство къ полученію навоза, и этотъ продуктъ уже необходимо принимать въ расчетъ при опредѣленіи баланса расхода и прихода.

Трудно опредѣлить цѣнность хлѣбныхъ навозовъ. Все, что мы можемъ сказать—то, что навозъ тотъ лучше, который содержитъ въ себѣ менѣе подстилки.

Количества навоза опредѣляются по вѣсу, который болѣе постояннѣе, нежели объемъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, полчетверти хлѣбнаго навоза, который содержитъ въ себѣ много соломы, вѣсомъ три и три съ половиною пуда не болѣе, а когда подстилки мало, та же полчетверть вѣситъ шесть и семь пудовъ.

Еще до болѣе-точного результата дойдемъ мы, если примемъ за единицу вѣсъ сухаго навоза. Такимъ образомъ полчетверти среднимъ числомъ, можно положить, вѣситъ шесть пудъ; высушивъ его одинъ фунтъ, найдемъ, что потеря будетъ 40 процентовъ; следовательно, въ полчетверти навоза сухаго будетъ только три пуда съ половиною.

Вотъ примѣръ отчетности, который извлекаемъ мы изъ одного промышленнаго журнала; впрочемъ въ расчетъ здѣсь принимается навозъ сырой.

Годичный приходъ коровы одной средней изъ 35 головъ.

1) 74 ведра молока, изъ	} 5 пудъ сыру 1-го сорта. . . 85 р. 44 к.
котораго выдѣлывается	
1 — — 2-го — . . .	6 р. 60 к.

2) Теленокъ (восьмидневный)	6 р.
3) Работа по шести часовъ въ день	17 р. 53 к.
	<hr/>
	115 р. 57 к.

Годичный расходъ на корову.

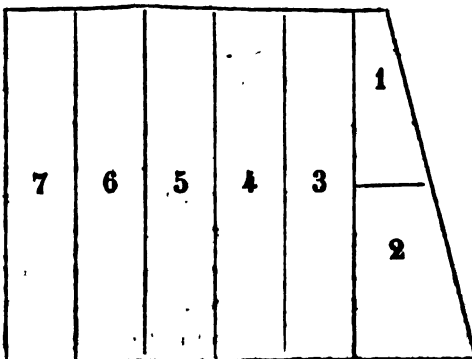
1) Корму 140 пудовъ	92 р.
2) Соломы на подстилку 3 пуда	2 р.
3) 10 процентовъ на мелкія издержки, на конюшню, лекарство и проч.	15 р.
4) Быкъ 150 руб. для 50 коровъ, на одну слѣдственно	3 р.
5) Издержки для выдѣлыванія сыра	19 р.
Весь годичный расходъ	131 р.
Весь годичный приходъ	115 р.
Разность, или цѣна навоза	16 р.

Такимъ-образомъ, полчетверти или шесть пудовъ навоза обходится сельскому хозяину 84 копейки. На самомъ же дѣлѣ стоитъ онъ гораздо-дешевле; въ городахъ онъ продается за третью этой цѣны: итакъ, почему земледѣльцы пользуются городскимъ навозомъ и стараются его достать преимущественно.

Опредѣлить дѣятельность различныхъ навозовъ необходимо для рѣшенія этой важной задачи: *какіе способы унавоживанія самыя выгодны для различныхъ мѣстностей?* Въ этомъ отношеніи, мы должны привести единственные опыты одного изъ лучшихъ французскихъ агрономовъ, которые советуемъ принять за образецъ и нашимъ сельскимъ хозяевамъ.

Еще въ 1832 году Белла дѣлалъ сравнительные опыты надъ окомъ съ пудретомъ и животною чернью: преимущество было на сторонѣ животной черни, хотя выбранъ былъ пудретъ лучшаго достоинства; но Белла не удовольствовался этими результатами и въ 1833 году предпринялъ новый рядъ опытовъ, болѣе-разнообразныхъ.

Онъ раздѣлилъ пашню на семь участковъ слѣдующимъ образомъ:

Все эти участки засылаъ онъ хлѣбомъ и на каждый употребилъ слѣдующія количества навоза.

№ 1 прежде засыанъ былъ двкой маслянистой капустою; на него пошло 97 пудъ хлѣвнаго навоза.

№ 2 унавозили 3 четвертями пудрета.

№ 3 взялъ 2 съ половиною четверти животной черни.

На № 4 употребляли 3 четверти пудрета; въ 1829 году на этомъ участкѣ паслось стадо барановъ, которые значительно удобрили его.

№ 5 унавозили 3 четвертями животной черни.

№ 6 унавозили 2 четвертями съ половиною пудрета.

№ 7 унавозили 2 четвертями животной черни.

Вотъ таблица количества травы, соломы и зеренъ, собранныхъ на каждомъ участкѣ.

Нумера участ- ковъ.	кол. навоза,	кол. травы,	кол. соломы,	кол. зеренъ.
№ 1, хлѣв. нав.	97 пудъ	228	1,662	5 четвертей
№ 2, пудрету .	3 чет.	288	2,240	5 ч. съ пол.
№ 3, черни. . .	2 ч. съ пол.	312	2,192	7 четвертей
№ 4, пудрету .	3 чет.	252	2,284	6 четвертей
№ 5, черни. . .	3 чет.	252	2,284	7 ч. съ пол.
№ 6, пудрету. .	2 ч. съ пол.	324	2,416	6 четвертей
№ 7, черни. . .	2 чет.	252	1,837	4 ч. съ пол.

Къ этой таблицѣ Белла прибавляетъ слѣдующія замѣчанія:

«Животная чернь, слѣдственно, даетъ болѣе зерна и менѣе соломы сравнительно съ пудретомъ. Она также, по-видимому, дѣйствуетъ продолжительнѣе, нежели пудретъ, потому - что навозы, «быстро разлагающіеся, вообще способствуютъ болѣе развитію травянистой части растенія.»

Часто необходимо бываетъ агрономамъ, для назначенія цѣны навозу, знать приблизительно количественное содержаніе его.

Цѣна различныхъ навозовъ пропорціональна количеству органическаго вещества, находящагося въ нихъ, а его можно опредѣлить сжигая навозъ хорошо-просушенный, и потеря вѣса въ огнепостоянномъ остаткѣ укажетъ это количество.

Возьмемъ для примѣра 100 граммъ высушенной тины, сожжемъ ее въ платиновомъ, желѣзномъ или чугунномъ тиглѣ, накаливая его до красна и до-тѣхъ-поръ, пока останется однѣ только углистые ча-

те, охладимъ тигель, возьмемъ остатокъ: онъ будетъ вѣсить только, положимъ, 70 граммовъ; 30 граммовъ составляютъ чистую потерю, и это будетъ содержаніе органическаго вещества въ тинь.

Если анализируемое вещество заключаетъ въ себѣ значительное количество углекислой извести, должно непременно принять въ расчетъ и углекислоту, отдѣляющуюся при сожженіи, и которая отдѣляется посредствомъ насыщѣнія навоза, или, лучше, его известковой соли, сѣрною кислотой, разведенною 0,9 воды; углекислота эта вытѣсняется и собирается подѣ градуированный стеклянный вымакъ, гдѣ легко найдти уже ея количество въ объемахъ.

По аналитическимъ изслѣдованіямъ различныхъ навозовъ, сѣмныхъ до-сихъ-поръ, можно назначить приблизительно ихъ цѣну, которая, впрочемъ, много зависитъ и отъ мѣстныхъ обстоятельствъ и отъ провоза.

Въ предлагаемой таблицѣ цѣны означены въ двухъ столбцахъ; въ первомъ, именно то, что стоятъ навозы на мѣстѣ; а во второмъ, по 50 копеекъ прибавлено за провозъ.

Количество и виды навозовъ.	Цѣна на мѣстѣ.	Цѣна съ провозомъ.
7 четвертей съ полов. живот. черни	75 р. — к.	82 р. 50 к.
10 четвертей углистыхъ остатковъ съ сахароваренныхъ заводовъ	100 —	100 —
30 пудъ мяса	100 —	112 — 75 —
12 четвертей пудрета	125 —	133 — 75 —
— свернувшейся крови сухой въ порошокъ	150 —	153 — 75 —
— крови растворимой, сухой въ порошокъ	170 —	174 — 25 —
— голубинаго кала	200 —	
— толченыхъ костей	240 —	250 —
— роговыхъ обрѣзковъ	280 — 52 —	285 — 62 —
— жидкаго фламандскаго навоза	304 —	
3300 пудъ хлѣб. } городскаго	216 —	486 —
наго навоза } деревенскаго по 58 к.	297 —	565 —
	— по 85 к.	459 —
5250 пудъ городской грязи	432 —	864 —

Въ этой таблицѣ мы не упомянули о другихъ навозахъ, о которыхъ говорили выше, каковы зольные, торфяная чернь, различные компосты, — потому что они представляютъ разнородный составъ, и дѣйствительность ихъ не доказана еще точными опытами.

Въ заключеніе замѣтимъ: при опредѣленіи цѣны надобно обращать вниманіе на качество самыхъ продуктовъ, возросшихъ на уваженной ими почвѣ, на развитіе травянистой части, на урожай зерна, всходъ кормовыхъ и съѣдобныхъ растеній, наконецъ на самую работу, съ которою сопряжено унавоживаніе.

V.

К Р И Т И К А.

ОПЫТЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Сочиненіе з. профессора Императорскаго Санктпетербургскаго Университета доктора философіи А. Никитенко. Книга первая. Введеніе. Санктпетербургъ. 1845.

Давно чувствуется всѣми настоятельная потребность въ исторіи русской литературы. Впрочемъ, въ послѣднее время, обнаружались нѣкоторыя признаки, по которымъ можно судить, что уже предпринята не одна попытка къ удовлетворенію этой потребности. Еще въ 1839 году, г. Максимовичъ издалъ первую часть своей *Исторіи Древней Русской Словесности*: когда выйдетъ вторая часть, и выйдетъ ли она когда-нибудь, — намъ не извѣстно, и потому эта попытка доселѣ остается попыткой, неперешедшею въ дѣло. Вышедшая теперь въ свѣтъ первая часть *Опыта Исторіи Русской Литературы* г. Никитенко, была упреждена многочисленными чтеніями г. Шевырева въ *Москвитяинѣ*, касающимися до исторіи древней, преимущественно теологической, русской

словесности, и предвѣщающими появленіе полной исторіи всей русской литературы. Къ этому мы можемъ присовокупить, что готовится и еще сочиненіе по тому же предмету, подъ именемъ *Критической Исторіи Русской Литературы* (преимущественно новой, съ обзорѣніемъ, въ видѣ введенія, произведеній народной поэзіи); впрочемъ, мы ничего не можемъ сказать положительнаго о времени выхода этого сочиненія. Во всякомъ случаѣ, нельзя не желать, чтобъ всѣ эти сочиненія вышли какъ-можно-скорѣе, вполне-оконченныя: каковы бы ни были ихъ направленія и степень достоинства, — они не могутъ не способствовать довольно-сильно движенію общественнаго сознанія въ столь важномъ предметѣ, какъ отечественная литература. И чѣмъ различнѣе и противоположнѣе въ своихъ

взглядахъ и направленіяхъ будутъ всѣ эти сочиненія, тѣмъ больше принесутъ они пользы.

Есть три способа знакомиться съ литературою и изучать ее. Первый—чисто критическій, который состоитъ въ критическомъ разборѣ каждаго замѣчательнаго писателя; второй—чисто-историческій, который состоитъ въ обзорѣннѣ хода и развитія всей литературы: здѣсь обращается больше вниманія на эпохи и на школы литературы, чѣмъ на отдѣльныя дѣйствующія лица. Третій способъ состоитъ въ соединеніи, по возможности, обоихъ первыхъ. Этотъ способъ самый лучший. Во всякомъ случаѣ, вліяніе и важность критики не подвергаются никакому сомнѣнію. Первымъ критикомъ и, слѣдовательно, основателемъ критики въ русской литературѣ былъ Карамзинъ. Самая замѣчательная его критическая статья была *О Бодановичѣ и его сочиненіяхъ*; въ числу критическихъ же его статей должно отнести и статью *Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ*, въ которой онъ сообщаетъ краткія извѣстія, не чуждаясь мѣстами критическаго взгляда, о старинныхъ писателяхъ—*Несторъ, Николь, Матвѣевъ* (Артемодѣй Сергѣевичъ), царевнѣ *Софіи, Симеонѣ Подопкожѣ, Дмитріи Тупталѣ, Федорацѣ Прокоповичѣ, князѣ Хилковѣ, князѣ Каптемирѣ, Татищевѣ, Климовскомѣ, Буслаянѣ, Тредіаковскомѣ, Сильвестрѣ Кулѣбкѣ, Крашенинниковѣ, Барковѣ, Гедзонѣ, Дмитріи Сиченовѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Федорѣ Эмиль, Майковѣ, Пововскомѣ, Поповѣ*. Не говорить о множествѣ мелкихъ рецензій Карамзина въ его *Московскомъ Журналѣ* и *Вѣстникѣ Европы*,—рецензій, которыми онъ такъ много способствовалъ къ очищенію и утверженію вкуса публики.—Кромѣ Карамзина, какъ критикъ, заслуживаетъ почетнаго упоминенія современникъ его, *Макаровъ*, изъ критическихъ статей котораго особенно замѣчательны: *Сочиненія и переводы Исааи Дмитріева* и *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка*. Онъ былъ напечатанъ въ его жур-

налѣ: *Московский Меркурій*, который онъ издавалъ въ 1803 году.—Черезъ несколько лѣтъ, Жуковскій написалъ двѣ критическія статьи *О Самуилѣ Каптемирѣ* и *Басняхъ Крылова*. Батюшковъ разобралъ сочиненія Муравьева (М. Н.) и писалъ объ *Освобожденіи Иерусалима Тасса* и *советахъ Петраки*.—Князь Вяземскій долженъ былъ упомянуть, какъ одинъ изъ первыхъ критиковъ эпохи русской литературы до двадцатыхъ годовъ: онъ написалъ *О Жизни и Сочиненіяхъ Озерова*, *О Державинѣ* (по случаю смерти великаго поэта; статья эта напечатана въ *Вѣстникѣ Европы* 1816 года, № 12) и другія критическія статьи, въ свое время очень-замѣчательныя.—Но критикомъ по ремеслу, критикомъ ex-officio, во второе десятилѣтіе настоящаго вѣка, былъ Мерзляковъ, писавшій въ особеннѣности о Сумароковѣ и Харасковѣ. Въ то же время, Мерзляковъ былъ теоретикомъ прозы, какъ искусства.—Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, критики начали размножаться, и въ альманачныхъ *обзорнїяхъ литературы* тотъ или другой годъ видны попытки дѣлать очерки исторіи русской литературы. Представителями этой критики поверхностной, безотчетной, но безпкойной и горячей, ратовавшей за такъ называемый романтизмъ противъ такъ называемаго классицизма, — критики, распространившей много поверхностныхъ и неосновательныхъ мыслей, но и принесшей большую пользу блаженіемъ литературы съ жизнью, — представлятели этой критики были Марлинскій и г. Полевой. Последній около десяти лѣтъ былъ главнымъ органомъ русской критики, черезъ свой журналъ — *Московский Телеграфъ*. Потомъ, въ 1839 году, онъ издалъ, подъ именемъ *Очерковъ Русской Литературы*, свои важнѣйшія критическія статьи, въ двухъ томахъ: въ нихъ онъ показалъ крайніе предѣлы, до которыхъ могла доходить наша такъ-называемая романтическая критика, — равно какъ и собственная его критическая тенденція. Въ-самомъ-дѣлѣ, еще до вы-

ада этихъ двухъ томовъ, г. Поле-
вой уже отсталъ отъ самого-себя, и
ачалъ издавать такіа произведенія,
оторыя еще такъ недавно и такъ же-
токо преслѣдовала его критика и въ
раннихъ и въ исполненіи. По-этому,
а его *Очерки Русской Литературы* мо-
жно смотрѣть, какъ на памятникъ, со-
руженный авторомъ своею критиче-
скою славѣ.—Г. Шевыревъ вышелъ на
встрѣчу критики вскорѣ послѣ г. По-
левого. До тринадцатыхъ годовъ, харак-
теръ и направленіе его критики носи-
ло отпечатокъ знакомства съ нѣмецки
и эстетиками и вообще съ нѣмецкою
литературою. Въ критикѣ его замѣтно
было присутствіе чего-то похожаго на
французъ, и потому въ ней меньше
было произвольныхъ мнѣній, чѣмъ въ
критикѣ г. Полевого; но со стороны та-
мъ, г. Шевыревъ далеко уступалъ

Полевому, — и потому послѣдній
имѣлъ большое вліяніе на современную
ую литературу, а первый не имѣлъ на
нее почти-никакаго вліянія. Съ трид-
цатыхъ годовъ, критика г. Шевырева
приняла какое-то quasi-итальянское
направленіе; по-крайней-мѣрѣ онъ беа-
рестанно, и стати и нестати, тол-
говалъ о Дантѣ, Петраркѣ и Тассѣ, го-
воря о русскихъ писателяхъ. Это, въ-
снѣтло, было слѣдствіемъ его пребыван-
ія въ Италіи. Въ эту-то итальянскую
шаху своей критики, г. Шевыревъ,
по-первыхъ, напечаталъ знаменитое
еде стихотвореніе, названное имъ:
Угнѣ Дакта, и начинающееся этимъ
краснорѣчивымъ стихомъ:

Что въ морѣ кунаться, то Дакта чи-
тать!

оторыхъ, учинилъ два безцѣнныхъ
критическія открытія касательно рус-
ской литературы: первое сдѣлано имъ
въ поводу разбора *Трехъ Повѣстей, Н.
Уаллоа*, и мы передаемъ его, это от-
крытіе, словами самого изобрѣтателя,
Шевырева:

«Жизнь есть какое-то складное бюро, со
шестеромъ ящичкомъ, между которыми
есть одна глубокая, тайная ящичка съ
ручкой. Всѣ повѣствователи шарятъ въ
только бюро, но не всякому извѣстна дру-

жизня закрытаго ящичка. Въ немъ-то ле-
житъ тайна повѣсти истинной, повѣсти
глубокой. Авторъ повѣстей, мною разби-
раемыхъ, нашелъ путь къ этому секрету;
онъ открылъ въ немъ малевскій уголокъ;
но этотъ ящичекъ чрезвычайно сложенъ. Въ
немъ такъ много «пружинъ и пружинокъ»
Есть надежда, что и въ нихъ откроется въ
времяе, послѣ такого прекраснаго на-
чала; но есть святое мѣсто этого ящичка,
которое надо непременно заранѣе открыть
всякому повѣствователю, но которое нашъ
авторъ только — что вскрылъ слегка, кос-
нулся одной его поверхности. Въ этомъ
ящичкѣ лежитъ вещь, сильно дѣйствующая
въ нашемъ мірѣ, лежитъ половина насъ
самыхъ, а иногда и всѣ мы. Это сердце
женское». («Московский Наблюдатель»
1835, часть I, стр. 182).

Кто не согласится, что это открытіе
очень-оригинально?.. Второе открытіе,
уже чисто-литературное, еще ориги-
нальнѣе. Разбирая стихотворенія г. Бе-
недиктова, г. Шевыревъ, съ свойствен-
ною критическою проникательностью;
замѣтилъ, что въ русской повѣи, до
появленія г. Бенедиктова, не было ни-
сли;—замѣтите не было мысли въ по-
эзіи, которой представители были
Державинъ, Фонининъ, Крыловъ, Жу-
ковскій, Батюшковъ, Пушкинъ и Гри-
боѣдовъ, а — по мнѣнію г. Шевырева,
ея представителями были еще и гг.
Языковъ, Хомяковъ и tutti quanti...
Вотъ его собственныя слова: «Что бы-
ла эпоха вящаго матеріализма въ
«новѣи... Слухъ нашъ дрожалъ отъ на-
«кой-то роскоши раздражительныхъ
«звуковъ... упивался ими, скользнулъ
«по нимъ, иногда не вслушиваясь въ
«нихъ... Воображеніе наслаждалось
«картинами, но болѣе чувственными...
«Иногда только внутреннее чувство,
«чувство сердечное и особенно чувство
«грусти неземной, въяло чѣмъ-то думъ
«хвоннымъ въ нашей повѣи... Но мате-
«ріальное торжествовало надъ всѣмъ...
«Формы убивали духъ... Нѣжные,
«сладкіе, унотительные звуки смѣтали
«насъ своею невидимую обѣтаю...» (*)

(*) «Московский Наблюдатель», 1835.
№ 11, стр. 442.

Итакъ, въ этой поэзии не доставало мысли: г. Бенедиктовъ — первый поэтъ, въ поэзии котораго нѣтъ матеріальности — одна духовность, т. е. проникновеніе мыслию, и потому г. Шевыревъ, въ восторгѣ отъ своего открытія, восклицалъ: «Вотъ почему съ особенною радостью встрѣчаю я такого поэта, съ первыхъ прелюдійхъ котораго доносится мнѣ сквозь матеріальные звуки эта глубокая, тайная, прожитая дума, одна возможная спасительница нашей поэзии!» (*).

Въ этомъ можно на-слово повѣрить г. Шевыреву: онъ самъ поэтъ, и ему ли не авать толка въ поэзии! Потому-то, онъ мало того, что расхваливалъ г. Бенедиктова, но и нашелъ въ его стихахъ мысль, которой не находилъ даже въ совадіяхъ Пушкина! Въ эту же итальянскую эпоху своей критики, г. Шевыревъ пустился-было на изобрѣтеніе русской октавы, по примѣру итальянской; но предпріятіе такъ же точно не удалось, какъ и введеніе гекзаметровъ въ русскую поэзію другимъ извѣстнымъ поэтомъ, критикомъ и профессоромъ. Можетъ-быть, октавы потому не восторжествовали, что въ поэтическомъ достоинствѣ нисколько не превосходили помянутые гекзаметры, хотя между тѣмъ и другими легло чуть не сто лѣтъ...

Въ первую эпоху своей критической дѣятельности, г. Шевыревъ дѣйствовалъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* г. Погодина (1827 — 1830); во вторую — въ *Московскомъ Наблюдателѣ* г. Авдросова (1835 — 1837). Но онъ не ограничился этими двумя эпохами, и теперь обрѣтается въ третьей, въ которой онъ отступился не только отъ Германіи, но и отъ Италіи, равно какъ и отъ всего Запада. Эта третья эпоха — восточная, славянофильская; ея дѣятельность проявилась въ *Москвитинѣ*. Она ознаменовалась многими любопытными и оригинальными открытіями и изобрѣтеніями, такъ-что перечестъ ихъ всѣ нѣтъ никакой возможности; но

лучшимъ изъ нихъ кажется намъ замѣчаніе о Лермонтовѣ, какъ подражателъ не только Пушкина и Жуковского, а даже и г. Бенедиктова!..

Много было и другихъ критиковъ изъ которыхъ каждый чѣтъ-нибудь прославилъ себя: одинъ *душеграждателемъ* *новѣйшаго умысла*; другой — высказалъ что Пушкинъ не болѣе, какъ легкій пріятный стихотворецъ, мастеръ и мелочи, что героизмъ поэта его — бѣснота, и что изящество его произведеній есть не болѣе, какъ изящество хорошаго моднаго фрака; а Ломоносовымъ-де не налюбоваться *св-сноты* и подвѣйшему потомству, и что Шенширъ и Байронъ неомовенными руками водлагали возгребіи нечистыхъ уметы поганья на алтарь чистыхъ дѣвъ, сирѣчь, музъ... (*). Третій сказалъ себѣ безсмертную славу прост прославленіемъ писателей своего прихода и бранью на чужихъ; четвертый похвалою и бранью однихъ и тѣхъ и лицамъ, смотря по обстоятельствамъ погодѣ. Обо всѣхъ такихъ мы умалчиваемъ. Наша цѣль была помянуть только главнѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ критики, въ различныя эпохи русской литературы.

Изъ этого краткаго обзора видно, что каждая эпоха русской литературы имѣла свое сознаніе о самой-себѣ, выражавшееся въ *критикѣ*. Но ни одна эпоха не выразила этого сознанія цѣлой литературѣ, въ историческомъ изложеніи ея хода и развитія. Были попытки, но до того ничтожны, что не стоить и упоминать о нихъ. Впрочемъ, такъ-называемый *Краткій очеркъ исторіи русской литературы*, г. Грекавицъ, по-крайней-мѣрѣ, достоинствителенъ литературнаго адрес-календаря и справочной книги о времени рожденія

(*) Все это факты не только не перечисленные, но еще ослабленные нами. И любъ нужно было, мы представили и неважные доказательства, что такія сего писалась критика назидъ тому дѣвосемнадцатъ.

(*) *Ibid.*, Стр. 448.

смерти, о служебныхъ поприщѣ, чинахъ, орденахъ и времени появленія въ свѣтъ сочиненій значительной части нашихъ писателей. Какъ справочная книга, она очень-полезна для современниковъ и будетъ полезна даже для отдаленнѣйшаго потомства, которое узнаеть изъ нея, что старинные литераторы и поэты были виѣстѣ и чиновники. Что же касается до прагматической и критической стороны этой книги, — смѣшно и говорить о ней. Многие изъ нашихъ читателей изъявляли намъ свое удивленіе, что мы рѣшились на серьезный и дѣльный разборъ новаго изданія *Учебной Книги Русской Словесности*, вмѣсто того, чтобы посвятить вѣублику забавную рецензію на эту востаннѣйшую забавную книгу. Мы очень-рады случаю объясниться на этотъ счетъ съ читателями. Во-первыхъ, мы хотѣли быть полезны многочисленному классу учащихся и учащихся «русской словесности», для которой на русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного сколько-нибудь сноснаго руководства. Во-вторыхъ, сочинителя этой *непродолжной* книги мы хотѣли лишитъ всякой возможности утѣшить себя мыслию, что наша статья — брань безъ доказательства и что она внушена намъ завистью и недоброжелательствомъ къ автору такого превосходнаго учебника... Безъ этихъ причинъ, которыя, конечно, гораздо-важнѣе для насъ, чѣмъ для нашихъ читателей, — мы никакъ не рѣшились бы съ важностью доказывать, что книга, въ которой все — противорѣчіе, никуда не годится. Поступивъ такъ, мы за одинъ разъ вырвали зло съ корнемъ, — и жалкаго учебника теперь какъ не бывало!.. Есть и еще книга, претендующая знакомить своихъ читателей съ исторією русской литературы. Это — *Руководство къ познанію литературы*, г. Плаксіна. Но г. Плаксинъ даже не означилъ въ заглавіи своей книги — какой литературы хочеть онъ повѣствовать исторію; за то, въ самой книгѣ, рассказавъ кратко исторію литературъ еврейской, индійской, греческой, римской, и объяснивъ

духъ новыхъ литературъ, классицизма и романтизма, пространнѣе изложилъ исторію русской литературы. Эта книга — повѣрять ли? — далеко ничтожнѣе книги г. Греча... Впрочемъ, всѣ учебники и ученые сочиненія такого рода равно никуда не годятся по совершенному отсутствію въ нихъ всякаго начала, которое пришло бы собою всѣ ихъ сужденія и приговоры и давало бы имъ единство. Для г. Плаксіна, на-примѣръ, и Пушкинъ — поэтъ, и Херасковъ — тоже поэтъ, да еще какой!... Есть ли тутъ что-нибудь пожее на взглядъ, на образъ мыслей, на мнѣніе, на убѣжденіе, на привычку? Не такъ мыслилъ и повнмалъ въ этомъ отношеніи, на-примѣръ, Мерзляковъ. Можно же соглашаться съ его системою и даже считать ее ложною; но нельзя не видѣть въ ней ни самобытнаго мнѣнія, ни послѣдовательности въ доказательствахъ и выводахъ. Каково было его начало, онъ вѣрнѣе ему и ни въ чемъ не противорѣчитъ самому-себѣ. Признавая великимъ поэтомъ Ломоносова, находя поэтическія достоинства и красоты въ сочиненіяхъ Сумарокова, Хераскова и Петрова, — Мерзляковъ не видѣлъ (потому-что не могъ видѣть, оставаясь вѣрнымъ своему началу) въ Пушкинѣ великаго поэта. И потому, вы или вовсе отвергнете основное начало критики Мерзлякова и, слѣдовательно, его выводы, или во всемъ согласитесь съ нимъ. А у этихъ господъ все смѣшано и перемѣшано: въ ихъ книгѣ мирно уживаются самыя разнородныя, противорѣчащія понятія, — и то, что дважды-два — четыре, и то, что дважды-два — пять съ половиною...

Тѣмъ важнѣе теперь повлекіе всякаго опыта исторіи русской литературы, хоть сколько-нибудь отличающагося самостоятельнымъ взглядомъ на предметъ и послѣдовательностью въ выводахъ. Но опытъ г. Никитенко далеко не принадлежитъ къ числу такихъ-нибудь и сколько-нибудь своихъ или порядочныхъ опытовъ: онъ общааетъ гораздо-больше. Говоритъ,

общими, потому что «Опыт» не на-
считывает еще только въ одномъ изведе-
нии; но это издanie тѣмъ не менѣе да-
етъ надежду читателю найти въ ис-
торіи русской литературы г. Никитен-
ко счастливое прекрасное и по взгляду
на предметъ и по изложенію содержа-
нія, — сочиненіе, болѣе чѣмъ прекра-
сное, сочиненіе дѣльное. Но пока оно
еще не въ рукахъ публики, пока мы
еще не прочли его, поговоримъ по-
ка не о будущемъ, а о настоящемъ,
поговоримъ о *Введеніи*, тѣмъ болѣе,
что, общая хорошую исторію рус-
ской литературы, оно, въ то же время,
и само-по-себѣ, какъ отдѣльное произ-
веденіе, заслуживаетъ большаго вни-
манія. Содержаніе этого *Введенія* само-
по-себѣ можетъ служить предметомъ
особеннаго сочиненія, и потому, по-
ка не леземъ въ свѣтъ остальныхъ ча-
сти труда г. Никитенко, — намъ нѣтъ
презервативать его *Введеніе*, какъ са-
мо-по-себѣ полное и окончательное сочи-
неніе.

Вотъ предметы, которые рассматри-
ваются во *Введеніи* въ исторіи русской
литературы: 1) идея и значеніе исто-
ріи литературы; 2) методъ изученія
исторіи литературы; 3) источники исто-
ріи литературы; 4) идея и значеніе
исторіи литературы русской. 5) раздѣ-
леніе исторіи русской литературы на
периоды.

Этотъ простой перечень главъ, изъ
исторіи состоитъ *Введеніе*, много го-
воритъ въ пользу сочиненія, свидѣтель-
ствуя, что авторъ началъ съ начала и
проявилъ за тѣ вопросы, рѣшеніе ко-
торыхъ должно быть положено во гла-
ву, краеугольнымъ камнемъ исторіи
русской литературы, и что, въ послѣ-
дующихъ частяхъ труда его, изложеніе
фактовъ будетъ озарено свѣтомъ ны-
нѣшнимъ. Мы сейчасъ увидимъ, какъ сча-
стливо успѣлъ авторъ избѣжать двухъ
крайностей, которыя для писателей
бываютъ оцѣлкою и харидомъ — успѣлъ
избѣжать односторонняго идеализма,
гордо отвергающаго изученіе фактовъ,
и односторонняго эмпиризма, который
дорожитъ только мертвою буквою и,

набрѣвъ советъ на Фанга, подвиги
ся безпомощнымъ изобрѣтеніемъ собстве-
нныхъ изобрѣтеній и завоеваній. А
торъ *Введенія* начинаеть принять и
падеженію на послѣднюю крайность:

«Постепенно и медленно переходимъ
отъ случайнаго и шаткаго полуданнаго
лучшей методѣ знанія, превозносящемъ
чистну, и отсюда уже къ самой истинѣ.
Сколько времени въ изслѣдованіи жизни
народовъ обращали вниманіе на оди-
нѣшнія явленія, не заботясь о томъ, что
всему вышнему даетъ смыслъ, характеръ
и цѣну. Для науки въ этомъ духѣ, по-
видимому, вовсе не существовали дашки
и направленіе идей народа, лѣтнее на
терекъ его ума и сердца, — какъ будто бы
человѣкъ могъ что-нибудь значить со всѣ-
ми высоконѣрными притязаніями своимъ
на первенство въ природѣ, со свѣтъ, что
онъ предпринимаетъ и исполняетъ, ес-
ли бы мысль не полагала своей царственной
печати на его дѣланія. «Мы изображали
достопамятными событія» говорилъ и те-
перь еще говорятъ многіе: «забывшія
ведица героевъ, обществянные пере-
мены, отношенія государственя между се-
бою и т. н.» Но что же истинно возмуж-
но и достопримѣчательнаго въ этой нестрой-
волнующейся смѣси лицъ и событій, какъ
не убѣжденія, цѣлы, страсти, внутреннія
причины? а ихъ нѣтъ на поверхности
вещей. Постарайтесь же проникнуть въ
самую лабораторію, гдѣ движется и раба-
таетъ современныя силы — въ душу, въ
нравственный бытъ народовъ. Тамъ, въ
неласныхъ и неразвѣстныхъ еще мнѣніяхъ
и потребностяхъ ума и сердца, въ про-
хотливой игрѣ фантазіи, въ глумлѣхъ ве-
пльяхъ рождающагося слова приговораются
неизданными процессами многого, что дѣ-
лаеть изображенія дѣтисей человѣче-
скихъ столь ослазательными, звучными и
животрепещущими. И что безъ этихъ гл-
бокихъ источниковъ можете вы высказать
народамъ великаго и поучительнаго? Что
Александръ Македонскій однихъ ударомъ
меча дебилъ умирившимъ среди восточнаго
варварства персидскому монарху, что Це-
зарь какъ отъ нимала убійца обилия на-
родной трибуны, когда замышлялъ про-
вратить ее въ тронъ всемірной дорядки?
Только ли? Да, это важное средство для
изощренія памяти школьничковъ. Но со-
гласимся, что эти превознесенныя имена
со грамодами дѣлъ, на коихъ они начер-
таны кровію народовъ, составляютъ вели-

многие попутники, достойные поучающаго. Назначьте имъ еще какую либо политическую и нравственную цѣль: имъ отовсю даже повѣрять, что въ нихъ излагаются спасительные уроки для выданныхъ людей, хотя рядъ безпрерывныхъ повторимыхъ ошибокъ и вопиющихъ неправдъ давно доказалъ уже, какъ мало они пользуются—ибо кто изъ тѣхъ, кому подобно нужны уроки, не считаетъ себя глупымъ и своимъ причиною исключеніемъ изъ высшихъ правдъ?.. По пусть все будетъ такъ, какъ хочется приверженцамъ этой праздничной, театальной исторіи, гдѣ духъ человѣческій остается за плечами, а передъ глазами зрителей представленіе, какъ говорится, кипитъ жизнью и дѣйствіемъ, герои декламируютъ, биситъ вурлуровать и золотомъ, и творятся чудеса великолѣпныхъ декораций. Мы, въ это время, позволяемъ себѣ думать, что имъ ничего не выдалъ бы безсмысленнѣе глупаго исторіи человечества, если бы рѣшились не были начертаны на страницахъ ее эпосы Эвклида, афоризмы Гипократа, сократова пропія, стихи Гомера и много подобнаго, чего не дастъ могущество меча на земли, ни самое могущество слова. (Стр. 2—4).

Въ мысли, въ идею, видитъ авторъ таинственную психическую народную жизнь, которая составляетъ содержаніе исторіи; а преимущественное откровеніе этой мысли, этой идеи, видитъ онъ въ словѣ. Человѣкъ говоритъ онъ, «есть органъ мысли: это верховнѣйшее изъ его преимуществъ, долгъ его, злополучіе и благо». (стр. 6). По нашему мнѣнію, думать такъ, значитъ—думать совершенно объ исторіи. «Не смотря на односторонность (говоритъ авторъ) ни на отсталость успѣховъ мыслительной дѣятельности, ни на требованія вѣка, многие писатели не совѣтъ еще чувствуются прежней методы и возрѣвнѣ исторіи. Направленіе, характеръ мысли народной, выраженные въ словѣ, судьба науки и литературы у нихъ все еще составляетъ одно какое-то довлѣющее къ жизни вѣщаніе. Они, какъ и до-сихъ-поръ не довольно связаны въ тѣсную, органическую связь глубочайшихъ внутреннихъ явленій этого рода со вѣщаніемъ; ихъ не слѣдуетъ

разлучать тамъ, гдѣ дѣло идетъ о нечеловѣчій знанія. Такое положеніе науки дѣлаетъ необходимымъ специализированіе главнѣйшихъ элементовъ исторіи, и мы принуждены назъ исторію литературы составлять особую науку, тогда-накъ настоящее ее мѣсто въ общій великой наукѣ, обнимающей жизнь и судьбу народа въ цѣлости и неразрѣзливо» (стр. 9—10). Вотъ истинный взглядъ на исторію литературы! Исторія народа есть исторія развитія мысли, выраженной и непосредственною и сознательною стороною жизни народа, а мысль народа преимущественно выражается въ его литературѣ, потому-что обнаруживается въ ней прамѣе и сознательнѣе. Правда, литература не есть исключительное и полное выраженіе умственной жизни народа, которая еще высказывается и въ искусствѣ въ обширномъ значеніи этого слова. Громадные храмы Индіи, высѣченные изъ скалъ, построенные изъ горъ, стоятъ *Масабхараты* или *Рамайлы*; изящные памятники древней греческой архитектуры и скульптуры составляютъ какъ-бы одно съ *Илиадою*, *Одиссеею* и трагедіями; огромныя римскія зданія, ознаменованныя печатью гражданского и государственнаго величія, не менѣе новѣествовавшей Тита-Ливія и Тацита, не менѣе юстиніанова кодекса свидѣтельствуютъ о бытіи народа, который былъ державнымъ владыкою міра, властелиномъ царей и народовъ, и который, даже по смерти своей, внесъ преобладающій элементъ своей жизни въ жизнь новѣйшихъ народовъ Европы, ознаменовавъ ихъ съ лучшими идеями о правѣ. Въ готическихъ соборахъ, картинахъ и музыкѣ мастеровъ среднихъ вѣковъ жизнь этой по-преимуществу религиозно-христіанско-католической эпохи отразилась едва-ли еще не полнѣе и роскошнѣе, нежели въ поэмѣ Данте и романахъ менестрелей. И теперь, въ наше время, жизнь народовъ дѣлается не въ одной литературѣ, а только преимущественно въ литературѣ. Это, впрочемъ, было и всегда, за ис-

каюченіемъ развѣ среднихъ вѣковъ. Кромѣ того, что литература объемлетъ собою несравненно-обширнѣйшій кругъ народнаго созданія, нежели всякое другое искусство,—ея памятники прочнѣе, несокрушимѣе, вѣковѣчнѣе, потому-что она, по сущности своей, духовнѣе другихъ искусствъ, менѣе зависитъ отъ матеріальныхъ средствъ.

Но здѣсь есть недоразумѣніе: мы называли литературу искусствомъ и противопоставили ее другимъ искусствамъ. Это не совсѣмъ опредѣлительно, и на этотъ счетъ надо яснѣе выразиться; надо начать съ начала, надо опредѣлить литературу, съ точностію указать, что входитъ въ ея кругъ, съ чѣмъ она соприкасается, и что должно исключать изъ ея круга. Авторъ «Опыта», какъ и должно, не миновалъ этого вопроса, но разсмотрѣлъ и по-своему рѣшилъ его. Онъ начинаетъ разсматривать его съ отношеній между частнымъ и общимъ, національнымъ и общечеловѣческимъ, и въ основу сокровенной внутренней жизни литературы полагаетъ общія всему человѣчеству идеи разума.

«Здѣсь являются и тѣ коренныя, первоначальныя идеи истиннаго, праведнаго и изящнаго, главныя провозвѣстника нашей разумности, которыми измѣряются заслуга и достоинство нашихъ дѣяній. Только человѣку постепенно, но постоянно озаряемому и оживляемому высшими идеями разума, доступны и дороги всевозможныя нравственныя интересы — интересы государства, націй и наконецъ интересы всего человѣческаго рода. Но въ чѣмъ столько не укрѣпляется его благородный союзъ съ ними, какъ идеями истиннаго и изящнаго. Въ натурѣ этихъ великихъ идей есть что-то столь священное и августѣйшее, что предъ ними невольно преклоняется эгоизмъ страстей — и скорѣе прикосновеніемъ къ нимъ оя самъ очистится, чѣмъ успѣетъ осквернить ихъ недоступную чѣломудренную чистоту. — Всѣ важнѣйшіе общественныя вопросы рѣшаются болѣе или менѣе духомъ свѣдѣтельныхъ стремленій. Такъ и должно быть: Задача чѣлаго должна для своего осуществленія раздробиться на элементы; иначе на своей отвлеченной вы-

сотѣ, она осталась бы удивленною и многимъ недоступною. Изъ взаимнаго дѣйствія и контрадѣйствія, изъ соревнованія и борьбы этихъ стихій рождается то общественное движеніе, которое составляетъ жизнь и источникъ развитія народа. Не бойтесь за чѣлае: оно не распадется отъ безпокойнаго борева частей; надъ нимъ царствуетъ и ихъ скрѣпляетъ единство національнаго начала. Пока онъ крѣпко въ сердцахъ, все обращается въ благо, какъ въ здоровомъ тѣлѣ, и острыя силы служатъ къ его укрѣпленію. Но вотъ кажется неоспоримая истина: самъ національное начало не можетъ быть отрывкомъ въ исторіи міра, и результату котораго оно должно достигнуть, подчиняя себѣ совокупное движеніе всѣхъ частныхъ силъ, не можетъ быть другою, какъ возвышеніе въ людяхъ достоинствомъ національнаго достоинства человѣческаго. Чѣмъ оно свѣжее и мощнѣе, тѣмъ только бластательнѣе совершитъ оно свою великую миссію мнѣи человѣчества. Но велико и водоланіе за то: народъ не будетъ уже варваромъ. Мы спасаемся отъ варварства, дѣлаемъ лучшими въ силахъ и качествахъ, принадлежащихъ нашей натурѣ, нашему роду, изъ котораго некуда болѣе выйдти, какъ или въ состояніе нежителей, или въ состояніе животнаго — и на землѣ гдѣ для человѣка много источника величія, славы и образованности, кромѣ всеобщаго союза идей. Что бъ ни говорили заштанки ложной народности, состоящей въ исключительномъ господствѣ началъ территориальныхъ, а нравственныхъ убѣжденій, безъ которыхъ общество людей 'есть стадо волковъ или барановъ, не суть дѣлае обычая, а дѣлае высшихъ разумныхъ инстинктовъ, одинаковыхъ для всѣхъ племенъ и поколѣній. Обычай служитъ изъ толькою формою и основаніемъ частныхъ различій, составляющихъ неистощимое разнообразіе въ стройномъ единствѣ человѣческаго рода.

«Отсутствіе истинъ этихъ было натуральнымъ только въ древнихъ обществахъ, т. е. тѣхъ обществахъ, которые въ исторически вѣрно сколько-нибудь знаеиъ, гдѣ жизнь волновалась и взнемогала среди раздѣльности и противоборства національныхъ началъ, гдѣ послѣднія были столь-сильны, что подавали всякую слабо-разумную личность. Идеи чѣлаества еще не вошли тогда въ землѣ

своего пути надъ нравственнымъ міромъ — и слабые лучи ея едва скользнули на его поверхности дикой и неводъблальной. Имена тѣснились около своихъ боговъ, около своихъ преданій; осматриваясь вокругъ себя со страхомъ и враждою въ сердцахъ, они ничего не видѣли, кромѣ чуждыхъ боговъ и чуждыхъ преданій. Все было частнымъ, особеннымъ — понятія, вѣрованія, нравы; общимъ было только одно — право меча. Всемирная гражданственность Рима, насаждая повсюду свои нравы и учрежденія, не въ состояніи была удержать народы въ томъ возвышенномъ единствѣ, которое заключалось въ ея духѣ и образованіи. Во-первыхъ, она дѣйствовала на нихъ политическимъ могуществомъ, которое, превращая сначала людей въ рабовъ, говорило имъ послѣ: будьте людьми; оно могло произвести только вѣншіи порядки, и то безрешетною угрозою меча и новыхъ цѣпей. Во-вторыхъ, образованность Римлянъ, была въ свою очередь, также не болѣе, какъ случайнымъ выраженіемъ ихъ личности, ихъ счастливыхъ способностей; нравственное и умственное возвышеніе, до котораго они достигли, было плодомъ ихъ вѣры въ самихъ себя, а не въ вѣчныя и неизмѣнныя силы, не въ великую будущность человечества. Отъ того, какъ скоро національныя опоры, способствовавшія развитію ихъ духа, пали, пало и ихъ нравственное превосходство; ему негдѣ было уже искать убѣжища и подкрѣпленія: для Рима ничего не было во вселенной, кромѣ Рима. Когда Тиверіи и Нероны осуждали гражданина на лишеніе воли и огня въ римскихъ областяхъ, это была только формула, этикетъ смертной казни: но гдѣ осужденный на землѣ казни: но гдѣ въ римскихъ областяхъ? И титъ съ истощеніемъ всего, что давали Римлянамъ ихъ учрежденія, ихъ политическіе виды и успѣхи, имъ ничего не оставалось, кромѣ смерти; но должно было умереть въ мукахъ казни за пролѣтую кровь міра — и какъ же нашлось на землѣ начало, который бы осмѣлился исполнить надъ этимъ державнымъ народомъ приговоръ судьбы, то онъ самъ сдѣлался своимъ палачемъ. И эта ли образованность могла сдѣлаться всемірною, могла быть принята народами, какъ единственное начало ихъ движенія, какъ залогъ ихъ нравственныхъ успѣховъ? Греки были способны очеловѣчивать варваровъ, если

бы люди могли развиваться посредствомъ правилъ, наставленій, примѣровъ, а не посредствомъ возбужденія въ нихъ самихъ, пребывающаго животворнаго начала разумности. Правда, Европа многимъ обязана наслѣдству, которое она получила въ греко-римскомъ образованіи; но она не прежде имъ воспользовалась, какъ подъ вліяніемъ новой животворной силы, которая, воспытавая ея свѣжія племена для великой будущности, научила ихъ извлекать добро изъ прошедшаго и избѣгать его злоупотребленій.

«Таковъ былъ нѣкогда ходъ человѣческихъ вещей, такимъ онъ долженъ былъ явиться въ свое время, но такимъ уже никогда не будетъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ едиnorodный Сынъ Божій благоволилъ счесть достойнымъ своего величества жить и умереть человѣкомъ; съ-тѣхъ-поръ, какъ раскрылъ Онъ въ насъ дотошъ невѣдомый намъ самимъ міръ духа, завѣщавъ дѣятельности нашей новую цѣль — безконечное развитіе и усовершенствованіе; какъ независимо отъ всякаго различія состояній, племенъ, кастъ и школъ, онъ каждому помысленію нашему, слову, вздоху и слезѣ далъ смыслъ и цѣну только изъ уваженія къ ихъ человѣческому происхожденію, — съ-тѣхъ-поръ всякая исключительная система дѣятельности стала нецѣльнымъ анахронизмомъ — и не черпать изъ новаго источника жизни того, что всѣмъ дается одинаково какъ всеобщая истина и благо, значило бы обречь себя на нравственную смерть. Христіанство измѣнило роль человѣческой; но благотворнѣйшее слѣдствіе этого измѣненія есть то, что нынѣ и великій гражданинъ не въ состояніи испустить пороковъ челоука.

«Вотъ мы у самаго корня началъ, изъ которыхъ должно произойти опредѣленіе литературы. Если народъ въ состояніи отдѣлать въ себѣ то, что принадлежитъ правамъ мысли всеобщей, человѣческой — идеямъ вѣщнаго и истиннаго, отъ того, что не относится къ нимъ, если онъ воздвѣиваетъ и развиваетъ эту мысль въ своей жизни, въ своихъ понятіяхъ, въ своей исторіи и результатахъ этой дѣятельности выражаетъ наконецъ въ художественныхъ, стройныхъ формахъ слова, онъ созидаетъ, онъ имѣетъ литературу. И такъ «Литература есть мысль челоука — челоука возникающая у народа вмѣстѣ съ нимъ изъ его духа, жизни, исторіи»

стесненных и вольныхъ обстоятельствъ, и посредствомъ слова, выражающая свое въродочеловѣческое развитіе подъ совокупными мнѣніемъ верховными и всеобщими идеями истиннаго и изящнаго. Вотъ гдѣ совершается святое примиреніе личности народа съ требованіями всеобщаго человѣческаго порядка вещей. Тогда какъ другими способами дѣятельности — общественными устройствами, правами, обычаями, и проч. онъ болѣе или менѣе удаляется отъ этого порядка и достигаетъ своихъ исключительныхъ, домашнихъ, такъ сказать, цѣлей, — въ литературѣ онъ выражаетъ свое сознаніе о томъ, что свято, дорого и необходимо всѣмъ людямъ, какъ существамъ, надѣленнымъ одиными и тѣми же нравственными нуждами и способами мыслить, чувствовать и выражать свои мысли и чувстваванія. Онъ не можетъ здѣсь, какъ и нигдѣ, утратить своей національности, потому что это значило бы утратить жизнь. И гдѣ же, какъ не въ своихъ священныхъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ, какъ не въ памяти своей славы, какъ не на могилкахъ отцовъ своихъ, не въ сочувствіи къ своей матери — природѣ, хотя бы она дышала на него выюгами и говорила съ нимъ ропотомъ волнъ — гдѣ же наконецъ, какъ не въ своихъ современныхъ нуждахъ, скорбахъ и упованіяхъ найдеть онъ вдохновеніе, содержаніе для своей сердечной пѣсни, для важныхъ думъ, и слово, дышащее убѣжденіемъ жизнью истины и силою дѣла? — Но онъ также не можетъ подавить въ себѣ общечеловѣческихъ стремленій: это значило бы, что онъ, хочеть дать себѣ личность какую-то чудовищную, зѣбрую, испробовавшую нравственный порядокъ, скорбляющую Бога-блудителя его и людей, его строителей. Литературою народъ свидѣтельствуетъ о степени участія, принимаемаго имъ въ судьбахъ, цѣляхъ и успѣхахъ человѣчества, какъ лицо ответственное передъ вѣродержавными промышломъ, какъ дѣтель самостоятельный и въ тоже время вѣрный законамъ цѣлаго, какъ народъ-человѣкъ.

Итакъ, не въ особенномъ родѣ предметовъ, или содержанія заключается самостоятельность литературы и отличіе ея отъ всѣхъ прочихъ произведеній письменности и изящныхъ искусствъ, но въ особенномъ направленіи человѣческаго духа, которое въирается для принятія и выраженія благороднѣйшими усиліями

выбраннаго народа. Это извращеніе не состоитъ въ исключительномъ стремленіи къ истинѣ, ни къ изящному: оно есть актъ духа, претворяющій одно въ другое — истину въ изящное, и изящное — въ истинное.

Литературу не должно смѣшивать съ наукою. Не смотря на множество точекъ соприкосновенія между ними, онѣ существенно отличны одна отъ другой. Мы должны угадать, по-крайней-мѣрѣ, и главныя черты этого различія, ибо основательное ученіе не терпитъ смѣшенія понятій. Въ наукѣ и литературѣ мысль, облечаясь въ слово, является въ своей первостихійной чистотѣ, со всею свободою, свойственною ея характеру и крайнему способу самаго ея проявленія — вотъ почему наука и литература такъ дружны между собою. Истина есть одинаково вѣховная задача для науки и для литературы, потому что мысль тамъ въ истинѣ находитъ удовольствіе своею битію, слѣдовательно и цѣль ея. Но наука ищетъ истины, добываетъ ее; это служебное орудіе мысли, посредствомъ коего выполняются только требованія ея личнымъ интересомъ. Литература стремится къ истинѣ, какъ къ величайшему благу жизни; она, если можно такъ выразиться, любитъ въ ней не ее самую, а ея власть и способность благотворить людямъ, возвышая въ нихъ въ одно время чувство своего достоинства и уваженія къ истинности. Наука, дѣйствуя въ духѣ мысли, приобщаетъ ей и данъ истинны въ видѣ мыслительномъ, т. е., въ видѣ всеобщихъ отвлеченныхъ понятій, чуждыхъ непосредственнаго отношенія къ случаямъ и событіямъ эпохи, общества, поколѣній и т. п. Литература, напротивъ, исключительно посвящаетъ себя этимъ отношеніямъ. Она хочетъ истинною одушевить, согрѣть все существо человѣческое; она пролагаетъ ей путь ко всѣмъ убѣжденіямъ, ко всѣмъ вѣрованіямъ и вводитъ ее прямо туда, гдѣ слагаются они — къ сердцу людей. Здѣсь истина измѣняетъ свою наружность; она совлекается форменной одежды понятий и принимаетъ изразителій народъ образцовъ, то богатый и роскошный, то простой и граціозный. Отвѣчая отвсюду интересамъ жизни, перерождаясь вся въ соприкосновеніи съ самыми высшими и неотразимыми вопросами ея, она получаетъ такой характеръ, никого въ ней и не подозревать усердіе

судителі ея самобытности, ея строгаго и удивительнаго величія, — характеръ истины, которая хочет правиться, трогать, влиять, любить и быть любимой. Независимо параллельно съ литературою, то какъ дѣлѣ и содержанію, то какъ условію формы, звукъ и краски языка. Оно-то присутствіе въ мысли народа, даетъ ей особенное настроеніе, которое наконецъ должно разрѣшиться и новыми результатами и новыми формами слова. Дѣла науки истины есть предметъ наблюденій, опытовъ, утерянъ, продолжительныхъ и многосложныхъ изысканій; она вѣруема всѣмъ работникамъ снарядомъ, съ помощію некихъ умъ проникаетъ въ самыя мрачныя и таинственныя глубины вещей; литература не знаетъ механизма ученыхъ изысканій; трудъ ея есть трудъ созданія, а неразработки матеріаловъ; для ней истины есть нѣчто данное и готовое, ожидающее предназначеннаго ей свыше преобразованія изъ идеи въ дѣйствительность. У науки даже есть видимая цѣль въ безпредѣльной области истины и каждая отрасль ея, обращаясь къ известной степеніи природы и человѣка, находитъ въ ней и содержаніе опредѣленнаго объема и рода. Она знаетъ куда идетъ и что ожидаетъ ее на концѣ поприща. Литература не предвидитъ слѣдствій своихъ стремленій; поприще ея неизмѣримѣе и терпитъ за видимымъ горизонтомъ вещей въ глубинѣ самыхъ таинственныхъ, неуловимыхъ влеченій жизни и души. Она, такъ сказать, ожегнутаго возникаетъ изъ нравственныхъ и историческихъ потребностей народа, какъ бой сердца въ груди нашей, какъ ударъ пульса и дыханіе. Метода науки такъ опредѣлена, что ее можно найти и изучить въ любой логикѣ; но способности созданія въ литературѣ или какой-нибудь отрасли ея до того различны по характеру народовъ и эпохъ, что до сихъ-поръ мы не успѣли изъяснить съ точностію и поднести подѣ матерію главнѣйшихъ и немногихъ изысканій. Такъ и должно быть. Наука исключительно управляется законами логической необходимости, потому-что она предстательница всякой необходимости на землѣ; литература напротивъ есть выраженіе свободы духа — и отвлеченный законъ мысли является въ ней только какъ ограниченіе, а не какъ единственный способъ развитія и сочетанія предметовъ: науки свободы, кромя логическаго пути,

раскидывается и ищется еще по многимъ другимъ путямъ, пролагаемымъ судьбой вещей и событій. Наука не знаетъ народа, она знаетъ одно челоѣчество; литература видитъ челоѣческое не иначе, какъ отраженнымъ въ призмѣ народности. Въ ней все имѣетъ отношеніе къ народу, къ известной эпохѣ его развитія и образованія; она не только мысль, но и вѣрованіе, и страсть, и судьба. Для литературы только и важны тѣ задачи разума, которыя народомъ поняты, возчувствованы и рѣшены такъ, что челоѣчество здѣсь является благоговѣющимъ уже предъ славою своего сына, гениальнаго народа, озарившаго себя и его блескомъ великихъ созданій. Ей принадлежитъ почетнѣйшее изъ преимуществъ челоѣка, — творчество со всѣми замыслами гордой воли, съ жизнедательнымъ огнемъ вселюбящаго сердца, когда челоѣкъ смѣетъ сказать творенію: «я могу вдохнуть въ тебя новую жизнь!»

Литература служить проводникомъ науки въ жизнь и общество, какъ единая законная посредница между ними. Звѣнтая вопросамъ о томъ, что въ жизни есть вѣчнаго и необходимаго, наука не въ состояніи низойти до подробностей ихъ развитія, до ихъ интересовъ мѣстныхъ и преходящихъ, а бывъ ограничена предѣлами челоѣческаго ума, она по необходимости становится спеціальною. Не удивительно, что у ней есть свои тайны, своя непонятность для умовъ непривычныхъ и непосвященныхъ. Сколько бы ни говорили въ наше время о пользѣ и возможности популярнаго изложенія науки, эта популярность всегда будетъ не иное что, какъ примѣненіе только извѣстныхъ истинъ къ нуждамъ жизни, а то, чего примѣнить нельзя и что большею частію составляетъ глубину и сущность науки — ея общіе виды и приемы ея анализа всегда будутъ требовать особеннаго для себя мѣста въ сферѣ разума, особенныхъ усилій и языка. Но отъ литературы зависитъ болѣе или менѣе опародить науку, слѣдовать ее, если не доступнее всѣмъ и каждому, то для всѣхъ предметомъ сочувствія, предметомъ народной славы, силою привлекающею, а не отталкивающею. Правда, наука можетъ существовать и безъ литературы; но это будетъ существованіе властелина безъ любви гражданъ, съ правомъ повелѣвать безъ умѣнья и возможности дѣлать ихъ счастливыми. Ей бу-

дуть воздавать причинныя почести, какъ въ вѣка столестицизма, но безъ ней будутъ умѣть обходиться воздѣ, гдѣ своекорыстіе и страсти захотятъ выполнить свои темныя замыслы. Ибо безъ литературы, кто продлетъ въ науку чувство человѣческихъ потребностей и эти потребности, подавляя въ самомъ прахѣ на самомъ днѣ общества, возвысить до возрѣній науки? Не вѣдая ихъ, на своей царственной высотѣ, она ревностно станетъ заботиться о славѣ человѣческаго разума, объ истинѣ, о своемъ бессмертіи, о всемъ благородномъ и прекрасномъ, кромѣ того, что существенно благородно и прекрасно, кромѣ дѣланія людей благородными и прекрасными.

Во всемъ этомъ много истины, и все это очень-близко къ истинѣ, многое выражено необыкновенно-удачно и опредѣленно; но намъ кажется, что тутъ вопросъ рѣшенъ не вполне-удовлетворительно. Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что г. Никитенко противопоставляетъ науку *литературѣ*. Это не совсѣмъ-вѣрно съ его же собственной точки зрѣнія на литературу, потому-что подъ его опредѣленіе литературы (стр. 24—25) подходит и наука, какъ мысль человѣческая, возникающая у народа выѣсть съ нимъ изъ его духа, жизни, историческихъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, и посредствомъ слова выражающая свое народочеловѣческое развитіе подъ совокупнымъ вліяніемъ верховныхъ и всеобщихъ идей истиннаго и шаячнаго. Повторяемъ: это опредѣленіе такъ же идетъ и въ наукѣ, какъ и въ литературѣ, и по этому самому не выражаетъ вѣрно ни той, ни другой. Содержаніе науки и литературы одно и то же—истина; слѣдовательно, вся разница между ними состоитъ только въ формѣ, въ методѣ, въ пути, въ способѣ, которыми каждая изъ нихъ выражаетъ истину. Такъ-какъ у обѣихъ одно и то же орудіе выраженія — слово, то и отдѣлять ихъ другъ отъ друга можно только на существенномъ отличіи. Литература, въ обширномъ значеніи, обнимаетъ собою и науку, и потому говорится: *литература исторіи, литература химіи, литература медицины и*

г. д. Такимъ-образомъ, въ этомъ смыслѣ, сама наука относится къ литературѣ, какъ видъ къ роду, и какъ часть къ цѣлому. Противопоставивъ литературѣ науку, авторъ хотѣлъ яснѣе и точнѣе опредѣлить первую черезъ ея противоположность. Цѣль хорошая и средство вѣрное; но тутъ есть ошибка, которая парализировала средство и не допустила вполне достигнута цѣли: авторъ упустилъ изъ вида искусство, которое и слѣдовало противопоставить литературѣ, чтобъ точно и вѣрно опредѣлить послѣднюю. Не, можетъ-быть, мы сами ошибаемся, и авторъ подъ литературою разумѣетъ именно искусство? Въ такомъ случаѣ, его ошибка дѣлается еще болѣею. Во-первыхъ, подъ его опредѣленіе литературы искусство никакъ не подойдетъ, потому-что въ этомъ опредѣленіи нѣтъ ни слова о творчествѣ; во-вторыхъ, литература состоитъ не изъ однихъ только произведеній искусства. Говоря объ искусствѣ по поводу литературы, должно разумѣть искусство словесное, т. е. поэзію. Опредѣлить поэзію—значитъ опредѣлить искусство вообще, т. е. столько же опредѣлять и архитектуру, и скульптуру, и живопись, и музыку, сколько и поэзію, потому-что послѣдняя отъ первыхъ развитая не сущностью, а способомъ выраженія. Правда, эта способъ, т. е. слово, дѣлаетъ ее выше всѣхъ другихъ искусствъ и производить цѣлый кругъ эстетическихъ законовъ только ей одной свойственныхъ и всякому другому искусству чуждыхъ. Но это показываетъ только, что теорія поэзіи существенно раздѣляется на двѣ части — общую и прикладную: въ первой объясняется значеніе искусства вообще и налагаются законы, равно общіе всѣмъ искусствамъ; а во второй поэзія рассматривается какъ особенное искусство, имѣющее свои, только ей свойственные законы. Вотъ это-то *словесное* или *литературное* искусство, т. е. поэзія, и должно противопоставляться наукѣ для взаимнаго опредѣленія той и другой.

какъ двухъ самостоятельныхъ областей литературы. Въ такомъ случаѣ, ихъ различіе очевидно: наука—область спекулятивнато, діалогического развитія истины, какъ мысли прямо, безъ всякаго посредства образовъ. Главный дѣтель науки—умъ, и всего менѣе фантазія. Искусство, слѣдовательно, и поэзія, есть, напротивъ, непосредственнымъ развитіе истины, въ которомъ мысль высказывается черезъ образъ, и въ которомъ главный дѣтель есть фантазія. Наука, разлагающею дѣятельностью разсудка, отвлекаетъ общія идеи отъ живыхъ явленій. Искусство, творящую дѣятельностью фантазіи, общія идеи являетъ живыми образами. Наука жертва для непосвященнаго въ ея таинства, искусство оказываетъ свое вліяніе иногда надъ самыми грубыми и невѣжественными людьми. Наука требуетъ всей жизни человѣка, всего человѣка; искусство болѣе или менѣе дается почти-всякому. Наука дѣйствуетъ мыслию прямо на умъ; искусство дѣйствуетъ непосредственно на чувство человѣка. Это два полюса совершенно-противоположные. Только въ исторіи, наука и искусство соединяются вмѣстѣ для достиженія одной и той же цѣли, потому-что въ наше время, исторія есть столько же ученое, во внутреннему содержанию, сколько художественное, по изложенію, произведеніе. Доселѣ мы говорили о наукѣ спекулятивной, которая весь міръ явленій переводитъ на языкъ мысли, идеи, и въ которой бытіе является слѣдующимъ изъ самого-себя вѣчно-развивающимся идеальнымъ началомъ: другая наука — наука опытная, эмпирическая, терпѣливый и постояннымъ трудомъ медленно, шагъ за шагомъ, приобретающая и приготовляющая коприще для завоеваній мысли, — эта наука тоже противоположна искусству. Она находитъ, разлагаетъ, сравниваетъ, приводитъ въ порядокъ безконечный міръ фактовъ, классифируетъ ихъ. Она тоже не для толпы, а для избранныхъ, тоже требуетъ всей жизни человѣка, всего человѣка, такъ

же ницѣтъ своихъ героевъ и мучениковъ.

И такъ, вотъ первое различіе науки отъ искусства въ-отношеніи къ обществу: тайны ея, т. е. процессъ ея дѣятельности, доступны только для посвященныхъ, для труженниковъ, по страсти обрѣкшихъ себя ея служенію, — слѣдовательно, для самой малѣйшей части общества; результаты же науки доступны уже для большей части общества, т. е. не для однихъ ученыхъ, но и для дилеттантовъ. Искусство, напротивъ, по его доступности, существуетъ для всѣхъ, хотя и не въ равной мѣрѣ, и не для всѣхъ одинаково.

Искусство существуетъ даже для дикихъ народовъ. Пѣсню дикарь торжествуетъ свою побѣду надъ врагомъ; пѣсню возбуждаетъ онъ въ себѣ воинственный пылъ, готовясь на битву; въ пѣснѣ изливаетъ онъ и горе и радость. Но неизбѣжное пространство раздѣляетъ народную пѣсню отъ художественной поэмы или драмы. Въ образованныхъ обществахъ (у которыхъ однихъ можетъ быть художественная поэзія), художественныя произведенія имѣютъ обширный кругъ читателей, а драматическая поэзія, черезъ театр, дѣлается доступною даже безграмотнымъ людямъ. Однакожъ изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ художественныя произведенія были не только доступны всему обществу, но и въполнѣ доступны только его меньшей части. Для полнаго, истиннаго постиженія искусства, а слѣдовательно, и полнаго, истиннаго наслажденія имъ, необходимо основательное изученіе, развитіе; — эстетическое чувство, получаемое человѣкомъ отъ природы, должно возвыситься на степень эстетическаго вкуса, приобретаемаго изученіемъ и развитіемъ. А это возможно только для тѣхъ, кто на искусство смотритъ не какъ на пріятное препровожденіе времени, веселое занятіе отъ нечего-дѣлать, или легкое средство отъ скуки, но кто видитъ въ искусствѣ серьезное дѣло, требующее размышленія, вызывающее на мысль, разви-

вающее и умъ и сердце. Искусство должно имѣть не однихъ только дилеттантовъ, но и жрецовъ, героев и мучениковъ, которые, не производя ничего сами, тѣмъ не менѣе занимаютъ имъ какъ дѣломъ своей жизни, какъ своимъ назначеніемъ, горячо берутъ къ сердцу его успѣхи, его ослабленіе, его упадокъ; изучая его сами, объясняютъ его другимъ. Это та же наука, та же ученость, потому что для истиннаго постиженія искусства, для истиннаго наслажденія имъ нужно много и много, всегда и всегда учиться, и притомъ учиться многому такому, что, по-видимому, находится совершенно внѣ сферы искусства. Сами дилеттанты, эти любезники искусства, ищущіе въ немъ только наслажденія и развлеченія, сами дилеттанты раздѣляются на множество разрядовъ, по степени ихъ страсти, или пристрастія къ искусству. Для толпы же собственно существуютъ только результаты искусства, и то безъ ихъ вѣдома и сознанія: само искусство вовсе не существуетъ для нея, такъ же какъ и наука. Толпа никогда не понимаетъ высокиихъ произведеній искусства, и они рѣдко ей нравятся, потому что, какъ мы сказали выше, искусство требуетъ изученія, требуетъ особеннаго посвященія въ его таинства. А между тѣмъ, необходимо, чтобы и у толпы было свое искусство, своя литература. И толпа имѣетъ то и другое въ такъ называемой *бельетристикѣ*, за неимѣніемъ другаго, болѣе опредѣлительнаго термина. Дѣятелъ бельетристики — галанти, иногда большіе, всего чаще малые. Бельетристика (*belles-lettres*) есть ежедневная пища общества, которая перемѣняется ежедневно, потому что одна и тѣ же блюда скоро надоедаютъ. Бельетристика относится къ искусству, какъ гравюра и литографія относятся къ картинамъ, какъ статуэтки и фигурки, бронзовыя, мраморныя и гипсовыя, — къ живописнымъ произведеніямъ скульптуры, къ статуямъ Венеры-медичейской и Аполлона-белведерскаго. Какъ

бы ни была хороша гравюра или литографія, хотя бы это была мастская копія съ мастерской картины, она — не болѣе, какъ украшеніе въ шей комнаты, украшеніе, которое скоро наскучаетъ, и вы сѣбѣ ищите другую, какъ сѣбѣ ищите перемѣнить мебель, обои вашихъ комнатъ, занавѣски вашихъ оконъ, сообразуете съ требованіями моды. Но если вы владѣете картиною великаго мастера и если умѣете понимать ее, — она никогда не наскучитъ вамъ, вы никогда не выучите ее наизусть, но всегда будете открывать въ ней новыя красоты, прежде незамѣченныя вами; вы повѣсите ее не для украшенія комнаты, потому что комната, какъ бы она была великолѣпна, такъ же не стоитъ этой картины, такъ же недостойна украшаться ею, какъ не стоитъ она челоука. И вы для этой картины выберете не лучшую, не великолѣпнѣйшую, не роскошнѣйшую, а удобнѣйшую, хотя бы и самую простую комнату вашего дома, — комнату, которая должна быть удобно для картины освѣщена и въ которой не должно быть никакихъ игрушекъ. Изъ сказаннаго видно, въ чемъ состоитъ существенная разница между художественными и бельетристическими произведеніями. Вѣдь и гравюра и статуэтка принадлежатъ къ области изящнаго, и въ нихъ есть и творчество и художественность; но въ какой мѣрѣ — вотъ вопросъ! Мало этого: всѣ эти игрушки, всѣ домашнія принадлежности — лампы, жиранды, пресс-папье, сигарочницы, мебель и пр. и пр., — всѣ эти вещи теперь дѣлаются съ такимъ вкусомъ, такимъ изяществомъ, что тѣ, которые изобрѣтаютъ ихъ форму, болѣе имѣютъ право называться артистами, нежели мастерами. Но естественно, что гравюры и статуэтки стоятъ еще на высшей ступени художественности, нежели домашнія утвари, и болѣе, нежели она, принадлежатъ къ міру изящнаго. И такъ, гдѣ же, въ чемъ же та рѣзкая черта, которая отдѣляетъ искусство отъ бы-

директивъ? — Рѣзкой черты нѣтъ и быть не можетъ, такъ же какъ, въ историческомъ мірѣ, нѣтъ рѣзкой черты между гениальностію и бездарностію, умомъ и глупостію, красотою и безобразіемъ, потому что между всѣми этими крайностями есть посредствующія звенья, переходы и оттънки неизмѣнныя и невидимыя. Рѣзкой черты нѣтъ, но черта есть. Истинно-художественное произведеніе бессмертно; оно составляетъ вѣчный капиталъ литературы. Оно, при своемъ появленіи, тогда можетъ быть даже не узнано и не признано современниками, не только живыми, но и учеными; однакожъ, оно возмѣстъ свое, и будущія поколѣнія провозгласятъ передъ нимъ, вдохновенныя вѣющими въ него духомъ новой мысли. Бельлетристическія произведенія, напротивъ, могутъ добиваться только равнѣ долговѣчности, но никогда не достигнуть бессмертія; они ролетъ тысячами, — тысячами и умираютъ; вчера еще побѣдоносная, владычій вниманіемъ свѣта, восхищавшая и радовавшая его, веселая, гордая, свѣтлая, живая, яркая, блестящая, — сегодня они уже блѣднѣютъ, вянутъ, а завтра ихъ нѣтъ. Всего болѣе часто, они имѣютъ огромный успѣхъ при своемъ появленіи; толпа потчасъ же вровослашаетъ ихъ гениальными произведеніями, кромѣ ихъ не хочетъ ничего знать, ничего читать, ни о чемъ слышать, ни о чемъ говорить; во время идетъ, и колоссальное, великое произведеніе умираетъ малѣ, и благодарная толпа забываетъ даже, какъ она превозносила его, и нагло отирается даже отъ знакомства съ нимъ, какъ отираются люди отъ знанія съ разорившимся богачомъ, у котораго недавно позвали они... Но нѣтъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы бельлетристическія сочиненія были ничтожными явленіями и не заслуживали вниманія и уваженія людей дѣльных. Нѣтъ, они необходимы, они имѣютъ великое значеніе, великій смыслъ. Само искусство такъ же не замѣнять ихъ, какъ и они не замѣняютъ искус-

ства; они необходимы и благотѣльны, какъ и художественныя произведенія. Они — искусство толпы; безъ нихъ, толпа была бы лишена благотворнаго искусства. Сверхъ-того, въ бельлетристичѣхъ выражаются потребности настоящаго, дума и вопросъ дня, которые иногда не предчувствуя сама наука, ни искусство, ни самъ авторъ подобнаго бельлетристическаго произведенія. Слѣдовательно, подобныя произведенія, такъ же какъ и наука и искусство, бываютъ живыми откровеніями дѣйствительности, живую почву истинныя и вѣрному будущаго.

И такъ, мы нашли уже три области литературы: науку, искусство (поэзію) и бельлетристику. Но это еще не все; остается еще область, названная нами, но не менѣе великая и важная, особенно въ наше время, въ которое она такъ развилась и усилилась. Для этой области нѣтъ названія на русскомъ языкѣ, и потому мы назовемъ ее такъ, какъ она называется тамъ, гдѣ родилась, гдѣ ее владычество и сила — прессою (la presse). Въ эту область литературы входятъ журналы, статьи, брошюра; словомъ все, что легко, изящно и доступно для вождя и народа; для общества, для толпы, что популяризируетъ, обобщаетъ идеи, знакомитъ съ результатами науки и искусства и распространяетъ энциклопедическое образованіе, превращаетъ интересы и вопросы, самыя отвлеченныя и глубокія, въ интересы и вопросы жизни, для всѣхъ и каждого равно близкіе и важныя, словомъ, обобщаетъ науку и искусство съ живію.

Теперь взглянемъ на вѣдущія отношенія этихъ четырехъ областей литературы, чтобы увидѣть, какъ и въ какой мѣрѣ всѣ они могутъ служить содержаніемъ исторіи литературы.

Наука имѣетъ свою исторію, искусство также; но искусство много, и каждое изъ нихъ, независимо отъ другихъ, можетъ имѣть свою исторію. Слѣдовательно, и словесное, или литературное искусство — поэзія. Но исторія поэзіи, безъ связи съ исторіей

Бельлетристики и прессы вообще, была бы неполна и одностороння; слѣдовательно, она такъ и просится сама въ исторію литературы, какъ одна изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ частей ея. Наука, не смотря на всю свою противоположность поэзи, не можетъ не дѣйствовать на нее, ни не принимать на себя ея вліянія. Мы не будемъ говорить уже о томъ, какъ дѣйствуетъ философія на поэзію и поэзія на философію: это завлекло бы слишкомъ далеко; скажемъ только, что никакъ невозможно отрицать хотя непрямаго и невидимаго вліянія на искусство даже положительныхъ наукъ, какова, на-пр., математика. Новый способъ рѣшать теорему, конечно, не можетъ имѣть никакого вліянія на искусство; но рѣшеніе вопроса о круглотѣ земли и ея обращеніи вокругъ неподвижнаго, въ отношеніи къ ней, солнца, о движеніи всей міровой системы, — рѣшеніе такихъ вопросовъ, развѣивая умы, слѣлавъ ихъ смѣлѣе и моудѣнствѣе, могло ли не имѣть вліянія на фантазію поэта и его произведенія? Все живое — въ связи между собою; наука и искусство суть стороны бытія, которое едино и цѣло: могутъ ли стороны одного предмета быть чужды другъ другу? И такъ, исторія науки должна входить въ исторію литературы, по крайней мѣрѣ, въ той мѣрѣ, въ какой наука, по своимъ результатамъ, имѣла вліяніе на искусство. Вліяніе поэзи на бельлетристику очевидно: бельлетристика есть та же поэзія, только низшая, менѣе строгая и чистая, — то же золото, только низшей пробы, только смѣшанное съ металлами низшаго достоинства. Поэзія даетъ бельлетристичѣскую жизнь и направленіе, и потому иногда одно высокое художественное произведеніе порождаетъ множество болѣе или менѣе прекрасныхъ бельлетристическихъ явленій; одинъ геній даетъ полетъ множеству талантовъ. Но и бельлетристика, съ своей стороны, имѣетъ вліяніе на искусство: она переводитъ на языкъ толпы его идеи, и даже дѣлаетъ толпѣ доступными

ни художественныя произведенія, подражая имъ. Сверхъ-того, бельлетристика имѣетъ свои минуты открытій, указывая на живыя потребности общества, на непредвидѣнные вопросы дня, и не даетъ искусству изолироваться отъ жизни, отъ общества и принимать характеръ педантическій и аскетическій. Чтò же касается до прессы, — она всему служитъ, она равно необходима и наукѣ, и искусству, и бельлетристичѣскому обществу.

Итакъ, содержаніе исторіи литературы составляетъ: исторія поэзи, бельлетристики, прессы и, отчасти, науки. Въ этомъ случаѣ, мы несколько не равнися съ г. Никитенко во взглядѣ на предметъ; но намъ кажется, что онъ не довольно-опредѣлительно выразился въ рѣшеніи этого вопроса. Вотъ почти единственное мѣсто во всемъ *Введеніи*, которое мы могли не оспаривать, потому-что въ сущности мы согласны съ нимъ, но противъ котораго мы нашли сказать что-нибудь. Почти во всемъ остальномъ мы вполне согласны съ идеями автора, такъ прекрасно вездѣ изложенными. Мы могли бы прослѣдить ихъ, чтобъ представить содержаніе всей книги г. Никитенко; но думаемъ, что для читателей будетъ пріятнѣе непосредственно познакомиться съ этою книгою. И потому, ограничимся выпискою нѣсколькихъ мѣстъ, не для того, чтобъ черезъ нихъ ознакомить публику съ книгою, но чтобъ украсить ими нашу статью. Сверхъ-того, есть мысли, которыя полезно повторять какъ-можно-чаще: такихъ мыслей очень-много въ книгѣ почтеннаго профессора. Можетъ-быть, нѣкоторые изъ нихъ были уже высказаны и прежде; но подъ перомъ г. Никитенко онѣ принимаютъ всю свѣжесть и все благоуханіе новостіи. Послушаемъ, на-примѣръ, чтò говоритъ онъ противъ обскурантизма, прикрываемаго моральными виданіи, противъ нравственности, основанной на невѣжествѣ.

«Но не видимъ ли мы, могутъ сказать намъ еще, что дароды, достигшія высо-

кого литературнаго образованія, страдаютъ отъ пороковъ своихъ столько же, сколько похвалъ невѣжественныя, или эти варварскія скопища людей зѣвобразныхъ, прочтавшихъ съ шумомъ по лѣну земли и въ упоеніи крови человѣческой и животныхъ страстей своихъ, неисцѣвшіе даже забыть, что они варвары? Но что это доказываетъ? Сколько ни находили бы пороковъ въ обществахъ, сдѣлавшихъ изъ ума своего употребленіе, какое свойственно вѣчно-дѣятельной и развивающейся природѣ нашей, все же они неизмѣримо праставниже и счастливѣе тѣхъ, кои осудили себя на умственную неподвижность. Суровая дикость народовъ, отвращеніе къ наукѣ, къ искусству, ко всему мыслительному, привязанность къ грубымъ обычаямъ, которые должны же перемѣниться, потому что на свѣтѣ все перемѣняется, страсть къ смрадѣ и нечистотѣ въ понятіяхъ, погубкахъ и образѣ жизни, свирѣпая роскошь дракъ, пытокъ и крестовъ совѣтъ не заслуживаютъ того уваженія, какое оказываютъ имъ защитники ложно возникаемой патриархальной простоты. Человѣкъ бываетъ гораздо хуже тогда, когда онъ не мыслитъ вовсе, нежели тогда, когда онъ ошибается мысля. И эта предельность невѣжества, или *малая дикость*, какъ называлъ ее одинъ изъ нашихъ полто, по которой такъ вздыхаютъ души томни или завлеченныя въ софизмы желаніемъ казаться глубокомысленными, въ существѣ своемъ по иное что, какъ безобразная ничтожность, въ которой суждено человѣку начать свое бытіе, потому что онъ сынъ земли, по которую онъ обязанъ покорить разуму и преобразовать, потому что ему для этого именно и данъ разумъ. Нѣтъ ничего негѣше, какъ принимать и предлагъ униженія великихъ предметовъ то зло, какое къ нимъ прививаютъ люди, какъ будто есть сила, способная драть намъ на земли совершенное блаженство, какъ будто совершенство въ чемъ бы то ни было не есть идеалъ, а что-то возможное для человѣка, и какъ будто во всякомъ случаѣ терпѣть и умирать не есть долгъ нашъ. Не словомъ *есе*, а словомъ *мы* или *мыше* означаетъ сумма, которую мы можемъ получить отъ нашихъ учителей. Когда обществу удалось уничтожить одно изъ золъ, угнетавшихъ похлѣіе, которое ему предшествовало, и приобрести новую истину — оно сдѣлало шагъ впередъ, же смотри на то, что въ

Т. ХLI. — Отд. V.

самыхъ процессахъ его работы, можетъ быть, зародилось и новое зло и новое заблужденіе. Таковъ удѣлъ человека! Наконецъ, не отъ насъ зависитъ форма нашего жребія. Человѣку суждено и бластвовать по человѣчески; не въ боляхъ тѣла, но въ мукахъ сердца искушается его мужество, и самая лучшая слава, какою только можетъ гордиться человѣчество, есть слава тѣхъ, которые умѣли страдать и умирать за истину.»

Вообще, выборъ выписокъ изъ такой книги, какъ это введеніе въ «Опытъ», крайне-затруднитель: не знаешь, чему отдать предпочтеніе; желая сохранить послѣдовательность идей, по неволѣ выписываешь больше, нежели сколько позволяють предѣлы статьи. Остановившись на четвертой главѣ, содержащей въ себѣ свѣтлый и одушевленный взглядъ на реформу Петра-Великаго и на предшествовавшее ей схоластическое направленіе нашей учености, черезъ Кіевскую Академію. Въ обоихъ этихъ вопросахъ, авторъ выѣтъ въ виду преимущественно русскую народность, говоря о которой, естественно, онъ не можетъ не говорить о ея поборникахъ.

«Съ тѣхъ поръ, какъ мы начали почитать наше національное достоинство, много явилось у насъ предположеній болѣе или менѣе патриотическихъ, болѣе или менѣе остроумныхъ о великихъ судьбахъ нашего отечества, о его призваніи обновить дряхлѣющее челоѣчество, примирить элементы Востока и Запада и проч. Были даже такіе жаркіе ревнители отечественной славы, которые хотѣли усыновить Россію Аттілѣ и тѣмъ доказать неоспоримое ея право и возможность выбросить Европу за окно вселенной съ ея желѣзными дорогами, паровыми машинами, книгопечатаніемъ, съ гробами Ньютона, Декартовъ, Данте, Шекспировъ, Гёте. Эти дѣтскія теоріи, при всей ихъ пылкости, ничего не рѣшаютъ о томъ, чего знать ни кому не дано, т. е., о будущемъ состояніи вещей. Къ сожалѣнію, онѣ такъ же ничтожны и для настоящаго. Вмѣсто того, чтобы озарить свѣтомъ освятель-

наго злінія предмети тісно связані съ благодієвіємъ и славою отечества, или воодушевляють сердца ревностію ко всьому разумному, честному, правственому великому и тѣмъ точно содѣйствовать великимъ судьбамъ народа, хотя и не во вкусь Аттвы, — эти теоріи булужи пустою игрою праздой фантазіи или надутаго школьнаго суетловія, чуждыя существенныхъ интересовъ общества, разлетаются поверхъ него дымомъ, не пробуждая ни въ комъ ни одного плодоносящаго убѣжденія и вѣрованія.

Изъ вѣдръ народа, въ лицѣ державнаго генія, возникло могущество съ идеями разума всемірнаго и характеромъ творческимъ, соединяющее въ себѣ нравственное превосходство съ политическою диктатурою, съ возможностью располагать средствами громадными и неистощимыми. Проникающее тренетнымъ сознаніемъ опасности, какою угрожали обществу прѣбрѣтеныя выгоды образованности, приспосаблиясь глубокою народностію не нравовъ, а духа, преодолившаго суровые нравы, оно крѣпкое давно существующими хотя и невыказанными нуждами этой стихійной безсмертной народности, разбило вѣковыя преграды и вынесло, такъ сказать, на плечахъ своихъ изъ тѣсоты и мрака наши способности, нашу угнетенную, но живую нравственную силу, чтобы воставить ихъ лицомъ къ лицу со всѣми высшими задачами и цѣлями исторіи. Такими-то необычайнымъ способомъ Россія вошла въ свою естественную сферу жизни; ее допустили съ почтеніемъ къ участию въ судьбѣ народовъ образованныхъ, но не по праву предавій, или памяти прежнихъ заслугъ, а единственно по праву ея дарованій, во имя блестящей будущности, не въ примѣръ другимъ. Сперва движеніе мысли у насъ въ наукѣ, въ литературѣ, въ обществѣ казалось шаткимъ и неопредѣленнымъ: ей недоставало историческаго происхожденія и матеріальной фактической опоры въ предыдущемъ порядкѣ событий. Фактъ удерживалъ бы ее въ границахъ, но въ тоже время служилъ бы ей твердымъ основаніемъ и убѣжищемъ отъ многихъ заблужденій, съ которыми она встрѣчалась невольню въ своемъ беззаботномъ странствованіи. Но къ сожалѣнію она произошла не отъ фактической породы, а отъ породы идей, и ей надоб-

но было еще приобрести себѣ руководителей и опоры въ самой жизни, въ вещахъ. Дѣйствительно, съ пробужденіемъ нашихъ способностей, нужды новаго неиспытаннаго существованія возрастали болѣе и болѣе; эти-то нужды должны были замѣнять для мысли нашей элементы историческіе, и слѣжаться ея почвою. Это исполнилось. Мало по малу въ новомъ преобразованномъ обществѣ возникло множество человѣческихъ вопросовъ, множество отиошній, страстей, желаній, которыми могла удовлетворять одна мысль. Политическая вѣньная занятая государствомъ, участіе въ величайшихъ всемірныхъ событіяхъ, виды новаго законодательства, потребности новаго гражданскаго порядка — все это взывало къ мысли, требовало ея могучаго содѣйствія. Отсюда объята интересами жизни, она пустила въ нихъ свой корень, начала развиваться, дѣлаться образованностію самостоятельною. Откуда она пришла? чья она? Скоро переставемъ мы спрашивать о томъ: мы только будемъ гордиться ею, какъ нашимъ прекраснымъ достояніемъ, не смотря на разительное ея сходство съ физиономіей Европы и человѣчества. Изумительное, несмысленное явленіе, если мы сравнимъ настоящее съ прошедшимъ. Между тѣмъ оно есть не болѣе, какъ возвращеніе народомъ того, что онъ случайно обривилъ въ суматохѣ пожаровъ и кровопролитій, или что у него украли враги и судьба. Если бѣ можно было чему нибудь удивиться на земли, то не тому, что мы нынѣ, а тому, какъ могли мы съ нашими способностями, съ славяно-европейскимъ умомъ и сердцемъ такъ долго быть иными. Теперь не время предаваться пустымъ словопречіямъ о томъ, какую бы систему образованія слѣдовало намъ принять — она рѣшена и принята, не по вѣту теорій и волѣ людей, но по волѣ промысла и непреодолимому влеченію національнаго генія. Мы дѣти Славяно-Руссовъ и Византии; отъ нихъ мы получили драгоцѣнное наслѣдіе — нашу душу и жизнь души, святую православную вѣру; не менѣе того мы дѣти Петра. Онъ не создалъ въ насъ нравственной возможности быть тѣмъ, чѣмъ ему хотѣлось, потому-что этого люди не создаютъ. Онъ самъ напротивъ, былъ Славяно-Руссомъ и сыновъ вѣры въ чистѣйшемъ смыслѣ этихъ словъ. Но онъ первый глубокимъ инстинктомъ генія понялъ основныя начала

иной народности, не смотря на грубую и даже варварскую, выросшую на ней вѣтвь татарства; первый замѣрилъ наше нравственное могущество, первый укрѣпилъ въ высокое его призваніе и героизмъ сѣвлякъ, первый сминатилъ и надиктовалъ, воззвалъ его къ развитію и дѣятельности. По предметамъ, по цѣли, если угодно, по фактамъ, это было новое и чрезвычайное событіе, которое исторія наша не справедливости называетъ реформою, переворотомъ; по внутреннему призыву мыслей, это былъ естественный логическій шагъ нашей народности, задержанной въ своемъ ходѣ, но не замѣняемой въ сущности ни Татарами, ни реформою. Она, эта гибкая, крѣпкая, энергическая, свѣтлоумная, аналитическая народность въ самой колыхалѣ своей обречена дѣйствовать какъ она дѣйствуетъ, обречена стереть съ лица земли двухъ завоевателей, одного храбраго, другаго величайшаго, брать бороду, носить модныя шляпы вѣтраки Парижа, читать Байрона, Шекспира, Гёте, Шеллинга и Гегеля, говорить языкомъ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Крылова, имѣть университеты, академія и гимназіи. То, что при другихъ обстоятельствахъ могло бы прозойти и явиться въ XV или XVI вѣкѣ, то явилось въ XVIII и XIX — вотъ вса машина!»

Опровергая неясную мысль, будто реформа Петра-Великаго была насильственнымъ событіемъ, авторъ обозрѣваетъ бѣгло исторію Россіи до Петра, показывая, что и тогда она не стояла на одномъ мѣстѣ, но развивалась, и что еще при Царѣ Алексѣи Михайловичѣ началось вторженіе въ Россію иностранныхъ идей.

«Скоро явились дѣйствительныя силы, какъ бы для того, чтобы взволновать наконецъ тяжелое, удрученное самымъ собою общество — Кіевъ и Николь. Кіевъ предсталъ съ самыми благовидными дарами — съ даромъ науки, которую онъ скромно воздвигалъ въ стѣнахъ своей Академіи по схоластическимъ понятіямъ. Это было важнымъ событіемъ для тогдашняго общества. Оно увидѣло вдругъ передъ собою хитро сложенную машину, для добычливыхъ и обработки мыслей — науку. Дѣй-

ствительно, это была машина, которую съ успѣхомъ могли бы употребить люди до того уже обогащенные матеріалами знанія, что слѣдовало позаботиться о формѣ, о его устройствѣ и администраціи. Этого не было — и потому-то надлежало бы начать не съ однихъ формъ, но съ возбужденія духа; надлежало бы воскресить въ умахъ то сминатическое сочувствіе къ знанію, которое такъ свойственно человѣческой и русской натурѣ и которое дѣйствуетъ сверху внизъ и шатко, но наконецъ возрастая постепенно, принимаетъ участіе, чтобы сквозь сердце перелетѣть его въ умъ. Нужно было коренное и всеобщее потрясеніе умовъ — нужно было движеніе, сила, блескъ, чтобы поразить ихъ, пробудить и заставить бѣжать изъ логовищъ вѣкового мрака на встрѣчу свѣта и дня. Между тѣмъ, что передъ ними было? Сколотъ безъ души в жизни, способный свонить неестественнымъ движеніемъ устроить людей болѣе мужественныхъ и опытныхъ въ предметахъ умственныхъ, чѣмъ тѣ, съ которыми приходилось имѣть дѣло этой трудолюбивой, благонамѣренной и полезной, но тощей и убогой наукѣ. Что жъ сдѣлала она для русскаго общества? Отчасти ничего не сдѣлала, а отчасти поссорилась съ знаніемъ русской умъ, который можно обмануть дѣлами, но не идеями. Этого не довольно. У насъ оставался языкъ — важный, сжатый, благогланный, языкъ вѣры, образовавшийся в созрѣвшій въ духѣ великихъ истинъ, которыми призванъ былъ возвышаться и хранить; другой языкъ, возникшій изъ перваго, но переработанный народнымъ умомъ и чувствомъ, получившій отъ нихъ ихъ неуловимую гибкость, ясность, пластичность и простоту. Мы имѣли еще языкъ святыхъ изъ обихода предмудрыхъ, языкъ государственныхъ нуждъ, дипломатіи, безъ утопической лживой хитросплетенности, законовъ безъ общности значеній, съ формами строгими, точными, выговаривавшій волю законодателя безъ шатости и необходимости договаривать ее — языкъ воззванія властей къ народу, исполненннй трогательнаго краснорѣчія и царственнаго величія. Что сдѣлала изъ нихъ кіевская наука? Перемѣнила ихъ, набросала въ нихъ полонизмовъ, перелала въ тяжелыя латвискія формы и подкрасила все это схоластическою риторикою, составила языкъ новый, которому не можетъ быть мѣста ни въ наукѣ, потому что онъ темнѣе, какъ незна-

ше, ни въ литературѣ, потому что онъ не способенъ правиться и утекать, какъ истинное безобразіе; ни въ жизни, потому что искусственъ и неестественъ, какъ сивкодаха и хрїа.

«Но вотъ на сценѣ Никонъ. Это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ нашей исторіи, съ чертами рѣзкими, съ энзимоніей дышущей сознаниемъ личной воли, умъ парящій замыслами, по выраженію поэта. Мы мало изучали эту энергическую душу, созданную для того, чтобъ властвовать, воздвигать бури и не бояться ихъ,—а она стóитъ изученію. Потребность восстановленія текста въ священныхъ книгахъ, повреждавшагося въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій нерравски, давно чувствовали всѣ мыслящіе люди. Этотъ духъ критицизма, влущаемый самою чистотою Божественнаго ученія, робко проглядывалъ въ убѣжденіяхъ, не переходя въ рѣшеніе и мѣру. Никонъ, влеченіемъ упругой своей воли никогда неостанавливавшійся на половинѣ пути, мысль объ исправленіи церковныхъ книгъ превратилъ въ вопросъ общественный, и чего желали, чего боялись многіе, онъ совершилъ къ чести своего времени. Ничто не можетъ быть проще и сообразнѣе съ разумомъ и вѣрой, какъ это возвращеніе къ вѣчному и логическому значенію писанія, предпринятое и одобренное самымъ авторитетомъ Церкви. Мы знаемъ, однакожъ, какъ недовѣствовало это благороднѣйшее, открытѣйшее, пресвященнѣйшее подвигъ на грубую массу народа, который, по характеру своего ума, способенъ понять и оцѣнить великую ясную и правдивую мысль, но который теперь враждовалъ противъ самой очевидной истины, потому что его прекрасный, свѣтлый умъ отяжелѣлъ, отуманился отъ бездѣйствія, требовалъ возбужденія и не находилъ его. Возникли пѣлмы, ученія, болѣе или менѣе полезныя, болѣе или менѣе удаленныя отъ святаго и великаго единства религіознаго, въ которомъ издревле сосредоточивались умы и сердца русскіе; пришли въ нестройное движеніе не только идеи, но страсти, и возмолвала пѣлос современное общество, угрожая будущности столь же тревожною и сомнительною.

«Между тѣмъ, какъ такимъ образомъ все переиначилось, или лучше сказать, запутывалось на высотѣ общественныхъ помя-

тій и вѣрнѣйшій, изъ вѣдръ матеріальной силы народа возникало чудовище дикое и свирѣпое, съ жаждою крови, вина и денегъ, соединившее въ своемъ вѣрскомъ братоубійствѣ лицъ всѣ ужасы, всѣ пороки, весь осадокъ татарскаго элемента — мы говоримъ о стрѣльцахъ. Владѣя пышело, не какъ благороднымъ оружіемъ, а какъ дреколѣмъ, нестройное и чуждое успехамъ своего ремесла, это сословіе трусливое передъ непрітелемъ и храброе только передъ мирными гражданами, вдругъ захотѣло свою неестовую волю неставить въ число первенствующихъ общественныхъ началъ. Къ полному несчастію этой бурной эпохи именно не доставало только, чтобы къ броженію понятій и нравственной огрубѣлости присоединилась физическая сила съ попомозовеніемъ участвовать въ общемъ волненіи. Это несчастіе свершилось. Стрѣльцы не только захотѣли участвовать въ немъ, но рѣшать жребій царства.

«Такой-то порядокъ, или лучше сказать, безпорядокъ вещей сложился въ Россіи передъ самымъ появленіемъ Петра Великаго. Это было, если угодно, движеніе; но какое? это не было движеніе развитія, возрастанія, общающаго естественный цвѣтъ и плодъ, а судороги встревоженной суровой силы, которую раздражили догромались до нее истинною, новыми понятіями и полумѣрами.

«Мы увѣрены, что простой здравый умъ не могъ бы иначе рассуждать, смотря на состояніе вещей въ эпоху предъ-Петровскую, и еслибъ, какъ мы сказали прежде, ему вѣрена была судьба народа, онъ не могъ бы не покориться влеченію событій; онъ повелъ бы народъ по новому пути — и погубилъ бы его, потому что простымъ обыкновеннымъ умомъ нельзя совершать подобныхъ дѣлъ. Таково было состояніе нравовъ и обстоятельствъ, что предпринявъ систематически наклонять ихъ къ новымъ началамъ и переходя отъ одного измѣненія къ другому, надлежало наконецъ прійти къ тѣмъ рѣшительнымъ и неожиданнымъ слѣдствіямъ, гдѣ среднія мѣры уже недовѣстительны, гдѣ надобно устремиться къ крайности, чтобъ избѣжать противоположной, гдѣ надобно отвѣжаться на все, чтобъ довершить, потому только, что начала. Когда providѣніе изъ потрясенныхъ осно-

ний преніяго, въ чрезвычайнаго бере-діа жизненныхъ стѣзій хочетъ извлечь новую вѣтвущую жизнь, оно посылаетъ своего уполномоченнаго — генія, и даетъ ему право и силу дѣйствовать способами необычайными, приводящими въ трепетъ и недоумѣніе умы навыка и рутинны. Оно послало Россіи Петра. Но Петръ ничего не сдѣлалъ бы безъ тайнаго сочувствія народа къ новому порядку вещей, который справедливо называютъ Петровскою реформой, если думатьъ, что безъ него онъ бы не существовалъ и крайне не справедливо, если вѣрять, что онъ его изобрѣлъ и сдѣлалъ.

Говорятъ, что Петръ Великій ослабилъ нашу народность. Какая клевета на него и на Россію! Что за народность, которую мол одного человека могла въ продолженіи четверти столѣтія ослабить своими учрежденіями? Неужели она состояла въ опіейномъ духа, въ невѣжствѣ, чуждавшемся всякихъ успѣховъ науки, искусства и гражданственности, въ грубыхъ азіатскихъ обычаяхъ, въ ожесточеніи нравовъ, съ чѣмъ Петръ Великій велъ такую достославную и побѣдоносную борьбу? Нѣтъ! это не была народность наша, это было искаженіе ея. Тѣ, что составляютъ вѣчную сущность и святиню ея — нашъ умъ, наше сердце никогда изъ собственныхъ вѣдръ не могли родить этихъ змѣй, высасывавшихъ въ самомъ корнѣ живительные соки, — надежду роскошнаго пѣвца и плода. Изъ родило и воспитало горькое рабство, постигшее насъ въ тѣ смутные дни, когда юные и неопытные, мы не научились еще владѣть и пользоваться нашими силами. Забавить насъ отъ злополучныхъ остатковъ этого рабства, возвратитъ насъ наукѣ, искусству, со всѣми ихъ безмѣрными слѣдствіями, возвратитъ Европѣ, человечеству, самиятъ-себѣ, значило возстановитъ нашу народность. — Пусть же уста наши не произносятъ имени Петра Великаго иначе, какъ съ жаркою любовью, съ молитвеннымъ благоговѣніемъ въ сердцѣ: онъ есть истинный возстановитель нашей народности.

Итакъ, къ чему умствовать суетно и безцельно о будущихъ судьбахъ Россіи, которыхъ нѣтъ въ предѣлахъ нашего знанія конечно потому, что онѣ будущія? Будущность наша велика — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но она должна быть предвѣстникомъ патріотической вѣры въ нашемъ

сердцѣ и истинномъ всякаго умственнаго и гражданскаго воодушевленія, а не основаніемъ выводовъ для практическихъ ежедневныхъ приложений. Къ чему также вопреки самымъ великимъ судьбамъ будущаго, обращаться вспять къ такому прошедшему, которое можетъ служить урокомъ для жизни, но не дѣятелемъ ея? Наше настоящее можетъ быть обильнѣе пужалами, требующими постоянныхъ усилій ума, чѣмъ настоящее другихъ; оно имѣетъ свой характеръ, котораго нельзя изъяснить общими историческими мѣстами; по своей чрезвычайности, оно не подходитъ подъ ихъ обыкновенныя категоріи и формулы. Мы народъ новый въ исторіи всемирной умственной дѣятельности — вотъ истина столь же простая, сколь и важная для насъ. Мы должны не продолжать, но начинать; наше богатство не въ наслѣдствѣ, а въ собственной разумной дѣятельности, для которой небо щедро надѣлало насъ способностями. Въ никто, въ этихъ прекрасныхъ способностяхъ наша твердая опора и наши драгоценнѣйшія надежды на поприщѣ знанія и искусства. Всѣ патріотическія идеологіи должны умолкнуть предъ существенными патріотическими интересами, которые можно выразитъ двумя словами: *наука и трудъ*. Мы немногo успѣли еще въ той и другой. Но въ какомъ духѣ должны мы учиться и трудиться? Вопросъ странный! какъ-было духъ зависитъ отъ выбора людей. Онъ есть духъ вѣка, духъ нашихъ вѣрованій, нашихъ общественныхъ нуждъ, сердечныхъ обѣтовъ и желаній, духъ нашей славы и самобытности. Ему трудно заглянуть въ лицо. Онъ увлекаетъ насъ своею неотразимою силою быстро, чѣмъ мы произносимъ слово: *зачу*, и прежде чѣмъ мы успѣли прийтти его власти надъ нашими понятіями и чувствами, онъ ужъ властвуетъ; ему не нужно нашего признанія, потому что онъ царствуетъ по праву, потому-что онъ духъ убѣжденія и эпохи, а не выдуманный духъ касты или ученой системы. Онъ не требуетъ повинновенія себѣ, потому-что его нѣтъ; онъ требуетъ для насъ, т. е. для избавленія насъ отъ донъ-кихотства, вмѣстѣ съ повинновеніемъ, существенныхъ услугъ, а не грезъ и восклицаній — и за первыя онъ платитъ только удостоивая ихъ принять, а за вторыя ничѣмъ, если невниманіе должно принять за ничто въ такомъ дѣлѣ, гдѣ желаютъ *что-то...*

Боюсь перепечатать всю книгу г. Никитенко, останавливаясь здѣсь. Мы и безъ того сдѣлали выписокъ гораздо больше, нежели сколько нужно, чтобъ дать понятіе о достоинствѣ этого сочиненія и возбудить въ нашихъ читателяхъ желаніе познакомиться съ нимъ ближе. Подобная книга есть приоб-

рѣтеніе и для литературы, и для публики, читающей для удовольствія, и для публики, читающей для пользы; но еще большее приобрѣтеніе увидать для себя въ ней молодые поколѣнія. Желаемъ вмѣстѣ съ ними, чтобъ слѣдующія части труда г. Никитенко не замедлили выйдомъ въ свѣтъ.

СЛАВЯНСКІЙ СБОРНИКЪ. Н. В. Савельева - Ростиславича.

Санктпетербургъ. 1845.

Тренещите и кланяйтесь, читатели! Вы готовитесь имѣть дѣло съ книгою, которая—бездна премудрости, океанъ учености... Вообразите: однихъ прикѣчаній *юлторы* *тысличи!*.. Предметъ книги самый ученый—славянскій міръ, ввече словянщина, или словенщина... Цѣль книги — возстановленіе русской народности, будто-бы съѣденной врагами нашими, Нѣмцами; вождельнное возстановленіе это торжественно совершается книгою черезъ рѣшеніе вопроса, что Варяго - Руссы были не Нѣмцы, а Славяне,—чистые, породистые Славяне, безъ всякой нѣмецкой, или другой какой еретической примѣсы. Средства книги—страшная эрудиція, неслыханная начитанность. Не знаемъ, кѣмъ вамъ это покажется; но что касается до насъ, мы насколько не испугались этой книги. Ученость—вещь почтенная, и мы сочли бы варваромъ, Готтентотомъ всякаго, кто безъ уваженія сталъ бы смотрѣть на ученость; но ученость учености рознь: есть ученость истинная, свѣтлая, плодотворная и благотворная,

и есть ученость ложная, мрачная, безплодная, хотя и работающая. Черезъ ученость люди доискиваются истины; черезъ ученость доискивался истинны Фаустъ, тревожимый внутренними вопросами, мучимый страшными сомнѣніями, жаждавшій объять, какъ друга, всю природу, стремившійся добраться до начала всѣхъ началъ, до источника жизни и свѣта, и безрепетно пускавшійся въ безпредѣльный и невещественный міръ *матерей*—первородныхъ чистыхъ идей. Но черезъ ученость же добивался истины и Вагнеръ, человекъ узколобый, ограниченный, слабоумный, сухой, безъ фантазій, безъ сердца, безъ огня душевнаго, прототипъ педанта, представитель всѣхъ возможныхъ Тредьяковскихъ, изобрѣтателей русскихъ гекзаметровъ на греческій ладъ, и русскихъ октавъ на итальянскій манеръ... Къ чему ни прикоснется Вагнеръ — все иссыхаетъ и гниетъ подъ его мертвою рукою: цвѣты теряютъ свои краски и благоуханіе, красота превращается въ мертвый аппаратъ, нравственность стано-

вится скучнымъ жеманствомъ, истина —пошлою сентенціею... Глядя на Вагнера, особенно слушая его, чувствуешь невольное отвращеніе къ наукѣ и къ учености: такъ противѣтъ въ глазахъ вашихъ красивый, благоухающій, вкусный и сочный плодъ, если по немъ проползеть отвратительный слизнякъ...

Вагнеровъ много, и они раздѣляются и подраздѣляются на множество родовъ и видовъ. Мы имѣемъ теперь въ виду только одинъ родъ этихъ, впрочемъ, очень-любопытныхъ людей. Сохраняя общіе родовые признаки всѣхъ Вагнеровъ, т. е. ограниченность, слабоуміе, сухость, пошлость, задорливость и фанатизмъ,—Вагнеръ, о которомъ мы хотимъ говорить въ общемъ типическомъ смыслѣ, не приѣмляя ни къ кому въ-собенности его характера, — нашъ Вагнеръ ко всѣмъ этимъ прекраснымъ качествамъ присовокупляетъ еще ипохондрическую способность впадать въ манію какой-нибудь недѣльной мысли, какого-нибудь дикаго убѣжденія. Избравъ предметомъ своихъ занятій, наприимѣръ, исторію, онъ видитъ въ исторіи совѣтъ не исторію, а средство къ защищенію и оправданію чудовищныхъ идей. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, существо доброе и нисколько не опасное, — онъ дѣлается разъяреннымъ, когда онъ говоритъ или пишетъ о своей заветной идеѣ, на которой помѣшался. Всѣ противники этой идеи — личные враги Вагнера, хотя бы они жили за сто, или за тысячу лѣтъ до его рожденія; всѣ они, мертвые и живые, по его мнѣнію, люди слабоумные, глупые, низкіе, злые, презрѣнные, способные на всякое дурное дѣло. Всѣ ея защитники и послѣдователи, мертвые и живые, по его мнѣнію, люди умные, гениальные, добродѣтельные, чуть не праведные. Идея его — истина и неопределима: онъ ее доказалъ, утвердилъ, сдѣлалъ всеѣ солнцемъ,—я только люди, ослабленные невѣжествомъ или злобою, могутъ не видѣть этого. Гово-

ря о своей идеѣ, какъ объ аксіомѣ, принятой всѣмъ міромъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ невѣждъ и злодѣевъ (хотя бы въ самомъ-то дѣлѣ, кроми самого Вагнера и его пріятелей, или никто и знать не хотѣлъ ея, или всѣ смѣются надъ нею, какъ надъ вздоромъ),—онъ самъ о себѣ говоритъ, какъ о великомъ человѣкѣ, великомъ ученомъ, великомъ гении, и, въ подтвержденіе этого, не краснѣя, вставляетъ въ свою книгу похвалы самому-себѣ, полученныя имъ отъ своихъ пріятелей такихъ же Вагнеровъ, какъ и самъ онъ, и, въ благодарности, съ своей стороны также превозноситъ ихъ до седьмого неба. Бѣдный человѣкъ, жалкій злодѣкъ! Хуже всего въ немъ то, что онъ отъ всей души считаетъ себя великимъ ученымъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ усердно занимается своимъ предметомъ, много прочелъ и перечелъ, знаетъ бездну фактовъ,—словомъ, по всѣмъ правамъ принадлежитъ къ числу самыхъ остервенѣлыхъ книгоѣдовъ. Но, не смотря на то, онъ такъ же мало имѣетъ право претендовать на титло ученаго, какъ и на званіе умнаго человѣка. Это не потому только, что Вагнеръ ограниченъ и, какъ говорится, недалекъ и *ворота къ выдумамъ*: и ограниченные люди могутъ быть учеными (эмпирически и фактически), и своими посильными трудами, очищая старые факты и натываясь на новые, приносить пользу наукѣ; но потому, что Вагнеръ, о которомъ мы говоримъ, въ наукѣ видитъ не науку, а свою мысль и свое самолюбіе. Онъ принимается за науку уже съ готовою мыслью, съ опредѣленною цѣлью, садится на науку, какъ на лошада, везетъ впередъ, куда привезетъ она его. Мы этимъ не хотимъ сказать, чтобъ нельзя было приступать къ наукѣ изъ желанія оправдать ея свою задушевую мысль, въ которой человѣкъ убѣжденъ по чувству, предчувствію, а ргогѣ, и которой онъ хотѣтъ, путемъ науки, дать дѣйствительное, реальное осуществленіе. Нѣтъ, такъ приступать къ наукѣ не одинъ великій человѣкъ, и

себѣ усѣиха; но для этого нужно прежде всего, чтобъ задушевная, зачѣтная, пророческая мысль родилась на благодатной натурѣ, въ свѣтломъ умѣ, и чтобъ она носила въ себѣ зерно разумности; потомъ необходимо, чтобъ предугающій такимъ образомъ изъ путѣ, для оправданія своей мысли въ объективныхъ фактахъ и глазахъ всего міра, — дошелъ въ святыхъ наука съ объективными и чистыми ногами, не шло въ него сора и пыли заравфелованія на вѣру убѣжденій. Онъ движетъ, на все время изслѣдованія, отречься отъ всякаго пристрастія въ пользу своей идеи, долженъ быть готовъ дойти и до убивающаго ее результата. Человекъ, который посвящаетъ себя наукѣ, не только можетъ, долженъ быть живымъ человекомъ, въ тѣлѣ, съ кровью, съ сердцемъ, съ любовью; но у науки не должно быть тѣла, крови и сердца: она — духъ бестѣлесный, чистый отвлеченный разумъ, безъ крови и сердца, безъ страстей и пристрастій, холодный, строгій, суровый и безпощадный. У нея есть любовь, но она особенная, ей только свойственная, духовная, идеальная любовь къ предмету безплатному, отвлеченному — къ истинѣ, — не къ той или той этой истинѣ, заравѣ известной, а къ такой, какая сама-собою явится результатомъ свободнаго изслѣдованія. Въ этомъ смыслѣ, типъ истиннаго ученаго — математикъ, который, ища неизвестной величины, нисколько не заботится, какая именно будетъ эта величина, и понравится она ему, или нѣтъ: для него всѣ величины равно хороши, и онъ добивается именно той, которая необходимо должна быть результатомъ рѣшаемой имъ задачи. У него есть любимая мысль, и кто такъ-сбродомъ оправдаетъ ее черезъ цѣлу, тотъ вполне заслуживаетъ высшего и благороднаго титула ученаго; ничѣмъ образомъ какъ и тотъ, кто любитъ отдаваться отъ любимаго убѣжденія, если увидитъ, что оно отзвучиваетъ черезъ ученое изслѣдованіе, предубѣжденіемъ или заблужденіемъ. Не

таковы Вагнеры, о которыхъ мы говоримъ: они обращаются съ наукою какъ съ лошадыю, которую заставляютъ наступать куда имъ угодно. Любимыя мысли ихъ всегда виѣ науки и ее интересоѣ. Устремлять ли они свое исключительное вниманіе, на-примѣръ, на русскую исторію, — не думайте, чтобъ ихъ цѣль была разработать ея матеріалы, разъяснить ея темные факты, или изложить въ стройномъ повѣствованіи ея событія. Нѣтъ, подобные труды и задачи они охотно предоставляютъ другимъ, а сами занимаются вопросами, которые столько же легки для ученой болтовни, сколько пусты въ своей сущности. Имъ, видите ли, нужно непременно узнать, кто были Варяго-Руссы. Зачѣмъ? Для окончательнаго рѣшенія перваго вопроса русской исторіи, какова бы ни была степень его важности? — О, совсѣмъ нѣтъ! Имъ это нужно для изъясненія ихъ отвращенія къ Нѣмцамъ и любви къ славянскому міру. Какъ надо рѣшить вопросъ — это они знаютъ напередъ. Еще не начинавъ заниматься русскою исторією, они уже знали, что Варяго-Руссы — чистые Славяне, и что Шлѣцеръ съ умысла «враждъ», называя ихъ Норманами, увлекаемый рейнскимъ патриотизмомъ. Читая этихъ господъ, такъ и думаешь, что читаешь писаніе какого-нибудь брадатаго учителя какого-нибудь старообрядческаго толка: та же стрѣлцкая ненависть ко всему иноземному, та же нелѣпая логика, то же фанатическое наступленіе въ дикихъ убѣжденіяхъ...

Но это вагнеровское направленіе становится еще диче, когда къ нему примѣшивается охота сочинять историческія цитаты и догадки, которыя выдаются за непреложныя истины, на основаніи наткнутыхъ словопроизводствъ, сблизженій, цитатъ, и такъ-называемой «исторической логики». Ни одна область науки такъ не богата чудовищными нелѣпостями, какъ область филологій и исторій. Происхожденіе,

начало и сродство языковъ и народовъ представляютъ самое обширное поле для произвольныхъ толкованій, нелѣпныхъ догадокъ и дикихъ заключеній. Первоначальная исторія всѣхъ народовъ покрыта глубокимъ и непроницаемымъ мракомъ, — и потому Вагнерамъ тутъ легко одними и тѣми же доказательствами утверждать самыя противорѣчащія положенія. Для этого и невѣжество и многознаніе равно служатъ, и послѣднее иногда доходитъ еще до большихъ нелѣпостей, нежели первое. По-крайней-мѣрѣ, послѣднее увлекаетъ за собою толпы adeptовъ, и иногда переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію. Ученость этого рода по-истинѣ забава, съ своими важными изслѣдованіями вопросовъ, которые въ сущности очень-неважны, а главное — неразрѣшмы. Великій нашъ юмористическій поэтъ, глубокой знатокъ тѣхъ комическихъ слабостей человѣческой натуры, въ которыхъ такъ трудно уловить тонкую черту, отблѣющую гениальность отъ сумасшествія, — превосходно характеризуетъ манеры и уловки историческихъ изслѣдователей. Онъ сдѣлалъ это, чтобъ объяснить происхожденіе глупыхъ сплетней, которыя возникли на-счетъ героя его романа и ни - съ - того - ни - съ - сего, въ глазахъ сплетничей обратились въ достовѣрность. • Наша братья, народъ умный, • какъ мы называемъ себя, поступаетъ • почти также, и доказательствомъ • служатъ наши ученые рассужденія. • Сперва ученый пользуется въ нихъ • необыкновеннымъ поддепомъ, начинаеть робко, умѣренно, начинаеть • самымъ смиреннымъ запросомъ: не • оттуда ли? не възъ того ли угла получила нѣя такая-то страна? или: не • принадлежитъ ли этотъ документъ • къ другому повдѣйшему времени? • или: не нужно ли подъ этииъ народомъ разумѣть вотъ какой народъ? • Цитуетъ немедленно тѣхъ и другихъ • древнихъ писателей, и чуть только • видитъ какой-нибудь намекъ, или по-казалось ему намекомъ, ужъ онъ по-лучаетъ рысь и бодрится, разгова-

• риваетъ съ древними писателями за- • просто, задаетъ имъ запросы, и самъ • даже отвѣчаетъ за нихъ, забывшая • вовсе о томъ, что началъ робкоиъ • предположеніемъ; ему уже кажется, • что онъ это видитъ, что это ясно — и • рассужденіе заключено словами: такъ • это вотъ какъ было, такъ вотъ какой • народъ нужно разумѣть, такъ вотъ съ • какой точки нужно смотрѣть на пред- • метъ? Потомъ во всеуслышаніе, съ • кафедры, — и новооткрытая истина • пошла гулять по свѣту, набирая себѣ • послѣдователей поклонниковъ. (*Мертвая Душа*, стр. 362, — 363).

Это столько же не преувеличено и вѣрно, сколько зло и смѣшно... Главный источникъ подобныхъ человѣческихъ слабостей заключается въ человѣческомъ самолюбіи. Ученому, литератору пріятно не только основать въ наукѣ свою систему, свой взглядъ на предметъ, но даже и быть послѣдователемъ новаго ученія, кѣмъ-нибудь другимъ основаннаго. — Мы-де не старовѣры, мы-де впереди всѣхъ, — думаютъ, самолюбиво осклабясь, такіе ученые, или такіе литераторы, не подозревая, что они дѣйствительно впереди всѣхъ... на пути нелѣпости.

Но мы совсѣмъ забыли объ • ученой • книгѣ г. Савельева-Ростиславича, о знаменитомъ *Славянскомъ Сборникѣ*, увлекшись разными размышленіями, которыя, разумѣется, нисколько не относятся ни къ ученому г. Савельеву-Ростиславичу, ни къ его варяго-русскому альманаху. Займемся же нѣ исключительно.

Альманахъ состоитъ изъ нѣсколькихъ статей, сочиненныхъ г. Савельевымъ-Ростиславичемъ, и раздѣляется на два выпуска; третій печатается. Первая статья • Критическое обзореніе, во всѣхъ отношеніяхъ, системы скандинавскаго производства Руся, отъ 1735 до 1845. — занимаетъ весь первый выпускъ, напечатана гораздо крупнѣйшимъ шрифтомъ, нежели вто-

рой вынукъ, перемѣчена римскими цифрами и до невозможности преисполнена типографскими ошибками, безпрестанно искажающими смыслъ, — почему статью эту такъ же трудно читать, какъ дурно и неразборчиво-написанную рукопись. За этой статьей въ 239 страницъ, слѣдуетъ бѣлая страница, потомъ четыре страницы указаній опечатокъ, которыя, не смотря на то, показаны далеко не всё; затѣмъ — латинскій эпиграфъ изъ Тита Ливія; за нимъ — двѣ бѣлыя страницы, а за ними — страница съ русскимъ переводомъ эпиграфа изъ Тита Ливія; потомъ заглавіе новой статьи (первая статья не имѣетъ заглавія — оно выставлено, вмѣстѣ съ поименованіемъ кѣихъ статей, на цвѣтной оберткѣ), на оборотѣ — бѣлая страница (отъ того листа толще и, слѣдовательно, *ученье*), за которою уже начинается новая статья. Заглавіе книги на цвѣтной обложкѣ весьма неблагообразно жмется къ корешку, оставляя большое поле справа. Всѣ эти чисто-вѣшнія, типографическія подробности могутъ показаться читателямъ мелочными придирками; но мы не могли избѣжать этихъ вѣшностей, потому что онѣ находятся въ живой связи съ внутреннимъ достоинствомъ книги: *Славянской Сборникъ* долженъ быть и напечатанъ по-славянски, въ восточномъ вкусѣ, въ противоположность лукавому Западу, который издаетъ свои книги красиво, изящно, со вкусомъ и безъ опечатокъ...

Первая статья, неимѣющая, какъ мы уже сказали, другаго заглавія, кромя того, какое выставлено на цвѣтной обложкѣ (которая при переплетѣ книги, какъ извѣстно, бросается прочь) — посвящена сочинителемъ памяти Ломоносова и Венелина, падшихъ въ борьбѣ за независимость русской мысли. Аллахъ керимъ — что это за изреченіе? или, лучше сказать, что это за выдумка?... Да когда же они падали? Можно сказать, напр., о Вольтинскомъ, что онъ палъ за вражду къ Бирону; но

Ломоносовъ не падалъ, сколько намъ извѣстно, и умеръ своею смертію, не задолго до нея ошастливленный посѣщеніемъ императрицы Екатерины II. Развѣ такъ падаютъ? Дай Богъ всякому такъ падать! Правда, Ломоносовъ умеръ прежде времени, во это по собственной винѣ, въ-слѣдствіе въ-котораго славянскаго пристрастія къ въ-которому варяго-русскому напиту, а совсѣмъ не потому, чтобъ его кто-нибудь преслѣдовалъ за независимость русской мысли. Что касается до Венелина, онъ тоже умеръ не во-время, даже гораздо - болѣе не во-время, чѣмъ Ломоносовъ; но г. Савельевъ-Ростиславичъ самъ лично зналъ Венелина, слѣдовательно, знаетъ, что онъ умеръ тоже совсѣмъ не въ-слѣдствіе преслѣдованія за независимость русской мысли... И такъ, что же это за ученое сочиненіе, которое даже въ посвященіи умышленно говоритъ неправду?.. Или уже таково должно быть всякое произведеніе въ славянофильскомъ духѣ?..

Книга г. Савельева-Ростиславича начинается увѣреніемъ, что Петръ-Великій любилъ Россію и Русскихъ и что онъ, когда могъ, всегда предпочиталъ Русскаго Нѣмцу. Это справедливо, хотя уже и не ново. Сочинитель, ссылаясь на донесеніе Кампредова французскому двору, увѣряетъ, что Петръ-Великій для того сзывалъ въ Петербургъ всѣхъ дворянъ, подъ опасеніемъ конфискаціи имѣній и лишенія дворянскаго званія за недку, чтобы узвать способныхъ на службу дворянъ и *замѣнить ими иностранцевъ*, которыхъ онъ хотѣлъ скорѣе уволить отъ службы и отослать. Это похоже на правду, однакожь ва-самомъ-дѣлѣ не правда, что бы ни говорили гг. Кампредонъ и Савельевъ-Ростиславичъ. Что Петръ желалъ освободиться отъ лишнихъ иностранцевъ, между которыми, естественно, было много пустыхъ и даже вредныхъ для Россіи людей, и дать ходъ своимъ способнымъ людямъ, — это вѣрно; но чтобъ онъ

хотѣлъ отослать *всѣхъ иностранцевъ*, даже достойныхъ и оказавшихъ ему услуги, онъ, у котораго между ними былъ когда-то Тиммерманъ, Гордонъ, Лефорть, былъ Остерманъ, и послѣ котораго остался Россіи Минихъ; — это просто выдумка, не-стоящая опроверженія. Императрица Екатерина, Нѣмка по рожденію, но дочь Петра-Великаго не по крови, а по духу, равно умѣла дать свободный ходъ и широкое поприще и даровитымъ Русскимъ и даровитымъ Нѣмцамъ, и умѣла дѣлать это такъ, что при ней не было ни русской, ни нѣмецкой партіи, а было, вѣсто ихъ, твердое, умное и славное русское правительство. Г. Савельевъ-Ростиславичъ продолжаетъ *сочинять*: «Но Великій умеръ — и мысль его осталась безъ исполненія. Люди, къ которымъ оны питалъ глубочайшее пристрастіе, размножились. Въ благодарность Россія, которая кормила ихъ и поила, *они подарили бирюзовицу* (1730—1740), тяготившую надъ нѣмцами отечествомъ до счастливаго воцаренія дочери Петровой, кроткой Елизаветы, *очистившей Русь отъ иноплемениковъ* и *предуготовившей намъ съѣду Екатерины Великой*» (стр. VII, VIII). Тутъ что ни слово, то вопіющая ложь! Читая это, невольно подумаешь, что иноплеменики съ-умыслу подготовили намъ Вирона, какъ іезуиты, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, подготовили московскому царству Димитрія Самозванца... Въ благодарность подарили намъ бирюзовицу — что за нечестность! Этакъ иной подумаетъ, пожалуй, что Анна Иоанновна была иноплеменица, а не родная дочь Иоанна Алексѣевича, не родная племянница Петра-Великаго!... Не знаете, право, въ какой жѣрѣ Елизавета Петровна предуготовила царствование Екатерины-Великой; вы даже думаете, что славою и блесномъ своего царствования Екатерина II никому не обязана, кромѣ самой себя и своихъ сподвижниковъ, которыхъ она такъ хорошо умѣла выбирать... Жаль, что г. Савельевъ-Ростиславичъ не заглянулъ хоть въ исторію

г. Устрялова, если ему не известны другіе источники касательно царствования Елизаветы Петровны... Но что ему до источниковъ, что до истины: Елизавета Петровна *очистила Русь отъ иноплемениковъ*, а это въ его глазахъ все равно, что сдѣлать Русь счастливою! Но исторіи говорить не то... Трудно было Россіи при Петрѣ — и реформы, и войны, и трудъ, и жертвованія; но правосудіе и нелицепріятіе великаго царя, доступность къ нему для всѣхъ и каждого, очарованіе имени и обильные плоды его подвиговъ вознаграждали Русь за все, — и послѣ его смерти она, къ-несчастью, слишкомъ-скоро и слишкомъ-хорошо узнала, что была при немъ счастлива. По смерти же Петра, только съ царствованія Екатерины II настала для Россіи и теперь продолжающаяся вѣха счастья, благоденствія и славы.

По мнѣнію г. Савельева-Ростиславича, система скандинавскаго вранья-хожденія Руси явилась во время Бирона, изъ угожденія временщикамъ-иноземцамъ. Тутъ оны вводятъ рѣшительный заговоръ Нѣмцевъ противъ Русскихъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если Вайеръ правъ, и варяго-русскія вѣды пришли въ намъ изъ Скандинавіи, — горе намъ: наша національная честь пострадала на вѣки; достоинство поправно, и ны — нѣчто мѣше собачьихъ говорятъ Персіане. Оловѣкъ, послѣ этого, намъ, Русскимъ, *счастенъ* только ваять да повѣситься всѣмъ до единаго! За то, какое торжество для Швеціи: послѣ этого, ей нечего даже жалѣть ни о прибалтійскихъ областяхъ, ни о Финляндіи! Но утѣшитесь: Вайеръ былъ Нѣмецъ, *уликѣйшій* рейнскій патриотизмъ, врагъ Россіи, злодѣи, извергъ, который хотѣлъ украсть нашу честь, славу, достоинство. Нашлись люди; которые *исполнили* его. Первымъ изъ нихъ былъ великій Ломоносовъ, послѣднимъ — г. Савельевъ-Ростиславичъ. Въ *Славянскомъ Сборникѣ* подробно и краснорѣчиво изображены подвиги *того и др.*

аго во этой части. Во время Варягов, Нѣмцы жили дружно между собою въ Россіи; а съ Русскими; въ этомъ отношеніи, вотъ что сказалъ Долынский: Намъ, Русскимъ не надобно хлѣбъ: мы другъ друга ѣдимъ, и съ того сытъ бываемъ. И все-таки не мы, а Нѣмцы были виноваты въ нашихъ бѣдѣхъ: по-крайней-мѣрѣ, г. Савельевъ-Ростиславичъ вѣрно держится того мнѣнія. Главную же причину нашихъ бѣдствій въ то время онъ полагаетъ въ скандинавскомъ происхожденіи Русовъ: Сказки Вайеръ съ самаго начала, что Варяго-Руссы пришли къ намъ съ славянского Балтійскаго моря, и приняли это мнѣніе Шлѣперъ, — Баронъ ничего бы не могъ намъ сдѣлать, и мы непремѣнно сослали бы его въ Великій-Нургъ, или Прибалтійскую Сербь, въ славянский городъ Винету, главное до тѣхъ разрушенныя диссертаціею г. Грановскаго. Но когда Ломоносовъ принялся за русскую исторію, которой онъ не зналъ, и за восстановленіе славы Россіи, — было уже поздно: Нѣмцы, Варяги и Вайеръ, уже успѣли призвать въ Россію скандинавскихъ Варяго-Руссовъ. Умный, ученый, эстетическій, гениальный Шлѣперъ своею могущественною историческою критикою, своими изслѣдованіями и авторитетомъ утвердилъ багровое ученіе о скандинавскомъ происхожденіи Руси. Если и въ наше время есть люди, которые, подобно г. Вейсману, считаютъ предосудительнымъ для чести Россіи скандинавское происхожденіе Варяго-Руссовъ, — то когда же на Шлѣпера смотрѣть иначе въ времена иудейско-реторическаго патриотизма, когда самъ Ломоносовъ, — человекъ высокаго ума; гениальныхъ способностей; сильнаго характера, великой учености, — если не принималъ за достоинство нелѣпнаго и нелицитаческаго мнѣнія о происхожденіи Руррика отъ Кесарей, то и не отрицалъ въ вещь вѣроятности!... Итакъ, Ломоносовъ первый возсталъ противъ багроваго ученія. Причиною этого возстанія человека ученаго и гениаль-

наго, но рѣшительно незнающаго исторіи, было; во-первыхъ, убѣжденіе, столь-свойственное реторическому варварству того времени, будто-бы скандинавское происхожденіе Варяго-Руссовъ позорно для чести Россіи, и во-вторыхъ, небезосновательная вражда Ломоносова къ Нѣмцамъ-академикамъ, и вообще огорченія, которыми, по своей великой ревности къ успѣхамъ наукъ въ Россіи, онъ подвергался въ сѣдствіе академической кабалы и сплетень подъяческаго характера. Въ числѣ его противниковъ (которыхъ — надо сказать правду — Ломоносовъ умѣлъ наживать себѣ всмысленностью и крутою своею правдою); былъ и безсмертный профессоръ элоквенціи, а киче сею хитростей иштетическихъ; Василій Кирилловичъ Тредьяковскій. Г. Савельевъ-Ростиславичъ до того осерчалъ на бѣднаго и жалкаго Тредьяковскаго, который держался нѣмецкой партіи и скандинавскаго происхожденія Руси, что съ восторгомъ и необыкновенною влюбленіемъ пересказывалъ исторію изгнанія, которому Великій подвергъ Тредьяковскаго равно ни за что. — Артемій Петровичъ Каво-милъ друа палками (говорить краснорѣчивый г. Савельевъ-Ростиславичъ); приказалъ свалить ему 70 палокъ по голой спинѣ: велѣвъ заказать ему еще 30 палокъ; далъ ему на прощанье еще съ десятокъ палокъ... (стр. XII). Вотъ что значитъ истощить на явное повѣствованіе оная и палочнаго событія все богатство славянскаго языка и краснорѣчиво водоплавать всю энергію и живость великокутскаго глагола: *идкоржитъ палками, свалить, заказать* и проч!... Г. Савельевъ-Ростиславичъ съ презрѣніемъ говоритъ о Тредьяковскомъ, который, во паденіи Волынскаго, выскочивъ съ его наслѣдниковъ, за побѣи, 720 рублей. Что же тутъ удивительнаго? Могъ ли иначе поступить человекъ, котораго кормили олухами и валили палками; заказать ему стѣны на шутовскую свадьбу въ ледяномъ домѣ?... И мо-

жно ли слишкомъ порицать нивость чувствъ въ писакѣ, котораго, какъ *слабую писака*, въ то время можно было быть?... А хорошее было то время, когда вельможа Волынской, провозглашенный патриотомъ, потѣшался собственноручнымъ кормленіемъ бѣднаго писака оплеухами?... И писатели нашего времени берутъ сторону Волынского въ этомъ позорномъ фактѣ, забывая, что, каковъ бы ни былъ Тредьяковскій, но вѣдь все же и писака — братъ писателя по ремеслу, если не по таланту... То-то славянская-то логика! А еще жалуются, что Нѣмцы обижали нашихъ ученыхъ и литераторовъ! Да найдите хоть одного Нѣмца, который бы не оскорбился, видя, что его брата по ремеслу бьютъ оплеухами и палками, хотя бы этотъ братъ по ремеслу былъ его личный врагъ... Правъ Волынской: «Намъ, Русскимъ, не нужно хлѣба: мы ѣдимъ другъ друга, и съ того сыты бываемъ... Бѣдный Тредьяковскій! тебя до-сихъ-поръ ѣдятъ писани, и не варадуются до-сыта, что въ твоемъ лицѣ нещадно бито было оплеухами и палками достоинство литератора, ученаго и поэта!...

Г. Савельевъ-Ростиславичъ, словно за великое преступленіе, упрекаетъ Байера и Шлѣцера за ихъ мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Руси, и приписываетъ его: 1) злему умыслу *известна* русское самоознаніе (стр. XV), и 2) нѣмецкому патриотизму. Мы рѣшительно не можемъ понять, почему бы Байеръ и Шлѣцеръ, даже ошибаясь, не могли дойти до убѣжденія въ скандинавскомъ происхожденіи Руси совершенно-безпристрастно, безъ всякихъ злыхъ умысловъ и безъ всякаго патриотизма? Что г. Савельевъ-Ростиславичъ принялъ мнѣніе г. Морозкина о происхожденіи Варяго-Руссовъ отъ Балтійско-поморскихъ Славянъ Великаго-Кута, — принялъ его не поученому убѣжденію, а по чувству патриотическому, — это ясно, — и онъ самъ въ этомъ сознается, находя предосудительнымъ для Россіи

скандинавское происхожденіе Варяго-Руссовъ. Нѣмецъ вообще не слишкомъ страстный патриотъ, а въ науку еще болѣе космополитъ, чѣмъ въ чуждую другозъ. Мнѣніе Байера, разное и утвержденное Шлѣцера сворхъ-того, совсѣмъ не такъ негнъ какъ угодно утверждать г. Ростиславичу. Оно имѣетъ за себя сильныя доказательства и много вѣроятности; если же оно также имѣетъ сильныя доказательства и противъ себя, то оно не имѣетъ полной достоверности — такъ это потому, что вопросъ о происхожденіи Руси, будь сказано не гнѣвъ г. Ростиславичу, столько же разрѣшимъ, сколько и безрѣшимъ, же еслибъ онъ и былъ разрѣшимъ, то же самому, и мнѣніе Эверса черноморскомъ происхожденіи Руси такъ же точно вѣроятно, какъ и мнѣніе о скандинавскомъ, такъ же точно имѣетъ сильныя доказательства за себя, какъ противъ себя. Потому самому, и мнѣніе славяно-илово о происхожденіи Руси не лишено смысла и вѣроятности.

Много было мнѣній объ этомъ предметѣ, и еще будетъ больше, благодаря охотѣ людей рѣшать неразрѣшимое и исследовать безплодное, — каждое изъ этихъ мнѣній будетъ имѣть свою долю вѣроятности. Такого свойства гипотезъ: онѣ представляютъ про рокии разгулъ коллобродству человеческого ума. Гипотеза можетъ имѣть свое относительное достоинство, ничего гнѣвъ негнѣвъ, какъ признана ее за непреложную истину, за аксіому и честить невѣждами, глупцами и бнравственными людьми всѣхъ гнѣвъ кто съ нею несогласенъ. Догадки и соображенія должны играть важную роль въ исторической критикѣ; безъ логики тутъ, какъ и всадъ, нельзя не слѣдять; но эти догадки и соображенія эта логика должны имѣть матеріалъ безъ котораго онѣ — пустыя, хотя бн и ученые фантазіи; этотъ матеріалъ историческіе факты. Только по ихъ основанію, логика, соображенія и дан

десятиемъ доводить до истины. Еслибъ хоть одно изъ многочисленныхъ мнѣній о происхожденіи Руси основывалось на *достаточномъ* числѣ *несомнительныхъ фактовъ*, — то это мнѣніе сейчасъ же побѣдило бы всѣ другія и было бы признано за непреложное единодушно вѣрныи учеными. Но пока объ одномъ и томъ же вопросѣ существуетъ множество различныхъ и противоположныхъ мнѣній, — до-тѣхъ-поръ вопросъ не далеко подвинулся, и нелѣпо считать его рѣшеннымъ. Карамзинъ очень умно поступилъ, послѣдовавъ шлѣцеровскому мнѣнію о происхожденіи Руси, но въ то же время давъ мѣсто и другому мнѣнію. Но мы думаемъ, что будущій историкъ русской земли еще лучше поступитъ, когда, касательно вопроса о происхожденіи Руси, перечесть всѣ важнѣйшія мнѣнія, съ ихъ главнѣйшими доказательствами, и порѣшить, что ни одного изъ нихъ невозможно ни принять, ни отринуть, и что, по-этому, всѣ они равно нигуда не годятся. Развѣ найдется подлинная рукопись несторовой лѣтописи, безъ искаженій и пропусковъ, а въ ней найдется *опредѣленное и никакому сомнѣнію неподверженное* указаніе на происхожденіе Руси; или развѣ отыщется другой какой-нибудь древній манускриптъ, русскій, словянскій, латинскій, или вѣнецкій, который окончателъно рѣшитъ вопросъ о происхожденіи Руси: тогда другое дѣло! Но въ ожиданіи этого, право, давно пора бы перестать компрометтировать и русскую исторію, и русскую ученость этими безплодными изысканіями, этою безплодною полемикою, этими безплодными гипотезами, и всею этою ученостью Рудбековъ и Тредьяковскихъ! И что важнаго въ рѣшеніи этого вопроса? — Положимъ, что Байеръ и Шлѣцеръ правы, что Варяго-Руссы пришли изъ Скандинавіи: лѣтъ ли отъ этого, хоть на волюсь, первый періодъ русской исторіи? Эти варяго-русскіе князья изъ Скандинавіи, призванные новгородскими Славянами, такъ мало привели съ собою своихъ норманскихъ

земляковъ, что новгородская національность не получила отъ нихъ вліянія никакого отпечатка, и если они что-нибудь привли къ ней, такъ развѣ съ десятокъ собственныхъ именъ, скоро ослабнѣвшихъ, да много-много если съ десятокъ словъ, тоже скоро измѣнившихся и ослабнѣвшихъ, такъ-что теперь никакъ не разберешь, они ли къ намъ зашли отъ Нѣмцевъ, или отъ насъ зашли къ Нѣмцамъ. Скандинавскіе Варяго-Руссы не занесли къ намъ даже феодализма — главнѣйшей черты гевтонской народности, потому-что наша удѣльная система столько же въ сущности похожа на феодальную, сколько русскій языкъ похожъ, на-пр., на англійскій: прототипъ нашей удѣльной системы совсѣмъ не политическій и не государственный, а чисто-семейственный и племенной, который и теперь сохранился во всей чистотѣ въ помѣщичьихъ правахъ. Отъ-того, и не вошло въ нее майората, во напротивъ, она сама-собою исчезла бы чрезъ раздробленіе, еслибъ нашествіе Татаръ не дало перевѣса Москвѣ. Гдѣ же другіе слѣды вліянія скандинавскаго происхожденія Варяго-Руссовъ на нравы, обычаи, характеръ, умъ, фантазію, законодательство и другія стороны славянской народности Новгородцевъ? Пока — ихъ еще не отънесено, а о нихъ-то прежде всего и слѣдовало бы позаботиться Шлѣцеру и его послѣдователямъ. Итакъ, что же намъ въ томъ, что къ нашимъ предкамъ пришли Шведы, а не другой какой-нибудь народъ, наприимѣръ, не Японцы?

Теперь положимъ, что совершенно и несомнѣнно правы Ниманъ и Эверсъ, — Варяги-Русь пришли изъ-за Чернаго-Моря: что жъ въ томъ, что пришли варяары къ варварамъ, да и потонули въ ихъ народности, не оставивъ въ ней никакого слѣда, словно канули на дно? Сверхъ-того, на Эверсъ и его послѣдователяхъ лежитъ болѣе-тажное обвиненіе, нежели на послѣдователяхъ другихъ мнѣній: ихъ возврѣ-

ние (которое, впрочем, едва-ли не достояние всех других) совершенно неспровергает авторитетъ летописи Нестора, — и имя следовало бы окончательно рѣшить вопросъ о ней, слитавъ ей списки и строго разобрать ее со всехъ сторонъ и во всехъ отношеніяхъ. Ученый профессор Каченовскій, исключительно и долгое время занимавшійся развитіемъ эверсова взгляда на черноторское происхождение Вираго-Руссовъ, дѣйствовала такъ медленнo, робко и нерѣшительно, что только возбудилъ новые (правда, очень важныя и дѣльныя, какихъ до него не существовало) вопросы, но не рѣшилъ ихъ, а школа его, съ смертію г. Сѣргѣя Строева (Саромненки) какъ-будто перестала. — Теперь, вложивъ, что Варяги-Русь пришли изъ прибалтійскаго Великаго-Кута, т. е. свои пришли къ своимъ: чѣмъ же это лучше Скандинавовъ или Хозаръ, Нѣмцевъ или Татаръ? Славянофильы говорятъ, будто это тѣмъ лучше, что непосредственное происхождение Руси оскорбляетъ наше національное достоинство; но это такая неаппетитность, на которую свѣшно и возвращать... Потому, они говорятъ еще, что отъ рѣшенія вопроса: Нѣмцы, или Славяне были Варяго-Руссы? зависитъ рѣшеніе современной и будущей судьбы нашей народности, т. е. можемъ ли мы развиваться своеобразно и самостоятельно, или должны ограничиться жалкою ролью подражателей и переразвивателей той или другой, но всегда чуждой намъ жизни. Это уже изъ-рукъ-вонъ неаппетитно, особенно въ приложеніи къ Россіи! Во-первыхъ, что за дикая мысль разгадывать и опредѣлять будущее народа, писать его программу? На основаніи многихъ данныхъ можно быть убѣждену, что Россію ожидаетъ великая и блестящая будущность, но какая именно и каковы образомъ-стараться или надѣяться узнать это — такая же чудовищная неаппетитность, какъ и думать, что можно узнать будущую участь каждаго человека. Для народа, какъ и для человека, жизнь тѣмъ и интересна,

тѣмъ и заманлива, тѣмъ и обаятельна, что ей данъ закрытъ отъ его взора и недоступна имъ, что онъ можетъ заглядывать только развѣ въ идею своего будущаго, но никогда въ форму его проявленія. Дайте ему это вѣстѣіе будущаго, и вы увидите, что онъ не захочетъ жить. Потому, что за неаппетитность судить о будущемъ народа по его отдаленному прошедшему, которое такъ оторвано даже отъ его настоящаго? Чѣмъ общаго между Новгородцемъ IX-го, Москвитинъ XV-го и Русскимъ XIX вѣка? Если можно предчувствовать и предъугадывать (въ идеѣ) будущее, то не иначе, какъ на основаніи настоящаго, которое одно есть испытанная жѣра и прошедшаго, какъ результатъ его. Вѣдь дерево умретъ во плоду. Если вы хотите узнать, выйдетъ ли что-нибудь путное изъ воюдаго человека, вѣрно вы не захотите справиться, каково она вѣтъ себя въ утробѣ своей матери, или готовъ въ колыбели, а напротивъ, каковы обнаружилъ онъ себя въ дѣта власти, когда созрѣли его силы, развились способности, обнаружилась воля? Позвонить, что Варяги-Русь были инновенники — Шведы, Ховары, Чужды; или кто угодно: что же изъ этого? Кажется, Францію и Англію, на-пр., нельзя обвинять въ отсутствіи или недостаткѣ народности — какъ вы объ этомъ думаете, гг. славянофильы? А между-тѣмъ, развѣ національность ихъ сложилась и развилась изъ одного элемента? Напротивъ, изъ многихъ. Галлы, коренные и туземные народонаселеніе Франціи, были сверху покорены Римлянами и отчасти смѣшались съ ними кровью, языкомъ, религіею, обычаями, изъ чего и образовался элементъ галло-римскій. Потому римская Галлія была завоевана Франками (которые г. Савельевъ-Ростиславичъ считаетъ, вмѣстѣ съ Венедиктинъ, славянскими народомъ!!...), а наконецъ, цѣлая часть римско-галльско-франкской Франціи завоевана была Норманами. Сколько различныхъ элементовъ! Но сильное галльское начало достор-

ествовало надъ всѣми, и въ коммуні-
рихъ Юлія Цезаря нельзя не видѣть
родыма нѣнѣншей современной
равнѣи. А Англія?—Вритты, потомъ
шлане, потомъ Саксонцы и након-
цѣ французскіе Норманы! Здѣсь, ка-
жется, наоборотъ Франціи, германское
чадо явилось преобладающимъ надъ
кельтскимъ, а результатомъ все-та-
къ была сильная, крѣпкая; оригналь-
ная національность! Неужели этихъ
роковъ мало для докѣлительна сла-
воисидѣннѣ, что кто-бы ни были Ва-
нго-Руссы,—Нѣнцы или Славяне,—
вопросъ о нашей народности черезъ
нѣтъ равно нѣскольکو не рѣшается, и
нѣ нашему будущему они нѣнѣютъ еще
менѣ существеннаго отношенія, не-
жели столько нѣнѣн къ тому давно-
прошедшему Русь, въ которое при-
шли въ нее?...

Пусть Шлѣперъ ошибался въ про-
сужденіи Руссовъ: въ этомъ нѣтъ
никого преступленія съ его сторо-
ны, никакого нѣнѣнцата нѣнтротизма,
никого злоумышленія на честь и
славленіе Россіи. И вообще, о
Шлѣперѣ не худо было бы говорить
съ болѣе нѣнѣн унаженіемъ, нежели какъ
позволяетъ себѣ говорить о немъ г.
Савельевъ-Ростиславичъ, который, ка-
жется, равно ничего ещѣ не сдѣлалъ
для русской исторіи... Да, пусть даже
такая мысль Шлѣпера о русской
исторіи—ошибка, заблужденіе; но все-
таки заслуга Шлѣпера русской исто-
ріи велика: онъ, своимъ насѣлованіемъ
Нестора, далъ намъ истинный,
учебный методъ исторической крити-
ки. Есть за что быть намъ вѣчно-бла-
годарными ему! И если какой-нибудь
г. Ростиславичъ можетъ, будто-бы съ
учебною манерою, нападать на Шлѣпе-
ра, то благодаря все ему же, Шлѣпе-
ру же. И что за вина со стороны Шлѣ-
пера быть Нѣнцемъ, и за что такая
эпаническая ненависть къ Нѣн-
цамъ, у которыхъ Петръ-Великій вы-
учился побѣждать ихъ же самихъ, и
которые дали намъ флотъ, торговлю,
просвѣщеніе, образованность, науку,

искусство, нравы, благодатный вы-
годы цивилизованной человѣческой
жизни и все, чего не знали и чему бы-
ли чужды наши предки, которые такъ
чуждались и такъ ненавидѣли Нѣн-
цевъ?..

Но у г. Ростиславича, какъ истато
Славянина, Нѣнцы всегда и во всеиъ
виноваты — *безъ вины виноваты*, какъ
говоритъ славянская пословица. Шлѣ-
перъ, сѣбѣ надъ рудбековскимъ ис-
кусствомъ подвергать слова филологи-
ческой дыбѣ говорить: «Если дадутъ
мнѣ сотню русскихъ именъ, то, съ по-
мощію извѣстнаго рудбековскаго ис-
кусства, возьмусь я отыскать столъ-
ко же подобныхъ звуковъ въ *малай-
скомъ; нѣнцанскомъ и японскомъ* язы-
кахъ». Какъ же попалъ эти слова
Шлѣпера добросовѣстный, безпри-
страстный Славянинъ, г. Ростиславичъ?
— На основаніи этихъ словъ, онъ ут-
верждаетъ, что будто-бы «онъ самъ»
(т. е. Шлѣперъ) «*хвастался* рудбеков-
скимъ искусствомъ находить сходство
такихъ дѣтъ нѣтъ ни малѣйшаго сход-
ства»!.. (стр. LVI). Мало того: г.
Ростиславичъ въ восторгѣ отъ этой
остроумно-полемиической выходки Ло-
моносова противъ Шлѣпера, который
дѣйствительно съ сѣбно ошибался въ
производствѣ нѣнѣн которыхъ русскихъ
словъ: «Нѣтъ сего заключать должно,
какихъ гнѣсныхъ пакостей не *наколо-
блудить* въ русскійхъ древностяхъ
такихъ допущенная въ нихъ *скоти-
на*... — Рѣзко, а вѣдѣ справедливо!»
(восклицаетъ г. Ростиславичъ) «и Ло-
моносовъ *имѣлъ право* (!) *такъ* (!) го-
ворить, какъ Русскій (??!) и какъ
учебный (??!...), коротко знакомый
съ отечественною исторіею (sic!), ко-
торой удѣлялъ часть своихъ занятій
въ-продолженіи нѣнѣнкихъ дѣтъ»
(стр. LXIV). Что за образъ мыслей и
чувствованій у г. Савельева-Ростисла-
вича!.. Но и этого еще не довольно
для варяжскаго его правдолюбія: что
ни дѣлаютъ Нѣнцы, все это глупо и
нивно въ его глазахъ, что ни дѣлаютъ
Ломоносовъ, все это у него и ужно и

благородно. Онъ въ восторгѣ, что рѣчь академика Миллера (ученаго знаменитаго, который, даже по признанію г. Савельева-Ростиславича (стр. XIX), оказала великія заслуги собраніемъ матеріаловъ и Сибирскою Исторіею), — рѣчь Миллера *о началѣ народа и имени русскаго*, написанная въ байеровскоиъ духѣ, была запрещена. Ломоносовъ съ Крашенинниковымъ и Поповскимъ объявили рѣчь Миллера предосудительною для Россіи. Въ этомъ случаѣ, какъ Ломоносовъ, такъ и г. Ростиславичъ обнаружили истинно славянскія понятія о свободѣ ученаго изслѣдованія, не говоря уже объ «учености» ихъ взгляда на то, что приговоры науки могутъ быть предосудительны государству или народу. Но и всего этого было мало г. Ростиславичу: ему оставалось еще доказать, что Миллеръ виноватъ и въ томъ, что хотѣлъ защищаться и вознаграждать себя за уничтоженіе его рѣчи напечатаніемъ ея. Миллеръ (говорить г. Ростиславичъ) старался «отистить своимъ противникамъ другіиъ образомъ: онъ сталъ, по выраженію Ломоносова, «въ ежемѣсячныхъ и другихъ своихъ сочиненіяхъ, всѣвать по обычаю своему, занозливыя рѣчи» (какое преступленіе!), «и больше всего высматривать ятна на одеждѣ русскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія», — а «между-тѣмъ, въ разныхъ сочиненіяхъ, началъ вмѣщать свою скаредную диссертацию о русскаго народа, по частямъ (какой, подумаешь, извергъ былъ этотъ Миллеръ!) и «хвалить, что онъ ту диссертацию, за кою оштрафованъ, напечатаетъ золотыми литерами» (стр. XXI). Эти строки возбуждаютъ въ насъ желаніе спросить г. Ростиславича: что бы онъ заговорилъ, еслибъ такъ-называемые нѣ Шлѣцеріане успѣли добиться запрещенія всѣхъ изысканій касательно русской исторіи, дѣлаемыхъ не въ духѣ Шлѣцера? Или, можетъ-быть, какъ истый Славянинъ, онъ уважаетъ свободу ученаго изслѣдованія только

для самого-себя и для своихъ?.. И подобныя монгольскія книги пишутся въ XIX вѣкѣ и выдаются за «ученыя сочиненія! Хороша ученость!

Но послѣдуемъ желанію г. Ростиславича, отбросимъ всѣхъ этихъ Нѣмцевъ, которые совсѣмъ перепортили первый періодъ нашей исторіи, и посмотримъ на историческія подвиги Ломоносова, полюбуемся ими. Ломоносовъ признавалъ варяжскую Русь племенемъ славянскимъ, обитавшимъ на южныхъ берегахъ Балтійскаго-Моря: великая заслуга съ его стороны въ глазахъ г. Ростиславича! Не почему Ломоносовъ думалъ такъ, а не иначе, какими путемъ дошелъ онъ до этого убѣжденія? — Не почему другому, какъ потому, что не-славянское происхожденіе Варяговъ-Руси было бы предосудительно славу Россіи. Миллеръ, по высшей необходимости, попытавшійся-было на сближеніе съ мыслию Ломоносова, сталъ подкрѣплять ее учеными доводами, о которыхъ Ломоносовъ и не подумалъ (стр. XXI), но все-таки въ племени Роксолановъ думалъ видѣть Скандинавовъ. Желая оправдать и очистить память Ломоносова отъ незванія и неучености въ исторіи, и доказать, что Ломоносовъ былъ и великій историкъ, только около ветанный Шлѣцеромъ, г. Савельевъ-Ростиславичъ дѣлаетъ длинную выписку изъ *вступленія* къ его *Древней Русской Исторіи*. Мы думали и Богъ знаетъ что увидѣть въ этой выпискѣ, которою г. Савельевъ-Ростиславичъ грозился убить наповалъ всѣхъ Шлѣцеріанъ и не-славянофиловъ; а въисть того, что же увидѣли мы въ этихъ строкахъ Ломоносова, по мнѣнію его апологиста, исполненныхъ такою удивительной *мыслительности*, до которой Нѣмцамъ никогда не удавалось доходить? что нашли мы въ этомъ историческомъ *profession de foi* Ломоносова?—Ничего, кромѣ надутаго риторическаго пустословія и суесловія древней славъ Россіи и объ удивительномъ сходствѣ въ русской исторіи съ рим-

ию... Вотъ маленькій отрывокъ для
фрагмента историческихъ воззрѣній
Домосова: «Посему всякъ, кто уви-
дитъ въ російскихъ преданіяхъ —
чуждымъ дала и героевъ греческимъ и рим-
скимъ подобныя, унижать насъ предъ
вѣчными причинами нѣтъ не будетъ; по-
скольку силу нелатать долженъ на-
мѣншій нашъ недостатокъ въ искус-
ствѣ, каковыми греческіе и латин-
скіе писатели своихъ героевъ въ по-
лнѣйшій предали вѣчности... Мы не
нѣбрежны издѣваться надъ этими про-
долженными словами великаго чело-
вѣка, жившаго въ томъ вѣкѣ, когда
дѣла и значеніе исторіи едва только
предчувствовались немногими свѣтлы-
ми умами, отличающимися философ-
скими направленьемъ. Домосовъ
имѣлъ умъ положительный и практи-
ческій, чуждый всякаго умозритель-
наго направленія, да и исторія была
всѣмъ не его предметъ. Нѣмецкіе
писатели, съ которыми онъ такъ опро-
тивился, такъ заисавчиво и такъ не-
сказательно вступилъ въ историче-
скую полемику, стояли, въ отношеніи
къ исторіи, какъ науки, невниматель-
нѣе его, потому что они глубоко
чувствовали и сознавали необходи-
мость строгой и холодной критики,
чтобы очистить исторію отъ басни.
Короче: мы не видимъ уголовного вре-
дупленія со стороны Домосова, что
онъ вѣдалъ явно не за свое дѣло. Но
какъ же не грѣхъ г. Ростиславичу ви-
дѣть въ словахъ Домосова что-ни-
будь другое, кромѣ пустой реторики?
Какъ! въ наше время, несутъ, всю раз-
ницу между исторією древнихъ Гре-
ковъ и Римлянъ и между исторією Рос-
сій видѣть только въ «нашемъ недо-
статкѣ искусства, каковыми грече-
скіе и латинскіе писатели своихъ ге-
роевъ въ полнѣйшій предали вѣч-
ности»? Да это-то только и составля-
етъ все! Потому-то и нѣтъ ничего об-
щаго между древнею Грецією, дре-
внимъ Римомъ и Россією временимъ оли-
гархическихъ, что у насъ не было ни
науки, ни искусства! Вѣдь между гре-
ческими и римскими героями и между

греческими и латинскими писателями
есть кровная, живая связь: явленіе од-
нихъ необходимо условивало явленіе
другихъ, и Омиръ, Исидоръ, Эсхилъ, Со-
фокль, Эврипидъ, Пиндаръ, Геродотъ,
Фукидидъ, Ксенофонтъ, Сократъ, Пла-
тонъ, Аристотель, Демосеевъ, Аристо-
фанъ, Пракситель, Фидіасъ, Апеллесъ,
Титъ-Ливій, Гораций, Виргилій, Ови-
дій, Тацитъ и другіе были такими же
точно героями и историческими ли-
цами, какъ Ахиллъ, Агамемнонъ, Гек-
торъ, Кодръ, Инкуртъ, Соловъ, Миль-
тіадъ, Перикль, Алкивиадъ, Александръ-
Македонскій и всѣ герои Рима, отъ кон-
сула Брута до Юлія Цезаря и послѣд-
нюю Римлянина, современника первому
консулу. Гдѣ нѣтъ повтора, историко-
новъ, ораторовъ, художниковъ, тамъ
нѣтъ въ нихъ и потребности, тамъ не
могли они быть, да тамъ и вѣчего бы-
ло бы имъ дѣлать. Домосовъ, даже,
находитъ рѣшительное сходство между
римскою и русскою исторією... Вотъ по-
истинѣ навная манера находить сход-
ство тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ со-
вершенной противоположности и со-
вершенного несходства. Но Домосову
это извинительно: онъ и въ исторіи
былъ такимъ же риторомъ, какъ и въ
своихъ надутыхъ одахъ на шлющана-
цинъ и въ своей раздутой квази-русской
трагедіи *Тамара и Селимъ*, и, во-вто-
му, въ русской исторіи искалъ не исти-
ны, а «славы Россіи». Но прости-
тельно ли г. Ростиславичу, несуту,
безъ смѣха, безъ мистификаціи пере-
давать эти слова Домосова, какъ его
право на титулъ историка, какъ дока-
зательство, что Домосовъ указывалъ
русской исторіи настоящую дорогу,
съ которой сбили ее лукавые и злопа-
мѣренныя Нѣмцы?... Мало всего это-
го; кончивъ выписку реторическихъ
фразъ Домосова, г. Ростиславичъ
очень-наввно восклицаетъ: «Это *есту-
мленіе* лучше всего знакомишь со-
взглядомъ Домосова на русскую
исторію и на обязанности историка».
Именно такъ! Прочта это *естумленіе*,
кто же захочетъ прочесть самую исто-
рію Домосова, или упоминаетъ на

ся автора, говоря объ исторіи, какъ о науцѣ, а не какъ о реторическомъ панегирикѣ Россіи?...!

Но — дѣлать нечего — скрѣпя сердце, посмотримъ на дилетантскія историческія подвиги Домоусова. Говоря о первобытннхъ племенахъ славянскихъ, Домоусовъ заключаетъ о ихъ древности и величии по пространству, которое они занимали. Сравнивъ тогдашнее состояніе *доиндускаго* и *северо-восточнаго* славянскаго съ *индускимъ*, «вѣдъ» нумерологическое нахожу въ немъ превращенія. Чрезъ цокореніе западныхъ и южныхъ Словенъ въ подданство чуждой власти и принадлеженіе къ имперіи вѣдъ ян не послѣдствіемъ бы знатннхъ урокъ сего племени передъ превращеніемъ, — если бы превращеніе могущества Россіи съ одной стороны онаго умаленія съ другой — не наполнило. Того ради безъ сомнѣнія заключить можно, что *северо-восточнаго славянскаго народа*, вообще считая, стоитъ близъ тысячи лѣтъ почти на одной мѣрѣ. Видите ли, въ чемъ дѣло! Для Русскихъ XVIII вѣка, много было радости въ томъ, что Славяне, около тысячи лѣтъ кочивъ въ безплодномъ для человечества существованіи, все-таки, не смотря на то, преобладали въ величествѣ! Индійцы, Битайцы, Японцы ужь, конечно, гораздо древнѣе Славянъ и, своимъ существованіемъ, оставили въ исторіи человечества болѣе глубокии, нежели Славяне, слѣды; но что жь въ этомъ пользы для нихъ теперь, когда они превратились въ какія-то предстельныя омаментности какъ-будто допотопнаго міра? Для насъ, Русскихъ, важна русская, а не словенская исторія; да и русская-то исторія становится важною не прежде, какъ съ возвышеніемъ московскаго княженія, съ котораго для Россіи наступило время уже историческаго существованія. Первый періодъ русской исторіи до Ярослава совершенно неудовлетворителен для историка, то мѣлая, то искаявая изъ ея слѣды въ баснословномъ и мифоло-

гическомъ суевѣрѣ. Непроходима часть удѣльнаго періода составляетъ только полу-историческій періодъ русской исторіи, — періодъ, въ которомъ важна одна только сторона — распространеніе и расцвѣтеніе Руси на сѣверѣ, черезъ удѣльную систему. Все это въ русской исторіи можетъ занимать не болѣе, какъ двѣ главы: первая будетъ состоять изъ малага числа фактовъ и съ утѣренностью и осторожностью употребленнхъ цитатъ и догадокъ, а вторая будетъ родомъ введенія въ русскую исторію, которая вынуждена собственно съ Ювана-Калита (въ 1200 году). До Славянъ же намъ нѣтъ дѣла, потому что они не сдѣлали ничего такого, что дадо бы имъ право на значеніе науки, и на основаніи чего наука могла бы выдѣлѣть въ ихъ существованіи фактъ исторіи человечества. Если Славяне не были варварами, но, напротивъ, обладали цивилизаціою, просвѣщеніемъ и образованностію, — тѣмъ лучше для насъ, а совсѣмъ не для людей, на тапгѣ, на хуже, на лучше. И если Байеръ и Шлѣцеръ были не правы, отащавая о новгородскихъ Славянахъ, какъ о невѣжественныхъ варварахъ, а Домоусовъ былъ правъ, приписывая имъ цивилизацію, просвѣщеніе и образованность, — пусть славянофилы уличаютъ перныи и оправдаютъ послѣдшаго, пусть возмужутъ они въ памятникахъ письменности, законодательства, самаго бытства, науки и искусства, какъ великіи были цивилизація, просвѣщеніе и образованность новгородскихъ Славянъ. Но въ такомъ случаѣ, пусть покажутъ и докажутъ все это не ради ложнаго патріотизма, который тутъ совершенно неумѣстенъ, но ради объективной истины: правда, которая всегда имѣетъ свою относительную важность и достоинство. Пусть они въ этомъ случаѣ обратятся на языкъ: а не на шпорецы, догадки и вымыслы; пусть не жалуются, какъ Богъ-знаетъ чѣмъ, *миромъ стодемъ*, ценою существованія у дѣлѣ славянскаго лю-

ментъ и даже до нашихъ дней сохранился и въ Россіи. — пусть, говоримъ, не думается ея, потому что она существовала и существуетъ у Индійцевъ и даже у обитателей Океана, оставаясь общезнаемъ, изъ котораго ничего не развивается для исторіи. А еслибъ славянофиламъ и удалось уличить Байера и Шлёгера и оправдать Ломоносова, если бы они и доказали, основываясь на фактахъ, что новгородскіе Славяне были народъ цивилизованный, просвѣщенный и образованный, — все-таки да остерегутся они хвалиться этимъ, какъ чѣмъ-то очень-редкимъ для нести современной намъ Россіи, потому что, повторяемъ, эта цивилизація и образованность, это просвѣщеніе, если оны — не мечта, дѣлаютъ честь новгородскимъ Славянамъ прежде-рюриковскихъ временъ, а не вѣкъ, — и неъ нихъ (т. е. изъ цивилизаціи, просвѣщенія и образованности) не вышло ровно никакихъ слѣдствій, потому что въ періодъ удѣловъ и татарщины, мы не видимъ ни цивилизаціи, ни просвѣщенія, ни образованности. Съ Юанна III развилась полусточная цивилизація Московскаго Царства; но просвѣщеніе и образованность все-таки появились только съ царствованія Петра-Великаго. Но, увы! Славяно-филь тѣсною волнуетъ назъ о цивилизаціи, просвѣщеніи и образованности кievскихъ и новгородскихъ Славянъ еще задолго до пришествія въ послѣднихъ Варяго-Руссовъ: итъ извѣстна слѣдовъ этой цивилизаціи, этой образованности, этого просвѣщенія! Что за просвѣщеніе безъ грамотности, а грамотностию мы обязаны христіанству, а христіанство явилось у насъ нослѣ Рюрика! И что уважителнаго для нынѣшней Россіи, что предъ ея — Славяне, были необразованы? Развѣ не варвары были Галлы и всѣ племена кельтскія? развѣ не варвары были племена тевтонскія, положившія основаніе нынѣшнихъ просвѣщенныхъ европейскихъ государствъ? Развѣ Европа до открытія Америки, неосвѣщенна дикаялчататія и порока,

не была странною варварскою? И иуже-ли Европа нашихъ временъ должна стыдиться сознаться въ этомъ? Какая неаппетитъ! Изъ всѣхъ народовъ человечества, древніи Греки были народомъ-аристократомъ, и тѣмъ не менѣе отцы ихъ — Пелазги были дикіи варвары? Какъ-будто бы происхождение можетъ унижить челоуѣка, или народъ? Какъ-будто бы каждый народъ не бываетъ, въ своемъ происхожденіи, дикимъ варваромъ, — такъ же, какъ будто-бы каждый челоуѣкъ не родится младенцемъ?.. Не-уже-ли все это — не аксіомы въ глазахъ славянофиловъ? Не-уже-ли для нихъ ново и странно, что дважды-два — четыре, а не пять?.. Странные люди!..

Обратимся еще разъ къ Ломоносову; но, избѣгая длинныхъ выписокъ, скажемъ просто, что г. Савельевъ-Ростиславичъ, вмѣстѣ съ Ломоносовымъ, въ превеликомъ восторгѣ отъ того, что славянское имя будто-бы прославилось еще въ началѣ VI столѣтія до Р. X.; что, вмѣстѣ съ другими варварами, Славяне способствовали разрушенію Римской-Имперіи; и что, по снмдѣтельности Птолемея, Сармацію одержали *превеликіи Вендскіи народы*, которые были не кто другіе, какъ наши предки — Славяне... Положимъ, что все это и такъ; но чему же тутъ радоваться? Древность Славянъ? — Но что она передъ древностью Китайцевъ? — молодость; просто молодость! Но еслибъ Славяне были древнѣе самихъ Китайцевъ, что жъ въ этомъ? Современная намъ китайская цивилизація смѣшна, уродлива, пошла; но, какъ окаменѣлый памятникъ цивилизаціи, можетъ-быть, древнѣйшей, нежели цивилизація всѣхъ другихъ историческихъ народовъ глубокой древности, она интересна, поучительна, достойна глубочайшаго изученія. Что же осталось намъ отъ древности Славянъ, которые, положимъ, были уже страшными головорѣдами еще задолго до Птолемея? — ничего, ровно ничего! — Такая древность и не стоить ничего, — и юность *Россійской*

Империю, существующей не болѣе полутора столѣтій, въ миллионъ разъ лучше такой древности... Но что мы говоримъ! Какое тутъ сравненіе, какая параллель! Развѣ можно сравнивать пустоту съ содержаніемъ, ничто со мно- жимъ?..

Забавнѣе всего, что г. Савельевъ-Ростиславичъ, послѣ выписки изъ Ломоносова, восклицаетъ: «И такъ, вотъ на чемъ хотѣлъ основать свою историческую критику Ломоносовъ». Сравненіе тѣхъ временъ съ нынѣшними, естественное теченіе бытія человеческаго, то есть естественность и логическая возможность событій, и наконецъ примѣры прошедшаго, послѣ чего и филологія составляетъ уже не «безсильное доказательство», во только тогда, когда опирается на *свидѣтельство* древнихъ, согласна съ истинными *основами*, извлекаемыми изъ разсмотрѣнія временъ уже чисто историческихъ, вполнѣ *извѣстныхъ*. «Какое безмѣрное разстояніе отъ Байера (.) Миллера и самого Шлѣпера!»

Именно — безмѣрное! Байеръ, Миллеръ и Шлѣперъ могли и ошибаться, но они всегда понимали сами, что говорили, и ихъ всегда можно понимать, даже иногда и не соглашаясь съ нимъ...

Слѣдить шагъ за шагомъ за мыслями, или, лучше сказать, за мечтами г. Савельева-Ростиславича нѣтъ возможности: это и скучно и бесполезно. Сверхъ-того, мы вѣдь и взяли не опровергать его (это не стоило бы труда), а только показать и обнаружить нелѣпость славянофильскаго направленія въ наукѣ, — направленія, незаслуживающаго никакого вниманія ни въ ученюмъ, ни въ литературномъ отношеніяхъ, но очень-любопытнаго... въ психологическомъ отношеніи... И потому, будемъ указывать на особенно курьёзные мѣста въ книгѣ г. Савельева-Ростиславича.

Вотъ образецъ ученаго достоинства, литературной вѣжливости и гу-

маннаго образованія г. Савельева-Ростиславича: разругать г. Полевого, что онъ въ своемъ *Телеграфѣ* рѣхнулъ сочиненіе г. Погодина *О происхожденіи Руси*, и сказавъ, что г. Полевова, въ благодарности за это, обявилъ г. Полевого человѣкомъ несобственнымъ связать въ порядкѣ идей; — г. Савельевъ-Ростиславичъ та продолжаетъ говорить о г. Полевова «Сибѣльнѣйшій журналистъ, радн котораго почтеннѣйшей публики, особенно и недодучившихся кумеческихъ силъ придумалъ особое названіе *кваснаго патриотизма* и под(т)чиная нѣтъ нѣтъ несогласныхъ съ рейнскими идеями перенесенными цѣликомъ въ *Исторію Русскаго Народа*», и пр. (стр. LXXXV). Мы понимаемъ, что названіе *кваснаго патриотизма*, но извѣстными причинами, должно крѣпко не правиться Савельеву-Ростиславичу; но тѣмъ менѣе, остроумное названіе это, котораго многіе боятся пуще чумы, придумано не г. Полевымъ, а княземъ Вяземскимъ, — и, по нашему мнѣнію, и обрѣсти названіе *кваснаго патриотизма* есть большая заслуга, нежели написать нелѣпую, хотя бы и ученую, книгу въ 700 страницъ. Мы понимаемъ, что г. Полевова, тогда еще независимый квасныхъ драмъ, комедій и водевилей очень-ловко и удачно ухватилъ полкъ очень остроумными выраженіемъ князя Вяземскаго, но совѣтилъ не противъ только протманниковъ шлѣперскаго ученія о Варяго-Руссахъ, а противъ всѣхъ тѣхъ непривзанныхъ и самозванныхъ патриотовъ, которые своимъ патриотизмомъ прикрываютъ свою ограниченность и свое небытіе, и встаютъ противъ славы усѣиха мысли и званія. Со стороны г. Полевова, это заслуга, которая дѣлаетъ ему честь. Но г. Полевова принялъ мнѣніе Шлѣпера о славянскомъ происхожденіи, — и ему уже никакъ не оправдаться передъ неумолимымъ и такому ужасному преступленію г. Савельевымъ-Ростиславичемъ. Но мнѣнію послѣдняго, *Исторія Русскаго Народа* не могла не быть дурною уже

тому, что авторъ ея послѣдовалъ Шлёц-перу, и г. Савельевъ-Ростиславичъ по-вторяетъ, кстати, плоскую, пошлую и старую остроу, что Нибуръ умеръ отъ прочтенія посвященной ему *Исторіи Русскаго Народа*, — остроу, которая такъ идетъ къ такой ученой книгѣ, каково *Славянский Сборникъ*... Но вѣдь и Карамзинъ преимущественно держался мнѣнія Шлёцера, хотя и далъ нѣчто въ своей исторіи другому мнѣнію: отъ чего же г. Савельевъ-Ростиславичъ находитъ хорошія качества въ *Исторіи Государства Россійскаго*? — На это у него есть достаточная причина: на страницахъ ССVIII и ССIX-й, мы узнаемъ отъ него-самого, что онъ, г. Савельевъ, рѣшился вослѣдовать всѣмъ способностямъ (что?) разработаною (разработаною?) отечественной исторіи, въ память единственно нашего русскаго историографа, Николая Михайловича Карамзина, который прислалъ ему, новорожденному, *безсмертный трудъ свой, съ надписью: маленькому тѣсѣ, можетъ быть, также будущему историку*... Видите ли, что значитъ подарокъ во-время и кстати: и Карамзина исторія сдѣлалась безсмертною, не смотря на шлёцеровскія идеи, принятая ею за основаніе, и г. Савельевъ, маленький тѣска великаго писателя, сдѣлался также историкомъ... О, велико-зутеская наивность!..

Отдѣлавъ г. Полеваго, нашъ рыцарь Великаго-Кута принимается за г. Погодина. И подѣломъ ему, г. Погодину: вѣдѣтъ онъ Шлёцера вѣрить больше, чѣмъ гг. Венелину, Морошкину и Савельеву! Вотъ какъ онъ отдѣлываетъ его, мимоходомъ не давая спуска и тѣмъ своему Карамзину, не смотря на подарокъ:

«*Фантастическо-ученое построение древней Русской Исторіи, наперекоръ Несторовой летописи.* Иѣкогда, въ «Московскомъ Вѣстникѣ», г-нъ Погодинъ писалъ объ Исторіи Государства Россійскаго: «Карамзинъ сдѣлалъ какъ художникъ-живописецъ, хотя его картины часто похожи на картины того славянаго Итальянца, кото-

рый терзаетъ ея въ временахъ одѣвалъ въ платье своего времени; хотя въ его Одегахъ и Святославахъ мы видимъ часто Ахиллесовъ и Агамемноновъ Расиновскихъ. Какъ критикъ, Карамзинъ только что могъ воспользоваться тѣмъ, что до него было сдѣлано, особенно въ древнѣйшей Исторіи»: вотъ ужъ, право, излишняя спясходительность! Слѣдовало сказать: Карамзинъ не умѣлъ воспользоваться открытіями Байера, что Новгородцы суть Кабардинцы, а Бужане—Татарскіе Буджаки, или что Витечевъ на Днѣпрѣ есть Витебскъ (на Двинѣ); не умѣлъ воспользоваться и тѣмъ, что сдѣлано для древнѣйшей Исторіи Миллеромъ, особенно касательно превращенія Царя Додона въ скандинавскаго бога Одина, а Бовы королевича въ Бауса Оленовича; не умѣлъ воспользоваться и открытіями Струбе, что Перуиъ славянской именію есть скандинавскій Торъ; не умѣлъ воспользоваться и гипотезою Шлёцера, что у насъ на югѣ былъ особый Азіатскій народъ, Rhos, неизвѣстная орда варваровъ, которые показались на западѣ и исчезли; или съ востока, но неизвѣстно откуда; названы Россами, но неизвѣстно почему; прогнаны опять въ свои пустыни на Европейскіи простираемъ или хребтостью, но случаемъ, только неизвѣстно куда; не умѣлъ воспользоваться гениальною мыслью Рейнскаго патриотизма о внутреннемъ бытѣ Славянъ и значеніи Русскаго Славянскаго племени, забытаго до IX вѣка Отцемъ человечества; не умѣлъ воспользоваться удивительно-высокою мыслию объ основаніи Русскаго Царства шайкою дерзкихъ разбойниковъ, жестокихъ Шведскихъ грабителей, призванныхъ по неосторожности грубыми Славянами въ ландманы; не умѣлъ воспользоваться превосходными соображеніями о томъ, какъ Елена перешла въ католичество потому, что въ Царьградѣ всѣ знакомые померли; наконецъ, слѣдовало сказать: Карамзинъ не только не умѣлъ воспользоваться ни одною изъ этихъ ученыхъ идей, но даже осмѣлился замѣтить, что Байеръ уважалъ сходство именъ недостоинное замѣчаніе, и худо зналъ географію; что Миллеръ повторилъ Датскія сказки, и что у Шлёцера народы падаютъ съ неба и скрываются въ землю какъ мертвецы по сказкамъ сусебрія... Въ-самомъ-дѣлѣ, какой же ограниченнѣйшій человекъ былъ Карамзинъ, не постигавшій величія Байера, Миллера и Шлёцера!... Но послушаемъ Михаила

Петровича: «Какъ философъ, онъ имѣть еще меньше достоинствъ, и ни на однихъ философскій вопросъ не отвѣтитъ мнѣ изъ его Исторіи. Аподегизъ Карамзина въ Исторіи суть большею частію общія мѣста. Взглядъ его на Исторію какъ науку, неутранный, и это ясно видно изъ Предисловія». Въ чемъ состоитъ невѣрность взгляда Карамзина, несправедливость общихъ мѣстъ его Исторіи, и какіе философскіе вопросы занимали умъ почтеннаго профессора — любителя исторіи не узнали, потому что и до вынѣтъ еще не увидѣла свѣтъ Божій — общашная профессоръ (1829) книга «Карамзинъ, собраніе статей, относящихся до Исторіи». Въмѣсто ее, Михаилъ Петровичъ началъ упражняться въ стихахъ и прозѣ: отъ профессора исторіи, такъ строго осудившаго славное твореніе историографа, всѣ Русскіе ждали доказательства; но вмѣсто разбора Карамзина — въ 1830 году явилась «Марѳа, Посадница Новгородская, трагедія въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ». Почтенный профессоръ хотѣлъ испытать свои силы въ историческомъ родѣ, а именно: когда безсмертная Екатерина ввела при Дворѣ Русскій языкъ, то за каждое иностранное слово, употребленное въ разговорѣ, опредѣлялось въ видѣ наказанія — выучить 100 стиховъ изъ Тилемахиды; въ наше время, при славномъ Влукѣ Екатерины Великой, Русская народность опять воскресаетъ; но если бы, для введенія въ общество Русскаго языка, введено было подобное же наказаніе, то гдѣ современная Тилемахида? Почтенный профессоръ Исторіи чувствовалъ этотъ важный недостатокъ и — удачно воспользовалъ его знаменитою «Марѳою Посадницею», написанною такими стихами, какіе уже не показывались со временъ Тилемахиды Василья Кирилловича. — Въ 1832 году, вышли «Поэмы Михаила Погодина» (въ 3 частяхъ), написанныя почтеннымъ авторомъ въ дидактическомъ родѣ: ловкій и остроумный профессоръ Исторіи хотѣлъ представить очевидное доказательство, что у кого нѣтъ ни слога, ни воображенія, ни глубины мысли, тому не должно писать поэмъ. Убѣдивъ себя и читателей въ этой великой истинѣ, онъ рѣшился опять испытать свои силы въ стихахъ. à la Trétiakowsky, и съ этою цѣлію написалъ драму *Петръ Великій*, которая донынѣ остается неапечатанною, хотя отрывки и явились было къ Русскимъ читателямъ: почтенный профессоръ Исторіи убѣдился

накоонецъ на опытѣ, что народія на стихи и на шекспировское созданіе изъ жизни безсмертнаго Императора была бы только оскорбленіемъ памяти Великаго человѣка, и потому, какъ Русскій патриотъ, обрекъ свою драму на вѣчное забвеніе. Въ благодарность за это, Русскіе почитатели г. Погодина уже терпѣливо стали ждать появленія давно обещаннаго историческаго творенія. Въ 1835 году, они съ радостью прочли объявленіе, что вышла «Исторія въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ, сочиненіе М. Погодина», но почтенный профессоръ Исторіи на этотъ разъ вздумалъ пошутить: подъ именемъ «Исторіи въ лицахъ» онъ поподчивалъ своихъ читателей опять драмой, только въ прозѣ. Это сочиненіе, кажется, написано авторомъ съ благою цѣлію — рѣшительно и окончательно убѣдить всѣхъ своихъ друзей и почитателей въ совершенной неспособности писать драму, даже въ прозѣ. Успѣшно достигнувъ этой цѣли, почтенный авторъ принялся отдѣлывать Исторію, какъ философъ.

«Пока издавался «Московскій Вѣстникъ», М. П. Погодинъ умѣлъ приобрести себѣ хорошую извѣстность, какъ знатокъ Русскій и Всеобщей Исторіи, нѣсколькими умными и дѣльными критическими замѣтками на разныя историческія сочиненія; участие, которое принималъ въ изданіи журнала Юрій Ивановичъ Веневинъ, оказалось въ самыхъ благотворныхъ слѣдствіяхъ относительно развитія мыслительности у Михаила Петровича. Но, по мѣрѣ ослабленія этого вліянія, Скандинавскими приобрѣтала большую и большую силу надъ почтеннымъ авторомъ «Марѳа» и «Исторія въ лицахъ», наконецъ возобладали надъ нимъ совершенно, и чѣмъ далѣе шель онъ, тѣмъ глубже погружался въ тлѣнское болото дикихъ мыслей и странныхъ выраженій.»

Все это, или почти это, было уже сказано о г. Погодинѣ въ страшной брошюрѣ: *Современные историческіе труды въ Россіи, М. Т. Каченовскаго, М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова и пр.*, о которой читатели наши могутъ справиться въ 5-й книжкѣ *Отч. Записокъ* нынѣшняго года, въ отдѣлѣ Библиографической Хроникѣ, стр. 31—32. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ на

г. Погодина есть своя доля правды; но онъ здѣсь неумѣстенъ и производить на читателя непріятное впечатлѣніе: читатель видитъ, что г. Погодина браветъ совѣсть не за тѣ факты, которые выставляютъ на видъ, а за то, что онъ раздѣляетъ мнѣніе Шлѣцера. Это возмутительно! Можно не соглашаться съ мнѣніемъ другаго, можно и даже должно опровергать его; но кому бы то ни было ставить въ преступленіе мнѣніе объ ученомъ предметѣ и преслѣдовать за него ненавистью и ругательствомъ, это ни на что не похоже! Отдѣлавъ à la Atilla (вѣдь Атилла былъ тоже Славянинъ?) всѣхъ байеріанъ, миллеріанъ и шлѣцеріанъ, г. Савельевъ раздастъ вѣнды мученичества, славы и величія всѣмъ историческимъ критикамъ въ славянофильскомъ духѣ, преимущественно же — Венелину, г. Морошкину и самому-себѣ, г. Савельеву-Рестиславичу!..

Мы не будемъ входить въ разборъ нѣкій г. Савельева о Венелинѣ. Скажемъ только, что всѣ странности этого сравнаго человѣка г. Ростилавичъ безусловно принимаетъ за несомнѣныя истины, и что онъ, столь строгій къ Байеру и Шлѣцеру за ихъ филологическія патажки, въ филологической любви Венелина видитъ свободныя и рациональныя филологическія выводы. Для него ясно, какъ день Божій, что Гунны были Славяне, а Атилла — Тѣланъ, что Франки были тоже Славяне, и т. п. Всему этому онъ такъ радъ, всѣмъ этимъ онъ такъ гордъ, какъ-будто-бы и въ-самомъ-дѣлѣ для насъ, Русскихъ XIX вѣка, большая радость—кровное родство съ варварами-Гуннами и ихъ Тамерланомъ - Атиллою, грозившимъ габелью будущей европейской цивилизаціи!.. Что касается до насъ, мы охотно признаемъ въ Венелинѣ, какъ въ ученомъ, хорошія стороны. Это былъ одинъ изъ тѣхъ умовъ замѣчательныхъ, но парадоксальныхъ, которые вѣчно обманываются въ главномъ положеніи своей доктрины, но открываютъ иногда истины побоч-

ныя, которыхъ касаются мимоходомъ. Страстный къ своему предмету, владѣвшій огромною, хотя и спеціальною ученостью, вступленный Славянинъ, Венелинъ, доказывая неаѣпность—славянизмъ большей части народовъ, игравшихъ роль въ Европѣ среднихъ вѣковъ до крестовыхъ походовъ, въ то же время обогатилъ свои сочиненія интересными побочными сближеніями и выводами, можетъ-быть, дѣйствительно поубавилъ число народовъ, доказавъ, что одинъ и тотъ же народъ принимался за нѣсколькихъ, потому-что былъ извѣстенъ подъ разными именами, и т. п. Нѣщцы не будутъ благодарны Венелину за ослабленіе Нѣщцевъ; но въ томъ, что касается собственно Славянъ, указанія Венелина могли бы имѣть свою цѣну и въ глазахъ Нѣщцевъ, незнающихъ славянскихъ нарѣчій, еслибъ только истинно-ученая и безпристрастная рука отдѣлила въ сочиненіяхъ Венелина плевелы отъ зеренъ. Усердіе Венелина къ уснѣхамъ просвѣщенія Болгаръ, доказанное не одними словами, но и дѣломъ, любовь и признательность, которые успѣли онъ возбудить въ нихъ къ себѣ, даютъ о немъ хорошее понятіе, можетъ-быть, еще болѣе какъ о человѣкѣ, нежели какъ объ ученомъ. *Suum cuique!* Но смотрѣть на Венелина, какъ на славянскаго Цибура, какъ на великаго ученаго, который оказалъ человѣчеству услугу не меньше услуги, на-пр., Коперника, видѣть въ ультра-славянизмѣ что-нибудь другое, кромѣ болѣзненной односторонности, вѣрить ему на-слово, что Гунны и Франки—Славяне, а Атилла—Тѣланъ, и т. п.,—все это, воля ваша, не больше, какъ только смѣшно и жалко! Есть же, наконецъ, вещи, о которыхъ нельзя говорить серьезно, не рискуя сдѣлаться посмѣшищемъ въ глазахъ людей съ здравымъ смысломъ.

Что касается до г. Морошкина, нельзя не отдать ему справедливости, какъ профессору, который любитъ свой предметъ, говорить о немъ съ знаніемъ

дѣла, съ жаромъ и увлекательностью убѣждения. Но вѣдь онъ читаетъ исторію русскаго права, а не русскую исторію, — и мы, право, не знаемъ, какими образомъ увлекся онъ пустымъ и безплоднымъ вопросомъ о происхожденіи Руси. По крайней мѣрѣ, онъ рѣшаетъ его столько же забавно, какъ и утверждаетъ. По его мнѣнію, слово *Русь* происходитъ отъ *речи, ярута, рози или лозы* (Roscia, Pruthenia, Rurthe, Rosgi), другими словами, Россія значитъ *древлянская или лѣсная земля, роица, лѣсъ*. Тутъ у него играетъ роль даже *жезель, сирѣчь палка, трость, батонъ* (по-малороссійски *кѣй*), и т. д. Все это филологическое производство утверждено на глаголѣ *рости*. Скиевъ (*Чужакъ*, по Венелину), по мнѣнію г. Морошкина, значитъ *лѣсной житель*, Урманъ (отсюда Норманъ), напоминающій Аримана, значитъ *лѣсъ*; Будинъ значитъ то же, что Скиевъ (*лѣсной житель*); Алянъ значитъ съ лѣсомъ равный; Роксоланы значитъ то же, что Алавы, а благороднѣйшая отрасль Роксоланъ суть Рязанцы, а всѣ эти имена значатъ то же, что Россы... Далѣе, г. Морошкинъ находитъ Поволжскую или Туркестанскую Россію. «Я вѣрю» говорить онъ: «арабскимъ географамъ и не боюсь, когда они меня, истаго Славянина и Русса, назовутъ Туркомъ: я точно Турокъ, ибо я Руссъ; Турокъ есть также Руссъ, какъ и я: ибо онъ Славянинъ». Довольно! Охотниковъ до курьезныхъ вещей отсылаемъ къ книгѣ г. Морошкина: *О значеніи имени Руссовъ и Славянъ* (Москва, 1840). а если они испугаются цѣлой книги, то къ рецензіи объ этой книгѣ въ 63 номерѣ *Литературной Газеты* 1841 года. Очевидно, г. Морошкинъ пошелъ гораздо далѣе самого Венелина; и если нельзя сказать, чтобъ, подобно Венелину, онъ нимало не отъступилъ отъ стороны сдѣлалъ что-нибудь для знанія, — зато нельзя сказать, чтобъ онъ не довелъ до послѣдней крайности его странностей. Но тѣмъ выше заслуга г. Морошкина въ глазахъ г. Савельева-Ростиславича, который иногда позволяетъ себѣ не во

всемъ соглашаться съ Венелиномъ, но г-на Морошкина во всемъ находитъ непогрѣзительнымъ, какъ Турка (онъ же и Славяне) своего пророка. Вотъ истинная-то стачка гениевъ!..

Но нельзя безъ слезъ удивленія читать полное и подробное изложеніе собственныхъ ученыхъ подвиговъ, по сторону г. Савельева-Ростиславича, посвятивша цѣлыхъ *двадцать* страницъ. Боже мой, какая скромность и вѣстѣ съ тѣмъ, какое глубокое, какое твердое сознаніе своихъ заслугъ, своего достоинства! Кто возьметъ терпѣніе прочесть эти двадцать страницъ, тотъ волишь пойметъ, какими-образомъ Буффонъ имѣлъ смѣлость говорить, не вѣривъ: «Гениевъ три: Лейбницъ, Нитонъ и я!» Хотя г. Савельевъ-Ростиславичъ и не выговариваетъ прямо, что на Руси не было гениевъ выше трехъ — Венелина, Морошкина и, въ особенности, его, г. Савельева-Ростиславича, — однако это само-собою выходитъ изъ сущности всей его толстой книги, которая, кажется, для того больше и была написана. Г. Савельевъ-Ростиславичъ помѣстивъ въ ней свою автобіографію, и началъ ее съ самаго нѣжнаго своего дѣтства — мало! — просто съ самаго дня своего рожденія, когда великій тѣзка его, Карамзинъ, прислалъ свою «Исторію» родителю новорожденнаго, — что и рѣшило послѣднее посвятивъ себя обработанію (обработыванію?) русской исторіи (стр. CCVIII—CCIX). «Отсюда (приблизительно скромный автобіографъ) объясняется критическое направленіе первыхъ трудовъ автора этой книги» (стр. CCIX). Уведомленіе, драгоценное для потомства, которое, по-этому, избавлено отъ труда разъяснять, писать диссертаціи, толстая книга, спорить, браниться, стараясь рѣшить великій вопросъ: чѣмъ объяснить критическое направленіе первыхъ трудовъ г. Савельева-Ростиславича!.. Отъ дня своего рожденія, г. Савельевъ-Ростиславичъ ведетъ насъ съ собою уже прямо въ университетъ: жаль! черезъ это ли-

шлись мы драгоценныхъ фактовъ о его младенчествѣ и отрочествѣ... Съ удивительною снисходительностью и добротою, столь свѣтвенными гевію, законить насъ г. Савельевъ-Ростиславичъ съ подробностями своего университетскаго курса: какихъ профессоровъ онъ особенно уважалъ и съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ, и кто именно изъ нихъ особенно способствовалъ развитію въ немъ, г. Савельевъ-Ростиславичъ, мыслительности, плодомъ которой былъ его *Славянский Сборникъ*. Затѣмъ, переходить онъ къ разбору своихъ сочиненій, и хотя многія изъ нихъ, за давностью и за негодностью, давно уже забыты, тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ терпѣніе приводить и свергать все сужденія о нихъ журналовъ... До чего не доводить людей сочинительское самолюбіе!... Многодомъ сыплется у него брани и ругательства на гг. Полеваго, Устрялова, Погодина и другихъ шлѣщерианъ, которые, не боясь Бога и совѣсти, не радѣя о чести и славѣ отечества, преступно и злоумышленно унижаютъ Россію, выводя Варяго-Руссовъ изъ Скандинавіи... Великое ихъ преступленіе — нельзя не согласиться; но за то и казнить же ихъ нашъ велико-кутскій инвизиторъ!... Правду говорятъ моралисты, что добродѣтель всегда торжествуетъ, а пороки наказываются, — да, всегда и вездѣ, но особенно въ *Славянскомъ Сборникѣ* г. Савельева-Ростиславича... Гг. Полевой, Устряловъ и Погодинъ — живыя доказательства, что преступленіе не остается безъ кары; за то г. Савельевъ-Ростиславичъ — живое доказательство, что добродѣтель награждается. Обѣ эти истины онъ развилъ съ удивительною тщательностью, особенно послѣднюю: какой-то г. Игнатовичъ отозвался о его *Исторіи Северо-восточной Европы и мнѣшаго переселенія народовъ*, что «немного является произведеній ума положительнаго, не только въ русской, но и въ сербской литературѣ, соединяющихъ въ себѣ такую бездну учености съ живымъ, почти изящнымъ и вѣ-

стѣ строго-отчетливымъ изложеніемъ», и что «теорія объ азіатскомъ и нѣмецкомъ происхожденіи всѣхъ безъ изъятія воинственныхъ дружинъ, разрушившихъ Западную Римскую *Исторію (Имперію?)*, такъ сильно потрясена розысканіями Н. В. Савельева, что еще одна толчея — и она рухнетъ безвозвратно» (стр. ССХІХ). Но справедливо говорится, что нѣтъ розы безъ шиповъ, т. е. что и добродѣтель иногда страдает: тутъ же приложено мнѣніе и г. Полеваго объ этомъ гениальномъ сочиненіи ученаго г. Савельева-Ростиславича, — мнѣніе, которое обвиняетъ послѣдняго, что онъ «хвалилъ Фредри Венелина, разглагольствія Шафарика, возгласы другихъ Славянофиловъ, передѣлывалъ Всеобщую Исторію и спорилъ объ Атилѣ», — вслѣдъ затѣмъ г. Полевой воскликнулъ: «Какъ не жаль ему (г. Савельеву) тратить время, трудъ и дарованіе на такой вздоръ». Но г. Савельевъ-Ростиславичъ, какъ истинный гевій, не струсилъ этого приговора, съ которыми согласны всѣ здравомыслящіе люди, и полярилъ его гордымъ презрѣніемъ, которое выразилъ курсивомъ, восклицательными и вопросительными знаками въ скобкахъ. Да и странно было бы огорчиться г. Савельеву-Ростиславичу приговоромъ г. Полеваго, когда, черезъ страницу, онъ могъ привести мнѣніе *одного знатока исторіи* о своей статьѣ *Паденіе Пскова*, что это — «живой отголосокъ простодушныхъ лѣтописцевъ нашихъ, въ изящной формѣ нашего времени, произведеніе, которое принесло бы честь самому Тьерри, еслибъ онъ писалъ по-русски». Г. Савельевъ-Ростиславичъ *почему-то* не почелъ за нужное сказать, кто этотъ *знатокъ исторіи*, который произвелъ его въ русскаго Тьерри; но изъ выноски видно, что слова эти были напечатаны въ *Малкѣ*: *Sic transit gloria mundi!*... Но ничего! г. Савельевъ-Ростиславичъ — человекъ не брезгливый на похвалы, изъ какой бы ямы ни шли онѣ къ нему... За нихъ, онъ сейчасъ же готовъ произве-

сти въ знатоки исторіи — даже чело-
ка, который совершенно невиненъ въ
знаніи исторіи, и которому совершен-
но-безполезно знаніе и того, что онъ
дѣйствительно знаетъ...

Одной только похвалы себѣ не рѣ-
шился повторить скромный г. Савель-
евъ-Ростиславичъ: это гимнъ, который
накропалъ въ честь его, Венелина,
Атиллы и г. Морощкина какой-то мо-
сковскій виршенплетъ, и который на-
чинается такъ:

Напрасно все: вашъ понять трудъ
И оценѣтъ великій гени!
Всѣ толки мелочныхъ сужденій
Ужъ никогда не потрясутъ
Глубокиахъ вашихъ умозрѣній!

а оканчивается такъ:

Хвала тебѣ, Венелинъ славный!
Ура! Морощкинъ-Славянинъ!
Савельевъ, Руси православной
Не утонимый, вѣрный смысл!
Нѣтъ, ваша слава не затмится,
Вашъ трудъ великій не умретъ;
Имъ правда всюду водворится
И плодъ обильный принесетъ!

Вотъ мы какъ! Ай-да наши! Молод-
цы!.. Но, Боже мой, что съ нами! Ка-
жется, и мы впадаемъ въ *малковскій*
тонъ... Вотъ что значить чтеніе славя-
нофильскихъ книгъ...

Библиотека для Чтенія когда-то, по
случаю спора между гг. Погодинымъ
и Скромненко (Строевымъ), совѣтовала
новой исторической школѣ сразиться
на смерть съ шлѣцеровскою школою,
чтобъ окончательно порѣшить, кото-
рая изъ нихъ права. Но для этого
труднаго, важнаго, великаго пред-
пріятія (сказано такъ же) юная исто-
рическая школа, кажется, еще слиш-
комъ юна. Желаемъ ей роста не по
днямъ, а по часамъ: ея будущность
занимаетъ всѣхъ любителей отече-
ственной исторіи.

Г. Савельевъ отвѣчаетъ на это:

«Прошло десять лѣтъ, и вотъ юная
историческая школа представляется
шлѣцерианамъ уже не брошюрку, не
статью, а цѣлый томъ въ семь-сотъ
страницъ (.) съ 1,500 примѣчаній —
основной вопросъ рѣшенъ на жизнь и
смерть.»

Какъ вамъ это покажется? А это не
выдуманно нами: это напечатано на
ССХХVII страницѣ *Славянскаго Сбор-
ника* и списано здѣсь съ возможною
точностію!

Но, во-первыхъ, съ чего взялъ г. Са-
вельевъ-Ростиславичъ, что слова *Биб-
лиотеки для Чтенія* относятся къ нему?
Тутъ ясно говорится объ исторической
школѣ, основанной Каченовскимъ, че-
ловѣкомъ умнымъ, ученымъ, здраво-
мыслящимъ, осторожнымъ и ужъ со-
всѣмъ не славянофиломъ. Развѣ уче-
никъ его, г. Сергій Строевъ говорилъ
когда-нибудь и что-нибудь похожее на
то, что утверждается г. Ростиславичъ,
ученикъ и вмѣстѣ соперникъ Венелина
и г. Морощкина?... Томъ въ семьсотъ
страницъ — великая важность! Со-
читите-ко число страницъ въ томѣхъ
Тредьяковскаго — и ваша книга въ
семьсотъ страницъ исчезнетъ въ нихъ
какъ ручеекъ въ морѣ. Съ 1,500 при-
мѣчаній — изъ которыхъ, слѣдова-
ло бы прибавить, большая часть со-
стоитъ или изъ площадной брани на
шлѣцерианъ, или изъ указаній на стра-
ницы *Русскаго Вѣстника*, *Сына Отече-
ства*, *Малка*, *Москвитянина* и другихъ
журналовъ!.. «Основной вопросъ рѣ-
шенъ на жизнь и смерть» — вертъ
хвастливаго самовосхваленія! Нѣтъ,
г. Савельевъ-Ростиславичъ, вы слыш-
комъ-скоро: подождите, пока проти-
вники ваши соизяются побѣжденными
и примутъ ваше мнѣніе. Такъ побѣ-
ждать, какъ побѣждаете вы, очень-
легко и очень-смѣшно: вѣдь китайскій
богдыханъ считаетъ же себя царемъ
царей и, платя за англійскіе товары
китайскими товарами и китайскими
золотомъ, говоритъ же въ своихъ ма-
нифестахъ, что рыжіе варвары при-
носятъ ему съ Запада дань, въ изъяс-

леніе ихъ покорности владыкѣ Небесной-Имперіи... Берегитесь, господа, обобщеній своего кружка: въ немъ какъ разъ увѣрятъ васъ, что вы гений, и что вы побѣдили всѣхъ вашихъ противниковъ, которые даже и не думали съ вами бороться, а просто или смѣлись надъ вами, или не обращали на нше ратованіе никакого вниманія. Кружокъ — вещь опасная: онъ можетъ довести человѣка до жалкаго донбистства. Кружокъ и свѣтъ — двѣ вещи разныя; первый признаетъ за достоинство, доказанное и несомнѣнное то, надъ чѣмъ часто смѣется второй, какъ надъ нелѣпностью. Живите въ кружкѣ, который вамъ нравится; — но заглядывайте и въ свѣтъ, прислушайтесь и къ его сужденіямъ, чтобъ не власть сперва въ односторонность и исключительность, а потомъ и просто въ нелѣпность. Исключительное и безвыходное пребываніе въ себѣ, или въ пріятельскомъ кружкѣ, или въ приходѣ своего журнала — гибельно для человѣка. Ограниченіе себя однимъ и тѣмъ же, отчужденіе отъ всего, что не мы и не наше, гибельно не только для частныхъ лицъ, но и для народовъ: вспомните Китай и Японію!

Мы не отрицаемъ у г. Савельева того, что принадлежитъ ему по праву: начитанности, эрудиціи, трудолюбію, знанію, даже дарованію въ извѣстной степени; онъ владѣетъ языкомъ, и если бъ захотѣлъ держаться болѣе-примичнаго и спокойнаго тона, писалъ бы, если не вяжучю, то литературно. Не будучи не только Тьерри, но и десятою долею Тьерри, г. Савельевъ могъ бы сдѣлаться полезнымъ дѣятелемъ въ сферѣ нашей исторической литературы и нашей исторической критики. Статьи г. Савельева: *Димитрій Иоанновичъ Донской, первоначальникъ русской славы; Паденіе Пскова; Царь Василій Шуйскій; Критика на русскую Исторію г. Устралова* (въ нумерахъ 29, 30 и 31 *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду* 1837); *О необходимости критическаго изда-*

ніа исторіи Карамзина, — всѣ эти статьи не безъ достоинствъ, хотя и не безъ недостатковъ, словомъ — сочиненія хорошія, полезныя, хотя и не великія, не гениальныя. И вообще, не мѣшало бы г. Савельеву не дѣлать самому-себѣ приговоровъ, но ожидать ихъ отъ другихъ, и если онъ не пугается осужденія, то не слѣдовало бы ему на слово вѣрить похваламъ и повторять ихъ, въ своей книгѣ, какъ великія истины, говоря о себѣ какъ Богъ-знаетъ о комъ, и величая себя то юнымъ критикомъ, то авторомъ *Донскаго*... Только вышедшее изъ всякихъ границъ ослѣпленіе мелкаго самолюбія могло заставить г. Савельева повторить отзывы г. Полеваго о его двухъ статьяхъ, какъ такіе отзывы, которые стоить только повторить, чтобъ показать всю ихъ неоспозательность и нелѣпность. А между-тѣмъ, эти отзывы очень-основательны и, главное, совершенно безпристрастны. Вотъ слова г. Полеваго: «Мы готовы отдать справедливость труду, еслибъ и видѣли въ немъ что-нибудь противъ насъ-самыхъ и противъ трудовъ нашихъ (*). Вотъ, на-примѣръ, мы съ удовольствіемъ упоминаемъ о небольшой полемиической брошюрѣ г. Савельева: Димитрій Иоанновичъ Донской. Онъ не соглашается съ нами, даже бранитъ насъ, но въ изысканіяхъ своихъ показывается тщательность, усердіе, начитанность — мы въ сторонѣ, а труду автора почетъ, еслибъ намъ вздумалось даже и поспорить съ нимъ». О статьѣ г. Савельева *О необходимости критическаго издавіа исторіи Карамзина*, г. Полевой отозвался такъ: «Это разчисленіе статья дѣльная, и мы порадовались, что, броса свои прежніе взоры на толки объ исторіи, г. Савельевъ

(*) Здѣсь г. Савельевъ дѣлаетъ, въ скобкахъ, замѣчаніе, пересыпанное всѣмъ антицизмомъ велико-кутской соли: «Все несчастное, эгонистическое я, а гдѣ же истина-то? объ ней-то, бѣднѣе, и помину совсѣмъ нѣтъ!»

«принимается за дѣльныя занятія». Первый отзывъ г. Полеваго долженъ бы быть для г. Савельева лестнѣе всякаго другаго мнѣнія, потому-что въ брошюрѣ о Донскомъ онъ опровергаетъ, не всегда вѣжливо и въ тонѣ приличія, мнѣнія г. Полеваго; но г. Савельеву, видно, не суждено знать ни того, что ему дѣлаетъ истинную честь, ни того, чѣмъ бы онъ могъ заняться съ пользою для себя и для науки и на что бы онъ могъ не бесполезно употребить свои способности и свое трудолюбие: онъ больше вѣритъ возгласамъ и увереніямъ мнимыхъ друзей своихъ, для расчелывности которыхъ очень-полезно провязодитъ его въ Тьерри и величать гениемъ въ великихъ и плохихъ стипендіахъ.

Не слѣдовало бы также г. Савельеву братья не за свое дѣло и толковать о вопросахъ всеобщей исторіи, которой онъ — извините нашу откровенность — вовсе не понимаетъ, что и доказалъ онъ огромными статьями. Равнымъ образомъ, хорошо бы онъ сдѣлалъ, еслибъ, для пользы русской исторіи и еще больше для своей собственной, оставилъ въ покоѣ Славянъ, Болгаръ, Гуиновъ, Франковъ, Варяго-Руссовъ, Великій-Кутъ, Байера, Миллера и Шлёцера и обратилъ свою дѣятельность исключительно на тѣ вопросы русской исторіи, которые доступны критикѣ и развѣскамъ и которые такъ давно и такъ тщетно ожидаютъ дѣателей. Поле великое и едва-едва тронутое, — сколько пищи для дѣятельности, сколько пользы для труда, сколько славы для успѣха! Но еще болѣе слѣдовало бы г. Савельеву постараться посвятить себя наукѣ настоящимъ образомъ, сдѣлаться ученымъ въ истинномъ значеніи этого слова, т. е. научиться находить въ наукѣ одинъ интересъ — объективную истину предмета, не примѣшивая къ нему никакихъ постороннихъ интересовъ, ни мѣстныхъ, ни космополитическихъ, ни славянскихъ, ни германскихъ, ни русскихъ, ни вѣмецкихъ. Виѣ объективной истины пред-

мета, нѣтъ науки, нѣтъ учености, нѣтъ ученыхыхъ, а есть только ученые мечты, фантазіи, мечтатели и фантазеры. Ученый долженъ быть рыцаремъ истины, а не сектантомъ, не геригутеромъ, не раскольниковомъ. Фанатизмъ и мистицизмъ — враги науки, потому-что она — тѣма, а наука — свѣтъ. Языкъ науки можетъ принимать полемическій тонъ, но наука не должна ругаться, соблюдая свое достоинство. Въ ученыхыхъ сочиненіяхъ и остроуміе — не лишняя вещь; но вѣдь не всякому дана способность быть остроумнымъ, и г. Савельевъ, надо сказать правду, остритъ тяжело, неловко, едва-ли еще не хуже, чѣмъ остритъ покойный Венелицъ, изражскому остроумію котораго такъ удивляется сочинитель «Славянскаго Сборника». Но больше всего надо беречься въ наукѣ мистицизма, потому-что онъ доводитъ до величайшихъ нелѣпостей, что и сбылось такъ жалко и смѣшно надъ г. Савельевымъ, который до того дошелъ, что, на основаніи свидѣтельства Льва Діакона, вѣритъ, будто Ахиллъ (герой *Илиады*) былъ не Эллинъ, а Скинозъ, слѣдственно, Славянинъ!.. (стр. 73). Боже мой! Ахиллъ, героическій представитель эллинскаго духа, герой величайшей національной поэмы величайшаго національнаго поэта Эллады, липо баснословное, обликъ чисто-иоическій, — Скинозъ, Славянинъ, и это на основаніи свидѣтельства Льва Діакона, который жилъ *девѣ тысячью* лѣтъ послѣ Ахилла!.. О нелѣпость нелѣпостей! Мистицизмъ, внесенный въ науку, заставляетъ признавать бывшимъ и сущимъ то, чего не было и нѣтъ; бѣлое представляетъ чернымъ, черное бѣлымъ; полярную зиму превращаетъ въ африканское лѣто; въ экваторіальныхъ странахъ находятъ мертвыя замервшія тундры, а въ полюсахъ видятъ роскошную природу Индіи; помноживъ двана два, получаетъ въ произведеніи пять и семь-восьмыхъ... Мы не шутимъ: за примѣрами ходитъ не далеко, и книга г. Савельева въ этомъ отношеніи истинный кладъ. Она утверждаетъ, что Славяне оказали

великую услугу человечеству, борясь съ Римомъ и набавивъ Европу отъ оковъ римскаго деспотизма!.. (стр. ССXXXVIII). Во-первыхъ, только для г. Савельева рѣшеное дѣло, что варяры, разрушившіе Западную-Римскую-Империю, были Славяне, а не Тевтоны; во-вторыхъ, кто бы они ни были; за эту услугу мы не намѣрены имъ кланяться, потому-что они и не думали освобождать Европу отъ римскаго деспотизма, а просто грабили, рѣзали, жгли, брали въ плѣвъ, убивали и злодѣйствовали изъ корысти, для себя-самыхъ, вовсе не думая о будущности разоряемыхъ ими земель. Потомъ г. Савельевъ приписываетъ Славянамъ честь обновленія Запада свѣжею, перастѣвную живнию: это просто-напросто значить, что Нѣмцы — Славяне, и что Нѣмцевъ въ Европѣ никогда и не бывало, — все это были Славяне!.. Но чтó всё эти странности въ сравненіи съ словами г. Морощкина, которыми г. Савельевъ заключаетъ свою статью! Слушайте: «Племя славянское живетъ будущностию, надеждою, что *вновь возстанетъ великій царь Воли* (?!?!...) и воззоветъ ихъ къ славному великому знамени, къ знамени разрушенія, а общаго усюковенія въ нѣдрахъ семейственнаго христіанскаго быта, который, кажежся, предоставлено развить славянскимъ народамъ. Царство мира и любви имѣетъ семейственную форму, данную отъ природы и духа, а не выдуманную, не созданную *преодолившими стѣнами исторіи*» (стало-быть, переходящія вѣка исторіи — не отъ природы и духа, а такъ-себѣ, ни отъ чего!). «Когда настанетъ судъ исторіи, тевтонскій міръ отдастъ Славянамъ все, чтó взято» (чтó именно взято и гдѣ — желательно бы звать? Но, кажется, этого и самъ прорыцатель не вѣдаетъ...) «у нихъ. Не своими ко-

варскими саблями славяскій міръ грозитъ Тевтонамъ, а *славянскою цициклицацей*, первородными формами «человѣческаго быта» (да помяните! Калмыки давно уже обрѣтаются и еще въ болѣе-чистыхъ, нежели Славяне, первородныхъ форматахъ), «грозитъ ему «преемничествомъ» (хорошо, еслибъ и причастностию его жизни!), «званіемъ «наслѣдника во всемірной исторіи» (стр. ССXXXIX). Вы удивляетесь, читатель; по тó ли еще пишутъ и печатаютъ господѣ-славянофилы! Вотъ, на-примѣръ, одинъ изъ нихъ недавно напечаталъ въ журналѣ слѣдующія неслыханныя новости, а именно, что «у насъ не было *ненависти и гордости*», которыя были въ исторіи Запада, и что наша «родимая почва была упитана *на не кровію* — кровію упитана западная земля, — *но слезами* нашихъ предковъ, перетерпѣвшихъ и Варяговъ, и Татаръ, и Литву, и жестокости Юанна-Грознаго (человѣка безкровнаго!), «и *нашествіе двадцати лыцковъ*, и *навожденіе* легіона духовъ». Последняя фраза — верхъ мистической безсмыслицы, непонятна; но остальное въ этихъ словахъ все понятно: дѣло, изволите видѣть, въ томъ, что битва при Калкѣ, битва донская, нашествіе Литвы, наконецъ вторженіе въ Россію полчищъ сына судьбы не стоили намъ ни капли крови, и мы отдѣлялись отъ нихъ одними слезами; мы не дрались, а только плакали!! ..

Не будемъ разбирать другихъ статей *Славянскаго Сборника* — онѣ не стоить этого труда; ихъ можно читать для забавы, для потѣхи; но серьёзно разсуждать о нихъ было бы и бесполезно и смѣшно. Говоря о первой статьѣ г. Савельева, мы имѣли въ виду не *Славянский Сборникъ*, но сочиненія г. Савельева, а славянофильскую доктрину, которой г. Савельевъ является такимъ горячимъ и наивнымъ представителемъ

лемъ. Его *Славянский Сборникъ*, въ 700 страницъ, съ 1,500 примѣчаній, только въ этомъ отношеніи и замѣчательнъ; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ это книга пустая, ничтожная.

Въ заключеніе, совѣтуемъ г. Савельеву воспользоваться, не на словахъ, а на дѣлѣ, полезнымъ совѣтомъ, заклю-

чающимся въ китайскомъ выраженіи изъ Сан-цзы-цзына, которымъ онъ достойно заключилъ свою статью:

• Кто читаетъ исторію, долженъ из-
• слѣдовать бытописанія; проникнуть
• (проникнуть?) древнее и настоящее,
• какъ-бы собственными очами. Уста-
• ии читай, мыслию видай. •

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

І ю н ъ.

220) Стихотворения Петра Штаверъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1845. Въ 12-ю д. л. 42 стр.

Г. Петръ Штаверъ—извините нашу неспрошность—долженъ быть молодой, даже очень-молодой человекъ — можетъ-быть, не старше пятнадцати лѣтъ... Въ этомъ увѣрились мы чрезъ впечатлѣніе, которое произвело на насъ чтеніе его стихотвореній. Намъ даже очень хочется, чтобъ автору было никакъ не больше пятнадцати лѣтъ, потому-что, въ такомъ случаѣ, мы имѣли бы удовольствіе признать въ его стихотвореніяхъ нѣчто въ родѣ таланта, чувства, и если не мысли, то стремленія къ мысли, — а это не шуточное дѣло! Но что жь тутъ до лѣтъ, какая нужда въ метричкѣ автора, когда его стихотворенія сами за себя говорятъ?.. Метрика иногда много значить не въ однихъ вопросахъ о званіи и наследствѣ, но и въ вопросахъ искусства и

науки. Если двадцатилѣтній малой, наметавшійся въ лавкѣ, ловко и скоро сводитъ счеты, складываетъ и вычитаетъ, множить и дѣлить, принимаетъ и сдаетъ, — тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, нѣтъ рѣчи ни о гении, ни о талантѣ: тутъ только способность, развитая навыкомъ и рутинною. Но когда семилѣтній ребенокъ, который нѣтъ полное право не знать счета дальше десяти, но который, не смотря на то, по пальцамъ и простымъ соображеніемъ умѣетъ расчесть сумму, на-прим., во сто рублей серебромъ, складывая, вычитая, множа и дѣля, тогда, если вы и не увидите въ немъ гениа математика, то все-таки подивитесь въ немъ необыкновенной природной способности. Выйдетъ ли со-временемъ изъ этого мальчюшка замѣчательный математикъ, или ничего изъ него не выйдетъ—это другой вопросъ. Фактъ доказанный, что иногда изъ дѣтей, ничего-необъ-

щающих, выходятъ гениальные люди, а изъ гениальныхъ дѣтей дюжинные люди; но мы не будемъ распространяться объ этомъ, чтобъ не уклониться отъ главнаго предмета нашей рѣчи. Известно, что, имѣя болѣе или менѣе вѣрный слухъ, черезъ ученіе и упражненіе, можно сдѣлаться не только сноснымъ музыкантомъ, но даже и сочинять кой-какія фантазійки: обыкновенно до этого доходятъ уже въ лѣта возмужалости, при охотѣ къ музыкѣ, при знакомствѣ со множествомъ музыкальныхъ произведеній. Но это еще не значитъ быть ни музыкантомъ-артистомъ, ни композиторомъ-художникомъ. Когда же семилѣтнее, или, еще болѣе-малолѣтнее дитя, обнаруживаетъ способность запомнить и вѣрно пропѣть всякую музыкальную пьесу, какую удастся ему услышать: въ этомъ дитяти, конечно, еще нельзя навѣрное увидѣть будущаго Моцарта, или будущаго Листа, но по-крайней-мѣрѣ на его счетъ простиительно ошибиться въ такихъ не умѣренныхъ надеждахъ. То же можно сказать о значеніи метрики въ-отношеніи къ поэзіи. Умѣнье писать стихи — конечно, еще не талантъ, но все же способность; этою способностью владѣетъ многое-множество людей, и она-то заставляетъ многихъ изъ нихъ видѣть въ себѣ талантъ поэтическій. И вотъ, когда такой, владѣющій способностью стихотворства человекъ поначитается разныхъ поэтовъ, пообразуется, поучится, то, въ извѣстныхъ лѣта, ему ничего не стоитъ перекладывать въ гладкіе и звучные стихи чужія чувства, чужія мысли, да еще такъ ловко, что вы самъ оиъ, ни другіе не подозреваютъ въ немъ вороны въ павлиньихъ перьяхъ. Въ наше время, чувство и мыслем — ни-по-чему. Не говоря уже о другихъ поэтахъ, довольно имѣть Пушкина и Лермонтова, чтобъ владѣть неисчерпаемымъ источникомъ вдохновенія. Возьмите любой стихъ изъ того или другаго — и вотъ вамъ поэма, на которую потанутся у васъ нескончаемыя варьяны... Но варьировать такимъ-образомъ на чужія чувства,

и мысли можетъ только человекъ возмужалый, разившійся; безбородый же юноша, тѣмъ болѣе отрокъ, никогда не сзумѣетъ не фальшива пѣть съ чужаго голоса. Его стихъ будетъ неуклюжъ, а заимствованныя чувства и мысли оиъ непремѣнно исказитъ, изуродуетъ. И потому, если въ стихахъ слишкомъ-молодаго человека замѣтно что-то въ родѣ оригинальности, чувства и мысли, — явный знакъ, что у него есть талантъ. Даже его неумѣнье сладить съ непокорнымъ языкомъ, съ упрямымъ стихомъ, — не только не портитъ дѣла, но еще придаетъ ему ту прелесть, которую такъ исполненъ несвязный лепетъ младенца.

Намъ показалось (и мы были бы рады, еслибъ послѣдствія доказали, что мы не ошиблись въ этомъ случаѣ), намъ показалось, что стихотворенія г. Штавера носятъ на себѣ всѣ признаки ранней молодости, при условіи которой въ нихъ нельзя не признать дарованія. Не беремса опредѣлять степень этого дарованія, ни предсказывать границы его развитія, потому-что неопредѣленность составляетъ главный характеръ слишкомъ-юныхъ дарованій. Они могутъ развиться — и могутъ исчезнуть, не даръ цѣвта. Въ нихъ не должно видѣть что-то непремѣнно великое въ будущемъ. Стихотворенія Пушкина-ребенка были довольно-плохи, и по нимъ трудно было бы въ то время признать въ немъ будущаго великаго поэта. И такъ, говоря о стихотвореніяхъ г. Штавера, ограничимса настоящимъ, не забывая въ будущее, будемъ говорить о томъ, что есть, не говоря о томъ, что можетъ быть и можетъ не быть.

Всѣ стихотворенія г. Штавера довольно-слабы, и еслибъ мы не предположили ихъ автора очень-молодымъ, не стоило бы труда и говорить о нихъ. Но что въ опытахъ возмужалаго человека поражаетъ слабостью таланта, или просто посредственностью, которая хуже бездарности, — то самое въ опытахъ слишкомъ-молодаго человека можетъ быть признакомъ таланта и способно-

то, но еще неовлаждающего собственною силою. Намъ кажется, что нельзя не видѣть этого, на-прим., вотъ хоть въ вѣстѣ г. Штавера — *На Кладбищѣ*:

Солнце яркое сіяетъ
Надъ кладбищемъ межъ вѣтвей
И могилы обливаетъ
Свѣтомъ радужныхъ лучей.

Вѣтеръ листья чуть колышетъ,
Пробираясь межъ крестовъ
И прохладой легкой дышетъ
На обитель мертвецовъ.

Сномъ спокойнымъ, непробуднымъ
Люди, страсти, — все здѣсь снятъ,
Все путемъ тяжелымъ, труднымъ
На покой сюда спѣшить.

Но и здѣсь есть жизнь, движенье...
Слышенъ шорохъ межъ кустовъ,
Слышно чье-то приближенье,
Слышенъ говоръ голосовъ.

Видны двоя: то тропю
Чуть замѣтно идуть,
То, склонившись надъ плитою,
Тиво рѣчь они ведутъ.

И въ очахъ любовь сіяетъ!
Такъ и здѣсь любовь живетъ?
Такъ ей не отгоняетъ
Мертвецовъ безстрастныхъ лесть?

Да, и здѣсь такъ вѣжны взоры
И лобзанья на устахъ,
Полны чувства разговоры
И разлуки тотъ же страхъ!

Тамъ, гдѣ смерть, восторгомъ бьются
Увоенныя сердца
И слова любви несутся
Надъ жилищемъ мертвеца!

Такъ и въ жизни: часто слезы
Зачинаетъ радость вновь!
Какъ межъ терніями розы,
Межъ могилами любовь!

Въ этомъ стихотвореніи есть что-то похожее на поэтическое чувство, даже на поэтическую мысль; стихъ не чуждъ жизни, хотя и бѣденъ изяществомъ и точностью выраженія. И отъ всего этого вѣстѣ чѣмъ-то мило-дѣтскимъ! Даже стихи:

Такъ ее не отгоняетъ
Мертвецовъ безстрастныхъ лесть, —
даже эти стихи, возбуждая въ читателѣ улыбку, не уничтожаютъ въ немъ, благосклонной готовности одобрить пьесу. Но самымъ характеристическимъ стихотвореніемъ въ книжкѣ г. Штавера надо признать *Желаніе*:

Я не хочу, чтобъ всѣ меня любили,
Я не хочу вездѣ встрѣчать друзей,
Хочу, чтобы враги меня язвили
Безсильной злобою своею!

Пусть возрастаетъ! Я каждый шагъ побѣднѣй
Готовъ свою кровью залить!
Пусть упаду измученный и блѣдный,
Но только прежде побѣдить!

Пусть за моею побѣдной колесницей
Всегда слѣдитъ толпа враговъ моихъ:
Я понесусь полъ небо вольной птицей, —
И хоръ завистниковъ затихъ!

Но не для славы жажду я боренья,
А потому, что для моей души
Потребны страсти, бури и волненья,
Чтобы не замереть въ тиши.

Въ горнилахъ сталь сильнѣе закалится,
Въ страданьяхъ — грудь всю силу обрываетъ;

Вода чиста, доколь она струится,
Въ покоѣ тишой зарастетъ.

Крѣпись, душа! Познай свое значенье,
Познай себя, познай свою всю мочь,
И ты поймешь, что сладостно мученье,
Когда есть сила превозмочь!

И скажешь ты: «за тѣмъ даны страданья,

«Чтобъ согрѣвать остывшія сердца,
«И назначенье жизни не мечталье,
«А дѣятельность мудреца.

«Мечта, — ты скажешь, — дѣтская забава,
«Занятыя мужа истиннаго — трудъ!
«Не за мечты дается въ мирѣ слава,
«Ее страданьями берутъ!»

Будь это стихотвореніе написано взрослымъ человѣкомъ, — оно было бы плохо въ эстетическомъ отношеніи, особенно въ отношеніи къ стишу, и

было бы довольно-пошлымъ фразёрствомъ, исполненнымъ претензій и жалкаго самолюбія, въ нравственномъ отношеніи. Но какъ стихотвореніе существа, еще колеблющагося на переходѣ отъ отрочества къ юности,—оно очень-замѣчательно. Въ стихѣ, которымъ оно написано, необработаннымъ, невыдержаннымъ, есть сила и размахъ; въ чувствѣ, которымъ оно согрѣто, есть жизнь и жаръ; въ мысли, которую оно проникнуто, есть достоинство и благородство, именно потому, что это—дѣтская мысль.

Вотъ что сказали бы мы г. Штаверу, если бы онъ захотѣлъ насъ послушать:

Жаль, любезный поэтъ, что вы поторопились издать въ свѣтъ книжку первыхъ своихъ опытовъ, безъ которой публика легко могла бы обойтись, и не подождали болѣе-зрѣлыхъ своихъ проведеній, которые для всѣхъ были бы интереснѣе. Но дѣло сдѣлано, и да проститъ васъ за него Богъ! Но впередъ не торопитесь ни писать, ни печататься, особенно — печататься... Если у васъ есть талантъ, и призваніе ваше велико въ будущемъ, — успѣете написать и напечататься; если же это окажется не болѣе, какъ кипѣніемъ крови и избыткомъ силъ, — ваша преждевременная книжка будетъ вамъ досадна, какъ грѣхъ юности, какъ ошибка самолюбія. Но намъ пріятнѣе думать, что у васъ есть сѣмя таланта, которое со-временемъ можетъ вырости и развиться. Приготовьте себя къ этому, и не погубите сѣмени. Въ наше время, поэтъ, какъ поэтъ, не можетъ обѣщать себѣ великаго успѣха, потому что наше время отъ каждаго, — слѣдовательно, и отъ поэта — требуетъ, чтобъ онъ прежде всего и больше всего былъ—человѣкомъ. Не заботьтесь же о себѣ, какъ о поэтѣ, и воспитывайте въ себѣ человѣка. Не говорите, что вы не хотите, чтобъ васъ всѣ любили, что вы не хотите вездѣ встрѣчать друзей, и жаждете имѣть враговъ: это чувство ложное и парадное, которое извиняется только его юностію. Не покупайте любя лю-

дей мнѣною истинѣю, уклончивостію и низостію; но и не позволяйте себѣ не дорожить ею или презирать ее: любовь ближнихъ, законно и разумно приобретаемая,—благо, которое выше всѣхъ благъ. Вѣрьте, что люди совѣтъ не такъ хороши, и совѣтъ не такъ дурны, какъ дѣлаетъ ихъ фантазія поэтовъ, которые то любятъ въ нихъ восхищаться собственною своею особою, то позволяютъ себѣ вымещать на нихъ свои недостатки, или раны своего самолюбія, клеймя ихъ презрѣніемъ. Вообще, люди, по своей натурѣ, болѣе хороши, нежели дурны, и не натура, а воспитаніе, нужда, ложная общественная жизнь—дѣлаютъ ихъ дурными. Почти во всякомъ изъ нихъ, даже въ самомъ дурномъ, есть своя прекрасная, человѣческая сторона, только трудно подсмотрѣть и открыть ее. Последнее составляетъ благороднѣйшую миссію поэта: ему принадлежитъ по праву оправданіе благородной человѣческой природы, такъ же, какъ ему же принадлежитъ по праву преслѣдованіе ложныхъ и неразумныхъ основъ обществённости, искажающей человѣка, дѣлающей его иногда злымъ, а чаще всего безчувственнымъ и безсильнымъ животнымъ. Люди — братья другъ другу, хотя неразумность ихъ отношеній и дѣлаетъ ихъ естественными врагами. Благородно, велико и свято призваніе поэта, который хочетъ быть провозвѣстникомъ братства людей! Имѣть враговъ... источникъ этого желанія заключается въ эгоизмѣ и самолюбивой увѣренности быть лучше и выше всѣхъ людей: чувство жалкое и ничтожное, которое никогда не породитъ высокаго поэтическаго созданія! Побѣдить врага пріятно: объ этомъ ни слова,—однакомъ врага, котораго мы не вызывали, а который самъ назвался на вражду; но еще пріятнѣе сдѣлать себѣ врага другомъ: это лучшая изъ побѣдъ! Человѣкъ имѣетъ право ненавидѣть въ другомъ ложь и порокъ, но человѣкъ не имѣетъ права ненавидѣть человѣка, подъ опасеніемъ ужаснѣйшаго изъ наказаній—дерзнуть

быть человекѣмъ. Имѣть враговъ своей мысли, своему убѣжденію и бороться съ ними до послѣднихъ силъ, — въ этомъ есть свое величіе, своя прекрасная сторона; но ничего имѣть хуже, чѣмъ имѣть личныхъ враговъ: этого никто не пожелаетъ себѣ, и высочайшее несчастіе для человекѣа — посвятить сердцу своему личную вражду къ человекѣу: это болѣзнь, манія, почти сумасшествіе, отъ котораго надо лечиться. Бѣднѣе на побѣдной колесницѣ, конечно, пріятно; но только тогда, когда, вмѣстѣ съ вами, торжествуетъ правое дѣло; иначе вы — Маріи или Силы, которые купались въ крови безсильныхъ враговъ... Чтѣ жъ тутъ хорошаго? Но вы, любезный поэтъ, юверите въ свое оправданіе:

Но не для славы жажду я боренья,
А потому, что для моей души
Потребны страсти, бури и волненья,

Чтобы не замереть въ тишинѣ.

Въ горнилахъ сталь сильнѣе закаляется,
Въ страданьяхъ—грудь всю силу обрѣ-
теть;

Вода чиста, доколь она струится,
Въ покоѣ—тиной зарастетъ!

Прекрасно! но чтѣ бы вы сказали о человекѣ, который для того, чтобѣ его члены и мускулы не ослабли въ бездѣйствіи и неподвижности, пошелъ бы во улицѣ, да и ну колотить встрѣчнаго в поперечнаго?.. Не правда ли, это смѣшно?.. Нѣтъ, любезный поэтъ, не заботьтесь о врагахъ и страданіяхъ; напротивъ, употребляйте всѣ силы избѣгать ихъ, потому-что враги и страданья авятся сами — ихъ никто не избѣгалъ. Обратите прежде всего вниманіе на самого-себя, и постарайтесь познакомиться, сблизиться и разумно подружиться съ самимъ-собою, чтобѣ со-временемъ не найдти въ себѣ собственнаго своего врага, — а это самый опасный, самый жестокий изъ враговъ! Не любите себѣ и будьте съ собою строги, чтобѣ найдти въ себѣ друга разумнаго и честнаго, а не предателя коварнаго. Тогда одержите вы самую великую и блестя-

щую побѣду надъ злѣйшими изъ враговъ своихъ: это побѣда! Она будетъ стоить много труда и большой борьбы, которая не дастъ вамъ замереть въ тишинѣ... Но это еще не все, чтобѣ спастись отъ душевнаго застоя, отъ нравственной апатіи: передъ вами жизнь и міръ — полюбите ихъ и наслаждайтесь ими! Для этого также нужны трудъ и борьба. Жизнь, природа, человекѣкъ, человекѣчество, наука, искусство — какое обширное, великое, безконечное поприще для борьбы благородной, для упражненія юныхъ и свѣжихъ силъ! Зачѣмъ тутъ враги, и безъ нихъ много дѣла! Зачѣмъ говорить:

Пусть за моей побѣдной колесницей
Всегда слѣдитъ толпа враговъ моихъ:
Я понесусь на небо вольной птицей, —
И хоръ завистниковъ затихъ?..

Въ небѣ, т. е. въ верхнихъ слояхъ атмосферы, пусто и холодно, и человекѣу хорошо только съ людьми — въ тѣснотѣ люди живутъ... Только гордость, основанная на самолюбіи и эгоизмѣ — одинъ изъ самыхъ губельныхъ пороковъ, — только гордость гонитъ человекѣа изъ общества ближнихъ его, и стремится его на пустую и холодную высоту, откуда онъ находитъ жалкое наслажденіе видѣть подѣ собою «хоръ завистниковъ». Сказать: я имѣю завистниковъ, — не значитъ ли это: какой я замѣчательный человекѣкъ! Обрадоваться числу своихъ завистниковъ, — не значитъ ли это обнаружить то мелкое и пошлое чувство, которое свойственно только маленькимъ великимъ людямъ — этимъ каррикатурамъ на великихъ людей? Нѣтъ, истинно-хорошему, дѣльному человекѣу, горько имѣть завистниковъ; для него это — несчастіе. Онъ хочетъ имѣть таланты и достоинства, хочетъ много знать, много смѣть и много мочь, но не для потѣхи своего самолюбія, не для жалкаго удовольствія пріобрѣсть враговъ и завистниковъ, а для разумнаго и законнаго наслажденія жизнью, по-

тому, что чѣмъ болѣе онъ имѣетъ, знаетъ, смѣетъ и можетъ, — тѣмъ болѣе лѣтъ жить. Его никогда не порадуешь, но всегда огорчить ничтожество окружающихъ его людей, — и для него было бы величайшимъ блаженствомъ дать имъ еще больше, нежели сколько онъ самъ имѣетъ, поднять ихъ еще выше самого себя. Благородная душа, исполненная великодушныхъ стремленій, не терпитъ вокругъ себя ни рабовъ, ни угодниковъ, ни хвалителей, ни льстецовъ; ей тѣсно и душно среди этихъ искаженныхъ существъ, и она можетъ дышать свободно только среди братьевъ, связанныхъ съ нею узами симпатіи ко всему разумному и человѣческому. Для нея жизнь — богатая и роскошная трапева, которую она хотѣла бы раздѣлять со всѣми, чтобъ тѣмъ болѣе самой насладиться ею... Да, любовный поэтъ, учитесь не увлекаться однимъ огромнымъ — оно часто только чудовищно, а не велико; учитесь не увлекаться однимъ поражающимъ, эффектнымъ, блестящимъ, яркимъ. Все истинное и великое — просто и скромно; оно цѣломудренно стыдится своего достоинства, какъ красота цѣломудренно стыдится наготы своей, и отъ-того дѣлается еще прекраснѣе. Истину, благо и красоту надо любить для нихъ-самыхъ, а не для насъ-самыхъ, — какъ внутренне-драгоценное само-по-себѣ, а не какъ пышный нарядъ, возбуждающій къ тому, кто щеголяетъ въ немъ, удивленіе и зависть толпы. Человѣкъ ослѣдный, могущественный, огромный — еще не всегда въ то же время и великій человекъ. Нѣтъ спора, что, какъ воевода, Наполеонъ не имѣетъ себѣ соперниковъ въ исторіи человечества; но въ глазахъ истинно-мудрыхъ, простой, скромный, неблестящій Вашингтонъ въ тысячу разъ болѣе всѣхъ возможныхъ Наполеоновъ имѣетъ право на имя *великаго человека*. Только невѣжественная толпа, тушая чернь и жалкое суетумдіе преклоняютъ колѣни и обожествляютъ гнетущую ее наглую силу, отражающуюся на безсовѣстности, обманѣ, вѣроломствѣ

и злодѣйствѣ... Поймите дикарю фольгу и золото: онъ бросится на фольгу, потому-что она ярко блеститъ; покажите невѣждѣ бѣлый мраморъ Аполлона-Бельведерскаго и раскрашенную восковую куклу: онъ удивится куклѣ, но обратитъ вниманія на Аполлона. Увы! сколько такихъ дикарей и невѣждъ между такъ-называемыми умными, учеными, образованными и талантливыми людьми! Бойтесь, любовный поэтъ, попасть въ число этихъ людей, — и чтобъ избѣжать такого несчастья, отвращайтесь всего эффеитнаго, ватунаго, ложнаго, прізрачнаго! Будьте просты и скромны, радость предпочтите горю, веселіе — грусти, наслажденіе — страданію. Снесите все горькое мужественно и благородно, когда горе постигнетъ васъ, но не желайте, не ищите горя, подобно этимъ романтическимъ совамъ, который боится увидѣть свое достоинство *глубокихъ и высшихъ натуръ*, переставъ хоть на минуту морщиться и хныкать и предавшись веселому влеченію минуты. Смотрите на жизнь, какъ на наслажденіе, и умѣйте наслаждаться ею равно: тогда увидите вы, какъ прекрасна она, какъ много въ ней счастья и упоенія, и какъ жалки слѣпыя романтическіе клеветники жизни, которые все смотрятъ *куда-то туда*, сами не зная куда... И пусть руководятъ вами на пути жизни любовь, которая все прощаетъ, все очищаетъ, все облагораживаетъ и освящаетъ, — и смѣлый, свободный разумъ, который не боится мукъ сомнѣнія и, многимъ рискуя, много завоевываетъ для счастья... Тогда вы увидите, что можно хорошо прожить и безъ враговъ, и безъ завистниковъ, в чѣмъ безъ борьбы съ ними, вамъ будетъ чѣмъ наполнить свою жизнь, не дать очерствѣть чувству, погаснуть уму... Тогда, если вы будете поэтомъ, всѣяны ваши будутъ не только прекрасны, но и живительны, плодородны; а если и не будете поэтомъ — что жь! вы будете *человѣкомъ*, а это, право, стѣнитъ всякаго поэта...

31) Романы Вальтера Скотта. Том XV. Квентинъ Дорвардъ. Съ послѣдними примѣчаніями и прибавленіями автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію А. А. Краевского. Изданіе М. Д. Ольхина и К. П. Жернакова. Санктпетербургъ. 1845. Въ 8-ю д. л. XXVІІІ и 472 стр.

Когда, въ концѣ нынѣшняго года, выйдутъ въ свѣтъ романы: *Анжисарій*, *Айвенго* и *Гей-Меннеринъ*, которые вмѣстѣ съ *Квентиномъ Дорвардомъ* составятъ первый выпускъ издаванія романовъ Вальтера Скотта, мы поговоримъ подробно объ историческомъ романѣ и романахъ Вальтера Скотта вообще. Теперь же ограничимся только тѣмъ, что непосредственно относится къ издаванію этихъ романовъ, чтобъ дать публикѣ настоящее понятіе объ этомъ полезномъ и прекрасномъ предпріятіи гг. Ольхина и Жернакова. Но какъ все, относящееся къ этому предмету вполне высказано въ объявленіи, выданномъ издателями то мы, удерживаясь отъ всякихъ сужденій касательно достоинства выполненія этого предпріятія, считаемъ за лучшее напомнить читателямъ объявленіе, разосланное съ 6-ю книжкою «Отеч. Записокъ», и повторить здѣсь изъ него нѣсколько строкъ, сказанныхъ редакцію о самомъ переводѣ:

«Слѣдующимъ-самонадѣянно было бы выдвигать этотъ новый переводъ за окончательный; но можно сказать, что переводчики и редакция старались сдѣлать его сколько-можно-ближе къ подлиннику, ничего не опуская, ничего не прибавляя, сохраняя по возможности весь колоритъ, всю оригинальность его и заглавія подобозначащими русскими выраженіями такія только мѣста, которые рѣшительно-непереводимы, какъ народные вѣдомства, но всегда обозначая эти мѣста въ выводахъ. Такая близость къ подлиннику съ первого взгляда можетъ показаться для нѣмкихъ какъ-бы недостаткомъ: привыкнувъ читать Бальзака, Дюма, Сульбъ и другихъ объятельныхъ романистовъ,

пишущихъ полѣнно и получающихъ плату по вершкамъ, русскій читатель можетъ быть иногда недоволенъ длинотою періодовъ, дробностію описаній и вообще тяжеловатостію разсказа британскаго романиста; но это-то и составляетъ одно изъ рѣзкихъ отличій Вальтера Скотта отъ легкихъ французскихъ расказчиковъ, которыхъ можно перелистывать, часто пропуская по цѣлымъ страницамъ, безъ ущерба смысла и связи романа. У Вальтера Скотта все на своемъ мѣстѣ, все необходимо; нѣтъ ни одной лишней главы, ни одного лишняго описанія: попробуйте при чтеніи пропустить какія-нибудь подробности или отступленія — вы ослабите цѣлостность впечатлѣнія, которая составляетъ необходимую принадлежность всякаго художественнаго созданія. Вотъ почему при новомъ переводѣ тщательно старались сохранить все, что есть въ подлинникѣ, и не улетучивать иногда-тяжелей фразы автора, которая отъ-того потеряла бы свой цвѣтъ, свою оригинальность, что и встрѣчается безпрестанно у французскаго переводчика, г. Дефокопирѣ.

Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго англійскаго издаванія романовъ Вальтера Скотта, *со всеми примѣчаніями и прибавленіями автора*. Это издаваніе отличается тѣмъ, что оно полнѣе другихъ; авторъ сдѣлалъ въ немъ много поправокъ и измѣненій противъ прежнихъ изданій и означилъ эти поправки въ особыхъ выноскахъ, откровенно сознавался въ своихъ ошибкахъ, которыя были или имъ-самимъ замѣчены, или указаны ему другими.

Въ самой наружности русскаго издаванія принять за образецъ англійскій подлинникъ. Подобно этому подлиннику, оно будетъ состоять изъ 24-хъ томовъ; въ каждомъ томѣ (отъ 400 до 600 страницъ компактной печати въ большую восьмую долю листа) помѣстится одинъ полный романъ; въ иныхъ томахъ будетъ по два романа. Шрифтъ выбранъ чѣткій, и, не смотря на сжатость, необходимую для того, чтобъ издаваніе могло продаваться поумѣрен-

ной цѣнѣ, текстъ такъ же легко читать, какъ и въ другихъ книгахъ меньшаго объема. Эти 24 тома будутъ заключать въ себѣ слѣдующіе тридцать-одинъ романъ: *Ваверлей*, или *шестьдесятъ лѣтъ назадъ*. *Гей-Меннерингъ*, или *Астрологъ*. *Антикварій*. *Роб-Рой*. *Айвенго* (*Иванное*). *Черный Карло*. *Ольд-Морталити* (*Шотландскіе Пуритане*). *Сердце Мид-Лотіана*, или *Эдинбургская Темница*. *Лэммермурская Неявста*. *Легенда о Мокрозовъ*. *Графъ Робертъ-Парижскій*. *Опасный Замокъ*. *Монастырь*. *Аббатъ Кенильвортъ*. *Пиратъ*. *Приключенія Ниджелла*. *Квентинъ Дорвардъ*. *Поверилъ*. *Сем-Романскія Воды*. *Ред-шауплетъ* (*Красная-Перчатка*). *Обрученныя* (*Конетабль Честерскій*). *Талисманъ*. *Вудстокъ*. *Горская Вдова*. *Два Пастуха*. *Зеркало моей тетушки Маргариты*. *Комната съ обоями*. *Дочь Хирурга*. *Пертская Красавица*. *Анна Гейрштейнъ*.

• Изданіе предположено окончить въ шесть лѣтъ. Ежегодно будетъ выходить четыре тома, заключающіе въ себѣ отъ четырехъ до пяти романовъ. Хотя большая часть этихъ томовъ уже окончена переводомъ и готова къ печати, но редакция рѣшилась не спѣшить изданіемъ, чтобы сдѣлать его тщательнѣе, и думаетъ, что читатели оправдаютъ ее въ этомъ (*).

(*) Вообще, въ порядкѣ выпуска романовъ предположено не держаться хронологическаго порядка, въ какомъ они первоначально издавались самимъ авторомъ. Этотъ порядокъ сохранится означеніемъ томовъ на заглавныхъ листахъ и на оберткѣ. Сначала будутъ издаваемы романы наиболѣе-знакомые читателямъ по прежнимъ переводамъ. Такъ, напримѣръ, теперь готово уже въ переводѣ пятнадцать томовъ, и выпускается яшмадцатый томъ («Квентинъ Дорвардъ»), потомъ будетъ изданъ третій, второй томы, и т. д. Такъ-какъ каждый томъ заключаетъ въ себѣ отдѣльный романъ (иногда и два), то между ними нѣтъ никакой связи, и, по окончаніи всего изданія, читатель самъ, по цифрамъ, выставленнымъ на оберткахъ, удобно можетъ привести ихъ въ порядокъ на полкахъ своей библіотеки.

• Въ нынѣшнемъ 1845 году издавы будутъ «Квентинъ Дорвардъ», «Антикварій», «Айвенго» и «Гей-Меннерингъ».

• Поступилъ въ продажу: «Квентинъ Дорвардъ».

• «Антикварій» выйдетъ изъ печати въ іюлѣ, «Айвенго» въ октябрѣ, «Гей-Меннерингъ» въ декабрѣ нынѣшняго года.

• Нежелая объявлять подписку вдругъ на всѣ 24 тома, издатели объявляютъ ее на четыре тома въ годъ. Подписная цѣна за всѣ четыре тома семь рублей серебромъ безъ пересылки. Сверхъ-того, можно покупать каждый отдѣльно; цѣна за каждый отдѣльный томъ два рубля серебромъ, безъ пересылки же. Въ-совыхъ прилагается за 2 фута за каждый томъ.

222) Сибирскій Сборникъ. Историческая часть. Томъ I. Москва. 1845. Въ тѣм. А. Семѣна. Въ 6. 8-ю д. л. 720 стр.

Подъ этимъ заглавіемъ вышла изъ Москвы первая часть сборника матеріаловъ для исторіи и внутренняго быта древней, до-петровской Россіи. Изъ предисловія видно, что одинъ изъ любителей русской старины, нѣстившій въ 1837 году Сибирскъ, подалъ издателѣмъ «Сборника», гг. Языковымъ, Хомякову и Валуеву мысль разобрать архивы дворянъ Сибирской-Губерніи. Многіе изъ нихъ охотно на это согласились, и одинъ поверхностный пересмотръ нѣкоторыхъ частныхъ архивовъ заставилъ издателей рѣшиться собрать важнѣйшіе изъ открытыхъ въ нихъ документовъ и напечатать ихъ подъ названіемъ *Сибирскаго Сборника*. Въ-послѣдствіи, предпріятіе расширилось. Редакторы приобрѣли много важныхъ рукописей. Другіе, болѣею частью тоже жители или уроженцы Сибирской-Губерніи, предложили свои архивы и бумаги, въ томъ числѣ г. Тургеневъ, извѣстный собиратель актовъ, относящихся къ русской исторіи въ государственныхъ архивахъ Европы. Извѣстные знатоки рус-

ских древностей, А. Д. Чертковъ, И. М. Снегиревъ и князь М. А. Оболенскій, начальникъ Архива Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ, предложили редакторамъ свое содѣйствіе и открыли имъ богатыя бібліотеки, находящіяся въ ихъ распоряженіи. Словомъ, съ накопленіемъ матеріаловъ въ рукахъ редакторовъ, первоначальная мысль и самый планъ сборника должны были измѣниться. Изъ сборника оляхъ актовъ и документовъ, хранящихся въ нѣкоторыхъ частныхъ архивахъ Симбирской-Губерніи, какимъ онъ долженъ былъ быть по первоначальному намѣренію редакторовъ, онъ обратился въ сборникъ всякаго рода важныхъ и интересныхъ документовъ по древней русской исторіи, которые только достались въ руки издателей, и потому по всей справедливости могъ бы носить болѣе общее заглавіе, какъ на-пр. *Сборникъ матеріаловъ для древней русской исторіи*, или другое. Но редакторы, потому ли, что они сами Сибиряки, или потому что первая мысль объ изданіи сборника родилась въ-слѣдствіе разбора нѣкоторыхъ частныхъ архивовъ Симбирской-Губерніи, или по другимъ какимъ либо основаніямъ,—оставили за нимъ названіе *Симбирскаго Сборника* и посвятили его памяти *Н. М. Карамзина*, какъ извѣстно, уроженца Симбирской-Губерніи.

Изъ короткаго перечня однихъ главнѣйшихъ матеріаловъ видно, что въ рукахъ редакторовъ находятся рукописи и документы, весьма-любопытныя и важныя для древней русской исторіи; такъ, на-примѣръ, нѣсколько сказаній о важнѣйшихъ событіяхъ древней Руси: о взятіи Астрахани, объ азовскомъ осадномъ сидѣніи, о царствованіи Бориса Годунова, о Дмитріи Самозванцѣ, о стрѣлецкихъ бунтахъ, о публичныхъ богословскихъ спорахъ старообрядцевъ съ патріархомъ Іоакимомъ; нѣсколько хронографовъ; восемь списковъ казанскаго лѣтописца, краткое описаніе Малороссіи съ XIV во XVIII вѣкъ; описки городовъ меж-

ду собою во время междоцарствія, — важное собраніе актовъ, служащихъ дополненіемъ къ другому собранію ихъ, помѣщенному во второмъ томѣ «Историческихъ Актовъ», изданныхъ Археографическою Коммиссіею; сошное письмо, и т. д. Изъ документовъ, относящихся къ исторіи новой Россіи—письма Петра-Великаго къ азовскому губернатору И. А. Толстому и адмиралтействъ совѣтнику А. В. Кикину. Наконецъ, въ составъ того же собранія входитъ до восьми-сотъ юридическихъ актовъ, болѣею частію относящихся къ XVII вѣку. Они служатъ поясненіемъ внутренняго управленія и быта Россіи въ эту эпоху, и будутъ тоже отпечатаны въ сборникѣ.

Всѣ эти и другіе матеріалы издатели раздѣлили слѣдующимъ образомъ: на *историческіе* въ тѣсномъ смыслѣ; *юридическіе*, относящіеся къ законодательству и управленію; *бытовые*, объясняющіе домашнюю жизнь, нравы и обычаи древней Россіи; *мѣстные* — касающіеся собственно до Симбирской и сосѣднихъ съ нею губерній. Въ видѣ особеннаго отдѣла, или дополненія къ «Сборнику», должны быть изданы документы и матеріалы, сообщенные г. Тургеневымъ, подъ названіемъ *бумагъ тургеневскихъ*. Онѣ не распределены по другимъ отдѣламъ, къ которымъ могли и должны бы относиться, по желанію самого г. Тургенева. Наконецъ, въ составъ «Сборника» предположено ввести и народныя пѣсни и древніе стихи, собранные издателемъ, если замедлится изданіе богатаго собранія народныхъ пѣсень, принадлежащаго П. В. Кирѣевскому.

Первый вышедшій теперь томъ «Сборника» посвященъ историческому отдѣлу матеріаловъ. Въ него вошли: *Разрядная Книга*, обнимающая разряды отъ 1559 до 1602 года; *Родословная Роспись рода Кикиныхъ* и приложенныя къ ней указы и грамоты воеводѣ И. Ѳ. и стольнику В. П. Кикинымъ; наконецъ, собраніе отписокъ или донесеній кievскаго воеводы князя Ю. П. Трубецкаго съ товарищи къ царю Але-

ксію Михайловичу за 1673—1674 годъ, подъ названіемъ *малороссійскихъ дѣлъ*. Изъ этого видно, что въ первый томъ «Сборника» далеко не вошли всѣ историческіе матеріалы, находящіеся въ распоряженіи редакторовъ, и за этимъ выйдетъ еще нѣсколько томовъ, относящихся къ тому же историческому отдѣлу.

Разрядною книгою начинается сборникъ. Что значили разряды — всѣмъ извѣстно. При назначеніи чиновниковъ или служилыхъ людей въ военную или гражданскую или прилворную службу, дѣлалась роспись или распорядокъ, кто и какое именно мѣсто долженъ былъ занимать. Такія росписи, или распорядки, назывались *разрядами* (отъ *разъ-рэдить*). Важная роль, которую играло въ древней Россіи родовое старшинство, придавала разрядамъ двойное значеніе. Они не только были запиской извѣстнаго рода административныхъ распоряженій правительства, и, слѣдственно, документомъ чисто-историческимъ, но, вмѣстѣ съ *родословцами*, или *родословными росписями*, служили въ до-петровской Россіи документомъ, на которомъ основывались мѣстничавшіеся въ спорахъ о старшинствѣ родовомъ и служебномъ. По этому вѣроятно, что списковъ разрядныхъ книгъ въ древней Россіи было множество. Но когда царь Θεодоръ Алексѣевичъ рѣшился искоренить навсегда мѣстническіе споры (въ 1682 году), всѣ разрядныя книги и мѣстническія дѣла были сожжены, и всѣмъ вмѣнено въ обязанность прислать въ Разрядный Приказъ такіа дѣла и книги, подъ страхомъ тяжкаго церковнаго запрещенія и государскаго гнѣва. Съ того времени разрядныя книги стали рѣдки, потому-что практическое значеніе свое онѣ утратили, а историческими памятниками мы никогда очень не дорожили. Между-тѣмъ, важность разрядныхъ книгъ для исторіи древней Россіи неоспорима. Не говоря уже о служебномъ и придворномъ распорядкѣ, который въ нихъ всегда обозначался съ точностью, въ нихъ записывались

или, правильнѣе, обозначались истинныя историческіе споры, и нерѣдко выписались слово-въ-слово царскія рѣшенія по мѣстническимъ дѣламъ. Такимъ образомъ разрядныя книги становятся однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ для изученія исторіи нашего древняго дворянства, службы и мѣстничества — этого страннаго, досихъ-поръ не совсѣмъ-разгаданнаго явленія, исключительно принадлежащаго русской жизни и русской исторіи. Къ-сожалѣнію, этотъ источникъ еще мало обработанъ. Своднаго изданія разрядныхъ книгъ мы не имѣемъ, хотя едва-ли можно будетъ въ послѣдствіи обойтись безъ него. Первый издалъ разрядныя книги временъ Михаила Θεодоровича и Алексія Михайловича Миллеръ въ 1769 году, подъ названіемъ *Повседневныхъ Записокъ*. Онѣ обнимаютъ періодъ времени отъ 1632 до 1635 года. По остроумному замѣчанію одного изъ редакторовъ «Сибирскаго Сборника», такое заглавіе дано разряднымъ книгамъ вѣроятно потому, что время ихъ изданія было еще слишкомъ-близко ко времени уничтоженія мѣстничества; ибо мы знаемъ, что, не смотря на соборное дѣяніе Θεодора Алексѣевича, мѣстничество мало въ обычай долго и послѣ него, и даже при Петрѣ-Великомъ, въ 1719 году, еще мѣстничались между собою члены коллегій. Самое *Росписаніе, какъ кому за кѣмъ въ губерніи слѣдовать въ торжественныя собранія, составляющее послѣднюю статью «Учрежденія для Управленія Губерній»*, изданнаго въ 1775 году, можетъ-быть, было отголоскомъ прежнихъ временъ. — Потомъ напечатаны были разрядныя книги уже подъ собственнымъ ихъ названіемъ въ «Древней Россійской Вивліюнкѣ» Новикова, въ XIII и XIV томахъ. Онѣ простираются отъ 1536 до 1574 и отъ 1576 до 1586 (въ «Сибирскомъ Сборникѣ» ошибкою напечатано до 1786). Вотъ и все, вслѣдствіе отрывковъ изъ разрядныхъ книгъ, разбросанныхъ въ «Примѣчаніяхъ» къ «Исторіи Государства Россійскаго» Ка-

разница, у Щербатова, и другихъ сочиненій и сборникахъ матеріаловъ для русской исторіи. Такимъ-образомъ, редакторы «Синбирскаго Сборника» оказали важную услугу для изучающихъ русскія древности изданіемъ разрядной книги. Оно—третье изъ напечатанныхъ, которыя мы имѣемъ. Во-первыхъ, она важна какъ вариантъ къ новиковскимъ, для тѣхъ же годовъ, и, сверхъ-того, заключаетъ въ себѣ множество новыхъ мѣстническихъ случаевъ и интересныхъ царскихъ грамотъ по счетнымъ дѣламъ, которыхъ почти нѣтъ въ новиковскихъ разрядахъ. Во-вторыхъ, она заключаетъ въ себѣ 12 лѣтъ лишнихъ, которыя еще ни разу не были вполне отпечатаны, и въ этомъ отношеніи разрядная «Синбирскаго Сборника» представляетъ новый матеріалъ для изученія службы и мѣстничества древней Россіи. Во введеніи къ разрядной (заключающемъ въ себѣ 174 страницъ) представлено сравненіе ея съ новиковскими разрядами и подробная библіографія по мѣстничеству, службѣ и исторіи дворянства въ древней Россіи. Эта библіографическая статья составлена чрезвычайно тщательно. Всѣ напечатанные доселѣ источники по этимъ предметамъ, хотя въ отрывкахъ, всѣ сочиненія исчислены и указаны съ необходимою рѣдкою у насъ добросовѣстностью. Слѣло можно сказать, что подобной библіографіи мы не имѣемъ еще ни по одной части русской исторіи: отъ-того, между прочимъ, и идетъ изученіе ея такъ медленно, результаты, вообще говоря, такъ ничтожны, такъ неокончательны; мы не знаемъ, чтд имѣемъ и чего намъ не достаетъ еще. Впрочемъ, одинъ пропускъ, и довольно-важный, замѣтили мы въ исчисленіи источниковъ по мѣстничеству: не упомянуто сочиненіе Котоштина: «Россія въ Царствованіе Алексіа Михайловича». Это вѣроятно сдѣлалось по недосмотру, потому-что на это сочиненіе находимъ частыя ссылки во «Введеніи». Всю остальную, самую большую часть «Введенія» (отъ 31 стр. до 174; всего 143 страницъ) напол-

няютъ комментаріи на разрядную, помѣщенную въ «Сборникѣ». Въ немъ разобраны подробно всѣ мѣстническіе случаи, которые въ ней встрѣчаются.—Подъ скромнымъ названіемъ разбора или толкованій, эта часть «Введенія» заключаетъ въ себѣ, конечно, не въ стройной системѣ, а въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и замѣткахъ, полную картину мѣстничества, чрезъ всѣ періоды его развитія. Кто сколько-нибудь занимался древней русской исторіей, тому извѣстно, что мѣстничество представляетъ въ ней такое явленіе, къ которому, прямо или косвенно, приываютъ почти всѣ прочія. Въмѣстѣ съ нимъ разрушено и упразднено было начало жизни и быта древней Руси, изъ котораго оно развилось, и котораго было послѣднимъ, если можно такъ выразиться, юридическимъ представителемъ. Это придаетъ мѣстничеству чрезвычайную-важную значеніе. Между-тѣмъ оно-то именно и было очень-мало разработано. Въ-слѣдствіе похвальной манеры заниматься до-варяжскимъ и варяжскимъ періодами нашей исторіи, мы болѣе нежели подробно и обстоятельно знаемъ бытъ Россіи IX и X вѣка, очень-мало въ послѣдующее время, и чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ менѣе,—такъ-что, на-примѣръ, для исторіи законодательства со временъ реформы Петра-Великаго, мы не имѣемъ ни одного, даже плохаго учебника, тогда-какъ изъ сочиненій по «Русской Правдѣ» можно составить небольшую, а изъ сочиненій о происхожденіи Варяговъ-Руси очень-порядочную бібліотеку. Омѣстничествѣ написаны были всего три небольшія статьи: г. *Карецкимъ*, въ «Вѣстникѣ Европы», г. *Ивановымъ* и г. *Погодинымъ* въ «Русскомъ Историческомъ Сборникѣ». Особенной важности онѣ не представляютъ, ограничиваясь однимъ поверхностнымъ указаніемъ на начала и ходъ мѣстничества. Замѣчательно, что г. Ивановъ, первый положившій твердое историческое основаніе изученію мѣстничества открытіемъ и собраніемъ множества такъ-называемыхъ *счетныхъ* или мѣ-

стническихъ дѣлъ, дотоѣ почти-неизвѣстныхъ, — что именно онъ смотритъ на мѣстничество совершенно *неисторически*, называя его гибельнымъ предрасудкомъ. Такимъ, дѣйствительно, было мѣстничество въ послѣдній періодъ своего существованія, что, однако, вовсе не мѣшаетъ ему имѣть важное историческое значеніе. Истина въ наукѣ давно избитая, но, къ-сожалѣнію, до-сихъ-поръ у насъ не совсѣмъ-старая, что всякое сколько-нибудь замѣчательное историческое явленіе должно быть разсматриваемо сперва съ исторической точки, должна быть поята его временная необходимость и важность, а потомъ уже обсуждено съ той высшей точки, которую необходимо приносить съ собою время и высшая степень развитія. Въ отдѣльности взятыя обѣ точки зрѣнія равно односторонни и ложны: первая заставляетъ цѣнить фактъ слишкомъ-высоко, болѣе, нежели чего онъ стѣитъ; вторая часто мѣшаетъ цѣнить его въ мѣру. Сочинитель комментарія на разрядную (г. Валуевъ) пополнилъ своими изслѣдованіями важный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ. Не ограничиваясь издавными доселѣ источниками мѣстничества, разсѣянными во множествѣ книгъ, онъ изучилъ, какъ видно, очень-подробно, рукописныя разрядныя, хранящіяся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, сличалъ ихъ съ своей разрядной, и дошелъ до множества совершенно-новыхъ, въ высокой степени интересныхъ результатовъ относительно мѣстничества. Важнѣйшіе въ немъ вопросы разрѣшены съ рѣдкимъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью. Каждое положеніе подтверждено ссылками на источники и выписками изъ нихъ. Вообще эта статья — трудъ ученый, дѣльный и основательный, если не вполне исчерпавшій предметъ, то по крайней-мѣрѣ мало оставившій будущимъ изслѣдователямъ сказать совершенно-новаго. Жаль только, что сочинитель ограничился объясненіемъ одной своей разрядной. Если специальное

назначеніе изслѣдованій чрезъ это перешло бы свои границы, то въ замѣтъ выиграла бы наука. Впрочемъ, мы надѣемся, что этотъ недостатокъ будетъ со-временемъ восполненъ. Во многихъ мѣстахъ «Введенія» и наконецъ въ выноскѣ на послѣдней страницѣ, авторъ общаетъ въ-послѣдствіи издать отдѣльное сочиненіе объ историческомъ развитіи мѣстничества, его системѣ и общихъ началахъ. Судя по образчику, который представляютъ изслѣдованія, помѣщенные въ «Сборникѣ», мы въ правѣ ожидать очень-многого. Языкъ толкованій вообще нехорошъ, мѣстами даже дуренъ и неправиленъ. Въ некоторыхъ періодахъ трудно читать въ смыслъ: до того они длинны, запутаны, обременены вставочными предложеніями и вводными фразами. Конечно, этотъ недостатокъ оправдывается отчасти новостью, многосложностью и запутанностью самаго предмета (какъ и замѣчаетъ самъ авторъ), — формой комментарія, которую угодно было ему издать своимъ изслѣдованіемъ, отчасти тѣмъ, что конечно эта статья не назначалась для большинства читающей публики; однакожъ мы надѣемся, что почтенный авторъ воспользуется этимъ замѣчаніемъ при будущихъ ученыхъ работахъ своихъ.

Вотъ, что мы считали нужнымъ сказать здѣсь касательно изслѣдованій г. Валуева о мѣстничествѣ. Предметъ ихъ такъ важенъ и изложенъ такъ основательно, что мы намѣрены помѣстить объ нихъ, въ другомъ отдѣлѣ журнала, особенную статью, въ которой представимъ выводы автора и наше мнѣніе о мѣстничествѣ.

Вторую часть «Сибирскаго Сборника» составляютъ, какъ мы уже сказали, акты и документы, относящіеся къ роду Кикиныхъ, а именно выписки изъ боярскихъ книгъ о помѣстныхъ овладахъ, о чинахъ ихъ предковъ, родословная роспись, поданная Кикиными въ Разрядный Приказъ, и наконецъ двадцать-восемь грамматъ и наказовъ, приложенные къ родословной въ яв-

дѣ доказательствъ. Всѣ эти докумен-
ты вошли въ составъ справки, взятой
въ Архивѣ бывшаго Разряднаго При-
каза въ 1788 году отставнымъ се-
гунд-майоромъ Андреемъ Ивановичемъ
Кикинымъ и въ этомъ видѣ отпе-
чатаы, безъ малѣйшихъ измѣненій.
Не представляя особенной важности
и юридическомъ отношеніи, вопреки
вѣнью редактора, написавшаго къ
нимъ небольшое предисловіе, эти до-
кументы заключаютъ въ себѣ инте-
ресныя историческія указанія на от-
ношенія московскихъ государей и
правительства къ Малороссіи въ цар-
ствованіе Алексія Михайловича. Сюда
относятся, въ третью отдѣлъ, справ-
ки, грамматы и наказы подъ №№ 12—
16, 18—21, 24, 26, 27. Всѣ эти грам-
маты и наказы (послѣднихъ числомъ
десять) давы столынику Василью Пет-
ровичу Кикину, котораго царь, въ раз-
ныя времена, посылалъ съ порученіями
въ кievскій полкъ, вѣсколько разъ къ
гетману Богдану Хмильницкому въ
обозъ къ запорожскому войску, къ
гетману запорожскаго войска Ивану
Выговскому, къ кошевому атаману за-
порожскаго войска Ивану Брюховецко-
му, в др. Не лишены также инте-
реса родословная роспись Кикиныхъ,
служащая матеріаломъ для исторіи
русскаго дворянства и службы въ мо-
сковскую эпоху, — и два наказа воево-
дѣ Ивану Федоровичу Кикину о бы-
тіи на государевѣхъ службѣхъ воеводою въ
Крапивнѣ (№ 7) и Козловѣ (№ 10).
Послѣдніе два наказа служатъ допол-
неніемъ къ наказамъ городovýmъ вое-
водамъ, помѣщеннымъ въ изданіяхъ
Археографической Комисіи, и заклю-
чаютъ въ себѣ любопытныя указанія
объ устройствѣ и управленіи русскіхъ
городовъ въ половинѣ XVII вѣка.
Этимъ бумагамъ изъ архива Кики-
ныхъ предпослано небольшое пре-
дисловіе, составленное очень-отчетливо
и добросовѣстно. Въ немъ изложено
вразѣхъ содержаніе бумагъ, указаны
тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ
особенную важность, даже обращено
вниманіе на отдѣльныя слова и выраже-

нія, новыя, или почему-либо замѣча-
тельныя. Со всѣми замѣтками автора,
относящимися къ бытію древней Россіи,
нельзя однако согласиться. Подробный
разборъ ихъ здѣсь былъ бы неужь-
стенъ. О тѣхъ изъ нихъ, которыя
прямо или косвенно относятся къ мѣ-
стничеству, мы скажемъ въ критиче-
скомъ разборѣ «Введенія» къ разря-
дной книгѣ.

Собраніе Отписокъ или Донесеній
киевскаго воеводы, князя Юрія Петро-
вича Трубецкаго къ Царю Алексѣю
Михайловичу за 1673 — 1674 годъ,
заключаетъ первый томъ «Сибир-
скаго Сборника». Это собраніе носитъ
общее названіе *Малороссійскихъ дѣлъ* —
не вымышленное редакторами, а най-
денное ими въ подлинной рукописной
книгѣ, заключающей въ себѣ отписки,
и очевидно современное имъ. Почему
придано имъ это названіе — трудно
опредѣлить: можетъ-быть, потому, что
отписки эти посылались въ Малорос-
сійскій Приказъ, или потому, что онѣ
имѣли предметомъ почти-исключи-
тельно одни дѣла Малороссіи, или на-
конецъ, потому, что они посылались
изъ Кіева, принадлежавшаго къ Мало-
россіи. — Не останавливаясь надъ объ-
ясненіемъ названія, перейдемъ къ обзор-
у самаго содержанія этихъ отписокъ.
Ихъ всего 198. Относятся онѣ, какъ
мы сказали, къ 1673 — 1674 году, по
тогдашнему лѣтосчисленію съ сентября
мѣсяца. По содержанію, языку и вре-
мени, въ которое онѣ писаны, онѣ
очень-любопытны и если не состав-
ляютъ сами-по-себѣ важнаго источни-
ка, то, какъ источникъ вспомогаель-
ный, необходимы для изучающаго
исторію Малороссіи въ эту эпоху.
Важность и цѣну этого собранія умень-
шаетъ то, что въ немъ нѣтъ царскихъ
грамматъ въ отвѣтъ на эти отписки, или
на которыя онѣ служили отвѣтомъ.
Предметъ ихъ составляютъ вообще
содержаніе и комплектованіе войскъ
въ Кіевѣ, вѣкоторыя отдѣльныя адми-
нистративныя, полицейскія и частью
финансовыя распоряженія; главное —
лѣтсм о происшествіяхъ въ сопре-

дѣльныхъ съ Киевскою Областію зем-
ляхъ—Малороссіи, Польшѣ, Турціи,
землѣ Володской и др., добываемыя
посредствомъ разспросовъ туземцевъ и
иностранцевъ, прѣбывавшихъ въ Кіевѣ;
накопецъ дипломатическія сношенія.
Къ большей части этихъ отписокъ
приложены «распросныя рѣчи», или
показанія, челобитныя стрѣльцевъ,
казаковъ и пр. и письма. Нѣкоторыя
изъ послѣднихъ очень-любопытны и
важны; ибо въ числѣ ихъ мы находимъ
письма короннаго гетмана Яна Собѣс-
скаго (польскаго короля Яна III), кня-
зя Дмитрія Вишневецкаго, литовскаго
гетмана Паца, королевскаго гетмана
Михаила Ханенка, царскаго гетмана
Ивана Самойловича, чигиринскаго
митрополита Юсіа Тукальскаго, гет-
мана Петра Дорошенка, князя Ми-
хаила Радзивила, турецкаго султана и
другихъ. Особенно-интересны эти
письма и отписки по времени, къ ко-
торому онѣ относятся. Незадолго пе-
редъ 1673 годомъ, въ Малороссіи, при-
соединившейся къ Россіи, избранъ
былъ гетманомъ генеральный судья
Иванъ Самойловичъ, преемникъ Демья-
на-Многогрѣшнаго. Въ сѣверозападной
части ея, королевскимъ гетманомъ
былъ Михаилъ Ханенко, а въ югоза-
падной Петръ Дорошенко. Кіевъ, по
андрусовскому договору, принадле-
жалъ уже Россіи. Въ продолженіе 1673
года возникла война между Польшею
и Турціею. Турки были разбиты на
голову при Хотинѣ Яномъ Собѣскимъ,
который послѣ этой побѣды былъ
избранъ въ короли польскіе. Въ Мало-
россіи, въ томъ же году, совершилось
важное событіе: Западная Украина или
Малороссія присоединилась къ Рос-
сіи. Ханенко отказался отъ гетман-
ства, и на его мѣсто былъ избранъ Са-
мойловичъ. Только Дорошенко дер-
жался съ помощью Татаръ, Крымцевъ
и Турковъ. И такъ, эта эпоха была для
Малороссіи рѣшительная. — Языкъ
отписокъ различенъ. Одиѣ, а имен-
но писанныя Кикинымъ, Трубецкимъ и
заключающія въ себѣ разспросныя рѣ-
чи и челобитныя служивыхъ людей,

писаны на великороссійскомъ нарѣчій
того времени; другія на южно-рус-
скомъ, наконецъ третья на чисто-поль-
скомъ языкѣ, только русскими буква-
ми. Къ грамматамъ и письмамъ этого
послѣдняго разряда приложены пере-
воды для облегченія читателей. Какъ
къ двумъ первымъ отдѣламъ «Сборни-
ка», такъ и къ собранію отписокъ, при-
соединено небольшое объяснительное
предисловіе, которое, неизвестно по-
чему, издатели называютъ *введеніемъ*.
Оно составлено такъ же добросовѣтно
и такъ же отчетливо, какъ и предыду-
щія, также неправильно назван-
ныя введеніями. Все особенно-замѣча-
тельное въ отпискахъ указано. Изъ
составлено подробное оглавленіе, при-
чемъ принята въ соображеніе подлин-
ная роспись, приложенная къ руко-
писной книгѣ отписокъ, и подробно
означено, какихъ актовъ и документовъ
не достааетъ, и наоборотъ, какіе не
показаны въ рукописномъ оглавленіи.
Далѣе, довольно-подробно изложены
историческія событія въ Малороссіи
за 1673—1674 голы, по Бантышъ-Ка-
менскому и Маркевичу, для облегченія
читателей, мало-знакомыхъ съ исторіею
того края. Въ этомъ предисловіи, какъ
и въ предъидущемъ, встрѣчаются за-
мѣчанія, относящіяся вообще къ исто-
ріи и быту Россіи и другихъ славян-
скихъ племенъ; нѣкоторыя изъ нихъ
очень-страшны и поражаютъ своею
натянутостью. Выписываемъ одно изъ
нихъ, на страницѣ 21-й, изъ Введенія
къ малороссійскимъ дѣламъ: «Особен-
но же замѣчательно и важно не толь-
ко въ отношеніи языка, но, какъ
фактъ историческій, то, что Польскіе
начальники переписывались съ Рус-
скимъ воеводой и намѣстникомъ на
чистомъ Польскомъ языкѣ, только
Русскими буквами; слѣдовательно,
Русскій воевода и его подчиненные
безъ всякаго затрудненія понимали
Поляковъ на ихъ собственномъ языкѣ.
Служила же препятствіемъ одна Ла-
тинская азбука, а не самый языкъ, и
равдѣляли два племна (?) въ сношеніяхъ
политическихъ и общественныхъ»

болше неизвѣданіе, Церковь Латинская, которая принесла съ собою и Латинскую азбуку, а не рѣчь. Конечно Русскій уже тогда могъ если и не вполне понимать Поляка, въ быстрой разговорной рѣчи, но та же самая рѣчь, написанная на бумагѣ и его азбукой, не смотря на всю разность произношенія и другія отличія, была для него совершенно понятна, и онъ легко и самоучкой могъ ее разуть и на нее отвѣчать. Любопытство было бы знать, что заставляло Польскихъ чиновниковъ такую уступчивость съ ихъ стороны, и еще любознательнѣе, отвѣчали ли Русскіе своимъ современникамъ такую же Славянсканъ взаимностью?

А вотъ и другое, въ такомъ же родѣ, на той же страницѣ: «Сверхъ того, между Польскими грамотами встрѣчаются и такія, которыя писаны иѣшавымъ языкомъ польскимъ съ Латинскимъ, бывшимъ въ то время въ общемъ ходу въ Польшѣ, и уже тогда предвѣщавшимъ близкій упадокъ языка и словесности. Стоитъ только въ нашихъ грамотахъ переписать Латинскія слова Латинскими буквами, и тогда мы получимъ ту же варварскую Латинь, съ прииѣсью народнаго влеченія, которою писала до самаго конца XVII столѣтія вся Западная Европа. Наши современники Поляки лишь довели тоже самое до его крайней нечеловѣчности, и тѣмъ только можетъ быть спасли насъ отъ полнаго воспроизведенія тѣхъ же явленій въ нашей словесности и обществѣ. Какъ и во столькоиъ другомъ, они намъ передали уроки опытности, купленной ими дорогою цѣною, и которая намъ достается даромъ—остается только воспользоваться.»

Прочитай эти строки, подумаешь, право, что общіе законы развитія не существовали и не существуютъ для славянскихъ племенъ! Великороссіянитъ не вдругъ понимаетъ Малороссіянина, а въ царствованіе Алексія Михайловича, Русскій легко понималъ Поляка! Да и съ чего вздѣлъ сочинитель

предисловія, что польскіе начальники переписывались съ Трубецкимъ на польскомъ языкѣ *только русскими буквами*? Не надобно забывать, что въ отпискахъ мы имѣемъ копін съ подлинныхъ актовъ, посланныхъ въ Москву, составленныхъ подъячими въ канцеляріи или избѣ кievскаго воеводы. Допустивъ такое предположеніе, я не вижу никакой причины предположить, на-примѣръ, что татарскіе князьки, дававшіе по себѣ шертныя записи московскимъ государямъ, знали по-русски такъ же хорошо, какъ дяки, потому-что записи эти писаны на чистовеликороссійскомъ нарѣчій. Богъ-знаетъ, чего еще нельзя предположить такимъ-образомъ! Наводненіе польскаго языка латинскими словами есть фактъ, повторившійся подъ другими формами у всѣхъ народовъ, которыхъ исторія представляетъ развитіе, прогрессивное движеніе, а не китайскую неподвижность. Намъ нечего въ этомъ отношеніи пользоваться чужою опытностію, ибо мы успѣли уже воспользоваться своею, приобретенною въ періодѣ реформы. Да и вообще можно ли, и въ какой степени можно воспользоваться чужою опытностію, не пройдя чрезъ свою? — вопросъ еще далеко неразрѣшенный...

Скажемъ, наконецъ, нѣсколько словъ о «Сборникѣ» вообще. Изданіе хорошо, даже красиво. Мѣстами встрѣчаются, однако, опечатки. Такъ, на-примѣръ, на стр. 43 разрядной книги: *Микамль*, вмѣсто *Михамль*, *Ромомовъ*, вмѣсто *Романовъ*; на стр. 3 книжныхъ бумагъ: *города державецъ*, вмѣсто *горододержавецъ*, стр. 9: *писару*, вмѣсто *писарю*; стр. 20: *со всѣми* и *годъи*, вмѣсто *со всѣми* и *угодыи*; стр. 67 *малоросійскихъ дѣлъ: ес лм.* вмѣсто *если*; стр. 70: *ѣѣ* (55) вмѣсто *65*; *рѣд* (164), вмѣсто *рѣд* (164); стр. 71: *бууетъ*, вмѣсто *будетъ*, и пр. Да не сочтутъ издатели пустою придиричивостію, что мы указываемъ на эти ошибки. Мы нисколько не хотимъ придать имъ той важности, которой онѣ вовсе

не имѣютъ, но не можемъ не пожелать, чтобъ ихъ не было въ слѣдующихъ томахъ «Сборника», потому что въ текстѣ источниковъ онѣ не должны встрѣчаться. Образцомъ и доказательствомъ могутъ служить издавія Археологической Комиссіи. — По заглавному листу «Сборника» тогчасъ видно, что издателя не только по дѣлу, но и по духу антикваріи. Этотъ листъ отпечатанъ славянскими буквами, первая строка — красная. «Сибирскій», вмѣсто Сибирскій, поставлено не по ошибкѣ. Редакторы входятъ въ предисловіи, въ подробныя разсужденія о томъ, почему они пишутъ такъ, а не иначе. Мнѣ сто м, по ихъ мнѣнію — нововведеніе подлѣ вліяніемъ французскаго языка, и потому отвергнуто... Послѣ заглавія находимъ мы, на томъ же заглавномъ листѣ, преплохое лубочное изображеніе русскаго города XVII вѣка, и подлѣ нимъ славянскими же буквами: *градъ Сибирскъ славный и похвальный ерестолни отъ Московскій чрезъ володы меръ ѿ верствъ*. Подлинникъ этой невѣщной виньетки сообщенъ нашимъ извѣстнымъ археологомъ И. М. Снегиревымъ. Наконецъ, слово *Москва* опять отпечатано красными чернилами, и по дѣлю руку отъ него стоитъ годъ отъ созданія міра, а по правую годъ отъ Рождества Христова — оба славянскими и арабскими цифрами. Страсть къ славянской нумераціи въ издателяхъ такъ велика, что всѣ введенія перенумерованы славянскими литерами. Въ этомъ предпочтеніи древне-славянскаго, или пожалуй древне-русскаго тенерешнему гражданскому шрифту и нумераціи нельзя не замѣтить увлеченія; ибо если разсматривать его какъ дѣло вкуса, то оно не выдержитъ критики; особеннаго удобства для читателей старое лѣтосчисленіе и нумерація славянскими буквами тоже не представляютъ. Если же эта особенность выражаетъ чисто-антикварное направленіе издателей, то да будетъ позволено намъ высказать о немъ искренно свое мнѣніе. Время такого направленія не только для всей Евро-

пы, но и для насъ уже давно прошло. Его смѣнило направленіе историческое, или, правильнѣе, философско-историческое, которое отыскиваетъ находить единство и послѣдовательность развитія въ разнообразнѣйшихъ событіяхъ, отдаленнѣйшихъ между собою эпохахъ, и въ прошедшемъ рглядываетъ настоящее, а въ настоящемъ прошедшее. Время противолжностей въ наукѣ миновало безвратно. Поэтому, стремленіе статьи ключательно на точку зрѣнія такою того періода или эпохи исторіи и называть къ жизни извѣстное время всѣми его чисто-историческими, временными явленіями и случайностями кажется намъ несправедливымъ и ложнымъ. Прошедшее, проведенное свѣтло критикой послѣдующей эпохи, сохраняется для него въ послѣднихъ окончательныхъ результатахъ, а не во все непосредственности животрепещущаго быта. Въ этой формѣ оно бессознательно присуще въ жизни; сознательны — въ наукѣ, въ видѣ логической формулы. Всякое другое существованіе прошедшаго — невозможно; попытки возвратить его безплодны, несуществимы и бесполезны.

Всякія похвалы такому предпріятію, какъ «Сибирскій Сборникъ», мы считаемъ малыми и неумѣстными. Дѣло громко говоритъ само за себя. Мысль издавать венапечатанные доселѣ важнѣйшіе матеріалы древней русскаго исторіи заслуживаетъ полную благодарность. Отъ всей души желаемъ издателямъ совершеннаго успѣха въ ихъ полезномъ предпріятіи. Надѣемся, что слѣдующіе томы «Сборника» не замедлятъ появленіемъ свѣтъ; перечень матеріаловъ, находящихся въ рукахъ у издателей, заставляетъ насъ ожидать выхода этихъ томовъ съ нетерпѣніемъ.

223) Лексикология Русскаго Языка. Критическія изслѣдованія А. С. Студитскаго. Москва. Въ университетской типографіи. 1845. Въ 8-ю д. л. 36 стр.

В прошедшем году, г. Студитскій издал *Начала Основанія Русской Этимологии*. Брошюрка эта; по собственному свидѣтельству автора, не шла никакого успѣха, что и заставило его сократить сколько возможно изложеніе настоящаго сочиненія, въ увѣренности, что истинно-ученые люди поймутъ дѣло и въ этой формѣ. Удивительнаго здѣсь очень-мало. Мы предсказываемъ автору, что и настоящее его сочиненіе, хотя сокращенное, тоже не будетъ имѣть успѣха. Причинъ тому много; укажемъ нѣкоторыя.

Во-первыхъ, есть люди, которымъ гнѣшатъ самыя выгоды и преимущества человѣка. Что у одного принесло бы обильный плодъ, то у другихъ обращается въ шепетильное педаванство, желающее магійшимъ мелочамъ дать строгую логическую послѣдовательность, привести ихъ въ непоколебимую систему, оправдать ихъ умозрѣніемъ, начиная ab ovo. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, предметъ совершенно-новый уяснить еще-болѣе логически-ни подмостками? У людей такъ много живыхъ занятій, а вы толкуете имъ, какъ лучше раздѣлить грамматику, которая, какъ и всѣ науки, мало поддается отъ раздѣленій? Черезъ-чуръ добросовѣстная отчетливость и диалектическая строгость въ изслѣдованіяхъ о какой-нибудь *изюмцѣ*, воля ваша, ролятъ самыя важныя предметы, къ каковымъ причисляются добросовѣстность и научная форма. Всякій увѣрять; конечно, въ необходимости, волей-неволей вникать въ сущность предметовъ, но не при каждомъ же предметѣ толковать о его сущности. Кто увалъ въ яму, тотъ скорѣе вылезай изъ нея, не спрашивая: что такое веревка? Вотъ, что разувѣемъ мы подъ несъгодами самихъ выголъ: это ихъ крайнее употребленіе въ ненужномъ мѣстѣ. Никто не усомнится, прочитавъ сочиненіе г. Студитскаго, въ его начитанности и, особенно, страсти систематизировать; но когда вы кончите послѣднюю страницу «Лексикологіи»,

то невольно вздохнете, примолвите: къ-чему гибель сія бысть?

Во-вторыхъ, склонность къ опредѣленіямъ, раздѣленіямъ, систематическимъ постройкамъ до того иногда увлекаетъ автора, что онъ начинаетъ не шутя вѣрить ихъ безусловной непогрѣзительности; онъ не хочетъ видѣть возможности исключеній и скорѣе усомнится въ дѣйствительности факта или фактовъ, чѣмъ въ односторонности своей задушевной теоріи, въ шаткости своей прекрасно-построенной системы. Но жизнь своеравнѣе и сильнѣе теорій: она часто, мимоходомъ, не думая о самодовольныхъ философахъ, бросаетъ имъ подъ ноги явленіе, которое сбиваетъ ихъ съ толка и съ ногъ. Хорошо еще, если они образумятся и сознаютъ свою ошибку, а то большая часть изъ нихъ, упавъ больно, начинаетъ, въ утѣшеніе себѣ, строить систему паденій. Такъ и въ грамматикѣ: какой-нибудь житель Океана въговоромъ словъ своихъ приведетъ въ тупикъ фивіологическій способъ г. Студитскаго, такъ-что они оба (т. е. способъ и авторъ его) не приложатъ ума, что дѣлать съ «Лексикологіей Русскаго Языка», хотя она досковальво объяснила, что «звукъ *a* пронаносится совокупнымъ дѣйствіемъ мускула подбородочно-язычнаго съ одной, ниловидно-язычнаго и подъязычно-язычнаго съ другой стороны, отъ-чего языкъ приходитъ въ положеніе прямое». Возводитъ къ единству разнообразіе явленій, излагать въ научной формѣ многія отдѣльныя познанія—необходимо и полезно, но не должно при этомъ мечтать, что ужъ эти-то исчерпали мы всю полноту человеческого слова, и намъ стѣнить только, при каждомъ новомъ явленіи, подводить его подъ открытыя начала, въ ту или другую главу, въ тотъ или другой параграфъ. Клятки системы сдѣланы — сажай въ нихъ настоящія и будущія изслѣдованія! Такая увѣренность—своего рода фанатизмъ. т. е. фанатизмъ смѣшнаго рода.

Въ-третьихъ, наконецъ, сколько ав-

торъ увѣренъ въ самомъ-себѣ, столько же читатели не увѣрены въ немъ—по естественной недовѣрчивости ко всѣмъ окончательнымъ открытіямъ, рѣшительнымъ изслѣдованіямъ, ко всѣмъ *pes plus ultra*, хотя бы они принадлежали къ породѣ филологическихъ. «Отыскать начала грамматики, въ особенности славянской и русской, и приложить ихъ къ языку и письменности—вотъ какая была мысль моихъ изслѣдованій» (Предисловіе). Шутка сказать: отыскать начала грамматики! Слѣдовательно, они не были прежде отысканы? Слѣдовательно, вы первые нашли ихъ, господинъ авторъ? И всѣ труды великихъ филологовъ не слѣдали того, что слѣдала брошюрка въ 31 страницу? Конечно, это дѣло не невозможное, но не все возможное принадлежитъ къ числу дѣлъ вѣроятныхъ.

Г. Студитскій до такой степени увлекся физиологическими изслѣдованіями, что, про его мнѣнію, начертанія буквъ суть тѣ самыя фигуры, которыя строятъ ротъ при произнесеніи звуковъ. Онъ говоритъ: «Представимъ, что голова разрѣзана вертикально по срединѣ лица, и рассмотримъ фигуру этого разрѣза, соображая ее съ произношеніемъ каждаго изъ первоначальныхъ звуковъ: мы найдемъ слѣдующее: А. Языкъ неподвиженъ и лежитъ горизонтально. Отъ корня языка идетъ дуга по задней части рта до конца язычка: отсюда другая дуга по небу до конца верхнихъ рѣзцовъ. Получится фигура *a* со всѣми измѣненіями». То-есть и наше прописное *A*, и мадерское *a*, которое различается еще въ печати и на письмѣ, и греческое *a*, все это получится въ означенной фигурѣ!!!... Любопытно бы разрѣзать головы явныхъ философовъ и посмотреть, что тамъ такое...

226) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, юля 16-го 1845 года. Москва. Въ университетской типографіи. Въ 4-ю д. ч. 96, 78 и 14 стр.

Въ вышепримѣнномъ году, пронаходясь рѣчи гг. профессоры Иноземцевъ и Рульѣ: первый латинскую, второй русскую. Г. Иноземцевъ, одинъ изъ извѣстѣйшихъ преподавателей хирургіи и врачей-практиковъ въ Москвѣ, избралъ тоюю разсмотрѣніе рака, какъ болѣзни не мѣстной, не частной (топической), но какъ мѣстнаго припада къ общей болѣзни, преимущественно въ качественномъ составѣ крови заключающейся. Предоставляетъ судить объ этой рѣчи гг. эскуперы; замѣтимъ, однакожъ, что предметъ рѣчи самый современный, и хотя начинается собою нѣсколько гуморальное ученіе въ медицинѣ, но, конечно, выражаетъ наилучшую сторону его. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ можетъ не извѣстна составъ крови при такомъ существенномъ и глубокомъ измѣненіи въ вещественномъ устройствѣ кровяка, какой встрѣчается въ этой ужасной злокачественной болѣзни, въ ракъ?

По-крайней-мѣрѣ, французская современная школа говоритъ сильно въ пользу этого мнѣнія. Полагается, что кровь въ ракъ первоначально или послѣдовательно, дожди до теченія преимущественно внутреннимъ средствами, на кровь дѣйствующими, и не правятъ мѣстное дѣйствіе на ракъ, ина въ виду и кровь, — ротъ въ чемъ заключается вся сущность вопроса. Г. Иноземцевъ, конечно, старается доказать первое.

Остановимся на рѣчи г. профессора Рульѣ, съ которыми читатели «Отъ-Занисокъ» уже знакомы. Г. Рульѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ преподавателей, которые, отдавая должную благодарность своимъ преподавателямъ, ищутъ, однакожъ, добитую волю, старую рутинную: онъ передаетъ своимъ слушателямъ самыя живыя современные интересы, дѣйствуетъ самостоятельно, съ любовью въ своей наукѣ. Г. Рульѣ иностранецъ по фамиліи, но Русскій по рожденію и по душѣ. Мыпомнимъ его «Сомнѣнія въ Зоологіи, или науки» и его статьи: «О вѣдѣніи наукъ и о наукѣ условіи на живыхъ животныхъ».

Въ нихъ столько же современнаго, са-
мостоятельнаго, сколько и русскаго.

Предметомъ рѣчи, профессоръ из-
бралъ животныхъ Московской-Губерніи,
которыя составляютъ, по-видимому,
любимую часть его занятій въ наукѣ.
Мы совершенно съ нимъ согласны:
каждому занимающемуся наукою все-
го ближе и важнѣе то, что его еже-
дневно непосредственно окружаетъ.

Рѣчь свою г. Рудъ раздѣляетъ на
три части; въ первой, онъ рассматри-
ваетъ животныхъ-ископаемыхъ Мос-
ковской-Губерніи — *періодъ первоздан-
ныхъ животныхъ* (авторъ оставилъ на-
званія допотопныхъ и ископаемыхъ,
какъ выражающія ложныя понятія,
а замѣнилъ ихъ названіемъ *перво-
зданныхъ*); во второй, излагаются свѣ-
дѣнія о животныхъ, за которыми мо-
жно слѣдить по исторіи Московской-
Губерніи — *періодъ исторической фауны*,
и наконецъ, въ третьей — *періодъ совре-
менной фауны*.

Излишне упоминать, что во всѣхъ
трехъ частяхъ есть своя заниматель-
ность, свой современной, живой инте-
ресъ, но справедливость требуетъ за-
мѣтить, что первая часть обработана
преимущественно передъ прочими, и
въ-самомъ-дѣлѣ, кому изъ просвѣщен-
ныхъ людей не любопытно ознако-
ниться, хотя слегка, съ тѣми многораз-
личными животными, которыя зани-
мали, занимаютъ и будутъ занимать
одинакую съ нимъ мѣстность, которыя,
слѣдовательно, окружали его предковъ,
окружаютъ его-самого, даже будутъ
окружать его потомковъ? Какому лю-
бовладельческому человѣку не желатель-
но ознакомиться съ тѣми явленіями,
которыя такъ существенно измѣняютъ
внѣшній видъ обитаемой нами пла-
неты?

Чтобъ представить преемственную
картину перемѣнъ, постигнувшихъ
Москву относительно животныхъ, ее
наследившихъ въ до-историческое вре-
мя, вычисляемъ слѣдующее мѣсто
(стр. 70—74):

«Воспримъ общій взглядъ на мнувшія
судьбы московской первозданной фауны.

Нынѣшнее наше дно, Москва, къ кото-
рому прислало 270,000 жителей, претер-
пѣло чрезвычайныя измѣненія, поражаю-
щія насъ какъ свою неожиданностью,
такъ и рѣзкимъ противоположнымъ ха-
рактеромъ. Таковы, въ особенности, четы-
ре доисторическія періода жизни живот-
ныхъ въ Московской Губерніи.

Мы не знаемъ ни начала, ни времени
продолженія сихъ періодовъ, ни проме-
жутка времени, истекшаго между ними,
а судимъ о ихъ существованіи, о ихъ ха-
рактерѣ и взаимной послѣдовательности
только по тѣмъ произведеніямъ, живот-
нымъ и растеніямъ, которыя находимъ
въ толщахъ земли.

Началу перваго періода предшествовала
жизнь органическихъ существъ въ откры-
томъ, глубокомъ морѣ; преобладающія
животныя были преимущественно хити-
ныя рыбы, изъ порядковъ Ganoïdes и
Placoides, отличныхъ отъ нынѣ жгу-
щихъ, какъ странными формами, такъ и
твердью, костяною, угловатою чешуею,
защищавшею ихъ отъ наружнаго наемля;
остатки сихъ существъ сохранились въ
глубочайшихъ частяхъ нашей котловины;
въ древнемъ красномъ песчанникѣ, въ
тѣхъ слояхъ, до которыхъ только весьма
въ рѣдкихъ случаяхъ можно проникнуть.
Хищный образъ жизни этихъ рыбъ объ-
ясняетъ, можетъ быть, нѣсколько и ску-
дость другихъ произведеній той же фор-
маціи. — Это море разливалось по всей
Сѣверной, Средней, и значительной части
Южной Россіи, и участь эту Россія раз-
дѣляла съ большою частью прочей Евро-
пы. Осажденіе органическихъ существъ
и минеральныхъ частицъ въ толщи зем-
ная изъ моря древняго, краснаго песча-
ника происходило при тревожномъ, не-
спокойномъ дѣйствіи наружныхъ условій,
по крайней мѣрѣ болѣе беспокойномъ, не-
жели во всѣ прочіе періоды; отъ того
пласты краснаго песчаника образуютъ
неровныя, волнистыя, изломанныя по-
верхности.

Настаетъ новый періодъ: Москва или,
правильнѣе, мѣсто нынѣшней нашей сто-
лицы, составляетъ точку огромнаго тро-
пическаго открытаго моря, коего дно,
какъ уже замѣтилъ, имѣетъ большія не-
ровности; отъ того и осажденныя толщи
изъ этого моря занимаютъ вообще не-
большое пространство, составляютъ въ За-
падной Европѣ извѣстныя заключенныя
бассейны, и только въ Россіи обхватили

всю поверхность между Орломъ, Смоленскомъ и Архангельскомъ. Это тропическое море сложило остатки своимъ въ тѣхъ толщахъ, которыя наука означаетъ именемъ горнаго известняка. Органическія существа его наименоваютъ намъ вытѣшеное тропическое открытое море: весьма сходны между собою произведенія образовали въ обоихъ случаяхъ сходные коралловые рифы, концы связывающая мраморная масса, по причинѣ изумительнаго и преобладающаго количества полигоны и въ раковинахъ живущихъ животныхъ, какъ существъ, отдѣляющихъ въ изобиліи известъ, состоятъ изъ известняка; онъ, свидѣтель доисторической эпохи, доставляетъ намъ человѣку необходимый, драгоценный, строевой матеріалъ. Толщи его легли на пласты древняго краснаго песчаника при совершенномъ наружномъ спокойствіи, изгладили неровности дна предшествовавшаго имъ моря, вездѣ тянутся горизонтальными слоями, и дали землѣ ровную, гладкую поверхность, которая въ Россіи и въ послѣдующихъ періодахъ рѣдко нарушается, за исключеніемъ окрестностей Кавказа, Урала и Финляндіи, гдѣ наружную земную поверхность разорвали и приподняли изъ нѣдръ земли выдвинувшіеся первозданная горныя породы. И направленіе сихъ поднятій ознаменовалось протяженіемъ самыхъ горныхъ краевъ въ Россіи. Спокойное осажденіе толщей, и рѣдко нарушаемое ихъ налеганіе — вотъ наиболѣе общій и болѣе отличительный геогностическій характеръ Россіи отъ прочей Европы. — Частныя обнаженія известняка, не рѣдко весьма рыхлаго въ верхнихъ, слояхъ своихъ, произошли отъ многихъ ручейковъ и рѣкъ, промышавшихъ себя русло; многія воды уже исчезли и оставили слѣды минавшаго теченія своего въ тѣхъ долинахъ, которыя подъ разными углами, нѣрѣдко перпендикулярно, прорѣзываютъ систему вытѣшенной рѣки. Она образовалась и избрала теченіе свое уже по осаданіи горнаго известняка: доказательство на лицо. Большою частію, оба берега вытѣшенныхъ рѣкъ содержатъ одинакія органическія произведенія, и составляли, видимо, одинъ непрерывный пластъ, разорванный теченіемъ водъ.

Въ глубинахъ и срединѣ моря горнаго известняка между прочими животными жила двухстворчатая раковина *Productus gigas*; она легла въ тѣхъ толщахъ, кото-

рыя обнажены на сѣверной и южной границахъ нашей котловины, на склонахъ Валдайскихъ Горъ и южныхъ губерній отъ Москвы, и въ которыхъ, какъ случайное и подчиненное явленіе, встрѣчается Прикшенскій и Калужскій бурый уголь; верхніе слои моря и берега его сложили остатки свои преимущественно въ Московскій Губерніи, какъ въ наибольшей низменности всей котловины. Между всеми произведеніями этой полосы замѣчательнѣйшее есть *Choristites Mosquensis*. Первое животное, *Productus gigas*, указываетъ на возможность нахождения бураго угля, второе — на отсутствіе его въ данной толщѣ.

Далѣе мы теряемъ изъ виду доисторическое существованіе животныхъ нашей губерніи, и ближайшія явленія, которыя мы встрѣчаемъ въ послѣдствіи, указываютъ на новую совокупность физическихъ условий. и съ тѣмъ вмѣстѣ на новую группу органическихъ существъ: эта эпоха внесена въ науку подъ именемъ Юрской. Характеръ ея еще морской, но, по преимуществу, прибрежный, островной, близкій болѣе къ характеру вытѣшенной Южной Европы и Азии. Преобладающія животныя суть хищныя громады ящерицы, соединяющія въ организаціи своей признаки рыбъ и ящерицъ, ящерицъ и летучихъ мышей, змій и рыбъ; настоящіе Новоголландскіе Орикторныя древняго моря — онѣ связываютъ различныя классы нашихъ зоологическихъ системъ; не менѣе замѣчательныя белемниты и амониты встрѣчаются въ удивительномъ множествѣ. Но, повторяемъ, Южная Европа представляетъ близкія къ нимъ существа, какъ по организаціи, такъ еще болѣе по образу жизни: юрскія ящерицы имѣютъ представителей своихъ въ вытѣшенныхъ крокодилахъ, кайманахъ, летучихъ ящерицахъ, хамелеонахъ и въ медяшникахъ; белемниты, въ каракатицахъ и кальмарахъ; амониты въ снуралахъ и боттикахъ. Вообще юрское море, кажется, образовало многіе заливы и лиманы; въ нихъ-то и жили упомянутыя животныя, а въ болѣе открытыхъ его частяхъ тербатулы и венусы.

Закнута и этотъ періодъ. Въ Москвѣ образовались рѣки, начала обнажаться сушь, климатъ близокъ къ вытѣшенному. Остатки этой эпохи сохранены въ слояхъ Троицкихъ, причисляемыхъ къ третичной формации. И прѣсноводныя рыбы, и жи-

кроссоническія животныя, сложенныя надъ Москвою, едва ли чѣмъ либо отличались отъ живущихъ нынѣ въ окрестностяхъ ея.

Наконецъ песчаныя розсыпи, покрывшія поверхность нашей губерніи, свидѣтельствуютъ намъ о существованіи нѣкогда новой группы произведеній: эпохи тропической суши: тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ ногу человѣкъ, ходили, можетъ быть, ископаемые слоны, носороги, бегемоты, жирафы и, вѣроятно, зебры. Въ концѣ этого періода настаетъ холодъ, движеніе воды переносится изъ Сѣверной части Европы глыбы первозданныхъ породъ гранита, гнейса, и разбрасываются въ Сѣверной и Средней части Россіи.

Во всѣхъ сихъ переломкахъ нельзя не жить, при всей ихъ кажущейся несвязности, нѣкоторой послѣдовательности. Сперва открытое море, потомъ берегъ, рѣки и сушь; сначала характеръ тропическій, потомъ болѣе умѣренный и, наконецъ, холодный; сначала являлись животныя несовершенныя — рыбы; потомъ, животныя постепенно совершенствуются, осложняются — являютя гады, далѣе животныя летающія и самыя звѣри.

Судьба Москвы точетъ вновь въ неизвестности. Между тѣмъ органическая жизнь на землѣ совершенствуется; является человекъ, послѣднее звено, замкнувшее собою мірозданіе. Онъ наблюдаетъ и записываетъ, ведетъ исторію его окружающихъ явленій, и заноситъ въ лѣтописи имя Москвы. »

Рѣчь такимъ образомъ переходитъ къ разсматриванію исторической фауны Москвы.

Въ первой части разсужденія собраны всѣ данныя относительно первозданныхъ животныхъ губерніи, представляемъ строгій критическій разборъ имъ, и наконецъ, наложены въ первый разъ многія новыя наблюденія, относительно того же предмета, какъ самого автора, такъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Г. Рульѣ первый точно опредѣлилъ нѣкоторые роды и многіе виды животныхъ изъ горнаго известняка юрскаго формаціи; ему, вмѣстѣ съ г. Фрейерсомъ, принадлежитъ честь открытія, что юрская формація въ окрестностяхъ Москвы слагается изъ трехъ ярусовъ, и указаніе распредѣ-

ленія животныхъ по всѣмъ ярусамъ; верхніе юрскіе слои, къ которымъ принадлежатъ татаровскій и лыткаринскій песчаникъ, которые Мурчисономъ и его спутниками были приняты за третичные, опредѣлены строго; въ нихъ найдены тѣ же самыя ископаемыя, которыя извѣстны изъ песчаниковъ хорошовскихъ. Г. Рульѣ открылъ подъ столицею толстый пластъ ископаемыхъ наливочныхъ животныхъ, принадлежащихъ къ третичной формаціи, и указалъ составъ наносныхъ почвъ. Наконецъ, найдены ископаемыми подъ Зѣтингородомъ и на Воробьевыхъ-Горахъ такія животныя, которыя и нынѣ еще живутъ въ Московской-Губерніи. — Справедливость требуетъ замѣтить, что въ геологическихъ изслѣдованіяхъ Московской-Губерніи самое дѣятельное участіе принимаютъ гг. Фріерсъ, Ауербахъ и, какъ коллекторы, г. Фаренголь; въ рѣчи авторъ каждому изъ нихъ отдаетъ принадлежащее. Словомъ, разбираемая рѣчь указываетъ вполне ученымъ образомъ, что сдѣлано для геологіи въ Московской-Губерніи послѣ изданія ориктографіи ея г. Фишеромъ, и значительно облегчаетъ будущее полное описаніе этой губерніи.

Къ особымъ отгискамъ этой рѣчи, пущеннымъ въ продажу подъ заглавіемъ: «О Животныхъ въ Московской-Губерніи, или Очеркъ главнѣйшихъ перемѣнъ въ первозданной, исторической и современной фаунѣ въ Московской-Губерніи» — приложенъ геологической разрѣзъ почвъ обнаженныхъ въ окрестностяхъ Москвы: первая попытка въ этомъ родѣ, составленная гг. Рульѣ и Фрейерсомъ.

Въ исторической фаунѣ авторъ сперва развиваетъ тѣ причины, которыя условливали различія животныхъ въ историческое время, и находитъ ихъ въ физическихъ и климатическихъ дѣятеляхъ: въ большомъ количествѣ гѣсовъ, текучихъ и стоячихъ водъ, полей, въ большой неровности почвъ, словомъ, въ болѣе-холодномъ и сыромъ климатѣ, напоминающемъ губерніи

мало-населенныя, къ сѣверу отъ Москвы лежащія. Отсюда, равно изъ свѣдѣній о томъ, какія животныя водятся въ этихъ губерніяхъ, изъ историческихъ памятниковъ, мѣстныхъ повѣрій и преданій, которыми такъ богата наша древняя Москва, выводитъ г. Руль съ большою вѣроятностью заключеніе о томъ, какія животныя водились въ окрестностяхъ Москвы, а нынѣ совершенно вывелись. Къ такимъ въ-особенности принадлежатъ: лось, обыкновенный олень, дикая коза, бобръ, осетры и другія.

Наконецъ, авторъ останавливается на современныхъ животныхъ, водящихся въ Московской-Губерніи, указываетъ на важные результаты, долженствующіе необходимо послѣдовать за точнымъ и подробнымъ изученіемъ мѣстной фауны.

Сначала онъ разсматриваетъ московскихъ животныхъ въ состояніи покоя и указываетъ въ-особенности на два обстоятельства: на равнодушіе, или, правильнѣе, на нерадѣніе многихъ къ изслѣдованію ближайшихъ къ нимъ животныхъ и стремленіе за однимъ лишь иностраннымъ, и на невниманіе жителей къ нѣкоторымъ дикимъ животнымъ, отъ которыхъ они могли бы получить, вѣроятно, значительную пользу. Въ-самомъ-дѣлѣ, человѣкъ перенесъ въ домашній бытъ курицу изъ Ост-Индіи, индюка изъ Вест-Индіи, цесарку изъ Африки, поработилъ себѣ также гусей и утокъ, животныхъ отлетающихъ отъ него на зиму, — почему бы ему не постараться сдѣлать ручными и домашними животныхъ, которые живутъ около него и притомъ въ-теченіи всего года — тетеревей, куропатокъ, рябчиковъ? Онъ нашелъ бы въ нихъ вкусное и здоровое мясо, которое, по закону, общему всѣмъ домашнимъ животнымъ, увеличилось бы въ самомъ количествѣ... Рѣчь свою г. Руль заключаетъ указаніемъ важности какъ для науки, такъ и для приложений къ общественной, производства точныхъ наблюденій надъ періодическими явленіями растительной и живот-

ной жизни. И въ этомъ отношеніи, Москва можетъ доставить наукѣ весьма-важные результаты. Она, по своему положенію среди большаго материка, на днѣ большой котловины, имѣетъ влѣять по преимуществу континентальный, выражающійся рѣзкими противоположностями и быстрыми переѣнами. Конечно, во всей Европѣ много мѣстностей, въ которыхъ былѣтній жаръ и зимній холодъ достигали до такой значительной степени, и гдѣ жаръ и холодъ смѣнялись бы столь быстро и столь часто.

По причинѣ большаго объема рѣчи (12 листовъ), авторъ отлагаетъ до удобнаго случая изложеніе самыхъ наблюденій, произведенныхъ въ-теченіе послѣднихъ лѣтъ и особенно 1844 года.

225) Лѣсной Словарь. Составленъ въ Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ, Часть третья. Санктпетербургъ. 1845. Въ принадлежавшей тип. Фишера. Въ 8-ю д. л. 864 и XII стр.

— Рисунокъ къ Лѣсному Словарю, составленному въ Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ. 1845. Въ 8-ю д. л.

Этимъ томою, заключающимъ въ себѣ буквы отъ О до Я, оканчивается полезное сочиненіе, изданіемъ котораго Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ оказалъ истинную услугу всѣмъ, занимающимся лѣсными науками. Хотя въ этомъ изданіи, какъ и во всякомъ словарѣ, статьи не одинаковаго достоинства, тѣмъ не менѣе уже и за тѣ, которыя заѣсь такъ удовлетворительно обработаны, можно рекомендовать эту книгу каждому лѣсническому. Лучше другихъ — статьи, обработанныя въ примѣненіи къ Россіи; замѣчательна также, по любопытнымъ подробностямъ, статья *Рыбное сообщеніе и рыбное судоходство въ сѣверной лѣсистомъ полості Россіи*, составленная изъ свѣдѣній, сообщенныхъ генерал-майоромъ Парелсовымъ, распоряжающимъ выѣздомъ корабельныхъ рощей въ низовъ и сѣверномъ округахъ.

Рисунки, приложенные къ «Словарю» и составляющіе собою отдѣльный, весьма-толстый томъ, прекрасно выполнены и не мало облегчаютъ пониманіе статей.

226) Химическія Изысканія о свойствахъ разныхъ дѣтелей въ сахарномъ производствѣ и левеніяхъ, отъ того происходящихъ. Сочиненіе Г. Гохштеттера. Перевелъ съ нѣмецкаго и дополнилъ своими примѣчаніями Николай Шишковъ. Москва. Въ университетской тип. 1845. Вѣ 8-ю д. л. 108 стр.

Г. Гохштеттеръ написалъ статью, дѣлю которой было, пояснить практическую часть сахарнаго производства, утвердить всѣ части работъ этого дѣла на основаніяхъ науки и, въ особенности, открыть причины полученій большаго количества некристаллизующагося сахара, тогда-какъ извѣстный химикомъ доказано, что свекловица выдѣляетъ только сахаръ кристаллизующійся. Г. Шишковъ перевелъ статью Гохштеттера и вмѣстѣ съ тѣмъ, видя на дѣлѣ, что при всемъ усовершенствованіи у насъ свекло-сарнаго производства въ послѣднее десятилѣтіе, получается все-еще много сахара въ видѣ патоки, и желая точнѣе дознать, гдѣ и отъ-чего преимущественно разлагается кристаллизующійся сахаръ, приступилъ къ производенію нѣкоторыхъ опытовъ въ большомъ видѣ. Гохштеттеръ главнымъ вопросомъ поставилъ изучить вліяніе, которымъ подвергается сахаръ во время производства, и открыть причины, производящія преимущественно уменьшеніе кристаллизующагося сахара. Для этого онъ, рассмотрѣвъ прежде составныя части свекловицы (азотистыя вещества, аммоніакъ, неорганической части, сахаръ), указываетъ вліяніе на чистый сахарный растворъ различныхъ дѣтелей (атмосферическаго воздуха, щелочей, средних солей, азотистыхъ веществъ), а потомъ уже принимаетъ указанія опытовъ и наблюденій къ производству. Во второй части книги, подъ названіемъ «При-

мѣчаній», изложены опыты и наблюденія г. Шишкова, подкрѣпляющія статью Гохштеттера. Все это полезно принять къ свѣдѣнію и — смотря по особеннымъ цѣлямъ свеклосахарныхъ заводчиковъ — къ исполненію.

227) Врачебно-Полицейскія и Судебно-Медицинскія Изысканія объ Утопленникахъ. Императорской Санктпетербургской Медико-Хирургической Академіи экстраординарною профессоромъ, Высочайшаю Двора юфѣ-медика, доктора медицины Заблоцкаго. Санктпетербургъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 74 стр. Съ 4 рисунками.

Извѣстно, что случаи внезапной смерти составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ судебной медицины и врачебной полиціи, и въ числѣ этого рода смертей чаще всего случаются несчастія отъ утопленія. Удивительно, что, не смотря на всю важность этого предмета, у насъ въ Россіи еще никто не позаботился заняться имъ серьезно, и что доселѣ на русскомъ языкѣ нѣтъ отдѣльнаго трактата объ утопленникахъ.

Профессоръ Заблоцкій, въ сочиненіи своемъ объ утопленникахъ, излагаетъ, съ одной стороны, пособія, которыя доселѣ придумала врачебная полиція для подаванія помощи утопающимъ и для предотвращенія подобныхъ несчастій, а съ другой тѣ основанія, которыя могутъ служить къ объясненію судебно-медицинскихъ вопросовъ; наконецъ, по всему видно, что авторъ, издавая свое сочиненіе, старался сдѣлать его доступнымъ не только для врачей, но и для всякаго сколько-нибудь образованнаго человека, которому можетъ представиться случай подавать первое пособіе утопающимъ и утопленникамъ.

Сочиненіе г. Заблоцкаго начинается теоретическою стороною предмета — краткими статистическими замѣчаніями объ утопленникахъ и описаніемъ явленій и теоріи утопленія. Вотъ что авторъ говоритъ о числѣ утопленниковъ: «Причины, производящія вве-

• зашную смерть, бываютъ или внутреннія, или внѣшнія. Въ ряду всеобщихъ причинъ первое мѣсто занимаетъ вода; утопленники составляютъ вездѣ главную часть жертвъ въ числѣ такъ называемыхъ внезапныхъ смертей. По-крайней-мѣрѣ мы можемъ замѣтить такъ по статистическимъ даннымъ о Россіи. На пространствахъ всей Имперіи было несчастныхъ смертныхъ случаевъ, отъ неосторожности: въ 1842 году 6,486, въ 1843 — 8,820; въ этомъ числѣ утонувшихъ болѣе половины, именно: въ 1842 году 3,380, въ 1843 — 4,668; слѣдовательно, на каждый день приходится отъ 9 до 13 человекъ.

• Количество утопленниковъ по всему земному шару въ годъ простирается до 30,000 человекъ.

Изъ описанія явленій и теоріи утопления видно, что авторъ обладаетъ богатымъ запасомъ свѣдѣній сравнительной анатоміи и физиологіи. Извѣстно, что о причинѣ смерти утопающихъ мнѣніи врачей весьма-различны. Г. Заблочкий, опровергнувъ объясненія причины смерти этого рода отъ апоплексического удара, отъ сжатія легкихъ, отъ наполненія желудка водою, и пр., выражается объ этомъ предметѣ слѣдующимъ-образомъ (стр. 9): «Войдетъ ли вода въ дыхательное горло, или даже почему бы то ни было совсѣмъ не войдетъ, смерть при утоплении все таки будетъ имѣть мѣсто, потому-что кровь, проходящая чрезъ легкія, непосредственно соприкасается съ воздухомъ, испорченнымъ отъ недостатка его возобновленія; она возвращается совершенно черная въ лѣвое сердце, потомъ, при посредствѣ артерій, разнесится къ органамъ, вообще лишена естественныхъ своихъ качествъ, необходимыхъ для поддержанія жизни. Однимъ словомъ, смерть при утоплении почти всегда происходитъ отъ недостатка воздуха, отъ задушенія (asphyxia).»

Врачебныя пособія при асфиксии отъ утопления, по мнѣнію автора, должны состоять въ томъ, чтобъ у человекѣ,

вынутаго изъ воды, возстановить кровообращеніе, дыханіе и теплоту; авторъ подробно разбираетъ каждое изъ предложенныхъ для этой цѣли средствъ; онъ сильно возстаетъ противъ качанія утопленниковъ; кровопусканіе допускаетъ только какъ средство исключительное; вдунаніе воздуха и электричество могутъ быть, по его мнѣнію, допущены, но ихъ должно употреблять чрезвычайно-осторожно, особенно первое. Эта часть сочиненія вообще написана съ особенною подробностью.

Далѣе слѣдуетъ часть врачебно-полыцейская, гдѣ излагаются слѣдующія предметы: а) средства, служація къ предотвращенію утопления; б) средства для вынутія изъ воды утопающихъ и утопшихъ; в) отыскиваніе тѣла подъ водою; г) пособія людямъ, провалившимся сквозь ледъ; е) спасеніе людей, утопающихъ на морѣ; ж) перенесеніе человекѣ, вынутаго изъ воды, на мѣсто, гдѣ ему должно быть подано врачебное пособіе; з) устройство заведенія для подаванія врачебнаго пособія людямъ, вынутымъ изъ воды. Всѣ эти предметы представлены съ полнотою и ясностью; тутъ описано и опѣнено все, что доселѣ придумано лучшаго въ пользу утопающихъ; для поясненія нѣкоторыхъ предметовъ приложены и рисунки.

Въ смыслѣ судебно-медицинскомъ, г. Заблочкий занимается рѣшеніемъ слѣдующихъ трехъ вопросовъ: 1) произошла ли смерть отъ утопления? другими словами: былъ ли живъ человекъ въ минуту погруженія его въ воду? 2) что привело его туда: случай, намереніе, или насиліе? 3) можно ли опредѣлить, по настоящему состоянию трупа утопленника, сколько времени оставался онъ въ водѣ? Здѣсь авторъ необходимо долженъ былъ войти въ нѣкоторыя подробности анатомико-патологическихъ измѣненій, находящихся въ трупахъ людей, вынутыхъ изъ воды, и, не смотря на такой трудный предметъ, какъ патологическая анатомія, авторъ вездѣ съ большимъ искусствомъ

описываетъ трупическія поврежденія утопленниковъ.

Въ статьѣ «Библиографическія Свѣдѣнія», г. Заблоцкій упоминаетъ о трудахъ тѣхъ ученыхъ, которые писали о леченіи утопленниковъ и наиболѣе способствовали къ усовершенствованію этой важной части медицины.

Сочиненіе оканчивается приложеніями, въ которыхъ представлены наши отечественные законы объ утопленникахъ.

Полагая кратко содержаніе сочиненія г. Заблоцкаго, мы не хотѣли входить въ подробности, оставляя любознательному читателю самому прочесть эту интересную и полезную книжку. Въ заключеніе скажемъ, что мы на конецъ имѣемъ полную монографію объ утопленникахъ, монографію, написанную съ дарованіемъ, точностью и ясностью и доступную не только для врачей, но и для другихъ читателей.

228) Опытъ о Русскомъ Сельскомъ Хозяйствѣ. Составилъ надворный советникъ Николай Ветчининъ. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. XXIV и 573 стр.

Г. Ветчининъ, въ предисловіи своемъ, объявляетъ самъ, что его книга есть не ученое руководство къ сельскому хозяйству, изложенное въ видѣ строгой науки, а просто *опытъ*, изложеніе общихъ наставленій о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ въ вынѣшнемъ его состояніи, съ объясненіемъ возможныхъ улучшеній и съ указаніемъ на извѣстныя, зависящія отъ климата или другихъ причинъ. Гг. помѣщики очень благодарны будутъ автору за то, что онъ, освободивъ свою книгу отъ ученыхъ товкостей и научной формы, сдѣлалъ ее чрезъ то болѣе-доступною, болѣе-понятною, болѣе-приложимою къ хозяйственнымъ занятіямъ. Онъ не старался о чистотѣ и изяществѣ слога, оставивъ себѣ прямою цѣлію передать просто извѣстныя ему положенія; не избѣгалъ повтореній въ статьяхъ, имѣющихъ между собою естественную связь, желая изложить каждый отдѣль-

ный предметъ въ полномъ его составѣ; говорилъ многое, что понятно просвѣщенному читателю безъ дальняго разсказа, полагая, что для другихъ сельскихъ хозяевъ эти объясненія не будутъ излишни. Въ первой части «Опыта», нынѣ - вышедшей, содержится шесть отдѣленій: первое — предметы, постепенность и основаніе земледѣлія, второе — полеводство, третье — луговодство, четвертое—системы полеводства, пятое—вредныя для хозяйственныхъ растений животныя, шестое — краткій словарь земледѣльческихъ реченій, употребляемыхъ въ разныхъ губерніяхъ. Скорѣйшее изданіе второй части зависѣть будетъ отъ благосклоннаго принятія первой части, котораго она вполне заслуживаетъ и котораго мы ей усердно желаемъ, радуясь успѣху всего достойнаго и полезнаго.

229) Полный Русскій Опытный Огородникъ, заключающій въ себѣ, соотвѣтственныя нашему климату, наставленія для желающихъ заводить огороды и парники и произращать въ нихъ всѣхъ родовъ огородныхъ овощи, съ присоокупленіемъ описанія употребленія овощей, травъ и другихъ растений, въ хозяйствѣ и медицинѣ. Сочиненіе Ивана Цыгры, члена разныхъ российскихъ и иностранныхъ ученыхъ и земледѣльческихъ обществъ. Переводъ съ нѣмецкаго П. Я. Двѣ части. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 151, во II-й—189 стр.

Умно-составленное и хорошо-переведенное руководство. Описанія ясны, хотя кратки. Вслѣдъ пойметъ, въ чемъ дѣло. При каждомъ русскомъ названіи растенія, находятъ названія французское и нѣмецкое, что необходимо въ такомъ предметѣ, какъ растительное царство, терминологія котораго и разнообразна и частію неопредѣленна.

230) Красильное Искусство, или Руководство къ окрашиванію очень красиво и прочно шелка, шерсти, хлопчатой бумаги и полотна, и проч. Соч. Карла Рихтера. Пер. съ нѣм. Санктпетер-

бурив. 1845. В 12-ю д. л. 99 и VII стр.

Это маленькое руководство похоже на множество изданных уже на русском языке подобных руководств, которые не научат ничему того, кто не знает красиваго искусства, и не нужны тѣмъ людямъ, которымъ вы посылаете перекрасить свой старый плащъ изъ синяго въ черный. Тутъ сначала коротенько говорится о нѣкоторыхъ красивыхъ материалахъ, но такъ-что вы почти ничего не узнаете, кромѣ того, что, на-примѣръ, кофейный есть маленькое насекомое, а цера растение. Потомъ столь же мало-обстоятельно говорится о кислотахъ, о приготовленіи тканей подъ краску, и о самомъ процессѣ крашенія. Нѣтъ надобности замѣчать, что химическіе термны въ этой книжицѣ перепутаны страшнымъ образомъ, что немалыиъ служить украшеніемъ. Руководству въ искусствѣ, совершенно основанномъ на химіи.

231) **Практическое Пчеловодство.** Часть V и послѣдняя, заключающая въ себя дополненія къ четыремъ предыдущимъ частямъ, равно необходимыми какъ для пастыщиковъ, такъ и для бортниковъ, извлеченныя изъ сорокалѣтняго опыта и наблюденій, и проч. Соч. Н. Витвицкаго. Санктпетербургъ. Въ тип. Сычева. 1845. Въ 8-ю д. л. 173 стр.

Часть пятая и послѣдняя!.. и слава Богу, что послѣдняя. Миръ праху твоему, доброе **Практическое Пчеловодство**, сшитое изъ несвязныхъ фразъ, запутанныхъ разсужденій, невѣрныхъ правдъ, грамматическихъ и всякихъ другихъ ошибокъ! Ты кончилося, некончаемое **Практическое Пчеловодство**, и критика оставитъ тебя навсегда въ покоѣ; эта грозная критика, которая многихъ бросаетъ въ потъ и приводитъ въ трепетъ, эта критика до того добра, что не рѣшится подымать руку на тебя, какъ взрослый человекъ не полизаетъ руки на неразумнаго ребенка или драхлаго старца, достигшаго отъ пре-

старѣлости ребяческаго прѣтюдшій. Нѣтъ, доброе **Практическое Пчеловодство**, критика болѣе не будетъ доказывать тебѣ, что при твоей помощи нельзя разводитъ не только пчелъ, но и мухъ; она не станетъ разоблачать предъ свѣтомъ безсвязность твоихъ разсужденій,—нѣтъ! такъ-какъ это твоя послѣдняя (помни хорошенько, что это твоя послѣдняя) часть, то критика скажетъ тебѣ только на прощаніе: «миръ праху твоему!»

232) **Краткая Европейская Метрологія или описаніе главныхъ мѣръ, вѣсовъ и монетъ, въ Европѣ нынѣ употребляемыхъ.** Изданіе второе, исправленное. Соч. Ф. Петрушевскаго. Санктпетербургъ. Въ тип. Праца. 1845. Въ 8-ю д. л. 122 стр.

Самое названіе, кажется, довольно объяснить содержаніе этой полезной книги, которая, вѣроятно, уже известна многимъ изъ нашихъ читателей еще по первому изданію. Въ этомъ второмъ изданіи показаны, однако, всѣ измѣненія, въ метрической системѣ послѣдовавшія и въ Россіи и за границею. Къ концу сочиненія прибавленъ алфавитный списокъ употребленныхъ въ этой Метрологіи мѣръ, вѣсовъ, монетъ и техническихъ словъ.—Это важное улучшеніе, которое значительно облегчаетъ употребленіе книги.

233) **Таблицы Логарифмовъ Вронскаго.** Санктпетербургъ. Въ тип. К. Жерлакова. 1845. Въ 8-ю д. л. 36 стр. Съ частью таблицами.

Таблицы Логарифмовъ г. Вронскаго, по своей дешевизнѣ и малому объему,—рѣшительно кладъ для учащихся. Одинъ листокъ, который стоить четвертакъ, занимаетъ фоліантъ Калета, стоящій очень дорого. Приискивая же по немъ логарифмовъ чиселъ не представляеть никакихъ особенныхъ трудностей, и онъ даетъ логарифмы до востиндесяти-тысячныхъ, какъ и таблица Калета, и для всѣхъ возможныхъ чиселъ, тогда-какъ послѣдній вычисленъ не свыше 108,000.

Наша педагогика и учителя математики должны быть благодарны г. Аненскому, который перевел сочинение г. Вронского и упростил самый способ приписыванія логарифмовъ.

234) Отчетъ Общины Сестеръ Милосердія. *Санктпетербургъ. 1844.* Въ 24-ю д. л. 29 стр.

Мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь изъ Русскихъ могъ не знать, что соразательная, христіанская попечительность Августѣйшихъ Членовъ Императорскаго Дома объ участи бѣдныхъ и несчастныхъ, открыла новое поприще благотворительности, учрежденіемъ въ Петербургѣ особаго заведенія, подъ названіемъ «Общины Сестеръ Милосердія», которыхъ первое появленіе было при сопровожденіи въ блаженную вѣчность въ Божѣ почивающей Великой Княгини Александры Николаевны, и что это заведеніе принято Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею подъ Ея Высочайшее покровительство. Книжка, заглавіе которой выписано выше, содержитъ въ себѣ отчетъ о дѣйствіяхъ «Общины Сестеръ Милосердія», представленный комитетомъ заведенія на Высочайшее воззрѣніе Ея Императорскаго Величества. Изъ этого отчета видно, что первое засѣданіе Комитета было въ домѣ Ея Императорскаго Высочества Принца Ольденбургскаго, въ мартѣ 1844 года, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны и въ Божѣ почивающей Великой Княгини Александры Николаевны. На этомъ засѣданіи положено было раздать книги для сбора суммъ, необходимой для содержанія и приискать домъ для помѣщенія новаго заведенія. Въ слѣдствіе этого нанятъ былъ домъ подполковницы г-жи Сучковой (Рожд. Части, 1 квартала, во Второй-Улицѣ, № 57 и 27), и, по утвержденному Ея Императорскимъ Величествомъ плану, изъ частнаго дома подполковницы Сучковой немедленно было устроено заведеніе для «Сестеръ Милосердія»,

состоящее изъ шести различныхъ отдѣленій. «Сестры Милосердія» въ апрѣлѣ 1844 помѣщены въ приготовленномъ домѣ со всѣми удобствами для занятій и здоровья. Любопытные могутъ узнать изъ самой книжки дѣльнѣйшія подробности о заведеніи. Число «Сестеръ Милосердія» простирается до 18-ти: въ больницѣ заведенія всѣхъ больныхъ было 85; изъ нихъ выздоровѣло 38, умерло 10; въ больницѣ находится 17. Въ пансіонѣ содержится до 38 дочерей бѣдныхъ родителей и сиротъ разнаго званія, съ платою 275 руб. асс. за каждую. Въ дѣтскомъ исправительномъ отдѣленіи находится 9 воспитанницъ на-счетъ заведенія. Въ пріютъ приходило ежедневно до 60 дѣвицъ на цѣлый день. За этими подробностями, не вполнѣ нами выписанными, въ книжкѣ слѣдуетъ отчетъ въ приходѣ и расходѣ, и свѣдѣнія о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ въ пользу заведенія благотворительными лицами.

235) Киргизъ-Кайсацкія Степи и ихъ жители. *Сочиненіе штаб-лекаря Альфонса Ягмина. Съ рисунками. Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1845.* Въ 8-ю д. л. 77 стр. и XVIII рисунковъ.

Одно изъ тѣхъ драгоценныхъ сочиненій, которыя представляютъ собою матеріалы для науки, снабжая ее фактами, данными, и служа источниками для сочиненій разнаго рода. Такъ, книгою г. Ягмина воспользуется и врачъ, и физиологъ, и географъ, и минералогъ, и ботаникъ, и геологъ, и физикъ, и метеорологъ. Впрочемъ, любопытные факты, составляющіе содержаніе книги г. Ягмина, касаются преимущественно медицины и особенно-любопытны въ ней факты касательно климата, флоры, геогностики преимущественно болѣзней, свойственныхъ киргиз-кайсацкимъ степямъ, и леченія этихъ болѣзней, раціональнаго и туземнаго. Нельзя не пожелать, чтобы такія книги являлись какъ-можно-чаще. Мы такъ мало знаемъ Россію, по-

тому-что такъ мало изучаемъ ее, и такъ мало имѣетъ специальныхъ и, такъ-сказать, топографическихъ описаній ея безчисленныхъ частей, что всякое дѣльное сочиненіе, которое хоть сколько-нибудь и съ какимъ-нибудь сторонъ знакомить хоть съ однимъ уголкомъ ея, — всякое такое сочиненіе безцѣнно. Всего болѣе такихъ сочиненій мы въ-правѣ ожидать отъ врачей: знакомые съ естественными науками и разсѣянные по всему лицу царства русскаго, они болѣе всякаго другаго ученаго могутъ изучать и описывать мѣсто, въ которое занесла ихъ судьба и которое, можетъ-быть, еще никѣмъ не было ни изслѣдовано, ни описано. Но врачи наши небольшие охотники, да — надо сказать правду, и не большіе мастера писать; только рѣдкіе изъ нихъ составляютъ собою исключеніе въ первомъ отношеніи, и, право, мы не знаемъ, есть ли между ними исключенія во второмъ отношеніи... Отъ-чего бы это?... О г. Ягминѣ нельзя сказать, чтобъ онъ писалъ изящно; но нельзя не благодарить его за то, что онъ пишетъ дѣльно.

Книга издава прекрасна.

236) О Блѣяніи Табаку(,) курительнаго, нюхательнаго и сигаръ, на здоровье, нравственность и умъ челоуѣка. Соч. доктора Буссирина. Въ двухъ частяхъ. Съ политипажными рисунками. Санктпетербургъ. Въ тип. Жернакова. 1845. Въ 8-ю д. л. 78 стр.

Въ этой книгѣ все преувеличено, а потому она мало внушаетъ довѣрія, и рецензенты пишутъ о ней—одни съ чувбуками и сигарами во рту, другіе усердно нюхая. Безъ сомнѣнія, въ ней есть и своя доля правды, — и тѣмъ жальче, что авторъ преувеличеніемъ дѣла парализировалъ дѣйствіе справедливой стороны своего сочиненія. По-русски эта книга переведена плохо, а издаана сѣрвато, съ тремя или четырьмя плохими политипажными, набранными изъ разныхъ изданій.

237) Сокращенная Русская Грамматика Александра Востокова. Перепечатана съ четвертаго изданія, для употребленія въ заведеніяхъ Московскаго Учебнаго Округа, съ разрѣшенія высшаго начальства. Изданіе третیه безъ перемѣны. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 162 стр.

Грамматика эта такъ извѣстна, что говорить о ней, по поводу 3-го московскаго изданія, считаемъ совершенно лишнимъ.

238) Вскобшля Географія, приспособленная къ преподаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Выпускъ 2. Москва. 1845. Въ тип. Н. Степанова. Въ 8-ю д. л. 97—224 стр.

Мы рекомендовали преподавателямъ географіи первый выпускъ этого труда, составленный добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла. Второй выпускъ, содержащій въ себѣ обзоръ Океаніи и описаніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ государствъ Европы, убѣждаетъ насъ еще болѣе, что рекомендація наша вполне основательна. Авторъ ясно и, можно сказать, живописно представляетъ отличительныя особенности странъ, умѣя избѣгать съ одной стороны сухости, съ другой краткости, во вредъ полнотѣ изложенія. Обращаемъ вниманіе читателей на описаніе Исландіи и столицъ. Городовъ выведено немного — и зачѣмъ исчислять, напримѣръ, тѣ, въ которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ кирпичныхъ заводовъ?—Но тѣ, которые имѣютъ что-нибудь отличительно-важное, представлены со всѣми подробностями, интересными для взрослыхъ и незрелыхъ. Такіе курсы географіи заставляютъ учащихся любить ее, а не зѣвать, при указаніи кое-какихъ мѣстечекъ на ландкартѣ. Авторъ приспособилъ свой курсъ къ преподаванію географіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые дѣйствительно нуждаются въ географическомъ руководствѣ, соединяющемъ въ себѣ интересъ науки съ ясностью изложенія. Цѣна книги притомъ умѣренная: каждый выпускъ

стоитъ 35 коп. сер., а покупающіе больше десяти экземпляровъ платятъ 30 коп. сер. Для учебныхъ заведеній, авторъ сдѣлаетъ, вѣроятно, еще уступку. Всѣхъ выпусковъ будетъ пять: въ 3-мъ продолжится описаніе европейскихъ государствъ, въ 4-мъ — будетъ описаніе отдѣльныхъ земель и государствъ Азіи и Африки, въ 5-мъ — описаніе отдѣльныхъ земель и государствъ Америки и Океаніи. Выдача выпусковъ не замедлится.

239) Хронологическій Указатель Высшихъ Событій Русской Исторіи отъ прішествія Варяговъ до вступленія на престолъ князя царствующаго Императора Николая I, составленный Николаемъ Всеволожскимъ. Москва. Въ тип. А. Семена, на Кузнецкомъ Мосту, въ домъ Суровицкова. 1845. Въ 8-ю д. л. 328 стр.

Книга эта, какъ видно изъ самаго ея названія, заключаетъ въ себѣ краткій перечень происшествій въ исторіи Русскаго Государства отъ начала его до настоящаго времени, изложенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ. Съ перваго взгляда, трудно понять, что разумѣетъ авторъ подъ «высшими событіями русской исторіи». Обыкновенно, этимъ словомъ называются отношенія правительныя или мирныя русскаго народа къ другимъ, выражающіяся въ важнѣйшихъ формахъ. Но въ предисловіи своемъ, сочинитель «Хронологическаго Указателя» съ этимъ именемъ соединяетъ совершенно-другое понятіе. Онъ говоритъ, что въ его книгѣ должно искать не раскрытія внутренняго содержанія происшествій, а только одного простаго изложенія фактовъ, взятыхъ изъ лѣтописей. И такъ, высшими событіями онъ называетъ одни факты, изложенные безъ всякаго объясненія причинъ ихъ и слѣдствій. Въ такомъ случаѣ, слово *высшихъ* совершенно-лишнее и своею неопредѣленностью только затеняющее мысль, выраженную въ словахъ автора. Само-собою разумѣется, что «Хронологическій Указатель Событій»

не можетъ и не долженъ представить полнаго развитія, удовлетворительнаго объясненія ихъ начала, постепеннаго хода и вліянія на образованіе послѣдующихъ происшествій. Это дѣло уже науки-исторіи, которая не ограничивается однимъ сборомъ событій, а раскрываетъ ихъ внутреннюю связь и значеніе. По этому самому, надежда автора, что его книга будетъ полезна сколько-нибудь и ученымъ, занимающимся изслѣдованіями историческихъ событій, избавляя ихъ отъ тяжкаго труда рыться въ книгахъ и лѣтописяхъ для справокъ о какомъ-нибудь фактѣ, — едва-ли основательна, потому-что книга эта не можетъ замѣнить имъ собою ни лѣтописей, ни другихъ источниковъ для уразумѣнія исторіи, которые всегда должны находиться и дѣйствительно находятся у нихъ подъ руками, и съ которыми они гораздо-вѣрнѣе и безопаснѣе могутъ справиться въ случаѣ присканія даже какого-нибудь факта. Что касается до тѣхъ, которые начинаютъ учиться русской исторіи, и для которыхъ еще не столько нужны глубокіе, философскіе взгляды на историческіе факты, сколько самое усвоеніе этихъ фактовъ, — для нихъ, безъ всякаго сомнѣнія, этотъ «Указатель» можетъ быть полезною настольною книгою, въ которой они могутъ прибѣгать во всякое время для возобновленія въ своей памяти забытыхъ ими происшествій. Но если ограничить пользу сочиненія г. Всеволожскаго и этою сферою, то и тогда эта польза будетъ довольно-велика и трудъ его не будетъ потерянь, особенно если принять въ расчетъ то обстоятельство, что онъ ему стоилъ не слишкомъ-большихъ усилій. Изданная имъ теперь въ свѣтъ книга составила вотъ какинъ образомъ: «Любя» говорить авторъ: «издѣтства заниматься исторіею моего отечества, я при чтеніи источниковъ нѣлъ обыкновеніе записывать въ особой книгѣ годы событій для того, чтобъ въ послѣдствіи-легче было мнѣ припоминать прочитанное». Во всякомъ случаѣ, книга г. Всеволожскаго принадлежитъ

въ числу руководствъ, которыя могутъ быть съ успѣхомъ употребляемы при изученіи русской исторіи. Она написана яснѣе, правильнымъ языкомъ, исключая одной странности, которую мы встрѣтили въ орѳографіи г. Всеволожскаго, и которую можно объяснить только желаніемъ блеснуть какою-нибудь оригинальностью. До-сихъ-поръ всѣ существительныя имена, оканчивающіяся на *я* писались и пишутся обыкновенно въ дательномъ и предложномъ падежахъ единственнаго числа черезъ *ю*. Этотъ законъ основанъ на всеобщности выговора и утверждень дательности употребленія. Г. Всеволожскій, по какому-то капризу, рѣшился уничтожить этотъ законъ по-крайней-мѣрѣ въ своей грамматикѣ, и на мѣсто его ввести новый. Видѣсто *Россіи*, въ *Россіи*, оиъ пишетъ: *Россію*, въ *Россіи*; видѣсто *арміи*, въ *арміи* — *армію*, въ *арміи*, и всѣ подобныя слова пишутся по его орѳографіи такимъ же точно образомъ. Не знаемъ, кому прійдетъ охота быть послѣдователемъ г. Всеволожскаго въ такихъ странностяхъ, хотя бы оны, можетъ-быть, и желалъ имѣть подражателей.

240) Славянскій Сборникъ Н. В. Савельева-Ростиславича. *Санктпетербургъ. Въ тип. Вилебера. 1845. Въ 8-ю д. л. ССХХХІХ и 304 стр.*

Книга г. Савельева - Ростиславича принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ явленій, какъ выраженіе мнѣній цѣлой ученой и литературной партіи. Поэтому, намъ хочется, подробнымъ разборемъ этой книги, познакомить публику съ духомъ и толкомъ партіи, которой г. Савельевъ-Ростиславичъ является органомъ. Все это мы не замедлимъ сдѣлать въ отдѣлѣ Критики - Отеч. Зап. .

241) О Женскихъ Крестьянскихъ Школахъ, или о распространеніи между крестьянами грамотности на религиозно-нравственномъ основаніи. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 26. стр.

Императорское Московское Общество Сельскаго Хозяйства, обращая вниманіе на примѣчательныя труды своихъ сочленовъ, въ послѣднемъ годинномъ собраніи почтито особеннымъ вниманіемъ учрежденіе *первой въ Россіи школы для образованія крестьянскихъ дѣвочекъ*, существующей, болѣе 20 лѣтъ, въ мѣстѣ дѣйствительнаго члена его, Николая Степановича Стрѣмоухова, Лебедянскаго-Уѣзда, Харьковской-Губерніи. Черезъ посредство члена своего, г. Омельяненко, оно собрало свидѣнія объ этой школѣ, состоящія въ слѣдующемъ: при учрежденіи этой школы главнѣйшимъ основаніемъ было убѣжденіе, что мы даемъ какое-то поверхностное или, лучше сказать, отрывочное образованіе своимъ дворовымъ людямъ и крестьянскимъ мальчишкамъ, которое ни къ чему не ведетъ. Мы обучаемъ ихъ грамотѣ, какъ-бы какому ремеслу, нисколько не заботясь о ихъ нравственномъ образованіи; послѣдствіемъ этого бываетъ то, что грамотный крестьянинъ верѣдко употребляетъ во зло пріобрѣтенныя имъ познанія, и грамота въ рукахъ безнравственнаго человѣка становится опаснымъ орудіемъ. Чтобъ отвратить такіа послѣдствія, необходимо прежде обратить вниманіе на образованіе женщинъ, которыя всегда и ведаѣ имѣли сильное вліяніе на образованіе мужчинъ. Этимъ только путемъ можно легко и вѣрно распространить образованность въ простомъ классѣ народа. «Приготовьте прежде образованныхъ матерей» (слова г. Стрѣмоухова) «и увидите, какъ легко и скоро распространится просвѣщеніе; во прежде всего женщина должна быть истинною христіанкою, т. е. получить религиозно-нравственное образованіе». Первоначально, въ мѣстѣ г. Стрѣмоухова школа была учреждена для однѣхъ дѣвочекъ, а спустя десять лѣтъ, начали обучать и мальчиковъ, преимущественно изъ тѣхъ семействъ, въ которыхъ есть грамотныя женщины. Обучаютъ ихъ: чтенію и письму, закону Божію, начальнымъ правиламъ арифметики, церковному

женскому пѣнію и женскимъ рукодѣль-
ямъ, въ томъ числѣ плетенію соломен-
ныхъ и корневыхъ шляпъ и разныхъ
вѣтлѣй. Сверхъ того, старшія ученицы
практически учатся домоводству. Сло-
вомъ дается полное женское образова-
ніе, *приспособленное къ потребностямъ
лучшей крестьянской быта*. Нѣко-
торы изъ ученицъ, до выхода за мужъ,
вступаютъ къ сосѣднимъ помѣщикамъ
и ключицы, а другія къ бѣднымъ
дворянамъ въ шарюшки. Въ зимнее вре-
мя, ученіе идетъ обыкновеннымъ по-
рядкомъ: въ лѣтнее время занимаются по-
утру часъ или два; послѣ завтрака всѣ
ученицы работаютъ въ саду и на ого-
родахъ, малолѣтныя же остаются подлѣ
матерей женщинъ. Ученіе и работы
начинаются и оканчиваются молитвою,
которую поютъ всѣ хоромъ. Обѣдъ до-
стается отъ помѣщика. Въ обшир-
номъ и прекрасномъ саду, на берегу
рѣки, въ липовой рошѣ, устроена кух-
ня, гдѣ притовляютъ пищу сами уче-
ницы по очереди. Посрединѣ рошцы
воздвигнута крестъ, вокругъ располо-
жены дерюшныя столы, за которыми
обѣдаютъ ученицы по возрастамъ. Во
время отдыха, онѣ занимаются руко-
дѣльемъ или читаютъ книги, которыя
имутъ брать изъ сельской бібліотеки,
состоящей изъ собранія духовныхъ, хо-
зяйственныхъ и другихъ назидатель-
ныхъ сочиненій. Съ захожденіемъ солн-
ца прекращаются всѣ занятія, и уче-
ницы возвращаются къ родителямъ.
До самой деревни онѣ поютъ хоромъ
духовныя и сельскія гимны и нѣкото-
рыя народныя рѣснѣ такого, однако,
соларжанія, которое не можетъ воспла-
менить страстей и пораждать романти-
ческихъ мечтъ въ юномъ сердцѣ. Во
всѣхъ занятіяхъ ученицъ видно религі-
озно-практическое направленіе, имѣ-
ющее значіе даже на образованіе ихъ
характера. Вообще, ученицы отличают-
ся скромностію и чистотою нравовъ.

Къ свидѣніямъ, доставленнымъ г.
Овдьяченко, присовокуплены отноше-
нія самого г. Стремюхова и свидѣтель-
ство священника Г. Стремюхова пред-
ставляющаго обществу заведенія учащихся

слишкомъ за десять послѣднихъ лѣтъ.
Эти занятія суть тетради, включа-
ющія въ себя: 1) упражненія въ пись-
мѣ съ прописей русскихъ и латин-
скихъ, 2) церковныя писанныя кален-
дари, 3) ноты разныхъ концертовъ.
Подъ каждою страницею уроковъ чи-
стописанія означены годъ, число мѣ-
сяца, имя празднуемаго въ тотъ день
святаго, состояніе погоды, какого ра-
ряда ученицы и ученики пѣли предъ
обѣдомъ и какіе именно концерты, ча-
конецъ, подпись имени и подаренія
ученицы и одобреніе рукою г. Стре-
мухова, свидѣтельствуемое, что онъ
самъ просматриваетъ ежедневно тетра-
ди учащихся. Списываніе съ латин-
скихъ прописей, а отчасти и произно-
шеніе словъ допущено въ школѣ, какъ
удобнѣйшее средство къ побужденію
внимательнѣе всматриваться въ по-
черкъ не столь знакомаго характера
буквъ. Сверхъ-того, это дѣлается и по
предположенію ввести, со-временнѣе,
преподаваніе начальныхъ понятій бо-
гатики, нечуждой земледѣлю, и при-
томъ, хотя элементарно, объясняющей
и медицинское свойство растений. Те-
перь же латинскія буквы служатъ для
музыкальныхъ терминовъ при ученіи
нотному пѣнію. Въ свидѣльствѣ свя-
щенника сказано, что крестьянскія
лѣтні г. Стремюхова, и въ-особенно-
сти женскаго пола, отъ восьми до
тридцати-двухъ-лѣтняго возраста, вы-
учены всѣ, въ хозяйственно-ремеслен-
ной школѣ, читать, писать, заповѣ-
даютъ Христовымъ, нотному духовному
пѣнію и началамъ ариметики. — По-
слѣдняя статья брошюры принадле-
жить г. Маслоу: «Объ образованіи
комитетовъ при обществахъ сельскаго
хозяйства для распространенія гра-
мотности между крестьянками въ по-
мѣстичьихъ мѣстностяхъ». Авторъ, замѣ-
чая, что нравственность простаго рус-
скаго народа видимо ослабѣваетъ съ
приливомъ новыхъ понятій, новыхъ
потребностей, съ постепеннымъ уда-
леніемъ народа отъ простой сельской
и земледѣльческой жизни въ жизнь
фабрично-промышленную, предлагаетъ

вопрос: есть ли надежное средство против этой всеобщей заразы нашего вѣка (развитія промышленности всякаго рода!), средство, которое, при дѣйствіи на болѣзнь, не уничтожило бы развитія народной дѣятельности, ни стремленія людей къ улучшенію своего быта для удовлетворенія современныхъ потребностей? Отвѣтъ даетъ ему лордъ Россель, внесшій въ вижнюю палату билль о необходимости распространенія началъ религіознаго и нравственнаго образованія народа. Вотъ гдѣ, слѣдственно, противодѣйствіе злу: въ *религіозно-нравственномъ образованіи крестьянъ, приуроченномъ къ потребностямъ улучшеннаго ихъ быта*. Особенное вниманіе помѣщиковъ обращаетъ г. Масловъ на образованіе женскаго пола, ставя въ примѣръ образованіе, даваемое г. Стремоуховымъ, невыходящее крестьянокъ изъ ихъ быта, неотлучающее ихъ отъ семействъ, развѣ для найма въ ключницы и нянюшки. И на московскихъ фабрикахъ много работаетъ крестьянокъ, приходящихъ изъ деревень; но эта работа въ столицѣ выводитъ ихъ изъ семейнаго быта и не ручается за ихъ нравственныя качества. Матери имѣютъ гораздо — большее вліяніе на благосостояніе семействъ, нежели отцы. Отцы и грамотные сыновья скорѣе зовутся на вѣшнюю дѣятельность. Отъ ихъ грамотности можетъ быть семейству денежная польза лучшими заработками, но нравственной пользы очень мало; мать же всегда остается съ дѣтьми, и если она сама будетъ нравственнѣе и благочестивѣе, то подастъ въ томъ примѣръ дѣтямъ своимъ. Женщина не станетъ писать ложныхъ паспортовъ и счетовъ, какъ это случается съ безнравственными грамотѣями: это не ея кругъ дѣятельности. Она скорѣй употребитъ знаніе свое для домовитости, и поведетъ дѣтей въ церковь въ дни праздниковъ. Распространеніе религіозно-нравственной грамотности не помѣшаетъ ни крестьянскимъ работамъ, ни руководѣльямъ, не выведетъ людей изъ ихъ бы-

та, но выведетъ изъ невѣжества, предупреждая развратъ, безнравственность и суевѣріе; ибо то несомнѣнно, что расколы, даже самые грубые и вредныя, умножаются у насъ отъ безграмотности народа, и именно потому, что раскольники почти всѣ грамотные и учать грамотѣ не только сыновей, но и дочерей своихъ; это даетъ имъ моральное превосходство передъ безграмотными крестьянами и крестьянками, людьми *темными*, какъ называютъ они себя, сознавая, что ученые свѣтъ, а не ученье тьма. Церковная книга въ рукахъ раскольника есть такая сила для односторонняго убѣжденія, противъ которой безграмотный не имѣетъ равносильной защиты для своихъ вѣрованій, и если сердце его жаждетъ истины, то, при темнотѣ понятій, легко увлекается убѣжденіями грамотнаго начетчика.

Мы вполнѣ изложили содержаніе брошюры, важной по предмету, о которомъ она разсуждаетъ. Каждый просвѣщенный читатель, знаетъ ли онъ или не знаетъ г. Стремоухова, пошлетъ ему дружескій привѣтъ за доброе дѣло — и благо тому, кто въ этомъ образованіи крестьянскихъ дѣвочекъ, въ этой сельской школѣ видитъ не правдую идилію, годную только для помѣщичьей потѣхи, а исполненіе заповѣди Христовой, повелѣвающей любить всѣхъ человековъ, какъ братьевъ и общающей царство небесное тѣмъ, которые позаботились о *мелкихъ и младшихъ*! Для подвиговъ истинно-христіанской любви мало быть добрымъ бариномъ, образованнымъ чело-вѣкомъ: нужно самоотверженіе, которое безъ зависти возвышаетъ другихъ людей, хотя бы за этимъ возвышеніемъ слѣдовало, какъ неминувшій результатъ, уменьшеніе выгодъ единаго, пораженіе эгоизма. Но какъ теперь распространить благотѣльный примѣръ повсюду, куда можетъ проникать просвѣщеніе — а куда оно проникать не можетъ?... Г. Масловъ написалъ статью: «Объ образованіи комитетовъ при обществахъ сельскаго хозяйства»

для распространения грамотности между крестьянками в помещичьих имениях. До-тѣхъ-порѣ, пока дѣло не выходитъ изъ круга общихъ начертаній и положеній, оно легко пѣть умъ. Но когда то же дѣло переходитъ изъ общаго, болѣе или менѣе отвлеченнаго, въ многообразныя частности, изъ которыхъ слагается жизнь, тогда каждая частности готовится ему возраженіе, и удобовполнимое на планъ ставовится труднымъ въ жизни. Мы откровенно выскажемъ нѣкоторыя мысли, возбужденныя въ насъ статью г. Маслова.

Образованіе крестьянъ, говоритъ г. Масловъ, должно быть *религиозно-правственное, приуроченное къ потребности улучшеннаго крестьянскаго быта*. Такое образованіе не помѣшаетъ ни крестьянскимъ работамъ, ни рукодѣльямъ, не выведетъ людей изъ ихъ быта, но выведетъ изъ невѣжества, предупреждая развратъ, безнравственность и суевѣріе. Это очень хорошо—еслибъ на-самомъ-дѣлѣ такъ было и могло быть; но, къ несчастію нашему и всѣхъ крестьянъ на свѣтѣ, въ словахъ есть несогласныя противорѣчія, точно такъ же, какъ есть въ жизни неразрѣшимыя столкновения обязанностей.

Три понятія входятъ въ мнѣніе г. Маслова: образованіе, религиозно-правственное образованіе, крестьянскій бытъ. Еслибъ эти понятія могли жить дружно—или какъ равныя члены одной родственной сферы, или какъ истинно-подчиненныя другъ другу, находясь въ неразрывномъ отношеніи основаній къ слѣдствіямъ, тогда легкое купуналось бы наше счастье: стоило бы только сдѣлаться крестьянствомъ, образованнымъ религиозно-правственно! И тотъ, для кого религія и нравственность выше всего на свѣтѣ—не на одной бумагѣ, которая все терпитъ—тотъ съ радостію промѣнялъ бы свою богатую тогу на мужицкій кафтанъ, а въяскую коляску на тряскую телегу. Но такія превращенія случаются только въ балетахъ, изъ

любви небывальгѣхъ героевъ къ небывальгѣмъ крестьянкамъ: отъ-чего жъ не случается это въ жизни?...

Истинное образованіе, по сущности своей, исключаетъ многіе предметы, несовѣстные съ этой сущностью. Удовлетворенію физическихъ потребностей можно положить тѣсныя предѣлы, при которыхъ человѣкъ будетъ чувствовать себя довольнымъ, даже счастливымъ: много ли, наприимѣръ, нужно, чтобъ утолить голодъ, или прикрыть наготу тѣла? Для удовлетворенія умственныхъ и душевныхъ потребностей человѣка не существуетъ такихъ предѣловъ, при которыхъ можно бы было сказать человѣку: довольно съ тебя! полно! ты запасся теперь на всю жизнь, и съ этими запасомъ проведешь жизнь счастливо, оставаясь тѣмъ, чѣмъ ты былъ. Истинное образованіе возбуждаетъ новыя и новыя желанія, предлагаетъ новыя и новыя вопросы. Оно выводитъ насъ не только изъ тьмы невѣжества, но, показывая сходство и различія разныхъ общественныхъ состояній, даетъ намъ намѣреніе (если не средства) выйти изъ одного, худшаго, быта—въ другой, лучшей. Не видитъ человѣкъ что хуже и что лучше—онъ не истинно-образованъ; видитъ и не хочетъ—это неестественно. А развѣ можно быть счастливымъ при безсиліи выполнить разумныя, законныя намѣренія? Конечно, въ дѣлѣ ученія, которое простирается отъ нуля до безконечной величины, есть возможность удовольствоваться и удовольствоваться одной азбукой; но такое образованіе неистинно—слѣдовательно, рѣшительно бесполезно. При такомъ образованіи не только не чувствуешь охоты продолжать начатое, но и не видишь надобности въ полученномъ. Итакъ, мы увѣрены, что произнеши слово образованіе, г. Масловъ разумѣлъ образованіе истинное, а такъ-какъ оно имѣетъ свою особенную отличительность, противорѣчащую сущностямъ другихъ предметовъ, въ силу сего отвергается другая половина авторскаго положенія.

Иначе маленькая брошюрка, въ одинъ присѣсть, безъ парламентскихъ прений, рѣшить то, чего до-сихъ-поръ не рѣшили тори и виги, палата перовъ и палата депутатовъ—отъ-того не рѣшили, что хотѣть согласить несогласимое, примирить непримиримое.

«Образованіе должно быть приворожено къ потребностямъ улучшеннаго крестьянскаго быта». Прекрасно! Покажите же намъ формулу этого улучшеннаго быта. Гдѣ она? какой общій видъ хорошаго состоянія поселянъ? Въ образованіе крестьянъ, въ улучшеніе ихъ быта входятъ два термина: улучшающій и улучшаемый. Для полученія надлежащаго, добраго, въ этомъ случаѣ, результата — необходимо взаимодѣйствіе обоихъ терминовъ, такъ, чтобъ не являлось противорѣчія между силою одного и выгодами другаго. Если нѣтъ согласія въ основаніи дѣйствій — не будетъ и общеулучшеннаго, повсемѣстно-хорошаго крестьянскаго быта. Выговоръ словъ мѣняется, по мѣнѣнію Паскаля, на пространствахъ одного градуса. Въ томъ предметѣ, о которомъ мы разсуждаемъ, достаточно одной сотой доли градуса, чтобъ измѣнить положеніе дѣла, породить разнообразіе, допустить противоположность. Два помѣстья, отдѣленные одною верстою, представляютъ разнохарактерныя картины: чтъ въ одномъ, по разсужденію дѣателя улучшающаго, признано нужнымъ, полезнымъ, лучшимъ, тѣ въ другомъ, по разсужденію такого же дѣателя, сочтено ненужнымъ, бесполезнымъ, худшимъ. Какъ же согласить многоразличныя воли, побужденія, причины? Другими словами: чѣмъ обезпечить и общее основаніе для улучшеній, и долговѣчность улучшеннаго? Какъ ни благонамѣренно написана статья г. Маслова, но замѣной желаемаго обезпеченія допущена быть не можетъ.

«Образованіе должно быть религиозно-нравственное... Здѣсь надлежало бы г. Маслову разсмотрѣть сущность обоихъ предметовъ (образованія и нравственности религиозной), сред-

ства, которыми достигается религиозно-нравственное образованіе, и слѣдствія, къ которымъ оно приводитъ. Что касается до перваго вопроса, то не трудную ли обязанность принимать на себя авторъ? Сколько людей и времени погибло въ рѣшеніи новой фениксовой загадки—безъ пользы для образованія, безъ славы для нравственности! Брошюра слуга тотъ и другой предметъ въ-одно цѣлое — всильственно или нѣтъ, не знаетъ, потому-что не имѣемъ права говорить о бездоказательныхъ положеніяхъ. Можемъ сказать только, что она безъ доказательствъ. Средства для сообщенія религиозно-нравственнаго образованія очень-легки, какъ видно изъ свидѣтельства священника о школѣ г. Стремоухова: чтеніе, письмо, заповѣди Христовы, потное духовное цѣнне и начала ариметики. Въ одинъ или двагода легко кончить курсъ образованія и быть религиозно-нравственнымъ человѣкомъ. Но отъ-чего, скажите, сдѣлайте милость, такъ мало нравственныхъ людей при такомъ множествѣ людей, знающихъ то, чтъ знаютъ крестьянскія дѣвочки г. Стремоухова? Самъ г. Масловъ говоритъ, что работа въ столицѣ, на фабрикахъ, за станками, при разматываніи шерсти, бумаги и шелка, выводитъ крестьянокъ изъ семейнаго быта, не ручается за ихъ нравственныя качества. Что жъ это за нравственность такая, которая имѣетъ мѣсто только въ крестьянскомъ семействѣ, и не имѣетъ мѣста за порогомъ избы?... Развѣ человѣкъ можетъ быть нравственнымъ не иначе, какъ будучи крестьяниномъ? Или не одно и то же нравственный человѣкъ и нравственный крестьянинъ? Въ такомъ случаѣ, приходится намъ повторить, чтъ мы говорили прежде: люди, исповѣдующіе нравственность на словахъ и на дѣлѣ, будутъ совершенно послѣдовательны самимъ-себѣ, если переѣдутъ изъ городовъ въ деревни и преобразятся изъ господъ въ мужиковъ. Нѣтъ, плохо, неадекватна та нравственность, которая остается нравственною только въ куриной нѣбѣ и

становятся безнравственною на фабриках; плоха, неважна та нравственность, которая крестьянина не дѣлаетъ человекомъ, но принуждаетъ человека сдѣлаться крестьяниномъ. Раскольники, на-примѣръ, почти всѣ грамотны, всѣ имѣютъ моральное превосходство предъ безграмотными; безъ сомнѣнія, имъ извѣстно все то, что знаютъ крестьянскія дѣвочки, учившіяся въ сельской школѣ; однакожь, отъ чего они не могутъ служить примѣромъ образованія? отъ-того, что эти образованные люди — не образованы, хотя знаютъ заповѣди Христовы, умѣютъ читать, писать, пѣть по нотамъ и производить арифметическія дѣйствія. Слѣдствія образованія, предполагаемаго г. Масловымъ, также очень-легки и удобопонятны, какъ легки самыя средства: оно не помѣшаетъ ни крестьянскимъ работамъ, ни рукодѣлю, ни выведетъ людей изъ ихъ быта. Съ этимъ мы вполне согласны. Авторъ брошюры могъ бы сказать иначе: оно не лишитъ образованныхъ нужнаго имъ смиренія. А смиреніе, какъ извѣстно, бываетъ разнаго рода: есть смиреніе мудраго, говорящее: я знаю, что ничего не знаю; есть смиреніе умнаго, вынужденное необходимою выбрать наименьшее зло, и есть смиреніе заносчиваго мальчика, добытое ферулою учителя. Которое изъ этихъ смиреній плодотворнѣе — оставляемъ рѣшить брошюрѣ. Мы, съ своей стороны, обязаны благодарить г. Маслова за его благонамѣренную статью, но болѣе всего благодарить г. Стремоухова за его истинно-христіанское дѣло, прекрасно-человѣчскій поступокъ. И не только мы, но всѣ благородно-мыслящіе, изблизи и надалека, пошлютъ ему братскій привѣтъ и горячее спасибо.

242) Отрокъ Вячко. Москва. Въ тип. А. Семена. 1845. Въ 12-ю д. л. 20 стр.

Стихотвореніе г. Н. Языкова, помѣщенное въ «Библіотекѣ для Воспитаній» и теперь отдѣльно напечатанное.

Хвала терпѣнію тѣхъ, кто прочелъ его два раза! Мы не заслуживаемъ этой похвалы...

243) Лондонскія Тайны. Романъ Френсиса Троллопа. Переводъ П. Фурмана. Картинки сочинены и литографированы художникомъ г. Ковригинимъ. Пять частей. Санктпетербургъ. 1845. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 270, во II-й — 236, въ III-ей — 234, въ IV-ой — 175, въ V-ой — 131 стр.

При обзорѣ русской литературы за прошлый 1844 годъ, въ первой книжкѣ «Отеч. Записокъ» нынѣшняго года, мы говорили объ этомъ романѣ, переводъ котораго первоначально былъ напечатанъ въ «Библіотекѣ для Чтенія». Лондонскія Тайны — подражаніе Парижскимъ Тайнамъ, порожденіе чрезвычайнаго успѣха послѣдняго романа. Это обстоятельство повлѣвъ опредѣляетъ достоинство Лондонскихъ Тайнъ. Парижскія Тайны, не смотря на всѣ ихъ недостатки, имѣютъ и свои серьезныя достоинства, особенно со стороны мысли, и отчасти со стороны выполненія. Подражаніе всегда бываетъ ниже оригинала, особенно когда оно предпринимается ради денегъ. Не смотря на то, Лондонскія Тайны, чужды всякой мысли, исполненныя эффектовъ, натяжекъ, неестественности, преувеличеній, чудовищностей, фарсовъ и нелѣпостей, — не только лишены, но даже съ избыткомъ снабжены славочнымъ интересомъ, который не даетъ оторваться отъ книги, если вы ее начали читать. Интересъ этотъ — чисто-наркотическій, дѣйствующій больше на нервы, нежели на умъ, но все же интересъ. Старикъ Дмитріевъ сказалъ правду:

Для сказки и того довольно,
Коль слушаютъ ее безъ скуки, добровольно.

А Лондонскія Тайны читаются безъ скуки. Что жъ тутъ дурнаго? Было же вѣдь время, когда читающая Европа съ ума сходила отъ нелѣпныхъ романовъ Анны Радклайвъ? А чѣмъ же Лон-

домскія Тайны хуже какихъ-нибудь Удольфскихъ Таинствъ? Ничѣмъ не хуже; напротивъ, лучше во всѣхъ отношеніяхъ, и, главное, умѣе въ тысячу разъ. Кромѣ того, Европа и не думала сходиться съ ума отъ Лондонскихъ Тайнъ, хотя и читала ихъ, сколько отъ нечего дѣлать, столько и по страсти къ сказкамъ. Вотъ другое дѣло — Парижскія Тайны: отъ нихъ, нечего грѣха таить, Европа немножко помѣшалась-было, но не надолго; теперь она сходится съ ума отъ *Вичнаго Жида*, — по это для того, чтобъ потомъ найдти на умъ еще лучше прежняго.

244) Асканіо Риччи. Драма. Сочиненіе Б. Б. (1839). Москва. Въ тѣхъ. Николая Степанова. 1845. Въ 12-ю д. л. 186 стр.

Случалось ли вамъ видѣть, какъ дѣти пускаютъ мыльные пузыри? Съ какою радостью смотрятъ они на свое произведеніе, когда переливы свѣта образуютъ на немъ различные цвѣта, то оранжевые, то голубые, то зеленые! Все вниманіе ихъ сосредоточено на этомъ восхитительномъ зрѣлищѣ; очарованіе ихъ такъ сладко, что они ни мало не подозреваютъ непрочности своего наслажденія: имъ кажется, что они долго будутъ имъ любоваться. Но малѣйшее дуновение вѣтерка разрушаетъ всѣ ихъ надежды, — пузырь лопается, и очарованіе исчезаетъ, оставивъ послѣ себя непріятные слѣды мыльной пѣны, въ ознаменованіе пустоты и ничтожности ихъ труда. Подобное явленіе въ литературномъ отношеніи составляетъ драма г-на Б. Б. Главное достоинство ея заключается въ правильномъ, гладкомъ, даже, если хотите, блестящемъ, звучномъ стихѣ. Но подъ этимъ лоскомъ скрывается вся бѣдность, нищета содержанія. Выражаемыя этимъ мыльнымъ стихомъ чувства, при всей ихъ напыщенности, ложны, валы, натапнуты. Впрочемъ, не вся драма писана стихами: есть также и проза, которая рѣшительно ни въ чемъ не уступаетъ стихамъ. Драматизма того, который заключается въ оригинальности, самосто-

ятельности мысли, дающей направленіе всему созданію, въ сильномъ, вѣрномъ изображеніи страстей, развивающихся подъ вліяніемъ одной идеи, въ истинности и разнообразіи характеровъ, стремящихся хотя разными средствами но къ одной цѣли, наконецъ въ естественности и непринужденности самого хода дѣйствія, собственною силою достигающаго своего назначенія, — вы напрасно будете искать въ безцѣльномъ произведеніи г. Б. Б. Вмѣсто всего этого, встрѣчаете въ немъ великоблестныя фразы, лишеныя всякаго значенія, блистательный наборъ словъ, трескотню, кромѣ оглушительнаго шума въ ухахъ непронизывающую никакого другаго дѣйствія. Съ самой первой строки и до самой послѣдней идетъ одна и та же скучная, утомительная исторія, одна и та же неугомонный трезвонъ. Но мы намѣрены познакомиться вась ближе съ талантомъ г. Б. Б. Вотъ первая сцена, которою начинается драма:

Асканіо.

«Никого нѣтъ. — Я, мое сердце и очарованіе... Здѣсь полный триумфъ любви. — Какъ удобно мало для счастья! Но эта бездѣлица, малость — она велика, необытна, когда составляетъ для человѣка все! Дайте ему эту малость — онъ будетъ богатъ какъ Крессъ; отнимите — онъ станетъ бѣднѣе Ира!...

О, сколько свѣтлыхъ чувствъ кипитъ въ
моей груди!
Для счастья души мнѣ надо такъ не-
много:

Я только бы хотѣлъ ихъ свято разделить
Съ другою чистою и свѣтлою душою,
Съ душею жевщины — великимъ су-
ществомъ —

Съ прекраснымъ омблескомъ небеснаго
въ земномъ.

О, бѣденъ человекъ безъ свѣтлыхъ впечатлѣній;

Несчастенъ если ихъ имѣя не дѣлать —
И жизнью, полною небесныхъ насла-
жденій

Одна душа его безрадостно кипитъ.
Оно — томительный, тревожный, необ-
ликий,

Сжигаетъ свѣтлыя, небесныя мечтанія...
Природа передъ нимъ раскрыла красоту,

Все виданное имъ такъ ясно, такъ понят-
но.

И жаждетъ онъ свои восторги передать,
Улыбнать сердцу гласъ отъзвнный,
Любить и чувствовать взаимно
И жизнью двойной творца благословлять.
Я не искалъ ея... Она была мечтою,
Неяснымъ призракомъ } сперва дивилась
мнѣ;

Но я узналъ ее ее безальстимою тишиной
И полюбилъ ее моею душою.

Во робкій я не могъ словами передать
Души тревожныя страданья
Мои надежды и желанья!
Не смѣлъ я ей истолковать.

Но не сокроешь мысль живую...

Сегодня, въ этотъ день родилась она!...
Я встрѣчу здѣсь ее... Душа моя полна
Я эту полноту ей смѣло истолкую —
И сѣтлою душой она меня пойметъ,
Быть-можетъ наградитъ любовью взаим-
ной,

Быть-можетъ...

Наговорено, какъ позволите видѣть,
довольно-бойко. Но что же это такое?
Уже-ли въ-самомъ-дѣлѣ такимъ вычур-
нымъ языкомъ высказывается исти-
ное чувство любви! Эти немногія стро-
ки не дадутъ ли полнаго права предуга-
дывать напередъ весь призрачный ха-
рактеръ этого главнаго дѣйствующаго
лица въ драмѣ, а за нимъ и всѣхъ дру-
гихъ? Асканію въ порывѣ своего оду-
шевленія наговорилъ бы, можетъ-быть,
и больше, но ему номѣнналъ братъ его,
Фиделіо. Оба они — ученики одного
панскаго живописца Франческо, и оба
люблены въ хорошенькую его дочь
Маргариту, которая, однакожь, нравит-
ся и прочимъ ихъ товарищамъ по шко-
лѣ. Но Фиделіо успѣлъ ихъ всѣхъ пред-
упредить въ расположеніи и благо-
склонности мамзель Маргариты. На-
сталъ день именинъ маргаритиныхъ, и
онъ рѣшился поднести ей букетъ цвѣ-
товъ. Неся этотъ-то букетъ, онъ встрѣ-
чается съ Асканію, открываетъ ему
свою любовь къ Маргаритѣ и намѣре-
ніе просить ея руки, и такимъ жесто-
кимъ для сердца Асканію открытіемъ
испрровергаетъ всѣ его мечты и наде-
жды. Этотъ ударъ такъ сильно поража-
етъ его, что онъ начинаетъ, кажется,
бредить, но-крайней-мѣрѣ монологъ его

по случаю такой неудачи очень похо-
дитъ на бредъ:

«Итакъ вотъ что значить одна минута...
Упасть съ облаковъ, отказаться отъ неба
въ тѣ радостныя мгновенія, когда уже
касаясь къ нему головою. Вотъ гдѣ суль-
ба! Она можетъ безжалостно изорвать на-
ше сердце въ клочки и бросить его го-
лодной дѣйствительности, какъ псу. А
дѣйствительность, эта нагала дѣйстви-
тельность и сѣйна и безумна. Она бѣжи-
тъ по цвѣтамъ, она топчетъ ихъ безъ
разбора, скользитъ, спотыкается, разби-
ваетъ хрустальный черенокъ мечты — и
мы плачемъ надъ черепками!...»

Въ это самое время въ саду показы-
вается Маргарита. Мафелѣ, одинъ изъ
товарищей Асканію, которые всѣ собра-
лись вмѣстѣ, указываетъ ему на Мар-
гариту. Асканію, вѣроятно, раздосадо-
ванный своею неудачею, не хочетъ
смотрѣть туда, куда показываетъ ему
Мафелѣ, и, указывая ему самому на
ковла, изображеннаго на ландшафтѣ,
говоритъ:

«Посмотри Мафелѣ, вотъ мамзель Мар-
гарита.

Мафелѣ.

Что ты! я развѣ не вижу, что это козель?

Асканію.

Слушай Мафелѣ: — если ты знаешь
разницу между дѣвушкой и козломъ, то я
вѣрно найду различіе межъ осломъ и
межъ человѣкомъ.

Мафелѣ.

Что это значить?

Асканію.

Это значить, что оселъ никогда не
можетъ быть человѣкомъ, но человѣкъ мо-
жетъ быть иногда осломъ.

Мафелѣ.

Э-ге! Это мнѣ кажется уже чертъ-чуръ
умно.

Асканію.

Не дивлюсь, потому-что это тебѣ ка-
жется.

Мафелѣ.

Но что это значить?

Асканію.

Когда ты не понимаешь, то это значить;
поди, убирайся къ чорту — и не мѣшай
мнѣ работать.»

Обругавъ такимъ-образомъ ни за что,
ни про что, и, какъ ему вѣроятно пока-

залось, довольно-зло, а не глупо, Бѣднаго Мафѳолѣ, и продекламировать пре-выспреннимъ слогама въкоторыя пре-мудрости, которыхъ безъ сомнѣнія и самъ не понимъ, Аскавіо оставилъ сво-ихъ товарищей. По удаленіи его, вхо-дитъ Франческо и предлагаетъ дочь свою тому изъ учениковъ въ замуж-ство, кто въ извѣстный срокъ напи-шетъ лучшую картину. Всѣ принима-ютъ это предложеніе, и падаютъ отъ восторга на колѣни передъ Маргари-тою. Въ эту минуту входитъ Аскавіо и объявляетъ, что онъ не согласенъ со-стязаться; на вопросъ Франческо: по-чему жь? онъ отвѣчаетъ довольно-хи-тро:

«Я вамъ не истолкую
Того, что мудро такъ отъ насъ утасно:
Судьбами міра кто-то править,
Надъ человеческой судьбой
Есть кто-то выше. Надо мной
Штеръ небесный воздухъ давить:
А тамъ, надъ небомъ, можетъ быть
Еще есть небо. — Для чего же,
Намъ искушать его? — И кто же
Намъ можетъ небо замѣнить?
Скажи, маэстро, воля птицы
Не также ль небу дорога,
Какъ воля сердца!»

Послѣ этого онъ уѣзжаетъ въ Вене-цію, давъ вѣрное слово возвратиться черезъ годъ на свадьбу Фиделіо, кото-рому онъ отдаетъ преимущество предъ другими составителями. Но передъ отъѣздомъ Аскавіо прощается съ ни-ми въ трактирѣ, гдѣ онъ забавляетъ виномъ и пляскою трактирщи-ка, выкидывающаго разныя штуки, чтобъ только дать ему случай поумни-чать и отпустить нѣсколько фразъ. Онъ сравниваетъ своихъ товарищей съ этимъ плясуномъ и находитъ, что они также смѣшны. Но вдругъ напа-даетъ на него грусть, какое-то пред-чувствіе, что онъ не увидитъ больше своего брата, и съ этою грустью онъ наконецъ отправляется. Проходитъ полгода. Фиделіо видится съ Маргари-тою, и говоритъ, что картина его уже кончена. Маргарита удивляется, что онъ написалъ ее такъ скоро. Фиделіо,

какъ братъ Аскавіо, отвѣчаетъ ей въ его тонѣ:

«Не я — любовь моя писала! А любовь,
Какую я люблю тебя, о Маргарита! —
Раздольна, широка какъ небо. — Да;
Какъ небо и возвышенна! Черелки
Не доползти до ней! — И знаешь ли? —

Когда
Они не доползутъ, то я уже запрети
Что не кому создать такой картины,
какъ молѣ!»

Родольфо, который также плѣненъ прелестями Маргариты, подслушиваетъ эти слова, принимаетъ ихъ лич-нымъ для себя оскорбленіемъ и рѣша-ется принести дружбу въ жертву своей любви: отправляется къ одному жи-ду, беретъ у него ядъ, и нацѣлевается от-равить Фиделіо. Онъ является къ нему, представляетъ, какъ онъ нехорошо сдѣлалъ, открывъ Маргаритѣ тай-ну картины, и, во набѣжаніе огласи этой тайны, убѣждаетъ его написать къ ней письмо, которое бы заключа-лось въ томъ, что онъ недоволенъ сво-ею картиною, и въ порывѣ своего от-чаянія сжегъ ее, но впрочемъ началъ другую. Фиделіо вѣритъ ему и слѣду-етъ въ точности его совѣту. Родольфо выманываетъ у него деньги подъ ви-домъ займа и отравляетъ его. Когда тотъ начинаетъ жаловаться на боль въ сердцѣ, онъ отвѣчаетъ, что это ниче-го, что это черви сползли на небо. Фи-деліо умираетъ. Родольфо овладѣваетъ его картиною, представляетъ ее на кон-курсѣ, получаетъ вѣнецъ первенства и руку Маргариты, которая недолго гру-стила по смерти своего прежняго дру-га и рѣшилась утѣшиться любовью другаго, послушная во всемъ волѣ сво-его дражайшаго родителя, какъ и по-добаетъ покорившей дочери. Между-тѣмъ, возвращается Аскавіо и посѣ-щаетъ къ самой свадьбѣ — но не Фиде-ліо, какъ онъ думалъ, а Родольфо. Онъ узнаетъ, что Фиделіо умеръ, и адѣ-сто начинаетъ особенно выступать его патетическая роль; выступленіе, въ которое повергаетъ его это горестное извѣстіе, не имѣетъ предѣловъ; онъ не-

астовствуетъ, — потомъ утихаетъ, по-
доаръваетъ Родольфо въ убійствѣ брата,
еще болѣе увѣряется въ этомъ увидѣвъ
похищенную Родольфомъ картину.
Фиделіо открываетъ свои подозрѣнія
другу своему Гверино, и соглашается
съ нимъ открыть эту страшную тайну
и отыскать убійцѣ. Чтобъ вѣрнѣе до-
стигнуть своей цѣли, онъ притворяет-
ся помѣшаннымъ отъ потери любима-
го брата. Онъ говоритъ, что также хо-
четъ писать картину, и выбралъ пред-
метомъ для нея отравленіе. Родольфо
не вѣритъ этому сумасшествію, подо-
зрѣваетъ, что подъ видомъ его скры-
вается какой-нибудь замыселъ, угро-
жающій его собственному спокойствію,
хазѣтъ, что для болѣеи безопасности
своей не сбывъ и его такъ же съ
рукъ, какъ Фиделіо, но оправдываетъ
себя въ оплошности тѣмъ, что это но-
вое преступленіе могло бы обратить на
него всѣ подозрѣнія. Между-тѣмъ,
проходить уже три года отъ смерти
Фиделіо, а еще никакихъ слѣдовъ убій-
ства не было открыто. Аскавіо упре-
каетъ себя въ медленности своего мще-
нія длиною, великолѣпною тирадою.
Наконецъ Гверино отыскиваетъ Жи-
ла, который продалъ Родольфо ядъ, и
съ которымъ находился въ связидиннъ
графъ Альфонсъ. Этотъ графъ покупаетъ
черезъ него у Родольфо жену его,
общая ему своимъ покровительствомъ
и вліаніемъ доставить славу перваго,
замѣннѣйшаго художника. Маргарита
узнаетъ объ этомъ торгѣ отъ сама-
го Альфонса и упрекаетъ его въ зло-
дѣйствахъ. Родольфо приказываетъ ей
сбѣжать съ нимъ. Она не повинуется.
Онъ убиваетъ ее. Являются полицей-
скіе и Джузеппо — Жидъ, продавецъ
ядовъ и обличитель преступленій Ро-
дольфо. На Родольфо накладываютъ
цѣпи, а Асканіо говорятъ, что онъ вы-
игралъ прекраснѣйшую виллу, кото-
рую герцогъ назначилъ въ награду то-
му, кто представитъ на выставку луч-
шую картину, заслужилъ лавровый вѣ-
нокъ, и что самъ герцогъ желаетъ его
видѣть. Но Асканіо отвѣчаетъ однимъ
молчаніемъ; наконецъ выходитъ изъ

задумчивости, и произноситъ свою
последнюю, вдохновенную рѣчь, кото-
рою оканчивается драма. Вотъ этотъ
любопытный финалъ:

Асканіо.

«Мой отвѣтъ —
На небесахъ, друзья мои! — Я скоро
Самъ отнесу его къ Владыкѣ горныхъ
силъ. —
Богатства, почести, вѣнокъ лавровый...
На что мнѣ ихъ?... Мой подвигъ со-
вершенъ. —
Онъ былъ ужасенъ! — Жизнь моя
Прошла какъ буря! Волны моря
Рубили бѣдный мой корабль; — об-
ломки —
Разбросаны по волѣ вѣтра; парусъ —
Изорванъ въ клочья; вѣрный якорь —
Пошелъ ко дну... Я совершилъ
Объѣтъ тяжелой жизни — и доволенъ.
Наставетъ день — но онъ не для меня!..
Живите люди! — Ты, Гверино,
Возьми Франческо; какъ отца
Делай его. Онъ долго жить; а старость
Должна покоиться отрадно, какъ дитя.
Внучать его — дѣтей несчастной Марга-
риты, —
Возьми къ себѣ; будь имъ отцомъ. —
Мое богатство
Я отдаю тебѣ.

Гверино.

Аскавіо! Но ты...

Асканіо.

Не прерывай меня. — Отнынѣ
Я не живу для васъ. Сверхъшши по-
двигъ, —
Я отрекаюсь міра. Но, и отрекаюсь, не
хочу
Произносить упрека... Миръ и люди! —
Я васъ прошоаю... Душу, чистую какъ
голубь,
Я приношу на жертву Богу. — О, мо-
литесь!
Молитесь обо мнѣ. Я вижу небо...
тамъ —
Фиделіо и Маргарита... О, Франческо!
Скорѣй туда!

(на колѣняхъ).

Великій Боже!
Будь милосердъ!...
Молитесь объ Асканіо, молитесь!...

Г. Б. Б. вѣроятно хотѣлъ написать
другаго «Гамлета», а написалъ пародію
на это дивное, глубокое, мощное со-
зданіе творческихъ силъ Шекспира.

Нѣтъ, трудно иттию сравниться съ великаномъ! На какіе бы огромные подмостки онъ ни сталъ, чтобъ пошѣряться съ гигантомъ, онъ всегда будетъ смѣшонъ и жалокъ, какъ смѣшно и жалко все, что не дается природою, и между-тѣмъ корчитъ изъ себя великое. Страшно и подумать, чтобъ г. Б. Б. могъ саблаться вторымъ Шекспиромъ, не смотра на свои претензии и права на это славное имя. А впрочемъ, Гамлетъ и Асканіо Риччи одно и тоже. Тамъ Гамлетъ мститъ за смерть отца, здѣсь Асканіо мститъ за смерть брата, которая въ томъ и другомъ случаѣ произошла отъ одинаковыхъ причинъ. Тамъ Гамлетъ представляется сумасшедшимъ, здѣсь такимъ же становится Асканіо. Тамъ Гамлетъ обличаетъ свою мать въ нѣмѣніи отцу, здѣсь Асканіо обличаетъ Маргариту въ нѣмѣніи брату, и беретъ съ нею такую же клятву хранить тайну, которую онъ ей открылъ, какую Гамлетъ беретъ отъ своей матери. Словомъ, сродство между тою и другою драмою необыкновенное. Если есть какая разница, то самая пустая: произведение Шекспира есть могучее, самобытное созданіе всемірнаго генія, а сочиненіе г-на Б. Б. есть рабское, безжизненное, безцвѣтное, пустое, трескучее, натянутое, вздорное, скучное, нестоющее никакого вниманія въ литературномъ мірѣ явленіе. Это, какъ мы сказали въ началѣ нашего разбора, ни больше ни меньше, какъ мыльный пузырь.

245) Геройство и Любовь или Замокъ на берегахъ Дона. *Россійско-историческій романъ. Сочиненіе Н. Зряхова. Москва. Въ тип. Николая Степанова. 1845. Четыре части. Въ 18-ю д. л. Въ I-й части 476, во II-й — 123, въ III-й — 121, въ IV — 164 стр.*

Г. Н. Зряховъ уверяетъ, какъ значится въ заглавіи его книги, что онъ сочинилъ *россійско-историческій романъ* подъ вышеприведеннымъ названіемъ. Но, судя по этому названію, мудрено повѣрить, чтобъ онъ дѣйствительно написалъ такой романъ. Скорѣе

можно согласиться, что этотъ романъ совсѣмъ не *россійскій*, а какой-нибудь заморскій, относящійся ко времени среднихъ вѣковъ, когда вся Западная Европа была загромождена замками, убѣжищами феодаловъ владѣльцевъ, которые изъ нихъ производили свои опустошительные набѣги на окрестности, не признавая надъ собою никакой другой власти, кромя собственной буйной воли. Тамъ и досихъ-поръ остаются еще нѣкоторые слѣды этихъ памятниковъ ихъ страшнаго могущества, которое, наконецъ, сокрушено было умными мѣрами государей и самыми обстоятельствами. Что же касается до нашего отечества, то мы не знаемъ въ немъ рѣшительно никакихъ замковъ, потому-что исторія Россіи имѣетъ совершенно другой характеръ, а не тотъ, который бы допускалъ возможность существованія подобныхъ укрѣпленій. Но г. Зряховъ не хочетъ этого знать. Ему непременно нуженъ замокъ, и притомъ такой, въ которомъ бы можно было встрѣтить *геройство и любовь*. По законамъ здраваго смысла, кажется, очень-трудно удовлетворить желанію г. Зряхова и найти такое мѣсто. Для кого трудно, а для г. Зряхова это сущая бездѣлица! Онъ рѣшился сочинить *россійско-историческій романъ*. Слѣдовательно, долженъ существовать гдѣ-нибудь замокъ, куда бы можно было посадить этотъ романъ. Г. Зряховъ открываетъ наконецъ такой замокъ на берегахъ Дона и пошелъ писать... Теперь мы вѣримъ, что романъ г. Зряхова дѣйствительно *россійско-историческій*, и просимъ у него извиненія въ своей дерзости, которая заставляла насъ сомнѣваться въ истинѣ его словъ. Только сочинители *россійско-историческихъ романовъ* имѣютъ способность открывать такія вещи, которыя никогда не прійдутъ въ голову людямъ, одареннымъ однимъ простымъ человѣческимъ смысломъ. Но всего любопытнѣе предисловіе, которое *русскій сочинитель*, какъ называетъ себя г. Зряховъ (вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать:

россійско-историческій) почелъ нужнымъ выставить передъ своимъ сочиненіемъ. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражается вся уродливая физіономія російско-историческихъ романовъ. Г. Зраховъ глубоко убѣжденъ, что талантъ и образованіе — такіе пустяки, которые ровно ни къ чему не служатъ для писателя, что для него достаточно только быть русскимъ человѣкомъ, любить свою родину, не понимая истиннаго значенія этой любви, не имѣя никакого понятія объ исторіи своего отечества. Плохо приходится нашей прамославной Руси отъ такихъ обожателей! Она по-невогѣ должна бояться усердія этихъ рыцарей-защитниковъ ея чести и славы, готовыхъ оказать ей такую услугу, которая напоминаетъ извѣстную басню Крылова: *Пустышки и Медведь*... Въ удовольствіе нашихъ читателямъ выписываемъ слово-слово знаменитое предисловіе г. Зрахова, не дѣлая ни малѣйшаго отступленія отъ подлинника. Здѣсь можно видѣть также достоинство *россійско-историческаго* языка, которымъ говорятъ только сочинители російско-историческихъ романовъ, и который чрезвычайно-богатъ и способенъ для выраженія отсутствія всякой мысли.

«Россия, любезное наше отечество, полъ мудрымъ скипетромъ и покровительствомъ чадолюбивыхъ своихъ Монарховъ, наслаждаясь нынѣ совершеннымъ благоденствіемъ, обратила на себя взоры всѣхъ воплощенныхъ, удивленныхъ поспѣвшихъ ея перерожденіемъ, которая, возвышаясь постепенно въ наукахъ и просвѣщеніи, и быстро совершая свой полетъ, выступила на обширное поле славы и просвѣщенія, и можетъ сравниться твореніи своихъ гениевъ съ учеными европейскихъ державъ. Къ счастью, Русскіе нынѣ стали опять Русскими, — узнали цѣну родныхъ талантовъ, менѣе стали заниматься иностранцами, и съ удовольствіемъ нынѣ читаютъ произведенія ума своихъ соотечественниковъ; а чрезъ сіе самое родились новыя творенія и новые гени съ ставчайшими познаніями, — и надо думать, что со временемъ опередятъ мно-

Т. ХLI. — Отд. VI.

странныхъ писателей, и если не затмятъ ихъ славу, то по-крайней-иѣрѣ станутъ съ ними на одной точкѣ, — чего долженъ желать истинно Русскій и гордиться своимъ отечествомъ.

«Образованнымъ смѣлъ счастливымъ переворотомъ, я осмѣлился, безъ ученія и просвѣщенія, написать Россійско-историческій романъ сей, въ четырехъ частяхъ, начерпнувъ сюжетъ онаго изъ пожара Московскаго, изпепелившаго Москву 12 Апрѣля 1547 года, и изъ Казанской осады, гдѣ мои герои были дѣйствующими лицами, съ описаніемъ страны и жителей рѣки Дона.

«Счастливымъ и награжденнымъ почту себя, если сіе слабое и природное произведеніе моего пера принесетъ пользу и пріятное чтеніе моимъ соотечественникамъ.»

Не знаемъ, до какой степени это нравится вамъ, а мы съ своей стороны были въ восторгѣ отъ этого превосходнаго образчика *слабаю и природнаю произведенія пера* г. Зрахова, отъ этого chef-d'oeuvre російско-исторической литературы, относящагося къ роду первоклассной галиматіи. Восхищеніе, въ которое мы были приведены чтеніемъ нашего-забавныхъ строкъ этого предисловія, выравилось невольнымъ хохотомъ, отъ котораго мы не въ силахъ были удержаться. Не смѣемъ думать, чтобъ этотъ хохотъ съ нашей стороны сочинитель принялъ за награду своему природному произведенію; не смотря на то, во свидѣтельство нашей благодарности за доставленную намъ г. Зраховымъ потѣху, рѣшаемся короче познакомить читателей съ самымъ содержаніемъ его романа, и увѣрены, что они наградятъ его такимъ же точно образомъ. Г. Зраховъ выбралъ эпоху своего російско-историческаго романа царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, хотя это время страшнаго, дикаго владычества царя всего менѣе могло представлять такихъ явленій, которыя бы открыли обширное поприще воображенію романиста. Гдѣ люди съ каждымъ днемъ должны опасаться лишенія имущества, свободы, чести,

самой жизни, какое же может быть тамъ развитіе общественной жизни, тогда-какъ это развитіе общественности, есть главный и важнѣйшій элементъ возможности романа? Но г. Зряхову до этого рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Онъ знаетъ, что при Іоаннѣ Васильевичѣ былъ пожаръ, истребившій почти всю Москву и ишѣвшій благотѣльное, хотя временное вліяніе на характеръ Грознаго; была также казанская осада, особенно прославившая его царствованіе, хотя большая часть этой славы принадлежала его храбрымъ сподвижникамъ и мудрымъ совѣтникамъ. Изъ этихъ-то событийъ онъ *почерпнул сюжетъ* для своего историческаго романа. Въ то время, какъ пылала вся Москва, загорѣлся также домъ одного боярина: дочь его Марія не успѣла выбѣжать и находилась уже въ двухъ шагахъ отъ смерти, готовая сдѣлаться жертвою пламени. Вы, конечно, угадываете, что она не могла сгорѣть — не потому, чтобъ она была негареваемая, но потому собственно, что жизнь ея драгоценна для автора, который бы иначе долженъ былъ кончить свой романъ на первыхъ же страницахъ, — а онъ задумалъ во что бы то ни стало написать четыре части. Но вотъ ужъ вы, кажется, не хотите и слушать дальше содержания историческо-россійскаго романа г. Зряхова? Старая, пошлая пѣсня! восклицаете вы: которую знали наизусть еще наши дѣды, и которая даже имъ надоела... Хотите ли, мы вамъ расскажемъ ее? — Только-что Марія хочетъ сгорѣть, вдругъ является ея спаситель, молодой, прекрасный, добродѣтельный человѣкъ, положимъ хоть Александръ. Марія, разумѣется, чувствуетъ къ нему что-то такое особенное, неизяснимое даже россійско-историческимъ языкомъ. Александръ съ своей стороны чувствуетъ это же самое къ Маріи. Они видятся другъ съ другомъ каждый день, наслаждаются взаимною бесѣдою, и все это происходитъ чинно, деликатно, какъ, разумѣется, бывало въ старинныя време-

на, при Іоаннѣ Васильевичѣ... Какъ! позвольте, позвольте, что вы это говорите? При Іоаннѣ Васильевичѣ такое свободное обращеніе между мужчинами и женщинами, когда еще только со времени Петра I женщины начинаютъ выходить изъ своихъ теремовъ, гдѣ онѣ сидѣли какъ заключенныя! Да это просто такая нелѣпость, что изъ рукъ вонзъ. — Что жъ дѣлать? Мы въ этомъ ни мало не виноваты. Г. Зряховъ лучше насъ знаетъ, въ чемъ дѣло: ему и книги въ руки. У него еще не такія есть хитрости... На чемъ же мы остановились? Да. Итакъ Александръ и Марія понимаютъ другъ друга. Александръ учитъ Марію разнымъ наукамъ, которыхъ, можетъ-быть, и самъ не знаетъ, обучаетъ ее даже военному искусству, да надѣваетъ на нее латы и всякое другое оружіе, показываетъ ей верховую ѣзду — и вотъ вамъ кавалеристъ-дѣвица при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ... Опять вы съ своими возраженіями! Помилуйте! при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ — такія диковинки! Да какъ же онъ этого не знаетъ? Онъ бы непременно велѣлъ доставить себѣ такую чудную амазонку: онъ до смерти любилъ амазонокъ... Александру не видать бы ее, какъ своего носа. — Можетъ-быть это такъ и случилось бы, не тогда опять романъ долженъ бы былъ кончиться; а г. Зряховъ этого совѣтъ не хочетъ. — Однакожъ, воля ваша, лучше бы кончить раньше, хоть безъ конца, чѣмъ наполнять страницы такими нелѣпостями. Нельзя, право, повѣрить, чтобъ это была правда, что вы говорите о романѣ г. Зряхова. — Почему же нельзя повѣрить? Видѣ это россійско-историческій или историческо-россійскій романъ, а въ этихъ романахъ мало ли что бываетъ! Впрочемъ, если угодно, мы для достовѣрности выпишемъ это поэтическое изображеніе блаженнаго состоянія Александра и Маріи:

«Онъ занимался образованіемъ Маріи, которая, при ослѣпительной красотѣ, имѣла счастливейшія способности къ наукамъ, тонкій и всеобъемлющій разумъ, здравый

разсужденія, нѣжное сердце и душу, неподвижную высокихъ и благороднѣйшихъ чувствованій, и мужество съ твердостью характера, мало свойственныхъ прекрасному полу; а это подало мысль Александру сдѣлать ее героинею того вѣка, и онъ обучилъ ее военному искусству, доставилъ ей легкую, рыцарскую одежду и все оружіе, такъ-что она въ-послѣдствіи времени, дѣлая военныя эволюціи при глазахъ своей матери и короткихъ ихъ друзей, искусствомъ своимъ, проворностью и неустрашимостью заставляла всѣхъ удивляться и даже самого своего учителя. Исключая верховой ѣзды, она очень-хорошо билась на мечехъ и копьяхъ, стрѣлала изъ лука столь нѣтко, что взятый въ цѣль вѣтокъ, или хлѣбный колосъ, сбѣкала стрѣлою на довольномъ разстояніи; также весьма-искусно попадала въ цѣль брошеннымъ короткимъ копьенемъ или кинжаломъ. Это была въ полномъ смыслѣ Венера красоты, Минерва умомъ, Беллона неустрашимостью и искусствомъ въ военномъ ремеслѣ. Александръ былъ прекрасный юноша — лицомъ, умомъ, сердцемъ и душою, при всей пріятельской наружности и высокомъ ростѣ, онъ имѣлъ необычайную силу, проворство, ловкость и геройскій духъ.

«Александръ и Марія, находясь каждый день вмѣстѣ, исключая различныхъ занятій въ наукахъ, гуляли по саду, валили нѣтъ, вали вѣточки, взбирались на горы, плавали въ челнокѣ по струѣ, ловили рыбу, или, удалясь въ тѣнистую рощу, слушали гармоническое цвѣніе соловья и другихъ птицекъ, смотрѣли какъ голубки сидя на вѣткѣ ласкались и цѣловались другъ съ другомъ, какъ грустно горлица призываетъ своего отлетѣвшаго друга, и какъ кукушка, укрываясь въ тѣни деревь, уныло куковала — видѣли, слышали и молчали; но сіе молчаніе было ихъ изъясненіемъ чувствъ: моря имъ встрѣчалась и потуплялась опять въ землю, алый румянецъ пылалъ на свѣжихъ ихъ ланитахъ, сердца трепетали — и тихіе, удерживаемые вздохи неволью вырывались изъ ихъ груди.»

Вотъ замъ и разгадка названія романа г. Зряхова: *Геройство и Любовь*. Дѣйствительно, если посмотришь на его героевъ съ одной стороны, то это просто чудо-богатыри; а если взглянуть на нихъ съ другой стороны, то

ихъ совѣтъ не узнаешь: они представляются такими кроткими, нѣжными, чувствительными сердцами, такъ невинно проводить время, такъ сладостно воркуютъ вѣсть съ голубками, такъ тошно кукуютъ съ кукушками, что, глядя на нихъ, самъ умиляешься душою и думаешь, зачѣмъ она не голубки или не кукушки, а люди, да еще какіе: герои! Однакожь, имъ надобно разлучиться. Александръ отправляется въ походъ противъ Казанцевъ, а Марія остается дома. Мать принуждаетъ ее выйти замужъ за одного богатаго человека; она не соглашается. Мать запереть ее въ комнату. Она бѣжитъ, надѣваетъ на себя свое рыцарское облаченіе и отправляется искать своего милаго Александра. Видите ли: вотъ ей и пригодилась военная-то наука. На дорогѣ съ ней встрѣчаются приключенія сперва хорошія, потомъ дурныя, безъ которыхъ не было бы завязки романа и которыя, слѣдовательно, необходимы, какъ бы они ни были пошлы и несладки. Она попадаетъ въ разбойникамъ, которые жили въ дремучемъ лѣсу, оказываетъ свою неустрашимость, обнаруживаетъ свой полъ, упавъ въ обморокъ при извѣстіи о разбитіи русскаго войска, которое было послано противъ Казанцевъ, и въ которомъ находился ея возлюбленный. Потомъ она убѣждаетъ атамана оставить свое опасное и гнусное ремесло и служить вѣрно русскому царю. Онъ склоняется на ея убѣжденія и тайно ночью отправляется съ нею подъ Казань, содѣйствуетъ разбитію Казанцевъ и получаетъ отъ царя прощеніе. Александръ и Марія, которая также участвовала въ битвѣ съ Казанцами и спасла своего друга, соединяются узми брака. Но романъ еще не кончился. Атаманъ, плѣненный прелестью Маріи, похищаетъ ее; но наконецъ ее опять находятъ въ замкѣ на берегахъ Дона, куда улежъ ее разбойникъ, который наконецъ получаетъ достойное возмездіе за свои злодѣянія. Александръ и Марія уже не расстаются другъ съ другомъ, слушаютъ воркова-

не голубковъ, кукованіе кукушекъ, и сами иногда, по старой памяти, воркуютъ и кукуютъ. Россійско-историческій романъ г. Зряхова благополучно достигъ берега, высадилъ всѣхъ своихъ пассажировъ и простился съ ними не безъ слезъ сожалѣнія. И мы прощаемся съ романою г. Зряхова, не имѣя, впрочемъ, ни малѣйшаго желанія видѣться съ новымъ произведеніемъ этого гениальнаго русскаго историческаго сочинителя.

246) Московскій Театралъ. Куплеты И. А. Съ 8-ю литографированными картинками. Москва. Въ тип. скоропечатанія (?) В. Кирилова. 1845. Въ 16-ю д. л. 16 стр.

247) Кривой Бѣсъ, русская сказка. Соч. А. Я — ва. Издавіе третье. Санктпетербургъ. Въ тип. Санктпетербурскаго Губернскаго Правленія. 1845. Въ 16-ю д. л. 32 стр.

Оба эти сочиненія родились на заднемъ дворѣ русской литературы: московское наисамо для лакеевъ, петербургское — для мужиковъ. Первое называется такъ:

Прошлый годъ (,) къ друзьямъ въ посланъ (,)

З... славно рассказалъ,
Что за странное созданье
Петербургскій театралъ.
Мы за это чѣмъ богаты,
Радѣ всѣмъ ему служить;
А пока роднаго брата
Честь имѣемъ посвятить.

Видите ли: въ этой литературѣ есть свои гени и свои таланты; гени мнѣ

обрѣтаютъ, таланты подражаютъ имъ. Г. В. Зотовъ — гени этой литературы; въ прошломъ году онъ славно описалъ «Петербургскаго Театрала», — и за то какой-то московскій писакъ посвящаетъ ему своего роднаго брата (такъ, по-крайней-мѣрѣ, выходить по смыслу стиховъ, которые мы выписали). Дѣйствительно, въ этой невѣроятной литературѣ г. В. Зотовъ — авторитетъ: какъ ни плохи куплеты его «Петербургскаго Театрала», но они — само изящество въ сравненіи съ куплетами подражающаго ему писаки. Въ такомъ же отношеніи находятся и картинки, которыми украшены оба «Театрала»: петербургскія были хоть сколько-нибудь похожи на картинки, — тогда-какъ московскія ни на что не похожи.

Что касается до *Кривою Бѣса*, — его сочинитель не имѣетъ ни малѣйшаго понятія даже о версификаціи и пишетъ стихи, въ которыхъ такъ же нѣтъ мѣры, какъ и смыслу. Въ предисловіи, онъ самъ сказалъ о своихъ стихахъ:

И боже унаси
Читать подобные стихи!

Въ словѣ: *боже*, начальная буква строчная, а не заглавная; *унаси* римуется съ *стихи*, и вся эта галиматья выдается за стихи! Не думайте, чтобъ это маранье въ-самомъ-дѣлѣ вышло третьимъ изданіемъ: такого рода площадныя книги даже и въ *первый* разъ печатаются *третьимъ* изданіемъ; а не то, ежегодно вновь передечатывается ихъ заглавный листокъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

І ю л ь.

248) Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов, под редакцією Н. Некрасова. (Съ политипажами). Часть II. Санкт-Петербургъ. Изданіе книгопродавца А. Иванова. 1845. Въ тип. Эдуарда Праца. Въ 8-ю д. л. 276 стр.

Лѣто — всегда глухая пора въ русской литературѣ. Тутъ, обыкновенно, даже и журналы какъ-будто устаютъ, истощаются, дѣлаются вялыми, даже томѣются, за исключеніемъ развѣ «Отеч. Записокъ», на здоровую толстоту которыхъ не дѣйствуютъ и лѣтніе жары. Но оригинальныхъ русскихъ повѣстей уже не ищите въ эту пору ни въ одномъ журналѣ. Если найдется хоть одна какая-нибудь плоховатая, то и ея журналистъ запасся еще съ зимы. Наши романисты и повеллисты вообще не заслуживаютъ ни малѣйшаго упрека въ изыщонной дѣятельности, или многописаніи. Мало пишутъ они зимою и осенью, почти не пишутъ и весною, какова бы ни была весна въ Петербургѣ, хотя бы хуже самой дурной осени; но лѣтомъ — пусть оно будетъ хуже самой дурной зимы, они ни за что въ свѣтъ не ставятъ писать. Да и когда? — Они на лѣтѣ, они наслаждаются прелестями

петербургскаго лѣта, гуляютъ по лужамъ, въ которыхъ отражается небо, тоже похожее на лужу; или съ горя играютъ въ преферансъ. Сверхъ-того, русский человекъ, какъ извѣстно, тягелъ на подъемъ. Для того, чтобы приняться за работу, ему нужно гораздо больше времени, нежели кончить ее. Русскому литератору никогда не понять досужести французскихъ писателей, которые успѣваютъ бывать на балахъ, на гуляньяхъ, въ театрахъ, въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, присутствовать въ засѣданіяхъ палаты депутатовъ и, при этомъ, иногда управлять министерствомъ, — и въ то же время издавать многотомныя исторіи. Французскій литераторъ ѣдетъ на лѣто изъ Парижа въ деревню, отдохнуть, полѣниться, повеселиться; а въ Парижъ изъ деревни привозитъ съ собою нѣсколько рукописей, изданіе которыхъ, по объему, иногда можетъ сравняться съ полнымъ собраніемъ сочиненій самаго дѣятельнѣйшаго русскаго литератора. Какъ они это дѣлаютъ — русский человекъ — я этого рѣшительно не понимаю, и никогда не пойму. Говорятъ, будто бы это происходитъ отъ-того, что трудъ и занятіе составляютъ для Европейца такое же

необходимое условіе жизни, какъ воздухъ, — нѣтъ, больше, чѣмъ воздухъ — какъ лѣнь и бездѣйствіе для русскаго человѣка. Говорятъ, будто-бы для Европейца и самый отдыхъ есть только нѣсколько-ослабленная дѣятельность, потому-что для него быть вовсе безъ занятія, безъ дѣла, безъ труда, значитъ — не жить, и будто-бы ужь онъ такъ приучается съ малолѣтства... Не знаемъ, правда ли это. Должно быть, не правда! *Славим бубны за юрами*: не такъ ли, читатель? Какъ русскій человѣкъ, вы, вѣрно, махнете рукою, благодаря которой вамъ можно ничего не дѣлать, живя на бѣломъ свѣтѣ? Благодѣтельная поговорка! вѣчная память тому, кто изобрѣлъ ее: съ нею жизнь такъ проста, ни къ чему не обязываетъ — ни къ труду, ни къ самосовершенствованію...

Но нынѣшній годъ, какъ-нарочно, Петербургъ посѣтило такое лѣто, о какомъ онъ и мечтать не смѣлъ, помня, что на святой-недѣлѣ, которая была во второй половинѣ апрѣля, онъ засадил на санахъ... Сухое и теплое, почти-жаркое лѣто, каково нынѣшнее, должно бы быть порою совершенной засухи для литературной дѣятельности. Кого теперь засадишь за дѣло! И чѣмъ бы можно было засадить? — развѣ голодомъ! Пора теперь глухая: у книгопродавцевъ, какъ говорятъ они, лѣтомъ ни копейки, потому-что русская публика лѣтомъ книгъ не покупаетъ, да и въ городѣ никого теперь не найдешь — все и всѣ на дачахъ. Только журналисты и журнальные сотрудники и теперь, хоть и стонуть, а работаютъ; для нихъ нѣтъ канникулъ, какъ для полицейскихъ и извозчиковъ нѣтъ праздниковъ. По-этому, въ нынѣшнее лѣто нѣчего бы и ожидать появленія чего-нибудь похожаго на спящую книгу. Но вышло иначе: весною появились — *Тарантасъ*, *Вчера* и *Сегодня* и первая часть *Физиологій Петербурга*, въ іюнѣ, среди лѣта, началось изданіе *Романовъ Валтера Скотта* «Квентиномъ Дорвардомъ», а теперь

вышла вторая часть *Физиологій Петербурга*. Но все это совѣтъ не весенни и не лѣтніа произведенія, а запоздалыя зимнія. Извѣстное дѣло: на Руси все дѣлается безъ торопливости и съ проволочкою. Объ иной тѣжбѣ важный день говорятъ: завтра рѣшится; а глядишь, это «завтра» тянется лѣтъ пятьдесятъ, иногда и больше. Такъ точно, объ иной книгѣ полгода твердятъ: на-дняхъ выйдетъ; самъ издатель крѣпко убѣжденъ въ этомъ, а между-тѣмъ, книга, обѣщавшая въ январѣ, глядишь, появляется въ іюлѣ, и притомъ не всегда того же года. Какъ и отъ-чего это дѣлается — Богъ знаетъ! Да то ли еще дѣлывалось у насъ! Бывало, журналистъ объявляетъ къ новому году подписку на свой журналъ, съ обѣщаніемъ *въ старѣйшемъ времени* додать пять книжекъ за предидущій и семь книжекъ за прошлый годъ, — для чего, говоритъ онъ — приняты въ самыя дѣятельныя мѣры; а глядишь, въ февральской книжкѣ, на-примѣръ, 1844 года, являются моды и политическія извѣстія за іюль 1842 года... Теперь въ журналистикѣ снова воскресаютъ мнѣныя, пасторальныя и мнѣныя обычаи старины. Недавно одинъ плохой журналъ, издававшійся уже года три, и только въ концѣ третьяго года догадавшійся о себѣ, что онъ нигде не годится, — принялъ благое намѣреніе исправиться на 1845 годъ, т. е. сдѣлаться умнымъ, дѣльнымъ и интереснымъ. Пышная программа, съ обѣщаніемъ коренной реформы, вышла въ свѣтъ за тѣмъ, чтобы журналъ могъ въ четвертый разъ поиздать въ силки «почтеннѣйшую» публику. И въ-самомъ-дѣлѣ, первые три книжки были и пограмотнѣе и, будто, подѣльнѣе, но съ четвертой дѣло пошло прежнимъ порядкомъ, а реформы нѣтъ и слѣловъ, такъ же, какъ и слѣловъ таланта, или смысла... Пятая же книжка отличилась одною изъ тѣхъ старыхъ новостей, въ которыхъ, впрочемъ, этотъ журналъ прежде не прибѣгалъ; но, видно, ему пришлось плохо, потому-что «почтеннѣйшая» то не дру-

гла въ четвертый разъ пощадить себя, инакъ удовлетворившись тремя первыми разами: на пятой книжкѣ выставлены числа V и VI, въ знакъ того, что эту книжку, которая, не смотря на чудовищную толстоту бумаги, вышла какъ-то тоньше первыхъ четырехъ, должно считать за две книжки... Обертка извѣщаетъ, что такимъ же точно образомъ выйдетъ и *шестая* книжка, которую подвигички этого журнала (подѣливъ мнѣ — пусть не подвыскаютъ) впередъ на плохихъ журналы!) волею или неволею, а должны принять за *седьмую* и *восьмую*... Все это дѣлается для того, чтобъ не отстать отъ времени, которое, какъ извѣстно, имѣетъ проглатную привычку идти да идти-себѣ, не дожидаясь остальныхъ книжекъ плохихъ журналовъ... По-истинѣ, легкій, дешевый и выгодный способъ не только не отстать отъ времени, но и опережать его!...

И такъ, вторая часть *Физиологии Петербурга* должна одна составить собою всю собственно-русскую лѣтнюю литературу нынѣшняго года... итъ—чуть-было не забыли! — нынѣшнее лѣто необыкновенно-богато книгами бельетражескаго содержания: недавно вышедшей третей томъ *Ста Русскихъ Литераторовъ*. Книга, какъ сами можете видѣть изъ ея названія, столько же важная, сколько и толстая: изъ трудовъ цѣлой армии литераторовъ, хотя бы и русскихъ, можно выбрать много хорошаго, много такого, что можетъ эту книгу сдѣлать представительницею русской литературы. И такъ, еще разъ, да здравствуетъ лѣто 1845 года! Сухое, теплое, бездеждливое, оно оставило насъ вовсе безъ грибовъ, но за то надѣлило насъ книгами. О *Ста Русскихъ Литераторовъ* мы скоро поговоримъ подробно, а пока остановимся на второй части *Физиологии Петербурга*.

Мысль этой книги прекрасна. Это иллюстрированный альманахъ, или сборникъ статей, относящихся только до Петербурга. Статьи должны быть не столько описательныя, сколько описательныя,

иногда, и въ родѣ повѣстей и очерковъ, а иногда и взглядовъ, изложенныхъ въ формѣ журнальной статьи, иногда серьёзныхъ, но всегда отгнанныхъ легкимъ юморомъ. Цѣль этихъ статей — позвакомить съ Петербургомъ читателей провинциальныхъ и, можетъ-быть, еще болѣе читателей петербургскихъ. Какъ достигнута цѣль? — На этотъ вопросъ трудно было бы отвѣчать утвердительно. Не должно забывать, что *Физиология Петербурга* первый опытъ въ этомъ родѣ, явившійся въ такое время русской литературы, которое никакъ нельзя назвать богатымъ. Не смотря на то, можно сказать утвердительно, что это едва-ли не лучший изъ всѣхъ альманаховъ, которые когда-либо издавались, — потому едва-ли не лучший, что, во-первыхъ, въ немъ есть статьи прекрасныя и итъ статей плохихъ, а во-вторыхъ, всѣ статьи, изъ которыхъ онъ состоитъ, образуютъ собою итъ цѣлое, не смотря на то, что онѣ писаны разными лицами. Первая часть *Физиологии Петербурга* имѣла большой успѣхъ. И не удивительно: статьи — *Дюрингъ* и *Петербургскіе Улы* могли бы украситъ собою всякое издание; статья — *Петербургскіе Шарманчики* не испортила бы никакого издания; что касается до статьи *Петербургъ и Москва*, ее прочли всѣ, многіе оцѣнили выше, нежели чего она стоить въ самомъ-дѣлѣ, а многіе не хотѣли замѣтить въ ней того хорошаго, что въ ней есть дѣйствительно, хотя и видѣли его: это, по нашему мнѣнію, успѣхъ. Замѣчательно въ всего отзывы журналовъ о *Физиологии Петербурга*. Одна газета выписала изъ статьи *Петербургъ и Москва* пять стронъ, заключающихъ въ себѣ мысль одного великаго нѣмецкаго философа, назвала эту мысль задорною и полѣпною, а вмѣстѣ съ нею и всю статью. Такимъ же точно образомъ выписала она нѣсколько стронъ изъ *Петербургскихъ Улы* и коротко, безъ изложенія содержанія статьи, безъ доказательства, объявила, что статья плоха, исполнена сальностей, грязи и

дурного тона. *Дворникъ*—этотъ превосходный физиологически-юмористическій очеркъ, оскорбилъ въ газетѣ аристократическое чувство и заставилъ ее подивиться, что есть писатели, которые не гнушаются писать о дворникахъ! Но никакой истинный аристократъ не презираетъ, въ искусствѣ и литературѣ, изображенія людей низшихъ сословій и вообще такъ-называемой низкой природы, — чему доказательствомъ картинныя галереи вельможъ, наполненныя, между прочимъ, и картинами фламандской школы. Ужъ нечего и говорить о томъ, что люди низшихъ сословій прежде всего — люди же, а не животныя, наши братья по природѣ и о Христвѣ, — и презрѣніе къ нимъ, особенно изъясняемое печатно, очень неумѣстно. Хорошо также отзывъ одного журнала о первой части *Физиологии Петербурга*. Хотѣлось ему обнаружить къ ней равнодушное презрѣніе, да не удалось выдержать притворнаго тона: възъ каждого слова такъ и видно, что *bon homme* сердится. Хотѣлось ему также и съострить à la баронъ Брамбеусъ, да вмѣсто остроты у него вышло какъ-то ложное обвиненіе въ преступленіи: натура-то сказала! Въ предисловіи къ первой части *Физиологии Петербурга*, между прочимъ, сказано, что у насъ, въ литературѣ, болѣе хорошихъ произведеній, ознаменованныхъ печатью художественности, нежели хорошихъ беллетристическихъ произведеній, — болѣе гениальныхъ талантовъ (какъ, впрочемъ, и мало ихъ), нежели обыкновенныхъ талантовъ, которыхъ дѣятельность удовлетворала бы насущнымъ потребностямъ читающей публики. Журналъ, о которомъ мы говоримъ, выдумалъ, будто-бы въ предисловіи сказано, что у насъ все таланты, а нѣтъ посредственности, и что *Физиология Петербурга* рѣшилась сдѣлаться сборникомъ посредственныхъ статей. Изъ этого видно, что бѣдный журналъ нездоровъ и страдаетъ расстройствомъ печени. И не мудрено: его давно ужъ не читать и, чтобъ привлечь къ себѣ под-

писчиковъ, онъ рѣшился изъ одной своей книжки дѣлать иногда две книжки, выставляя на оберткѣ по двѣ пѣры. Слогъ остроумной статьи о *Физиологии Петербурга* напоминаетъ свою несвязностью, сухостью и безалавностью статью того же журнала о поэтѣ г. Тургеневѣ — *Разговоръ*, гдѣ это прекрасное произведеніе напозвалъ разругано за то, что оно написано не въ славянофильскомъ духѣ, — а слогъ статьи о *Разговорѣ* напоминаетъ собою слогъ брошюрки о *Мертвыхъ Душахъ*, которая, года три назадъ, насмѣшила весь читающій міръ нехлѣбостію мыслей и безларностію изложенія. Разумѣется, за подобныя статьи издателью *Физиологии Петербурга* остается только благодарить и газету и журналъ, потому что, прочитавъ такую статью, опытный читатель сейчасъ пойметъ, въ чемъ дѣло, и захочетъ прочесть книгу, о которой намѣреются писать хладнокровно, а пишутъ съ сердцемъ, и скажетъ: Tu te fâches, Jupiter, donc tu as tort.

Вторая часть *Физиологии Петербурга* содержитъ въ себѣ статьи: *Александринскій-Театръ*, *Чиновникъ*, *Омнибусъ*, *Петербургская Литература*, *Лоттерейный Балъ*, *Петербургскій Фельетонистъ*. Самая лучшая изъ нихъ — *Чиновникъ*; самая слабая — *Петербургская Литература*. Последняя могла бы незамѣтно пройти въ журналъ, даже имѣть въ немъ какое-нибудь значеніе; но въ книгѣ она какъ-то неуиѣстна. *Чиновникъ* — пьеса въ стихахъ, г. Некрасова, есть одно изъ тѣхъ въ высшей степени удачныхъ произведеній, въ которыхъ мысль, поражающая своею вѣрностью и дѣлностью, является въ совершенно-соотвѣтствующей ей формѣ, такъ-что никакой, самый преспрямчивый критикъ, не зацѣпитъ ни за одну черту, которую могъ бы онъ похулить. Пьеса эта написана въ юмористическомъ духѣ и вѣрно воспроизводитъ одно изъ самыхъ типическихъ лицъ Петербурга — чиновника.

Какъ человекъ разумной середины, Онъ многого въ сей книгѣ не жалалъ:

Передъ обѣдомъ пилъ настойку изъ рябины

И чихиремъ обѣдъ свой записывалъ.
У Бичерфа заказывалъ одежду,
И съ давнихъ поръ (простительная страсть)

Питалъ въ душѣ далекую надежду
Въ коллежскіе ассессоры попасть, —
За тѣмъ, что былъ онъ крови не боярской

И не хотѣлъ, чтобъ въ жизни кто-нибудь

Дѣтей его породой семинарской
Осмѣлился надменно попрекнуть.

Сиротъ и вдовъ онъ не былъ благодѣтель,

Но нищимъ иногда давалъ гроши,
И называлъ святою добродѣтель
Первѣйшимъ украшеніемъ души.
Объ ней твердилъ въ семействахъ безпрерывно,

Но не во всемъ ей слѣдовало подчасъ,
И извѣнчалъ грѣшки свои наввно
Женой, дѣтьми, какъ многіе изъ насъ.
По службѣ велъ дѣла свои примѣрно
И не бывалъ за взятки подлѣ судомъ,
Но (на жену, какъ водится,) въ Галерной
Купилъ давно пяти-этажный домъ.
И радовалъ родительскую душу
Сей прочный домъ—спокойствія залогъ.
И на Оому, Ванюшу и Феклушу
Безъ сладкихъ слезъ онъ посмотрилъ
не могъ...

Въ недѣлю разъ, пресытившись игрой,
Въ театрѣ Александринскій, ради скуки,
Являлся нашъ почтеннѣйшій герой.
Увоенной цѣной за бенефисы
Отечественный гевій поощрлялъ,
Но званіе актера и актриссы
Постыдливимъ по предавію считалъ.
Любилъ пальбу, кровавые сюжеты,
Гдѣ при концѣ карается порокъ...

И слушала скоромные куплеты,
Толкала жену тиховско подлѣ бочокъ.
Любилъ шепнуть въ антрактѣ плотной дамѣ —

(Всему научить хитрый Петербургъ) —
Что страсти и движенія нужны въ драмѣ

И что Шекспиръ — великій драматургъ, —
Но, впрочемъ, не былъ твердо въ томъ увѣренъ

И черезъ часъ другое подтверждалъ:
По службѣ бывъ всегда благонамѣренъ,
Онъ прочее другимъ предоставлялъ.
За то, когда являлася сатира,
Гдѣ авторъ—туеводецъ и нахаль —
Честь общества и украшеніе міра
Чѣпowników за взятки порицалъ, —
Свирѣпствовалъ онъ, не жалѣя груди,
Дивился, какъ допущена въ печать
И какъ благонамѣренные люди
Не совѣстятся видѣть и читать.
Съ досады пилъ (сильна была досада!)
Въ удвоенномъ количествѣ чихиръ,
И говорилъ, что авторовъ бы надо
За дерзости подобныя—въ Сибирь!...

Выписывая эти мѣста, мы выбирали не то, что лучше, а то, что короче, слѣдовательно, читателямъ вполне могутъ судить, по этимъ выпискамъ, о цѣлой пьесѣ. Найдутся люди, которые, пожалуй, скажутъ: «что за предметъ! и какъ можно восхищаться пьесой, которая изображаетъ такой предметъ!» Такихъ людей мы отсылаемъ къ сочиненіямъ Марлинскаго, которыя изображаютъ все предметы высшіе и колоссальныя. Что же касается до насъ, мы цѣнимъ литературныя произведенія прежде всего по ихъ выношенію, а потомъ уже и по ихъ содержанію, предмету и цѣли. Последнее необходимо имѣть въ виду особенно при сравненіи двухъ одинаково-хорошо выполненныхъ произведеній, чтобъ опредѣлить ихъ относительную другъ къ другу цѣнность. По-этому, для насъ одна изъ лучшихъ басенъ Крылова лучше всѣхъ трагедій Озерова, хотя и трагедіи эти имѣютъ свое достоинство; но лучшей изъ басенъ Крылова нельзя, по важности, равнять, напримѣръ, съ *Олѣгминомъ* Пушкина: тутъ огромная, неизмѣримая разница въ достоинствѣ. «Олѣгмина» предлѣ басеню, — и эта разница заключается въ содержаніи, въ предметѣ, а не въ формѣ, или, лучше сказать, въ выполненіи. Такъ-какъ мы не имѣемъ въ-виду сравнивать *Челомкина* г. Некрасова ни съ какииъ извѣстными произведеніемъ, то и скажемъ просто, что эта пьеса — одно

изъ лучшихъ произведеній русской литературы 1845 года. — Изъ прозаическихъ статей, лучшая во второй части Физіологіи Петербурга — статья г. Панаева: *Петербургскій Фэльетонистъ*. Она уже была напечатана въ «Отеч. Запискахъ»; но здѣсь перепечатана нѣсколько-переправленная и пополнившая, — отъ чего она много выиграла въ достоинствѣ. Она очень идетъ къ *Физиологіи Петербурга*, потому-что вѣрно изображаетъ одно изъ самыхъ характеристическихъ петербургскихъ явленій. Есть у г. Панаева еще статья «Тя», напечатанная въ «Отеч. Запискахъ» 1843 года, которая такъ и просится въ *Физиологію Петербурга*, — и еслибы въ ней можно было прибавить картинныя полчуще, то она произвела бы сильный эффектъ, хотя и была бы уже не новизна произведеніемъ. — *Литтературный Балъ*, г. Григоровича — статья не безъ занимательности, но, кажется, слабѣе его же *Шармантство*, помещенныхъ въ первой части *Физиологіи*. Она слишкомъ сбивается на лагерротинъ и отбывается его еухотія — *Омнибусъ* г. Кульчицкаго (Говорилана) — статья совершенно-лагерротиническая, вѣрный списокъ съ случая, неимѣнный занимательности. Не упрекаютъ многіе за сальность въ изображеніи безпрестанно-рыгающаго купца - борода. По нашему мнѣнію, писатель, изображающій действительность, только въ двухъ случаяхъ можетъ упасть въ сальность и грязность: или когда онъ самъ тѣмъ болѣе восхищается своими картинами, чѣмъ грязнѣе онъ, — по своей личной любви во всему грязному; или, когда онъ упадетъ въ противоположную крайность, и черезъ-чуръ рѣзкими изображеніемъ грязи, неслитчелнымъ художественнѣе выраженіемъ, старается выравнять свое отвращеніе отъ грязи. Но слѣднее рѣдко бываетъ съ людьми, которыхъ чувства и образованность выше таланта. Можетъ-быть, въ этомъ отношеніи, г. Кульчицкій немножко и погрѣшилъ противъ вкуса въ своемъ *Омнибусѣ*; но все-таки его купецъ-борода

и его герой очень-похожи на действительныхъ людей этого разряда, — и потому *Омнибусъ* для насъ все-таки много лучше множества произведеній съ изображеніями великихъ и колоссальныхъ предметовъ, а купецъ-борода и герой въ тысячу разъ интереснѣе *Гремивыхъ*, *Звонскихъ*, *Лидинныхъ*, *Зоричей* и тому подобныхъ такъ-называемыхъ идеальныхъ созданій. — Въ статьѣ: *Александринскій Театръ*, собрано все, что уже было говорено и сказано новаго объ этомъ театрѣ, — такъ-что теперь едва ли уже можно сказать о немъ что-нибудь, чего уже не было бы сказано. Особенно любопытно въ этой статьѣ сравненіе петербургскаго русскаго театра съ московскимъ, въ отношеніи къ ихъ артистамъ.

Въ заключеніе скажемъ, что такая книга, какъ *Физиологія Петербурга*, была бы замѣчательнымъ явленіемъ, и не будучи первымъ опытомъ, была бы хороша и для зимяго, не только для лѣтняго чтенія.

Что касается до картинокъ во второй части *Физиологіи Петербурга*, — между ними нѣкоторыя недурны; но, въ особенности, мы можемъ указать только на три: Александринскій Театръ (стр. 5), аллегорическое изображеніе русскаго водевиля, въ видѣ удалца въ мужицкомъ платьѣ, полномъ жилетѣ, модномъ галстухѣ и съ стеклышкомъ въ глазъ (стр. 60), и изображеніе скромной дѣвочки, престѣдупной господиномъ съ палкою (стр. 138).

249) Сто Русскихъ Литераторовъ. Изданіе книгопродавца А. Смирдина. Томъ третій. Введеніемъ Вигичевъ. Гречъ. Марковъ. Михайловскій - Данилевскій. Мятлевъ. Ободовскій. Скобелевъ. Ушаковъ. Хмельницкій. Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Праца. 1845. Въ 8-ю д. л. 692 стр.

Наконецъ появился и третій томъ *Ста Русскихъ Литераторовъ*. Говорятъ даже, что неперемѣнно появится и четвертый. Какимъ слуга! Толстая, утѣ-

ля, съ портретами, съ картинками, тнадцать стихотвореній, восемь ста- и въ простѣ, огромная драма въ сти- хъ! О такой книгѣ — или надо гово- рить все, или не надо ничего говорить: вслѣдствіе невозможно, и потому напи- сать первое. Сверхъ-того, эта книга и живо, такъ добродушно, сама не зная, выражаетъ собою рус- скую литературу, впрочемъ, несо- вѣстна-совершенною, а особливо рус- скую книжную торговлю, что можно думать побесѣдовать объ этомъ непо- робѣ съ читателями, — что мы и въяснимъ въ отаѣлѣ «Критики» слѣду- ющей книжки «Отечественныхъ Запи- сокъ».

280) Грамматическія Разысканія. В. А. Васильева. 1) О буквахъ б. 2) Объ образованіи именъ уменьшитель- ныхъ рода мужескаго и женскаго. Санкт- петербургъ. Въ тип. Конрада Вильбо- рга. 1845. Въ 3-ю д. л. 68 стр.

Появленіе книжки г. Васильева очень порадовало насъ. Въ-самомъ-дѣ- лѣ, давно бы уже пора приняться намъ и разработываніе русской граммати- ки. А то — вѣдь стыдно сказать! — грамматика нелагается у насъ въ осно- ваніе ученому общественному и частно- му, — а между-тѣмъ у насъ нѣтъ рѣши- тельно ни одной удовлетворительной грамматики! И какъ же бы могла она литься у насъ, когда теорія языка русскаго почти не начата, и для грам- матики, какъ систематическаго свода законовъ языка, не приготовлено ни- какихъ данныхъ? Отъ-того, если счи- тать двѣ русскія грамматики равныхъ составителей, на-пр., грамматику г. Греча съ грамматикою г. Востокова, — водумается, что каждая изъ нихъ раз- суждаетъ объ особенномъ языкѣ, или что онѣ отдалены одна отъ другой большаго промежуткомъ времени. Каждый пишущій въ Россіи руко- водствуется своею собственною грам- матикою; нововведеніямъ, этимологи- ческимъ, синтаксическимъ и орфогра- фическимъ, нѣтъ числа и мѣры: вся- кій молодецъ на своей образецъ! И

между-тѣмъ, не смотря на вопли нѣко- торыхъ старыхъ писакъ противъ этой грамматической анархіи, въ которой они видятъ злоупотребленіе и чуть не разбой, — при настоящемъ положеніи русскаго языка, эта грамматическая анархія неизбежна и необходима — да- же полезна и благотворна... Русскій языкъ еще не установился, — и дай Богъ, чтобы онъ еще какъ-можно-до- лже не установился, потому-что чѣмъ дольше будетъ онъ устанавливаться, тѣмъ лучше и богаче установится онъ. Есть люди, которые вѣрятъ, или толь- ко дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ, будто Карамзиннымъ русскій языкъ совер- шенно утвердился — дальше идти не можетъ: много благодарны за этотъ языкъ-скоропиську, которому только безъ году недѣля, а онъ уже и соста- рѣлся! Какъ одинъ изъ замѣчательнѣй- шихъ моментовъ развитія русскаго языка, мы принимаемъ карамзинскій языкъ съ любовью, уваженіемъ, благо- дарностью и даже, если хотите, съ удивленіемъ; но намъ и даромъ не пуажо карамзинскаго языка, если въ немъ должно видѣть совершенно-уста- новившійся языкъ русскій... Мы ду- маемъ, что если Крыловъ и облазилъ Карамзину чистотою своего языка, то все же языкъ Крылова во сто разъ выше языка Карамзина, но той про- стой причинѣ, что языкъ Крылова до пое plus ultra языкъ русскій; тогда- какъ языкъ Карамзина только въ *Меморіи Государства Россійскаго* обнару- жилъ стремленіе быть языкомъ рус- скимъ, а до-тѣхъ-поръ обнаруживать стремленіе только не быть славяно-ла- тинско-нѣмецкимъ, или лопососов- скимъ языкомъ (что и было со сторо- ны Карамзина великою заслугою). Но сфера языка Крылова сама-по-себѣ довольно-ограничена, и потому не въ ней русскій языкъ могъ достичь сво- его установленія, и не на баснѣ оста- новиться. Ему надо было идти, и онъ пошелъ впередъ, содѣйствіемъ Жуков- скаго, Батюшкова, Гвѣдича, самаго Карамзина, который, въ своей *Мемо- ріи Государства Россійскаго*, говорилъ

совсѣмъ - другою манерою, нежели прежде, — правда, манерою еще болѣе искусственною, но зато и болѣе - полезною для успѣха русскаго языка. Явился Пушкинъ — и русскій языкъ обрѣлъ новую силу, прелесть, гибкость, богатство, а главное — сталъ развѣшенъ, естественъ, сталъ вполне русскимъ языкомъ. По-этому, слыша людей, которые навью утверждають, что Карамзинъ кончилъ, такъ-сказать, воспитаніе русскаго языка, и совсѣмъ умалчиваютъ о Пушкинѣ, какъ-будто-бы, въ дѣлѣ языка, онъ не заслуживаетъ и упоминенія, — неволью вспомянешь стихъ Крылова, обратившійся въ пословицу:

Слона-то я и не замѣтил!

Теперь посмотрите: Ломоносовъ-устанавливаетъ славяно-латинско-нѣмецкую форму русскаго языка, всѣмъ принятую безусловно; но въ писателяхъ екатерининскаго вѣка уже видѣнъ въ ходѣ языка значительный успѣхъ: Державина и Фоминина, по отношенію къ языку, уже никакъ нельзя сравнивать съ Ломоносовымъ. Карамзинъ, такъ-сказать, убиваетъ на-смерть языкъ Ломоносова, съ одной стороны, представивъ образцы новой прозы, а съ другой, вмѣстѣ съ Дмитриевымъ, представивъ образцы стиха, далеко, въ-отношеніи къ языку (а не поэзіи), опередившаго стихъ Державина. Мало этого: лишь-только проза его сдѣлалась образцовою и начала развиваться далѣе содѣйствіемъ Жуковскаго, какъ онъ самъ отрекается отъ нея и, въ своей «Исторіи», силится создать совсѣмъ-другаго рода прозу. О Крыловѣ мы говорили. Стихъ Жуковскаго и Батюшкова немѣримо-далеко оставляетъ за собою стихъ Дмитриева и Карамзина; Гвидичъ создаетъ русскій гекзаметръ и дѣлаетъ русскій языкъ способнымъ для воспроизведенія ивнщней древней рѣчи эллинской. Кажется, много сдѣлано? Трудно повѣрить, чтобъ можно было идти далѣе? И что же?—Пушкинъ является полнымъ ре-

форматоромъ языка, увлекаетъ за собою Крылова, писателя, опередившаго его поэзію четвертью вѣка, увлекаетъ Жуковскаго. Вмѣстѣ съ Пушкинымъ, является Грибоедовъ и создаетъ языкъ русско-стихотворной комедіи, какъ Крыловъ создалъ языкъ русско-басни. Самъ Пушкинъ не стоялъ на одномъ мѣстѣ: съ *Полтавы*, вышедшей въ 1829 году, началась для его поэтической дѣятельности новая эпоха въ-отношеніи и къ творчеству и къ языку. Прозою онъ писалъ до того времени мало, но и въ его прозаическихъ отрывкахъ (особенно въ *Арапъ Петра-Великаго*) видно уже начало совершенно-новой русско-прозы. И все это сдѣлалось въ какія-нибудь *десятью* лѣтъ, считая отъ первой оды Ломоносова— *На Взмѣтѣ Хотина*, написанной правильнымъ тоническимъ размѣромъ, навсегда утвердившимся въ русско-поэзіи (1739), до *Полтавы* Пушкина (1829)!... Какая же могла тутъ явиться грамматика? Вѣдь грамматика есть абстрація языка, существующаго въ созданіяхъ литературы, а литература явилась съ каждымъ годомъ? При такихъ условіяхъ, маную ни написаніе грамматикъ,—она успеетъ отстать отъ языка литературы, пока вы будете печатать ее.

Но почему же, спросятъ насъ, мы говоримъ все о языкѣ литературы, а не о языкѣ народа? По самой простой причинѣ: масса народа отстала отъ образованнаго общества, и языкъ ея сдѣлался для общества слишкомъ-бѣднымъ и неудовлетворительнымъ: вѣдь не у всякаго же достанетъ духа объясняться *малыми-мужичьими* слогомъ. Языкъ же общества безпрестанно напѣвался вмѣстѣ съ литературою.

Однакожь и Пушкинымъ не кончилось развитие русскаго языка, который и теперь еще далекъ отъ того, чтобъ установиться. Особенно бѣдѣетъ *досегдѣ* разговорный, общественный русскій языкъ. Для поэзіи, преимущественно высокой, еще нашими писателями до Пушкина (преимущественно Державина)

виннымъ, Жуковскимъ и Батюшковымъ) сдѣлано было много, а Пушкинымъ довершено ихъ дѣло. И не мудрено: русскій языкъ необыкновенно богатъ для выраженія явленій природы, и, по своему близкому сродству съ древне-церковнымъ славянскимъ языкомъ, причастенъ гению древнихъ классическихкихъ языковъ, способенъ къ передачѣ произведеній древне-греческой и латинской поэзіи. Въ-самомъ-дѣлѣ, какое богатство для изображенія явленій естественной дѣйствительности заключается только въ глаголахъ русскихъ, имѣющихъ *виды!* *Плавать, плыть, приплывать, приплыть, заплывать, отплывать, заплыть, приплыть, уплыть, уплыть, наплыть, наплыть, подплыть, подплыть, поплавать, поплыть, расплываться, расплываться, расплываться, расплываться:* это все одинъ глаголъ для выраженія *десятью* оттѣнковъ одного и того же дѣйствія!

Степь раздольная
 Далеко вокругъ,
 Широко лежить,
 Ковылемъ-травой
 Разстилается!
 Ахъ, ты степь моя,
 Степь привольная,
 Широко ты, степь,
 Пораскинулася,
 Къ Морю Черному
 Попадешинулася!

На какомъ другомъ языкѣ передали бы вы поэтическую прелесть этихъ выраженій покойнаго Кольцова о степи: *разстилается, пораскинулася, попадешинулася?*...

Да, благодаря уже самому свойству русскаго языка, поэзія природы, поэзія чувствъ и мыслей, не ознаменованныхъ ни печатію абстракціи, ни печатію общественности, навсегда установилась у насъ Пушкинымъ, и языкъ для нея вполне выработался, — такъ-что дальнѣйшій прогрессъ для языка будетъ уже не столько со стороны формы, сколько со стороны содержания. Но такой прогрессъ возмо-

женъ не только для юнаго русскаго языка, еще далеко не во всѣхъ отношеніяхъ вышедшаго изъ пеленъ, но и для вполне-развивавшагося слишкомъ два вѣка назадъ французскаго языка. Каждый вновь появляющійся великій писатель открываетъ въ своемъ родномъ языкѣ новыя средства для выраженія новой сферы созерцанія. Такъ, на-пр., въ грамматическомъ отношеніи, нѣтъ почти никакой разницы между языкомъ Руссо и Жоржа-Занда; но за то, какая разница между тѣмъ и другимъ языкомъ въ-отношеніи къ ихъ содержанию! Въ этомъ отношеніи, благодаря Лермонтову, русскій языкъ далеко подвинулся впередъ послѣ Пушкина, и такимъ-образомъ онъ не перестанетъ подвигаться впередъ до-тѣхъ-поръ, пока не перестанутъ на Руси являться великіе писатели.

Но за то, какъ еще бѣденъ русскій языкъ для выраженія предметовъ науки, общественности,—словомъ, всего отвлеченнаго, всего цивилизованнаго, глубоко и тонко-развитаго, даже ежедневныхъ житейскихъ отношеній! И причина этой бѣдности заключается, къ-несчастью, не въ томъ только, что русскій языкъ молодъ, неразвитъ, не обработанъ, но еще и въ историческомъ развитіи русскаго народа. Какъ богаты передъ нимъ, въ этомъ отношеніи, языки народовъ Западной-Европы!— А почему? — Потому, что они образовались большею частію изъ обломковъ латинскаго, черезъ который приняли въ себя не малое число даже греческихъ словъ. Исключеніе остается за вѣмецкимъ языкомъ, какъ самостоятельнымъ; а попробуйте исключить изъ него всѣ взятые Нѣмцами латинскія и греческія слова, — и вы увидите, какъ страшно обѣднѣетъ онъ. Вѣстѣ съ словами искаженнаго латинскаго языка, тевтонскіе варвары взяли отъ Римлянъ и тѣ понятія, тѣ идеи, которая могла породить и развить только гуманическаго классическаго древности, и которыя не могли бы инымъ путемъ достаться варва-

рамъ. Отъ-этого, на-пр., французскій языкъ такъ богатъ словами, которые заключаютъ въ себѣ философскій смыслъ, и которыл, не смотря на то, употребляются въ самомъ простомъ житейскомъ разговорѣ: *Субъектъ, объектъ, индивидуумъ, индивидуальный, абсолютный, субстанція, субстанциальный, конкретный, универсальный, абстрактный, категорія, рационализмъ, рациональный, обскурантизмъ, индефферентизмъ, спеціальный, спеціальизмъ, коллизія: всѣ эти слова* считаются у насъ книжными, сѣшными и дикими, и навлекаютъ на себя глумленію невѣждъ, если употребляются и не въ разговорѣ, а въ разсужденіяхъ объ умственныхъ предметахъ. Оно отчасти и понятно: ихъ не было въ русскомъ языкѣ, потому-что въ русской цивилизаціи до Петра-Великаго не было выражаемыхъ ими понятій; а во французскомъ языкѣ они существуютъ какъ весьма-обыкновенныя слова: *l'objet, le sujet, l'individu, individuel, l'individualité, absolut, la substance, substantiel, concret, universel, l'universalité, abstrait, la catégorie, le rationalisme, rationel, l'obscurantisme, l'indifférentisme, le specialisme, la collision...* Такихъ словъ мы не перечли здѣсь и сотой доли. Всѣ такія слова мы по-неволѣ должны брать цѣлкошъ у иностранцевъ: многія изъ нихъ совершенно обрусѣли, и мы такъ привыкли къ нимъ, что какъ-будто и не считаемъ ихъ за чужія: *коммерція, монополія, манифестъ, декларация, прокламація, инстинктъ, фабрика, мануфактура, брильянтъ, поэзія, проза, музыка, гармонія, мелодія, администрація, губернія, мастеръ, мастерство, малляръ, пучеръ, солдатъ, офицеръ, и пр. и пр. и пр.* Такихъ словъ мы не исчислили здѣсь и тысячной доли. Многія изъ иностранныхъ словъ удачно переведены на русскій языкъ и получили въ немъ право гражданства: *правительство, промышленность, предметъ, личность* (не оскорбленіе, а *personnalité*). *Отвѣтственность, любезность, воспроизведеніе* (*reproduction*), *блѣяніе, отягощеніе, заключеніе* (*con-*

clusion), *изложение* (*exposition*), и пр. Нечего уже говорить, что, чрезъ столкновеніе русскаго ума съ доселѣ-чуждыми ему идеями, русскій языкъ сталъ богаче словами, которые умножились, этимологическимъ производствомъ, для выраженія отѣтнковыхъ уже-существовавшихъ понятій. Такихъ образомъ, произошло неисчислимое множество словъ въ родѣ слѣдующихъ: *аргументность, количественность, творчество, знаменитость* (въ смыслѣ глагола *чѣмъ-нибудь* *человѣка, célébrité*), *якожестьвенность, письменность, неподствный, принадлежность, слобичность, письменность, грамотность* и т. п. Но, не смотря на то, во французскомъ языкѣ остается множество словъ, въ значеніи которыхъ мы не можемъ во пуждаться, но которыхъ, въ то же время, не можемъ ни перевести (потому-что у насъ нѣтъ соотвѣствующихъ имъ словъ), ни взять цѣлкошъ, (потому-что они какъ-то не вошли сами въ нашъ языкъ). Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ мы по-неволѣ ишаемъ въ свой русскій разговоръ, къ величайшему неудовольствію ипритовъ, которыхъ ограниченность не видать въ нихъ нужды; таковы: *compromettre, solidarité, alternance, charité, exagérer, se prononcer, prétendre, conception, garantir, garantie, exploiter, initier, initiation, initiation, varier, remonter, prépondérance, chance, camaraderie, association, attribut, étaler, détailler, assortir, revanche* и пр. (*компрометтировать, солидарность, альтернация, чаритѣ, эагэри, се проносер, претенди, концепция, гарантировать, эксплуатировать, инициировать, варирувать, ремонтироваться, превандрансъ, шансъ, ассоциация, этирибуать, этилироваться, деталировать, сортировать, реванш*). Нечего говорить о богатствѣ французской фразеологіи, о гибкости французскаго языка, способнаго на выраженіе всевозможныхъ тонкостей и отѣтнковыхъ мыслей. Выисаванныя нами выше слова важны еще и во определенности, съ какою выражаютъ они заключенное въ нихъ понятие: по-этому, многія изъ нихъ

можно бы перевести, да только переводъ будетъ неточенъ — то же, да не то. Такъ, на-пр., *charité* можно перевести словомъ *misericordie*, а будетъ не то: схвачено понятіе, но потеряны нѣкоторыя отбѣвы его; *étaler*—*выставлять*, *раскладовать на показъ* — опять близко, но не то; *revanche* — *возмездіе*: *показъ*, а не *совѣтъ*! Вотъ почему французскій языкъ не у однихъ у насъ въ такомъ употребленіи. Можно быть и немъ не единкомъ-сильнымъ, — и не смотря на то, подлинникъ хорошаго французскаго сочиненія понимать лучше, нежели превосходный переводъ его по-русски. Писать по-русски писать—просто мученіе: фраза выходитъ тяжелая, захватъ грамматикою и синтаксисомъ, обороты неуклюжи. Пишете, ищите — и кончите тѣмъ, что сразу напишете по-французски — и выйдетъ хорошо. Говорить по-русски, не вмѣшивая фразъ и словъ французскихъ, очень-трудно. Наши литераторы и тѣмъ-называемые патріоты упрекали и теперь упрекаютъ высшее общество въ равнодушіе и даже презрѣніе къ русскому языку и русской литературѣ, въ пристрастію и даже страсти къ французскому языку и французской литературѣ: обвиненіе несправедливое и въ высшей степени мѣщанское! Наше высшее общество, вдругъ столкнувшись, такъ — сказать, съ Европою, увидѣло, что для его новыхъ потребностей, идей и общественныхъ отношеній русскій языкъ бѣденъ и недостаточенъ, хотя для своего общества (до времени Петра-Великаго), онъ, какъ и естественно; былъ не только удовлетворителенъ, но еще и очень-богатъ. Русскому обществу по-русски читать было нечего; однакожь, то немногое, что было, оно читало: при Екатеринѣ-Великой, оно читало Державина и Богдановича, смотрѣло въ театрѣ трагедіи Суваркова и комедіи Фонвизина; при Александрѣ I-мъ оно не по однимъ служашъ анало о Карамзинѣ, Дмитріевѣ, Озеровѣ, Крыловѣ; Жуковскомъ и Батюшковѣ. Но это вѣдь еще не была литература, способная занять и напол-

нить досуги образованнаго общества: годовой бюджетъ произведеній всѣхъ этихъ писателей едва могъ ставать на недѣлю чтенія. Явился Пушкинъ — высшее общество прочло его. Въ наше время, оно не только прочло Гоголя и Державина, но перечисываетъ иногда и не столь крупныхъ писателей, заглядываетъ даже въ журналы. Въ чемъ же упрекаютъ его? — Развѣ въ томъ, что оно не проглатываетъ всего, что производятъ досужество российскихъ сочинителей?—Ну, за это надо извинить высшее общество: оно немножко делкатно и боится индигестіи... Но оно не говоритъ по-русски?—Правда; и это отъ-того, что, какъ сказалъ Пушкинъ,

Доселѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ,

и отъ-того, что онъ еще не въ привыкъ къ разговору: мѣстоименія его такія длинныя, на-пр., *который*, безъ котораго, между-тѣмъ, нельзя сбствовать фразы; а его причастія, и дѣйствительныя и страдательныя, такъ долгоязыки, главное же—такъ отзываются — высокими слогами; его фразы такъ шаплетъ книгою.

Для устраненія всѣхъ этихъ препятствій, еще очень-мало сдѣлано и высшимъ обществомъ и литературою, но — мало — не значить еще —ничего. Немного сдѣлано, но уже дѣлается: съ одной стороны, высшее общество, все больше и больше читая по-русски, естественно, больше и говорить по-русски; а когда русская литература будетъ ежегодно производить хорошаго и интереснаго столько же, сколько ежегодно производитъ французская литература, или хотя около того, — тогда наше высшее общество будетъ и читать и говорить по-русски, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ по-французски. А то вѣдь согласитесь сами—двѣ или три, много много-много пять порядочныхъ повѣстей въ годъ, романъ въ иной годъ, да десятокъ журналовъ, которые больше чѣмъ на половину наполняются переводами, а изъ которыхъ развѣ только

два удобны для чтенія, — согласитесь, что такая литература, если только она и въ-самомъ-дѣлѣ — литература, немного времени возьметъ у самаго жаднаго до чтенія, но хотя немного-разборчиваго читателя? Съ другой стороны, русская литература теперь на доброй дорогѣ для того, чтобъ выработать изъ языка книги языкъ общества и жизни. Она давно уже стремится къ этому, — съ-тѣхъ-поръ, какъ заговорили о важности такъ-называемой *легкой поэзіи* и *легкой литературы*. Перебирая нашихъ дѣятелей въ этомъ отношеніи, пропустимъ Сумарокова, Богдановича, даже Хемницера, и начнемъ съ Фонвизина, потомъ упомянемъ Крылова и Дмитриева (басни и сказки; въ-особенности *Модная Жена*); отъ нихъ перейдемъ къ безсмертному созданию Грибоѣдова, *Горе отъ Ума*, къ *Евгенію Онегину* и *Графу Нулину* Пушкина, при чемъ упомянемъ о прозаическихъ опытахъ Пушкина (преимущественно объ *Арапъ Петра-Великаго*). Съ Гоголя начнется новый періодъ русской литературы, которая, въ лицѣ этого гениальнаго писателя, обратилась преимущественно къ изображенію русскаго общества. Шуристы, грамматодѣлы и корректоры нападаютъ на языкъ Гоголя, и — если хотите не совсѣмъ-безосновательно: его языкъ точно неправиленъ, нерѣдко грѣшитъ противъ грамматики и отличается длинными періодами, которые изобилуютъ вставочными предложеніями; но совсѣмъ-тѣмъ, онъ такъ живописенъ, такъ яркъ и рельефенъ, такъ опредѣлителенъ и точенъ, что его недостатки, о которыхъ мы скавали выше, скорѣе составляютъ его прелесть, нежели порокъ, какъ иногда въ-которыхъ неправильности чертъ, или веснушки, составляютъ прелесть прекраснаго женскаго лица. Возьмите самый неуклюжій періодъ Гоголя: его легко поправить, и это сдѣлать всякій грамотѣй десятаго разряда; но покуситься на это значило бы испортить періодъ, лишить его оригинальности и жизни. Гоголь далъ направленіе прозаической литературѣ

нашего времени, какъ Лермонтовъ далъ направленіе всей стихотворной литературы послѣдняго времени. И направленіе, давное Гоголемъ, особенно плодотворно для литературы и для языка, которые по этому учатся и научатся хорошо говорить о простыхъ вещахъ, и уже не поучать, какъ прежде, торжественно и важно публику, а бесѣдовать съ нею. Съ другой стороны, еще съ появленія *Московскаго Журнала* и *Вѣстника Европы* Карамзина, наша журнальная литература оказала стремленіе объясняться съ публикою не параднымъ языкомъ книги, а живымъ языкомъ общества. Но Карамзинъ не долго дѣйствовалъ на журнальномъ поприщѣ, — и потому только съ появленія *Московскаго Телеграфа* начинается періодъ настоящей журнальной дѣятельности, полезной и для общества и для языка. И нельзя сказать, чтобъ, въ этомъ отношеніи, журналистика наша не сдѣлала съ-тѣхъ-поръ значительныхъ успѣховъ.

Но какъ бы ни былъ языкъ неразвитъ и необработанъ, — онъ все же вѣдь имѣетъ свой геній, свой духъ, свои законы и свои, только ему свойственные, характеръ и физиономію: изслѣдовать, опредѣлить, — словомъ, привести ихъ въ ясное сознаніе, есть дѣло грамматики. Взглянемъ же на то, что сдѣлала у насъ для языка грамматика. Сначала, подобно русской поэзіи и русской литературѣ вообще, русская грамматика нисколько не была русскою, но представляла какой-то странный сколокъ съ латинской, французской и пѣмецкой грамматики. Наши грамматисты, отъ Мелетія Смотрицкаго до Ломоносова и бывшей Академіи Россійской, составляя русскую грамматику, какъ-будто ничего другаго не дѣлали, какъ только переводили латинскую, — и потому они въ русскихъ глаголахъ, кромѣ трехъ временъ — *настоящаго*, *прошедшаго* и *будущаго*, дѣйствительно-существующихъ, нашли еще *неопредѣленное-прошедшее* (преходящее), *совершенное-прошедшее*, *давно-прошедшее*, *неопредѣленное-будущее*, *совершенное-будущее*

и другія, и при каждомъ глаголѣ открыли по нѣскольку неокончательныхъ наклоненій. Также неудовлетворительна была грамматика, изданная Россійскою Академіею. Впрочемъ, за это облаыненіе русской грамматики не должно строго судить нашихъ старинныхъ грамматикъ: вся ихъ вина состояла въ томъ, что они начали съ начала, по естественному ходу человеческого ума. Въ слѣдствіе реформы Петра-Великаго, у насъ все русское неизбежно должно было обнижаться. Наконецъ, знаменитый лингвистъ, Нѣмецъ Фатеръ, первый проникнувъ въ особенности свойства русскихъ глаголовъ, положилъ твердое основаніе русской грамматикѣ, по крайней-мѣрѣ, слѣлалъ ее возможною. Онъ доказалъ, что совершающееся въ глаголахъ другихъ языковъ посредствомъ множества временъ, у насъ дѣлается черезъ *виды*, что каждый русскій глаголъ имѣетъ нѣсколько *видовъ*, что каждый видъ имѣетъ только одно неокончательное наклоненіе, и что глаголы неопредѣленнаго и многократнаго вида имѣютъ три времени—*настоящее, прошедшее и будущее*, а глаголы совершеннаго (или опредѣленнаго) и многократнаго вида имѣютъ только два времени—*прошедшее и будущее* (послѣднее спрягается совершенно такъ, какъ *настоящее* время глаголовъ неопредѣленнаго и многократнаго видовъ). Объ этомъ самомъ писалъ покойный профессоръ Болдыревъ, котораго обвиняли въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ мысли Фатера. Справедливо ли это, мы рѣшить не можемъ; а лучше скажемъ, что профессоръ Болдыревъ написалъ еще прекрасное разсужденіе о *степеняхъ сравненія русскихъ прилагательныхъ*, въ которомъ доказалъ, что степень, которую принимали за превосходную и которая оканчивается на *айшій и ѡйшій*, есть, напротивъ, *сравнительная* степень полной формы прилагательныхъ, тогда-какъ степень, которая одна считалась сравнительною и которая оканчивается на *лѣ, ѡй и е*, есть только сравнительная усѣченной

формы прилагательныхъ. Потомъ, мы помнимъ еще небольшую, но дѣльную статейку профессора И. И. Давылова *О Порядкѣ Словъ*. Имъ г. Востокова по-справедливости должно быть упоминаемо съ почетомъ, какъ автора лучшей доселѣ русской грамматики. Но все это — не корень, не начало. Прежде составленія грамматики, необходимо аналитическое изслѣдованіе русскаго языка, глубокое проникновеніе въ анатомію, въ физиологію, въ тайну организма языка. Надо начать съ звука, съ буквы. Это и слѣлалъ знаменитый филологъ нашъ, Г. П. Павскій, который одинъ стѣитъ дѣломъ академіи. Его *Филологическими Наблюденіями надъ составомъ русскаго языка* положено прочное основаніе филологическому изученію русскаго языка, показанъ истинный методъ для этого изученія. Это превосходное сочиненіе еще не кончено; но мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, что послѣдняя, *шестая*, часть его приводится къ окончанію авторомъ и вмѣстѣ съ четвертою и пятою не замедлитъ поступить въ печать. Первые три части этого творенія уже всѣ распроданы и выйдутъ вторымъ изданіемъ, когда окончатся печатаніемъ три послѣднія части. Это успѣхъ, успѣхъ блестящій и славный тѣмъ болѣе, что у насъ вѣтъ еще публики для ученыхъ сочиненій, и что журналы не оцѣнили великій трудъ о. Павскаго, какъ слѣдуетъ, — а не оцѣнили потому, что для него, какъ сочиненія совершенно-самобытнаго и оригинальнаго, которое первое полагаетъ основаніе русской филологіи, не нашлось цѣнителей, достаточно сильныхъ для подобной оцѣнки. Но придетъ время, когда сочиненіе о. Павскаго слѣлается классическою и настольною книгою для всякаго ученаго, который посвятитъ себя изученію русскаго языка. Уже и теперь плоха и ничтожна была бы самая хорошая грамматика, которой авторъ, при ея составленіи, много и крѣпко не посоветовался бы съ *Филологическими Наблюденіями надъ составомъ русскаго языка*.

Грамматическія Размыскія г. Васильева явились въ-сѣдствіе книги г. Павскаго и написаны по указанному ему методу и въ ея духѣ. Не сомнѣвается, что найдутся остряки, забавники и потѣшники: они будутъ смѣяться надъ ничтожностью и мелочностью предмета, о которомъ такъ серьезно хлопочетъ навсѣгда г. Васильева. Пусть глумятся на здоровье себѣ и на потѣху своимъ читателямъ! Положимъ, что книжка г. Васильева порождена даже педантизмомъ; но развѣ не такому педантизму обязаны Французы удивительною разработкою своего языка? Чтѣ бы вы говорили, но грамматика именно учить не чему другому, какъ *правильному* употребленію языка, т. е. *правильно* говорить, читать и писать на томъ или другомъ языкѣ. Въ предметѣ и цѣль—*правильность*, и ни до чего остального ей нѣтъ дѣла. Съ педантическою кропотливостью задумывается она надъ тѣмъ, какъ правильно произносить, склонять, спрягать, согласовать, писать, — словомъ, употреблять то или другое слово, — и все это иногда для того, чтобы, добившись цѣли своихъ изысканій, сказать: такъ должно бы по правилу употреблять это слово, но такъ употребляется оно въ живомъ языкѣ общества! Можно знать хорошо грамматику, говорить и писать правильно, и въ то же самое время можно говорить и, особенно, писать дурно: это правда; но также можно хорошо и говорить и писать, и въ то же самое время не знать языка. А между-тѣмъ, теоретическое знаніе языка важно и полезно, даже необходимо, и безъ приложенія. Грамматика есть логика, философія языка, и кто знаетъ грамматику своего языка, для того, по-крайней-мѣрѣ, возможно знаніе всеобщей грамматики—этой прикладной философіи слова человеческого. Сверхъ того, люди, которые только по инстинкту хорошо говорятъ или пишутъ на своемъ языкѣ, по-необходимости часто ошибаются противъ духа языка, въ ущербъ своему успѣху на поприщѣ научной или

письменной вязанной рѣчи. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что когда въ инстинктивной способности хорошо говорить или писать, присоединяется теоретическое знаніе языка, — способность удвоется, утроится. Грамматика не даетъ таланта, но даетъ таланту большую силу; а грамматикъ только тотъ знаетъ, кто знаетъ, какъ слѣдуетъ не правильно сказать или не написать то или другое слово, ту или другую фразу, которымъ живая языкъ употребленія (usage — *usage*) даетъ неправильную форму. Сидѣльцы совѣтъ нѣхъ лавокъ и кухарки говорятъ и пишутъ, руководствуясь только употребленіемъ, а отнюдь не грамматикомъ; но потому-то иногда смѣшно слышать ихъ говорящими, и всегда такъ трудно понимать написанное ими...

Грамматика не даетъ правилъ языка, но извлекаетъ правила изъ языка. Общее незнаніе этихъ правилъ, т. е. незнаніе грамматики, вредитъ языку народа, дѣлая его неопредѣленнымъ и подчиняя его произволу личностей: тутъ всякій молодецъ говоритъ и пишетъ на свой образецъ. Въ формахъ языка должно быть единство. А этого единства можно достигнуть только строгимъ вслѣдованіемъ, какъ правильно должно говорить или писать то или другое. Это нежаніе правильности должно быть доведено до педантизма—для успѣха самого языка. Пусть будутъ тутъ злоупотребленія: они отвергнутся обществомъ, и живое слово не покорится имъ; но за то, все истинное и полезное, но несвязывающее языка мелочными и ненужными правилами, будетъ принято активно. Посмотрите на русскую орфографію, чтѣ это такое! Въ этомъ отношеніи русскій языкъ представляетъ собою странное исключеніе изъ общаго правила: у насъ столько же орфографій, сколько книгъ, сколько журналовъ, сколько литераторовъ, — и потому нѣтъ никакой орфографіи. Не-уже-ли это хорошо? А между-тѣмъ, за это никакъ нельзя никого винить: виноватаго нѣтъ! И такъ, вмѣсто того, чтобы нѣтъ іеремі-

амь против нововводителей,—не лучше ли было бы приняты за разработку орфографіи, за изслѣдованіе—какой орфографіи должно держаться, сообразно съ духомъ языка и его правилами. Объ этомъ слѣдуетъ разсуждать и спорить. Пусть въ этихъ разсужденіяхъ и спорахъ наговорено будетъ много страннаго и велѣпаго, лишь бы только результатомъ всегоэтого было, равно или повидно, удовлетворительное рѣшеніе вопроса. Но, видно, обвинять и бранить другихъ гораздо-легче, нежели доказать, почему они ошибаются, и какъ имъ надо писать, чтобъ писать правильно...

Вотъ почему мы очень-рады появленію брошюрки г. Васильева. Можетъ-быть, ею начинается безконечный рядъ филологико-грамматическихъ брошюръ, разсужденій, полемическихъ статей и статей, которыми должна разработаться наша грамматика и придти въ единство наша орфографія. Брошюрка г. Васильева раздѣляется на двѣ части. Въ первой онъ пытается рѣшить, правы ли тѣ, которые, вмѣсто почетный, счетъ, въ чомъ, черный, пишутъ: почетный, счотъ, въ чомъ, чорный, — и правы ли тѣ, которые нападаютъ на нихъ, какъ это дѣлаетъ фельетонистъ «Сѣверной Пчелы». Г. Васильевъ несогласенъ ни съ тою, ни съ другою стороною. Онъ говоритъ, что наши грамматикисты, гг. Востоковъ и Гречъ, ошибаются, утверждая, будто-бы буква ѣ не можетъ слѣдовать за зубными буквами: *ас, ч, ш, щ*, или, по-крайней-мѣрѣ, произносится послѣ нихъ не какъ ѣ, но какъ *о*; но что если внимательнѣе прислушаться въ произношеніи словъ: *счетъ* и *счотъ*, *щетка* и *щотка*, *жѣтый* и *жолтый*, то нельзя не увѣряться, что слова эти, при звукахъ ѣ и *о*, совсѣмъ-неодинаково произносятся, и что, слѣдовательно, должно писать въ этихъ словахъ не *о*, а *е*. Съ другой стороны, онъ не согласенъ съ доводами фельетониста «Сѣверной Пчелы», который, въ употребленіи буквы *о* въ почтутыхъ словахъ видитъ нарушеніе истомн соблюдавшагося правила. Г.

Васильевъ справедливо замѣчаетъ, что *исконн* писали: *Оскверненнн*, *отшедшн*, *продающнмн*, *илущнмн*, *россїнстн*, *распеншн*, *дегнн*, и что «Библиотека для Чтенія» слѣдуетъ коренной древней, хотя и неправильной привычкѣ русскаго народа, *утвержденной* звѣнками, употреблая дательный падежъ вмѣсто родительнаго, между-тѣмъ, какъ фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» нападаетъ же за это на «Библиотеку для Чтенія».

Спорныя буквы *е* и *о* суть бѣглыя, т. е. такія, которыя то исчезаютъ, то опять появляются въ словѣ, какъ на примѣръ: *ледъ*, *льда*, *орелъ*, *орла*, *близкій*, *близокъ*. Г. Павскій говоритъ, что когда надъ этими буквами должно стоять удареніе, то ихъ должно употреблять по правиламъ сочетаемости буквъ, т. е. *о* ставить послѣ согласныхъ тупыхъ, а *е* — послѣ согласныхъ острыхъ. Г. Васильевъ, напротивъ, утверждаетъ, что бѣглая гласная, находясь между двумя согласными и имѣя надъ собой удареніе, должна угодать обѣимъ, — такъ-что, если послѣдніи въ словѣ требуютъ передъ собою *е*, а предъидущіи *о*, — то такъ-какъ обѣихъ поставить нельзя, должно поставить среднюю между *о* и *е*, то-есть *ѣ*. Основываясь на этомъ правилѣ, г. Васильевъ положительно утверждаетъ, что слова: *дружекъ*, *лужекъ*, *мужичекъ*, *копачекъ*, *кружекъ*, и т. п. должно писать черезъ *е*, а не черезъ *о*.

Прекрасно! Но что же дѣлать съ выговоромъ-то и употребленіемъ? Что вы говорите, а далеко не во всѣхъ словахъ звукъ *ѣ* отличается въ произношеніи отъ *о*. Въ словѣ *жолтый* не слышно ни какого *ѣ*, а слышно одно чистое *о*; то же должно сказать о словѣ *хорошо*, котораго, какъ усѣченіе слова *хороше*, должно бы и писаться *хороше*, а произносится *хорошѣ*; но — вопреки правилу, по прихоти употребленія, ни то ни другое невозможно, — по-тому оно и пишется и говорится *хорошо*, а не *хорошѣ*. Мы согласны, что въ словахъ: *щетка*, *счета*, *въ чомъ*, *черный*, *щелокъ*, *щелокъ*, слышится звукъ болѣе-похожій

на *ѣ*, нежели на *о*, и что, следовательно, негѣпо для слуха и безобразно для глазъ писать: щотка, счотъ, въ чомъ, чорный, щолокъ, щоголь. Но такъ же точно, сколько ни прислушивайтесь къ словамъ: *лицо, крыльцо, айцо, кольцо, словоцо, желтый, шорохъ, шопотъ, кружокъ, лужокъ, отцомъ*, — а воля ваша, звука *ѣ* въ нихъ вы не услышите, а если же и услышите, то вамъ трудно будетъ выговаривать эти слова, и этотъ звукъ оскорбитъ вашъ слухъ, — следовательно, негѣпо для слуха и безобразно для глазъ писать *лице, крыльце, айце, кольцо, слово, желтый, шепотъ, кружекъ, лужекъ, отцемъ*. Въ первомъ случаѣ, буква *о*, какъ говорится, деретъ глаза; во второмъ то же дѣйствие производитъ буква *е*. Согласны: правило г. Васильева вѣрно, да та бѣда, что употребленіе попортило его цѣлость, такъ-что теперь, избѣгая педантизма, который иногда бываетъ хуже невѣжества, необходимо уступить депотической волѣ употребленія, и изъ одного стараго правила сдѣлать два, т. е. помянуть на серединѣ: съ буквами *щ* и *ч*, писать *е*, а съ буквами *ж* и *ш*, писать *о*. Возьмите слово: *плече*, — и произнесите на концѣ острое *ѣ*: вы выговорите его такъ, какъ оно въ-самомъ-дѣлѣ выговаривается, следовательно, нѣтъ никакой нужды нарушить общаго правила и писать *о* (*плечо*); но въ словѣ: *лицо* какъ ни старайтесь выговаривать *ѣ*, не выговорите, а если и выговорите, вамъ самимъ будетъ смѣшно своего усилія, равно какъ и звука, который *сѣмучите* вы изъ своихъ губъ. Остановившись на серединѣ, избѣгая равно и педантизма и произвольности: объ крайности равно нехороши. Что жъ дѣлать, если духъ новаго русскаго языка часто бываетъ въ противорѣчій съ духомъ стараго русскаго языка, и если всѣ акустическія и орфографическія преданія разорваны такъ, что иногда и слѣдовъ нельзя отыскать? Тутъ остается только покориться необходимости.

Мы не обратили бы особеннаго вниманія на брошюрку г. Васильева, ес-

либъ въ ней было сказано только то въ чемъ мы съ нею не согласны. Нѣтъ, въ ней, кромѣ этого, много дѣлаго и интереснаго, какъ, напр., критика мнѣній разныхъ грамматистовъ изслѣдованіе, въ какихъ случаяхъ буква *е* выговаривается какъ *ѣ*. Последнее изслѣдованіе стоило автору большаго трудовъ: чтобъ повѣрить справедливость своихъ выводовъ, онъ долженъ былъ перечестъ весь лексиконъ русскій. Хлопотливо и тяжело, — а нѣтъ иначе при подобныяхъ изслѣдованіяхъ: если не хотите нагромоздить кучу произвольныхъ правилъ, которыхъ языкъ и не думалъ признавать. Г. Васильевъ приводитъ въ своей брошюрѣ разительный примѣръ подобной произвольности, происшедшей отъ легкости работы. Г. Гречъ говоритъ: «Если надъ буквою *е* находится удареніе и гласная (также полугласная), то она произносится какъ *йо* (т. е. какъ *ѣ*)» — примѣръ: *елка, твердо, дерну, блеклый, медъ*. То же бываетъ, когда находится въ концѣ слова: *жизнь, сине, мого* («Практ. Русская Грамматика», 1834 г., стр. 416). Г. Васильевъ приводитъ множество словъ въ опроверженіе этого правила: *верба, векша, жертва, трапеза, юре, доже, море, поле*, и проч. Но изложеніе правилъ, открытыхъ (числомъ 12) г. Васильевымъ объ употребленіи буквы *ѣ*, было бы излишне въ нашей статьѣ. Наше дѣло указать хорошее, а кто хочетъ увидѣть его самъ, можетъ обратиться къ самой брошюркѣ.

Очень-интересно и второе разнисканіе: *Объ образованіи имени уменьшительныхъ рода мужескаго и женскаго*, — интересно, какъ по разбору мнѣній гг. Греча и Востокова объ этомъ предметѣ, такъ и по выводамъ самаго автора. Вообще, брошюрка г. Васильева такого рода, что ни одинъ будущій составитель грамматики не обойдется безъ того, чтобъ, при трудѣ своемъ, не принять ея къ свѣдѣнію, а иногда даже и не посоветоваться съ нею. Слова на оберткѣ брошюры: *первый выпускъ*, обѣщаютъ намъ продол-

женіе трудовъ г. Васильева по части разработыванія русской грамматики: очень рады!

Брошюра г. Васильева невольно напомнила намъ собою другую книжку, совсѣмъ въ другомъ родѣ, но которая относится къ тому же предмету, которая давно уже вышла, но о которой мы не сказали въ-время. Это — брошюра г. Кодняскаго: *Упущеніе Русской Грамматики*. Мы прошли ее молчаишемъ не потому, чтобъ ничего не хотѣли о ней сказать, а потому-что, напротивъ, слишкомъ-много хотѣли сказать о ней. Мieux tard que jamais, и мы теперь поговоримъ ни мало, ни много, а сколько скажется, но слѣдуетъ это въ слѣдующей книжкѣ «Отеч. Записокъ».

251) Овъ Элементахъ и Формахъ Славяно-Русскаго Языка. *Разсужденіе, написанное на степень маистра кандидатоу М. Катковымъ. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л., 257 стр.*

Разсужденія на ученые степени годъ-отъ-году ставаются болѣе-серьезными. Изъ простыхъ компилляцій, которыя поражали малоопытнаго читателя многочисленными цитатами непрочтенныхъ книгъ, они перешли въ дѣльные трактаты, не только обнимающіе предметъ въ современномъ его положеніи, не только представляющіе анализъ чужихъ трудовъ, но и полагающіе иногда новыя раскрытія, самобытныя взгляды и выводы. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ диссертация г. Каткова, главные положенія которой мы считаемъ обязанностью прослѣдить. Цѣль его труда, какъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи, «уяснить элементы, изъ коихъ сложились реченія и развились формы языка русскаго. Единственный путь къ этой цѣли — историко-сравнительный. Такъ-какъ русскій языкъ, будучи членомъ славянской семьи, въ несомнѣнномъ родствѣ состоитъ съ семьей и обширнѣйшей языковъ видоевропейскихъ; то уяснить его элементы и формы зна-

читать уяснить тотъ путь, какимъ онъ обособлялся, постараться положить, сколько можно ближе къ той древнѣйшей эпохѣ, когда онъ самъ впервые произнесъ себя; потомъ слѣдить движеніе имъ въ ту эпоху признаваемыхъ «законовъ». Авторъ самъ признается, что онъ не посмѣлъ бы взяться за такую трудную задачу, еслибъ ему поставлено было въ обязанность совершить дѣло въ такой полнотѣ, какой требуетъ наука. Онъ рѣшился только послужить этому дѣлу, а не повести его; только положить свой малый камень въ общій запасъ, изъ котораго должно соорудиться это трудное зданіе. Поэтому строгой системы въ трудѣ его искать не должно: система безъ полноты матеріала ему кажется болѣе вредною, чѣмъ полезною. Впрочемъ, разсужденіе раздѣлено на двѣ части: въ первой идетъ рѣчь собственно о буквахъ, а во второй о формахъ именныхъ и глагольныхъ.

Вторымъ тѣзисомъ своимъ, г. Катковъ опровергаетъ нѣдѣе автора *Филологическихъ Наблюденій*, который буквы *ѣ* и *ѥ* относитъ не къ гласнымъ, а къ придыханіямъ. Древнѣйшіе памятники славянской письменности, уцѣлѣвшіе слѣды въ нынѣшнихъ нарѣчіяхъ русскихъ, сравненіе съ родственными языками свидѣтельствуютъ, что эти спорныя буквы, буквы пустыя или безгласныя по однимъ, полугласныя по другимъ, припряжно-гласныя по Мелетию Смотрицкому, принадлежатъ къ разряду гласныхъ. Заимѣненіе буквы *ѥ* буквою *о*, а буквы *ѣ* буквою *е* встрѣчается не только въ срединѣ, но и въ концѣ реченій, какъ на-прим. въ грамматѣ Мстислава Давидовича: миро, всѣхо, берьго, дълго (долгъ), умрете (вм. умреть — умреть), путе (вм. путь), вѣсате (вм. вѣсать - вѣсать). Въ новгородскихъ купчихъ XIV вѣка, именованный падежъ: Марке, Ѳедоро, Костянтинѣ, и проч. Эти примѣры тѣмъ болѣе важны, что взяты изъ такого памятника, который прямо списанъ съ рѣчи народной: здѣсь не музыкальная цѣль, но настоятельная потребность выговора выву-

ждала писцовъ къ замѣненію забытыхъ *ѣ* и *ѝ* буквами подобнозвучными. Самъ г. Царскій былъ вынужденъ сознаться, что онѣ (*ѣ* и *ѝ*) часто заступаютъ мѣсто гласныхъ. Трудно понять, что такое начертанія, письменныя заступающія мѣсто гласныхъ: буквы написанныя занимаютъ не мѣсто буквъ произносимыхъ, но служатъ непосредственно къ ихъ означенію.

Любопытнѣйшая часть диссертациа заключается въ исслѣдованіи объ удареніи: здѣсь авторъ представляетъ весьма-остроумную догадку о количествѣ (долготѣ и краткости) гласныхъ, свойственномъ нашему языку. На эту догадку былъ онъ наведенъ изученіемъ древнихъ памятниковъ словесности и сравненіемъ съ соплеменными языками. Русскій (общепринятый) языкъ смѣшалъ удареніе слоговъ съ ихъ количествомъ. Между этими обоими началами возникла борьба, которая, чѣмъ-то пресѣченная, доселѣ остается нерѣшенной. Теперь повышеніе и протяженіе голоса въ нашей рѣчи совпали; но напрасно думаютъ наши филологи, что вездѣ протяженіе условлено удареніемъ: есть важнѣйшія причины думать, что противное тому явленіе гораздо-болѣе имѣетъ мѣсто въ языкѣ нашемъ. Во всѣхъ древнихъ языкахъ нашего семейства гласныя существенно различаются по количеству. Доселѣ чешскій языкъ различаетъ ясно и сознательно долготу и краткость гласныхъ. Въ польскомъ удареніе осилило количество; въ немъ повышеніе и протяженіе голоса совпадаютъ, и всегда на предпоследнемъ слогѣ. Но лучшіе поэты (на-прим. Кохановскій) умѣли отчасти пользоваться этимъ давнимъ свойствомъ языка. Въ русскомъ же языкѣ никогда и никто не хотѣлъ искать этого жизненнаго явленія въ вокализмѣ, хотя народный выговоръ, особенно въ областяхъ отдаленныхъ, гдѣ болѣе сохранилось исконныхъ амен-товъ, а затѣмъ народная поэзія и самый складъ нашей рѣчи, сколько уцѣлѣлъ онъ въ напечаткахъ, легко наводятъ на эту мысль даже безъ сличенія

съ соплеменными языками. Г. Катковъ беретъ для примѣра русскія слова, некоторыхъ корни основаны на согласныхъ плавныхъ, и слычатъ ихъ съ чешскими (*bráda*—борода, *bláto*—болото, *dráhu*—дорогій, *dráha*—дорога, и проч.). При этомъ сличеніи оказывается: 1) что чешскимъ односложнымъ и двусложнымъ реченіямъ соответствуютъ у насъ двусложныя и трехсложныя; сверхъ-того, въ чешскомъ нарѣчій гласная, составляющая слогъ, предшествоуетъ согласную группу: такъ точно и въ другихъ славянскихъ нарѣчійхъ, такъ точно и въ русскомъ въ тѣхъ словахъ, которыя построены аналогически; ибо въ славянскомъ языкѣ вообще въ корняхъ, построенныхъ на какой-либо изъ плавныхъ, группа должна не слѣдовать за гласною, но предшествовать ей. Слѣдовательно, въ русскихъ реченіяхъ существенная гласная есть не первая, а вторая; 2) и это главное, что эта первая или существенная гласная удерживаетъ во всѣхъ приведенныхъ словахъ удареніе, когда въ чешскомъ соответствуетъ ей долготы (*kráva*—корова, *prám*—поромъ, и проч.). Если же въ чешскомъ краткость, то ни въ одномъ изъ примѣровъ удареніе не остается на существующей гласной, но перелазитъ либо на первый слогъ, либо на третій (*klav*—кдюль, *brada*—борода). Отсюда ясно выходитъ заключеніе: «если слово содержитъ въ себѣ слогъ долгій, то оно удерживаетъ на немъ удареніе, и удареніе въ этомъ случаѣ постоянно; когда же, напротивъ, нѣтъ въ реченіи долгаго слога, удареніе перелазитъ бѣглымъ». Далѣе: реченія жемскаго рода съ удареніемъ бѣглымъ, принявъ на концѣ приставку *ka*, вдругъ оказываютъ удареніе постоянное и притомъ на гласной существующей. Въ чешскомъ именно въ этихъ случаяхъ краткій по природѣ слогъ превращается *положеніемъ* въ долгій: въ русскомъ борода—борѣдка, въ чешскомъ *bráda*—*brádká*. При этомъ случается, что гласная, въ нашемъ правописаніи и отчасти выговорѣ вовсе забытая, не только вдругъ оказывается снова, но и сего-

направленъ на себя удареніе, на-прим. «игла — игѣлка» (въ Остр. Еван. «игѣла»). Изъ всего этого слѣдуетъ, что постоянное удареніе въ нашемъ языкѣ оказывается ничѣмъ инымъ, какъ дѣйствіемъ долгаго слога. За симъ авторъ разбираетъ гласныя буквы, показывая, которыя изъ нихъ и въ какомъ случаѣ являлись долгими или краткими: весь этотъ анализъ очень остроуменъ. Статья объ удареніи оканчивается мыслію о современномъ языкѣ, которую мы здѣсь выписываемъ:

«Наши писатели, и вообще ревнители русскаго языка, давно и очень кажется, желаютъ, чтобы сталъ онъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ теперь, разговорнымъ словомъ образованнаго круга, гдѣ царствуетъ доселѣ рѣчь французская. Но это доброе желаніе едва ли исполнимо, пока художное чутье самихъ писателей и двигателей слова, доселѣ устремленное почти на одинъ синтаксисъ, не вспомнитъ объ эвнологіи, о звукахъ, о произношеніи. Не вся бѣда, но часть большая бѣды въ словахъ длинныхъ и неуклюжихъ. Конечно, много туполадныхъ реченій легко можетъ набѣжать искусный писатель, что и дѣйствительно видимъ иногда. Но отъ этого не легче, ибо не всѣ длинно-построенныя слова могутъ быть названы туполадными: есть изъ нихъ такія — и такихъ не малое количество — къ которымъ издавна приобыкла мысль наша, на которыхъ стоитъ языкъ — и потеря ихъ была бы незамѣнима. Какъ книга, такъ и слово длиннымъ бываетъ не потому, что много въ немъ числится буквъ, а потому что вяло, тяжело для языка, непріятно для слуха. Но безспорно нельзя назвать пріятными и легкими многія реченія наши, которыхъ большая половина, а иногда и все тѣло остается безъ ударенія, безъ тона и какъ бы безъ души. Когда повстрѣчаемся въ рѣчи съ словами, въ которыхъ лишь на пятомъ или даже на шестомъ слогѣ отъ конца стоитъ удареніе ничтожное и едва слышное, мудро ли, что мы побоямся такой встрѣчи, и впадемъ въ скороговорку. Избѣгать всегда такихъ реченій невозможно: изгнанныя съ одной, онѣ придутъ съ другой стороны. Ихъ источникъ въ грамматическомъ строеніи языка, а запретить имъ этотъ источникъ не скоро дозволитъ

языкъ, коренящийся крѣпко въ своемъ прошедшемъ, и воспитанный преданіями, для него и для насъ драгоценными. Языкъ не побоятся длиннаго причастія: удареніе на предпоследнемъ слогѣ сообщитъ самому многосложному слову въ польской рѣчи быстроту и легкость, и даже скроетъ другіе недостатки. Чешская рѣчь сильна своимъ количествомъ, и ударенію, всегда на начальномъ слогѣ стоящему, помогаетъ удачно долгота. Не рѣже сильнѣе и роскошнѣе теченіе рѣчи сербской съ ея четырьмя удареніями, которыхъ связь съ закономъ количества не подлежитъ сомнѣнію.

«Рѣчь нашихъ предковъ отличалась мѣрными теченіемъ. Кто вчитывался въ древніе памятники народной рѣчи, какими должны почитать всѣ грамоты, тотъ согласится со мною въ этомъ положеніи. Допустивъ это, мы поймемъ тотъ синтаксическій беспорядокъ, который представится намъ въ языкѣ старинныхъ грамотъ: это многосоюзіе, эти повторенія, эти дополнители частіцы, такъ напоминающія столь же вольный слогъ греческій, всѣ эти особенности древней рѣчи передъ нашею столь чинною, явно требовались желаніемъ мѣры и склада. У нашихъ (даже не очень древнихъ предковъ было навѣрно не только острое и тяжелое, но и обличное удареніе. Длинное реченіе не могло для нихъ казаться длиннымъ. Удареніе, если приводилось ему стоять въ началѣ многосложнаго реченія, будучи сильно, поддерживало дальнѣйшій его ходъ, и отдавалось въ одномъ изъ послѣднихъ слоговъ; каждое реченіе представляло такимъ-образомъ арсіасъ и тезисъ, равно и въ цѣлой рѣчи слышалось явственно то повышеніе, то пониженіе голоса. Нынешняя рѣчь наша упала на цѣлый тонъ, или даже на два тона, противъ рѣчи старинной.

«Въ лучшихъ писателяхъ новой русскаго словесности болѣе или менѣ замѣтно чутье музыкальное потребность разбѣренной рѣчи. Правда, потребность эта принимала часто ложное направленіе и влекла къ манерности; вмѣсто оживленія внесла въ слогъ тяжелую однозвучность, на корень ея въ классическихъ писателяхъ, каковъ на-пр. Карамзинъ, всегда вѣрнѣе, ибо таится въ основаніяхъ русскаго языка и въ истинкѣ каждаго русскаго человека.»

Раздѣленіе славянскаго племени и языка на двѣ отрасли—сѣверовосточную и юговосточную, не смотря на авторитетъ Добровскаго, узаконено, по мнѣнію г. Каткова, недостаточно. Это раздѣленіе глубже въ своемъ основаніи, нежели въ тѣхъ признакахъ, какими хотять его опредѣлить. Признаковъ различія должно искать въ ослабленіи (или даже конечной пропажѣ) и видоизмѣненіи буквъ *ъ* и *ь*, соединенныхъ съ ослабленіемъ и видоизмѣненіемъ пѣлаго вокализма. И потому первый вопросъ, при изученіи фонетики какого-либо славянскаго нарѣчія, долженъ состоять въ томъ, какую тамъ судьбу играли оба элемента (*ъ* и *ь*). За первую частію диссертациі: о буквахъ гласныхъ и согласныхъ, идутъ изслѣдованія о происхожденіи падежей и о глагольных формахъ. Изслѣдованія эти выказываютъ большое количество матеріаловъ для изученія языка, собранныхъ авторомъ, его начитанность, остроумныя указанія и умѣнье изложенія. Замѣтимъ, что, по примѣру Павскаго, г. Катковъ говоритъ о буквахъ и слогахъ, какъ о живыхъ дѣтеляхъ, имѣющихъ свою исторію. Этотъ примѣръ есть не рабская копія, которая искажаетъ образецъ подражаніемъ, а необходимое стремленіе таланта, который любитъ жизнь. Талантъ не только въ живомъ отыскиваетъ живое, но и желаетъ одушевить мертвое. И потому, цѣня каждое особенное дарованіе, мы приглашаемъ г. Каткова обратить свои труды на нѣые предметы, кромѣ предметовъ окаменѣлыхъ или отжившихъ свой вѣкъ. Конечно, главное — въ способностяхъ человѣка, а не въ предметахъ изученія; но если дѣло идетъ объ одномъ и томъ же человѣкѣ, то надобно знать, что, кромѣ достоинства, хранящагося въ самомъ писателѣ, есть достоинство предмета, избраннаго писателемъ. Иной предметъ одушевляетъ насъ, другой вѣдетъ на насъ холодомъ и апатіей; съ нвыми предметами движемся мы впередъ, потому что они сами движутся, другіе неподвижны, какъ за-

стывшая лава, и лишены внутреннего огня: трудно полюбить ихъ, или не стѣбитъ полюбить.

252) Начальные Основанія Русскаго Синтаксиса, составленныя А. Студитскимъ. Москва. Въ университетской типографіи. 1845. Въ 8-ю д. л. 16 стр.

Различіе между книгами г. Каткова и г. Студитскаго такое же, какое между авторами ихъ: у одного талантъ, у другаго отсутствіе таланта, и потому въ одной смыслъ, въ другой бессмыслица.

253) Критико - историческая Повесть временныхъ лѣтъ Червоной и Галицкой Руси. Сочиненіе Дениса Зубрицкаго. Переводъ съ польскаго д. члена Осипа Боляйскаго. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Отъ одобренія христіанства при князьяхъ польскихъ Владимира Великаго до конца XV столѣтія. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л.

Сочинитель этой книги, г. Денисъ Зубрицкій, нѣсколько разъ измѣнялъ ея названіе. Издавая первую тетрадь въ 1837 году на языкѣ польскомъ, въ Львовѣ, онъ назвалъ свое произведеніе «Очеркъ Исторіи Народа Русскаго въ Галиціи и духовной іерархіи въ этомъ королевствѣ». Потомъ, присылая печатный экземпляръ своего сочиненія Обществу Исторіи и Древностей Русскихъ при Московскомъ Университетѣ, онъ переименовалъ это названіе такъ: «Матеріалы для составленія Исторіи Народа Русскаго въ Галиціи, содержащія критико-историческія изслѣдованія съ 1340 по 1492 годъ». Теперь, при появленіи въ свѣтъ сочиненія г. Зубрицкаго въ русскомъ переводѣ, переводчикъ его, г. Боляискій, дающему новое названіе, приведенное нами выше, не ручаясь, впрочемъ, за вѣрность своего названія, напротивъ, утѣряя всѣхъ и каждого, что придуманное имъ названіе есть только временное,

вынужденное теперешним видомъ сочиненія, что послѣ оно должно уступить мѣсто другому, какое дастъ самъ авторъ, и которое, надо прибавить, можетъ также въ свою очередь измѣниться подъ руками переводчика. Но дѣло не въ названіи. Переводчикъ самъ это очень-хорошо знаетъ, и даже въ подтвержденіе своего знанія приводитъ пословицу, противъ которой вѣчего и спорить: «хорошо тамъ и тутъ, гдѣ во имени зовутъ». Еще прежде г. Зубрицкаго, Энгель, въ 1793 году, составилъ для сборника всеобщей исторіи (Allgem. Welthistorie) первоначально особенную «Исторію Галича и Владиміра по 1772 годъ», присоединивъ къ ней отдѣльно разсужденіе о правахъ на эту страну Угріи, т. е. Венгріи, и Австріи, а послѣ, спустя три года, именно въ 1796 году, соединилъ ее съ «Исторіей Украйны и Украинскихъ Казаковъ». Вмѣстѣ съ нимъ издалъ в Гоне, австрійскій училищный чиновникъ, небольшою учебникъ подъ названіемъ «Древнѣйшая и Новая Исторія Королевствъ Галицкаго и Володмирскаго». Но объ эти исторіи,—говоритъ г. Бодянский, — не заслуживаютъ ни въ какомъ отношеніи имени исторіи, какъ сборъ безсвященныхъ данныхъ, составленный безъ всякой исторической критики, съ слѣпой вѣрой въ истинность своихъ источниковъ, т. е. почти-исключительно польскихъ, всегда и всюду съ изумительнымъ упорствомъ и перекоромъ истинѣ старающихся провести любимую мысль своего народа, т. е. что Русь Западная и Южная нивъ чемъ никогда не походитъ на Русь Сѣверную и Восточную, беззаконно, но ихъ понятіямъ, присвоившую себѣ это имя, и принадлежащую совершенно къ другой вѣтви народовъ, между-тѣмъ, какъ первая-де съ ними одно тѣло и духъ, или лучше, ихъ *благодіобрѣтенное*. Такой взглядъ на Южную Русь совершенно долженъ измѣниться съ появленіемъ «Историко-Критической Повѣсти временныхъ лѣтъ Червоной Руси». «Исторія Червоной Руси» г. Зубрицкаго раздѣляется на пять пе-

ріодовъ: I) Червоная-Русь отъ водворенія христіанства при князьяхъ поколѣнія Владиміра-Великаго и короляхъ угорскихъ до завоеванія этой страны Казиміромъ III, королемъ польскимъ (отъ 988 по 1340 г.). II) Червоная-Русь подъ владычествомъ королей польскихъ, отъ завоеванія ея Казиміромъ до начала соединенія съ римскою церковію (отъ 1340 по 1596 годъ. III) Червоная-Русь отъ начала введенія уніи до окончательнаго ея утвержденія, т. е. отъ 1596 по 1707. IV) Червоная-Русь отъ окончательнаго утвержденія уніи до присоединенія Галиціи, отъ 1707 по 1772 годъ. V) Состояніе духовной русской іерархіи по присоединеніи Галиціи и Лодомиріи до возстановленія галицкой митрополіи, и благодѣтельныя учрежденія австрійскаго правительства, клонящіяся ко благу іерархіи и народа.—Переведенная теперь г. Бодянскимъ и издаванная Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, составляетъ только первую часть огромнаго труда автора, и заключаетъ въ себѣ первый періодъ и половину втораго періода «Исторіи Червоной Руси». Червоною-Русью называлась въ древности часть нынѣшняго Галицкаго-Королевства. Границы ея занимали еще значительную часть Волыни, Подолья и Подлясья, находящіяся теперь подъ железомъ Россіи. Подъ правленіемъ же польскимъ, въ ней заключались воеводства Бельзское, Волынское, Подольское и часть Люблицкаго. Послѣ общихъ замѣчаній о всей Руси, въ которыхъ авторъ повторяетъ извѣстныя мѣнія о стародавности Русскихъ въ ихъ вывѣшнихъ жилищахъ, пересчитываетъ событія славянской исторіи по Копитару и т. п., онъ переходитъ къ исторіи Червоной Руси и исчисляетъ замѣчательнѣйшихъ государей ея съ Андрея, сына Бѣлы III, короля угорскаго, до Юрія Львовича (1185—1302 г.). Потомъ описываетъ состояніе іерархіи въ Червоной-Руси въ первомъ періодѣ, упоминаетъ о епископствахъ галицкомъ, перемышльскомъ и самборскомъ, перечисляетъ духовныя мѣнія, дарованія

разнымъ епископіямъ, соборнымъ церквамъ и монастырямъ, наконецъ, изображаетъ состояніе образованности Червонной-Руси въ концѣ I-го періода, и такимъ образомъ переходитъ ко II періоду. Здѣсь разсматриваетъ оныя шаткое и спорное господство Польши надъ Галиціемъ - Королевствомъ съ 1340 по 1349 годъ. По смерти послѣдняго князя Червонной-Руси, Юрія, который не оставилъ послѣ себя дѣтей, оца была раздѣлена между его родственниками. По этому дѣлежу Галиція досталась Болеславу Тройденевичу, князю назовецкому, сыну сестры умершаго Юрія, а Владимірія прочіимъ родичамъ его, находившимся подъ покровительствомъ литовскаго князя Любарта. Болеславъ былъ отравленъ новыми своими подданными за притѣсненія православію, свободѣ, нравственности и народности русской. По смерти его, Казиміръ III, король польскій, предпринималъ два похода на Галицію и покорилъ ее подъ свою власть. Русскіе бояре и князья пытались освободиться отъ польскаго владычества при помощи приглашенныхъ ими для этого дѣла Татаръ; но попытки эти оставались тщетными. Казиміръ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ даже Володимірію, отнявъ ее отъ Любарта Гедиминовича, который покорилъ ее послѣ смерти послѣдняго мужескаго потомка князя ея, Данила, въ 1337 году, но не могъ удержать за собою, бывъ ослабленъ войною съ прусскими крестоносцами. Впрочемъ, литовскіе князья успѣли снова возвратитъ себѣ Володимірію, опустошивъ Галицію и отнявъ назадъ земли Холмскую, Бельзскую и Беретскую. Казиміръ снова нападаетъ на Любарта, который, съ своей стороны, мститъ ему за то совершившимъ опустощеніемъ Галиціи и Польши по самую Вислу, такъ-что съ этого времени Галичъ навсегда утратилъ свой блескъ. Въ этихъ войнахъ между Польшею и Литвою, Русины принимаютъ всегда сторону послѣдней, по причинѣ взаимныхъ вѣроисповѣданныхъ связей. По смерти Ка-

зиміра, Галицко-Королевство получаетъ своего собственнаго князя изъ лицъ Владислава, князя опольскаго, Пѣста, въ мужескомъ и женскомъ колѣнѣ, латина угорскаго, который по этому самому имѣлъ полное право на польскій престолъ, но отказался отъ него въ пользу Людвика, избраннаго еще Казиміромъ III въ преемники себѣ. За такую уступку Людвикъ отдалъ ему Княжество Велунское и Галицію. Но Владиславъ, не будучи въ состояніи защищать свое владѣніе отъ сильныхъ сосѣдей, снова возвратилъ Галицію Людвику, владѣвъ ею только девять лѣтъ. Людвикъ умираетъ, и на польскій престолъ вступаетъ Ягайло, князь литовскій, женившись на младшей дочери Людвика, Ядвигѣ, которая, по прощаніи Рима и польскаго духовенства, была насильно разлучена съ прежнимъ супругомъ своимъ, австрійскимъ княземъ. Ядвига хитростью отнимаетъ Червонную-Русь у старшей сестры своей, Маріи, королевы угорской, и съ этого времени, т. е. съ 1387 г., Червонная-Русь постоянно находится подъ властью Польши до 1772 года. Ядвига умираетъ, и Ягайло рѣшается возвратиться въ Литву, но убѣжденный Поляками, женится на Аннѣ, ввукѣ Казиміра III, воюетъ съ братомъ своимъ Свидригайломъ за Подоль, помогаетъ Витовту противъ великаго князя московскаго, уступаетъ ему польскую часть Подола, заключаетъ съ нимъ въ Городнѣ наступательный и оборонительный союзъ противъ прусскихъ крестоносцевъ и объявляетъ о возможности въ будущемъ соединиться въ одно тѣло обоимъ государствамъ. Въ 1420 г., былъ въ Луцкѣ знаменитый съѣздъ сѣверныхъ государей по поводу заключеннаго императоромъ Сигизмундомъ соединенія западной церкви съ Гуситами и восточной, что и было принято съ великою радостью Чехами, Гуситами и многими Поляками. По смерти Витовта получаетъ Литовское - Княжество братъ Ягайла, Свидригайло, который, для возвращенія къ себѣ вольныхъ крѣпостей, захваченныхъ

польский король, начинает войну с Польшею, и наконец заключаетъ съ нею миръ, выгодный для Литвы. Поляки, опасаясь за независимость Польши, объявляютъ великимъ княземъ литовскимъ витовтова брата, слабоумнаго Сигизмунда Кейстутовича, вызвавшагося поддаться волѣ Польши. Отсюда новая война между Польшею и Литвою, во время которой умираетъ Ягайло. На польскій престолъ вступаетъ сынъ его Владиславъ, который уравниваетъ галицкое дворянство въ правахъ съ польскимъ и поражаетъ Свидригайла. Между-тѣмъ, Сигизмундъ Кейстутовичъ, въ семилѣтнее жестокое правленіе свое, вооружаетъ противъ себя не только Русскихъ, но и Поляковъ, которые отправляютъ съ войскомъ въ Литву сына ягайлова Казимира въ видѣ своего наместника. Казимиръ, будучи объявленъ великимъ княземъ литовскимъ, примиряется съ дядей своимъ Свидригайломъ. Русины, лишенные своихъ родовыхъ имѣній кородемъ Владиславомъ, раздарившій ихъ Полякамъ, и принужденные бѣжать въ Крымъ или поселиться на берегахъ Днѣпра, гдѣ они положили основаніе знаменитому въ-послѣдствіи князечеству, посылаютъ Татаръ на Польшу и Галицію. Главною побудительною причиною многолѣтнихъ настояній Поляковъ о присоединеніи русскихъ земель къ Польшѣ, авторъ почитаетъ жадность польскаго дворянства къ русскому добру и имуществу. Но русскіе князья также имѣли мысль о соединеніи Польши съ Русью. Между-тѣмъ Владиславъ умираетъ подъ Варною, и Поляки избираютъ себя въ короли брата его, великаго князя литовскаго Казимира, который принимаетъ ихъ предложеніе на извѣстныхъ условіяхъ. Литовцы требуютъ отъ Казимира старинныхъ своихъ владѣній, захваченныхъ Поляками, и предлагаютъ ему оставить Польшу и воротиться въ Литву; въ противномъ случаѣ, угрожаютъ выбрать себя другаго князя; но Казимиръ умѣлъ отклонить отъ себя эту опасность. Однакожъ Литов-

цы вмѣстѣ съ Русинами снова просятъ Казимира дать имъ одного изъ своихъ сыновей въ государи, но получаютъ отказъ, потому-что Казимиръ опасался, чтобъ они, мстя Польшѣ, не объявили ей войны, между-тѣмъ, какъ самому ему нельзя будетъ безъ доходовъ великаго-княжества поддерживать свой домъ и свое вліяніе на дѣла государственный. Впрочемъ, по кончинѣ его, литовско-русскіе чины рѣшаются избрать себя отдѣльнаго государя въ лицѣ третьяго сына покойнаго, Александра. Этимъ событіемъ оканчивается первая книга исторіи, или точнѣе сказать, лѣтописи Червонной-Руси, составленной г. Зубрицкимъ. Мы хотѣли дать объ ней въ-которое понятіе читателямъ, и потому въ краткомъ очеркѣ представили ея содержаніе.

Изъ этого очерка ясно можно видѣть, что такъ-называемая Червонная-Русь, съ-тѣхъ-поръ, какъ русскіе князья владимірова дома, разединенные усобицами и подвергшіеся власти Монголовъ, утратили свои южныя владѣнія, — постоянно находилась сначала подъ вліяніемъ королей угорскихъ или венгерскихъ, потомъ князей литовскихъ и наконецъ королей польскихъ. Слѣдовательно, исторія ея тѣсно связана особенно съ исторіей Литвы и Польши. Оторванная отъ своихъ сѣверныхъ единоплеменниковъ, Червонная-Русь необходимо должна была подчиниться тѣмъ сильнымъ сосѣдямъ, которые одинъ передъ другимъ старались присвоить себѣ первенство надъ нею, и по этой причинѣ безпрестанно враждовали между собою. Въ этой враждѣ Русскіе должны были принимать невольное участие, но преимущественно приставали къ сторонѣ литовской, къ которой чувствовали болѣе привязанности, потому-что исповѣдывали одинакую съ нею вѣру, тогда-какъ Польша отталкивала ихъ отъ себя своимъ разномысліемъ касательно религіи. Эта антипатія Южныхъ Русиновъ къ польскому владычеству была такъ сильна, что самые польскіе короли принуждены были для удержанія ихъ въ покорности и бѣль-

шаго сближенія съ своими подданными умѣрить относительно ихъ свою ревность къ католицизму и дать имъ свободу слѣдовать своему вѣроисповѣданію. Впрочемъ, находясь полъ властію Польши, Русины, при всей своей твердости и стойкости, не могли исполнить сохранить свою самостоятельность и совершенно оградить себя отъ вліянія польской образованности. Это вліяніе особенно выразилось въ Уніи, которую Русины должны были принять, и распротравленіе которой между ними мы надѣемся увидѣть въ надлежащемъ свѣтѣ въ слѣдующей части сочиненія г. Зубрицкаго. Въ заключеніе, должно сказать, что книга его составляетъ любопытное явленіе въ нашей исторической литературѣ. Жаль только, что онъ слишкомъ-далеко увлекается иногда своимъ славянолюбіемъ. Между многими дѣльными примѣчаніями попадаются иногда чрезвычайно-странныя и простодушныя. Въ Гуннахъ, напримѣръ, онъ, по слѣдамъ Венелина, уже несомнѣнно находитъ Славявъ, а въ страшномъ предводителѣ ихъ, Аттигѣ, какъ нельзя-больше видитъ истаго Славянина. Къ концу книги приложены нѣкоторые подлинныя бумаги, относящіяся къ этому сочиненію. Что касается до перевода г. Бодянскаго, то онъ не вездѣ можетъ похвалиться чистотою и правильностью языка. Иногда встрѣчаются довольно-неуклюжіе періоды и обороты, несвойственные русской рѣчи.

254) Творенія Святыхъ Отцевъ въ рускомъ переводѣ, съ прибавленіями духовнаго содержанія. Издаваемые при Московской Духовной Академіи. Годъ третій. Книжка 2. Москва. Въ тип. А. Семена. 1845. Въ 8-ю д. л. 178 — 406, 85 — 230 стр.

Въ Твореніяхъ Святыхъ Отцевъ помѣщены бесѣды св. Василія Великаго на тринадцать псалмовъ. Въ прибавленіяхъ духовнаго содержанія: два слова Филарета, московскаго митрополита, живъ св. Макарія Египетскаго, о духовныхъ училищахъ въ Москвѣ

въ XVII столѣтіи и размышленія на молитву Господню.

255) Руководство къ Патологической Анатоміи Карла Рокитанскаго. Перевели съ немецкаго Дмитрій Минь и Адольфъ Циммерманнъ. Часть третья. Выпускъ второй. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 337 стр.

Этотъ выпускъ содержитъ въ себѣ описаніе болѣзней пищеварительныхъ органовъ, одинъ изъ интереснѣйшихъ классовъ болѣзней. Мы уже говорили, разбирая первый выпускъ русскаго перевода, о гениальномъ твореніи Рокитанскаго, составляющемъ во многихъ отношеніяхъ эпоху въ исторіи патологической анатоміи. Свѣтлый умъ, необыкновенно-вѣрный взглядъ на болѣзненное состояніе организма, простота методовъ, чрезвычайно-точное изложеніе, въ краткомъ очеркѣ обрисовывающее цѣлую картину многочисленныхъ измѣненій каждаго органа, — наконецъ, мысль представить патологическія измѣненія различныхъ органовъ въ той связи, въ которой они находятся въ болѣзномъ организмѣ въ одно и то же время, — вотъ отличительныя черты Рокитанскаго, этого корифея знаменитой вѣнской школы, въ короткое время сдѣлавшей столь многое для науки. Все его сочиненіе написано въ этомъ духѣ; вездѣ видна необыкновенная наблюдательность, неупускающая ни одного факта сколько-нибудь важнаго для отысканія истины. Но видѣ талантъ Рокитанскаго не является въ такомъ блескѣ, какъ въ изложеніи болѣзней пищеварительныхъ органовъ: здѣсь открывается обширное поле дѣятельности его соображеній. Болѣзни дыхательныхъ органовъ, помѣщенные въ первомъ выпускѣ русскаго перевода, были отлично обработаны трудами французскихъ врачей, а Рокитанскому почти ничего не оставалось прибавить, хотя и здѣсь нѣкоторыя статьи его отличаются или новостью взгляда, или оригинальностью изложенія: вспомните описаніе пневмоніи и

туберкулёзный пронесть легких. Классъ болѣзней пищеварительныхъ органовъ, не смотря на свѣтъ, пролитый на нихъ новѣйшею патологіею, же еще оставался темнымъ во многихъ отношеніяхъ, и здѣсь-то величайшая заслуга Рокитанскаго: всѣ болѣзни этого класса перензслѣдованы его свѣтлымъ умомъ, подвергнуты строгой критикѣ, очищены отъ прежнихъ заблужденій, пояснены множествомъ совершенно-новыхъ фактовъ, необходимо-долженствующихъ имѣть самое благодѣтельное вліяніе для практики и произвести переворотъ во всей медицинѣ. Предѣлы журнала не позволяютъ намъ войти въ подробное исчисленіе всѣхъ статей, замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи; однакожь считать необходимымъ обратить вниманіе русскихъ врачей на нѣкоторыя изъ нихъ. Описание болѣзненнаго процесса, происходящаго отъ дѣйствія ѣдкихъ веществъ на перепонки верхней части пищеварительнаго канала, весьма-важно для судебной медицины, какъ по ясному изложенію отличительныхъ его признаковъ, такъ и по многимъ совершенно-новымъ фактамъ. Описание прободающей язвы желудка, разрывчивія, рака этого органа—даютъ необыкновенно-вѣрное понятіе о сущности этихъ болѣзней. Для хирурговъ будетъ весьма-поучительна статья объ извѣсномъ положеніи кишечнаго канала, куда авторъ относитъ внутреннія грыжи, ущемленія и заживанія кишекъ, какъ самопроизвольныя, такъ и происходящія отъ другихъ, органическихъ причинъ. Образцовое описание тифознаго процесса подвздошной кишки весьма-замѣчательно по изложенію тѣхъ неправильностей этого процесса, которыя до сего времени были принимаемы за формы совершенно-особенныя, или вовсе пренебрегаемы. Наконецъ, вся глава о болѣзняхъ печени и селезенки отличается чрезвычайною точностью въ подробностяхъ и вѣрностью выводовъ автора.

Переводчики не уклонились отъ начертаннаго ими плана: вѣрно переда-

вать мысли автора и соблюсти возможную ясность. Въ этомъ отношеніи должно отдать имъ полную справедливость: они ничего не упустили, нигдѣ не затенили мыслей автора; слогъ ихъ отличается правильностью, и, не смотря на техническія выраженія, доселѣ у насъ несуществовавшія и придуманныя самими переводчиками, книга ихъ читается легко. Изданіе очень-опрятно и даже роскошно для сочиненія, назначаемаго служить какъ-бы ручною книгою при вскрытіи труповъ.

Намъ остается пожелать только, чтобъ русскіе просвѣщенные врачи воспользовались этою книгою и поддержали полезный трудъ переводчиковъ.

256) Опытный Парижскій Парфюмеръ, или 157 секретовъ для приготовленія эфирныхъ маселъ изъ благовонныхъ травъ, цвѣтвовъ и плодовъ; также для приготовленія благовонныхъ водъ, духовъ, эссенцій, мыла, помады, бѣлизны румянъ, зубныхъ и курительныхъ порошковъ. Съ нѣмецкаго. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1845. Въ 8-ю д. л. 61 стр.

Сколько разъ видѣли мы объявленіе объ этомъ «Парижскомъ Парфюмерѣ», но насилу могли приняться прочитать содержащіяся въ немъ 157 секретовъ. Кому любопытно узнать, какіе это 157 секретовъ? Желая услужить ближнему и сберечь драгоценное время его для чего-нибудь лучшаго, предупреждаемъ, что всѣ эти 157 секретовъ не стоятъ, чтобъ читать и имѣть ихъ руководствомъ къ приготовленію вѣрныхъ маселъ, благовонныхъ водъ, и проч., потому-что всѣ эти вещества, составленныя по правиламъ «Парижскаго Парфюмера», будутъ викауда не годны! Мы полагаемъ, что едва-ли не все описываемое «Парижскимъ Парфюмеромъ» есть мифъ, или, какъ говорятъ просто, обморокъ, чтобъ отуманить щеголей и щеголихъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, «Парижскій Парфюмеръ» обѣщаетъ все — и свѣжесть лица, и роженіе молодость, и проч. и проч. Но советуемъ не

вѣрить ничему, потому-что онъ не знаетъ даже названія многихъ вещей, входящихъ въ составъ его благовоиныхъ водъ, духовъ и проч. . Особенно вредооерегаемъ почтеннымъ особъ, имѣющихъ сѣдые волосы и скучающихъ этимъ почтеннымъ знакомъ зрѣлости.— вредооерегаемъ ихъ отъ употребленія средствъ для крашенія волосъ . . . При этомъ приходитъ намъ на память одинъ старецъ, который, соскучившись съ днцомъ, пожелалъ обить ее; онъ рѣшился красить волосы, и увы! елва не потерялъ головы.—О притиравьяхъ и румянахъ уже много было говорено, и можно узнать на нѣкоторыя лица, какъ на живыя доказательства, что всѣ эти снадобья, предлагаемыя для поддержанія красоты, вредны, именно: употребленіе румянъ многими стоило потери зубовъ. Итакъ, совѣтуемъ Парижскому Парфюмёру возвратиться къ его надету и спокойно улечься на поляхъ; публика не имѣетъ нужды въ снадобьяхъ, которыми онъ подчиваеъ ее.

257) О Дѣйствіи на здоровье и еліяніи на красотнность кофе, чая и шоколад(т)а. Сочиненіе А. Сен-Аромана, хирурга парижскихъ гражданскихъ и военныхъ госпиталей, почетнаго члена Тулузскаго Медицинскаго Общества Сорбонналя. Въ двухъ частяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Жерякова. 1845. Въ 12-ю д. л. Въ обнхъ частяхъ VII и 78 стр.

Кажется, эта книга несправедливо приписана доктору Сен-Ароману, потому-что никто изъ французскихъ писателей не залагаетъ предмета въ такой несвязности, неточности и неослѣдовательности. Для доказательства, приведемъ нѣсколько строкъ изъ самаго предисловія. «Употребленіе кофе, чая и шоколад(т)а до тою распространилось у всѣхъ народовъ, что изученіе ихъ (?) любопытны и занимательны, нежели изученіе какого-либо другаго напитка. Они заключаютъ въ себѣ, такъ сказать, всю предохранительную систему здоровья и жизни человека.»

Есть ли адѣсь что-нибудь дѣльное, чѣмъ отличаются Французы, которые, избравъ предметъ, обсукиваютъ его со всѣхъ сторонъ и залагаютъ основательно?

Что все можетъ быть вредно, когда употребляется чрезъ-мѣру, этому никто не станетъ противрѣчить; но доселѣ еще не было вредныхъ послѣдствій отъ питья чая, кофе и шоколата. Взгляните на нашихъ православныхъ, которые пьютъ чай раза по четыре въ сутки и не терпятъ отъ этого вреда. Вольтеръ особенно ѣдко сѣбался надъ тѣми, кто утраляъ его, что кофе вредеъ. Также, какой вредъ отъ шоколата? Все зависеъ отъ мѣры и количества, въ какомъ употребляется питье и пища; есть много примѣровъ, что родимый намъ черныялюбъ разстроивалъ здоровье, когда его кто много ѣлъ. Еще надобно прибавить къ атому, что подиисъ къ питью и пищѣ дѣлаютъ вредныя послѣдствія; но ва этомъ наблюдаетъ италицанская полиція. Такъ, не пугаясь пустыхъ разглагольствованій о вредѣ отъ кофе, чая и шоколата — разглагольствованій, несправедливо-приписываемыхъ какому-то Сен-Ароману, будеъ пить и чай, и кофе, и шоколатъ, но утѣренно и во-время. Издатель книги, предостерегающей отъ питья кофе, чая и шоколата, вѣроятно, выпиваеъ пол-самоваара чаа, и не безпокоится, что потеряетъ вредъ отъ этого. Но онъ мордчить другихъ и притомъ мордчить не даромъ, — ва деньги. Не вѣрьте его выигъ, а пейте чай, кофе и шоколатъ на здоровье!

258) Географія. Часть вторая. Политическая географія Африки, Азіи, Америки и Австрали. Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній. Составилъ Н. И. Соколовскій. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л. 148 стр.

Мы уже говорили о первой части этой книги (вышедшей въ прошломъ году), какъ о лучшей руководствѣ для обученія географіи, какое только

есть на русском языкѣ. Вторая часть еще болѣе утвердила насъ въ этой мысли. Мы даже думаемъ, что и на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ трудно найти географическій учебникъ, который могъ бы равняться съ этимъ въ достоинствѣ. Имя покойнаго г. Соколовскаго, выставленное на книжкѣ, можно считать какъ-бы совершенно-постороннимъ и чуждымъ книгѣ. Дѣло въ томъ, что послѣ его смерти, «Географія» его была сперва исправлена, а потомъ совершенно переделана опытною рукою ученаго и искуснаго педагога, который не хотѣлъ на своемъ трудѣ выставить своего имени. Г. Соколовскій, при составленіи учебника, руководствовался извѣстною географіею Вальби, — и потому его книжка, даже при первомъ изданіи, была не только не хуже другихъ русскихъ учебниковъ этого рода, но еще и лучше по выбору статей. Исправитель же пользовался, при своихъ поправкахъ, особенно въ этомъ четвертомъ изданіи, трудами Риттера, Берггауза, Маль-Брѣна и другихъ. — Мы сказали, что этотъ географическій учебникъ, извѣстный подъ именемъ «Географіи Соколовскаго», едва ли не лучше даже географическихъ учебниковъ, изданныхъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ. Инымъ эта похвала можетъ показаться преувеличенною: объясняйся. Нѣмцы составляютъ учебники дѣльно и толково, но обременяютъ ихъ мелочами, а для краткости излагаютъ такъ сухо, что руководство обыкновенно походитъ на конспектъ обширнаго курса, а не на живое, краткое изложеніе науки. Разумѣется, тутъ дѣло идетъ не о большихъ ученыхъ сочиненіяхъ, каково, на примѣръ, Риттера: мы говоримъ объ учебникахъ, по которымъ преподается географія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Французскіе же учебники не отличаются системою; въ однихъ политическая географія есть сборникъ названій, которыя скоро заучиваются и еще скорѣе забываются; наименованіе племенъ, языковъ, религій не имѣетъ значенія, потому-что не

указываетъ вліянія ихъ на развитіе человѣка. Въ другихъ, нѣсколько лучшихъ, географія представляется я описаніемъ *постоянныхъ* фактовъ на поверхности земли. Передѣланная Географія Соколовскаго изложена на основаніи того принципа, что описаніе фактовъ есть только приготовленіе къ наукѣ, могущее сообщить лишь отрывочныя *свидѣнія*, а не *знаніе*, что цѣль науки — уразумѣть *законы* явленій, *законы* всѣхъ перемѣнъ, причинъ и слѣдствій, и что, по-этому, географія, какъ наука, должна, анализируя факты на поверхности земли, объяснить законы, по которымъ эти факты происходятъ. Въ слѣдствіе этого взгляда на географію, какъ на науку, педагогъ, переделывавшій «Географію Соколовскаго», принялъ совсѣмъ другой планъ въ самомъ расположеніи предметовъ географіи. У Соколовскаго, послѣ математической и физической географіи, слѣдовали общія понятія о географіи политической, а затѣмъ опять обзоръ всѣхъ частей свѣта въ физическомъ отношеніи: теперь же общія понятія о политической географіи (подъ титуломъ: *Предварительныя понятія о челоѣкѣ и государствѣ*) составляютъ введеніе во второй части, т. е. собственно къ географіи политической; физическое же описаніе частей свѣта естественнo приключено къ общимъ началамъ физической географіи. Такимъ образомъ, искусно устранены всѣ повторенія, которыя сбиваютъ съ толка учащихся и увеличиваютъ толщину книги, не расширяя ея содержанія. Но всего важнѣе въ этомъ четвертомъ изданіи географіи, извѣстной подъ именемъ «Географіи Соколовскаго», — то, что въ ней изложено фактовъ, особенно *непостоянныхъ*, т. е. собственно политическихъ, всегда предшествуетъ обзоръ страны въ физическомъ и племенномъ отношеніи, — обзоръ, слѣданный такъ-кинь-образомъ, что ученику ставятся вонятными политическія измѣненія, которымъ подвергалась страна, или ея настоящее состояніе, какъ необходи-

ное слѣдствіе физическихъ и племенныхъ причинъ. Чтобы познакомить читателей съ превосходнымъ способомъ изложенія этой книги, выписываемъ изъ нея введеніе въ политическую географію.

«Человѣку предназначено Творцемъ жить и совершенствоваться въ обществѣ съ подобными себѣ. Поэтому весь родъ человѣческій является въ видѣ множества союзовъ, составленныхъ людьми для общей цѣли, для взаимнаго содѣйствія. Начало такихъ союзовъ заключается въ родственной связи родителей съ дѣтми, въ *семействѣ*. Семейства также соединяются между собою и образуютъ *родъ*. Связь самыхъ родовъ основывается, или 1) на одной родственной любви, на воспоминаніи объ одномъ общемъ происхожденіи; такъ образуется *племя*, *поколеніе*; или 2) она происходитъ изъ того, что всѣ семейства, занимая пространство земли, отличное отъ другихъ пространствъ своими свойствами, составляютъ отдѣльное *географическое* плѣдо — *народъ*; такъ на-пр., народъ китайскій, индійскій и проч.

Сколько всѣхъ жителей на земномъ шарѣ—въ точности неизвѣстно; полагаютъ приблизительно число ихъ около 1000 милліоновъ.

Народы, составляющіе эту массу населенія, различаются между собою *языкомъ*, *религіею* и *образомъ жизни*.

1. *Языкъ*, исключительная принадлежность человѣка, составляетъ одно изъ отличій его отъ прочихъ существъ. Какъ средство выразить мысли и чувствованія, языкъ совершенствуется вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ человѣка и служитъ главнымъ мѣриломъ народной образованности, главнымъ основаніемъ при изслѣдованіи характера и происхожденія народа. Наука о языкѣ (филологія) еще не достигла такой степени совершенства, чтобъ могла съ *точностью* опредѣлять всѣ свойства языковъ, степень ихъ сходства и различія. Поэтому и распредѣленіе языковъ не можетъ быть совершеннымъ. Обыкновенно принимаютъ 6 семействъ, около 40 коренныхъ и около 2000 производныхъ языковъ, въ нихъ до 5000 нарѣчій, которыя еще подраздѣляются на множество вѣтвей.

Изъ языковъ замѣчательны: 1) *китайскій*, которымъ говорятъ $\frac{1}{3}$ населенія всего земнаго шара; 2) *европейскіе* языки,

употребляемые также $\frac{1}{3}$ населенія; 3) *арабскій*, распространившійся и въ Африкѣ; 4) *татарскіе* языки въ Азіи и частію въ Европѣ; между ними замѣчательныя другіе языкъ *турецкій*; и 5) *малайскій* языкъ въ Малаціи и Австраліи.

2. *Религіи*. Всѣ народы вѣруютъ въ бытіе Верховнаго Существа, давшаго начало всему и сохраняющаго все; но понятія о Немъ у разныхъ народовъ неодинаковы, по степени нравственнаго ихъ развитія. Самую низшую степень религиозныхъ понятій представляетъ *фетишизмъ*. Послѣдователи его обоготворяютъ произведенія природы или даже самаго человѣка, и такимъ-образомъ за Творца принимаютъ Его творенія: одни поклоняются произведеніямъ земли (Негры), другіе огню (древніе Персы), третьи, гѣламъ небеснымъ (древніе Сабей) и проч. Послѣдователей фетишизма считается около 110 милліоновъ.

Вторую степень занимаетъ *браманнизмъ*. По этой религіи Творецъ отдѣляется отъ твореній, но не имѣетъ одной личности, а выражается въ трехъ божествахъ: Брахма—создатель, Вишну—звждитель, Шива—разрушитель. За видоизмѣненія браманисма должно принимать *буддизмъ*, *ламаннизмъ* и проч. Послѣдователей этихъ религіи полагаютъ отъ 300 до 500 милліоновъ.

Всѣ исчисленныя религіи имѣютъ общій характеръ: онѣ допускаютъ *многобожіе*, и потому называются *языческими*. Другой разрядъ составляютъ религіи, признающія единое Высочайшее Существо, независимое отъ міра. Сюда принадлежатъ: *иудейская религія*, вѣра Евреевъ, неимѣющихъ теперь отечества и разсѣянныхъ по всему лицу земному, въ числѣ болѣе 5 милліоновъ; *христіанская религія*, основанная Спасителемъ рода человѣческаго, имѣла и имѣетъ своею божественною чистотою самое благодѣтельное вліяніе на человечество; ее исповѣдуютъ самыя образованныя народы, раздѣляясь на три Церкви: 1) *православную* (восточная), 2) *латинскую* или *римско-католическую* (западная) и 3) *протестантскую*, которая подраздѣляется на *лютеранскую* и *реформатскую*. Англиканская Церковь имѣетъ католическіе обряды и протестантскія правпа. Другія секты: *христіане армянскіе*, *сирійскіе* и проч. принадлежатъ или къ Восточной или къ Западной Церкви. Христіанъ считается до 271 милліона. Наконецъ *мама-*

иудейская религія, основанная Магометомъ около 622 года по Р. X., есть сѣсь догматовъ иудейскихъ, христіанскихъ и собственныхъ вымысловъ ея основателя. Она дѣлится на двѣ главныя секты: *суннитовъ* (Турки) и *шиитовъ* (Персіяне). Магометанъ считается около 140 милліоновъ.

3. *Родъ землѣй и образъ жизни народовъ.* Человѣкъ, обладая силами духовными, не довольствуется въ удовлетвореніи своихъ потребностей сырыми естественными произведеніями; онъ ихъ перерабатываетъ для своего потребленія, и такимъ образомъ обеспечиваетъ свое пропитаніе и улучшаетъ свое состояніе. И въ этомъ отношеніи народы весьма различаются между собою: одни занимаются только добычаніемъ естественныхъ произведеній, и, по неумѣнію ихъ обработывать, находятся въ чрезвычайномъ-бѣдномъ состояніи; эти народы обыкновенно называются *дикими*, потому что они еще не соединились въ большія общества, «звѣроловами» и «рыболовами» — потому что ловля звѣрей и рыбъ составляетъ главный источникъ ихъ продовольствія. *Кочующіе* народы, или *номады*, стоятъ уже степенно выше дикарей; они занимаются различными отраслями скотоводства, составляютъ иногда довольно большія общества, по не имѣютъ постоянныхъ жилищъ, потому что для содержанія стада они принуждены, отъ времени до времени, искать новыхъ пастбищъ. Кочующіе народы обыкновенно живутъ въ обширныхъ степяхъ, гдѣ вѣтъ большихъ препятствій для перемѣны кочевья. Наконецъ, самую высшую степень въ этомъ отношеніи занимаютъ народы *осѣдые*, живущіе на одномъ мѣстѣ, воздѣлывающіе землю и умѣющіе обрабатывать естественныя произведенія. Эти народы называются «*образованными*» и живутъ въ государствахъ.

4. *Государство* есть соединеніе многихъ семействъ, подъ одною верховною властью, на опредѣленномъ точными границами пространствѣ земли. Это пространство земли составляетъ собственность государства, а всѣ люди, на немъ живущіе — *подданные*, хотя бы они и различались между собою происхожденіемъ, религіею, обычаями и образомъ жизни. Верховная власть, т. е. власть, которой повинуются всѣ жители въ государствахъ, соединяетъ подданныхъ въ одно цѣлое, въ *одинъ народъ* (въ политическомъ смыслѣ). Она можетъ находиться въ рукахъ одного ли-

ца, или вѣбрется многимиъ. Въ первомъ случаѣ государство имѣетъ *монархическую* форму правленія; во второмъ *политархическую* или *республиканскую*. При монархическомъ устройствѣ, государство называется *монархіею*, а лице, имѣющее въ своихъ рукахъ верховную власть, *государемъ*, *монархомъ*. Въ разныхъ государствахъ ему присвоиваются различные титулы, каковы: императоръ, царь, король, герцогъ, и проч. Монархія бываетъ *единодержавная*, когда верховная власть исполнѣ находится въ рукахъ монарха, и *ограниченная*, когда монархъ раздѣляетъ верховную власть съ сословіями народа. Сословія обыкновенно избираютъ изъ среды себя только немногихъ представителей (*депутатовъ*) для участія въ дѣлахъ правленія.

При республиканскомъ устройствѣ верховная власть вѣбрется или многимиъ, или всѣми членами государства; въ первомъ случаѣ оно *аристократическое*, въ послѣднемъ *демократическое*. Отсутствіе въ обществѣ всякаго устройства называютъ *анархіею* (*беспачаіе*).

Жители въ государствахъ занимаются различными промыслами для спиканія себя пропитанія. Совокупность всѣхъ промысловъ называется *промышленностью*. Она раздѣляется на три рода: 1) земледѣліе, 2) мануфактуры и фабрики, и 3) торговлю. Земледѣліе занимается добычаніемъ сырыхъ произведеній изъ нѣдры земли и собираніемъ ихъ на ея поверхности; мануфактуры и фабрики обрабатываютъ произведенія, добытыя земледѣліемъ, и дѣлаютъ ихъ годными къ удовлетворенію нуждъ человѣка; торговля имѣняетъ различныя произведенія и передаетъ ихъ изъ рукъ производителей въ руки потребителей. Люди, занимающіеся этими тремя родами промышленности, различаются между собою. Это различіе отражается во всемъ: въ мѣстѣ жительства; образѣ жизни, степени образованія и пр. Земледѣльцамъ невыгодно и даже невозможно селиться въ одномъ мѣстѣ большими группами, потому что земля ихъ отстояла бы далеко отъ центра хозяйства и весьма затруднилась бы обработка ихъ. Отъ-того земледѣльцы расселяются по пространству небольшими группами, составляя *деревни* и *села*. Напротивъ, мануфактуристы, фабриканты и торговцы соединяются въ большія группы и образуютъ *города*. Городъ есть средоточіе ма-

ду фактурной и фабричной промышленности и торговли. Но коль скоро значительное число жителей соединяется въ одну массу, тотчасъ у нихъ рождаются новыя потребности. Члены большаго общества находятся въ тѣсной зависимости другъ отъ друга. Для опредѣленія въ точности этой зависимости и для сохраненія порядка, становятся необходимыми особенныя учрежденія — *хрисутственныя мѣста*. Они обыкновенно учреждаются въ городахъ. Отъ этого города получаютъ новое значеніе (въ политическомъ отношеніи): они служатъ средоточіемъ дѣйствій верховной власти въ государствѣ. Обыкновенно въ каждомъ государствѣ вола власть управленія сосредоточивается въ одномъ городѣ, и изъ него уже рассыдаются ея распоряженія по всему государству. Такой городъ называется *столицею*; въ немъ находятся всѣ высшія присутственныя мѣста. Отъ столицы отличается *резиденція*, т. е. мѣстопробываніе государя.

Для облегченія управленія, государство обыкновенно раздѣляется на части административныя, называемыя областями, губерніями, графствами и проч.; въ каждой провинціи одинъ городъ служитъ средоточіемъ управленія ея, какъ столица служитъ средоточіемъ управленія цѣлаго государства. Эти областныя города называются *главными*, или *субурскими*.

Города, лежащіе на границахъ государства, и особенно морскихъ, получаютъ особенное значеніе, потому что они служатъ точками соприкосновенія съ другими государствами. Изъ пограничныхъ городовъ производится торговля съ иностранными державами. Но тѣ только города на сухопутной границѣ процвѣтаютъ, черезъ которые пролегаютъ выгодныя пути сообщенія, а изъ приморскихъ городовъ только тѣ, которые обладаютъ выгодными портами. Портъ называется частью моря, гдѣ могутъ безопасно приставать корабли съ грузомъ; когда пространство порта невелико, онъ называется *крестовиною*; пристань, устроенная искусствомъ, есть *заказъ*; мѣсто, въ которомъ корабли находятъ защиту только отъ вѣтровъ, есть *рейде*. Когда порту дано право торговли безъ платежа пошлинъ, онъ называется *портъ-франко*. Пошлина есть плата съ товаровъ, провозимыхъ черезъ границы государства; мѣста, гдѣ пошлина собирается въ пользу государства, называются *таможницами*.

Для охраненія морской торговли и для защиты морскихъ границъ, государства содержать военный флотъ; порты, въ которыхъ помѣщается флотъ; или часть его, есть *военный портъ*; онъ всегда болѣе или менѣе укрѣпленъ, и часто, для снабженія флота снарядами и припасами, имѣетъ морской арсеналъ. Мѣсто, гдѣ строятся корабли и суда, есть *верфи*.

Вообще же, для вышней своей безопасности, государства строятъ *крѣпости* и укрѣпляютъ города; многія изъ этихъ военныхъ мѣстъ вмѣщаютъ въ себя арсеналы, гдѣ хранится артиллерія, оружіе и другіе военные запасы. Порты крутиости, порты и города, для усиленія своей обороны, имѣютъ отдѣльныя небольшія укрѣпленія — *цитадели* и *форсы*.

Наконецъ городъ, кромѣ важности политической и промышленной, служатъ еще средоточіемъ образованія, откуда оно распространяется на все населеніе. «Образованіемъ» называется развитіе духовныхъ способностей человѣка. Оно достигается въ государствѣ посредствомъ воспитанія, которое, въ благоустроенныхъ государствахъ, совершается въ учебныхъ заведеніяхъ.

Учебныя заведенія раздѣляются обыкновенно на три степені: *нижнія*, *среднія* и *высшія*. Въ первыхъ сообщаются самыя первоначальныя познанія, приготовительныя; какъ на-пр., учить читать, писать и проч. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, называемыхъ гимназіями, коллегіумами и т. д., преподаются науки уже въ системѣ, и воспитанники приготовляются къ поступленію въ высшія учебныя заведенія, гдѣ окончивается ихъ образованіе. Къ этимъ высшимъ заведеніямъ принадлежатъ: университеты, лицеи и проч. Кромѣ учебныхъ заведеній, есть еще *ученыя учрежденія*, съ цѣлю развивать и совершенствовать науки и мастыя искусства. Они называются *академіями наукъ*, *академіями художествъ* и проч.

Эта статья совершенно вновь написана и включена въ «Географію Соколовскаго». Къ такимъ же вновь-написаннымъ статьямъ принадлежатъ *общіе обзоры Азии и Америки, описанія некоторыхъ азіатскихъ странъ*, и т. д. — словомъ, все то, что даетъ живыя учебнику, связывая его единствомъ идеи. Въ частностяхъ, напримеръ, въ

описаніи городовъ и т. п. также много сдѣлаю поправокъ; но ихъ указать нѣтъ никакой возможности: иногда одно слово или выраженіе даетъ болѣе яркую характеристику странѣ, городу, или другому географическому предмету, или указываетъ вліяніе земли на развитіе человѣка, объясняетъ исторію и проч. Нѣкоторыя изъ этихъ статей—совершенная новизна въ сферѣ нашихъ географическихъ учебниковъ и могутъ указать, какъ слѣдовало бы преподавать географію.

Слѣдо рекомендуемъ это четвертое изданіе «Географіи Соголовскаго» всѣмъ преподавателямъ и всѣмъ родителямъ, какъ не только лучшій географическій учебникъ на русскомъ языкѣ, но и какъ безотносительно - прекрасное руководство къ географіи. Родителямъ, воспитывающимъ дѣтей своихъ дома, соотвѣствуетъ учить ихъ этой географіи даже и въ такомъ случаѣ, если дѣти готовятся и не въ военно-учебныя заведенія.

Для чего, увы! не можемъ мы сказать того же и о книжкѣ г. Черткова, называющейся:

259) Политическая Географія Азіи, Африки, Америки и Океаніи. Часть вторая. (V отдѣлѣ) Составилъ кандидатъ философіи Александръ Чертковъ. Санктпетербургъ. Въ путтекбергской типографіи. 1844. Въ 8-ю д. л. 118 стр.

Въ Библиографической Хроникѣ юльской книжки «Отеч. Записокъ» шестидесятого года (стр. 75), мы разбили первую часть «Географіи» г. Александра Черткова, и нашли ее безграмотною въ отношеніи къ языку, и забавною въ отношеніи къ изложенію, доказавъ то и другое выписками. Теперь является вторая часть этой «Географіи». Новаго въ ней нѣтъ ничего: тѣ же забавныя рассужденія на семинарскій ладъ, та же безграмотность. Дать выписки для доказательства забавности разглагольствованій г. Черткова, скучно и утомительно — пусть любопытные заглянутъ въ самую кни-

гу; но въ доказательство ея безграмотности, выписываемъ слѣдующія строки изъ предисловія:

«Главнымъ основаніемъ къ составленію второй части служило мнѣ сочиненіе члена общества географическаго въ Парижѣ Левассера, котораго труду была основною планъ извѣстнаго Бальби. Мѣстами я занимать многое, переводя (откуда же?) на русскій языкъ описаніе горъ, рѣкъ, политическаго дѣленія, городовъ, демографіи (что?) однако же замѣчавшими отнесительно климата, произведеній (что? какихъ?) и промышленности.»

Только одно поразило насъ въ «Географіи» г. Александра Черткова, какъ новость: опъ, какъ видно изъ заглавія книги, кандидатъ философіи! Когда г. Александръ Чертковъ вразумится, что онъ не въ ладу съ грамматикю и не умѣетъ грамотно писать по-русски, то, конечно, будетъ имѣть причину горестно воскликнуть:

О философія, ты срѣзала меня!

260) Описаніе Россійской Имперіи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Т. I. Кнѣга II. Архангельская Губернія. Съ картою губерніи, гербами, планами городовъ и рисунками, представляющими виды: 1) Архангельска, 2) Соловецкаго Монастыря и 3) Памятника Ломоносову. Санктпетербургъ. 1849. Въ большую 8-ю д. л. 149 стр.

Мы уже имѣли случай сказать свое мнѣніе о истинно-гигантскомъ для одного человѣка предпріятіи г. Пушкирева—описать всю Россію въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Къ искреннему сожалѣнію, и теперь не могли мы переимѣнить этого мнѣнія. Выпущенное нынѣ описаніе «Архангельской Губерніи» еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что составитель, или составители, не дали себѣ яснаго отчета не только въ томъ, на какое огромное дѣло рѣшаются они, такъ смѣло выставляя этотъ всеобъемлющій титулъ на за-

главномъ листѣ своей книги, но даже не опредѣляли себѣ цѣли, съ которою приступаютъ къ своему предпріятію. Желали ли они издать описаніе Россіи, доступное для всѣхъ, или имѣли въ виду только ученыхъ? Въ первомъ случаѣ, къ-чему эти ряды цифръ и таблицы, почти-ничего неговорящія для человѣка, желающаго знать въ общихъ чертахъ характеръ мѣстности? При этомъ же, если составитель имѣлъ въ виду съдѣлать книгу свою общепольною, — не мѣшало бы ему по-крайней-мѣрѣ поучиться писать пояснѣе и потолковѣе. А то, какъ, напримѣръ, разобратъ вотъ хоть эту путаницу:

• Суровый климатъ и бѣдная жизнь • унизили физическое и нравственное • бытіе переселенцевъ (т. е. Фяиновъ), • такъ, что если не почитать нынѣшнихъ • *Хасово*, или *Самодовъ*, за Финское • племя, но считать ихъ выродившимися • остатками какого нибудь другаго • народа, изъ примѣра *Лопарей*, или • *Ланландцовъ*, которые несомнительно • Финны, можно видѣть дѣйствіе кли- • мата, неудобствъ жизни, и скудной • пищи, отличившихъ Лопарей отъ • всѣхъ другихъ Финскихъ народовъ, • какъ-то, отъ Зырянъ, живущихъ на • югѣ Архангельской губерніи, мало- • рослостью, хилостью, тупоуміемъ и • невѣжествомъ (стр. 4).

Еще-менѣе изданіе г. Пушкирева можетъ удовлетворить требованіе ученаго, потому-что составитель не представилъ никакихъ речательствъ въ достовѣрности цифръ, внесенныхъ имъ въ таблицы. Г. Пушкиревъ называетъ семь рукописныхъ матеріаловъ, служившихъ основаніемъ его книги, и въ томъ, что это точно такъ, удостовѣряетъ своею подписью. Но что значить подобное речательство въ глазахъ критики? Кто знаетъ, когда, съ какою цѣлію и гдѣ были составлены означенныя рукописи?... Вообще можно сказать только, что въ этой книгѣ напечатаны показанія и цифры, какія попались подъ руку составителя, не сличенныя, не повѣренныя, не очищенныя критикою. Часто, приводя цифры, изда-

тель не говоритъ даже къ какому времени онѣ относятся (см. напр. стр. 46).

На приложенной картѣ нѣтъ даже градусовъ широты и долготы. Называть подобнымъ образомъ книги очень-легко для такъ-называемыхъ сочинителей: тутъ главный трудъ и работа— для типографин; для сочинителя же вѣнужно ни глубокаго и продолжительнаго изученія предмета, ни предварительныхъ свѣдѣній, ни обладанія критическимъ тактомъ.

Считаемъ излишнимъ входить въ сличеніе цифръ; это было бы работою бесполезною даже и для тѣхъ охотниковъ до вычисленій, которые каждую печатную цифру считаютъ дѣйствительностью. Мы же, признаемъ, въ этомъ отношеніи большіе скептики...

261) КРАТКОЕ НАЧЕРТАВІЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ Н. П-ва. Москва. Въ тип. скоропечатанія В. Кирилова. 1845. Въ 8-ю д. л. 135 стр.

Цѣль этой книжки—распространить знаніе русскои исторіи въ школахъ и дѣтскихъ пріютахъ, состоящихъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, которыми она и посвящается издателемъ, г. Кириловымъ. Текстъ для нея постарался составить Н. П-въ, сокративъ для этого краткій учебникъ русскои исторіи г. Устрялова. Надобно думать, что эта книжка достигнетъ своего назначенія, оправдаетъ усердіе издателя и вознаградитъ трудъ сочинителя. Бѣдныя дѣтѣмъ пріятно будетъ видѣть, какъ заботятся объ ихъ просвѣщеніи добрые люди, съ какою поснѣшностью стараются удовлетворить ихъ умственные потребности.

262) МЕТОДА СКОРОПИСАНІЯ МОРИЦА БАРИНЦЕВИЧА. Съ девятью таблицами и рисункомъ. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго и лит. Ф. Дидле. 1845. 17 стр.

Метода скорописанія г. Баринцевича основана на методѣ гражданина Свѣтло-Американскихъ-Штатовъ Карстера, пользующейся большою извест-

ностью въ Европѣ, и можетъ служить хорошимъ руководствомъ для учащихъ и для учащихся скорописанію. Книжка эта, изданная въ форматъ, въ которомъ издаются ноты, напечатана и литографирована опротно и даже красиво.

263) Русскіе Простонародные Разказы. *Опытъ изданія для народную чтенія. Сочиненіе Федора Русанова. Изданіе третіе. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 18-ю д. л. 107 стр.*

Разказы г. Русанова выходятъ третьимъ изданіемъ. Значить, они читаются русскимъ народомъ съ удовольствіемъ. Авторъ не прибавилъ къ нимъ ничего новаго, а напечаталъ ихъ въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ они появились въ свѣтъ въ 1843 году. Главное достоинство заключается въ томъ, что они написаны въ русскомъ тонѣ и русскимъ складомъ. Языкъ этихъ разказовъ простой, доступный понятію каждаго простолюдина. Больше о нихъ, кажется, нечего сказать, развѣ только то, что въ ихъ третьемъ изданіи встрѣчается довольно опечатокъ, которыхъ бы не должно быть въ третьемъ изданіи.

264) Слава Россіи, или *Исторія Государства Русскаго. Съ гравированными портретами. Изданіе Дмитрія Трегубова. Москва. Въ тип. Н. Степанова. Въ 18-ю д. л. 105 стр.*

Не знаемъ, какая слава можетъ быть для Россіи отъ этой маленькой книжечки, въ которой на каждой страничкѣ изложена вся исторія того или другаго государя. Кто будетъ ее читать или по ней учиться, вѣроятно не слишкомъ прославится своимъ знаніемъ русской исторіи. Не будь этого пышнаго заглавія, мы сказали бы, что если эта книжка не виѣтъ большихъ достоинствъ, по-крайней-мѣрѣ ея нельзя назвать и совершенно - негодною, даже въ вѣкоторомъ родѣ она хороша, потому-что написана яснымъ, правильнымъ языкомъ, и, хотя безъ всякихъ подробностей, XLI. — Отд. VI.

стей, заключаетъ въ себѣ всѣ главные событія въ русскомъ государствѣ. Передъ исторіею каждаго государя находится его портретъ съ означеніемъ внизу его имени, года вступленія его на престолъ и кончины. Хотя всѣ эти портреты болѣе или менѣе похожи другъ на друга, но это не бѣда: главная польза отъ нихъ та, что они могутъ заохочивать къ неоднократному чтенію маленькихъ исторій, и такимъ образомъ способствовать къ прочтѣншему укорененію ихъ въ памяти. Равно при помощи ихъ дѣти скорѣе познакомятся и съ самою хронологіею, — а это чего-нибудь да стоитъ.

265) Къ Богу за Царя. *Сочиненіе Александра Коленковскаго. Изданіе второе. Для приютовъ, добровольными приношеніемъ. Санктпетербургъ. Въ военной тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 8 стр.*

266) Въ память кончины Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Александры Николаевны. *Сочиненіе Александра Коленковскаго. (Съ портретомъ Великой Княгини Александры Николаевны). Изданіе второе. Для инвалидовъ, добровольными приношеніемъ. Санктпетербургъ. Въ военной тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 19 стр.*

Прекрасная цѣль и достойныя похвалы чувства г. Коленковскаго вполне заслуживаютъ того, чтобъ критика пощадила его стихи отъ всякой оцѣнки.

267) Литературные Плоды Безсонницы. *Сочиненіе барона Александра Боде. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1845. Въ 8-ю д. л. 20 стр.*

Это — другое дѣло! Съ ними церемониться нечего. Это книга ископаемая, допотопная! Помилуйте, да кто же теперь рѣшится прочесть книжонку, которую кому-то вздумалось накропать отъ безсонницы? И кто теперь пишетъ отъ безсонницы? Отъ безсонницы не пишутъ, а чита-

ють плохія книги и славянофильскіе журналы. Теперь пишутъ отъ потребности что-нибудь высказывать, а не отъ денегъ, или изъ самолюбія; но и въ послѣднихъ двухъ случаяхъ всегда говорятъ, что пишутъ отъ того, что просится наружу мысль, что не даетъ покоя излишество таланта... А баронъ Бодэ изволяетъ писать отъ бессонницы, да еще стихами, да еще какими — чудовищными! Баронъ Бодэ признается, въ предисловіи къ своей книжкѣ, что онъ не знаетъ русскаго языка: вѣрнѣе, потому что предисловіе написано безграмотно; онъ говоритъ, что это ему, какъ иностранцу, никогда неучившемуся русскому языку, извинительно: согласны! Но вѣдь это было ему извинительно, пока онъ писалъ статьи по части сельскаго хозяйства: дѣльность и полезность ихъ содержания, еслибы онѣ были дѣйствительно дѣльны и полезны, могла бы заставить забыть невнятность ихъ слога; но чѣмъ же извинится баронъ Бодэ передъ здравымъ смысломъ въ томъ, что, не зная русскаго языка, принялся писать стихи на этомъ языкѣ? — Ужъ не бессонницею ли? — Вотъ какъ пишетъ баронъ Бодэ русскою прозою: «Притязанія на изящность слога я не могъ имѣть, потому что не родился въ Россіи (т. е. родился не въ Россіи), и никогда не обучался русскому языку; а все, что знаю изъ этого языка, есть плодъ самоучки, подкрѣпленная памятью и слухомъ». Не только не лучше этого, но гораздо хуже пишетъ баронъ Бодэ стихами; вотъ образчикъ его мастерства, изъ пьесы — *На Новый Годъ*:

Еще прошло *тысяча* года(?),
Ужъ сорокъ и четвертый годъ
Столѣтія, для человека
Съ душой, *превѣсный* періодъ.
Какія видѣли *премѣны*
Мы въ политическихъ дѣлахъ!
Какъ Г(г)идры пали, *милосердны*;
Какъ сила распалася въ прахъ.
Мы *ладшу* видѣли гордыню
Колоса зазнала, и какъ,
Предвѣстномъ напередъ унынью
Торжествовалъ котомъ *Русакъ!*

и прочее, все въ такомъ же родѣ и тонѣ. Когда писаны эти стихи? Конечно, во времена Тредьяковскаго и подъ его руководствомъ? — Нѣтъ, въ 1845 году!.. Зачѣмъ они писаны? — А вотъ послушайте г. сочинителя:

«Случается иногда, что въ часы бессонницы, или одинокой прогулки, когда мысли бродятъ безъ опредѣленнаго предмета, вдругъ представляется стихъ, другою, относящійся къ интересному предмету; отъ нечего дѣлать прихвѣвши одинъ стихъ къ другому, по мѣрѣ того, какъ развивается планъ задачи, и нечаянно составится изъ этого нѣчто цѣлое, которое по какому-то невольному самолюбію положишь при первомъ досугѣ на бумагу; такимъ образомъ случилось мнѣ написать нѣкоторыя бездѣлки; я показавъ ихъ знакомымъ, которые ихъ похвалили, и изъявили желаніе, чтобы я отдалъ ихъ въ печать; предполагая, что эти стихи понравятся и многимъ другимъ; тѣмъ болѣе, что они имѣютъ нравственное направленіе: вотъ что меня побудило представить ихъ публикѣ; не для того, чтобы ихъ судили, потому что мое самолюбіе не простирается до того; а просто для того, что меня увѣряютъ, что могу этимъ доставить другимъ удовольствіе: — дѣльными замѣчаніями и всегда готовъ принять съ благодарностью, держась старинной пословицы — *вѣкъ живи, вѣкъ учишься*. — Если бы прочтеша ихъ нѣкой мнѣ пожелаетъ споконнаго сна, то и за это останусь благодарнымъ; ибо весьма тягостно, лежать по нѣскольку часовъ въ постели безъ сна, и гораздо легче спать, нежели стихи сочинять; а на критику, происходящую отъ одного природнаго зуда критиковать, я не стану отвѣчать; а помолюсь усердно о возобновленіи здравія несчастныхъ, одержанныхъ этимъ зудомъ.

«Такъ ступайте же мои дѣточки по блѣдному свѣту, и прихвѣстуйте отъ моего имени признательною улыбкою каждому, кто приметъ васъ радушно; а ежели вы кто станете дѣлать гримасы, то улыбайтесь также; только съ другимъ выраженіемъ; спросите его, чѣмъ онъ самъ отличился на этомъ скользкомъ поприщѣ, и ступайте дальше».

268) Наши, или Кавказъ Чудеса не Бываютъ въ Провинціи. *Оригинальный водовиль въ двухъ дѣйствіяхъ.*

Сочиненіе В. Самойлова. Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1845. Въ 12-ю д. л. 44 стр.

Новое драматическое чадо ограниченности, необразованности и мелочаго, празднаго самолюбія! Этого квазі-водевиля слѣдовало бы назвать такъ: *Наши, или какіе въздоровъ не печатаются въ столицахъ!* Что за люди, что за лица выведены въ этомъ сумбурѣ? Женщины ни-съ-того, ни-съ-сего объявляются въ любви мужчинамъ и въшаются имъ на шею; женатый мошенникъ сватается за дѣвушку, и отецъ ея такъ глупъ, что впередъ даетъ ему, въ счетъ приданаго, тысячу рублей серебромъ; плутня обнаруживается, а деньги пропадаютъ. И все это дѣлается словно по щучьему веленью; никакой витриги, никакого дѣйствія, никакихъ характеровъ, никакого правдоподобія; языкъ книжный, безцвѣтный; кушеты плоски и плохи! Зато критиканства вдоволь: сочинитель, видно, какъ говорить Анна Андреевна (въ *Ревизорѣ* Голя) — *столичная штука*: сейчасъ окритиковалъ провинціаловъ! Должно быть, задушевный другъ Хлестакову и Трицичкину! Но провинціалы могутъ утѣшаться въ этой, какъ они говорятъ, *критикѣ*: провинція нечего стыдиться столицъ, въ которой есть такіе сочинители, какъ г. В. Самойловъ, и такіе водевили, какъ *Наши, или какой чепухи не печатается въ Петербургѣ!*

269) Русское Чтеніе. Отечественныя историческія памятники XVIII и XIX столѣтія, издаваемые Сергѣемъ Глинкою. Часть I. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отд. Корпуса Внут. Стражм. Въ 8-ю д. л. 74 стр.

— Русское Чтеніе, издаваемое Сергѣемъ Глинкою. Выпускъ втор(о)й: отечественныя историческія памятники XVIII и XIX столѣтія. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Штаба Отдѣльную Корпуса Внутренней Стражм. Въ 8-ю д. л. 75—145 стр.

Въ этомъ странномъ изданіи, которое, по нумерованію, составляетъ одну, а по заглавію—двѣ книжки, вѣтъ никакихъ историческихъ отечественныхъ памятниковъ, а если и есть, они составлены не современниками, а г. Сергѣемъ Глинкою. Онъ рассказываетъ большею частію всѣмъ извѣстное о Петрѣ Великомъ, о князѣ Юріи Владиміровичѣ Долгорукомъ, о Потемкинѣ, и рассказываетъ, разумеется, по-своему — съ отступленіями, страннымъ языкомъ, темно, сбивчиво, несладко, хотя и съ амфазомъ, какъ-будто въ вдохновенномъ упоеніи. Подъ перомъ литератора, болѣе даровитаго и менѣе упоеннаго восторгомъ, эти рассказы могли бы имѣть большую занимательность. Правда, они и подъ перомъ г. Сергѣя Глиники имѣютъ некоторую занимательность, но уже не сами-по-себѣ, а по отношенію къ сочинителю. Онъ все тотъ же, какимъ былъ въ то время, какъ началъ издавать свой *Русскій Вѣстникъ*, назадъ тому больше четверти вѣка; нисколько не измѣнился, хотя вокругъ него измѣнились — и люди, и языкъ, и литература, и понятія, и обычаи, и нравы. Еслибъ подобное окаменѣніе постигло литератора съ замѣчательнымъ талантомъ, — его сочиненія никогда не перестали бы быть интересными для новыхъ поколѣній, какъ мемуары о старинѣ, какъ живые памятники старины; но... г. Сергѣй Глинка члѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ... Человекъ русскій, радушный и гостепріимный, онъ всегда готовъ васъ угощать своимъ добромъ; вы давно уже сыты по горло отъ другихъ кушаній, а онъ все вамъ кланяется да говорить: *прошу покорно; члѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ*. Вы смотрите: странно было бы и на голодный желудокъ, а дѣлать нечего, берете изъ вѣжливости; о слѣдствіяхъ нечего и говорить... И — когда г. С. Глинка молчитъ, молчитъ такъ, что вы думаете, что его восторгъ прошелъ совсѣмъ, и онъ уже больше не будетъ писать; глѣдъ: онъ, вдругъ, говоря его собственнымъ языкомъ, предъ-

деить вамъ такой поиромъ, что вы, подобно Ожѣ Крылова,

Скорѣй въ оханку
Кушакъ и шапку...

Но мы, несчастные рецензенты, мы не можемъ этого дѣлать и дѣлимъ всакую уху, какую ни заварить досужество стараго или молодаго литератора...

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

28) PÉTROUSHA. (*Moeurs russes.*) Par Hippolyte Auger (Петруша. *Русскіе нравы.* Соч. Ипполита Ожѣ). Санктпетербург. Въ тип. Journal de St.-Petersbourg. 1845. Въ 12-ю о. л. Тома I и II. Въ I-мъ 254, во II-мъ — 272 стр.

Г. Ипполитъ Ожѣ обязательенъ и любезенъ, какъ истинный Французъ. Ему, видно, понравилось наше гостеприимство, и онъ рѣшился отблагодарить насъ изображеніемъ, въ формѣ романа, нашихъ нравовъ, которые ему, какъ видно изъ его книги, такъ понравились. Благодарны за честь, очень благодарны! Но, чтобъ благодарность наша не осталась на однихъ словахъ, какъ не осталась на однихъ словахъ благодарность г. Ожѣ, рѣшаемся сдѣлать ему нѣсколько совѣтовъ, которые будутъ ему очень полезны, если ему угодно будетъ имъ послѣдовать. Первый совѣтъ: благодарность — прекрасное чувство, но она не можетъ замѣнить таланта, который необходимъ для того, чтобъ писать романы. Второй совѣтъ: нельзя изображать нравовъ народа, о которомъ мы имѣемъ только легкое и поверхностное понятіе. Есть русская пословица: чтобъ узнать челоука, надо съ нимъ съѣсть кулъ соли. Народъ — не одинъ челоукъ, и его въ тысячу разъ труднѣе узнать, нежели челоука. Въ романѣ г. Ожѣ такъ же нѣтъ русскихъ нравовъ, какъ и нѣтъ характеровъ и лицъ; а если что въ немъ есть, такъ это развѣ общія мѣста, блѣдныя описанія, риторика и скука, да еще русскія имена, каковы: Iegor, Ivan Alexiévitich, Pétre Ivanovitch, Natalie Antonovna, Roman Ilitch Velcanoff, Dmitri Borissovitch и т. п. Скажемъ еще по секрету г-ну Ожѣ, что мы, Русскіе, не смотря на моло-

дость, незрѣлость и даже бѣдность своей литературы, довольно избалованы романами и повѣстями, и въ этомъ родѣ на насъ не такъ-то легко угодить. Петруша г. Ожѣ написанъ въ родѣ романовъ дѣвицы Марьи Павѣковой; онъ, если хотите, не хуже ихъ; но когда вспомните, что романы дѣвицы Марьи Павѣковой писаны назвалъ тому болѣе тридцати-пяти лѣтъ, то признаетесь, что романъ, который написанъ въ 1845 году и который достоинствомъ не выше посредственныхъ романовъ, писанныхъ въ 1806 и 1809 годахъ, долженъ быть далеко - ниже ихъ...

29) AVÉCÉDAIRE contenant cinq alphabets en caractères différents et des fables syllabées et dictées suivant la méthode de Jacoto, consacré aux élèves des classes intérieures; NOUVELLE ÉDITION revue et augmentée, par Th. Courtener, Lecteur de l'Université Impériale de Moscou. Москва. Въ тип. Алуцка Сема. 1845.

30) LECTURE DU SECOND AGE contenant des anecdotes morales, destinés à la traduction verbale, treize dialogues, français et russes suivis de plus de 500 adjectifs, verbes, pronoms, prepositions, ad-verbis, conjonctions et interjections, d'un vocabulaire français et de la conjugaison des auxiliaires Avoir et Être. SECONDE ÉDITION revue et corrigée, par Th. Courtener.

31) BEAUX TRAITS DU JEUNE AGE. Livre de Lecture et de Traduction du français en russe, suivis de fables en vers et d'un vocabulaire français-russe. Ouvrage destiné à des classes intermédiaires. NOUVELLE ÉDITION revue avec soin et corrigée par Th. Courtener.

32) **CHRÉTIOMATHIE FRANÇAISE.** *Livre de lecture et de traduction du français en russe. SECONDE ÉDITION, revue et corrigée par Th. Courtener.*

Г. Куртиеръ уже давно приобрѣлъ себѣ въ Москвѣ извѣстность, какъ опытный и умный учитель французскаго языка. Всѣ дѣти въ Москвѣ учага по его книжкамъ; во всѣхъ школахъ приняты за руководство его азбука, книга для чтенія, хрестоматія, словарь. Вышедшія теперь въ свѣтъ новыя изданія четыре книжки отличаются тѣми же самыми достоинствами, съ которыми всѣ успѣли познакомиться изъ прежнихъ его изданій. Въ азбукѣ помѣщены нѣкоторыя басни, названныя для чтенія по складамъ, по методу Жакото. Эта метода заключается въ томъ, что ученикъ повторяетъ каждое слово, прочитанное имъ прежде. Такого рода преподаваніе французскаго языка дѣтямъ требуетъ много терпѣнія со стороны учителя; за то, какъ утѣшаетъ авторъ, чрезвычайно-полезно для учениковъ, потому-что они въ каждый урокъ нечувствительно затверживаютъ множество французскихъ словъ.

33) **THÉÂTRE DE LA COMMUNAUTÉ DES DEMOISELLES NOBLES DE SMOLKOÏ,** *ou recueil de pièces arrangées ou composées dans différentes circonstances pour les classes inférieures de cet établissement. Par J. F. de Riffé, conseiller honoraire, l'un des maîtres de français à cette communauté* (Театръ для Благородныхъ Дѣвицъ Смольнаго Монастыря, или сборникъ пьесъ, арранжированныхъ или составленныхъ на разные

случаи для низшихъ классовъ этого заведенія. Сочиненіе Ж. Ф. Риффэ). Санкт-петербургъ. 1845. Въ тип. Journal de St.-Petersbourg. Въ 8-ю д. л. VII и 379 стр.

Заглавіе этой книги вполне даетъ понятіе о ея содержаніи. Пьесы очень милы и хорошо приурочены для дѣтскаго возраста, а изданіе опрятно и красиво.

34) **COURS ÉLÉMENTAIRE DE TECHNOLOGIE à l'usage des élèves de l'École Imperiale de Droit, par Loustaunau** (Начальный Курсъ Технологіи для воспитанниковъ Императорскаго Училища Правовѣднія, соч. Лустово). Санкт-петербургъ. Въ тип. Э. Праца. 1845. Въ 8-ю д. л. 152 стр.

Это—технологія для легчайшаго изученія французскаго языка, такъ крайней-мѣрѣ говоритъ предисловіе. Не споримъ; можетъ-быть, эта книга и совершенно соотвѣтствуетъ своей цѣли, только технологія по ней нѣтъ никакой возможности выучиться, или хуже: выучиться всему на-выворотъ, а такое знаніе, право, хуже совершеннаго незнанія.

Впрочемъ, хрестоматія или технологія г. Лустово книга очень-хорошая, очень-полезная, только читать ее надобно не такъ, какъ читаются другія книги. Это книга особеннаго рода. Кто читаетъ ее, пусть не обращаетъ никакого вниманія на содержаніе; главное здѣсь форма, языкъ (потому-что она и издана для легчайшаго изученія французскаго языка); короче: читающій ее занимается однимъ только процессомъ чтенія...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Печатаніе новаго перевода *Романа Валтера Скотта* (*) продолжается дѣлательно. Въ прошломъ мѣсяцѣ вы-

(*) Подписная цѣна за четыре тома 7 р. серебромъ безъ пересылки; за каждый томъ отдѣльно 2 р. сереб. безъ пересылки же; въсовыхъ прилагается за 2 фунта на каждый томъ.

шелъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, первый выпускъ этого изданія, заключающій въ себѣ одинъ полный романъ: «Квентинъ Дорвардъ»; теперь оканчивается печатаніемъ и на-дняхъ поступитъ въ продажу второй выпускъ, или томъ, заключающій въ себѣ также полный романъ: *Антикварій*. Третій выпускъ, въ которомъ будетъ помѣ-

щень «Айвенго», появится, как объявлено, въ октябрѣ.

Въ послѣднее время появилось много весьма-замѣчательныхъ книгъ по части русской исторіи и русскихъ древностей. Мы говорили уже о «Сняббурскомъ Сборникѣ» и «Критико-исторической Повѣсти временныхъ лѣтъ Червоной Руси». На-дняхъ еще получены нами *Памятники, изданные Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при Кіевскомъ Военномъ, Подольскомъ и Волынскомъ Генералъ-Губернаторѣ*. Книга эта надана со всею типографскою роскошью и, сколько можно судить по первому поверхностному ея обозрѣнію, составлена весьма-основательно, заключающая въ себѣ множество историческихъ актовъ, доселѣ бывшихъ все-неизвестными. — Недавно появилось также весьма-важное изданіе по этой части, напечатанное въ Вильвѣ: *Собраніе Древнихъ Грамотъ и Актовъ родовъ Вильны, Ковна, Троке, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ, на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ*. — Князь Оболенскій и г. профессоръ Давыловичъ напечатали въ Москвѣ, по порученію Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, *Книгу Посольскую Метрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащую въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ юсударствованіи короля Сигизмунда-Августа*, а гг. Погодинъ и Дубовскій издали, по порученію того же общества, такую же *Посольскую Книгу*, въ которой собраны дипломатическіе акты Литвы, относящіеся къ царствованію Стефана Батори. — Одесское Общество Исторіи и Древностей издали первый томъ своихъ *Записокъ*, содержащій въ себѣ много любопытныхъ статей. — Обо всѣхъ этихъ изданіяхъ мы не замедлимъ представить отчетъ читателямъ.

Вышли въ свѣтъ *шестнадцатая и семнадцатая тетради Императорской Эрмитажной Галереи*, издаваемой

Гонѣ-Дессонтевомъ в Полемиъ Петі. Изданіе это, уже приобретающее благо-словенность публики, по-видимому, основалось довольно-твердо, потому-что нисколько не измѣняется въ своемъ достоинствѣ и не заставляеть подписчиковъ своихъ долго ожидать новыхъ тетрадей. Къ шестнадцатой тетради, въ которой помѣщены «Святое Семейство», Джуліо-Романо, «Фламанскій Карусель» Вуверманса, «Пейзажъ Жана Виванца и Юнона Ванлоо», — приложенъ великолѣпный заглавный листъ для перваго тома «Галереи»; а къ семнадцатой — отличающійся необыкновеннымъ сходствомъ и прекрасною отдѣлкою портретъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича Наслѣдника, который подписавшіеся обыкновенно безденежно, сверхъ четырехъ картинъ, составляющихъ содержаніе этой тетради. Картины же, въ ней помѣщенныя, суть: «Пейзажъ Рюнсдала», «Св. Іоаннъ Мурильио», «Кухарка Жерара Дова и Караульи Теньера». Къ обѣимъ тетрадямъ приложенъ, по обыкновенію, объяснительный текстъ и двѣ краткія біографіи: Джуліо Романо и Жана Рюнсдала.

Мѣсяца три назадъ, мы извѣщали читателей о предпринятомъ гг-ми Меженичемъ и Песоцкимъ изданіи подъ названіемъ «Императоръ Александръ I-й и его Сподвижники въ 1812, 1813, 1814, 1815 годахъ. Военная Галерея Зимняго Дворца». Теперь вышло уже 18 тетрадей этого изданія: читатели помнятъ содержаніе первыхъ семи тетрадей, о которыхъ мы тогда же говорили; въ остальныхъ одиннадцати помѣщены портреты и біографіи: генерал-лейтенанта П. Я. Корнилова, генерал-лейтенанта Э. Д. Олсуфьева, генерал-майора Я. П. Кульнева, генерала-отъ-инфантаеріи К. И. Бастрова, генерал-лейтенанта Я. А. Потемкина, генерал-лейтенанта графа А. Ф. Мишо-де-Боретюра, генерал-лейтенанта Ф. Г. Тоголя, генерал-лейтенанта Д. Н. Невѣровскаго, тайнаго совѣтника А. А. Библикова, и генерал-лейтенанта князя В. Г. Мадатова.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Послания и Сатиры, *Вьеннѣ*. — Послѣднія Пѣсни, *Казимира Делавиля*. — ЭЖЕНЪ ОРРѢ. — САВЕНЬЕНЪ ЛАНДУАНЪ. — ЖАСМЕНЪ. — Сборникъ Испанскихъ Романсовъ, *Дама-Инара*. — Наполеонъ и Марія-Луиза, *барона Миссала*. — Исторія завоеванія Индіи Англичанами. — Жоржъ и Фредрикъ Кювье.

ÉPIQUES ET SATIRES, par M. Vien-
net, de l'Académie Française (Послания
и Сатиры, г. Вьеннѣ, члена Француз-
ской Академіи).

Одинъ писатель сказалъ: «напишите исторію театра у какого-нибудь народа, вы напишете исторію правовъ этого народа». Этотъ писатель, должно быть, самъ былъ драматическій авторъ. Послушайте солдата: для него вся исторія его отечества заключается въ войнахъ и осадахъ; для дипломата, она вся въ трактатахъ; для портнаго и сапожника — въ костюмахъ и модахъ. И Вьеннѣ, по примѣру другихъ, видитъ политическую и литературную исторію реставраціи въ пѣсняхъ, въ посланіяхъ и сатирахъ, въ теченіи пятнадцати лѣтъ безпощадно бичевавшихъ эту эпоху.

Г. Вьеннѣ правъ. Реставрація, съ ея политическими борьбами, побѣдами и пораженіями, была эпохою пѣсней, памфлетовъ, сатиръ, брошюръ. Каждое событіе, каждый министерскій кризисъ, каждый проектъ закона по-

рождали ихъ сотнями, и старая династія пала подъ гулъ страшныхъ пѣсней Беранжѣ и памфлета Поля-Луи Курьѣ. Въ то время не было ни одного важнаго произведенія, ни историческаго, ни философскаго, которое не было бы памфлетомъ, и среди тысячи голосовъ, раздававшихся въ эту шумную эпоху, нельзя не отличить голоса Вьеннѣ.

Какая странная жизнь Вьеннѣ! Онъ самъ рассказалъ ее въ предисловіи къ своимъ баснямъ. Сначала священникъ, потомъ артиллерійскій офицеръ, наконецъ академикъ и пэръ Франціи: что за странные переходы! Но между этими переходами есть связь. Въ священническомъ платьѣ, въ военномъ, въ академическомъ мундирѣ, онъ всегда воевалъ въ стихахъ противъ смѣшнаго, противъ злоупотребленій, которыя видѣлъ вокругъ себя. И теперь, какъ онъ сталъ уже пэромъ Франціи, онъ пишетъ еще басни, которыя составляютъ утѣху академической публики. Извѣстна мысль, что басня есть сатира невольника, а невольничество встрѣчаетъ

ся на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы...

Артиллеристъ въ политической войнѣ, Вьеннѣ не принадлежитъ къ тѣмъ тяжелымъ линейнымъ войскамъ, которыя раздавливаютъ непріятеля своимъ краснорѣчіемъ или гнѣвомъ. У него нѣтъ той сильной ненависти къ злоупотребленіямъ, которую даетъ энергическое убѣжденіе. Въ немъ болѣе видна раздражительность нервовъ, которые ежесекундно тревожатся промахами господствующей партіи, ея глупости, ея интриги. Фибра его, всегда напряженная, отзывается на всѣ событія, совершающіяся въ мірѣ политическомъ: люди, вещи, учрежденія попеременно возбуждаютъ его сатирический духъ. Въ 1804 году, въ своихъ посланіяхъ къ императору, онъ осмѣливается сдѣлаться надъ генеалогіею, которую недоккіе царедворцы придумали для Наполеона, чтобъ облагородить его побѣды:

Oh! le plaisant aieul qu'un prince scandi-
nave...

C'est aux murs de Toulon que ta race
commence.

Надо сказать правду, однакожь, что въ то время, какъ цензура грозила запретить посланіе, императоръ, чувствуя, какъ смѣшна выдуманная для него генеалогія, дозволилъ печатать ее во всѣхъ журналахъ и раздавать во всѣхъ мѣстахъ.

Во время реставраціи, поэтъ брался за перо при всѣхъ событіяхъ; онъ брался за него, чтобъ похвалить законъ Гувіон-Сен-Сира о наборахъ; онъ вооружался имъ противъ іезуитовъ и ихъ приверженцевъ, ратовалъ противъ законовъ о цензурѣ; въ 1827 году, написалъ посланіе къ трипичникамъ, за которое попалъ подъ гнѣвъ военнаго министра. Въ 1829 году, онъ написалъ посланіе къ Карлу X противъ министерства Полиньяка. Въ то время, когда не было политическихъ событій, противъ которыхъ можно было бы писать, онъ нападалъ на журналистовъ и романтиковъ, и такъ, слыва то якобы

цемъ, то атеистомъ, Вьеннѣ дожилъ до 1830 года. Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы уже сказали, поэтъ пишетъ только басни.

Сборникъ его политическихъ посланій составляетъ одно изъ самыхъ интересныхъ, разумѣется, особенно для Французовъ, — произведеній временъ реставраціи; иногда онъ черезъ-чуръ говорливъ, въ-свидѣствіе страсти замѣнять собственныя слова перифразами но онъ выкупаетъ этотъ недостатокъ вольтеровскою веселостію, живостію ума и вкусомъ.

Въ концѣ сборника, Вьеннѣ помѣстилъ трактатъ о сатирѣ, вмѣсто того чтобъ поставить его въ началѣ. Иной злой языкъ можетъ замѣтить, что Вьеннѣ писалъ свои сатиры не по риторикѣ, а риторикѣ извлекъ изъ своихъ стиховъ; но какъ бы то ни было, этотъ трактатъ, занимающій четверть книги, отличается прелесходными частями слога, критики и эрудиціи.

Вышегъ сборникъ посмертвеннаго произведенія Казимира Делавиня:

DERNIERS CHANTS, POÈMES ET BALLADES SUR L'ITALIE, par Casimir Delavigne; précédés d'une notice par M. Germain Delavigne.

Этотъ сборникъ весь посвященъ Итали; къ ней, къ этой второй родинѣ душъ поэтическихъ, обратились угасающіе взоры Делавиня; авторъ *Messeniennes* и *Magino Faliero*, долженъ былъ воздать эту послѣднюю дань землѣ, которая внушила ему такія прекрасныя созданія въ самую блестящую эпоху его молодости.

•Послѣднія Пѣсни• состоятъ изъ четырехъ поэмъ, поэтъ заглавленъ *la Ballerine*, *«Метто»*, *«Le Prêtre»*, *«Un Micaële»*, изъ нѣсколькихъ балладъ и другихъ легкихъ стихотвореній. Сборникъ заключается неконченною трагедіею.

•*La Ballerine*• должна была имѣть шесть пѣсней, но смерть остановила поэта, и мы имѣемъ только двѣ. Нельзя не сожалѣть объ этомъ недостаткѣ, потому-что меншого у Казимира Делавиня пьесъ, которыя были бы такъ заботливо отдѣланы и поданы такою

поэтического увлеченія, какъ эти двѣ пѣсни. Особенно полна граціи первая пѣсня. Въ ней встрѣчаются строфы, напоминающія лучшей поэтической социалія классической древности. Какъ очаровательна эта дѣвочка, предчувствующая свою будущую красоту и поющая гимнъ своей молодости. Послушайте:

J'ai, de ma coupe d'ébène,
Couvert mon sein l'autre jour:
Il n'arr, je l'avoue, en remplir le contour;
Mais il s'en fallait à peine.
Laissez au vomero les orangers grandir,
Leurs fruits dorés s'arrondir,
Et la coupe sera pleine.

Въ этихъ торжествующихъ звукахъ есть какое-то простодушіе, не совсѣмъ дѣтское, есть какой-то жаръ, не совсѣмъ сладострастный. Казимиръ Делавинь въ портретѣ этой дѣвушки осуществилъ; какъ намъ кажется, идеаль греческой скульптуры, наготу, остающуюся цѣломудренною. Какая прекрасная статуя могла бы выйти изъ этой мечты поэта!

Слѣдующія поэмы не внушаютъ того живаго сочувствія, хотя имѣютъ то преимущество предъ первою, что окончены. Въ числѣ легкихъ стихотвореній, входящихъ въ составъ «Послѣднихъ Пѣсней», мы упомянули о балладахъ. Казимиръ Делавинь любилъ этотъ родъ поэтическихъ созданій, который въ наше время находится въ какомъ-то пренебреженіи; баллады Делавиня заключаютъ въ себѣ красоты, способныя возратить честь этому роду поэзіи. Вообще, можно сказать, что «Послѣднія Пѣсни» съ честію будутъ занимать мѣсто въ поэтическомъ вѣникѣ Казимира Делавиня.

Вотъ опять произведенія умершаго поэта: *Ouvrages posthumes d'Eugène Orfit, correcteur typographe, mort en 1843, à l'âge de 26 ans; recueillies et publiées avec une notice biographique, par Sebastien Rheal* (Посмертныя Произведенія Эжена Орри, типографскаго корректора, умершаго въ 1843 году, двадцати-шести лѣтъ отъ рода, собран-

ныя и изданныя, съ присовокупленіемъ его біографіи, Себастьяномъ Реалемъ). Ничего не можетъ быть грустнѣе исторіи этого молодого поэта. Бѣдная мать въ слѣдующихъ словахъ рассказываетъ ее издателю посмертныхъ произведеній Орри, Себастьяну Реалу: «Сынъ несчастныхъ родителей, воспитанный въ крайней нищетѣ, по выходѣ изъ колыбели, онъ почувствовалъ бремя жизни; одаренный самымъ слабымъ тѣлосложеніемъ, онъ весьма рано предался работѣ умственной; будучи пяти лѣтъ, онъ самъ-собою выучился въ короткое время читать и писать, и съ-тѣхъ-поръ, сидя надъ книгами, чувствуя необходимость выйти изъ того отверженнаго состоянія, въ которомъ удерживала его бѣдность, онъ старался приобрѣтать и расширять свои познанія. Отецъ его былъ Испанецъ; онъ выучился испанскому языку, изучилъ литературу его, выучился потомъ по-англійски и, наконецъ, успѣлъ сѣискать мѣсто корректора въ одной типографіи. Онъ проводилъ дни въ трудахъ, чтобъ заработать хлѣбъ для прокормленія отца, матери и брата, который былъ девятью годами моложе его. Онъ употреблялъ часть ночи на ученіе и сочиненіе. Бѣдный сынъ! Столько работы при такой слабой организаціи! Работа истощила этого несчастнаго юношу. Онъ напечаталъ сборникъ стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Soirs d'Orage». Книга не разошлась; два-три журнала удостоили ее простаго упоминанія. Эженъ Орри захворалъ; грудь его была такъ сильно разстроена, что всѣ пособія медицины были бесполезны. Онъ умеръ двадцати-шести лѣтъ, въ 1843 году. На другой день, умеръ его отецъ. Я похоронила ихъ обоихъ въ одинъ и тотъ же день» писала къ г. Реалу вдова Орри: «они покоятся другъ подле друга на Кладбищѣ Горы-Парнассъ, куда я часто хожу плакать.»

Себастьянъ Реаль, авторъ «Chants du Psalmiste» и «Divines Féeries de l'Orient et du Nord», издалъ избранныя изъ посмертныхъ произведеній Эжена

Орри. Нельзя думать, вместе съ г. Себастьяномъ Реалемъ, что Франція должна поощрять всѣхъ молодыхъ людей, которые поражены маніей писать стихи. Лучше позаботиться ей о другихъ труженникахъ, богѣе-полезныхъ и богѣе-заслуживающихъ ея покровительства. Питать ихъ гордость и честолюбіе значитъ отнимать у этихъ мнимыхъ поэтовъ небольшую долю рассудка, который дала имъ природа. Но какъ бы то ни было, нельзя не сожалѣть, что Эженъ Орри умеръ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ: стихотворенія его, издавныя г. Реалемъ, доказываютъ, что еслибы онъ пожилъ долѣе, то могъ бы оставить по себѣ имя славное, ибо, если онъ, проработавъ цѣлый день для своей семьи, проводилъ ночи въ трудахъ литературныхъ, то, безъ сомнѣнія, истощалъ такимъ-образомъ свои силы, повинаясь тайному голосу, который слышать только истинные поэты...

Heureux qui sans effort, à toute heure
inspiré,

Peut semer à loisir sur un tissu doré
Les perles de la fantaisie!

Moi, sous un joug fatal travailleur chan-
celant,

J'arrache du profond de mon coeur tout
sanglant

Ma palpitante poésie!

Какъ долженъ былъ страдать бѣдный поэтъ, когда писалъ слѣдующее стихотвореніе, названное «Voeux Agrestes»:

Où sois maudite, ville aux splendides
misères,

Ville où la fange est reine en se cachant
sous l'or,

Où j'écoute, impuissant, les sanglots de
mes frères!

Où! sois maudite! Ailleurs j'irai revivre
encor.

Dieu! comme je voudrais m'éveiller loin
des villes,

Cueillir encor enfant, la marguerite aux
près,

Rire d'un rien; bondir, libre aux vallons
tranquilles,

Tout fier de ma jeunesse et de ses jours
dorés.

Dieu! comme j'aimerais errant près du
rivage,
Sous l'étreinte de l'eau voir les saules
frémir,
En cherchant des parfums à chaque fleur
sauvage;
Sur l'herbe, au grand soleil, que je vou-
drais dormir.

L'air des campagnes, doux à ma faible
poitrine,
L'haleine des ruisseaux, c'est tout ce que
je veux;
Ma vaine fantaisie aime l'eau qui che-
mine,
La feuille qui bruit, l'air qui souffle aux
cheveux.

Ideal, ideal, me poursuis-tu sans trêve.
Des larmes ont, je crois, tombé sur les
genoux,
O poète? et déjà finit l'heure si brève,
L'heure de liberté! Beaux songes, laissez
nous.

Относительно поощренія со стороны публики, со стороны литераторовъ, гораздо-счастливѣе другой бѣдняки-поэта, котораго изданъ недавно —

UNE VOIX D'EN BAS, POÉSIES, PAR
M. SAVINIEN-LAPOINTE, OUVRIER
CORDONNIER; précédées d'une préface,
par M. Eugène Sue, et suivies des lettres
adressées à l'auteur par M. M. Beran-
ger, Victor Hugo, Leon Gozlan, et cast.
(Голосъ снизу, стихотворенія Савиньяна Лапуанта, сапожника, съ присовокупленіемъ предисловія г. Эжена Сю и писемъ, писанныхъ къ автору г. Беранжэ, Викторомъ Гюго, Леономъ Гозланомъ и др.)

Эженъ Сю описалъ въ предисловіи жизнь Савиньяна Лапуанта, жизнь простую, строгую, мужественную; полную самоотверженія. Надо читать въ этомъ предисловіи, запечатлѣнномъ глубокой чувствительностью, описаніе чердака, гдѣ работаетъ Савиньянъ Лапуантъ, рассказъ о его безплодной борьбѣ съ бѣдностью, изображеніе покорной Промыслу жизни, въ которой вдохновеніе облагороживаетъ червгаго работника. Читая это предисловіе, нельзя не пожалѣть и не полюбить бѣдствующихъ классовъ.

Гг. Беранжé, Викторъ Гюго, Лампé, Леонъ Гозланъ, одинъ за другимъ одобряли счастливыя попытки поэта, и посылали ему братскіе привѣты. Беранжé писалъ къ нему: «Продолжайте пѣть: имѣя мысли благородныя, мужество и чувствительность, не уклоняйтесь съ дороги, которую вы избрали. Наградой вамъ будетъ польза, которая произойдетъ отъ того для вашихъ братьевъ по страданіямъ, и одобрительный голосъ всѣхъ умныхъ людей.» И Леонъ Гозланъ также писалъ къ нему: «Мужайтесь; вы уже наполовину дороги къ слави!»

Разсмотрѣніе сборника стихотвореній Савиньяна Лапуанта убѣждаетъ, что поэтъ-сапожникъ достоинъ такого одобренія со стороны знаменитыхъ литераторовъ. Изъ числа важнѣйшихъ пьесъ, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе читателя пьеса подъ заглавіемъ «Le Travail», съ эпиграфомъ изъ Лампé: «Dieu cache un tresor dans le travail». Къ числу лучшихъ пьесъ относятся также стихотвореніе, заглавіе котораго перешло къ цѣлому сборнику: «Une voix d'en bas». Это стихотвореніе посвящено Виктору Гюго, который нѣкоторымъ образомъ вызвалъ это въ отвѣтъ, написавъ, въ своихъ «Rayons et Ombres», пьесу подъ названіемъ: «Régard jeté dans une Mansarde».

Имя другаго поэта изъ простонародья, ажанскаго парикмахера, Жасмена, извѣстно всѣмъ нашимъ читателямъ. Молчавъ нѣсколько лѣтъ, но между тѣмъ посвящая досуги свои поэзіи, онъ издалъ теперь небольшую поему подъ заглавіемъ: *Maltro l'Inconnu* (Дурочка Марта).

Сюжетъ поэмы заимствованъ изъ дѣйствительной жизни. Въ 1834 году несчастная сумасшедшая, Марта, умерла въ Ажанѣ, куда прибѣжала она изъ сосѣдней деревни, лѣтъ за тридцать до того. Сохраняя красоту даже подъ рубищемъ, она бродила по улицамъ Ажана, собирая милостыню и съ жасомъ убѣжала при видѣ дѣтей, кри-

чавшихъ ей: *Maltro, un soldat* (Марта, солдатъ!). Потому, она выходила на улицу только два раза въ недѣлю, и народъ, встрѣчая ее, говорилъ: «Марта вышла; видно, она голодна.» Исторію этой-то бѣдной сумасшедшей рассказываетъ Жасменъ въ трогательныхъ стихахъ. Исторія эта очень проста: Марта любила одного молодца изъ своей деревни; на него палъ жребій идти въ солдаты; любовники поклялись въ вѣчной вѣрности. Не въ силахъ будучи переносить разлуки, Марта, по смерти отца, продала все свое имущество и вырученныя деньги отдала приходскому священнику, чтобъ онъ откупилъ отъ службы солдата. Солдатъ откупленъ; онъ воротился въ деревню — съ молодой женой; Марта сошла съ ума и убѣжала въ Ажанъ, гдѣ уличные мальчишки пугали ее крикомъ: «Марта, солдатъ!» «И я», говоритъ Жасменъ, кричалъ ей: Марта, солдатъ! «Но теперь, когда мнѣ рассказали ея трогательную исторію, мнѣ хотѣлось бы покрыть поцалуями ея изодранное платье, мнѣ хотѣлось бы на колѣняхъ вымолить у ней прощеніе; — я нахожу одну могилу, и покрываю ее цвѣтами.»

Гасконскій простолюдинъ, Жасменъ, пишетъ на гасконскомъ нарѣчій; онъ изображаетъ сцены народныя, рисуетъ природу родную, и въ этомъ отношеніи онъ истинный поэтъ народный: въ этомъ его оригинальность, въ этомъ его слава. Французскіе журналы, толкуя о «Мартѣ», называютъ поэта послѣднимъ потомкомъ старинныхъ народныхъ пѣвцовъ, которыми такъ славился югъ Франціи.

Отъ народнаго пѣвца Южной-Франціи переходъ къ народнымъ пѣснямъ Испаніи близкій. Вотъ самый полный изъ всѣхъ доселѣ изданныхъ сборниковъ испанскихъ романсовъ:

ROMANSCRO ESPAGNOL OU RECUEIL DES CHANTS POPULAIRES DE L'ESPAGNE, traduction complète avec une introduction et des notes, par M. Damas Hinard (Сборникъ Испанскихъ Ро-

мансовъ, полный переводъ съ введеніемъ и примечаніями г. Дама-Инара).

Можетъ-быть, ни у одной новѣйшей нации народная муза не была такъ плодотворна, какъ у Испанцевъ, но можетъ-быть нигдѣ также не находилась она въ обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ для вдохновенія, какъ въ Испаніи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только на минуту остановить взоры на прошедшемъ.

Въ восьмомъ вѣкѣ, Аравитяне сдѣлали высадку въ Испанію. Извѣстенъ результатъ этого нашествія: послѣ кровопролитной битвы, продолжавшейся, говорятъ, цѣлую недѣлю, войска короля Родрига были разбиты, самъ король цогигъ въ бою и Испанія почти вся перешла подъ иго побѣдителей, за исключеніемъ бесплодныхъ скалъ Астурии, о которыя разбилась волна нашествия. Эта суровая и гористая страна, какъ-бы нарочно укрѣпленная природою, послужила пріютомъ испанской независимости.

« На основаніи авторитетовъ, достойныхъ вѣры, въ горахъ Астурии », говоритъ Дама-Инаръ: « родились романсы, въ то самое время, какъ Пелагій и его сподвижники начали войну для освобожденія Испаніи отъ иноплеменниковъ. Такимъ-образомъ, горы Астурии суть Парнасъ Испаніи. Воинственные обитатели этихъ горъ часто спускались съ нихъ и въ безпрерывныхъ бояхъ съ Маврами шагъ-за-шагомъ отбивали у нихъ родную землю. Ненависть къ Маврамъ и надежда на освобожденіе переходили изъ рода въ родъ, какъ священное наследіе, и въ этомъ чувствѣ ненависти и въ этомъ стремленіи къ свободѣ было что-то поэтическое вдохновительное. Воинственный жаръ поддерживался безпрерывными битвами. По возвращеніи изъ экспедицій горцевъ, душа ихъ восторгалась въ уединеніи горъ, при воспоминаніи о бояхъ; подвиги воиновъ прославлялись всѣми голосами и становились текстомъ мужественной поэзіи. Такъ любовь къ отечеству и независимости породила эти первыя пѣсни.

« Первые памятники народной поэзіи въ Испаніи, безъ сомнѣнія, были сочиненія большаго объема, повѣіе о которыхъ даютъ намъ отрывки изъ поэмы о Сидѣ. Въ-последствіи, такъ-какъ эти поэтическія произведенія передавались отъ одного другому изустно, и память не была такъ обширна, чтобы удерживать ихъ вполнѣ, ихъ раздробили на части, отдѣлили отъ нихъ разные эпизоды, и эти эпизоды сдѣлались отдѣльными маленькими поэмами. Въ то же время эти первобытныя произведенія подверглись другому преобразованію: изъ астурійскихъ они сдѣлались кастильскими и слѣдовали за успѣхами языка. »

Точно то же было и съ версификаціей. Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ критиковъ испанскихъ и иностранныхъ, полагающихъ, что стихъ романсовъ, стихъ восьмисложный, есть первобытная форма истинной поэзіи, надо думать, что эта поэзія не подчинена была никакому постоянному правилу; метръ ея былъ тяжелъ и грубъ и чрезвычайно - растянутъ, доходя отъ двѣнадцати до двадцати слоговъ. Въ-последствіи, эти стихи, чрезвычайно длинные, были сокращены и приведены къ извѣстному числу слоговъ. Самое имя этой первобытной поэзіи подвергалось измѣненіямъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, первыя поэмы назывались были романами, то-есть рассказами на народномъ языкѣ; отсюда произошло слово « романсы, » означавшее небольшія поэмы, содержащія въ себѣ рассказы. Вѣрно то, что, начиная съ половины тринадцатаго вѣка, романсы процвѣтали на землѣ Испаніи; онъ былъ украшеніемъ пировъ и праздниковъ, проникъ и въ чертоги королей и подъ соломенную кровлю поселянина.

Хугляры (juglar), родъ бродячихъ трубадуровъ, пѣли эти романсы, переносили ихъ изъ замка въ замокъ. Эти хугляры, которыхъ можно сравнивать съ рапсодами древней Греціи, были люди происхожденія незнатнаго, но съ счастливымъ расположеніемъ къ

поэзии; они большею частью были въѣстъ и поэмами и пѣвцами; они воспѣвали въ своихъ пѣсняхъ битвы, подвиги, приключенія знаменитыхъ воиновъ и вообще всѣ событія, которыя могли вдохновить ихъ музу. Иногда это составляло для нихъ назначеніе официальное. Такъ, въ 1243 г., Фердинандъ III, отправляясь на завоеваніе Севильи, взялъ съ собою славнаго въ то время хуглара, Николая. «Въ мысли короля» говоритъ Дамъ-Инаръ: «хугляръ Николай, безъ сомнѣнія, былъ Гомеромъ, долженствовавшимъ воспѣть новую Иліаду; но испанскій герой, счастливѣе вождей греческихъ, кончилъ осаду и завоеваніе Севильи въ нѣсколько мѣсяцевъ, и намъ остался только одинъ романсъ объ этомъ событіи».

Романсы останавливаются на завоеваніи Гренады, которое и служитъ предѣломъ этой исторической и народной поэзии. Мавры уничтожены или изгнаны изъ Испаніи, и народная муза уюлкаетъ; вдохновеніе ея какъ-бы угасаетъ, за недостаткомъ предмета и пищи. Правда, и позже пятнадцатаго столѣтія попадаются нѣкоторые историческіе романсы о Карлѣ V, Филиппѣ II, королѣхъ довь Себастьянѣ, о несчастномъ походѣ его въ Африку, и пр., но они не имѣютъ ни цвѣта, ни вдохновенія первыхъ романсовъ, и суть только блѣдныя и холодныя подражанія имъ; чувствуешь, читая ихъ, что царство романса кончилось.

Испанскіе романсы давно пользуются большою славою. Пристрастная туземная критика не пощадива ничего, чтобы возвысить достоинство ихъ, и къ своему ослѣпленію не побоялась сравнивать ихъ съ Иліадою, этимъ великимъ и возвышеннымъ памятникомъ гения человеческого, господствующимъ надъ всею древностью и надъ всѣми ея литературами. Но всѣ эти похвалы, продиктованныя народнымъ самолюбіемъ, весьма преувеличены, и если смотрѣть на романсы съ точки зрѣнія чисто-литературной, то они не оправдаютъ этихъ похвалъ. Они похожи на

плоды, растущіе на вѣтвяхъ дикаго дерева, и искусство почти-совершенно чуждо имъ. Вообще, они носятъ на себѣ отпечатокъ воинственного и рыцарскаго характера ихъ эпохи; въ нихъ господствуютъ чувства любви къ отечеству и чести, и родъ дикаго геройства, не чуждый, впрочемъ, ни величія, ни поэзии. Но рѣдко найдете вы въ нихъ выраженіе вѣжности и кроткихъ чувствъ души; если любовь и является въ нихъ иногда, то всегда въ формахъ грубыхъ и суровыхъ.

Большею частью, эти романсы суть рассказы о битвахъ, или другихъ замѣчательныхъ событіяхъ. При недостаткѣ искусства, въ романсахъ есть естественность и простота, составляющая главную ихъ прелесть; но, къ сожалѣнію, форма ихъ крайне-однообразна; извѣстныя фразы, извѣстныя формулы повторяются безпрестанно и дѣлаютъ ихъ монотонными.

Романсы о королѣ Родригѣ, которыми начинается сборникъ Дамъ-Инара, могутъ быть поставлены въ разрядъ лучшихъ. Они составляютъ рядъ одушевленныхъ и поэтическихъ картинъ, гдѣ драматически изображается исторія несчастія Аравитянъ до кончины несчастнаго короля. Вотъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ романсовъ этого цикла, носящій названіе: «Родригъ послѣ битвы».

«Въ восьмой день битвы, враги побѣдили; войска донъ-Родрига, упавшія духомъ, бѣжали. Родригъ покидаетъ свой шатеръ, покидаетъ свою главную квартиру. Несчастный, онъ ѣдетъ одинъ, никто не сопутствуетъ ему. Конь его такъ усталъ, что едва передвигаетъ ноги: онъ идетъ куда глаза глядятъ, всадникъ не править имъ.

«Ѣдетъ король полумертвый отъ жажды и голода, такъ - что больно смотрѣть на него; ѣдетъ онъ, до того покрытый кровью, что кажется углемъ каленымъ.

«Доспѣхи его, покрытые дорогими каменьями, взрублены во всѣхъ мѣстахъ; мечъ сталъ какъ пила отъ ударовъ, которые получилъ онъ; шлемъ

нахлобучился на головѣ; лицо распухло отъ усталости и боли.

Въѣзжаетъ король на высокій холмъ, самый высокій холмъ, какой только видить; смотритъ онъ оттуда на свои войска, спасающіяся бѣгствомъ; смотритъ оттуда на свои знамена и штандарты, попираемые ногами и покрытые прахомъ. Смотритъ онъ, гдѣ его воеводы, и не видить никого. Смотритъ на равнину — равнина вся кроваваго цвѣта, и кровь течетъ по ней ручьями. Великое горе пало на его душу, и, плача горькими слезами, говоритъ донъ-Родригъ:

«Вчера я былъ испанскій король; вчера были у меня города и замки; сегодня нѣтъ ни одного; вчера было у меня много слугъ, сегодня нѣтъ никого, кто бы служилъ мнѣ; сегодня нѣтъ у меня даже башни зубчатой, которую я могъ бы назвать своею.

«Злополученъ былъ часъ, злополученъ былъ день, когда я родился и когда я наследовалъ это великое царство, которое долженъ былъ потерять въ одинъ день! Смерть, что не идешь ты? что не исклетишь изъ хилаго тѣла жалкой души моей? Я былъ бы тебѣ благодаренъ!»

Самый обширный кругъ романсовъ, въ сборникѣ Дамъ-Инара, посвященъ Сиду; онъ раздѣляется на четыре части: «Сидъ при Фердинандѣ-Великомъ», «Сидъ при королѣ донѣ-Санчо», «Сидъ при королѣ донѣ-Альфонсѣ», «Сидъ при королѣ донѣ-Альфонсѣ». Онъ содержитъ въ себѣ не менѣе ста-семнадцати романсовъ.

Донъ-Родриго де-Биваро, Сидъ Кампеадоръ, — одинъ изъ тѣхъ баснословныхъ героевъ, которые истрѣчаются въ преданіяхъ всѣхъ народовъ и въ которыхъ народы олицетворяютъ самихъ-себя. По испанскимъ хроникамъ, онъ родился около 1025 года: но жилъ ли онъ дѣйствительно, это еще вопросъ; въ этомъ сомнѣваются многіе испанскіе ученые. Какъ бы то ни было, если Сидъ дѣйствительно жилъ когда-нибудь, то большая часть приписываемыхъ ему подвиговъ—чистый

вымыселъ. Сидъ герой такой же, какъ Роландъ, Артуръ, Вильгельмъ Тель и множество другихъ, которые созданы и украшены народною музою. Онъ — вѣрвый типъ кастильскаго характера, и превосходно олицетворяетъ то хвастливое геройство, которое проявляется не столько въ высокіхъ подвигахъ, сколько въ громкихъ словахъ и въ дерзкихъ выходкахъ.

Романсовъ о Сидѣ, какъ мы замѣтили, множество, и изъ всѣхъ романсовъ они пользуются наибольшою славой. Но если взглянуть на нихъ съ литературной точки, они не оправдаютъ своей своей извѣстности; по нашему мнѣнію, они ниже большей части романсовъ, переведенныхъ Дамъ-Инаромъ; чтеніе ихъ однообразно и скучно; герой кастильскій является въ нихъ чаще всего съ манерами и языкомъ настоящаго матамора.

Болѣ поэзии, болѣ прелести въ такъ-названныхъ Дамъ-Инаромъ Раннихъ Романсахъ. Тамъ-и-слѣдъ разбросаны въ нихъ, какъ прекрасныя цвѣтки, черты, полныя прелести и чувства. Можно упомянуть о романсѣ подъ заглавіемъ: «Le vieux Seigneur prisonnier»; это трогательное сѣтованіе старика, заключеннаго въ темной башнѣ въ весеннее время, когда всѣ наслаждаются жизнью, природою и свободою. Какъ печальна и мрачна должна была казаться тюрьма бѣдному плѣннику!

—Я, говоритъ онъ: — бѣдный несчастивецъ, живу въ этой тюрьмѣ, и не знаю, когда день, когда ночь; слывала мнѣ о томъ малая пташка, которая пѣвала на зарѣ. Стрѣлокъ убилъ ее... Богъ да воздастъ ему за это!»

Сколько грусти въ этихъ немногихъ словахъ. Но изъ всѣхъ этихъ романсовъ, можетъ-быть самый, драматическій, — романсъ о графинѣ Аларкосѣ. Вотъ сюжетъ: графъ Аларкосъ далъ обѣты въ вѣчной любви дочери короля, имя котораго романсъ не упоминаетъ, и поклялся жениться на ней; но раздумавъ, что король никогда не согласится на этотъ бракъ, онъ беретъ

другую жену и вѣскольکو лѣтъ живеть въ самомъ полномъ счастіи. Между-тѣмъ, инфанта изнываетъ въ тоскѣ и одиночествѣ.

Король видя, что она печальнѣе обыкновеннаго, догадывается, что есть у ней какое-нибудь тайное горе, и спрашиваетъ ее о томъ. — «Что съ тобой, инфанта? Что съ тобой, дочь моя? Скажи мнѣ свое горе; когда узнаю, что такое, — я все поправлю.»

Инфанта проситъ выдать ее замужъ. Выслушавъ эту просьбу, добрый король отвѣчаетъ: «Ты сама виновата, инфанта, а не я; теперь ужь была бы ты венгерской королевой. Зачѣмъ не хотѣла ты принять гонца отъ венгерскаго принца? А вѣдь, при нашемъ дворѣ, дочь моя, вѣтъ жениховъ; вѣтъ тебѣ ровни во всѣхъ моихъ королевствахъ. Былъ только графъ Аларкосъ, да у него теперь жена и дѣти.»

Инфанта рассказываетъ тогда королю, что графъ обѣщалъ жениться на ней, и что она вѣрила его слову. При этомъ неожиданномъ открытіи, король лишается чувствъ; очнувшись, онъ горькими упреками осыпаетъ дочь и, не зная ва что рѣшится, наконецъ спрашиваетъ дочь, что дѣлать.

— Пусть графъ убьетъ графиню, отвѣчаетъ инфанта: — никто этого не будетъ знать, — и пусть онъ распространить слухъ, что она умерла отъ болѣзни. Затѣмъ, мы повѣнчаемся. Такимъ образомъ, добрый король, честь моя будетъ спасена.»

Король одобряетъ совѣтъ дочери; онъ приглашаетъ на обѣдъ графа Аларкоса; потомъ, когда, послѣ обѣда, всѣ придворные ушли и король остается наединѣ съ гостемъ, — онъ упрекаетъ Аларкоса въ нарушеніи клятвы и приказываетъ ему убить графиню. Графъ признается въ своемъ проступкѣ, и послѣ минутной перѣшности обѣщаетъ исполнить варварскій приказъ короля.

— Король, я убью графиню, но пусть не на меня падетъ вина ея смерти. Вы дадите за это отчетъ Богу. Даю вамъ, король, рыцарское слово,

что исполню, что сказалъ, и пусть считаютъ меня виновникомъ, если не убью графиню, хоть она не заслужила никакого зла. Король, если вы позволите, я отправлюсь сейчасъ же.»

Графъ уѣзжаетъ плача, плача горькими слезами. Плачетъ онъ о графинѣ, которую любитъ больше самого себя; плачетъ онъ о трехъ малюткахъ, которыхъ имѣлъ отъ ней. Одинъ еще у груди матери, и сама графиня кормитъ его, потому-что не захотѣлъ онъ груди трехъ кормилицъ, хочетъ груди матери. Другіе дѣти малыя, неразумныя.

«Блеть графъ, говорить самъ себѣ: Какъ взгляну я, графиня, на лицо твое, полное радости, когда выйдешь ты на встрѣчу мнѣ, передъ смертію? Виноватъ я и жалокъ, и вина вся моя.»

«Между-тѣмъ, какъ говорилъ она эти слова, графиня выходитъ на встрѣчу ему, ибо пажъ увѣдомилъ ее, что графъ ѣдетъ. Графиня видитъ графа, и видитъ, какъ онъ печаленъ, и какъ утомлены глаза его, хотя они опущены внизъ, и какъ они увлажнены слезами, которыя проливалъ онъ на дорогѣ, помышляя о сокровищѣ, котораго лишится.»

Графиня говоритъ графу: «Добро пожаловать, счастье моей жизни! Что съ тобой, графъ Аларкосъ? о чемъ ты плачешь, жизнь моя? Ты такъ переизмѣнился, что я не узнаю тебя... Ты на себя не похожъ. Подѣлись со мной своимъ горемъ, какъ дѣлишься ты радостями... Расскажи мнѣ скорѣе, графъ; не убивай меня своимъ молчаніемъ.»

— Скажу скоро, графиня, какъ наступитъ пора.

— Если не скажешь, графъ, я уиру.

— Не спрашивай, графиня, пора еще не пришла. Поужинаемъ поскорѣй; давай, что есть дома.

— Ужинъ готовъ, графъ, какъ обыкновенно.»

Графъ садится за столъ, подлѣ дѣтей, но не можетъ ѣсть. Онъ притво-

рывается дремлющимъ, и обильныя слезы изливаются изъ глазъ его.

Наконецъ, онъ встаетъ изъ-за стола и уходитъ съ графиней въ спальню. — Они оставили дѣтей, потому что графъ такъ хочетъ; но берутъ съ собою младшаго, того, котораго кормить грудью графиня.

Графъ заперъ дверь, чего прежде не дѣлалъ, и началъ говорить:—Бѣдняга графиня! Какъ велико твое несчастье!

— Я не несчастна, графъ; напротивъ, считаю себя счастливою, что я жена твоя. Это одно для меня великое счастье.

Аларность оказываетъ тогда женѣ, что было между нихъ и король, и какое кровавое порученіе дано ему.

Несчастливая графиня, опомнившись отъ изумленія, молить супруга оставить ей жизнь, отослать ее лучше къ отцу, гдѣ она будетъ хранить къ нему ту же вѣрность. Но графъ остается непоколебимымъ.

— Ты должна умереть, говоритъ онъ:—прежде, чѣмъ покажется день.

Видя тогда, что нѣтъ для нея болѣе надежды, бѣдная женщина покоряется своей участи и, по чувству вѣжливости, свойственному сердцу матери, проситъ позволить ей въ послѣдній разъ взглянуть на дѣтей.

— Не горюю о своей смерти, потому что надо же когда-нибудь умереть, но жаль мнѣ дѣтей, которымъ нужна моя подпора. Позволь мнѣ взглянуть на нихъ, графъ; пусть они простятся со мною.

— Ты ихъ не увидишь, графиня, не увидишь ни разу въ своей жизни... Молись Богу, судьба твоя должна совершиться!

— Позволь мнѣ, добрый графъ, прочитать молитву, которую я знаю.

— Читай скорѣй, графиня; скоро покажется день.

И она становится на колѣни и говорить слѣдующую рѣчь: Въ руки твои, Господи, предаю духъ мой. Не суди меня по грѣхамъ моимъ, какъ заслу-

живаю я, но по великой милости и безконечной благодати твоей!

Кончивъ молитву, она въ послѣдній разъ поручаетъ дѣтей своимъ графу и, въ материнской заботливости, проситъ позволенія еще разъ, передъ смертью, покормить грудью младшаго: Позволь мнѣ взять еще разъ этого ребенка; я дамъ ему груди на прощанье! Нографъ отказываетъ ей въ этомъ послѣднемъ утѣшеніи.

— Не буди его, графиня; пусть онъ спитъ! Прошу у тебя прощенія... Вотъ показывается день!

— Прощаю тебѣ, графъ, прощаю ради любви, которую питала къ тебѣ; но не прощаю королю, инфантъ, его дочери. Я зову ихъ на Божій судъ, на страшный судъ, отъ этого дня черезъ тридцать дней.

Когда она сказала эти слова, графъ приблизился къ ней, накинулъ ей на шею повязку, сжалъ ее обѣими руками изъ восторговъ силъ и жалъ до-глубины, пока графиня не перестала жить.

Народный поэтъ, въ видѣ нравоученія, прибавляетъ, что инфанта, король и графъ умерли черезъ тридцать дней, чтобъ отдать отвѣтъ за это преступленіе на Божьемъ судѣ.

Таковъ этотъ романъ о графинѣ Аларкось, о которомъ съ похвалою отзывались Сисмонди и г-жа Сталь, и который, безспорно, — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ сборникѣ Дамъ-Ивара. Лопе-де-Вега заимствовалъ изъ него сюжетъ для комедіи подъ заглавіемъ: *la Fuerza lastimosa* (Горькая Необходимость), — и, дѣйствительно, сюжетъ драматическій. Эта страшная сцена, совершающаяся среди ночи; этотъ безжалостный человекъ, своими руками задушающій любимую жену у колыбели, гдѣ спятъ ея дѣти, — все это составляетъ картину страшную, напоминающую знаменитую сцену Отелло и Деадемоны: одинакая кротость, одинакая покорность судьбѣ въ той и другой жертвѣ. Что можетъ быть трогательнѣе этой молодой женщины, которая передъ смертію проситъ у сво-

его убійцы только одной милости—позволенія увидать въ послѣдній разъ дѣтей? Ангельская кротость ея составляетъ поразительный контрастъ съ холодною и непоколебимою жестокостью мужа. Въ драмѣ Шекспира, убійство объясняется самою любовью Мавра; ревность—причина этого убійства и извиненіе его; и потому, не смотря на свое злодѣйство, Отелло возбуждаетъ къ себѣ сожалѣніе. Не таковъ Аларкостъ: онъ знаетъ что жена его невинна, и рѣшается убить ее въ утожденіе жестокому королю, чтобъ оправдаться въ вѣмѣніи его дочери, и тѣмъ удовлетворить требованія чести.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о романахъ рыцарскихъ (*romances caballerescos*). Эти романы названы такъ потому, что сюжетъ ихъ заимствованъ изъ рыцарскихъ романовъ, и что они прославляютъ баснословныхъ героевъ и баснословные подвиги. Они относятся большею-частью къ четырнадцатому столѣтію и, если глѣдѣть на нихъ съ литературной точки то они далеко-ниже другихъ романовъ. Это происходитъ отъ-того, что чувства народнаго, въ такой высокой степени господствующаго въ другихъ циклахъ романовъ, и дающаго имъ печать оригинальности, нѣтъ въ романахъ рыцарскихъ. Тамъ, поэтъ вдохновляется страстями всего народа; онъ — эхо его ненависти, его любви, его вѣрованій и предрасудковъ; здѣсь, онъ предоставленъ своимъ собственнымъ средствамъ, и нѣтъ у него другой музы, кромѣ собственного гевія его, еще необразованнаго и грубаго. Отсюда его слабость и низшее достоинство этихъ послѣднихъ романовъ сравнительно съ другими. Достоинство ихъ, какъ произведеній воображенія, весьма-посредственное; не думайте найти въ нихъ прекрасные вымыслы, которые создавалъ тогда гевій нѣкоторыхъ народовъ европейскихъ. Но если они не блестятъ ни богатствомъ вымысла, ни красотою или силою слога, за то заключаютъ въ себѣ множество характеристическихъ

подробностей о нравахъ и духѣ четырнадцатаго вѣка, и въ нихъ какъ-бы отражается Испанія этой отдаленной эпохи. Это-то особенно и даетъ имъ цѣну.

Впрочемъ, то же самое можно сказать и о всѣхъ другихъ циклахъ романовъ. Если можно до извѣстной степени сомнѣваться въ литературномъ достоинствѣ ихъ, то нельзя сомнѣваться въ достоинствѣ историческомъ: разсматриваемые съ этой точки зрѣнія, романы имѣютъ важность неоспоримую. Если вы хотите получить вѣрное понятіе объ Испаніи въ среднихъ вѣкахъ, не ройтесь въ исторіяхъ, въ хроникахъ: вы не найдете въ нихъ того, что ищете; читайте романы; — они живая исторія испанскаго народа во времена господства Аравитянъ; вы увидите въ нихъ этотъ народъ съ его страстями, нравами, обычаями, идеями, повѣрьями, предрасудками и ненавистью къ побѣдителямъ.

Но довольно; прибавимъ только нѣсколько словъ о переводѣ. Сборникъ романовъ, изданный г. Дамъ-Инаромъ, — самый полный изъ всѣхъ, изданныхъ до-сихъ-поръ не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Предъ каждымъ цикломъ романовъ переводчикъ помѣстилъ историческое введеніе, заключающее въ себѣ объясненія событій, которыя составляютъ сюжетъ романовъ, и біографическія подробности о лицахъ, которыя въ нихъ прославляются. Къ каждому циклу романовъ приложены, сверхъ-того, примѣчанія, содержація въ себѣ поправки ошибокъ, сдѣланныхъ народными поэтами, опредѣленія точнаго смысла сомнительныхъ или темныхъ выраженій и, наконецъ, объясненія нравовъ и обычаевъ народныхъ.

NAPOLEON ET MARIE LOUISE, *souvenirs historiques de M. le baron Meneval* (Наполеонъ и Марія-Луиза, историческія воспоминанія барона Меневаля).

Года два назадъ, вышли первые два тома историческихъ воспоминаній ба-

рона Меневаль о Наполеонѣ и Маріи-Луизѣ. Они содержали въ себѣ много фактовъ новыхъ, и видно было, что авторъ ихъ съ первой страницы до послѣдней былъ вѣренъ благородному своему девизу: «la vérité, rien que la vérité». Теперь вышелъ третій томъ. Баронъ Меневаль говоритъ, въ предисловіи: «сначала я хотѣлъ писать только объ императрицѣ Маріи-Луизѣ, и сообщить немногія подробности о Наполеонѣ. Теперь я рѣшился уклониться отъ этого первоначальнаго плана, во-первыхъ, для того, чтобъ сдѣлать рассказы свои удобопонятнѣе, во-вторыхъ, потому что все касающееся до Наполеона возбуждаетъ интересъ». Поэтому, въ третьемъ томѣ баронъ Меневаль исключительно говоритъ только о Наполеонѣ. Онъ не изображаетъ, впрочемъ, всей жизни Наполеона. Онъ говоритъ о немъ только то, что самъ зналъ лично, описываетъ только тѣ дѣла, которыхъ самъ онъ былъ орудіемъ страдательнымъ, но не слѣпымъ; надо сказать, что баронъ Меневаль былъ секретаремъ Наполеона. Третій томъ будетъ имѣть блестящую судьбу двухъ первыхъ. Онъ займетъ мѣсто во всѣхъ отборныхъ библіотекахъ подлѣ «Исторіи Консульства и Имперіи», Тьера, и «Исторіи Европейскихъ Кабинетовъ», Армана Лесевра.

Изъ множества анекдотовъ, рассказываемыхъ барономъ Меневалемъ, можемъ представить слѣдующій:

Въ-слѣдъ за амнистіею эмигрантовъ изданъ былъ законъ объ устройствѣ публичнаго обученія. Въ каждомъ округѣ аппелляціоннаго трибунала учреждены были лицеи. Эти училища управляемы были профессорами по назначенію правительства и содержались на-счетъ казны. Въ этихъ лицеяхъ опредѣлено было 6,400 казенно-коштныхъ мѣстъ; изъ нихъ 2,400 назначены были для дѣтей военныхкихъ и для дѣтей чиновниковъ, состоящихъ на службѣ государственной и муниципальной; остальные же 4,000 отаивались были съ конкурса воспи-

танныкамъ второстепенныхъ классовъ. Тѣмъ же закономъ учреждены были школы спеціальныя для изученія права, естественныхъ наукъ, физики, рисованья и пр., и школа военная.

Подъ покровительствомъ этого закона, воспитался въ Марсельскомъ Лицѣе человекъ, котораго рѣдкіе таланты и разнообразіе свѣдѣній возвели потѣмъ на высшія ступени литературы и политики. Г. Тьеръ происходитъ отъ негоціантовъ, ведущихъ торговлю съ Левантомъ. Въ дѣтствѣ, онъ былъ на рукахъ матери, двоюродной сестры Шеньѣ (Маріи-Жозефа) и бабушки; доведенныхъ до состоянія близкаго къ бѣдности. Эти двѣ дамы, принадлежавшія къ роялистскимъ фамиліямъ Южной-Франціи, питали ненависть къ первому консулу послѣ казни герцога англійскаго. Предубѣжденіе ихъ простиралось до того, что хотя, по недостаточности своихъ средствъ для воспитанія сына и внука, онъ не могли быть равнодушны къ благодѣянію новаго закона, но сначала отвергли предложеніе муниципальнаго марсельскаго начальства, которое хотѣло ходатайствовать объ опредѣленіи Тьера, подававаго большія надежды, на казенный коштъ въ Марсельскій-Лицей. Много усилій нужно было употребить друзьямъ, чтобъ уговорить ихъ воспользоваться благодѣтельною мѣрою правительства. Молодой Тьеръ внесенъ былъ въ списокъ представляемыхъ объ опредѣленіи на казенное содержаніе, и получилъ одну изъ тѣхъ стипендій, значеніе которыхъ первый консулъ предоставилъ самому-себѣ. Г. Тьеръ, рассказывая этотъ анекдотъ, прибавлялъ: «оказывая мнѣ эту милость Наполеонъ не предвидѣлъ, что онъ готовить себѣ будущаго историка».

HISTOIRE DE LA CONQUÊTE DE L'INDE PAR LES ANGLAIS, de M. Barchou de Penhoën (Исторія завоеванія Индии Англичанами, г. Баршю-де-Пангёна).

Завоеваніе Индіи начато было лордомъ Клейвомъ; онъ поставилъ английскую власть въ Индіи выше всѣхъ европейскихъ соперничествъ; онъ нанесть сильный ударъ воображенію туземцевъ, поразивъ бенгальскаго субагдара, Сураджу-Доулу. Уарренъ Гастингсъ расширилъ кругъ британской власти въ Индіи; европейскія державы, имѣвшія владѣнія въ Индіи, не могли уже надѣяться взять перевѣсъ надъ Англіей; но Англія, освободясь отъ европейскаго соперничества, видѣла передъ собой новыя затрудненія: она стала лицомъ-къ-лицу съ Индіей, часть которой была покорена, а другая, сильнѣйшая, сохраняла еще независимость. Какъ вести себя? Какой слѣдовать политикѣ относительно равныхъ государствъ, освободившихся недавно отъ верховной власти дѣйствительнаго императора? Рѣшено было держаться нейтралитета. Эта политика сообразна была съ желаніемъ компаніи, утомленной непрерывными военными издержками. Лордъ Корнуаллисъ посланъ былъ для приведенія въ дѣйствіе этой новой политики, совершенно противоположной дѣйствіямъ Клейва и Гастингса.

Новый генерал - губернаторъ былъ честный человѣкъ, но не разумѣлъ ни военнаго дѣла, ни администраціи. Управление его ознаменовано было большими ошибками. Равновѣсіе, которое думалъ онъ утвердить между туземными государствами, была мечта человѣка, незнавшаго Индіи и напитаннаго идеями, привезенными изъ Европы. Совершенная нейтральность среди неизбежныхъ войнъ между сосѣдними и соперничающими государствами, могла бы уничтожить вліяніе на нихъ Англіи и сдѣлаться гибельною для самыхъ английскихъ владѣній.

Англія нашла тогда человѣка, который былъ достойнымъ преемникомъ Клейва и Гастингса; то былъ лордъ Уэллесли. Его правленіе составляетъ самую блестящую часть Исторіи Завоеванія. Счастливая война съ Типпо-Самбомъ, раздѣленіе Мисорскаго Государства, взятіе Дели и Агры, экспеди-

ціи противъ Мараттовъ, пораженіе этого воинственнаго племени, дѣйствіи противъ Деккана, — вотъ главные черты этой чисто-военной эпохи. Уэллесли воевалъ, однакожь, не для войны; онъ имѣлъ цѣль политическую: онъ хотѣлъ, посредствомъ союзовъ и субсидій, поставить туземныхъ владѣтелей подъ непосредственное вліяніе Великобританіи. Дѣло его было почти кончено, какъ вдругъ онъ былъ отозванъ. Война съ Типпо-Самбомъ сначала сдѣлала имя его народнымъ въ Англіи; дѣйствіи противъ Мараттовъ казались, напротивъ, только убыточными и бесполезными замыслами честолюбиваго и расточительнаго генерала.

Общественное мнѣніе требовало мира такъ настойчиво, что въ Англіи нашли только одного человѣка, прежнія дѣйствія котораго достаточно ручались за мирное рѣшеніе дѣлъ въ Индіи. То былъ опять лордъ Корнуаллисъ. Старый и больной, онъ отправился въ Индію и успѣлъ передъ смертію приостановить успѣхи Англіи въ Индіи. Ошибочная и пагубная его система не пережила его. Лордъ Минто, прибывшій въ Индію въ 1807 году, призналъ необходимость возвратиться къ идеямъ Уэллесли и умѣлъ убѣдять компанію принять ихъ.

Жребій былъ брошенъ; Англія пошла по пути открытаго преобладанія. Преемникъ лорда Минто, маркизъ Гастингсъ, довершилъ утверженіе владычества Англичанъ въ Индіи. Когда онъ принялъ управленіе, въ 1813 году, состояніе дѣлъ было критическое и требовало мѣръ быстрыхъ и рѣшительныхъ; надлежало или настойчиво и въ обширномъ размѣрѣ продолжить начатое дѣло, или потерять благопріятный случай. Обезпечить преобладаніе Англіи, поставить подъ ея руку всѣ державы Индіи, таковъ былъ планъ Гастингса, и онъ счастливо исполнилъ его. Потрясенный лордомъ Уэллеслиемъ, союзъ Мараттовъ погибъ подъ его ударами. И дѣла въ Индіи приняли другое направленіе. Въ теченіе войнъ, наполнившихъ цѣлые полвѣка, вну-

твенная администрація составляла хаосъ. По окончаніи борьбы, наступило время внутреннихъ преобразованій. Уильямъ Бентвикъ, сдѣлавшійся генерал-губернаторомъ въ 1828 году, началъ уничтожать злоупотребленія и поставлать опредѣленные правила тамъ, гдѣ царствовали произволъ. Похвальные усилія дѣлаютъ честь его имени. Онъ обратилъ свои челоуѣколюбивые виды на правы туземцевъ и на древнее индусское общество. Уничтоженіе *шутти*, сожиганія вдовъ, есть одна изъ самыхъ смѣлыхъ его мѣръ.

Просто и ясно изложилъ г. Баршуде-Пангѣнъ ходъ завоеванія Индіи, разнообразилъ исторію эпизодами, объясняющими характеръ туземцевъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. Молодая и прекрасная одейпурская княжна, по имени Кисен-Кдверъ, представляетъ своею трогательною кончиною высокій примѣръ самоотверженія, свойственнаго индійскимъ женщинамъ, всегда готовымъ умереть для исполненія долга. Двое раджеи оспаривали ея руку, и это соперничество въ любви привело ихъ къ войнѣ. Послѣ продолжительной борьбы, враги помирились, и такъ-какъ они не могли уступить одинъ другому дѣвушки, за которую спорили, то согласились оба отказаться отъ нея, и взяли другихъ женъ. Но, лишась этихъ жениховъ, княжна не могла сдѣлаться женою кого-нибудь другаго: она этимъ оскорбила бы честь людей, спорившихъ о рукѣ ея; итакъ, она осуждена была на вѣчное дѣвство, которое оскорбляло гордость ея родныхъ. Въ Индіи считается пятномъ для семейства, если въ числѣ членовъ его находится незамужняя дѣвица. Въ слѣдствіе того, рѣшено было, что княжна должна умереть. Пожертвованіе ея жизни было необходимо для спокойствія ея невѣрныхъ любовниковъ и для чести ея семейства; новая Ифигенія, она не противилась этому приговору, она находила его естественнымъ, и готова была умереть съ тою высокою радостью, какую доставляетъ исполненіе великаго долга. Выбрали адъ орудіемъ

смерти. Родная сестра подала ей гибельный напитокъ. Она взяла роковую чашу, бросила послѣдній взглядъ на веселые сады дворца, гдѣ все дышало счастьемъ и жизнію. Подумавъ, можетъ-быть, тогда о своей молодости, о своей красотѣ, о счастіи, которое общано было ей судьбою и миновало ее, она не могла защититъ своего сердца отъ сожалѣній, и съ грустью сказала: «и такъ вотъ какой свадебный пиръ приготовила мнѣ судьба!» То была послѣдняя ея жалоба; она осушила чашу и умерла.

Скажемъ вообще объ исторіи г. Баршуде-Пангѣна, что она написана въ обширномъ размѣрѣ и представляетъ людей и вещи въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ собралъ въ ней одни факты, относящіеся къ распространенію владычества Англичанъ въ Индіи; идеи же общія объ этомъ владычествѣ, мнѣнія свои о системѣ администраціи Англичанъ въ Индостанѣ, изложилъ въ другомъ сочиненіи, которое издано недавно подъ заглавіемъ *L'Inde sous la domination anglaise*. (Индія подъ владычествомъ Англичанъ). Такъ-какъ въ нашемъ журналѣ довольно уже говорено объ этомъ предметѣ въ выѣшнемъ году, по поводу книги г. Уаррена «Индія въ 1843 г.», то мы и увольняемъ себя отъ сообщенія читателямъ ближайшихъ подробностей о второмъ сочиненіи г. Баршуде-Пангѣна.

TRANSYLVANIE ET SES HABITANS, par De-Gerando (Трансильванія и ея очитатели, г. Де-Жерандо).

Эта книга не есть только произведеніе туриста, но и произведеніе челоуѣка, долго жившаго въ странѣ, которую онъ описываетъ. Онъ ищетъ и время и средства наблюдать ее не поверхностно; онъ погружался въ ея мнущее, и, изучая выѣшние нравы и нынѣшнее положеніе, тщательно вслѣдовалъ событія историческія, которыхъ театромъ была эта страна. Итакъ, сочиненіе его содержитъ въ себѣ двѣ части совершенно-различныя; историческую и описательную. Трудно слѣ-

довать за авторомъ въ его историческихъ изслѣдованіяхъ; фактовъ такое обиліе, что нѣтъ возможности представить ихъ въ краткомъ очеркѣ. Видно, что онъ перечиталъ много книгъ и пергаментовъ, что близко видѣлъ онъ мѣста, исторію которыхъ рассказываетъ. Римляне, Турки, Германцы, поочередно перебивали въ этой странѣ, и повсюду оставили неизгладимые слѣды своего въ ней пребыванія. Эти слѣды напечатлѣны на памятникахъ, на развалинахъ всякаго рода; они видны также въ нравахъ, въ обычаяхъ, въ суевѣріяхъ народныхъ.

Рассказывая историческіе факты, г. Де-Жерандо не пропускаетъ народныхъ преданій, иногда изображающихъ лучше фактовъ физиономію историческихъ лицъ. Наибольшая часть преданій относится къ Матвѣю Корвину, память котораго сохранилась въ Трансильваніи, какъ память Генриха IV во Франціи. Въ нихъ представляются его храбрость, справедливость, доброты. Вотъ одно изъ этихъ преданій.

Разъ, король Матвѣй замѣтилъ на рынкѣ честнаго мужика, который, побуждаемый нуждою, привелъ двухъ быковъ на продажу. Рядомъ съ нимъ, богатый купецъ, пользовавшійся незавидной славой, выставилъ на продажу шесть быковъ. Король Матвѣй, знавшій ихъ обоихъ, не желая употребить власти, старался кроткими словами уговорить богатаго купца отдать двухъ быковъ бѣдному его сосѣду. Онъ бѣденъ и обремененъ большой семьей; если ты отдашь ему двухъ быковъ, у тебя останется еще четыре, не считая тѣхъ, которые стоятъ у тебя дома. Купецъ, незнавшій короля, грубо отвѣчалъ, что онъ вовсе не намеренъ дарить нищему своихъ быковъ, и король увидѣлъ, что надо придумать что-нибудь другое для поправленія состоянія бѣднаго человѣка.

Онъ подошелъ къ нему и посоветовалъ какъ-можно-скорѣй продать быковъ, на вырученныя деньги накупить собакъ, сколько доставитъ, отправить-ся въ Буду и прожизиваться съ соба-

ками передъ королевскимъ замкомъ. Крестьянинъ въ точности исполнилъ совѣтъ. Король, возвращаясь съ охоты въ замокъ, встрѣтилъ мужика съ собаками, и самъ купилъ и придворныхъ пригласилъ купить этихъ собакъ за большую цѣну, такъ-что мужикъ отправился домой съ значительной суммой. Богатый купецъ, узнавъ объ этомъ, продалъ всѣхъ своихъ быковъ, накупилъ цѣлую армію собакъ, и расположился съ ними передъ замкомъ. Но король запретилъ придворнымъ покупать ихъ, и, какъ говоритъ преданіе, купецъ воротился домой *бѣденъ, какъ палецъ*.

Заклучимъ этотъ обзоръ книгами, относящимися къ естественной исторіи и къ писателю, такъ далеко подвинувшему эту отрасль знаній, Кювье.

XVIII вѣкъ, безспорно, былъ вѣкъ великій. Произвела этихъ страшныхъ людей, которые подвергли строгому, неумолимому суду всѣ вѣрованія, утвердившіяся въ предшествовавшіе вѣка, приготовивъ и окончивъ эту грозную революцію, которая, начиная съ Франціи, пошла по цѣлому свѣту, разрушивъ все, что принадлежало мнущему, онъ въ концѣ своемъ какъ-бы собираетъ всѣ свои силы, чтобы приготовить будущее, чтобы оставить слѣдующему вѣку труженниковъ, способныхъ воздвигнуть по новому плану то, что онъ разрушилъ. Замѣчательно, что эти люди выходятъ на свѣтъ съ самыми незначительными промежутками одинъ отъ другаго. Судите по одному слѣдующему примѣру: въ 1769 году, родились на трехъ крайнихъ пунктахъ Франціи — Шатобрианъ, Кювье, Наполеонъ.

Въ Кювье-ребенкѣ уже все возвѣщаетъ будущаго замѣчательно человѣка; уже можно предугадывать въ немъ великаго натуралиста. Четырехъ лѣтъ, онъ умѣетъ читать, а тринадцати лѣтъ, перечиталъ уже Бюффона, скопировалъ всѣ рисунки его, и составилъ изъ своихъ школьныхъ товарищей обще-

ство натуралистов, котораго онъ председатель; четырнадцать лѣтъ, онъ окончилъ свои классическія занятія, знаетъ сверхъ-того алгебру, геометрію, съемку плановъ. Тогда онъ покидаетъ родной свой городъ, въ которомъ ему уже нечему учиться, и вступаетъ воспитанникомъ въ Штутгардскую Академію, на мѣсто Шиллера.

Тамъ кругъ учебныхъ его занятій расширяется. Окончивъ курсъ по философскому факультету, онъ готовится къ службѣ по вѣдомству министерства финансовъ. Въ числѣ курсовъ, которые долженъ былъ слушать молодой Кювѣ, готовясь къ службѣ, нѣкоторые согласовались съ его склонностью къ естественной исторіи, но этого было слишкомъ-мало для него. По старанію его, въ штутгардской академіи образуется общество, подобное тому, какое образовалъ онъ въ монбельярской школѣ. Въ числѣ студентовъ, входившихъ въ составъ общества, находились фон-Биберштейнъ, Ауценригъ, Фафъ, Егеръ, Гартманнъ, которые всѣ оставили имена славныя въ наукѣ, а нѣкоторые достигли высшихъ политическихъ званій на своей родинѣ.

Между-тѣмъ, Кювѣ минуло восемнадцать лѣтъ, академическія занятія его кончились. Ему предложено скромное мѣсто учителя; онъ принимаетъ его, и переселится на берега Нормандіи, въ замокъ Фикенвилъ. Тутъ начинается для него новая эра. Конечно, до этого времени, онъ не ограничивался только тѣмъ, что слышалъ отъ профессоровъ; конечно, онъ и самъ уже дѣлалъ наблюденія; переписка съ штутгартскими друзьями и дневники его (Diaria), изъ которыхъ нѣкоторые уцѣлѣли до настоящаго времени, не оставляютъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія; но, въ Фикенвилѣ, онъ въ первый разъ видитъ передъ собой міръ морскихъ растений и животныхъ. Онъ видитъ, что до него наука, какъ-бы робѣя, отступала передъ этимъ невѣдомымъ міромъ. Передъ нимъ открылось поприще обширное. До этого времени, ботаника и энтомологія, кажется, были его

любимыми занятіями; теперь это занятіе уступаетъ мѣсто другому — міръ морской-привлекаетъ его; и, не пугаясь-огромности труда, онъ принимается за него, и скоро возникаютъ у него сѣмена почти всѣхъ тѣхъ идей, для развитія которыхъ недостаточно было всей его жизни.

Двадцатилѣтній, безвѣстный учитель, сочиненія котораго читались только нѣсколькими друзьями, съ шумительною твердостью и вѣрностью взгляда судилъ уже о знаменитѣйшихъ своихъ предшественникахъ и состояннн науки вообще. Онъ указывалъ на ошибки въ частности и въ общности; но, указывая недостатки, показывалъ въ то же время и средства исправить ихъ и уже высказывалъ нѣкоторые изъ тѣхъ великихъ началъ, которыя въ-послѣдствіи развилъ онъ. Вотъ, что писалъ онъ къ другу своему, Гартману.

«По смерти Линнея, естественная исторія не имѣетъ болѣе законодателя. Каждый слѣдуетъ своей прихоти, и если эта анархія продлится еще нѣсколько времени, наука станетъ лабиринтомъ, изъ котораго нельзя будетъ выйти. Притомъ, самъ Линней надѣлалъ много ошибокъ... Вы не можете вообразить, какіе забавные промахи находятся у него въ статьяхъ о ракообразныхъ животныхъ... Фабриціусъ еще болѣе увеличилъ эту сбивчивость!...

Какъ видите, Кювѣ уже довольно смѣло говорить о Линней и Фабриціусѣ. Поспѣшимъ, однакожъ, замѣтить, что открытіе ошибки никогда не уменьшало въ немъ уваженія, которое питалъ онъ къ этимъ великимъ людямъ. Онъ не старался унижить тѣхъ, которые дали ему точку опоры, необходимую, чтобъ возвыситься. Онъ звалъ, что не можетъ ошибаться только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, и что на трудныхъ путяхъ науки самый искусный можетъ иногда заблудиться. Потому, во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, онъ отдавалъ полную справедливость Линнею, и когда скипетръ зоологіи окончательно перешелъ въ его руки, всегда

глубоким уваженіемъ отзывался о безсмертномъ своемъ предшественникѣ.

Между-тѣмъ, труды Кювье начинали становиться известными и въ Парижѣ. Число тамошнихъ ученыхъ были же у него друзья надежные и усердые. Въ достопамятную эпоху революціи Французской, все было велико: реступленія, пороки и добродѣтели. Никто изъ тѣхъ людей, которые занимались въ то время естественной исторіей, не подумалъ, что, призывая Кювье въ Парижъ, онъ готовитъ себѣ страшнаго соперника. — Приѣзжайте — писалъ къ нему Жофруа-Сент-Илеръ, который, хотя былъ моложе его двумя годами, но уже былъ профессоромъ въ Jardin des Plantes: приѣзжайте играть въ нашъ кругъ роль новаго Линнея! По этому зову чловѣка столь же благороднаго, какъ и умнаго, Кювье приѣхалъ въ Парижъ, нѣтъ не болѣе двадцати-шести лѣтъ отъ рода. Друзья не измѣнили ему. Съ самаго начала назначенный членомъ комиссіи искусствъ и профессоромъ въ центральныхъ школахъ, онъ въ томъ же году получилъ кафедру сравнительной анатоміи.

Мы не будемъ простирать далѣе этихъ біографическихъ подробностей. Мы позволили себѣ поговорить только о первыхъ шагахъ Кювье на его великомъ поприщѣ, которые мало известны; за тѣмъ уже всѣ знаютъ, чѣмъ былъ онъ въ послѣдствіи.

Онъ умеръ въ 1832 году; въ честь его Франція воздвигла памятники, но еще большую честь воздаютъ Кювье ученики его. Г. Флуранъ, непрѣмный секретарь Парижской Академіи Наукъ, ученикъ Кювье, издалъ

ANALYSE RAISONNÉE DES TRAVAUX DE GEORGES CUVIER, par M. Flourens.

Труды Кювье несмотря на свое единство, такъ разнообразны, что невозможно дать о нихъ полнаго понятія въ простомъ анализѣ. Потому, мы можемъ представить только краткую перечень предметовъ, содержащихся въ книгѣ Т. XII. — Отд. VII.

г. Флурана. Займемся сначала трудами Кювье, относящимися къ собственно-такъ-называемой зоологіи. Линней, къ которому неизбежно приходится изыскатель, ищущій источника всѣхъ великихъ идей въ естественной исторіи, раздѣлялъ животныхъ на шесть классовъ: четвероногихъ, птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, насекомыхъ и червей. Последний классъ составленъ былъ изъ всѣхъ существъ, которые не могли найти себѣ мѣста въ первыхъ пяти. Кювье разобралъ этотъ хаосъ и показалъ, что онъ содержитъ такіе же рѣзко одинъ отъ другаго отличающіеся классы, какъ и тѣ, которые самъ Линней опредѣлялъ среди высшихъ животныхъ. Расчистивъ такимъ-образомъ почву, Кювье предпринялъ классификацію царства животнаго, приѣнявъ къ нему великія начала подчиненности отличительныхъ чертъ одна другой. — начала, которые Лоранъ де-Жюссье уже ввелъ съ усѣхомъ въ классификацію растений. Раздѣленіе, утвержденное Кювье, по смерти его не подверглось никакой важной перемѣнѣ; измѣнились слова, но вещи остались и останутся, ибо онѣ основаны на началахъ, вѣрность которыхъ подтверждена всѣми примѣненіями.

Благодаря Ласепеду, Жофруа-Сент-Илеру, Латрелю, Бленвилю, Дюмерилю и германскимъ и англійскимъ зоологамъ, разные классы царства животнаго были такъ изучены, что главные подраздѣленія утверждены были на прочныхъ основаніяхъ. Одинъ классъ рыбъ оставался въ пренебреженіи. Ронделэ, Белонъ и Сальвиенъ были основателями ихтиологіи въ шестнадцатомъ столѣтіи, Ласепедъ описалъ около тысячи четырехъ сотъ видовъ рыбъ. Кювье не побоялся приняться за этотъ огромный классъ животныхъ; онъ предпринялъ описать ихъ всѣхъ. Смерть воспрепятствовала ему окончить этотъ трудъ, и послѣдніи минуты его отравлены были сожалѣніемъ о томъ.

Здѣсь нельзя не изъявить сожалѣ-

нія, что политика отвяла у Кювье много драгоценнаго времени, которое онъ могъ бы употребить на окончаніе этого труда; во Франціи много искусныхъ администраторовъ и юриконсультовъ; но кто возвратитъ свѣту всѣ открытія Кювье, всѣ идеи его? Сочиненіе окончено было въ головѣ его и погребло вѣстѣ съ нимъ.

Сравнительная анатомія одолжена Кювье еще болѣе зоологіи. Онъ доказалъ, что тѣсная связь соединяетъ эти двѣ науки, и что дѣйствительное сходство существъ открывается столько же посредствомъ изслѣдованія ихъ внутренней организаціи, сколько посредствомъ наблюденія ихъ внѣшнихъ отличительныхъ чертъ. Онъ думалъ также, что у сравнительной анатоміи должна заимствовать физиологія свои важнѣйшія и самыя неоспоримыя истины. Вы хотите знать употребленіе извѣстнаго органа: прослѣдите его сквозь рядъ существъ, посмотрите, какъ онъ усложняется или упрощается; размножается или исчезаетъ; разберите сравнительно, какія есть отправленія у животныхъ, лишенныхъ этого органа, и вы приобретете понятія повѣрнѣе тѣхъ, которыя доставляются вамъ прямыми анатомическими опытами. Поэтому, парижскій музей считаетъ въ числѣ важнѣйшихъ своихъ каедръ каедру сравнительной физиологіи, которую занимаетъ теперь г. Флуранъ.

Во всѣхъ исчисленныхъ нами трудахъ, Кювье имѣлъ предшественниковъ, которые если не проложили ему дороги, то по-крайней-мѣрѣ обозначили мѣстность. Но можно сказать, что онъ первый началъ, съ помощію усерднаго сотрудника, г. Лорильяра, изученіе допотопныхъ животныхъ, останки которыхъ сохранились въ землѣ. Тутъ ему надлежало создать новую науку. Вывести изъ вѣсколькихъ кусковъ костей строеніе скелета и даже полную организацію животнаго, сравнить его съ видами живыми и ископаемыми, опредѣлить его мѣсто въ зоологическомъ порядкѣ, воссоздать мыслію эти странныя формы, этихъ исполинскихъ

животныхъ, которыя изумляютъ и смущаютъ воображеніе, воскресить исчезнувшія фауны, опредѣлить состояніе земнаго шара, когда существовали эти фауны, показать связь между зоологіей и геологіей, наконецъ объяснить катастрофу, въ-слѣдствіе которой ископаемыя животныя исчезли съ лица земли,—вотъ великія и трудныя проблемы, которыя задалъ себѣ Кювье, и которыя онъ отчасти рѣшилъ въ безсмертномъ произведеніи своемъ объ ископаемыхъ костяхъ.

Вотъ перечень трудовъ, которые г. Флуранъ анализируетъ съ той же ясностью, съ тѣмъ же знаніемъ дѣла, съ тѣмъ же широкимъ взглядомъ на науку, которые обнаружилъ онъ въ анализѣ трудовъ Бюффона, изданномъ въ прошломъ году.

Другіе ученіи Кювье издали *Le Règne animal distribué d'après son organisation, par G. Cuvier, nouvelle édition illustrée par une réunion d'élèves de Cuvier.*

Если терпѣніе не составляетъ гениа, какъ утверждалъ Бюффонъ, то оно есть одно изъ составныхъ его частей, и никто не обладалъ этимъ качествомъ въ высшей степени, какъ Кювье. Съ 1798 года, когда онъ былъ еще только профессоромъ въ центральныхъ школахъ, Кювье началъ издавать свои элементарныя руководства, назначенныя для его учениковъ. Въ-теченіе пятнадцати лѣтъ, Кювье передѣлывалъ этотъ трудъ, поправлялъ ошибки, неизбѣжныя при такомъ трудѣ, пользовался и своими собственными наблюденіями и наблюденіями современниковъ; въ 1817 году, вышло первое изданіе его *Животнаго Царства*.

Это произведеніе представляло огромный шагъ впередъ науки; оно открывало пути совершенно-новые. Поэтому, оно и принято было съ восторгомъ всѣмъ ученымъ міромъ. Переведенное почти немедленно на всѣ главные европейскіе языки, оно по всей землѣ распространило имя Кювье и начала, которыя онъ провозглашалъ. Эти начала приняты были почти всѣми

и вездѣ, но, не обольщаясь этимъ успѣхомъ, Кювье продолжалъ свою работу, и, спустя двѣнадцать лѣтъ, вышло новое изданіе, заключающее въ себѣ всѣ новые успѣхи, сдѣланные наукою, и съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ воздающее каждому свою долю похвалъ или славы. Кювье лучше всякаго другаго зналъ, что наука не останавливается, и что самый смиренный труженникъ можетъ приносить свою лепту для этого величественнаго зданія, которое, при общихъ усиліяхъ, возвышается безпрерывно, но вѣнца которому, можетъ-быть, не положить ни одинъ вѣкъ.

Оба изданія Животнаго Царства были безъ рисунковъ. Но въ наукахъ естественныхъ рисунки — вещь необходимая. Особенно въ зоологіи они имѣютъ такую же важность, какъ точный текстъ въ какой-нибудь исторической книгѣ. Нѣсколько умныхъ людей вздумали пополнить этотъ недостатокъ, и выпустить въ свѣтъ новое изданіе, въ которомъ бы каждое слово Кювье объяснялось вѣрными рисунками.

Предпріятіе было обширное. Такъ какъ классификація Кювье вполнѣ основывается на организаціи существъ, то нельзя было ограничиться изображеніемъ только портретовъ животныхъ. Нужно было представить всѣ, органическія измѣненія, на основаніи которыхъ животныя раздѣлены на классы, виды, подвиды, семейства и проч. Для этого необходимы были работы многочисленныя. Сверхъ-того, въ этой галлерей каждый подвигъ долженъ былъ имѣть по-крайней-мѣрѣ одного представителя. Отъ-того число рисунковъ становилось огромнымъ и можно было опасаться, что ни одинъ издатель не рѣшится употребить свой капиталъ на такую книгу, которая не обѣщала большаго сбыта. Къ-счастью, такой издатель нашелся.

Чтобъ успѣшно привести къ концу столь-обширное предпріятіе, сотрудники раздѣлили между собой работу: гг. Мильн-Эдвардъ и Руленъ взяли на се-

бя млекопитающихъ; г. д'Орбиньи — птицъ; г. Дювернуа — пресмыкающихся; г. Валансьенъ — рыбъ, г. Дегэ (Deshayes) — моллюсковъ. Насѣкомыя, начатыя гг. Одуэномъ и Дуайеромъ, продолжаемы были, по смерти перваго изъ этихъ натуралистовъ, г. Бланшаромъ. Г. Дюжé долженъ былъ заняться наукообразными животными, но смерть поразила его среди работы, и г. Мильн-Эдвардъ оканчиваетъ эту часть изданія; онъ же взялъ на себя анемидовъ (кольчатые черви) и животнорастенія.

Въ этомъ изданіи, текстъ Кювье, ни въ чемъ неизмѣненный, раздѣленъ на двѣсти пятьдесятъ ливрезоновъ, изъ которыхъ двѣсти-девятъ уже вышли. Къ каждому ливрезону приложено сверхъ-того по четыре таблицы съ рисунками и съ объяснительнымъ текстомъ, написаннымъ упомянутыми натуралистами. Тутъ оригинальная часть изданія, ибо почти всѣ рисунки новые и представляютъ виды животныхъ или подробности организаціи, которыя еще никогда не были изображаемы по-крайней-мѣрѣ съ такою точностью. Число фигуръ, заключающихся на каждой таблицѣ, среднимъ числомъ отъ семи до восьми. Такимъ-образомъ, когда изданіе будетъ кончено, оно представитъ болѣе шести тысячъ рисунковъ, исполненныхъ съ такимъ совершенствомъ, какого только можно ожидать отъ лучшихъ французскихъ рисовальщиковъ, гравёровъ и колористовъ.

Такимъ-образомъ, это изданіе будетъ лучшимъ памятникомъ, какой только могли ученики воздвигнуть въ честь своего учителя.

Великіе люди имѣютъ свойство увлекать въ свою орбиту всѣ умы, которые входятъ въ ихъ сферу притяженія. У Кювье былъ братъ, Фредерикъ; пріѣхавъ въ Парижъ и дыша атмосферою, которая окружала Жоржа Кювье, онъ сдѣлался натуралистомъ. Чтобъ довершить честь, возданную знаменитому наставнику своему, г. Флуранъ вздумалъ написать также и исторію дароватаго человѣка, употре-

бывшаго свой умъ на службу генію, которому онъ удивлялся и котораго любилъ. Получивъ порученіе составить каталогъ Музея Сравнительной Анатоміи, Фредерикъ Кювьё написалъ первую свою записку о породахъ домашнихъ собакъ. Онъ показалъ органы, число которыхъ можетъ измѣняться, и органы, число которыхъ остается неизмѣннымъ при безконечнымъ измѣненіяхъ въ величинѣ и формѣ, производимыхъ смѣшеніемъ породъ.

Состоя при звѣриницѣ Музея, онъ занялся изученіемъ инстинкта, смысленности и нравовъ находившихся тамъ животныхъ. Въмѣсто теоріи, болѣе или менѣе остроумныхъ, но всегда предположительныхъ, онъ собралъ факты. Онъ показалъ, что въ грызунахъ смысленность наименѣе развита; въ животныхъ, отыгравшихъ жвачку, она еще тупа; постепенно возрастаетъ она въ толстокожихъ животныхъ, во главѣ которыхъ должно поставить лошадей и слона; въ плотоядныхъ, пред-

ставительницей которыхъ можно взять собаку, и въ четверорукихъ, среди которыхъ оранг-утангъ и оранг-шимансъ представляютъ высшую степень смысленности, какой могутъ достигнуть животныя. Фредерикъ Кювьё сдѣлалъ вообще очень много наблюдений, расширившихъ познанія объ инстинктѣ и смысленности животныхъ. Г. Флуранъ представилъ самыя любопытныя изъ этихъ наблюдений въ книгѣ:

DE L'INSTINCT ET L'INTELLIGENCE DES ANIMAUX, résumé des observations de Frederic Cuvier, par M. Flourens.

Этотъ анализъ, естественнымъ образомъ, приводитъ г. Флурана къ разбору мнѣній Аристотеля, Монтаня, Лейбница, Бонве, Реймара, Декарта, Гельвеція, Жоржа Леруа и Кондильяка объ умственныхъ способностяхъ животныхъ. Сравнительный разборъ бросаетъ новый свѣтъ на этотъ любопытный вопросъ и обращаетъ на него вниманіе философовъ и натуралистовъ.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

DIE SÜDSÜDVLKER UND DAS CHRISTENTUM. Eine ethnographische Untersuchung von Karl Meinicke (Народы Южнаго-Моря и Христіанство, этнографическое изслѣдованіе Карла Мейнике). Пренцлау. 1844.

При успѣхахъ, которыхъ достигла въ настоящее время географія, сочиненія, подобныя книгѣ г-на Мейнике, имѣютъ великую важность. Пренція изданія его: «Lehrbuch der Geographie für die oberen Klassen höherer Lehranstalten» и «Das Festland Australien», доказали уже, какъ много и тщательно занимался онъ своимъ предметомъ; настоящій трудъ облачаетъ въ немъ не только ученаго географа, но имѣетъ съ тѣмъ и историческаго изслѣдователя. Все, что сообщали отдѣльные сочиненія, журналы и разсказы путешественниковъ, было имъ пересмотрѣно, разработано критически; результаты изслѣдованій его изложены полно и отчетливо въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали въ началѣ статьи. При этнографическихъ разысканіяхъ, автора сильно занималъ вопросъ: какое вліяніе на островитянъ Южнаго-Моря произвело введеніе христіанства? Это, естественно, повело его къ исторіи миссій, которую невозможно отдѣлать отъ исторіи острововъ Южнаго-Моря. Въ наше время, никто уже не сомнѣвается въ огромномъ значеніи миссій; если онѣ до-сихъ-поръ еще и не достигли такого состоянія, въ какомъ бы должны находиться, тѣмъ не менѣе онѣ преобразовали все бытіе нехри-

Т. XII. — Отд. VII.

стіанскихъ народовъ, и отъ-того имѣли вліяніе на состояніе бѣльшей части обитаемой земли, ибо совершили одинъ изъ самыхъ многообъемлющихъ и колоссальныхъ переворотовъ, встрѣчаемыхъ въ исторіи человѣчества. Онѣ-то составляютъ и переселеніе народовъ и крестовые походы новѣйшаго времени; онѣ повели къ основанію самыхъ полезныхъ и благодѣтельныхъ колоній, какія когда-либо Европейцы заводили въ Европы. Не руководствуясь различными мнѣніями партій, въ какой степени полезны или вредны дѣйствія миссій, г. Мейнике старался придать изслѣдованію своему характеръ чисто-ученый; онъ представляетъ сводъ фактовъ и даже во второй части труда своего (первая посвящена изслѣдованіямъ исторіи, нравовъ, языка, образа жизни и постановленій южныхъ островитянъ), гдѣ изложены успѣхи миссій, онъ просто и ясно рассказываетъ, какъ совершались событія, не вдаваясь въ умствованія о томъ, какъ бы должны были эти событія совершаться.

Настоящее открытіе острововъ Южнаго-Моря начинается со времени знаменитаго путешественія Кука въ 1769 г., потому-что прежнія извѣстія о нихъ имѣютъ одно только историческое значеніе. Этотъ славный мореплаватель, въ-продолженіи трехъ путешествій своихъ, изслѣдовалъ всѣ замѣчательныя группы острововъ (Острова-Общества, Новую-Зеландію, Тонга, Маркисы, Гаваи, Самоа и Вити); извѣстія его, изложенныя просто и безъис-

куственно въ „J. Coocs-Voyage towards the southpole and round the world“, не смотря на всю важность свою, далеко не имѣли такого значенія для науки, какъ сочиненія товарища его во второмъ путешествіи, Нѣмца Рейнгальда Форстера, въ его „Reise um die Welt“ и еще болѣе въ его „Bemerkungen über Gegenstände der Naturbeschreibung“, собранныхъ имъ во время его путешествій. Сочиненія Форстера пришли въ забвеніе, а между тѣмъ замѣтки его полны иногда дѣльных, иногда смѣлыхъ выводовъ, которые только чрезъ его посредство перешли въ науку; онъ первый создалъ мечтательную теорію о блаженномъ состояніи природы, въ которомъ находились островитяне Южнаго-Моря, и, какъ одинъ изъ первыхъ и умныхъ очевидцевъ, сдѣлался авторитетомъ для своего времени; чтобъ отдать ему справедливость, необходимо принять въ соображеніе вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ, и вліяніе этого вѣка на его мнѣнія; нельзя также опустить изъ вида, что онъ изучалъ болѣе всего Таитянъ, въ которыхъ, преимущественно передъ другими островитянами, проявляется все, что составляетъ отличительныя свойства первобытныхъ людей. Къ подобнымъ-то людямъ явился человекъ, одаренный пламенной душой и побужденіями истинно-благородными, — человекъ, которому опротивѣли развратъ и пороки, политическое и социальное униженіе образованной Европы. Тогда всѣ люди, выходившіе изъ раиъ посредственности, искали спасенія отъ нравственнаго упадка, проникнувшаго въ круги жизни, въ какомъ-то первобытномъ, фантастически-украшенномъ состояніи человечества. Нѣтъ ничего удивительнаго, что спокойный и тихій народъ, жившій въ самой плодотворной странѣ и пользовавшійся самымъ благоприятнымъ климатомъ, показался ему, въ сравненіи съ народами Европы, райски-невиннымъ, надѣленнымъ самою счастливою участію. Не смотря на то, что изображенія Форстеры противорѣчили здравому смы-

слу, они увлекли за собою только послѣдователей и около пятидесяти лѣтъ оставались непркосновенными. Ванкуверъ (Voyage of discovery in to the northpacific ocean), тщательно изучившій группу Гаваи, былъ только холодный, суровый морякъ и не могъ составить авторитета; также мало имѣли вліянія капитанъ Блей (Bligh) и Уильсона о Таити, а Лангсдорфъ (Bemerkungen auf einer Reise um die Welt), спутникъ Крузенштерна, въ изображеніи Нукагивннъ, близко пошелъ къ описаніямъ Форстера; послѣдующіе плаватели описывали ихъ, сдѣлавъ Форстеру; между прочими, спутникъ Коцебу, Шамиссо, оставилъ поэтическое изображеніе острововъ, такую-то географическую идиллію.

Съ распространеніемъ христіанства, которое начало уже водворяться въ концѣ прошедшаго вѣка, но только съ 1815 года распространилось по островамъ Южнаго-Моря, проявились туманныя идеи объ этихъ счастливыхъ народахъ, такъ фантастически-украшенныхъ воображеніемъ Европейцевъ. Великое дѣло миссіонеровъ — обращеніе язычниковъ въ христіанство, важно было и для науки: съ удивленіемъ увидѣли народы Европы, что дикая, являвшаяся воображенію ихъ счастливый, кроткими дѣтьми природы, въ извѣстіяхъ миссіонеровъ явилась варварами, стоящими на самой низкой ступени нравственнаго и духовнаго униженія.

Кто правъ болѣе — первые ли мореплаватели, или миссіонеры, столь различно изображившіе островитянъ, — лучше всего покажетъ краткій очеркъ сочиненія г. Мейнике, представляющаго въ первой части изслѣдованія религіи государства и языка ихъ. Прежде всего взглянемъ на религію.

Въ религіи южныхъ островитянъ болѣе всего поражаетъ безчисленное множество боговъ, различныхъ не только въ островныхъ группахъ, но даже въ отдѣльныхъ островахъ, близкихъ одинъ отъ другаго; сверхъ-того, нигдѣ не встрѣчается классификаціи

ить, по которой бы можно было приписать богамъ какую-нибудь особенную отрасль дѣятельности: у нихъ нѣтъ бога войны, охоты, любви и т. п. Авторъ нашъ причину такой неопредѣленности полагаетъ въ основномъ началѣ духовной жизни этихъ народовъ, которые на начальниковъ своихъ или знатныхъ смотрятъ, какъ на существа, одаренныя высшею организаціею; мысль эта такъ сильно вкоренилась въ народѣ, что знатные, умирая, попадали прямо въ число боговъ; между-тѣмъ, какъ самые знатные, т. е. короли, при жизни уже почитались богами, такое нѣчто исчезло уже въ слѣдствіе вліянія Европейцевъ. Отсюда ясно, какъ много являлось боговъ, какъ незначительны были они для настоящаго религіознаго чувства, какъ должны были забываться они со-временемъ, будучи вытѣсняемы новыми богами; впрочемъ, все боги обозначались словомъ *атуа*; только на Таити, умершіе, возведенныя на степень боговъ, имѣли названіе *тии*.

Изъ этого нельзя еще заключить, что островитяне, кромѣ обоготворяемыхъ мертвецовъ, не знали иныхъ боговъ; сохранились историческія доказательства существованія боговъ первобытныхъ, но они остались только въ памяти людей или слились въ одно съ божествами семейными. На нѣкоторыхъ островахъ и теперь боги дѣлятся на нѣсколько классовъ; но такъ-какъ, во время вѣроятностей, до прибытія Европейцевъ, связь между островами была тѣснѣе, то видны слѣды боговъ, общаго имъ всемъ; изъ таковыхъ главный былъ *Таароа* или *Теллалоа*, смотря по тому, какъ произносить это имя въ разныхъ мѣстахъ; на Таити онъ почитался первымъ и верховнымъ божествомъ, создавшимъ прочихъ боговъ, ирѣ и людей; на Островахъ-Общества *Тангъ* считался главнымъ богомъ, отцомъ всѣхъ прочихъ: огненнымъ метеоромъ называлась хвостомъ этого бога, который, перелетая изъ святилища въ святилище, разсыпалъ искры на свѣдѣніи Деревья; можетъ-быть,

съ нимъ однозначащъ богъ *Танева*, которому поклонялись въ Новой-Зеландіи. *Кайхи*, богъ войны на островахъ Гаваи, почитается многими за одного только родоначальника короля *Комеама*. Наконецъ, на Гаваи самый невѣстный богъ есть *Лово*; когда Нукъ открылъ Сандвичевы-Острова, его приняли за этого бога и воздали ему божескія почести; рассказываютъ, что Лово былъ въ древнія времена король, убившій жену, потомъ съ отчаянія пустившійся одинъ въ открытое море и никогда уже невозрацавшійся. Подобные боги существовали и на другихъ островахъ.

Впрочемъ, все эти боги не пользовались особеннымъ почетомъ. Таароа едва удостоивался поклоненія, и воспоминаніе о немъ сохранилось въ однихъ мифологическихъ преданіяхъ. Ни одинъ богъ не былъ такъ уважаемъ на Таити, какъ богъ *Оро*, которому поклонялись, кромѣ Острововъ-Общества, жители группъ Гервея и Австраліи; его считаютъ сыномъ Таароа и первымъ богомъ войны; но вѣроятнѣе, что онъ былъ главнымъ божествомъ на нѣкоторыхъ островахъ, потому что храмы, воздвигнутые ему, самые древніе; за нимъ слѣдуетъ упомянуть *Гиро*, сына Оро, котораго миссіонеры (разумеется, невѣрно) называли богомъ воровъ; нѣчто это распространилось потому, какъ, кажется, что Гиро пользовался поклоненіемъ на островѣ Райетеа, жители котораго были искусные и ловкіе похитители чужой собственности.

Къ-сожалѣнію, въ рассказахъ миссіонеровъ нѣтъ тѣхъ мифологическихъ преданій, которыми, по всей вѣроятности, богаты народы Южнаго-Моря. Нѣтъ сомнѣнія, что между ними можно встрѣтить преданія историческаго содержания: по свойству религіозной системы южныхъ островитянъ, исторія и мифологія ихъ должны вѣсти объ руку; такъ, на-прим. въ сартъ-Карикд и Таигинъ, рассказанной Уильямсомъ, видимъ, что государство Наратонги основано двумя колоніями, пришедшими съ запада и востока; такъ въ сартъ

«о богинѣ вулкановъ Папа и ея сестрахъ», встрѣчаемыхъ у Элліса, видѣть подобную же, хотя и неудачную попытку основать колонію на островѣ Гаваи. Впрочемъ, эти саги необходимо должны были исказиться отъ времени. При разсмотрѣніи боговъ, необходимо упомянуть о мѣологическомъ существѣ *Мауи*, или *Маи*, хотя ему нигдѣ не воздаютъ божескихъ почестей, но воспоминаіе о немъ, сохранившееся на всѣхъ островахъ, доказываетъ, что оно относится къ богѣ-глубокой древности, чѣмъ всѣ нынѣ-существующіе боги. На Таити ему присваиваютъ участіе въ сотвореніи міра, въ землетрясеніяхъ, въ изготовленіи огня; по сказанію нѣкоторыхъ (Форстера, Тейермана, Элліса), онъ былъ нѣкогда жрецомъ и славился своими предсказаніями. Въ Гаваи ему приписываютъ заселеніе острова; въ Тонга говорятъ, что онъ на хребтѣ своемъ несетъ землю и движеніями своими колеблетъ ее; но нигдѣ чаще не упоминаютъ о немъ, какъ въ Новой-Зеландіи, отъ-чего и произошло мѣніе, что онъ былъ главнымъ ея божествомъ.

Гораздо-важнѣе этихъ невѣрныхъ и перѣдко противорѣчащихъ одно другому изысканій—результатъ, выволиваемый авторомъ, объ общемъ религіозномъ состояніи этихъ народовъ, во время обращенія ихъ къ христіанству. Изъ прежде-сказаннаго видно, что существовала въ прежнія времена народная религія, которая исчезла, оставивъ по себѣ едва-замѣтные слѣды. Языческая религія, какъ и все органическое, распадается, когда кака-нибудь часть достигнетъ непомярнаго развитія; здѣсь разрушительную силу не трудно угадать въ теоріи возведенія въ боги людей нѣвѣстнаго класса; число новыхъ боговъ сдѣлалось такъ велико, что древнія божества (чему доказательствомъ служатъ Таароа), бывшія представителями идей, блѣднѣли все болѣе-и-болѣе, и наконецъ уступили мѣсто новымъ, сохраняясь въ одной только памяти народа; въ замѣнѣ ихъ выступили на сцену нѣвыя

боги, существа безъ влеченія и идеи, которые являлись безъ порядка и системы, подобно городамъ востока, гдѣ древнія башни переиѣшаны съ новопостроенными хижинами. Такой упадокъ религіи имѣлъ самыя губельныя слѣдствія; правила нравственности, столь превосходныя во многихъ языческихъ религіяхъ, здѣсь не могли имѣть мѣста; вѣра въ награду и наказаніе, которое естественно представляется человѣку, терпящему бѣдствія и неправедныя гоненія, не существовала вовсе; никакое преступленіе златора не могло лишитъ его мѣста, заранѣе-назначеннаго ему въ ряду боговъ; никакіе подвиги добродѣтели не могли предохранитъ простодушнаго отъ обращенія его въ ничтожество.

О жилищѣ боговъ г. Мейянке сообщаетъ слѣдующее:

«Богамъ различнымъ такое мнѣніе, что новѣйшествовали, объясняя ихъ, часто сами приходять въ недоумѣніе; впрочемъ, не трудно согласитъ наружное противорѣчіе, если отдѣлать элементъ догматическаго, политическаго-эстетическаго. Слѣдуя первому, встрѣчающемся во всѣхъ островныхъ группахъ, боги обитаютъ въ *По* или въ «*Ночи*», — выраженіе совершенно-неопредѣленное, — Эллісъ сдѣлалъ далеко заходитъ, выводя изъ различныхъ разсказовъ Таитянъ о жилищахъ боговъ надъ землею и подъ землею заключеніе, будто они занимала всю землю. На Островахъ-Общества есть сказаніе о богѣ-опредѣленномъ обиталищѣ боговъ, *Рулулу-Нюмоа* (благоуханный Эдемъ), гдѣ боги и умершіе проводили время въ чувственныхъ наслажденіяхъ всякаго рода; по сказанію однихъ, Эдемъ находился на горной вершинѣ *Райтеа*, но мнѣнію другихъ на небѣ и состоялъ изъ десяти стѣнъ, или этажей, изъ которыхъ каждый служилъ жилищемъ для боговъ различныхъ классовъ; самый верхній этажъ носилъ то же названіе *По* и служилъ жилищемъ верховныхъ боговъ, такъ-называемыхъ *Фаму-По* (рожденный въ ноцѣ); послѣдніе, вѣроятно, были верховными богами, названными изъ чела людей. Подобная этому фантастическаго-украшенная картина рая находится у Уильяма при описаніи Раротонга. Въ Гаваи, радостъ съ

Но, ставши мѣсто, похожее на таитскій мѣст, царство, которое древнѣйшіе короли Акса и Миру построили въ Калала-Гавуману (островъ, поддерживающій уте-сы), но существованіе его считали подл жмлю. Въ Тонгѣ жилищемъ боговъ называютъ Болоту, островъ, лежащій отъ него къ сѣверу на довольно-далекомъ разстояніи, гдѣ боги жили въ радостяхъ и принимали къ себѣ умершихъ. Въ Новой-Зеландіи часто упоминается Рейнга, какъ жилище умершихъ: то была глубокая пещера на склонѣ самаго сѣвернаго нима острова, гдѣ боги въ веселіяхъ и радости проводятъ время; но и сюда притѣшивается то же сказаніе о По. Едва ли нужно упоминать, что умершіе, принадлежамы въ По, всѣ принадлежатъ къ классу знатныхъ людей, одаренныхъ при жизни высшею организаціею; всѣ прочіе люди, но мѣтнію наиболее-укоренившіе-нуса, исчезаютъ; но мѣтнію же нѣкоторыхъ, ведутъ жизнь духовъ около своихъ земныхъ жилищъ: такъ думали въ Гаваи и Новой-Зеландіи; на первой группѣ вѣрили даже, что ихъ наконецъ пожаряютъ боги.

«Послѣднее мѣтніе, какъ ни негнво, пользуется большаго авторитетомъ; по-крайней-мѣрѣ, превращеніе людей въ боговъ, которому такъ усердно вѣрять Таитяне, служить тому нѣкоторымъ доказательствомъ. Прежде всего ихъ пожаряютъ боги (мясо съ костей покойника должно быть соскоблено раковинами); потомъ, посредствомъ неизяснимаго процесса, они восстанавливаются въ новомъ видѣ, и послѣ троекратнаго повторенія такого процесса, они приобретаютъ права и свойства боговъ. Это понятіе, бросающее неожидан-ный свѣтъ на антропофагію, которая, какъ извѣстно, господствовала вообще на всѣхъ островахъ Южнаго-Моря, указываетъ, какое понятіе имѣли прежде объ отношеніяхъ боговъ и людей, возвышаемыхъ на степень божества. Безъ сомнѣнія, думали, что нервы воплощаются въ послѣднихъ, и во множествѣ новыхъ всегда поклонялись древнѣйшему, первобыт-ному богу. Правда, по мѣрѣ того, какъ исчезали древніе боги и замѣнялись новыми, исчезло это вѣрованіе, но слѣды его очевидны; однимъ изъ доказательствъ служить идолъ, описываемый Уильямомъ, который самъ видѣлъ его у жителей Рупу: — то была грубая мужская фигура, къ которой прикрѣплены были двадцать-

четыре небольшіе идола, и пустая внутренность которой была совершенно наполнена ими: всѣ они должны были служить изображеніями семейныхъ боговъ.»

Между религиозными обрядами южныхъ островитянъ первое мѣсто занимаетъ табу, о которомъ со времени Кука рассказывали всѣ путешественники. Слово это переводили *запрещеніемъ*; г. Мейнике находитъ, что точнѣе было бы передать его словомъ *освященіе*. Мы не станемъ распространяться объ этомъ обычаяхъ, чтобъ не повторять стараго, нѣсколько разъ уже рассказаннаго на всѣхъ языкахъ; любопытные могутъ прочесть о немъ въ шестой части «Путешествія Дюмонд'Юрвиля», которое въ 1837 издано въ русскомъ переводѣ и въ которомъ такъ подробно изложено это религиозное обыкновеніе; у нашего автора мы занимаемся только одно опредѣленіе его:

«Табу» говоритъ онъ (на стр. 22) «есть сила, соприсущая божественной субстанціи, которая проявляется въ томъ, что, касаясь до какаго-нибудь предмета, отрѣшаетъ его отъ употребленія обыкновенныхъ людей. Сила эта, кромѣ боговъ, естественно распространяется, хотя и не въ одинаковой степени, на людей, мено-ншихъ божественнаго духа; всѣ прочіе люди, и — что замѣтательно на островахъ Гаваи, Общества, Гераса и Маркизахъ — всѣ женщины исключены изъ него. За исключеніемъ людей, все существующее на землѣ распадается на два класса: *моа* (священный) и *моа* (мірскій); къ первымъ принадлежитъ то, что само въ себѣ имѣетъ силу табу, что составляетъ собственность боговъ и принадлежитъ людямъ; ко второму все, что предоставлено употребленію человека. Но на предметъ втораго разряда табу распространяется посредствомъ прикосновенія; впрочемъ, извѣстными церемоніями можно было снять табу даже съ освященныхъ предметовъ.»

Религиозное состояніе составляетъ источникъ всѣхъ политическихъ постановленій южныхъ островитянъ; здѣсь рѣвно отдѣляются два класса: знатныхъ и простолюдиновъ, или, по опредѣленію Стюарта, «людей табу и

людей ве-табу. Изъ сущности этого различія проистекаетъ не только безграничное уваженіе къ знатымъ и великое значеніе ихъ, но вмѣстѣ проявляется въ государствѣ доказательство, что нигдѣ на земномъ шарѣ нѣтъ аристократіи столь богатой и сильной, нигдѣ она не одарена такими матеріальными и духовными преимуществами, нигдѣ не сохранила такой чистоты крови (что и теперь наблюдается, не смотря на введеніе христіанства), какъ посреди этихъ южныхъ народовъ.

Не одна сила и уваженіе ставятъ знатныхъ высоко надъ низшими классами; образованіе тѣла, даже въ этомъ племени, вообще прекрасно-образованномъ, отличается красотою очертаній, достоинствомъ и стройностью; различіе это такъ поразительно, что многіе путешественники придерживались мнѣнія, будто бы знатные принадлежатъ къ особенному племени, покорившему древнихъ обитателей; посто въ-послѣдствіи отвергнуто основательными изслѣдованіями языка и типовъ южныхъ островитянъ. Очень натурально, что знатные, къ услугамъ которыхъ были всѣ блага роскошной земли ихъ, которые не имѣли никакой нужды заниматься тяжелыми работами, представляемыми низшими классами, которые никогда не смѣшивались съ простолюдинами, рѣзко отличались отъ угнетенной касты народа. Не менѣе поразительно различіе въ обращеніи и общественныхъ отношеніяхъ обоихъ классовъ; знатные обнаруживаютъ необыкновенную сметливость, такую уверенность въ себя и даже достоинство, которыхъ нѣтъ у простаго народа и которая происходитъ отъ-того, что права ихъ никогда не подвергались сомнѣнію. Въ истинѣ всего скажемъ однако не трудно убѣдиться при чтеніи описанія извѣстнаго путешествія въ Англію короля гавайскаго *Име-Име*; хотя король, во все время путешествія своего являвшійся съ матронами и скоро научившійся вѣствовать и браниться по-англійски, по прибытіи

своимъ въ Англію, велъ себя въ самыхъ аристократическихъ салонахъ съ такою самоуверенностью и развязностью, что привелъ всѣхъ въ изумленіе; впрочемъ, странность эта не такъ изумительна, какъ можетъ показаться при первомъ взглядѣ: стоить вспомнить только, какъ мало такъ называемая свѣтскость обращенія связана съ образованіемъ ума или сердца.

Богѣе же всего аристократы Южнаго-Моря отличаются необыкновенною чистотою крови, чего они достигаютъ посредствомъ страшнаго преступленія—дѣтубійства. Между этими народами издавна существовалъ обычай убивать дѣтей при рожденіи; на Таити члены обществъ *Ареоа* торжественно обязаны были умерщвлять дѣтей, происшедшихъ отъ смѣшанныхъ браковъ, а отъ нихъ уже обычай перешелъ и къ простолюдинамъ. Въ послѣдствіи онъ такъ распространился, что дѣтей умерщвляли единственно потому, что они доставляютъ смѣшанъ - много заботъ при воспитаніи своемъ, и отъ этого быстраго начало уменьшаться народонаселеніе.

Знатные на островахъ Южнаго-Моря раздѣляются на нѣскольکو классовъ, которые въ различной степени одарены божественною натурою, свѣдовательно, табу; три главные разряда ихъ составляютъ: короли, *систеа дворянство* (или *владѣтели округовъ*) и *низшее дворянство*.

Короли почитались повсюду самыми святыми. Изъ назначенъ были величайшія почести; ихъ называли потомками боговъ, даже имъ-самимъ поклонялись какъ богамъ: воля ихъ была закономъ, равнымъ закону божественному; впрочемъ, во многихъ дѣлахъ всѣ обязанности къ королю относились къ низшимъ классамъ народа, а высшее дворянство само ограничивало власть королей, которые управляли неограниченно только въ округахъ, составлявшихъ исключительную собственность королевской фамиліи; случалось даже, что королей мѣгвали изъ ихъ наслѣдственныхъ

земель; но даже и по падении их божественная натура считалась их неотъемлемою принадлежностью. За королями следовало высшее дворянство, возвышенное на различных островах различными навагия; члены его были большею частью правителями областей, пользовались властью, сходною съ властью королевской, и иногда болѣе, иногда менѣе находились въ зависимости отъ кородей; родственники ихъ принимали также участие въ управленіи, и отношеніе ихъ къ правителямъ областей было такое же, какъ и отношеніе этихъ правителей къ королю. Нижнее дворянство имѣло во владѣніи небольшіе участки земель и служило переходнымъ сословіемъ отъ высшихъ классовъ къ простому народу. Послѣдніи составляли всѣ жители, непричастные табу; они всездѣ имѣли одианіи права; т. е. пользовались личною свободою, безъ участія во владѣніи недвижимою собственностью; они обрабатывали землю знатныхъ и большею частью погружены были въ крайнюю нищету. Кромя этихъ классовъ, были еще рабы; но рабство было слѣдствіемъ войны, и только плѣнные, по желанію обитателей, становились рабами; впрочемъ, такая участь могла постигнуть однихъ простонародцевъ, знатные являлись и имуществомъ, но свободны отъ злата и не имѣли права. На основаніи раздѣленія классовъ основано все законоположеніе островитянъ: воля короля, и потому воля знатныхъ замѣняютъ всякое судопроизводство, всѣ законы; за тѣмъ слѣдуютъ обычаи, имѣвшіе начало въ томъ же религиозномъ источникѣ, въ томъ же раздѣленіи на касты; таковыя образцы, послѣдствіе переходило въ силу той же жезъ, которая происходила изъ рода болѣе-знатнаго, но и тутъ сильныя сосѣди часто присвоивали себѣ чуждое наслѣдіе и изгоняли претендентовъ; въ войнѣ, само собою разумеется, массу войска составлялъ народъ, знатные были его предводителями; въ послѣдствіи составлялись постоянные отряды, но это относится

уже ко времени прибытія Европейцевъ.

Указавъ на духовное паденіе народовъ Южнаго-Моря, г. Мейникъ переходитъ къ изслѣдованію ихъ языка. Изложеніе его нѣсколько сухо, но новостъ и занимательность предмета выкупаютъ эту сухость, почти-неразлучную спутницу ученыхъ изслѣдованій немецкаго гелертера. Ревностные труды миссіонеровъ въ составленіи грамматикъ, словарей и переводовъ св. Писанія доставили богатые матеріалы для точнаго изученія нарѣчій Южнаго-Моря. Замѣчательнѣе всего, что языки народовъ, описанію которыхъ исключительно посвятилъ книгу свою г. Мейникъ, родственны не только между собою, но даже съ нарѣчіями всѣхъ островитянъ, разсѣянныхъ по неизмѣрному пространству океана изъ заводу до Явы и Суматры, и потому по Индійскому-Морю до самаго Малагаскара, — явленіе, обратившее уже за шестидесять лѣтъ до нашего времени вниманіе Кука въ первомъ его путешествіи (*). Позднѣйшія изслѣдованія языковъ Явы и Суматры, слѣдующими Голландцами и Англичанами, равно какъ изученіе языка Филиппинскихъ Острововъ, предпринятое итальянскими миссіонерами, были обращены въ сравненія отдаленныхъ словъ. Великія извѣстности ихъ возобладали надъ ученымъ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ и побуждали къ результатамъ своихъ трудовъ въ большомъ сочиненіи «О Языкѣ Кави» (**), сочиненіи, доводящемъ къ прилежанію истинно-ископковъ. Оно перечисляетъ изслѣдованія ономъ съ древняго священнаго языка Яванцевъ — Кави и сравниваетъ съ нимъ всѣ яванскія родственныя; къ сожалѣнію, смерть воспрепятствовала ему перейти къ второй части труда — изслѣдованію языковъ Южнаго-Моря. Продолжателемъ Вильгельма Гумбольдата былъ другой языко-

(*) *Hawkesworth* Исторія морскихъ путешествій 2, 64, 389.

(**) Вильгельма Гумбольдта: *Ueber die Kavisprache auf der Insel Java.*

исследователь, Бопп (*); онъ старался доказать, что всѣ эти языки суть не что иное, какъ нарѣчія санскритскаго, что санскритскій языкъ измѣнился только въ частности, но что общій духъ его остался неприкосновеннымъ. Много противорѣчій возбуждали смѣлыя комбинаціи Боппа, писавшаго подъ влияніемъ Гумбольдовыхъ исследований; авторъ нашъ слышалъ ихъ, изучалъ и Гумбольдта и Боппа и ихъ противниковъ, и вотъ заключеніе, которое представляетъ онъ читателямъ:

«Языки полинезійскіе раздѣляются на два отдѣла; первый заключаетъ въ себѣ языки сѣверо-западныхъ островныхъ группъ, языки Острововъ-Каролинскихъ, Ралакскихъ и, можетъ-быть, первобытный языкъ Маріанъ (впрочемъ, свидѣнія наши о послѣднемъ весьма — неудовлетворительны, потому-что онъ мало еще обрашалъ на себя вниманіе миссіонеровъ). Грамматическія языковъ идутъ къ сѣверу отъ группы Куангемилля, съ которой начинаются гораздо-болѣе извѣстныя намъ языки островитянъ, обращенныхъ къ христіанству. Исследования Гумбольдта указали несомнѣнное сходство ихъ въ грамматическихкихъ формахъ; сходство это простирается такъ-далеко, что при измѣненіи нѣкоторыхъ буквъ, возможно допустить гипотезу, что всѣ они были нарѣчіями одного языка; такихъ языковъ восемь: гавайскій, маріанскій, таитскій, раротонскій, самойскій, тонскій, виттвскій и ново-зеландскій; Уильямъ присовокупляетъ сюда десятый, которымъ говорятъ на пяти малыхъ, такъ-называемыхъ, Австраліійскихъ-Островахъ; но по всѣмъ извѣстіямъ онъ такъ-сходенъ съ таитскимъ, что между ними нѣтъ почти никакого различія, и миссіонеры, для обученія жителей, употребляютъ книги, писанныя на языкѣ таитскомъ.

«Что касается до состоянія, въ какомъ находятся эти языки, то, при общемъ увидѣніи народовъ, не удивительно, что и нарѣчія раздѣляютъ участь людей, которымъ служатъ. Извѣстно, что во всякомъ языкѣ выходитъ изъ употребленія не только часть коренныхъ словъ, но часто ис-

чезаютъ всѣ первоначальныя формы; извѣстно также, что народы, одаренные силою духа и энергією, въ состояніи развиваться изъ собственныхъ элементовъ и приложеніемъ прежняго образованія къ настоящему порядку вещей переходить эпохи паденія, которыхъ не избѣгалъ ни одинъ народъ, но которыя, какъ для отдѣльныхъ людей, такъ и для человечества становятся ступенями прогресса, и по нимъ уже можно пролагать новые пути самостоятельнаго развитія, вѣдѣть съ тѣмъ образованъ вновь и языкъ, клонящійся къ паденію, отыскиваніемъ новыхъ формъ замѣнить исчезнувшія, воспроизводить съ болѣею точностію и определенностію то, чего послѣднія достигли въ разнообразіи, полнотѣ и извѣстности. Но, по духовному состоянію народовъ Южнаго-Моря, языкъ ихъ, переходившій эпохи упадка подобно всѣмъ языкамъ на землѣ, не можетъ достигать прогрессивнаго развитія, о которомъ мы сказали выше. Что же касается до коренныхъ словъ, то, по мнѣнію Боппа, языки Южнаго-Моря представляютъ явленіе, подобное которому едва ли можно найти гдѣ-нибудь на земномъ шарѣ. Они не только въ грамматическихкихъ оборотахъ отдаляются отъ корня своего, но даже въ самомъ образованіи словъ тратили санскритскіе элементы. Это разрушеніе санскритскаго начала такъ велико въ образованіи языковъ Южнаго-Моря, что даже самъ Боппъ, не смотря на свое предубѣжденіе, не могъ освободиться отъ мысли, что нѣкоторое частное сходство между языками полинезійскими и санскритскимъ немогло быть совершенно — случайнымъ. Необыкновенная смѣлость въ словопроизводствѣ болѣе всего навлекла порицанія на ученаго исследователя, и необходимо принять въ соображеніе выводы его противниковъ, прежде чѣмъ рѣшить, въ какой степени справедливость можетъ быть на его сторонѣ. Прежде всего слѣдуетъ рассмотреть, какими доказательствами подтверждалъ Боппъ свою гипотезу; началомъ ея онъ ставитъ то, что языки полинезійскіе въ-отношеніи къ санскритскому суть нарѣчія производныя (töchterliche), подобно тому, какъ языки романскіе суть нарѣчія производныя въ-отношеніи къ языку латинскому; но здѣсь-то и возникаетъ первое сомнѣніе: въ языкахъ романскихъ ясно присутствіе элемента, чуждаго латинскому, остатковъ древняго языка, уже преобразованнаго, чего

(*) Боппа — Ueber die Verwandtschaft der malaisch-polynesischen Sprachen mit den indisch-europäischen.

никто еще не вздумалъ доказать относительно языковъ малайско-полинезийскихъ и тѣмъ менѣе относительно языковъ Южнаго-Моря. Сродства этихъ языковъ съ савскритскимъ отрицать невозможно; оно ясно доказано Марсденомъ въ его словарь и исследованіями Гумбольдта; но уже сходство является не производное, а родственное, *братское* (если можно такъ выразить нѣмецкое слово *schwesterliche*); это же доказать стремился и Гумбольдтъ, какъ видно изъ его предисловія, и этому хотѣлъ онъ посвятить вторую часть труда, который окончить судьба ему не судила: это нѣтъ кажется нѣтъ самымъ вѣроятнымъ, потому-что савскритскіе элементы удѣляли на индійскихъ островахъ, куда легко могли переселиться колоніи изъ Индіи.

Но даже оставая въ сторонѣ сродство языковъ Южнаго-Моря съ савскритскимъ, не трудно замѣтить ихъ паденіе. Гумбольдтъ часто замѣчаетъ, что языки Южнаго-Моря находятся въ болѣе-древнемъ и безъискусственномъ состояніи, чѣмъ родственныя имъ языки индійскихъ острововъ; это совершенно-справедливо и легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что малайскіе народы не были такъ исключены изъ движеній, совершившихъ преобразование челоѣческаго рѣда, но уже нѣсколько столѣтій подвержены были сначала индійскому, потомъ арабскому, китайскому и европейскому вліянію, между тѣмъ, какъ народы Южнаго-Моря не болѣе столѣтій пришли въ соприкосновеніе съ народами чуждыми. Кромѣ древности, которую сохранили языки послѣднихъ, они представляютъ паденіе болѣе-глубокое, чѣмъ языки малайскіе; безобразность ихъ относится болѣе къ грамматическому построенію, чѣмъ къ образованію словъ и, въ первомъ случаѣ, они отличаются отъ западныхъ языковъ тою низшею степенью, общее правило которой—не полагать въ слогахъ болѣе одной согласной, тогда какъ гласныхъ всадъ видно изобиліе. Отъ того болѣе-полныя, болѣе-сильныя формы находятся въ языкахъ малайскихъ, тогда какъ въ полинезийскихъ нарѣчіяхъ господствуютъ гласныя, которыя или ослабляютъ согласныя, или совершенно вытѣсняють ихъ; замѣчательно, что, по мѣрѣ удаленія на востокъ, слышнѣе становится господство гласныхъ и, конечно, на землѣ нѣтъ языка болѣе-богатаго этими звуками, какъ языки таитскій и гавайскій:

послѣдніе суть самыя бѣдныя и самыя слабыя изъ всѣхъ языковъ Южнаго-Моря. Если принять за истину (что кажется несомнѣннымъ при сравненіи этихъ языковъ съ языками малайскими), что неспособность южныхъ народовъ произносить слова болѣе-твердыя, полныя согласныхъ, не существовала прежде, но произошла отъ дальнѣйшаго развитія ихъ языка, то ясно будетъ, какъ тѣсна связь между нимъ и всею духовною жизнью этихъ народовъ.

«Другое обстоятельство, доказывающее паденіе языковъ Южнаго-Моря, есть утрата большого числа словъ, которыми мало-по-малу вышли изъ употребленія. На Островахъ-Общества и Гавай существуютъ слѣдующій обычай, происшедшій отъ глубокаго почтенія къ знатымъ: если кто-нибудь изъ начальниковъ признаетъ какое-нибудь имя, тогда не только всѣ посвящія то же, или подобное тому, имя, должны были переимѣнить его, но даже изгнать изъ обыкновеннаго языка всѣ созвучныя слова и замѣнить ихъ другими произвольно-составленными. Справедливо замѣчаетъ Гумбольдтъ, что въ сознаніи и воспоминаніяхъ этихъ народовъ сохранилось еще множество словъ, которыя давно уже вышли изъ употребленія и возстановлялись при такихъ случаяхъ. Но что такія слова не приходили въ совершенное забвеніе—это не удивительно, потому-что на многихъ островныхъ группахъ сохранился языкъ непонятный для большей части жителей и употребленный только при торжественныхъ церемоніяхъ, похоронахъ и т. п., а какъ отличенъ онъ отъ обыкновеннаго, доказываютъ тонскія нѣсны, переданныя Маринеромъ. На Гавай миссіонеръ Ричардсъ собралъ нѣсны и доказалъ, что онѣ поются на такомъ отличномъ отъ настоящаго языкѣ, что знающій языкъ престопаго не въ состояніи понять ни одной строки, между тѣмъ, какъ туземцы, знакомые съ древнимъ нарѣчіемъ, понимаютъ его безъ труда (*). Гумбольдтъ полагаетъ, что эти языки, не смотря на несомнѣнную древность, составляютъ отрасль другаго языка, еще болѣе-древнаго; отъ-того сохранились еще въ нѣмкихъ мѣстахъ нѣкоторыя слова, не находящіяся ни въ одномъ изъ языковъ родственныхъ.

«Относительно же грамматическаго об-

(* Ричардсъ въ Miss. Chron. 1830, стр. 126.

разованія языковъ Южнаго-Моря, справедливо замѣчаніе Боппа, что они находятся въ состояніи совершенной грубости. Основной характеръ языка малайско-поднезійскаго состоитъ въ отсутствіи глагола; не сохранилось даже признаковъ его, но остались слѣды склоненія именъ, въ стараніи связать нарѣчіе съ именемъ, что часто встрѣчается и въ языкахъ европейскихъ; если же глаголы и спряженія ихъ встрѣчаются въ малайскихъ языкахъ, то это уже позднѣйшіе опыты — устранить безобразность, происходившую отъ подобнаго недостатка. При тщательномъ разсмотрѣніи этихъ языковъ, ясно становится отсутствіе глагола, потому что всѣ понятія выражаются въ нихъ именами и частицами, замѣняющими глаголы, и отъ-того произошло огромное число этихъ частицъ и разнообразіе ихъ значенія. Очевидно, что миссіонеры умѣютъ лучше говорить этими языками (что не можетъ быть затруднительно по безобразности и простотѣ ихъ), чѣмъ разсуждать о построеніи ихъ и характерѣ. Въ грамматикахъ своихъ они придали имъ обороты и измѣненія, несуществующіе въ дѣйствительности; но если не обращать вниманія на эти грамматикѣ и соображаться съ показаніями ученыхъ и разсказами путешественниковъ, то легко увидѣть, какъ мы уже выше сказали, что основной характеръ ихъ есть отсутствіе глагола, и что оно существовало всегда, не смотря на всѣ перероды языка. Не изъ этого необходимо слѣдуетъ, что языкъ этихъ о-вѣвъ первоначальное, самостоятельное, грамматическое построеніе, и что съ этой стороны сильное сомнѣніе возникаетъ противъ гипотезы Боппа.

Литературы нѣтъ вовсе на островахъ Южнаго-Моря. Обитатели ихъ, будучи отдѣлены отъ общества всѣхъ болѣе-образованныхъ народовъ, не имѣли языка письменнаго; тогда-какъ родственныя имъ племена на индійскихъ островахъ могли много заниматься отъ соудей; соединеніе съ Европейцами было первымъ ихъ шагомъ къ образованію. Ученыя свѣдѣнія ихъ могли заключаться только въ изустныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ, которыя мало извѣстны въ Европѣ; но по общему сказанію — бѣдны и не представляютъ ничего замѣчательнаго.

Удивительнѣе всего, что у народовъ Южнаго-Моря существуетъ хронологія, которую трудно согласить съ настоящими мѣсяцами. Она извѣстнѣе всего на Островахъ-Общества; тамъ знаютъ годъ, раздѣленный на 12 и 13 мѣсяцевъ, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ 30 и 29 дней. — Съ перваго взгляда раздѣленіе это не кажется удивительнымъ, потому-что имена мѣсяцевъ находятся въ связи съ занятіями земледѣлія и содрыванія плотовъ; не трудно также понять, почему мѣсяцы ихъ суть лунные мѣсяцы, что доказывается и числомъ ихъ; но странно, какимъ-образомъ эти циклы лунныхъ мѣсяцовъ составили годъ солнечный. Началомъ его Тантияне почитаютъ появленіе Плеядъ, и дѣлятъ его на два отѣсла, — появляется ли на горизонтѣ вечерняя звѣзда, или нѣтъ. Какъ бы то ни было, но подобный хронологическій порядокъ такъ несообразенъ съ настоящимъ состояніемъ образованности южныхъ островитянъ и ихъ грубою жизнію, что необходимо предположить другую эпоху въ жизни этихъ народовъ, отличавшуюся высшею и собственною дѣятельностью.

Тотъ же результатъ вывести можно изъ слѣдующаго. Когда Кукъ оставилъ Острова-Общества въ 1769 году, ему сопутствовалъ туземецъ, умный и ученый жрецъ Туаиа, отъ котораго знаменитый Беннетъ, спутникъ Кука, получилъ свѣдѣнія о всѣхъ островахъ, извѣстныхъ на Танти; подобныя тому названія острововъ представилъ въ послѣдствіи Форстеръ. Порѣвая ихъ съ тѣмъ, что мы уже изложили, г. Менделѣе думаетъ, что, видѣвъ со множественнымъ числомъ, которымъ очевидно проносились пѣснь и преданій, сохранились и такія, которыя принадлежатъ не только многозвѣстныхъ островамъ, но даже отдаленнымъ, которые Тантияне постигали въ прежнія времена на своихъ челнокахъ.

Эти предположенія являютъ неопровержены разсказами миссіонеровъ. Древнія пѣсни сообщаютъ, что во времена давно-прошедшія между людьми сѣ-

лыми и жадными къ славѣ существовало обыкновеніе предпринимать въ ладьяхъ большія морскія путешествія и привозить рѣдкости на родину изъ далекихъ земель. Вѣрность этого подтверждаютъ Андерсонъ (врачъ Кука въ третье его путешествіе), Уильямсъ и Дюфенбахъ, собравшія преданія Нью-Зеландцевъ о переселеніи колоній, отъ которыхъ происходятъ настоящіе жители, и которыя подтверждаютъ преданія о путешествіяхъ островитянъ.

Сказанное нами доказываетъ неоспоримыми фактами, что прежняя жизнь островитянъ склонилась къ упадку. Правда, они и въ настоящее время искусные плователи (это необходимое сѣдствие ихъ положенія посреди океана), но суда ихъ не могутъ выдержать дальнихъ путешествій. Мы знаемъ достоверно, что, во время Кука, дикари переправлялись только на сосѣдніе острова, и то съ большими опасностями.

Не смотря на примѣры, что отдѣльные люди со времени Кука переправлялись на острова довольно-далекіе, теперь это сдѣлалось совершенно-невозможнымъ, потому невозможнымъ, что если челвѣкъ застигнетъ буря и собьеть его съ настоящаго пути, то пловца не останется никакой возможности отыскать путь, который бы могъ привести ихъ на родину; тогда они предаются волнамъ, и если даже утлая ладья ихъ въ состояніи будетъ держаться противъ всплесковъ моря, то они становятся жертвою голода и жажды, или въ лучшемъ случаѣ пристають къ берегамъ незнакомаго острова, и должны дожидаться, пока какою-нибудь европейскій корабль не перевезетъ ихъ домой. Впрочемъ, большія путешествія съ возможностью возвратиться на родину, если они дѣйствительно совершались, доказываютъ, что существовало лучшее кораблестроеніе и множество другихъ знаній, теперь исчезнувшихъ, и что народъ долженъ былъ стоить на степеняхъ болѣе-высокой, самыя слѣды которой теперь уже исчезли. Всѣ эти изслѣдованія допуска-

ютъ только неясный взглядъ въ глубокую тьму прошедшихъ столѣтій, покрывающую исторію народовъ Южнаго-Моря, но опредѣленно сказать ничего нельзя.

Въ дополненіе къ этому разыскаю языковъ, авторъ, для большаго подтвержденія мнѣнія своего о южныхъ островахъ, представляетъ бѣдственное состояніе ихъ нравственности, которое губить цѣлое поколѣніе дикарей и непрерывно уменьшаетъ народонаселеніе; глава эта занимаетъ стр. 109—120; потомъ онъ переходитъ къ описанію миссій, къ исторіи христіанства на островахъ Южнаго-Моря, и это составляетъ второй отдѣлъ его книги.

Во время жестокихъ возмущеній и междоусобныхъ браней на островѣ Таити, явились туда первые протестантскіе миссіонеры, отправленные обществомъ миссіонеромъ, образовавшимся въ Лондонѣ въ 1794 году, и извѣстнѣмъ болѣе подъ именемъ Лондонскаго-Общества. Въ 1797 году прибыли къ одной изъ гаваней Острова Таити восемнадцать Европейцевъ, неизвѣстныхъ никакого понятія о языкѣ и нравахъ островитянъ; потому мало было надежды на успѣхъ ихъ предпріятія; безъ сомнѣнія, они принуждены были бы отказаться отъ своихъ намѣреній безъ благоразумнаго сдѣянія капитана Уильсона, который доставилъ имъ покровительство Оту, короля таитскаго (*). Этотъ король, подобно всѣмъ единоплеменникамъ своимъ, не въ состояніи былъ понять намѣренія чужестранцевъ, но принявъ ихъ очень-ласково, далъ имъ домъ, и даже

(* Дюмонъ-а'Юрвилъ, слѣдкомъ съ этической стороны смотрѣвшій на островъ Таити и на влстителей его, приписываетъ этому королю и его сыну множество блестящихъ качествъ, которыя бы сдѣлали честь любому Европейцу. Короля этого онъ называетъ Помару I-мъ, а сына его Помару II-мъ; но мы, придерживаясь сочиненія г. Мейнне, оставили ихъ названія, иль дадимъ, тѣмъ болѣе, что перемѣна именъ никакъ не перемѣляетъ дѣла.

назначил содержание. Уважение къ нимъ, какъ къ Европейцамъ вообще, увеличилось еще болѣе, когда они, выучась языку Тантавъ, сдѣлались посредниками между королемъ и корабельными капитанами, съ которыми всѣ жители старались вести торговлю для приобретения ружей и пороха; уважение это упрочило существованіе ихъ на островѣ, хотя ни на шагъ не подвинуло къ настоящей цѣли. — Во время ихъ междоусобныхъ войнъ, они почитались всегда друзьями и союзниками короля и врагами всѣхъ его противниковъ.

Враждебныя отношенія короля и его подданныхъ едва не погубили миссіи въ самомъ ея началѣ. Между близкими друзьями и приверженцами короля обнаружилось несогласіе и ослабили его могущество.

Властолюбивый вельможа, жрецъ Гаапанемане, изгнанный изъ Райетеа и принятый королемъ, воспользовался честолюбіемъ молодого принца, назначеннаго уже въ наследники, и побудилъ его къ мятежу. Грабежи и притѣсненія, постигшіе миссіонеровъ, заставили одиннадцать изъ нихъ (1798) оставить островъ и переправиться въ Сидней. Едва отплыли они, какъ вспыхнула война между королемъ и его сыномъ; первый находился въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; но ему удалось подѣйствовать на сына чрезъ посредство его матери и предать назви Гаапанемане; согласіе между сыномъ и отцомъ водворилось, но междоусобию вельможъ не было конца; въ это время, одно прибытіе европейскаго корабля спасло остальныхъ миссіонеровъ, и въ слѣдъ за тѣмъ умеръ король, оставя владѣнія свои въ самомъ бѣдственномъ состояніи сыну своему, Помарѣ I (1803), который, какъ мы уже видѣли, одаренъ былъ буйнымъ и своевольнымъ характеромъ, но превосходилъ отца силою и дарованіями.

Между тѣмъ, въ 1801 году, миссіонеры получили подкрѣпленіе въ лицѣ восьми товарищей, что однако не прекратило ихъ молчалива. Они выучились языку туземцевъ, совершали пу-

тешествія по всему острову, старались устроить школы, установить божественное служеніе, но не имѣли ни малѣйшаго успѣха; народъ, не смотря на все уваженіе, которымъ они пользовались, имъ же приписывалъ всѣ бѣдствія того времени, и болѣе всего энцидемическія болѣзни. Королевская фамилія употребляла ихъ орудіями своей политики, хотя тѣсная связь съ миссіонерами вредила ей во мнѣніи народа. Примѣръ образа жизни и христіанскаго обращенія имѣлъ въ котороевліеніе, что доказывается распространеніемъ въ округѣ Матавай почитанія воскреснаго дня. Разумѣется, это могло подавать въ которыя надежды но въ было такъ мало, что дѣло, предпринятое въ Европѣ съ такимъ энтузіазмомъ, было совершенно оставлено, и миссіонеры преданы были собственной ихъ участи, тѣмъ болѣе, что война препятствовала сообщеніямъ; общество миссіи думало уже объ уничтоженіи предпріятія, оказавшагося безплоднымъ, какъ вдругъ получило извѣстіе о битвѣ при Наріи п неожиданнѣе ея слѣдствія. Понято, что миссіонеры старались болѣе и болѣе сблизиться съ Помарѣ I, который, подобно отцу своему, оказывалъ имъ расположеніе и гораздо болѣе покойнаго короля обнаруживалъ склонность къ образованію (*), хотя дружба миссіонеровъ была для него средствомъ къ исполненію его плановъ.

Въ 1807 году, въ слѣдствіе желанія короля уничтожить древніе роды знатныхъ, искавшихъ независимости въ управляемыхъ ими областяхъ, возобновилась междоусобная война. Одинъ изъ начальниковъ на островѣ, Таута, перешелъ внезапно отъ короля къ его противникамъ; слѣдствіемъ того было новое общее возстаніе (1808); Помарѣ, развитый и оставленный собственными приверженцами, долженъ былъ бѣжать въ Эймео (**); округи Матавай и

(*) Въ 1803 году онъ выучился уже писать.

(**) Эймео небольшой островъ, окруженный цѣлюю утесовъ, имѣетъ 23 миль въ окружности.

Нарѣ. бывшіе удѣлами королевской оашиліи, наліи въ руки враговъ королевскихъ, которые на миссіонерахъ выместили злобу свою и разрушили всѣ ихъ заведенія. Большая часть ихъ отправилась въ Гвагине (*); четверо послѣдовали за Помарѣ на Эйнео; потому, когда могущество ихъ, по-видимому, исчезло, всѣ они переселились въ Сидней, за исключеніемъ Гейуарда (Heyward), оставшагося въ Гвагине; но тверже всѣхъ держался Поттъ, бывший простымъ каменщикомъ и превосходившій всѣхъ прочихъ собратій силою духа и рѣшимостію; онъ скорѣе всѣхъ изучилъ языкъ Тантанъ, приобрѣлъ особенную дружбу Помарѣ и особенную ненависть его противниковъ: онъ одинъ оставался вѣренъ своему изгнанному другу; ему принадлежить сохраненіе всего предпріятія, и его по справедливости называютъ просвѣтителемъ Тавти.

Помарѣ, изгнанный и безсильный, оставался вѣренъ дружбѣ своей къ Потту, и когда всѣ бѣжавшіе миссіонеры, по просьбѣ его, возвратились снова на Эйнео въ 1812 году, то онъ объявилъ, что принимаетъ христіанство, просилъ крещенія и, къ ужасу своихъ подданныхъ, безъ остановки отбросилъ всѣ священныя обряды своихъ предковъ. Король, находившійся въ такомъ стѣсненномъ положеніи и принявшій ученіе, вѣнчавшее никакого сочувствія къ его народѣ, представляетъ явленіе столь изумительное, что невольно спрашиваешь, изъ какого побужденія поступилъ онъ такъ?

Миссіонеры, которымъ былъ извѣстенъ этотъ умный, честолюбивый и преданный исполненію своихъ плановъ человекъ, полагали, что несчастія всенная заставили его обратиться къ исканію лучшаго; но и сами они признаются, что онъ недалеко простиралъ свои религіозныя убѣжденія, и никогда не могъ такъ глубоко проникнуть въ сущность христіанства и въ

сознаніе человѣческой слабости, чтобы принять святое причащеніе, хотя принималъ крещеніе въ 1819 году и свято исполнялъ обряды своей новой вѣры (*). Гораздо-основательнѣе предположить, что имъ руководило убѣжденіе, будто прочная монархическая власть, которой онъ домогался, несогласна съ древнею вѣрою его народа, между тѣмъ, какъ христіанство, сколько онъ могъ познать изъ ученія миссіонеровъ, одною идеею единства, лежавшею въ его основаніи—въ вѣрованіи въ одного Бога, — могло уже способствовать ему къ достиженію этой цѣли; впрочемъ, нельзя умолчать, что неутомимая дѣятельность миссіонеровъ, и еще болѣе примѣръ ихъ жизни, произвели болѣе-глубокое вліаніе на народъ, чѣмъ сколько казалось поверхностныхъ наблюдателямъ, и что съ помощію ихъ возможно было создать собственно-христіанскую партію, соединившись съ которою король могъ предпринять новую борьбу противъ старыхъ враговъ. Достоверно, что прежнія идеи монархіи и аристократіи исчезли или слились въ одно съ новыми идеями христіанства и изычества; иня, которое давали христіанамъ, Буре-атуа (поклонники Бога) было вмѣстѣ называемъ приверженцевъ Помарѣ, а вельможи округовъ Атегуру и Папарѣ, жесточайшіе противники короля, явились защитниками всего стараго и для жертвоприношеній избирали преимущественно христіанъ; по изгнаніи Помарѣ, они положили нападать на всѣ европейскіе корабли и умерщвлять всѣхъ матросовъ. Общій взглядъ на событія доказываетъ, какъ несправедливо мнѣніе, будто христіанство и миссіонеры были причиною этой войны.

Сначала, казалось, что объявленіе Помарѣ не принесетъ никакой пользы христіанству, потому-что ни одинъ человекъ не послѣдовалъ его примѣру. Въ то же время, распри возникли меж-

(*) Гвагине высвѣкій островъ, почти равный съ Эйнео и лежащій недалеко отъ него.

(*) Туготманъ I, 89, 142. Ellis pol. res. (изданіе 1840 г.) 3. 16.

ду таитскими вельможами; въ кото-
рые признали снова короля и упрочи-
ли за нимъ владѣніе его наследствен-
ными округами, Парэ и Матавай: мис-
сіонеры воспользовались этимъ, объ-
ѣхали еще разъ весь островъ, и, къ не-
малому удивленію своему и радости,
нашли (въ 1813 г.) въ долину Гаута-
уа многихъ жителей, которые, подъ
руководствомъ ихъ прежнихъ служи-
телей, отказались отъ язычества и
приняли обряды новаго ученія: вотъ
доказательство того вліянія, которое
имѣли христіане. Король, сколько бы-
ло въ его власти, старался упрочить
имъ прозелитовъ и при освященіи
первой часовни въ Эймео, 42 человекъ,
преимущественно знатные (въ іюль
1813), объявили готовность оставить
поклоненіе идоловъ и принять креще-
ніе; многихъ удерживалъ только страхъ
гнѣва древнихъ боговъ, которые такъ
долго пользовались уваженіемъ; это
продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока смѣ-
лость одного жреца Патин, сжегша-
го своихъ семейныхъ боговъ, не
устранила и этого препятствія. Въ-
слѣдствіе такого autodafé, большая
часть жителей Эймео приступила къ
христіанству, и школы, недавно еще
пустыя, наполнились учениками. По
старанію Помарэ, новое ученіе имѣло
такой же успѣхъ на островѣ Таити;
приверженность къ христіанству уве-
личила неудовольствіе враговъ коро-
ля: въ 1814 году онъ долженъ былъ
оставить снова Таити и опять удалит-
ся на Эймео, гдѣ вокругъ него собра-
лись всѣ его приверженцы; послѣднее
бѣгство способствовало утверженію
христіанства и его собственнаго могу-
щества.

По удаленіи Помарэ на Эймео, ме-
жду знатыми возгорѣлось междуосо-
бие, и одинъ изъ наиболѣе-уважае-
мыхъ начальниковъ, Упапару, принялъ
христіанство; быстрое распростра-
неніе его вызвало наконецъ войну от-
крытую. Вельможи-язычники призна-
ли своихъ единовѣрцевъ изъ запад-
ныхъ округовъ Атегуру и Папарэ и
осаждая планъ совершеннагоistre-

бленія христіанъ; значагъ они дѣй-
ствовали успѣшно и опустошили сѣ-
веръ и востокъ острова; вскорѣ, ода-
кожь, завязался бой между побѣдите-
лями Уафаран и Тайарубу; первый
сдѣлался властелиномъ всего острова,
и кто могъ только, вслѣдствіи спасаясь на
островъ Эймео и усиливалъ королев-
скую партію; такимъ-образомъ, когда
мятежники задумали сдѣлать нападе-
ніе на Эймео, силы Помарэ были ве-
лики; они увидѣли, что бѣглецы ус-
ливали враговъ и требовали ихъ вы-
дачи; но съ бѣглецами вмѣстѣ вышелъ
Помарэ, за нимъ его приверженцы,
и послѣ многихъ переговоровъ объ от-
дачѣ неправильно-занятой земли, при-
ступилъ къ битвѣ въ равнинѣ Наріи
(5-го ноября 1815 года), въ которой,
съ помощію друга своего Магина, вла-
дѣтеля гвагняскаго, онъ одержалъ со-
вершенно побѣду. Уафара былъ
убитъ, и возмущившіяся области при-
знали безъ сопротивленія власть побѣ-
дителя и господство религіи, принятой
имъ. Въ-слѣдъ за тѣмъ, христіанство
распространялось на островахъ, нахо-
дящихся въ зависимости отъ Таи-
ти. Битва при Наріи имѣла слѣд-
ствія неисчислимыя. Помарэ осмыс-
ляя похвалы за то, что онъ послѣ
битвы проща и снисходительно обра-
щался съ побѣжденными; безъ сомнѣ-
нія, то было слѣдствіемъ его умной по-
литики и еще болѣе вліянія христіан-
ской вѣры. Благоразумные поступки
сдѣлали его единовластиемъ на
островѣ — это первое слѣдствіе битвы
при Наріи. Вторымъ важнымъ слѣд-
ствіемъ было совершенное уничтоже-
ніе язычества и послѣдовавшее въ
тѣмъ разрушеніе храмовъ и идоловъ.
Разумѣется, миссіонеры подавали, что
большинство одинаково съ своему го-
сударю и что весьма-немногіе удече-
ны были желаніемъ водворить религіозной
жизни; совѣтъ-тѣмъ, они по-справед-
ливости могли радоваться успѣху, ко-
торый представлялъ въ ихъ оцѣнѣ.
Ревность, которая обнаружилась въ
послѣдствіи, была немаловажною: мис-
сіонеры, бывшіе въ маломъ чи-

слѣ и занятые работами на Эймео, не могли предпринимать частыхъ путешествій на Таити, но и безъ ихъ содѣйствія возникли школы, въ которыхъ учили воспитанники ихъ съ острова Эймео, и воздвигались небольшія часовни, гдѣ, по шѣрѣ силъ, двари подражали христіанскимъ богослужебнымъ обрядамъ. Когда, въ 1817 году, число миссіонеровъ увеличилось духовными, вновь-присланными изъ Европы, то появилась возможность болѣе-прочнаго и скораго ученія въры: заведена была типографія, таитскія книги распространились по всѣмъ частямъ острова, школы же перешли подъ надзоръ миссіонеровъ: имъ - удалось также убѣдить жителей оставить прежнюю развѣянную жизнь и соединиться въ болшія деревни, что нужно было для полнаго успѣха ихъ дѣла. Съ этого времени окончилось безпорядочное ученіе, и замѣнилось болѣе-глубокимъ, которое внушить могли только одни Европейцы; наконецъ, въ 1819 году, совершенно было крещеніе надъ первымъ туземцемъ; послѣ того, къ великой радости миссіонеровъ, успѣхи христіанства шли все далѣе и далѣе.

Очевидно, духовное стремленіе, сосредоточившее дѣятельность народа въ религіозной сферѣ, было благопріятствуемо законоположеніемъ, которое далъ Помарѣ своему новому государству: основанія его были очень-просты и заключались въ повиновеніи королю и его повелѣніямъ.

Въ-теченіе нѣкотораго времени, увидѣли, однакожъ, невозможность оставаться при такомъ простомъ законодательствѣ тѣмъ болѣе, что знатные, не смотря на ученіе христіанское, все еще обнаруживали притязанія, опасныя для короля. Безпорядки, произведенныя ими, побудили короля Помарѣ издать, по совѣту миссіонеровъ, книгу законовъ, которую онъ, по случаю годичнаго праздника миссіонеровъ (13 мая 1819 г.), торжественно передалъ народу; это былъ первый кодексъ на островахъ Южнаго-Моря; по образцу

его составлены многіе другіе, доказывающіе рѣшительное вліяніе миссіонеровъ и болѣе всего Нотта, принимавшаго дѣятельное участіе въ его составленіи. Кромѣ правилъ, служившихъ къ утвержденію христіанства, онъ внесъ въ гражданскую жизнь важную, даже необходимую переимѣну, состоявшую въ учрежденіи «судей»; миссіонеры побудили его также установить суды присяжныхъ, что странно было съ перваго взгляда, но, къ общему удивленію, гармонировало съ потребностью народа. Объ отношеніи короля къ подданнымъ и о налогахъ новый кодексъ умалчивалъ; Помарѣ оставилъ въ этомъ случаѣ прежніе языческіе обычаи; при концѣ его жизни, такіи распоряженія надѣлали ему много безпокойствъ и готовы были обнаружиться мятежами; онъ, можетъ-быть, къ счастью своему, умеръ во двѣдцѣ лѣтъ (4 ноября 1821 года) (*), говоря, въ-слѣдствіе страсти своей къ крепкимъ напиткамъ, хотя приготовленіе ихъ въ своихъ владѣніяхъ онъ строго запрещалъ; его уважали подданные, но болѣе по чувству страха, чѣмъ по какому-либо явному побужденію.

Сынъ и наследникъ Помарѣ I, Помарѣ II, остался послѣ отца 18-ти лѣтцемъ; правленіе принялъ старикъ Маинаона, который и прежде правилъ островомъ Таити, во время отсутствія Помарѣ; но настоящею властію до имя дитяти пользовались мать и ея тѣтка, обѣ супруги Помарѣ, изъ которыхъ послѣднюю онъ оставилъ при себѣ, по принятіи христіанства. Правители старались поддержать прежній порядокъ. Ребенка-государя носили на рукахъ и во имя его требовали податей; это не понравилось правителямъ областей, ревностнымъ христіанамъ: по всему острову возникъ ропотъ; оказались необходимыми измѣненія, и потому въ 1824 году составилось собраніе знатнѣйшихъ людей, подъ руководствомъ миссіонеровъ, для раз-

(* По словамъ Блея и Вайкувера, ему было тольکو 39 лѣтъ отъ роду.

смотрѣнія книги законовъ; новая книга законовъ, составленная тогда изъ 44 статей, служить и до-сихъ-поръ основой таитскаго законодательства. Характеръ новыхъ законовъ былъ одинаковый съ характеромъ прежнихъ; но прочное распредѣленіе податей во многомъ извѣстило государственное постановленіе Помарэ. Слѣдствіемъ новыхъ законовъ было возстаніе аристократической партіи, подавленной умершимъ королемъ.

Молодого короля отдали на воспитаніе миссіонерамъ, а правленіе осталось въ рукахъ его тѣтки и совѣта правителей округовъ; правленіемъ этой женщины не былъ доволенъ народъ, и дѣла пошли дурно, когда въ 1827 г. умеръ король, и королевою назначена была дочь регентши, *Аймата*, принявшая также названіе Помарэ.

Между-тѣмъ, ревность народа къ христіанству мало-по-малу охладѣла; даже принявшіе христіанство исполняли обряды его только механически, оказывали совершенное равнодушіе къ нему и нерасположеніе къ миссіонерамъ за ихъ строгость; такая переѣма въ народѣ имѣла гибельныя слѣдствія для его правовъ; безстыдство и развратъ отличали преимущественно придворныхъ королевы. Преданность къ миссіонерамъ правителей округовъ сильно не правилась родственницамъ *Айматы*, а она, молодая и неопытная, предавалась всѣмъ грубымъ наслажденіямъ дикарей, не обращая вниманія на увѣщанія миссіонеровъ; дворъ ея сдѣлался сквищемъ глубочайшаго разврата.

Въ 1830 году обнаружилась новая междоусобная война; съ разными перемѣнами продолжалась она до 1833 года; во время этого упадка христіанской вѣры, болѣе всего распространилась страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, которые въ народѣ дикомъ и преданномъ наслажденіямъ чувственности должна была развиваться въ самыхъ отвратительныхъ формахъ. Необходимо было прекратить зло, разрушившее порядокъ даже въ христіан-

ской общинѣ, и миссіонеры, по усвоеніи Таити, рѣшились воспользоваться вліяніемъ, которое приобрѣли они надъ королевою, какъ примирителемъ междоусобной брани. Королева, въ собраніи знатныхъ острова *Эйсео*, дала строгое повелѣніе, чтобы всѣ жители посѣщали церкви, школы и исполняли обряды христіанства; вѣстѣ съ тѣмъ положено было основаніе обществу умѣренности, которое дѣйствовало такъ успѣшно, что вскорѣ значительно уменьшился ввозъ крѣпкихъ напитковъ; наковецъ оно выхлопотало запрещеніе ввоза хлѣбнаго вина. Скоро, однакожь, измѣнилось все прежнее, и островъ Таити потерялъ свою самостоятельность: королева осталась вѣрна миссіонерамъ, но противная ей партія нашла себѣ покровителей въ американскомъ и французскомъ консулахъ, изъ которыхъ первый уничтожилъ законъ, запрещавшій ввозъ крѣпкихъ напитковъ, а второй, *Бельгидъ Мѣренгутъ* (*Moerenhout*), открытый союзникъ католическихъ миссіонеровъ, указалъ имъ дорогу на островъ. Для миссіонеровъ было очень невыгодно, что одинъ изъ нихъ, *Притчардъ*, назначенъ былъ англійскимъ консуломъ; онъ самшкомъ-ревностно взялся за дѣло, запуталъ миссіонеровъ въ политическія дѣла, которыми они, для полнаго успѣха, должны были оставаться чуждыми, и тѣмъ испортилъ все, что они совершили.

Безполезно было бы распространяться о послѣдующихъ событіяхъ на о. Таити: ими полны столбцы журналовъ прошедшаго года; читатели наши, вѣроятно, помнятъ ихъ, и потому мы пропускаемъ подробности, слишкомъ уже извѣстныя, хотя онѣ и имѣютъ живой современный интересъ.

За островомъ Таити послѣдовали и прочіе острова Общества и приняли христіанство при такихъ же условіяхъ: вездѣ народъ обнаруживалъ ревность къ божественному ученію и преданность къ его проповѣдникамъ; также охотно слѣдовалъ онъ совѣтамъ миссіонеровъ и соединялся въ большія се-

ленія, посѣщалъ часовни и школы. Словомъ, результаты дѣятельности миссіонеровъ были блистательны и удовлетворительны на группѣ Общества; по-временамъ только оказывался недостатокъ въ истинномъ и глубоко стремленіи въ принятіи божественныхъ истинъ Евангелія, и новообращенные нерѣдко довольствовались однимъ наружными обрядами.

Оковчивъ въ подробности событія, сопутствовавшія введенію христіанства (передать всего этого мы не рѣшились, боясь утомить читателей рассказомъ фактовъ, большею частію сходныхъ между собою), г. Мейнике представляетъ дѣйствія миссіонеровъ на группахъ Опасныхъ-Острововъ, и острововъ Австраліи, Гервея, Самоа и Маркизскихъ; дѣйствія миссіонеровъ, успѣхи и неуспѣхи ихъ, междуособныя войны дикарей, изложенныя въ разбираемой вами книгѣ, на стр. 162—223, не лишены интереса, но утомительны своими частностями; занимательнѣе всего показалась намъ краткая исторія Новой-Зеландіи, и мы скажемъ о ней нѣсколько словъ.

Настоящая исторія Новой-Зеландіи существовать не можетъ. По сходству жителей ея съ прочими островитянами, можно заключить, что они имѣли вездѣ одинаковое государственное устройство; но такъ-какъ при открытіи острововъ, государства Южнаго-Моря находились въ совершенномъ упадкѣ, то мы можемъ говорить о Новозеландцахъ только съ того времени, когда получены были о нихъ извѣстія точныя, т. е. съ начала текущаго столѣтія.

Жители Новой-Зеландіи состояли изъ отдѣльныхъ семействъ, пользовавшихся одинакими правами; нѣкоторыя изъ нихъ отличались происхожденіемъ, богатствомъ и личными качествами своихъ представителей; но государства или чего-нибудь похожего на государство не было и слѣдовъ.

Не смотря на частыя посѣщенія Кука, сношенія его съ туземцами были ничтожны: онъ приставалъ обыкновенно

къ сѣвернымъ берегамъ южнаго острова, гдѣ народонаселеніе было многочисленно. Къ-тому же, опасность, которой подвергались плователи въ сношеніяхъ своихъ съ этими корыстолюбивыми и воинственными дикарями, которые успѣли прославиться, какъ грабители и людоеды, и особенно гибель французскаго капитана Моріона (*), внушили такой ужасъ, что Европейцы тщательно избѣгали негостепримныхъ береговъ Новой-Зеландіи. Но при колонизаціи Восточной-Австраліи, не могла остаться неизслѣдованною столь близкая къ ней Новая-Зеландія, тѣмъ болѣе, что колонисты замѣтили множество китовъ и моржей, ловлѣ которыхъ они предались съ истинно-англійскою ревностію, — отсюда и возникли первая сношенія туземцевъ и китолововъ. Послѣдніе мало-помалу начали посѣщать гавани острова и всюду свискивали радушный пріемъ; когда же за жизненные потребности они стали давать островитянамъ ружья и порохъ, столь высоко цѣнимые ими, то прибытіе ихъ было радостнымъ событіемъ для туземцевъ. Китоловы нашли въ Новой-Зеландіи все для себя нужное и постепенно хитростію и силою умѣли склонить Новозеландцевъ къ сопровожденію европейскихъ кораблей, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ даже служили въ званіи матросовъ; наконецъ, колонія Европейцевъ поселилась между дикарями, внушавшими прежде столько опасеній; они-то проложили путь миссіонерамъ и пріучили туземцевъ къ европейскимъ обычаямъ; слѣдовательно, въ одной Новой-Зеландіи китоловамъ, не безъ основанія, приписывается слава цивилизаціи дикаго народа (**).

Прежде всего, они начали сношенія съ обитателями сѣвернаго острова, извѣстными подъ названіемъ Нгапуги; чрезъ пріобрѣтеніе огнестрѣльнаго

(*) Крозе. Voyage autour du Monde, стр. 98.

(**) Carle-Narrative of a residence in New-Zealand. 42 стр.

оружія сдѣлались они первенствующимъ племенемъ между дикарями; впрочемъ, сравнительно съ другими островитянами, они были болѣе образованы, многое переняли отъ чужеземцевъ и кромѣ оружія занимались разведеніемъ свиней, возвращеніемъ картофеля, маиса и пшена. Сношенія съ дикарями утвердились еще болѣе, когда одинъ изъ начальниковъ племени *Тепачи*, пользовавшійся большимъ уваженіемъ между своими собратіями, сошелся дружески съ Европейцами и сдѣлался извѣстенъ въ Сиднеѣ; подарки, которые присылало ему правительство для поддержанія его дружбы, побудили его даже предпринять путешествіе въ Сидней, первое изъ тѣхъ путешествій въ европейскій городъ, которые въ послѣдствіи сдѣлались такъ обыкновенны и содѣйствовали образованію Новозеландцевъ. Но какую осторожность должны были соблюдать въ обращеніи съ туземцами Европейцы, показала участь корабля *Бойда* (*Boyd*): капитанъ его велѣлъ выстѣчь служившаго при немъ Новозеландца *Тара*, сына одного изъ начальниковъ; когда же онъ въ (1809) присталъ къ берегу, то единоплеменники обиженнаго напали на матросовъ, перебили и сжѣли ихъ и потомъ сожгли корабль.

Прежнія опасенія обнаружилась снова; мщеніе китолововъ, обманутыхъ ложнымъ слухомъ, будто бы Тепачи участвовалъ въ сожженіи Бойда и смерть этого вождя возбудила ненависть Новозеландцевъ, но обоюдныя выгоды были слишкомъ-привлекательны, и прежняя дружба скоро возстановилась.

Между-тѣмъ, отправленіе миссіи нѣсколько замедлилось. Прежде всѣхъ вздумалъ о введеніи христіанства Марсденъ, капелланъ въ Сиднеѣ; хотя онъ и не принималъ прямого участія въ обращеніи островитянъ, но ревностно содѣйствовалъ къ утвержденію и распространенію миссіи, и онъ-то, по справедливости, получилъ наименованіе просвѣтителя Новой-Зеландіи. Устроивъ родъ учебнаго заведенія для

воспитанія дѣтей знатныхъ, онъ вступилъ въ сношенія съ обществомъ церковныхъ миссій (*Churchs missionary society*) въ Англіи, откуда готовы были уже отправиться миссіонеры, когда получено было извѣстіе о гибели Бойда; тогда никто не хотѣлъ отправлять проповѣдниковъ на вѣрную гибель. Послѣ многихъ трудовъ, неутомному Марсдену удалось, уже въ 1814 году, отвезти трехъ священниковъ въ Новую-Зеландію, гдѣ Руатара, человекъ преданный Европейцамъ и родственникъ Тепачи, принялъ ихъ и ревностію своею содѣйствовалъ намѣреніямъ Марсдена, но, къ сожалѣнію, умеръ въ слѣдующемъ году.

Въ предпріятіяхъ миссіонеровъ Новой-Зеландіи видна цѣль, отличная отъ цѣлей прочихъ миссіонеровъ Южнаго-Моря. Послѣдніе имѣли въ виду одну только перемѣну вѣры; первые же имѣли съ обращеніемъ народовъ въ христіанство хотѣли быть учителями его, распространителями просвѣщенія и исправителями нравовъ, для чего приступили къ устройенію земледѣлія и ремеслъ. Цѣль эту указалъ имъ Марсденъ, разгадавшій, что Новозеландцы, не смотря на свою дикость и грубость, составляютъ самое благородное и наиболѣе-склонное къ образованію племя островитянъ: онъ нашелъ, что варварство и кровожадность ихъ происходили отъ невѣжества въ земледѣліи, которое могло бы приучить ихъ къ жизни болѣе-семейной и мирной. Изъ миссіонеровъ первое мѣсто занимаетъ Кендалъ, руководившій предпріятіе по идеямъ Марсдена; онъ оказалъ большія услуги миссіи, потому что занимался изученіемъ языка и умѣлъ приобрести довѣренность туземцевъ, хотя и упрекаютъ его въ излишней преданности мірскимъ занятіямъ. Объ обращеніи къ христіанству островитяне не хотѣли думать; дѣтей посылали въ школы потому только, что надѣялись получить чрезъ ихъ учителей товары, для себя выгодные; страсть же къ войнѣ ни мало не уменьшалась; но отъ-того положеніе миссіонеровъ было не безъ-

опасно, и когда они имѣли что-нибудь привлекательное для дикарей, то легко могли подвергнуться грабежу и убійству, что не трудно было при отсутствіи всякаго авторитета.

Покровительство ново-зеландскаго вождя Шонги упрочило существованіе миссіонеровъ, но нисколько не подвинуло ихъ впередъ. Шонги добывалъ отъ нихъ огнестрѣльное оружіе, даже совершилъ путешествіе въ Англію съ торговою цѣлію и, запасшись средствами, какихъ до него не имѣлъ еще никто изъ его соотечественниковъ, вполне предался своимъ воинственнымъ наклонностямъ и задумалъ покорить всѣхъ сосѣдей; съ 1821 до 1826 вся Новая Зеландія представляла картину кровопролитія и разрушенія. Не трудно понять, что при этихъ смутахъ положеніе миссіонеровъ было незавидное. Когда увидѣли результатъ путешествій Шонги, то рѣшили оставить прежній планъ цивилизаціи, какъ совершенно неудавшійся, и заняться единственно распространеніемъ христіанской вѣры. Между-прочимъ, Европейцы положили прекратить мѣну жизненныхъ потребностей на оружіе; это возбудило неудовольствіе Шонги и грозило миссіонерамъ новыми бѣдствіями. По счастью, гнѣвъ его скоро замѣнился совершеннымъ равнодушіемъ; хитрый начальникъ терпѣлъ ихъ изъ политическихъ видовъ и обращался съ ними, какъ съ своими вассалами. Въ другихъ мѣстахъ Новой-Зеландіи, успѣхъ ихъ былъ также ничтоженъ; они терпѣли обиду и притѣсненія, которыя становились столь тяжкими, что нерѣдко заставляли ихъ думать объ отъѣздѣ. Хорошо еще, что миссіонеры жили довольно-далеко отъ театра битвъ, и тѣмъ сохранились отъ насилія, неразлучнаго съ войною и побѣдою. Къ-счастью ихъ, въ 1820 году, умеръ Шонги отъ ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіи. Смерть его была событіемъ, счастливымъ не только для миссіонеровъ, но для всей страны, потому-что дѣйствіи сильнаго и войнолюбиваго вождя держали обитателей въ какомъ-то ли-

хорадочномъ состояніи. Спокойствіе, водворившееся по смерти его, способствовало къ обращенію дикарей и смягчило грубость нравовъ.

Жизнь и примѣръ миссіонеровъ, не смотря на всѣ препятствія, съ которыми они должны были бороться, не могли остаться безъ вліянія; дикари, жившіе около нихъ, бессознательно привыкли къ европейскимъ обычаямъ и подчинились христіанскимъ обрядамъ. Преимущественно миссіонеры старались искоренить кровавые обычаи, столь сильные между Новозеландцами, и успѣли въ томъ при помощи другихъ европейскихъ колонистовъ: тогда увеличилась въ гаваняхъ торговля китолововъ; къ-тому же, Европейцы узнали о множествѣ строеваго лѣса и льна на Новой-Зеландіи, и начали заводить для торговли этими предметами небольшія поселенія во внутренности земли, какія прежде основаны были китоловами на берегахъ. Говорятъ, что большая часть этихъ колонистовъ представляла нестройную, безпорядочную толпу, приносящую миссіонерамъ болѣе вреда, чѣмъ пользы; между тѣмъ и другими далеко нельзя было ожидать согласія; но въ одномъ пунктѣ сошлись они—въ отвращеніи своемъ къ дикимъ обычаямъ народа; при желаніи самыхъ Новозеландцевъ подражать Европейцамъ, такое общее стремленіе не могло остаться безъ успѣха: нравы мало-по-малу и незамѣтно для самихъ дикарей пришли въ лучшее состояніе. Существовавшій прежде обычай предавать мучительной смерти рабовъ, прекратился со смертію Шонги, и Европейцамъ удалось даже отнять трупъ невольницы, обреченной на сѣденіе, и похоронить его. Еще болѣе-сильнымъ доказательствомъ перемѣны нравовъ можетъ служить слѣдующее происшествіе. Одинъ знатный, изъ области Корарики, по имени *Вареуму*, былъ убитъ во время похода, имѣвшаго цѣлію отмщеніе жителямъ селенія Шокіанга; смерть его побудила племя Нгапуги къ войнѣ противъ этого селенія. Но знатные, которымъ непріятно было

междоусобіе и которые ни въ какомъ случаѣ не видали для себя выгоды, обратились къ миссіонерамъ и просили ихъ посредничества; миссіонеры приняли его съ охотою, взяли на себя роль примирителей и прекратили ссору безъ кровопролитія. Имъ это было выгодно, чѣмъ многимъ дикарямъ, потому что только во время мира они могли дѣйствовать успѣшно.

При такихъ обстоятельствахъ можно было надѣяться на болѣе успѣхъ обращенія, хотя христіанство водворялось медленно и дѣйствовало преимущественно на рабовъ и людей низшаго класса.

Въ 1830 году, не смотря на войну за обладаніе областью Корарики, духовные, съ помощію Марседена, начали приближаться къ цѣли своей колонизаціи и установили миссію въ округѣ Вайматъ во внутренности острова. До сихъ поръ главнымъ препятствіемъ было вліяніе моряковъ, которые мѣшали дѣйствіямъ миссіонеровъ; конкуренція кораблей возвысила цѣну на жизненные потребности и увеличила издержки колоніи, а опыты доставать себѣ необходимое отъ собственныхъ кораблей, вводя ихъ въ мало-посѣщаемыя гавани, не удались. Такимъ образомъ, составилась планъ завести колонию внутри земли посреди дикарей, которыхъ не коснулось еще вліяніе моряковъ, для упроченія существованія миссій и пріученія туземцевъ къ земледѣлію въ размѣрахъ болѣе-обширныхъ. Такое намѣреніе вполне оправдало надежды миссіонеровъ, особенно когда новая колонія Вайматъ привлекла къ себѣ значительныхъ начальниковъ; она имѣла благотворное вліяніе на прочія колоніи, и въ нѣсколько лѣтъ торжество христіанства казалось рѣшеннымъ; не смотря на то, число враговъ все еще было очень-значительно.

Когда положены были основанія христіанскаго ученія на южныхъ берегахъ и внутри острова, миссіонеры распространили дѣятельность свою и на прочія части Новой-Зеландіи. Въ

сѣверной части, гдѣ жители имѣли сношенія съ Европейцами, опыты ихъ были удачны: въ 1835 году, принявъ крещеніе первые туземцы, и успѣхъ миссіонеровъ былъ блистательнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ новѣйшее время: и гдѣ еще христіанство не основалось такъ твердо. Труднѣе было миссіямъ дѣйствовать въ другихъ частяхъ острова; но неутомимая дѣятельность колонистовъ покрыла поселеніями островъ, и мало-по-малу достигаютъ своей цѣли.

Увеличеніе колоній и расширеніе круга дѣятельности духовныхъ по всему сѣверному острову, имѣло благотворныя слѣдствія:— междоусобныя войны прекращались чрезъ содѣйствіе христіанъ и не имѣли уже того губительнаго характера, какимъ отличались походы Шонги и вождей, ему родобныхъ. Мало-по-малу, угасла вражда, и, вмѣсто ея, водворился миръ съ естественными послѣдствіями: диварч видѣли, что чужестранцы много способствовали водворенію согласія, и между ними явилось общее требованіе христіанства и учителей, что замѣтно было даже въ тѣхъ племенахъ, которыхъ не были въ соприкосновеніи съ миссіонерами; темное сознаніе великаго значенія новой вѣры необходимо должно было дѣйствовать, и религиозное одушевленіе увлекло всѣхъ обитателей Новой-Зеландіи. Такимъ расположеніемъ умовъ воспользовались миссіонеры какъ-нельзя-лучше, и плодами трудовъ ихъ было не только приведеніе островитянъ къ христіанству, но установленіе прочнаго правленія и законовъ.

Окончивъ описаніе Новой-Зеландіи, много еще рассказываетъ г. Мейникъ о жизни миссіонеровъ, о способахъ, какими они приводили дикарей къ христіанству, о книгахъ, изданныхъ ими для просвѣщенія дикарей, и заключаетъ трудъ свой описаніемъ переѣздовъ, которые произошли на островахъ Южнаго-Моря въ послѣдніе годы нашего столѣтія.

ВЮДГАРНІСЧЕ ДЕНКМАЛК. Von K. A. Varnhagen von Ense. (БЮГРА-

ическія Воспоминанія Фаригагена фон-Энзе). Берлинъ. 1845. 2 тома.

Въ двухъ томахъ, г. Фаригагенъ фон-Энзе представилъ слѣдующія біографіи: 1) Графа Вильгельма Липпе; 2) Графа Матіаса фон-Шуленберга; 3) Теодора, короля Корсики; 4) барона Георга фон-Дресфалингера и 5) Леопольда, князя ангальт-дессаускаго.

Біографіи эти составлены изъ источниковъ, заслуживающихъ полное уваженіе: въ концѣ книги авторъ исчисляетъ всѣ сочиненія, которыми онъ пользовался. Считаю за излишнее говорить о томъ, какую пользу доставляютъ живые очерки жизни людей, которые судьба назначала блестящее поприще или обширный кругъ дѣйствій: въ соприкосновеніи съ ними высшихъ событій отражается и вѣкъ, въ которомъ они жили, и характеры людей, ихъ современниковъ, и наконецъ все, что составляетъ политическую и гражданскую жизнь народа, посредіи котораго они дѣйствовали. Мы остановимъ вниманіе читателей нашихъ на двухъ лицахъ; біографіи ихъ показали намъ интереснѣ другихъ: это Теодоръ Нейгофъ, король Корсики, и фельдмаршалъ Леопольдъ-Дессаускій.

Первый олицетворялъ собою характеръ истиннаго авантюрьера: ничтожный дворянинъ Вестфалинъ, неизмѣшій никакихъ средствъ возвыситься, кромѣ личной страсти къ приключеніямъ, онъ примыкаетъ въ продолженіи своей бурной жизни ко всѣмъ болѣе или менѣе великимъ выходцамъ, которыми такъ богатъ былъ его вѣкъ — Герцъ, Альберони, Лоу, репегатъ Бонневаль, и проч. и проч., всѣ они находились съ нимъ въ сношеніяхъ и имѣли вліяніе на его судьбу; наконецъ, онъ торжественно провозглашенъ былъ королемъ того небольшого острова, имя котораго соединилось въ послѣдствіи съ величайшимъ именемъ современной исторіи. Личность Нейгофа сама-по-себѣ увлекательна, и потому очеркъ жизни его, безъ всякихъ украшеній предста-

вленный Фаригагеномъ фон-Энзе, заслуживаетъ общее вниманіе.

Теодоръ-Стефанъ, баронъ Нейгофъ, происходившій изъ вестфальской дворянской фамиліи, родился въ 1686 году, во Франціи. Отецъ его, Антонъ Нейгофъ, служилъ прежде капитаномъ въ гвардіи епископа монстерскаго, потомъ вступилъ въ бракъ съ дочерью богатаго купца и оставилъ службу; тогда преслѣдованія со стороны его родственниковъ за такой неравный бракъ заставили его отправиться во Францію, гдѣ онъ нашелъ себѣ покровительницу въ герцогинѣ орлеанской; она доставила ему мѣсто коменданта небольшой крѣпости недалеко отъ Меца, и по смерти его, въ 1695 году, взяла къ себѣ на воспитаніе двухъ дѣтей его — сына и дочь, которые оба отличались необыкновенною красотою. Дочь, по имени Елизавета, была въ послѣдствіи придворною дамою герцогини и вступила въ бракъ съ графомъ Тревю; сынъ же, Теодоръ-Стефанъ, принять былъ наемъ ко двору герцогини и получилъ блестящее свѣтское воспитаніе того вѣка. Во всѣхъ рыцарскихъ упражненіяхъ выказывалъ онъ ловкость и мужество; оружіе и воинскія экзерциціи были его любимыми занятіями; впрочемъ, и собственно-духовное образованіе не оставалось въ пренебреженіи: онъ пристрастился къ изученію исторіи; примѣры геройскихъ подвиговъ и великихъ дѣланій, преимущественно вычитанныхъ имъ у Плутарха, воспламеняли его юношеское воображеніе. Плутарха онъ читалъ безпрерывно, заучивалъ наизусть; но скоро удовольствіи свѣтскія отвлекли его отъ серьезныхъ занятій, и онъ предавался всѣмъ забавамъ разсѣянной парижской жизни, гдѣ приобрѣлъ своимъ умомъ и ловкостью много значительныхъ друзей, вліяніемъ которыхъ получилъ мѣсто въ военной службѣ; но страсть къ игрѣ и разсѣянная жизнь уничтожили выгоды его положенія. Сначала, счастье благоприятствовало ему, но потомъ онъ проигрался совершенно, надѣлалъ множество долговъ и

задумалъ оставить Францію. Сильно влекла его къ себѣ блистательная слава короля шведскаго; онъ взялъ отставку изъ французской службы, отправился на сѣверъ и вступилъ офицеромъ въ войско Карла XII.

Здѣсь во многихъ случаяхъ, онъ умѣлъ выказать неподдѣльное мужество, которое служило основнымъ качествомъ война, если и не составляетъ еще всѣхъ принадлежностей полководца; подвизаясь въ полѣ, онъ приобрѣлъ искусство въ военномъ дѣлѣ, такъ-что могъ бы съ честію продолжать начатое имъ поприще, но внутреннее стремление его способностей отвлекло его въ другую сторону. Теодоръ былъ родственникъ барону Герцу, другу и соратнику Карла XII; теперь онъ сдѣлался ему лично извѣстенъ, и проницательный министръ тотчасъ угадалъ въ молодомъ офицерѣ высшій дарованія, которыя легко могъ употребить въ дѣло для своихъ великихъ намѣреній и обширной дѣятельности. Этотъ необыкновенный человѣкъ, родившійся въ Германіи, служившій при дворѣ молодого герцога голштинскаго, не имѣлъ иныхъ отношеній къ Швеціи, кромѣ личной преданности, и въ этомъ качествѣ взялся за трудное предпріятіе предохранить Швецію отъ внутренняго и вѣшняго паденія. Для подобной цѣли, онъ не имѣлъ иныхъ средствъ, кромѣ собственной изобрѣтательности.

Безконечная довѣренность короля была первымъ плодомъ его дѣятельности: онъ въ-минуту умѣлъ снискать ее — непреклонная воля героя впервые склонилась передъ свѣтлымъ умомъ государственнаго мужа. Въ короткое время, Герцъ оправдалъ эту довѣренность; благоразумными распоряженіями ему удалось возстановить порядокъ внутри государства; но еще важная предстоила ему задача—заклѣчить почетный миръ съ европейскими державами, которыя Карлъ возбудилъ противъ себя; уже шли дѣятельные переговоры съ Петромъ-Великимъ; дипломаты шведскіе хлопотали въ Вѣнѣ, Гагѣ, Парижѣ. Для успѣшнаго дѣйстви-

ванія противъ короля англійскаго, на котораго обрушилась вся ненависть Карла XII, Герцу необходимы были сношенія съ мадритскимъ дворомъ: тамъ управлялъ дѣлами государства Итальянецъ Альберони, государственный человѣкъ, съ которымъ Герцъ имѣлъ много сходнаго въ судьбѣ и въ образѣ мыслей, и на помощь котораго онъ могъ положиться. Для опредѣленія обоюдныхъ дѣйствій, въ которыхъ Швеція и Испанія соединились одною общемою цѣлію, Герцъ нашелъ необходимымъ отправить тайное посольство въ Мадридъ и избралъ для этого порученія Теодора Нейгофа, въ дарованіяхъ котораго уже убѣдился.

Теодоръ, получая довѣрительнымъ грамотами, отправился въ Испанію. На тайной аудиенціи у министра онъ такъ-хорошо представилъ ему всѣмъ, что Альберони олушевился новою ревностью къ общему предпріятію; въ то же время, онъ получилъ высокое мѣсто объ умѣ молодого посланника и почтилъ его своимъ расположеніемъ. Счастливо окончивъ переговоры, утвердившимъ самимъ королемъ испанскимъ, возвратился Теодоръ въ Швецію и осыпанъ былъ ласками Карла XII. Герцъ, считая нужнымъ личное присутствіе въ Гагѣ для божье-успѣшнаго хода дѣлъ, поѣхалъ туда въ сопровожденіи Теодора; ему необходимы были также постоянныя сношенія съ шведскимъ посломъ въ Англии, графомъ Гилленборгомъ, который возбуджалъ къ дѣйствіямъ приверженцевъ Стюарта; Теодоръ былъ исполнителемъ его порученій, нѣсколько разъ совершалъ тайныя поѣздки въ Лондонъ, и дѣйствовалъ такъ удачно, что поѣздки его оставались въ тайнѣ; дѣла дошли уже до настоящаго заговора якобитовъ, и Теодоръ имѣлъ неоднократное совѣщаніе съ главами его. Неосторожность якобитской партіи открыла все дѣло королю, и правительство англійское, въ февралѣ 1717 года, задержало Гилленборга и всѣ его бумаги. Въ это самое время, Нейгофъ былъ въ Лондонѣ, но успѣлъ скрыться и добраться до Гол-

лавли. Новые бѣдствія ожидали его тѣмъ.

По бумагамъ Гилленборга, не оставалось никакого сомнѣнія, что Герцъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ якобитовъ, и англійское правительство въліяніемъ своимъ на генеральные шгаты принудило задержать Герца и его спутниковъ. Россія, Испанія и Франція вступились за вѣхъ, и содѣйствіемъ русскаго царя и регента Франціи они были освобождены. Герцъ возвратился въ Швецію съ твердою рѣшимостью преслѣдовать свои планы, а за нимъ поѣхалъ и Нейгофъ, надѣясь на получение значительнаго мѣста въ шведской государственной службѣ.

Новые неожиданные удары разрушили эти надежды. Карлъ XII палъ въ Норвегіи отъ руки измѣнника, и въ слѣдъ за тѣмъ другъ его и министръ былъ заключенъ въ стокгольмскую тюрьму. Теодоръ, какъ извѣстный всѣмъ приверженецъ Герца, долженъ былъ бѣжать, и бѣжалъ во-время: иначе онъ бы вѣроятно раздѣлилъ участь своего покровителя и родственника, который скоро потомъ сложилъ голову свою на эшафотѣ. Нейгофъ отправился въ Испанію, гдѣ всемогущій министръ, которому, какъ мы сказали выше, онъ умѣлъ понравиться, доставилъ ему чинъ полковника въ королевскихъ войскахъ; расположеніе Альберони привлекло къ Нейгофу много друзей. Въ этомъ кругу онъ умѣлъ снискать себѣ покровителя и друга въ особѣ барона Риппэрды, въ послѣдствіи герцога и перваго министра, который и тогда уже пользовался большимъ вліяніемъ при испанскомъ дворѣ. Замѣчательна также судьба этого выходца, родомъ Ундерландца: воевъ, посоль, фабрикантъ, приворный и министръ, онъ находился то въ испанской, то въ нидерландской, то въ маровьевской службѣ; смотря по обстоятельствамъ былъ католикъ, протестантъ, или поклонникъ ислама: вездѣ, куда ни являлся онъ, его блистательная личность и ловкое обращеніе произволяли на всѣхъ благопріятное впечатлѣніе, хотя онъ никогда не могъ похва-

литься постоянствомъ удачъ. Онъ почувствовалъ къ Теодору, какъ къ собрату по участи, живую симпатію, и чтобы упрочить будущность своего новаго друга, совѣтовалъ ему жениться на лэдѣ Сарсфельдъ, гордой и дурной собою, но происходившей изъ знатнаго рода и любимицѣ королевы, которая могла упрочить значительное положеніе Нейгофу.

По этому браку, къ которому склонился наконецъ Теодоръ, обманувъ его ожиданія: скоро позабытый дворомъ, едва поддерживаемый Альберони и Риппэрдою, онъ долженъ былъ еще выносить гордое обращеніе своей жены. Когда же послѣдовало внезапное паденіе Альберони, онъ почувствовалъ, что не ему бороться съ такими бѣдствіями: быстро принялъ онъ рѣшеніе, и когда супруга его отправилась съ дворомъ въ Эскуріаль, онъ въ одинъ день собралъ всѣ деньги свои и драгоцѣнности, какія только у него были, сѣлъ въ Картагенѣ на корабль, присталъ къ французской гавани и оттуда поспѣшилъ въ Парижъ. Супруга его осталась беременною и въ отсутствіе его произвела на свѣтъ сына, съ которымъ въ послѣдствіи прибыла во Францію.

Авантюрьеръ другаго рода находился тогда въ Парижѣ и пользовался общимъ вліяніемъ и милостію двора. Шотландецъ Лоу, бѣжавшій изъ Англій за поединкомъ, на которомъ убилъ своего противника, изгнанный изъ Венеціи и Генуи за нѣкоторыя двусмысленныя дѣла, нашелъ во Франціи поприще для своихъ необыкновенныхъ дарованій: тамъ вскорѣ приобрѣлъ онъ неограниченную довѣренность регента и огромное вліяніе на все государство. Въ это самое время сошелся съ нимъ Теодоръ: деньгами, вывезенными изъ Испаніи, онъ удовлетворилъ своихъ старыхъ кредиторовъ и съ помощію оборотовъ, заведенныхъ предприимчивымъ Лоу, велъ жизнь роскошную и заводилъ знакомства въ большомъ свѣтѣ. Но такое состояніе было непродолжительно. Системою своею Лоу потрясъ всю Францію и едва-едва могъ спасти собствен-

ную жизнь; съ паденіемъ его, Теодоръ вдругъ обвинялъ: привыкнувъ къ роскошной жизни, онъ надѣлалъ множество долговъ, и кредиторы, увидѣвъ, что онъ не въ состояніи уплатить ихъ, начали тѣснить его со всѣхъ сторонъ.

Съ помощію сестры своей, графини Треву, которая нѣжно любила его, ему удалось выхлопотать опредѣленіе парламента объ отсрочкѣ платежа по заемнымъ письмамъ; но шведскій посолъ, графъ де-ла-Маркъ, который сначала содѣйствовалъ ему, выхлопоталъ у Французскаго правительства страшное *lettre de sâchet*, и опредѣленіе парламента осталось безъ дѣйствія. Въ страхъ за свою свободу Теодоръ долженъ былъ вторично оставить Францію.

Безъ твердаго плана, безъ опредѣленной цѣли, странствовалъ онъ по многимъ землямъ. Несчастная звѣзда, которая до-сихъ-поръ его преслѣдовала и изъ спокойной жизни бросала въ бурю и несчастіе, по-видимому дала ему право предоставить будущее на произволь судьбы.

Сначала, онъ отправился въ Англію, потомъ въ Голландію, и наконецъ совершилъ путешествіе въ Левантъ неизвѣстно ни съ какими средствами, ни съ какой цѣлю; можетъ-быть, онъ пускался въ торговые обороты, потому-что въ Амстердамѣ получилъ значительныя суммы денегъ отъ португальскихъ Евреевъ. Никто не обладалъ такимъ искусствомъ дѣлать долги: онъ вездѣ успѣлъ внушить къ себѣ участіе и довѣренность и такъ сильно очаровывалъ своею личностью, что въ случаѣ неудачи въ предложенныхъ имъ предпріятіяхъ обвинялъ одну судьбу, а не его. Въ непрерывномъ стараніи устранить старыхъ кредиторовъ и приобрести новыхъ, провелъ онъ многіе годы: онъ появлялся иногда въ Парижѣ, иногда въ Лиссабонѣ, иногда въ различныхъ мѣстахъ Италіи. По-видимому какія-нибудь особенныя обстоятельства привели его въ соприкосновеніе съ государственными дѣлами: въ Италіи онъ старался набрать полкъ на службу императора, и въ 1732 году мы видимъ

его во Флоренціи резидентомъ Карла VI. Здѣсь особенное вниманіе его приковали дѣла Корсики. Скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ дѣлахъ.

Корсика на пространствѣ 178 квадратныхъ миль имѣла до 200,000 жителей, состоявшихъ изъ различныхъ племенъ; кромѣ европейскихъ переселенцевъ, островъ, подвергавшійся нападеніямъ Сарациновъ, сохранилъ слѣды ихъ. Примѣсь этой дикой крови видна во многихъ чертахъ корсиканскаго характера. Сверхъ-того, Корсиканцы соединяютъ характеръ островитянъ съ характеромъ горцевъ, чувство отдаленности и особенности съ духомъ свободы. Островъ вообще плодороденъ, во многихъ мѣстахъ хорошо обработанъ, богатъ южными произведеніями, но по его срединѣ простираются высокія, покрытыя вѣчными снѣгомъ горы, между которыми раскинулись густые лѣса и виднются глубокія ущелья. Такое состояніе почвы дѣлаетъ военныя дѣйствія чрезвычайно-затруднительными, питаетъ духъ независимости жителей и представляетъ множество средствъ къ защитѣ. Корсиканцы всегда отличались жестокостью, непреклонною волею и вѣстѣ съ тѣмъ они храбры, гостеприимны, склонны къ образованію. Чувство независимости ихъ было уже извѣстно Римлянамъ, которые не брали себѣ рабовъ между Корсиканцами, и заслужило справедливыя похвалы Наполеона (*). Славу храбрыхъ воиновъ они снискали по заслугамъ; но страшная наследственная месть, которою они преслѣдовали обидѣннаго ихъ до седьмого колѣна, произвела опустошенія и уничтожила бы Корсику, еслибъ еще

(*) A Paris, on avait dit au Sénat que la France avait été chercher un maître chez un peuple, dont les Romains ne voulaient pas pour esclave. «Ce sénateur a pu vouloir m'injurier», disait l'Empereur, «mais il faisait là un grand compliment aux Corses. Il disait vrai; jamais les Romains n'achetaient d'esclaves corses; ils savaient qu'on n'en pouvait rien tirer; il était impossible de les plier à la servitude.» См. Мémorial de St. Hélène, въ главѣ о Корсикѣ, часть 4.

большая ненависть къ чужеземному владычеству не соединила жителей въ чувствѣ любви къ отечеству. Эта ненависть сильнѣе всего была устремлена противъ Генуэзцевъ, которые съ давнихъ временъ имѣли притязанія на обладаніе Корсикою и сильно утѣснили жителей. И дѣйствительно, состояніе Корсики при Генуэзцахъ было самое плачевное: всѣ жители были рабами, даже уничтожено было сословіе дворянства, чтобы титулами его не нарушилось общее рабство. Всѣ дѣла острова обращены были въ пользу владѣтелей; поселянинъ не могъ ни продать произведеній своей земли, ни даже обитывать ихъ другому на своемъ островѣ; онъ обязанъ былъ уступать ихъ за самую низкую цѣну Генуэзцу, и тотъ уже перепродавалъ ихъ Корсиканцамъ. Ни одинъ Корсиканецъ не могъ занять общественной должности: вмѣсто законовъ господствовали произволъ генуэзскихъ правителей, которые могли даже наказывать смертію. Отсутствие права дало свободу самовольной расправѣ; въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ число убійствъ простиралось до 1000 ежегодно, что, судя по малому народонаселенію, доказываетъ безнаказанность, потому-что Генуэзцы, извлекая свои выгоды изъ денежныхъ пеней, только поощряли преступленіе: казна генуэзская заранѣе рассчитывала, сколько прійдется ей за помилованіе убійцъ! Униженіе повлекло за собою совершенное невѣжество; цивилизаціи пресѣчены были всѣ пути; тираны не позволяли учреждать никакого заведенія учебнаго и промышленнаго; напрасно, угнетенные, чувствуя сильную потребность духовнаго образованія, умоляли о заведеніи школъ; они не получали желаемаго. Такое постыдное униженіе довело наконецъ жителей до отчаянія и заставило ихъ взяться за оружіе. Въ 1729 году, вспыхнулъ мятежъ, опасный для Генуэзцевъ; дѣло дошло до настоятельной битвы, и Корсиканцы, подъ предводительствомъ смѣлаго вождя своего Помпиліани, бились съ такимъ геройскимъ мужествомъ, что за Генуэзцами

остались только главные города Бастія и Аяччіо и еще нѣсколько мѣстъ по берегамъ; внутренность же острова осталась свою независимость. Были попытки заключить миръ, но вѣроломство Генуэзцевъ дѣлало его невозможнымъ; между-тѣмъ, республика скоро почувствовала себя столь слабою, что не могла собственною силою удерживать въ повиновеніи храбрыхъ островитянъ, которымъ, сверхъ-того, дворы версальскій и мадритскій давали почти-открытое вспоможеніе; она просила помощи у императора, и онъ позволилъ отряду волонтеровъ отправиться изъ Милана на помощь Генуи; потомъ, не желая совершеннаго покоренія Корсики подъ иго вѣроломныхъ Генуэзцевъ, онъ отправилъ гораздо-сильнѣйшій отрядъ, подъ начальствомъ принца Лудвига-Виртембергскаго, съ тѣмъ, чтобы онъ старался окончить дѣла мирно. Послѣ нѣсколькихъ спябокъ, неблагоприятныхъ для островитянъ, къ великому неудовольствію Генуи открылись переговоры. Корсиканцы не отказывались признать господство республики, но требовали почетныхъ условій и установленія прочныхъ законовъ подъ покровительствомъ императора.

Содѣйствіемъ принца Лудвига заключенъ былъ договоръ, по которому общана была всеобщая амнистія, уничтоженіе тягостныхъ налоговъ, возведеніе нѣсколькихъ корсиканскихъ фамилій въ число дворянъ генуэзскихъ, учрежденіе школъ, и проч. Но Генуэзцы, не смотря ни на что, хотѣли безусловнаго повиновенія и до окончанія дѣла захватили въ Корте (городѣ, гдѣ велись переговоры подъ посредствіемъ принца), четырехъ корсиканскихъ уполномоченныхъ и отправили ихъ въ Геную подъ предлогомъ, что они замышляютъ новыя безпокойства. Но уполномоченные и тамъ умѣли дѣйствовать на пользу родины; одинъ изъ нихъ, Рафаэли, свелъ знакомство съ корсиканскимъ монахомъ въ Генуѣ, съ которымъ былъ близокъ Теодоръ Нейгофъ. Принцъ ласково принималъ въ Корте корсиканскихъ

предводителей и постоянно обнаруживалъ къ нимъ свое расположеніе; совѣсть-тѣмъ онъ не могъ остановить распоряженій генуэзскихъ; все сопротивленіе его было напрасно; аресты смѣнялись безпрерывно новыми арестами, и безоружные, ослабленные Корсиканцы потеряли надежду на освобожденіе. Тогда республика навлекла на себя общее порицаніе: французскій дворъ въ рѣзкихъ и сильныхъ выраженіяхъ изъявилъ свое презрѣніе къ Генуѣ, которая думала только о томъ, какъ-бы отворотить отъ себя, или по крайней мѣрѣ ослабить неудовольствіе императора.

При такихъ обстоятельствахъ, принялъ Теодоръ участіе въ корсиканскихъ дѣлахъ; онъ посвятилъ имъ все способности свои и началъ дѣйствовать съ такимъ жаромъ, что судьба Корсики должна была наполнить всю жизнь его и сдѣлаться его собственною судьбою.

Во Флоренціи и Ливорно, гдѣ онъ попеременно жила въ качествѣ императорскаго резидента, онъ имѣлъ случай лично познакомиться съ значительными корсиканскими предводителями, которые часто разговаривали съ нимъ о дѣлахъ своего отечества. Живое участіе его въ судьбѣ Корсики, умные и смѣлые совѣты, которые онъ подавалъ, снискали ему высокое уваженіе Корсиканцевъ и потомъ благодарность ихъ: его дѣлательнымъ стараніямъ, его ходатайству предъ принцемъ виртембергскимъ много обязаны были жители Корсики заключеніемъ выгоднаго для нихъ договора; когда же произошли упомянутые нами аресты, то Корсиканцы чаще прежнего стали оставлять островъ и дѣлили горе свое съ другомъ, который далъ имъ смѣлое обѣщаніе освободить заключенныхъ. Но это легче было обѣщать; чѣмъ исполнить; вѣнскій дворъ медлил рѣшеніемъ, а Генуэзцы пользовались этою медленностью. По этому случаю, Теодоръ началъ переписку съ императорскимъ дворомъ; неизвѣстно, одному ли содѣйствію Теодора обяза-

на была Корсика благопріятной перемѣнѣ обстоятельствъ, по достовѣрно, что она совершилась не безъ живаго участія съ его стороны. За Корсиканцевъ при императорскомъ дворѣ вступился принцъ Евгенийъ-Савойскій, и по совѣту его императоръ объявилъ походъ противъ Генуи, если она не отпуститъ корсиканскихъ плѣнниковъ и не заключитъ договора съ островитянами.

Этотъ успѣхъ, на который и не смѣли надѣяться Корсиканцы, еще болѣе возвысилъ Теодора въ ихъ мнѣніи; имѣлъ ли онъ вліяніе на рѣшеніе императора или нѣтъ, но обѣщаніе его было исполнено, и этого было довольно: его провозгласили благодѣтелемъ и побровителемъ Корсики.

Въ послѣдующихъ сношеніяхъ съ нимъ, онъ еще сильнѣе приковалъ къ себѣ привязанность Корсиканцевъ — гибкость ума его внушала имъ невольное къ нему благоговѣніе; они дивились его отважнымъ замысламъ и почитали его способнымъ на всякое предпріятіе.

Въ слѣдствіе сношеній своихъ съ корсиканскими уполномоченными, Теодоръ началъ основательно заниматься дѣлами Корсики; онъ внушалъ островитянамъ, какъ ненадеженъ союзъ съ Генуею, какъ легко могутъ они пасть снова насилію и грабешамъ, которые терпѣли уже столько времеш; онъ увѣрялъ, что островъ ихъ могъ бы сдѣлаться самою счастливою странною, еслибъ исчезло владычество чужеземцевъ и возникла самобытная республика или королевство. Они вполнѣ соглашались съ его словами, изъявляя готовность оружіемъ возвратитъ свободу; они пошли еще далѣе и объявили ему, что давно уже думаютъ, что онъ одинъ способенъ освободитъ ихъ и за успѣшное окончаніе дѣла можетъ возложить на голову свою корону! Такое необыкновенное предложеніе должно было очаровать авантюрьера, но онъ медлил еще своимъ рѣшеніемъ. Только черезъ нѣсколько дней, когда Корсиканцы приступили къ нему съ убѣдительными просьбами и увѣряли его въ согла-

гим всѣхъ соотечественниковъ, приступилъ онъ къ предпріятію, которое въ началѣ не представляло ничего, кромѣ препятствій и безпокойствъ. Новые союзники согласились между собою, что для полнаго успѣха имъ необходимо покровительство какой-нибудь иностранной державы, и Теодоръ принялъ на себя обязанность найти такое покровительство.

Мало пособій имѣлъ въ виду будущій король; доставъ кое-какъ ничтожную сумму денегъ, онъ отправился въ Римъ, гдѣ имѣлъ значительныя связи и пользовался уваженіемъ многихъ знатныхъ; тамъ не дали ему никакой помощи; то же самое испыталъ онъ въ Мадритѣ, Вѣнѣ, Версалі. Препятствія только воспламеняли его: по примѣру знаменитаго корсиканскаго предводителя Сампiero, который въ шестнадцатомъ вѣкѣ получилъ пособіе Оттоманской-Порты, онъ отправился въ Константинополь: тамъ нашелъ онъ себѣ помощниковъ Франца Ракоцкаго, князя семиградскаго и ренегата Ахмета-Пашу, прежняго графа Бонневалля, Француза, который съ самымъ блистательнымъ мужествомъ соединялъ невѣроятное легкомысліе: онъ былъ сначала во французской, потомъ въ австрійской службѣ, оставлялъ ихъ по непріятностямъ, и наконецъ отправился въ Константинополь, принявъ мухаммеданскую вѣру и приобрѣлъ большія богатства въ расположеніе султана: оба равно ненавидѣли Австрію и всѣми силами старались вредить ей. Теодоръ, съ свойственною ему проникательностью, тотчасъ угадалъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло: его умѣнье жить въ свѣтѣ, его ловкость соединять свои интересы съ чужими, доставили ему въліяніе на новыхъ друзей: его пламенное краснорѣчіе часто дѣлало возможными дѣла невозможныя. Онъ умѣлъ польстить ихъ ненависти, и въ живой, мощной картинѣ представить имъ, что освобожденіе Корсики будетъ первымъ шагомъ къ уничтоженію австрійскаго дома — планъ, предложенный имъ, былъ смѣлый и несдыхающій. По убѣжденію

Бонневалля, Порты согласилась дать по-мощь Теодору съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, по достиженіи королевскаго достоинства, призналъ надъ Корсикою господство Турціи. Между-тѣмъ, Корсиканцы дрались храбро, отбѣснили Генуэзцевъ къ берегу, и думали уже объ установленіи правительства. Теодоръ видѣлъ, что новое правительство могло оставить его въ тѣни, и потому самъ поспѣшилъ въ Корсику. Онъ извѣстилъ друзей о прибытіи своемъ туда, и хотя не имѣлъ еще войска, но доставъ большія суммы денегъ и множество припасовъ; послѣдніе присланы ему были Рипардою, который, подъ именемъ Османа, занималъ важное мѣсто при дворѣ мароккискаго султана. Вѣсть о прибытіи Теодора произвела всеобщую радость, тѣмъ болѣе, что Корсиканцы нуждались въ жизненныхъ потребностяхъ; они закипѣли новымъ мужествомъ: легковоспламеняемый народъ не трудно было заставить отъ республиканскихъ формъ перейти къ монархическимъ и королемъ назначить Теодора. Приверженцы его болѣе всего ставили на видъ освобожденіе уполномоченныхъ изъ темницъ Генуи и вражду его ко всѣмъ врагамъ Корсики. Такимъ-образомъ, послѣ продолжительныхъ неудачныхъ опытовъ, 15 марта 1736 года, Теодору, удалось пристать къ берегамъ Корсики и выйти въ гавани Алерія (Aleria). Англійскій консулъ въ Тунисѣ позволилъ ему сѣсть на купеческій корабль, шедшій подъ англійскимъ флагомъ и снабженный десятью пушками, за что въ-послѣдствіи потерпѣли и консулъ и шкиперъ. Знатные жители Алеріи и окрестныхъ мѣстечекъ явились къ Теодору на корабль и привѣтствовали его титуломъ вице-короля: на слѣдующее утро, вышелъ онъ на берегъ, въ какомъ-то странномъ полу-европейскомъ, полу-турецкомъ костюмѣ; на плеча его былъ накинутъ темнокрасный, подбитый мѣхомъ плащъ восточнаго покроя, а на головѣ, вмѣсто тюрбана, завитой парикъ, покрытый треугольною шляпою; на боку у него была испанская

шпага, въ рукѣ великолѣпный жезлъ. Пестрая свита его состояла изъ шестидцати человѣкъ, между которыми были французскій полковникъ, кашеланъ и три тунисскіе Мавра, камердинеры и лакеи изъ разныхъ странъ. Онъ велѣлъ выгрузить привезенные имъ припасы—шесть двѣнадцати-фунтовыхъ пушекъ, 7,000 ружей, большое число штыковъ, пистолетовъ и другаго оружія, множество пул и пороха, 7,000 кулей хлѣба и до 3,000 паръ платья, и даже нѣсколько ящиковъ съ золотомъ; весь грузъ имъ привезенный опѣиенъ въ миллионъ скуди. Пособіе это было истинно-неопѣиеннымъ даромъ для истощенной Корсики: оно превышало всѣ возможности частнаго человѣка, и потому Генуэзцы предполагали въ пособіи этомъ участіе какой-нибудь европейской державы. Впечатлѣніе, произведенное появленіемъ Теодора, и помощь, подоспѣвшая такъ кстати, одушевили Корсиканцевъ. Странная молва распространилась по Европѣ: онъ извѣстенъ былъ только по имени, фамиліи же его тогда не знали никто; говорили, что онъ португальскій принцъ, что онъ претендентъ на престолъ Британіи, или отъ имени его дѣйствовавшій англійскій лордъ; то почитали его герцогомъ Риппэрдою, то графомъ Бонневалемъ, то извѣстнымъ авантюрьеромъ барономъ Зибургомъ. Позже уже распространилось имя Теодора Нейгофа, и съ-тѣхъ-поръ начали заниматься событіями прежней жизни новаго героя.

Народъ, предупреденный уже въ пользу Теодора, стремился на встрѣчу къ нему со всѣхъ сторонъ, называлъ его отцомъ и освободителемъ и восхвалялъ его съ восторгомъ, получая отъ него подарки. Въ сопровожденіи ликующаго народа, отправился онъ изъ Алеринъ въ Камполоро и поселился тамъ въ епископскомъ домѣ. Туда собрались къ нему друзья его, знаменитые Корсиканцы Коста, Джачинто Паоли и Джафферри, вмѣстѣ съ которыми онъ созвалъ знатѣйшихъ жителей и передалъ имъ свои намѣренія и

надежды. Поведеніе его было въ совершенной гармоніи съ обстоятельствами. Онъ окружилъ себя стражками и поставилъ двѣ пушки передъ своимъ великолѣпно-украшеннымъ жилищемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякій имѣлъ къ нему свободный доступъ, и нуждавшійся въ вспоможеніи получалъ его; нѣрѣдко также бросалъ онъ народу деньги. Когда уже приобрѣлъ онъ привязанность Корсиканцевъ, когда слава его великодушія и могущества распространилась за предѣлы Корсики, то онъ началъ набирать войско, назначилъ трехъ полковниковъ и двадцать-четырехъ капитановъ, которые имѣли подъ своимъ распоряженіемъ по отряду въ 200 человѣкъ; избранные юности въ числѣ 400 составили гвардію. Окончивъ вооруженіе войска, Теодоръ напалъ на ближайшіе генуэзскіе посты и обратилъ ихъ въ бѣгство; этотъ ничтожный успѣхъ упрочилъ славу Теодора на островѣ, а друзья его поспѣшили воспользоваться народнымъ расположеніемъ, для провозглашенія его королемъ. Старшими ихъ, собравъ былъ, 15 апрѣля, въ Алессани общій совѣтъ уполномоченныхъ всѣхъ округовъ, въ числѣ которыхъ Джафферри и Паоли выступили посредниками со стороны народа и во имя Теодора. Уполномоченные подвели ему актъ избранія, онъ подписалъ его и принялъ присягу: подъ открытымъ небомъ его вѣнчали короною изъ зеленыхъ листьевъ, и знатные граждане съ триумфомъ пронесли его на плечахъ своихъ по всей окрестности. Болѣе 25,000 человѣкъ радостно сопровождали шествіе и клялись ему въ вѣрности.

Корсиканскіе начальники составили актъ избранія съ большою осторожностью: достоинство Теодора должно было перейти къ его наследникамъ, но по прекращеніи его династіи, корсиканскому народу возвращалось право установить образъ правленія по собственному желанію. Король долженъ былъ исповѣдовать католическую вѣру. Большой совѣтъ въ числѣ двадцати-

тырехъ членовъ долженъ былъ, вмѣстѣ съ королею, рѣшать всѣ важныя дѣла, а комитетъ изъ трехъ членовъ присутствовать при королевскомъ дворѣ. Всѣ чины и мѣста должны были имѣть туземцы; во время войны козъ могъ призывать иностранное войско, но въ мирное время долженъ былъ пользоваться своею гвардіею. Говоры подати ограничены были благоумными распоряженіями. Наконецъ, король долженъ былъ основать инверситетъ и, для чести и славы своей монархіи, установить дворянство изъ числа значительныхъ фамилій.

Теодоръ назначилъ уже заранѣе первыхъ сановниковъ: адвоката Косту анцеровъ, Паоли — великимъ казначеемъ, Джафери — главнокомандующимъ войсками. Первою заботою его было возстановленіе въ Корсикѣ внутреннего спокойствія и принятіе приговора отъ жителей; онъ запретилъ поджигать казнію всякій раздоръ партій, раздиравшихъ островъ съ давняго времени, чего просили сами начальники. Законъ этотъ, исполненный во всей его строгости надъ двумя Корсиканцами, сильно подѣйствовалъ и внушилъ уваженіе къ новому властителю. Вторымъ дѣломъ его было установленіе стройнаго войска: здѣсь ему нужно было бороться съ обычаями, сильно вкоренившимися въ Корсикѣ. Каждый Корсиканецъ былъ солдатъ и гордился этимъ званіемъ; округи выставили требуемое число войска, снабженіе припасами на восемь дней; если предпріятіе длилось болѣе восьми дней, войны оставали ряды и замѣнились другими, пока снова доходила до нихъ очередь. Такой родъ войска, глубоко сроднившійся съ духомъ и жизнію народа, приводилъ въ отчаяніе Теодора и часто дѣлалъ бесполезнымъ всѣ предпріятія имъ усилія. Корсиканцы ни за что не хотѣли отстать отъ старой привычки, и король употреблялъ неизощренныя усилія для того только, чтобъ установить какой-нибудь порядокъ во времени прихода и ухода солдатъ.

Между тѣмъ, къ Теодору прибыли изъ Ливорно и изъ Барселоны многіе корабли съ припасами и порохомъ, чѣмъ еще болѣе утвердилась увѣренность, что сильная держава оказывать ему покровительство. И дѣйствительно, ни одно изъ требованій его не оставалось безъ усилія: въ Италиі, Франціи и Испаниі, даже въ Варваріи онъ находилъ друзей и покровителей, которые дѣйательно помогали ему; онъ велъ обширную переписку со всѣми государственными людьми, пользовавшимися какимъ-нибудь вліяніемъ. О восшествіи своемъ на престолъ онъ сообщилъ иностраннымъ державамъ, между прочими императору германскому и королю французскому, которыхъ просилъ о признаніи его королею и о помощи. Для пріобрѣтенія покровительства императора онъ не пренебрегалъ ни какимъ случаемъ и обращалъ ему оставаться всегда истиннымъ Германцемъ и членомъ имперіи. Трудно было неизвѣстному авантюрьеру ожидать полнаго признанія; но между европейскими державами нѣкоторыя не безъ тайнаго удовольствія смотрѣли на предпріятіе смѣлаго выходца.

Главною цѣлю Теодора было изгнаніе Генуэзцевъ изъ острова. Черезъ восемь дней послѣ коронаціи своей, онъ вызвалъ въ поле набранное имъ войско, захватилъ въ южной части острова приморскія мѣста Портоверкию, потомъ Сартену, взял въ плѣнъ генуэзскій гарнизонъ; сверхъ-того, въ добычу ему досталось большое количество пороха и свинца.

Собравъ подъ знамена свои до 15000 войска, 3-го мая явился Теодоръ передъ воротами Бастимъ и послалъ къ генуэзскому генерал-комиссару требованіе, чтобъ онъ въ-теченіи десяти дней очистилъ городъ и тѣмъ избавилъ жителей отъ бѣдствій, неразлучныхъ съ штурмомъ.

Въ то же время онъ написалъ воззваніе къ самимъ жителямъ, чтобъ они вооружились противъ угнанныхъ и отвергли ворота своимъ соотечественникамъ. Такъ-какъ ни то, ни

другое не произвело желаннаго дѣйствія и первый приступъ оказался неудачнымъ, то онъ обложилъ городъ. Новыя убѣжденія Теодора усилили войско его, которое простиралось до 25,000 человекъ; Корсиканцы вдругъ окружили всѣ прибрежныя мѣста, и въ кровопролитныхъ битвахъ преимущество оставалось почти-всегда на сторонѣ нашего героя; немногіе округи, бывшіе еще во власти Генуэзцевъ, признали Теодора, но генерал-коммисаръ твердо держался въ Бастіи, нѣтъ на своей сторонѣ превосходство оружія; не смотря на всю личную храбрость свою, новый король ясно видѣлъ, что безъ подвоза артиллерійскихъ орудій усилъхъ для него невозможенъ.

Во время продолжительной осады Бастіи, Теодоръ занимался внутренними дѣлами острова. Въ гражданскомъ управленіи ему предстояло множество заботъ; законы были искажены и недостаточны, судопроизводство почти не существовало; самыя необходимыя занятія оставались въ пренебреженіи. Причиною тому были Генуэзцы, тщательно препятствовавшіе распространенію ремеселъ и торговли, чтобъ тѣмъ поставить жителей въ совершенную отъ себя зависимость. Теодоръ ревностно принялся за улучшеніе быта Корсиканцевъ: онъ издалъ много постановленій, которые сначала ограничивались необходимыми, потомъ должны были по-видимому упрочить будущность королевства. Онъ самъ предсѣдательствовалъ въ судѣ, выслушивалъ истцовъ и отвѣтчиковъ, допрашивалъ свидѣтелей, и каждый разъ пронаосилъ основательное рѣшеніе. Онъ выкапывалъ съ твердой земли художниковъ и ремесленниковъ, общалъ имъ свободу вѣроисповѣданія и различныя выгоды.

Онъ занялся также устройствомъ финансовъ государственныхъ имуществъ, между которыми вниманіе его обратили золотые и серебряныя рудники. Добыча, отнятая у Генуэзцевъ, дала ему возможность распорядиться

значительными суммами и снабдить войско свое всѣмъ нужнымъ; онъ велѣлъ выбить собственную монету мѣдную, для внутренняго мелочнаго оборота, потомъ золотую и серебряную на которыхъ представлено было стогрудное изображеніе съ полнымъ королевскимъ титуломъ. Все рассказанное нами произошло въ такое короткое время и при такихъ запутанныхъ обстоятельствахъ, что никто не могъ отказать Теодору въ удивленіи, никто не могъ сомнѣваться въ его способности возвести маленькую монархію на степень цвѣтущаго и уважаемаго государства.

Когда Генуэзская-Республика увидѣла, какой серьезный оборотъ приняла подъ руководствомъ Теодора дѣла Корсики, то съ своей стороны она приняла также рѣшительныя мѣры. Она присылала противъ него прокламаціи, называла его митежникомъ и измѣнникомъ, назначала цѣну за его голову и запрещала подданнымъ своимъ, Корсиканцамъ, всякое съ нимъ сношеніе. Въ то же время, разнеслась по Корсикѣ слухи, что Теодоръ обманщикъ, шарлатанъ и фигляръ, что онъ забавляется надъ Корсиканцами. Услышавъ такіе рассказы, Теодоръ сказалъ смѣясь: «Ну, такъ я балаганъ свой разобью на площади Бастіи и съиграю такую штуку, которая, можетъ-быть, не совсѣмъ будетъ имъ по сердцу.» Корсиканцы отправили обратно въ Геную всѣ къ нимъ присланные пасквили съ такимъ прибавленіемъ: «Да здравствуетъ Теодоръ-Первый, король Корсики.» Въ слѣдъ за тѣмъ, Теодоръ издалъ очень-умио-составленный манифестъ въ оправданіе себя и корсиканскаго народа, что не трудно ему было, потому что Генуэзцы вооружили противъ себя общественное мнѣніе; при иностранныхъ дворахъ обращеніе ихъ съ Корсиканцами также навлекло на нихъ порицаніе, особенно въ Вѣнѣ и Царигѣ. Испанія и Англія съ неудовольствіемъ приняли жадобы ихъ о подвозѣ боевыхъ снарядовъ и провіанта Теодору; не смотря на то, въ Лон-

юнт для наружнаго успокоенія недовольствія Генуи, издали строгое запрещеніе отправлять что-либо въ Корсику.

Между-тѣмъ, Генуэзцы усилили гарнизоны свои въ корсиканскихъ крѣпостяхъ и принудили Теодора отступить въ горы. Наблюдательный постъ изъ шестидесяти человѣкъ былъ оставленъ имъ передъ Бастією, и Генуэзцы напали на него въ числѣ 1500 человѣкъ; въ-продолженіи пяти часовъ Корсиканцы выдерживали натискъ неприятелей; нападавшихъ жестоко поражали они изъ крѣпкой башни, въ которой заперлись; всякое предложеніе о сдѣлѣ отвергали они съ презрѣніемъ, и когда, наконецъ, башня стояла уже въ пламени и готова была подавить ихъ своимъ паденіемъ, они съ простію выскочили оттуда, совершили страшное кровопролитіе и всѣ полегли на трупахъ враговъ, исключая пятерыхъ, которые счастливо пробились сквозь ряды! Примѣры такого мужества нерѣдки были между Корсиканцами, но отдѣльныя сшибки большею частію кончались въ пользу Генуэзцевъ, которые, сверхъ-того, умерщвляли своихъ плѣнниковъ. Злоба и жестокость возрастали съ обѣихъ сторонъ. Въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Теодоръ не терлъ мужества и утѣшалъ друзей своихъ близкою помощью; дѣйствительно, къ концу іюня прибылъ корабль съ четырьмя пушками, пятьюстами ружьями и значительнымъ количествомъ пороха; въ то же время прислана была помощь изъ Калликса. Получивъ такое подкрѣпленіе, Теодоръ выступилъ снова въ поле, разбилъ два отряда Генуэзцевъ и овладѣлъ двумя ихъ кораблями, на которыхъ было до восьмидесяти бочекъ пороха. Въ возмездіе за жестокость Генуэзцевъ, плѣнные, взятые имъ, были разстрѣляны. За тѣмъ съ оружіемъ въ рукахъ онъ занялъ округъ Неббіо и одержалъ перхъ надъ Генуэзцами въ нѣсколькихъ сшибкахъ.

По эти успѣхи не вели ни къ чему. Теодоръ чувствовалъ, что все зави-

снѣтъ отъ взятія Бастіи, а надежда на взятіе ея исчезла. Тысяча человѣкъ наемнаго войска была бы въ этомъ случаѣ полезнѣе всей корсиканской милиціи, оставившей знамена когда ей было угодно: энтузіазмъ Корсиканцевъ, которые не могли дожидаться ни славы Бастіи, ни прибытія иностранныхъ войскъ, видимо охладѣвалъ; народъ ропталъ и громко жаловался. Генуэзскія прокламаціи, прежде отвергаемыя съ такимъ презрѣніемъ, начали дѣйствовать; многіе Корсиканцы стыдились того, что ими игралъ неавѣстный бродяга, а Генуэзцы не замедлили воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ, и употребили всѣ усилія; чтобъ сами Корсиканцы свергнули Теодора. Онъ понималъ свое положеніе и удвоилъ дѣятельность, чтобъ привлечь къ себѣ солдатъ изъ Итаціи и Генуи, потомъ вздумалъ великимъ подвигомъ государственнымъ утвердить снова свое колебавшееся величіе: онъ созвалъ общее собраніе всѣхъ округовъ въ Казаковни 2-го сентября. Здѣсь краснорѣчиво изложилъ онъ свои прошедшіе успѣхи, свои будущія надежды, убѣждалъ слушателей своихъ терпѣливо биться за свободу, имѣть болѣе довѣренности къ начальнику, добровольно ими избранному. Уполномоченные были такъ дурно расположены къ нему, что рѣчь его ни сколько не произвела вліанія; они выразили обидное сомнѣніе на счетъ обѣщаній, которыми онъ водилъ ихъ нѣсколько мѣсяцевъ, говорили о неповиновеніи ему, и послѣ неприятныхъ и сильныхъ споровъ, собраніе окончилось объявленіемъ Теодора, что если онъ въ концѣ октября не получитъ помощи, то добровольно сложитъ съ себя королевское званіе. Въ слѣдъ за тѣмъ, Теодоръ отправился въ Портовеккю, гдѣ онъ заботился объ укрѣпленіи гавани и нерѣдко съ зрительною трубою ходилъ по берегу моря, какъ-бы высматривая обѣщанную помощь; тамъ же отправлялъ онъ письма къ владѣтельнымъ государямъ, министрамъ и другимъ значительнымъ лю-

дямъ. Чтобъ между-тѣмъ занять чѣмъ-нибудь Корсиканцевъ и усилить свое вліяніе, онъ приступилъ къ составленію дворянства; 16-го сентября онъ отправился въ Сартену и установилъ новый рыцарскій орденъ, которому далъ названіе ордена освобожденія. Король сѣбявилъ себя гротескостеромъ, а командиры и рыцари должны были принести ему присягу. Члены ордена обязывались нести военную службу и исполнять нѣкоторыя религиозныя церемоніи, хотя исповѣданіе католической вѣры и не вѣнялось въ непрѣмную обязанность; члены ордена составили дворянство и получили многія права; въ званіе почетныхъ членовъ могли вступать знатные иностранцы. Такъ велико было стремленіе къ этому нововведенію, что скоро орденъ имѣлъ до 400 членовъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ внести 1,000 скуди; послѣднее преимущественно относилось къ иностранцамъ, прибытіе которыхъ доставило значительную сумму, назначенную Теодоромъ на вспоможеніе бѣднымъ корсиканскимъ рыцарямъ. Многіе изъ членовъ ордена получили званія графовъ и маркизовъ и сохраняли ихъ долгое время послѣ Теодора. Далѣе король объявилъ свободу охоты и рыбной ловли, чрезвычайно стѣсненной Генуэзцами. Во всѣхъ отношеніяхъ своихъ къ подданнымъ онъ выказывалъ кротость и великодушіе и не пропускалъ ни одного случая, способствовавшаго къ распространенію о немъ доброй славы: такъ отправилъ онъ въ Тунисъ 14 тунисскихъ невольниковъ, захваченныхъ имъ на генуэзскомъ кораблѣ, съ тѣмъ, чтобъ Тунисцы освободили такое же число христіанъ; такъ отпустилъ онъ попавшихся въ его руки Французовъ, Итальянцевъ и Испанцевъ, бывшихъ на службѣ у Генуэзцевъ; Нѣмецъ же и Швейцарцевъ уговорилъ вступить къ себѣ въ службу и назначилъ имъ хорошее содержаніе. Далѣе велѣлъ онъ выбить новыя монеты съ изображеніемъ лица св. Дѣвы и съ надписью: «Monstra te

esse matrem! чѣмъ обнаруживалъ свою преданность католицизму и старался привлечь на свою сторону духовенство. Дѣла его пошлѣ не совсѣмъ дурно. Войска корсиканскія снова одержали верхъ во многихъ сшибкахъ, и совершенно-неожиданно явился къ нему на помощь изъ Германіи родственникъ его Дростъ съ оружіемъ всякаго рода и большою суммою наличныхъ денегъ. Радость при появленіи Дроста дала душѣ его силу и твердость противиться ударамъ судьбы и не оставлять своего чуднаго предпріятія. Главная надежда основана была на помощи изъ Леванта, гдѣ Бонневаль все еще былъ силенъ и не оставлялъ обѣщанія своего выслать войско, котораго Теодоръ и ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Рѣшительное дѣйствіе ставилось съ каждымъ днемъ необходимо. Генуэзцы, занимавшіе Бастію, Алччио и всѣ главныя мѣста по берегамъ, терпѣли недостатокъ во всѣхъ жизненныхъ потребностяхъ, потому-что все необходимое для нихъ получали они не иначе, какъ изъ Генуи; но уже присутствія враговъ достаточно было для того, чтобъ держать въ тревожномъ состояніи весь островъ. Многіе Корсиканцы потерпѣли въ имуществѣ своихъ невознаградимыя потери; поля ихъ были опустошены, домы разрушены, о земледѣліи почти не думали. Строгость службы, новыя постановленія и порядокъ неслыханный въ Корсикѣ возбудили также неудовольствіе въ народѣ. Щедрость Теодора не имѣла столько сокровищъ, чтобъ содержать все народонаселеніе; къ тому же, Бастія не сдавалась, уваженіе къ Теодору уменьшалось съ каждымъ днемъ. Независимо отъ него составилась партія подъ предводительствомъ Джачинто Паоли и Раффаэлли, которые не хотѣли слышать ни о Генуэзцахъ, ни о Теодорѣ, а думали дѣйствовать собственными силами. Теодоръ видѣлъ всю опасность этой партіи, собралъ послѣднія силы, провозгласилъ матежниками и взмѣнниками членовъ новаго союза и пошелъ противъ нихъ съ сво-

нии отрядами; но войско его было совершенно разбито, и самъ онъ долженъ былъ бѣжать: генуэзские князья всегда устремлены были на него, а теперь онъ долженъ былъ страшиться и корсиканскихъ! Три Корсиканца повѣшены были Теодоромъ за вѣроломныя сношенія съ Генуею въ самомъ началѣ его управленія; уваженіе къ королевскому титулу останавливало насльдственную месть; но когда уваженіе это исчезло, то родственники убитыхъ всмали случая погубить Теодора и его приверженцевъ. Въ такомъ состояніи дѣлъ, Теодоръ получалъ извѣстіе, что Порто, занятая войною съ Россіею, не можетъ прислать ему помощи, и что отрядъ 2,000 Албанцевъ, шедшій къ нему, вступилъ въ службу короля неаполитанскаго. Этотъ послѣдній ударъ поколебалъ рѣшимость Теодора; онъ началъ терять всякую надежду на успѣхъ въ дѣлѣ освобожденія Корсики: роль его становилась невыносимою; каждую минуту готово было вспыхнуть возмущеніе и безъ всякой славы погубить смѣлаго авантюра. Теодоръ рѣшился покинуть Коренку.

Оставленный счастьемъ, онъ ни на одно мгновеніе не измѣнилъ высокому мужеству, которое составляло неотъемлемую принадлежность его смѣлой натуры. Онъ долженъ былъ удалиться; но не робкими бѣгствомъ хотѣлъ онъ оставить островъ: отъѣздъ его долженъ былъ совершиться всенародно, нисколько не стѣсняя свободы его на будущее время. Не смотря на всѣ увѣщанія друзей, которые гибель его почитали несомнѣнною, онъ созвалъ знатнѣйшихъ гражданъ въ Сартенѣ, и 5-го ноября явился предъ лицомъ ихъ. Въ сознаниіи собственнаго достоинства и съ неустрашимостью, ему свойственною, сталъ онъ посреди неуротимыхъ враговъ своихъ, и враги хранили глубокое молчаніе. Краснорѣчіе его потрясло умы: гордо и гнѣвно объявилъ онъ собранію, что принужденъ удалиться на нѣкоторое время, чтобы личнымъ присутствіемъ ускорить на-

боръ воика, обещаннаго ему иностранными державами. Во время его отсутствія, королевство должно было управляться избранными представителями; онъ увѣщевалъ ихъ вѣрно и твердо исполнять обязанности истинныхъ сыновъ отечества, уважать законы и набѣгать возмущеній и междоусобій. Что же касается до него, то онъ явился посреди ихъ съ благороднымъ и безкорыстнымъ намѣреніемъ освободить ихъ отъ ига генуэзскаго, не уклонился ни на шагъ отъ этой цѣли, и если не достигъ ея, то не онъ былъ причиною, а собственное ихъ неповиновеніе и мятежный духъ народа. Королевское достоинство не имѣетъ въ глазахъ его никакой цѣны: онъ легко откажется отъ пустаго титула, которое никогда не ослѣпляло его и которое ничтожно, если съ нимъ не соединяется внутреннее значеніе. Съ большимъ шмуствомъ прибылъ онъ къ нимъ и удалется почти лишонный необходимаго, но къ утѣшенію его при немъ остается безтрепетное сердце и твердое мужество противиться всѣмъ ударамъ судьбы... Эта энергическая рѣчь произвела необыкновенное впечатлѣніе; слушатели были глубоко-тронуты, взволнованы; не думая уже объ угрозахъ, они съ благоговѣніемъ приближались къ нему и умоляли не покидать ихъ. Но Теодоръ, не ослѣпленный этимъ легкомысленнымъ порывомъ преданности, остался твердъ въ своемъ намѣреніи. Декретомъ его, даннымъ въ Сартенѣ 10-го ноября, учреждалось правленіе государствомъ: оно состояло изъ 28 патриотовъ, и во главѣ ихъ стали Джафери, Джачинто Паоли и Орнано. На слѣдующее утро, Теодоръ выѣхалъ изъ Сартены и въ сопровожденіи многочисленнаго народа отправился въ Алерію; тамъ, простившись съ друзьями и выслушавъ пламенные желанія народа, который цаловалъ его руки и плаче и со слезами молилъ о скорѣйшемъ возвращеніи, онъ сѣлъ на корабль, отправлявшійся въ Инворно подъ французскій флагомъ.

Едва корабль выступилъ въ мо-

ре, генуэзский крейсеръ погнался за нимъ. Теодоръ былъ уже въ опасности попасться въ плѣтъ изъ жесточайшимъ врагамъ своимъ и спасенъ былъ только присутствіемъ духа испанскаго офицера, бывшаго съ нимъ на кораблѣ; послѣдній такъ успѣлъ убѣдить генуэзскаго капитана въ опасности оскорбить французскій флагъ, что тотъ не рѣшился подвергнуть себя отвѣтственности, и Теодоръ безъ дальнѣйшихъ остановокъ прибылъ въ Ливорно. Тамъ, передѣтый аббатомъ, отправился онъ во Флоренцію; но ходатайство его предъ герцогини дворомъ о помощи Корсикѣ осталось безъ успѣха; также мало помогали ему старанія его при дворѣ римскомъ и сардинскомъ, куда онъ нутежественно, перемѣняя безпрерывно имя и одежду, потому-что всадъ передъ нимъ были разставлены сѣти Генуэзцевъ. Не смотря на всѣ лишешя и опасности, одна цѣль была постоянно въ головѣ его—найти помощь Корсикѣ и возбудить враговъ, Генуѣ. Всѣ усилія его оставались тщетны. Какъ ни старались помочь ему друзья его, они не могли доставить настоящаго, нужнаго для него пособія: итальяскіе дворы, находившіеся въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Генуѣ, не рѣшались на открытую вражду; Франція изъ политическихъ видовъ какъ-бы держала сторону Генуи; прочія государства не хотѣли и вмѣшиваться въ дѣла Корсики. Теодоръ оставилъ Италію, когда исцѣпились его денежныя средства и когда его начали преслѣдовать кредиторы, и отправился въ Парижъ; тамъ, не смотря на дорожную одежду, его узнали: правительство требовало его удаленія подъ угрозою тюремнаго заключенія, а одинъ Генуэзецъ на улицѣ выстрѣлилъ изъ пистолета по экипажу, въ которомъ онъ ѣхалъ; но пуля, къ счастью его, пролетѣла мимо.

Избѣгая двойной опасности, Теодоръ посѣдѣлъ въ Руанѣ, и оттуда въ Амстердамъ, распуская предварительно слухъ, что онъ ѣдетъ въ Марсель. Въ Гарѣ до конца февраля, онъ

открылся у одного Барона Толманно, потомъ поѣхалъ въ Зеландію и оттуда снова въ Амстердамъ, гдѣ одинъ изъ друзей началъ ему безопасное жилище. Но несчастію, прежніе жильцы новой квартиры его еще не съѣхали, и онъ принужденъ былъ ночь на 19-е апрѣля провести въ гостиницѣ Краснаго-Оленя; тамъ одинъ изъ кредиторовъ узналъ его, и съ предвзвѣніемъ велелъ ему, въ 5,000 гульденовъ, успѣть задержать его. Не смотря на значительное обезпеченіе, представленное имъ, неотвѣчливый кредиторъ требовалъ немедленной уплаты. Въ такой крайности не оставило его присутствіе духа: онъ повелъ изъ себя этого кредитора и нѣсколько знакомыхъ своихъ, говорилъ имъ такъ увлекательно, что восемь богатыхъ амстердамскихъ купцовъ не только поручились за него и освободили его отъ заключенія, но даже доставили ему значительную сумму на нутежы идержки.

Между-тѣмъ, въ Корсикѣ продолжалась война съ Генуэзцами. Корсиканцы не хотѣли и слышать о покорности: имя Теодора было главнымъ двигателемъ ихъ сопротивленія. На отсутствующаго короля возлагали они всѣ надежды, рассказывали въ слухъ, которые заставляли его удалиться и пламенно желали его возвращенія. Общее умное распоряженіе въ лагерѣ передъ Бастією, когда узнали о заключеніи его въ Амстердамъ, и Генуэзцы воспользовались этимъ для подчиненія себя Корсиканцамъ. Они отправили герольда съ объявленіемъ всеобщей амнистіи и предлагали другія условія, которыя казались имъ возможными въ настоящемъ состояніи дѣла.

Генуэзцы, видя надали собраніе начальниковъ, увѣрены были, что прокламация ихъ подѣйствовала, но нѣсколько часовъ спустя, вмѣсто отбѣга услышали общій крикъ и продолжительныя возгласы: «Да здравствуетъ Теодоръ, отецъ нашъ и король!» Одушевленные энтузіазмомъ, подступили

Корсиканцы из самых стѣнъ прѣлости, не обращая вниманія на градъ пухъ, который осыпалъ ихъ осаждаемые, и съ громкими кликами объявляли, что они не хотятъ другаго начальнаго, кромѣ короля ихъ Теодора; а если его не станетъ, то возьмутъ короля ближайшаго его родственника и поддержатъ это избраніе и нушествомъ крови! Это движеніе подстреками Бестинъ, произведенное напоказъ Ортикана, сообщилось прочимъ Корсиканцамъ, и общее собраніе въ Кортѣ, 21 января 1737 года, подтвердило рѣшеніе народа. Къ общему удивленію, безпрерывно получаемы были небольшія пособія, которыми Теодору удавалось отправлять въ Корсику; они возмещали недостатокъ оружія и пороха и поддерживали надежду и нужнѣе остроуміемъ. Великую радость произвела въ Корсикѣ вѣсть о его освобожденіи; еще болѣе обрадовались жители, услышавъ о прибытіи его въ Лиссабонъ; рассказывали, что 15 июля, въ сопровожденіи нѣсколькихъ кораблей, онъ вступилъ въ Корсику; нѣкоторые говорили, что видѣли его на берегу Тосканы и даже въ Корсикѣ. Но самъ онъ не пріѣхалъ, а прислалъ четыре голландскіе корабли, отправленные изъ Амстердама съ грузомъ военныхъ и жизненныхъ припасовъ, въ числѣ которыхъ шипперы получили грузъ масла и другихъ произведеній острова. Теодоръ поѣхалъ въ Лиссабонъ, чтобы вывѣдать расположеніе португальскаго правительства и, если возможно, заключить съ нимъ договоръ. Изъ Лиссабона поѣхалъ онъ въ Малагу и оттуда обратно въ Амстердамъ.

Республика-Генуэсская выискивала всевозможныя средства, чтобы дать другой оборотъ корсиканскимъ дѣламъ. Она нанала Швейцарцевъ, освободила изъ тѣнищъ преступничества и возложила имъ рады войска, назначеннаго противъ Корсиканцевъ. Неутомимыми попечительствами она достигла до того, что дворянъ вѣнскій и версальскій урочнаго за нею обладаніе Корсины;

напомощь, за большую сумму ей удалось получить обѣщаніе, что Франція пошлетъ въ Корсику отрядъ войска. Корсиканскіе начальники, изумленные и испуганные такимъ извѣстіемъ, обратились также къ французскому двору, объявляли свои неудовольствія и просили пощадить и прощательства. Въ этихъ переговорахъ вероюль остался на сторонѣ Генуэсцевъ, и корсиканскіе начальники, только разъ обманутые обѣщаніями Теодора, видѣли уже себя принужденными согласиться на условія, предложенныя имъ утѣснителемъ, какъ вдругъ писмо Теодора изъ Амстердама отъ 21 октября переимѣнило весь ходъ дѣла. Въ письмѣ этомъ, онъ извѣщалъ сомнѣніе, чтобы король французскій рѣшился когда-нибудь своими войсками поддерживать тиранию Генуи; но еслибъ даже и случилось такое несчастіе, то Корсиканцы должны обдумать прежде, какъ приступить къ рѣшительному дѣйствию: если они возвратятся подъ иго Генуи, то онъ горько будетъ оплакивать ихъ бѣдственную участь; если же, какъ онъ надѣется, они будутъ (до послѣдней крайности защищать свободу, то всѣ силы его будутъ устремлены къ ихъ спасенію: самъ онъ скоро явится посреди ихъ съ сильною помощію. Невозможно описать впечатлѣнія, которое произвело это писмо: жители Корсики, Джафери, Пасол и Орнано прочли его въ общемъ собраніи въ Кортѣ 19 декабря, и на слѣдующій день единогласно положено было поддерживать избраніе Теодора, жить и умереть за него. Другое собраніе въ Кортѣ, 6 января 1738 года, нанисесть, въ которомъ наложены были тѣ же вѣнчренія и упомянуты великія услуги Теодора, во многомъ улучшавшаго состояніе Корсики: мудрость законовъ, благотѣльными учрежденіями всякаго рода, уничтоженіе тяжелыхъ податей, свобода коралловой гавани, возстановленіе германскаго дѣла, дары, которыми онъ осмыгалъ Корсиканцевъ, необходимо должны были остаться въ памяти остроумцевъ. Моффе душевля-

ніе не замедляло обнаружиться на дѣлѣ, борьба возобновилась съ удвоенною силою на морѣ и на сушѣ, а Генуэзцы жестокими казнями и дѣйствіемъ довели Корсиканцевъ до озлобленія, жертвами котораго надъ нихъ соотечественники, появившіе въ нѣднѣ.

Неутомимая дѣятельность Теодора не ослабѣвала на мгновенье. Правда, ему казалось, что дѣла не достигли еще настоящей зрѣлости, и что не время еще ему самому явиться въ Корсику; слѣдя въ Голландіи, на которыхъ основывалась вся слава его, зависѣли отъ его дѣятельнаго личнаго присутствія, тогда какъ въ корсиканскихъ дѣлахъ онъ и отсутствующій держался твердо. Онъ сталъ еще неутомимѣе и нещаднѣе въ изобрѣтеніи средствъ для отсылки оружія и припасовъ. 5-го февраля прибылъ въ Алерію корабль, который привезъ капитана Смибальди, шесть офицеровъ и двухъ запеллаговъ Теодора, 100 бочекъ пороха, 500 паръ башмаковъ, свинца, желѣза, и проч. Повтореніе обѣщанія, что Теодоръ явится съ скорою помощію, возбуждало такую радость, что во многихъ мѣстахъ цѣли торжественный Te Deum. То же укрѣпеніе и новую надежду привезъ Антонио Коломби, другъ и неизреченный Теодора, прибывшій изъ Имперіи съ 15 нѣмецкими офицерами. Онъ претязалъ полномочіе Теодора, дававшее ему право дѣйствовать независимо, набралъ самъ войско изъ 800 человекъ и захватила крѣпость Ивола-Росса, которая, находясь въ рукахъ Генуэзцевъ, препятствовала свободной торговлѣ.

Давно уже говорили о прибытіи французскаго отряда; герцальский дворъ хотѣлъ окончить дѣло посредничествомъ, но Корсиканцы объявили, что они готовы вручить свою судьбу королю французскому, но не за что не возвратятся подъ иго Генуи. Наконецъ, французское правительство, побуждаемое безпрерывными требованіями республики, рѣшилось отправить войско; кардиналъ Флери, находившійся тогда во главѣ управленія, ни въ на те свои причины: онъ боялся, чтобъ

Испанія, которую всѣ почитали непроницаемою Теодору, не ослѣбла Корсикой. Въ слѣдствіе того, послѣднее было отряду, состоявшему изъ 6,000 человекъ и 16 орудій, и находившемуся въ Провансѣ, отправиться въ Корсику подъ предводительствомъ генерал-лейтенанта Буассье (Boissieux); такое ничтожное войско доказываетъ уже, какъ мало Франція входила въ планы Генуэзцевъ. Извѣстіе о посылкѣ французскихъ судовъ подъ стѣнами Бастіи молвіею пробѣжало въ горы и возмуждало весь островъ. Общій голосъ требовалъ упорнаго сопротивленія; жители отовсюду стекались въ Кортэ: свирка, женщины, духовные и дѣти явились съ оружіемъ и изъявляли желаніе отстаивать свою свободу! Вся толпа превышала числомъ 60,000; но начальники распустили безвольныхъ людей и оставили 10,000, раздѣляя ихъ на 10 полковъ, предводители и офицеры которыхъ всѣ были рыцарями ордена освобожденія. Полкъ изъ 1,200 юношей былъ вооруженъ ружьями, доставленными Теодоромъ; онъ же въ время прихода 18-го пушечный военный корабль подъ корсиканскимъ алгозомъ, который привезъ 8 пушекъ, 600 ружей, пороха и другихъ вещей и высадылъ на берегъ нѣсколько нѣмецкихъ офицеровъ. Корабль долженъ былъ явиться по берегамъ прѣтъ Генуэзцевъ.

Республика, воображая, что гроевъ Буассье будетъ слѣпыми орудіемъ мщенія, скоро должна была отозваться отъ своихъ ожиданій. Видѣно нечестія враждебныхъ дѣйствій, онъ началъ съ Корсиканцами переговоры, которые, по его благоразумію и синхронизму, имѣли хороший успѣхъ.

Мало-по-малу корсиканскіе начальники приобрѣли къ нему довѣренность, за те Генуэзцы громко роптали и наконецъ несообразились съ графомъ Буассье. Французскіе офицеры и солдаты раздѣляли симпатію своего предводителя къ Корсиканцамъ и возмуждали Генуэзцевъ, какъ угнѣтенной и тиранической. Въ такихъ обстоятельствахъ, пер-

сианскіе начальники получили чрезъ
главнаго комиссіонера теодора,
Никола Фредіанн, письмо виѣстѣ съ
разными запасами. Теодоръ утѣралъ
ихъ, что Французовъ имъ бояться не-
чего, если только они будутъ твердо
держаться противъ Генуи и хранить
порядокъ и повинованіе; въслѣдъ за
тѣмъ, предтечею самого Теодора, явил-
ся родственникъ его Дроетъ, котораго
народъ принималъ съ восторгомъ, но ко-
торый, по настоянію графа Буассеё,
долженъ былъ удалиться на нѣкоторое
время въ Ливорно.

Наконецъ, Теодоръ привелъ къ окон-
чанію дѣла свои въ Голландію; возвра-
тись изъ поѣздки своей въ Германію,
гдѣ онъ набралъ офицеровъ и солдатъ,
онъ собрался ѣхать въ Корсику. Об-
щество богатыхъ купцовъ, съ помо-
щью которыхъ онъ дѣлалъ всѣ посыл-
ки, доставило ему для главнаго пред-
пріятія пять милліоновъ гульденовъ,
съ тѣмъ, чтобъ за нимъ было право
исключительной торговли съ Корси-
кою и въ залогъ исполненія обѣщан-
наго даны были обществу гавани Аяч-
чіо и Порто-Веккіо. Многіе подозре-
вали, что голландскіе штаты прива-
ли участіе въ предпріятіи, которое
вслѣдствовало за тѣмъ и привело въ уди-
вленіе всю Европу.

Съ эскадрою, состоявшею изъ трехъ
веселыхъ кораблей и нѣсколькихъ
транспортныхъ судовъ, подъ голланд-
скимъ флагомъ, 13 сентября 1738 года,
вторично явился Теодоръ въ Азерін.
Съ корабля еще онъ отправилъ своего
адъютанта въ Корте съ письмомъ, гдѣ
уточнилъ о своемъ прибытіи, о сво-
ихъ вспомогательныхъ средствахъ; со-
ведѣвъ тѣмъ онъ не хотѣлъ выйти на
берегъ прежде, чѣмъ Корсиканцы не
увидятъ его, что они признаютъ его
своимъ королемъ и будутъ биться за
свободу, а не покорятся жестокому
врагамъ своимъ; въ послѣднемъ случаѣ,
онъ оставитъ ихъ и удалится дожидать
дни свои въ странѣ болѣе-счастливой.

Въ то же мгновеніе, берегъ покрыл-
ся безчисленными толпами народа,
который желалъ видѣть его и умолялъ

соединиться съ нимъ. Мнѣніе народа
было твердо и рѣшительно: Теодоръ
былъ законный король ихъ, они сами
избрали его, и новоръ некрылъ бы
того, кто вздумалъ бы его оставить.
По общему желанію, король-авантюрь-
еръ вышелъ на берегъ, гдѣ его приня-
ли съ торжествомъ и кликами востор-
га. Привезенные имъ припасы прива-
ли всѣхъ въ изумленіе: для Корсики
они дѣйствительно были огромны: 27
пушекъ 24 и 12 фунтоваго калибра,
6,000 ружей, 1,300 большихъ мушкет-
товъ, 2,000 штыковъ, 2,000 паръ ни-
стоветовъ, 180,000 фунтовъ пороха и
проч. Сравнительно съ этими припаса-
ми мала была его свита: она состояла
только изъ 20 человекъ и нѣсколькихъ
офицеровъ; впрочемъ солдѣтские силь-
ной державы было несомнѣнно при
такомъ огромномъ количествѣ запас-
совъ; самъ графъ Буассеё вѣрилъ это-
му, и подозрѣнія его вадали то на Ис-
панію, то на Голландію.

Не смотря на всѣ извѣщенія радо-
сти и очевидную симпатію народа,
Теодоръ чувствовалъ, какъ опасно бы-
ло его положеніе. День онъ проводилъ
на землѣ, но каждый вечеръ возвра-
щался на корабль и ночевалъ тамъ.
Но здѣсь-то именно и случилось самое
опасное изъ тайныхъ покушеній на
жизнь его, тѣхъ покушеній, которыхъ
онъ такъ тщательно старался избѣгать.
Ночью на третій день, во прибы-
тіи къ берегамъ Корсики, противъ
обыкновенія своего онъ не могъ за-
снуть; нѣсколько разъ смыкалъ онъ
глаза и вскакивалъ съ постели, трево-
жимый предчувствіемъ неизбежнаго
бѣдствія. Долго старался онъ побѣ-
дить это безпокойное чувство, нако-
нецъ разбудилъ двухъ служителей и
пошелъ прогуляться по налубѣ; оттуда
увидѣлъ онъ свѣтъ въ каютѣ капитана,
вошелъ къ нему и нашелъ его совѣсь-
одѣтаго и вооруженнаго; приходъ Тео-
дора видимо смутилъ капитана. По-
смотрѣвъ ему прямо въ глаза, Теодоръ
обхватилъ его въ камѣи; капитанъ
бросился къ его ногамъ и признался,
что Генуэзцы обѣщаніемъ большаго

сумнѣ побудили его захочъ пороховую камеру и взорвать на воздухъ корабль вмѣстѣ съ Теодоромъ. Теодора осудили его на смерть и на другой день велѣлъ повѣсить на мачтѣ. Такое чудесное спасеніе показалось народу непосредственнымъ содѣйствіемъ неба; рассказывали, что св. Юлія, покровительница Корсики, явилась къ нему ночью и увидовала его о грезнщій ему опасности; видѣла, но слова въ остронглизъ, не сомнѣвался уже, что челоуѣка, наолящагоса подь особенный шокровительствомъ вышшихъ силъ, признають королемиъ всѣ европейскіи державы! Изъ всѣхъ округовъ стекались къ нему его приверженцы; даже тѣ, которые служили въ рѣдахъ генуэзскаго войска, умоляли его о прощеніи; всадъ возобновили ему присягу въ вѣрности. Онъ же съ своей стороны одарялъ каждого, кто обращался къ нему: одному давалъ деньги, другому оружіе, порохъ и платье.

Графъ Буассъ отправилъ прокламаціи, убѣждая Корсиканцевъ оставаться въ покое и не обращать вниманія на требованія Теодора; но французскіе посланные возвратились съ извѣстіемъ, что жители рѣшились жить и умереть за своего короля. Тогда Буассъ издалъ строгій манифестъ, который гласилъ такъ: «кто принимаетъ Теодора къ себѣ въ домъ, тотъ становится государственнымъ преступникомъ; если же онъ въ-теченіе восьми дней не оставитъ острова, то Франція откажется отъ своего посредничества». Эти угрозы болѣе всего распространили страхъ въ окрестности Бастіи; болѣе всѣхъ дѣйствовалъ противъ Теодора прежній другъ его Джачинто Палми и предостерегалъ народъ отъ новыхъ опасностей. Мнѣніе народа колебалось между уваженіемъ къ Франціи и любовью къ Теодору, такъ-что Нейгофъ, вышедшій наконецъ на берегъ, не отважился пуститься во внутренность острова и держался на берегахъ, болѣею частію въ мѣстечкѣ Кампелоро и около него, гдѣ онъ былъ болѣе укрѣпленъ въ Корсиканцахъ. Не смотря

на такіа небогатоприятныя обстоительства, Теодоръ могъ еще надѣяться на успѣхъ при сочувствіи народа и посолѣмъ Голландіи. Онъ сталъ твердо въ приморонныхъ укрѣпленіяхъ и гаваняхъ, которыя не легко было отнять у него, потому рѣшился съ моря и съ сухаго пути сдѣлать нападеніе на Алчціо. Планъ былъ составленъ превосходный; съ сухаго пути устроены были укрѣпленія, и самъ онъ долженъ былъ явиться съ своею эскадрою перодъ гаванью; но непрерывныя неудачи уничтожали всякую возможность счастливаго исхода. Французскіе и генуэзскіе корабли захватили всеиъ судовъ, всеиъхъ ему подкрѣпленіе. За тѣмъ послѣдовало бѣдствіе еще худшее: три главные корабли, съ которыми онъ прибылъ и съ которыми не сгружены были еще военные снаряды, впились съ явора и повалили въ Неаполь. Капитанъ, начальствовавшій надъ ними, получилъ отъ англоамериканскихъ кунцевъ предписаніе нагружать корабли корсиканскими произведеніями, но такъ-какъ Теодоръ велѣлъ выгружать значительное количество арсенальныхъ предметовъ, а въ закъ не далъ еще ничего, то капитанъ неагалъ условію нарушеннымъ и съелъ обязанностію своею отвезти грузъ въ безопасное мѣсто. Голландскій консулъ въ Неаполь, другъ и возлюбленный Теодора, задержалъ капитана, какъ намятника, но дѣло уже было сдѣлаво, — и Теодоръ остался безъ всякихъ средствъ. Новые переговоры и обѣщанія со стороны Франціи и Генуи поколебали умы Корсиканцевъ, а изложеніе другаго отряда французскихъ войскъ устранило самыхъ храбрыхъ. Теодоръ, лишанный помощи и оставленный всѣми, въ непрерывной озабоченности сдѣлался жертвою нацѣмъ, безъ всякой надежды на исполненіе начатаго предпріятія, долженъ былъ опять оставить свое безпокойное королевство. Такъ быстро уничтожилось блестящее и наумительное востаніе. Столѣнное нашему герою такихъ таинъ и продолжительныхъ дней!

Въ концѣ ноября, Теодоръ на корсиканской фелукѣ прибылъ въ Неаполь и остановился у голландскаго консула; здѣсь 2 декабря онъ былъ задержанъ отрядомъ гренадеровъ и подъ сильнымъ прикрытіемъ отвезенъ въ Гаэту.

При извѣстїи объ этомъ, радость Генуэзцевъ не имѣла предѣловъ: они зажигали потѣшныя огни, веселились на пиршествахъ и торжествовали побѣду; впрочемъ, задержание Теодора послужило къ его спасенію и предохранило его отъ ударовъ тайныхъ убійцъ, водосланныхъ врагами; во время заключенія ему оказывали всевозможное уваженіе, позволяли принимать всѣхъ посѣтителей; его необыкновенныя подвиги, его щедрость въ расное обхожденіе со всѣми, за службу ему общее уваженіе: никто не понималъ, откуда могъ онъ въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ получать такіа богатая пособія. Черезъ нѣсколько дней, ему возвратили свободу съ условіемъ, однакожь, оставить Королевство-Неаполитанское. Въ сопровожденїи неаполитанскаго прикрытія достигъ онъ Террачины, съѣзъ на шведскій купеческій корабль и отправился невѣдомо куда.

Ринутый снова въ прежнюю блуждающую жизнь, онъ не измѣнился ни на минуту; мысли его попеременно заняты были то стараніемъ скрыть себя, то усиліями сдѣлать что-нибудь въ пользу Корсики; въ продолженіи 1739 года, встрѣчали его то въ Ливорно, то въ Римѣ и Венеціи, то въ Тунисѣ; наконецъ, въ концѣ этого года, онъ снова явился въ Голландію.

Война въ Корсикѣ продолжалась по-прежнему. Маринъзъ Майльбуа, преемникъ графа Буассеъ, умершаго въ Бастїи, встрѣтилъ отчаянное сопротивленіе, какъ при переговорахъ съ жителями, такъ и въ битвахъ. Поудаленїи Теодора, прежила рѣшимость и сила дѣятельности воскресли, потому-что Корсиканцы въ присутствїи короля ссорились между собою и отъ него одного ожидали спасенія; предоставленные же самимъ себѣ, они снова устремля-

лись на битву съ врагами и подъ ударами ихъ взанїи получали ту связь, которой не доставало имъ внутри государства.

Дростъ, возвратившійся въ Корсику вмѣстѣ съ Теодоромъ, сохранилъ нѣкоторую власть; но о самомъ Теодорѣ не было и поминна. Майльбуа съ успѣхомъ распространилъ слухъ о его смерти. Тѣмъ сильнѣе поразило Корсиканцевъ прибытіе Фридриха Нейгофа, племянника Теодорова, привезшаго въ концѣ апрѣля хорошія вѣсти отъ дяди, который утѣшалъ подданныхъ скорымъ возвращеніемъ своимъ и всѣми силами убѣждалъ ихъ занять Алччіо или иное укрѣпленное мѣсто на берегу, чтобъ упрочить пребывеніе флота, готоваго прїѣхать къ нимъ на помощь. Это посланіе промывело свое дѣйствіе, особенно во внутренности острова, гдѣ менѣе боялись Французовъ. Молодой Нейгофъ, сынъ теодоровой сестры, оставилъ французскую службу, чтобъ соединить судьбу свою съ судьбою дяди, и для того принялъ его имя; одаренный живымъ умомъ и пламенною храбростію, онъ умѣлъ приобрѣсти расположеніе Корсиканцевъ и сдѣлаться предводителемъ особеннаго отряда. Собраніе въ Кортѣ 16-го мая подтвердило рѣшеніе народа — не сдаваться ни Генуэзцамъ, ни Французамъ; и, не смотря на то, Майльбуа умѣлъ такъ искусно дѣйствовать, что мало-по-малу подчинилъ себѣ большую часть сѣверныхъ округовъ острова и потомъ безъ выстрѣла занялъ Кортѣ—городъ, твердый своимъ положеніемъ на неприступной скалѣ; Джафери и Паоли положили оружіе и, съ согласїи французскаго начальника, вступили въ службу короля Обѣихъ Сицилій. Прїѣзду ихъ послѣдовали другіе предводители, а между ними Дростъ, недовольный Теодоромъ и молодымъ Нейгофомъ. Послѣдній одинъ сохранилъ независимость; мужествомъ и ревностію своею подвинулъ онъ жителей нѣкоторыхъ южныхъ округовъ, сильныхъ своимъ положеніемъ посреди горъ, послѣдовать за

собой; они поклялись защищать свободу отечества до послѣдней капли крови и не переживать ее. Съ отрядомъ въ 1400 человекъ подошелъ онъ къ Сартенѣ, но черезъ четыре дня отгѣснелъ былъ Французами, которые съ каждымъ днемъ расширяли свои владѣнія и уничтожали отряды патриотовъ. Цикаво (Zicavo), небольшое горное мѣсто, было послѣднимъ убѣжищемъ ихъ; напрасно повторялъ Майльбуа свои требованія выдать Нейгофа и сдаться: они гордо отвѣчали, что поклялись до послѣдней крайности защищать и себя и его. Нейгофъ, священникъ мѣстечка и нѣсколько францисканцевъ воспламенили ничтожный отрядъ къ героическому сопротивленію; но скоро, будучи окружены со всѣхъ сторонъ, осажденные должны были уступить; Нейгофъ съ 30 человекъами согласъ своихъ ушелъ на высокую гору, недоступную никакому неприятелю; Майльбуа, убѣжденный, что голодъ и недостатокъ сокрушатъ ничтожный отрядъ, предоставилъ его собственной его участи. Но едва удалились Французы изъ Цикаво, Нейгофъ вступилъ туда, потому-что глубокіе снѣга сдѣлали невозможнымъ пребываніе на горахъ; онъ увѣренъ былъ, что найдетъ убѣжище въ Цикаво, которое зимою становилось непроходимо по причинѣ глубокихъ снѣговъ, его окружавшихъ. Жители, испуганные угрозами Французовъ, избѣгали сообщенія съ патриотами, и тѣ жили посреди ихъ, какъ-будто отчужденные. Въ февралѣ 1740 года, Французы совсѣмъ-неожиданно явились въ Цикаво, и Нейгофъ долженъ былъ спастись бѣгствомъ. Посреди непроходимыхъ ущелій, въ борьбѣ со всевозможными лишеніями, провелъ онъ цѣлое лѣто; наконецъ, истощивъ всѣ силы и средства, онъ прибѣгнулъ къ великодушію маркиза Майльбуа, и просилъ его позволенія отправиться на твердую землю съ шестью спутниками; французскій предводитель охотно позволилъ это, во уваженіе необыкновенной храбрости молодого воина.

Съ отбытіемъ Нейгофа въ Ливорно, весь островъ остался въ рукахъ Французовъ.

Когда для Корсиканцевъ угасъ послѣдній лучъ надежды, судьба ихъ перестала обращать на себя общее вниманіе; одинъ Теодоръ не могъ разстаться съ любимомъ мечтомъ: онъ надѣялся на безпокойный духъ островитянъ, на новыя событія въ Европѣ, на политическія перемѣны, которыя бы могли открыть имъ новыя пути. Постоянно-преданный своей цѣли, онъ велъ тревожную, таинственную жизнь; въ началѣ 1740 года онъ оставилъ Голландію, посѣтилъ Венецію и въ февралѣ остановился въ Кельнѣ; здѣсь онъ получалъ множество писемъ, самъ отправлялъ ихъ очень-часто и пользовался большими денежными средствами; впрочемъ, дѣйствія его въ промежутки этихъ появленій остаются невѣстными.

Въ октябрѣ 1740 года, умеръ Карлъ VI: событіе это возмозовало всю Европу; всѣ государства устремились на расхищеніе оставленнаго имъ наслѣдія, долженствовавшаго перейти къ дочери его Маріи-Терезіи. Италия, Пруссія, Баварія и Саксонія объявили свои притязанія на наслѣдство Карла VI; на ихъ сторонѣ была Франція. Англія и Австрія дѣйствовали противъ нихъ и, въ-послѣдствіи, къ нимъ вступили многіе союзники. Корсика была очищена въ сентябрѣ 1741 года отъ французскихъ войскъ, и прежнее генуэзское правительство скоро возобновило вражду съ Корсиканцами. Новый безпокойства погласилъ несчастный островъ, и посреди ихъ громко раздалось имя Теодора. Внимательный ко всему, что могло содѣйствовать его любимымъ планамъ, Теодоръ, по полученіи извѣстія объ удаленіи французскихъ войскъ, отправилъ въ Корсикѣ посла, чтобы возвѣстить о скоромъ прибытіи своемъ туда; самъ же прибылъ въ Лондонъ, надѣясь употребить къ свою пользу непріязненное расположеніе британскаго правительства къ Франціи. Предложенія его вы-

рвать Корсику изъ рукъ Франція и Генуи и образовать изъ нея самостоятельное государство, которое бы состояло подъ покровительствомъ Британіи, принято было благосклонно англійскими министрами, которые, однакожь, не соглашались заключеніемъ формальныхъ условій признать право его на достоинство королевское, хотя и обѣщали ему помощь и покровительство. Теодоръ доволень былъ этою первою уступкою, вполнѣ-увѣренный, что все прочее прійдетъ само-собою; доброе расположеніе министровъ дало ему возможность убѣдить многихъ богатыхъ купцовъ, за предоставленіе исключительнаго права на торговлю съ Корсикою, доставить ему значительное вспоможеніе деньгами и оружіемъ.

Съ богатыми средствами и блистательными надеждами, въ январѣ 1743 года явился онъ на англійскомъ 70-пущечномъ кораблѣ въ Ливорно, предшествуемый молвою о его неслыханныхъ подвигахъ; тамъ собрались къ нему Корсиканцы, жившіе внѣ отечества, и услышали отъ него, какъ много имѣлъ онъ причинъ надѣяться на освобожденіе ихъ родины. Какъ ни многозначительно казалось для всѣхъ содѣйствіе Англій, оно не удовлетворяло самого Теодора, и потому въ Ливорно онъ свелъ знакомство съ австрійскимъ генераломъ Брейтвитцемъ и представлялъ ему на видъ, какія существенныя выгоды могло доставить королевѣ венгерской корсиканское предпріятіе. Такъ увлекательно было предложеніе Теодора, такъ силенъ даръ краспорѣчія, которымъ онъ обладалъ, такъ счастливо предупреждала въ его пользу самая личность его, что австрійскій генералъ, сначала предупрежденный противъ него, съ участіемъ вошелъ въ его планы и даже самъ послѣдшій въ Флоренцію, къ супругу Маріи-Терезіи, Францу-Стефану-Лотарингскому, бывшему съ 1737 года великимъ-герцогомъ тосканскимъ; онъ сообщилъ ему предложенія Теодора, но, къ удивленію своему, принять былъ очень-холодно и потомъ получилъ рѣ-

Т. ХLI. — Отд. VII.

шительный отказъ. Тогда Теодору осталась одна надежда на Англичанъ: англійскій вице-адмиралъ Метьюсъ (Matthews), стоявшій на рейдѣ въ Ливорно съ значительною эскадрою и знавшій объ отношеніяхъ Теодора въ Лондонѣ, далъ ему военный корабль; на этомъ кораблѣ, въ сопровожденіи Корсиканцевъ, соединившихся съ нимъ въ Ливорно, 3 января 1743 года присталъ онъ къ Ивола-Росса. Нѣсколько дней передъ этимъ, другой англійскій корабль высалилъ секретаря теодорова, которому поручено было осмотрѣть мѣстность и внимательно развѣдать о расположеніи жителей. Толпа народа ожидала его на берегу и по-прежнему привѣтствовала его кликами восторга, именами короля, отца и освободителя. Онъ раздалъ оружіе, порохъ и деньги; потомъ возвратился на корабль и отправилъ оттуда манифестъ, который скоро разошелся по всему острову. Онъ жаловался на препятствія, недопустившія его прибыть въ Корсику ранѣе, на вѣроломство правителей и начальниковъ, на несогласіе народа; не смотря на то, объявлялъ общее прощеніе и вызывалъ всѣхъ Корсиканцевъ, находившихся въ иностранной службѣ. Манифестъ этотъ прозвонилъ нѣкоторое дѣйствіе, но народъ былъ такъ истощенъ бѣдствіями, такъ часто обманутъ въ своихъ надеждахъ, что не могъ снова вѣяться за оружіе, а такъ-какъ Англичане не хотѣли предпринимать ничего рѣшительнаго, то Теодоръ, пробывъ нѣсколько дней на берегу, видѣлъ и не хотѣлъ еще вѣрить, что роль его кончилась; онъ возвратился на англійскій корабль въ Ливорно и послѣ этой третьей разлуки съ любимымъ островомъ не видалъ его болѣе.

Генуэзцы, раздосадованные тѣмъ, что злѣйшій врагъ ихъ безпрерывно ускользалъ отъ нихъ, назначили цѣну за его голову и преслѣдовали его вездѣ, гдѣ могли. Скорораспространился слухъ о смерти Теодора; между-тѣмъ, онъ сирывался во Флоренція и Ливорно и благополучно прибылъ въ Лондонъ.

Въ слѣдующемъ году, когда Генуя,

по договору съ Корсиканцами, вывела часть войска, на минуту воскреся прежнія надежды Теодора; презирая безчисленными опасностями, онъ перешелъ въ Тоскану и оттуда снова завелъ сношенія съ своими приверженцами; недостатокъ единодушія между жителями опять разстроилъ всѣ его планы. Между-тѣмъ, въ Корсикѣ явился раздражитель его въ лицѣ графа Божё (Beaujeu), французскаго офицера, служившаго подъ начальствомъ Майльбуа: роль Теодора, не смотря на ея бѣдственные результаты, казалась для него привлекательною: онъ нашелъ себѣ нѣсколько приверженцевъ въ Корсикѣ, хлопоталъ о вспоможеніи изъ Алжира и Туниса и хотѣлъ стать во главѣ предпріятія; когда все дѣло обнаружилось въ Генуѣ, то графу Божё отъ всѣхъ его великихъ плановъ остались однѣ насмѣшки его соотечественниковъ.

Съ береговъ Италіи, Теодоръ внимательно слѣдилъ за каждымъ событіемъ, которое казалось благоприятнымъ для его любимаго острова. Король сардинскій объявилъ себя покровителемъ Корсиканцевъ и возбудилъ ихъ къ новому возстанію противъ Генуи. Англичане осадили Бастію; въ слѣдъ за тѣмъ австрійскія и пьемонтскія войска высадились на берегъ, чтобъ отстоять свободу Корсики противъ притязаній Генуэцевъ и Французовъ. Все прежде-объщанное Теодоромъ исполнялось само собою; все, о чемъ онъ бесполезно хлопоталъ въ продолженіи столькихъ лѣтъ, совершалось теперь безъ его содѣйствія, въ слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ; напрасно старался онъ принять участіе въ совершавшихся событіяхъ: державы, вступившія за Корсику, не хотѣли принять его, боясь утратить обѣщанный миръ. Англія болѣе другихъ была расположена къ нему, но отказалась перевезти его въ Корсику, потому-что союзники рѣшительно тому воспротивились: королева венгерская недовольна была сношеніями его съ Портою; сардинскій король изъ собственныхъ видовъ не хотѣлъ, чтобъ

Корсика составляла самостоятельное государство. Теодоръ съ горестію оставилъ Тоскану, видя безуспѣшность всѣхъ трудовъ своихъ; 1747—48 годы провелъ онъ въ Голландіи и Германіи. Въ 1749 году, изъ Амстердама онъ отправился въ Англію: здѣсь положенъ былъ конецъ его странствованіямъ. Ахенскій миръ уничтожилъ бурю войны, и государство примирилось между собою; одного Теодора вражда Генуи не оставила въ покоѣ. Правда, король англійскій далъ ему охранное письмо и отказалъ Генуэцамъ въ требованіи ихъ выдать Теодора; но Гастальди, резидентъ генуэзскій, прядѣгаулъ къ другимъ средствамъ: онъ отыскалъ кредиторовъ Теодора, которыхъ ведалъ было много и убѣдилъ ихъ принять строгія мѣры противъ несостоятельнаго должника. Едва пробылъ Теодоръ нѣсколько мѣсяцевъ въ Лондонѣ, какъ надъ нимъ разразилась гроза: нѣкоторые кредиторы, которыхъ удовлетворити онъ былъ не въ состояніи, схватили его и посадили въ Квинсбентчъ. По прошествіи нѣкотораго времени, ему удалось освободиться, но, по просянзѣ Гастальди, его посадили опять въ тюрьму: до 15 тысячъ фунтовъ стерлинговъ простирался долгъ его; но тотъ, за который именно былъ онъ посаженъ, не превышалъ 150 фунтовъ. Попытка его окончить дѣло полюбовнымъ условіемъ съ должниками была неудачна: его враги согласились содержать его въ тюрьмѣ на свой счетъ.

Первые годы своего заключенія Теодоръ жилъ роскошно и принималъ множество посѣщеній. Одинъ старій равнинъ, съ которымъ онъ былъ въ тѣсной дружбѣ, посѣщалъ его ежедневно; самъ онъ часто выходилъ въ сопровожденіи стража, чтобъ заниматься своими дѣлами; но неудачная попытка къ бѣгству навлекла на него надзоръ болѣе строгій. Впрочемъ, ни въ какомъ несчастіи мужество не оставляло его; никогда не почиталъ онъ дѣла своего потерянными, всегда умѣлъ найти надежду, умѣлъ успокоить себя. То должны были прійти къ нему изъ Ост-Индіи

корабли съ богатымъ грузомъ, то Корсианцы должны были уплатить долги его. Мало-по-малу, исчезали средства его, и къ бѣдствіямъ нищеты присоединилась болѣзнь и потеря одного глаза. Давно уже въ Англіи раздавались громкія жалобы о дурномъ состояніи порешъ, и преимущественно о тѣснотѣ и нездоровомъ помѣщеніи той, въ которой содержался Теодоръ. Парламентъ принялъ наконецъ въ соображеніе это обстоятельство, и палата депутатовъ назначила комитетъ, который долженъ былъ 27 мая 1752 года допросить многихъ заключенныхъ. Между призванными къ допросу былъ также Теодоръ, и многочисленныя толпы любопытныхъ собрались посмотреть на необыкновеннаго человѣка. Онъ произнесъ рѣчь, въ которой горько жаловался на дурное обращеніе и ссылался на званіе, которое онъ носилъ и къ которому должно было бы оказывать хотя нѣкоторое уваженіе; рѣчь его была краснорѣчива, но дѣйствіе ея ограничилось тѣмъ только, что ему дали комнату болѣе-свѣтлую и просторную. Тяжкая нищета угнетала его до такой степени, что онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ газетнымъ листамъ, чтобъ возбудить сочувствіе къ своему бѣдственному состоянію — это нѣсколько облегчило его участь, и хотя напрасны были всѣ попытки его къ новой сдѣлкѣ съ кредиторами, но привошенія нѣкоторыхъ значительныхъ людей облегчили его положеніе; между-прочимъ, знаменитый Гаррикъ пожертвовалъ ему полнымъ сборомъ одного язъ своихъ представленій.

Наконецъ, по прошествіи семи лѣтъ тяжкаго заключенія, обнаругованъ былъ актъ парламента (1755), по которому всѣ должники, подававшіе надежду на уплату долга, были освобождены; въ число ихъ попалъ Теодоръ, когда уже забылъ и думать о возможности оставить свое заключеніе. Первое время освобожденія его было ему не на радость: сначала, тяжкая нищета удручала его; потомъ прославленное британское великодушіе, по-

стоянство котораго сравниваютъ съ погодою, привѣтно улыбаюлось ему. Гораціи Вальполь написалъ въ пользу его краснорѣчивую брошюру, гдѣ онъ, между прочимъ, называлъ его a man whose claim to royalty was as indisputable, as the most ancient titles to any monarchy can pretend to be — и объявилъ подписку, которая принесла богатое пособіе развѣнчанному королю. Теодоръ, удрученный старостью, болѣзнью и несчастіемъ, не потерялъ прежняго присутствія духа и даже въ то тягостное мгновеніе, когда принесенъ ему былъ даръ великодушія, онъ сохранилъ нѣкоторое достоинство. Когда прибыли къ нему уполномоченные, между которыми находился лордъ Литльтонъ и другіе вельможи, онъ попросилъ ихъ войти на нѣсколько минутъ къ хозяину и въ это время привелъ въ порядокъ свою бѣдную комнату; подъ пологомъ кровати, сидя на высокомъ креслѣ, принялъ онъ уполномоченныхъ, которые не могли надвинуться достоинству его обращенія.

Онъ жилъ чрезвычайно-уединенно и неохотно показывался любопытнымъ. Гораціи Вальполь, желавшій видѣть его, сговорился съ одною дамою, иногда посѣщавшею Теодора, и вмѣстѣ съ нею неожиданно явился къ нему на дачу; Теодоръ обнаружилъ свое неудовольствіе тѣмъ, что хранилъ упорное молчаніе во все время посѣщенія. Такія черты еще болѣе привлекали Англичанъ. Заимодавцамъ же своимъ онъ предоставилъ въ залогъ королевство свое Корсику.

Недолго пользовался Теодоръ улучшеніемъ своего состоянія. Прежде, чѣмъ созрѣли въ головѣ его новые планы, отъ которыхъ онъ съ трудомъ отказался во время безпокойствъ, обнаружившихся въ Корсики, постигла его смерть на 69 году его жизни 11 декабря 1756 года. Онъ похороненъ былъ на Кладбищѣ-Св.-Анны въ Уэстминстерѣ, и Гораціи Вальполь велѣлъ вырѣзать надъ его гробницею слѣдующую надпись:

• Near this place is interred Theodore

• king of Corsica; who died in this parish Dec. 11, 1756 immediately after leaving to King's - bench, prison by the benefit of the Act of Insolvency: in cosequence of which he registered his kingdom of Corsica for the use of his creditors.

• The grave, great teacher, to a level brings
 • Heroes and beggars, galley slaves and kings.
 • But Theodore this moral learn'd ere died:
 • Fate pour'd its lesson on his living head;
 • Bestow'd a kingdom, and deny'd him bread.»

«Жизнь Теодора» (говорить Фарнгагенъ фон-Энзе) «представляетъ смѣшеніе дурныхъ и хорошихъ чертъ и оставляетъ въ сомнѣніи, герой ли сдѣлался авантюрьеромъ, или авантюрьеръ превратился въ героя? Вольтеръ уничтожаетъ его славу, Шлѣперъ впадаетъ въ противоположную крайность. Мужество его, терпѣніе и твердость заслуживаютъ удивленія; какъ другіе не знаютъ страха, такъ онъ не знаетъ отчаянія. Но упорство, съ которымъ онъ преслѣдовалъ мимоветный призракъ земнаго величія, заставляло его безпрестанно стремиться къ нему, даже и тогда, когда отъ него осталась одна тѣнь. Въ началѣ, предпріятіе его освободить Корсику не было такимъ безуміемъ, какимъ представилось оно потомъ, когда планъ Теодора разстроился. Благопріятныя обстоятельства не ему одному льстили только возможностью. Испанскій имевантъ донь-Филиппъ, въ послѣдствіи герцогъ парисскій, долгое время составлялъ серьезныя планы, какъ бы завладѣть Корсикою. Мальтійскій орденъ также хотѣлъ подчинить себѣ этотъ островъ. То же намѣреніе занимало и маршала и графа Морица-Саксонскаго, и еслибъ онъ вздумалъ дѣйствительно сдѣлаться независимымъ государемъ Корсики, то, вѣроятно, имѣлъ бы успѣхъ блестящій. Какъ полководецъ, онъ, безъ сомнѣнія, употребилъ бы лучшія средства, чѣмъ Теодоръ, которому этого именно и не доставало.»

Супруга Теодора, послѣдовавшая за нимъ изъ Испаніи въ Парижъ, прожила тамъ нѣкоторое время. Приключенія супруга ея побудили маркиза д'Аржанса посвятить ей свои «*Mémoires du marquis de Vaudreville*», гдѣ онъ иронически называетъ ее королевою. Сынъ, котораго Теодоръ имѣлъ отъ нея, не послѣдовалъ за нимъ въ Корсику, какъ говорилъ нѣкоторые: въ Лондонѣ уже сошелся онъ съ отцомъ въ намѣреніи продолжать его предпріятіе; но ему удалось раздѣлить только горестную судьбу его, облегчить которую старался онъ всѣми силами. Въ 1768 году, онъ издалъ въ Лондонѣ «*Mémoires pour servir à l'histoire de Corse*», въ которыхъ живыми чертами просвѣчиваетъ любовь и уваженіе его къ отцу. Онъ вступилъ потомъ въ военную службу въ Англіи и получилъ чинъ полковника; подъ именемъ полковника Фридерика онъ написалъ нѣсколько сочиненій о Корсикѣ и, во прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ рядѣ нѣпоходивъ, кончилъ жизнь свою pistolетнымъ выстрѣломъ; послѣ него остался сынъ, который въ концѣ XVIII вѣка умеръ поручикомъ англійской службы въ Гибралтарѣ. Такимъ образомъ угасла фамилія Нейгофогъ.

Этимъ заключаемъ статью нашу, потому-что біографія Леопольда Дессау заняла бы слишкомъ много мѣста, и мы оставляемъ ее до слѣдующей статьи, въ которой постараемся также представить читателямъ разборъ книги, недавно нами полученной: *Schillers Leben. Verfasst aus Erinnerungen der Familie, seinen eignen Briefen und den Nachrichten seines Freundes Körner. Stuttgart und Tübingen. 1845* (Жизнь Шиллера, составленная изъ семейныхъ воспоминаній, собственныхъ его писемъ и извѣстій друга его Кёрнера. Штутгартъ и Тюбингенъ. 1845).

VIII.

С И В С Ъ.

БИОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

АВГУСТЪ-ВИЛЬГЕЛЬМЪ ШЛЕГЕЛЬ.

Дѣнадцатаго мая нынѣшняго года скончался, въ Боннѣ, поэтъ и критикъ, Августъ-Вильгельмъ Шлегель, старшій изъ трехъ послѣднихъ членовъ той многочисленной литературной семьи, которая ведетъ свой родъ отъ Лессинга и которая пролила такой блескъ на Германію въ концѣ прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтія; теперь остаются изъ нея только старшій философъ Шеллингъ и старшій поэтъ Тикъ.

Если вы, проѣзжая, въ Германіи, чрезъ Боннъ, спрашивали, что есть въ немъ замѣчательнаго, то, вѣрно, указывали вамъ на старичка въ русомъ парикѣ, тихо оканчивавшаго тамъ свое поприще, которое началъ и прошелъ онъ такъ шумно.

Грустно переживать свое время; грустно видѣть, что мысли, за которыми боролись мы съ такими усиліями, съ такой славою, что эти мысли, бывъ

сначала смѣлыми парадоксами, сдѣлались самыми обыкновенными и спокойно обращаются среди новаго поколѣнія, которое, присвоивая себѣ то, что ему нравится, гордится этимъ присвоеннымъ добромъ какъ-бы своимъ твореніемъ, и, радуясь, что можетъ свободно идти побольше-обширному поприщу, нежели его предшественники, забываетъ оглянуться назадъ и поблагодарить людей, открывшихъ ему дорогу.

Мы хотимъ говорить о человѣкѣ, извѣстномъ, быть-можетъ, половинѣ читателей по одному только имени; о человѣкѣ, забытомъ, по-видимому, самой Германіею, по которому новѣйшая литература, называвшаяся долго *романтической*, должна была бы воздвигнуть памятники, еслибъ была попризнавательнѣе; ибо, послѣ Лессинга, Шлегель былъ первымъ, ревностѣйшимъ и доблестѣйшимъ ея боряпкомъ.

Великая литературная эпоха Германіи произошла, какъ извѣстно, отъ противодѣйствія духа германскаго духу французскому. Блескъ царствованія Лудовика XIV ослѣпилъ Европу. Языкъ, мысли, нравы, вкусъ, моды и книги французскія завладѣли всѣми народами, даже и тѣми, когорые, какъ Англичане и Испанцы, ниѣли уже своею исполнѣ-развитую національную лите-

ратуру; и они также бросились наперерывъ подражать литературѣ французской.

Въ то время Германія, относительно умственного образованія, отставала отъ всѣхъ западныхъ народовъ. Поглощенная, по выходѣ изъ среднихъ вѣковъ, расприями религиозными, — разоренная, лишенная народности тридцатилѣтнею войною, она не могла развить драгоцѣнный зародышъ, содержавшійся въ пѣсняхъ ея миннезенгеровъ и шейстерзенгеровъ, и гений туземный изнемогалъ, подавляемый грубымъ сѣщеніемъ языковъ и нравовъ, заимствованныхъ у всѣхъ народовъ, попиравшихъ землю германскую. «Въ тогдашнее время» говоритъ одинъ изъ нѣмецкихъ писателей (*), «одѣвались по-голландски, ѣли по-шведски, хвастали по-испански, ругались по-венгерски и по-турецки, и краснорѣчивѣйшимъ разговоромъ считался тотъ, который содержалъ въ себѣ болѣе иностранныхъ элементовъ.» (**). Въ это хаоса, нѣсколько ученыхъ протестантовъ, не будучи въ силахъ основать національную литературу, погружались въ бесплодное филологическое изученіе древнихъ писателей (***) .

Въ такомъ-то положеніи находилась Германія, когда духъ французскій, который, со времени возрожденія, съ каждымъ днемъ болѣе-и-болѣе удалялся отъ элемента германскаго, обра-

щаясь къ греко-латинскому, и, быстро идя по этому направленію, достигъ высшей степени развитія, — проникъ въ Германію посредствомъ высшихъ классовъ общества и безъ труда вліяніемъ своимъ заѣмилъ всѣ прочія вліянія. Тогда подражаніе всему французскому сдѣлалось всеобщимъ. Въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія, начиная со второй силезской школы Гофмансвальдау и Лозштейна, до саксонской школы Готшета, Германія упивалась до пресыщенія литературою скучною, безцвѣтною, безъ вкуса, безъ оригинальности, безъ вдохновенія. Противодѣйствіе началось въ половинѣ XVIII столѣтія; одни, считая самую французскую литературу подѣльною копіею, рѣшились обратиться къ источникамъ и сблизиться непосредственно съ духомъ греческимъ; другіе кипулись къ произведеніямъ англійскимъ, какъ болѣе-сообразнымъ съ духомъ германскимъ; словомъ, лишенная самобытной литературы, Германія утопала въ переводахъ и подражаніяхъ, какъ вдругъ на горизонтѣ ея явился новый литературный Арминій, съ умомъ обширнымъ, проникательнымъ и смѣлымъ, созданнымъ для полемики: это былъ Эразмъ Лессингъ. Не скрывая предпочтенія своего школѣ англійской, онъ вступилъ въ открытую борьбу съ вліяніемъ литературъ иностранныхъ и, очистивъ поле, приготовилъ путь, по которому въ скоромъ времени двинулось блестятельное и разнообразное шествіе оригинальныхъ поэтовъ и прозаиковъ. Впрочемъ, не смотря на ожесточенныя свои нападки на французскую литературу времени Лудовика, Лессингъ, занимаясь исключительно отрицательною критикою, успѣлъ рѣшить одну только половину своей задачи; рѣшеніе другой предоставлено было непосредственнымъ его преемникамъ, — двумъ братьямъ Шлегелиамъ; относительно же литературы драматической тому изъ нихъ, біографія котораго составляетъ предметъ нашей статьи.

Видьгельмъ Шлегель первый пустилъ

(*) «Menzel's Deutsche Literatur». Томъ III, стр. 233.

(**) Рѣчь капуцина въ первой части «Валленштейна» Шиллера, можетъ служить отчасти образчикомъ вкуса той эпохи.

(***) Еслибъ мы имѣли цѣлю вполнѣ изобразить здѣсь исторію этого литературнаго періода, то должны были бы сдѣлать исключеніе въ пользу Опица, основателя первой силезской школы, который, хотя и подражалъ иностраннымъ образцамъ, но при всемъ томъ умѣлъ придавать своимъ подражаніямъ какой-то отпечатокъ оригинальности, полный прелесть, — именно въ лирическихъ своихъ стихотвореніяхъ.

въ тоѣ важный вопросѣ о свободѣ въ искусствѣ, и, разбирая съ возвышенной точки зрѣнія извѣстные драматическіе законы, приписываемые Аристотелю, начерталъ съ блюю рукою права романтической поэзіи; онъ первый свелъ на одну ставку Софокла, Эсхила, Эврипида, Корнеля, Расина, Вольтера, Шекспира и Кальдерона, театръ древній, и театръ, подражающій древнему, театръ новыи, — и требовалъ для новаго театра права подчиняться только тѣмъ правиламъ, которые почерпнуты изъ духа, мыслей и нравовъ новѣйшихъ народовъ.

Это было въ 1808-мъ году. Германія, освободясь отъ нашествія французской литературы, должна была подвергнуться нашествію французскихъ войскъ; во скорѣ успѣла свергнуть и это иго и отплатить Французамъ двойнымъ нашествіемъ своихъ войскъ и своей литературы. Последняя вступила во Францію подъ руководствомъ г-жи Сталь. Войско скоро оставило Францію, но литература осталась; германскія мысли мало-по-малу проникали въ критику французскую; извѣстный журналъ «Le Globe» долгое время питался этою пищею; наконецъ Гюго, хотя и искажилъ нѣсколько мыслей Шлегеля, обдѣлывая ихъ по-своему, но выразилъ сущность въ знаменитомъ своемъ предисловіи къ «Кройзелю». Эти иноземныя мысли однимъ казались новостью отрадною; другимъ чудовищными; споръ, давно обуженный въ Германіи, завязался во Франціи съ большимъ шумомъ. Теоретики романтизма вообще оказались довольно-слабыми въ примѣненіи своихъ теорій, въ чемъ, впрочемъ, Шлегель не виноватъ.

Указавъ такимъ образомъ на главныя литературныя заслуги знаменитаго вѣмецкаго критика, мы должны теперь приступить въ фактамъ біографическимъ, предоставляя себѣ дѣлать ихъ походомъ краткія замѣчанія относительно сочиненій и идей его, достоинства и вѣрности которыхъ не всегда неоспоримы.

Августъ-Вильгельмъ Шлегель родил-

ся въ Ганноверѣ, 8-го сентября 1767-го года, отъ родителей сословія среднего, вѣрноповѣданія протестантскаго.

Онъ имѣлъ, если не ошибаемся, четырехъ братьевъ, изъ которыхъ двое отличались на духовномъ поприщѣ; третій служилъ офицеромъ въ английской арміи и умеръ въ молодыхъ лѣтахъ въ Остиндіи; четвертый, Фридрихъ Шлегель, умеръ въ Дрезденѣ, въ 1829-мъ году, пріобрѣвъ литературную извѣстность, равную съ извѣстностью брата. Будучи поэтомъ, романистомъ, философомъ, критикомъ, историкомъ и филологомъ, Фридрихъ Шлегель оставилъ больше сочиненій, чѣмъ Вильгельмъ. Какъ философъ и филологъ, авторъ «Исторіи древней и новѣйшей литературы», «Философіи исторіи», сочиненія подъ заглавіемъ: «О языкѣ и мудрости Индійцевъ» и проч., быть-можетъ, превосходитъ Вильгельма Шлегеля обширностью и глубиною своихъ познаній; но онъ уступаетъ ему въ слогѣ; тяжелый, темный, онъ вовсе не имѣетъ того блистательнаго, яснаго, живаго и картиннаго изложенія, которыми такъ отличается братъ его.

Окончивъ первоначальное воспитаніе въ Ганноверѣ, Вильгельмъ Шлегель вступилъ въ Гёттингенскій-Университетъ, гдѣ занимался сначала богословіемъ, потомъ философіею, подъ руководствомъ знаменитаго профессора Гейне; подъ надзоромъ его, онъ написалъ весьма-замѣчательное сочиненіе о гомеровою географіи, на латинскомъ языкѣ, увѣчанное въ 1787-мъ году филологическимъ обществомъ, и приготовилъ потомъ «Указатель» (Index) къ «Виргилю», изданному Гейне. Уже тогда молодой Шлегель отличался глубокимъ знаніемъ искусствъ и литературы древности. Филологическія занятія не вполнѣ, однакожь, соответствовали поэтическимъ его наклонностямъ, и онъ не могъ не увлечься великимъ литературнымъ движеніемъ, происходившимъ тогда въ Германіи. Французская школа угасала въ Потсдамѣ вмѣстѣ съ Фридрихомъ-Великимъ; Гёте издалъ драму «Гёцъ фонъ»

Берлихингенъ и Вергера; пылкое воображеніе Шиллера, выказавъ первый огонь свой въ «Разбойникахъ», въ «Фіаско», въ «Коварствѣ и Любви», утихло и созрѣвало отъ наблюденія и ученыхъ занятій; Лессингъ умеръ, совершивъ свой драматическій крестовый походъ противъ французской трагедіи. Въ самомъ Гёттингенѣ образовалась новая поэтическая школа, полная ненависти противъ вкуса французскаго, среди которой блистали Бюргеръ, Фоссъ, Гельти, Миллеръ, Лейзевицъ и два Штольберга, почерпавшіе свое вдохновеніе изъ двухъ источниковъ: домашняго быта и рыцарскихъ преданій.

Изъ всѣхъ этихъ поэтовъ, Бюргеръ болѣе прочихъ увлекалъ молодого Шлегеля. Жизнь знаменитаго автора «Лепоры», эта бѣдственная жизнь генія безпокойнаго и гордаго, проведенная въ борьбѣ съ несчастіемъ и страстями, не мало способствовала къ тому, что къ удивленію Шлегеля присоединились чувства болѣе-задумчивыя. Онъ искалъ дружбы Бюргера и приобрѣлъ ее; онъ раздѣлялъ труды его; поэтической пылъ его пробудился отъ прикосновенія этого пламеннаго и мрачнаго характера. Въ позднѣйшихъ полемическихъ сочиненіяхъ своихъ, онъ съ благоговѣніемъ защищалъ память друга, и въ собраніи поэтическихъ его сочиненій находится прекрасный сонетъ къ тѣни перваго его наставника въ искусствѣ пѣснопѣнія.

Mein erster Meister in der Kunst der Lieder, и проч.

Выходя изъ Гёттингскаго-Университета, Шлегель принялъ на себя обязанность руководить воспитаніемъ дѣтей богатаго амстердамскаго банкира; пробывъ въ Голландіи три года, онъ возвратился въ Германію и поселился въ Іенѣ.

Здѣсь-то начинается для него періодъ литературной дѣятельности, полемики и славы. — Іена и Веймаръ были тогда двумя центрами, въ которыхъ сосредоточивалась вся умственная дѣятельность Германіи. При громѣ вѣдихъ битвъ республики и

имперіи, когда кровь повсюду лилась въ Европѣ, здѣсь, въ этомъ углу Саксоніи, сражались перьями съ жаромъ невѣроятнымъ и проливали потоки чернилъ на попривѣзъ эстетикъ. Между сражавшимися отличался Вильгельмъ Шлегель, участвуя въ «Часахъ» (die Horen) и въ «Альманахѣ-Музѣ» (Musen-Almanach) Шиллера; онъ основалъ наконецъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Фридрихомъ, извѣстный «Атенеи» (das Atheneum), литературное обозрѣніе, имѣвшее большое вліяніе на направление вѣдй Германіи, — вліяніе, въ которомъ позднѣйшіе критики сильно укоряли братьевъ Шлегелей, и о которомъ мы должны сказать нѣсколько словъ.

Въ то время литературное владычество Гёте было въ полномъ своемъ блескѣ. Отъискивая въ пространствахъ и времени всѣ искры священнаго огня, и какъ-бы вбирая въ себя поэтическую сущность всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, этотъ ненасытный Прометей, казалось, хотѣлъ соединить въ себѣ все человѣчество. Безъ генія, сообщавшаго отпечатокъ индивидуальности большей части его завоеваній, Гёте былъ бы только всеобщимъ похитителемъ. Обольщенные этимъ великимъ исключеніемъ, братья Шлегели изъ примѣра составили правило; на развалинахъ школы французской, греческой и англійской, они покусились основать школу школъ, обширный каравансерай, открытый для всѣхъ привозныхъ товаровъ, гдѣ должны были сойтись, не имѣя перевѣса одно надъ другимъ, всѣ выраженія человеческой поэзіи, начиная съ созданія міра до нашихъ временъ. Они простили эклектизмъ до крайнихъ его предѣловъ и проповѣдовали какой-то эстетическій политеизмъ, принимая боговъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ. Не трудно понять выгоды и опасности этой теоріи: она расширяла сферы вдохновенія, но убивала оригинальность, уничтожая условія времени и мѣста; вообще, она болѣе вредила, нежели способствовала образованію и

развитію истинно-національной литературы. Дѣйствительно, въ скоромъ времени явилась опять страсть къ переводамъ и подражаніямъ, только уже не ограничивавшаяся какими-либо предпочитаемыми образцами, но простиравшаяся безъ разбора на всѣ иностранныя произведенія. Намѣривъ Шлегелей были хорошия; они хотѣли сдѣлать изъ литературной Германіи народъ, подобный пчелѣ, высасывающей безъ разбора всѣ цвѣты ума человѣческаго для составленія своего меда, а космополитическая теорія ихъ произвела, напротивъ, рои шершней, портившихъ цвѣты и немогшихъ извлечь изъ нихъ ничего, кромѣ доказательства своего безсилія.

Извѣстное правило: *искусство для искусства* (l'art pour l'art), о которомъ прежде такъ много было споровъ, вышло равнымъ образомъ отъ Гёте и Шлегеля. Руководствуясь своимъ электизмомъ относительно вкуса и способа изложенія, они охотно приняли красоту и гармонию стиха за критеріумъ прекраснаго въ поэзіи. Вильгельмъ Шлегель соединилъ теорію съ практикою. Разныя поэтическія его произведенія, имѣвшія нѣсколько изданій, изъ которыхъ послѣднее появилось въ 1811 году, въ двухъ томахъ, представляютъ странную смѣсь вдохновеній языческихъ, христіанскихъ, мифологическихъ, католическихъ, восточныхъ, рыцарскихъ, торжественныхъ, легкихъ, утонченныхъ и навывныхъ. Мы встрѣчаемъ тамъ оды, посланія, элегіи, баллады, пѣсни, эпиграммы, сонеты, — словомъ, все, даже чисто-греческую трагедію «Іонъ», о которой поговоримъ въ послѣдствіи, и которая является между *голіамбомъ* и *триолетомъ*. Особенно замѣчательны пьесы подъ заглавіями: «Аріонъ», «Пигмалионъ», «Прометей», легенда «О Святомъ Лукѣ», баллада «Фортуна и элегія «Римъ», посвященная г-жѣ Сталь. Между сонетами есть нѣсколько весьма-хорошихъ, а именно: «На смерть молодой дѣвушки, Августы Бёмеръ». Но если стихотворенія Шлегеля можно

назвать космополитическими по сущности, то это названіе принадлежитъ имъ еще болѣе по формѣ. Поэтъ, кажется, имѣлъ цѣлю принудить нѣмецкій языкъ къ разнымъ *tourg de force*. Въ размѣрахъ его стиховъ, въ расположеніи рифмъ, находите разнообразіе необыкновенное и гибкость, доходящую нерѣдко до ребяческаго кокетства и жеманности. Такъ, есть пьесы, гдѣ въ каждой строфѣ размѣръ уменьшается однимъ слогомъ на каждый стихъ; другія, гдѣ поэтъ ставитъ девять рифмъ сряду. Все это доказывается, съ какимъ необыкновеннымъ искусствомъ владѣлъ онъ языкомъ; искусствомъ этимъ онъ прекрасно воспользовался въ переводахъ Шекспира и Кальдерона; но въ оригинальныхъ стихотвореніяхъ эта чреватая заботливостью о формѣ только вредитъ точному и сильному выраженію мысли.

Сверхъ того, многіе упрекаютъ обоихъ знаменитыхъ редакторовъ «Атенеи» вообще въ томъ ихъ критики, въ излишнемъ восторгѣ къ Гёте, соединенномъ съ строгостью къ ихъ противникамъ, походившею часто на аристократическую смѣсь и даже на дерзость. Правда, и имъ платили тою же монетою. Но какъ бы то ни было, «Атенеи» и прочія полемическія сочиненія Шлегеля имѣли также и хорошее вліаніе. Одаренный чувствомъ идеальнаго, благороднаго и великаго, критикъ велъ войну на-смерть съ пошлостью и безнравственностью. Въ поэтическаго пантеизма Гёте, литература Германіи раздѣлялась тогда на два направленія. «Идиллія» Геснера, и знаменитая идиллическая и семейная поэма Фосса «Луиза», произвели множество подражаній; всѣ наперерывъ бросались въ описанія сельскихъ нравовъ и семейныхъ наслажденій; идиллическая нѣмецкая муза не была нарядною, убранною въ ленты пастушскою французской литературы прошлаго вѣка; сильъ съ нею чужой, несвойственный ей нарядъ, Фоссъ и Геснеръ умѣли оставить ей какую-то наивную прелесть; но въ рукахъ учениковъ изъ

она мало-по-малу приняла видъ толстой коровицы, съ лицомъ краснымъ, румяными глазами, грязными, грязными волосами и босыми ногами. Другіе почерпали свое вдохновеніе предпочтительно изъ самыхъ обыкновенныхъ случаевъ общаго житія, и въ гекзаметрахъ изображали наслажденія, доставляемыя столомъ, кофеемъ, пивомъ, сырой капустой, трубкой, картофелемъ, туфлями и ночными колпакомъ. На эту кухонную новизну Шлегель направилъ колкія стрѣлы своей критики, и его насмѣшки остановили ея распространеніе.

Инымъ путемъ извѣстный Коцебу покушался образовать другую, специально - драматическую литературную секту. Одаренный умомъ и талантомъ, но не высокими, не великими, Коцебу приобрѣлъ любовь народную, стараясь утвердить въ театрѣ ложный родъ драматическихъ сочиненій, гдѣ, при интересѣ сценическихъ сплетеній, преобладалъ самый полный нравственный эсентицизмъ. Этотъ способъ улаживать, приваривать, румянить и облагораживать нивость и пороки былъ жестоко порицаемъ Шлегелемъ. Онъ предалъ лезвію критики эту безчисленную семью лицъ порочныхъ, пошлыхъ и плаксивыхъ, которыми Коцебу наполнялъ всѣ театры Германіи и которыми, съ чувствительностью и благопріистойностью, соединяютъ ложь, плутовство, обольщеніе и проч. Шлегель началъ на эти выродочныя созданія съ трехъ сторонъ: со стороны искусства, со стороны истины и со стороны нравственности; онъ началъ на нихъ въ прозѣ и въ стихахъ, съ логикой и анграммами. Въ собраніи поэтическихъ его произведеній находится цѣлый рядъ написанныхъ въ то время сатирическихъ сонетовъ, подъ заглавіемъ: «Триумфальныя Ворота, воздвигнутыя въ честь Коцебу».

Этотъ безпокойный періодъ литературной полемики продолжался девять лѣтъ, съ 1795 по 1804 годъ. Поселившись сначала въ Іенѣ, потомъ въ Берлинѣ, Шлегель со всею пылкостью молодости и таланта, погрузился въ

труды: издавалъ «Атенею» почти одинъ съ братомъ, снабжалъ разные другіе журналы многочисленными статьями по части высшей литературной и художественной критики (*) о предметахъ самыхъ разнообразныхъ, преподавалъ въ Іенѣ эстетику, въ Берлинѣ новѣйшую литературу. Въ то же время приступилъ онъ къ великому и трудному предпріятію, котораго одного достаточно для прославленія его имени: это былъ прекрасный переводъ въ стихахъ твореній Шекспира и главнѣйшихъ драмъ Кальдерона. Нужно было имѣть необыкновенную рѣшительность и въ совершенствѣ знать три языка и духъ обоихъ поэтовъ, чтобы предпринять перевести ихъ стихъ въ стихъ, и въ точности передать не только смыслъ, часто неясный, но и развѣръ, столь разнообразный, особенно у Шекспира. Шлегель преодолѣлъ всѣ эти затрудненія; впрочемъ, правда, что, изъ всѣхъ языковъ, нѣмецкій богатствомъ, свободою и числомъ своихъ словосочетаній способнѣе прочихъ къ переводамъ такого рода. Переводъ Шекспира, имѣвшій рѣшительное вліяніе на характеръ и форму современныхъ драматическихъ произведеній, былъ начатъ въ 1796, а въ 1810 году вышло десять томовъ его въ Берлинѣ.

Этотъ трудъ, который Шлегель продолжалъ при всѣхъ тревогахъ своей жизни, былъ оконченъ позже по старанію друга его Тика, переведшаго нѣсколько пьесъ, и вышелъ въ свѣтъ въ Берлинѣ въ 1825 г. Переводъ Кальдерона, начатый въ 1803 г., вышелъ въ Берлинѣ въ двухъ томахъ въ 1809. Въ то же время, въ 1802 г.

(*) Часть этихъ статей была собрана обоими братьями въ два тома, и издава въ 1801 году подъ заглавіемъ: «*Karakteristiken und Kritiken*» (Характеристики и Критики). Въ послѣдствіи Вальдальтъ Шлегель напечаталъ въ Боннѣ, въ 1823 году, болѣе-полное изданіе своихъ собственныхъ трудовъ, подъ заглавіемъ: «*Kritische Schriften*» (Критическія Сочиненія).

Шлегель издалъ въ Берлинѣ одинъ томъ стихотвореній, переведенныхъ изъ разныхъ авторовъ, подъ заглавіемъ нѣсколько - вычурнымъ: «Букеты Цвѣтовъ Итальянской, Испанской и Португальской Поэзіи» (Blumenstrausse der Italienischen, Spanischen und Portugiesischen Poesie). Этотъ новый переводъ также отличается преобладающими качествами Шлегеля: изяществомъ и гибкостью формы.

Тогда же, въ 1803 г., явилась трагедія въ пяти дѣйствіяхъ подъ заглавіемъ *Юна*, подражаніе творенію Эврипида, носящему то же названіе. Она дала поводъ къ тщательному изслѣдованію вопроса: въ какой мѣрѣ Шлегель подражалъ поэту греческому?— Шлегель утверждалъ, что въ этой пьесѣ много принадлежащаго собственно ему. Мы не беремся слышать трагедію Эврипида съ трагедіей Шлегеля; скажемъ только, что нѣмецкая трагедія, не говоря о формѣ ея, которая довольно-вязанна, кажется холодною и вялою. Впрочемъ, первое дѣйствіе довольно-занимательно; въ немъ преобладаетъ граціозная, чистая фигура Юна, пятнадцатилѣтняго мальчика, воспитаннаго въ дельфійскомъ храмѣ. Юпъ не знаетъ своего происхожденія, считаетъ себя сиротою и описываетъ въ прекрасныхъ стихахъ счастливую жизнь свою, проведенную подъ свѣтлою алтаря и вполне - посвященную богу-отцу его. Мы думаемъ, впрочемъ, что первое дѣйствіе цѣликомъ взято изъ Эврипида...

Не можемъ оставить эту часть жизни Шлегеля, не сказавъ мимоходомъ нѣсколькихъ словъ вообще о кругѣ мыслителей и мечтателей, вѣдшихъ въ Іенѣ жизнь поэтическую и тихую. Тутъ, кромѣ братьевъ Шлегелей, были: Тикъ, Шеллингъ, Зольгеръ. Понались, умершіи въ столь-юныхъ лѣтахъ: всѣ они были съ различными способностями, но соединены общими сочувствіемъ и вкусомъ; всѣ они склонялись болѣе на сторону человѣчески-прекраснаго Гёте, чѣмъ на сторону нравственно - прекраснаго Шиллера,

и между-тѣмъ не сходились вполне и съ Гёте, съ этимъ великимъ веймарскимъ язычникомъ, потому-что въ своемъ поэтически-религіозномъ направленіи, гдѣ смѣшались мистцизмъ и теотоніамъ, они охотно покидали Востокъ и Грецію, и погружались въ великія христіанскія и народныя воспоминанія среднихъ вѣковъ (*).

Въ концѣ, кажется, 1804 года, Шлегель познакомился въ Берлинѣ съ г-жею Сталь. Онъ покинулъ блестятельное положеніе, какое занималъ тогда въ Германіи, и взялъ на себя воспитаніе дѣтей г-жи Сталь. Сочинительница «Коринны» умѣла цѣнить это пожертваніе.

Онъ раздѣлялъ съ ней ея кочевую и часто тревожную жизнь; съ нею жилъ онъ въ Копетъ, въ Италію, во Францію, въ Вѣнѣ, въ Россію, въ Швецію, и разлучился съ нею только въ Парижѣ, 14-го іюля 1817 года, когда она сошла въ могилу.

Въ продолженіе этой двѣнадцатилѣтней дружбы, Шлегель неоспоримо имѣлъ нѣкоторое вліяніе на направленіе трудовъ и мыслей г-жи Сталь; вліяніе это обнаруживается особенно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ книги ея о Германіи; но предположеніе, будто книга эта отчасти есть сочиненіе Шлегеля, несправедливо, ибо гораздо-значительнѣе въ ней число тѣхъ мѣстъ, гдѣ легко можно замѣтить почти - совершенное разногласіе между критикомъ и г-жею Сталь.

Во время поѣздки г-жи Сталь въ Парижъ, въ 1807 году, Шлегель написалъ и издалъ на французскомъ языкѣ брошюру подъ заглавіемъ: «Сравненіе Фредры Расина съ Фредрою Эврипида». Это небольшое сочиненіе, на-

(*) Въ сборникѣ стихотвореній Шлегеля есть собраніе религіозныхъ сонетовъ, такъ сильно проникнутыхъ католицизмомъ, что нельзя не удивляться, какъ онъ не послѣдовалъ примѣру брата своего, Фридриха, и нѣкоторыхъ друзей, увлеченныхъ поэтическимъ чувствомъ въ католическую вѣру.

писанное весьма-хорошимъ слогомъ, полное знанія и ума, но слишкомъ-пристрастное къ поэту греческому и неблагопріятное для поэта французскаго, надѣлало много шума между всѣми литераторами имперіи.

Такъ-какъ полиція Наполеона не позволяла г-жѣ Сталь долѣе оставаться во Франціи, то она снова отправилась путешествовать по Германіи. Шлегель послѣдовалъ за нею, и весною въ 1808 году началъ читать въ Вѣнѣ, при большомъ стеченіи слушателей, знаменитый курсъ драматической литературы, изданный въ-послѣдствіи въ трехъ томахъ, переведенный на всѣ образованные языки (кромя русскаго) и заслуживающій во многихъ отношеніяхъ пріобрѣтенную имъ славу. Онъ состоитъ въ разборѣ театровъ греческаго, латинскаго, французскаго, англійскаго, испанскаго и нѣмецкаго. По мнѣнію Шлегеля, существуютъ только три истинно оригинальные театра, которые потому и разбираетъ онъ подробнѣе прочихъ, именно: театръ греческій, отъ котораго происходятъ латинскій и французскій, и театры испанскій и англійскій, которые хоть и современны, но оба имѣютъ свою особенную фizioномію, и которые послужили къ образованію театра нѣмецкаго, основаннаго Шиллеромъ и Гёте.

Вся первая часть, безспорно, болѣе-занимательная, нежели прочія, посвящена театру греческому. До Шлегеля критика никогда не достигала такой высоты, такого блеска; это рѣдкая смѣсь глубокой учености и широкой, блистательной поэзіи. Критикъ съ страстію говоритъ о Греціи, онъ понимаетъ ее, какъ художникъ и какъ поэтъ, не только въ гармоніи цѣлаго, какъ Винкельманъ и Гёте, но и въ малѣйшихъ ея подробностяхъ.

Разбирая Софокла, Эсхила, Эврипида и Аристофана, онъ отдаетъ первому преимущество предъ всѣми греческими трагиками. О театрахъ латинскомъ и итальянскомъ говоритъ онъ поверхностно и строго. Разборъ театра французскаго гораздо-подробнѣе, безъ сомнѣ-

нія, потому-что ему хотѣлось уничтожить славу этого театра. Много въ этой части книги идей вѣрныхъ и справедливыхъ замѣчаній, но онъ очевидно находится подъ вліяніемъ страсти. Въ диктаторствѣ французскаго театра онъ нападалъ на диктаторство Наполеона, и это доказывается тѣмъ, что тутъ измѣняются и тонъ и характеръ его критики: тотъ же самый профессоръ, который умно и краснорѣчиво возставалъ противъ старой отрицательной критики, исключительно нападавшей на недостатки, и хотѣлъ показать свѣту новую критику, широкую, возвышенную, которая сближается съ людьми всѣхъ вѣковъ и народовъ и смотритъ глазами этихъ людей, и чувствуетъ какъ они,—тотъ же самый профессоръ вдругъ попадаетъ въ старую колею и разбираетъ Расина такъ, какъ Лагарпъ сталъ бы разбирать Шекспира. Онъ видитъ во французскомъ театрѣ одно только подражаніе греческому, и доказавъ, какъ неточно это подражаніе, выводитъ прямо заключение, что копія нехороша и далеко ниже оригинала, вмѣсто того, чтобъ заключить, что это не копія, и что это различіе именно составляетъ настоящую оригинальность французскаго театра. Онъ хвалитъ Расина, когда Расинъ приближается къ греческой трагедіи, и бранитъ его, когда удаляется отъ нея, вмѣсто того, чтобъ видѣть въ Расинѣ поэта по-своему *романтическаго*, т. е. поэта рыцарскаго и христіанскаго, изображающаго, подъ греческими названіями и въ строгихъ формахъ греческой трагедіи, рыцарскихъ и христіанскихъ героевъ. Шлегель замыкаетъ автора «Федры» въ слѣдующую не очень-вѣрную дилемму: «Ты копируешь,—слѣдовательно, ты не изобрѣтатель; ты изобрѣтаешь,—слѣдовательно, ты плохой копіистъ».

Въ разборѣ французской комедіи, Шлегель еще слабѣе; чѣмъ сказать, напр., когда онъ говоритъ о Мольерѣ: «Лучше всего удаются Мольеру пьесы шуточные (*burlesque*); онъ имѣлъ и талантъ и склонность къ

«Фарсезъ». Мы должны заключить изъ этихъ словъ, что почтенный критикъ совершенно не понялъ «Тартюфа» и «Мизантропа». Въ разборѣ Шекспира восхищеніе Шлегеля доходитъ до фанатизма. Это, съ начала до конца, не что иное, какъ непрерывный гимнъ, и Шлегель, въ послѣдствіи, въ предисловіи къ своимъ *Критическимъ Сочиненіямъ*, признавался, что сами Англичане считали его ультра-шекспиристомъ. Впрочемъ, разборъ театра англійскаго, послѣ разбора греческаго, составляетъ самую занимательную часть этого сочиненія. — Театръ испанскій, главнѣйшія эпохи котораго Шлегель сосредоточиваетъ въ лицѣ Сервантеса, Лопэ-де-Вега и Кальдерона, разобранъ гораздо короче, хотя съ той же восторженной точки зрѣнія. Разбирая театръ нѣмецкій, который онъ считаетъ только что-то-раждающимъ, критикъ спокойнѣе, быть-можетъ даже немного строже.

Жизнь Шлегеля, до-тѣхъ-поръ исключительно литературная, подверглась также вліянію событій политическихъ. Возвратившись во Францію съ г-жою Сталь, по доносу женеваго преемника, который объявилъ его противникомъ существовавшаго тогда порядка во Франціи, онъ подвергся изгнанію, вмѣстѣ съ г-жею Сталь; съ нею удалился онъ въ Шведію, въ Стокгольмъ, и познакомился тамъ съ Бернадотомъ, бывшимъ тогда послѣднимъ принцемъ и только-что окончательно-разорвавшимъ связи свои съ Наполеономъ, чтобъ заключить союзъ съ Россією. Подъ его вліяніемъ Шлегель написалъ на Наполеона жестокій памфлетъ на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «О континентальной системѣ». Этотъ памфлетъ, изданный въ Стокгольмѣ въ 1813 году, послѣ несчастной ретирады Французовъ отъ Москвы, былъ переведенъ на шведскій, англійскій и нѣмецкій языки. Во время кампаніи 1813 года, Шлегель слѣдовалъ за Бернадотомъ въ качествѣ секретаря и, какъ говорятъ, сочинялъ прокламаціи наслѣдсваго принца шведскаго. Въ про-

долженіе этой кампаніи, онъ написалъ новый памфлетъ, подъ заглавіемъ: «Картина политическаго и нравственнаго состоянія Французской имперіи въ 1813 году». Послѣ событій 1814 и 1815 годовъ, Шлегель получилъ дворянство, — отъ кого, вѣрно не знаемъ, и украшенъ былъ разными орденами.

Поселившись сначала въ Парижѣ, онъ, по смерти г-жи Сталь, оставилъ Францію и былъ назначенъ профессоромъ въ Боннскомъ-Университетѣ, гдѣ и вступилъ во второй бракъ съ дочерью доктора Паулуса изъ Гейдельберга (*). Въ этомъ послѣднемъ періодѣ своей дѣятельности, зная уже всѣ языки и литературы Европы, Шлегель предавался изученію языковъ восточныхъ, особенно санскритскаго, и слѣдился однимъ изъ лучшихъ индѣанствовъ нашего времени. Учредивъ для этого въ Боннѣ типографію, онъ обогатилъ эту область знанія нѣсколькими важными сочиненіями, между прочимъ, двумя томами, подъ заглавіемъ: «Индійская Библіотека» (1820), однимъ томомъ, изданнымъ въ Боннѣ (1829), содержащимъ въ себѣ латинскій переводъ отрывка санскритской поэмы «Магабгарата» съ приложеніемъ оригинала; также сочиненіемъ на французскомъ языкѣ «О происхожденіи Индусовъ»; далѣе, мемуаромъ, адресованнымъ къ Сильвестру де-Саси, въ которомъ онъ доказываетъ, въ противоположность мнѣнія этого ориенталиста, что сказки «Тысяча и Одна Ночь», приписываемыя Аравитянамъ, принадлежатъ Индѣйцамъ; наконецъ, мемуаромъ подъ заглавіемъ: «Мысли объ Изученіи Азіатскихъ Языковъ». Занимаясь столь ревностно Востокомъ, Шлегель находилъ, однако, довольно времени для продолженія прежнихъ ученыхъ занятій своихъ: совершивъ путешествіе въ Англію и Фри-

(*) Первый бракъ съ дочерью профессора Михаелиса въ Геттингенѣ имѣлъ слѣдствіемъ разводъ; второй не былъ счастливымъ и кончился тѣмъ же.

цію, онъ прочелъ въ Берлинѣ, въ 1827 году, «Курсъ Исторіи Нязичныхъ Искусствъ», изданный въ послѣдствіи въ двухъ томахъ. Онъ велъ весьма-занимательный споръ съ учеными Ренуаромъ о характерѣ, происхожденіи и вліяніи провансальнаго языка и литературы его. Прекрасныя лекціи г-на Форьеля о происхожденіи рыцарскихъ романовъ, также подали Шлегелю поводъ къ сочиненію нѣскольکو статей объ этомъ предметѣ, напечатанныхъ въ «Journal des Débats» 1833 и 1834 годовъ. Всѣ эти сочиненія, вмѣстѣ съ другими менѣе-важными статьями, включены въ недавно-изданную на французскомъ языкѣ книгу, о которой мы уже упоминали.

Послѣ всего сказаннаго, читатель не можетъ не признать въ Шлегелѣ— поэта, критика, филолога, ориенталиста и переводчика, умъ необыкновенный, человѣка, имя котораго останется въ исторіи литературы послѣдняго пятидесятилѣтія. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ изслѣдовать, въ чемъ Шлегель устарѣлъ литературнымъ образомъ, которыя изъ идей его приняты нынѣшнею Германіею, и которыя ею отвергнуты. Недостатокъ критики Шлегеля состоитъ, какъ мы уже замѣтили, въ чрезмѣрномъ притязаніи на универсальность. Присвоивать себѣ права высшаго судьи въ литературѣ всѣхъ народовъ и временъ— дѣло очень-опасное. «Каждый народъ» сказалъ гдѣ-то Сен-Бѣвъ: «есть первый судья своихъ поэтовъ и писателей; торговка аѳинская, или, говоря словами Поля-Луи-Куррьѣ, послѣдняя баба Улицы-Шоша, лучшѣ геніальнаго иностранца знаетъ нѣкоторые туземные недостатки».

Не признавая этой истины, мы подвергаемся опасности впасть въ странныя ошибки, и, какъ Шлегель, видѣть въ Мольерѣ простаго шута. Другая невыгода этой слишкомъ-честолюбивой критики состоитъ въ томъ, что силы критика, отъ чрезмѣрнаго разсѣянія ихъ, слабѣютъ. Шлегель, кажется, самъ, но повдно уже, почувствовалъ это не-

удобство, ибо кончаетъ предисловіе послѣдняго изданнаго имъ сочиненія слѣдующими словами, которыя да послужатъ и намъ заключеніемъ: «Эти попытки суть вежъ, поставленные мною по всему продолженію моего литературнаго поприща, въ концѣ котораго я долженъ признаться самому-себѣ, что предпринималъ весьма-много, а кончалъ очень-мало».

ЗАМѢТКИ НА ПУТИ ИЗЪ МОСКВЫ ВЪ ЗАКАВКАЗСКІЙ КРАЙ. (*Путь отъ Москвы до Ставрополя. — Ставрополь. — Кавказскія-Горы. — Екатериноградъ. — Владикавказъ. — Дарьяль. — Кавбекъ. — Мижетъ. — Тифлисъ. — Дорога до Эривани. — Эривань. — Джмадзинъ. — Грузины и жители въ Тифлисъ. — Сурамъ. — Бержомское-Ущелье. — Ахалцыхъ. — Очеркъ армянской исторіи. — Нынѣшніе Армяне. — Воды аббас-тумахскія и урвельскія.*)

Ставрополь, 7 марта 1843.

Наконецъ, 21 февраля въ ночь, протившись съ родными и со всѣмъ, что дорого мнѣ было въ Москвѣ, пустился я съ товарищемъ своимъ въ дальнѣйшій путь. Тихо проѣзжали мы по пустыннымъ, полуосвѣщеннымъ тусклыми фонарями улицамъ Москвы, и кака-то безотчетная грусть (какъ-будто предчувствіе чего-то печальнаго) свиномъ лежала у меня на сердцѣ. Въ такомъ расположеніи духа я проѣхалъ двѣ станціи. Въ Лапасню пріѣхали мы уже на разсвѣтѣ. Постоянный житель Петербурга, преданный его привычкамъ, я давно не видалъ восхожденія солнца, и признаюсь, былъ восхищенъ этой картиной: тиха, спокойна была природа, ни одного облачка не видно было на ясномъ небѣ; легкій морозъ придавалъ оживительную свѣжесть

воздуху. Повѣляя вѣтерокъ, предвѣстникъ утра—и востокъ зардѣлся краснымъ заревомъ дневнаго свѣтила. Холодно-пурпурный цвѣтъ зари постепенно переходилъ въ тепло-золотистый, и, въ слѣдъ за первыми лучами, огромнымъ шаромъ выплывая изъ-за горизонта, привѣтливо улыбулся природѣ величественный царь свѣтилъ. Утро было неподобное. Оно разливалось на все жизнь, довольство и счастье. Оно развеселило и меня.

Не стану распространяться о всѣхъ неудовольствіяхъ и затрудненіяхъ, какія встрѣчали мы на пути. Тотъ, кто хоть нѣсколько путешествовалъ по отдаленнымъ губерніямъ напомнимъ, легко можетъ вообразить себѣ все, что претерпѣли мы въ дорогѣ, особенно въ это весеннее время года. Вскрытіе рѣкъ, грязь, дурныя станціи, ломки экипажа, безсовѣстная жадность нашихъ сельскихъ циклоповъ, которые

Передъ медлительнымъ огнемъ
Росейскимъ летать молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колѣнъ
И рыи отеческой земли,—

недостатокъ во всемъ, даже въ необходимыхъ жизненныхъ потребностяхъ, — вотъ, что ожидаетъ каждаго путешественника по безконечной нашей матушкѣ-Россіи. И эти неудовольствія и лишнія не окупаются почти-никакимъ отраднымъ чувствомъ: природа и искусство вездѣ скудны, — нѣтъ пищи ни для глазъ, ни для воображенія, ни для желудка. Въ Воронежѣ пріѣхали мы ночью и, только-что переиѣвивъ въ немъ лошадей, поѣхали далѣе, потому и не могу ничего сказать о немъ. Отъ Воронежа до Ставрополя тянутся безконечныя степи. Сначала, меня занимало это, такъ-сказать затвердѣлое море. Гладь небесная и гладь земная — есть гдѣ разгуляться русской богатырской удали, любящей жизнь въ широкихъ размѣрахъ. Кругомъ все тихо, ничто не нарушаетъ этого величественнаго покоя природы; только

на этомъ непредвѣльномъ и непредметномъ пространствѣ катить наша смиренная коляска, подъ монотонный звонъ почтоваго колокольчика. Въ этомъ есть что-то поэтическое... Но скорѣе поэзія эта, лишась прелести новизны, стала утомлять меня, наконецъ, надоѣла до того, что меня взяла тоска. И въ-самомъ-дѣлѣ, какъ на пространствѣ восьми-сотъ верстъ ни одного почти деревца, ни одного пригорка, на которомъ могъ бы отдохнуть взоръ, утомленный пустыннымъ разнообразіемъ! Тутъ гдѣсь такая рѣдкость, что продается едва-ли не на вѣсь золота, и потому почти всѣ строения изъ какого-то особеннаго мѣстнаго рыхлаго камня, а хижинны бѣдныхъ поселянъ состоятъ изъ землянокъ; топать кизякомъ, или навозомъ. Новочеркасскъ, столица Земли-Донскаго-Войска, является взору отраднымъ оазисомъ среди этихъ пространыхъ и пустынныхъ степей. Это довольно-чистый, красивый городъ, правильно-выстроенный. Много новыхъ строящихся. Жаль только, что въ немъ недостатокъ въ водѣ. Знаменитый Донъ протекаетъ въ двѣнадцати верстахъ, въ Аксайской-Станицѣ. Здѣсь мы нашли порядочную гостиницу — вещь весьма-важную на этомъ пути, и, признаюсь, это доставило мнѣ большое удовольствіе. Ее содержитъ Французъ Ожеръ и даетъ очень-порядочный обѣдъ. Желая привѣтствовать Донъ произведеніемъ его же виноградниковъ, мы велѣли подать себѣ лучшаго донскаго; но оно было до того скверно, что невозможно было пить. Насъ увѣряли, что производители оставляютъ вина лучшихъ качествъ для своего собственнаго употребленія, а на продажу отпускаютъ низшіе сорта.

Въ Ставрополь мы пріѣхали вчера вечеромъ. Мнѣ пріятно было, по прошествіи семи лѣтъ, снова увидѣть его. Какъ все измѣнилось съ-тѣхъ-поръ!

Въ краткой жизни человѣка много значить семь лѣтъ. Таковъ ли былъ тогда я самъ? Гдѣ эта молодость, свѣ-

жестъ чувствъ! Гдѣ это время, когда все прекрасное возбуждало во мнѣ безотчетный, шумный энтузіазмъ, время, когда все льстило, все занимало меня? Богата юность заблужденіями, за то богата и неоцѣненнымъ минутиами въ жизни... Самый Ставрополь измѣнился въ эти семь лѣтъ. Сохраняя характеръ нашихъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ (онъ, впрочемъ, никогда и не былъ похожъ на азіатскій городъ: Азіатцы составляютъ самую незначительную часть его народонаселенія), онъ сталъ чище, опрятнѣе; непроходимая грязь, въ непамятное время, по-возможности устранена мостовыми; много новыхъ строеній: на мѣстѣ, заброшенномъ сперва и извѣстномъ своей нечистотой, теперь заведенъ бульваръ. Такъ все измѣняется въ свѣтѣ и измѣняется, конечно, къ лучшему; но по какому-то странному противорѣчію чувствъ, намъ всегда бываетъ жаль прежняго, каково бы ни было это прежнее, не потому ли, что оно невозвратно утонуло въ вѣчности, существуетъ только въ воспоминаніи, которое, мало-помалу сглаживая все печальное, тѣшитъ воображеніе одними свѣтлыми картинами, одною яркою стороною протекшаго?

Тифлисъ, 20 марта.

Наконецъ, я въ Тифлисъ! Уфъ! Дайте отдохнуть. Слава Богу! Совершить путь этотъ — подвигъ немаловажный. Чего тутъ не встрѣтишь, какимъ опасностямъ не подвергаешъ жизни!

Изъ Ставрополя мы выѣхали 8 марта и только 18 пріѣхали въ Тифлисъ. Десять дней, чтобъ сѣлать пять-сотъ тридцать-восемь верстъ! Кругомъ Ставрополя, на краю горизонта, непрерывною цѣпью тянутся Кавказскія Горы, съ своими снѣговыми, зубчатыми вершинами, которыя на ясно-голубомъ небѣ кажутся вамъ облаками. Среди ихъ, какъ царь среди своихъ придворныхъ, горделиво возвышается двуглавый Эльбурсъ. Отраднѣе мнѣ было еще разъ полюбоваться имъ, вспоминая прошедшее. Тогда-какъ мно-

гое измѣнилось съ-тѣхъ-поръ, когда увидѣлъ я его въ-первыя, онъ одинъ остался тотъ же, непоколебимъ какъ небо, на которомъ онъ такъ чудно рисовался, и въ своемъ мощномъ величій какъ-будто смѣлся надъ бессиліемъ времени. Отъ Ставрополя до Екатеринограда двѣсти - пятьдесятъ - шесть верстъ. Съ екатериноградскаго укрѣпленія начинается военно-грузинская дорога и, сѣдѣя по кабардинской плоскости, до самаго Владикавказа считается опасною. Сперва на этомъ странствіи не было почтовыхъ лошадей; путешественники нанимали вольныхъ и ожидали случая, чтобъ въ безопасности совершить путь этотъ. Случаею называлась партія солдатъ съ пушкой, сопровождавшихъ почту, которая эти сто-пять верстъ совершала шагомъ. Послеъ поѣздки Государя въ этотъ край, учреждена здѣсь постоянная почта и дается конвой почетнымъ путешественникамъ. Купцы и другія лица занимаютъ обыкновенно нѣсколько вооруженныхъ туземцевъ и полъ ихъ прикрытіемъ, часто верхомъ; пускаются въ путь, отправляя вещи и товаръ на выюкахъ. Не проходить и недѣли, чтобъ не случилось здѣсь какихъ-нибудь *шалостей*: такъ называютъ здѣсь разбой горцевъ. Самый опасный пунктъ на этомъ пути мѣсто, гдѣ стоитъ одинокій минаретъ, печальный памятникъ бывшаго когда-то здѣсь селенія, — минаретъ, обратившій на себя вниманіе Пушкина. Я хотѣлъ взлѣзть на него по вступренней, винтообразной лѣстницѣ; но всѣ попытки мои остались тщетными: ступени в самый минаретъ въ полуразрушенномъ состояніи.

Отъ самаго Ставрополя до Владикавказа вы ѣдете по ставицамъ ливейныхъ казаковъ, расположеннымъ въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи. Казаки эти, издавна заселенные въ этомъ краю, считаются лучшимъ, храбрѣйшимъ войскомъ на Кавказѣ. Естественно, составляя пограничную цѣпь, они защищаютъ свои семейства, свое добро, и, будучи въ непрерывной

борьбѣ съ горцами, сохраняютъ воинственный духъ. Они теперь то же, чѣмъ были когда-то донскіе казаки. На лѣвомъ флангѣ, начиная съ Каспійскаго-Моря, поселены казаки каспійскіе, семейные, гребенскіе, моздокскіе и волжскіе (*). Число этихъ поселенцевъ простирается до 25,140 душъ обоюго пола. Изъ этого числа сражающихся до 3,300 человекъ.

На правомъ флангѣ, по правому берегу Кубани до Уч-Лабинска, расположены казаки кубанскіе, кавказскіе и хоперскіе. Ихъ считаютъ до 23,120 душъ обоюго пола. Изъ нихъ сражающихся до 2,600 человекъ. Все народонаселеніе этихъ колониальныхъ казаковъ простирается до 48,260 душъ обоюго пола. Въ томъ числѣ 6,000 казаковъ находятся постоянно въ дѣйствіи и такое же число хорошо-вооруженныхъ и готовыхъ вступить въ дѣло по первому востребованію. Казаки эти могутъ поспорить въ храбрости, ловкости и смѣлости съ горцами и всегда берутъ перевѣсъ надъ числомъ послѣднихъ порядкомъ, дисциплиной и своею прекрасною артиллеріей. Подверженные непрерывнымъ опасностямъ, они приняли съ одеждой горцевъ и ихъ образъ сраженія. Пѣшіе и конные, они управляютъ оружіемъ съ равною ловкостію и проворствомъ. Подобно горскимъ ауламъ, станицы ихъ окружены валомъ и рвомъ. Стороживые казаки не дремлютъ. Караулы не въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи. На укрѣпленіяхъ вѣдеты наблюдаютъ окрестность.

Не смотря на эти вѣчныя опасности, линейный казакъ обрабатываетъ съ усердіемъ землю, занимается скотоводствомъ: рожь, виноградъ, лёнъ доставляютъ ему все нужное. Собственнымъ своимъ промысломъ онъ обезпечиваетъ себя во всемъ: онъ тчетъ себѣ

холстъ, сукно, серебряные и золотые галуны, составляющіе украшеніе его одежды.

Охраненіе правой оконечности линіи отъ Уч-Лабинска до устья Кубани поручено черноморскимъ казакамъ, расположеннымъ около Азовскаго Моря.

Въ Екатериноградѣ мы остановились почевать у одной казачки, извѣстной подъ названіемъ *Учительши*. Мужъ ея полковымъ учителемъ. У ней обыкновенно останавливаются всѣ путешественники, начиная съ главноуправляющаго до послѣдняго прапорщика, и потому она приобрѣла всеобщую извѣстность. Отъ природы словоохотливая и любопытная, она знаетъ все, что дѣлается не только въ нашихъ тамошнихъ переулкахъ, но даже у горцевъ. Родомъ Кабардинка, знаменитая Вѣра Ивановна (такъ она называется), лѣтъ за 12 передъ симъ была взята въ плѣнъ однимъ казакомъ, который самъ заслуживаетъ замѣчанія. Воспитанный въ семинаріи, онъ готовился-было для духовнаго званія; но вскорѣ увлеченный духомъ воинской славы, промѣнялъ смиренный крестъ спасенія на безпощадную шапку. Долго онъ наѣдничалъ съ линейцами и многое перенесъ въ битвахъ съ горцами, наконецъ, пораженный красотою молодой плѣнницы, окрестилъ ее въ православную вѣру, женился на ней и въ послѣдствіи получилъ мѣсто полковаго учителя. Вѣра Ивановна теперь 25 лѣтъ; она говоритъ по-русски какъ Русская; очень-ведурна собою; прекрасные, черные глаза ея блистаютъ умомъ. Она первая познакомила меня съ Кавказомъ, разбирая дѣйствія нашихъ воиновъ, хвала однихъ, другихъ порицая и съ какимъ-то необыкновеннымъ одушевленіемъ говоря объ удачныхъ, молодецкихъ дѣйствіяхъ нашихъ офицеровъ. Это напомнило мнѣ рассказъ стараго Цыгана объ Овидіи въ поэмѣ Пушкина, и я невольно воскликнулъ вмѣстѣ съ поэтомъ:

Такъ вотъ судьба твоихъ смельцовъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ: что такое слава?

(*) Свѣдѣнія эти почерпнуты мною изъ сочиненія подъ заглавіемъ: *La Russie dans l'Asie Mineure*, г. Фон-Тона, сочиненія, изданнаго посольствомъ нашего правительства.

Могильный тулъ, халобный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущей,
Или подь сѣнью дымной куши
Цыгана дикаго разговар?

Вѣра Ивановна лично знала Лермонтова, который часто останавливался у нея и жилъ даже по цѣлымъ недѣлямъ. Замѣчая его насмѣшливый характеръ, она пророчила ему трагическій конецъ.

На другой день, простившись съ любезной хозяйкой, мы отправились далѣе, сопровождаемые пятью конвоировавшими насъ казаками, которые до самаго Владикавказа смѣнялись въ каждой станицѣ.

Владикавказъ—небольшой, но красивый городъ съ живописнымъ мѣстоположеніемъ. Городъ этотъ орошается бѣшеными, живыми волнами мелкаго, но быстрого Терека, давно извѣстнаго намъ по описанію Марлинскаго. И потому я встрѣтилъ его какъ стараго друга и смотрѣлъ на него съ живымъ удовольствіемъ. Передо мной великолѣпно воздымался хребетъ Кавказскихъ-Горъ, черезъ который предстоялъ намъ путь. Владикавказъ есть одинъ изъ самыхъ опасныхъ и важныхъ пунктовъ. Дерзость горцевъ такъ велика, что они часто проникаютъ въ самый городъ, подымаютъ тамъ тревогу, заводятъ стрѣльбу по улицамъ, и въ то время, какъ собираются ихъ наказать, они мигомъ скрываются въ ближайшихъ темныхъ ущельяхъ, какъ будто ихъ и не бывало. Жители уже привыкли къ этому, и потому на улицахъ не встрѣтите ни одного безоружнаго. Идетъ ли кто въ гости, за дѣломъ—всегда у него ружье за плечами, шашка на боку и кинжалъ виситъ на поясѣ. Вечеромъ, послѣ 8 часовъ, всѣ почти улицы Владикавказа пусты; рѣдко съ кѣмъ встрѣтитесь въ нихъ. Весело жить въ такомъ краю; а между-тѣмъ живутъ, и многіе очень-весело. Къ чему не можетъ привыкнуть человѣкъ!

Отъ Владикавказа фисіономія пути вдругъ мѣняется. Здѣсь и природа, и люди, и жизнь ихъ принимаютъ новый, оригинальный видъ. Вы въѣзжаете въ

ущелья, и предъ вами открываются живописные, повитическіе ужасы Кавказскихъ Горъ. Тутъ вы встрѣчаете уже одни азіатскія лица,—выразительныя, закаленные южнымъ солнцемъ и пыльными, дикими страстями. Большею частью блѣные, оборванные, они тащатся по этимъ горамъ на своихъ двухколесныхъ, скрипучихъ арбахъ, запряженныхъ быками или буйволами; тутъ же длинной цѣпью тянутся караваны навьюченныхъ лошадей, ошаковъ (ословъ), кашеровъ (лошаковъ) и верблюдовъ. Способъ этотъ считается лучшимъ и удобнѣйшимъ для перевозки товаровъ и другихъ тяжестей по этимъ горамъ. Все здѣсь дышетъ Азіей; только русскія тройки съ залившимъ валдайскимъ колокольчикомъ напоминаютъ вамъ, что вы и здѣсь въ Россіи. Дорога эта идетъ по узкимъ и темнымъ ущельямъ Кавказскихъ-Горъ, вверхъ по теченію Терека, и приводитъ, вѣсть на Кевскую-Долину, близъ Дарьяла. Это ущелье по всей справедливости есть *pirae Caucasiae*, черезъ которое проходили различныя народы. Многіе производятъ слово Дарьялъ отъ татарскихъ словъ *Деръ* (узкій) и *іель* (проходъ). Грузины называютъ его *Кевисъ-Кара* (двери Кева). Дорога эта узка и опасна. Грузины когда-то построили здѣсь довольно-большую и значительную крѣпость, которая охраняла Грузію и развалины которой доселѣ красуются на лѣвомъ берегу Терека. Нынче путь этотъ защищается незначительнымъ редутомъ, въ которомъ находится до 100 русскихъ солдатъ. Начиная съ Дарьяла, дорога идетъ по утесистому берегу Терека и проходитъ частью по узкому карнизу каменистыхъ утесовъ, до того узкому, что часто отъ малѣйшаго невѣрнаго шага лошади зависятъ живые путешественники. При этомъ ущельѣ находится гора Казбекъ, взвѣсившая своими обвалами. Массы снѣга, покрывающія вершины его, въ продолженіе 6 или 7 лѣтъ накопляются до того, что отъ собственной своей тяжести падаютъ на долину съ ужаснымъ громоу и запружаютъ Терекъ, занимая собой

около версты между дарьяльскимъ мостомъ и селеніемъ Гулета. Вотъ уже третій годъ, какъ ожидаютъ обычнаго обвала. У туземцевъ есть свои примѣты, по которымъ они предвѣщаютъ его. Онъ бываетъ обыкновенно въ началѣ лѣта, при первомъ таяніи снѣговъ. На вершинѣ Малаго-Казбека стоитъ одинокая грузинская церковь, неизвѣстно гдѣ и когда выстроенная. Въ ней разъ въ году бываетъ служба. Смотря на нее, я еще разъ вспомнилъ Пушкина, который привѣтствовалъ ее стихами:

Высоко надъ селеніемъ горъ,
Казбекъ, твой царственный шатеръ,
Сияетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣюшій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный, надъ горами.
Далекій, воздѣланный берегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ушелью,
Подняться къ вольной вышней!
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!..

Оставляя въ трехъ верстахъ отъ Дарыла, на правой сторонѣ, деревню Гулетъ, обитаемую Кистами, или Чеченцами, вы подымаетесь на Кевскую-Долину, которая, по мѣрѣ возвышенія, болѣе и болѣе расширяется и становится дикою и безплодною. Въ полверстѣ отъ Казбека, обрывъ, называемый *башенной балкой* (*), разсѣкаетъ этотъ путь. По этой дорогѣ вы прѣзжаете въ селеніе Алтасъ, гдѣ расположена станція Коби, у подошвы Крестовой-Горы, такъ называемой по мраморному кресту, водруженному Ермоловымъ на ея вершинѣ. На этой станціи мы должны были прожить около четырехъ сутокъ. Сильная буря, свирѣпствовавшая въ продолженіи этого времени, не только занесла всю дорогу снѣгомъ, но причинила шесть обваловъ, которые образовали собою новыя горы. Нѣсколько семействъ духоворцевъ, обратившихся къ правосла-

вію, и потому возвращавшихся изъ ссылки, были застигнуты на дорогѣ страшнымъ ураганомъ. Обвалы эти совершенно преградили имъ дорогу. Несчастные, съ дѣтьми и грудными младенцами, принужденные толпиться въ глубокихъ сугробахъ снѣга, при сильной вьюгѣ, безъ защиты и безъ помощи, считали себя уже погибшими. Цѣлыя сутки они провели въ такомъ ужасномъ положеніи. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, здоровый мужикъ, рѣшился перелазить черезъ обвалы на станцію и просить помощи. Казацкій офицеръ Грегановскій, находившійся въ это время на станціи въ числѣ прѣзжающихъ, взялъ съ поста 8 человекъ казаковъ и, вмѣстѣ съ станціоннымъ смотрителемъ, немедленно отправился спасать несчастныхъ. Съ большимъ трудомъ и невыразимыми усиліями, при продолжавшейся вьюгѣ, они добрались до мѣста. Какъ описать радость оживавшихъ! Потерявъ всю надежду на спасеніе, они обрекли-было себя на вѣрную смерть. Дѣти уже не плакали—они были въ какомъ-то безчувственномъ состояніи. Казаки посадили ихъ на своихъ лошадей, закутывали ихъ въ свои одежды и тѣмъ же путемъ, съ тѣми же трудностями, благополучно возвратились на станцію. Несчастные-счастливыцы плакали отъ избытка благодарности и цаловали руки своихъ избавителей. Между-тѣмъ, около 100 Осетинъ безпрестанно занимались обработкой дороги; но едва они расчищали одно мѣсто, какъ вѣтеръ вновь заносилъ его снѣгомъ, который съ каждой минутой сгущаясь и увеличиваясь болѣе и болѣе представлялъ новую преграду человѣческимъ усиліямъ. Наконецъ, на четвертыя сутки погода утихла. Чудна была картина этихъ гигантскихъ, разнообразныхъ горъ, покрытыхъ густымъ слоемъ снѣга, еще дѣвственнаго снѣга, на которомъ золотистые лучи солнца дробились на яркіе, разноцвѣтные отливки, тогда какъ внизу, въ глубокой пропасти, дико ревѣлъ, вращая камни, бѣшеный, ничѣмъ - неукротимый Те-

(*) Балка, на едѣшнемъ жаргѣмъ значитъ оврагъ.

реки! Намъ пришли сказать, что мы можемъ ѣхать. Экипажъ нашъ былъ разобранъ и поставленъ на полозья. Восемь паръ воловъ насыла тащили его по глубокимъ снѣгамъ. Мы сами ѣхали на легкихъ санкахъ, запряженныхъ тройкой пугомъ по причинѣ узкой дороги. Спереди 60 Осетинъ очищали дорогу, мѣстами несли экипажъ на рукахъ. Шествіе это двигалось медленно, при глубокомъ молчаніи. Молодой снѣгъ такъ легко лежитъ на горахъ, что не только при вѣтрѣ, но при малѣйшемъ шумѣ, произведенномъ часто человѣческими голосомъ, онъ скатывается съ горы, увеличиваясь болѣе и болѣе на пути, и огромной массой падаетъ на дорогу. Начиная съ Коби, дорога подымается по довольно-оглобой возвышенности и становится ужасною по узкому, занесенному снѣгомъ ребру горъ. Падѣво, отвѣсною стѣною тянется высокая гора, направо — глубокая пропасть, въ которую страшно смотреть. Въ шести верстахъ отъ Коби расположена деревушка Бейдары, населенная Осетинами. Какъ они, такъ и другіе въ сосѣдствѣ обитающіе соплеменники ихъ, живя посреди дикихъ и бесплодныхъ ущелій, занимаютъ расчисткой дороги и подаваніемъ помощи путешественникамъ. За это они освобождены правительствомъ отъ всякихъ повинностей. Отъ Бейдаръ только двѣ версты до вершины Крестовой-Горы, самой высочайшей на этомъ пути. Вотъ барометрическое измѣреніе высоты военно-грузинской дороги: въ Владикавказѣ 458 сажень, въ Дарьялѣ—717; на Крестовой-Горѣ—1329; на Гуть-Горѣ—1238; на Кайшарурской Станціи—963; въ Душегѣ—401, въ Тифлисѣ—231 сажень.

Съ Крестовой-Горы дорога спускается на Джавартанскую-Долину, чтобъ потомъ подняться на Гуть-Гору. Она тутъ чрезвычайно-трудна, окружена высокими скалами и глубокими пропастями; но, вступая въ Квишетскую-Долину и слѣдуя по берегу Арагвы, она болѣе-и-болѣе расширяется и становится удобнѣе, такъ-что спуставшимся

къ Душету, небольшому грузинскому городку, отстоящему въ пятидесяти верстахъ отъ Тифлиса, она становится ровною и прекрасною. Съ дорогой измѣняется и природа и самый воздухъ. Тогда какъ за нѣсколько часовъ предъсимъ мы мерзли на снѣговыхъ вершинахъ Крестовой и Гуть-Горы, здѣсь были поражены и обрадованы совѣтн-противоположной картиной. Молодая зелень покрывала поля; яблоня, груши, черешни и другія плодородныя деревья были въ полномъ цвѣтѣ; при ясномъ, голубомъ небѣ, теплый, благоухающій воздухъ услаждал чувства. Только двадцать верстъ пространства — и такая уже перемѣна!

Мы быстро подвигались впередъ, оставивъ за собою всѣ ужасы дикаго своевольтва и дикой природы. Чѣмъ ближе подѣзжали къ Тифлису, тѣмъ сильнѣе росло нетерпѣніе — скорѣе причалить къ берегу. Наконецъ, вотъ мы на послѣдней станціи. На 25-й верстѣ отъ Тифлиса стоитъ селеніе Мухетъ, бывшее когда-то столицею Грузинскаго Царства. Теперь оно замѣчательно древнимъ грузинскимъ соборомъ, современникомъ знаменитому Эчмиадану. Соборъ этотъ построенъ въ 318 году Миріаномъ, первымъ грузинскимъ царемъ изъ рода Хосроіанъ. Это зданіе имѣетъ въ высоту 30 сажень, въ высоту 15, а въ длину 28: построено изъ тесанаго камня. Г. Юселианъ, въ своемъ описаніи этого храма, полагаетъ, что живопись во внутренности собора принадлежитъ большою частію къ концу XVI-го вѣка и есть произведеніе иконописцевъ, присланныхъ царемъ Борисомъ Годуновымъ въ Грузію. Это доказывается и самыми русскими надписями по старому письму. Характеръ архитектуры—анзангійскій. Куполообразный куполъ церкви служитъ какъ-бы подражаніемъ снѣговому горамъ Кавказа, красующимся вдалекѣ и гордо воздымающимъ остроковечныя вершины свои до небесъ. При этомъ храмѣ, находится библиотека изъ манускриптовъ, нѣкътъ еще неразобранная.

У самого Мцхета, Кура сливается съ Арагвой. Надъ ними построены мосты, замѣчательный своею красотою и прочностью. На небольшомъ памятникѣ вырѣзана слѣдующая надпись: «Во славу Божию и на всеобщую пользу гѣта 1841, въ благополучное царствование Николая I-го, при управленіи краемъ генерала Головина». Далѣе слѣдуетъ то же по-грузински.

На 18-й верстѣ отъ города, мы увидѣли Тифлисъ. Тутъ вполнѣ я почувалъ радость моряковъ, когда, послѣ продолжительнаго и бурнаго плаванія, они въ первый разъ слышатъ магическія слова: «берегъ! берегъ!». И такъ я въ Тифлисъ!...

Тифлисъ, 28-ю марта.

Тифлисъ, раскинутый на неровномъ пространствѣ и окруженный со всѣхъ сторонъ голыми, каменистыми горами, лежитъ какъ-бы въ ямѣ. Лѣтомъ горы эти раскаляются отъ зноя, сгущаютъ воздухъ и производятъ тѣ нестерпимые жары, которыми извѣстна столица Грузіи и которые причиняютъ лихорадки и горячки, такъ обыкновенны въ этомъ краю. Историки полагаютъ, что Тифлисъ былъ построенъ въ 469 году, грузинскимъ царемъ Вагтагомъ, Горг-Асланомъ, которому приписываютъ баснословные подвиги, а настоящимъ своимъ наименованіемъ, происходящимъ отъ грузинскаго *Тпилизи* (Теплый), онъ обязанъ сѣрнымъ источникамъ, протекающимъ внутри города. Армяне называютъ его *Какиз* (сокращеніе слова *кагак* — городъ), а жителей *Какици* — горожанами. Сами себя Грузины именуютъ *Картвелами*; страну же свою — *Сакартвело*. Грузія издревле была извѣстна у Армянъ подъ именемъ *Иверіе*, что значитъ: «на высотѣ, на сѣверѣ». Не отсюда ли и древнее названіе ея *Иверія*. До-сихъ-поръ Армяне называютъ Грузинъ вообще *Враци*, отъ *ерацъ*, и *ераицъ*, т. е. «народъ, живущій на сѣверѣ». Въ Тифлисъ нынѣ считается болѣе 5000 домовъ и до 12,000 жителей мужескаго пола; въ томъ числѣ Армянъ до 10,000

душъ. Его можно раздѣлить на два города: на старый и новый. Въ новомъ городѣ красуются казенныя зданія и дома частныхъ лицъ, существующіе не болѣе 15 или 20 лѣтъ; отъ - того улицы правильныя, дома болѣе или менѣе красивые; но, не измѣняя характеру туземной архитектуры, они, такъ сказать, опоясаны наружными галереями и большею частію всѣ съ плоскими крышами. Старый городъ сохранилъ вполнѣ свою азіатскую физиономію: улицы кривыя, узкія, грязныя; онѣ неожиданно сходятся и расходятся и перепутываются такъ, что не найдешь въ нихъ ни начала, ни конца: это настоящій лабиринтъ. Большая часть этихъ улицъ занята караван-сараями и базарами съ безконечнымъ рядомъ лавокъ, число которыхъ едва ли равняется числу жителей. Всѣ лавки состоятъ изъ трехъ стѣнъ, совершенно обнаружены для проходящихъ. Это — театральная сцена. На этой сценѣ портные, сидя, поджавъ подъ себя ноги, пьютъ національныя платья; поваръ готовитъ кушанье; тутъ брѣютъ, тамъ фабрикуютъ кинжалы съ богатой оправой; далѣе продаютъ овощи и другіе товары; здѣсь хлѣбникъ печетъ лаваша, а возлѣ башмачникъ занимается своимъ ремесломъ. Все это стучитъ, шумитъ, курятъ кальяны, пьютъ трубки; а между-тѣмъ, по той же улицѣ скрипятъ двух-колесныя арбы, оборванные мальчишки погоняютъ навьюченныхъ ословъ; тутъ же тянется караванъ верблюдовъ съ свѣжими персидскими товарами, или кое-какъ пестетъ лошадь съ перекинутымъ на обѣ стороны огромнымъ бурдюкомъ, съ продажною курскою водою. Живая, пестрая, оригинальная картина! Непривыкшіе къ этой шумной, разноцвѣтной жизни, жизни на распашку, вы подумаете, будто все это собралось нарочно, чтобы показать, какъ и чѣмъ тутъ занимаются.

Мы остановились на Эриванской-Площади, въ гостиницѣ у Еврея Соломона. Какъ площадь эта, такъ и гостиница, считаются лучшими въ горо-

дѣ. Тифлисъ не можетъ похвалиться дешевой жизнью, которая едва ли здѣсь не дороже петербургской. За двѣ весьма-незавидныя комнаты, мы платили по два рубля съ подлинной сервировки, а за плохой обѣдъ съ полбутылкой кахетинскаго — пѣльковій... Бстати о кахетинскомъ. Вино это, составляя исключительную принадлежность края, обыкновенно прославляется всѣми путешественниками. Его продаютъ въ бурдюкахъ и бутылкахъ: первое, отзывается нефтью, имѣетъ сарый неприятный запахъ и вкусъ, хотя отчаянные поклонники этого вина даже и въ этомъ находятъ особенное качество; второе же дѣйствительно заслуживаетъ всякую похвалу: оно имѣетъ большое сходство съ бургонскимъ. Жаль только, что весьма-трудно достать хорошаго кахетинскаго вина. Черкесавесское считается лучшимъ. Кахетинское пьютъ здѣсь какъ воду, и оно не только не вредно, но, напротивъ, должно быть даже весьма-полезно, судя по желѣзному здоровью Грузинъ, для которыхъ оно сдѣлалось такою же необходимостью, какъ воздухъ.

Въ Тифлисъ вы найдете модныя магазины, съ свѣжими парижскими товарами и предметами прихотливой роскоши, залы для стрижки волосъ и парикъ, со всѣми принадлежностями, кандидерскія и проч. Всѣми этими предметами, по обыкновенію, завладѣли Французы. Тифлисское дворянское собраніе даетъ въ году нѣсколько бадовъ, держитъ ежедневный столъ, получаетъ лучшіе русскіе журналы и газеты, а изъ иностранныхъ выписываетъ: «Allgemeine Zeitung», «Revue de Paris», «Journal de Francfort» и «Revue Ettrangère». Но за то этимъ и должна ограничиться любознательность города: во всемъ Тифлисъ нѣтъ ни одной книжной лавки. Къ числу замѣчательнѣйшихъ предметовъ Тифлиса, исключительно ему-одному принадлежащихъ, относятся тифлисскія бани. Это роскошь, неизвѣстная Европейцамъ. Вотъ какъ описываетъ бани эти Пушкинъ:

«Персіянинъ везетъ вода въ бани: горячій, желѣзострѣвный источникъ лился въ глубокую ванну, изсѣченную въ скаль. Отъ роу не встрѣчалъ я ни въ Россіи, ни въ Турціи ничего роскошнѣе тифлисскихъ бань. Опишу ихъ подробно:

«Хозяинъ оставилъ меня на поречіи Татарину-баньщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носу; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался безносый Татаринъ) началъ съ того, что разложилъ меня на теплому каменномъ полу, послѣ чего началъ онъ ломать мнѣ члены, вытягивать суставы, бить меня сильно кулакомъ: я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. (Азіатскіе баньщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ васъ на плеча, скользя ногами по бедрамъ и плечу по спинѣ въ присядку, е sempre bene). Послѣ сего долго теръ онъ меня шерстяною рукавицей, и, сильно оплескавъ теплою водою, сталъ умывать намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ; ошущеніе неизъяснимое: горячее мыло обливаетъ васъ какъ воздухъ! Послѣ пузыря, Гассанъ опустилъ меня въ ванну; тѣмъ и кончилась церемонія.»

На-дняхъ я получилъ приглашеніе на вечеръ, гдѣ видѣлъ высшее здѣшнее общество: оно состояло болѣею частію изъ военныя генераловъ и грузинскихъ и армянскихъ князей; дамъ было мало. Но причинѣ великаго-посета, удовольствіе вечера должно было ограничиться картами для гостей почетныхъ лѣтъ и играми aux petits jeux для молодежи. Я очень ждалъ, что на этотъ разъ не танцевали, и что не было тутъ ни одной Грузинки. Всѣ онѣ, даже лучшія фамиліи, ходятъ здѣсь въ своемъ національномъ костюмѣ, и ни одинъ балъ не проходитъ безъ лезгинки. Извѣстно, что Грузинки искони славятся своею красотю; но онѣ, сколько я успѣлъ замѣтить, щеголяютъ болѣе красотю формъ и стана, нежели лица, и къ-тому же недодро сохраня-

нъ свои предности: клинать ли тошу причиною, косметическія ли средства, или частое употребленіе стръпы ваннъ?.. Костюмъ ихъ весьма-живописенъ. Ихъ платье, перехватывая гбкую, стройную талію, открыто на груди, которую весьма-искусно обрисовываетъ нѣчто въ родѣ камзола, преимущественно изъ яркихъ цвѣтовъ; красныя, шелковые шальвары, внизу шитые золотомъ, придаютъ особенную вредность ножкамъ, обыкновенно обтапущимъ въ сафьянъ и обутымъ въ персидскія полтупалы съ высокими каблучками. Голову покрываютъ легкимъ платочкомъ, сложеннымъ въ родѣ вѣника, который прикрываетъ часть лба, придерживаетъ газовый вуаль, выходя съзади и полускрывающій мелкія косы длинныхъ, прелестныхъ волосъ. Зато ничего нѣтъ отвратительнѣе вѣдшихъ старухъ. Это — сущія вѣдьмы, какъ называлъ ихъ Пушкинъ. И какъ будто нарочно: тогда-какъ юная красота причетъ подъ чадрой (*), безобразная старость обнажаетъ грудь свою во всей ея отвратительной наготѣ. Грузинки гораздо-развязнѣе и доступнѣе Армянокъ, которыхъ мужья и отцы вращаютъ въ домахъ и не вывозятъ въ общества. Зато первая и считаютъ себя болѣе-свѣтскими и образованными, хотя воиствѣ ихъ объ этомъ образованіи довольно-странны. Простую любезность мужчины онѣ готовы принять за волокитство — и въ этомъ полагаютъ необходимую принадлежность просвѣщенія. Я не мало смѣялся наивности одной Грузинки. Бывъ предметомъ обыкновенной свѣтской вѣжливости одного молодого человѣка, она просила оставить ее въ покоѣ. «Что вы отъ меня хотите» говорила она: «у меня мужъ еще молодъ»... Само собою раз-

умѣется, что все это нельзя отнести ко всѣмъ Грузинкамъ, изъ которыхъ многія столько же славятся красотой, сколько образованіемъ своимъ, умомъ и любезностью.

Составляя значительную часть передонаселенія города, Армяне прибрали въ рукахъ всю здѣшнюю торговлю. Замѣчательная вещь: въ Тифлисѣ нѣтъ ни одного купца изъ Грузинъ! Низшій классъ работаетъ съ беззаботною лѣнью поволамъ, а изъ дворянъ и князей грузинскихъ нѣкоторые служатъ; но большая часть ихъ, по-сидему наслаждаясь жизнью, живутъ по французской пословицѣ: au jour le jour. Нѣднія почта у всѣхъ заложены и на армялъ по-преимуществу у Армянъ. Такое положеніе дѣлъ объясняетъ ту взаимную неприязнь этихъ двухъ племенъ, которая обнаруживается во всемъ и которая слишкомъ для всѣхъ замѣтна.

Эчмиадзинъ. 8 апреля.

Я въ Эчмиадзинѣ! Передо мною возвышается до небесъ заповѣдную главу свою, покрытую вѣковымъ снѣгомъ! Я близъ нѣсть, гдѣ, по древнимъ преданіямъ, находился земной рай, гдѣ былъ созданъ первый человекъ, — на той самой землѣ, гдѣ Ной сошелъ съ кочега и основалъ первый городъ! Не во снѣ ли я? И ктобы не считалъ это чуднымъ совпадѣніемъ, еслибы, подобно мнѣ, съ гранитныхъ береговъ Невы, вдругъ, неожиданно увидѣлъ бы себя какъ-бы переброшеннымъ на скромные берега патриархальнаго Аракса, въ страну, ознаменованную библейскими преданіями и едва-ли въ гражданственности намѣнившуюся съ-тѣхъ-поръ? Вотъ уже около недѣли, какъ я здѣсь — и не могу опомниться, прійти въ себя! Мнѣ все не вѣрится, что я въ Эчмиадзинѣ, что я хожу по землѣ, гдѣ образовалось, цвѣло и пало когда-то славное армянское государство, — на томъ самомъ нѣсть, гдѣ, за 200 лѣтъ до Р. Х., была столица этого государства, гдѣ потомъ царствовалъ Тиримъ, при немъ еп. Григорій-Просвѣтитель, послѣ еп.

(*) Чадра — бѣлое покрывало изъ коленкора, въ которое искусно окутываются съ ногъ до головы женщины на Востокѣ такъ, чтобъ оно обрисовывало талію. Онѣ такъ же неголяютъ этимъ искусствомъ, какъ Француженки искусствомъ носить кашемиръ.

нихъ мученій, введя христіанство въ Арменію, имѣлъ наконецъ отраду видѣть торжество истинной вѣры... Пятнадцатъ вѣковъ протекло отъ той поры, и одинъ только Эчмиадзинскій-Монастырь остался нѣмымъ, но живымъ свидѣтелемъ прошлаго.

Прежде, нежели займусь описаніемъ этого храма, скажу вамъ нѣсколько словъ о путешествіи нашемъ изъ Тифлиса въ этотъ знаменитый монастырь. Дорога отъ Тифлиса до Эривани, хотя, подобно военно-грузинской, также гориста, чудна и великолѣпна, но природа здѣсь, если можно такъ выразиться, мягче и привѣтливѣе; да и сама дорога лучше обработана. Первые три станціи обворожили меня: татарскія и грузинскія деревни, рассыпанныя по дорогѣ въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, зелень по долинамъ и ущельямъ горъ, распускающіяся деревья и цвѣты въ садахъ, принадлежащихъ ближайшимъ селеніямъ, вдали снѣжныя вершины горъ—все это, при прекрасной весенней погодѣ, составляетъ очаровательную картину. Такова дорога до Диложакаского-Ущелья, составляющаго границу между нынѣшней Грузіей и Армянскою-Областью. Отсюда она становится труднѣе, горы выше; такъ-что на берегу Гокчайскаго, или Севанскаго-Озера, мы встрѣтили глубокіе снѣга. Озеро это окружено горами. Оно довольно-обширно; пѣшеходъ только въ четыре дня можетъ обойти его кругомъ. Въ него впадаютъ до двадцати-четырехъ небольшихъ рѣчекъ. На западной сторонѣ этого озера, стоитъ островъ *Севанк*, на близкомъ разстояніи отъ берега. Какъ онъ, такъ и сосѣднія горы лѣтомъ покрываются зеленью и цвѣтами. Въ 305 году, св. Григорій-Просвѣтитель построилъ здѣсь церковь во имя Воскресенія Христа и основалъ при ней первый армянскій монастырь, потому и называлъ это мѣсто *Саванк*, что по-армянски значитъ: *это есть монастырь*. Отъ этого и нынѣшнее названіе острова *Севанк*. Нынѣше церковь эта въ разрушеніи, и только немногіе остатки сви-

дѣтельствуютъ о древнемъ ея существованіи. Кромѣ означеннаго храма, тутъ находятся еще три церкви; изъ нихъ двѣ построены царевной Маріей, дочерью Ашота, вара армянскаго, въ 874 году. Одна во имя двѣнадцати апостоловъ, другая во имя св. Дѣвы Маріи. Обѣ онѣ возобновлены въ 1654 году. Третья церковь—во имя св. Іоанна-Крестителя; неизвѣстно кѣмъ и когда она построена, но была возобновлена въ 1714 году. Нынѣше монаховъ въ Севанкѣ тринадцать; они подчинены Эчмиадзину. Климатъ здѣсь довольно-суровъ. Зима продолжается 6 мѣсяцевъ, и бываютъ сильныя морозы, но озеро не замерзаетъ. Монастырь этотъ почитается мѣстомъ заточенія, куда посылаются провинившіеся монахи. Зимомъ, дорога, по узкому, крутому берегу озера, сопряжена бываетъ съ большими опасностями. Намъ рассказывали, что иногда караванъ верблюдовъ, или по занесенному снѣгомъ пути, скользятъ и съ товаромъ погибаетъ въ озерѣ. На половинѣ дороги отъ Тифлиса до Эривани, сооруженъ прекрасный памятникъ главноуправляющему закавказскимъ краемъ, барону Розену, при которомъ совершена обработка этой дороги: съ горы проведенъ водоенъ и обдѣланъ тесаными камнемъ, на которомъ слѣдующая надпись: «Жители Казахской Дистанціи, чувствуя исполненіе попеченія начальства къ обогащенію края устроили сего важнаго сообщенія, воздвигнули сей водоенъ въ знакъ благодарности». Памятникъ этотъ тѣмъ болѣе драгоцененъ, что, по рѣдкости хорошей, здоровой воды въ этой странѣ, онъ служитъ неоцѣнимымъ сокровищемъ для путника, особенно въ жаркіе дни.

На Нижнеохтинской - Станціи мы должны были прожить около сутокъ, за недостаткомъ лошадей на почтѣ. На свободѣ, я пошелъ бродить по селенію, расположенномъ тутъ же подъ горой и занятому Армянами, переселенцами изъ Турціи, по окончаніи послѣдней турецкой войны. Бѣдность ихъ примѣрна. Они живутъ въ землянкахъ, или, пра-

мшище, въ ямахъ съ плоскою, земляною крышею наравнѣ съ полемъ, такъ-что издали жилища эти скорѣе пріи-нешь за холмики, неправильно-разбро-санные по равнинѣ, нежели за селеніе. Внутренность этихъ землянокъ раздѣ-ляется на нѣсколько отдѣленій стѣна-ми, сложенными изъ мелкихъ дикихъ камней, обмазанныхъ землею же. Сред-нее отдѣленіе, освѣщенное сверху не-большимъ отверстиемъ, служитъ глав-нымъ ихъ жилищемъ; тутъ вырыта по-среди яма, обложенная черепицей, ко-торая называется у нихъ *тондуръ*, и здѣсь-то они пекутъ свои лавашы. Во-кругъ этой комнаты, расположены от-дѣленія для хозяйственныхъ принад-лежностей и припасовъ, и наконецъ тутъ же большой сарай для домашняго скота. Зимой, которая бываетъ здѣсь и продолжительна и сурова, семья пе-реходитъ сюда, гдѣ животная теплота домашней скотины замѣняетъ пе-чи. За недостаткомъ лѣса во всей стра-нѣ этой, дрова цѣнятся очень-дорого. Отсюда я пошелъ въ церковь. Это сарай, сложенный изъ мелкихъ ди-кихъ камней, покрытый землею, съ двумя едва-примѣтными отверстиями наверху вмѣсто оконъ, такъ-что, вой-дя въ него, я до-тѣхъ-поръ лишенъ былъ возможности видѣть что-нибудь, пока не зажгли свѣчей. Земляной полъ; такая же возвышенность, на которой устроенъ былъ алтарь; на немъ дере-вянный старый образъ, простой крестъ, засаженное отъ употребленія Евангеліе, мѣдный потиръ, покрытый флѣромъ, который показался мнѣ обрывкомъ па-утины, мѣдные же подсвѣчники по сторонамъ, да ветхая въ заплатахъ рит-цевая занавѣсъ—составляли все укра-шеніе этого дома Божія. Священникъ, какъ достопримѣчательность, показы-валъ мнѣ Библию, купленную усердіемъ поселянъ, и за которую, не смотря на всю свою бѣдность, онъ долженъ былъ заплатить 100 руб. День былъ праздни-чный, и потому вскорѣ заблагово-стили въ единственный колокольчикъ, смиренно висѣвшій у дверей—и мало-помалу церковь наполнилась наро-

домъ. Я впрочемъ всю обѣдню—и, признаюсь, давно не молился съ та-кимъ усердіемъ. Все окружающее ме-ня невольно настроивало душу на ти-хое, благоговѣнное размышленіе.

По причинѣ этихъ задержекъ, толь-ко на третью сутки мы пріѣхали въ Эривань (240 верстъ отъ Тифлиса). Здѣсь остановились мы на полсутки, чтобъ нѣсколько познакомиться съ го-родомъ, игравшимъ такую важную роль въ исторіи послѣднихъ на-шихъ войнъ съ Персіею. Когда вы подѣзжаете къ Эривани, видъ съ горы на городъ очарователенъ. Онъ весь, такъ-сказать, прорѣзанъ узкими каналами и усадебъ садами; но, проѣз-жая по тѣснымъ его улицамъ, види-те однѣ высокія стѣны, за которыми скрываются дома и сады. Это беско-нечная крѣпость: однообразно, скуч-но, мертво. Только въ караван-сераяхъ видна нѣкоторая жизнь. Меня интере-совала городская крѣпость, взятіе ко-торой дало Паскевичу титулъ графа эриванскаго, и я отправился на-скоро обозрѣть ее. Она обнесена ровомъ и тре-мя толстыми стѣнами, окопанными землею. Внутри крѣпости, между-про-чимъ, заслуживаетъ вниманія мечеть—прекрасное зданіе съ великолѣпнымъ куполомъ (она обращена теперь въ ар-сеналъ) и бывший дворецъ послѣдняго эриванскаго сардаря, Гусейн-Хана. Въ этомъ дворцѣ замѣчательна зеркальная зала, оставленная совершенно въ вре-немъ видѣ, съ круглымъ куполомъ, ко-торый вмѣстѣ съ фигурнымъ карни-зомъ украшенъ мелкими зеркалами. Вмѣсто стѣны, выходящей на дворъ, огромная рама съ мелкими, узорча-тыми, разноцвѣтными стеклами; когда поднимаютъ раму, зала эта имѣетъ со-вершенный видъ сцены. Стѣны ея по-крыты уродливыми картинами пер-сидской живописи и портретами Аб-баса-Мирзы, сардаря и другихъ. Изъ картинъ меня много насмѣшила одна: на ней изображены коняхи въ чер-ныхъ расахъ, съ длинными сѣдыми бородами. Они съ сладострастной улыб-кой смотрятъ на персидскихъ тапчов-

дуща; подвешающих вѣтви вино. Злая кафельная восточнаго остроумія! Въ углубленіи этой залы, небольшой квадратный фонтанъ и кругомъ диваны съ мягкими, персидскими подушками — для нейфа; тутъ же большое окно изъ разноцвѣтныхъ же стеколъ; приподнимите его — и передъ вами страшный обрывъ, а внизу шумитъ быстрая Занга. Между дворцовыми отдѣленіями сильно занимало меня кашенное четырехугольное зданіе бывшего гарема. Посрединѣ большой длинный бассейнъ съ фонтанами, гдѣ купались прелестныя затворницы сардаря. Я съ участіемъ смотрѣлъ на это зданіе — и картины, одна другой привлекательнѣе, обобщали разгоряченное воображеніе мое. Теперь гаремъ этомъ обращенъ въ госпиталь, и, вмѣсто красавицъ восточна, гуляютъ около фонтановъ блѣдыя, болѣзненные лица совѣтъ-привлекательныхъ солдатъ. Въ этомъ дворѣ замѣчательна также комната, гдѣ останавливался Государь въ бытность свою въ Эривани; на бѣлой стѣнѣ начертано рукою самого Царя: *Индюшій. 1857 года*. Мѣсто это обдѣлано въ рану и подъ стекломъ.

Подъ вечеръ, мы отправились въ Эчмиадзинъ, отстоящій отсюда въ 16 верстахъ. Не умѣю и во могу передать чувства, волновавшія меня, когда мы подѣлжали къ этому знаменитому монастырю. Я досадовалъ на темноту вечера, препятствовавшую мнѣ различать предметы на пути; сколько я ни сидѣлъ, сколько я напрягалъ зрѣнія — ничего не могъ разобрать; только безпокойное воображеніе мое рисовало мнѣ какія-то чудныя, несмысленныя картины...

Эчмиадзинъ. 14 апрѣля.

Эчмиадзинскій-Монастырь стоитъ на просторной равнинѣ между Араратомъ и Алагёхомъ, на мѣстѣ, гдѣ, за шесть вѣковъ до Р. X. былъ армянскій городъ *Ардиметъ-каганъ*, т. е. городъ Дианы. Въ концѣ втораго столѣтія царь Вагаршакъ окружилъ городъ этотъ стѣною и назвалъ по своему имени Вагаршацатомъ. Онъ былъ residen-

ціею армянскихъ царей до 344 года до Р. X., а въ 380 былъ разоренъ Персами. Нынѣ отъ него остались Эчмиадзинскій-Монастырь и названіе Вагаршацатъ, подлѣ которыхъ извѣстно селеніе, принадлежащее означенному монастырю.

Эчмиадзинскій-Монастырь построенъ въ 303 году св. Григоріемъ-Просвѣтителемъ. Вотъ вкратцѣ исторія этого первосвятителя армянской церкви. Происходя отъ знаменитаго повѣлѣнія Арсакидовъ, онъ родился въ 240 году нашей эры. Возвратясь въ отечество изъ Кесаріи - Кападокійской, туда былъ отвезенъ младенцемъ и гдѣ воспитывался въ правилахъ христіанской религіи, св. Григорій сталъ проповѣдовать евангеліе въ Арменіи, гдѣ и дворъ и большая часть народа еще преданы были идолопоклонству. Царь Тиридатъ, узнавъ объ этомъ, тѣмъ болѣе озабочился на него, что видѣлъ въ немъ сына Акакія, убійцы своего отца, и потому повелѣлъ предать его мученіямъ и свергнуть въ глубокой рѣкѣ, гдѣ пробылъ онъ 14 лѣтъ. Наконецъ, чудомъ исцѣливъ царя отъ болѣзни, онъ въ 301 году обратилъ вѣдѣтъ съ Тиридатомъ, и всю Арменію въ христіанскую вѣру; а черезъ два года окончилъ построеніе первопрестольнаго храма во имя Пресвятыя Дѣвы Маріи, въ послѣдствіи названнаго *Эчмиадзиномъ* (Сочетаніемъ Единороднаго), въ слѣдствіе чуднаго видѣнія, которое представило великомученику Григорію въ тихую минуту боговдохновенныхъ размышленій, и въ которомъ спешившій съ неба Сынъ Божій, окруженный сонмомъ ангеловъ, свѣтзарными лучомъ начертилъ ему первообразъ храма Божія. Объ этомъ повѣствуетъ современный армянскій писатель и секретарь царя Тиридата, Ала-эвангелъ (Акатангегосъ).

Такимъ-образомъ, Эчмиадзинъ, святаясь колыбелью вѣры Армянъ, такъ сказать вторымъ ихъ Іерусалимомъ, призываетъ нмъ къ себѣ святое благозвѣствіе, какъ къ мѣсту, гдѣ основалъ первоначальнѣйшій патріаршій престолъ

св. Григорій-Просвѣдитель, съ котораго тянется непрерывною цѣпью рядъ патріарховъ, дошедшихъ до нашего времени. Поэтому эчмиадзинскій католикосъ, почитаемъ въ обществѣ мѣстныхъ священниковъ и даже народа, пользуется исключительнымъ правомъ варенія св. шубра и посвященія въ высшія духовныя достоинства.

Первопрестольный монастырь этотъ, не смотря на то, что по причинѣ политическихъ переворотовъ былъ нѣсколько разъ разоряемъ беззаконными врагами вѣры и отечества и потомъ снова возстановляемъ усердіемъ вѣрныхъ сыновъ церкви, неизмѣнно сохранилъ донныи первоначальный свой видъ. Длина храма — 16 саж. 2 ар., ширина 15 сажень 1 ар., а высота 10 саж. два съ половиною аршина. Онъ весь выстроенъ изъ большихъ тесаныхъ камней, которые отъ времени и ветхости нѣсколько пострадали. Колокольня, построенная въ 1633 году католикосомъ Филиппомъ, замѣчательна своей оригинальной архитектурой въ индійскомъ вкусѣ. Внутренность храма, освѣщаемая высокими, узкими окнами изъ цвѣтныхъ стеколъ и покрытая старинною пенскускою живописью; представляющая лики святыхъ, ирचना и лишена благонія; но эта самая мрачность эта безличность живописи, какъ-будто въ воздухѣхъ шаталпцати-вѣковой святости, наполняетъ душу какою-то невыразимымъ благоговѣніемъ. Первоначально, перковь эта имѣла одинъ только престолъ во имя Пресвятыя Дѣвы Маріи, освященный самимъ великомученикомъ Григоріемъ; а въ 1682 году католикосъ Еліазаръ построилъ еще три придела: одинъ на южной сторонѣ—храмъ во имя Іована-Предтечи, гдѣ облачается повозбранный патріархъ, другой на сѣверной, во имя Стефана-Первомученика, гдѣ совершается муропомазаніе его; а третій, посреди церкви, на четырехъ иршорныхъ колоннахъ, поддерживающихъ куполъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, явилось обваченное

видѣніе св. Григорію, и потому престолъ этотъ названъ Эч-Міадзинъ (символъ Единородный). Онъ окруженъ мѣдной рѣшеткой съ двумя дверями; на западъ и на югъ, въ 1732 году, католикосомъ Авраамомъ, который, вместе съ тѣмъ соорудилъ еще два престола: одинъ направо отъ главного алтаря, во имя св. Якова апостола, другой, направо во имя Григорія-Просвѣдителя. Седьмой приделъ построенъ въ колокольнѣ; во имя архангеловъ Гавріила и Михаила; въ немъ только три раза въ году бываетъ служеніе: въ праздникъ вознесенія Христа и въ дни этихъ архангеловъ.

Весь монастырь, обнесенный въскокою каменной стѣною съ восьмью башнями, раздѣляется на четыре главные части или двора и имѣетъ 4000 воротъ: сѣверный, противъ которыхъ расположено селеніе Вагаршакатъ; и южныя. Изъ сѣверныхъ воротъ вы вступаете въ первый дворъ, занятый лавками, расположенными въ два ряда съ крытымъ верхомъ. Въ нихъ помещаются бортные, сапожники; купцы съ шелковыми, бумажными и другими товарами, составляющими предметъ житейскихъ потребностей монастырской братіи и селенія Вагаршакатъ. Изъ этого двора вы выходите черезъ другія большія ворота изъ тесаного камня, въ обширный четырехъугольный дворъ, посреди котораго красуется знаменитый эчмиадзинскій храмъ, поражающій васъ не столько своею наружною красотой, сколько святостію своихъ воспоминаній и тѣмъ характеромъ древности, которымъ весь онъ такъ-сказать дышетъ, и который составляетъ одно изъ лучшихъ впечатлѣній его достоинства. Весь дворъ, на которомъ стоитъ эчмиадзинскій храмъ, намошенъ большими каменными плитами; вокругъ расположены келліи монаховъ, трапезная, магазины, типографія и духовное училище. Вся строенія изъ большихъ тесаныхъ камней. Черезъ сѣверныя двери этого двора вы входите въ Гагаракатъ—приютъ для богомольцевъ, большое двухъ-этажъ

ное зданіе, образующее обширную четырех-угольную площадку, посреди которой построены фонтанъ; западные же двери ведутъ вась на четвертый дворъ, гдѣ расположены: Патриаршій-Дворецъ, Эчмиадзинскій Армяно-Грегоріанскій Синодъ и Библіотека.

I. *Патриаршій-Дворецъ* состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ помѣщаются служащіе при патриархѣ духовныя лица, въ другомъ самъ патриархъ. Это отдѣленіе состоитъ изъ трехъ комнатъ: первая, приемная, довольно-просторная зала; въ ней вмѣсто вѣшней стѣны двѣ огромныя рамы изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Подымите ихъ—и передъ вами небольшой дворъ, частію мощеный большими плитами изъ тесаного камня, частію же насаженный деревьями, съ живою струею воды, змѣщающей узкою лентой по зеленому лугу. Посреди двора мраморный фонтанъ. Въ этой комнатѣ находится большой портретъ нынѣ царствующаго Государя, съ надписью «Императоръ Всероссійскій и Царь Армянскій»; а по стѣнамъ развѣшаны портреты главноуправлявшихъ закавказскимъ краемъ со времени покоренія Армянской-Области: князя варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго, барона Розена и генерала Головина. Вторая комната на лѣво — гостиная патриарха. Она окнами на монастырскій дворъ; окна эти также изъ цвѣтныхъ стеколъ. Потолокъ расписанъ мелкою персидскою живописью съ оригинальною пестротою и мѣстами украшенъ мѣдными кружками; на стѣнахъ изображены мученія св. Григорія. Комната эта вся покрыта дорогими коврами; въ углубленіи небольшой диванъ, по обѣимъ сторонамъ котораго расположены кресла. Вообще комната эта отличается какою-то особенною восточною изящностью. Далѣ спальня патриарха, съ небольшою библіотекою, которая не заключаетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго.

II. *Эчмиадзинскій-Синодъ*, открытый въ февралѣ 1837 года, въ-слѣдствіе новаго Высочайше-утвержденнаго по-

ложенія о управленіи дѣлами армяно-грегоріанской церкви, расположенъ въ отдѣльномъ одно-этажномъ каменномъ зданіи. Большая зала, которую украшаетъ портретъ Государя, написанный во весь ростъ, посвящена присутствію Синода. Посрединѣ длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ; на немъ зеркало, крестъ и Евангеліе. На предсѣдательскомъ мѣстѣ, занимаемомъ обыкновенно самимъ патриархомъ, стоятъ великолѣпныя недавно - присланныя изъ Индіи кресла рѣзнаго орѣховаго дерева, покрытыя бархатомъ; на спинкѣ съ обѣихъ сторонъ изображены гора Араратъ и Эчмиадзинскій-Монастырь. Другія четыре комнаты заняты прокуроромъ и канцеляріею Синода.

III. Наконецъ, въ зданіи, смежномъ съ дворцомъ патриаршимъ, помѣщается *Библіотека* въ двухъ комнатахъ. Она приведена въ порядокъ въ 1836 году, трудами эчмиадзинскаго епископа Юанна Шахатувова. Каталогъ, составленный имъ, былъ присланъ въ Петербургъ и переведенъ на русскій и французскій языки академикомъ, г. Броссе. — Библіотека эта заключаетъ въ себѣ до 500 сочиненій армянскихъ; между ними много древнихъ рукописей.

Въ числѣ этихъ книгъ 260 сочиненій духовнаго и до 90 сочиненій историческаго содержанія. Скажемъ, кстати, нѣсколько словъ объ армянской литературѣ. Она, собственно, начинается со введенія христіанства въ Арменію при царѣ Тиридатѣ, ибо были ли до сего времени какіе-либо словесные памятники у Армянъ — неизвѣстно; по-крайней-мѣрѣ, они не дошли до насъ. Отличительный характеръ этой литературы чисто-духовный. Философія, исторія, поэзія — все носитъ на себѣ отпечатокъ исключительно-религіозный. И это не удивительно, когда большая часть писателей, чтобъ не сказать всѣхъ они, принадлежали къ духовному званію.

До 406 года, Армяне не имѣли своихъ письменъ и замѣняли недостатокъ ихъ буквами греческими или сирій-

скими, пока ученый Месропъ не изобрѣлъ азбуки, которая донынѣ въ употребленіи у Армянъ. Книгопечатаніе же введено въ Арменіи въ 1563 году.

Армянская словесность издавна славилась своимъ богатствомъ.

Первымъ и лучшимъ памятникомъ этой словесности почитается Библія, переведенная въ 433 году подъ руководствомъ патріарха Исаака и ученаго Месропа, изобрѣтателя армянскихъ письменъ, 40 учеными, которые были отправлены въ Константинополь, Аены, Едесу, Александрію для обученія разнымъ наукамъ и языкамъ. Изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія Моисей Хоренскій, Египиш (Елизій), Давидъ, прозванный философомъ, Лазарь Парнеци и Коріуизъ. Переводъ этотъ сдѣланъ по древнѣйшему и самому вѣрному греческому списку 70 толковниковъ, полученному въ 431 году упомянутымъ Исаакомъ отъ константинопольскаго патріарха Максиміана. Онъ съ-тѣхъ-поръ оставался неприкосновеннымъ: никакая рука смертнаго не дерзала ни исправлять, ни сокращать, ни добавлять его.

Въ эчміадзинской библіотекѣ хранится древнѣйшая рукопись этой Библии на пергаментѣ съ картинами, весьма-неискусно раскрашенными.

Монастырь эчміадзинскій имѣетъ въ своемъ владѣніи 5 деревень; въ нихъ 3,459 душъ обоюго пола; сверхъ-того, въ разныхъ мѣстахъ Грузіи, крестьянъ, принадлежащихъ ему, считается до 907 душъ обоюго пола; всего 4,366 душъ.

Въ монастырѣ архіепископовъ 5, епископовъ 7, архимандритовъ 7, монаховъ 15; въ духовномъ училищѣ учащихся 37.

Около Эчміадзинскаго-Монастыря, на той же равнинѣ, находятся еще двѣ церкви, равно замѣчательныя своею древностью: одна направо, въ семи-стахъ шагахъ отъ монастыря, во имя святыхъ Кайане, а другая налево, въ верстѣ отъ Эчміадзина, во имя святыхъ Рипсали — двухъ дѣвъ-Римлянокъ, которыя, какъ говоритъ преданіе, будучи преслѣдуемы императо-

ромъ Діоклетіаномъ, убѣжали въ Арменію и получили тамъ мученическую смерть. На мѣстахъ, гдѣ погибли онѣ жертвою вѣры во Христа, святой Григорій-Просвѣтитель въ 301 году построилъ двѣ часовни, которыя въ 618 году обращены въ церкви патріархомъ Комидасомъ, а въ въ 1652 году возобновлены католикосомъ Филиппомъ. Алтари въ этихъ храмахъ устроены надъ гробницами этихъ святыхъ дѣвъ, куда до-сихъ-поръ существуетъ узкій и темный проходъ, по которому спускаются въ подземелье усердные богомольцы на поклоненіе мощамъ. Въ 1611 году, католическіе миссионеры, прибывъ въ Эчміадзинъ, гдѣ были приняты съ любовію и уваженіемъ, тайнымъ образомъ успѣли открыть гробницу св. Рипсали и хотѣли похитить мощи ея, раздробивъ на нѣсколько частей; но эчміадзинское духовенство, вскорѣ узнавъ объ этомъ, съ трудомъ отняло у нихъ святые останки мученицы и просило ихъ немедленно удалиться изъ монастыря.

Тифлисъ, 2 мая.

Пробывъ около трехъ недѣль въ Эчміадзинѣ, мы должны были возвратиться въ Тифлисъ. Жизнь въ Тифлисѣ не представляетъ ничего особенно-пріятнаго для пріѣзжаго, который уже удовлетворилъ своему первому любопытству. Въ немъ нѣтъ ни одного публичнаго увеселенія, ни одного заведенія, гдѣ бы сталкивалось общество. Дворянское собраніе далеко не удовлетворяетъ своему назначенію. Туда собираются каждый день отъ пяти до десяти человекъ, большею частію изъ молодыхъ служащихъ, обѣдать, а послѣ обѣда играть въ преферансъ. Въ мѣсяцъ разъ, содержатель стола, за извѣстную, весьма-умѣренную плату, назначаетъ табль-д'оты, на которые приглашаетъ всѣхъ членовъ собранія. Длинный столъ, накрытый въ большой залѣ, обыкновенно бываетъ въ эти дни почти весь занятъ. Веселый, шумный разговоръ, приправленный волшебными струями благословеннаго кли-

но, вальсы Ланнера, Штрауса, лучшія мѣста изъ извѣстныхъ оперъ, весьма-удовлетворительно исполняемая полковою музыкой, на-время оживляютъ почти постоянно-дремлющее собраніе и, по рѣдкости своей, удваиваютъ удовольствіе. Открытыхъ домовъ, гдѣ были бы назначены дни для пріема, въ Тифлисѣ нѣтъ, по-крайней мѣрѣ ихъ не было въ мое время. Тамъ каждый живетъ для себя, ограничивая кругъ свой двумя-тремя пріятелями. Туземцы также не отличаются особеннымъ гостеприимствомъ; притомъ, сохраняя обычай предковъ, они рѣдко показываютъ своихъ женъ и дочерей, и потому на обѣдахъ у нихъ или на псевдическихъ вечерахъ вы всегда въ холостой компаніи. Не удивительно, послѣ этого, что молодѣжь здѣшня большая-частью стучаетъ и, за неимѣніемъ ни книгъ, ни другихъ развлеченій, непремѣнно предается картамъ или кахетинскому вину. Лучшимъ увеселеніемъ здѣсь гдѣ-томя считаются загородныя гулянья въ садахъ.

Чтобъ дать нѣкоторое понятіе объ этихъ гуляньяхъ, опишу вамъ загородный обѣдъ, на который былъ я приглашенъ. Салъ, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ, въ разстояніи пяти или шести верстъ отъ города, расположенъ на значительной возвышенности, такъ-что во все продолженіе пути мы почувствовали все подымались выше и выше. Неправильное, такъ-сказать свободное расположеніе сада, крытыя аллеи виноградныхъ лозъ, тянушіяся по всѣмъ направленіямъ; персики, черешни, сливы съ соарѣвающими плодами, роскошная зелень, покрытая разнородными цвѣтами и устланная безчисленнымъ множествомъ розъ — любимыхъ цвѣтовъ Востока, протоптанныя по ней тропинки, закрѣпленныя собой широкія, усыпанныя пескомъ дорожки нашихъ аристократическихъ садовъ, — все это, при сладостномъ шумѣ бѣгущаго по камнямъ ручья и при прохладной, безсолнечной погодѣ, служило предметомъ полнаго удовольствія. Общество состояло

изъ двухъ-трехъ русскихъ чиновниковъ и нѣсколькихъ армянскихъ и грузинскихъ князей и гражданъ. Обѣдъ былъ полу-европейскій, полу-азиатскій: соусъ французской кухни перемежанъ былъ съ плавомъ и шиплыкомъ (*); кахетинское вино лучшими достоинствами сибялось шампанскимъ; шумный, веселый разговоръ заглушаемъ былъ мѣстовой музыкой, состоящей изъ зурны (**), фубенъ и народныхъ пѣсень, протяжныхъ, заунывныхъ, которыя пѣлъ въ ночь слѣпой музыкантъ, восточный миястрель, аккомпанируя себя на чунгурѣ (***). Голосъ его то замиралъ постепенно въ протяжныхъ напѣвахъ, то вдругъ, какъ будто пробужденный, въ неистовыхъ руладахъ издавалъ дикіе, оглушительные звуки... Послѣ обѣда общество раздѣлялось на нѣсколько партій: одни пошли отдыхать, другіе закурили трубки и, разстелившись на коврахъ, завязали бесѣду, а мы отправились гулять по ближайшимъ садамъ, которые тянулись на нѣсколько верстъ.

Отдаленные звуки народной музыки привлекли наше вниманіе, и мы къ ней направили путь свой. Нѣсколько молодыхъ Грузинъ, въ раскинутой палаткѣ, сидѣли, поджавъ подъ себя ноги, на разостланномъ коврѣ, усыпанномъ цвѣтами. Нѣсколько кувшиновъ кахетинскаго, осетинскій сыръ, разнато рода зелень и остатки шиплыка составляли ихъ банкетъ, оживленный двумя зурнами и однимъ барабаномъ. Ширь ихъ была къ концу; это замѣтно было по пустылѣ, опрокинутымъ кувшинамъ и по олушеченнымъ раскрасѣвшимся лицамъ этихъ дардимановъ(****). Они поднесли намъ бахетинскаго и по нашему при-

(*) Шиплыкъ — баранина, жареная на вертелѣ.

(**) Зурна — нечто въ родѣ флейты.

(***) Чунгуръ — что-то среднее между балалайкой и гитарой, съ металлическими струнами.

(****) Дардиманъ — значитъ отчужденный гуляка.

г. Лашевію събѣдрили лезгинскій танецъ Жребій палъ на пригожаго юношу, который въ широкихъ своихъ шильваркахъ, заломивъ на бекрену папаху, вступилъ въ кружокъ пирующихъ. Между тѣмъ, музыка стала играть громче съ ускореніемъ такта, подъ который всѣ били въ ладоши. Плясунъ сталъ выдѣлывать какіе-то чертовскіе шѣвогами, кружась и вертясь на одномъ мѣстѣ и помахивая длинными рукавами своего грузинскаго чуха, при самомъ неграціозномъ тѣлодвиженіи. Онъ воодушевлялся и такъ-сказать сильноѣ обсновался по мѣрѣ ускоренія такта и шумнаго рукоплесканія. Какъ ни грубъ и ни дисграціозенъ былъ танецъ этотъ и какъ ни дикъ и монотонно-бесмысленъ звукъ музыки, производимый искливою зурною, но мнѣ чрезвычайно понравилось и то и другое. Этотъ садъ, это общество весельчинокъ, съ мѣстными атрибутами, были въ совершенной гармоніи съ этою мяской и музыкаю. Мнѣ казалось, что одно не могло существовать безъ другаго. Продолжая прогулку, мы на пути встрѣтили нѣсколько такихъ кружковъ: вездѣ кахетинское и зурны играли важную роль. Я узналъ, что многіе общества собираются въ садъ гулять на нѣсколько дней срлуа, взявъ съ собою постель и все нужное, не смотря на то, что большая часть изъ нихъ люди торговые, или мастеровые. Нѣтъ народа, который болѣе любилъ бы веселиться и гулять, какъ Грузины; они готовы въ одинъ день прогулять все, что успѣли заработать въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Чуть-только распустились деревья и можно подѣлывать ихъ укрыться отъ зноя, душа ихъ такъ и просится вопъ изъ душнаго горада на чистый воздухъ. Зеленъ, вѣтвистое дерево, вблизи шумящій по камнямъ ручей, при этомъ кахетинское и зурна—составляютъ земной рай Грузина. Надо видѣть, какъ безпечно; отъ души, предается онъ удовольствію. Онъ забываетъ все; для него нѣтъ завтра; никакая посторонняя мысль не затѣмляетъ его идеалъ.

Отъ вѣрныя снѣгъ утѣхы,
Нитомецъ изалжденій.

Тифлисъ 20 мая.

Часто народныя празднества, переплетшія отъ предковъ къ потомству и свято имъ сохраняемыя, даютъ вѣрнѣйшія понятія о нравахъ и обычаяхъ народа, нежели многія умозрительныя разсужденія какого-нибудь досужаго ученаго. И потому, не мудрствуя лукаво, разскажу о двухъ такихъ тифлисскихъ праздникахъ, въ которыхъ и я принималъ участіе.

20 мая празднуется день св. Георгія у Армянъ. Въ десяти верстахъ отъ Тифлиса, на горѣ, есть армянскій монастырь во имя этого святаго, почитаемый не только всѣми закавказскими христианами, но даже самими мусульманами. Такимъ образомъ въ этотъ день тамъ бываетъ необыкновенное стеченіе народа. Наканунѣ, мы условились съ нѣсколькими молодыми людьми ѣхать на этотъ праздникъ верхами. Въ пятомъ часу утра, товарищи мои были уже готовы и до того заспѣшили, что не дали мнѣ даже выпить чаю. Выѣхавъ за городъ, мы стали подыматься на крутую каменистую гору, которая чѣмъ выше идетъ, тѣмъ становится болѣе-крутою, безплодною и дикою. Бѣдныя лошади наши едва карабкались на нее, скользя и спотыкаясь на каждомъ шагу. Такимъ образомъ, мы проѣхали около шести верстъ. Но, взобравшись на вершину горы, мы нѣсколько отдохнули отъ трудности пути и ѣхали уже, если не совершенно ровною дордгою, то по-крайней-мѣрѣ она шла по зеленому лугу, покрытому полевыми цвѣтами. Но сей мы стали спускаться къ монастырю, который стоитъ въ ложинѣ. На всемъ пространствѣ этого пути тянулся пестрыми, разноцвѣтными толпами народъ: нинье верхами, другіе на арбахъ, большая же часть пѣшкомъ; между пѣшеходами было много женщинъ, которыхъ шли, но давнему обѣту, босые. Въ прежнія времена, по разсказу турского, преданія этотъ былъ нестерпимъ.

ввѣнно блистательнѣе. Къ этому дню приготовлялись за нѣсколько недѣль. Почти вся тифлисская молодёжь принимала участіе въ праздникѣ. Она раздѣлялась обыкновенно на нѣсколько партій, изъ которыхъ каждая выѣзжала на одинакихъ лошадяхъ и была одѣта однообразно: одна партія въ бѣломъ, другая въ красномъ, третья въ голубомъ и т. д. У всякой былъ свой предводитель, своя музыка и свое знамя. Партіи эти выступали на зарѣ, сопровождаемыя толпою, и послѣ обѣдни начинались военныя игры: джигитовка, скачки, стрѣльба, и проч. Нынче обычай этотъ перешелъ въ воспоминаніе, и о немъ рассказываютъ теперь со вздохомъ. Въ церкви была невыносимая тѣснота. Не смотря на то, что мы такъ спѣшили и выѣхали такъ рано, все-таки не застали обѣдни: толпа прикладывалась къ чудотворному образу св. Георгія. Въ ней было нѣсколько тяжело-больныхъ, которые, будучи привезены родными, лежали къ постеляхъ на открытомъ воздухѣ, съ теплой вѣрою и съ свѣтлою надеждой на чудотворную силу всѣми-чтимого святого. Кругомъ монастыря, на пространствѣ одной версты, расположенъ былъ народъ большими группами; кое-гдѣ раскинуты были палатки, и семьи сидѣли за завтракомъ, состоявшимъ изъ сыра, пишыка и кахетинскаго вина. Около церкви, при насть, закололи барана, изжарили его на вертелѣ и раздавали пивцимъ, которые, пользуясь этимъ праздникомъ, толпами ходили посреди народа. По дорогѣ, сѣдые дервиши, или здѣшніе министрели, играя на чунгурѣ, пѣли свои вдохновенныя пѣсни. Женщины молодя и пригожія, по обыкновенію, скрывались подъ чадрами отъ любопытныхъ взоровъ молодёжи; за то безобразныя старухи, съ обнаженною грудью, безстыдно толкались въ толпѣ. Выѣхавъ на-тощакъ изъ дома и проѣхавъ десять верстъ верхомъ по такой трудной дорогѣ, я сильно проголодался. Мы отправились въ ближайшій садъ завтракать, послѣ чего, побродивъ

еще нѣсколько, пустились въ обратный путь. Приѣхавъ домой усталый, едва только я легъ отдохнуть, какъ пришли будить меня, чтобъ ѣхать на званый обѣдъ за городъ, гдѣ вечеромъ должна была быть скачка. Не смотря на усталость и головную боль, великаго было отказать отъ приглашенія. Обѣдъ былъ роскошный, орошенный лучшими винами. Вечеромъ отправился на скачку. По ровной, широкой дорогѣ, нѣсколько молодыхъ людей, желая пощеголять своею ловкостью и удалствомъ, скакали на своихъ жеребцахъ, бросая другъ въ друга палками на всемъ скаку, стрѣляя изъ ружей и стараясь превзойти другъ друга въ ловкости. Зрѣлище было незавидное. Тутъ не было ни богатыхъ вардаговъ, ни замѣчательныхъ лошадей, ни отличныхъ наѣздниковъ, какъ бывало, по словамъ туземцевъ, въ прежнія времена. Это скорѣе была дѣтская игра. Но степеніе любопытныхъ было необыкновенное: по всему коготору густой толпой расположенъ былъ народъ, такъ-что снизу видны были тысячи головъ, то одобрительнымъ крикомъ, то шумнымъ смѣхомъ принимавшихъ живое участіе въ скачкѣ. На сторонѣ, особенной группой, стояли женщины въ своихъ неспособныхъ чадрахъ. Плоскія крыши домовъ, покрытыя коврами, были устланы дамами высшаго общества, около которыхъ вертѣлись военныя. Зрѣлище, представляемое зрителями, было несравненно привлекательнѣе и занимательнѣе того, на которое стеклись они. По окончаніи скачки, я верхомъ пустился домой. Погода вдругъ измѣнилась: небо покрылось тучами, раскаты грома, яркомъ блескѣ молніи, раздавались по воздуху; вскорѣ дождь полилъ какъ изъ ведра. Въ одномъ спортукѣ, промокшій до костей, я возвратился домой, и утомленный до невѣроятности, бросился въ постель, въ полной утѣренности завтра же схватить тифлисскую лихорадку. Но благодѣтельная сѣрная ванна, которую принялъ я на слѣдующее утро, освѣжила меня такъ, что

я забылъ и усталость и вчерашнія неудовольствія.

27-го мая Грузины празднуютъ день св. Давида. На горѣ, составляющей западную границу Тифлиса и называющейся *Мтацминда*, т. е. Святая Гора, стоитъ небольшая и не весьма красивая грузинская церковь во имя этого святаго. Она первоначально основана была въ концѣ VI вѣка св. Давидомъ, однимъ изъ тринадцатіи сирийскихъ отцовъ, прибывшихъ въ Грузію въ 566 году. Въ новѣйшія времена, именно въ 1808 году, церковь эта совершенно передѣлана, и при ней основанъ небольшой дѣвичій монастырь. Здѣсь любилъ прогуливаться незабвенный Грибоѣдовъ. И дѣйствительно, едва-ли это не лучший пунктъ во всемъ Тифлисѣ. Съ горы видъ очаровательный: внизу представляется взорамъ раскинутый на неровномъ пространствѣ городъ, окруженный винограднымъ садомъ и, такъ-сказать, прорѣзанный быстрою Курюю, опоясанною зелеными берегами; на дальнемъ горизонтѣ блещутъ вѣчною красотою зубчатая сѣдыя вершины Кавказскихъ Горъ; окрестъ — благоговѣнная тишина и святой храмъ, который стоитъ одинъ высоко надъ землею, какъ будто чуждаясь ея суетливаго шума. Человѣкъ, любящій иногда уединенную бесѣду съ самимъ-собою, не можетъ найти лучшаго для того мѣста. Въ горѣ этой, подъ церковью, высѣченъ гротъ, гдѣ надъ прахомъ Грибоѣдова воздвигнутъ прекрасный памятникъ его супругой. На мраморномъ пьедесталѣ стоитъ распятіе, къ подножію котораго преклоняетъ отягченную печалью голову прекрасная женщина, стоящая на колѣняхъ, и возлѣ этихъ двухъ символовъ, небснаго и земнаго, лежитъ книга, подъ заглавіемъ: *Горь отъ Ума*. Распятіе, фигура женщины и книга, вылиты изъ бронзы.

Вся эта гора была усѣяна народомъ въ праздничныхъ одеждахъ. Грузинки лучшихъ семей, сохраняя національный костюмъ, были безъ чадръ. Расположась около церкви, въ ожиданіи

высокопреосвященнаго ексарха Грузин, который въ этотъ день желалъ самъ служить обѣдню, онѣ разговаривали безъ жеманства и провинціальной стыдливости и, играя своими зоптиками, какъ-бы нѣхотя выказывали красоту своихъ ручекъ, обтянутыхъ во французскія перчатки. Нѣкоторые изъ нихъ, подходя къ церкви, прикладывали къ наружной стѣнѣ ея мелкіе камушки. Если камушки эти отъ простаго прикосновенія прилипали къ стѣнѣ, въ такомъ случаѣ улыбка удовольствія въ минуту покрывала ихъ лицо: потому-что это предсказывало имъ исполненіе ихъ желаній; въ противномъ случаѣ, онѣ печально возвращались на свои мѣста, краснѣя отъ шутокъ своихъ пріятельницъ. Вечеромъ, у подошвы горы, было гулянье, на которое иные выѣхали верхомъ, другіе въ экипажахъ. Народъ гулялъ пѣшкомъ. Тамъ и тамъ раздавались звуки народной музыки; образовывались разнородныя группы. Часто, одушевленной этой музыкой, вдругъ изъ толпы выходилъ юноша, и при шумѣ рукоплесканій начиналась лезгинка; въ другомъ мѣстѣ, мы видѣли кружокъ, составленный изъ женщинъ, на этотъ разъ безъ чадръ, и, посреди нихъ съ бубнами въ рукахъ, пара молодыхъ Грузинокъ танцующихъ свою лезгинку; дажѣ, густая толпа окружала двухъ молодцовъ, схватившихся другъ съ другомъ и въ упорной борьбѣ выказывавшихъ свою ловкость, проворство и силу. Только сумерки поздняго вечера положили конецъ этому гулянию.

Ахалцихъ. 5-го іюня.

Разставшись на-время съ товарищемъ своимъ, я выѣхалъ изъ Тифлиса 2-го іюня, и 4-го пріѣхалъ въ Ахалцихъ. Изъ Тифлиса чрезъ Гѣри, Сурамъ, Боржомское-Ущелье, Апхурское-Ущелье, до Ахалциха считается 206 верстъ. До Сурама дорога гладкая, ровная. Она была бы совершенно удобна для путешествія, еслибъ не переѣздъ чрезъ двѣ рѣки: Оксану въ

двѣдцѣти и Ляхву въ дѣвѣности верстахъ отъ Тифлиса. Рѣки эти дѣломъ и зимою ничтожны, мѣстами едва-ли не совсѣмъ высыхаютъ; за то весной, при таинѣ снѣговъ, онѣ разливаются и потопляютъ берега, и при необыкновенной быстротѣ ихъ, особенно Ляхвы, дѣлаютъ невозможнымъ всякую попытку наводить на нихъ мосты, и поэтому перебалъ черезъ нихъ сопряженъ съ большими опасностями. Онъ вообще свойство почти всѣхъ рѣкъ Закавказья-Крѣя. Нынѣшній разъ, Ляхватакъ широко разлилась и съ тѣмъ вмѣстѣ была такъ быстра, что нужно было принять особенныя предосторожности для переправы. Еще наканунѣ съ силой бѣгущія волны опрокинули ночную тройку, изъ которой коренная утонула. Меня посадили на двухколесную, завраженную двумя буйволами арбу, на которую переклали и всѣ мои вещи и, поручивъ хозяину этого допотопнаго экипажа, опытному Грузину, пустили въ опасный путь. По мѣрѣ того, какъ достигали середины рѣки, мы нѣсколько разъ были отбрасываемы въ сторону быстрымъ ея течениемъ; немощной силѣ водъ могла противостать одна сила дюжихъ буйволовъ, олушевляемыхъ неистовымъ крикомъ моего ловкаго автомедона. Иногда рѣка эта бываетъ такъ глубока и быстра, что нѣтъ другой возможности переправиться черезъ нее, какъ на верблюдахъ. Ляхва протекаетъ по сѣверо-восточной границѣ Гори, небольшую уѣзднаго города Грузинъ, нѣвѣстнаго въ исторіи еще въ VI вѣкѣ. Мѣстоположеніе его живописно: улицы узкія, дома съ плоскими крышами и не могутъ пощеголять ни красотой архитектуры, ни особенной чистотой. католическая Небольшая церковь едва-ли не замѣчательнѣйшее зданіе во всемъ городѣ. Впрочемъ, онъ по-преимуществу населенъ Грузинами, изъ которыхъ, конечно, половина христіи. Въ городѣ замѣтно движеніе, есть жизнь; въ немъ стоитъ грузинскій гренадерскій полкъ. Начиная съ Гори, этого гадкаго города Карталинѣи, до-

рога окладывается разбрасывающія въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи грузинскими, армянскими и татарскими селеніями. Селенія эти объединены ровомъ, съ круглою зубчатою башнею по срединѣ, служившею имъ, во время дѣю, укрѣпленіемъ. Вообще надо замѣтить, что вся эта дорога устлана крѣпостями, развалины которыхъ вѣчно торчатъ на неприступныхъ вершинахъ горъ. На пути, между прочимъ, я встрѣчалъ сцены добрыхъ патріархальныхъ временъ. Тамъ молчаливая Армянка, съ продолговатымъ глинянымъ кувшиномъ на плечѣ, возвращалась отъ ближайшаго источника домой; тамъ караванъ верблюдовъ, лежавшихъ рякомъ другъ возлѣ друга, отдыхалъ въ долинѣ, тогда-какъ смуглые хозяева ихъ, сидя вокругъ огня, варили себѣ плавъ; дажѣ, женщина, окутанная въ бѣлую чадру, ѣхала верхомъ на жеребцѣ, котораго велъ подъ уздцы старикъ-слуга; радомъ съ ней мужъ, или братъ ея красовался на лихомъ конѣ, а сзади два навьюченные осла несли ихъ пожитки. Эти патріархальныя сцены напоминали мнѣ изображенія знаменитыхъ художниковъ, повторенныя въ гравюрахъ, намъ съ дѣтства извѣстныхъ, — и то, что прежде считалъ я фантазіей художника, здѣсь являлось былью Востока, неизмѣнимаго во времени, ни върваніемъ, ни политическими переворотами. Съ Сурама я въѣхалъ въ Боржомское-Ущелье. Дорога отъ Тифлиса до этого ущелья, какъ я замѣтилъ выше, почти вся ровная, гладкая, прекрасная. Съ Боржомна картина пути измѣняется. Въѣжая въ ущелье, вы ѣдете по узкой, но хорошо-обработанной дорогѣ, между двухъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, по правому берегу Куры. Широко разливаясь въ берегахъ, какъ-бы искусствомъ, а не природой покрытыхъ тѣмными дубами, она здѣсь краше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Мѣстами она какъ разъяренный вѣтеръ, вся въ пѣнѣ, рвется, мѣчется, и ревомъ своимъ наполняетъ горныя ущелья. Почти до самого Ахалцухѣ вы не разлучаетесь съ нею. Далеко

прекрасная Кура, то горы, то лѣсистыя горы, пересѣкаемыя очаровательными долинами; тамъ и тамъ живописныя развалины древнихъ крѣпостей, разбросанныя въ рощахъ деревишки; зеленые поля, оживленные стадами,— все это представляетъ, съ каждымъ движеніемъ впередъ, новыя дивныя декорации, художникомъ которыхъ была сама природа. Въ восьми верстахъ отъ станціи, на лѣвомъ берегу Куры, въ небольшомъ ущельѣ, находятся боржомскія щелочныя воды. Шѣскольکو красивенькихъ домиковъ, выстроенныхъ на горѣ, видны съ дороги. На берегу стоитъ паромъ для переезда. Я думалъ захватить посмотреть эти воды, но было уже поздно; а мнѣ хотѣлось засвѣтло пріѣхать на станцію, гдѣ я остался ночевать. На другой день утромъ, я ужь былъ въ Ахалцихѣ.

Ахалцихъ. 28-го июля.

Пыньшій Ахалцихскій-Уѣздъ первоначально составлялъ одну изъ провинцій Арменіи и былъ извѣстенъ подъ именемъ Дайнъ. По разрушеніи Армянскаго-Царства, провинція эта перешла во владѣніе константинопольскихъ императоровъ, которые, впрочемъ, не могли утвердить въ ней власть свою, потому что сначала армянскіе князья, имѣвшіе тамъ свои владѣнія, а въ-послѣдствіи Грузины до того тревожили ихъ, что они принуждены были наконецъ уступить провинцію эту Грузинамъ, которые и владѣли ею до XVI столѣтія. Въ-продолженіе этого времени, она два раза перемѣнила свое названіе. Сначала, во время владычества армянскихъ князей, была извѣстна подъ именемъ *Ишханацъ-Еривъ* (по-армянски—Страна-Князей), а главный городъ назывался *Ишханацъ-Кювъ* (Деревня-Князей); въ-послѣдствіи же, когда она перешла во власть Грузинъ, городъ этотъ переименовали они въ *Ахал-Цихе*, т. е. Новая-Крѣпость. Въ 1580 году, Менуджегеръ, царствовавшій въ то время въ Грузіи, былъ побѣжденъ Турками. Слѣдствіемъ побѣды было присоединеніе Ахал-

циха къ Оттоманской-Имперіи; и такъ-какъ самъ царь Менуджегеръ, передавшись Туркамъ, принялъ мухаммеданскую вѣру, то и былъ сдѣланъ пашою новопріобрѣтенной провинціи, обитатели которой, въ-послѣдствіи, силою принуждены были принять вѣру своихъ побѣдителей, исключая, впрочемъ, Армянъ, которые, не смотря ни на какія угнетенія, остались вѣрны своей прародительской церкви. Такимъ-образомъ, большая часть нынѣшнихъ мухаммеданъ Ахалцихскаго-Уѣзда, булучи прямыми потомками древнихъ Грузинъ, выстѣ съ языкомъ отцовъ своихъ, сохраняютъ и нѣкоторыя обряды христіанства. Вся эта провинція усѣяна, какъ я замѣтилъ, развалинами древнихъ крѣпостей, вѣроятно остатками владычества князей армянскихъ; по-этому, часть ея и называлась *Шертациъ-Цоръ*, что по-армянски значитъ Долина-Крѣпостей. Страна эта покрыта по всемъ направленіямъ горами и оротаема множествомъ рѣкъ, изъ которыхъ одна, посредствомъ рѣки Джорокъ, впадаетъ въ Черное-Море; другія же, сливаясь съ Курою, — въ Каспійское-Море. Притомъ, она изобилуетъ лѣсомъ и плодородными садами. Ахалцихскія яблоки и груши славятся во всемъ Закавказскомъ-Краѣ.

Пыньшій Ахалцихъ состоитъ изъ двухъ городовъ, раздѣленныхъ рѣкою Пацховкою: изъ стараго и новаго. Первый, расположенный на косогорѣ, весь населенъ коренными жителями, состоящими изъ Армянъ-католиковъ и Евреевъ, и своими грязными, узкими улицами представляетъ жалкую картину. Крѣпость, построенная на крутой скалѣ, и католическая церковь суть единственные замѣчательныя строенія въ городѣ. Мѣстное начальство, вскорѣ по покореніи Ахалциха, желало обратить нечеть, находящуюся въ крѣпости и заслуживающую вниманія прочностью и красотою строенія, въ православную церковь и первоначальныя работы къ тому были уже начаты; но онѣ пріостановлены нынѣ поэтому, вѣроятно, что предполагено все

старый городъ перенести въ новый. Съ этою цѣлью правительство снабжаетъ денежнымъ пособіемъ тѣхъ изъ жителей, которые, оставляя прежніе дома свои, добровольно переселяются въ новый городъ, построенный на равнинѣ уже послѣ 1829-го года. Новый городъ населенъ преимущественно Армянами грегорианскаго исповѣданія, переселенцами изъ Арарума, главнаго города Высокой-Арменіи, которыхъ считаютъ до 1500 семействъ. Церковь ихъ и архіепископскій домъ почитаются пока лучшими зданіями въ новомъ городѣ, гдѣ улицы широкія, прямыя; дома всѣ почти одноэтажные, съ плоскими крышами, съ окнами, обращенными на дворъ или въ садъ, и окружены стѣною въ видѣ крѣпости.

Армяне, занимая немаловажную часть народонаселенія въ Закавказскомъ-Краѣ (ихъ считаютъ до 280 тысячъ душъ обоюга пола) и обладая почти всею торговлею этого края, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Народъ армянскій, нынѣ разсѣянный по всему земному шару и съ-давнихъ-поръ потерявшій свою политическую значительность, съ горлостію сохраняетъ преданія о древности своей, о знаменитыхъ своихъ владыкахъ, царствовавшихъ за нѣсколько вѣковъ до христіанской эры и вѣдущихъ родъ свой отъ Торгома, правнука Іафета. Образъ правленія Армянскаго-Царства долгое время былъ патріархальный, но вскорѣ перешелъ въ чисто-монархическій, въ томъ смыслѣ, какъ понимали его на Востокѣ.

Шестидесять монарховъ послѣдовательно занимали престолъ Гайна, почитаемаго первымъ царемъ Арменіи и передаваемаго цѣлому народу свое имя, когда Александръ-Великій, покоривъ царство это своей власти, присоединилъ его къ своей обширной имперіи и совершенно измѣнилъ въ немъ образъ правленія.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Арменія обратилась какъ-бы въ сатрапію греческой монархіи, и правители замѣнили въ ней

царей. Хотя прежде сего она была покорена Ассиріею, но въ первый только разъ теряла вполне свою самостоятельность, съ-этихъ-поръ почти не выходила уже изъ зависимости сильнѣйшихъ державъ и только временно управлялась своими собственными царями.

Послѣ Македонянъ слѣдуютъ Арсакиды, которыхъ Римляне долгое время держали подъ своимъ игомъ, пока Персія не сбросила съ себя чуждыхъ оковъ; и тогда Царство-Армянское распалось на двѣ равныя части: одна была управляема марцпанами или сатрапами персидскими, а другая куропалатами константинопольскими. Когда же Аравитяне распространили свое владычество въ Азіи, то и они имѣли свою долю въ этой несчастной странѣ, и покоренныя ими области были подчинены ихъ правителямъ, которые, подъ именемъ остигаковъ, зависѣли отъ калифовъ дамаскихъ и багдадскихъ.

Около половины VIII-го столѣтія, Багратиды возстановили царство Арменію, занимая престолъ въ-продолженіи двухъ-сотъ-пядитесяти лѣтъ, и, можно сказать, воскресили только тѣмъ прежней ея самобытности, потому что надъ нею властвовали попеременно то поколѣнія мусульманъ Меруанидовъ, то династія Туркомановъ-Ортонидовъ.

Рупеніаны, послѣдняя династія царей Арменіи, въ-продолженіи двухъ столѣтій подерживали колеблющуюся самобытность Армянъ; наконецъ, въ 1375 году, египетскіе мамелюки нанесли рѣшительный ударъ этому несчастному царству, и Леонъ VI, послѣдній государь Арменіи, умеръ въ Парижѣ, въ 1393 году.

Съ этого времени, народъ армянскій былъ постоянною жертвою побѣдителей. Монголы, Османы и Персы попеременно опустошали землю его, угнетали вѣру христіанскую и своими жестокостями довели народъ до того, что онъ принужденъ былъ оставлять отечество и искать убѣжища въ другихъ государствахъ. Переселенія эти были

причиною, что теперь находимъ Армявъ на берегахъ Босфора и Гангеса, Аракса и Дона.

Съ паденіемъ царства лихась политической самобытности, Армяне не совсѣмъ, однако, утратили свою народность: они сохранили свой языкъ, вѣру праотцевъ, вѣкоторыя древніе обычаи и обряды. Хотя разсѣянные по всему земному шару и находясь въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ народами, посреди которыхъ судьба опредѣлила имъ жить, они, съ мѣстнымъ образованіемъ, приняли ихъ одежду и измѣнили до нѣкоторой степени нравъ и характеръ, но, усвоивъ себѣ образъ жизни окружающихъ ихъ, никогда не могли слиться съ ними въ одинъ народъ. И потому между Армянами Персіи, Турціи, Грузіи и Индіи есть значительныя отлѣнки, наложенныя на нихъ мѣстностью и гражданственностью странъ, ими обитаемыхъ. Слѣдовательно, говоря о характерѣ этого народа, тотъ очень бы ошибся, кто изъ частнаго наблюденія своего желалъ бы вывести общее заключеніе.

Ахалцхскіе Армяне въ-особенности замѣчательны своею честностью, простотою нравовъ, трудолюбіемъ и благочестіемъ. Едва-ли не въ нихъ надо искать кореннаго характера Армявъ, потому-что, ведя жизнь патриархальную, они такъ привязаны къ повѣрліямъ и привычкамъ старины, что какъ-бы остановились на первой степени образованія общественнаго. Для прикѣра опишу обѣдъ, на который былъ я приглашенъ однимъ изъ богатыхъ и почетныхъ Армявъ ахалцхскихъ.

Домъ этого Армянина, какъ и всѣ здѣшніе дома, раздѣляется на двѣ половины, мужскую и женскую; вторая недоступна для постороннихъ. Какъ та, такъ и другая половина окнами на дворъ или въ садъ. Мужская состоитъ изъ двухъ или трехъ комнатъ, изъ которыхъ главная покрыта ковромъ, съ небольшимъ возвышеніемъ около стѣнъ, обложеннымъ подушками. На этомъ возвышеніи помѣщаются, обыкновенно, гости, которые садятся под-

жавъ подъ себя ноги. У передней стѣны большой каминъ. У входа въ эту комнату устроено нѣчто въ родѣ шкафа, или ложи, гдѣ помѣщается музыкантъ. Въ почетномъ углу залы, обыкновенно въ тошъ, который противъ окна въ садъ (для того, чтобъ имѣть зелень передъ глазами), ставится низенькій табуретъ и на немъ огромное, круглое, мѣдное блюдо, называющееся *симъ*. На это блюдо кладутъ, вмѣсто приборовъ, лаваша, — тоненькіе, мягкіе, на подобіе католическихъ просеней хлѣбы и ставятъ кушанья. Передъ обѣдомъ, мальчикъ съ рукоюишникомъ въ рукѣ и полотенцемъ на плечѣ обходитъ всѣхъ гостей, подавая каждому мыть руки. На этихъ званныхъ обѣдахъ всегда присутствуетъ духовникъ хозяина, и садятся не иначе за столъ, какъ съ его благословенія. Кстати надо замѣтить, что классъ духовный, важный у всѣхъ христіанъ, имѣетъ у Армявъ особенное значеніе. Воспитанные съ дѣтства въ строгихъ правилахъ религіи, безъ излишняго мудрствованія, они питаютъ какое-то благоговѣйное чувство къ духовному званію. Всякій священникъ у нихъ — глава общества, вѣрнннаго духовной его власти. Онъ прекращаетъ ссоры, становясь судьей между враждующими; подаетъ совѣты въ важныхъ обстоятельствахъ жизни; онъ защитникъ и ходатай слабого и бѣднаго предъ сильными и богатыми; словомъ, онъ напоминаетъ собою древній патриархальный образъ правленія. За столомъ нѣтъ ни вилокъ, ни ножей; въ ложкахъ также нѣтъ нужды, потому-что не употребляютъ жидкихъ кушаній. Обѣдъ начинается сладкимъ блюдомъ, потомъ слѣдуютъ яйца, цыплята, зелень, шиплыкъ изъ баранины, разнаго рода плавъ, жаркія, сладкое и, наконецъ, сыръ. Изъ вина употребляется кахетинское. За столомъ служатъ сыновья хозяина дома, — почтительность и повиновеніе ихъ къ отцу безусловныя. Во все время стола, два или три мальчика поютъ духовныя пѣсни. По окончаніи обѣда, вы снова

место *себѣ* руки, и въ слѣдъ за тѣмъ вамъ подають, въ маленькихъ, безъ ручекъ, чашкахъ, вставленныхъ въ серебряныя или золотыя чаши, густое кофе безъ сливокъ и сахара, вмѣстѣ съ этими и длинныя чубуки, или кальяны съ турецкимъ табакомъ. Между тѣмъ, музыкантъ, сидѣвшій въ ложѣ и удивлявшій, но скорѣе всего, оглушавшій васъ своимъ искусствомъ передъ обѣдомъ, снова, аккомпанируя себѣ на какомъ-то инструментѣ, похожемъ на саринку, импровизируетъ вамъ разные пѣсни, а иногда своими острыми словами и апологами, въ восточномъ вкусѣ, забавляетъ вашу лѣнь. — Будучи свидѣтелемъ этого простаго гостепріимства, я невольно вспоминалъ о первобытныхъ дѣвственныхъ обычаяхъ народовъ-пастуховъ, — обычаяхъ, еще неизмѣненныхъ повдѣйшимъ обрѣзованіемъ.

Ахалцихъ, 18 августа.

Изъ окрестностей Ахалциха, заслуживаютъ преимущественно вниманія двѣ татарскія деревни: *Аббас-Туманъ*, отстоящая въ двадцати верстахъ на сѣверъ, и *Уравель*, въ пятнадцати верстахъ на югъ отъ Ахалциха. Первая известна своими минеральными горячими водами; а вторая холодными кислыми, напоминающими кавказскій нарзанъ. Опишу сначала аббас-туманскія воды. Проѣзжая по самому живописному пути, надѣленному отъ щедрой природы и лѣсистыми горами и глубокими пропастями и зелеными цвѣтистыми долинами, вы въѣзжаете въ узкое ущелье, и, продолжая путь между двумя рядами массивныхъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ и мѣстами, развалинами древнихъ церквей, свидѣтельствующихъ о христіанскихъ временахъ этой страны, вы изъ новаго ущелья подымаетесь на дикую, каменную скалу и отсюда на небольшомъ, неровномъ пространствѣ видите нѣсколько выѣденныхъ домиковъ. Это аббас-туманскія сѣрныя воды. Около четырехъ или пяти лѣтъ назадъ, генералъ Головинъ, главноуправля-

вшій Закавказскимъ Краемъ, выстроилъ тутъ военный госпиталь и восемь небольшихъ домиковъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ двѣ чистыя комнаты, переднюю и кухню. Здѣсь только два источника, на которыхъ устроены ванны и которыми пользуются больные (другіе еще не исследованы наукой и оставлены пока въ первобытной своей непорочности); одинъ изъ этихъ источниковъ называется *Виллимъ*, потому что тутъ иногда попадаются змѣи, хотя совершенно безвредныя; въ немъ очень мало сѣры, и температура воды не превышаетъ 32 градусовъ по Реомюру; другой источникъ собственно сѣрный. Онъ такъ горячъ, что его раздѣлили на четыре номера: въ первомъ тридцать-четыре градуса, во-второмъ тридцать-шесть, въ третьемъ тридцать-семь и въ четвертомъ тридцать-восемь градусовъ. Цѣлительная сила ихъ удивительна по многимъ приобрѣтеннымъ уже опытамъ. Всѣ туземцы питають слѣвую вѣру къ чудеснымъ ихъ свойствамъ. Доселѣ сосѣдственные жители были почти единственными ихъ посѣтителами; цѣлыми семьями поневѣдѣ въѣзжаютъ они туда на нѣсколько недѣль и часто, за неимѣніемъ мѣста, располагаются въ палаткахъ, подъ открытымъ небомъ. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ начальство стало обращать особенное вниманіе на эти воды, число пользующихся, особенно изъ военныхъ, съ каждымъ годомъ увеличивается. Начальство полагаетъ расширить строенія для посѣтителей этихъ водъ, такъ, чтобъ больные Закавказскаго Края не были принуждены предпринимать путешествія въ Пятигорскъ, сопряженныя съ трудностями и значительными издержками, вмѣстѣ, такъ сказать, подъ рукой равносильныя воды.

Мѣстоположеніе Аббас-Тумана — романтическое. Часто, прогуливаясь по лѣсистымъ горамъ и роскошнымъ долинамъ, орошаемымъ свѣтлыми струями пѣнистаго потока, съ шумомъ вырывающагося изъ узкаго, темнаго

ущелья, я думалъ, что вижу какую-нибудь сцену изъ чувствительныхъ романовъ добраго стараго времени, такъ богатыхъ живописными картинами.

Дорога въ Уравель имѣетъ совершенно-другой характеръ. Тутъ, хотя тѣ же горы, тѣ же ущелья, тѣ же рѣки; но эти горы—голыя, каменистыя; ущелья—дико-мрачныя; берега рѣкъ—обнаженные. Мѣстами дорога идетъ черезъ разсѣлины каменныхъ горъ, до того узкія, что мы (т. е. я съ проводникомъ своимъ) принуждены были слѣзать съ лошадей и проходить ихъ пѣшкомъ, веля лошадь въ поводу. Самый Уравель расположенъ въ горахъ, на высотахъ которыхъ часто встрѣчаешь глубокія отверстія, иногда закопченныя дымомъ. Я съ трудомъ разъ вообразилъ въ одно изъ такихъ отверстіи. Оно было довольно-обширно, внутри раздѣлено искусственными стѣнами на три отдѣленія; у входа устроено укрѣпленіе. Полусгорѣвшее дерево, баранья шкура и клинокъ сломаннаго кинжала, явно свидѣтельствовали, что когда-то мѣсто это служило защитою, или убѣжищемъ человѣку. Въ Уравелѣ одинъ источникъ: желѣзисто-кислый. Онъ холоднѣе кавказскаго нарзана: въ немъ только восемь градусовъ тепла. Удобствъ для пользующихся тутъ еще менѣе, чѣмъ въ Аббас-Гуманѣ.

Цѣлительной смѣли ахалцыхскихъ вошь, конечно, много способствуетъ и самый климатъ. Онъ здѣсь умѣренный, благодатный. Зима, продолжающаяся три-четыре мѣсяца, холодна, но суха и здорова. Лѣтомъ, жаръ становится чувствителенъ только съ одиннадцати часовъ утра до четырехъ по-полудни, и то едва-ли, когда термометръ доходитъ до тридцати градусовъ на солнцѣ. Вечера—теплые, упительные. Тогда—какъ я наслаждался природой и воздухомъ Ахалциха, воть что писалъ мнѣ товарищъ мой изъ Тифлиса отъ 24 іюля: «Въ этой пеклѣ (въ Тифлисѣ) самые туземцы не могутъ выносить задущающаго жара; въ тѣни, на воздухѣ жаръ доходитъ до тридцати-ше-

сти градусовъ; по ночамъ въ комнатахъ отъ двадцати-трехъ до двадцати-пяти градусовъ, и такъ продолжается нѣсколько дней сряду; вѣтра не бываетъ ни малѣйшаго. Въ началѣ, считалъ я себя способнымъ переносить зной, приписывая это теперешнимъ моимъ лѣтамъ; но послѣ трех-суточного жара я лишился аппетита, горечь ужасная во рту, языкъ сохнетъ, голова горитъ; нѣтъ возможности спать отъ нестерпимаго зноя. Къ этому всему присовокупите миллионы мошекъ, едва-замѣтныхъ, но мучительныхъ. Отъ жара, отъ этихъ проклятыхъ мошекъ, несносный зудъ по всему тѣлу...

Л. А.—въ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

72) SYLVANDIÈRE, roman en cinq chapitres, de MM. Vanderburck et Leuwen (Сильвандира, романъ въ пяти главахъ, и. Фандербурка и Лейвена).

Къ маркизу де-Креттѣ явился однажды кавалеръ Рожѣ, Танбрель д'Англема. Это провинціалъ, воспитанный далеко отъ столицы и двора; въ немъ нѣтъ и тѣни тѣхъ приемовъ, которые отличаютъ аристократовъ, но онъ выражается умно, легко, красно-рѣчиво. Онъ привезъ маркизу рекомендательное письмо отъ одного важнаго лица; онъ ищетъ его покровительства по дѣлу очень-нелучшому: ему досталось по духовному завѣщанію полтора миллиона франковъ, и какой-то cousin завѣщателя, Индіецъ, по имени Аюгано, оспариваетъ у него это наследство. За отсутствіемъ маркиза, мѣ-

сто его занимает мамзель Пуссета, любовница его, оперная танцовщица. Кавалеръ съ перваго взгляда понравился своей покровительницѣ, и онъ можетъ быть увѣренъ, что все будетъ сдѣлано, чтобъ доставить ему желаемое.

Черные глазки, хитрая улыбка, мелодическій голосъ, тонкая талія, аристократическая ножка,—все это прекрасно; но съ этимъ еще не выиграешь процесса, особенно въ полтора милльона франковъ; вы ясно видите, что въ этомъ дѣлѣ гораздо-больше значитъ человекъ, одѣтый въ черное, который является и говоритъ кавалеру положительно — приказнымъ тономъ: «Если вы согласны жениться на особѣ, которая будетъ закрыта вуалю и которую вы увидите только послѣ обряда,—мы ручаемся за выигрышъ вашего процесса; мы дѣлали то же самое предложеніе и вашему противнику, но вы намъ больше съ-руки, и мы избираемъ васъ; вотъ вамъ десять минутъ на размышленіе». — Ангилемъ влюбленъ въ какую-то провинціальную красавицу и безъ мамзель Пуссетъ конечно сдѣлалъ бы глупость первѣйшаго сорта—отказался бы отъ предложенія. Десять минутъ не потеряны даромъ: скромная одежда провинціала уступила мѣсто великолѣпному маркизскому костюму, и прокуроръ застаётъ жениха готовымъ идти къ вѣнцу. Обрядъ совершается между-тѣмъ, какъ судъ рѣшаетъ дѣло. Тройная вуаль скрываетъ лицо невѣсты; по окончаніи церемоніи, Рожё узнаетъ, что выигралъ процессъ, и что теперь ему можно взглянуть на жену свою. Онъ ожидаетъ найти уroda, — напротив! она мила, какъ амуръ. Стало-быть, тутъ есть какая-нибудь тайна? Нѣтъ, дѣло очень-просто: Сильвандира—дочь совѣтника, которому поручено изложить передъ судомъ дѣло о полоторѣ милльонахъ франкахъ, и совѣтникъ расчелъ, что очень-неудурно доставить при этомъ случаѣ дочери своей мужа молодца и милльонера.

И такъ, все кончилось благополуч-

но? Пойдите; а человекъ въ черной одеждѣ? Онъ говоритъ: «теперь исполнимъ приказаніе маркиза де-Роанкура». Этотъ маркизъ—это предавецъ мелодрамы. Ангилемъ блаженствуетъ; жена его мила какъ-нельзя-больше и только о томъ и заботится, чтобъ поправиться мужу. Но Роанкуръ и помощникъ его Фиваръ составили ужасный заговоръ противъ новобрачныхъ. Роанкуръ, до безумія влюбленной въ Сильвандиру, хочетъ сдѣлать ее своею любовницею. Фиваръ пробирается къ ней и уговариваетъ ее не соглашаться на желаніе мужа, который хочетъ увезти ее въ провинцію, въ глушь, и посадить за замѣкъ; она должна блистать при дворѣ, а мужа ея назначать полковникомъ, и онъ долженъ будетъ отправиться къ своему полку.

Но Пуссетта догадывается о планѣ заговорщиковъ и открываетъ его Ангилему. Несчастный Ангилемъ не сомнѣвается, что жена его заодно съ его врагами, и получивъ отъ министра патентъ на званіе полковника и приказъ объ арестѣ, съ приказаніемъ немедленно избрать то или другое,—онъ отталкиваетъ жену, разрываетъ патентъ и гордо идетъ въ Бастилію.

Прошло восемь мѣсяцевъ. Дѣла Роанкура въ-отношеніи къ Сильвандирѣ не подвинулись ни на шагъ впередъ. Ангилемъ, между-тѣмъ, освобожденъ и прѣзжаетъ въ Марсель на кораблѣ страшнаго корсара, капитана Омара. Омаръ задаетъ здѣсь великолѣпные праздники и приглашаетъ между прочимъ къ себѣ Пуссетту, ангажированную на марсельскій театръ. На кораблѣ она встрѣчаетъ своего любимца, Рожё д'Ангилема. Освободившись изъ заключенія, онъ вызвалъ въ поединокъ здѣшняго губернатора (это Роанкуръ) и прѣехалъ сюда покончить дѣло. Во уваженіе строгихъ законовъ противъ дуэли, драться назначено на корсарскомъ фрегатѣ. Но Роанкуръ трусъ; онъ боится драться съ человекомъ, котораго хотѣлъ обезчестить; онъ избралъ другое, болѣе-покойное средство: Фиваръ подосланъ къ корсару и

за порядочную сумму корсаръ согласился освободить его отъ кавалера. Сильвандира то же на фрегатѣ; когда мужа ея арестовали, она на другой же день удалилась въ монастырь, и потомъ, едва только узнала, что онъ освобожденъ, полетѣла за нимъ въ слѣдъ. Тронутой ея преданностью, мужъ прощаетъ ее и съ вѣтерпнѣишемъ ждетъ своего противника. Вдругъ раздается шумъ отъ поднятія якоря и клики команды; весь экипажъ выходитъ на палубу. Сопротивленіе бесполезно, — они плывутъ въ Марокко. Всѣ пассажиры плѣнники Омара, — ихъ продадутъ въ Тунисѣ.

Дѣйствіе переносится въ Версаль. Ангилему одному изъ всѣхъ удалось спастись отъ плѣна; замѣтивъ въ морѣ парусъ, онъ бросился черезъ бортъ и доплылъ до судна; корсаръ успѣлъ уйти отъ преслѣдованія. Возвратившись во Францію, д'Ангилемъ выкупилъ товарищей своего несчастія; но всѣ старанія его отыскать жену — остались безплодны. Печаль грызетъ его сердце; друзья уговаривали его вступить въ другой бракъ, и онъ готовъ сдѣлаться членомъ знатной фамиліи. Однажды, сидя въ паркѣ, онъ смотрѣлъ на проходящую мимо свиту индійскаго посланника; въ числѣ женщинъ, ему показалось, что онъ узналъ Сильвандирю. Онъ требуетъ аудіенціи, — и не ошибся: за все свое богатство онъ выкупаетъ ту, безъ которой не можетъ жить. Но въ эту минуту, когда онъ готовъ отсчитать условленную сумму, онъ узнаетъ въ нимомъ посланникѣ Аогано, а въ переводчикѣ его — Финара. Обманщики обѣщаютъ немедленно оставить Францію, и только на этомъ условіи Ангилемъ соглашается молчать. Онъ довольствуется презрѣніемъ и не хочетъ истинъ.

73) LES ETUDIANS, *drame en cinq actes*, par M. Frédéric Soulié. *Musique de M. Artus* (Студенты, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Фредерика Сульѣ. Музыка Артюса).

Студентъ Роис д'Ориль — сынъ

французскаго генерала, который былъ выданъ во время войны неприятелю единоземцемъ своимъ, барономъ де-Мортанемъ, и разстрѣлянъ въ глазахъ сына. Роис не забылъ этой ужасной сцены. Возмущавъ, онъ повсюду искалъ убійцу своего отца или сына предателя; но онъ не нашелъ ни того, ни другаго; не нашелъ даже ни матери его, ни сестры. Предатель нашелъ наказаніе въ средѣ своего семейства: жена и дочь оставили его съ презрѣніемъ, — сынъ тоже покинулъ его съ растерзанною душою. Иуда принужденъ былъ переимѣнить имя и костюмъ. Онъ сдѣлался ветошникомъ; его зовутъ Крошъ-à-Моръ. Онъ сидитъ на тумбѣ у входа въ скромную гостиницу въ Улицѣ-Сен-Жакъ, гдѣ живетъ сынъ его. Черты его измѣнились до такой степени, что сынъ не узнаетъ отца; впрочемъ, еслибъ онъ узналъ его, онъ оттолкнулъ бы его отъ себя, — онъ не хочетъ даже принимать денегъ, тайно ему присылаемыхъ.

У Роис д'Ориль есть сестра, которая любитъ кататься въ лодкѣ. Она падаетъ въ воду, — ее спасаетъ студентъ, — и этотъ студентъ Оливье де-Мортанъ. У Оливье, какъ мы уже сказали, тоже есть сестра; она тоже падаетъ въ воду, только иначе: бѣдность побудила ее утопиться. Ее спасаетъ Роис д'Ориль. Молодые люди узнали другъ друга, — они будутъ драться на смерть. Но любовь, дѣло извѣстное, испѣляетъ фамильную ненависть. Слѣдуетъ цѣнь разныхъ встрѣчъ и узнаваній, и наконецъ, Мортанъ и Роис д'Ориль женятся одинъ на сестрѣ другаго. Предатель Крошъ-à-Моръ изгнанъ изъ обонхъ семейства съ негодованіемъ.

74) LE LANSQUENET, *vandeville en un acte*, par M. M. Ferdinand Langlé et Lockroy (Лансквехтъ, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, Фердинанда Лангле и Локроя.)

Графиня де-Совнѣ даетъ балъ; надъ ея квартирою комната въ гостиницѣ превратилась тоже въ танцевальную залу, — и здѣсь условились повеселитъ-

ся лучшие танцоры-студенты. Въ самомъ разгарѣ бала у графини, вдругъ отворяются двери и влетаютъ два студента съ пѣснями, танцую польку. Наши герои скоро замѣтили, что попали не въ тотъ этажъ; они уже хотятъ тихоньку удалиться, но одинъ изъ нихъ приглашенъ къ ланцкнехту и садится, чтобъ проиграть послѣдніе сто су. Счастье везетъ ему, онъ выигрываетъ да выигрываетъ. Сынъ г-жи де-Совнэ, которому вручены двѣ тысячи франковъ на одно благотворительное дѣло, ставить ихъ противъ счастливаго игрока и проигрываетъ. Такая постоянная удача заставляетъ всѣхъ думать, что этотъ студентъ шулеръ. Никто его не знаетъ, его хотятъ арестовать. Но, оставшись наединѣ съ старымъ профессоромъ и зная, что часть его выигрыша была назначена на благотворительное дѣло, онъ уговариваетъ старика играть въ ланцкнехтъ, о которомъ тотъ и понятія не имѣетъ, и проигрываетъ ему двѣ тысячи франковъ, взятые у сына г-жи де-Совнэ. Сестра этого молодого человѣка замѣчаетъ, съ какими удивительнымъ искусствомъ онъ передергиваетъ, чтобъ проиграть старику деньги, и оправдываетъ его въ глазахъ всего общества.

75) *UNE VOIX, paroles de Mm. Bayard et Potron, musique de M. Ernest Boulanger* (Голосъ; слова Баара и Потрона, музыка Эрнеста Буланже).

Эдгаръ, молодой военный, влюбился въ голосъ; онъ услышалъ его въ Генуѣ, и эти звуки преслѣдуютъ его неотступно. Голосъ, какъ стень, не даетъ ему покоя, и онъ напрасно старается открыть сирену, которой принадлежитъ этотъ голосъ. Такой чистый, свѣжій голосъ долженъ, по его мнѣнію, не премѣнно принадлежать красавицѣ,— между лицомъ и голосомъ есть какое-то сродство. Но какой это именно голосъ? Голосъ вдовы или голосъ дѣвушки? Онъ часто задаетъ себѣ этотъ трудный вопросъ и никогда не разрѣшаетъ его. Онъ желалъ бы послушать, какъ поетъ каждая женщина, которую онъ встрѣчаетъ; но какъ сдѣлать имъ по-

добное предложеніе? И притомъ сколько разочарованій въ одинъ день! Ожидаетъ сопрано и слышишь контральтъ! Несчастнѣй!

Наконецъ, онъ надѣется, что недолгимъ его разрѣшено. Онъ опять услышалъ знакомый голосъ въ одной гостиницѣ; является хорошенькая женщина, и Эдгаръ спѣшитъ объясниться ей въ любви, не теряя попусту времени. Хорошенькую даму это нисколько не поразило. Она вдова и ѣдетъ, чтобъ выйти замужъ за графа Дирейла, тоже военнаго, но который теперь долженъ уступить свое мѣсто Эдгару. Дама влюбляется въ Эдгара, — графъ въ сторону.

Настаетъ критическая минута: голосъ опять послышался, — по это не голосъ хорошенькой дамы: пѣвица, которую она взяла съ собою въ экипажъ упражняется на досугъ въ пѣніи. Эдгаръ пораженъ, очарованъ... Впрочемъ какъ голосъ ни хорошъ, а хорошенькое личико еще лучше. Онъ легко утѣшается бракомъ съ невѣстою графа, а графъ въ свою очередь приволокнулся за пѣвицей, — и тоже доволенъ: пѣвицы, какъ извѣстно, рѣдко бываютъ жестоки.

76) *LA GARDEUSE DE DINDONS, vau-deville en trois actes de Mm. Dartois et de Bieville*. (Индвѣчница, *codex* въ трехъ дѣйствіяхъ, Дартуа и Бьевилля).

Гота хорошенькая Нѣмочка. Бабушка ея умерла, а наследники не захотѣли держать у себя вучку; стадо индѣекъ обожаетъ Готу, и одна индѣйка была даже такъ предана, что ушла съ нею въ изгнаніе. Скоро снесла индѣйка яйцо, другое, третье,—и вотъ за Готой ходятъ цѣлое стадо самыхъ красивыхъ индѣйскихъ пѣтуховъ и куръ. Впрочемъ, у ней было много и другихъ двуногихъ вздыхателей: вся деревня и вельможи двора Леопольда II. Труды ихъ оставались напрасны: сердце молодой дѣвушки отдало дровосѣку Герману. Отецъ его былъ лѣсничимъ, но мѣста его не дали сыну, когда онъ умеръ, и Германъ остался только при своемъ ружьѣ. Съ этимъ онъ не хотѣлъ

жениться на Готѣ; онъ желалъ получить мѣсто своего отца, но ни за что въ свѣтѣ не рѣшился бы просить ходатайства по этому предмету даже Готы.

Въ это время прїѣзжаетъ въ деревню графъ Нейбургъ. Онъ въ хорошемъ расположеніи духа и свисходитъ до пастушья; чтобъ легче соблазнить невинность, онъ осмѣлся принять имя своего государя. Гота устала, но въ своемъ кружкѣ она потеряла уваженіе. Хитрость графа открывается, и строгій государь заставляетъ графа Нейбурга, присвоившаго себѣ его имя, дать свое имя Готѣ. Свадьбу названено сыграть сейчасъ же. Нечего дѣлать! Графъ принужденъ покориться судьбѣ своей; Гота также — потому что никто не могъ уговорить Германа измѣнить свое названіе. Государь присутствуетъ при обрядѣ. Въ ту минуту, когда Готѣ надо подписать брачный договоръ, она отзываетъ жениха своего на пару словъ и объявляетъ ему, что любить Германа, что никогда его не забудетъ, и просить, чтобъ графъ выдалъ ей свидѣтельство въ ея невинности (!!!): это свидѣтельство она надѣется когда-нибудь представить своему любезному. Но какая радость! Это самъ Германъ! Въ одеждѣ камергера онъ вошелъ въ замокъ. Оба бросается къ ногамъ государя, который и соглашается на ихъ свадьбу. Нейбурга, въ наказаніе, женить на какой-то беззубой баронессѣ.

77) Agnès Bernau, *drame en six tableaux* par MM. Paul Foucher et Aboise (Агнеса Бернау, *драма въ шести картинахъ*, Поля Фуше и Абуаза).

Дѣйствіе происходитъ во время войны Баваріи съ Виртембергомъ. Политическое равновѣсіе Европы нарушено. Вдругъ королю баварскому приходитъ въ голову, что у него есть сынъ, а у короля виртембергскаго дочь, и что, соединивъ ихъ узамъ брака, можно хорошо кончить войну. — Онъ забывъ только посоветоваться объ этомъ съ сыномъ надѣясь, что молодой принцъ, женится по первому приказанію.

И такъ, старикъ-король секретно дѣлаетъ предложеніе и получаетъ согласіе. Молодая принцесса ѣдетъ въ Баварію, на встрѣчу своему жениху.

Принцъ Альбертъ, между-тѣмъ, слыша, что его собираются женить, притворяется, что ничего не знаетъ и звать не хочетъ, — и дѣло ужасно занувывается. Вообразите себѣ, что онъ уже женился, подъ именемъ капитана, на дѣвушкѣ изъ простаго званія. Однажды, жена его, не знавшая его высокаго сана, пришла во дворецъ, чтобъ вручить виртембергской принцессѣ аграфъ, потерянный съ умысломъ, и тутъ узнаетъ въ мужѣ своемъ наследника престола. Неосторожно говоритъ она объ этомъ графу Эберарду, а тотъ, предатель, королю. Молодые супруги немедленно ваты подъ стражу, и нарждена комиссія—судить ихъ.

Виртембергская принцесса — единственное лицо, которое могло оскорбить это открытіе, тронулась несчастіемъ любовниковъ и поклялась спасти ихъ. Альбертъ, ничего не зная объ этомъ, рѣшился спастись самъ, чтобъ потомъ спасти отъ эшафота и жену свою.

Она осуждена единогласно, и настала минута, когда принцессѣ пора осуществить свое человеколюбивое названіе. Втайнѣ приготовлена лодка, на которой бѣглица переѣдетъ на тотъ берегъ Дуная. Но Эберардъ подстерегаетъ — и этотъ планъ не удался. Тогда принцесса рѣшается на другое средство: она мѣняется платьемъ съ Агнесой; но въ это время мать бросается ей на встрѣчу и проклинаетъ ее. Крикъ дочери открылъ глаза Эберарду, — и она опять схвачена.

Часть казни приближается. Судъ рѣшилъ, чтобъ преступнику живую бросить въ Дунай. Тутъ зрителю становится легче. Надо не имѣть никакого понятія о мелодрамѣ и искусствѣ плаванія, чтобъ не предвидѣть развязки. Агнеса спасается, и, къ довершенію чуда, открывается, что она такая-то принцесса...

★

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЗНАЧЕНІЕ И ТЕОРІЯ ЖИВОТНАГО МАГНИТИЗМА. — Не смотря на интересъ, который въ наше время возбуждаетъ животный магнетизмъ, мы въ первый разъ рѣшаемся еще говорить объ немъ въ этомъ отдѣлѣ нашего журнала. Читатели легко поймутъ причину нашей осторожности, если потрудятся пробѣжать различныя сочиненія о животномъ магнетизмѣ, вышедшія въ послѣдніе годы. Авторы, которые обработывали этотъ важный предметъ, и которыхъ число слишкомъ-значительно, составляютъ двѣ рѣзкія категоріи: одни, зачатые магнетизёры, какъ люди, дѣйствующіе по собственному убѣжденію, слишкомъ увлекаются животнымъ магнетизмомъ и самые факты даже описываютъ съ особеннымъ энтузіазмомъ, котораго долженъ быть далеко строгій языкъ науки; — другіе, напротивъ, руководствуются, можетъ-быть, только одною личностію, и вѣсто того, чтобъ опровергать здравыми, точными умозаключеніями положенія нововводителей, на всѣ факты отвѣчаютъ однимъ отрицаніемъ; они не приводятъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своего противоположнаго мнѣнія; магнетизмъ не существуетъ, потому что не существуетъ: вотъ полный перечень ихъ діалектики. Что оставалось дѣлать намъ въ такихъ обстоятельствахъ? ожидать, пока явится писатель эклектической, который примиритъ обѣ партіи; — до-сихъ-поръ мы ждали.

Теперь, мы прервемъ наконецъ продолжительное молчаніе, къ чему принуждаетъ насъ и обязанность наша слѣдить за успѣхами наукъ. Примиритель явился — докторъ медицины Альфонсъ Тестъ, который недавно издалъ сочиненіе подъ названіемъ: *Животный Магнетизмъ объясненный* (*Le magnétisme animal expliqué, ou leçons analytiques sur la nature essentielle du magnétisme, sur ses effets, son histoire, ses applications,*

les diverses manières de le pratiquer, par Alphonse Teste, docteur en médecine). Сочиненіе невольно поселяетъ въ читателяхъ довѣріе къ себѣ; въ-самодѣлѣ, тонъ его строгій, факты разсказаны съ достоинствомъ, безъ слѣплага увлеченія; умозаключенія сжаты; историческая часть изложена совѣстливо, критика строга, но всегда справедлива. По причинѣ слишкомъ-сжатаго объема статей, которыя помѣщаются въ этомъ отдѣленіи журнала, мы не можемъ представить читателямъ полнаго разбора сочиненія г. Теста, и потому цѣлью нашею будетъ по-крайней-мѣрѣ внушить имъ желаніе прочесть самое твореніе.

Животный Магнетизмъ объясненный состоитъ изъ слѣдующихъ четырехъ отдѣленій:

- 1) Значеніе магнетизма.
- 2) Исторія магнетизма.
- 3) Дѣйствія магнетизма и его польза.
- 4) Теорія магнетизма.

Первый вопросъ, который здѣсь представляется — что такое магнетизмъ? Согласно съ объясненіемъ г. Теста, магнетизмъ заключается во взаимномъ дѣйствіи, которое оказываютъ всѣ тѣла естественныя одно на другое. Съ перваго взгляда, это опредѣленіе кажется неточнымъ; во слѣдующія разсужденія автора совершенно проясняютъ его читателю. Жить — значить чувствовать и дѣйствовать: утверждаетъ г. Тестъ. Обратите вниманіе на явленія, которыя происходятъ въ тѣлахъ неподвижныхъ, коснѣющихъ (*inertes*); посмотрите, какіе процессы въ нихъ совершаются, когда приходятъ они въ сопряженіе или извѣстныхъ обстоятельствахъ: — всѣ отдѣльныя наблюденія убѣждаютъ васъ, что и эти неподвижныя тѣла имѣютъ способность дѣйствовать и чувствовать. И точно, въ-самодѣлѣ, почему кусокъ мрамора, который часто цѣлые вѣка остается неподвижнымъ, не испытываетъ никакого вліянія отъ окружающихъ тѣлъ, начинаеть шипѣть, если вы приведете его въ сопряженіе съ сѣркою кислотою?

Это мнѣніе не есть ли проявленіе жизни? Мы выбрали нарочно этотъ фактъ, потому-что онъ представляетъ поразительный примѣръ; но до того же самаго заключенія дойдемъ, разсматривая дѣйствія всякой другой физической силы на тѣла неорганической. Нѣтъ сомнѣнія, огромная разница существуетъ между жизнью минераловъ и жизнью животныхъ; но въ природѣ все живетъ, или, говоря другими словами, каждое естественное тѣло имѣетъ свою собственную жизнь, и всѣ тѣла оказываютъ одно на другое взаимное дѣйствіе, которое и составляетъ магнетизмъ.

Мировая жизнь непремѣнно предполагаетъ и всеобщую, животворную душу, и г. Тестъ вѣрить въ существованіе такой мировой души. Мы далеки отъ-того, чтобы опровергать мнѣніе почтеннаго доктора; замѣтимъ ему только, зачѣмъ онъ такъ боится, чтобы его не обвинили въ пантеизмъ: такого рода опасеніе вредитъ успѣхамъ науки. Наблюдайте факты, выводите изъ нихъ строгія заключенія, и не беспокойтесь о томъ, въ какой отдѣлъ философія войдутъ ваши умозаключенія, тѣмъ болѣе, что намъ кажется, всѣ различія школъ болѣе основываются на словахъ, нежели на фактахъ и часто истину отвергаютъ потому только, что она иногда противорѣчитъ господствующимъ философскимъ мнѣніямъ.

Нѣтъ предвѣдущаго слѣдуетъ, что въ составъ общаго ученія о магнетизмѣ должно войти разсматриваніе всѣхъ законовъ, управляющихъ вселенною. Но г. Тестъ ограничился только проявленіями магнетизма въ животномъ царствѣ, и преимущественно въ чело-вѣческомъ родѣ.

Мы не можемъ долгое время останавливаться на части исторической; но читателямъ совѣтуемъ обратить вниманіе на трудолюбивыя изслѣдованія доктора Теста, на его геніальныя, можно сказать, соображенія, которыя открываютъ проявленіе, дѣйствіе магнетизма во многихъ фактахъ языческой и церковной исторіи. Прочтите еще

страницы, посвященныя Месмеру, имя котораго такъ гремѣло въ концѣ прошедшаго и въ началѣ текущаго столѣтія; посмотрите съ какимъ достоинствомъ, какъ умно и какъ строго судить г. Тестъ этого шарлатана-магнетизѣра.

Дѣйствія магнетизма извѣстны нашимъ читателямъ, и потому не будемъ разбирать ихъ въ подробности, тѣмъ болѣе, что во второмъ номерѣ «Отеч. Записокъ» нынѣшняго года, въ отдѣлѣ наукъ, помѣщена статья «Животный Магнетизмъ», которая исключительно посвящена этому предмету, хотя въ сочиненіи г. Теста приведены опыты очень любопытныя. Скажемъ только объ одномъ новомъ полезномъ приложеніи животнаго магнетизма. Всѣмъ извѣстно, что животный магнетизмъ дѣйствуетъ самъ-по-себѣ, въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, какъ сильное терапевтическое средство; сверхъ того, больной въ состояніи соннабулизма, ясновидѣнія, высказываетъ много драгоценныхъ свѣдѣній о своей болѣзни, которыми можетъ также воспользоваться медикъ. Г. Тестъ предлагаетъ употребить магнетизмъ какъ средство усыпляющее въ трудныхъ хирургическихъ операціяхъ. Наблюдения, приложенныя къ концу третьяго тома, подтверждаютъ, по-видимому совершенно, дѣйствительность магнетизма и въ этомъ случаѣ.

Мы подошли теперь къ самой важной части сочиненія — къ теоріи магнетизма; охотно перевези бы мы безъ сокращенія всю эту главу, въ которой г. Тестъ съ такою ясностью излагаетъ свои идеи о магнетизмѣ; но объемъ статей, помѣщаемыхъ въ этомъ отдѣленіи, принятый нами за правило, составляетъ намъ удовольствоваться только выпискою однихъ предложеній, гдѣ самъ авторъ вкратцѣ повторяетъ свою теорію:

1) Въ природѣ есть извѣстное число матеріальныхъ существъ (substances materielles), которыя соединяются различно между собою и образу-

ютъ всѣ созданія, подлежащія нашимъ чувствамъ.

2) Всѣ тѣла имѣютъ опредѣленную форму; причина этой формы совершенно-неизвѣстна.

3) Всѣ тѣла проникнуты жидкостью невидимую, невѣдомою, которую мы можемъ, однакожь, отдѣлить отъ собственнаго вещества тѣлъ, — это жидкость электрическая. Теплородъ и свѣтъ, по всей вѣроятности, — только различныя проявленія этой жидкости.

4) Жидкость электрическая распространена въ атмосферѣ, даже, очень-вѣроятно, и въ мировомъ пространствѣ; но главные ея резервуары — земной шаръ и созданія, которыя живутъ, проявляютъ и тяготѣютъ на его поверхности.

5) Физики полагаютъ, что электрическая жидкость состоитъ изъ двухъ элементовъ, которые имѣютъ противоположныя свойства, которые могутъ раздѣляться иногда естественнымъ образомъ, но которые постоянно стремятся соединиться между собою.

6) Въ тѣлахъ, оба эти электрическіе элемента находятся въ соединеніи одинъ съ другимъ, уравновѣшиваютъ взаимно другъ друга и дѣйствуютъ, проявляются только, когда который-нибудь изъ нихъ превышаетъ въ количествѣ; въ такомъ случаѣ элементъ господствующій, или точнѣе, тѣло, его содержащее, стремится нарушить равновѣсіе между элементами электрической жидкости въ другихъ тѣлахъ и соединиться съ элементомъ противоположнымъ.

7) Отсюда слѣдуетъ, что тѣла, гдѣ господствуютъ противоположныя электрическіе элементы, взаимно притягиваются; въ противномъ же случаѣ они отталкиваются.

8) Тѣла простыя или сложныя, гдѣ всегда, постоянно или случайно только, господствуетъ одинъ элементъ электрическій, называются тѣлами электрическими или электризованными. Очень-немного такихъ тѣлъ, въ которыхъ элементы электрическіе постоянно уравновѣшиваютъ другъ друга.

9) Электрическое состояніе тѣлъ проявляется гораздо-сильнѣе, если привести ихъ въ соприкосновеніе съ тѣломъ противоположно-наэлектризованнымъ, — на этомъ началѣ основывается вольтовъ столбъ; но соприкосновеніе это должно быть не прямое, не непосредственное, потому-что тогда эти тѣла соединяются между собою, и электрическіе элементы приходятъ въ равновѣсіе. Вотъ вѣроятная причина соединеній химическихъ.

10) Средство между тѣлами тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣче обнаруживаются ихъ противоположныя электрическія состоянія. Есть даже такія тѣла, которыя мгновенно соединяются между собою, если только привести ихъ въ соприкосновеніе, какъ, напримѣръ, потассій и кислородъ.

11) Различныя степени проявленія средства, причину котораго мы показали выше, зависятъ отъ разстояній между тѣлами. Разстоянія могутъ ослабить и увеличить средство, но никогда не уничтожаютъ его. Намъ кажется, средство существуетъ подобно тяготѣнію на всевозможныхъ разстояніяхъ; жидкость электрическая, наполняющая пространство, есть проводникъ средства, и всѣ тѣла естественныя находятся подъ его вліяніемъ.

12) Во всякомъ химическомъ процессѣ соединенія, гдѣ элементы простые связуются между собою, сгущаются (se condensent), отдѣляется извѣстное количество электрической жидкости. Это явленіе сопровождается иногда отдѣленіемъ теплохода и свѣта, особенно когда процессъ происходитъ быстро, когда соединяются большія массы и образуютъ продукты плотнѣйшіе.

13) Жидкость электрическая (все равно находится ли элементы ея въ равновѣсіи, или перевѣсъ на сторонѣ одного элемента) измѣняется въ тѣлахъ подъ вліяніемъ ихъ собственнаго вещества и принимаетъ различныя формы. Такимъ образомъ въ человѣкѣ, въ слѣдствіе особеннаго неизвѣстнаго процесса, жидкость электрическая превращается въ жидкость магнитную.

**ЭЛЕКТРО-ХИМИЧЕСКОЕ ОЧИЩЕ-
НИЕ МѢДНЫХЪ РУДЪ ПОСРЕД-
СТВОМЪ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ ТО-
КОВЪ.** *Способъ и. Дешо и Готье де-
Клобри.* — Бекерель постоянно уже
нѣсколько лѣтъ изучаетъ химическія
дѣйствія, совершающіяся подъ влія-
ніемъ слабыхъ электрическихъ токовъ.
Эти многолѣтнія, трудныя наблюденія
имѣютъ собственно цѣль ученую, теоретическую: показать участіе электричест-
ва въ образованіи коры земнаго
шара. Бекерель представилъ Париж-
ской Академіи Наукъ два мемуара, гдѣ
подробно изложены результаты его из-
слѣдованій, и которые, однакоже, мы
не рассмотрѣли въ этомъ отдѣленіи —
не потому, чтобъ они не были любопыт-
ны для нашихъ читателей, но пото-
му, что они представляютъ пока груду
фактовъ, безъ всякаго общаго значе-
нія; а мы не беремъ на себя смѣлость
выводить законы и сочинять теоріи
очень-остроумныя, какъ это дѣлаютъ
многіе полученные журналисты. Ког-
да трудъ Бекереля будетъ конченъ, не
преминемъ познакомить съ нимъ на-
шихъ читателей...

Съ намѣреніемъ начали мы эту ста-
тью извѣстіемъ объ опытахъ Бекере-
ля, потому-что они служатъ основа-
ніемъ новооткрытому способу гг. Де-
шо и Готье де-Клобри, который мы
намѣрены рассмотреть здѣсь. Точ-
ныя теоретическія изслѣдованія все-
гда наводятъ на полезныя, практиче-
скія открытія. Якоби, наблюдая про-
цессъ химическаго разложенія помо-
щью вольтова столба, открылъ гальва-
нопластинку. Гг. Дешо и Готье де-Кло-
бри повторяли опыты Бекереля и напал-
я на свой способъ электро-химиче-
скаго очищенія мѣдныхъ рудъ, пред-
ставленный ими Парижской Академіи
Наукъ.

Извлеченіе чистой мѣди изъ мѣд-
ныхъ рудъ помощью электрическихъ
токовъ состоитъ изъ двухъ совершен-
но-отдѣльныхъ операций: *обжиганія
руды и осажденія чистой мѣди.*

Мѣдныя руды, которыя наиболѣе
распространены въ природѣ и изъ ко-

торыхъ обыкновенно добывается мѣдь,
составляютъ ея сѣрнистыя соедине-
нія — мѣдный колчеданъ и блестяя
мѣдная руда (Fahlerz). Первая опера-
ція, т. е. обжиганіе, имѣетъ цѣлью эти
естественныя соединенія обратити въ
сѣрно-кислую мѣдь или мѣдный купо-
росъ. На этотъ конецъ ихъ прямо об-
жигаютъ въ отражательной печи или
прокаливаютъ вмѣстѣ съ желѣзнымъ
купоросомъ: въ первомъ случаѣ, они
обращаются въ сѣрнокислую соль подъ
вліяніемъ воздуха одного, а во вто-
ромъ, разлагается желѣзный купоросъ,
окись желѣза отдѣляется; а сѣрная ки-
слота соединяется съ мѣдью.

Продукты обжиганія промываются
въ водѣ, которая извлекаетъ одновѣд-
ный купоросъ и оставляетъ всѣ посто-
роннія, негодныя примѣси, какъ-то
мышьякъ и сурьма.

Осажденіе мѣди изъ сѣрнокислой
соли въ гальванопластинѣ совершает-
ся помощью гальваническихъ прибо-
ровъ, но устройство ихъ сопряжено съ
большими издержками, и по этой при-
чинѣ ихъ нельзя употреблять для опе-
рацій металлургическихъ. Дешо и Го-
тье-де-Клобри успѣли достигнуть того
же результата, уничтоживъ эти прибо-
ры и сдѣлавъ такимъ образомъ свой
способъ совершенно-экономическимъ.

Если мы возьмемъ два раствора —
мѣдный купоросъ и желѣзный купо-
росъ, который имѣетъ меньшую плот-
ность, въ первый помѣстимъ металли-
ческую пластинку, а въ желѣзный купо-
росъ — кусокъ чугуна, и соединимъ
оба эти металла между собою провод-
никомъ, то замѣтимъ, что мѣдь бу-
детъ осаждаться на металлическую
пластинку, находящуюся въ мѣдномъ
купоросѣ. Осажденіе и свойства сама-
го осадка зависятъ и отъ температу-
ры, и отъ густоты растворовъ, и отъ
величины поверхности металловъ, по-
груженныхъ въ нихъ.

Эти наблюденія составляютъ основа-
ніе второй части способа гг. Дешо и
Готье де-Клобри.

Приборъ, употребляемый ими для

разложениа сѣрвокислой мѣды, очень просто и дешево.

Это обыкновенный деревянный ящикъ, обитый внутри свинцомъ или покрытый особенною мастикою, куда наливается желѣзный купоросъ и вляется кусокъ чугуна; въ него вставляется другой ящикъ, раздѣленный внутри на нѣсколько камеръ картонными перегородками, куда вливается мѣдный купоросъ и погружаются желѣзныя пластинки, которыя соединяются проводниками съ чугуномъ, лежащимъ въ желѣзномъ купоросѣ.

Вотъ что происходитъ въ-слѣдствіе этого соединенія.

Чугунъ подлѣ химическимъ вліаніемъ желѣзнаго купороса отдѣляетъ электричество, которое пробѣгаетъ черезъ оба раствора, разлагаетъ мѣдный купоросъ, уноситъ мѣдь чистую и осаждаетъ ее на желѣзныя пластинки. Разложеніе мѣднаго купороса возбуждаетъ новый электрическій токъ, который возвращается черезъ проводникъ и растворяетъ чугунъ, обращая его въ желѣзный купоросъ. Такимъ образомъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, на поверхности желѣзныхъ пластинокъ получаютъ мѣдныя чистыя листы, которые можно прямо ковать и плести.

Электро-химическій способъ, описанный нами, кажется, самый удобный для обработки мѣдныхъ рудъ: мѣдь имѣетъ несчастное свойство растворять свою окись при высокой температурѣ, и потому она обыкновенно содержитъ въ себѣ нѣкоторое количество этой окиси; въ способѣ же гг. Дешо и Готье де-Клобри, мѣдныя руды не плавятся и, слѣдственно, это неудобство совершенно устранено.

Другое важное преимущество электро-химической обработки мѣдныхъ рудъ — дешевизна. Чугунъ — главный, единственный матеріалъ, который здѣсь употребляется и который имѣетъ незначительную цѣнность, а желѣзный купоросъ получается какъ побочный продуктъ въ-слѣдствіе разложенія чугуна.

Наконецъ, въ заключеніе, замѣтимъ, что электро-химическій способъ очищенія мѣдныхъ рудъ даетъ возможность упростить самую гальванопластику и тѣмъ самымъ приложить это важное искусство на большихъ размахъ.

ДВИГАТЕЛЬНЫЯ ЭЛЕКТРО-МАГНИТНЫЯ МАШИНЫ Генри, Дессепорта и Якоби. — Вотъ еще замѣчательное практическое приложеніе явленной электрической жидкости, которое, правда, пока еще находится въ младенчествѣ; но современемъ силъ можно быть увѣрену, что электричество вытѣснитъ паръ, который замѣнилъ въ свою очередь воду, воздухъ и силу животную.

Электро-магнитныя машины не новы въ ученномъ мірѣ; онѣ уже извѣстны съ 1830 года; мы, однакожъ, ни разу не говорили о нихъ подробно, потому что неохотно описываемъ вообще всякія машины, устройство которыхъ не можетъ быть хорошо понято безъ рисунковъ. Но теперь, когда электричество, по своей важности въ практическомъ отношеніи, обращаетъ на себя вниманіе всей просвѣщенной публики, извѣняемъ своему обыкновенію, чтобы показать читателямъ его новую дѣятельность, какъ силы двигающей.

Если мы соединимъ полосу мягкаго желѣза съ проводникомъ — мѣдною проволокою, и пропустимъ черезъ нее гальваническій токъ, полоса наша намагнитится — понятно, почему. Мы можемъ представить себѣ, что въ каждой частицѣ мягкаго желѣза соединены двѣ разнородныя магнитныя жидкости, сѣверная и южная; отъ дѣйствія гальваническаго тока во всѣхъ частицахъ разлагается магнитизмъ, сѣверная жидкость двигается въ одну сторону, а южная въ противную и такимъ образомъ вся полоса намагничивается.

Мы значительно усилимъ намагниченіе желѣза, если, вмѣсто того, чтобы приложить его къ проводокъ, обовьемъ этою проволокою спирально. Такое усиленіе дѣйствія замѣтилъ Араго, и

внѣмъ способомъ получали сильныя магниты, которые въ-состояніи были держать до 2063 фунтовъ.

Желѣзо сохраняетъ свой магнетизмъ, пока находится подъ вліяніемъ электрическаго тока; внѣ этого вліянія оно теряетъ свои чудныя свойства.

Этотъ электрическій, гальваническій магнетизмъ или электро-магнетизмъ, какъ его обыкновенно называютъ, находится вообще въ строгой зависимости отъ тока: его сила прямо пропорціональна силѣ намагничивающаго тока; съ измѣненіемъ даже направленія тока, измѣняется положеніе полюсовъ въ электро-магнитахъ.

Устройство электро-магнитныхъ двигательныхъ машинъ совершенно основывается на фактахъ, которые мы приведемъ сейчасъ.

Неизвѣстно, кто первый изобрѣтатель этихъ машинъ; вѣроятно, многимъ пришло въ голову употребить электро-магнетизмъ какъ двигающую силу; въ-самомъ-дѣлѣ, факты, изложенные нами выше, должны внушить эту простую мысль всякому думающему человеку.

Самый простой способъ приложить электро-магнетизмъ къ движенію и который, вѣроятно, первый представился, состоитъ въ томъ, чтобъ притягивая и отталкивая якорь отъ электро-магнита, заставить этотъ якорь дѣйствовать подобно поршню паровой машины.

Такого рода электро-магнитную машину устроилъ Генри.

Коромысло изъ мягкаго желѣза было обвито съ обѣихъ концовъ нѣдкою проволокою. Концы этого коромысла, которое на своей оси могло обращать въ вертикальной плоскости, были загнуты внизъ, и подъ ними, въ разстояніи одного дюйма, были поставлены два стальные магнита одноименными полюсами, на-примѣръ, сѣверными, вверхъ. Концы проволоки, обвивающихъ коромысло, были также загнуты внизъ, и подъ ними стояли чашечки со ртутью, которыя сообщались съ гальваническимъ приборомъ. Вотъ

и вся машина; какъ просто ее строеніе, такъ же точно просто и самое дѣйствіе.

Положимъ, что коромысло стоитъ горизонтально, тогда черезъ него не проходитъ никакого тока. Но когда мы нагнемъ одинъ конецъ его, тогда концы проволоки, входящіяся на этой сторонѣ, погрузятся въ стоящія подъ ними чашечки со ртутью, — токъ пройдетъ черезъ спираль и возбудитъ въ опустившемся концѣ коромысла сѣверный магнетизмъ; слѣдовательно, этотъ конецъ оттолкнется, а другой конецъ коромысла, получившій въ то же время южный магнетизмъ, будетъ притягиваться стоящимъ подъ нимъ сѣвернымъ полюсомъ магнита. Въ-слѣдствіе этого, коромысло нагнется въ другую сторону, но тогда другая пара проволоки погрузится въ чашечки со ртутью: коромысло пріиметъ противный магнетизмъ, отъ-чего произойдетъ обратное движеніе, и такимъ образомъ движеніе коромысла будетъ непрерывное, точно такъ же, какъ въ паровой машинѣ.

Генри говоритъ, что устроенная имъ модель машины дѣйствовала цѣлый часъ съ равномерною скоростью 78 качаній въ минуту. Въ большихъ машинахъ, стальные магниты должны быть замѣнены электро-магнитами.

Но легко видѣть неудобство всѣхъ этихъ машинъ съ переменнымъ движеніемъ вверхъ и внизъ. Здѣсь будетъ необходимо потеря живой силы, потому-что мы должны безпрестанно уничтожать скорость электро-магнита и уничтожать именно въ тотъ моментъ, когда она пріобрѣтаетъ свою наибольшую величину. Но кромѣ того, зачѣмъ при устройствѣ электро-магнитныхъ машинъ брать намъ примѣръ съ устройства паровыхъ машинъ, когда и тамъ качательное движеніе признано неудобнымъ, когда столько механиковъ, начиная отъ Уатта до нынѣшняго времени, постоянно старались получить вращательную паровую машину и когда, наконецъ, въ электро-магнитныхъ машинахъ полученіе прямо-враща-

тельного движеніи не представляеть никакой трудности?

Девенпортъ, въ Америкѣ, кажется, первый устроилъ вращательную электро-магнитную машину.

Она состоитъ изъ деревяннаго круга, на которомъ помѣщены стальные магниты. Электро-магниты находятся внутри его; они соединены накрестъ и могутъ обращаться на вертикальной оси; проволоки, обвивающія ихъ, идутъ внизъ по оси и своими концами касаются коммутатора, — это кругъ, раздѣленный на четыре сектора, изъ которыхъ первый и третій соединены съ цинковыми полюсами гальванической батареей, а второй и четвертый съ мѣднымъ.

Процессъ самаго дѣйствія въ этой машинѣ, собственно говоря, ничѣмъ не отличается отъ вышеописаннаго, хотя и онъ производитъ другой результатъ; токъ проходитъ здѣсь также черезъ проволоки попеременно въ различныхъ направленіяхъ, намагничиваетъ электро-магниты и, измѣняя безпрестанно въ нихъ положеніе магнитныхъ полюсовъ, то привлекаетъ, то отталкиваетъ ихъ отъ полюсовъ магнитовъ неподвижныхъ, и такимъ образомъ сообщаетъ этимъ электро-магнитамъ вращательное движеніе.

Перейдемъ теперь къ машинѣ Якоби. Она была описана въ сочиненіи его *Mémoire sur l'application de l'électromagnétisme au mouvement des machines*.

На неподвижномъ кругѣ укрѣплено перпендикулярно къ плоскости круга нѣсколько электро-магнитовъ, которые замѣняютъ здѣсь естественные магниты. Подобнымъ образомъ укрѣплены электро-магниты на другомъ кругѣ подвижномъ, который можетъ обращаться на горизонтальной оси. Онъ находится прямо противъ неподвижнаго круга. Направленіе токовъ въ электро-магнитахъ подвижнаго круга перемѣняется посредствомъ коммутаторовъ, и обращеніе машины производится точно такъ же, какъ въ машинѣ Девенпорта.

Вотъ всѣ извѣстныя попытки употребить электро-магнетизмъ какъ двигающую силу—попытки эти пока можно назвать еще игрушками. Для электро-магнитныхъ двигательныхъ машинъ еще не явился новый Уаттъ, которому предстоитъ побѣдить всѣ практическія трудности и перевести такимъ образомъ изобрѣтеніе изъ науки въ жизнь, изъ теоріи въ практику...

Ожидаемъ и надѣемся, потому-что самая попытка Девенпорта доказываетъ возможность подобнаго явленія.

ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ АЛТАЙСКАГО ХРЕБТА.—Въ началѣ нынѣшняго года, въ январской книгѣ, помѣстили мы орографическое описаніе Алтайскаго-Хребта: это была первая часть обширнаго труда нашего русскаго путешественника г. Петра Чихачева. Теперь этотъ трудъ совершенно конченъ, напечатанъ въ Парижѣ, и вышелъ на-дняхъ въ великолѣпномъ изданіи съ картами и рисунками и полученъ въ Петербургѣ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, г. Чихачевъ представилъ Парижской Академіи Наукъ вторую часть его, то-есть, геологическое описаніе замѣчательнаго хребта нашей Сибири. Спѣшивъ подѣлиться съ читающею публикою этою новостью, которую заимствуемъ пока изъ донесенія Эля-де-Бомона, рассматривавшаго сочиненіе г. Чихачева по порученію академіи, и вскорѣ надѣемся представить болѣе-подробный отчетъ объ немъ.

Г. Чихачевъ начинаетъ описаніемъ породъ плутоническихъ: въ Алтайскомъ-Хребтѣ онъ находилъ граниты, сіениты, діориты, порфиры, мелафiry и зифевики.

Тамошнюю гранитную формацию составляютъ: 1) гранитъ сіенитовый или сіенитъ настоящій; 2) истинный гранитъ, крупнозернистый болѣе или мѣнѣе, красноватаго или бѣловатаго цвѣта и 3) гранитъ порфировидный.

Діоритовыя породы достаточно распространены въ Алтайскомъ-Хребтѣ, особенно онѣ встрѣчаются на сѣверо-

сѣверо-востокѣ, сѣверо-востокѣ и сѣверо-сѣверо-западѣ отъ Телецкаго Озера, по юго-восточному склону цѣпи Алату и вдоль сѣверо-восточнаго склона цѣпи салаирской.

• Трудно говорить г. Чихачевъ: • пока рѣшить, имѣютъ ли эти діоритовыя массы одинаковую древность; вѣроятно, подобно сіенитамъ, онѣ принадлежать къ различнымъ эпохамъ, • потому-что часто находятъ обломки гранита въ діоритахъ, которые въ видѣ жилъ пересѣкаютъ гранитъ: кажется, діориты самыя древнѣйшія произошли прежде кварцовыхъ порфировъ, послѣ которыхъ уже поднялись діориты новѣйшія.

Въ Алтаѣ встрѣчаются порфиры двухъ видовъ:

1) Порфиръ кварцовый.

2) Меллафиръ.

Первый находится особенно въ Зиѣвскомъ-Узвѣдѣ, гдѣ онъ составляетъ металлонсныя мѣсторожденія, и на высотахъ корговскихъ. Въ Зиѣвѣ порфиръ образуетъ пласты или жилы только очень-правильныя въ сланцахъ глинистыхъ и хлоритовыхъ; кажется, онъ соединяется съ гранитомъ.

На высотахъ корговскихъ, порфиръ подымается посреди коралловаго известняка и, по видимому, онъ поднялся гораздо-позже зиѣвскаго порфира.

Меллафиры алтайскіе г. Чихачевъ наблюдалъ по-обойнѣ берегамъ потока Дыхбахскаго, близъ источниковъ Чуи и потока Янгу-Аляскаго, между рѣкою Абаканомъ и ея притокомъ Ташлиномъ, по обойнѣ берегамъ Енисея, между деревнями Байналово и Тессе, и вдоль потока Вирнукульскаго.

Всѣ эти меллафиры по составу своему совершенно-однородны и, кажется, подобно новѣйшимъ діоритамъ, образовались послѣ кварцовыхъ порфировъ.

Зиѣвники образуютъ цѣлые конические холмы на правомъ берегу Чуи.

Осадочныя породы въ Алтайскомъ-Хребтѣ пересѣчены гранитомъ и находятся вообще въ состояніи превращенномъ, что ясно обозначается почти-повсемѣстнымъ нахожденіемъ сло-

ды. Обширныя округленныя возвышенности, которыя составляютъ отличительный характеръ гористыхъ мѣстностей Алтая, состоятъ почти исключительно изъ сѣрой вакии и сланцовъ — породъ метаморфическихъ.

Гнейсъ рѣдокъ въ Алтаѣ и представляетъ здѣсь только мѣстное назѣненіе гранита.

Слоистыя почвы (terrains) Алтая относятся къ этому большому классу осадочныхъ породъ, которыя назѣтны были прежде подъ именемъ *переходныхъ*.

Г. Чихачевъ различаетъ здѣсь въ этой категоріи: 1) системы силурійскую и девонскую и 2) почвы, которыя называетъ онъ *древними неопредѣленными* (terrains anciens indéterminés), потому-что нельзя имъ назначить настоящаго мѣста въ геологической классификаціи по недостатку палеонтологическихъ характеровъ.

Метаморфизмъ — результатъ содѣйствія съ расплавленными плутоническими породами — совершенно уничтожилъ всѣ признаки палеонтологическіе (остатки животныхъ и растений), выннлъ, такъ-сказать, въ одну форму эти массы — разнородныя по своему происхожденію и составу.

Впрочемъ, минералогическій составъ породъ, образующихъ эту древнюю, неопредѣленную почву, довольно-простъ: глинистый сланецъ, известнякъ и кварцъ представляютъ здѣсь господствующіе элементы.

Вѣроятно, значительная часть этой древней, неопредѣленной почвы должна войти въ силурійскую систему; но г. Чихачевъ относитъ къ этой послѣдней собственно пласты, лежащіе на южномъ склонѣ цѣпи Алату. Они состоятъ, какъ показываютъ изслѣдованія горныхъ инженеровъ Соколовскаго и Фрезе, изъ чернаго известняка и глинистаго сланца, которые мѣстами пересѣкаютъ породы пироксеповыя, амфиболовыя, массы гранита и сіенита. Судя по ископаемымъ остаткамъ *сверлуши* (terebatulula prisca et gigantea), находящих-ся здѣсь въ известковыхъ осадкахъ,

пласты эти непременно надобно отнести къ смурійской системѣ.

Представители девонской системы занимаютъ въ Алтаѣ небольшое пространство. Г. Чихачевъ полагаетъ, что съ большою вѣроятностью можетъ быть отнесена къ ней иѣкоторая часть древней неопредѣленной почвы, особенно находящаяся въ западномъ Алтаѣ; но пока, въ ожиданіи дальнѣйшихъ наблюдений, которыя должны превратить эту вѣроятность въ несомнѣнность, онъ приводитъ только три девонскія полосы — змѣвскую, томскую и енисейскую.

Первая занимаетъ пространство между Змѣвымъ, деревней Екатерининской и большими послѣпотопными осадками, составляющими западную границу Алтая; судя по характерамъ палеонтологическимъ, эту полосу смѣло можно отнести къ девонской системѣ.

Вотъ ископаемыя, собранныя г. Чихачевымъ здѣсь въ окрестностяхъ черепановскихъ и змѣвскихъ рудниковъ:

Calymene Macroptalma.
Productus Subaculeatus.
Terebratula Prisca.
Terebratula var. explanata
Orthis concentrica.

Terebratula — новый видъ, близкій къ *Terebratula ventilabrum.*

Spirifer Speciosus.
Spirifer alatus.
Spirifer Verneuilii.

Leptoena — новый видъ, близкій къ *Leptoena lata*

Leptoena lata.
Cyathophillum turbinatum
Gorgonia in fundibuliformis
Стебли энкринитовъ.

Осколки ортоцератитовъ.

Эти остатки большей частью неполные, обломанные, находятся въ известковомъ сланцѣ, который представляетъ не главный, а побочный только членъ между порфирами — глинистымъ сланцемъ и гранитомъ, образующими змѣвскую девонскую формацию.

Близъ томскихъ заводовъ, г. Чихачевъ собралъ слѣдующія ископаемыя, также характеризующія систему девонскую:

Asaphus striatus.
Pilepsis proava.
Enomphalus issedou.
Solarium priscum.
Calamopora fibrosa.
Calamopora spongites
Calamopora polymorpha.
Cyathophillum turbinatum.
Petraca Celtica.
Ostrea mamillaris.
Cyathophillum heleonthoides.
Cyathophillum quadrigenium.

Эти остатки ракообразныхъ и слизней находятся въ сѣро-пепельномъ вулканѣ известнякѣ; который занимаетъ здѣсь довольно — обширный бассейнъ. Вѣтвями своими признаками онъ представляетъ большое сходство съ каменноугольными известняками, но палеонтологическіе его характеры прямо назначаютъ ему мѣсто въ девонской системѣ.

Г. Чихачевъ успѣлъ также открыть въ окрестностяхъ Ридерска, Зырянска и Салавра, между осадочными породами, англійскую каменноугольную систему (mountain limestone), которую Мурчисонъ, Вернейль и Кейзерлингъ нашли въ Европейской-Россіи.

Плотный, слоистый, сѣро-пепельный известнякъ и сланцеватая глина, мѣстами соединенная съ полевошпатовымъ песчанникомъ, который переходитъ то въ известковый, то въ глинистый, то въ слюдистый сланцы, составляютъ ридерскую каменно-угольную почву.

Здѣсь въ рудникахъ — Ридерскомъ, Николаевскомъ, лежащихъ на лѣвомъ берегу Убы въ окрестностяхъ деревень Лоциха, Тарахареска, г. Чихачевъ собралъ слѣдующія окаменѣлости слизней, характеризующія каменноугольную систему:

Productus antiquatus.
Retepora mrembranacea.
Spirifer близкій къ *Spirifer Bronnii.*
Orthis crenistria
Orthis umbraculum.

Зырянскій каменноугольный бассейнъ, который отдѣляетъ одинъ гранитный гребень отъ ридерскаго, состоитъ изъ сѣраго известняка болѣе или

жесть сланцеватого, и сланцев-глинистаго, талькового и хлоритоваго; послѣдній содержитъ въ себѣ жмыли гнѣзда металлового роговика и сѣрно-кислаго барита.

Въ выриновскомъ бассейнѣ, близъ деревни Таловки, г. Чихачевъ собралъ также окаменѣлости, характеризующія каменноугольную формацию.

Spirifer mosquensis.

Spirifer trigonalis.

Spirifer Verneulli.

Productus antiquatus.

Productus punctatus.

Productus punctatus affinis.

Productus Bronnii.

Наконецъ, въ Салаирскомъ-Уѣздѣ каменно-угольная почва образуетъ овальный бассейнъ довольно-обширный, который оканчивается у рѣки Оби. Между породами, составляющими его, особенно замѣчательны разнообразныя известняки, гдѣ находится множество окаменѣлостей каменноугольной формации:

Retepora rotiformis.

Productus antiquatus.

Orthis arachnoides.

Eschara scalpellum.

Г. Чихачевъ нашелъ въ Алтай почву новѣе предъидущихъ, которая представляетъ большую аналогию съ краснымъ песчанникомъ. Все видимо свидѣтельствуетъ, что она есть произведение послѣдней части палеозойческаго періода; но г. Чихачевъ, всегда осторожный въ своихъ заключеніяхъ, въ ожиданіи новыхъ наблюденій относитъ сомнительную почву также къ каменноугольной системѣ.

Эта почва занимаетъ пространство между цѣною Алату и рѣками Чумашъ, Ковдома, Мрасса и Усса. Г. Чихачевъ называетъ ее *бассейномъ кузнецкимъ*.

Породы, господствующія въ этомъ бассейнѣ,—песчанники сѣроватые или желтоватые, мергель, мергелистый известнякъ, и известковый песчанникъ, мелкозернистый, темнаго цвѣта, и очень-твердый.

Въ мергеляхъ и песчанникахъ находится множество остатковъ растений—

Т. ХLI. — Отд. VIII.

каламитовъ (*anarthroceana*), папортниковъ (*sphenopteris*, *neuropteris* и *podgorathia*), и двусѣмянодобныхъ (*araucaria*).

Въ основаніи кузнецкаго бассейна лежатъ пласты каменнаго угля, который, какъ показываютъ химическіе анализы Бертье, относится къ породѣ антрацитовъ.

Каменный уголь открытъ во многихъ мѣстностяхъ, начиная отъ города Кузнецка и до рѣки Ини, то-есть вдоль всей оси кузнецкаго бассейна, и очень вѣроятно, что онъ образуетъ его основаніе на цѣломъ его протяженіи. Въ такомъ случаѣ, въ Сѣверномъ-Алтаѣ находится самое огромное мѣсторожденіе каменнаго угля въ цѣломъ свѣтѣ, длиною слишкомъ 150 верстъ и шириною 100 верстъ.

Неизвѣстно, на какихъ породахъ лежитъ каменный уголь въ Алтайскомъ-Хребтѣ; сосѣдство известняка заставляетъ предполагать, что онъ образовался на днѣ моря: «И очень можетъ быть» говорить г. Чихачевъ: «что обширный кузнецкій бассейнъ занимаетъ теперь мѣсто древняго залива морскаго, котораго берегомъ была цѣна Алату.»

Большая часть металлоносныхъ мѣсторожденій въ Алтайскомъ-Хребтѣ находится въ породахъ непутическихъ. Самые знаменитые рудники заключаются въ системѣ девонской и каменноугольномъ известнякѣ.

Наносная почва Алтая состоитъ, какъ и вездѣ, изъ обломковъ породъ, образующихъ его твердый остовъ; одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ея характеровъ составляетъ золото, разбросанное въ большемъ или меньшемъ изобиліи между этими обломками.

Г. Чихачевъ замѣчаетъ, что золото въ этой наносной почвѣ, которая составляетъ знаменитыя сибирскія россыпи, находится обыкновенно близъ дюритовыхъ породъ и дѣятельности ихъ, именно ихъ подаятію, кажется, приписываетъ онъ происхождение этого *золота дна Сибири*.

Вода разбросала потомъ уже облом-

ни древней почвы, которую разорвали поднявшиеся диориты и расположили ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они теперь находятся. Этотъ второстепенный дѣйтель работалъ не вездѣ съ одинаковою силою: въ однихъ мѣстахъ, горизонтальное слоистое расположеніе наносной почвы свидѣтельствуетъ о медленномъ, тихомъ дѣйствіи воды, но съ другой стороны огромныя массы желѣзной охры, находящіяся въ томскихъ и саянскихъ золотоносныхъ россыпяхъ, заставляютъ предполагать, что потокъ воды, который несъ ихъ отъ Восточнаго-Алтая, гдѣ заключаются богатые исторожденія желѣзной охры, долженъ имѣть значительную силу и быстроту.

Разсмотрѣвъ такимъ - образомъ съ совершенною точностью, какъ того требуютъ современное состояніе науки, различныя породы, составляющія Алтайскій-Хребтъ, г. Чихачевъ старался показать и перевороты, слѣды которыхъ встрѣчаются здѣсь безпрестанно почти на каждомъ шагѣ.

Вообще, онъ предполагаетъ, что эти перевороты очень-древни, какъ доказываетъ совершенное отсутствіе трахитовъ и всѣхъ новѣйшихъ вулканическихъ породъ. «Всѣ древнія породы «Алтая, прирваны теперь золотыми россыпями, подымаюсь прежде вторичной эпохи. Золотыя же россыпи временныя мамонтамъ и носорогамъ, и происхождение ихъ недалеко отъ насъ.»

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

новѣйшія открытія и изобрѣтенія.

Въ Лондѣи выдуманы новый способъ для тушенія пожаровъ. Огонь не заливаютъ водою, но стрѣляютъ въ него сѣкью изъ угля, семитра и алаба-

стра. Этотъ составъ производитъ большое количество газа, котораго дымомъ въ одно мгновеніе тушится самое сильное пламя. Во время пожара, газотелный составъ впускается въ обыкновенную кожаную кишу пожарной трубы и направляется на то мѣсто, гдѣ сильно горитъ огонь. Пламя, объятое этимъ газомъ, мгновенно потухаетъ.

— Знаменитый изобрѣтатель актротипа не сложилъ рукъ послѣ блистательнаго національнаго гражданства, данного ему за его открытіе: онъ все еще продолжаетъ занимать полезными изобрѣтеніями и недавно нашелъ средство въ три мѣсяца давать такой ростъ и развитіе каждому молодому дереву, какого оно могло бы достигнуть только въ теченіе трехъ лѣтъ, предоставленное своему естественному росту. Онъ уже на-сѣкомъ-дѣлѣ производилъ такія египетскія деревья, и оцѣнки его оказались совершенно-удовлетворительными.

— Голландецъ Дростъ изобрѣлъ новое средство оживлять увядшія и засохшія растенія, листья, почки, стебли, и проч., такимъ-образомъ, что чрезъ два или три дня они снова оживаютъ и ихъ можно посадить въ свѣжую землю. Надобно развести кусочекъ какаофа въ водѣ съ спиртъ (alkohol), прибавитъ къ нему рѣчной или дождевой воды, и окунуть въ эту смѣсь засохшія растенія. Этотъ способъ чрезвычайно-хорошъ для тѣхъ растеній, которыя долгое время были везены моремъ или сухимъ путемъ, и во время дороги совершенно увяли и засохли. Даже можно окунуть въ этотъ растворъ ильме бутылки, увядшія отъ времени и холода.

— На одномъ лондонскомъ рынкѣ недавно продавали исколнскую сваржу, которой одна ослена изъ сотни стеблей потянула 15 фунтовъ. Эта чудная сваржа вырощена была на земляхъ, орошаемыхъ кипяченою водою переработанномъ обливательнаго сваряла, называемого термосионъ (thermosion); кипятокъ заступилъ мѣсто обыкновеннаго навоза. Нынѣе начали въ Ан-

глин, особенно въ окрестностяхъ большихъ городовъ, произращать разныя огородныя растенія съ помощію горячей воды. Въ Парижѣ огородники также произращаютъ горохъ, бобы, дыни и спаржу посредствомъ термосифона, т. е. обливанія грядъ кипящею водою, вмѣсто удобренія навозомъ, который съ каждымъ годомъ поднимается въ цѣнѣ. Хотя въ столицѣ Франціи считается до 50,000 каретныхъ и рабочихъ лошадей, но онѣ даютъ въ годъ не болѣе 15,000 возовъ назема, а каждый возъ стѣитъ 14 франковъ, ибо этотъ продуктъ въ большомъ количествѣ употребляется для произращенія сморчковъ и другихъ искусственныхъ породъ грибовъ.

— Въ Лондонѣ недавно изобрѣтена электрическая пушка, которая выстрѣливаетъ безъ пороха тысячу ядеръ въ минуту съ удивительною силою и быстротою. Подъ пушкою находится особый снарядъ, который даетъ ей чрезвычайную силу палить безъ пороха. Этотъ снарядъ, везомый одною только лошадыю, имѣетъ метательную силу, превосходящую силу всякаго обыкновеннаго орудія. Устройство снаряда остается доселѣ тайною изобрѣтателя.

— Въ Лондонѣ же изобрѣли новаго рода механическій экипажъ, называемый «rod-mechan», на которомъ можно весьма-быстро ѣздить безъ лошадей, и вращающій экипажемъ приводитъ въ движеніе весь механизмъ своими ногами. Подмечень на желѣзной дорогѣ можетъ съ успѣхомъ тягаться съ паровозами, но на обыкновенной мостовой ему представляется много препятствій отъ неровности земли.

— Англичанинъ Пью (Pew) изобрѣлъ новую обмазку для деревянныхъ и каменныхъ стѣнъ, неогараемую и рѣшительно-безопасную отъ пожаровъ. Надоно брать крѣпкаго и чистаго известковаго камня, безъ всякой примѣси песка, глины или другихъ веществъ; если гдѣ есть въ изобиліи бѣлый мраморъ, то всего лучше употребить его въ дѣло. Известковый камень надоно обжечь въ печи, истолочь въ порошокъ

и просѣять, потомъ смѣшать съ двумя частями жженой, столченной въ порошокъ, глины. Эту смѣсь можно сохранять долго въ сухомъ, защищенномъ отъ вѣшняго воздуха, мѣстѣ. Для употребленія въ дѣло порошка надоно прибавить къ нему четвертую часть воды и перемѣшать порядочно эту смѣсь лопаткою. Тѣстомъ, которое получено такимъ-образомъ, надоно покрыть всѣ деревянныя части дома — стропила, рамы, бревенчатыя стѣны, и проч., которыя отъ этой обмазки сдѣлаются совершенно-неогараемыми. Эта штукатурка вовсе не пропускаетъ въ себя сырости и не трескается отъ жара. Если она хорошо приготовлена, то служитъ вѣчно и принимаетъ на себя вначалѣ, когда еще не высохла, краски всѣхъ цвѣтовъ.

— Въ Парижѣ каменотесецъ Сильвестръ дѣлаетъ непромокаемые и совершенно-безопасные отъ сырости кирпичи слѣдующимъ-образомъ. Онъ распускаетъ 19 лотъ мыла въ 8 фунтахъ воды и потомъ обмазываетъ кистью каждый кирпичъ, наблюдая, чтобъ не было мыльной пѣны. Приготовленные такимъ-образомъ кирпичи, надоно просушивать цѣлыя сутки, потомъ снова обмазать ихъ составомъ изъ 12 лотъ квасцовъ, распушенныхъ въ 32 фунтахъ воды. Все это надо дѣлать въ сухую, ясную погоду. Стѣны, складенныя изъ приготовленныхъ такимъ образомъ кирпичей, совершенно не пропускаютъ въ себя ни дожда, ни сырости.

— По разчисленію астронома Груйтгуйзена, наша земля существуетъ уже 1,440,291 годъ; она еще обернется около солнца 1,050,000 разъ и потомъ упадетъ въ это огромнѣйшее свѣтило и сгоритъ до-тла. — Натуралистъ Малевѣ рассказываетъ о плавающихъ въ водѣ инфузоріяхъ, которыя въ 27 милліоновъ разъ менше сырнаго червячка; Мухомбровъ утверждаетъ, что есть инфузоріи, которыя въ 100 милліоновъ разъ менше песчинки, и что солнечный лучъ въ 5000 милліоновъ разъ тоньше человѣческаго волоса. — Фокъ, въ своей «Нату-

ральной Исторіи», говорить, что муха въ обыкновенный полетъ машетъ своими крыльями 600 разъ въ секунду, а если ее гоняютъ, то быстрота движениа ея крыльевъ еще увеличивается.— Знаменитый Ньютонъ вычислилъ, что комета, появившаяся въ 1680 г., такъ близко находилась у солнца, что должна была выдерживать жаръ въ 2000 разъ сильнѣйшій, чѣмъ жаръ раскаленнаго желѣза.— Реомюръ нашелъ, что сила внутренняго давленія желудка курицы достигаетъ до 430 фунтовъ, а Робертъ Бойле утверждаетъ, что унца мускатнаго орѣха въ шесть дней испаряетъ свой запахъ на пять съ половиной грановъ.— Одинъ натуралистъ говоритъ, что дикая коза чувствуетъ за 300 шаговъ присутствіе собаки, что тончайшее чутье послѣдней можетъ пронюхать 2,322,000,000,000 грана, а Человѣческій носъ 222,372,000 грана какаго-нибудь сильно пахучаго вещества.— Знаменитый Линней узналъ, что быки и коровы могутъ ѣсть 276 разныхъ породъ травъ, и 218 вовсе не употребляютъ въ пищу. Козы ѣдятъ 449 породъ травъ и не ѣдятъ 126; овцы ѣдятъ 387, не ѣдятъ 141; лошади ѣдятъ 260, не ѣдятъ 212; свиньи ѣдятъ 70, не ѣдятъ 171. — Въ Реннѣ недавно упалъ съ неба метеорологическій камень и одинъ астрономъ вычислилъ, что если действительно этотъ камень свалился съ какой-нибудь звѣзды, то онъ долженъ былъ летѣть на нашу планету по крайней-мѣрѣ 70,000 лѣтъ.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ.

Въ Германіи жалуются на то, что Нѣмцы много курятъ табака, но что ихъ страсть курить въ сравненіи съ страстью Испанцевъ! Въ Испаніи курятъ сигары всѣ сословія народа—отъ малаго до большаго. Въ всѣхъ знатныхъ домахъ курятъ не только мужчины, но и дамы за чаемъ; во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ судьи и члены также курятъ сигары во время засѣданій,

и расходъ на табакъ ставится на счетъ казны. Въ Кадиксѣ одинъ членъ магистрата выкуривъ на казенный счетъ, во время засѣданій, на 100 талеровъ сигаръ. Если испанскій чиновникъ разъѣзжаетъ по казенной надобности, по провинціямъ, то выкуренныя сигары во время своего пути также ставятъ на счетъ казны. Если какой-нибудь полкъ входитъ въ городъ для занятія карауловъ, то жители стараются приобрести любовь солдатъ не иначе, какъ угощая ихъ сигарами. Известно, что во всѣхъ испанскихъ театрахъ зрители курятъ табакъ, но многіе либералы осмѣливаются даже ходить въ церкви съ зажженными сигарами. Во время парадовъ и полковыхъ эзерциій, вы часто увидите солдатъ, которые въ строю курятъ; даже бандитамъ, поймааннымъ бродягамъ и плѣннымъ дезертирамъ, идущимъ въ кандалахъ за крѣпкимъ конвоемъ, позволено курить сигары.

— Англійской службы подполковникъ Слейменъ, описавшій свое путешествіе по Восточной-Индіи въ 1844 г., говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Индусы имѣютъ странный обычай соединять брачными узами неодушевленные предметы, на-примѣръ, они женятъ дерево на прудѣ, камень соединяютъ съ какимъ-нибудь кустарникомъ, и т. д. Свадьбы такого рода совершаются съ большими церемоніями и стоятъ значительныхъ расходовъ. Если туземецъ устроить въ своемъ домѣ садъ, то не будетъ ѣсть ни одного плода отъ своихъ деревъ прежде, нежели такое дерево не женитъ на деревѣ тамириндовомъ, жасминномъ и т. п. Соединеніе брачными узами деревъ производится въ присутствіи нѣсколькихъ браминновъ и съ большою церемоніею. Если кто выкопаетъ въ своемъ саду прудъ или колодезь, то не будетъ нзъ него прежде пить воды, пока такой водоемъ не женитъ на деревѣ. Для этой цѣли, обыкновенно, сажаютъ на берегу пруда или колодца банановое или другого рода дерево. Богатый раджи орингскій ежегодно правдуется, съ нимъ

ными церемоніями, женитьбу селиграма съ тульзи. Селиграфомъ называются маленькіе рѣчные камешки, на которыхъ, по мнѣнію Индійцевъ, отпечатано самою природою изображение бога Вишну. Если кто осмѣлится разбить такой священный камень, то подвергается не только божеской казни, но и страшному ищенію самого народа. Тульзи называется священный кустъ (*asimure sanctum*), который ежегодно соединяютъ брачными узамъ съ камешкомъ-селиграфомъ. Свадьба такого рода производится съ пышною церемоніею въ присутствіи самого раджи и множества народа. Въ процессіи идутъ восемь слоновъ, двѣсти верблюдовъ, и четыре тысячи лошадей, богато-убранныхъ сбруею и попоами. На переднемъ слонѣ, увѣшанномъ золотомъ парчою, везутъ священный камешекъ селиграфъ къ ея жениху тульзѣ-кусту. Обрядъ вѣчанія производится точно такой же, какъ между людьми, и по окончаніи церемоніи кустъ и камень кладутъ на цѣлый годъ въ храмъ Вишну. На этомъ празднествѣ бываетъ ежегодно до 100,000 народа, который раджи угощаетъ на свой счетъ.

— Употребленіе вилокъ за обѣдомъ долгое время считалось въ Европѣ все-ненужною роскошью; даже у самыхъ богатей ихъ очень-рѣдко находили. Въ средніе вѣка, во время обѣдовъ при разныхъ дворахъ были весьма-странные обычаи. Напр., при коронаваніи королевы Анны Боленъ, одна фрейлина сидѣла подъ столомъ у ногъ королевы и держала платокъ, въ который королева плевала во время обѣда. Королева Елизавета не употребляла за столомъ вилокъ, хотя въ то время вилки уже были извѣстны и сама королева получила въ подарокъ отъ разныхъ монарховъ Европы нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ вилокъ. Народъ вообще ненавидѣлъ вилки и продолжалъ брать кушанье пальцами. Одинъ англичанскій священникъ произнесъ на кафедрѣ апостолу противъ вилокъ и утверждалъ, что вилки — дьявольское изобрѣтеніе, что Богъ показалъ лю-

дямъ брать пищу не иначе, какъ пальцами. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этой оригинальной проповѣди, вилки все еще считались роскошною рѣдкостью въ Англіи. Въ 1652 году, сказано было въ одной английской книгѣ слѣдующее: «Нѣкоторые богатые модники начали у насъ вводить въ употребленіе вилки; этотъ обычай перешелъ къ намъ въ Англію изъ Италіи и Голландіи». Послѣ того, вилки начали появляться уже за столомъ аристократовъ.

— Въ газетахъ часто упоминается о извѣстной королевѣ Маркизскихъ-Острововъ, Помарѣ. Одинъ французскій туристъ, бывшій недавно на Маркизскихъ-Островахъ, видѣлъ знаменитую Помарѣ и описалъ ее слѣдующимъ образомъ: «Ея величество очень-высока ростомъ и несоразмѣрно-толста; глаза у ней выразительны и полны южнаго огня. У ней было много дѣтей, но почти всѣ они померли въ малолѣтствѣ, кромѣ четырехъ, оставшихся въ живыхъ — трехъ принцевъ и одной принцессы. Она живетъ въ Таити, въ обширной и красивой хижинѣ, изъ которой прелестный видъ на море; но любимое ея мѣсто есть просто-устроенный на столбахъ навѣсъ, открытый со всѣхъ сторонъ и называемый Ноураз-Ноураз». Французъ-туристъ на первой данной ему аудіенціи увидѣлъ королеву безъ всякой одежды, съ однимъ только маленькимъ передничкомъ около пояса. Ея величество любитъ свободу во всемъ и, никого не женившись, купается съ своею свитою по нѣсколькимъ разъ въ день въ морѣ, плавая около иностранныхъ кораблей. Англійскіе морскіе офицеры находятъ эти морскія эволюціи весьма-неблагопрістойными. Англійскій консулъ и миссіонеръ Притчардъ нѣсколько разъ упрекалъ королеву въ неблагопрістойности ея поведенія, и Помарѣ не смѣлъ ему противиться, но старается какъ-можно избѣгать строгаго его надзора. Когда Притчардъ дѣлаетъ королевѣ утренній визитъ, ея величество выходитъ къ нему въ европейскомъ модномъ костюмѣ; но лишь-только консулъ выйдетъ

за двери, то королева скидаетъ башмаки, чулки, юбки и все платье. Нерѣдко украдкою она посѣщаетъ французскій матросскій шиннокъ, находящійся на берегу моря, и тамъ пьетъ грогъ и куритъ табакъ въ сообществѣ жатросовъ. Притчардъ жестоко бранилъ свою воспитанницу за такое поведеніе, и бѣдная королева съ покорностью выслушиваетъ строгія его укоризны. Притчардъ имѣетъ на Помарѣ сильное вліяніе и успѣлъ-было нѣсколько отучить ее отъ водки, особенно отъ обжорства, ибо королева нерѣдко за завтракомъ съѣдаетъ по цѣлому поросенку. Наѣвшись не въ-мѣру, она, какъ сумасшедшая, валется по землѣ и велитъ топтать себѣ животь фрейлинамъ, для скорѣйшаго переваренія пищи. Она очень-добра, простодушна; но сердится ужасно, когда бываетъ обязана цѣлый день ходить въ чулкахъ и башмакахъ въ-присутствіи строгаго своего опекуна, Притчарда.

— Въ австрійско-славянскихъ провинціяхъ Истріи и Фіумѣ еще древній татарскій обычай похищать невѣсты. Для этой цѣли, женихъ отправляется въ домъ родителей невѣсты съ цѣлою ватагою поселянь подъ предводительствомъ старосты или старшины (stagschîna). На первое требованіе выдачи невѣсты родители выводятъ къ жениху старую бабу, одѣтую въ лохмотья, для смѣха и потѣхи народной. Старшина, однакожъ, настаиваетъ сильно въ своемъ требованіи, и родители, наконецъ, соглашаются отдать невѣсту. Въ Крайнѣ и Истріи, невѣсту провожаютъ гости къ жениху съ торжественнымъ поѣздомъ и съ музыкою. Нѣкоторые изъ гостей съ саблями въ рукѣ скачутъ впереди и ударяютъ плашмя по спинѣ тѣхъ, которые стараются опередить ихъ, чтобъ скорѣе прокрасться въ домъ жениха. Въ Истріи и Фіумѣ, молодая невѣста бросаетъ на-роду калачи, что служитъ символомъ плодородія земли и благосостоянія народа. При вступленіи въ домъ жениха, она должна показать себя матерью и хозяйкою. Для этого, кладутъ ей на

колѣни ребенка (koleczek), а въ руки даютъ метлу, мочалку и ведро.

ТЕАТРАЛЬНЫМЪ И МУЗЫКАЛЬНЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ.

Въ Италіи композиторъ Верди пріобрѣлъ почти-всеобщую любовь публики; тамошніе дилеттанты въ восхищеніи отъ его композиціи. Его новая опера «Giovane d'Ango» (Дѣва Орлеанская) принята съ большимъ энтузіазмомъ въ Миланѣ. За мелкія музыкальныя пьесы онъ уже получилъ въ Италіи до 20,000 скуди. — Композиторъ Пацчини написалъ также новую оперу «Лоренццо Медичи», которая очень-хорошо принята венеціанскою публикою.

— На послѣдней лондонской выставкѣ публика съ особеннымъ любопытствомъ разсматривала новозобрѣтенный музыкальный инструментъ: каменную гармонику. На деревянномъ станкѣ положено нѣсколько пластинокъ изъ разныхъ каменныхъ породъ, на подобіе фортепьянныхъ клавишей. Три игрока на этомъ инструментѣ, держа въ рукахъ по деревянному молоточку, бьютъ въ-тактъ по каменнымъ клавишамъ, издающимъ очень-пріятныя и мелодическіе звуки. На каменной гармоникѣ можно играть всѣхъ оперныхъ пьесы, но не иначе, какъ вдругъ тремъ музыкантамъ.

— Въ Берлинѣ, дирекція королевскихъ театровъ запретила актѣрамъ и актрисамъ, неиграющимъ на сценѣ, стоять за кулисами во время представленія. Они должны, вмѣстѣ ихъ занятій, помѣщаться въ партерѣ, между музыкантами, жандармами, театральными швеями и прочю мелкотравчатою публикою.

— Изъ Александріи пишутъ, что египетскій паша, на старости, съѣзжалъ опять ребенкомъ, подобно Лудовику XIV въ послѣдніе годы его жизни. Очень-трудно забавлять теперь Мехмеда-Али, ибо ему все наскучило, кромѣ пантомимъ, которыя для него

сочиняетъ извѣстный врачъ Клот-Вей. Этими пьесками потѣшаютъ престарѣлаго нашу тѣю Французомъ, находящихся на его кухнѣ, а именно метрдотель, повара и кандитеръ.

— Мастеръ Конконе, почетный канцелярскій сардинскаго короля, положилъ на музыку въсколько лирическихъ пьесъ, взятыхъ изъ романовъ Валтера Скотта. Для этой цѣли, онъ соединилъ съ французскимъ писателемъ Велаже, который выбралъ лучшія сцены изъ романовъ и аранжировалъ ихъ въ дуэты, тріо и воч. Каждый романъ образуетъ особую партитуру, съ аккомпаньманомъ фортепьяно. Недавно въ Парижѣ появилась въ печати партитура, составленная изъ романа «Кенильвортъ»; въ ней помѣщено 12 лирическо-музыкальных пьесъ.

— Въ Нью-Йоркѣ, на пароходѣ Виргинія, устроенъ плавающий театръ. Сцена шириною 42 фута, а въ углубленіи 45 футовъ; оркестръ состоитъ изъ 12 музыкантовъ. Въ театрѣ устроены четыре ряда ложъ, кресла и партеръ, гдѣ могутъ помѣститься до 1,200 зрителей; зала и сцена освѣщаются переноснымъ газомъ. Фойѣ устроено въ первомъ этажѣ, изъ котораго выходитъ на просторный балконъ. На обѣихъ углахъ театра помѣщены два павильона, гдѣ находится кандитерская и жилища актѣровъ. На палубѣ этого театральнаго парохода воздвигнута маякъ, гдѣ во время представленія зажигается бенгальскій огонь, чтобъ служить береговымъ жителямъ сигналомъ для сборища на водное представлѣніе. Этотъ пароходъ-театръ развѣжается во всемъ судоходномъ рѣкамъ Соединенныхъ Штатовъ и останавливается у каждаго города, чтобъ давать представленія. Въ апрѣлѣ нынѣшняго года, пароходный театръ былъ открытъ въ Нью-Йоркѣ представленіемъ Шекспирова «Гамлета».

— На брусельскомъ оперномъ театрѣ отставлены съ пансіономъ всѣ балетныя танцовщицы, и мѣсто ихъ заступаютъ пожилыя танцовки, которыя

обязаны въ балетахъ танцовать мужскія роли. Устарѣлыя балетныя шифы въ мужскомъ костюмѣ кажутся гораздо-моложе на сценѣ, при ослабительномъ блескѣ лампъ.

— Молодой драматическій писатель Паццино дель-Сиво признается Неаполитанцами за втораго Альфьери. Трагедія его «Флоридя Альджавирасъ» отличается не только превосходными стихами, но и глубоко-обдуманными характерами дѣйствующихъ лицъ.

— За четыре года передъ этимъ, пріѣхали въ Данцигъ двѣ бѣдныя сестры, двѣушки съ очень-интересною наружностью. Директоръ данцигскаго театра, Генѣ, ангажировалъ ихъ для аксессуарныхъ ролей за 16 талеровъ жалованья въ мѣсяцъ. Бѣдныя дебютантки не только довольствовались этимъ скуднымъ окладомъ, но сберегали еще отъ него по 4 талера въ мѣсяцъ въ помощь бѣднымъ своимъ родителямъ, живущимъ въ Берлинѣ. Онѣ ѣли только черныя хлѣбъ, занимались рукодѣльемъ и между-тѣмъ младшая съ большимъ стараніемъ изучала поручаемыя ей маленькія роли. Режиссѣръ рижскаго театра, Ладдей, имѣлъ большую надобность въ актрисахъ на роли вторыхъ любовницъ, и Генѣ послалъ ему въ Ригу меньшую сестру, которую Ладдей и ангажировалъ на сцену за 400 рублей жалованья. Тамъ скоро развилъ ея талантъ на сценѣ, такъ-что дирекція дала ей уже 1,000 руб. жалованья. Когда извѣстный актѣръ Фоманъ отказался отъ рижскаго театра, то означенная актриса, получившая за четыре года предъ симъ только 16 талеровъ въ мѣсяцъ, отправилась въ Ганноверъ и теперь ангажирована на тамошній театръ за 2,000 талеровъ жалованья. Имя ея Марія Вауманъ; братъ ея занимается роли первыхъ любовниковъ на шверинскомъ театрѣ.

МЕЛОЧИ.

Американцы, у которыхъ всѣ предпріятія возникаютъ въ исполненіихъ развѣрахъ, нацѣлены устроить элек-

тричский телеграфъ на линіи между Бостономъ и Новымъ-Орлеаномъ, на разстояніи 700 часовъ пути, такъ-что вѣстия изъ одного города въ другой могутъ быть сообщаемы почти въ минуту, ибо, по расчисленію Араго, скорость сообщенія элетрическихъ телеграфовъ производится съ непостижимой быстротою, т. е. въ одну часть на разстояніи 32,000 нѣмецкихъ миль.

— Въ Испаніи, ремесло палача почитается самымъ унизительнымъ и даже все племя его извержено изъ среды общества. Недавно одинъ рекрутъ отданъ былъ подл военный судъ и осужденъ на четыре года въ крѣпостныя работы, за то, что утаилъ свое происхожденіе: онъ былъ сынъ палача.

— Въ испанской газетѣ «Heraldo» сказано, что переводчики и издатели романа «Вѣчный Жидъ» г. Сю позваны въ высшій духовный судъ Мадрида, гдѣ имъ прочитано было строгое увѣщаніе и произнесена анатема за изданіе на испанскомъ языкѣ этого безбожнаго романа. Такое расположеніе духовной испанской цензуры возмущило всѣхъ литераторовъ.

— Въ Берлинѣ живетъ спекулянтъ, который занимаетъ деньги и очень рѣдко платитъ долги. Онъ недавно занялъ у одного кунца 3000 талеровъ и употребилъ ихъ на спекуляціи. Кредиторъ подалъ на него въ судъ жалобу, и тяжба продолжалась три года по разнымъ судебнымъ инстанціямъ. Наконецъ, его присудили заплатить долгъ и, сверхъ-того, за проволочку долга — къ 450 талеровъ пени да къ 50 тал. судебныхъ издержекъ. Спекулянтъ, пустивъ чужія деньги въ ходъ, увеличилъ означенный капиталъ въ три года до 6,000 талеровъ, и, разумѣется, ему легко было заплатить кредитору съ проторами и судебными издержками 3,500 талеровъ, ибо онъ нажилъ себѣ чистой прибыли 2,500 талеровъ. Этотъ вымышленный денежный оборотъ чужаго капитала, вѣроятно, найдеть многихъ подражателей.

— Французское правительство сдѣ-

лало распоряженіе, чтобы со всѣхъ освобожденныхъ изъ разныхъ тюремъ арестантовъ снимались лагерротипныя портреты, которые будутъ храниться при полиціяхъ всѣхъ городовъ. Такой освобожденный преступникъ, если сдѣлаеть въ другой разъ преступленіе, то его легко будетъ поймать, сличивъ портретъ съ оригиналомъ.

— Въ прошедшемъ году, выѣхало изъ баварскихъ владѣній въ Америку до 50,000 переселенцевъ, а въ нынѣшнемъ, кажется, еще болѣе найдется охотниковъ покинуть Германію, чтобы искать счастья за Атлантическимъ Океаномъ. Доселѣ неизвѣстно, какое число изъ этихъ выходцевъ погибло на чужбинѣ, но что это число очень-значительно, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, особливо въ Техасѣ. По всей Германіи, какъ шакалы, рыскаютъ вербовщики и смазываютъ несчастныхъ нѣмцевъ въ Бразилію, на плантаціи принца жуанвилльскаго. Недавно изъ Антверпена отплыли два корабля, набитые германскими эмигрантами для поселенія въ Америкѣ. Многие нѣмцы, принадлежащіе даже къ образованному классу народа, но незнающіе англійскаго языка, принуждены въ Америкѣ изъ куска хлѣба заниматься самыми низкими и черными работами, копать каналы, строить желѣзныя дороги и шоссе. Въ американскихъ угольныхъ копяхъ, а также и на пароходахъ, служить часто кочегарами нѣмецкіе доктора, лица духовные, офицеры и кунцы, которые, съ лопатой въ рукахъ, съ кочергою, съ тачкою, добываютъ, въ потѣ лица, насущный хлѣбъ. Въ Пенсильваніи, въ угольныхъ копяхъ работали за два года предъ симъ, нѣсколько ученыхъ германскихъ эмигрантовъ, которые не терпѣли въ своемъ сообществѣ простыхъ моденщиковъ и не принимали въ угольныя шахты никого, кто не умѣлъ говорить на латинскомъ языкѣ. Отъ-того эта шахта называлась латинскою.

— Древніе стихотворцы очень любили изображать въ своихъ стихахъ карликовъ: пигмем, троглодиты, мдр-

видены, излиты суть дѣти ихъ во-
ображенія. Порода карликовъ всегда
была модною игрушкою аристокра-
товъ; карлики играли важную роль въ
поэмахъ среднихъ вѣковъ, гдѣ изобра-
жали ихъ то злыми, то добрыми геяи-
ми. Въ Германіи, Голландіи, Бельгіи,
Исландіи, карлики занимали немало-
важное мѣсто въ литературѣ; Шек-
спиръ обезсмертилъ въ своихъ стихахъ
карлика Робера. Карлики служили
бургюгскимъ рыцарямъ и ихъ благо-
роднымъ дамамъ курьерами для лю-
бовной переписки. Карликъ короля
Карла V назывался Корнелій-Литов-
скій, и его портретъ понынѣ красуется
въ Луврѣ. При торжественномъ обѣдѣ,
въ Римѣ, данномъ кардиналомъ Вител-
ли (въ 1556 году) знатному римскому
духовенству, прислуживали за столомъ
38 карликовъ; у королей Франциска I и
Гейнриха II былъ крошечный карликъ,
называвшійся Grand-Jean. Въ то же
время, въ Миланѣ былъ карликъ, кото-
раго по городу носили въ клѣткѣ какъ
попугая; также дѣвушка карлица, ко-
торая была ростомъ не болѣе 18 дюй-
мовъ. Карликъ сэръ Джефри Гудсонъ
былъ поднесенъ въ пастетъ за обѣдомъ
королеѣ Генриеттѣ-Маріи, супругѣ
Карла I-го. Одинъ Нѣмецъ рассердилъ
однажды до такой степени этого кар-
лика, что тотъ вызвалъ его на поседи-
нокъ и убилъ. Польша гордилась сво-
имъ чрезвычайно-малымъ карликомъ
Бовиславскимъ, который написалъ свои
мемуары. Карликъ Бебе жилъ въ Польшѣ
въ 1771 году; портретъ и одежда
его сохраняются и до-сихъ-поръ въ
музеумѣ медицинской академіи, онъ
принадлежалъ королю Станиславу и
вѣсилъ только 9 фунтовъ и 7 унцій.
Онъ умеръ 22 лѣтъ, женихомъ невѣсты-
карлицы, Терезы Сувре. Въ новѣйшее
время, какъ извѣстно, американскій
карликъ генералъ Томъ Томъ обращаетъ
на себя любопытство Западной-Ев-
ропы.

— Одинъ европейскій переселенецъ
въ Австраліи пишетъ: «Я очень нево-
лею новымъ своимъ пребываніемъ
на чужбинѣ. Здѣсь все на-изнанку про-

тивъ Европы. На-примѣръ, въ Австра-
ліи осенью всѣ деревья переменяютъ
свою кору, а листья съ нихъ вовсе не
падаютъ. Рѣка Клейда течетъ во мно-
гихъ мѣстахъ подымаясь на гору; рѣ-
ка Дервентъ въ иной часъ высыхаетъ
вовсе, а въ другой производитъ ужас-
ное наводненіе; трава на поляхъ не зе-
леная, но каштановаго цвѣта. Цвѣты
въ Австраліи вмѣютъ совсѣмъ-другой
видъ и образованіе противъ нашихъ.
Плоды всѣ почти безвкусны и чрезвы-
чайно-кислы; ядро плода находится
снаружи, а не внутри. Гдѣ у васъ сѣ-
веръ, тамъ у нихъ югъ; въ июнѣ, въ Ав-
страліи зима, а въ январѣ африканскій
жаръ и лѣто. Множество породъ птицъ,
вмѣсто перьевъ, имѣютъ волосы, а нѣ-
которые четвероногіе звѣри, вмѣсто
носа, птичій клювъ. Во всей странѣ за
кучу золота нельзя достать бутылки
пива.»

— Наполеонъ, такъ искусно умѣвшій
управлять оружіемъ своихъ войскъ,
былъ самъ лично прелюхимъ стрѣ-
комъ. Изъ ружья онъ не могъ даже по-
пасть въ быка на разстояніи тридцати
шаговъ. Не смотря на то, онъ бѣзнилъ
на охоту, которая доставляла ему хотѣ
не истинное удовольствіе, но развлече-
ніе отъ трудовъ и полезный моціонъ
для здоровья. Онъ часто на охотѣ гало-
пировалъ только по лѣсамъ и рошамъ,
а придворные его охотники должны
были преслѣдовать дичь. Единствен-
ное его удовольствіе состояло въ томъ,
чтобъ присутствовать въ рѣшительную
минуту пораженія звѣря. Однажды на
охотѣ въ Фонтенблѣ, егеря застрѣлили
прекраснаго оленя не при глазахъ На-
полеона, какъ вдругъ замѣтили, что
изъ ближняго лѣса показался импера-
торъ съ своею свитою. Одинъ изъ стар-
шихъ егерей вырѣзалъ въ минуту ро-
гатый сукъ изъ дуба, и подперъ имъ
убитаго оленя какъ-будто-бы онъ былъ
живой. Стая собакъ окружила его съ
грошкимъ лаемъ. Наполеонъ не замѣ-
тилъ этой хитрости, сошелъ съ лошади,
взялъ ружье прицѣлился въ мертваго,
оленя, не попалъ и убилъ лучшую соба-
ку изъ своры. «Государь! вы изволили

застрѣлить оленя! — закричалъ егершей-стеръ. — Этого и неужно мнѣ было ска- зывать: я никогда не дамъ промаха! — отвѣчалъ Наполеонъ, сѣлъ опять на лошадь и поѣхалъ во дворець.

— Французъ Тьерри въдумалъ осно- вать въ Новой-Зеландіи конституціон- ную монархію и общалъ туземцамъ не только доставить всѣ выгоды про- свѣщенія, но и сдѣлать изъ ихъ земли настоящее Эльдорадо. Дикіе наконецъ замѣтили, что это обманъ, и рѣшились освободиться отъ своего незнакомаго про- свѣтителя. Всѣ старшины новозеланд- скихъ племенъ собрались недавно въ одномъ мѣстѣ, устроили пышное празднество, убили дубянами самого Тьерри, и изъ трупа его приготовили нѣсколько блюдъ жаркаго, фрикасе и соусовъ, съ примѣсью разныхъ пря- ныхъ кореньевъ. Они въ одинъ мигъ сдѣлали своего законодателя и просвѣ- тителя. Этотъ фактъ подтверждаютъ многіе путешественники и корреспон- денты, живущіе по сосѣдству остро- вомъ зеландскихъ.

— На-дняхъ въ Парижѣ присудили къ двух-лѣтнему заключенію въ тюр- му тюремную надзирательницу Луизу- Августину Кромбахъ, которая помо- гла побѣгу одного узника. Луиза Кро- мбахъ миллианная дѣвушка, обладаетъ замѣчательнымъ поэтическимъ талан- томъ. Она написала королю просьбу въ стихахъ, между которыми особенно замѣчательно слѣдующее четверости- шие.

*Mais, pardonnez-moi, j'ai peché contre
vous,
Oui, j'ai voulu régner une heure dans
ma vie,
Et en escroter usurpant le seul droit que
j'envie,
J'ai fait grâce. Oh! pardon pour un cri-
me si doux!*

— Извѣстный Видокъ, бывшій мо- шенникъ и предводитель шайки опас- ныхъ воровъ, а потомъ агентъ фран- цузской полиціи, открылъ недавно въ Лондонѣ музей, состоящій изъ раз- ныхъ орудій пытки, цѣпей, кавдаловъ

и прочіихъ принадлежностей муче- нниковъ. Сверхъ этого, въ музеѣ по- казываются разные костюмы сабита Видока, употребленные имъ въ каче- ствѣ сыщика и шпиона при воровъ, прежнихъ своихъ товарищѣхъ, также нѣсколько вожей, топоровъ, по- ложныхъ ключей и пр., принадлежав- шихъ нѣкогда извѣстнымъ ворами, разбойникамъ и душегубамъ. Самъ Видокъ, 72-хъ-лѣтній старикъ, грѣш- ній и дюжій, заступаетъ нѣсто чте- роне въ своемъ музеѣ, и объясняетъ любопытной публикѣ предметы, имъ выставленные.

— Въ Лондонѣ есть весьма-благодѣ- тельный пріютъ для слуганокъ безъ должности. Обширное зданіе пріюта, построенное на счетъ добровольныхъ пожертвованій, служитъ убѣжищемъ для тысячи женщинъ, которыя почему- либо потеряли мѣста. Во всей Англии считается 1,200,000 и въ одномъ Лон- донѣ 110,000 слуганокъ.

— 15 мая въ Лондонѣ было годич- ное собраніе общества миссіонерствъ, которое, какъ видно изъ годоваго от- чета, сдѣлало слѣдующіе успѣхи для распространенія христіанской вѣры на земномъ шарѣ. Оно въ разныхъ ча- стяхъ свѣта устроило 439 миссіонер- ныхъ станцій и основало 132 церкви, учредило 13 типографій для печатанія библій и молитвенниковъ. Нынѣче въ Африкѣ, Азій и Америкѣ находится 163 европейскіхъ миссіонеровъ и 603 духовныя лица изъ крещеныхъ индѣ- никовъ.

— Въ Манчестерѣ недавно былъ аукціонъ, на которомъ продавали тѣ- лый звѣринецъ. Народу собралось мно- жество, но оказалось мало охотниковъ купить дикихъ звѣрей. Одинъ пре- краснѣйшій африканскій левъ, можетъ- быть единственный въ Европѣ, про- данъ за 350 фунт. стерл. Для Зоологи- ческаго Сада въ Эдинбургѣ купили шести-мѣсячный львенокъ за 12 ф. ст., молодая львица за 30, слонъ за 950 ф. и прекрасная, стройная жирафа за 400 ф. ст.

— Домъ Мануэль Годой, Князь-Ма-

ра, живетъ уединенно въ Парижѣ, и, какъ говорятъ, въ крайней нуждѣ. Ему теперь 80 лѣтъ. Между - тѣмъ, онъ обладаетъ сокровищемъ—превосходною картинною галерею знаменитыхъ испанскихъ живописцевъ, состоящую изъ 297 картинъ, оцѣненныхъ въ 2,000,000 франковъ. Въ 1829 году, вѣкто Фридлейнъ сторговалъ у него эту галерею, но Годой въ послѣдствіи заложилъ нѣсколько самыхъ лучшихъ картинъ, съ согласія Фридлейна. Теперь этотъ господинъ подалъ въ судъ жалобу на Годоя въ томъ, что онъ безъ его согласія отдалъ въ закладъ картины, и требуетъ съ владѣльца ихъ 100,000 фран. за протори и убытки.

— Кассационный парижскій судъ приговорилъ извѣстнаго кассира іезуитовъ, Аффенера, за обманъ и подложныя подписи документовъ къ пятилѣтнему заключенію въ тюрьму. Противъ этого рѣшенія адвокатъ Аффенера подалъ апелляцію, основываясь на слѣдующихъ доводахъ. По существующимъ законамъ, іезуиты не могутъ жить во Франціи и, слѣдовательно, не должны имѣть тамъ никакой собственности, а у кого нѣтъ имѣнія, тотъ не можетъ быть обремененъ; и такъ нельзя позвать воромъ г. Аффенера, тѣмъ менѣе осуждать его на тюремное за-

ключеніе. Кассационный судъ, однакоже, не принявъ этого замысловатаго оправданія и отказавъ въ апелляціи подсудимому.

— На дворѣ Парижской Королевской Библіотеки лежала куча камней, покрытыхъ древними надписями и іероглифами. Эти камни выломаны были изъ мозаичнаго пола подземной храмины карнакской въ Египтѣ и привезены потомъ во Францію. Нынче въ огромномъ подвалѣ библіотеки эти камни расположены почти въ такомъ же видѣ, какъ они лежали въ карнакской храминѣ въ продолженіи четырехъ тысячъ лѣтъ. Французскіе археологи, не выѣзжая изъ Парижа, могутъ теперь до-сыта насмотрѣться на мозаическій полъ фараоновой постройки.

— Французскія либеральныя газеты сильно вооружились противъ правительства за намѣреніе поставить статую князя Талейрана въ Версальскомъ Музеумѣ. По ихъ мнѣнію, знаменитый дипломатъ представляетъ собою олицетворенную хитрость, ложь и притворство; поставить памятникъ Талейрану значитъ то же, что соорудить храмъ въ честь измѣны и предательства. Они называютъ статую Талейрана апофеозомъ подкупа.

М О Д Ы.

Лѣтніе наряды появились только съ половины іюня, а до этого времени было такъ холодно, что всѣ дамы носили теплые бурнусы и манто, а нѣкоторые изъ нихъ даже жалѣли, что не взяли на дачу, для вечернихъ прогулокъ, шубъ и муфтъ. За то, какъ всѣ обрадовались первому теплему дню и поторопились надѣть своя лѣтнія обновки, которыя, надобно признаться, были очень-красивы! Мы постараемся припомнить все, что было новаго и оригинальнаго въ этихъ нарядахъ.

Очень-красивы были шарфы изъ китайской кисеи, вышитые арабесками разноцвѣтными шелкомъ съ золотомъ; также очень-оригинальны фантастическія шали изъ кашмира съ округленными концами и обшитыя бахромой; но кружевыя шали, или, какъ у насъ ихъ называютъ, косынки, обшитыя широкимъ кружевомъ и положенныя на черную тафту, не менѣе ихъ заслуживаютъ вниманія.

Бедуины, о которыхъ мы уже писали, считаются лучшимъ верхнимъ костюмомъ для гулянья; въ-самомъ-дѣлѣ, они очень-легки и, какъ большую часть дѣлаются бѣлыя, то цвѣтная подкладка при солнцѣ чрезвычайно-красиво просвѣчиваетъ сквозь кашмиръ (бедуины дѣлаются только изъ кашмира).

Шляпы соломенные, большую частью, капотъ; но дѣлаются шляпы и съ открытыми полями. Мы видѣли такую шляпу изъ розоваго крепа съ

округленными концами у полей; туля немножко нагнута напередъ, и съ боку, но не слишкомъ-низко, было приколото довольно-большое перо; но надобно признаться, что этотъ фасонъ шляпы не очень-красивъ и ко многимъ не пойдетъ, а отъ-этого, вѣроятно, не войдетъ въ большое употребленіе. Шляпы убираются очень-просто: на нихъ накалывается какъ-можно-менѣе бантовъ и концовъ. Виноградныя листья съ ягодами, или гирлянды изъ цвѣтовъ, но не густыя, — вотъ лучшее украшеніе шляпы. Тафтяныя тули все-еще продолжаютъ носить; кофточки у шляпъ довольно-большія.

Шляпы на кулисахъ, большую частью дѣлаются изъ матеріи glacé, съ радужными отливками, которые придаютъ лицу свѣжій и яркій цвѣтъ.

Платья шьются для лѣта не такія длинныя, какъ зимою и не такія вышныя. Лифы все-еще большею частью закрытыя, рукава гладкіе. Кисейныя бѣлыя платья очень-красивы, когда они напередѣ отъ самой талии и кругомъ вышиты бѣлымъ шелкомъ; но и кружевыя фалбалы не выходятъ изъ моды. Складки большія все-еще носятъ; часто эти складки обшиваются бахромой подъ цвѣтъ матеріи; на бѣломъ платьѣ бахрама очень-эффектна. Буфы больше и больше входятъ въ употребленіе.

Матеріи для платьевъ есть множество красивыхъ: наприкладъ, бѣлая кисея съ огромными цвѣтными полосами въ-

тѣшь; съ малиновыми, лиловыми, и т. д. Бѣлый гроденапль (glacé) съ разноцвѣтными полосками, хамелеонъ съ широкими полосами, лино-батистъ полосатый и съ мушками; барежъ, кашмиръ, разныхъ сортовъ кисей, тарлатанъ, даже, наконецъ, кембрикъ, который хотя очень-простъ, но бываетъ съ прекрасными рисунками.

Чепчики носить все-еще очень-маленькіе, также и воротнички.

Зонтики дѣлаются складные, такъ-

что съ такимъ зонтикомъ можно ходить какъ съ тростью, или сложить его въ-четверо. Мы видѣли очень-оригинальный зонтикъ изъ бѣлой кисей на розовой тафтѣ, обшитый широкимъ кружевомъ; но вотъ удивительные зонтики появились въ Парижѣ: они шиты изъ гаруснаго моха съ гарусными же вплетенными въ нихъ цвѣтами; это придаетъ зонтикамъ совершенно-натуральный видъ травы, усѣянной цвѣтами.

О П Е Ч А Т К И.

замечены въ 4-й и 5-й книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ»
 Января года, въ 1-й и 2-й статьяхъ «Консульство и Имперія»
 (Отд. II).

Въ первой статьѣ (кн. 4):

Стран.	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
44	13 сверху	распространилось	распространилась
—	16 —	конвенци.	Конвента.
46	19 снизу	когда и считалъ	когда считалъ
49	7 сверху	онъ оказалъ	онъ оказывалъ
51	8 —	неутомимый товарищъ	неутомимый его товарищъ
—	16 —	Конвенци	Конвента
—	14 —	проектъ	проектъ
—	8 —	Бука-де-ла-Мёртъ	Було-де-ла-Мёртъ.
56	21 сверху	на общественномъ дого- ворѣ.	на «Общественномъ Дого- ворѣ».
60	22 снизу	въ Валансѣ	въ Валансѣ
62	23 сверху	болѣе торжественнымъ	болѣе торжественнымъ образомъ
67	12 снизу	Его жена и дѣти	Его жена и ея дѣти.

Во второй статьѣ (кн. 5):

135	18 снизу	мость Варъ.	мость на Варѣ.
137	22 —	Сен-Жюльенъ	Сен-Жюльенъ
142	9 —	въ Парсдорфѣ.	въ Парсдорфѣ.
158	17 —	чтобъ ихъ не захерли въ городѣ взятые въ плѣнъ Французы и наказан- ные по-турецки.	быть захертыми въ горо- дѣ, понасться въ плѣнъ къ Французамъ, и быть ими наказанными по-ту- рецки.
160	20 сверху	Лесбо.	Лесбо.

БИОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

ДОНЪ ВАЛЬДОМЕРО ЭСПАРТЕРО.

Донъ Бальдомеро Эспартеро родился въ 1793 году, въ Гранатулѣ, маленькой деревенькѣ въ провинціи Ла-Манча. Онъ девятый сынъ небогатыхъ родителей; отецъ его былъ столяръ, или, какъ утверждаютъ другіе, каретникъ. Бальдомеро былъ слабаго сложенія и не могъ наследовать ремесло отца своего; его смолода предназначили въ духовное званіе и отдали въ училище. Старшій братъ его, Мануэль Эспартеро, священникъ въ сосѣдней деревнѣ, взялся воспитывать его и помѣстилъ въ семинарію.

Извѣстно, какой патриотическій энтузіазмъ одушевилъ Испанію при извѣстїи о байоннскомъ дѣлѣ; Наполеонъ дорого заплатитъ за то, что не сумѣлъ въ этомъ случаѣ разгадать народнаго духа. При первомъ кликѣ войны, Бальдомеро бросилъ рясю, взялъ ружье, и записался въ батальонъ богослововъ, названный *el sagrado*, «священный». Лучшие солдаты этого отряда мало-по-малу были переведены въ вольтъ; Бальдомеро пристрастился къ военной службѣ, и по ходатайству одной благородной фамиліи, гдѣ братъ его былъ капелланомъ, принять въ военную школу, учрежденную тогда на островѣ Леонѣ. Изъ школы вышелъ онъ двадцати-трехъ лѣтъ, въ чинѣ подпоручика, нетерпѣливо желая дать дѣло своей шпагѣ и получить слѣдующій чинъ, — выгода, которую оставляли всѣмъ, кто записывался въ американскую экспедицію, — онъ предложилъ услуги свои генералу Морселю. Генералъ полюбилъ его во время переѣзда и сдѣлалъ своимъ секретаремъ.

Въ продолженіи восьми лѣтъ мексиканской войны, Эспартеро, всегда храбрый, заслужилъ всѣ чины свои

на полѣ битвы. Съ самаго начала, ему пришлось встрѣтиться лицомъ-къ-лицу съ страшнымъ Ла-Мадридомъ, отважѣйшимъ изъ вождей, стоявшихъ за независимость колоній. Въ 1801 г., въ дѣлѣ при Кочабамбѣ, въ центрѣ верхняго Перу, что теперь Боливія, Эспартеро, раненный три раза, получалъ командованіе батальономъ, который три раза ходилъ на приступъ къ редуту съ удивительной храбростью. Нѣсколько дней спустя, онъ сдѣлавъ подполковникомъ на полѣ битвы при Сапачуні. Въ 1818, онъ одержалъ съ своимъ полкомъ значительную побѣду надъ мятежниками на равнинѣ Майокайо. Въ 1822, будучи произведенъ въ полковника, онъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ, особенно въ дѣлѣ при Торотѣ, гдѣ получилъ двѣ раны. Всѣмъ извѣстно, чѣмъ кончилась американская война; какъ славная побѣда африканскаго генерала Сьюкра, одержанная въ 1824 году, и несчастная капитуляція Аякучо, положили конецъ борьбѣ и навсегда уничтожили владычество Испанцевъ въ Южной-Америкѣ.

Бальдомеро возвратился въ Испанію; ему поручили отвезти туда нѣсколько знаменъ, отбитыхъ у непріятеля. Въ награду онъ получилъ чинъ бригадира. Тѣмъ не менѣе народъ прозвалъ его и всѣхъ его товарищей *аякучами*, въ память мѣста, гдѣ ихъ поразили въ послѣдній разъ. Эти аякучи были почти всѣ люди молодые; на нихъ косо смотрѣли въ Испаніи, и самое презрѣніе, которое оказывали имъ старые офицеры войны за независимость, было причиною, что они составили изъ своего кружка родъ какого-то особеннаго братства. Почти всѣ они, дослужившись до высшихъ чиновъ, встрѣчались другъ съ другомъ во время гражданской войны, сражаясь съ противоположныхъ сторонъ; Родиль, Вальдесъ, Нарвезъ, Аль³ (Alaix), Лопезъ, Вильялобось, Каитаранъ, Альдама и многіе другіе — всѣ аякучи. Марото также изъ числа аякучей, и это обстоятельство поясняетъ, какъ старые

друзья и соблазнительницы селились при Бергаръ, въ ущербъ части одного и, можетъ-быть, кошелекя другаго.

Возвращаясь изъ Перу, Вальдемеро привезъ съ собою мало знаменитъ и авпротъ, но за то много денегъ, — нѣкоторые утверждаютъ, что до двухъ милъ. Висовъ иастровъ. Какъ достались ему эти деньги? Онъ не грабилъ церквей, не жегъ городовъ, не открывалъ нишагого золотого рудника; со времени Шибарро золотые рудники становятся все рѣже и рѣже, даже въ Перу. Эти деньги онъ завоевалъ не шпагой, не пистолетомъ или испанскимъ *pavaja*, — онъ выигралъ ихъ въ карты.

Домъ Вальдемеро былъ, есть и, вѣроятно, навсегда останется стратегическимъ игровымъ. *Трезильйо* — негъ сильнѣйшая любовь его; любовь къ славѣ занимаетъ только второе мѣсто. Неостроитное счастье покровительствуетъ его игрѣ; и при всей своей страсти къ игрѣ, Эспартеро игромъ великодушный, благородный, честный. Сильно языки рассказываютъ, будто во время знаменитыхъ переговоровъ въ Бергаръ, Эспартеро и Марото, оба важные игроки, сходились ночью въ какой-то чертѣ, и рѣшали судьбу Иешани за партію *трезильйо*. Счастье не пошло Марото.

Эспартеро пристрастился къ картамъ въ Америкѣ. Эта страсть какъ эпидемія свирѣпствовала въ экспедиціонной арміи. Съ зарплатами у наждаго солдата были въ патронташѣ карты. Офицеры и генералы носили ихъ въ карманѣ и, для разнообразія ощущеній, садились послѣ сраженія за игру. Эспартеро, выигрывая у товарищей деньги, приобреталъ и дружбу ихъ: когда проигравшія уворно ставилъ въ ображаемыя, чудовищныя, фантастическія ставки, Вальдемеро никогда не отказывался играть, и въ заключеніе бралъ влиչность, прощая остальное.

Нежалованный въ бригады, Эспартеро былъ посланъ въ крѣпость Логроньо. Тамъ онъ познакомился съ молодцомъ, хорашеющимъ сепарайю Янцието Сакрабунъ; дочерью богатого горо-

ціанта. Онъ былъ молодъ, богатъ, красивъ собой, храбръ, во штрѣхъ, ~~бѣдѣ~~ Янциты неонавидѣлъ штрѣхъ, — но дочь ненавидѣла ихъ не такъ сильно. Эспартеро расчелъ, что на его сторонѣ больше шансовъ, онъ вытѣрлся своему счастью — и выигралъ. Санта-Крузъ проигралъ и долженъ былъ поворитаться судьбѣ своей.

Вскорѣ послѣ своей женитбы, Эспартеро былъ назначенъ въ герцога въ Пальму; здѣсь онъ оставался до смерти Фердинанда VII. Первѣмъ такъко прѣжалъ онъ въ Барселонѣ наслаждаться, въ качествѣ мужа, утѣхи жены своей, которая приобрѣла себѣ здѣсь славу прекрасной, граціозной женщины.

При востшествіи на престолъ Изабеллы, онъ сейчасъ же принялъ ея сторону. Когда вспыхнула тридцатилѣтняя война, онъ испросилъ себѣ мѣсто въ штерной арміи, и его назначили главнымъ начальникомъ Вискойской Провинціи. Здѣсь, казалось, счастье штрѣка его оставило: раза три или четыре разбилъ его Зумалакарреганъ; онъ не разбилъ никого. Это, однакожъ, не шлѣшало ему получить чинъ генерал-майора и потомъ генерал-лейтенанта. Наконецъ, въ 1835 году, смерть избавила христининовъ отъ страшнаго гвипучкошскаго вожда. Но икъ его продолжало еще дѣйствовать нѣкоторое время. Конституціонная армія шла духомъ: пять генераловъ: Саброфельдъ, Квезада, Родиль, Вальдесъ, Мина, были разбиты одинъ за другимъ карлистами. Кордова, самый даровитый изъ всѣхъ, уличилъ въ сколько положеніе дѣла, но при штерствіи о событіяхъ при Гранѣ, водалъ въ отставку и удалился во Францію. Его могъ замѣнить только ~~дѣла~~, до котораго еще не доходило дѣло: Эспартеро, разбитый въ великихъ сраженіяхъ, но не какъ главный предводитель. Декретомъ 17-го сентября 1838 года, онъ пожалованъ вице-королемъ наваррскимъ, главноначальствующимъ въ баскнскихъ провинціяхъ и главнѣйшимъ членомъ штерной арміи.

Надо сказать правду; обстоятельства были очень-неблагоприятны, когда Эспартеро принялъ начальство надъ арміею; но онъ сумѣлъ обратить къ въ свою пользу, и въ этомъ-то состоитъ его истинная заслуга. Душа карлистской партіи, Зумалакаррегун, уже не существовалъ; мелкое честолюбіе, жадность къ деньгамъ уже начали проявляться въ лагерѣ дон-Карлоса. Наваррцы перестали смѣшивать свои привилегіи съ домогательствами претендента и шли на битву уже не съ прежнимъ жаромъ. Съ другой стороны, правительство въ Мадридѣ понимало, что надо же кончить гражданскую войну, и дало новому генералу ись средства довести дѣло до конца. Таковы были шансы въ пользу Эспартеро. Но за недостаткомъ въ жизненныхъ припасахъ и деньгахъ, и плохой дисциплина очень разстроили конституціонную армію. Зараженные революціоннымъ духомъ столицы, часто голодные и всегда недовольные, солдаты лишали власти, убивали своихъ генераловъ, предавались всякаго рода неистовствамъ и сами старались очистить карлистамъ дорогу въ Мадридъ. Эспартеро деботировалъ побѣдою, а это нѣсколько возвысило нравственность его арміи: онъ сблизъ карлистовъ съ высотъ Лухана и снялъ блокаду съ Вильбао. За этотъ подвигъ, который онъ обязанъ отчасти 150 английскимъ артиллеристамъ, по собственному побужденію начавшимъ атаку, онъ получалъ титулъ графа луханскаго.

Послѣ одержанной побѣды, Эспартеро занялся восстановленіемъ дисциплины въ своей арміи, и принялся за это дѣло съ энергіею, которая проявлялась у него всегда урывками. Два раза, при Миранда-дель-Эбро, и, десять дней спустя, въ Пампелунѣ, онъ расковалъ голову, приказавъ вывести изъ рядовъ и разстрѣлять убійцъ Эскалеры и Саарсфильда. Но товарищи, я, безъ сомнѣнія, соучастники ихъ въ этомъ преступленіи исполнили приказать генерала.

Въ сѣдѣ за тѣмъ, Эспартеро впасть въ свое обыкновенное бездѣйствіе; онъ спокойно позволилъ дон-Карлосу дойти до Мадрита, и явился только тогда, когда претендентъ уже самъ началъ отступать. 1837 годъ прошелъ въ незначительныхъ движеніяхъ, въ операціяхъ безъ результата. Наконецъ, весной 1838 года, графъ луханскій дѣятельно началъ наступать; 27 апрѣля, онъ достигъ близъ Бургоса карлистскаго генерала Негри, разбилъ его наголову, убилъ и взялъ въ плѣнъ 5,000 человекъ, багажъ и всю артиллерію.

Съ этого пораженія началось распаденіе карлистской арміи. Нигривъ генеро въ расѣ, окружавшихъ претендента, и неопытность Герга сдѣлали остальное. Эспартеро овладѣлъ Пена-серрадой и разбилъ здѣсь наголову Герга, командовавшаго 15,000 солдатами. Одержавъ эту побѣду, Эспартеро хотѣлъ приняться за осаду Эстеллы, какъ вдругъ получилъ извѣстіе о постыдномъ пораженіи Ораа сильными Кабрерою. Армія пала духомъ, и осада прекратилась. Эспартеро возвратился къ любимой системѣ выжиданія и началъ дѣйствовать оборонительно.

Между-тѣмъ, командованіе карлистскою арміею было отнато у Герга и отдано Марото: извѣстная его энергія пробуждала много надеждъ, и оба аллучи скоро должны были встрѣтиться. Они издавали прокламаціи а la донь-Кихоть, грозили уничтожить друга друга, возвѣщали своимъ солдатамъ, что вся Европа смотритъ на нихъ съ удивленіемъ, что слава побѣдъ ихъ наполнила собою міръ, и что послѣ побѣды они будутъ бессмертны и обуты. Была ли это комедія, въ которой заранѣе условились аллучи, или бергарская конвенція — не что иное, какъ случайное сдѣлѣніе предшествовавшихъ событій? Этотъ вопросъ до-сихъ-поръ остается темнымъ. Впрочемъ, Эспартеро началъ кампанію 1839 года съ порядочнымъ успѣхомъ. Въ маѣ, съ тринадцатую тысячами человекъ, онъ отбилъ у непріятеля укрѣпленную позицію при Пена-дель-Моро, Райалесъ и

Гуардамини. Карлисты потеряли 600 человекъ.

Побѣда при Рамалесъ ускорила ходъ дѣлъ; между обѣими арміями начались тайныя сношенія. Результатъ ихъ извѣстенъ: война, семь лѣтъ разорявшая три провинціи, губившая Испанію, была кончена въ Бергарѣ 29 августа 1839 года. Донъ-Карлосъ 18 сентября удалился во Францію. Аррагонія, гдѣ держался еще Кабрера, усмирена въ слѣдующемъ году. Соотечественники провозгласили Эспартеро прямымъ наследникомъ Сиды.

Мы видѣли военное поприще Эспартеро; посмотримъ теперь на него, какъ на человѣка государственнаго.

До революціи, послѣдовавшей за событіями въ Гранхѣ, жизнь Эспартеро была чисто-военная. Онъ слѣдилъ за быстрыми переѣздами въ испанскомъ министерствѣ, только чтобъ обезпечить жалованье и содержаніе своему войску. Привыкнуши къ дисциплинѣ и порядку, онъ не разъ высказывалъ свое отвращеніе къ революціоннымъ тревогамъ и демагогической восторженности. Обстоятельства поставили Эспартеро между двухъ партій, раздѣлявшихъ Испанію: одна партія, умѣренная, имѣетъ на своей сторонѣ большинство, но вмѣстѣ съ тѣмъ вяла и безсильна; въ другой, гораздо-меньшей, много энергіи. Эспартеро присталъ, казалось, сначала къ первой. Восторженное министерство Калатравы, плодъ возмущенія, подало ему въ первый разъ поводъ высказаться положительно, и первое его дѣйствіе было противъ той партіи, которой въ послѣдствіи онъ сдѣлался героемъ. Это было въ 1837 году: армія Эспартеро занимала Мадридъ послѣ отступленія донъ-Карлоса. Офицеры королевской гвардіи подали королеву просьбу о удаленіи министровъ; министры, напротивъ того, потребовали наказанія за такое неповиновеніе и обвиненія виновныхъ передъ военнымъ судомъ. Эспартеро воспротивился этому формально. Министры, не смѣя принуждать его и не желая подчиниться его

закону, подали въ отставку. Партія умѣренныхъ, въ восторгѣ отъ этого результата, привѣтствовала генерала какъ своего спасителя; восторженные осыпали его ругательствами. Ему предложили вступить, въ качествѣ предсѣдателя совѣта и военнаго министра, въ кабинетъ умѣренныхъ, образовавшійся послѣ министерства Калатравы. Эспартеро отказался, но вручилъ министерскій портфель другу своему, генералу Ала (Alaix). Ненависть его къ партіи восторженныхъ, которые платили ему тѣмъ же, начала съ этого времени постоянно усиливаться. Съ этимъ чувствомъ соединялась въ Эспартеро рыцарская преданность къ молодой, благородной женщинѣ, такъ мужественно борющейся съ затруднительными обстоятельствами: грубость сержанта Гарсія, поносившаго королеву, глубоко его оскорбила. «Я Мачецъ», говаривалъ онъ часто: «я землякъ донъ-Кихота; дама моего сердца — моя королева, и ради ея для меня нѣтъ ничего невозможнаго». Регентша и министерство сдѣлали ошибку, не обративъ должнаго вниманія на его тщеславіе. Скромность прикрывала въ немъ очень-раздражительную гордость и неуемное властолюбіе. Успѣхи на военномъ поприщѣ еще болѣе усилили его притязанія. Правительство, при затруднительномъ положеніи финансовъ, мстительно всѣ средства поддерживать войско; но требованія Эспартеро увеличивались по мѣрѣ увеличенія приносимыхъ жертвъ.

Солдаты обожали его: онъ мучилъ министровъ, дѣйствовалъ по-диктаторски, не слушая никого. Онъ даже не далъ никому отчета въ бергарскомъ договорѣ; позже, когда договоръ былъ заключенъ вполне, триумфъ, съ которымъ встрѣтили Эспартеро въ Барселонѣ, сдѣлалъ его могущественнѣйшимъ человѣкомъ въ государствѣ и вскружилъ ему голову.

Въ такую-то минуту слабое, съ трудомъ держащееся противъ многочисленной партіи восторженныхъ министерство, образовавшееся выборами 1839

года, неловко задѣло Эспартеро, распустивъ кортесовъ безъ его вѣдома и лишивъ друга его Ала управленія военными министерствомъ. Восторженные предвидѣли, что генераль разсердится, и очень-ловко заставили его разсердиться, напередъ объявивъ въ журналѣхъ, что онъ гнѣвается. Тогда-то явилось въ «Арагонской Газетѣ» знаменитое письмо Липажа.

Нѣсколько словъ объ этомъ лицѣ, неразлучномъ теперь съ Эспартеро. Бригадиръ Липажъ, теперь генерал-майоръ, — секретарь, адъютантъ, совѣтникъ, руководитель, правая рука Эспартеро. Еслибъ Эспартеро былъ въ родѣ Ришлѣ, Липажа можно бы сравнить съ отцомъ-Жозефомъ, съ тою только разницею, что здѣсь Липажъ даетъ толчокъ; Эспартеро мыслить, говорить, писать, дѣйствуетъ и даже играетъ только посредствомъ Липажа. Когда герой духанскій предается своему любимому удовольствію, Липажъ держитъ карты, а онъ только слѣдитъ за игрою, лежа на кровати. Письмо адъютанта не было написано прямо отъ имени Эспартеро, но тѣмъ не мѣнѣе произвело въ Испаніи сильное впечатлѣніе. Въ немъ было сказано, что генераль, не думая виѣшиваться въ дѣла правительства, не одобряетъ прекращенія собранія кортесовъ и измѣненія министерства. Министры подали въ отставку, регентша отказала имъ и потребовала отъ Эспартеро прямого объясненія на-счетъ письма Липажа. Эспартеро далъ уклончивый отвѣтъ касательно до министровъ, и въ заключеніе прибавилъ пламеннѣйшія выраженія преданности своей къ обѣимъ королевамъ. Министерство потребовало отставки Липажа, — Эспартеро отказалъ ему въ этомъ; онъ заставилъ Липажа написать въ томъ же журналѣ другое письмо, которое, не уничтожая первого, смягчало его, — и дѣло кое-какъ уладилось.

Между-тѣмъ избранія кончились, вовсе неожиданно, въ пользу министерства: большинство пало на умѣренныхъ. Это поуменило гордость Эс-

партеро. Министерство думало, что теперь оно столько сильно, что можетъ воспротивиться требованіямъ генерала. Дѣло министерскаго агента, Аврианы, котораго Эспартеро хотѣлъ разстрѣлять и котораго сарагосскій начальникъ освободилъ по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, еще болѣе раздражило партіи. Въ это дѣло виѣшалась сама королева; это оскорбило Эспартеро, и всегдашнее пламенное выраженіе его преданности значительно охладилось.

Когда настала минута начать военныя дѣйствія противъ Кабреры, Эспартеро воспользовался своимъ выгоднымъ положеніемъ, чтобы отомстить министрамъ, требуя у нихъ патента на чинъ генерал-майора для того самого Липажа, о которомъ мы говорили выше. Нѣкоторые изъ министровъ приняли это за личную обиду; но Эспартеро былъ всеисиленъ: дѣла съ Кабрерою непремѣнно хотѣли покончить, — надо было уступить. Нарвэзъ, Кальдеронъ Коллантесъ и Монтесъ-де-Ока оставили министерство, и Липажъ получилъ требуемый чинъ. Въ министерствѣ остались только два человека, которыхъ Эспартеро считалъ своими врагами: президентъ совѣта Перезъ де-Кастро и министръ юстиціи д'Аррацола. Побѣдитель былъ удовлетворенъ только въ-половину и затанъ въ душѣ гнѣвъ, который скоро вспыхнулъ.

Между-тѣмъ, открылись новыя за-сѣданія кортесовъ, и министерство, надѣясь на помощь большинства, рѣшилось нанести окончательный ударъ партіи восторженныхъ: былъ предложенъ знаменитый законъ о *муниципалитетахъ, ayuntamientos*, подавшій поводъ къ послѣдней революціи.

Въ пользу и противъ этого закона говорили многое. Опытъ доказалъ, что этотъ законъ, утвержденный большинствомъ голосовъ изъ партіи умѣренныхъ, хорошей и логической въ самомъ-себѣ, былъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ большою ошибкою. Междоусобная война только-что кончилась; полководецъ, всесильный надъ

своимъ войскомъ, былъ недоволенъ, и готовъ былъ сдѣлаться главою какого бы то ни было возстанія. Начать въ такое время борьбу съ массою мѣстныхъ интересовъ, отвѣтъ у муниципалитетовъ привилегіи, которыми они дорожили тѣмъ болѣе, что долго были лишены ихъ и владѣли ими недавно, лишить ихъ даже права назначать своихъ алькадовъ, — значило добровольно вступать въ неровную битву. Доказательство противонародности этого закона — быстрота, съ которою вся Испанія, изъ конца въ конецъ, пришла въ движеніе, чтобъ воспротивиться ему.

Въ то время, когда всѣ умы были возбуждены преніями объ этомъ законѣ, регентша, не смотря на то, что иногда отговаривала ей, рѣшилась ѣхать въ Барселону. Послѣдствія этой поѣздки извѣстны. Эспартеро, тогда жествоюющій, возвращался изъ похода противъ Кабреры; онъ былъ могущественнѣе, нежели когда-нибудь; партія восторженныхъ, искусно пользуясь его тщеславіемъ, лестью почти совершенно привлекла его на свою сторону.

Христина говорила съ нимъ только однажды въ жизни: теперь ей любопытно было узнать, воспламенятъ ли въ маркскомъ рыцарѣ энтузіазмъ слова женщины и санъ королевы. Извѣстно, сколько непріятностей испытала королева во время своего путешествія; каковы оскорбительными рѣчами встрѣчали ее муниципалитеты, какіе непріязненные клики раздавались вокругъ ея кареты, какъ не по-рыцарски заговорилъ съ нею маркскій герой при первыхъ встрѣчахъ въ Дерида и Эспаррагерѣ. Въ Барселонѣ молодая женщина, не побоявшись народнаго возмущенія, утвердила своею подписью законъ, одобренный большинствомъ двухъ палатъ; Эспартеро забылся до того, что аплодировалъ и ободрялъ словами, стоя на балконѣ, толпу, ревѣющую въ исступствѣ; онъ не побоялся даже пойти въ полночь, въ сопровожденіи этой черни, во дворецъ, и сказать королевы, чтобъ она уступила, если не

хочетъ пролить кровь по кажда. Королева согласилась отослать министровъ, жизнь которыхъ была въ опасности, но рѣшительно отказалась уничтожить свою подпись и распустить кортесовъ. Нѣсколько дней спустя, Эспартеро, стѣдясь собственной побѣды, цокорился своей привычкѣ къ порядку и самъ подавилъ возмущеніе, окруживъ Барселону войскомъ; образовалось новое министерство, скорѣе умѣренное, нежели восторженное, хотъ и составленное по произволу Эспартеро. Королева упорствовала въ своемъ отказѣ, и министрство, нацѣняясь мало-по-малу, сдѣлалось наконецъ совершенно-бездѣйственнымъ. Христина уѣхала изъ Барселоны 22 августа 1840 года и, прибывъ въ Валенсію, рѣшилась принять въ четвертый разъ поданныя ей просьбы объ отставкѣ. Она сѣла составить новый кабинетъ, весь изъ членовъ партіи умѣренныхъ.

При вѣсти объ этомъ событіи, мадритскій муниципалитетъ подаетъ знакъ къ возмущенію. Народная митція беретъ за оружіе. Мадритскій муниципалитетъ отправляетъ къ королевы повелительное посланство, и Христина возвращаетъ ему депешу, не вскрывъ ея; дѣла запутываются.

Что же дѣлалъ въ это время Эспартеро въ Барселонѣ? Онъ впадалъ въ свою обычную апатію, дѣлалъ смотръ и игралъ въ карты. Этотъ нейтралитетъ раздражилъ журналы восторженцевъ; они начали понуждать его высказаться и публично взять сторону мадритскихъ дисургантовъ. Эспартеро рѣшился наконецъ обнародовать манифестъ, въ которомъ поставилъ условіямъ своей вѣрности къ регентцѣ — уничтоженіе закона о *ayuntamientos*, прекращеніе собранія кортесовъ и отставку министровъ. Партія восторженныхъ торжествуетъ, революціонное движеніе въ столицѣ переходитъ на другіе города. Тогда Христина рѣшается призвать Эспартеро въ Валенсію и даетъ ему полную власть образовывать новый кабинетъ; о двухъ другихъ пунктахъ она не говоритъ ни слова.

Эспартеро оставляет Барселону и отправляется сперва въ Мадридъ, куда въѣзжаетъ король-триумфаторомъ, стоя въ коляскѣ, принадлежавшей дону Карлосу. Оттуда онъ ѣдетъ въ Валенсію, въ сопровожденіи выбранныхъ имъ товарищей. Здѣсь, между тѣмъ, какъ королева скрылась во дворецъ отъ оскорбленій черни, онъ опять въѣзжаетъ въ городъ завоевателемъ, въ сопровожденіи везомомъ народною стражею. Первые свиданія съ королевой были бурны; оскорбленное достоинство встрѣтилось съ мрачною гордостью. Наконецъ, по утру 10 октября 1840 года, состоялась конференція, начавшаяся еще наканунѣ, заключена простымъ объявленіемъ регентши: «Эспартеро, я отрекаюсь». Эспартеро, испугавшись ответственности, падающей на него въ слѣдствіе этого отреченія, настаиваетъ, чтобы она отказалась отъ своего намѣренія; регентша остается непоколебимою. Черезъ мѣсяць, возмущившіяся подданныя и павшая королева, примиренные общими изгнаніемъ, обитавшіе улыбкою, встрѣтившись въ Монпелье: это были Христина и Кабрера.

Эспартеро сдѣлался наконецъ властелиномъ дѣлъ; легкая роль наблюдателя и цензора для него миновалась; настала трудная обязанность руководить націею. Не смотря на всю гордость, какую пробуждаетъ въ человѣкѣ достигнутая имъ народность, Эспартеро, конечно, почувствовалъ тяжесть поднятаго имъ бремени. Впрочемъ, до известной степени онъ исполнялъ свое дѣло нехудо. Возведенный въ званіе регента партіею, которой многочисленныя отрасли доходили до крайнихъ границъ демагогизма, Эспартеро, подверженъ былъ въ душѣ къ порядку, почувствовалъ необходимость признать какую-нибудь точку опоры, и объявилъ, что онъ остается непоколебимымъ приверженцемъ конституціи 1837 года. Онъ распустилъ кортесовъ; законъ объ *ayuntamientos* былъ уничтоженъ, но всѣсть съ нимъ уничтожены и нѣкоторыя революціонныя юнты, между прочимъ

и мадритская. Наварра, за немногими исключеніями, была организовава по-добно остальнымъ провинціямъ Испаніи.

Остальныя, новѣйшія событія татарскія, вѣроятно, припомнятъ изъ газетъ. Эспартеро, навсегда выгнанный изъ Испаніи, живетъ теперь въ Англіи, и роль его, кажется, совершенно кончена...

МАРКИЗА.

Повѣсть Жоржа-Занда.

I.

Маркиза де-Р... не была слишкомъ-умна, хотя и принята въ литературѣ, что всѣ старыя женщины должны быть очень-умны. Невѣжество ея, простиравшееся на всѣ предметы, которымъ не научилъ ее свѣтъ, было чрезмѣрно. Въ ней не было также той чрезвычайной точности выраженій, той отиѣнной дальновидности, того удивительнаго такта, которые отличаютъ, какъ говорятъ, женщинъ много жившихъ и многое видѣвшихъ. Она была, напротивъ, вѣтренна, гспрыльчива, откровенна, и доходила иногда до цинизма. Однимъ словомъ, она совершенно низпровергала всѣ составленныя мною идеи о маркизѣ славнаго времени. И, однакожь, она все была маркиза и видѣла дворецъ Лудовика XV; но какъ, въ тѣ времена, характеръ этотъ составлялъ исключеніе, то я прощу вамъ не искать въ ея исторіи положительнаго изученія правовъ эпохи. Знать хорошо общество и хорошо описывать его проявленія во всѣ времена, мнѣ кажется такою трудною задачею, что я не хочу и браться за нее. Ограничусь тѣмъ, что разскажу вамъ

нѣсколько частныхъ случаевъ, которые устанавливаютъ отношенія сочувствія между людьми всѣхъ обществъ и всѣхъ вѣковъ. Я никогда не находилъ большаго очарованія въ обществѣ этой маркизы. Она казалась мнѣ замѣчательною только по чудовищной памяти, которую сохранила о временахъ своей молодости и по той мужественной ясности, съ какою изображалась ея воспоминанія. Впрочемъ, подобно всѣмъ старикамъ, она забывала о томъ, что было вчера, и не заботилась о событіяхъ, которыя не имѣли на ея судьбу прямаго вліянія.

Она не была изъ тѣхъ поражающихъ красавицъ, которыя, по недостатку блеска и правильности, не могутъ обойтись безъ ума. Женщина, такимъ образомъ созданная, приобрѣтала его столько, чтобъ не уступать тѣмъ, которыя прекраснѣе ея. Маркиза, напротивъ, имѣла несчастье быть неоспоримо-прекрасною. Мнѣ случилось видѣть только ея портретъ, который она, съ свойственнымъ старой женщиной кокетствомъ, вывѣшывала на показъ всѣмъ въ своей комнатѣ. Она изображена была на этомъ портретѣ въ видѣ нимфы-охотницы, въ полосатомъ атласномъ корсажѣ, похожемъ на тигровую кожу, съ кружевными рукавами, съ лудкомъ изъ савдальнаго дерева и съ полумѣсяцомъ изъ жемчужинъ, который игралъ на ея взбитыхъ волосахъ. И однакожь это была превосходная картина, въ-особенности же превосходная женщина: большаго роста, гибкая, смуглая, съ черными глазами, съ суровыми и благородными чертами лица, съ алыми устами, которые никогда не улыбались. Руки ея приводили, какъ говорятъ, въ отчаяніе принцессу Ламбалль. Безъ кружевовъ, атласа и пудры, это была бы поистинѣ одна изъ тѣхъ гордыхъ и легкихъ нимфъ, которыя являлись смертнымъ въ глубинѣ дѣсовъ или на скатѣ горъ, чтобъ свести ихъ съ ума отъ любви и тоски.

Впрочемъ, жизнь маркизы не полна приключеній. Она сама созна-

валась, что не была замѣчена по недостатку ума. Пресыщенные люди того времени любили не самую красоту, а кокетство. Женщины, гораздо-менѣе достойныя удивленія, похитили у ней всѣхъ ея обожателей, и, что очень-странно, она, казалось, не слишкомъ-заботилась о томъ. Все то, что отрывками рассказала она мнѣ о своей жизни, заставляло меня думать, что сердце это никогда не было молодо и что холодный эгоизмъ господствовалъ въ немъ надъ всѣми другими способностями. Однакожь, вокругъ нея толпились друзья, довольно-искренніе для старости: ея внуки обожали ее, и она дѣлала добро втайнѣ; но такъ-какъ она никогда не величалась правилами и со-звывалась, что никогда не любила своего любовника, виконта Ларрѣ, то и невозможно мнѣ было иначе объяснить ея характеръ.

Въ одинъ вечеръ, она показала мнѣ откровеннѣе, нежели бывала обыкновенно. Мысли ея были какъ-то печальны. — Милое дитя мое, сказала она мнѣ: — виконтъ де-Ларрѣ умеръ отъ подагры; это для меня большое горе; я была его другомъ въ-продолженіи шестидесяти лѣтъ. Сверхъ-того, страшно видѣть какъ умирають! Впрочемъ, не удивительно: онъ былъ такъ старъ!

— Сколько ему было лѣтъ? спросилъ я.

— Восемьдесятъ-четыре года. Мнѣ восемьдесятъ; но я не такъ слаба, какъ онъ; я должна надѣяться прожить болѣе его. Однакожь, вотъ много изъ моихъ друзей умерли въ этомъ году и хотя считаешь себя моложе и крѣпче ихъ, а все-таки невольно боишься, когда исчезаютъ такимъ-образомъ современники.

— И такъ, сказалъ я ей: — вотъ всѣ ваши сожалѣнія о бѣдномъ Ларрѣ, который обожалъ васъ цѣлые шестьдесятъ лѣтъ, который не переставалъ жаловаться на вашу жестокость и никогда не отрекался отъ васъ? Это былъ образецъ любовниковъ! Теперь нѣтъ такихъ людей!

— Полноте, сказала маркиза съ хо-

одною улыбкою: — этот человек ни въ страсть жаловаться и прославлялъ себя несчастнымъ... Онъ совсѣмъ не былъ такимъ: всѣ это знаютъ.

Видя мою маркизу расположенною къ болтовнѣ, я осыпалъ ее вопросами о виконтѣ Ларрѣ и о ней самой; и вотъ оригинальный отвѣтъ, который она мнѣ сдѣлала:

— Любезное дитя мое, я вижу, что вы считаете меня женщиною съ самымъ нескладнымъ и неровнымъ характеромъ. Можетъ-быть, это и такъ. Судите объ этомъ сами; я расскажу вамъ всю свою исторію и исповѣдую вамъ мои странности, которыхъ никогда никому не открывала. Вы, какъ человекъ безъ предрассудковъ, можетъ-быть, найдете меня менѣе-виновною, нежели какъ мнѣ самой это кажется; но какое бы вы ни возымѣли обо мнѣ мнѣніе, я не умру, не открывъ кому-нибудь души своей. Можетъ-быть, вы окажете мнѣ сочувствіе, которое уладитъ грусть моихъ воспоминаній.

Я воспитывалась въ Сен-Сирѣ. Блестящее воспитаніе, которое тамъ получали, въ-сущности не производило ничего. Шестнадцать лѣтъ я вышла изъ заведенія, чтобъ вступить въ бракъ съ маркизомъ де-Р...., которому было пятьдесятъ, и я не смѣла жаловаться на это, потому-что всѣ поздравляли меня съ счастливымъ супружествомъ, и всѣ бѣдныя дѣвушки завидовали моей участи.

Я никогда не была умна; въ это же время была совершенно - глупа. Монастырское воспитаніе притупило мои способности, которыя и безъ того развивались слишкомъ-медленно. Я вышла изъ монастыря съ одною изъ тѣхъ глупенькихъ невинностей, которыя совсѣмъ-некстати приписываются намъ въ достоинство, и которыя часто вредятъ счастію всей нашей жизни.

Въ-самомъ-дѣлѣ, опытность, которую я приобрѣла въ шесть мѣсяцевъ супружества, невосприимчивая мнѣ на узенькихъ умохъ, не послужила мнѣ ни къ чему. Я научилась не узнавать жизнь, а сониваться въ самой-себѣ.

Я вступила въ свѣтъ съ совершенно-ложными понятіями и съ предрассудками, которыхъ вліяніе не могла уничтожить во всю свою жизнь.

Въ шестнадцать съ половиною лѣтъ, я была вдовой; свекровь моя, которая привязана была ко мнѣ за мою ничтожность, убѣждала меня снова выйти замужъ. Правда, я была беременна, и бѣдная часть моего наслѣдства должна была возвратиться въ семейство мужа въ томъ случаѣ, когда бъ я наслѣдника его подарилъ вочинномъ. Лишь-только трауръ мой кончился, меня стали вывозить въ свѣтъ и окружили прелестняками. Я была тогда въ полномъ блескѣ красоты и, по приговору всѣхъ женщинъ, не было ни фигуры, ни стана, которые бы могли сравниться съ моими.

Но мужъ мой, старый, пресыщенный волокита, имѣвшій ко мнѣ только ироническое презрѣніе и женившійся для того, чтобъ получить обѣщанное мѣсто, внушилъ мнѣ такое отвращеніе къ браку, что я никогда не хотѣла согласиться на новыя узы. Не зная жизни, я воображала, что всѣ мужчины на одинъ покрой, что сердца ихъ хозодны, что въ душѣ ихъ вѣчная, безчеловѣчная иронія, что всѣ они расточаютъ холодныя и оскорбительныя ласки, которыя такъ унижали меня. Какъ ограниченна я ни была, я однакожь хорошо поняла, что рѣдкіе восторги моего мужа относились только къ прекрасной женщинѣ, что восторги эти были не отъ души. Я становилась потомъ для него дурочкою, за которую онъ краснѣлъ въ обществѣ и которой бы желалъ отречься, еслибъ былъ въ состояніи.

Это пагубное вступленіе въ жизнь разочаровало меня навсегда. Сердце мое, быть-можетъ, непредназначенное оставаться холоднымъ, сжалось и недовѣрялось никому. Я возненавидѣла людей, отвращалась ихъ. Поклонничество ихъ оскорбляло меня; я видѣла въ нихъ только плутовъ, которые работниствовали, чтобъ сдѣлаться тиранами. Люб-рекла себя на вѣчную злобу и ненависть

въ вѣкъ. Когда не имѣешь нужды въ добродѣтели, то не имѣешь и добродѣтели: вотъ почему, съ самыми строгими правилами, я не была добродѣтельна. О! какъ сожалѣла я о томъ, что не могла быть добродѣтельною! Какъ завидовала я ей, этой нравственной и религиозной силѣ, которая сражаетъ страсти и краситъ жизнь! моя была такъ холодна и такъ ничтожна! Чего бы не дала я за то, чтобъ быть въ возможности удерживать страсти, бороться съ ними, чтобъ быть въ состояніи броситься на колѣни и молиться, подобно другимъ женообразнымъ женщинамъ, которыя, по выходѣ изъ монастыря, ревностью и сопротивленіемъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, удерживались въ свѣтѣ! Что острвалось дѣлать на землѣ мнѣ, несчастной? Ничего болѣе, какъ переживать, показываться и скучать. Я жила безъ сердца, безъ угрызений совѣсти, безъ страха; мой ангелъ-хранитель дремалъ, а не бодрствовала надо мною. Я не имѣла никакой нужды въ покровительствѣ; опасности созданы были не для меня, и я презираю себя за то, чѣмъ должна была бы гордиться — потому что, надо вамъ сказать, я обвиняла какъ себя, такъ и другихъ, когда находила въ себѣ склонность не любить, униженную до невозможности. Я часто выражала женщинамъ, убѣждающимъ меня выбрать себѣ мужа или любовника, все отвращеніе, какое ввухала мнѣ неблагодарность, злоба и жестокость мужчинъ. Онѣ смѣялись мнѣ въ лицо, утѣряя меня, что не всё похоже на моего стараго мужа, и что мужчины имѣютъ секреты, которые заставляютъ прощать ихъ недостатки и пороки. Этотъ образъ мудрствованія волновалъ меня, слыша, какъ другія женщины выражали столь-глубокія чувства и, подобно сумасшедшицѣ, смѣялись, когда негодование изображалось на моемъ лицѣ, я была унижена тѣмъ, что была женщиной. Мнѣ иногда приходило въ голову, что я лучше ихъ всѣхъ.

И потомъ снова съ горестію углублялась я въ себя; скука гнала мое

сердце. Жизнь другихъ была полна, моя была пуста и праздна. Тогда я обвинула себя въ пошлостяхъ и въ неограниченномъ честолюбіи; вѣща; надо вѣрять въ то, что говорили мнѣ эти насмѣшницы, женщины — епископы, которыя пользовались вѣкомъ, какъ онъ былъ. Я говорила себѣ, что невѣжество погубило меня, что изображение мое желѣзо падорныя надежды, что я мечтала о людяхъ правдивыхъ и совершенныхъ, которыя были не отъ міра сего. Однимъ словомъ, я сваливала на себя все то, въ чемъ другіе были виновны противъ меня.

До-тѣхъ-поръ, пока женщины надѣялись скоро увидѣть меня совращенною въ ихъ правца или, какъ называли онѣ, въ ихъ мудрость, онѣ смости меня. Между ними была не одна, которая основывала на мнѣ великую надежду оправданія себя, не одна, которая отъ преувеличенныхъ доказательствъ грубой добродѣтели переходила къ поведенію легкомысленному и которая дѣстала себя надеждою, что я поражу свѣту примѣръ вѣтренности, и что этимъ примѣромъ можно будетъ извинить ея собственную вѣтренность.

Но когда увидѣли онѣ, что это не существовало, что мнѣ было уже двадцать лѣтъ, и что я оставалась неразвращенною, то возвращались меня: онѣ думали, что я была содерженною и живою критикою на нихъ; насмѣхались надо мною съ своимъ злободушіемъ, и добѣда надо мною была предметомъ самыхъ оскорбительныхъ замысловъ и самыхъ безрассудныхъ предпріятій. Женщины высшаго круга не стыдились смѣяться, оцутывать меня своимъ безчестнымъ кознями, и, въ простотѣ деревенскихъ нравовъ, меня осаждали всѣ съ такимъ остервененіемъ, что это походило на ненависть. Были мужчины, которые общались своимъ любовницамъ и ричить меня, и женщины, которыя позволяли своимъ любовникамъ испытать счастья. Были хозяйки дома, которыя предлагали свои услуги, чтобъ затмить мой рассудокъ при по-

модцы вина за них уминомъ. Я видѣла друзей и родственницъ, желавшихъ искутить меня, представлявшихъ мнѣ мужчинъ, которые были бы славными кучерами. Такъ-какъ я была открыта до того, что открывала имъ всю свою душу, то онѣ очень-хорошо знали, что хранителемъ моихъ была не работность, не честь, не старая любовь, а только недоверчивость и чувство недольного огорченія; онѣ не преминули разгласить мой характеръ, и не давая отчета въ сѣньникахъ и мукахъ души моей, смѣло говорили, что я презирала всѣхъ мужчинъ. Нѣтъ ничего, что оскорбляло бы мужчинъ больше этого чувства; они спорятъ извѣщаютъ легкомыслие, нежеланіе презрѣть. Вотъ почему и они раздѣляла съ женщинами отращиваніе ко шнѣ; они старались видѣться со мною для того только, чтобъ удовлетворить своему мнѣнію и новозъ издѣваться надо мною. Иронія и шутливостя находила я напечатлѣнную на всѣхъ лицахъ, и мизантропія моя съ каждымъ днемъ усиливалась.

Женщина умная воспользовалась бы здравіемъ; она усорно сопротивлялась бы, чтобъ для того, чтобъ усилить ярость своихъ соперницъ; она открыто обращалась бы къ работности, чтобъ приваждать къ обществу небольшого числа добродѣтельныхъ женщинъ, которыя, даже въ тѣ времена, служили примѣромъ для честныхъ людей. Но я не имѣла столько силы характера, чтобъ прямо встрѣтить бурю, собирающуюся надо мною. Я видѣла себя оставленною, ненавидимою, презанною; уже репутація моя была жертвою самой страшной и самой оригинальной клеветы. Нѣкоторыя женщины, обрѣкшія себя на самый темный развратъ, старались показать, что онѣ считаютъ себя въ опасности отъ совримосовенія со мною.

II.

Въ это время прѣхала въ президиумъ человекъ безъ таланта, безъ ума, безъ всякаго свѣдѣнія для предвѣща-

ющаго собою, но одаренный великою непорочностью души и прямою чувствомъ:—явленіе весьма-рѣдкое въ свѣтѣ, въ которомъ жила я. Я начинала наконецъ думать, что мнѣ нужно «сдѣлать выборъ», какъ выражалось нем подруги. Будучи матерью, я не могла выйти замужъ и, не вѣря въ доброту мужчинъ, считала себя не въ правѣ сдѣлать его. Чтобъ быть въ уровень съ обществомъ, къ которому обратила шеніе судьба, я должна была пріобрѣсти любовника. Я рѣшилась въ пользу этого пріавиціала, котораго мнѣ не было положеніемъ въ свѣтѣ выигрывать ничего: это былъ виконтъ де-Ларрѣ.

Онъ любилъ меня отъ всей потребности своей души!.. Отъ души! но имѣлъ ли онъ ее? Это были одни извѣстные холщаны, коммитабельныя люди, которые, даже для себя, не одарены краснорѣчіемъ шорна и душою мнѣ. Онъ любилъ меня по-своему, какъ и мужъ всегда любилъ жену. Онъ пораженъ былъ только моею красотой и не старался узнать мое сердце. Въ чемъ это была слѣдствіемъ не презрѣнія, не глупости. Если бы онъ захотѣлъ во мнѣ силу любить, онъ не сумѣлъ бы отказать на нее.

Я не думаю, чтобъ существовала чуждая матеріальнаго этого бѣднаго Ларрѣ. Онъ былъ въ насамомъ дѣлѣ, съидица на всѣхъ презанъ, а остальное время выхаживалъ табакъ. Таинный образъ, занятіе его состояло всецѣмъ въ удовлетвореніи какой-нибудь ошаческой потребности. Я не думаю, чтобъ въ нѣкій день пришла ему въ голову какая-нибудь мысль.

Прежде, нежели допустила я его до близкихъ съ собою отношеній, я питала къ нему дружбу за то, что если не находила въ немъ ничего великаго, по-крайней-мѣрѣ не находила ничего и злаго; вотъ въ чемъ состояло все его прѣвосходство надъ всѣмъ, меня окружающимъ. Слущая его любезности, я дѣтла себя надеждою, что онъ припритъ меня съ природою человекъ, и вѣрдалась его праводушію. Но одна предоставила я ему надъ собою права, не-

терья слабыя женщины никогда уже не возвращаютъ себѣ, отъ началъ преслѣдовать меня какими-то невыносимыми бѣсовскими невозможностями и всю систему своей привязанности заключить только въ свидѣтельствахъ, котораи въ состояніи были оцѣнить.

Вы видите, мой другъ, что я изъ Харибды попала въ Спидулу. Человѣкъ этого, котораго я, по чрезвычайному его ашкету и по привычкѣ вѣчно спать, почитала за самаго хладнокровнаго, не выгнѣлъ въ себѣ даже чувства той сильной дружбы, которую надѣялась я встрѣтить въ немъ. Онъ говорилъ съ умишкомъ, что не въ состояніи питать дружбу къ прекрасной женщинѣ. А еслибы вы знали, что называлъ онъ любовью!

Я не претендую на то, что была оцѣнена иначе, нежели другія. Теперь, когда я не принадлежу уже ни къ какому полу, думаю, что я была тогда такою же женщиною, какъ и всѣ, но къ развѣтлю моихъ способностей не доставало мнѣ встрѣтить человѣка, котораго бы я любила столько, чтобъ оживотворять хоть немного животную жизнь.

Но такъ-какъ этого не было, то вы, какъ мужчина, и слѣдовательно, болѣе способный къ анализированію чувствъ, должны понять отвращеніе, замалчивающее сердце, когда женщина покоряется требованіямъ любви, не понимая въ томъ необходимости. Въ три дня, виконтъ де-Ларрѣ сталъ для меня невыносимъ.

И что же, другъ мой, я никогда не выгнѣла силы сбросить свои оковы! Въ продолженіе шестидесяти лѣтъ, онъ былъ моимъ мученіемъ и предметомъ омерзения. Изъ спихожденія, изъ слабости, или отъ скуки я терпѣла его. Всегда недовольный моимъ отвращеніемъ и вѣчно-привязанный ко мнѣ притѣвленіями, которыя я полагала для его страсти, онъ питалъ ко мнѣ любовь самую терпѣливую, самую мужественную, всегда одинаковую и самую скучную, которую только когда-либо оказывалъ мужчина къ женщинѣ.

Правда, съ-тѣхъ-поръ, какъ я избрала его своимъ протекторомъ, положеніе мое въ свѣтѣ сдѣлалось гораздо непріятнымъ. Мужчины не оскѣливались болѣе преслѣдовать меня; ибо виконтъ былъ страшный ревнонецъ и страшный забѣлка. Женщины, предсказывавшія, что я неспособна выбрать мужнину, съ негодованіемъ смотрѣли на виконта, привязаннаго къ моей колесницѣ; можетъ-быть, я терпѣла его отчасти и изъ тщеславія — чтобъ не показаться оставленною. Впрочемъ, нельзя было много гордиться этимъ бѣднымъ Ларрѣ; но онъ былъ очень-хорошъ собою, имѣлъ сердце, умѣлъ кстати помолчать, прекрасно жилъ и, сверхъ-того, одаренъ былъ скромною глупостью, котора я выставляетъ достоинство женщины. Наконецъ, кромѣ того, что женщины не презирали этой несносной красоты, котора я казалась мнѣ главнымъ недостаткомъ въ виконтѣ, онъ былъ изумленъ искреннею его преданностью ко мнѣ и выставляли его за образецъ своимъ любовникамъ. Положенію моему завидовали; но, увѣряю васъ, это вознаграждало меня посредственно за скуку сердечной дружбы. Я свосила ее, однако, терпѣливо и хранила къ Ларрѣ ненарушимую вѣрность. Вотъ видите ли, любезное дитя мое: такъ ли я виновна передъ нимъ, какъ вы думали?

— Я васъ совершенно понималъ, отвѣчалъ я:— другими словами, я соболѣзную о васъ и уважаю васъ. Вы пожертвовали собою обычаямъ вашего времени и были преслѣдуемы за то, что стояли выше этихъ обычаевъ. Еслибы у васъ было немного болѣе нравственной силы, въ добродѣтели нашли бы вы счастье, котораго не приобрѣли въ нитригѣ. Но позвольте мнѣ удивляться одному: именно, что вы, въ продолженіе цѣлой жизни, не встрѣтили ни одного человѣка, способнаго васъ понять и достойнаго обратитъ васъ къ истинной любви. Не слѣдуетъ ли заключать изъ того, что нынѣшніе мужчины лучше прежнихъ?

— Съ вашей стороны, это была бы непростительная глупость, отвѣчала она смѣясь. — Я не могу похвалиться мужчинами моего времени, и, однакожъ, сомнѣваюсь, чтобъ вы сдѣлали большіе успѣхи... Но полно; не станемъ читать правоученій. Пусть останутся мужчины такъ, какъ они есть; я сама виновата въ своемъ несчастіи: я не имѣла разсудка обсудить его. Съ моею дикою гордостью, нужно было бы родиться женщиной великой, чтобъ орлинымъ взглядомъ въ этой толпѣ людей пошлыхъ, живыхъ и пустыхъ, выбрать одно изъ тѣхъ правдивыхъ и благородныхъ существъ, которыя такъ рѣдки и составляютъ исключенія во всѣхъ вѣкахъ. Я была невѣжда и слишкомъ-ограничена для этого. Проживъ въ свѣтѣ, я начала разсуждать и замѣтила, что нѣкоторые изъ тѣхъ, къ которымъ я питала ненависть, достойны были другихъ чувствъ; но тогда я была уже старухой; слѣдственно, слишкомъ поздно хватилась.

— А пока вы были молоды, возразилъ я:—вы ни разу не покушались сдѣлать новый опытъ? Отвращеніе ваше не-уже-ли никогда не было поколеблено? Это странно!

III.

Маркиза на мгловеніе замолкла; но вдругъ, съ шумомъ положивъ на столъ свою золотую табакерку, которую долго вертѣла въ рукахъ, сказала: — Ну! ужъ если я начала свою исповѣдь, то признаюсь во всемъ. Слушайте же внимательнѣй:

— Однажды, только однажды въ жизни, я была влюблена, но влюблена такъ, какъ никто не бывалъ, — любовью страстною, неукротимою, пожирющею, и, однакожъ, идеальной и платонической... Васъ сильно удивляетъ, что маркиза восемнадцатаго столѣтія любила только одинъ разъ въ жизни, и любила платонически. Это потому, видите ли, дитя мое, что вы, молодые люди, думаете, будто хорошо знаете женщинъ, а между-тѣмъ

вы въ нихъ ничего не понимаете. Еслибъ по-больше старыя восемнадцатилѣтнихъ женщинъ начали вамъ разсказывать откровенно свою жизнь, вы нашли бы, можетъ-быть, въ душѣ женщины такіе источники порока и добродѣтели, о которыхъ и понятія не имѣете... Теперь отгадайте, какого соловія былъ человекъ, который заставилъ меня, маркизу, и маркизу самую маленяую и гордую, потерять совершенно голову?

— Французскій король, или дофинъ Лудовикъ XVI?..

— О! если вы такъ начнете, то вамъ нужно будетъ три часа, чтобъ добратъся до моего любовника. Я лучше сама скажу вамъ: это былъ комедіантъ.

— Все-таки онъ былъ король, думаю я.

— Самый благороднѣйшій и самый избранный изъ всѣхъ, которые когда-либо взбирался на подмостки. Вы не ошуняетесь?

— Не слишкомъ. Я слышалъ, что эти неравные связи были верѣдны, даже въ тѣ времена, когда прелюбодѣтели были въ полвой силѣ во Франціи. Которая изъ подругъ мадамъ д'Эннэ жила съ Желіоттомъ?

— Какъ хорошо знаете вы нашу вѣкъ! Жалко слушать. И уже потому только, что вещи эти заключаются въ запискахъ и мемуарахъ, и разсказываются съ удивленіемъ, вы должны были бы заключить о ихъ рѣдкости и противорѣчии нравамъ времени. Будьте увѣрены, что онѣ дѣлали тогда много шума; и если вы услышите о страшномъ развратѣ герцога де-Гинша и де-Манникана, мадамъ де-Лионнэ и ея дочери, то можете быть увѣрены, что поступки ихъ были такъ же возмутительны въ то время, когда они совершались, какъ и тогда, когда вы читаете о нихъ. Вы думаете, что люди, которыхъ перомъ водило негодованіе и которые перелавали ихъ дѣянія, были единственные честные люди во Франціи?

Я не смѣю противорѣчить маркизѣ. Не знаю, кто изъ насъ обонъ ногъ

прилична обвиняла этого впрямь. Я снова перелзла на ее историю, которую продолжала она такимъ образомъ:

— Чтобы доказать вамъ, какъ мало было это терпимо, скажу вамъ, что въ первый разъ, когда я увидѣла его и когда выражала свое удивленіе графини де-Феррьеръ, которая стояла вблизи меня, она отвѣтила мнѣ: — Не выражай такъ жарно своего вѣдѣнія передъ другими; ведь тобою стануешь жестоко насмѣхаться, если заметишь, что ты заблужда, что въ глазахъ женщины хорошаго тона — комедіантъ не можетъ быть человекомъ.

Эти слова г-жи де-Феррьеръ глубоко остались въ моей памяти, она не знала почему. Въ положеніи, въ которомъ я находилась, этотъ презрительный тонъ казался мнѣ пелѣвымъ, и опасенію маршала не компрометтировать себя своимъ удивленіемъ ипазлось мнѣ всю насмѣшкою.

Онъ назывался Деліо, былъ родеиъ итальянскій, но говорилъ удивительно по-французски. Ему было около тридцати-пяти лѣтъ, хотя на сценѣ ему казалось часто менѣе двадцати. Онъ игралъ лучше въ трагедіяхъ Корнея, нежели Расина, но какъ въ тѣхъ такъ и въ другихъ былъ неподражаемъ.

— Удивлялись, слыжалъ я, перебивая маршалу: — что ния его не осталось въ лѣтислѣхъ драматическаго таланта?

— Онъ не былъ въ славѣ, отвѣчала она: — его не опіянли ни дворъ, ни артисти. Мнѣ говорили, что при первыхъ дебютахъ онъ былъ оскорбительно осмѣянъ. Потомъ, его полюбили за жаръ души и за усилія въ совершенствованіи; его терпѣли, иногда рукоплескали ему; но въ сущности его признавали всегда за комедіанта безъ вкуса.

Это былъ человекъ, который, въ отношеніи къ искусству, не былъ человекомъ своего вѣка, какъ я была въ отношеніи къ правамъ. Можетъ-быть, это-то самое нематеріальное, но всемогущее отношеніе связало наши души съ духомъ вещей общественной дѣи. Неблизка така же мѣла Деліо,

какъ себя обвиняла мѣла: Стоит человекъ утверждать, говорить о вѣкѣ; онъ силится, не чувствуетъ ничего; а обо мнѣ говорили: — это женщина холодная и всепренебрегающая; она безъ сердца. Кто знаетъ, можетъ-быть, ии были два существа, которыя жите всѣхъ чувствовали и понимали.

Въ тѣ времена, трагедію развѣтривали *бюрократами*; нужно было быть ивысказаннымъ даже и тогда; когда дѣлила пощечину; умирать надо было арлично и упадать граціозно. Драматическое искусство примѣнено было къ арличнымъ вѣдѣніямъ круга; дѣлила и жесты актѣровъ были въ правотѣрныхъ отношеніяхъ къ вѣдѣніямъ и вѣдѣніямъ, которыя украшали еще Федру и Клитемистру. Я не исчисляла и не чувствовала недостатковъ этой школы. Я не слишкомъ углубилась въ размышленія; трагедіи надобдала ии до смерти; но такъ-какъ было бы не-привлично показать это, то я мужественно вѣдѣла въ театрѣ слушать два раза въ пелѣю; холодный и прлу-жѣнный видъ, съ которымъ слушала ии въ пышныхъ тирадахъ, вставала дру-гихъ говорить обо мнѣ, что я не чувствовала очарованія превосходныхъ стиховъ.

Послѣ довольно-долгого отсутствія изъ Парижа, я однажды вечеромъ вѣдѣла во Французскую-Комедію, чтобы посмотреть Сидъ. Во время пребыванія моего въ деревнѣ, Деліо былъ принятъ на этотъ театръ; я я видѣла его еще въ первый разъ. Онъ игралъ Родрага. Услышавъ звуки его голоса, я была уже взволнована. Это былъ голосъ болѣе-проникательный, нежели звучный, голосъ первобытный, выразительный. Этотъ голосъ былъ однимъ изъ предѣловъ критики. Публика хотѣла, чтобы Сидъ говорилъ блѣдомъ; равно какъ ии въ герояхъ древности желала видѣть высокими и сильными. Царь, въ которомъ не было пяти футовъ и шестидесяти аршиновъ, не могъ обличиться въ корону: это противорѣчило бы вѣдѣніямъ хорошаго вкуса.

Деліо былъ малъ и худощавъ; впрямь

та его свечение не въ чертахъ лица, но въ благородствѣ чела, въ удивительной граціозности положеній, въ волшебной походкѣ, въ гнррозѣ и желайтвомъ выраженіи энціопоміи. Ни въ статуѣ, ни въ картинѣ; ни въ одномъ человѣкѣ не встрѣчала я могущества красоты болѣе-идеальной и болѣе-приятной. Для него должно бы ссодать слово *сврованид*, которое приѣнялось во всѣхъ его словамъ, взглядахъ, движеніяхъ.

Что еще сказать вамъ! Дѣйствительно, онъ очаровалъ меня. Этотъ человѣкъ, который ходилъ, говорилъ, дѣйствовалъ безъ жетоды и прѣтензіи, котораго рыданія выплывали изъ сердца, который забывался, чтобъ отождествиться съ страстью; человѣкъ, котораго душа казалась намученною и сокрушенною, и котораго однакъ взглядъ заключалъ всю любовь, такъ тщетно некую мною въ свѣтъ, воздвигла надо мной электрическое могущество; человѣкъ этотъ, не родившійся въ вѣкъ своей славы и сочувствія и не имѣвшій никого, кто бы поналъ его и вилелъ за нимъ, кромѣ меня;—былъ, въ продолженіе пяти лѣтъ, моимъ влаетельномъ, живымъ, моею любовью.

Я не могла жить безъ него; онъ управлялъ мною, властвовалъ надо мной. Человѣкъ этотъ созданъ былъ не для меня; но я понимала его иначе, желая госнома де-Феррьеръ; скажу болѣе: это было нравственное могущество, духовный учитель: думта его дѣлала изъ моей души что хотѣла. Вскорѣ я была не въ состояніи скрыть производное янкъ на меня впечатлѣніе. Чтобъ не измѣнить себѣ, я переманила свою лому въ Французской-Комедіи; старалась казаться набожною и притворилась, будто хожу по верховъ. Вмѣсто этого, я одѣвалась гриветной и свѣшивалась съ тѣлою, чтобъ слушать и на впроторѣ одергивъ на него. Наконецъ, я получила однегъ изъ театральныхъ чиншюнокъ и сбаврила, въ углубъ заше; маленькое секретное вѣстечко, куда не дошлкъ ни чей взоръ и куда

отправлялась я вътайной Пескотои. Для болѣшей безопасности; я одѣлась школьничкою. Эти безумства, дѣланная мною для человѣка, съ которымъ не вымолила я ни одного слова, не обмѣнялась ни однимъ взглядомъ, имѣли для меня всю привлекательность тайны и всю мечту счастья. Когда огромные, поволооченные часы, вистѣшіе въ моей залѣ, были урочный часъ, я начинала страшно волноваться. Въ то время, когда мнѣ притовлялн каррету, я старалась собраться съ силами; съ трепетомъ передвигала ноги, и если Ларрѣ бывалъ возле меня, и поступала съ нимъ жестоко, чтобъ удалить его; другихъ докучныхъ удаляла я съ удивительнымъ искусствомъ. Страсть эта къ театру до невѣроятности развила мой умъ. Мнѣ нужно было много притворства и много искусства, чтобъ скрывать ее цѣлые пять лѣтъ отъ Ларрѣ, ревнивѣшаго изъ людей, и отъ всѣхъ окружающихъ меня злыхъ языковъ.

Надо сказать вамъ, что я не боролась съ этою страстью: я предавалась ей съ жадностью, съ восторгомъ. Она такъ была чиста! Мнѣ нечего было стыдиться за нее?... Она создавала для меня новую жизнь, открывала мнѣ наконецъ все то, что желала я узнать и почувствовать; до вѣкоторой степени она дѣлала меня женщиною.

Я была счотлива — гордилась тѣмъ, что могла трепетать; задыхаться, изнемогать. Первый разъ, когда сильное трепетаніе пробудило мое неподвижное сердце, я столько же гордилась этимъ, сколько ждала мать горлится при первомъ движеніи ребенка въ ея утробѣ. Я сдѣлалась угрюмой, насивѣнницей, коварной; характеръ мой сталъ мерзень. Добрый Ларрѣ замѣчалъ; что набожность придала мнѣ странныя причуды. Въ свѣтъ находила, что я съ каждымъ днемъ расцѣтала, что мои черные глаза становились похожи на илтый бархатъ, что улыбка моя болѣе была мысли, что заключенія мои о всѣхъ предметахъ были вѣрны и протиралось горло-де-де, немой дѣлѣ

отъ меня могли ожидать. Всею честью моего образованія приписывали Даррѣ, который, однако, несколько въ томъ не былъ виноватъ.

Я рассказываю свои воспоминанія потому, что теперь они переполняютъ мою душу. Передавая ихъ вамъ, мнѣ кажется, я молодѣю, и сердце мое бьется еще при имени Леліо. Я говорила вамъ, что, слышабой стѣнныхъ часовъ, я трепетала отъ радости и нетерпѣнія.

И теперь еще мнѣ кажется, что я чувствую родъ сладостнаго задыханія при этомъ звукѣ. Съ того времени, прератности судьбы довели меня до того, что я находила себя совершенно-счастливою въ маленькой квартирѣ Марѣ. И что жъ! насколько не сожалѣю я о своемъ богатомъ отелѣ, о благородномъ кварталѣ и о моей прошедшей роскоши; собоѣзаную только о предметахъ, которые бы могли напомнить мнѣ время любви и снова мнѣхъ. Я спасла отъ разрушенія нѣкоторые мебели того времени, и смотрѣла на нихъ съ такимъ же волненіемъ, какъ тогда, когда урочный часъ пробивалъ и нетерпѣливые кони мои стучали копытами о мостовую. О, дитя мое! не любите такъ никогда; потому-что это буря, утишаемая только смертью!

Тогда я отправлялась, живая, легкая, молодая и счастливая! Я начинала цѣнить все, что составляло мою жизнь, роскошь, молодость, красоту; вдыхала блаженство всѣми чувствами, всѣми порами. Наклонясь слегка на спинку кресла, закутавъ ноги въ шѣхъ, я смотрѣлась въ висѣвшее предо мной зеркало въ золотой рамкѣ — и видѣла себя блестящею, разукрашеною. Костюмъ женскій, надъ которымъ въ-послѣдствіи такъ много смѣялись, былъ тогда необыкновенно-богатъ и безъ блестящихъ; носимый со вкусомъ и безъ смѣшныхъ преувеличеній, онъ придавалъ красотѣ благородство и нѣжную граціозность, о которыхъ живопись не можетъ дать вамъ понятія. Ко всему этому прибору перьевъ, матерій и цвѣтовъ, женщина иррауждена была

присовокуплять цѣлоторый родъ чужеземности во всѣхъ своихъ движеніяхъ.

Я видѣла женщину, которая, будучи наудрены и одѣты въ бѣлое шоре, волоча своей длинной хвостъ и съ нѣжностью покачивая перьями на челѣ своемъ, могла, безъ извербы, сравнены быть съ лебедью. Что бы ни говорилъ Руссо, но съ этими огромными атласными складками, съ этимъ мажнествомъ тканей и буфовъ, которые покрывали маленькое, худенькое тѣло, подобно тому, какъ пухъ и перья покрываютъ голубу, мы дѣйствительно болѣе походили на птицу, нежели на шмелей; съ длинными кружевными крылушками, выпадавшими съ рукъ, въ разноцвѣтныхъ краскахъ, именованныхъ наши юбки, ленты и брильянты, въ маленькихъ, маленькихъ башмачкахъ на высокихъ каблучкахъ, мы, казалось, боялись дотронуться до земли и выступали съ презрительною предосторожностью пастушки на берегу ручья.

Въ то время, о которомъ я вамъ говорю, начинали носить нудру желтоватую, которая придавала волосамъ краску нѣжную, перельнаго цвѣта. Этого способъ дѣлать нѣжнѣе яркіе цвѣта волосъ, придавалъ лицу много нѣжности, а глазамъ необыкновенный блескъ. Лобъ совершенно-открытый, терялся въ бѣдныхъ отгѣнкахъ этихъ окрашенныхъ волосъ; онъ казался отъ того гораздо-шире, яснѣе, и всѣ женщины имѣли благородный видъ. Вываиваніе волосъ, которое, по моему мнѣнію, никогда не было граціозно, уступило место маленькимъ прическамъ, огромнымъ локонамъ, закинутымъ назадъ и виспадавшимъ на шею и плечи. Прическа эта очень шла къ моему лицу; богатство и изобрѣтеніе моихъ украшеній прославила меня. Я выказала — то въ аломъ бархатномъ, убраннымъ гагачьимъ духомъ платѣ, то въ бѣлой, атласной тюникѣ, обшитой тигровой кожей; иногда же въ платѣ изъ яловыхъ дамасскихъ тканей, вышитыхъ серебромъ и съ бѣлыми перьями, оправленными въ медную. Такъ

разъѣжала я по вѣстанъ, въ ожиданіи второй пьесы, ибо Деліо никогда не игралъ въ первой. Я дѣлала впечатлѣніе въ залахъ и гостинныхъ, и влѣзая въ карету, съ снисхожденіемъ смотрѣла на женщину, любившую Деліо и которая могла заставить его любить. До-этнихъ-поръ, единственное удовольствіе, которое я чувствовала въ томъ, что была прекрасна, состояло въ зависти, мною внушаемой. Стараніе украшать себя было маленькимъ, благосклоннымъ ищеніемъ надъ женщинами, которыя вышли протѣвъ меня страшныя козни. Но когда начала я любить, я стала наслаждаться красотою для самой-себя. Только это могла я поднести Деліо въ награду за всѣ триумфы, въ которыхъ отказывалъ ему Парижъ, и воображала уже гордость и радость этого бѣднаго комедіанта, такъ осмѣянаго, неузнаннаго, отринутаго, въ то мгновеніе, когда онъ узнаетъ, что маркиза де-Р... поклоняется ему.

Впрочемъ, это были только рѣзвые и бѣглые сны; вотъ всѣ результаты и выгоды, которыя я могла извлечь изъ своего положенія. Лишь-только мысли мои принимали образъ и я замѣчала существованіе какого-либо плана въ моей любви, я мужественно бросала его, и вся гордость моего званія воспринимала снова свои права надъ моей душою... Вы съ удивленіемъ смотрите на меня? сейчасъ же объясню вамъ это. Дайте мнѣ пробѣжать очарованный шіръ моихъ воспоминаній.

Въ восемь часовъ, я выходила у маленькой церкви Кармелитокъ, близъ Люксанбура, отиравала карету домой и дѣлала видъ, что присутствую при религиозныхъ бесѣдахъ, которыя бывали въ этотъ часъ; но я пробѣгала только церковь и садъ, выходила на другую улицу и отправлялась въ чердакъ къ молодой швѣѣ, Флорансѣ, которая была мнѣ совершенно предана. Я зашла въ ея комнати, съ радостью вела на ея кровати всѣ свои украшенія и надѣвала черное простенькое платье, швагу въ ножнахъ и симметри-

чѣсній парикъ молодого школьнаго провизора, кандалата въ священники. Большаго роста, брюнетка и съ скромнымъ взоромъ, я походила на неволькаго и смѣшнаго школьника, который причесался, чтобъ его не увидѣли въ театрѣ. Флоранса, думая, что я, въ самомъ-дѣлѣ, имѣю какую-нибудь интригу, смѣялась со мной надъ этими превращеніями, и признаюсь, я не болѣе веселилась бы ими, еслибъ собиралась упоить себя удовольствіями и любовью, подобно всѣмъ молодымъ безумцамъ, которые тайно жили въ маленькихъ домикахъ.

Я садилась въ фіакръ и потомъ скрывалась въ уголкѣ театра. О! тогда прекращались мои волненія, опасенія, радость, нетерпѣніе. Всѣ способности души моей глубоко сосредоточивались во мнѣ и, въ ожиданіи великаго торжества, я погружена была въ себя до поднятія занавѣсы.

Подобно коршуну, захватывающему въ своемъ магнетическомъ полетѣ куропатку и описывающему надъ нею, неподвижною и трепещущею, волшебный кругъ, душа Деліо, великая душа трагика и поэта, поглощала всѣ мои способности и погружала меня въ оцѣпенѣніе отъ изумленія. Сложивъ на колѣни руки, опершись подбородкомъ на утрехтскій бархатъ ложи, съ челомъ, омоченнымъ потомъ, я слушала его... удерживала свое дыханіе, проклинала утомительный блескъ свѣчей, который сушилъ и жегъ глаза мои, привязанные ковсѣмъ движеніемъ. Я хотѣла уловить малѣйшее трепетаніе его груди, малѣйшую морщину на лицѣ его. Его притворныя нуки, его театральныя несчастія поражали меня подобно дѣйствительнымъ. Я уже не умѣла болѣе отличать заблужденіе отъ истины. Деліо уже не существовалъ для меня: это былъ Родригъ, Баззетъ, Ипполитъ. Я не видѣла его враговъ, трепетала за его опасности; горести его вставляли меня проливать съ нимъ слезы; смерть его исторгала у меня крики, которые принуждена была я задум-

знать, судорожно сжимая челюсти. Въ антрактахъ, неизменная, падала я въ глубину своей ложи; какъ мертвая лежала я до-тѣхъ-поръ, пока рѣшѣній ригурнель не объявлялъ о поднятїи завѣсы. Тогда я воскресала, снова становилась сильною и пламенною, чтобы удивляться, чувствовать, плакать. Сколько свѣжести, сколько новизны, сколько юности заключалось въ талантѣ этого человѣка! Надо было нѣтъ каменное сердце, чтобы не упасть къ ногамъ его. А публика молча сидѣла на своихъ мѣстахъ!..

И, однакожь, хотя онъ шелъ на-перекоръ всѣмъ принятымъ понятїямъ, хотя онъ и не въ состоянїи былъ приуродиться ко вкусу этой глупой, бессмысленной публики, хотя безпорядкомъ своего туалета приаодилъ въ негодование женщинъ и презрѣнїемъ глухыхъ требованїи оскорблялъ мужчинъ, — были минуты, когда онъ былъ величественно-могучъ, невольно очаровывалъ всѣхъ, когда однимъ словомъ, однимъ взглядомъ своимъ обнималъ всю эту упрямую и неблагодарную публику, заставлялъ рукоплескать себѣ и приводилъ все въ содроганїе. Это случалось рѣдко, потому-что невозможно вдругъ немѣнить духъ вѣка; но когда случалось, то рукоплесканїа были неистовыя; казалась, Парижане, покоренную его гениемъ, хотѣли загладить все свои несправедливости. Я полагаю скорѣе, что человѣкъ этотъ одаренъ былъ во-временамъ силою сверхъестественною, и что тѣ, которые наиболѣе презирали его, чувствовали себя невольно увлеченными воздавать ему должное. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ эти минуты, зрители, наполнявшие залу Французской-Комеди, казалось, поражены были бѣшенствомъ и, выходя изъ театра, наумлялась, что могли рукоплескать Лелю. Что касалось до меня, я все предавалась чувству; я кричала, плакала, страстно звала, съ бѣшенствомъ выговаривала; слабый мой голосъ терпѣлся, къ-счастью, въ ужаснѣйшей бурѣ, бушевавшей вокругъ меня.

Иногда осаживала его въ тѣхъ мѣ-

стахъ, гдѣ казался онъ мнѣ прескромнѣннѣе, и я покидала залу съ восторгомъ въ сердцѣ. Эти дни были для меня самыми опасными. Я сильно пожелала найти его, пролить съ нимъ слезы, промолвить всѣхъ и утѣшить его, предложивъ ему мой энтузіазмъ и любовь мою.

Однажды вечеромъ, выходя по скрытной лѣстницѣ, я увидѣла маленькаго, худелькаго человѣчка, который быстро прошелъ мимо меня и направилъ свои шаги на улицу. Манингистъ снялъ передъ нимъ шляпу, сказавъ: — Добрый вечеръ, господинъ Лелю. Жадно стараясь увидѣть вблизи этого необыкновеннаго человѣка, я бросаюсь за нимъ, перехожу улицу и, не думая объ опасности, которой подвергаюсь, вхожу съ нимъ въ кофейную. Къ-счастью, кофейная эта была глухая, и я никого изъ своихъ знакомыхъ не могла въ ней встрѣтить.

Когда, при блескѣ свѣрной, за-копѣлой лампы, я посмотрѣла на Лелю, мнѣ казалось, что я ошиблась, и что шла за другимъ. Ему было по-крайней-мѣрѣ тридцать-пять лѣтъ; лицо — желтое, измѣтое, потасканное; онъ былъ худо одѣтъ и нѣтъ самый обыкновенный видъ; говорил хриплымъ, слабымъ голосомъ, протиривалъ негодаями руку, пилъ колу и страшно ругался. Я должна была нѣсколько разъ выслушать его шепотомъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что это действительно было то высокое существо и тотъ толкователь великаго Корнели. Я не находила въ немъ ни одного изъ тѣхъ очарованїи, которыми такъ была ослѣплена; въ немъ не было даже того благороднаго, пламеннаго и грустнаго взгляда... Взоръ его былъ сумрачный, потухшїй, почти бессмысленный; его выразительное произношенїе было грубо и неблагородно, когда онъ обращался къ мальчику, говорилъ объ игрѣ, трактирѣ и женщинахъ. Походка его была пошлая, обращенїе грязное; щеки его еще покрывались оставшимися на нихъ румянами. Это былъ ужь не Импозитъ: это былъ Лелю. Храню

сталъ бѣденъ и пустъ; оракулъ нѣмѣлъ...

Онъ вышелъ. Я долго оставалась въ одиѣшеніи на одномъ мѣстѣ, не думая проглотить горячее вино, которое спросила, чтобъ не измѣнить своей роли. Разсмотрѣвъ наконецъ, куда зашла и увидѣвъ обращенные на меня взоры, я сильно испугалась; въ первый разъ въ жизни находилась я въ такомъ двусмысленномъ положеніи и въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ людьми нашего класса; въ послѣдствіи, эмиграція приучила меня ко всякаго рода положеніямъ.

Я встала и хотѣла бѣжать, позабывъ заплатить. Трактирный мальчикъ побѣждалъ за мной. Мнѣ было страшно, совѣство; надо было снова войти въ кофейню, обясниться съ хозяиномъ, выдержать всѣ недовѣрчивые и насмѣшливые взоры на меня направленные. Когда я вышла на улицу, мнѣ казалось, что за мной слѣдили. Тщетно искала я фіакра: передъ театромъ не оставалось уже ни одного. Тяжелые шаги раздавались за мною. Съ трепетомъ обернулась я назадъ—и увидѣла огромнаго человѣка, который сидѣлъ въ углу кофейной, и который имѣлъ видъ шута, или чего-нибудь хуже. Онъ началъ со мной говорить; не помню, что онъ мнѣ говорилъ; страхъ отнялъ у меня память и чувства; однакожь, я имѣла столько присутствія духа, что избавилась отъ него. Страхъ придавъ мнѣ храбрости; я быстро ударила его палкой по лицу, и между тѣмъ, какъ онъ не пришелъ еще въ себя отъ этой дерзости, бросивъ палку, чтобъ скорѣй бѣжать, легкая, какъ стрѣла, въ одно мгновеніе очутилась я у Флорансы.

Когда, на другой день, въ полдень, проснувшись я въ своей постели съ подбитыми занавѣсками, украшенной розовыми перьями, я думала, что все это видѣла во снѣ и отъ приключенія своего чувствовала сильную досаду. Я считала себя совершенно-излеченною отъ любви и старалась себя поздравить; но все было тщетно. Я чувство-

вала смертную тоску; скука овладѣла снова моею жизнью; все разочаровывалось... Въ этотъ день, я выгнала Ларрѣ.

Насталъ вечеръ; онъ не принесъ съ собою, подобно прочимъ, благодѣтельныхъ для меня волненій. Снѣтъ казался мнѣ безсмысленнымъ.

Нѣсколько дней я не вставала съ постели. Графиня де-Феррьеръ приѣхала ко мнѣ, увѣрила, что у меня не было горячки, что постель только усиливала мою болѣзнь, что мнѣ необходимо разсѣяться, выѣхать, поѣхать въ театръ. Мнѣ намется, что она имѣла виды на Ларрѣ и хотѣла моей смерти.

Но случилось иначе; она привудила меня ѣхать съ нею осмотрѣть *Минну*. «Вы не ѣздите болѣе въ театръ» сказала она мнѣ: «это ханжество и скука, которыя васъ извуряютъ. Вы давно уже не видали Деліо; онъ слѣзлъ уцѣхъ; теперь ему иногда аплодируютъ; я думаю даже, что онъ будетъ сносенъ.»

Не знаю, какъ увлекла она меня. Впрочемъ, разочарованная въ Деліо, я не рисковала болѣе погубить себя, любясь имъ въ числѣ зрителей. Одышавшись съ изысканною роскошью, я отправилась въ большую ложу на авансцену встрѣчать опасность, въ которую уже болѣе не вѣрила.

Но никогда болѣе опасности не предстало. Деліо былъ превосходенъ, и я увидѣла, что никогда не была я въ него болѣе влюблена, какъ въ эту минуту. Приключеніе мое казалось мнѣ сномъ; не было возможности, чтобъ Деліо былъ другимъ, нежели какимъ онъ казался мнѣ на сценѣ. Незолно впала я въ страшное волненіе, которое онъ умѣлъ сообщать мнѣ. Я принуждена была покрыть себя платкомъ лицо, омоченное слезами; въ разстройствѣ, я стирала свои румяны, свѣчала мушки и графиня де-Феррьеръ попросила меня сѣсть въ глубину ложи, потому-что смущеніе мое было замѣтно въ залѣ. Къ-очастію, я успѣла всѣхъ увѣрить, что все это сердечное умиленіе произвела во мнѣ игра мад-

музель Ипполиты Клеронъ. По моему мнѣнію, это была весьма-холодная и точная актриса, которая, можетъ-быть, по своему воспитанію и характеру, была гораздо-выше театральной профессіи, какъ тогда понимали ее; но тонъ, съ которымъ она произносила: *tout bien* въ *Цимъль*, прославилъ ее.

Справедливость требуетъ сказать, что когда она играла съ Леліо, то ставилась гораздо - выше самой-себя. Хотя она также выказывала жалкое презрѣніе къ его методѣ, во подчинялась невольно вліанію его генія и вдохновлялась имъ, 'когда имъ случалось выражать на сценѣ какую-либо страсть.

Въ этотъ вечеръ, Леліо замѣтилъ меня; по костюму ли моему или по смущенію онъ обратилъ на меня вниманіе; я видѣла, какъ, уходя со сцены, наклонился онъ къ одному изъ мужчинъ, которые въ то время сидѣли на сценѣ, и спросилъ мое имя. Я повала, потому-что глаза ихъ обращены были на меня. Сердце мое трепетало сильно; я начинала задыхаться... я замѣтила, что взоры Леліо, нѣсколько разъ въ-продолженіе пьесы, обращались на мою сторону. Дорого бы я заплатила за то, чтобъ узнать, что сказалъ ему обо мнѣ кавалеръ де-Бретильякъ, тотъ самый, котораго онъ спрашивалъ, и который, смотря на меня, заговаривалъ съ нимъ нѣсколько разъ! Липо Леліо, принужденное оставаться спокойнымъ, чтобъ не нарушить достоинства роли, не выражало ничего, такого, по чему можно было бы догадаться о томъ, что узналъ онъ на мой счетъ. Впрочемъ, я очень-мало знала этого Бретильяка; я не могла придумать, что бы такое онъ могъ сказать обо мнѣ, хорошее, или дурное.

Только въ этотъ вечеръ поняла я родъ любви, связывавшей меня съ Леліо: это была страсть духовная, совершенно романтическая. Не его любилъ я, а героя древности, котораго онъ умѣлъ изображать; эти образцы чистосердечія, правоты и вѣжности, навсегда погибшіе, оживали въ немъ;

съ нимъ и посредствомъ его, я чувствовала себя перенесенною во времена давно - забытыхъ добродѣтелей. Гордая, я думала, что въ тѣ вѣка я не оставалась бы неузнанною; меня не влословили бы; сердце мое могло бы еще предаться, и я не была бы принуждена любить призракъ комедіи. Леліо былъ для меня только тѣнью Сада, представителемъ древней, рыцарской любви, надъ которой теперь сѣялись во Франціи. Его, человѣка, скоромороха, я не боялась: я видѣла его; я могла любить его только въ публикѣ. Мой Леліо былъ существо, которое я производила собственными силами души, и котораго не могла я уловить, когда гасли театральныя люстры. Чтобы быть тѣмъ, котораго я любила, ему нужды были сценическіе обмавы, отраженіе кевкетовъ, пышныхъ убранства. Безъ всего этого онъ обращался для меня въ ничто; подобно звѣздѣ, онъ исчезалъ при дневномъ блескѣ. Виѣ сцены, я не желала его видѣть, и даже встрѣча съ нимъ привела бы меня въ отчаяніе. Чувство мое похоже было на то, когда смотришь на великаго человѣка, обращеннаго въ кучу пепла и заключеннаго въ глиняный сосудъ.

Частыя мои отсутствія въ часы, когда имѣла я обыкновеніе принимать Ларрѣ, и особенно рѣшительный мой отказъ быть съ нимъ, съ того времени, не иначе, какъ на дружеской ногѣ, внушили ему чувство ревности, болѣе основательное, признаюсь, нежели всѣ его прежнія чувства. Однажды вечеромъ, отпраиваясь въ церковь кармелитокъ, съ намѣреніемъ проскользнуть на другой выходъ, я замѣтила, что онъ слѣдилъ за мною и поняла, что отвѣтъ имъ невозможно будетъ скрывать отъ него своихъ ночныхъ похожденій. Я рѣшилась публично ѣздить въ театръ. Мало-по-малу, я приучила себя къ необходимости скрывать свои чувства и сверхъ-того, начала громко проповѣдывать страсть мою къ Ипполитѣ Клеронъ, что могло дать выгодный оборотъ моимъ истиннымъ чувствамъ.

Съ этого времени, я стала дѣйствовать принужденно, должна была внимательно наблюдать за собою, и по этому наслажденіе мое было менѣе-живо, менѣе-глубоко. Но непріятность эта быстро вознаграждалась. Деліо видѣлъ меня, примѣчалъ за мною; красота моя поразила его, чувствительность моя льстила ему. Взоры его съ трудомъ отрывались отъ меня. Иногда развѣяность его раздражала публику...

Вскорѣ я не могла ошибиться въ немъ: онъ безумно любилъ меня.

Такъ-какъ ложѣ моей завидовала принцесса де-Валемонъ, то я ее уступила ей, а взяла себѣ маленькую, въ углубленіи, гораздо-лучше расположенную. Я сидѣла у самыхъ перилъ, не теряла ни одного взгляда Деліо; взоры его, не компрометируя меня, могли меня отыскивать. Впрочемъ, я не имѣла уже необходимости во взглядѣ, чтобъ сноситься со всѣми его чувствованіями: въ звукахъ его голоса, во вздохахъ, вылетавшихъ изъ его груди, въ выраженіи, которое придавалъ онъ нѣкоторымъ стихамъ, я понимала, что онъ обращался ко мнѣ. Я была самая гордая и самая счастливѣйшая изъ женщинъ: въ эти минуты я любима была не комедіантомъ, а героемъ!

И что жъ? По прошествіи двухъ лѣтъ любви, которую, одинокою и никому невѣдомую, питала я въ глубинѣ души своей, прошло еще три вѣны любви, которую уже раздѣляли со мною, хотя никогда, ни однимъ взглядомъ не подавала я Деліо права надѣяться на что-либо другое, кромѣ продолженія нашихъ искреннихъ и секретныхъ отношеній. Въ-послѣдствіи, узнала я, что Деліо слѣдилъ часто за мною въ моихъ прогулкахъ: я не удостоивала замѣтить или отличить его въ толпѣ: такъ мало желала я видѣть его виѣ сцены. Изъ восьмидесяти лѣтъ, я жила только въ продолженіе этихъ пяти.

Наконецъ, однажды, въ «Mercure de France» прочла я имя новаго актѣра, ангажированнаго на сцену Французской-Комедіи, вмѣсто Деліо, который

отправлялся за границу. Новость эта была для меня смертельнымъ ударомъ; я не понимала, какъ стану жить безъ волненія, существовать безъ страсти и тревогъ. Это зажгло во мнѣ сильнѣйшую любовь и чуть-было не погубило меня.

Съ этого времени, я уже не боролась съ собою, чтобъ задушить съ самаго рожденія всякую мысль, противную достоинству моего званія. Я уже не радовалась тому, чѣмъ была въ сущности Деліо. Я страдала, я тайно негодовала на то, что онъ не былъ такимъ, какимъ казался на подмосткахъ; я желала видѣть его прекраснаго и молодаго, какимъ каждый вечеръ создавало его искусство, чтобъ, наконецъ, быть въ состояніи принести ему въ жертву всю гордость моихъ предразсудковъ, все отвращеніе моей организаціи. Теперь, когда я готовилась потерять это нравственное бытіе, наполнявшее въ продолженіе столь долгаго времени мою душу, мнѣ хотѣлось осуществить свои и попытаться жизни положительной, хотя бы потомъ стала я презирать и жизнь, и Деліо, и самую-себя.

Я была еще въ совершенномъ недоумѣніи, когда получила письмо, написанное незнакомымъ почеркомъ: это единственное любовное письмо, которое сохранила я изъ тысячи посланій Ларрѣ и тысячи раздуренныхъ призываній и изъясненій сотни людей, подобныхъ ему, потому-что дѣйствительно это было единственное любовное письмо, которое я получила.

Марквиза остановилась, встала, подошла къ мозаичному сундучку, твердою рукою отворила его и вынула письмецо, тоненькое, совершенно-незаметное, которое я съ трудомъ могъ прочесть:

• Милостивая государыня!

• Я нравственно увѣренъ, что письмо «это внушитъ вамъ только презрѣніе; «вы не найдете его достойнымъ даже «вашего гнѣва. Впрочемъ, для человѣка, падающаго въ пропасть, развѣ не «все равно, будетъ ли на днѣ ея од- «нимъ камнемъ болѣе или менѣе? Вы

• будете смотрѣть на меня какъ на без-
• умца, и не ошибетесь. А можетъ-
• быть, вы втайнѣ пожалѣете обо мнѣ,
• потому-что вы не можете сомнѣвать-
• ся въ моей искренности. Благоче-
• стіе смирило васъ; но вы поймете,
• можетъ-быть, всю силу моего отчая-
• нія, вы должны уже знать, сколько
• зла или добра сдѣлали глаза ваши.

• Что жь! говорю я, если на мою до-
• лю достанется хоть одна сострада-
• тельная мысль, если въ этотъ вечеръ,
• въ часъ, съ жадностью призываемый,
• съ котораго я начинаю каждый день
• жить, замѣчу я на вашемъ лицѣ лег-
• кое выраженіе сожалѣнія, я уйду ме-
• нѣе-несчастный; я унесу изъ Фран-
• ціи воспоминаніе, которое, быть-мо-
• жетъ, дастъ мнѣ силу жить въ дру-
• гомъ мѣстѣ и продолжать мое небла-
• годарное и тяжелое поприще.

• Но вы должны это знать: невозможно,
• чтобъ мое смущеніе, мой вос-
• торгъ, мои крики ярости и отчаянія
• двадцать разъ не выдали меня на
• сценѣ. Вы не могли бы зажечь во мнѣ
• эти огни, еслибъ не имѣли хоть ма-
• лѣйшаго сознанія въ томъ, что вы
• сдѣлали. Но, быть-можетъ, вы играли,
• какъ тигръ, съ своей добычей; васъ
• забавляли, можетъ-быть, мои мученія,
• мое бѣшенство...

• О, нѣтъ! я зашелъ далеко. Нѣтъ, я
• не вѣрю этому; вы никогда и не дума-
• ли о томъ. Вы чувствительны къ сти-
• хамъ великаго Корнеля, вы отожест-
• вляетесь съ благородными страстями
• трагедіи: вотъ и все. А я, безумный,
• осмѣлился думать, что одинъ голосъ
• мой пробуждалъ въ васъ иногда со-
• чувствіе, что сердце мое имѣло отго-
• лосокъ въ вашемъ, что между вами и
• мной было нѣчто болѣе, нежели меж-
• ду мной и публикой. О! это было ве-
• ликое, но сладостное безуміе! Оставьте
• его... Не все ли вамъ равно? Не ду-
• маете ли вы, что я стану этимъ вели-
• чаться? А по какому праву, и кто по-
• вѣритъ мнѣ на-слово? Я предалъ себя
• только на осмѣяніе людей, одарен-
• ныхъ разсудкомъ. Оставьте же мнѣ,
• говорю вамъ, эту увѣренность, ко-

• торую я съ трепетомъ принимаю и
• которая сама-по-себѣ доставляла мнѣ
• болѣе блаженства, чѣмъ сколько ве-
• чалила меня строгость ко мнѣ публи-
• ки. Позвольте мнѣ благословлять васъ,
• благодарить васъ на колѣняхъ за ту
• чувствительность, которую открылъ
• я въ вашей душѣ и которою меня ни-
• кто не дарилъ,—за тѣ слезы, которыя
• проливали вы о моихъ сценическихъ
• бѣдствіяхъ и которыя часто влочно-
• лами меня до безумія; за тѣ робкіе
• взоры, которые, какъ я, по-крайней-
• мѣрѣ, полагали, старались утѣшить
• меня за холодность зрителей.

• О! для чего родились вы въ блескѣ
• и роскоши! Отъ-чего я только бѣд-
• ный артистъ, безъ славы и безъ име-
• ни! Для чего не могу я промѣнять
• благосклонность публики и богатство
• банкира на одно имя, на одинъ изъ
• этихъ титуловъ, которые я доселѣ
• презиралъ и которые позволили бы
• мнѣ обладать вами! Было время, ког-
• да отличіе таланта предпочиталъ я
• всѣмъ другимъ; я превралъ гор-
• достъ вельможъ и чувствовалъ себя
• отищеннымъ за ихъ презрѣніе, если
• геній мой возносилъ меня выше ихъ.

• Мечты и призраки! силы мои измѣ-
• нили моему безумному честолюбію. Я
• остался забытымъ; я сдѣлалъ хуже я
• помянулъ себя успѣхомъ и упустилъ
• его. Я считалъ себя великимъ, и меня
• бросили въ грязь; я думалъ достиг-
• нуть совершеннаго, а меня осудили
• на посмѣшище. Судьба захватила ме-
• ня съ мной неограниченными мечта-
• ми, съ моею смѣлою душою—и слома-
• ла какъ тростникъ! Я самый несча-
• стный человѣкъ!

• Но величайшее изъ моихъ суза-
• сбродствъ — то, что я бросилъ свои
• взоры за линію кенкетовъ, которая
• полагаетъ непреодолимую преграду
• между мной и остальнымъ обще-
• ствомъ; для меня это кругъ Попплія.
• Я хотѣлъ перешагнуть черезъ него,
• осмѣлился глядѣть дальше—я, коме-
• діантъ, и останавливать свои взоры
• на прекрасной женщинѣ, — на жен-
• щинѣ столь молодой, столь благород-

ней и такъ высоко стоящей, ибо въ васъ все это; я знаю, свѣтъ обвиняетъ васъ въ холодности, — я одинъ сузу улыбокъ, одной изъ вашихъ достаточно мнѣ было ниспровергнуть безсмысленныя басни, которыя казальеръ де-Бретильякъ рассказывалъ мнѣ о васъ.

Но какова же и ваша судьба! Какое страшное предопредѣленіе, подобно мнѣ, тяготѣетъ надъ вами, что въ нѣдрѣ свѣта, столь блестящаго и столь образованнаго, какъ онъ самъ себя называетъ, вы нашли только сердце бѣднаго комедіанта, которое можетъ обвинить васъ! Но ничто не въражаетъ у меня этой печальной и утѣшительной мысли; еслибъ мы родились на одной ступени общества, какихъ бы я ни имѣлъ соперниковъ, какъ бы я ни былъ ничтоженъ, вы не могли бы побѣждать меня. Васъ нужно было возвратить къ истинѣ; во мнѣ есть что высше, нежели ихъ богатства и мнѣ тилу мы, — есть сила любить васъ.

«*Леліо.*»

— Письмо это, продолжала маркиза: — оригинальное по времени, въ которое было писано, не смотря на нѣкоторыя напечатанныя расчленовки декламаций, которая прѣглядываетъ въ началѣ, — казалась мнѣ столь сильнымъ и вѣрнымъ, а находила въ немъ чувство страсти столь новой и столь смѣлой, что была совершенно поражена. Остатокъ гордости, борющейся со мною, исчезъ. Я отдала бы всю свою жизнь за часть подобной любви.

На стану рассказывать вамъ моихъ мечтаній, мечтаній, опасеній, я сама не найду нити и связи между ними. На это письмо я отвѣчала нѣсколько словъ, сколько могу припомнить:

« Не васъ виню я, Леліо; я виню судьбу; не васъ одинъ жалю я, жалю и себя. Ни изъ какой гордости, ни изъ каюго благоразумія или притворства, не захочу я лишити васъ утѣшенія надежды, что вы были отлучены мною. Берегите же эту надежду, ибо тутъ все, что я могу предложить

вамъ. Я никогда не соглашусь васъ видѣть.»

— На слѣдующій день, я получила замиску, которую едва успѣла пробѣжать и бросить въ огонь, чтобъ спрятать ее отъ Ларрѣ, который засталъ меня надъ нею. Она была почти слѣдующаго содержанія:

« Мнѣ остается одно: или видѣться съ вами, или умереть. Одинъ разъ, одинъ только разъ, на одинъ только часъ, если вы этого желаете. Чего боюсь вамъ свиданія, если вы вѣряетесь моей чести и моею скромности? Я знаю, кто вы; знаю строгость вашего нрава, знаю даже ваши чувства къ виконту де-Ларрѣ и не имѣю глушости надѣяться на что-либо, кромѣ слова состраданія; но я долженъ слышать его изъ вашихъ устъ. Необходимо, чтобъ сердце мое приняло это слово и унесло его съ собою, какъ чтобъ оно сокрушилось.»

«*Леліо.*»

— Снажу къ своей славѣ, — потому что видя до вѣрчивость благородная и мужественная славна въ опасности, что ни на минуту не останавливало меня опасеніе быть осмѣянной какъ нибудь безотыдныиъ вольнодумствомъ. Я вѣровала въ оипренную искренность Леліо. Сверхъ-того, я вознаграждена была за то, что довѣрила своимъ словамъ: я рѣшилась его видѣть. Совершенно забывъ его унывшее лицо, его грубое произношеніе, его большій видъ, я вспомнила только обѣщающій гевій, его слогъ, его любовь, — и отвѣчала:

« Я увижу васъ; найдите безопасное мѣсто, но не надѣйтесь отъ меня болѣе того, что вы требуете. Если вы будете стараться удовлетворить во все мою до вѣрчивость, вы сдѣлаете подлость, и я не побобѣю васъ.»

Отвѣтъ. — «Довѣрчивость ваша спасла бы васъ отъ самаго низкаго разбойника. Вы увидите, что Леліо не вѣлостонитъ ея. Герцогъ де-... чаше предлагалъ мнѣ свой домъ въ Улицѣ-Валуа: что мнѣ было съ нимъ дѣлать? Уже три года, какъ будущи-

«есть для меня подъ небомъ одна только женщина... Будьте тамъ по окончаніи спектакля.»

— Слѣдовало обозначеніе мѣстности. Я получила записку эту въ четыре часа. Вся переписка продолжалась одинъ только день... Весь этотъ день бѣгала я какъ сумасшедшая во всѣхъ комнатахъ и была какъ въ горячкѣ. Эта быстрота событій и рѣшимости, противоположная пятилѣтнимъ планамъ и намѣреніямъ, увлекала меня, подобно мечтѣ; и когда совершенно уже рѣшилась, когда я увидѣла, что отсутствовать отъ даннаго слова было уже поздно, невозможная, безъ чувствъ, безъ дыханія, упала я на оттоману, и комната закружилась надо мною.

Я захворала серьёзно; надо было послать за докторомъ, который пустилъ мнѣ кровь. Я запретила людямъ говорить кому-либо о своемъ недоровѣ; боялась докучливыхъ совѣтовъ и не хотѣла, чтобъ мнѣ помѣшали выѣхать вечеромъ. Въ ожиданіи назначеннаго часа, я бросилась на постель и запретила къ себѣ пускать даже Ларрѣ.

Кровопусканіе принесло мнѣ физическое облегченіе, но очень меня ослабило. Я впала въ глубокое изнеможеніе духа; всѣ мечты мои улетѣли съ припадкомъ горячки. Разсудокъ и память снова возвратились ко мнѣ; я вспомнила страшное разочарованіе въ кофейной, гнусную походку Деліо, готовилась краснѣть за свою глупость, готова была изъ области мечтаній упасть въ пошлую и неблагородную сущность. Я не могла понять, какъ рѣшилась я промѣнять эту героическую и романтическую нѣжность на отвращеніе, которое меня ожидало, и стыдъ, который бы отравлялъ всѣ мои воспоминанія. Смертельно соблазновала я тогда о своей опрометчивости; плакала о своемъ очарованіи, о своей жизни, исполненной любви, оплакивала будущность чистаго и искреннаго удовлетворенія, которую хотѣла, ниспровергнуть. Я оплакивала въ-особенности

Деліо, потому-что, увидя его, и его терпѣла навсегда, и потому еще, что, наслаждаясь полнымъ блаженствомъ любви въ-продолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ, черезъ нѣсколько часовъ я не въ состояніи была бы уже любить.

Въ горести, я сильно сжимала себѣ руки; рана моя открылась, кровь полилась ручьемъ; ни удалось только позвонить горничной, которая нашла меня безъ чувствъ въ постели. Глубокой и тяжелой сонъ, съ которымъ я тщетно боролась, овладѣлъ мною. Я не спала, не страдала, а какъ мертвая лежала въ-продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Когда я открыла глаза, въ комнатѣ моей было мрачно; въ отели все тихо; сѣужавка снала на стулѣ въ ногахъ моей кровати. Я оставалась нѣкоторое время въ состояніи усыпленія и слабости, которое не допускало ни одного воспоминанія, ни одной мысли. Вдругъ память моя возвратилась; я тотчасъ спросила себя, не пришелъ ли день и часъ нашего свиданія, спала ли я часть или цѣлый вѣкъ, былъ ли то день, или ночь, неисполненіе моего слова не убило ли Деліо, есть ли еще время? Стараюсь приподняться — силы мои отказываются; нѣсколько минутъ я борюсь, какъ въ кошмарѣ. Наконецъ, собираю всю свою волю, призывая ее на помощь изнеможеннымъ членамъ. Вскрываю на паркетъ; открываю завѣски: луна блеститъ на деревьяхъ моего сада; я бѣгу къ стѣннымъ часамъ; они показываютъ десять часовъ. Я толкаю горничную, ворочаю ее и внезапно пробуждаю. — Киветта, какой у насъ нынче день? Та съ крикомъ вскакиваетъ со стула и, думая, что я въ бреду, хочетъ бѣжать; я удерживаю ее, успокаиваю; наконецъ узнаю, что я спала только три часа. Я благодарю Бога. Спрашиваю фіакръ; Катя съ изумленіемъ смотритъ на меня. Наконецъ она убѣждается, что я въ полномъ умѣ; передаетъ мои приказанія и начинаетъ готовить мнѣ одѣваться.

Я велѣла себѣ подать самое простое, самое скромное платье; возо-

сы мои не были ничѣмъ украшены; я даже не наумиавлась. Прежде всего хотѣла я извѣстить Делію уваженіе и почтеніе, которыя были для меня дорожке любви его. Однакожь, мнѣ было пріятно, когда Кинетта, изумленная моими причудами, сказала мнѣ, осматривая съ ногъ до головы:

— Богъ-знаетъ, сударыня, какъ это вы дѣлаете? вы надѣли только простое бѣлое платье, безъ фижмъ и хвоста, вы большыя и блѣдныя какъ смерть, не хотѣли налѣпить себѣ ни одной мушки, и что жъ! боюсь вамъ, я никогда не видывала васъ такою прекрасною, какъ теперь. Сожалѣю о мужчинахъ, которые увидятъ васъ!

— Ты меня считаешь за очень-благоразумную, бѣдная Кинетта?

— Увы! маркиза, я каждый день молю Бога сдѣлаться подобной вамъ; но до-сихъ-поръ...

— Ну, полно, глупенькая! подай мнѣ напиться и мушту.

Въ полночь я была въ назначенномъ домѣ въ Улицѣ-Валуа. Я тщательно была закутана. Что-то въ родѣ камердинера встрѣтило меня; это былъ единственный обитатель, котораго я увидѣла въ этомъ таинственномъ жилищѣ. По извѣщенію врача сада провелъ онъ меня до павильона, скрытаго во мракѣ и уединеніи. Поставивъ въ стѣнахъ свой фонарь, обтянутый зеленымъ шелкомъ, онъ отворилъ дверь въ мрачныя и глубокія покои, съ безстрастнымъ видомъ и почетельнымъ движеніемъ указалъ мнѣ на лучъ свѣта, исходящій изъ глубины длинной анфилады комнатъ и тихимъ голосомъ, какъ-будто опасаясь пробудить усиленное эхо, сказалъ мнѣ:

— Вы одиѣ, сударыня; никто еще не пріѣхалъ. Вы найдете въ лѣтней гостиной колокольчикъ, на который я отвѣчу, если вы будете имѣть въ чемъ надобность. И, заперевъ за мною дверь, онъ скрылся, какъ по мановенію волшебства.

Страхъ овладѣлъ мною: я думала, что

попала въ западню. Я призвала камердинера. Онъ тотчасъ явился; его торжественно-глупый видъ успокоилъ меня. Я спросила у него который часъ; я очень-хорошо знала часы: болѣе десяти разъ пожимала я въ каретѣ пружину, чтобъ каждый разъ пересчитывать удары молоточка.

— Уже полночь, отвѣчалъ онъ, не поднимая на меня глазъ.—Я увидѣла, что этотъ человѣкъ въ совершенствѣ зналъ и исполнялъ свои обязанности. Я рѣшилась пройти въ лѣтнюю гостиную и удостовѣрилась въ несправедливости своихъ опасеній, видя, что всѣ двери, ведущія въ садъ, были заперты только шелкомъ, разрисованнымъ по-восточному. Ничего не было предлестіе этого будуара, который, правду сказать, былъ не что иное, какъ самая обыкновенная музыкальная зала. Стѣны были бѣлыя, какъ снѣгъ; рамы на зеркалахъ изъ матоваго серебра; музыкальные; необыкновенной цѣпы инструменты разбросаны были на мѣбели, обитой бѣлымъ бархатомъ съ жемчужными разводами. Весь свѣтъ исходилъ сверху, но былъ скрытъ за листьями изъ алебаstra, которые служили какъ-бы подожками ротонды. Этотъ нѣжный, матовый свѣтъ можно было принять за сіяніе луны. Съ любопытствомъ, заботливо рассматривала я это обиталище, съ которыми воспоминавія мои не могли ничего сравнить. Это былъ единственный случай въ моей жизни, что я была въ маленькомъ домикѣ; но или вокомъ эти не были предназначены служить храмомъ любовныхъ таинствъ, или Делію велѣлъ вынести изъ нихъ все, что могло бы оскорбить взоръ мой и заставить меня безпомысленно о своемъ положеніи, только мѣсто это не оправдало ни одного изъ тѣхъ отвращеній, которыя чувствовала я, вступая въ домъ. Одна только статуя изъ бѣлаго мрамора возвышалась посреди комнаты; она была античная и представляла укутанную покрываломъ Изиду, съ перстомъ на устахъ. Зеркала, отражавшія насъ, ее и меня, блѣдыхъ и одѣтыхъ въ бѣ-

люе, обших цѣлмудренно закутаныхъ, до того обманывали мою фантазію, что я должна была двигаться, чтобъ отличить Ізиду отъ себя-самоі.

Вдругъ эта мрачная, ужасающая и вѣстѣ съ тѣмъ прелестная тишина была прервана; послышался скрипъ дверей, которыя снова заперлись; легкіе шаги тихо раздавались по паркету. Боже мертвая, нежели живая, я упала въ кресла; мнѣ предстояло увидѣть Леліо въблизи, не на сценѣ. Я закрыла глаза и не открывала ихъ, сказавъ ему внутренно прости.

Но каково было мое изумленіе! Леліо былъ прекрасенъ, какъ ангелъ; онъ не успѣлъ еще сбросить съ себя театральнаго костюма: костюмъ этотъ былъ самый величавый, въ которомъ я его когда-либо видѣла. Его станъ, тонкій и гибкій, облеченъ былъ въ испанскій манеромъ изъ бѣлаго атласа. Нангличники и подвязки были изъ лентъ малиноваго цвѣта: коротенькій плащъ, такого же цвѣта, наброшенъ на плечо. На немъ былъ огромный воротникъ изъ англійскаго кружева; волосы короткіе, безъ пудры. Отъ племени бѣлыми перьями токъ начался на челѣ его, на которомъ блестялъ бриллиантовый фершваръ. Въ этомъ костюмѣ игралъ онъ въ тотъ вечеръ Донъ-Жуана въ *Камеинномъ-Гостѣ*. Никогда не видала я его такимъ прекраснымъ, молодымъ, такимъ поэтическимъ, какъ въ эту минуту. Веласкезъ преисполнился бы предъ подобною моделью.

Онъ палъ предо мной на колѣни. Я не могла не протянуть ему руки. Онъ былъ такъ близокъ, такъ покоренъ! Человѣкъ, влюбленный до робости передъ женщиной, былъ рѣдкое явленіе въ тѣ времена — и въ-добавокъ, человѣкъ тридцати-пяти лѣтъ, комедіантъ!

Я не смотрѣла ни на что: мнѣ казалось, мнѣ теперь еще кажется, что онъ былъ въ полной свѣжести юности. Въ этомъ бѣломъ платьѣ походилъ онъ на молодого пажа; лицо его имѣло всю чистоту, ввзволнованное сердце весь пламень первой любви. Онъ схватилъ мои руки и покрылъ ихъ пожирающе-

ми поцалунми... Я обезумѣла, привлекла его голову къ себѣ на колѣни, ласкала его пламенное чело, его жесткіе, черные волосы, его смуглую шею, утопавшую въ нѣжной бѣлизнѣ фрезы, и Леліо не осмѣлился ни на что... Всѣ восторги его сосредоточены были въ его сердцѣ: онъ началъ плакать, какъ женщина. Я была омыта его слезами.

О! увѣрю васъ, я съ восторгомъ, съ наслажденіемъ мѣшала его слезы съ своими собственными. Я принудила его поднять голову и посмотреть на меня. Великій Боже! Какъ онъ былъ прекрасенъ! Сколько блеска и нѣжности въ глазахъ его! Съ какою избыткомъ истинная, пламенная душа его вознаграждала недостатки его лица, за истому отъ лѣтъ и безсонницъ! О! могущество души! Кто не полюбилъ его чудесъ, тотъ никогда не любилъ! Я была тронута до глубины сердца, аида преждевременнаго на прекрасномъ его челѣ морщины, истому въ его улыбѣ, бѣдность на устахъ; мнѣ необходимо было выплывать всѣ его скорби, отращеніе отъ жизни, его трудныя работы. Я почувствовала его страданіемъ, даже страданіемъ его безпомечной, безнадежной ко мнѣ любви и думала только о томъ, чтобъ облегчить его скорби.

— Мой безцѣнный Леліо, мой великій Родригъ, мой чудный Донъ-Жуанъ! говорила я ему въ безпамятствѣ. Взоры его жгли меня. Онъ началъ говорить, разоказалъ мнѣ всѣ сцены, всю постепенность своей любви; разсказалъ, какою образомъ, изъ развратнаго негодяя, я сдѣлала изъ него человѣка пламеннаго, живаго, какъ возвышала я его въ его собственныхъ глазахъ, какъ возвратила я ему мужество и волшебные силы его молодости; открылъ мнѣ свое уваженіе ко мнѣ, прервѣніе къ глухой святой любви; онъ говорилъ, что отдалъ бы всю жизнь свою за часъ блаженства со мною, но жертвуетъ этимъ часомъ и всюю своею жизнью болѣе оскорбить меня. Никогда бо-

лѣе - сильное краснорѣчіе не увлекло сердца женщины; никогда вѣжливый Расинъ не заставлялъ говорить любовь съ такимъ убѣжденіемъ, съ такою поэзією и съ такою силою. Всею, что только можетъ внушить страсть вѣжливаго и величественнаго, сладостнаго и спльнаго, его слова, голосъ, глаза, ласки и покорность научили меня. Богъ-знаетъ, обманывалъ ли онъ самъ себя, или игралъ комедію?

— Я не вѣрю этому! вскричалъ я, смотря на маркизу.—Рассказывая про любовь, она, казалось, помолодѣла, подобно волшебницѣ Юржели, цѣлыми стами годами. Не знаю, кто именно сказалъ, что сердце женщины не старѣетъ...

— Выслушайте до конца, возразила она мнѣ. — Воспламенная, уничтоженная всѣмъ, что онъ мнѣ говорилъ, забывъ все, видѣ себя, я обвила его своими руками... я затрепетала, прикоснувшись къ его атласному камзолу, вдохнуть въ себя благоуханіе его волосъ. Умъ мой помрачился. Все, что было мнѣ невѣдомо, все, что я считала себя неспособною чувствовать, пробудилось во мнѣ; усиліе это было чреватѣрное, — я лишилась чувствъ.

Онъ скоро помогъ мнѣ прійти въ себя. Я нашла его у ногъ своихъ, еще болѣе-робкимъ, болѣе-возлованнымъ, смущеннымъ. — Сжалость надо мною, сказалъ онъ мнѣ: — умертвите меня, прогоните меня... Онъ былъ блѣднѣе меня; онъ умиралъ.

Но всѣ эти душевные перевороты, которые почувствовала я въ продолженіи столь бурнаго дня, быстро измѣнили мое расположеніе. Мгновенный лучъ новаго бытія померкъ; кровь моя начала медленно вращаться въ жилахъ; чувства истинной любви валили вверхъ.

— Послушайте, Лелію, сказала я ему: не презрѣніе, не негодование исторгаетъ меня изъ вашихъ объятій. Можетъ-быть, во мнѣ есть предрасудки, которые вперяются въ насъ съ самаго младенчества и которые становятся для насъ второю натурою; но не вѣдьшю

гу я вспоминать объ нихъ, потому-что все существо мое преобразилось теперь. Если вы любите меня, помогите мнѣ противиться вамъ. Дайте мнѣ вынести отсюда усланительное блаженство, что я любила васъ только сердцемъ. Можетъ-быть, еслибъ я никогда никому не принадлежала, съ радостью отдалась бы я вамъ, но знайте, что, увлеченная страшною необходимостью поступать подобно всѣмъ, я сносила ласки человѣка, котораго никогда не любила; отвращеніе, которое я отъ того почувствовала, затмило мое воображеніе до такой степени, что я, можетъ-быть, не правдѣла бы васъ теперь, еслибъ предалась вамъ. О! не дѣлайте этого страшнаго опыта! оставьте чисты въ моемъ сердцѣ и въ моей памяти. Разстанемся навсегда и унесемъ отсюда всю будущность свѣтлыхъ помысловъ и любимыхъ воспоминаній. Клянусь, Лелію, что я буду любить васъ до гроба. Чувствую, что холоды лѣтъ не потушить этого жгучаго пламени. Клянусь также не принадлежать никому послѣ того, какъ я не предалась вамъ. Усиліе не будетъ мнѣ стоить труда, и вы можете мнѣ повѣрить.

Лелію простерся предо мною; онъ не умолялъ меня, не упрекалъ; онъ говорилъ мнѣ, что не надѣялся получить того блаженства, которыми я его такъ щедро надѣлила, и что онъ не имѣлъ права требовать болѣе. Однакожь, когда я прощалась съ нимъ, его изнеможеніе, его дрожащій голосъ устарили меня. Я спрашивала его, будетъ ли онъ съ наслажденіемъ вспоминать обо мнѣ, прольютъ ли восторги этой ночи очарованіе на всю жизнь его, — будутъ ли утихать его прошедшія и будущія страданія каждый разъ, когда онъ станетъ призывать меня. Онъ оживился, чтобъ поклясться и обѣщать мнѣ все, чего я хотѣла. Снова бросился онъ къ моимъ ногамъ и жадно цаловалъ мое платье. Я чувствовала, что начинала колебаться; я сдѣлала ему знакъ, онъ удалился. Наемная карета уже ожидала меня.

Автоплатъ, правитель этого тайнаго обиталища, извѣстилъ меня тремя ударами въ дверь. Леліо съ отчаяніемъ загоролдѣлъ мнѣ дорогу; онъ похожъ былъ на призракъ. Я тихо оттолкнула его, и онъ уступилъ. Тогда я переступила черезъ порогъ и, какъ онъ хотѣлъ слѣдовать за мною, я молча указала ему на кресла посреди залы, подъ статуею Иизды. Онъ сѣлъ. Страстная улыбка мелькала на устахъ его, глаза его блестя послѣднимъ лучомъ признательности и любви. Онъ былъ все-еще прекрасенъ, все-еще молодъ, все-еще испанскій гранадъ. Прошелъ нѣсколько шаговъ, въ ту минуту, когда я должна была потерять его навсегда изъ вида, я обернулась и бросила на него послѣдній взглядъ. Отчаяніе сокрушило его. Онъ сдѣлался старъ, немощенъ, ужасенъ... Тѣло его казалось парализованнымъ. Сжатые уста усилили улыбку. Взоръ его былъ неподвиженъ и тусклъ: это былъ только Леліо, тѣнь любовника и государя...

Маркиза замолкла; потомъ, съ мрачною улыбкою и выпрямляясь, подобно развалинѣ, готовой разрушиться, продолжала: — съ этой минуты я уже ничего не слыхала о немъ.

Долге преряжго оставалась маркиза въ молчаніи, но вскорѣ съ страшною силою души—слѣдствіемъ долгихъ страданій, упорной привязанности къ жизни, или близкой надежды смерти, — снова повеселѣла и улыбалась сказавъ мнѣ: — Ну, что жъ! станете ли вы отнынѣ вѣрить въ добродѣтель восьмидцатого столѣтія?

— Мнѣ вовсе не хочется сомнѣваться въ томъ, отвѣчалъ я: — однакожъ, еслибъ я былъ менѣе растроганъ, сказалъ бы, можетъ-быть, что вы очень хорошо сдѣлали, пустивъ себѣ въ этотъ день кровь.

— Гнусные люди! возразила маркиза:—ничего-то не понимаете вы въ исторіи сердца.

✱

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Нѣсколько замѣчаній о книгѣ г. ШОПЕНА: «ОБЪ ИРРИГАЦІИ», И ОБЪ ОТВѢТѢ ЕГО НА РЕЦЕНЗИЮ «ОТЕЧ. ЗАПИСОКЪ».

(Письмо къ редактору «Отеч. Записокъ».)

М. Г. Въ іюльской книжкѣ «Отеч. Записокъ» вы дали мѣсто доставленному мною вамъ разбору книжечки г. Шопена *Объ Ирригации*. Но, Боже праведный! какому гнѣву подвергся я за эту статью отъ автора книжки! Какой громовый отвѣтъ вызвала она со стороны г. Шопена въ «Сѣверной Пчелѣ», (№ 154)!

Не имѣя чести лично знать г. Шопена и не зная даже его мѣстопробыванія, я принужденъ обратиться къ вамъ, прося васъ представить ему нѣсколько словъ въ мое оправданіе, потому именно, что я дорожу уваженіемъ почтенныхъ людей, дорожу своимъ мнѣніемъ и готовъ доказать, что на сказанное мною имѣлъ достаточныя основанія.

Хоть я и не жилъ семнадцати лѣтъ, какъ г. Шопенъ, въ странѣ, гдѣ *ирригация составляетъ исключительное условіе плодородности земли*, хоть я даже не знаю, гдѣ находится эта чудная страна, которая породила въ умѣ г. Шопена столь великія идеи, однако, смѣю увѣрить его, что *ирригация*, или по-просту, по-русски, искусственное орошеніе, — дѣло мнѣ извѣстное. Правда, я не читалъ ни *Шахъ-Наме* Фирдоуси, ни Плинія и Варрова, но былъ въ Италіи и видѣлъ тамошнія системы орошенія, видѣлъ своими глазами знаменитое вигенское орошеніе въ Германіи. Кромѣ того, я также кое-что читалъ у Бургера, Флотгофа, Гаспарена, Нало де-Бюффона, Патцига и другихъ. Все это, правда, я дѣлалъ не *ex officio*, какъ г. Шопенъ, но по любви къ сельскому хозяйству. И такъ, г.

Шопенъ можетъ замѣтить, что я знаю ирригацію не по одной наслышкѣ, а взялся за перо, чтобъ опѣнить его брошюру единственно изъ любви къ предмету и истинѣ.

При всемъ томъ, я весьма-далекъ отъ претензіи навязывать всѣмъ своимъ убѣжденія и мнѣнія; вещи, доказанныя и неоспоримыя для меня, не считаю безусловно-неоспоримыя; и если кто докажетъ мнѣ несправедливость какого-нибудь изъ моихъ мнѣній, я первый готовъ согласиться и поблагодарить за это того, кто обогатитъ меня новымъ лучшимъ взглядомъ на вещи.

Но за то и отъ другихъ, когда они утверждаютъ что-нибудь, требую, во-первыхъ, доказательствъ,—а безъ доказательствъ въ дѣлѣ науки не повѣрю и отцу родному! Если кто-нибудь, напримѣръ, по поводу ирригаціи, будетъ представлять странныя идеи, то я позволю себѣ несоглашаться съ нимъ, даже и тогда, когда онъ скажетъ мнѣ, что онъ семнадцать лѣтъ провелъ въ какой-то странѣ, въ которой ирригація составляетъ исключительное условіе плодородности земли, скажетъ, что занимался этимъ дѣломъ *ex officio*; скажетъ, что поднялъ цѣлыя библіотеки, *вопросилъ объ ирригаціи и глубину древности, и средня эпохи, и современность...*

Итакъ, къ доказательствамъ! Когда дѣло пошло на то, то вотъ мои мнѣнія о томъ, что такъ горячо я съ такою запальчивостью стараюсь доказать г. Шопенъ въ своей статьѣ на статью мою.

•Результатомъ моихъ изысканій• говорятъ онъ: •было то, что ирригація въ большомъ размѣрѣ, на томъ же основаніи, какъ существуетъ она въ южныхъ странахъ Севта, могла бы получить полное примѣненіе и на сѣверѣ. •

О какихъ здѣсь южныхъ странахъ Севта говорится? Вѣроятно, г. Шопенъ хотѣлъ сказать въ странахъ жаркаго климата. Но какъ же онъ хочетъ, чтобъ ирригація, существующая въ

жаркомъ климатѣ, была вся дѣлкомъ, на томъ же основаніи, перенесена въ климатъ холодный?

Г. Шопенъ предполагаетъ на болѣе, ни менѣе, какъ уничтожить уваживаніе полей и замѣнить навозъ водой, которою предлагаетъ ирриговать поля? На это имѣю честь доложить г. Шопену, что такое предложеніе вовсе несбыточно, и не основано ни на опытахъ, ни на истинахъ науки.

Во-первыхъ, обь опытахъ. Въ Германіи орошаютъ только луга. Въ Италіи орошаютъ частью и поля, но не подь всѣ посѣвы, а только подь рисъ и маисъ; подь колосовые же хлѣба никогда никто не думалъ орошать поля. Но важнѣе всего, что тѣ мѣста, которыя въ Италіи орошаются, именно и получаютъ *самое сильное уваживаніе!* Въ этомъ я могу увѣрить г. Шопена, какъ очевидецъ.

Сама Германія, которая столько хлопочетъ обь орошеніи, вводитъ у себя его не для того, чтобъ изгнать уваживаніе, а для того именно, чтобъ получать наибольшую массу навоза. Поэтому, въ Италіи, не всѣ части страны имѣютъ обширное орошеніе; есть цѣлыя провинціи, въ которыхъ совсѣмъ нѣтъ орошенія; оно введено только въ тѣхъ мѣстахъ Ломбардіи, гдѣ протекаетъ множество рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ съ Аппениновъ. Стало-быть, заѣсь все дѣло условливается мѣстностью; какииъ же образомъ г. Шопенъ хочетъ ороситъ обширныя возвышенности, которыя занимаютъ большую часть Россіи?

За тѣмъ, что касается до науки, то она говоритъ, что луга покрыты множествомъ разнородныхъ дикорастущихъ злаковъ, которые имѣютъ въ землѣ всѣ нужныя для своего питанія части: тутъ довольно дать почвѣ нѣсколько влажности въ-время, и укосъ будетъ отличный. Но совсѣмъ въ другихъ условіяхъ находится воздѣлываніе постоянное на одной и той же почвѣ, и исключительное одного вида растеній, и притомъ растеній такихъ, которыя въ нашихъ странахъ не при-

надлежать къ дикорастущимъ: тутъ не довольно влажности, особенно на почвѣ безплодной. Если г. Шопенъ скажетъ, что иль, осаждающійся изъ воды, — самое лучшее удобрение, то на это я опять-таки скажу слѣдующее: для того, чтобъ изъ воды осѣлъ иль, нужно, чтобъ вода довольно долгое время стояла на томъ мѣстѣ, и притомъ, чтобъ стояло довольно большое количество воды. Пустите изъ маленькой рѣчки нѣсколько бочекъ воды на поле, — ила еще не будетъ.

Если г. Шопенъ, излагая свои великія мысли объ ирригаціи, имѣлъ въ виду Египетъ, или другую страну жаркаго климата, то онъ, въ пополненіе своихъ познаній по этому предмету, не откажется принять къ свѣдѣнію, что жаръ въ Египтѣ или другой подобной странѣ такъ великъ, что развитіе органической жизни тамъ необыкновенно-быстро. Въ короткое время разлива, на-примѣръ, Нила, въ водѣ образуется безчисленное множество растений, насѣкомыхъ и всякихъ животныхъ, которыя плодятся съ изумительной быстротою и умираютъ, оставляя послѣ себя массу органическихъ остатковъ, которые составляютъ, можетъ-быть, главное условіе плодотворной силы нильскаго ила.

Г. Шопенъ большой врагъ навоза и увѣряетъ, будто-бы удобрение всѣхъ полей Россіи обходится ежегодно по 1,600,000,000 руб. сер. Но г. Шопенъ вообще охотникъ до преувеличенныхъ вычисленій, и потому, чтобъ натянуть эту страшную цифру, онъ прибѣгаетъ къ сложнымъ положеніямъ, несообразнымъ съ правилами сельскаго хозяйства. Онъ, во-первыхъ, полагаетъ, что на удобрение десятины нужно 240 телегъ навоза; но телега еще не обозначаетъ количества. Если телегу считать около 20 пудовъ, какъ у насъ вообще возятъ навозъ, то удобрение въ 4,800 пудовъ на десятину слишкомъ и слишкомъ-велико. Всякій опытный хозяинъ весьма-радъ, если можетъ вывезти въ поле хоть четверть такого количества, и этого уже весьма доста-

точно. Затѣмъ г. Шопенъ полагаетъ, что крестьянинъ можетъ вывезти въ поле по три телеги въ день; но это совершенно зависитъ отъ разстоянія полей отъ скотнаго двора; а по обыкновенному разстоянію тѣхъ полей, которыя, при нынѣшнемъ состояніи у насъ хозяйства, получаютъ удобрение, — это уже слишкомъ уменьшено. Наконецъ, г. Шопенъ считаетъ наемную плату рабочаго съ лошадыю, по 1 р. сер. въ день. Но помыслите, г. Шопенъ, гдѣ же у насъ существуютъ такія цѣны! Вы говорите о цѣлой Россіи, и принимаете среднюю цѣну рабочаго поляга дня въ 1 р. сер.!

Притомъ, что же хотите вы доказать своимъ натянутымъ разсчетомъ? Что удобрение дорого обходится? Но вы думаете, что дешево можетъ обойтись ирригація, помощію предполагаемыхъ вами государственныхъ, губернскихъ, волостныхъ и сельскихъ каналовъ, съ мѣриадами чинарниковъ, водомъровъ, которыми нужно дать жалованье, пенсіи, награды? Вы рассчитываете, что работа на вывозку удобрения обходится въ 1,600,000,000 р. сер. и говорите, что эта сумма представляетъ капиталъ въ 27,000,000,000 р. сер. Но сколько милліоновъ нужно для приращенія нашего проекта въ исполненіе? Вы этого не сосчитали, и даже думаете, кажется, что это будетъ стоить пустяковъ; а же думаю, — на это нужны такіе милліоны, что еслибъ и дѣйствительно ваша мысль замѣнить навозъ водою стоила вниманія, то и тогда одна огромность суммъ, какія потребовало бы исполненіе этого проекта, навсегда осталась бы непреодолимымъ препятствіемъ.

Но г-ну Шопену все кажется легкимъ. Чего же вы думаете, говорить онъ: *составте для сею компаніи на акціяхъ, идъ, вмѣсто капиталовъ, внесется работа.* Вотъ забавныя компаніи на акціяхъ, въ которыхъ, вмѣсто капитала, вносится работа! Что жъ это за компанія на акціяхъ безъ денегъ? Мы не слыхивали, чтобъ компаніи на-

чинялись безъ денегъ, хотя и многія этия кончаютъ...

Не знаю, дѣйствительно ли ирригація и желѣзная дорога суть *дѣль родимля сестры*, какъ выражается вы, г. Шопенъ, немножко - восточнымъ слогомъ; но знаю только, что хорошему хозяину гораздо-легче добывать у себя нужное количество навоза, съ которымъ урожай всегда вѣрны, чѣмъ копая государственныя, губернскіе, волостныя и сельскіе ирригаціонныя каналы, по вашему проекту. Вы говорите, что это *опрятнае*; а я скажу, что это *убыточнѣе* и *безполезнѣе*.

«Взгляните на страны» говорите вы: «гдѣ одною ирригаціею процвѣтають всѣ отрасли земледѣлія». Но гдѣ же эти страны? Конечно, было бы очень-любовитно взглянуть на нихъ; да гдѣ онѣ? вы не сказали... Судя же по тому, что вы далѣе говорите о Хивинцѣ, заключаю, что вы при этомъ имѣли въ виду Хиву. Славное государство — не спору; но знаете ли вы хорошенько почва и климатъ Хивы, чтобъ ставить нашъ эту земельку за образецъ въ подражаніе?

Не буду говорить здѣсь о мысли г. Шопена превратить Архангельскую-Губернію чуть-ли не въ Италію по плодородію съ помощію ирригаціонныхъ каналовъ; не буду упоминать о желаніи его, чтобъ не привнимались у насъ мѣры противъ развитія рѣкъ. Это такіе предметы, въ которыхъ одинъ здравый смыслъ читателя можетъ рѣшить споръ... Но не могу не замѣтить, что г. Шопенъ остается при прежнемъ своемъ мнѣніи о необходимости свернуть теченіе Дона въ Калмыцкую Степь и починить каналу, существующую на Муганскомъ-Полѣ. Это такіе проекты, которые, если хотите, чтобъ они заслужили какое-нибудь вниманіе, должны быть основаны на соображеніи технической возможности и пользы ихъ выполнения. Вы хотите, чтобъ мы похврили, а между-тѣмъ не представляете никакихъ доказательствъ возможности ихъ! Не довольно взглянуть на карту и сказать: «хорошо бы-

ло бы, еслибъ эта рѣка потекла вотъ такъ»; такъ фантазируютъ иногда дѣти, начинающія учиться географіи, и которыми не нравится фигура, представляемая теченіемъ какой-нибудь рѣки.

Г. Шопену такъ хочется, чтобъ какой-то каналъ, начатый Селевкидомъ до Р. Х. и продолженный Тамерланомъ, былъ оконченъ, что онъ придумалъ даже для него особую надпись. Эту надпись я назвалъ *любопытною*, не болѣе; но г. Шопенъ весьма на это разгнѣвался и говорить: «я такъ же убѣжденъ, что надпись, мною предложенная, заключающая въ себѣ *сближеніе трехъ замѣчательныхъ эпохъ въ исторіи, не такъ бессмысленна, какъ вамъ угодно ее представити*». Но, во-первыхъ, я и не говорилъ, что она бессмысленна, тѣмъ болѣе, что грамматическій смыслъ въ ней есть; во-вторыхъ, *какія же три замѣчательныя эпохи* она сближаетъ? Двѣ эпохи: Селевкида и Тамерлана мы знаемъ, хотя и не знаемъ, въ какомъ смыслѣ г. Шопенъ называетъ ихъ *замѣчательными*; но гдѣ же третья эпоха и какое сближеніе этой невѣстной эпохи можно сдѣлать съ эпохами Селевкида и Тамерлана? Я, неспрошавшій никогда древность, по подобію г. Шопена, не знаю этого, а потому и не мудрено, что надпись, придуманную имъ для заброшеннаго канала, о возобновеніи котораго никто и не думаетъ, — нахожу забавною.

Въ-заключеніе всего, позволяю себѣ сдѣлать общій выводъ о брошюрѣ г. Шопена и объ антикритикѣ его, напечатанной въ «Сѣверной Пчелѣ». Весь проектъ, развитый авторомъ въ брошюрѣ и въ антикритикѣ и состояющій въ томъ, чтобъ покрыть Россію, въ отвращеніе неурожая, сѣтью государственныхъ, губернскихъ, волостныхъ и сельскихъ ирригаціонныхъ каналовъ и толпою водомѣровъ и мильоновъ, — весь этотъ проектъ, какъ не основанный на вѣрномъ соображеніи средствъ, представляемыхъ наукою и условіями мѣстности и какъ ложный въ своихъ нововведеніяхъ, не подле-

жить дальнѣйшему разбирательству и имѣть быть сданы, какъ ненужный, для храненія въ архивъ, вмѣстѣ съ прочими таковыми же.

Оканчивая это письмо, и безъ того уже длинное, не могу не исправить одной ошибки, сдѣланной г. Шопеномъ, но на этотъ разъ не относительно какой-нибудь науки, а просто относительно моей личности, сирѣчь лица. Г. Шопенъ говоритъ, будто *онъ увѣренъ*, что я вижу лимонъ, глядясь въ зеркало. Слѣдоу увѣрить г. Шопена, что мое лицо не представляетъ никакого сходства съ лимономъ, а скорѣе похоже на апельсинъ, и притомъ на королѣвъ. Прочитавъ статью г. Шопена, я еще разъ нарочно посмотрѣлся въ зеркало, и точно нахожу сходство съ апельсиномъ, а совсѣмъ не съ лимономъ. Еслибъ я былъ помоложе (мнѣ стукнулъ шестой десятокъ), то, можетъ-быть, въ этомъ не такъ легко признался бы печатно; но въ мои лѣта непозволительно имѣть претензій на красоту.

Антонъ Кирилловъ.

✱

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

78) La Tour de Babel (Вавилонская Башня), комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. г. Анатоля Брюана.

Дѣйствіе пьесы въ Шотландіи, въ Глазгоу, два года спустя послѣ революціи 1688 года. — Молодой живописецъ, Эдуардъ Мортонъ, недовольный Богъ-вѣсть чѣмъ, обратилъ свой домъ въ убѣжище разныхъ побѣжденных партій. Для лучшаго избѣжанія полиціи короля Вильгельма, живописецъ собираетъ въ своей мастерской самыхъ благовидныхъ и сладенькихъ заговорщиковъ: по-первыхъ, тутъ у

него мистеръ Бардольфъ, человекъ зажиточный, счастливый, мужъ ведурной жены, честный гражданинъ, пахнуціи глупцомъ за цѣлую милю. Далѣе, *Стальное-Сердце*, остатокъ фанатическихъ солдатъ Кромвеля, со всѣми доблестями гуляки, забіяки и хвастуна первой степени. Потомъ, старый наркизъ Киндрокъ, у котораго голова набита его дворянствомъ, и который въ глубинѣ души скорбитъ по дворѣ того Іакова VI, чѣмъ Сюлли справедливо называлъ *мудрѣйшимъ изъ идоотовъ Европы*. Маркизъ — заговорщикъ неопытный; сумбуръ его стихія; онъ принадлежитъ къ семейству тѣхъ добрыхъ людей, въ которыхъ упрямство и запальчивость бывають вѣрнѣйшими признаками смысла. Достойный сынокъ такого батюшки, молодой графъ Генрихъ, участвуетъ въ заговорѣ отъ правдоности, по капризу, ради приличія, просто изъ-за того, что заговоры въ модѣ. Будь графъ носимшлеть, изъ него вышелъ бы отчаянный заговорщикъ умѣренной партіи. Наконецъ, для пополненія этой стаи честолюбцевъ, являются человека два изъ народа и трое или четверо ищущихъ, лица безъ словъ. Таково-то все изобрѣтеніе автора пяти-актной комедіи, надѣлавшей пропасть шума, какъ пьеса политическая, анти-орлеанская, пропасть звѣоты, какъ пьеса скучная, и немало убытка (за недостаткомъ публики) Королевскому Французскому Театру, котораго сцена приняла на себя комедію г. Брюана, автора молодого, неопытнаго, претендующаго на цѣли не-по-силамъ, и, какъ видно, не большоталантливаго. Вдругъ, въ самую ту минуту, когда заговорщики наиболѣе погружены въ думы о предполагаемой революціи, является *чинловникъ Лондонскаго Комитета*: безъ всякихъ распросовъ о его паспортѣ должности, мистеръ Кэмпблль прерадушно принять почтенной политической компаніей. Его посвящаютъ въ малѣйшія подробности дѣла, даютъ читать списокъ заговорщиковъ, рассказываютъ даже скандальную хронику города Глазгоу. Вотъ,

напримѣръ, любовная записочка, адресованная на имя Коллумъ-Мора, губернатора города: «Муж мой проводить вечеръ за-городомъ; будьте сегодня; я васъ жду въ девять часовъ!» Записка принадлежит мистриссъ Бардольфъ; и вотъ, мистеръ Бардольфъ, и графъ Геврихъ, влюбленный въ мистриссъ, страшно раздражены противъ сочинительницы посланія! Заговорщики, въ слѣдствіе этого, помышляютъ только о томъ, какъ бы захватить мистриссъ Бардольфъ на самомъ преступленіи. Въ девять часовъ, они расположатся на караулъ подъ окнами дамы; потомъ, по данному сигналу (три удара молоткомъ!), проникнуть въ будуаръ, овладѣютъ губернаторомъ, а съ нимъ и цѣлымъ городомъ. Почтенная компанія не считала въ этомъ случаѣ на своего гостя, сочтеть въ другорядъ! Въ лучшую минуту наступающаго торжества, мистеръ Бардольфъ, другъ его Геврихъ и товарищъ Стальное-Сердце, схвачены жандармами, которые безъ всякихъ околичностей, суда и процесса, сажаютъ ихъ въ тюрьму. Тутъ является, въ своемъ завоевательномъ плащѣ, настоящій Коллумъ-Моръ. Входъ свободенъ: милости просимъ, милордъ! Горничная отпираетъ дверь, занавѣсъ падаетъ, и... думай зрители себѣ, что угодно! Слѣдуютъ избитые эффеkты и избитыя фразы матери, ходатайствующей за спасеніе сына, леди Кивдрокъ: скучно, пошло; третій актъ пьесы, а зритель все еще не заинтересованъ ничьей судьбою. Чтобъ помочь горю, бѣдный маляръ Мортонъ хочетъ пожертвовать собою дѣлу заговора, и не безъ основательной причины: онъ влюбленъ въ миссъ Эдию Коллумъ-Моръ, сестру губернатора. При такомъ предложеніи, заговорщики въ восторгѣ. Стальное-Сердце приготовилъ и кинжалъ; ждутъ только жертвы. Но велико ли дѣло убійство простаго живописца! Публика скажетъ: «это пустыня!» Живописецъ тонетъ — и эффеkтъ не удается. Вотъ, давайте намъ трупъ мистера Бардольфа — это другое дѣло! На такое неожиданное приглашеніе, Бардольфъ

призадумывается: не изъ тѣхъ онъ людей, которые жертвуютъ собою за мнѣнія. Если даже дѣло шло только о выдачѣ денегъ, то мистеръ Бардольфъ и то крался бы съ своими услугами на цыпочкахъ; тѣмъ больше, когда рѣчь идетъ о выдачѣ головы. И, однакожъ, неопытность поэта доходитъ до того, что Бардольфъ у него соглашается сыграть кровавую роль козла грѣхоносца: онъ самъ, добровольно, пойдетъ въ полночь ожидать убійцы. Сущій Гораций Коклесь! Не правда ли, что нѣтъ ничего смѣшнаго въ лицѣ мирнаго мѣщанина, поступающаго съ мужествомъ и достоинствомъ героевъ древности?— Четвертый актъ ничѣмъ не уступаетъ въ качествѣ третьему. Продолжается, конечно, вопросъ, кому умирать: живописцу Мортону или пивовару Бардольфу, — и кто бы повѣрилъ? заговорщики даже не взяли предосторожности, или лучше, вѣжливости, предупредить Мортонъ, что часть его не пробишь, что друзья и братья предпочтатъ его голову голоу Бардольфа. Такъ то въ земной юдоли ни на что нельзя положиться: Мортонъ полагался на кинжалъ Стальнаго-Сердца, а встрѣчаетъ на балконѣ миссъ Эдию Коллумъ-Моръ, и прекрасная Эдию открыто говоритъ ему: «Я васъ люблю! женитесь на мнѣ, просите моей руки у брата!» Храбрый Мортонъ очень-доволенъ своею вѣсточкою и уже не думаетъ о смерти: мысли его устремлены къ парѣ глазокъ, похожихъ на пару звѣздочекъ. Между тѣмъ, на условное мѣсто приходитъ герой — Бардольфъ; ночь мрачна и «во ужасъ сердце приводяща»; но нашъ пивоваръ идетъ бодро вперед. Однако, мужества и героизма у мистера хватило не надолго: скоро онъ находитъ, что убійца слишкомъ мѣшкаетъ, а извѣстно, что *tarde venientibus ossa!* И дѣло сдѣлалъ Бардольфъ, не давъ себя убить... Слышатся крики: «побѣда! ищеніе! долой тирана!» Это значить, что какими-то судьбами весь Глазгоу забунтовался; губернаторъ бѣжить безъ оглядки; контр-революціе одерживаетъ верхъ, благодаря уму

и искусству господъ заговорщиковъ. Цѣль комедіи въ пятомъ актѣ прослѣдится ярко: это — замарать людей июльскаго переворота, какъ мелкихъ честолюбцевъ по слѣдующему образцу: 1) Стальное-Сердце выигрываетъ званіе капитана въ оранскомъ полку; 2) лордъ Киярокъ чинъ камергера короля Вильгельма III-го; 3) сэръ Джонъ Бардольфъ попалъ въ дворняе по жень; и 4) Эдуардъ Мортовъ достигъ счастья быть мужемъ миссъ Эдионъ. Первое представленіе подлѣ исходъ свой едва имѣло зрителей; второе, говорятъ, лишено было ихъ вовсе; дальнѣйшихъ за тѣмъ, натурально, не послѣдовало, во избѣжаніе дальнѣйшихъ убытковъ Французскому Театру.

79) *La Révélé aux Vieux Révélés* (Ловля Тестей), *водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ*, соч. и. Баюра и Соважа.

Очень-забавная шутка сцены Пале-Руайяльскаго-Театра. Нѣкто Ольгаръ, разорившійся пожилой левъ, разставилъ сѣти, чтобъ поймать мимоходомъ богача Монжибб, изъ котораго хочетъ сдѣлать себя тестя. Молодой Фабіанъ, сосѣдъ мосье Монжибб, бѣденъ, честенъ, безкорыстенъ и крѣпко влюбленъ въ мамзель Деזире. Эта, съ своей стороны, сдѣлалась ангеломъ-хранителемъ Фабіана, и дала себѣ слово, что Фабіанъ женится на мамзель Монжибб. Ольгаръ заказываетъ новое платье своему портному; Дезире даетъ возможность взять это платье Фабіану; Ольгаръ приглашаетъ мосье Монжибб на завтракъ, — завтракъ даетъ Фабіанъ своему будущему тестю; букеты Ольгара достаются Фабіану; каретою Ольгара пользуется Фабіанъ; Ольгаръ закидываетъ удочку, а вытаскиваетъ ее Фабіанъ! Очень-жаль, потому-что малютка Дезире очень-привязана къ Фабіану, и обратно.

80) *Le Canal Saint-Martin* (Сен-Мартенскій Каналъ), *мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ*, сочиненіе и. Дюпёти и Кармона.

На Сен-Мартенскомъ-Каналѣ есть лѣсной дворъ, принадлежащій нѣкоему Ларошу. Войдите въ этотъ дворъ, и

вы познакомятсѣ тамъ съ гг. Барбидиономъ, Лудрономъ, Пик-Вингеротъ и тому-подобными воутенными людьми. Что за блузы! что за фуражки! что за ругательства! Компания подилась на ноги ранѣхонько съ утра: это встал сумятица Иосафатовой-Долины, прежде чѣмъ праведники стали по праву, а грѣшники по лѣвую руку. Среди этой толпы, мамзель Кларисса, дочь лѣсника, мелькаетъ какъ лучъ надежды въ сердцахъ несчастныхъ. Отца Клариссы нѣтъ дома, и грубые рабочіе охотно повинуются дѣлушкѣ. Особенно одинъ изъ нихъ, старинная добрая правосудія, старинный шуринчикъ, блитъ надъ Клариссою, которой онъ отецъ... просто, ея отецъ, дѣло въ томъ, что когда ему приходится отлучаться на нѣтъ лѣтъ въ тюрьму, то онъ согласился отдать свою дочь Ларошу на условіи, что ребенокъ будетъ кормить, одѣвать, обмывать, носить, убирать, и т. д. на счетъ пріемцаго отца. И такъ, придишкѣ Гильионъ смотрятъ за Клариссою и за домомъ, вкругъ котораго ходитъ дозоромъ каждую ночь. Не смотря на то, жестокіе бандиты проникаютъ въ домъ и уносятъ двадцать тысячъ франковъ, которые Ларошъ долженъ на другой день отдать въ уплату. Разумѣется, одинъ изъ сильнѣйшихъ эффектовъ мелодрамы — ровство, совершаемое со стороны воровскихъ искусствомъ въ-очью передъ зрителями. Тсс! вотъ и самъ Ларошъ подилывается въ своей лодкѣ Ларошъ-ужасный человекъ, настоящій сорви-нецъ съ галеръ, мелодраматическій злодѣй. Едва прибывъ, онъ встрѣчаетъ нѣкоего Марсіала, того самого, кто ночью укралъ двадцать тысячъ франковъ. Въ глубинѣ бушажника Марсіалъ нашелъ неопровержимыя доказательства преступленія обкраденнаго дѣла Лароша. Честный торговецъ вѣсья не то, чѣмъ кажется. Прежде, чѣмъ онъ началъ торговать на каналѣ ельничкомъ да орѣшникомъ, онъ продалъ свое дерево, т. е. черныя невольнички; но какъ торговля не удалась, то Ларошъ убилъ своего хозяина, укралъ и

него деньги и бумаги и пришелъ въ Парижъ морочить честныхъ людей водъ видомъ торговца лѣсомъ. Это-то повѣствуетъ Марсіаль достойному Ларошу, и Ларошъ, очень утомясь разсказомъ, топаетъ ногою какъ бѣшеный. Но, о чудо! Лодка пріоткрывается, Марсіаль тонетъ въ волнахъ. Итакъ, дѣло удалось по желанію, и Ларошъ, очень довольный, приглашаетъ всѣхъ своихъ рабочихъ на *Островъ-Любви* (*Île d'Amour*). Тутъ гуляющіе танцуютъ, шалютъ, бѣгаютъ... веселье, праздники въ форѣ; особенно-хороша одна мадевская гризетка, пляшущая качучу. Для довершенія радости, Ларошъ сунуть руку дочери молодому прикащику Арману. Въ такомъ-то положеніи находятся дѣла, когда является спасенный отъ воды Марсіаль: его вытащилъ Барбильонъ, отправляющій ремесло водолазной собаки въ здѣшнихъ водахъ. При видѣ Марсіаля, Ларошъ смущенъ до-недѣля. Но, какъ дѣвчѣ малой, Марсіаль притворяется; онъ не прочь продать свою скромность нѣсколько-подороже противъ украденной суммы. — Дефсти тысячь франковъ въ руку Клариссы! — «По рукамъ!» говоритъ Ларошъ. Кларисса очень опечалена; но надобно спасать того, кого она считаетъ своимъ отцомъ, и дѣвушка покоряется. — Ночь; на небѣ темно, какъ въ трубѣ; ни звѣздочки; только вода плещется и кроется въ тѣни. Мы на шабашѣ воровской компаніи. Очищатели чужихъ кармановъ собираются на мѣсто одинъ за другимъ: одинъ другаго страшитъ, отвратительнѣе. Всѣ предѣсти мелодраматическаго рода! «Наконецъ-таки всякая лисица очутится у скорняка», говоритъ пословица у Французовъ. Полиція, увѣдомленная о происхожденіи, нападаетъ на бандитовъ и захватываетъ ихъ въ свои почетительныя руки. Вѣроятно, сочленовъ братства ждуть галеры на цѣлую жизнь. Ларошъ поступаетъ умнѣе и эфективнѣе другихъ: вмѣсто того, чтобы сдаться, онъ убиваетъ себя. Освобожденная отъ недостойнаго брака, мамзель Кларисса выходитъ за любимаго

человѣка и узнаетъ своего настоящаго отца, къ утѣшенію и облегченію сердца зрителей, проникнутыхъ до мозга костей ужасами мелодрамы Театра-Веселости (*Gaité*).

Вотъ и всѣ или почти-всѣ — ибо объ остальныхъ мелочахъ не стоить и говорить — новости парижскихъ театровъ, новости довольно-скудныя, хотя скудость эта, правда, очень объясняется лѣтнимъ временемъ, когда Парижъ не охотно ходитъ въ театръ.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

КУРГАНЫ ПО СѢВЕРНОЙ СТОРОНѢ АЗОВСКАГО-МОРЯ. — Археологія, — главная вспомогательная наука исторіи. Сколько случаевъ можно привести въ примѣръ, гдѣ открытіе медалей, монетъ, однимъ словомъ, какаго-нибудь памятника рѣшало важныя спорныя историческія вопросы; укажемъ только на нумизматическія изслѣдованія нашего академика Круга, которыя много содѣйствовали раскрытію въ настоящемъ свѣтѣ первоначальной эпохи нашей отечественной исторіи.

Курганы, разбросанныя въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи въ большемъ или меньшемъ количествѣ, издавна обращаютъ на себя всеобщее вниманіе. Простодушныя и люди необразованныя ищутъ въ нихъ кладовъ и съ этою цѣлью раскапываютъ ихъ. Подобныя поиски рѣдко, почти никогда не увѣнчивались успѣхомъ; но они приносили побочную ученую пользу для исторіи: всегда результатомъ этихъ поисковъ было открытіе медалей, монетъ, сосудовъ и другихъ памятниковъ древности. Императорская Санктпетербургская Академія Наукъ, которая уже такъ много сдѣлала для русской исторіи въ лицѣ Миллера, Шлёпера, Круга и другихъ своихъ членовъ, рѣшила изслѣдовать наши курганы собственно съ археологическою цѣлью; она обратила вниманіе первоначально

на югъ Россіи, богатый исторически-ми событіями, гдѣ наиболѣе находится кургановъ и гдѣ подобныя археологическія изслѣдованія были уже прежде предпринимаемы частными людьми. Мennonитъ Іоаннъ Корнисъ, поселевецъ въ колоніи Орловой (въ Мелитопольскомъ-Уѣздѣ Таврической-Губерніи), отличный хозяинъ, который много способствовалъ цивилизаціи Ногайцевъ, взялся быть исполнителемъ полезнаго намѣренія Академіи Наукъ тѣмъ охотнѣе, что прежде еще онъ предпринялъ на свой счетъ изслѣдованіе кургановъ на сѣверномъ берегу Азовскаго-Моря.

Г. Корнисъ совершенно оправдалъ довѣренность Академіи. Результаты его изслѣдованій, представленныя имъ въ различное время (въ 1843 году въ январѣ и ноябрѣ и въ августѣ 1844 года), составляютъ отличныя данныя для

систематическаго раздѣленія вообще всѣхъ степныхъ кургановъ на четыре категоріи:

- а) Простыя искусственныя насыпи.
- б) Курганы, покрывающіе могилы и содержащіе въ себѣ лошадиныя кости.
- в) Обыкновенныя могильныя курганы.
- д) Кочки, сдѣланныя кротами.

Академикъ Бэръ вызвался помѣстить весь обширный мемуаръ г. Корниса въ издаваемыхъ имъ *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs*. (Пособіи для узнанія Россійскаго-Государства), авъ *Ученомъ Бюллетенѣ* (*Bulletin Scientifique de l'Academie Imperiale de St.-Petersbourg*, N° 37), откуда заимствуемъ мы эту статью, помѣщено только краткое обзореніе, въ видѣ таблицы, тринадцати холмовъ, разрытыхъ г. Корнисомъ въ-теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ (1842 — 1844).

Обозрѣніе кургановъ по сѣверной сторонѣ Азовскаго-Моря, разрытыхъ въ 1842, 1843 и 1844 годахъ менонитомъ Іоанномъ Корнисомъ.

№ и время разрытія.	Мѣстность.	Діам. осн. кургана.	Высота кургана.	Вещи найденныя.
Рейн. фут. (1)				
<i>На правомъ берегу Молочной.</i>				
№ 1. 3/13 сент. (2) 1842.	Въ 8 верстахъ отъ Мелитополя, на тощанакской землѣ. Самый большой курганъ въ этихъ мѣстахъ	162.	8.	Скелетъ человѣческой погребшаго времени; рядомъ съ нимъ мѣдная кружка; кости лошадиныя, занесенныя сюда, вѣроятно, волками и лисицами. На глубинѣ 4 или 5 футовъ, внутри кургана лежитъ слой чернозема, котораго не находится, однакоже, ни подъ курганомъ, ни вокругъ его.
№ 2. 17/29 сент. 1842.	Недалеко отъ устья Молочной, въ 1 верстѣ отъ гниава и 6 в. отъ деревни Родіоновки. .	155.	8.	Вершина кургана состоитъ изъ известковаго щебня, мергеля и мелкаго раковистаго известняка. Внутри найдены 8 обтесанныхъ кусковъ песчаника, обломковъ каменнаго пьедестала. Первоначальная высота кургана была десять съ половиною футовъ, какъ это показываетъ слой чернозема, лежащій подъ курганомъ.

(1) Рейнскій футъ равняется 1,02972 англійскимъ или русскимъ футамъ и содержитъ въ себѣ 139,13 парижскихъ линій.

(2) Числа стараго стиля находятся выше черты, а подъ чертою числа новаго стиля.

№ 3. Въ 60 саженяхъ отъ
10/22 октяб. № 2 140. 5½

№ 4. Въ 80 саж. вправо
10/23 октяб. отъ большой почтовой
1842. дороги, идущей изъ
Мелитополя въ Пере-
копъ (здѣсь находит-
ся цѣлая группа кур-
гановъ, числомъ 30,
изъ которыхъ 4 око-
ло 15 фут. высоты) . 76. 5 ф. 8 д.

№ 5. Въ 120 саженяхъ отъ
14/20 октяб. № 4 56. 4 ф. 5 д.
1842.

№ 6. Въ 5 саж. отъ № 5. . 20. 11½.
17/29 октяб.
1842.

*На лѣвомъ берегу Мо-
лочной.*

№ 7. На правомъ берегу
17/29 октяб. рѣчки Корсакъ. Здѣсь
1842. между деревней Ул-
конъ-Сасыкъ-Тогунъ
и моремъ, на простран-
ствѣ четырехъ съ по-
ловиною верстъ, нахо-
дятся три группы кур-
гановъ. № 7 принад-
лежитъ къ самой юж-
ной группѣ, которая
ближе къ морю 50. 4 ф. 9½ д.

№ 8. Тамъ же 40. 3 , 6
20 сентябр.
3 октябр.
1843.

Высота первоначальная была
семь съ половиною футовъ, пото-
му-что слой чернозема находится
подъ курганомъ двумя футами ни-
же (глубже) окружающей черно-
земистой почвы. Внутри найдено
нѣсколько кусковъ гранита.

На глубинѣ полутора фута въ
курганѣ найденъ цѣлый лоша-
диный скелетъ. Ниже лежали обо-
жженные кости, лошадиные зу-
бы, уголья и зола. Еще глубже
находится могила, на глубинѣ 2
футовъ подъ поверхностью земл;
съ боку лежалъ скелетъ человѣче-
скій и возлѣ него глиняная круж-
ка, деревянная ложка, шелковая
золотая парча, парусина, мѣдные
варучники, мѣстами позолочен-
ные.

На глубинѣ 2 футовъ, въ курга-
нѣ найденъ лошадиный скелетъ,
а подъ самымъ курганомъ, въ бо-
ковомъ углубленіи могилы — ске-
летъ человѣческій; еще глубже
фута на три—опять человѣческій
скелетъ и также въ боковомъ
углубленіи могилы; возлѣ—сере-
бряная серьга и два костяные но-
жовые черенка.

Въ самомъ курганѣ, на глубинѣ
6 дюймовъ, найдены лошадиный
скелетъ, желѣзная пряжка и стре-
мена; подъ самымъ же курганомъ
— человѣческій скелетъ.

Въ самомъ курганѣ ничего не
найденно; а подъ курганомъ, въ
боковомъ углубленіи, человѣче-
скій скелетъ, кожаный мѣшокъ,
наполненный берестомъ, обломка-
ми ножа и кнѣжала, желѣзная
палица. Въ ногахъ скелета стоялъ
мѣдный походный котелокъ, тон-
кая деревянная чашка, стремяна
и пряжки. Трупъ, по-видимому,
первоначально одѣтъ былъ въ
шелковое одѣяніе и сверху оку-
танъ парусиной.

Въ самомъ курганѣ нѣтъ ниче-
го, но подъ курганомъ найдены
были человѣческій скелетъ и воз-
лѣ него всѣ принадлежности сѣд-
ла — стремяна, пряжки, мѣдные
бляхи, также ножикъ съ деревян-
ною ручкою и кожаными ножна-
ми, брусокъ, деревянный частый
гребень, небольшое желѣзное коль-

- № 9. Тамъ же 25. 1 ф. 10 д. Въ самомъ курганѣ нѣтъ ничего; подъ курганомъ найденъ былъ скелетъ на глубинѣ 4 футовъ 10 дюймовъ.
- 21 сентября. 1843.
- № 10. Тамъ же. 42. 2 ф. 3 д. Въ курганѣ ничего; подъ курганомъ, на глубинѣ 3 ф. 4 дюйм., находится могила; кости въ ней разбросаны, вѣроятно, дикими звѣрями, которые здѣсь хозяйничали, такъ свидѣтельствуя слѣды лмсьихъ и волчьихъ логовищъ; вещей никакихъ нѣтъ, исключая небольшихъ кусковъ ржаваго желѣза, бересты и сгнившаго дерева.
- 3 октября. 1843.
- № 11. Тамъ же, въ средней группѣ; здѣсь на 5. десятинахъ лежатъ 50 кургановъ 75. 5.
- 23 сентября. 1843.
- 4 октября. 1843.

На правомъ берегу Молочной.

- № 12. Въ 200 саж. вправо отъ большой дороги, идущей изъ Мелитополя въ Перекопъ, и въ 150 саж. отъ рѣчки Ташевакъ. Онъ принадлежитъ къ одной группѣ съ кург. № 4. 158. 9 ф. 8 д.
- 20 мая. 1844.
- На лѣвомъ берегу Молочной.*

- № 13. При истокѣ Корсака, изъ той же группы, къ которой принадлежатъ № 7 131. 13.
- 27 мая. 1844.

Въ курганѣ, на глубинѣ полутора футовъ, найденъ собачій скелетъ, лошадиный зубъ и другія кости; между ними отвѣсно стояла веревъ изъ сосноватаго дерева.

Въ курганѣ разбросаны чѣловчскія кости; подъ курганомъ лежатъ также остатки скелета.

Эта таблица показываетъ, что самые большіе три кургана, которые первоначально были разрыты, составляютъ собственно искусственныя насыпи и отпосада, слѣдовательно, къ первой категоріи нашихъ классификаціи кургановъ. Цѣль, назначеніе ихъ, кажется, исключительно религіозная. Г. Кейпенъ, докладывавшій Академіи объ изслѣдованіяхъ Корнуса, принимая въ основаніе остатки пьедестала, найденныя въ курганѣ № 2, утверждаетъ, что эти искусственныя насыпи—памятники древняго языческаго вѣроисповѣданія, которое господствовало вѣдогла на сѣверныхъ берегахъ Чернаго-Моря.

Только бчель-нейшій между нами служий собственно обсервационными пунктами для обозрѣнія окрестной плоской страны.

Невозможно опредѣлить древность этихъ искусственныхъ насыпей, потому-что, исключая скелетовъ чловчскихъ и костей другихъ животныхъ, никакихъ археологическихъ памятниковъ въ нихъ не найдено.

Ко второй категоріи степныхъ кургановъ принадлежатъ такіа возвышенія, которыя заключаютъ въ себѣ скелетъ лошади. Вѣроятно, животное это было убито здѣсь на могилѣ своего хозяина и засыпано землею вмѣстѣ съ

узлом, съдломъ и стременими. Г. Корниисъ разрылъ три такіе погребные кургана (№№ 4, 5 и 6). Подъ курганомъ здѣсь всегда находится челоуѣчскій скелетъ и обыкновенно въ боковомъ углубленіи могилы. Крымскіе Татары всегда роютъ могилу въ видѣ сапога, и трупъ кладутъ въ боковой уголъ, который спереди закладываютъ стѣною. Иногда подъ однимъ курганомъ, какъ въ № 5, находятся два скелета, только въ такомъ случаѣ каждый дѣлаетъ въ особомъ углубленіи. Курганъ № 4 доказываетъ, что при закланіи лошади были сожжены и другія большія и малыя животныя.

Древность этихъ земляныхъ возвышеній также невозможно опредѣлить. Крайеологамъ предстоитъ рѣшить, какому народу принадлежатъ черепа, доныне изъ этихъ могилъ. По вещамъ же, найденнымъ здѣсь, каковы обломки черной глиняной кружки, деревянная ложка, остатки парчи, парусины, медныя перучники; и проч. и проч. нельзя было оставить опредѣленнаго заключенія.

Курганы *третьей категоріи* (№№ 7—8) ничего въ себѣ не заключаютъ. Они обыкновенно образуютъ группы стабильныя и довольно-многочисленныя. Самый высокій между ними не выше пяти футовъ; самый низкій не ниже и половины этой высоты. Скелетъ здѣсь находится обыкновенно въ боковомъ углубленіи могилы.

Наконецъ, *четвертую категорію* составляютъ возвышенія не болѣе двухъ футовъ. Они разбросаны во множествѣ во всему пространству между Днѣпромъ, Дономъ и Азовскимъ Моремъ. Отверстія этихъ кургановъ ясно показываютъ, что они одолжены происхожденіемъ своимъ животнымъ — сурками, кротамъ, которые были главными обитателями тѣхъ мѣстностей. Почти подъ каждымъ такимъ курганомъ находятъ теперь ясныя слѣды норъ; вышанныхъ уже въ послѣдствіи времени землею. Земля, лежащая теперь около кургана, не одинакова съ тою, изъ которой онъ состоитъ; но та лежитъ

обыкновенно на глубинѣ трехъ футовъ.

Въ заключеніе къ своему мемуару, г. Корниисъ прилагаетъ извѣстіе о кругломъ склепѣ, который находится на лѣвомъ берегу Корсака, близъ ногайской деревни Улконъ-Сассыкъ-Тогунъ, и который Татары почитаютъ за святыню. Это обыкновенный круглый склепъ, довольно-просторный; онъ сдѣланъ въ землѣ изъ обожженаго кирпичца. Татары ходятъ къ нему на поклоненіе и приписываютъ ему особеную врачующую силу отъ глазныхъ болѣзней. Входя въ этотъ склепъ, сколько можно судить по оставшимся слѣдамъ, долженъ былъ находиться на южной сторонѣ, а на юго-западной теперь еще стоитъ глыба мелко-зернистаго песчаника, грубо-обтесанная, которая имѣетъ видѣ гробницы; три стороны и оба конца покрыты восточными (вѣроятно татарскими) надписями. Первоначально, этотъ камень лежалъ на самомъ склепѣ; г. Корниисъ напелъ его на юго-западной сторонѣ въ вертикальномъ положеніи; длина его — три аршина съ полвершкомъ, высота — одиннадцать вершковъ, ширина — шесть вершковъ съ половиною. Преданіе говоритъ, что этотъ памятникъ воздвигнутъ въ честь дочери крымскаго хана Эмгея.

ДАННЫЯ ДЛЯ ТОРГОВОЙ СТАТИСТИКИ РОССИИ. — Въ составъ ежегодныхъ отчетовъ Министерства Финансовъ входятъ обзорнія торговой дѣятельности въ теченіе цѣлаго года. Благодаря этому полезному распоряженію бывшаго министра, графа Канкринъ, мы имѣемъ, пока, точныя данныя хотя для одной отрасли общей статистики Россійской Имперіи. Г. Кенценъ, исключительно посвятившій себя статистикѣ Россіи, соединилъ эти годичныя обзорнія въ одну таблицу, которая показываетъ такимъ образомъ торговую дѣятельность Россіи; начиная съ 1823 по 1843 годъ. Два послѣдніе столбца, приближенно сообщаютъ, выражаютъ движеніе торговли, то есть измѣненія, послѣдовавшія въ ко-

личествъ и цѣнности ввозимыхъ и вывозимыхъ продуктовъ въ теченіе каждаго четырехъ лѣтъ. При вычисленіи коэффициентовъ, показывающихъ эти измѣненія, количества и цѣны за первое четырехлѣтіе, первый листръ, были приняты за единицу. Этотъ любопытный матеріалъ, къ которому г. Кеппенъ присоединилъ особаго рода замѣчанія для объясненія несоглас-

Т А Б Л

числа, показывающія количество и цѣнность разликъ

Предметы торговли.	1-й листръ.		2-й листръ.	
	1824—1828.		1829—1833.	
	Цѣна на серебро.	Количество.	Количество.	Цѣна на серебро.
<i>Продукты сырьевые.</i>				
1. Сала пудовъ	3,433,567	10,140,324	4,292,419	12,582,826
2. Льна —	1,338,206	7,867,881	2,254,200	7,040,998
3. Льнян. сѣмени четверт.	428,462	2,609,681	599,537	3,824,830
4. Пеньки пудовъ	2,702,983	7,178,603	2,376,102	5,141,728
5. Конопл. и льнян. масла	233,738	498,787	: 69,699	943,063
6. Веревки и канатовъ .	256,848	631,633	360,844	807,071
7. Парусины . . . кусковъ	64,415	1,252,440	58,891	777,127
8. Равендука . . . —	72,401	593,289	58,308	353,984
9. Фламскаго полотна . .	73,727	829,126	63,111	558,898
10. Кожа невыдѣлан. пуд.	169,846	873,497	285,296	1,425,863
11. — дубленыхъ —	—	238,350	—	278,220
12. — шети —	92,103	1,070,873	92,702	1,202,686
13. Мѣховъ —	—	1,369,967	—	1,407,788
14. Завячихъ шкурокъ . .	11,279	458,327	9,005	227,793
15. Овечьей шерсти . . .	Н о	о з	н а ч	н о
16. Шетинны —	64,374	1,715,114	68,670	1,003,472
17. Выковокъ и коровъ головъ	11,016	147,615	29,425	484,037
18. Лошадей —	7,895	48,963	13,315	112,677
19. Воска пудовъ	57,421	938,625	53,237	578,100
20. Лѣса —	—	2,496,761	—	2,175,343
21. Поташа —	492,481	1,005,665	569,094	1,050,579
22. Желѣза —	1,308,780	1,879,617	1,448,361	1,836,556
23. Мѣди —	195,376	1,905,255	194,636	1,709,416
24. Хлѣба —	1,605,410	5,249,064	3,001,513	13,196,480
<i>Продукты севозимые.</i>				
1. Хлопч. бумаги невыдѣл.	73,462	544,980	125,587	798,899
2. Бумажи. пржи бѣлой . .	359,377	9,969,880	507,544	8,387,790
— крашен.)			23,991	1,182,635
3. Бумажныхъ надѣлин . . .		3,389,171	—	3,012,356
4. Табака —		642,450	74,700	816,942
5. Сахарнаго песка	1,038,278	8,411,852	1,427,946	8,261,160
6. Кофе —	124,003	1,701,503	128,424	1,298,888
7. Чаю байховаго (*)	146,601	1,732,454	159, 140	1,999,244
— кирпичнаго)			н 65 ящик.	
8. Рыбы —	—	562,530	—	765,711
9. Напитковъ —	—	2,984,422	—	8,581,207

(*) Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ вообще листовый или пѣвочный чай.

иъренности между нынѣшнн коэффицентами, представленъ былъ Императорской Санктпетербургской Академии Наукъ, и мы заимствуемъ его изъ «Bulletin scientifique de l'Academie

Impériale des sciences de St.-Petersbourg» (№ 35), въ полной увѣренности, что онъ будетъ интересоваться нашу читающую публику.

И Ц А

мысль статей русской торговли за каждые четыре года.

3-й люстръ. 1834—1838.		4-й люстръ. 1839—1843.		ДВИЖЕНИЕ ТОРГОВЛИ.									
Количество.	Цѣна на серебро.	Количество.	Цѣна на серебро.	По количеству.				По цѣнамъ.					
4,017,903	13,885,457	3,698,441	13,868,221	100;	128;	117;	108	100;	124;	137;	137	1.	
2,354,400	7,623,922	2,926,111	8,461,044	100;	101;	105;	131	100;	89;	97;	108	2.	
683,616	5,274,976	997,266	7,732,128	100;	140;	159;	232	100;	147;	202;	296	3.	
2,986,443	6,324,114	2,774,234	7,385,232	100;	88;	109;	103	100;	72;	88;	103	4.	
219,840	594,623	139,818	359,099	100;	158;	94;	60	100;	189;	119;	72	5.	
249,958	530,791	272,112	625,022	100;	140;	97;	106	100;	128;	84;	99	6.	
68,970	894,037	57,189	785,773	100;	91;	107;	89	100;	62;	74;	63	7.	
76,100	514,255	65,487	411,969	100;	81;	105;	90	100;	60;	87;	69	8.	
66,728	641,769	55,253	489,023	100;	86;	91;	78	100;	67;	77;	59	9.	
304,063	1,558,312	216,311	1,495,354	100;	168;	179;	127	100;	163;	178;	171	10.	
—	298,166	—	233,980	неизвѣстно				100;	117;	125;	98	11.	
93,017	1,118,607	103,559	1,186,481	100;	101;	101;	112	100;	112;	105;	111	12.	
—	1,491,552	—	1,601,885	неизвѣстно				100;	103;	109;	117	13.	
14,936	251,170	13,918	271,280	100;	71;	132;	123	100;	50;	58;	60	14.	
312,724	2,801,049	446,814	4,301,609	—	—	100;	143	—	100;	154;	153	15.	
62,168	1,355,403	70,438	1,436,971	100;	107;	97;	109	100;	59;	79;	84	16.	
47,449	631,836	55,980	1,074,179	100;	267;	431;	508	100;	328;	428;	728	17.	
10,264	185,362	10,043	177,385	100;	169;	130;	127	100;	245;	493;	386	18.	
17,946	247,753	22,905	346,439	100;	93;	31;	40	100;	62;	26;	37	19.	
—	2,801,139	—	2,524,479	неизвѣстно				100;	87;	112;	101	20.	
396,162	881,879	404,617	804,371	100;	116;	80;	82	100;	104;	88;	80	21.	
1,388,279	1,721,036	849,355	1,164,738	100;	111;	106;	65	100;	98;	92;	59	22.	
224,875	2,107,210	106,690	1,063,135	100;	100;	115;	55	100;	90;	111;	56	23.	
1,542,599	7,415,498	2,784,983	14,070,494	100;	180;	96;	173	100;	251;	130;	268	24.	
244,986	1,964,408	403,282	2,434,108	100;	171;	333;	549	100;	147;	380;	447	1.	
589,991	10,445,184	553,789	8,833,370	100;	148;	167;	155	100;	96;	109;	90	2.	
8,377	408,348	3,155	135,641	—				100;	89;	101;	107	3.	
—	3,428,324	—	3,634,459	—				100;	79;	100;	176;	292	4.
96,067	1,436,590	104,284	1,650,265	—	100;	129;	140	79;	100;	176;	292	4.	
1,580,109	8,033,256	1,765,063	7,259,931	100;	138;	149;	170	100;	98;	95;	86	5.	
112,483	906,362	146,817	1,098,110	100;	104;	91;	118	100;	76;	53;	65	6.	
197,081	2,237,726	100,802	4,620,786	100;	109;	134;	160	100;	115;	129;	282	7.	
—	—	73,718	248,122	—				100;	115;	129;	282	7.	
—	1,063,903	—	1,377,112	—				100;	136;	189;	245	8.	
—	4,917,537	—	5,915,619	—				100;	120;	165;	198	9.	

При разсѣтываніи этой таблицы, необходимо надобно имѣть въ виду, что каждая торговая статья, и вообще всякій предметъ статистики, имѣетъ свою исторію, свое эпохи, и что на каждое измѣненіе въ числовыхъ отношеніяхъ, въ цифрахъ, существуетъ свое основаніе. Такъ, на-прим.: привозъ заграничной соли, который въ 1840—41 годахъ былъ пять мильионовъ пудовъ, въ 1842 году поднялся вдругъ только до 700,000 пудовъ; въ слѣдующіе годы онъ совершенно прекратился: поэтому соль и не включена въ таблицу. Это уменьшеніе должно быть приписано увеличенію пошлины на соль; по тарифу 1842 года, съ пуда платили только 25 коп. асс.; а тарифомъ 28 ноября 1841 года проложено пошлины съ пуда 20 коп. сер.

Сахарный песокъ постоянно дешевѣетъ. Сравнительно съ первымъ люстромъ, цѣна его уменьшалась послѣдовательно въ слѣдующія четырехлѣтія на 29, на 36 и 49 съ половиною процентовъ. Такого послѣдовательнаго уменьшенія въ цѣнахъ не представляетъ кофе; но все-таки, сравнительно съ первымъ четырехлѣтіемъ, цѣны его понижались на 27, на 43 и 42 процента.

Вывозъ рогатаго скота (быковъ и коровъ) въ продолженіе пятнадцати лѣтъ въ количествѣ увеличился въ пять разъ; а цѣны на него возросли въ семь разъ; или, что все равно, на сорокъ процентовъ.

Вывозъ овецъ шерсти въ послѣднее четвертилетіе, сравнительно съ предыдущимъ, въ количествѣ увеличился на 43 процента; а цѣна возросла на 56 процента, это обстоятельство видимо указываетъ на улучшение русской шерсти.

Зачьи шкурки и щетина въ цѣнахъ упали; но по количеству вывозъ ихъ постоянно увеличивался. Желѣзо и льняныя издѣлія, парусина, фламское полотно, равендукъ, напротивъ, возвысились и въ цѣнахъ и въ количествѣ.

Если сравнить потребности сахаръ; кофе и чая въ Россіи, Великобританіи и Германіи (собственно Польшербейн); то получимъ слѣдующія цифры для каждого индивидуума:

	Россія.	Велико-британія.	Польшербейнъ.
Сах. пес. ввезено.	1,18 ф.	16,6 ф.	4,28 фунт.
Чая	5 л.	1,38 ф.	4,3 лота.
Кофе	3,18 л.	1,06 ф.	2,90 фунт.

Средствичнаго сахара производится у насъ въ Россіи гораздо менѣе сравнительно съ привознымъ сахарнымъ пескомъ; на душу его придется не болѣе 3 лотовъ.

Ввозъ напитковъ (виноградныхъ винъ, водки, рома, портера и пр.) постоянно возрастаетъ до 1840 года; но съ этого времени начинается опять пониженіе.

Эта таблица такимъ образомъ представляетъ отрадную картину состоянія торговли въ Россіи: цѣны на наши продукты за границею постоянно увеличиваются; напротивъ, заграничные товары дешевѣютъ: *значитъ, Россія богатеетъ...*

ТЕМПЕРАТУРА ПОЧВЫ И ВОЗДУХА НА ГРАНИЦАХЪ ЖЕЛѢЗНОГО ЦЕПЬСТВА. — Чѣмъ болѣе углубимся внутрь материковъ, тѣмъ рѣзче видимъ, какъ разнятся между собою среднія температуры гѣта и зима. Занежь этотъ извѣстенъ уже давно; и теперь легко уже доказать его, потому что, благодаря мудрымъ распоряженіямъ нашего правительства, метеорологическія обсерваторіи устроены въ центральной части материка, которые составляютъ Европа и Азія:

Слѣдующая таблица совершенно подтверждаетъ этотъ законъ для всѣхъ пунктовъ, лежащихъ въ Россіи между 50 и 60 градусами широты.

Названіе мѣстностей.	Широта.	Долгота на воз. отъ Парижа.	Высота мѣста въ англійск. фу- тахъ.	Средняя темпе- ратура.	Разнож. средн. температуръ дѣта и зима.
Санктпетербургъ.	59° 57'	27° 59'	0	3,9	18,8
Москва.	55 45	35 17	400	3,6	22,0
Казань.	55 48	46 48	150	1,7	24,3
Екатеринбургъ.	56 50	38 14	820	0,7	24,9
Вотославскі.	59 45	57 59	600	0,7	26,8
Томскъ.	56 30	82 50	306	0,3	27,5
Барнаулъ.	53 20	81 7	490	0,3	28,3
Иркутскъ.	52 17	104 15	1,300	0,3	26,6
Нерчинскъ.	51 18	117 1	2,000	2,9	34,6
Якутскъ.	62 , 1	127 24	Неизв.	8,2	43,7

Въ слѣдствіе этой быстрой пере-
мѣнчивости температуры въ воздухѣ,
температура почвы также дѣлается
постоянною только на значительной
глубинѣ; въ слояхъ же, ближайшихъ
къ поверхности, она значительно из-
мѣняется.

Хотя мы положительно знаемъ, что
средняя температура почвы при ея по-
верхности не всегда равна средней тем-
пературѣ воздуха, и въ климатахъ хо-
лодныхъ послѣдняя обыкновенно бы-
ваетъ ниже первой, можемъ, одна-
кожъ, допустить, что разность между
ними небольшая, и что въ Нерчинскѣ
температура почвы при поверхности
ниже нуля. Теперь мы знаемъ также,
что средняя температура почвы возра-
стаетъ съ глубиною; слѣдственно, на
некоторой глубинѣ, она должна сдѣ-
латься равною нулю. Вода, которая на-
ходится тамъ постоянно; мерзнетъ и
представляется въ видѣ ледяного слоя;
но глубже она принимаетъ уже нор-
мальную; жидкую форму, потому что
температура возрастаетъ съ глубиною.

Выше ледяного слоя, какъ мы замѣ-
тили, средняя температура почвы ни-
же нуля; но она непостоянна; она измѣ-
няется, и въ известное время года, мо-
жетъ даже подняться выше нуля, и вотъ
почему: чтобы растопить ледъ, недо-
статочно нагрѣть его до темпера-
туры нуля, необходимо сообщить ему
большое количество теплорода, кото-

рое должно перейти въ скрытое со-
стояніе. Легко понять, что лѣтняя те-
плота, такъ медленно распространяю-
щаяся въ почвѣ, на известной глубинѣ
совершенно переходитъ въ ледъ, кото-
рый она растапливаетъ и поглощается
имъ, а отъ этого и зимній холодъ, за-
ступающій мѣсто лѣтняго жара, не про-
никаетъ достаточно - глубоко; его не
пропускаетъ теплота, отдѣляющаяся
въ значительномъ количествѣ изъ за-
мерзавшей воды. Зимній холодъ, чтобы
пройти черезъ такую почву, долженъ
прежде заморозить ее, а въ это время
опять возвратится лѣтній жаръ. Это
обстоятельство увеличиваетъ, слѣд-
ственно, толщину мерзлага слоя почвы.
Въ Нерчинскѣ и вслѣдствіе этого, во
всѣхъ мѣстахъ, гдѣ средняя температура воз-
духа значительно ниже нуля, вы на-
йдете уже на небольшой глубинѣ твер-
дую почву, которая образуетъ слой до-
вольно-толстый; такъ что воду въ
такую встрѣтите на глубинѣ значитель-
ной. Въ рудникахъ, напротивъ, ледя-
ной постоянной слой находится на
очень-большой глубинѣ, потому что
здѣсь теплота распространяется не че-
резъ влажную, сырую, удѣль-замер-
завшую почву, а черезъ плотную гор-
ную породу. Вода же въ третій разъ
собирается въ очень-маленькіе количе-
ства; и потому не имѣетъ замѣтнаго
вліянія на ходъ температуры.

Опытъ совершенно-подтверждаетъ

наши априорическія сужденія. Близъ перчинскихъ рудниковъ, на рѣкѣ Аргуни, есть ферма, гдѣ обрабатываются, и довольно-успѣшно, всѣ хлѣбныя растенія, особенно лѣтняя рожь и ячмень, хотя всѣ полевые работы, включая и посѣвъ и уборку, тамъ продолжаются не болѣе трехъ мѣсяцевъ. Нашъ академикъ Купферъ, известный метеорологъ, авторъ и этихъ послѣдовавшихъ, составляющихъ предметъ нашей статьи, пробовалъ рыть почву среди поля въ августѣ мѣсяцѣ, и на глубинѣ семи футовъ (саженъ) нашелъ землю совершенно-мерзлую; но это еще не былъ ледяной слой: это замерзла вода, составляющая сырость или влажность почвы на этой глубинѣ.

«Безъ сомнѣнія» говоритъ Купферъ: «если бы рыть почву въ октябрь, или еще позже, вѣроятно, я мерзлую землю встрѣтилъ бы на большей глубинѣ, хотя въ это время года земля начинаетъ уже мерзнуть при поверхности.»

Нерчинскіе рудники представляютъ подобныя же явленія, только въ болѣе разнѣрѣ. Купферъ постѣтилъ въ августѣ мѣсяцѣ рудники Трехсвятительскіе, которые, какъ показываютъ барометрическія наблюденія, стоятъ 470 футами выше магнитной перчинской обсерваторіи; а средняя температура воздуха разнится здѣсь противъ Нерчинска на 0,8°; рудники эти не слишкомъ-глубоки; они не глубже 25 саженъ или 175 футовъ; и здѣсь нѣтъ ни вапни воды; стѣны колодезъ и галлерей покрыты инеемъ.

Но въ рудникахъ Воедвиженскихъ, которые находятся на разстояніи вѣсколькихъ верстъ отъ Нерчинска, вода течетъ на глубинѣ 28 саженъ или 200 футовъ. Почему здѣсь не образовался постоянный ледяной слой, какъ въ рудникахъ Трехсвятительскихъ? Вѣроятно, потому, что здѣсь нулевой слой почвы не такъ удаленъ отъ поверхности, и перемены вѣшней температуры передаются ему, такъ что ледъ, который образуется въ холодное время года, лѣтомъ исчезаетъ.

Интересно было бы повѣрить наблюденія, произведенныя въ Нерчинскѣ и на другихъ мѣстностяхъ Сибири. Всѣмъ извѣстны, вѣроятно, наблюденія, дѣланныя въ Якутскѣ купцомъ Шергвынымъ, которые продолжаются и теперь.

Роя колодезь, онъ встрѣтилъ ледяной слой на очень-большой глубинѣ—и это нисколько не удивительно, потому что средняя температура воздуха въ Якутскѣ—8,2 Р., а разность средних температуръ лѣта и зимы 43,7. А между-тѣмъ, въ Якутскѣ дѣлали опыты съ хлѣбопашествомъ въ маломъ размѣрѣ, и они были очень-удачны. Причина здѣсь та, что лѣтомъ почва при поверхности размягчается и способствуетъ прозябанію; средняя температура четыре мѣсяца сразу выше нуля, и въ это время хлѣбное растеніе успѣетъ совершенно созрѣть. Часто снѣгъ падаетъ на послѣдніе всходы; но это не мѣшаетъ уборкѣ. Г. Купферъ видѣлъ самъ, въ окрестностяхъ Красноярска, какъ поля покрылись снѣгомъ, а урожай былъ все-таки хорошій.

Наблюденіе средних температуръ, особенно лѣтнихъ мѣсяцевъ, становится необыкновенно-интереснымъ, если примѣнить его къ хлѣбопашеству. При какой средней температурѣ лѣта возможно хлѣбопашество? Какое вліяніе оказываютъ измѣненія этой температуры на урожай? Какія еще другія причины климатическія имѣютъ вліяніе на урожай и на цѣвы хлѣба?—Вотъ вопросы большой важности для самаго правительства, которое въ горныхъ округахъ обязано заготовлять огромные запасы хлѣба для пропитанія работниковъ. Въ мѣстности, близкой границѣ хлѣбопашества, ничтожное измѣненіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, сильныя дожди, засуха и другія случайныя обстоятельства могутъ уменьшить и даже совершенно погубить урожай. Сибирь представляетъ наибъ обширное поле для изученія этого предмета, которому исключительно посвятилъ себя г. Купферъ.

Объяснимъ теперь, какъ связь существуетъ между средними температурами воздуха и почвы и въ какомъ отношеніи важно наблюдение ихъ для государственнаго хозяйства, мы можемъ уже обратиться къ самымъ изслѣдованіямъ г. Купфера, которыя представилъ онъ Императорской Санкт-бургенской Академіи Наукъ. Изслѣдованія эти имѣютъ предметомъ собственно рѣшеніе только перваго вопроса, то-есть опредѣленіе, при какой средней температурѣ дѣта возможно

хлѣбопашество? — Цифры, цифры и цифры—вотъ единственный возможный, точный отвѣтъ на этотъ важный вопросъ. Просимъ, по-этому, заранее извиненія у нашихъ читателей за эти таблицы, которыя необходимо должно помѣстить здѣсь для того, чтобъ были понятны заключенія, изъ нихъ выведенныя.

Якутскъ, Богословскъ, Екатеринбургъ, Томскъ, Барнаулъ, Иркутскъ, Нерчинскъ, Архангельскъ были театромъ наблюденій г. Купфера.

Якутскъ (шир. 62°, 62', долг. 127°, 2' на востокъ отъ Парижа).
Высота неизвѣстна.

Средняя температура.

Мѣсяцы.	1835	1836	1837	1838	Средняя
Январь		— 33,6		— 35,3	— 34,5
Февраль		— 26,2		— 27,9	— 27,1
Мартъ		— 15,7		— 18,5	— 17,1
Апрѣль		— 9,0		— 4,9	— 7,0
Май		+ 1,7		+ 2,7	+ 2,2
Іюнь		+ 10,4		+ 13,0	+ 11,9
Іюль		+ 15,7		+ 17,0	+ 16,4
Августъ		+ 8,7	+ 11,3	+ 14,9	+ 11,6
Сентябрь		+ 6,8	+ 4,0		+ 5,4
Октябрь	— 5,2	— 5,2	— 8,5		— 6,3
Ноябрь	— 23,5		— 24,9		— 24,2
Декабрь	— 33,2		— 26,2		— 29,7

Средняя — 8,2

Средняя температура зимы—3°, 4'; весны—7°, 3; дѣта—13°, 3'; осени—8°, 4'.

Богословскъ (шир. 59°, 45'; долгота 57°, 39').
Высота 600 футовъ.

Мѣсяцы.	Средняя температура въ 10 часовъ утра и въ 10 часовъ вечера.						Сред.
	1838	1839	1840	1841	1842	1843	
Январь		— 11,0	— 12,7	— 15,5	— 13,8	— 9,8	— 12,6
Февраль		— 15,1	— 16,5	— 16,1	— 12,7	— 5,7	— 13,2
Мартъ		— 11,1	— 9,7	— 6,7	— 9,5	— 5,5	— 8,5
Апрѣль		— 0,9	+ 1,0	+ 0,3	— 3,2	— 2,4	+ 1,1
Май		+ 9,6	+ 6,6	+ 5,8	+ 4,4	+ 6,0	+ 6,5
Іюнь	+ 12,3	+ 12,9	+ 13,3	+ 12,8	+ 11,0	+ 12,5	+ 12,5
Іюль	+ 12,6	+ 16,2	+ 13,4	+ 15,5	+ 16,6	+ 14,3	+ 15,1
Августъ	+ 11,8	+ 12,5	+ 11,2	+ 12,8	+ 10,2	+ 9,0	+ 11,3
Сентябрь	+ 3,9	+ 4,9	+ 4,3	+ 3,3	+ 4,9	+ 8,8	+ 5,4
Октябрь	— 0,2	— 0,4	+ 4,0	+ 0,5	— 1,1	+ 3,5	— 0,1
Ноябрь	— 5,9	— 9,9	— 12,1	— 8,5	— 6,8	— 8,1	— 8,5
Декабрь	— 14,1	— 20,8	— 17,8	— 12,7	— 15,1	— 12,9	— 15,6
Средняя		— 1,0	— 1,8	— 0,5	+ 1,3	+ 0,9	— 0,7

Средняя температура зимы 13°, 8'; весны—1°; дѣта—13°; осени—1°, 1

ЕКАТЕРИНБУРГЪ (шир. 56°, 50'; долгота 58°, 14').
Высота около 820 футовъ.

Мѣсяцы.	Средняя температура.							Средн.
	1837	1838	1839	1840	1841	1842	1843	
Январь	-13,6	-15,0	-10,0	-12,1	-14,2	-11,9	-9,3	-12,3
Февраль	-11,6	-12,0	-10,8	-15,0	-12,9	-9,0	-4,5	-10,8
Мартъ	-5,1	-8,2	-8,2	-8,0	-6,7	-6,9	-4,4	-6,8
Апрѣль	-0,9	+3,1	-0,0	+1,4	+0,8	+0,2	+0,4	+0,5
Май	+7,7	+7,1	+9,2	+7,9	+7,4	+5,5	+8,1	+7,6
Июнь	+12,9	+11,3	+12,4	+13,8	+12,5	+11,1	+12,7	+12,5
Июль	+12,7	+12,4	+15,7	+15,0	+14,8	+13,7	+13,0	+14,5
Августъ	+11,9	+12,2	+13,3	+12,1	+13,3	+9,9	+8,7	+11,6
Сентябрь	+5,9	+5,2	+6,7	+4,9	+5,6	+5,1	+8,9	+6,0
Октябрь	+0,2	+1,7	+0,8	+1,8	+3,0	+0,2	+3,1	+1,2
Ноябрь	+4,3	+3,7	+6,9	+8,3	+6,4	+4,7	+6,0	+5,8
Декабрь	-13,0	-11,7	-19,1	-15,1	-10,8	-11,7	-10,0	-13,2
Средняя	+0,1	+0,2	+0,3	-0,4	-0,1	+0,2	+2,0	+0,7

Средняя температура зимы +12°, 1'; весны +0,4; лѣта +12,8; осени +0,5.

Начиная съ марта включительно наблюденія въ Екатеринбургѣ производились ежечасно день и ночь и здѣсь въ таблицѣ показаны числа среднія, выведенныя изъ этихъ наблюденій.

Томскъ (шир. 56°, 30'; долгота 82°, 50').
Высота приблизительно 300 футовъ.

Мѣсяцы.	Средняя температура.					
	1821	1822	1823	1824	1825	1826
Январь	-14,57	-17,68	-15,93	-16,73	-13,10	-17,65
Февраль	-9,94	-13,89	-15,00	-12,43	-13,85	-15,24
Мартъ	-5,75	-4,21	-8,54	-7,05	-8,51	-8,79
Апрѣль	+1,00	+2,08	+0,69	+1,20	+0,00	+1,40
Май	+6,40	+6,36	+5,70	+7,82	+7,37	+7,31
Июнь	+9,28	+10,90	+11,02	+11,54	+12,50	+12,20
Июль	+12,41	+13,87	+14,05	+14,06	+13,02	+14,62
Августъ	+12,75	+12,58	+12,04	+12,80	+11,17	+12,17
Сентябрь	+6,98	+7,43	+6,91	+7,69	+7,58	+7,69
Октябрь	+0,55	+1,52	+0,20	+1,74	+1,38	+2,04
Ноябрь	+7,11	+6,90	+5,95	+5,15	+4,58	+5,38
Декабрь	-13,46	-14,80	-13,92	-10,27	-13,24	-12,16
Средняя	-7,8	-0,22	-0,93	+0,44	-0,02	-0,12

Мѣсяцы.	Средняя температура.					Средняя
	1827	1828	1829	1830	1831	
Январь	-14,99	-18,58	-16,49	-13,50	-16,55	-16,07
Февраль	-12,44	-16,28	-15,10	-10,48	-16,70	-13,21
Мартъ	-5,34	-7,73	-9,28	-8,05	-10,22	-7,29
Апрѣль	+0,74	+0,33	+1,01	+0,65	+1,03	+0,25
Май	+6,76	+5,01	+5,02	+6,16	+6,54	+6,41
Июнь	+12,72	+10,38	+10,40	+11,77	+12,31	+11,37
Июль	+13,76	+14,44	+13,80	+14,61	+13,82	+13,86
Августъ	+12,50	+14,29	+12,37	+12,11	+11,35	+12,38
Сентябрь	+7,56	+8,78	+7,06	+6,20	+6,24	+7,29
Октябрь	+1,81	+1,47	+1,88	+0,32	+1,63	+0,89
Ноябрь	+5,28	+4,13	+4,81	+7,17	+8,35	+5,91
Декабрь	-13,04	-11,04	-13,57	-13,62	-13,94	-13,04
Средняя	+0,40	-0,31	-0,73	-0,08	+1,52	-0,25

Средняя температура зимы —12°, 9'
 весны +1,5
 лѣта +12,7
 осени +0,6

Наблюдения въ Томскѣ вычислены по старому стилю. Но съ 1839 года стали наблюдать по новому стилю и вотъ таблица этихъ наблюдений

Мѣсяцы.	1839	1840	1841	1842	1843	Сред.
Январь	- 16,4	- 12,9	- 20,6	- 14,9	- 14,2	- 15,8
Февраль	- 11,4	- 15,8	- 12,3	- 14,0	- 11,2	- 12,3
Мартъ	- 10,7	- 9,5	- 9,9	- 6,6	- 7,1	- 8,8
Апрѣль	- 1,9	+ 0,8	+ 4,3	+ 1,1	- 0,2	+ 0,9
Май	+ 4,2	+ 8,7	+ 6,6	+ 7,2	+ 6,0	+ 6,3
Юнь	+ 13,8	+ 12,4	+ 11,2	+ 12,6	+ 11,3	+ 12,4
Юль	+ 15,7	+ 14,8	+ 14,2	+ 14,5	+ 14,9	+ 14,8
Августъ	+ 12,3	+ 11,4	+ 11,4	+ 11,6	+ 12,6	+ 11,9
Сентябрь	+ 6,6	+ 4,2	+ 5,1	+ 8,3	+ 7,2	+ 6,3
Октябрь	+ 1,1	+ 1,7	+ 0,2	+ 1,1	+ 4,0	+ 0,8
Ноябрь	- 12,5	- 13,4	- 12,6	- 8,3	- 9,6	- 11,3
Декабрь	- 19,5	- 14,1	- 16,1	- 13,7	- 10,1	- 14,7
Средняя	- 1,9	- 1,2	- 2,3	+ 0,1	+ 0,3	- 0,8

Средняя температура зимы — 14,5
 : : : весны — 1,1
 : : : лѣта + 13,0
 : : : осени — 1,5

Барнаулъ (шир. 53°, 20'; долгота 81,7').

Приблизительная высота 400 футовъ.

Мѣсяцы.	1838	1839	1840	1841	1842	1843	Сред.
Январь	- 21,5	- 18,9	- 15,2	- 18,0	- 13,3	- 13,3	- 16,7
Февраль	- 13,8	- 12,6	- 15,1	- 11,1	- 10,5	- 10,7	- 12,3
Мартъ	- 14,4	- 13,7	- 9,8	- 11,5	- 5,3	- 6,1	- 10,1
Апрѣль	- 2,4	+ 0,1	+ 2,7	- 3,9	+ 3,9	+ 3,4	+ 0,6
Май	+ 8,0	+ 6,3	+ 10,2	+ 8,3	+ 7,9	+ 9,1	+ 8,3
Юнь	+ 12,7	+ 13,3	+ 14,7	+ 12,1	+ 12,6	+ 13,5	+ 13,2
Юль	+ 17,3	+ 16,1	+ 16,2	+ 15,8	+ 14,0	+ 15,3	+ 15,8
Августъ	+ 12,7	+ 11,0	+ 14,5	+ 12,7	+ 11,4	+ 13,4	+ 12,6
Сентябрь	+ 3,7	+ 7,5	+ 6,3	+ 7,0	+ 8,2	+ 8,8	+ 6,9
Октябрь	+ 2,4	+ 2,0	+ 3,8	+ 1,9	+ 1,2	+ 4,6	+ 0,7
Ноябрь	- 5,8	- 11,8	- 11,8	- 10,0	- 7,2	- 7,7	- 8,2
Декабрь	- 12,3	- 19,7	- 14,4	- 16,8	- 10,3	- 11,0	- 14,1
Средняя	- 1,1	- 2,0	- 0,5	- 1,2	+ 1,1	+ 1,6	- 0,3

Средняя температура зимы — 14,14
 : : : весны — 0,4
 : : : лѣта + 13,9
 : : : осени — 0,2

Въ Барнаулѣ ежечасныя наблюдения начались съ 10 юля, такъ-что для первыхъ шести мѣсяцевъ среднія температуры вычислены были по наблюдени-ямъ въ 10 часовъ утра и 10 вечера.

Иркутскъ (шир. 52°, 17'; долгота 101,15).

Приблизительная высота 1,300 футовъ.

Мѣсяцы.	1830	1831	1832	1833	1834
Январь	- 14,3	- 15,0	- 15,1	- 15,9	- 14,7
Февраль	- 8,9	- 16,1	- 12,8	- 13,3	- 12,6
Мартъ	- 2,6	- 10,6	- 6,0	- 8,8	- 8,0
Апрѣль	+ 6,2	+ 2,4	+ 0,4	+ 2,3	+ 0,6
Май	+ 12,8	+ 6,5	+ 4,3	+ 4,5	+ 5,8
Юнь	+ 14,6	+ 12,7	+ 9,8	+ 10,3	+ 10,6
Юль	+ 12,6	+ 13,8	+ 14,7	+ 13,3	+ 13,7
Августъ	+ 6,1	+ 10,4	+ 13,1	+ 13,0	+ 11,2
Сентябрь	+ 0,4	+ 3,2	+ 7,6	+ 7,0	+ 6,8
Октябрь	- 6,2	+ 1,6	+ 2,7	+ 0,2	+ 3,3
Ноябрь	- 11,0	- 6,9	- 7,7	- 5,6	- 2,4
Декабрь	- 11,0	- 11,7	- 16,6	- 12,2	- 9,0
Средняя	- 1,3	- 0,5	- 0,8	+ 0,3	+ 0,3

Мѣсяцы.	1835	1836	1837	1838	Средняя
Январь	— 10,9	— 13,3	— 14,0	— 14,2	— 14,3
Февраль	— 8,6	— 11,2	— 10,9	— 12,7	— 12,5
Мартъ	— 7,1	— 6,2	— 8,4	— 9,1	— 8,1
Апрѣль	— 1,0	— 0,2	— 4,3	—	— 1,7
Май	+ 6,2	+ 5,9	+ 3,0	—	+ 5,3
Июнь	+ 10,6	+ 12,3	+ 10,7	+ 11,9	+ 11,3
Июль	+ 14,4	+ 14,3	+ 14,8	+ 15,0	+ 14,4
Августъ	+ 13,2	+ 12,0	+ 12,6	+ 11,5	+ 12,3
Сентябрь	+ 6,5	+ 8,3	+ 6,9	+ 6,1	+ 6,7
Октябрь	— 1,2	+ 2,9	+ 0,9	— 1,3	+ 0,8
Ноябрь	— 7,5	+ 6,1	— 5,7	— 5,5	— 6,0
Декабрь	— 12,1	+ 13,0	— 12,4	— 9,9	— 12,0
Средняя	+ 0,2	+ 0,8	— 0,6		— 0,3

Средняя температура зимы — 14,10
 " " весны — 0,21
 " " лѣта + 12,54
 " " осени + 0,76

Нерчинскъ (шир. 51°, 18; долгота 117,1).
 Приблизительная высота 2,100 футовъ.

Мѣсяцы.	1839	1840	1841	1842	1843	Средняя
Январь	— 24,7	— 22,6	— 28,8	— 24,2	— 23,4	— 24,7
Февраль	— 20,6	— 18,5	— 20,3	— 17,9	— 16,3	— 18,5
Мартъ	+ 12,6	— 12,8	—	— 9,5	— 5,0	— 10,0
Апрѣль	— 2,5	+ 1,0	—	+ 1,0	+ 0,8	0,0
Май	+ 6,8	+ 8,8	—	+ 6,2	+ 6,4	+ 7,1
Июнь	+ 11,8	+ 13,2	+ 13,0	+ 12,3	+ 9,6	+ 12,0
Июль	+ 12,9	+ 15,8	+ 14,1	+ 14,1	+ 15,1	+ 14,4
Августъ	+ 12,1	+ 13,0	+ 12,3	+ 12,4	+ 12,4	+ 12,4
Сентябрь	+ 7,7	+ 7,1	+ 6,5	+ 7,4	+ 6,9	+ 7,1
Октябрь	— 3,9	— 1,0	— 2,9	— 1,2	— 1,9	— 2,2
Ноябрь	— 14,6	— 11,0	— 15,3	— 14,4	— 13,4	— 13,7
Декабрь	— 24,7	— 22,3	— 21,9	— 20,3	— 20,5	— 21,9
Средняя	— 4,4	— 2,4	—	— 2,8	— 2,5	— 3,2

Съ июня 1841 года наблюденія производились ежедневно день и ночь.

Средняя температура зимы — 21,7
 " " весны — 1,0
 " " лѣта + 12,9
 " " осени — 2,9

Для сравненія съ Западною-Россією мы приводимъ еще среднія температуры Москвы и Архангельска.

Москва (шир. 55°, 45'; долгота 35,17).
 Приблизительная высота 400 футовъ.

Мѣсяцы.	1820	1821	1822	1823	1824	1825	1826	1827
Январь	—	— 5,42	— 3,62	— 12,27	— 4,96	— 5,21	— 8,18	— 6,86
Февраль	—	— 7,21	— 2,25	— 8,58	— 4,32	— 7,84	— 7,54	— 6,91
Мартъ	—	— 2,27	+ 0,83	— 0,63	— 0,15	— 3,96	— 2,54	— 2,19
Апрѣль	—	+ 5,29	+ 6,39	+ 3,23	+ 4,68	+ 4,17	+ 4,25	+ 4,97
Май	—	+ 10,35	+ 8,95	+ 10,41	+ 8,18	+ 6,99	+ 10,80	+ 11,63
Июнь	—	+ 12,92	+ 11,36	+ 14,70	+ 11,91	+ 9,83	+ 11,87	+ 14,86
Июль	—	+ 13,42	+ 13,58	+ 16,24	+ 14,10	+ 13,10	+ 14,50	+ 15,85
Августъ	+ 12,78	+ 11,05	+ 13,37	+ 14,77	+ 13,53	+ 12,71	+ 15,10	+ 13,77
Сентябрь	+ 8,33	+ 7,61	+ 9,04	+ 10,63	+ 10,65	+ 8,06	+ 12,60	+ 9,76
Октябрь	+ 4,64	+ 2,77	+ 4,46	+ 3,75	+ 4,32	+ 4,71	+ 1,43	+ 1,73
Ноябрь	— 2,26	— 0,73	+ 0,86	— 1,75	— 0,86	— 0,81	— 0,78	— 4,07
Декабрь	— 8,37	— 4,29	— 6,21	— 4,66	— 1,84	— 7,28	— 2,22	— 7,87
Средняя	—	+ 3,59	+ 4,75	+ 3,83	+ 4,75	+ 2,87	+ 4,11	+ 3,75

Мѣсяцы.	1828	1829	1830	1831	1832	1833	1834	1835
Январь	- 11,40	- 11,83	- 11,43	- 6,87	- 5,72	- 8,33	- 11,03	- 6,12
Февраль	- 9,35	- 8,21	- 8,40	- 6,61	- 6,00	- 6,42	- 6,18	- 4,68
Мартъ	- 2,68	- 4,37	- 3,92	(- 1,98)	- 2,62	- 3,46	- 1,81	- 2,10
Апрѣль	+ 5,27	+ 2,60	+ 4,26	(+ 4,87)	+ 3,50	+ 4,48	+ 3,41	+ 4,28
Май	+ 10,65	+ 9,68	+ 9,91	+ 10,80	+ 9,80	+ 10,62	+ 9,86	+ 8,60
Юнь	+ 14,63	+ 14,19	+ 13,29	+ 14,83	+ 12,17	+ 16,56	+ 13,70	+ 13,37
Юль	+ 16,38	+ 16,26	+ 15,72	+ 16,08	+ 13,67	+ 16,04	+ 15,43	+ 14,27
Августъ	+ 14,86	+ 14,46	+ 13,91	+ 13,63	+ 12,70	+ 13,39	+ 16,04	+ 10,73
Сентябрь	+ 9,07	+ 11,10	+ 8,39	+ 8,68	+ 8,28	+ 8,38	+ 8,68	+ 8,86
Октябрь	+ 0,80	+ 3,27	+ 2,82	+ 2,33	+ 3,10	+ 3,83	+ 4,88	+ 1,97
Ноябрь	- 4,37	- 4,93	- 1,94	- 2,66	- 5,01	- 0,47	- 0,66	- 3,71
Декабрь	- 10,43	- 8,91	- 3,24	- 6,68	- 7,46	- 6,47	- 6,78	- 12,14
Средняя	+ 2,79	+ 2,78	+ 3,33	(+ 3,87)	+ 3,04	+ 4,01	+ 3,78	+ 2,78

Мѣсяцы.	1836	1837	1838	1839	1840	1841	Средняя
Январь	- 8,61	- 7,72	- 13,70	- 5,90	- 8,28	- 9,19	- 8,19
Февраль	- 3,86	- 7,41	- 10,06	- 7,69	- 9,39	- 11,37	- 7,11
Мартъ	+ 1,81	- 1,93	- 3,59	- 6,08	- 2,93	- 3,01	- 2,33
Апрѣль	+ 8,64	+ 5,41	+ 4,41	+ 1,89	+ 2,46	+ 4,29	+ 4,32
Май	+ 3,35	+ 8,85	+ 11,08	+ 13,22	+ 9,97	+ 10,73	+ 9,98
Юнь	+ 11,35	+ 13,68	+ 12,69	+ 13,83	+ 13,93	+ 17,61	+ 13,50
Юль	+ 14,43	+ 14,35	+ 15,61	+ 18,40	+ 15,06	+ 18,35	+ 15,29
Августъ	+ 10,64	+ 12,80	+ 13,29	+ 18,07	+ 13,47	+ 16,21	+ 13,83
Сентябрь	+ 9,24	+ 7,04	+ 10,91	+ 11,55	+ 9,49	+ 10,92	+ 9,42
Октябрь	+ 5,18	+ 2,35	+ 2,38	+ 4,12	+ 2,48	+ 3,78	+ 3,33
Ноябрь	- 2,19	- 2,57	- 2,99	- 3,34	- 2,83	- 1,22	- 2,16
Декабрь	- 6,81	- 9,69	- 4,40	- 14,63	- 11,04	- 4,80	- 7,10
Средняя	+ 4,10	+ 3,01	- 2,97	+ 3,62	+ 2,68	+ 4,53	+ 3,57

Средняя температура зимы — 7,80

" " весны + 4, 0
 " " лѣта + 14, 2
 " " осени + 3, 5

АРХАНГЕЛЬСКЪ.

Мѣсяцы.	1814	1815	1816	1817	1818	1819	1820	1821	1822	1823
Январь	- 19,7	- 9,4	- 6,6	- 7,0	- 8,2	- 6,7	- 17,4	- 11,2	- 9,5	- 12,9
Февраль	- 8,8	- 11,1	- 15,4	- 7,7	- 14,5	- 12,8	- 11,9	- 8,5	- 2,8	- 9,8
Мартъ	- 6,0	- 3,2	- 7,1	- 7,4	- 3,5	- 3,4	- 2,1	- 5,1	+ 0,4	- 0,7
Апрѣль	- 3,0	- 1,6	+ 1,8	+ 0,1	- 0,6	- 4,3	+ 1,2	+ 1,3	+ 0,5	+ 0,0
Май	+ 1,3	+ 1,4	+ 3,0	+ 6,6	+ 3,5	+ 1,8	+ 5,7	+ 5,8	+ 4,0	+ 6,3
Юнь	+ 10,5	+ 8,1	+ 9,4	+ 7,7	+ 10,4	+ 12,0	+ 11,0	+ 6,9	+ 9,9	+ 15,3
Юль	+ 11,4	+ 12,6	+ 11,8	+ 11,6	+ 12,6	+ 12,4	+ 12,4	+ 15,4	+ 11,7	+ 13,9
Августъ	+ 11,8	+ 12,4	+ 11,8	+ 12,2	+ 9,8	+ 11,0	+ 10,8	+ 10,4	+ 11,2	+ 11,6
Сентябрь	+ 6,4	+ 8,2	+ 7,4	+ 4,1	+ 6,6	+ 8,1	+ 7,6	+ 3,7	+ 7,3	+ 8,2
Октябрь	- 1,5	+ 1,7	+ 1,6	- 0,2	+ 1,7	+ 1,4	+ 2,2	+ 4,5	+ 2,7	+ 1,7
Ноябрь	- 3,2	- 3,6	- 2,6	- 7,2	- 4,1	- 8,3	- 2,4	- 3,3	- 4,6	- 10,1
Декабрь	- 9,3	- 8,0	- 7,4	- 18,2	- 4,1	- 14,6	- 8,6	- 7,2	- 3,7	- 8,4
Средняя	- 0,9	+ 0,6	+ 0,6	- 0,4	- 0,8	- 0,5	+ 0,7	+ 1,2	+ 2,3	+ 1,3

Мѣсяцы.	1824	1825	1826	1827	1828	1829	1830	1831	Средняя
Январь	- 13,9	- 6,3	- 11,5	- 8,8	- 18,1	- 12,8	- 8,9	- 14,8	- 11,3
Февраль	- 8,9	- 7,5	- 10,7	- 13,3	- 13,6	- 11,0	- 9,4	- 6,7	- 10,1
Мартъ	- 2,4	- 4,3	- 2,2	- 3,1	- 7,5	- 9,4	- 4,4	- 7,5	- 4,5
Апрѣль	- 1,6	+ 0,7	+ 2,9	+ 3,4	- 0,1	- 4,0	- 1,4	- 0,3	- 0,3
Май	+ 3,2	+ 1,2	+ 7,1	+ 5,9	+ 7,2	+ 6,0	+ 1,9	+ 8,7	+ 4,3
Июнь	+ 8,1	+ 11,9	+ 12,5	+ 9,4	+ 12,1	+ 8,6	+ 11,3	+ 10,6	+ 10,3
Июль	+ 11,5	+ 11,4	+ 16,0	+ 13,5	+ 12,0	+ 13,6	+ 13,6	+ 13,2	+ 12,5
Августъ	+ 9,6	+ 12,2	+ 12,7	+ 11,7	+ 12,2	+ 10,5	+ 12,0	+ 10,9	+ 11,4
Сентябрь	+ 9,2	+ 5,7	+ 8,1	+ 7,7	+ 4,8	+ 7,5	+ 5,9	+ 6,9	+ 6,9
Октябрь	+ 1,0	+ 2,7	+ 2,4	+ 2,0	+ 1,6	+ 1,9	+ 1,0	+ 1,6	+ 1,4
Ноябрь	- 2,8	- 1,8	- 1,0	- 2,8	- 4,1	- 5,1	- 0,7	- 2,0	- 3,2
Декабрь	- 7,7	- 6,5	- 4,2	- 13,2	- 10,8	- 10,0	- 4,8	- 9,0	- 8,7
Средняя	+ 0,4	+ 1,6	+ 2,7	+ 0,9	- 0,4	- 0,4	+ 1,3	+ 0,7	+ 0,7

Средняя температура зимы — 10,03
 " " весны — 0,17
 " " лѣта + 11,50
 " " осени + 1,53

Для того, чтобы обнять разомъ эти драгоценные результаты постоянныхъ, многолѣтнихъ наблюдений, советуемъ читателямъ изобразить ихъ графически, въ видѣ кривыхъ ломанныхъ линий, такъ, чтобы каждая мѣстность имѣла соответствующую линію, которая соединила бы своими изломами среднія температуры каждаго мѣсяца. Подобное графическое построение не представляетъ особыхъ трудностей: нарисуйте большой прямоугольникъ, вертикальными линіями разбейте его на одиннадцать прямоугольниковъ; такимъ-образомъ, вы получите двѣнадцать перпендикуляровъ, соответствующихъ двѣнадцати мѣсяцамъ; далѣе, крайній первый перпендикуляръ, соответствующій январю мѣсяцу, раздѣлите на 100 частей, и черезъ точки дѣленія проведите горизонтальныя линіи, которыя должны соответствовать различнымъ степенямъ температуры или градусамъ, начиная отъ 39° холода до 20° тепла; между этими двумя крайностями заключаются среднія температуры каждаго мѣсяца для всѣхъ поменованныхъ мѣстностей. На этой канвѣ, разбитой на маленькіе прямоугольники, легко означить для каждой мѣстности мѣсячныя среднія температуры, которыя соединивъ, получите кривыя ломанныя термическія линіи.

Теперь обратите вниманіе, на это построение: вы найдете, что Якутскъ лежитъ внѣ границъ хлѣбопашества; Иркутскъ и Нерчинскъ заключены въ этихъ границахъ.

Томскъ и Барнаулъ, наконецъ, представляютъ климатъ лѣсовъ и климатъ степей, и хлѣбопашество въ этихъ мѣстахъ преусиѣваетъ; но въ Богославскѣ, гдѣ лѣсной климатъ, — хлѣбопашества нѣтъ.

Сравненіе термическихъ линій Нерчинска, Иркутска и Архангельска удивительнымъ образомъ открываетъ при какихъ климатическихъ условіяхъ возможно хлѣбопашество, несмотря на значительную разность средних годовыхъ температуръ. Всѣ эти три термическія линіи сливаются между собою весною и осенью. Отсюда слѣдуетъ, что вездѣ температуры весны и осени имѣютъ собственно значеніе на хлѣбопашество, и въ-самомъ-дѣлѣ, эти времена года представляютъ для хлѣбопашества самыя важныя, существенныя періоды — уборка и посѣвъ хлѣба. Для ржи, температура осени вдвое-важнѣе, потому-что рожь и свѣтса также осенью.

Легко понять, почему Якутскъ и Богославскъ находятся внѣ границъ хлѣбопашества, хотя лѣто тамъ такъ же жарко, какъ и въ Москвѣ: средняя температура осени слишкомъ-низка; чтобы

хлѣбонашество шло успѣшно, температура сентября должна быть не ниже $+7^{\circ}$, августа же не ниже $+12^{\circ}$, 5. Архангельскъ въ этомъ отношеніи дѣлаетъ исключеніе; но во внутренности губерніи температура осени, вѣроятно, выше.

Въ Восточной-Сибири, въ Нерчинскѣ, на-примѣръ, обрабатывается особый видъ ржи, который сѣется весною и по-этому называется *лѣтнею рожью*, въ отличіе отъ обыкновенной, что сѣется осенью. Лѣтнюю рожь обрабатываютъ предпочтительно тамъ, гдѣ зимы очень-суровы, а снѣга выпадаетъ мало, такъ-что онъ не въ-состояніи защитить посѣвъ отъ холода. Средняя температура мая, въ которой лѣтняя рожь сѣется, должна имѣть значительное вліаніе на это хлѣбонашество: термическія линіи Нерчинска и Иркутска около майскаго перпендикуляра очень-близко сходятся между собою; средняя температура мая здѣсь $+7^{\circ}$, и въ этихъ мѣстахъ лѣтняя рожь совершенно замѣняетъ озимую. Если разсужденіе это справедливо, то, вѣроятно, также и въ окрестностяхъ Барнаула лѣтняя рожь можетъ быть съ успѣхомъ обрабатываема; но въ Томскѣ и Архангельскѣ весна для нея слишкомъ-холодна.

Интересно было бы сравнить, особенно для каждаго года, количество урожая съ ходомъ температуръ: къ-несчастью только, для этого сравненія совершенно недостаетъ данныхъ, такъ-что нѣтъ возможности вывести общій законъ.

Г. Кеппевъ сообщилъ г. Купферу свѣдѣнія объ урожаяхъ въ Европейской-Россіи за 1834, 35, 36 и 37 годы:

Въ 1834 г., уродилось ржи самъ-4.	
— 1835	4.
— 1836	$4\frac{1}{8}$.
— 1837	$3\frac{1}{2}$.

Пшеницы:

Въ 1834 году, уродилось самъ-3.	
— 1835	$3\frac{1}{2}$.
— 1836	$3\frac{2}{3}$.
— 1837	$3\frac{3}{4}$.

Разумѣется, это среднія числа, взятыя изъ урожаявъ многихъ губерній.

Сравнивая эти данныя съ температурами Москвы, мы откроемъ точно взаимную связь между ходомъ среднихъ температуръ сентября мѣсяца и количествами урожая ржи: въ 1834 и 1833 годахъ, температура была одинакова; въ 1836 году она понижалась, а въ 1837 опять понизилась.

Урожай же пшеницы постоянно возрастаетъ.

Вѣроятно гораздо-удобнѣе, будетъ собрать свѣдѣнія о цѣнахъ ржи въ различные годы. Цѣны непремѣнно зависятъ отъ количества урожая; такимъ образомъ, этимъ путемъ также возможно дойти до требуемаго результата, т. е. *открытъ соотношеніе между температурами и урожаями*. Г. Купферу и здѣсь не посчастливилось: «не смотря на всѣ мои старанія» говорить онъ: «я не могъ никакъ собрать достаточнаго количества данныхъ: или не достаетъ свѣдѣній о цѣнахъ, или нѣтъ наблюденій надъ температурами».

ВОСХОЖДЕНІЕ НА КАЗБЕКЪ ВЪ 1844 ГОДУ ДОКТОРА КОЛЕНАТИ.

— Почти въ одно время два исполина Европы, Мон-Бланъ и Казбекъ, были предметами изслѣдованій различныхъ европейскихъ ученыхъ. Въ прошедшемъ году, въ сентябрской книжкѣ нашего журнала, говорили мы, въ этомъ отдѣленіи, о восхожденіи на Мон-Бланъ гг. Бравъ и Мартена; наша обязанность теперь познакомить читателей съ ученымъ подвигомъ доктора Коленати.

Кавказъ издавна уже обращалъ на себя вниманіе ученыхъ, каковы Гмелинъ, Палласъ, Рейнегсъ, Эйхвальдъ, оба Паррота, Купферъ и пр., которые и составили превосходныя описанія многихъ его мѣстностей; только изслѣдованія ихъ преимущественно были обращены собственно на Закавказье. Странно, что никто изъ нихъ, исключая двухъ Парротовъ, не обратилъ надлежащаго вниманія на Казбекъ, который первый бросается въ глаза пу-

тешественнику, вѣдущему изъ Европейской Россіи! Да и Парроты, хотя и подымались на Казбекъ, но не достигли его вершины и измѣрили только высоты различныхъ его пунктовъ, впрочемъ, довольно невѣрно, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи; настоящую высоту всей горы опредѣлили они приблизительно и, слѣдственно, неточно. Въ этихъ измѣреніяхъ и заключается вся услуга Парротовъ; отдѣльныхъ наблюдений надъ растительностью, геогностическимъ составомъ, ледниками Казбека они не дѣлали... да! г. Парроты объявили еще, что на цѣломъ кавказскомъ хребтѣ нѣтъ ледниковъ; г. Коленати нашелъ ихъ на Казбекѣ восемь. Рейнегсъ описываетъ Казбекъ въ своемъ путешествіи и даже прилагаетъ рисунокъ и карту его; только сомнительно, чтобъ онъ на него подымался, потому что и самое описаніе и чертежи, по выраженію г. Коленати, слишкомъ *фантастическіе*.

И такъ, г. Коленати первому мы обязаны точнымъ описаніемъ и опредѣленіемъ настоящей высоты Казбека. Не распространяемъ въ излишнихъ похвалахъ; предлагаемъ прямо на судъ просвѣщенной публики подвигъ г. Коленати, который самъ за себя говоритъ лучше всѣхъ похвалъ.

Между станціями Коби и Казбекъ въ ясную погоду открывается въ первый разъ взорамъ путешественника снѣговая гора Тот-Хогъ и вершина самого Казбека. «Въ 1843 году» говоритъ г. Коленати: «она представлялась мнѣ совершенно въ другомъ видѣ. Восточный отрогъ ея заканчивался остріемъ и склонился вѣсколько къ юго-востоку; теперь же этотъ отрогъ былъ необыкновенно округленъ и казался ниже, по крайней мѣрѣ одинаковой высоты съ западнымъ отрогомъ. Это значило, что количество снѣга въ настоящее время поубавилось на Казбекѣ, и, слѣдственно, можно было заранѣе надѣяться на успѣшное окончаніе моего предпріятія—взобраться на вершину Казбека.»

Только на слѣдующій день облака заволокли ледяное чело горы, и начались грозы съ сильными дождями.

«Два мѣсяца здѣсь не было дождя», говорили нашему неустрашимому путешественнику жители Казбека и Гѣржеты: «а теперь, когда ты хочешь подняться на Кирван-Цвери (ледяная гора), и дождь идетъ и громъ гремитъ. Цанистай доказываетъ тебѣ этимъ, что твое намѣреніе—великій грѣхъ.»

Въ это время непогоды, 8 (20) августа, начала буйствовать бѣшеная балка (куро, какъ зовутъ ее Осетины). Эта пропасть находится въ полуторѣ верстѣ отъ укрѣпленія Казбекъ; издали она представляется въ видѣ скалистой стѣны, вогнутой наподобіе полумѣсяца. Если же разсматривать вблизи, она состоитъ изъ трехъ пропастей; изъ нихъ двѣ ближайшія загибаются къ сѣверу, почти подъ прямымъ угломъ. Когда горные снѣга начинаютъ сильно таять, и во время большихъ дождей, эти пропасти совершенно наполняются водою, а обломки сланцевыхъ породъ, оторванные снѣговыми и дождевыми потоками, запираютъ всякій выходъ этой воды, которая постоянно прибываетъ и, въ заключеніе, разрываетъ эту естественную плотину, увлекая все въ Терекъ.

Въ то время собралось у входа въ пропасть такое множество камней и напоръ воды былъ такъ силенъ, что Терекъ остановился въ своемъ теченіи на вѣсколько минутъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ наибольшая высота его паденія, именно 20 футовъ на протяженіи четверти версты. Почтовую телегу со всею упряжью перебросило какъ щепку на противоположный берегъ рѣки. Человѣколюбивый докторъ бросился помогать людямъ. Но этотъ подвигъ нашему путешественнику стоилъ сильной лихорадки, которая два дня продержала его въ постели.

11 (23) августа погода прояснѣла, пароксизмъ лихорадочный прошелъ, и г. Коленати, не смотря на усталость и слабость послѣ болѣзни, отправился на гору. Товарищами и провожатыми ему

были Давидъ Циклуръ, Грузинъ Иванъ, Гиго, уроженецъ деревни Гержети, Радеванъ и Егоръ Пипхелауро, жители укрѣпленія Казбекъ, — люди, какъ, онъ самъ говоритъ, сильные, храбрые и, главное, хорошо знающіе мѣстность.

Наши путешественники направили первый путь свой къ деревнѣ Гержеты, лежащей противъ станціи Казбекъ. Жители ея называютъ себя Кейссуретами; они не ѣдятъ свинины и не пускаютъ даже къ себѣ черезъ Терекъ свиней. Гиго, тамошній уроженецъ, одинъ изъ проводниковъ, просилъ г. Коленати не брать съ собою свинины, чтобъ не оскорбить священнаго Казбека. Дѣвушки гержетскія рѣдко выходятъ замужъ за Грузинъ; но гораздо чаще вступаютъ въ бракъ съ Осетинами и Ингушами.

Парротъ и Энгельгардъ въ своемъ путешествіи утверждаютъ, что жители Гержети — Грузины; г. Коленати, согласно съ ихъ собственнымъ показаніемъ, считаетъ ихъ за смѣшанное поколѣніе Грузиновъ и Осетиновъ. Они не признаютъ ни христіанской, ни мухаммеданской религіи.

Изъ Гержети путешественники поднялись на гору, которая возвышается на 235 туазовъ надъ станціею Казбекъ; здѣсь находится церковь св. Троицы, построенная въ 787 году грузинскою царицею Тамарою; церковь эта зовется Цинида-Самеба. На сѣверномъ склонѣ горы, близь проѣзжей дороги, разбросаны партія березъ; подъ ними растутъ во множествѣ мелкими кустиками черника (*vaccinium arctostaphylos*, *vitis idaea*); остальное пространство занимала кавказская скабіоза (*Scabiosa caucasica*) и кавказскій василекъ (*centaurea caucasica*), которые въ то время были въ полномъ цвѣту.

Въ Цинида-Самеба путешественники провели ночь и слѣдующій день, по причинѣ грозы и сильнаго дожда.

13 (25) августа утромъ отправились они выше по горному хребту въ такъ называемый Внелемъ, — мѣсто, почитаемое Грузинами святынею; оно въ че-

тырехъ верстахъ отъ Цинида-Самеба и означено каменною пирамидою. Путь сюда лежалъ черезъ луга, покрытые растеніями альпійской флоры, по склонамъ, поросшимъ кавказскимъ багульникомъ (*rhododendron caucasicum*), или тека, какъ называютъ его Грузины.

Здѣсь путешественники остановились, чтобъ сдѣлать барометрическое измѣреніе, которое опредѣлило высоту мѣстности — 549 туазовъ надъ станціею Казбекъ, и поднялись въ верхъ по узкой тропинкѣ къ *Нино-Цинида*, небольшому полуразвалившемуся зданію, выстроенному изъ трахитоваго порфира.

На этой высотѣ исчезли уже всѣ явныя растенія; только мхи и ягели покрывали обнаженныя горныя породы. Сильная снѣговая мятель съ дождемъ и холодъ принудили путешественниковъ искать по-возможности спокойнаго ночлега; барометрическія наблюденія, по причинѣ непогоды, производить тоже было нельзя, и они спустились въ пропасть, которая, какъ оказалось послѣ, была въ 18 туазовъ глубиною; здѣсь, послѣ долгихъ исканій, успѣли они открыть среди снѣга небольшую площадку, покрытую приземистыми горными растеніями, и расположились на ней. Высота мѣстности, какъ послѣ показали барометрическія наблюденія, была 568 туазовъ надъ станціею Казбекъ. Хребтъ горы, на которомъ стоитъ *Нино-Цинида*, продолжается еще къ юговостоку и весь покрытъ снѣгомъ; въ пропасти, гдѣ ночевали путешественники, также во многихъ мѣстахъ лежалъ снѣгъ.

14 (26) августа цѣлый день стояла ясная погода, и г. Коленати съ проводниками, чтобъ не терять времени, съ пятого часа утра пустились въ путь; они переправились черезъ источникъ рѣки Джари и повернули къ главному леднику того же имени; трудно, однакожь успѣшно, съ помощью горныхъ башмаковъ, подкованныхъ гвоздями, совершили они переходъ по его гладкой, беснѣжной поверхности. Почти на концѣ ледника

остановила ихъ на минуту трещина, шириною въ три аршина и глубиною ввосемнадцать саженъ, на двѣ которой шумитъ главный рукавъ Джари; послѣ небольшого обхода напали они на мѣсто, гдѣ была она не шире аршина, и гдѣ, слѣдственно, можно было безопасно перейти черезъ нее; за нею лежала еще небольшая оставшая часть ледника, шириною шаговъ во сто, удобнорасходима. Такимъ-образомъ, путники добрались до пропасти, изъ которой течетъ источникъ, впадающій въ Джари.

Теперь, чтобъ подняться еще выше, предстояло лѣзть по грудѣ камней, которые безпрестанно обваливались подъ ногами, потому-что прямиго пути не было. Эта гряда тянулась отъ сѣвера къ югу, на пространствахъ слишкомъ тысячи шаговъ; она ограничивала ледники Цинда-Ницо №№ 1-й и 3-й, которые лежали выше главнаго ледника Джари. Здѣсь исчезаетъ уже рѣшительно всякая растительность, и только на сѣверномъ концѣ этой гряды камней, гдѣ выставляется большой обломокъ скалы, путешественники нашли три полосы земли, шириною въ нѣсколько шаговъ: это такъ-называется Туровы-Пажити (Дгшихви-мтаво-грузински). Здѣсь ютились еще двнобразныя растенія: *alopcurus palasi*, *serophularia minima*, *saxifraga flagellaris*, *delphinium caucasicum*, *thymus marschalbianus* и *nummularis*; а изъ тайнобразныхъ *frullaria caucasica*, *ensca-turpa caucasica*, *polytrichum caucasicum*. Известный ботаникъ Мейеръ находилъ тѣ же самыя двнобразныя растенія на высотѣ 1,600 туазовъ,—вѣроятно, только не рядомъ съ ледниками, гдѣ исчезаетъ обыкновенно всякая растительность уже на высотѣ 1,493 туазовъ. Парротъ, который такъ смѣло поднимается на всѣ горы, напелъ на высотѣ 1,808 туазовъ *cerastium*, хотя положительно извѣстно, что это растеніе даже не сопровождаетъ никогда ягелей. Это удивительное открытіе г. Паррота, впрочемъ, объяснится ниже, когда мы будемъ сравнивать различныя имѣренія высоты Казбека.

На этихъ оазисахъ, оживляющихъ ледяную пустыню, происходитъ и охота за турами. Здѣсь охотники устроили себѣ постоянный шалашъ для ночлега и прикрыли его отъ дикаго вѣтра стѣною изъ обломковъ скалы, въ которой продѣланы бойницы. Циклуръ, проводникъ Коленати, рассказывалъ ему, что въ 1811 году докторъ Парротъ ночевалъ въ этомъ мѣстѣ, которое, кажется, и было предѣломъ его восхожденія. Отсюда Коленати отправилъ одного своего проводника, Егора Пицхелауро съ собранными растеніями и другими вещами, а самъ съ остальными товарищами отправился выше, оставивъ при себѣ только самое необходимое—барометры, топоръ, молотокъ, оловянную флажку съ ромомъ, и немного осетинскаго сыра и хлѣба.

Отсюда начинается самая трудная часть путешествія г. Коленати, потому-что выше уже дорога была совершенно-неизвѣстна даже проводникамъ. На скалистомъ гребнѣ, что тянется на востокъ отъ Казбека, стоитъ каменный крестъ. Это мѣсто называется Цинда-Ницо. Крестъ этотъ поставленъ здѣсь однимъ монахомъ, который поднялся до этой высоты; онъ высѣченъ изъ трахита. Г. Коленати видѣлъ его только издали, а не подходя къ нему близко, потому-что горныя породы, составляющія этотъ скалистый гребень, значительно разрушились отъ соединеннаго дѣйствія снѣга и воздуха; но вотъ какъ описываетъ эту мѣстность Парротъ:

..... Крестъ вышиною два съ половиною фута; возлѣ него стоитъ цѣлу-круглая стѣна, сложенная изъ розово-обманковаго сланца въ четыре фута вышиною и длиною въ девятнадцать футовъ; рядомъ съ самымъ крестомъ стоитъ порфировая колонна изъ цѣльнаго куска. На этомъ же скалистомъ гребнѣ, только ближе къ вершинѣ, высѣчена чудесная щель, называемая здѣсь монастыремъ, гдѣ, какъ рассказываютъ туземцы, хранится колыбель Христа, одежда Дѣвы Маріи и огромныя сокращающія...

Г. Коленати съ своимъ товарищамъ, какъ мы сказали, не рѣшился подняться на скалистый гребень, а выбралъ дорогу вправо; но здѣсь вдругъ открылась передъ ними пропасть длиною въ двѣ версты и шириною въ три четверти версты, которую ограничиваетъ съ сѣверо-восточной стороны снѣговая шапка Казбека. Судя по высотѣ краевъ и ширинѣ пропасти, она должна имѣть, говорить г. Коленати, значительную глубину; восточный конецъ ея наполняютъ ледники Цинца - Нино, №№ 1-й и 3-й, которые постепенно переходятъ въ снѣговую массу; изъ юго-восточнаго конца ея выходитъ главный ледникъ Джари, а верхнюю западную часть этой гигантской пропасти занимаетъ снѣговая масса, разбросанная адѣсь въ чудныхъ, фантастическихъ формахъ. Наши вутники сначала хотѣли миновать ледникъ Цинца-Нино № 1-й и подниматься по скалистой сторонѣ, ограничивающей пропасть съ запада. Но этотъ путь сопряженъ былъ съ большими трудностями; а огромные валуны, которые были разбросаны на поверхности ледника, отъѣчали за крѣпость льда: это убѣдило путешественниковъ взять налѣво и продолжать путь черезъ самый ледникъ, прикрытый только-что выпавшимъ снѣгомъ.

Пропасть пересѣкали въ различныхъ направленіяхъ огромныя трещины въ два, два съ половиною аршина и болѣе ширины, и глубины почти-безконечной. Путники для болѣе безопасности связались другъ съ другомъ веревками, и такимъ-образомъ счастливо достигли противоположнаго края пропасти. Теперь предстояло имъ вырубать во льду ступени на пространствѣ трехъ четвертей версты, потому-что здѣсь гора поднималась почти-отвѣсно; разность между линією крутизны и отвѣсомъ была не болѣе одного фута; а уголъ склоненія равнялся сорока-пяти градусамъ. Проводники два раза отказывались идти далѣе, и г. Коленати, чтобъ заставить ихъ слѣ-

довать за собою, самъ принужденъ былъ рубить ледъ тепоромъ. Почти полкомъ прошли они это пространство и въ три часа по полудни добрались до площадки, которую образовала небольшая скала, выдающаяся на восточной сторонѣ снѣговой шапки Казбека. Здѣсь былъ предѣлъ странствованію г. Коленати; вершина поднималась отсюда почти-совершенно-отвѣсно подъ угломъ пятидесяти-семи градусовъ; барометрическое наблюдение опредѣлило высоту этого пункта надъ станцією Казбекъ—1360 футовъ. «Такимъ образомъ», говоритъ г. Коленати, «мы стояли на высотѣ 2275 футовъ надъ поверхностью моря. По гдавомѣру суля, намъ оставалось еще до самой вершины восточнаго отрога Казбека не болѣе 35-ти футовъ (200 фута, 28 сажень). Во время барометрическаго наблюденія, термометръ показывалъ два градуса тепла и стояла совершенная тишь. Погода была ясная; но мы не видѣли ни Эльбурса, ни Арарата; панорама ограничивалась ближайшими окрестностями. Мы выпили за здравіе Его Императорскаго Величества и всего Августѣйшаго Императорскаго Дома, потомъ я выпарашалъ на оловянной фляжкѣ слѣдующую надпись:

Dei Gloria!
Sub auspiciis Augustissimi
IMPERATORIS NICOLAI I-mi
et
IMPERATRICIS ALEXANDRAE,

feliciter huiusque ascendit die 14 Augusti
anni MDCCCXLIV
Dr. Fridericus Kolenati,
David Ziclour,
Radewan Pizchelaurq,
Iwan Ghigo.

Слава Богу!
Въ царствованіе Августѣйшаго
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I-го
и
ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ,

благополучно поднялся сюда, 14-ю августа 1844 года,

*Д-ръ Фридрихъ Коленати,
Давидъ Циклуръ,
Радеванъ Пиццелауро.
Иванъ Гизо.*

«Фляжку крѣпко закупорилъ и, воткнувъ ее въ трещины скалы, прикрылъ камнями отъ вѣтра и мятежей.»

Возвратный путь для нашихъ путешественниковъ представлялъ гораздо болѣе опасностей: снѣгъ, разогрѣтый солнечными лучами, началъ замерзать къ вечеру и ужасно скользилъ подъ ногами; силы ихъ также совершенно ослабли. Въ девять часовъ вечера, они достигли, однакожь, благополучно Туровой-Пажити, гдѣ и провели ночь. У нихъ не было ни полѣна дровъ, такъ-что они принуждены были, чтобы согрѣться, жаться другъ къ другу. Циклуръ заболѣлъ лихорадкою и продрожалъ всю ночь, а къ утру открылась у него снѣговая слѣпота и воспаление въ глазахъ; туземцы видѣли въ этихъ недугахъ казнь Цанистая. Г. Коленати оставилъ съ Циклуромъ Радевана, а самъ отправился съ Нино-Цинида, куда собралось въ этотъ день множество богомольцевъ, которыхъ привлекло, кромѣ религіозной цѣли, также и желаніе видѣть результатъ предпріятія ученаго доктора.

«На станціи Казбекъ», говоритъ г. Коленати: «гдѣ почтили меня погнѣшимъ, мое появленіе удивило всѣхъ; никто не вѣрилъ, что я избѣгъ наказанія Цани, пока проводники мои клятвою и крестнымъ знаменіемъ не подтвердили милостиваго съ нами обхожденія горнаго духа.»

Высота Казбека, какъ мы сказали, была измѣряема многими путешественниками: вотъ опредѣленія возвышенія различныхъ его пунктовъ надъ поверхностью Чернаго-Моря, найденныя Энгельгардомъ и Парротомъ-отцомъ, русскими инженерными офицерами, Мейеромъ и Парротомъ-сыномъ въ 1811, 1818 и 1829 годахъ:

ВЫСОТА НАДЪ УРОВНЕМЪ ЧЕРНАГО-МОРЯ, ВЫРАЖЕННАЯ ВЪ ТУАЗАХЪ.

Мѣсто наблюденія.	Въ 1811 году Энгельгардъ и Парротъ.	Въ 1818 русскіе инженеры.	Въ 1829 Мейеръ.	Въ 1829 году Парротъ-сынъ.
Вершина Казбека.	2,400	—	2,455	—
Квѣнешъ-Мта	—	1,200	1,112	—
Станція Казбекъ.	826	995	876	—
Коби.	947	1,103	998	1,009
Крестовая-Гора у монумента.	1,208	1,329	1,239	1,238
Кайшауръ.	—	964	893	899
Пасавауръ.	—	619	—	544
Душетъ.	—	491	—	—
Гартискаря.	—	304	—	246
Тифлисъ (мостъ черезъ Куру).	—	230	—	183

Эти ужасныя различія въ показаніяхъ господъ-путешественниковъ доказываютъ, что нельзя слишкомъ много надѣяться на барометрическія измѣренія. Г. Коленати получилъ для тѣхъ же самыхъ пунктовъ слѣдующіе результаты, выведенные изъ девятиста-шести барометрическихъ наблюденій, которыя также значительно отступаютъ отъ приведенныхъ нами выше измѣреній:

Мѣста.	Туазы.	
	Надъ Тиселъ-солъ.	Надъ уров. моря.
Вершина Казбека.	2,077	2,308
Нино-Цинида.	1,262	1,493
Внолеемъ.	1,230	1,461
Цинида-Самба	913	1,144
Станція Казбекъ.	678	909
— Коби.	796	1,207

Монументъ на Крестовой-Горѣ	876	1,277
Станція Кайшауръ	684	915
Пасанауръ	312	544
Анануръ	180	411
Душетъ	217	488
Гартискари	27	258
Тялисъ	—	231

Г. Коленати принимает такимъ образомъ, что Казбекъ 262 туазами ниже Эльбруса, который, по измѣреніямъ Купфера, поднимается на 2,570 туазовъ надъ уровнемъ моря; но съ сѣверной и восточной стороны, особенно изъ Большой и Малой-Кабарды, близъ Котляревскаго; откуда видны оба эти исполина Кавказа, путешественнику кажется, что Казбекъ выше Эльбруса. Этотъ оптический обманъ былъ причиною, по которой обыкновенно такъ возвышали Казбекъ.

Эльбрусъ, какъ показываютъ наблюденія г. Купфера, на высотѣ 1,277 туазовъ представляетъ еще очень-широкое основаніе, надъ которымъ постепенно-отлого поднимается вершина. Вершина Казбека, какъ свидѣтельствуютъ измѣренія г. Коленати, на высотѣ 909 туазовъ стоитъ почти отвѣсно на узкомъ основаніи. Эти обстоятельства объясняютъ, отъ-чего Прометей въ греческой мифологіи похищаетъ небесный огонь съ Казбека, а не съ Эльбруса. Казбекъ, по всей вѣроятности, есть Каук-Авъ (гора Ассовъ) Геродота, къ которому онъ приковалъ похитителя огня.

Г. Коленати въ заключеніе къ своему описанію Казбека прилагаетъ краткій орографическій и геогностическій очеркъ всего Кавказскаго-Хребта, который, вѣроятно, также будетъ интересенъ нашимъ читателямъ, тѣмъ болѣе, что до-сихъ-поръ мы очень-немного знаемъ еще о Кавказѣ.

Весь Кавказъ есть цѣлебный хребетъ, который простирается отъ Чернаго до Каспійскаго-Моря на пространствѣ 813 верстъ; ширина его 282 версты.

Кавказъ состоитъ изъ пяти цѣпей: трехъ срединныхъ и двухъ боковыхъ,

выдающихся на подобіе мысовъ съ южной и сѣверной сторонъ.

Средняя цѣпь, центральная часть хребта, поднимается во многихъ пунктахъ выше границы вѣчнаго снѣга и въ поперечникѣ имѣетъ семь верстъ ширины. Эта центральная часть состоитъ преимущественно изъ кристаллическихъ массъ и сланцовъ, приподнятыхъ подъ ними лежащимъ порфиромъ, который выставляется во многихъ пунктахъ и образуетъ высочайшія вершины. Вулканическія породы господствуютъ на Кавказѣ; вотъ разности (varietates) порфира, составляющія Казбекъ:

1) Сѣрый трахитовый порфиръ, такъ-называемый некролитъ или траповый порфиръ. Онъ состоитъ изъ сѣро-голубой трахитовой массы, проникнутой кристаллами ріаколита (стекляннаго полеваго шпата) и зеленой роговой обманки, которая образуетъ здѣсь только случайную примѣсь. Эта порода рѣзче всего обозначается на сѣверной сторонѣ Казбека.

2) Голубой трахитовый порфиръ; плотная голубая масса его проникнута кристаллами одного ріаколита безъ роговой обманки; онъ поднимается вертикальными массами на южной сторонѣ вершины и мѣстами заключаетъ въ себѣ куски стараго сыпучаго трахита. Этотъ трахитъ шоколаднаго цвѣта и состоитъ изъ мелкихъ зернышекъ роговой обманки, кварца, полеваго шпата и зеленыхъ кристалловъ, кажется, бронзита.

3) Каолиновый или красный глинистый порфиръ—легкая красная масса, проникнутая ортоглазомъ и кристаллами зеленой роговой обманки. Эта порода гнется въ видѣ вертикальныхъ разорванныхъ массъ до самаго Терка и выступаетъ съ южной стороны даже во многихъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ Казбека. На самой вершинѣ ее окружаетъ голубая трахитовая масса голубаго трахитоваго порфира.

4) Варіолитъ или листоватый порфиръ: его плотная красно-бурая масса проникнута полевымъ шпатою. По-

рода эта на Кавбекѣ составляетъ рѣдкое явленіе.

На сѣверо-востокъ отъ вершины Кавбека поднимаются изъ сланцовъ зеленые камни и образуютъ нижайшія верхушки. Далѣе, появляются грубо-зернистыя діориты, состоящія изъ темно-сѣрой роговой обманки и албита, и наконецъ роговикъ, составляющій переходъ въ глинистыя сланцы. Почти то же самое представляется и на южной сторонѣ Кавбека, съ тою только разницею, что здѣсь породы эти пересѣкаются меладировыми и авгитово-порфирными жилами.

Южная сторона Кавбека особенно изобилуетъ продуктами вулканическими. Г. Коленати говоритъ: «Кто видѣлъ горныя породы Кавказа и Арарата, тотъ убѣдится въ несовершенствѣ настоящей геогностической терминологіи и въ необходимости, слѣдственно, сочинить для нихъ новую номенклатуру, основывающуюся на статистическомъ отношеніи элементовъ».

Мы рассмотрѣли здѣсь среднія цѣпи Кавказа, поднимающіяся отъ 1,500 до 2,070 туазовъ надъ поверхностью моря; отъ нихъ тянутся, какъ мы сказали, цѣпи боковыя — сѣверная и южная: сѣверная отъ пяти до семи верстъ шириною, а южная шириною десять верстъ. Эти части Кавказскаго Хребта возвышаются отъ 1,400 до 2,000 туазовъ надъ уровнемъ моря и, слѣдственно, переходятъ границу вѣчныхъ снѣговъ; вершины ихъ замѣчательно круты и даютъ начало многимъ рѣкамъ. Онѣ состоятъ преимущественно изъ сланцевъ — глинистаго, слюдистаго и гнейса, которые заключаютъ въ себѣ довольно-значительныя мѣдныя жилы, до сихъ-поръ еще неразработанныя.

На склонахъ Кавказа, рядомъ съ этими сланцевыми породами, тянутся известковыя возвышенности, расположенныя также въ двухъ цѣпяхъ — сѣверная и южная, изъ которыхъ первая шириною 15 верстъ, а вторая 30. Они поднимаются отъ 600 и до 1,000 туазовъ надъ поверхностью моря и со-

стоятъ частью изъ мраморвиднаго, а частью изъ оолитоваго известняка. Въ сѣверной цѣпи обѣ эти породы пересѣкаются даломитомъ, мергелемъ и песчанникомъ. Южная известковая цѣпь почти-совершенно прикрыта обломками вулканическихъ породъ.

Между сѣверною известковою и сланцевою цѣпями лежитъ глинистая равнина, шириною отъ 20 до 30 верстъ и высотой отъ 80 до 458 туазовъ.

На южной сторонѣ Кавказа тѣ же самыя цѣпи раздѣляетъ подобная же равнина, которую пересѣкаютъ, по направленію къ Каспійскому и Черному Морямъ, передовые отроги хребта.

Сѣверный склонъ Кавказа постепенно переходитъ въ плоскость — волжскія и донскія степи высотой только 70 туазовъ. Южный склонъ не представляетъ такого постепеннаго пониженія; на равнину, имѣющей ширину 15 верстъ и въ высоту 250 туазовъ, начинается здѣсь сѣверная передовая араратская цѣпь.

Долины, отдѣляющія цѣпи, главную и сланцевую, поднимаются на 717 туазовъ надъ поверхностью моря, а средняя высота равнинъ, раздѣляющихъ цѣпи сланцевую и известковую, не болѣе 599 туазовъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ХУДОЖЕСТВА И ДРЕВНОСТИ.

Англійскій консулъ въ Бейрутѣ, Муръ, нашелъ въ городѣ Сидонѣ нѣсколько весьма-любопытныхъ и драгоценныхъ древностей, которыя уже отправлены въ Лондонъ для тамошняго музея. Между этими находками особенно отличается мраморный саркофагъ, на которомъ изображено въ рельефѣ прекрасной греческой работы сраженіе

амазонокъ. Сражающіяся представляемы въ древнихъ фригійскихъ колпакахъ съ копьями и топорами. Убитыя амазонки лежатъ на землѣ въ разныхъ живописныхъ группахъ. На второмъ планѣ видны публійскіе невольники, держащіе въ поводѣхъ лошадей. Консулъ Муръ прибрѣлъ также въ Тирѣ финикійскую печать, вырѣзанную изъ агата, съ надписью: *Vaalzithero viro divino Meleartho Byretensi* (?). Онъ отрылъ въ Бейрутѣ статую лежащаго рыса, слѣланную изъ чернаго гранита, и еще другой саркофагъ изъ бѣлаго мрамора. Французскій археологъ Ле-Ба (le-Bas) посланный министромъ Вильменомъ для открытія древностей въ Греціи, нашелъ множество древнихъ надписей въ древнемъ Мизенѣ, Фригійи, Меоніи и въ долинѣ Сардійской.

— Мехмедъ-Али основалъ въ Каирѣ академію изящныхъ искусствъ, и уже послалъ въ Римъ нѣсколько молодыхъ Египтянъ для обученія живописи, вазию, мозаичнымъ работамъ и рѣзбѣ на камняхъ. Эти ученики должны быть въ послѣдствіи первыми учителями и наставниками каирской академіи. Кавалеръ Гиди назначенъ отъ царя имъ въ кураторы, а мюнсьиоръ Канапи возжатымъ чичероне по всѣмъ мѣстамъ Рима, гдѣ находятся замѣчательныя древности и памятники искусствъ.

— Два богатые Англичанина, Томасъ Бадъ и Чарльсъ Гилч-Ро, объявили въ лондонской газетѣ «The Atheneum» 21 июня, что они даютъ премію въ 1000 фунт. стерл. за лучшую картину, написанную масляными красками и изображающую крещеніе Иисуса Христа въ Иорданѣ такъ, какъ это событіе описано въ св. евангеліи (Матѳея III глава, стихъ 13—17, и Марка I глава, стихъ 9—11). Величина картины должна быть 10 фут. въ высоту и 15 въ ширину англійской мѣры. Къ конкурренціи допускаются живописцы всей Европы. Срокъ присылки картины въ Лондонъ назначенъ въ началѣ апрѣля 1847 года. Присланныя картины для составленія поступать сперва въ Лон-

донскій Музей на выставку. Опытные знатоки живописи должны сперва выбрать изъ поступившихъ картинъ пять самыхъ лучшихъ. Изъ этихъ пяти одна должна получить обѣщающую премію. Расходы для доставленія картинъ въ Лондонъ художники должны принасть на свой счетъ и страхъ.

— Между германскими молодыми композиторами пѣсень и хоровъ отличается, наравнѣ съ знаменитыми Шпоромъ, Фридрихомъ Шпейдеромъ, Рейсигеномъ и Маршперомъ— Карлъ Эдуардъ Герингъ, который уже написалъ двѣ отличныя оперы: «Послѣдній Гогенштауфъ» (Der letzte Hohenstauf) и «Торденскіольдъ»; послѣдняя пьеса будетъ скоро представлена на лейпцигскомъ театрѣ. Герингъ особенно превосходитъ въ своихъ пѣсняхъ и мужскихъ хорахъ; между-тѣмъ, этотъ талантливый человѣкъ занимаетъ нынѣ самую скромную должность органиста въ Бауценѣ (въ саксонской Лузаци) и довольствуется весьма-небольшимъ жалованьемъ.

— Въ Парижѣ недавно окончили бронзовую Статую герцога орлеанскаго, назначенную для Алжира. Модель статуи слѣлана извѣстнымъ скульпторомъ Марокетти, а отливалъ ея изъ бронзы Соие. Статуя, въ 15 футовъ вышиною, представляетъ герцога въ форменномъ генеральскомъ костюмѣ и въ положеніи командующаго войскомъ.

НОВѢЙШАЯ ИЗОБРЕТЕНІЯ, ОТКРЫТІЯ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Въ Сент-Этьенѣ дѣлаютъ новоизобрѣтенное стекло, называемое силикономъ (Silicon), которое чисто и прозрачно какъ превосходный горный кристаллъ, свертывается и складывается, какъ тонкій свинецъ; его можно ковать въ холодномъ состояніи. Въ Англіи начали покрывать крыши домовъ толстымъ стекломъ, что гораздо-дешевле желѣза, легче и пріятнѣе на взглядъ.

— Одинъ химикъ въ Прагѣ изобрѣлъ новый способъ для произведе-

вія электрическаго тока единственно посредствомъ окисленной воды, безъ помощи свинца. При этомъ производствѣ онъ достаетъ, какъ побочный матеріалъ, большое количество гремучаго газа (Knallgas).

— Шверинскій печникъ Ланге изобрѣлъ новую печную дверцу, которая герметически закрываетъ жарко-истопленную печь, и которая вовсе безопасна отъ угара и убійственнаго чада. По его методу, не нужны уже трубныя заслонки, которыя замѣняются особенною глиняною трубкою. Ланге уже сдѣлалъ до 100 печей поновозобрѣтенному имъ способу: онѣ сохраняютъ теплому гораздо-долѣе, чѣмъ обыкновенныя голландскія печи, не производятъ ни малѣйшаго угара, какъ бы жарко печь ни была закрыта, и вообще обходятся дешевле обыкновенныхъ печей, ибо въ нихъ вовсе не надобно трубныхъ заслонокъ.

— Въ Голландіи производятъ нынче опыты надъ строевымъ корабельнымъ деревомъ, которое, будучи подготовлено, получаетъ удивительную крѣпость, стойкость и вовсе не подвержено гніенію. Изобрѣтатель уже взялъ на этотъ предметъ привилегію въ Англіи, Франціи, Бельгіи и Голландіи. Нидерландское правительство намѣрено такой лѣсъ употреблять впредь для постройки своихъ морскихъ судовъ. Корабельное дерево кладется сперва въ большой цилиндръ, изъ котораго вытягивается воздухъ пневматическимъ насосомъ. Потомъ цилиндръ наполняется особымъ химическимъ составомъ изъ желѣза и извести, который, проникнувъ всѣ поры дерева, сообщаетъ ему крѣпость самаго желѣза, такъ-что уже оно не сгніетъ никогда въ водѣ, в морской червь не можетъ источить его.

— Въ Потсдамѣ дѣлали недавно опыты стрѣльбы изъ новозобрѣтеннаго карабина, про который артиллеристы разсказываютъ чудеса. Этотъ карабинъ бьетъ метко въ цѣль на разстояніи 1,200 шаговъ, и изъ него можно стрѣлять 17 разъ въ минуту.

— Часовой мастеръ, живущій въ

Липцѣ, сдѣлалъ новое улучшение въ паровыхъ машинахъ, то-есть, весьма упростилъ механизмъ ихъ, такъ-что, по его системѣ, паръ прямо дѣйствуетъ на колеса парохода безъ посредства цилиндра, поршня и переноса прямолинейнаго движенія на криволинейное. Пароходы, устроенные по новому механизму, не только будутъ на ходу легче, быстрѣе, но и сдѣлаютъ большую экономію въ угольяхъ, которыхъ потребуетъ только одна третья доля противъ нынѣ-употребляемаго количества. Притомъ же, присмотрѣвъ за машинами будетъ гораздо-удобнѣе, и расходы на починку ихъ уменьшатся до minimum. Короче сказать, липцскій часовщикъ общаетъ сдѣлать совершенный переворотъ въ системѣ построения паровыхъ машинъ.

— Въ водолечебномъ заведеніи г. доктора Блейля, въ Талькирхенѣ, устроено двѣнадцать стѣнныхъ часовъ, которые посредствомъ воды бьютъ и ходятъ такъ же правильно, какъ лучшіе англійскіе хронометры. Механизмъ этихъ часовъ, говорятъ весьма-просто, такъ-что всякій, раасмотрѣвъ его, воскликнетъ съ удивленіемъ: «да это бы и я могъ сдѣлать!»

— Какой-то феррарскій механикъ сдѣлалъ модель новозобрѣтеннаго имъ моста, который можетъ легко подыматься во время большихъ наводнений рѣки, и, сдѣдовательно, напоръ воды не можетъ его разрушить. Во время возвышенія моста могутъ безпрепятственно ходить по немъ пѣшеходы и перевозиться какія угодно тяжести. Если вода въ рѣкѣ опять понизится, то нѣсколько человекъ, посредствомъ простаго механизма, могутъ опять спустить мостъ на прежнюю высоту, разобрать его по произволу и переставить на другое мѣсто рѣки.

— Нѣмецкій механикъ въ Нью-Йоркѣ, по имени Мюллеръ, разрѣшилъ задачу воздушныхъ полетовъ и устроилъ для этого особую машину. Человѣкъ, желающій подняться на воздухъ, долженъ походить на птицу, ибо крыльями должны управлять руки, а

чтобъ приводить въ движеніе крылья, надобно употребить пары и сжатый воздухъ. Летящій человекъ не только можетъ дать ходъ машинѣ въ какую ему угодно сторону, но увеличивать и уменьшать скорость ея по своему произволу. Мюллеръ уже производилъ съ успѣхомъ свои опыты въ Нью-Йоркѣ при стеченіи многочисленной публики. Подниматься съ уровня земли ему было нѣсколько трудно; но когда онъ достигъ высоты, то движенія его были свободны и быстры. Механикъ въ устройствѣ своей машины принялъ за образецъ остовъ большаго американскаго орла.

— Въ Пиблѣ, въ Шотландіи, надобно было понизить уровень земли и своа перемостить всѣ улицы. Для взрытія мостовой употребили съ большою пользою желѣзныи плугъ, запряженный парю лошадей, и одинъ работникъ, управляя плугомъ, произвелъ въ два дня эту трудную работу, на которую въ другомъ мѣстѣ потребовалось бы нѣсколько десятковъ землекоповъ, и недѣли двѣ времени.

— Нѣмецкій столяръ Варентраппъ приготовляетъ особаго рода восковой составъ для полировки всякой деревянной мебели: надобно взять четыре лота бѣлаго воска, положить его въ глиняный горшокъ и облить тремя лотами терпентина, закрыть горшокъ листомъ писчей бумаги и поставить на умѣренный жаръ, т. е. на горячую воду, или въ тендую печную трубу, чтобъ воскъ растаялъ. Послѣ этого, надобно воскъ простудить, прибавивъ къ нему четыре лота крѣпкаго виннаго спирта. вмѣсто терпентина, для избѣжанія крѣпкаго запаха, Варентраппъ совѣтуетъ примѣшивать четыре лота лавандоваго масла. Этимъ составомъ надобно потомъ натирать мебель и послѣ слегка полировать лоскуткомъ мягкаго сукна.

— Ирландецъ О'Рейли напечаталъ въ газетѣ «the Times» слѣдующее: «Въ ирландскомъ семействѣ Мак-Горанъ, живущемъ въ Суанлинбарѣ, уже нѣсколько вѣковъ сохраняется лечеб-

ный секретъ отъ водобоязни, который совершенно исцѣляетъ укушенныхъ людей и животныхъ. Въ доказательство этого приводится обстоятельство, что въ графствѣ Кованъ, Лейтримъ и Фермангагъ, никто не умиралъ отъ водобоязни въ теченіи 200 лѣтъ.

— Въ Германіи недавно узнали на опытъ, что для выдѣлки кожъ, вмѣсто обыкновенной дубовой коры, можно съ пользою употреблять ивовую кору, особенно изъ зеленоватой ивы (Viburnum); а потому этотъ родъ деревъ совѣтуютъ разсаживать въ большомъ количествѣ по окраинамъ большихъ дорогъ и шоссе. Если всѣ кожевенные заводчики узнаютъ пользу ивовой коры, то, конечно, въ послѣдствіи будутъ употреблять ее вмѣсто дубовой, которая обходится гораздо дороже. Въ апрѣлѣ надобно сдирать съ деревъ ивовую кору и въ маленькихъ связкахъ сушить ее на солнцѣ. Центнеръ ивовой коры стдитъ въ Германіи двадцать талеровъ. Среднимъ числомъ каждая ива даетъ въ шесть лѣтъ полцентнера коры.

— Если кто хочетъ простому дереву дать видъ краснаго, то надобно приготовить крѣпкій отваръ изъ опилокъ краснаго дерева и вымазать имъ нѣсколько разъ простое дерево, которое послѣ полировки получить отличный видъ краснаго дерева.

— Мухи терпѣть не могутъ запаха лавроваго масла; а потому, въ жаркое лѣто не худо края блюдовъ, на которыхъ подается кушанье, а также и мебели обмазывать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слегка лавровымъ масломъ.

МЕЛОЧН.

Въ Лондонѣ, типографшикъ Джонъ Бриттонъ — настоящая пароваа книгопечатная машина. Онъ въ одинъ годъ издалъ 66 томовъ книгъ и множество разныхъ брошюръ, составляющихъ 1500 мелкопечатныхъ страницъ. Книги его изданія украшены 1500 гравюрами и политипажамъ. На изданія свои онъ уже истратилъ 50,000 фунт. стерлинговъ.

— Скрибъ, академикъ и неистощимый поставщикъ оперныхъ либретто, не уступитъ въ дѣятельности типографщику Бриттону. Недавно къ новой оперѣ Маейербера: «das Feldlager», онъ сочинилъ другое либретто въ четыре дня и взялъ за это съ богатаго композита 12,000 франковъ.

— Вычислено, что если кто возьметъ на себя подвигъ прочитать всѣ историческія сочиненія, находящіяся въ Королевской Парижской Библіотекѣ, тому надобно прожить по-крайней-мѣрѣ четыреста лѣтъ и заниматься чтеніемъ каждый день по двѣнадцати часовъ. Эта библіотека въ такомъ безпорядкѣ, что часто по цѣлому мѣсяцу нельзя отыскать въ ней книгу, которой тамъ пять разныхъ изданій.

— У парижскаго книгопродавца Ланви появилось весьма-важное сочиненіе по части натуральной исторіи, именно: о причинахъ періодическихъ переходовъ звѣрей, перелета птицъ изъ одного климата въ другой, и особенно переплыванія рыбъ изъ морей въ рѣки. Эту интересную книгу написалъ Марсель де-Серръ (Marcel de Serres), профессоръ минералогіи и геологіи въ Монпелье.

— Миланская газета «Fama» объявила о выходѣ въ свѣтъ слѣдующихъ сочиненій: «Записки Мухи», «Жалобы Сверчка», «Ночныя размышленія Собаки», «Слезы Крокодила», «Улыбка Змѣи», «Гармонія Ворона», «Назидательная философія Сова», «Геройскіе подвиги Зайца», «Монологи Сороки», «Постоянство Мотылька», «Путешествіе варенаго Рака».

— Пруссія начала хлопотать о заведеніи своего собственнаго флота. Говорятъ, что правительство заказало построить нѣсколько морскихъ судовъ на сумму 3,000,000 талеровъ. Большая часть вещей, потребныхъ на вооруженіе и оснастку кораблей, заказана въ самомъ Берлинѣ.

— Шведскій купеческій флотъ состоитъ изъ 1,087 судовъ разной величины въ 69,027 таловъ или 200,000 тоннъ. Съ 1843 года онъ увеличился 92

кораблями. Въ 1838 году было въ Швеціи 43 корабля, обитые мѣдью, а въ настоящемъ году такихъ судовъ считается уже 103.

— Недавно-потонувшій въ Белтъ пароходъ «Каролина-Амалия», спасенъ немощными трудами одного англійскаго водолаза. Этотъ искусный человѣкъ обременилъ себя 160 фунтами свинца, спустился на дно моря и сдѣлалъ нужныя исправленія въ подводной части парохода. Во время такой работы, у него на головѣ была непромокаемая шляпа съ длинною кожанною книшкою, посредствомъ которой доставлялся ему сверху нужный воздухъ для дыханія. Онъ въ два дня окончилъ всѣ подводныя работы, и затонувшій пароходъ, посредствомъ другаго судна, вытасченъ былъ съ большимъ трудомъ изъ морскаго яла и поставленъ снова на воду. Водолазъ получилъ за этотъ исполнскій трудъ 4,000 альбертинскихъ талеровъ.

— Извѣстно, что муравьи запасаются на зиму въ своихъ норкахъ зернами ржи, пшеницы и проч. Но вотъ что странно: какимъ образомъ эти зерна, оставаясь въ рыхлой землѣ, не пускаютъ отъ себя отростковъ? Одинъ натуралистъ замѣтилъ, что трудолюбивые и смышленные муравьи, собравъ нужное количество зеренъ въ свое логовище, откусываютъ у каждаго отростокъ, и зерно уже не можетъ оплодотворяться.

— Біеніе человѣческаго сердца вообще нельзя слышать; но когда человѣкъ приходитъ въ сильный гнѣвъ и ярость, то онъ самъ слышитъ, какъ бьется его сердце. Докторъ Литръ наблюдалъ одного больнаго, у котораго было столь сильное біеніе, что оно явственно было слышно въ десяти шагахъ.

— Недавно-скончавшійся президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, генералъ Джаксонъ, имѣлъ въ своемъ саду саркофагъ, подаренный ему какимъ-то турецкимъ пашою. Въ этой древней гробницѣ лежалъ прежде прахъ Юлія Маммен, матери римскаго

императора Александра-Севера. Въ послѣдніе дни жизни Джаксона, друзья предложили ему положить его тѣло въ этотъ саркофагъ, но генералъ не согласился и отвѣчалъ: «Мой республиканскій характеръ не позволяетъ, чтобъ кости мои лежали въ римской гробницѣ: я тамъ не найду себѣ покоя.»

— Въ англійскихъ газетахъ помѣщается ежегодно два милліона разныхъ объявленій; четвертую часть ихъ печатаетъ въ своихъ столбцахъ огромная газета «Times», т. е. по 700 и до 1,000 объявленій каждый день. Самые же страстные охотники до газетныхъ объявленій — Сѣверо-Американцы: въ ихъ огромныхъ листахъ помѣщается въ годъ болѣе 10 милліоновъ разныхъ извѣстій о покупкѣ, продажѣ и пр. Первое газетное объявленіе (объ украденной лошади) было напечатано въ Англіи въ 1649 году.

— Въ Китаѣ новыи годъ начинается 8 февраля, и Китайцы празднуютъ его двѣ недѣли сряду. Въ это время никто не работаетъ, народъ стрѣляетъ изъ ружей, ходитъ по улицамъ въ праздничномъ нарядѣ съ зелеными вѣтвями и цвѣтами въ рукахъ. Въ новыи-годъ, Китайцы посылаютъ другъ другу, въ знакъ пріязни и истиннаго уваженія, жареныхъ поросятъ. Также въ это время жители городовъ обновляютъ свои мѣбели, старыя продаютъ, а новыя покупаютъ.

— Слово «рай», «раѣкъ» получило свое названіе... отъ чего бы вы думали? — Отъ преддверія католическихъ храмовъ, въ которыхъ на потолкѣ обыкновенно изображалось грѣхопаденіе Адама. Въ этомъ преддверіи профаны, оглашенные и кающіеся грѣшники должны были стоять во время божественной службы и не имѣли права входить въ самую внутренность церкви. Невзвѣстно, почему слово «рай» перешло въ театръ и служить названіемъ мѣстъ для низшаго класса публики.

— Одинъ англійскій статистикъ утверждаетъ, что въ Англіи ноябрь и декабрь

называются «мѣсяцами самоубійства», ибо въ это время въ одномъ Лондонѣ въ прошедшемъ году зарѣзались 244 челоуѣка, т. е. среднимъ числомъ ишили себя жизни по четыре челоуѣка въ день.

— У Шведовъ слова: ja, so употребляются въ разныхъ значеніяхъ и выговариваются протяжно, какъ на-прим.: jassoh. Шведъ модулируетъ оту рѣчь на тысячи манеръ. При внезапно-радостномъ извѣстїи, онъ восклицаетъ съ восторгомъ: ja, so! при печальномъ, опустивъ голову на грудь, онъ говоритъ со вздохомъ: ja, so! Въ важномъ дѣлѣ, онъ глубоко обсуживаетъ предметъ и повторяетъ также свое любимое ja, so! При шуткѣ онъ хохочетъ и также говоритъ: ja, so! Если его хотятъ обмануть, онъ, улыбаясь, иронически восклицаетъ: ja, so!

— Испанки, какъ извѣстно, очень-ревнивы и жестоки. Недавно въ Мадридѣ какой-то новыи донъ-Хуанъ вздумалъ волочиться вдругъ за тремя дѣвушками, усилилъ въ своемъ предпрїятїи и хотѣлъ всѣхъ трехъ потомъ бросить на произволъ судьбы. Любовницы, замѣтивъ вѣроломство волокиты, сговорились виѣстѣ отомстить. Онѣ заманили его на тайное свиданіе, бросились на него какъ фурїи съ кинжалами, изранили смертельно, и бѣднякъ скончался на мѣстѣ.

— Любовь въ Гаваннѣ—жизненная эссенція большей части замужнихъ женщинъ и дѣвицъ; между-тѣмъ, тамъ опасно волочиться за дамами, потому-что всѣ онѣ живутъ à jour: всѣ двери и окна всегда отперты день и ночь; слѣдовательно, секретничать тамъ почти невозможно. Подкупъ черной гаванской прислуги для волокитъ весьма-дорого обходится. Молчаніе ея покупается золотомъ: матери и мужья какъ аргусы стерегутъ своихъ дочерей и женъ; мужья, сверхъ-того, чрезвычайновостительны. Гаванскія женщины хотя не красавицы, но очень-шны и особенно отличаются маленькими ножками, которыя, даже у богатыхъ, часто

бываютъ не обуты по причинѣ жаркаго климата.

— Когда скончался Мольеръ, въ 1732 году, вдова его поставила ему каменный монументъ на Кладбищѣ св. Юсефа. Этотъ памятникъ раскололся въ послѣдствіи по слѣдующему случаю. Въ одну очень-холодную зиму, г-жа Мольеръ велѣла привезти на кладбище своего мужа сто возовъ дровъ, которые и сожжены были въ нѣскольکو дней у самаго памятника, и камень отъ сильнаго жара раскололся по поламъ. Тогдашняя хроника повѣствуетъ, что это странное auto-da-fé сдѣлала вдова Мольера для того, чтобъ почтить память своего мужа, и вмѣстѣ съ тѣмъ нагрѣть окрестности кладбища, на которыхъ въ маленькихъ лачужкахъ жило много нищихъ. Странное благодѣяніе!!

— Одна германская газета такъ отвѣчаетъ на вопросъ какого-то критика, чѣмъ занимаются устарѣвшіе актѣра и увядшіе актриссы: «Теворы и басы дѣлаются трактирщиками, учителями пѣнія, ходятъ по улицамъ съ шарманкою, или поступаютъ въ ночные сторожа (Nachtwächter). Театральные интриганы истребляютъ клоповъ, таракановъ и крысъ. Благородные отцы вырѣзываютъ мозоли у барынь. Нѣжныя матери дѣлаются повивальными бабками. Первые герои и любовники рисуютъ силуэты и занимаются дагерротипомъ. Юныя любовницы прошедшаго столѣтія дѣлаютъ искусственные цвѣты. Актѣры, представлявшіе характерныя роли, набиваютъ чучелы звѣрей и птицъ. Комики учатъ пѣть канареекъ или заставляютъ плясать блохъ.»

— Гаванецъ купилъ на африканскомъ берегу Гвиней молодую негритянку, которую послѣ и увезъ на свои табачныя плантаціи въ Гаванну. Негритянка держала себя гордо и не смѣшивалась съ прочими невольниками плантацій. Она успѣла въ три мѣсяца выучиться испанскому языку, и однажды, пришедъ къ своему господину, сказала: «Я дочь одного африканскаго короля и назначена была отцомъ

быть наслѣдницею его престола; бѣлые варвары похитили меня изъ дома родительскаго, заковали въ цѣпи и сдѣлали рабою. Хотя я твоя невольница, но чувства мои и самая порода не позволяютъ мнѣ унизиться до этого состоянія. Я нарочно выучилась говорить по-испански, чтобъ доказать тебѣ, какая кровь течетъ въ моихъ жилахъ.» При этихъ словахъ, она выхватила изъ-за пояса скрытый кинжалъ и закололась.

— Отецъ романиста Александра Дюма былъ очень-храбрый кавалеристъ; однажды, въ окрестностяхъ Лилля, онъ съ четырьмя всадниками разбилъ непріятельскій форпостъ, состоявшій изъ 50 человекъ. Онъ долгое время командовалъ коннымъ полкомъ, наведеннымъ изъ негровъ и мулаттовъ, который былъ страшилищемъ непріятелей. Въ альпійской арміи, Дюма взялъ приступомъ высоты Сен-Бернара, которыя покрыты были редутами, отнялъ у непріятеля нѣсколько пушекъ и обратилъ ихъ на него же поражение. Онъ отличался какъ герой въ Европѣ и Африкѣ, въ египетскомъ походѣ. При возвращеніи изъ послѣдняго похода, онъ, по-несчастію, попался, вмѣстѣ съ Дольменомъ, въ руки Неаполитанцевъ, и просидѣлъ два года въ цѣпяхъ, въ крѣпкомъ заключеніи. Дивизионный генералъ Александръ Дюма, котораго самъ Наполеонъ наименовалъ Гораціемъ Коклесомъ Тироля, умеръ въ 1807 году.

— Нѣкто Куэнъ объявилъ въ «Нью-Йоркской Газетѣ», что жена его сбѣжала со двора и покинула безъ его вѣдома столъ и брачное ложе. Бѣглецка отвѣчала на это объявленіе слѣдующее: «Мужъ мой лжетъ, что я покинула его столъ и ложе, ибо этихъ вещей у него никогда не было; всѣ столы и постели, находящіяся въ нашемъ домѣ, достались мнѣ по наслѣдству отъ моего отца.»

— Одинъ мирный судья въ Вестминстерѣ нанялъ фіакръ и отправился въ вешъ въ лондонскій воксалъ. Подѣхавъ къ салу, онъ спросилъ извозчи

ка, сколько ему слѣдуетъ заплатить за провозъ, и извозчикъ отвѣчалъ: 18 пенсовъ. Судья показалось это очень дорого, и онъ началъ увѣщевать извозчика, подозревая его въ обманѣ. Извозчикъ клялся, что требуетъ плату по совѣсти, согласно съ положенною такою. «Если ты не лжешь, то поклянись передъ Богомъ надъ этой библіей (которую мирные судьи всегда носятъ въ карманѣ) въ истинѣ своихъ словъ. Извозчикъ положилъ правую руку на библію и прочиталъ присягу по формѣ. Тутъ судья, вынувъ изъ кармана 6 пенсовъ, сказалъ извозчику: возьми эти деньги, а остальные 12 пенсовъ я удерживаю у себя за твою присягу, что мнѣ слѣдуетъ по закону. Извозчикъ сталъ какъ окаменѣлый, а судья, между-тѣмъ, ушелъ въ вокзалъ и замѣшался въ толпѣ народа.

— Городничій какого-то маленькаго иностраннаго города сказалъ своему начальнику, президенту правительственнаго округа: «У меня въ городѣ не бываетъ почти никакихъ тяжбъ; я всякій процессъ уничтожаю въ самомъ его началѣ. Если являются два спорящія лица, одному даю я двѣ пощечины, а другому выгоняю по шеѣ вонъ изъ присутствія. Тѣмъ дѣло и кончается, и тяжба не переходитъ на бумагу».

— Портные въ Бостонѣ выдумали слѣдующую спекуляцію для сбыта своего товара. Они даютъ концерты для заказывателей. Работа у нихъ идетъ съ такою быстротою, что каждый джентльменъ, заказавъ себѣ полный костюмъ, садится между-тѣмъ обѣдать и слушаетъ музыку въ огромной залѣ портнаго цеха. Къ концу обѣда платье его готово, и джентльменъ оставляетъ залу собранія въ новомъ нарядѣ.

— Въ Парижѣ недавно открытъ новый магазинъ китайскихъ духовъ, помады и равныхъ туалетныхъ притира-

ній. Три прехорошенькія Китайки, нарочно выпущенныя изъ Кантона, продаютъ эти товары и, разумѣется, привлекаютъ къ себѣ каждый день толпы парижскихъ франтовъ и фланеровъ.

— Въ Булонскомъ-Лѣсу будетъ надвяхъ скачка между англійскою лошадаю и тигромъ; на тигрѣ поѣдетъ верхомъ жокей Джемсъ, а на лошади Наполеонъ Бертранъ. Этотъ господинъ держитъ пари въ 60,000 франковъ противъ Россети, которому принадлежитъ тигръ.

— Въместо бѣлаго карлика Тома Пуса пріѣхалъ теперь въ Парижъ черный карликъ, родившійся въ Гаваннѣ, и ростомъ не болѣе трехъ съ половиною сигарь. Парижскіе журналы увѣряютъ, что черный карликъ, по имени Азаріясъ, хотя не пародируетъ, подобно бѣлому Тому Пусу, Геркулеса, Рогула, Бонапарте, Тальму и Кина, зато сочиняетъ стихи, отличный музыкантъ и танцуетъ нѣсколько гаванскихъ танцевъ. Онъ такъ же импровизируетъ стихи, какъ Прадель, играетъ на гитарѣ какъ Регонди, и танцуетъ какъ Перро.

— На-дняхъ появился въ Парижѣ пробный номеръ журнала «L'Éroque», напечатанный на листѣ огромнѣйшаго размѣра. Въ немъ будутъ постоянными статьями: политика, публичныя работы, военная наука, внутреннее гражданское управленіе, религія, судопроизводство, науки, просвѣщеніе, торговля и земледѣльство, театръ, изящныя искусства, извѣстія о литературныхъ засѣданіяхъ и занятіяхъ въ академіяхъ, романы, повѣсти, общественная жизнь, критика, моды и пр. Капиталъ газеты — въ 2,000,000 франковъ, раздѣленныхъ на 10,000 акцій, каждая въ 200 фр. До сего времени разработано только 3,000 акцій. Для существованія этой исповѣнской газеты потребно 20,000 подписчиковъ.

М О Д Ы.

Мы уже говорили, что буфы на платьяхъ начали снова входить въ большее употребленіе, и недавно мы видѣли прекрасную новую изъ нихъ уборку. Нѣсколько буфъ были пришиты напереди платья въ видѣ передника, и очень-близко одна къ другой, такъ-что ихъ раздѣлялъ только снурокъ изъ такой же матеріи, какъ платье.

Кашемировыя и барежевыя платья чаще всего дѣлаются съ большими складками, которые внизу обшиваются бахромой или аграмантной тесемкой; но большія фалбалы по-прежнему не выходятъ изъ моды.

Кружевыя косынки и мапильи съ каждымъ днемъ умножаются; ихъ часто дѣлаютъ на подкладкѣ, бѣлыя на цвѣтной тафтѣ, а черныя почти всегда на черной тафтѣ.

На утренніе кебриковые и батистовые распашные капоты пришиваются отвороты изъ одинаковой матеріи съ платьемъ, отвороты обшиваются кружевами или бахромой.

Соломенные шляпки убираются чаще всего цвѣтами, но также и ягодами, на-пр. вѣткою винограда, рябины, и т. п.

Креповыя шляпы для визитовъ должны быть непременно съ перьями. Но вотъ нѣсколько костюмовъ для визитовъ:

Шляпка креповая съ маленькимъ букетомъ перьевъ, приколотымъ къ

тулѣ довольно-низко. Платье шелковое glacé, съ четырьмя воланами. Лицъ гладкій и высокій — мантилья тафтяная, съ округленными концами, обшитая фалбалой. — Ботинки одинакаго цвѣта съ платьемъ

Шляпка соломенная съ цвѣткомъ. Платье барежевое съ тремя воланами, вырѣзанными внизу большими фестонами. Лицъ сборчатый съ кушакомъ. — Мантилья лиловая тафтяная съ бѣлымъ отливомъ, обшита рюшемъ изъ той же матеріи.

Шляпка розоваго крена съ бѣлыми тюлевыми буфами, которые покрываютъ всю шляпу. — Капотъ шелковый пепельнаго цвѣта; спереди въ одностороннемъ пришиты большія пуговицы такого же цвѣта. — Шарфъ черной кружевной.

Шляпа соломенная съ пупцовыми лентами. — Платье пикветовое съ полосками. — Мантилья бѣлая кружевная.

Дѣтскія платья почти всѣ убираются только напереди, потому-что кругомъ юбки уборка у дѣтей скоро мнется. Лицъ дѣлается напереди открытый и заснурованный. Пастушескія шляпы снова входятъ въ употребленіе; фасонъ ихъ — точно такой, какъ на приложенной картинкѣ: ни одна шляпа не можетъ такъ хорошо защитить отъ солнца, какъ эта. Шляпы такого фасона носятъ не только дѣти, но и дѣвицы дѣтъ шестнадцати.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ-ПЕРВАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Королева Марго. Романъ Александра Дюма, въ шести частяхъ. Части первая, вторая, третья и четвертая. ✓ 1 и 153

II. НАУКИ.

Письма объ изученіи Природы. Письма III и IV. (Греческая философія — Последняя эпоха древней науки). Искандера. ✓ 1 и 73
Консульство в Имперіи. Соч. Тьера. *Статьи: третья и четвертая. (Перемирие: Заботы о египетской арміи. Графъ Сен-Жульенъ. Предварительныя статьи мира. Сѣверный нейтралитетъ. Испанскій дворъ. Бертъ въ Мадридѣ. Предложенія вѣнскаго кабинета. Требованіе первымъ консуломъ перемирія на моряхъ. Страхъ Австріи. Гогенлинденская конвенція. Кобентцель въ Люневиллѣ. Празднество 1-го вандемьера. Перенесеніе останковъ Тюренна. Парти. Роли Фушэ, Талейрана и Камбасереса. Семейство Бонапарте. Письма Людовика XVIII и отвѣты на нихъ перваго консула. Заговоръ Черакки и Арены. Pamphletъ Фонтана. — Гогенлинденъ: Конгрессъ въ Люневиллѣ. Возобновленіе военныхъ дѣйствій. Морф и эрцгерцогъ Ю-*

аннъ. Сраженіе при Гогенлинденѣ. Штейерское перемиріе. Макдональдъ на Альпахъ. Переправа Брюна черезъ Минчіо. Тревизское перемиріе. Возобновленіе переговоровъ въ Люневиллѣ. Люневилльскій миръ. — *Адская машина: Замыслы противъ перваго консула. Варывъ въ улицъ Сен-Никезъ. Гвѣвъ перваго консула. Ссылка террористовъ. Низкій поступокъ Фушэ. Открытіе истинныхъ виновниковъ преступленія. Казнь Карбона и Сен-Режана. Строгое осужденіе Тошино-Лебрѣна, Арены и др. Внутреннія дѣла. Дорога. Сен-Кентенскій каналъ. Мосты черезъ Сему. Дорога черезъ Симплонъ. Страннопримныя обители на горѣ Сени и Симплонѣ. — Нейтральныя державы: Флорентинскій трактатъ. Португалія. Адмиралъ Гантомъ. Общая коалиція противъ Англіи. Внутреннее ея состояніе. Питтъ. Георгъ III. Нельсонъ. Копенгагенъ. Растрорженіе коалиціи. Открытіе въ Лондонѣ переговоровъ о мирѣ. Успѣхи Франціи со дня 18 брюмера. — *Остаалекіе Египта Французами: Начало переговоровъ въ Лондонѣ. Завоеванія Англіи и Франціи на сушѣ и на морѣ. Притязанія обѣихъ сторонъ. Первый консулъ побужда-**

Стр.

Стр.

III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

Стр.

Обозрѣніе современнаго движенія
русскаго законодательства и
распоряженій по государствен-
ному управленію *за май и іюнь*
1845 года 1 и 11
Событія въ отечествѣ за тѣ же
мѣсяцы того же года 9 и 16

IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЛЕ- НОСТЬ ВООБЩЕ.

Почва. Происхожденіе ея; улуч-
шеніе ея физическое и хими-
ческое; удобреніе и уваживаніе;
уваживаніе сѣмянъ. *Ста-
тья четвертая и послѣдняя* 1

V. КРИТИКА.

Опытъ Исторіи Русской Литера-
туры. Соч. э. профессора Импе-
раторскаго Санктпетербургскаго
Университета, доктора фило-
софіи *А. Никитенко*. Книга пер-
вая. Введеніе 1
Славянскій Сборникъ. *Н. В. Са-
вельева-Ростиславича* 23

VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

*1) Русскія книги, вышедшія въ іюль
и іюль 1845 года.*
Стихотворенія П. Штавера 1
Романы Вальтера Скотта (Квез-
тинъ Добрыя) 7
Сибирскій Сборникъ; т. I 18
Лексикологія Русскаго Языка. А.
Студитскаго 16
Рѣчи, произнесенныя въ собраніи
Московскаго Университета —
Лѣсной Словарь, ч. III 22
Химическія развѣсванія о дѣте-
лахъ въ сахарнои производ-
ствѣ, Г. Гогштетера 23
Врачебно-полицейскія развѣска-
нія объ утопленникахъ, г. За-
блоцкаго —

етъ Испанію скорѣе дѣйствовать
наступательно противъ Порту-
галіи, и дѣлаетъ новыя усилія
для вспомошествованія Египту.
Нерѣшительность и неудачи
Гантома. Состояніе Египта по
смерти Клебера. Неспособность
Мену. Высадка Англичанъ въ
абукирскомъ рейдѣ. Генералъ
Фрианъ. Безполезное сраженіе
13 марта. Слѣдствія раздора ме-
жду генералами. Сраженіе при
Канопѣ. Оставленіе позицій при
Рамавію. Слача Каира генера-
ломъ Белльаромъ. Мену, запер-
тый въ Александрію, мечтаетъ
о славѣ геройской обороны, по-
добной оборонѣ Массены. Егип-
етъ окончательно потерявъ для
Французовъ. — *Всеобщій миръ:*
Послѣдняя неудача Гантома.
Битва при Аджевирашѣ. Лисса-
бонскій дворъ смиряется отъ по-
двиговъ Князя-Мира. Возраста-
ющее вліяніе Франціи. Пребы-
ваніе пифантовъ въ Парижѣ.
Переговоры въ Лондонѣ. Без-
уміе Князя-Мира, и наказаніе
за то Испаніи. Булонская фло-
тилія. Заключеніе мира подъ ви-
домъ предварительныхъ статей.
Восторгъ въ Англии и Франціи.
Конгрессъ въ Амьенѣ. Миръ съ
разными державами. Праздно-
ваніе мира, 18 брюмера. Приѣмъ
во Франціи лорда Корнуаллиса.
Банкетъ въ лондонскомъ Сити.
— *Конкордаты:* Намѣреніе пер-
ваго консула возстановить като-
лическую вѣру. Условія начер-
таннаго имъ проекта. Пій VII.
Монсеньоръ Спйна. Карди-
наль Консалви въ Парижѣ. Пе-
реговоры его съ аббатомъ Бер-
ни. Торжественная ратификація
конкордата. Кардиналь Каира
— *дегаты a laferre.* Нѣкоторыя
замедленія, воспрепятствовав-
шія правдиованію примиренія
Франціи съ церковью въ день 18
брюмера. 36 и 96

	Стр.		Стр.
Опытъ о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, Н. Ветчинина	25	Географія, Н. Соколовскаго, ч. II; изд. 4-е	70
Полный Русскій Опытный Огородникъ, И. Цыгры	—	Политическая Географія А. Черкова, ч. 2-я	75
Красильное Искусство, К. Рихтера	—	Описание Россійской Имперіи: Архангельская Губернія, И. Пушкарева	—
Практическое Пчеловодство, И. Витвицкаго, ч. V	26	Краткое Начертаніе Русской Исторіи, Н. П—ва	76
Краткая Европейская Метрологія, Ѳ. Петрушевскаго; изд. 2-е	—	Метода Скорописанія М. Баранцевича	—
Таблицы Логарифмовъ, Вронскаго	—	Русскіе Простовародные Разказы, Ѳ. Русанова; изд. 3-е	77
Отчетъ Общины Сестеръ Милосердія	27	Слава Россіи, изд. Д. Трегубова	—
Киргизъ-Кайсацкія Стени, А. Ягмина	—	Къ Богу за Царя, А. Коленковскаго	—
О вліяніи табука, д-ра Буссирона	28	Въ память кончины Е. И. В. Великой Княгини Александры Николаевны. Его же	—
Сокращенная Русская Грамматика, А. Востокова; изд. 3-е	—	Литературные Плоды Безсонницы, барона А. Боде	—
Всеобщая Географія для женскихъ учебныхъ заведеній; вып. 2-й	—	Наши, водевиль В. Самойлова	78
Хронологическій Указатель вѣстныхъ событій русской исторіи, Н. Всеволожскаго	29	Русское Чтеніе, С. Глинки	79
Славянскій Сборникъ, Н. Савельева-Ростиславича	30	2) Книги, издаваемыя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ:	
О женскихъ прѣстѣльскихъ школахъ	—	Pétrucha, par A. Auger	80
Отрокъ Вячко	35	Abécédaire, par Courtener	—
Дондскія Тайны, Фр. Троллопа	—	Lecture du second Age, par le même	—
Асканію, соч. Б. Б.	36	Beaux Traits du jeune Age, id.	—
Геройство и Любовь, Н. Зрякова	—	Chrestomatie, id.	81
Московскій Театраль, И. А.	44	Théâtre de la Communauté des demoiselles nobles de Smolnoï, par Riffé	—
Кривой Вѣсъ, А. Я—ва	—	Cours élémentaire de Technologie, par Loustaunau	—
Физиологія Петербурга, ч. II	45	3) Библиографическія Извѣстія	—
Сто Русскихъ Литераторовъ, т. 3. Грамматическія Разысканія, В. Васильева	50		
Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка, М. Каткова	51		
Начальныя Основанія Русскаго Синтаксиса, А. Студитскаго	61		
Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной Руси, Д. Зубрицкаго	64		
Творенія Святыхъ Отцевъ; годъ 3-й; кн. 2	—		
Руководство къ Патологической Анатоміи, К. Рокитанскаго	68		
Опытный Парижскій Парфюиёръ	—		
О дѣйствии на здоровье кофе, чая и шоколада, А. Сен-Аромана	69		
	70		

VII. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

- 1) Французская Литература: Поставія и Сатиры, Виеннѣ.—Послѣднія Пѣсни, Казимира Делавиня.—Савиньянъ Жапуавъ.—Жасмонъ.—Сборникъ Испанскихъ Романсовъ, Дама-Иснара. Наполеонъ и Марія-Луиза, барона Меневала.—Исторія завоеванія Индіи Англичанами.—Жоржъ и Фредерикъ Кювье. 1

- 2) *Германская Литература: Народы Южнаго-Моря и христіанство, этнографическое изслѣдованіе Карла Мейннке.*—*Биографическія Воспоминанія Фаригагена фон-Энзе: біографія Теодора Нейгофа, короля Корсики* . . . 21

VIII. СМѢСЬ.

БІОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ:

- Августа-Вильгельмъ Шлегель . . . 1
Донъ Балдомеро Эспартеро . . . 63

- Замѣтки на пути изъ Москвы въ Закавказскій-Край. (Путь изъ Москвы до Ставрополя. — Ставрополь. — Кавказскія-Горы. — Екатеринодаръ. — Владикавказъ. — Дарьялъ. — Кавбекъ. — Михеть. — Телісъ—Дорога до Эривани. — Эривань. — Эчміадзинъ. — Грузины и жизнь въ Телісъ. — Сурамъ. — Боржамское-Ущелье. — Ахалцыхъ. — Очеркъ армянской исторіи. — Нынѣшніе Армяне. — Воды аббас-гуманскія и уразельскія). Я. А.—ва . . . 10
Марива Повесть Жоржа Занда. . . 69

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ:

- Нѣсколько замѣчаній о книгѣ г. Шопена. Объ Ирригаціи. и объ отвѣтъ его на рецензію. Отечественныхъ Записокъ . . . 90

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- Французскій Театръ въ Парижѣ:*
Sylvandire, романъ. — Les Etudiants, др.—Le Lansquenec, вод.—Une Voix. — La Gardeuse des dindons, вод. — Agnès Bernau, др. — La Tour de Babel, ком.—La Pêche aux Beaux-Péges, вод.—Le Canal Saint-Martin, мелодр. . . 94

Ученныя Извѣстія.

- Значеніе и теорія животнаго магнетизма. 44
Электро-химическое очищеніе мѣдныхъ рудъ посредствомъ электрическихъ токовъ (способъ гг. Дешо и Готье де-Клобри. . . 43
Двигательныя электро-магнитныя машины Генри, Девенпорта и Якоби 44
Геологическое описаніе Алтайскаго-Хребта, г. Чихачева . . . 44
Курганы по сѣверной сторонѣ Азовскаго-Моря 97
Температура почвы и воздуха на границахъ хлѣбопашества . . 104
Восхожденіе на Кавбекъ въ 1844 году, доктора Коленати . . . 113

Разныя Извѣстія.

- Новѣйшія открытія, изобрѣтенія и хозяйственныя замѣтки . 50 и 124
Нравы и обычаи разныхъ народовъ 59
Театральныя и музыкальныя извѣстія 54
Художества и древности. 120
Мелочи 63 и 123
Моды (съ двумя парижскими картинками).

